

Rp. 1057

xxxv (1802)

T. CCIII

N 1-2.

Kp 1057
XXV (1892)

J. CCM. N. 1-2.

Slovanská knihovna

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

3186261918

3186261918

ВОЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

132980/

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

1892

ЯНВАРЬ

№ 1

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

I.

Стран.

I. Очеркъ дѣйствій западнаго отряда генераль-адъютанта Гурко. (Часть II). Декабрь 1877 года. Переходъ черезъ Балканы. (Статья пятая). Генеральнаго штаба подполковникъ ЕПАНЧИНЪ.	5
II. Нравственный элементъ въ рукахъ Суворова. (Статья первая). СЕРГѢЙ ГЕРШЕЛЬМАНЪ.	45
III. Самостоятельность частныхъ начальниковъ на войнѣ. (Статья пятая). Генераль-лейтенантъ К. ВОЙДЕ.	82
IV. Артиллеристъ и его вооруженіе. К. Л.	101
V. Нѣсколько словъ о примѣненіи велосипедовъ въ крѣпостныхъ частяхъ. Баронъ В. КЕЛЕСКРАУСЪ.	106
VI. Замѣтка о желаемыхъ измѣненіяхъ въ положеніи о ротномъ ховайствѣ.	112
VII. Еще къ вопросу объ обученіи охотничьихъ командъ въ пѣхотѣ.	124
VIII. Московская Пушкарская школа. ДИМИТРІЙ СТРУКОВЪ.	141
IX. По вопросу о стрѣльбѣ съ коня:	
1) Боевая стрѣльба съ коня. И. САФОНОВЪ.	165
2) Къ вопросу о стрѣльбѣ съ коня. А.	172
3) Изъ бесѣдъ о конницѣ.—Боевая стрѣльба съ коня. Н. СУХОТИНЪ.	176
4) О массовой стрѣльбѣ съ коня. П. Г. Л.	180
5) Въ заключеніе о стрѣльбѣ съ коня. В. СУХОМЛИНОВЪ.	190

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ историческихъ статей въ русскихъ журналахъ. (Очерки изъ Отечественной войны 1812 года.—Персидская кампанія 1827 года по запискамъ Н. Н. Муравьева). (Статья первая). Н. Д.	1
Фельдмаршалъ Мольтке, какъ организаторъ и стратегъ. (Le Marechal de Moltke, organisateur et stratège. Par. M. le général Leval). Е. У.	33
II. РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Объ управленіи электротехнической частью инженернаго корпуса.	54
О правахъ медицинскихъ начальствующихъ лицъ.	63
Избранныя рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 годъ, №№ 108-й и 108-й.	72
III. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Обзоръ дѣятельности главныхъ западно-европейскихъ армій въ 1891 году. (Общее значеніе отчетнаго года для армій: Германія, Австро-Венгрія, Франція, Италия и Англія. (Статья первая). В. НЕДЗВЪЦКІЙ.	77

ПРИЛОЖЕНІЕ:

«Систематическій указатель «Русскаго Инвалида» за 1869—1890 гг.». (Отдѣльная книжка).

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

132980 -

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

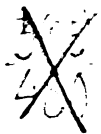
ТОМЪ ССІІІ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, № 40.

1892

Рр 1057/XXXV (1892) Т. ССIII 111-2

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 8-го марта 1862 года, журналы правительственныхъ учрежденій изъяты отъ разсмотрѣнія общей цензуры, почему «Военный Сборникъ» издается главнымъ редакторомъ онаго подъ личною его отвѣтственностью и подъ наблюденіемъ Военнаго Министерства.

С.-Петербургъ. 31-го декабря 1891 года.

Главный редакторъ «Военнаго Сборника»,

Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ **Даврентьевъ.**

I.

О Ч Е Р К Ъ

ДѢЙСТВІЙ ЗАПАДНАГО ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА ГУРКО.

Часть II.

Декабрь 1877 года.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.

(Статья пятая) (¹).

I.

Паденіе Плевны. Расположеніе нашихъ и турецкихъ войскъ въ концѣ ноября 1877 года. Предположенія обѣихъ сторонъ.

28-го ноября пала Плевна и съ этого дня войска отряда обложены могли получить новое назначеніе, такъ какъ еще до паденія Плевны рѣшено было, по плѣненіи арміи Османа, немедленно усилить отряды генераловъ Радецкаго и Гурко, съ тѣмъ, чтобы дать имъ возможность совершить переходъ черезъ Балканы. Къ началу декабря силы противниковъ на балканскомъ театрѣ войны были распределены слѣдующимъ образомъ: у Плевны—100 баталіоновъ русскихъ и сверхъ того румыны; западный отрядъ генераль-адъютанта Гурко изъ 43-хъ баталіоновъ, 56-ти эскадроновъ и сотенъ и 172-хъ орудій, силою около 30,000 человекъ, въ этропольскихъ Балканахъ; противъ него былъ расположенъ отрядъ Шакира-паши силою въ 75 баталіо-

(¹) См. «Военный Сборникъ» 1891 г., № 12-й.

новъ (около 20,000 человекъ), въ томъ числѣ на позиціяхъ у Арабь-конака 53 баталіона (1). Отрядъ генераль-лейтенанта Карцова изъ пяти баталіоновъ, 10-ти сотенъ и 24-хъ орудій, силою около 4,000 чел., наблюдать горные проходы между этропольскими Балканами и шипкинскою позиціей и поддерживалъ связь между войсками генерала Гурко и отрядомъ генерала Радецкаго, который съ бѣльшей частью 8-го корпуса, 24-й пѣхотной дивизіей и семью болгарскими дружинами (всего 29 баталіоновъ, пять сотенъ и 102 орудія, около 20,000—18,000) занималъ шипкинскій, травненскій и хаинкойскій перевалы противъ арміи Весселя-паши, которая, въ числѣ около 40 баталіоновъ, охраняла пространство отъ Карлова до Твардицы и главная часть которой находилась у Шипки.

Отрядъ генераль-лейтенанта барона Деллинггаузена, состоявшій изъ 11-го корпуса, части 8-го корпуса и 4-й стрѣлковой бригады силою около 25,000 человекъ (всего 39 баталіоновъ, 21 эскадронъ и 133 орудія), былъ расположенъ у Елены и на османъ-базарской дорогѣ и поддерживалъ связь между войсками генерала Радецкаго и рущукскимъ отрядомъ, который подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича стоялъ на Ломѣ и былъ силою около 57,000 человекъ, имѣя 55 баталіоновъ, 67 эскадроновъ и сотенъ и 260 орудій.

Наконецъ, на линіи Черноводы—Кюстенджи находился нижнедунайскій отрядъ генераль-лейтенанта Циммермана въ числѣ 30 1/2 баталіоновъ, 32-хъ эскадроновъ и сотенъ и 138 орудій, около 25,000 человекъ. Противъ трехъ послѣднихъ отрядовъ турки имѣли армію Сулеймана-паши въ 134 баталіона, силою около 100,000 человекъ, которая занимала позиціи отъ Старорѣки до Дуная и крѣпостей четырехъ-угольника.

Итакъ, ко времени паденія Плевны силы турокъ были расположены на два фронта: *восточный*, отъ Дуная черезъ Османъ-Базаръ на Сливно, длиною около 120 верстъ, гдѣ стояло 134 баталіона, имѣя противъ себя наши: 11-й, 12-й и 13-й корпуса съ 26-й дивизіей, т. е. 84 баталіона нашихъ войскъ; *южный*, отъ Сливно черезъ Казанлыкъ и Златицу на Софію, 210 верстъ, гдѣ стояло 115 баталіоновъ, имѣя противъ себя съ нашей стороны 86 баталіоновъ. Наконецъ, мы имѣли у Плевны свободными 100 баталіоновъ, не считая румынъ. Всего у насъ было 270,000, у турокъ 115,000, причеиъ сильный резервъ у Плевны находился приблизительно въ равномъ

(1) Куропаткинъ. «Переходъ черезъ Балканы отряда гнн. Скобелева», «Воен. Сбор.», 1889 г. № 6, стр. 190.

разстояніи отъ Этрополя, Габрова, Тырнова и Бѣлы, что давало намъ всѣ выгоды центрального расположенія. Резервъ этотъ могъ быть двинуть по двумъ главнымъ направленіямъ: противъ восточнаго фронта турецкой арміи или противъ южнаго.

Дѣйствія въ восточномъ направленіи не могли привести къ рѣшительнымъ результатамъ, между тѣмъ какъ прорывъ южнаго фронта открывалъ намъ дорогу къ Адрианополу и Константинополю; на успѣхъ дѣйствій въ этомъ послѣднемъ направленіи было много надежды, такъ какъ превосходство въ числительной и нравственной силѣ войскъ было безусловно на нашей сторонѣ; но рѣшеніе энергически продолжать войну зимою съ предстоявшимъ переходомъ черезъ Балканы встрѣчало огромныя затрудненія со стороны условій природы.

Переходъ черезъ Балканы въ суровую зимнюю пору для нашихъ войскъ, почти не имѣвшихъ теплой одежды, конечно представлялъ предпріятіе въ высшей степени трудное и легко было предвидѣть, что оно будетъ сопряжено съ большими потерями. Но, съ другой стороны и стоянка на горахъ, гдѣ свирѣпствовали метели, среди глубокаго снѣга и при сильной стужѣ, безъ теплой одежды и удобныхъ помѣщеній, становилась съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе, вызывая много потерь заболѣвшими и обмороженными.

Вслѣдствіе этого нѣкоторыя части, во избѣжаніе окончательнаго разстройства, пришлось спустить съ горъ для временнаго отдыха; такъ, генераль Радецкій вынужденъ былъ въ половинѣ декабря отправить съ Шипки въ Тырново 24-ю пѣхотную дивизію, въ первыхъ трехъ полкахъ которой было въ строю къ 13-му декабря всего около 2,000 человекъ.

Такимъ образомъ, чтобы поставить войска въ лучшее положеніе, надо было рѣшиться или на переходъ черезъ горы, не взирая на всѣ препятствія, или на отступленіе съ горъ.

Съ паденіемъ Плевны явилась возможность усилить отряды генераловъ Гурко и Радецкаго, съ тѣмъ, чтобы быстрымъ рѣшительнымъ наступленіемъ разбить по частямъ войска противника, не давъ имъ сосредоточиться и оправиться отъ нравственнаго впечатлѣнія, произведеннаго извѣстіемъ о сдачѣ арміи Османа; наконецъ, и самый переходъ черезъ горы въ такое время, когда многіе были склонны думать, что такое предпріятіе совершенно невысказимо, долженъ былъ поразить нашихъ противниковъ своей неожиданностью. Сверхъ того, залогомъ успѣха служило и то общее одушевленіе, которое было вызвано извѣстіемъ о паденіи Плевны и которое охватило всю армію.

Планъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго заключался въ слѣдующемъ: пользуясь превосходствомъ силъ, форсировать линію Балканъ отъ Арабъ-конака до Шипки. Овладѣніе шипкинскимъ проходомъ открывало намъ путь по кратчайшему операціонному направленію на Адрианополь, овладѣніе же арабъ-конакскимъ проходомъ давало возможность выйти во флангъ и тылъ турецкимъ войскамъ, замыкавшимъ шипкинскій проходъ и при томъ открывало связь съ сербами. Послѣ же перехода черезъ горы, отряды генераловъ Радецкаго и Гурко должны были соединенными силами наступать къ Адрианополю. Въ это же время генераль Карцовъ долженъ былъ перевалить черезъ горы со стороны Траяна и поддерживать связь между отрядами генераловъ Гурко и Радецкаго; наконецъ, генераль Деллинггаузенъ, прикрывая лѣвый флангъ отряда генерала Радецкаго, долженъ былъ ему содѣйствовать демонстраціею, произведенной по направленію къ Твардицѣ и Сливно.

Движеніе долженъ былъ начать отрядъ генерала Гурко, а затѣмъ уже слѣдовало наступать и генералу Радецкому. При этомъ предполагалось, что движеніе отряда генераль-адъютанта Гурко оттянетъ силы турокъ къ Софіи и Филипополю, чѣмъ облегчится овладѣніе прямымъ и главнымъ путемъ на Адрианополь, черезъ Шипку и Казанлыкъ.

Въ то время, пока первый, какъ видно изъ донесеній его Великому Князю Главнокомандующему, считалъ переходъ черезъ горы въ декабрь мѣсяцъ, когда всѣ горныя дороги и самыя горы занесены глубокимъ снѣгомъ, весьма сомнительнымъ, генераль Гурко, напротивъ, желалъ скорѣйшаго наступленія минуты перехода черезъ Балканы, что основывалось на стремленіи скорѣе спуститься въ южную Болгарію и избавиться отъ тяжелой стоянки на горахъ. Такимъ образомъ, рѣшено было наступательныя дѣйствія начать отряду генерала Гурко.

Въ исполненіе этого плана Главнокомандующимъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія: 4-й корпусъ, 4-й саперный баталіонъ и 9-й донской казачій полкъ получили приказаніе двинуться на усиленіе отряда генерала Радецкаго; 3-я стрѣлковая бригада первоначально была двинута на усиленіе отряда генерала Карцова, но затѣмъ послѣднему былъ оставленъ только одинъ 10-й баталіонъ, а остальные направлены къ генералу Радецкому. Генералу Деллинггаузену приказано было направить къ генералу Радецкому части 8-го корпуса и 4-ю стрѣлковую бригаду. Въ распоряженіе генерала Гурко были назначены 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и 9-й корпусъ.

Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій части 3-й пѣхотной дивизіи, состоявшія подъ начальствомъ генерала Гурко, должны были послѣ перехода черезъ Балканы слѣдовать вмѣстѣ съ Кавказскою и Сводною казачьею бригадами, на соединеніе съ отрядомъ генерала Карцова для присоединенія къ войскамъ генерала Радецкаго. Кавалерійскій отрядъ генераль-лейтенанта Арнольди (4-й уланскій и 4-й гусарскій полки, 8-я конная батарея и бригада рошіоровъ) долженъ былъ оставаться у Берковаца и поддерживать связь между румынскими войсками, занимавшими Рахово и Ломъ-Паланку, и западнымъ отрядомъ, а также сербами; частямъ 11-го корпуса и 24-й пѣхотной дивизіи, остававшимся еще на лѣвомъ берегу Дуная, предписано было присоединиться къ своимъ корпусу и дивизіи.

Для обезпеченія сообщеній Тырновъ обращенъ былъ въ обширный укрѣпленный лагерь, гдѣ заготовленъ былъ 20-ти-дневный запасъ продовольствія для 11-ти пѣхотныхъ и четырехъ кавалерійскихъ дивизій; для охраны сообщеній и для занятія Тырнова была назначена изъ-подъ Плевны 2-я пѣхотная дивизія. Чтобы не обнаружить преждевременно своихъ намѣреній, Главнокомандующій пока оставался въ Боготѣ, а въ окрестностяхъ Плевны былъ оставленъ и общій стратегическій резервъ: гренадерскій корпусъ—у Дольняго-Дубняка; 1-я кавалерійская дивизія (три полка, Сумскій гусарскій еще не прибылъ), а также 9-й уланскій и 9-й драгунскій полки стали по квартирамъ между Ловчею, Траяномъ и Турскимъ-Изворомъ.

Съ своей стороны и турецкое правительство, получивъ извѣстіе о плѣненіи плевненской арміи, рѣшило немедленно принять мѣры для оказанія упорнаго сопротивленія русскимъ войскамъ, если бы они двинулись черезъ Балканы. Вслѣдствіе этого рѣшено было немедленно отдѣлить изъ 160 баталіоновъ восточной арміи, занимавшей четырехъ-угольникъ крѣпостей, которой съ паденіемъ Плевны предположено было очистить, 60 баталіоновъ и перевести ихъ къ Арабь-конаку, ввѣривъ Сулейману-пашѣ начальствованіе надъ всѣми войсками, которыя будутъ собраны близъ этого пункта. Сверхъ того, рѣшено было собрать у Адрианополя резервную армію, подъ начальствомъ Реуфа-паши.

Переводъ войскъ изъ восточной арміи въ направленіе къ Софіи былъ произведенъ турками замѣчательно быстро, несмотря на множество встрѣтившихся затрудненій. Для этого Сулейманъ выдѣлилъ изъ числа войскъ, находившихся у Елены, 28 баталіоновъ, изъ Русука и Разграда—21 баталіонъ и, наконецъ, изъ Османъ-Базара и другихъ пунктовъ—10 баталіоновъ. Войска эти въ числѣ 59-ти ба-

таліоновъ (около 30,000 человекъ) были двинуты черезъ Котель и Сливну, далѣе по желѣзной дорогѣ, частью на Варну, здѣсь посажены на суда, перевезены въ Константинополь и двинуты вновь по желѣзной дорогѣ. Къ 15-му декабря войска эти прибыли къ Татаръ-Базарджику, а часть вступила въ Софію, куда прибылъ и Сулейманъ, какъ разъ въ то время, когда авангардъ отряда генерала Гурко уже дебушировалъ изъ горъ у Чурьяка и занялъ софійское шоссе.

Такимъ образомъ, хотя операція перевозки войскъ была исполнена весьма скоро, но тѣмъ не менѣе войска эти не могли принять участія въ оборонѣ этропольскихъ Балканъ, черезъ которыя ко времени ихъ сосредоточенія русскіе уже совершили переходъ.

Но если бы эти войска прибыли по назначенію своевременно и соединились съ арміею Шакира, то турки могли бы образовать армію въ 130 баталіоновъ, съ которой намъ пришлось бы сражаться при переходѣ черезъ Балканы. Но такое сосредоточеніе туркамъ удалось исполнить лишь позже, въ окрестностяхъ Филипополя.

Сверхъ того, изъ числа баталіоновъ, направленныхъ на поддержку арміи Шакира, часть была разбросана въ разныхъ мѣстахъ; такъ, Сулейманъ, отправившись къ мѣсту своего новаго назначенія, приказалъ расположить въ Казанѣ (дефиле) 11 баталіоновъ, въ Петричевѣ, Мирковѣ и Буновѣ—шесть баталіоновъ, въ Софіи—пять баталіоновъ, между Ихтиманомъ и Софіей—пять баталіоновъ и т. д. По прибытіи въ Софію, Сулейманъ приказалъ собрать для обороны укрѣплений этого города войска, занимавшія лютиковскую позицію, и части, расположенныя въ окрестностяхъ Софіи, такъ что въ этомъ мѣстѣ всего сосредоточилось около 30-ти баталіоновъ, подъ начальствомъ Мехмеда-паши.

Такимъ образомъ, послѣ паденія Плевны турецкое правительство рѣшило оборонять всю линію Балканъ и резервъ сосредоточить позади лѣваго фланга оборонительной линіи, т. е. позади этропольскихъ Балканъ. Планъ этотъ принадлежалъ константинопольскому военному совѣту и, повидимому, былъ основанъ на надеждѣ, что Турція, при посредствѣ Англіи, успѣетъ заключить перемиріе, а потому желательнымъ было, чтобы во время переговоровъ линія Балканъ находилась еще въ турецкихъ рукахъ ⁽¹⁾.

Рѣшеніе оставаться на Балканахъ было выражено въ депешѣ Саида, отъ 14-го декабря, Сулейману-пашѣ. «То обстоятельство, что русскіе еще до сихъ поръ не рѣшились перейти черезъ Балканы,

(1) «Сборникъ турецкихъ документовъ», стр. 121.

должно быть приписано или суровости зимы, или тому, что они не окончили еще своихъ приготовленій. Лишь только поправится погода, или кончатся приготовленія, русскіе, безъ сомнѣнія, перейдутъ въ наступленіе. Постоянная разброска нашихъ силъ принесла до сихъ поръ много вреда, поэтому важнѣе всего держать войска сосредоточенными на оборонительной линіи Балканъ».

Для успѣшной же обороны Балканъ необходимо было, по мнѣнію константинопольскаго военнаго совѣта, прежде всего, усилить софійскую армію, положеніе которой было наиболѣе затруднительное, тѣмъ болѣе, что лѣвому флангу ея могли угрожать сербы, которые въ это время уже начали военныя дѣйствія въ направленіи къ Софіи. Рядомъ съ этимъ планомъ былъ и другой, который, повидимому, высказывался многими турецкими генералами, напримѣръ, Шакиромъ: по плану этому предполагалось отказаться отъ непосредственной обороны главнаго хребта Балканъ и, оставивъ для наблюденія за проходами черезъ него и для задержанія русскихъ лишь незначительные отряды, немедленно оттянуть войска Весселя и Шакира къ Адрианополю, гдѣ, по соединеніи этихъ войскъ съ тѣми, которыя ожидались изъ восточной арміи, можно было собрать около 200 баталіоновъ (100,000 человекъ). Съ этими войсками можно было надѣяться оказать продолжительное сопротивленіе русскимъ и, быть можетъ, затянуть войну еще надолго. Въ пользу мнѣнія о необходимости сосредоточенія всѣхъ силъ у Адрианополя послѣ паденія Плевны высказывалось также и меньшинство константинопольскаго совѣта, а именно семь голосовъ, о чемъ хотя и былъ составленъ протоколъ, но онъ былъ оставленъ безъ всякихъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, планъ этотъ, хотя и представлявшійся гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ оборона длинной линіи Балканскихъ горъ, не былъ принятъ и турецкое правительство рѣшило во что бы то ни стало оборонять эти горы, надѣясь, что силы Шакира и Весселя будутъ достаточны, чтобы, вмѣстѣ съ твердынями Балкановъ, снѣгами и морозами, остановить первый напоръ нашихъ войскъ.

На основаніи этого рѣшенія тотчасъ послѣ паденія Плевны, Реуфъ-паша и секретарь султана Саидъ телеграфировали 30-го ноября Сулейману о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало принять для обороны Балканъ и о которыхъ уже сказано выше.

«По свѣдѣніямъ, полученнымъ сегодня изъ Европы, говорится въ этой депешѣ, мѣры, которыя Османъ-паша принялъ для того, чтобы пробиться къ сторонѣ Виддина, остались безплодными и наши войска были вынуждены положить оружіе послѣ продолжительнаго боя;

Османъ-паша былъ раненъ. Это извѣстіе опечалило и народъ, и правительство, а въ особенности нашего султана. Но сожалѣніе бесплодно, а отчаяніе еще вреднѣе. Единственное средство нашего спасенія—это сопротивляться упорнѣе прежняго. Непрiятель естественно будетъ пытаться перейти всѣми своими силами черезъ Балканы и, не давъ намъ время усилиться, направится къ Адрианополю и далѣе, стараясь предупредить посредничество державъ. Если, чего не дай Боже, это ему удастся, то зданіе государства и мусульманства будетъ потрясено въ самыхъ основахъ. Поэтому необходимо усилить софійскій отрядъ, который, какъ сообщилъ его начальникъ, состоитъ большею частью изъ мустахфиза, всегда готоваго бѣжать передъ обученнымъ непрiателемъ. Вмѣстѣ съ этимъ необходимо теперь же заняться устройствомъ обороны въ Адрианополѣ. Восточный отрядъ состоитъ всего изъ 160 таборовъ. Слѣдуетъ немедленно же оставить въ немъ лишь столько таборовъ, сколько необходимо для обороны, а всѣ остальные перевести на южную сторону Балкановъ. Отправление это необходимо начать и исполнить немедля ни минуты, чтобы успѣть предупредить непрiятеля, такъ какъ иначе прибытіе нашихъ войскъ не принесетъ пользы. Хотя необходимость удерживать восточные укрѣпленные пункты очевидна, но, въ случаѣ пораженія нашихъ войскъ и направленія непрiятеля къ Адрианополю и можетъ быть даже къ Константинополю, гдѣ никогда еще не видѣли непрiятеля съ самаго дня завладѣнія, восточный отрядъ, удерживая свои позиціи, не только не принесетъ пользы, но можетъ даже быть разрѣзанъ на части рѣшительнымъ наступленіемъ непрiятеля. Вслѣдствіе этого, большую часть вашихъ силъ необходимо отправить возможно поспѣшнѣе на южную сторону Балкановъ, что дастъ намъ возможность еще разъ оказать непрiателю сопротивленіе».

II.

Сосредоточеніе отряда генерала Гурно въ окрестностяхъ Орханіэ. Движеніе 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 9-го корпуса изъ подъ Плевны къ Орханіэ.

Движеніе 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. 30-го ноября, согласно маршрута, полученнаго изъ полеваго штаба арміи, дивизія

должна была восемью переходами перейти изъ д. Тринины въ Орханіэ, приче́мъ выступленіе было назначено на 4-е декабря, но ночью на 2-е декабря была получена телеграма съ предписаніемъ выступить 2-го числа послѣ назначеннаго въ этотъ день Высочайшаго смотра. Ускореніе выступленія дивизіи было вызвано настоячивымъ требованіемъ генерала Гурко о скорѣйшемъ прибытіи подкрѣпленій къ его отряду. Въ 3 часа дня послѣ Высочайшаго смотра дивизія двинулась походомъ по софійскому шоссе, приче́мъ первый ночлегъ былъ въ Дольнемъ-Дубнякѣ.

При выступленіи въ частяхъ дивизіи было на лицо строевыхъ:

л.-гв. въ Литовскомъ полку . . .	60 офиц.,	2,999	нижн. чин.
въ Кексгольмскомъ гренад. полку. . .	60 >	2,649	> >
въ Спб. гренадерскомъ полку . . .	58 >	2,866	> >
л.-гв. въ Волынскомъ полку . . .	55 >	2,662	> >
въ 3-й гвард. и грен. артил. бриг. . .	38 >	1,489	> >

Всего. . . 271 офиц., 12,665 нижн. чин.,

а съ нестроевыми около 15,000 нижнихъ чиновъ и около 2,300 лошадей.

Состояніе одежды на людяхъ при выступленіи изъ подъ Плевны было весьма неудовлетворительно: обувь истрепалась почти у всѣхъ, а у нѣкоторыхъ ноги были обмотаны тряпками; шапки и шинели у многихъ были прожжены у костровъ; за отсутствіемъ ранцевъ, люди были обвѣшаны мѣшками съ хлѣбомъ и необходимыми вещами. Сухарей имѣлось въ Волынскомъ полку на четыре дня, а въ прочихъ на семь дней, въ артилеріи на восемь дней; патроновъ было по 105 на каждаго человѣка.

Походъ дивизіи до Орханіэ происходилъ при холодной погодѣ съ рѣзкими вѣтрами; попутныя деревни были почти совершенно разорены; большая часть домовъ стояла безъ дверей, безъ потолковъ и оконъ, ворота были сняты, а изъ сырцовыхъ заборовъ и стѣнъ были вынуты жерди; соломенные крыши отчасти были сняты на подстилку и кормъ лошадямъ и скоту, и почти на всѣхъ дворахъ валялись предметы домашняго хозяйства и трупы людей и животныхъ. Въ такомъ состояніи были турецкія деревни и турецкіе кварталы въ остальныхъ селеніяхъ; тамъ же, гдѣ населеніе было болгарское и большею частью оставалось на мѣстѣ, тамъ строенія находились почти въ полной исправности. Вслѣдствіе такого состоянія построекъ, войска во время ночлеговъ съ трудомъ могли находить пріютъ въ попутныхъ

(1) Энкель. «Военный Сборникъ», 1881 г., № 2, стр. 396.

селеніяхъ и обыкновенно на каждой роту назначалось всего по нѣскольку дворовъ.

По маршруту, высланному изъ полевого штаба, дивизія должна была прибыть въ Орханіэ восемью переходами, однако, 4-го декабря, когда войска стояли на маломъ привалѣ въ пяти верстахъ отъ Телиша, приѣхалъ ординарецъ генерала Гурко съ новымъ маршрутомъ, по которому дневки были уничтожены и разстояніе отъ Телиша до осиковской позиціи, около 55-ти верствъ, которое по маршруту полевого штаба было раздѣлено на четыре перехода, приказано было пройти двумя переходами.

Погода, и безъ того дурная, стала все болѣе и болѣе портиться, шелъ попеременно то дождь, то снѣгъ, и дорога покрылась глубокимъ слоемъ грязи; люди, съ трудомъ лавируя между лужами и ямами, подвигались впередъ гуськомъ и колонны растягивались на значительное протяженіе; вслѣдствіе значительной длины переходовъ, вскорѣ по приходѣ головы колонны на ночлегъ наступала совершенная темнота, такъ что люди, отставшіе въ дорогѣ, догоняли свои части уже на бивакахъ, съ трудомъ отыскивая ихъ иногда въ теченіе цѣлой ночи, а между тѣмъ на другой день имъ предстоялъ вновь усиленный переходъ. Особенно затруднительно было движеніе обозовъ, которые едва успѣвали догонять войска, приходя къ мѣсту ночлега тогда, когда войскамъ уже нужно было отправляться далѣе, а начиная съ Блазничево (въ 40 верстахъ отъ Телиша), обозы уже вовсе не могли догонять свои части на ночлегахъ ⁽¹⁾.

Для ночлега войскъ не всегда хватало строеній; тогда имъ приходилось располагаться на бивакѣ, большею частью на расмягченной пашнѣ, причемъ о кострахъ нельзя было и думать, какъ вслѣдствіе дождя, такъ и по недостатку топлива; въ такихъ условіяхъ единственная пища состояла изъ сухарей.

При такихъ обстоятельствахъ особенно затруднительно было движеніе артилеріи, которая иногда, какъ, напримѣръ, 5-го декабря, могла сдѣлать только 13 верствъ за весь день и притомъ переходъ этотъ настолько былъ затруднителенъ, что командующій бригадою, полковникъ Зиновьевъ, принужденъ былъ, вопреки маршрута, высланнаго изъ штаба западнаго отряда, сдѣлать 6-го декабря дневку. Чтобы облегчить движеніе артилеріи и обозовъ, генералъ Каталей распорядился въ помощь имъ назначить часть пѣхоты, а именно, 2-й баталіонъ и три роты 1-го баталіона С.-Петербургскаго гренадер-

(1) Федотовъ. «Исторія Спб. грен. ппика», стр. 202—204.

скаго полка, такъ что 3-й дивизіи пришлось испытать тяжесть перевозки артилеріи не только при переходѣ черезъ горы, но и при движеніи по шоссе.

7-го декабря дивизія прибыла въ Орханіэ, гдѣ временно расположилась на квартирахъ въ полуразрушенныхъ строеніяхъ города; на другой день 2-я бригада дивизіи была расквартирована въ дер. Врачешѣ.

Движеніе 9-го армейскаго корпуса отъ Плевны до Орханіэ должно было совершиться двумя колоннами: одна по софійскому шоссе, другая—черезъ городъ Врацу. Въ составъ 9-го корпуса входили 5-я и 31-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артилеріей и казачій № 34-го полкъ; 9-я кавалерійская дивизія была отправлена въ отрядъ генерала Гурко, лишь послѣ перехода черезъ Балканы. 5-я дивизія шла въ лѣвой колоннѣ, т. е. по шоссе, а 31-я въ правой, т. е. черезъ Врацу, причемъ, вслѣдствіе затрудненій въ дорогѣ, дивизіи эти прибыли не 8-го декабря, какъ предполагалось, а нѣсколько позже, именно: 31-я дивизія прибыла 11-го декабря и расположилась въ Скривенахъ и Новачинѣ; 1-я бригада 5-й дивизіи прибыла въ Орханіэ 12-го, а 2-я бригада той же дивизіи 15-го декабря.

Съ прибытіемъ подкрѣпленій изъ подъ Плевны силы отряда генерала Гурко достигли 84 $\frac{1}{2}$ баталіона, 56 эскадроновъ и сотенъ, 264 пѣшихъ орудія, 54 конныхъ орудія.

III.

Планъ генерала Гурко для перехода черезъ Балканы. Развѣдки горъ. Хозяйственныя распоряженія по отряду. Предварительныя указанія войскамъ. Разработка дороги на Чурьякъ. Диспозиція для перехода.

За время стоянки на горахъ еще до прибытія подкрѣпленій, собирались въ штабъ отряда свѣдѣнія, необходимыя для соображеній при предстоящемъ переходѣ черезъ горы; необходимо было выяснять какъ силы и расположеніе турокъ, такъ и тѣ пути, по которымъ наши войска могли двинуться черезъ горы. Лично объѣзжая позиціи войскъ на горахъ, генераль Гурко не упускалъ случая собирать на мѣстѣ свѣдѣнія о проходимости горъ и о положеніи противника; въ тоже время начальникъ штаба отряда тщательно собиралъ при помощи офицеровъ генеральнаго штаба, а также и при посредствѣ со-

стоявшаго при штабѣ хорунжаго князя Цертелева, свѣдѣнія о всѣхъ путяхъ черезъ Балканы. Въ результатѣ намѣчено было четыре пути.

1) Дорога, шедшая отъ дер. Врачеша по ущелью, образуемому верховьемъ ручья того же имени и далѣе черезъ гору Умургачь, откуда ведутъ пути на дер. Потопъ, Елешницу или Желяву, причемъ по той же дорогѣ можно было пройти и въ Чурьякъ.

2) Дорога, отходившая вправо отъ софійскаго шоссе, верстахъ въ восьми отъ Орханіэ, отъ такъ называемаго «бивака Астраханскаго драгунскаго полка», по направленію къ д. Чурьякъ, откуда имѣлся выходъ въ софійскую котловину.

3) Дорога изъ города Этрополя черезъ Бабу-гору на Буново, и

4) Дорога изъ Этрополя по верховьямъ Малаго Искера на Златицкій переваль и далѣе въ Златицу.

Всѣ эти четыре направленія мы назвали дорогами, но, строго говоря, это названіе нельзя дать ни одному изъ нихъ.

Первый путь, изслѣдованный генеральнаго штаба подполковникомъ Пузыревскимъ, оказался тропой, совершенно неудобной для движенія артилеріи и чрезвычайно затруднительной даже для пѣхоты. Въ началѣ, близъ д. Врачеша, она проходила въ тылу лютиковской позиціи турокъ, на виду у непріятели. При началѣ подъема тропа вилась по карнизу, размытому ручейкомъ и наполненному гальками, далѣе въ одномъ мѣстѣ она охватывала остроконечную вершину и, наконецъ, версты за 2—3 до перевала, входила въ лѣсъ, который оканчивался у самага перевала, совершенно лишеннаго древесной растительности. Каменистая почва и необычайно крутые подъемы, мѣстами доходившіе до 45°, дѣлали сколько нибудь сносную разработку этого пути въ непродолжительное время совершенно невозможной (1).

Второй путь на Чурьякъ былъ изслѣдованъ генеральнаго штаба подполковникомъ Ставровскимъ и оказался не болѣе какъ тропинкой, извивавшейся по кручамъ и скатамъ лѣсистыхъ Балкановъ; большею частью онъ шелъ лѣсомъ, что представляло выгоды скрытности, какъ при разработкѣ этого пути, такъ и при движеніи по немъ, притомъ грунтъ большею частью поддавался разработкѣ, хотя и здѣсь во многихъ мѣстахъ почва была очень камениста. За то спускъ въ чурьякское ущелье былъ чрезвычайно затруднителенъ по значительной крутизнѣ и кромѣ того, какъ выяснили развѣдки, турки наблюдали за этимъ путемъ, имѣя около Чурьяка часть войскъ.

(1) Пузыревскій. «Воспоминанія офицера генеральнаго штаба», стр. 153—157.

Третье направленіе изъ Этрополя на Бабу-гору, развѣданное генеральнаго штаба капитаномъ Протопоповымъ, оказалось сравнительно удобнымъ и не требующимъ особенной предварительной разработки; но опасный его недостатокъ заключался въ томъ, что Баба-гора, къ которой онъ выводилъ, совершенно обнажена отъ древесной растительности, а это условіе было крайне невыгодно въ виду метелей и бурановъ, господствующихъ въ горахъ въ зимнее время года.

Наконецъ, четвертый путь изъ Этрополя черезъ Златицкій переваль, подробно описанный въ первой части нашего очерка, представлялъ сравнительно болѣе удобствъ для движенія войскъ, хотя также требовалъ разработки. Недостатокъ этого пути—нѣкоторая кружность движенія, а достоинство его то, что отрядъ флигель-адъютанта полковника Любовицкаго, занявшій Златицкій переваль, служилъ готовымъ авангардомъ для войскъ, которыя бы двинулись изъ Этрополя (1).

Итакъ, для обхода фланговъ турецкой позиціи у Арабъ-конака, имѣлось по два пути, выводившихъ съ одной стороны на софійское шоссе, съ другой—на путь отступленія Шакира къ Татаръ-Базарджику.

Планъ генерала Гурко для перехода черезъ горы былъ основанъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: фронтальное движеніе, вслѣдствіе силы непріятельской позиціи и сравнительной ничтожности достигаемыхъ результатовъ, было признано неумѣстнымъ и такимъ образомъ признано было необходимымъ обратиться къ обходамъ.

По имѣвшимся въ штабѣ отряда свѣдѣніямъ о непріятелѣ, турецкія войска были распределены слѣдующимъ образомъ: въ комарцѣйской долигѣ и по арабъ-конакской позиціи около 45 таборовъ; въ Златицѣ отъ 10 до 15 таборовъ, на лютиковской позиціи отъ 6 до 10 таборовъ; въ окрестностяхъ Софіи и по дорогамъ въ Пироть и Берковацъ около 12 таборовъ; всего же отъ 72 до 80 таборовъ. О числѣ орудій точныхъ свѣдѣній не имѣлось (2). По свѣдѣніямъ, имѣвшимся 14-го декабря въ штабѣ Шакира, въ отрядѣ его состояло на лицо 12,500 человекъ (3).

Отрядъ Шакира, занявшій арабъ-конакскую позицію, могъ отступить по двумъ направлениямъ—на Софію и на Татаръ-Базард-

(1) Сверхъ того былъ сдѣланъ рядъ развѣдокъ офицерами гвардейской конницы.

(2) Рапортъ ген. Гурко. «Восп. Сбор.», 78—4—350.

(3) Бекеръ. «Восп. Сбор.», 80—4—438.

жикъ. Отступивъ на Софію, Шакиръ могъ соединиться съ гарнизономъ этого города, сѣлою около 30 таборовъ, онъ могъ воспользоваться значительными складами, собранными въ этомъ городѣ, и, пользуясь укрѣпленіями, воздвигнутыми вокругъ Софіи, могъ укрыться въ нихъ и защищать этотъ пунктъ противъ русскихъ и сербовъ, наступавшихъ со стороны Пирота; но, въ случаѣ невозможности продолжать оборону города, онъ могъ бы отступить въ юго-восточную Турцію только кружнымъ путемъ, такъ какъ прямой путь на Татарь-Базарджикъ черезъ Ихтиманъ уже не могъ служить для движенія его войскъ. Что касается до отступленія съ арабь-конакской позиціи по направленію на Татарь-Базарджикъ черезъ Петричево, то это направленіе давало возможность Шакиру сохранить связь съ отрядомъ Весея-наша, опереться на войска, собранныя у Татарь-Базарджика и дальнѣйшимъ отступленіемъ съ боємъ на Филипполь и Адрианополь задержать наступленіе русскихъ или въ большомъ бою въ полѣ, или въ укрѣпленномъ лагерѣ, уже воздвигнутомъ вокругъ Адрианополя. Въ этомъ случаѣ софійскій гарнизонъ и отряды, расположенные въ окрестностяхъ, могли присоединиться къ Шакиру и усилить его весьма ослабленную армію.

Итакъ, намъ надо было рѣшить, который изъ турецкихъ фланговъ слѣдовало обойти. Принимая во вниманіе численное и нравственное превосходство нашихъ войскъ, возможность развить успѣхъ въ наивысшей степени и слѣду нашей собственной позиціи, прикрывавшей нашъ путь отступленія на Плевну — рѣшено было прибѣгнуть къ двойному обходу съ обонхъ фланговъ непріятельскаго расположенія и при этомъ, такъ какъ огромное большинство нашихъ войскъ было сосредоточено къ сторонѣ Орханіе и Врачеша, рѣшено было главную обходную колонну вести въ обходъ лѣваго фланга турецкой позиціи (1).

Движеніемъ въ этомъ направленіи мы отрѣзывали Шакира отъ Софіи и получали возможность войти въ связь съ сербами. Кромѣ того, при выборѣ этого направленія имѣлось въ виду то обстоятельство, что оно облегчало дальнѣйшее движеніе къ Татарь-Базарджикъ широкимъ фронтомъ, нѣсколькими колоннами, въ то время какъ отъ Петричева и Златицы въ Татарь-Базарджикъ дороги большею частью пролегалы по горнымъ ущельямъ и были весьма затруднительны для движенія артилеріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, движеніемъ

(1) Пузыревскій. «Переходъ и проч.», стр. 59.

части войскъ въ обходъ праваго фланга турокъ достигалась возможность отрубать Шакира отъ Весселя-пани.

Первоначально предполагалось главную обходную колонну направить черезъ Умурчагъ, лежащій отъ турецкой позиціи далѣе, нежели чурьякскій перевалъ, что, повидимому, болѣе способствовало скрытности движенія; но вслѣдствіе обстоятельныхъ данныхъ, полученныхъ путемъ двухъ развѣдокъ, произведенныхъ подполковникомъ Пузыревскимъ и выяснившихъ недостатки этого пути, генераль Гурко рѣшилъ направить главныя силы на Чурьякъ, а черезъ Умурчагъ двинуть лишь небольшую колонну, получившую особое назначеніе.

Что же касается до выбора направленія для обхода праваго фланга турокъ, то рѣшено было дать предпочтеніе пути, идущему черезъ Бабу-гору; такимъ образомъ, для совершенія перехода пришлось войска раздѣлить на три колонны. Кромѣ того, у насъ былъ отрядъ у Златицы и необходимо было оставить часть силъ съ фронта для демонстрацій и прикрытія тыла; все это привело къ раздѣленію войскъ на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ на пространствѣ отъ Златицкаго перевала до Умурчага.

Самый переходъ черезъ горы назначенъ былъ на 13-е декабря. Хозяйственныя распоряженія, сдѣланныя въ отрядѣ передъ выступленіемъ въ горы, заключались въ слѣдующемъ. Людямъ всѣхъ отрядовъ, за исключеніемъ остававшихся на позиціяхъ противъ Шандорника и Арабъ-конака, приказано было выдать сухарей по 18-е декабря включительно, полагая по одному фунту на человѣка. Сухари эти предписывалось расходовать подъ личною отвѣтственностью ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, которые обязаны были, лично на вечернихъ перекличкахъ, дѣлать осмотръ сухарныхъ запасовъ и разъяснить людямъ всю важность сбереженія сухарей во время движенія чрезъ горы, когда войска могли быть на долгое время лишены связи со своими обозами и складами. Затѣмъ людямъ приказано было выдать чаю и сахару по 18-е декабря включительно, а передъ вступленіемъ трехдневную порцію мяса; по утрамъ велѣно выдавать по чаркѣ водки; кавалерія и артилерія имѣть трехдневную дачу ячменя⁽¹⁾. Тѣмъ войскамъ, которыя оставались на мѣстѣ, приказано было выдавать не сухари, а печеный хлѣбъ, выпекаемый изъ муки, найденной во врачебскихъ складахъ. Во всѣхъ частяхъ принимались мѣры для обезпеченія людей про-

(1) Приказы по отряду отъ 10-го и 11-го декабря 1877 г.

довольствіемъ и одеждой въ виду предстоявшаго перехода черезъ горы, но, по бѣдности края и по затруднительности сообщеній, въ этомъ отношеніи могло быть сдѣлано весьма немногое. Такъ, въ виду недостатка хорошо устроенныхъ хлѣбонакарныхъ печей, приходилось ихъ иногда вырывать въ мерзлой землѣ.

Въ виду того, что обувь людей была приведена почти повсюду въ совершенную негодность, приняты были всевозможныя мѣры къ пріобрѣтенію кожи и шкуры, для починки сапоговъ и приготовленія опанокъ по болгарскому образцу; равнымъ образомъ, закупалось мѣстное сукно для починки шинелей, мундировъ и брѣкль. Передъ выступленіемъ частей люди были осмотрѣны и всѣ слабые здоровьемъ оставлены при обозахъ.

По невозможности взять въ горы колесный обозъ, пришлось устраивать выюки, назначая подъ нихъ часть подъемныхъ лошадей. Но, къ сожалѣнію, число выюковъ надо было ограничить крайней необходимостью въ виду недостатка фуража и трудности заготовленія выючныхъ сѣделъ. При этомъ необходимо замѣтить, что уже въ это время у многихъ лошадей были натерты спины, вслѣдствіе употреблявшагося способа перевозки фуража при фуражировкахъ, состоявшаго въ связываніи его веревками, положенными непосредственно на спину лошадей. Не малое затрудненіе представляла ковка лошадей на острые шины, что, однако же, было крайне необходимо, какъ вслѣдствіе гололедницы, такъ и въ виду крутости предстоявшихъ подъемовъ и спусковъ въ горахъ. Хотя во врачешскихъ складахъ имѣлся большой запасъ подковъ, но подковы эти, приготовленныя для мелкой породы турецкихъ лошадей и потомъ имѣвшія видъ жестяного круга съ отверстіемъ по серединѣ, не были пригодны для нашихъ коней. Желѣзо, которое пріобрѣталось у мѣстныхъ жителей, было очень плохого качества и зачастую нужно было прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ выламываніе изъ брошенныхъ турецкихъ домовъ желѣзныхъ прутьевъ, скобъ и полосъ дляковки подковъ и гвоздей. Въ особенности ощущался недостатокъ въ гвоздяхъ, ковка которыхъ представляла весьма большія затрудненія ⁽¹⁾. Однако, не смотря на всѣ встрѣченныя трудности, нѣкоторыя части, благодаря рѣшительнымъ мѣрамъ, все-же достигли обезпеченія своихъ лошадей подковами на острыхъ шинахъ.

При общихъ приготовленіяхъ къ переходу офицеры старались запастись тѣмъ чѣмъ могъ для облегченія труднаго похода, но средства

(1) Мартыновъ. «Очеркъ дѣйствій 5-й гв. кон. батареи», стр. 59.

для этого, однако, были очень ограблены. Кто могъ достать куски овечьей шкуры, устраивалъ себѣ изъ нея теплыя рукавицы и чахлы для ногъ; «Красный Крестъ» снабжалъ нѣкоторыхъ офицеровъ шапками изъ верблюжьяго сукна, заготовленными для больныхъ и раненыхъ; кромѣ того, не многимъ счастливымъ удалось получить валенки и полушубки изъ Россіи или изъ «Краснаго Креста», но такихъ было мало; большинство пошло черезъ горы въ холодныхъ шинеляхъ съ поддѣтыми шведскими куртками или фуфайками.

Въ отношеніи организациі отряда были приняты слѣдующія мѣры: всѣ батареи, назначенныя для перехода, приказано было переформировать въ четырехъ - орудійныя, имѣя при нихъ по одному зарядному ящику на орудіе; для запряжки ихъ приказано было выбрать самыхъ лучшихъ лошадей. Затѣмъ тѣ батареи, которыя не были назначены въ обходныя колонны и заслоны, должны были собраться у дер. Лажени (Лазань), гдѣ онѣ были выстроены въ строгомъ порядкѣ въ нѣсколько линій такъ, чтобы, по первому требованію, всякая батарея могла выѣхать немедленно, не нарушая при этомъ общаго порядка; наконецъ, у дер. Правца были расположены въ строгомъ порядкѣ артилерійскіе парки и интендантскіе транспорты въ нѣсколько линій съ такими интервалами, чтобы по первому приказанію можно было двинуть ихъ въ ту или другую сторону и чтобы движеніе это могло быть произведено въ самомъ строгомъ порядкѣ; здѣсь же у Правца было собрано и значительное количество обозовъ. Всѣ эти повозки были ввѣрены наблюденію полковника Шевича.

Относительно порядка движенія колоннъ была предоставлена полная свобода ихъ начальникамъ, но съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: 1) орудія и ящики приказано было прикомандировать къ ротамъ, такъ чтобы на одну роту приходилось по одному орудію или одному ящику; 2) конницѣ, кромѣ небольшой части, слѣдовать въ хвостѣ эшелонв; 3) имѣющіеся при войскахъ व्यюки везти непосредственно за своими частями, т. е. ротные—за ротами, баталіонные—за баталіонами и т. д. Изъ повозокъ разрѣшалось брать только аптечныя одноколки; въ каждой части имѣть въ запасѣ лямки. Затѣмъ давались въ приказѣ по отряду отъ 11-го декабря 1877 года нѣкоторыя указанія относительно мѣръ охраненія, порядка движенія и проч. Такъ, напримѣръ, предписывалось во время перехода мѣры охраненія исключительно составлять изъ нѣхотныхъ патрулей, а во время ночлеговъ—изъ нѣшихъ секретовъ; передъ выступленіемъ въ горы начальникамъ предложено было подтвердить ввѣреннымъ имъ частямъ строжайшее воспрещеніе поднимать тревогу и въ особенно-

сти производить стрѣльбу, вслѣдствіе тревоги; нижнимъ чинамъ объяснить, что при слѣдованіи по такимъ ущельямъ и тущамъ, по какимъ имъ придется переваливать черезъ Балканы, немислимо серьезное нападеніе со стороны непріятеля и только одиночные люди или небольшія партіи могли покушаться тревожить наши войска при подобныхъ условіяхъ мѣстности.

Наконецъ, предписывалось начальникамъ эшелоновъ и частей принять строгія мѣры къ сохраненію и поддержанію порядка во время движенія и въ особенности соблюсти, чтобы колонны не растягивались и чтобы нижніе чины не выходили изъ фронта.

Предшествовавшія дѣйствія въ горахъ показали всю трудность подъема орудій на балканскія выси и легко можно было предвидѣть, что зимою дѣло будетъ еще труднѣе, вслѣдствіе этого необходимо было озаботиться заготовленіемъ различныхъ приспособленій для перевозки артилеріи. Кромѣ предписанія заготовить лямки, въ нѣкоторыхъ отрядахъ озаботились заготовленіемъ и наймомъ саней и сборомъ рабочихъ изъ мѣстныхъ жителей; такъ, напримѣръ, въ отрядѣ генерала Дамдевила, которому предстояло движеніе черезъ Бабугору, было нанято 700 человекъ съ лопатами и кирками и до 12-ти паръ воловъ съ санями и 40 съ вьючными сѣдлами; въ отрядѣ генерал-лейтенанта Вельяминава, который долженъ былъ идти черезъ Умургачъ, были наняты болгарскія сани на волахъ числомъ до 24-хъ⁽¹⁾.

Наконецъ, для возможно безпрепятственнаго движенія главной обходной колонны рѣшено было заблаговременно тщательно разрабатывать дорогу на Чурьякъ.

Съ этою цѣлью съ 8-го декабря былъ выведенъ изъ Орханіэ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и поставленъ бивакомъ у начала подъема на этотъ путь, а именно, на 8-й верстѣ отъ Орханіэ по софійскому шоссе у такъ называемаго драгунскаго бивака (здѣсь стоялъ Астраханскій драгунскій полкъ). При этомъ предписано было полку имѣть при себѣ 400 лопатъ, 200 кирокъ и 200 топоровъ⁽²⁾. Инструментъ этотъ былъ собранъ съ полковъ Семеновскаго и Измайловскаго и переданъ Преображенскому, и такимъ образомъ всего набралось 452 лопаты, 170 кирокъ и 140 топоровъ. Руководство работами было возложено на командира гвардейскаго сапернаго баталіона, флигель-адъютанта полковника Скалона, а общее наблюденіе — на генералъ-адъютанта графа Шувалова.

(1) Пузыревскій. «Переходъ и проч.», стр. 92.

(2) «Исторія Преображенскаго полка», стр. 498.

Вмѣстѣ съ Преображенскимъ полкомъ все время работали двѣ роты гвардейскихъ саперъ: Его Величества и 4-я (1).

Съ 9-го часа начались работы, которыя велись слѣдующимъ образомъ: ежедневно приказомъ по полку дѣлался нарядъ ротъ на работы на двѣ смѣны. Каждая смѣна состояла изъ 4—5 ротъ и, сверхъ того, одной, назначавшейся для прикрытія работъ; въ каждой смѣнѣ должно было быть отъ 400 до 600 рабочихъ, раздѣляемыхъ на двѣ совершенно равныя половины, какъ по количеству, такъ и роду инструмента. Первая смѣна выступала съ бивака въ 8 час. 30 мин. утра, а вторая начинала работу въ часъ дня; при каждой смѣнѣ находились все офицеры роты и одинъ изъ баталіонныхъ командировъ по очереди. За работу принимались дружно и усердно, и въ первый же день было отдѣлано болѣе 200 сажень пути, причемъ еще, не доходя до подъема, пришлось устроить два фашинные моста, а затѣмъ, уширять тропу и дѣлать зигзаги для избѣжанія слишкомъ крутыхъ подъемовъ. Но первые шаги были значительно легче послѣдующихъ и съ утра 10-го декабря уже обнаружилось, какая трудная работа предстояла далѣе: начался подъемъ на переваль и крутизна скатовъ все болѣе и болѣе увеличивалась, дорога шла или по гребню горъ или по скату ихъ; шириной она должна была быть въ 4 шага. При этомъ особенно было трудно разработать одно мѣсто на участкѣ 4-й роты гвардейскаго сапернаго баталіона, не доходя перевала; здѣсь дорога положительно высѣчена въ каменистомъ грунтѣ: съ одной стороны, поднимается отвѣсная стѣна, а съ другой, ниспадаетъ пропасть; въ такомъ видѣ дорога тянулась почти на 300 сажень. Затѣмъ она поднималась круто влѣво и переваливала на юго-восточную сторону хребта. Обойти это крутое мѣсто было невозможно, а потому приказано было здѣсь на протяженіи 20-ти-саженнаго подъема вырубить ступеньки высотой въ полъ фута и шириною отъ одного до трехъ футовъ.

Сильно утомленными возвращались люди на бивакъ, но и тутъ не могли пайти необходимаго покоя и отдыха. Морозъ, доходившій до 15°—18°, стоялъ во все время разработки дороги и крѣпко донималъ людей, принужденныхъ бивакировать въ походныхъ палаткахъ, для разстановки которыхъ сначала стребали снѣгъ и затѣмъ подрывали обмерзлую землю. Ежедневно на работы пріѣзжалъ генераль-адъютантъ Гурко, причемъ, посѣтивъ работы 11-го декабря, онъ приказалъ къ слѣдующему дню приготовить все для окончательнаго пе-

(1) Ренгартенъ. «Очеркъ дѣятельности л.-гв. Сапернаго баталіона», стр. 122.

рехода полка за переваль, послѣ чего предстояло въ одну ночь разработать спускъ съ него по южному склону Балканъ. Вслѣдствіе этого 12-го декабря, въ 8 часовъ утра, 1-й и 2-й баталіоны Преображенскаго полка выступили для окончательной отдѣлки подъема, причѣмъ имъ было приказано взять съ собою палатки и все остальное, чтобы болѣе не возвращаться на бивакъ, такъ какъ слѣдующую ночь предполагалось провести уже за переваломъ, скрытно засѣвъ въ Чурьякѣ.

11-го декабря и ночью на 12-е число была оттепель, а 12-го снова сильный морозъ, вслѣдствіе чего сдѣлалась такая гололедица, что даже одиночнымъ людямъ трудно было подниматься по разработанной дорогѣ. Тогда приказано было сдѣлать ступеньки на всѣхъ подъемахъ, чтобы дать хотя какой-либо упоръ ногѣ. Въ 2 часа выступили съ бивака 3-й и 4-й баталіоны, захвативъ съ собою заготовленные фашины для укладки ихъ въ топкихъ мѣстахъ, встрѣчавшихся зачастую по дорогѣ до самой долины Чурьяка.

Къ 5-ти часамъ дня 12-го декабря всѣ баталіоны подтянулись къ гребню перевала, гдѣ и остановились въ ожиданіи сумерекъ, чтобы начать работу незамѣтно для противника. Среди глубокаго снѣга, въ густомъ лѣсу расположились преображенцы, въ ожиданіи возможности приступить къ работамъ; морозъ крѣпко давалъ себя чувствовать, но костры были строго воспрещены; около 9-ти часовъ вечера 1-й и 4-й баталіоны получили приказаніе спуститься въ д. Чурьякъ, залявъ которую они должны были прикрывать разработку спуска, для чего были назначены 2-й и 3-й баталіоны Преображенскаго полка, а также 4-я рота саперъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Чудовскаго. Каждой ротѣ былъ отведенъ свой участокъ, гдѣ работа производилась подъ руководствомъ ротныхъ командировъ; въ видахъ скрытности; приказано было соблюдать строжайшую тишину и даже не курить. Ночь была темная и морозная и разработка спуска, пролежавшаго по крутымъ и скалистымъ скатамъ горъ была крайне затруднительна; но вскорѣ взошла луна и сдѣлалось такъ свѣтло, что свободно можно было читать; тогда явились опасенія, какъ бы турки не обнаружили нашего присутствія. Во все время производства работъ генераль Гурко со штабомъ находился на спускѣ съ перевала, расположившись на снѣгу у едва пылавшаго костра. Между тѣмъ 1-й и 4-й баталіоны безъ шума и скрытно добрались до Чурьяка, гдѣ и расположились по квартирамъ, предварительно одѣпивъ деревню часовыми. Людямъ строго было приказано не показываться на улицахъ деревни, чтобы не привлекать вниманія турокъ.

Озабочиваясь возможно быстрымъ движеніемъ главной колонны,

генераль-адъютантъ Гурко приказомъ по отряду отъ 12-го декабря предписаль, при слѣдованіи по вновь разработанной дорогѣ, наблюдать строгій порядокъ и заботиться, чтобы ея не портить. Вслѣдствіе этого предписывалось командиру лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, флигель-адъютанту полковнику Скалону, на всѣхъ мѣстахъ дороги, гдѣ можно было болѣе ожидать порчи, поставить офицеровъ и команды саперъ для своевременнаго исправленія пути; офицерамъ этимъ разрѣшено было временно останавливать движеніе войскъ и всѣ начальники обязаны были во время слѣдованія безпрекословно исполнять ихъ требованія. Въ томъ же приказѣ давались и нѣкоторыя указанія для предстоявшихъ столкновеній съ турками, въ которыхъ предписывалось дѣйствовать густыми стрѣлковыми цѣлями, поддержанными нѣсколькими линіями ротныхъ колоннъ. Вообще предлагалось избѣгать дѣйствій густыми, глубокими колоннами, а стараться принимать тонкій строй; на подготовку атакъ огнемъ обратить серьезное вниманіе, причемъ, сверхъ того, при всякой возможности пользоваться обходами и охватами фланговъ. На примѣненіе къ мѣстности велѣно было обратить самое строгое вниманіе; патроны беречь, помня, что зарядныхъ ящиковъ не будетъ. Въ туманѣ быть крайне бдительными, чтобы не перестрѣлять другъ друга, а потому прежде открытія огня убѣждаться, не своя-ли часть, въ которую хотимъ стрѣлять; для этого имѣть впереди и по бокамъ дозоры и самымъ строжайшимъ образомъ преслѣдовать самовольное открытіе огня въ частяхъ. Огонь долженъ быть вполнѣ въ рукахъ начальниковъ.

По окончаніи всѣхъ подготовительныхъ распоряженій и работъ, 11-го декабря въ Орханіэ была отдана диспозиція для совершенія перехода черезъ Балканы, назначеннаго на 13-е число.

12-го декабря, утромъ, всѣ начальники колоннъ и начальники отрядныхъ штабовъ были собраны на квартирѣ у генерала Гурко, въ Орханіэ. Здѣсь у большого стола, на которомъ была разложена карта австрійскаго генеральнаго штаба, начальникъ штаба отряда, генераль-маіоръ Нагловскій, прочелъ вслухъ отданную по отряду диспозицію, къ которой начальникъ отряда давалъ словесныя подтвержденія въ видѣ общихъ и отдѣльныхъ указаній (').

Диспозиція. Въ г. Орханіэ. 11-го декабря 1887 г.

«13-го сего декабря, войскамъ вѣреннаго мнѣ отряда начать движеніе, съ цѣлью перехода черезъ Балканскія горы. Для сего:

(') Энкель. «Воен. Сбор.», стр. 81—2—412 и 417.

«1) *Авангарду*, подъ начальствомъ генераль-маіора Рауха, собравшись во Врачешѣ къ 5-ти часамъ утра 13-го декабря, выступить сего 13-го декабря, въ 5¹/₂ часовъ утра изъ Врачеши и, сдѣлавши приваль до 11-ти часовъ дня, возлѣ бивака 8-го драгунскаго Астраханскаго полка, на софійскомъ шоссе, у начала вновь разработанной старой софійской дороги, ведущей на переваль, ровно въ 11 часовъ дня начать подъемъ на гору и слѣдовать лишь съ небольшими остановками въ дер. Чурьякъ, гдѣ и остановиться на приваль

Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Измайловскій—4 баталіона, 1-й и 4-й стрѣлковыя баталіоны гвардейской стрѣлковой бригады—2 баталіона, одинъ полкъ 31-й пѣхотной дивизіи—3 баталіона, 1-я, 3-я и 6-я батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады по четыре орудія отъ каждой—12 орудій, четыре орудія одной изъ 4-хъ-фунтовой батареи 3-й артиллерійской бригады—4 орудія, Кавказская казачья бригада—11 сотенъ, четыре конныхъ орудія. Всего 13 баталіоновъ, 16 пѣхотныхъ орудій, 11 сотенъ, 4 конныхъ орудія.

«14-го декабря, авангарду выступить въ 4 часа утра и слѣдовать черезъ Потопъ, Елесницу и Стольникъ на софійское шоссе, откуда, сдѣлавши поворотъ на лѣво, идти на такъ называемую позицію у Малины, гдѣ остановиться и построить боевой порядокъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, деревни Потопъ и Елесница заняты турецкою пѣхотою. Сила всей пѣхотной части, собранной въ двухъ этихъ пунктахъ, отъ одного до двухъ таборовъ (т. е. отъ 500 до 800 человекъ). По свѣдѣніямъ, турки стоятъ по почамъ очень небрежно. Необходимо постараться захватить ихъ врасплохъ и вытѣснить изъ обѣихъ деревень.

«Между деревнями Чурьякъ и Потопъ отходить влѣво ущелье, по которому идетъ дорога въ софійскую долину. На дорогу эту выставить, въ видѣ боковаго заслона, полкъ 31-й пѣхотной дивизіи съ четырьмя 4-хъ-фунтовыми орудіями и съ одною сотнею казаковъ.

2) «*Первому эшелону*, подъ начальствомъ генераль-маіора Курлова, собравшись 13-го декабря, въ 5¹/₂ часовъ утра, во Врачеши, за исключеніемъ Астраханскаго драгунскаго полка, который присоединится къ эшелону на своемъ бивакѣ, выступить изъ Врачеши въ 7 часовъ утра, 13-го декабря, и слѣдовать по софійскому шоссе къ мѣсту бивака Астраханскаго драгунскаго полка. Въ этомъ мѣстѣ эшелону сдѣлать приваль и начать дальнѣйшее движеніе черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ авангарда свернетъ съ шоссе. Эшелону слѣдовать лишь съ необходимыми для отдыха людей небольшими оста-

новками до тѣхъ поръ, пока голова эшелона не догонитъ, въ окрестностяхъ Чурьяка, хвостъ авангарда.

Лейбъ-гвардіи Вольнскій полкъ—4 баталіона, Прусскій полкъ—4 баталіона, четыре дивизиона отъ четырехъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады—16 орудій, Астраханскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, одна сотня Кавказской казачьей бригады. Всего восемь баталіоновъ, 16 орудій, пять эскадроновъ и сотень.

«14-го декабря эшелону выступить въ 6 часовъ утра и слѣдовать черезъ Потопъ и Елесницу въ Рожданіэ. Если же по донесеніямъ прямая дорога изъ Чурьяка въ Рожданіэ, по ущелью, отдѣляющемуся влѣво, не доходя до Потона, окажется возможною для движенія артилеріи, то идти прямо на Рожданіэ, гдѣ и расположиться на почлегъ.

3) «*Второму эшелону*, подъ начальствомъ генераль-маіора Философова, собравшись 13-го декабря, къ 8-ми часамъ утра, во Врачеши, выступить изъ этой деревни тогда, когда получатся свѣдѣнія, что хвостъ авангарда свернулъ съ софійскаго шоссе. Придя на бивакъ драгунскаго Астраханскаго полка, эшелону остановиться на привалѣ для подъема въ гору черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ 1-го эшелона свернетъ съ шоссе направо. Затѣмъ эшелону слѣдовать лишь съ необходимыми для отдыха людей небольшими остановками до Чурьяка, гдѣ остановиться на привалѣ.

Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ—4 баталіона, Австрійскій полкъ—4 баталіона, 2-й и 3-й стрѣлковые баталіоны гвардейской стрѣлковой бригады—2 баталіона, два дивизиона отъ двухъ остальныхъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады—8 орудій. Всего 10 баталіоновъ и восемь орудій.

«14-го декабря выступить черезъ часъ послѣ выступленія хвоста 1-го эшелона и слѣдовать черезъ Потопъ и Елесницу въ Стольникъ, гдѣ и расположиться на почлегъ.

4) «*Общее командованіе надъ первымъ и вторымъ эшелонами* возлагается на начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Каталя.

5) «*Правой колоннѣ*, подъ начальствомъ начальника 31-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Вельяминова, собравшись 13-го декабря, къ 5-ти часамъ утра, во Врачеши, выступить: пѣхотѣ со всей артилеріею въ 5¹/₂ часовъ утра (а кавалеріи въ 5 часовъ вечера) и слѣдовать черезъ гору Умургачъ въ д. Жиляву.

1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ, батарея 31-й артиллерійской бригады—8 орудій, 1-я и 2-я бригады гвардейской кавалерійской

дивизиі—16 эскадроновъ. Всего шесть баталіоновъ, восемь пѣшихъ орудій, 16 эскадроновъ, восемь конныхъ орудій.

«Колоннѣ идти непрерывно до наступленія темноты, давая людямъ лишь необходимые отдыхи. На ночь расположиться тамъ, гдѣ застанетъ темнота. На другой день колоннѣ выступить въ 4 часа утра и слѣдовать на Жиляву. По приходѣ въ Жиляву, главное назначеніе колонны—составить заслонъ для главной колонны, со стороны Софіи и Кремиковицы; для этого, оставивъ въ Жилявѣ четыре баталіона, четыре орудія и одинъ эскадронъ кавалеріи, выслать къ Чайнику и Яну по одному баталіону при двухъ орудіяхъ, а всю кавалерію и всю конную артиллерію выслать впередъ, возложивъ на нее наблюденіе за Софіей, софійско-филипопольскимъ шоссе и выходами изъ горъ у Кремиковицы и Сельева (Сеславцы); если же бы оказалось, что турки удерживаютъ выходъ изъ ущелья у дер. Елесницы и тѣмъ заслоняютъ дебушированіе главной колонны, то слѣдуетъ отдѣлять часть пѣхоты съ артиллерією и кавалерією для дѣйствія въ тылъ турецкимъ войскамъ, занимающимъ Елесницу.

6) «По выходѣ въ софійскую долину, Астраханскому драгунскому полку слѣдовать немедленно черезъ Іенихангъ въ Тырново и наблюдать шоссе въ Ихтиманъ, на софійско-филипопольскомъ шоссе. На Кавказскую казачью бригаду возлагается обязанность очистить отъ турецкихъ партій всю мѣстность къ югу отъ шоссе и расположиться на ночлегъ въ деревнѣ Коджа.

7) «*Отдѣльной этропольской колоннѣ*, подъ начальствомъ генераль-маіора Дандевила, выступить изъ Этрополя въ 6 часовъ утра, 13-го декабря, и слѣдовать по дорогѣ въ Буново черезъ гору Бабу.

2-я бригада 3-й пѣхотной дивизиі—6 баталіоновъ, Воронежскій пѣхотный полкъ—3 баталіона, одна батарея 31-й артиллерійской бригады—8 орудій.

«Взойдя на переваль, состоящей при этой колоннѣ кавалеріи спуститься въ Буново и выслать немедленно сильные разъѣзды въ Дольніе-Комарцы и по дорогѣ въ Златицу, и разрушить телеграфъ, находящійся какъ на этой дорогѣ, такъ и на дорогѣ изъ Дольнихъ-Комарцовъ въ Петричево.

Екатеринославскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, двѣ сотни сводной донской казачьей бригады, четыре конныхъ орудія донской казачьей № 19-го батареи, два орудія конной № 16-го батареи. Всего девять баталіоновъ, восемь пѣшихъ орудій, шесть эскадроновъ и сотенъ и шесть конныхъ орудій.

«Пѣхотѣ же съ пѣшей и конной артиллерією дѣйствовать съ утра 14-го декабря во флангъ и тылъ турецкой позиціи у Шандорника. Главное назначеніе колонны—демонстраціями противъ праваго флан-

га турокъ привлечь ихъ вниманіе въ ту сторону и тѣмъ облегчить дѣйствія главной колонны. Въ случаѣ же отступленія турецкихъ войскъ на Петричево, энергичнымъ преслѣдованіемъ, по возможности, разстроить отступающія войска. -

8) «*Отрядомъ* генераль-адъютанта графа Шувалова, Его Высочества принца Ольденбургскаго и свиты Его Величества генераль-маіора Брока оставаться на занимаемыхъ ими позиціяхъ, и зорко слѣдить за неприятелемъ, причемъ, въ случаѣ отступленія неприятеля, немедленно перейти въ наступленіе, занять очищаемыя позиціи и тѣснить неприятеля по пятамъ.

9) «*Отряду* генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера оставаться на позиціяхъ у Врачени и Скривена и наблюдать за неприятелемъ, занимающимъ лютиковскую позицію и составлять заслоны противъ этой позиціи.

Три полка 5-й пѣхотной дивизіи—9 баталіоновъ, четыре батареи 5-й артиллерійской бригады—32 орудія, 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій. Всего девять баталіоновъ, 32 пѣшихъ орудія, семь эскадроновъ и шесть конныхъ орудій.

10) «Общее командованіе надъ отрядами Его Высочества принца Ольденбургскаго, генераль-адъютанта графа Шувалова и генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера возлагается на командира 9-го корпуса, генераль-лейтенанта барона Криденера. Въ случаѣ, если бы движеніе нашихъ войскъ побудило турокъ очистить лютиковскую позицію, то, отдѣливъ для занятія очищенной лютиковской позиціи одинъ полкъ и одну батарею, остальные два полка со всею кавалеріею и артилеріею двинуть по шоссе къ позиціи, занимаемой отрядомъ генераль-адъютанта графа Шувалова.

11) «Санитарныя средства отряда распределить слѣдующимъ образомъ:

а) «Всему паличному персоналу дивизионнаго лазарета 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостъ авангарда главныхъ силъ на Чурьякъ и Елесницю (1); б) половинѣ персонала дивизионнаго лазарета 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостъ правой колонны генерала Вельяминова; в) другой половинѣ дивизионнаго лазарета 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи оставаться при отрядѣ генераль-адъютанта графа Шувалова; г) санитарному персоналу 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостъ перваго и втораго эшелоновъ главной колонны на Чурьякъ и Елесницю; д) ле-

(1) Елесница.

тучимъ отрядамъ «Краснаго Креста» слѣдовать въ хвостѣ колоннѣ генераловъ Вельяминова и Дандевила. По выходѣ въ долину Софіи устроить перевязочные пункты въ Жилявѣ и Елесницѣ.

12) «Я буду находиться въ началѣ движенія въ головѣ 1-го эшелона главной колонны, по выходѣ же въ долину Софіи въ деревнѣ Стольникъ». Подписаль: Начальникъ отряда, генераль-адъютантъ *Гурко*.

Согласно этой диспозиціи, войска были раздѣлены на восемь отрядовъ, изъ которыхъ четыре отряда оставались на мѣстѣ, какъ заслоны, а остальные четыре должны были двинуться черезъ горы.

Всего въ дѣйствіяхъ должны были принять участіе: 81½ баталіоновъ, 48 эскадроновъ и сотенъ, 166 пѣшихъ и конныхъ орудій; изъ нихъ оставались на позиціяхъ: 34½ баталіона, 92 орудія и 10 эскадроновъ и сотенъ, а переваливали черезъ горы 47 баталіоновъ, 74 орудія и 38 эскадроновъ и сотенъ (¹).

Дѣйствія должны были разыграться на пространствѣ около 40 верстъ, считая отъ Умургача до Златицы.

IV.

Движеніе авангарда и главныхъ силъ.

Авангарду, состоявшему изъ 13-ти баталіоновъ, 16-ти пѣшихъ орудій, 11-ти сотенъ и четырехъ конныхъ орудій, подъ начальствомъ генераль-маіора Рауха, предписано было, собравшись во Врачеші къ 5-ти часамъ утра 13-го декабря, выступить въ 5½ час. утра и слѣдовать въ Чурьякъ. Прівалъ былъ назначенъ на софійскомъ шоссе, у начала подъема до 11-ти часовъ утра, когда должно было начаться движеніе въ горы.

На другой день, 14-го декабря, авангарду предписано было выступить въ 4 часа утра и слѣдовать черезъ Потопъ, Елешницу и Стольникъ на софійское шоссе, откуда, сдѣлавши поворотъ направо, идти на такъ называемую позицію у Малины, гдѣ остановиться и

(¹) Всего въ отрядѣ состояло: 81½ бат., 264 пѣх. ор., 56 эск. и сот. и 54 кон. ор.; изъ нихъ переходили горы 44¾ бат., 74 ор. и 38 эск., а въ заслонныхъ были—34¾ бат., 92 ор. и 10 эск.; ко дню перехода не прибылъ 19-й Костромской полкъ; 152 ор. оставались въ паркѣ у Лажени, а саперный бат. и одинъ эск. 3-й бр. 2-й гв. кав. див. и семь сотенъ свободной казачьей бригады не вошли въ диспозицію отъ 11-го декабря. Кроме того, въ отрядѣ г. Вельяминова было не 6 бат., какъ сказано въ диспозиціи, а 5, одинъ же остался въ тылу, такъ что переходило 44¾ бат. (3-я стр. рота Великолукскаго полка не переходила горы, а была въ заатицкомъ отрядѣ).

построить боевой порядокъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, деревни Потопъ и Елешница заняты турецкою пѣхотою, силою отъ 500 до 800 человекъ, и что между деревнями Чурьякомъ и Потопомъ отходить влѣво ущелье, по которому идетъ дорога въ Софійскую долину. На дорогу эту предписывалось выставить въ видѣ заслона полкъ 31-й пѣхотной дивизіи съ четырьмя 4-хъ-фунтовыми орудіями и одною сотнею казаковъ. Сверхъ того, на Кавказскую казачью бригаду возлагалась обязанность очистить отъ турецкихъ партій всю мѣстность къ югу отъ шоссе (вѣроятно, софійскаго) и расположиться на ночлегъ въ д. Коджи.

Во исполненіе этихъ требованій, начальникомъ авангарда сдѣланы были частныя распоряженія. Войскамъ, входившимъ въ составъ авангарда, велѣно было вытянуться къ 5¹/₂ часамъ утра 13-го декабря по софійскому шоссе у д. Врачеша и двигаться въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-я и 3-я кубанскія сотни Кавказской казачьей бригады, Козловскій пѣхотный полкъ съ четырьмя орудіями 3-й артилерійской бригады и четырьмя конными орудіями⁽¹⁾; при этомъ Козловскому полку приказано было выдѣлить въ голову колонны, за сотнями, въ видѣ авангарда, одну стрѣлковую роту, а остальные 14 ротъ употребить для содѣйствія движенію артилеріи, для чего ко всѣмъ восьми заряднымъ ящикамъ и четыремъ пѣхимъ орудіямъ предписывалось назначить по одной ротѣ, а къ четыремъ коннымъ орудіямъ по полуротѣ. Отъ каждой роты выдѣлить команды въ 40 человекъ для непосредственнаго содѣйствія артилеріи, причемъ половина людей должна была работать, а половина—нести ружья товарищей. За Козловскимъ полкомъ приказано было двигаться 1-му и 4-му гвардейскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ съ 1-й батареей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, а затѣмъ долженъ былъ слѣдовать лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ съ 3-й и 6-й батареями той же артилерійской бригады и, наконецъ, въ хвостѣ колонны девять сотенъ казаковъ, за которыми слѣдовали выюки. По приходѣ на драгунскій бивакъ сдѣлать приваль до 11-ти часовъ утра, причемъ людямъ произвести варку и раздать по чаркѣ водки. Во время движенія ближайшіе начальники должны были строго наблюдать, чтобы части ихъ не растягивались, для чего, между прочимъ, въ хвостѣ каждой роты оставлены были фельдфебеля, которымъ предписано было со всей энергіей подгонять отстающихъ и слѣдить, чтобы роты двигались, такъ сказать ящиками. Послѣ перехода черезъ переваль предписано было принять всѣ мѣры

(1) Пузыревскій. «Переходъ и проч.», стр. 79 и Тутолминъ. «Воен. Сбор.», 82—5—40.

для скрытности движенія: всякій шумъ и разговоръ должны быть прекращены, а по приходѣ въ Чурьякъ огня не дозволялось разводъ ни подъ какимъ видомъ.

На слѣдующій день, 14-го декабря, приказано было продолжать движеніе въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 4 часа утра выступить двумя сотнямъ Кавказской казачьей бригады, за ними Козловскому полку съ четырьмя орудіями 3-й артилерійской бригады; къ орудіямъ назначить надлежащее число рабочихъ отъ Козловскаго полка. Изъ числа этихъ частей одной сотнѣ, четыремъ орудіямъ и Козловскому полку свернуть между дд. Чурьякомъ и Потопомъ влѣво, по указанію штабсъ-капитана Милорадовича (исполнившаго обязанности офицера генеральнаго штаба при авангардѣ), другой сотнѣ приостановиться скрытно и выжидать приближенія передоваго отряда, во главѣ котораго и двигаться далѣе. Вслѣдъ за вышеупомянутыми частями двинуться передовому отряду подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Клейнмихеля въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й и 4-й стрѣлковыя баталіоны, четыре конныхъ орудія и 4-й баталіонъ Преображенскаго полка. За передовымъ отрядомъ слѣдовать главнымъ силамъ, а именно: двумя баталіонамъ Преображенскаго полка, 1-й батареей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, одному баталіону лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и 3-й батареей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, двумя баталіонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, 6-й батареей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, остальнымъ двумя баталіонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и, наконецъ, девяти сотнямъ Кавказской казачьей бригады. Въ виду важности предстоявшаго движенія, а также трудности перехода черезъ Балканы, генераль Раухъ отдалъ слѣдующій приказъ по отряду:

«Войска авангарда! Вамъ выпала почетная и славная доля: въ головѣ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ, спуститься со снѣжныхъ высотъ Балканскихъ, чтобы поразить врага въ его неприступномъ убожищѣ. Нашъ Царь, вся Россія, весь свѣтъ слѣдятъ за вашими подвигами въ борьбѣ съ суровой природой и врагомъ, который укрылся въ недоступныхъ кручахъ, не смѣя помѣряться съ вами силами въ открытомъ полѣ. Пойдемъ же смѣло и бодро впередъ! Еще одно усиліе и, съ Божіею помощью, послѣдняя грозная преграда, подъ защитой которой укрылся непріятель, останется за нами. Я увѣренъ, что ни стужа, ни метель, ни высокія горы, а тѣмъ болѣе непріятель, уже битый вами не одинъ разъ, ничто васъ не остановитъ. И такъ на радость Царя, Россіи и за Христову вѣру, бодро впередъ».

Такимъ образомъ, предполагалось, что войска авангарда, высту-

пѣвъ изъ Врачеша 13-го декабря, въ 5^{1/2} часовъ утра, къ вечеру сосредоточатся въ Чурьякъ, а на другой день, въ 4 часа утра, двинутся далѣе въ софійскую долину; слѣдовательно, самый переходъ предполагалось совершить въ теченіе одного дня, а въ теченіе двухъ дней надѣялись успѣть выйти на софійское шоссе, и тѣмъ отрѣзать отрядъ Шакира отъ Софіи.

Но послѣдующія событія показали, что расчеты эти далеко не оправдались.

13-го декабря, въ морозное, туманное утро войска стали собираться на шоссе, морозъ доходилъ до 18°, а въ горахъ—до 20° Р. (1); въ туманной мглѣ исчезали мѣстные предметы и темнота была такъ велика, что части съ величайшимъ трудомъ могли отыскать назначенныя имъ мѣста. Тѣмъ не менѣе до привала у драгунскаго бивака войска дошли безпрепятственно и подъемъ головныхъ частей начался въ назначенное время. Но только что началось движеніе по вновь разработанной дорогѣ, какъ тотчасъ же пошли задержки и остановки, не смотря на то, что дорога была разработана хорошо, причемъ было сдѣлано все возможное для ея улучшенія; путь былъ достаточно уширенъ для прохода артилеріи (2) и выровненъ, слишкомъ крутые подъемы обдѣланы ступеньками, вдоль пути были разставлены саперы, но тѣмъ не менѣе движеніе артилеріи оказалось чрезвычайно затруднительнымъ. Протяженіе всего подъема, при значительной крутизнѣ, было около 7—8 верстъ и при томъ вслѣдствіе оттепели, а затѣмъ морозовъ, образовалась гололедица, такъ что при этихъ условіяхъ даже одиночные люди съ палкой въ рукахъ поднимались съ большимъ трудомъ и должны были придерживаться за деревья, кусты, камни; такимъ образомъ, понятно, что движеніе орудій на лошадяхъ становилось совершенно невозможнымъ и ихъ пришлось выпречь при самомъ началѣ подъема. Тогда-то вновь пѣхота обратилась въ рабочую силу и началась та тяжелая, утомительная работа, которую она исполняла уже не впервые со времени вступленія въ предгорья Балкановъ. Правда, на этотъ разъ дорога была значительно лучше, чѣмъ тѣ тропинки, по которымъ приходилось поднимать орудія на Шандорникъ, тащить ихъ при обходномъ движеніи правецкой позиціи и въ другихъ случаяхъ, но за то на этотъ разъ прибавилась гололедица, чрезвычайно затруднявшая тягу орудій. Медленно тянулись длинныя вереницы пушекъ и ящиковъ, непрерывно раздавались ободряющіе

(1) Энкель. «Воен. Сборн.», 81—2—417.

(2) Рапортъ ген. Рауха. «Воен. Сборн.», 78—8—208.

Т. ССІІІ.—Отд. I.

крики офицеровъ и тяжелый грузъ съ величайшими затрудненіями поднимался на нѣсколько шаговъ; среди дикой балканской природы непрерывно раздавалась лихая русская пѣсня, столь знакомая всему рабочему русскому люду, пѣсня, безъ которой не обходится на обширной Руси ни одна работа, требующая дружныхъ усилій⁽¹⁾. Затѣмъ слѣдовала остановка, измученные люди переводили духъ; но вновь раздавались крики, вновь хоромъ затыгивали люди «разъ, два, три—бери», люди напирали сколько было мочи, но, усталые и изнеможенные, они скользили, падали и орудіе, поднятое на нѣсколько футовъ, катилось назадъ. Тогда спѣшно закрѣпляли лямки за деревья, подкладывали подъ колеса камни и общими усиліями грузъ удерживался на мѣстѣ. Еще большія трудности выпадали на долю людей, тащившихъ ящики.

Между тѣмъ время бѣжало, день клонился къ вечеру и начало темнѣть; тогда работа сдѣлалась еще затруднительнѣе, тѣмъ болѣе, что, отъ прохода переднихъ орудій, ступеньки, высѣченныя въ ледяной корѣ, покрывавшей полотно дороги, были почти совершенно стерты и пришлось возобновлять ихъ снова.

При этомъ работа, производимая въ темнотѣ, становилась не только затруднительнѣе, но и опаснѣе и, къ сожалѣнію, не обошлось безъ нѣкоторыхъ несчастныхъ случаевъ.

На одномъ крутомъ подъемѣ, узкимъ карнизомъ, поднимавшемся между отвѣсною скалою съ одной стороны и обрывомъ—съ другой, одинъ изъ ящиковъ покотился назадъ. Тянувшіе за концы люди не въ силахъ были удержать его и ящикъ, раскатившись въ сторону, оборвался въ обрывъ. Жертвою этого случая были нижніе чины 1-го стрѣлковаго баталіона, изъ которыхъ одинъ былъ раздавленъ до смерти, а трое получили увѣчья.

Между тѣмъ холодъ становился все сильнѣе и сильнѣе, но костры были строго воспрещены; однакоже, не смотря на это запрещеніе или быть можетъ, по невѣдѣнію или недоразумѣнію, кое гдѣ блеснули огоньки и вскорѣ весь путь слѣдованія колонны авангарда обозначился ярко пылавшими кострами. Тогда явилось опасеніе, что турки могутъ обнаружить обходное движеніе, которое и днемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога шла по открытымъ, незаросшимъ лѣснымъ кручамъ, было видно изъ-далека, напримѣръ, при помощи бинокля съ позиціи принца Ольденбургскаго подъ Шандорникомъ. Но изъ турецкихъ документовъ не видно, чтобы противники наши замѣтили наше обход-

(1) Хитрово. «Очеркъ дѣйствиі батарей л.-гв. 1-й артп. брига.», стр. 139.

ное движеніе въ это время. Тѣсными кучками окружали измученные люди костры, многіе ложились тутъ же и мгновенно засыпали, но отдыхать было не время: не смотря на цѣлый день, проведенный въ работѣ и на ранній часъ выступленія, нельзя было и думать объ отдыхѣ. Тогда начальники, сами изнемогавшіе отъ усталости, будили людей, призывая ихъ къ работѣ и вновь, среди ночной темноты при слабомъ лунномъ освѣщеніи, продолжалась тяга орудій.

Часу во второмъ ночи, два передовыхъ орудія съ двумя ротами Козловскаго полка достигли, наконецъ, перевала (1), между тѣмъ какъ остальные части авангарда растянулись по всему подъему, а главныя силы еще не начинали движенія и все еще находились на софійскомъ шоссе. Двѣ сотни казаковъ, шедшія во главѣ авангарда, прибыли въ Чурьякъ 14-го декабря, въ 7 часовъ вечера, а остальные сотни расположились ночевать по сторонамъ дороги, на склонахъ горъ, по колѣно въ снѣгу (2). Между тѣмъ, головныя части авангарда медленно, одна за другою достигали перевала; генераль Гурко, находившійся всю ночь на перевалѣ, не счелъ возможнымъ тотчасъ же спускать ихъ внизъ изъ опасенія несвоевременно открыть движеніе непріятелю и подвергнуть часть авангарда атакѣ противника до сосредоточенія всѣхъ войскъ. Вслѣдствіе этого, передовымъ войскамъ пришлось провести на перевалѣ скрытно весь слѣдующій день и ночь на 15-е декабря. Генераль Гурко лично приказалъ начальнику штаба авангарда генеральнаго штаба подполковнику Пузыревскому выбрать бивакъ для подходившихъ войскъ. И вотъ среди глубокаго снѣга, войска должны были расположиться въ густомъ буковомъ лѣсу, нѣсколько не доходя до вершины перевала, скрыто за скатомъ его. Подходившія части протоптывали себѣ дорогу къ указаннымъ мѣстамъ и начинали варку нищи, что, однакоже, представляло немало хлопотъ, такъ какъ развести костры изъ толстаго, промерзлаго бука, который былъ при томъ такъ крѣпокъ, что едва поддавался ударамъ тесаковъ, было крайне затруднительно. Вслѣдствіе этого, а также и крайняго утомленія, большинство людей предпочитало отказаться отъ нищи, тѣмъ болѣе, что на приготовленіе ея надо было не менѣе двухъ часовъ.

Ночь съ 14-го на 15-е декабря прошла крайне тревожно: поднялся вѣтеръ, а вскорѣ началась сильнѣйшая метель; костры погасли, мелкій снѣгъ пролѣзалъ повсюду. таялъ на лицѣ и складкахъ

(1) Рапортъ ген. Рауха. «Воен. Сб.», 78—8—209.

(2) Тутолминъ. «Воен. Сб.», 82—5—41 и 42.

платья... Уже двое сутокъ никто не раздѣвался, находясь почти непрерывно въ работѣ и имѣя на себѣ тяжелую одежду и все вооруженіе; плечи ломило отъ тяжести, ноги горѣли отъ наминокъ, холодъ проникалъ пазвось и голодь давалъ себя сильно чувствовать.

Между тѣмъ, генераль Гурко еще 14-го декабря спустился въ Чурьякъ и немедленно лично произвелъ развѣдку непріятельскаго расположенія. Къ югу отъ деревни, верстахъ въ двухъ отъ нея, на высотахъ, по сторонамъ ущелья, по которому течетъ ручей, виднѣлись турецкіе посты.

Со времени прибытія Преображенскаго полка въ Чурьякъ, т. е. съ разсвѣта 13-го декабря, въ расположеніи этихъ постовъ не было замѣтно никакихъ перемѣнъ, что наводило на мысль, что турки еще не обнаружили нашего обходнаго движенія. Тѣмъ не менѣе, нельзя было рассчитывать, чтобы непріятель долго оставался бездѣятельнымъ свидѣтелемъ обхода его позиціи у Арабъ-конака, а разъ какъ это движеніе было обнаружено, уже не трудно было задержать выходъ нашихъ войскъ изъ Чурьякскаго ущелья въ Софійскую долину, посредствомъ даже небольшого отряда, если бы ему удалось своевременно занять позицію по сторонамъ этого ущелья; вслѣдствіе этого, генераль Гурко приказалъ генеральнаго штаба подполковнику Ставровскому, отличію изучившему мѣстность, во время развѣдокъ, произведенныхъ имъ при разработкѣ плана для перехода черезъ Балканы, выбрать направленіе, по которому войска авангарда могли бы выйти изъ Чурьякскаго ущелья въ Софійскую долину.

Озабочиваясь возможно быстрымъ захватомъ высотъ впереди Чурьяка, для обезпеченія безпрепятственнаго выхода войскъ въ Софійскую долину, а также принимая во вниманіе полученныя донесенія, что турки усиливаются передъ Чурьякомъ и въ Потопѣ, генераль Гурко ночью на 15-е декабря прислалъ генералу Рауху, находившемуся на перевалѣ, приказаніе спуститься внизъ съ тѣми войсками, что были подъ рукою, и выслать впередъ Кавказскую казачью бригаду. Получивъ это приказаніе, генераль Раухъ выдвинулъ впередъ казаковъ, а за ними Козловскій пѣхотный полкъ съ донскою № 8-го батареей. Между тѣмъ, подъемъ остальныхъ частей авангарда все еще продолжался и только къ полудню 15-го декабря сосредоточились на перевалѣ 1-й и 4-й гвардейскіе стрѣлковые баталіоны, а лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ — къ вечеру того же дня (1).

Такимъ образомъ, спускъ съ горъ пришлось совершить послѣднѣ-

(1) Репортъ ген. Рауха. «Воен. Сб.», 78—8—209.

нѣе и въ то же время въ видахъ скрытности — ночью. Исполнить эту работу было также трудно, какъ и поднимать орудія на переваль, но, сверхъ того, работа эта была гораздо опаснѣе. Къ этому необходимо добавить, что спускъ былъ разработанъ далеко не такъ тщательно, какъ подъемъ, по причинамъ, уже изложеннымъ выше. Наконецъ, при спускѣ орудій необходимо было соблюдать особенную осторожность, строжайшій расчетъ движенія, во избѣжаніе столкновенія частей артиллеріи, тянувшихся одна за другой. Но и на этомъ еще не кончались всѣ затрудненія, встрѣченныя войсками при совершеніи спуска. Чрезвычайная крутизна и скользкость пути лишили людей какой бы то ни было опоры и потому они только съ величайшимъ трудомъ могли сдерживать орудія и управлять ихъ движеніемъ. Орудія исключительно спускались на канатахъ и лямкахъ, которые обматывались вокругъ придорожныхъ пней, камней и кустовъ и вытравливались подобно якорямъ; такимъ образомъ орудія спускались послѣдовательно отъ вершины Балканъ до дна Чурьякского ущелья. Но не вездѣ могла производиться работа такимъ образомъ; мѣстами, покрытые ледяною корою крутые скаты, на значительномъ протяженіи не представляли точекъ опоры и здѣсь то начиналась работа, преисполненная не только величайшими трудностями, но и опасностями. Затормозивъ колеса, рабочіе, упираясь ногами, сдерживали артиллерію на канатахъ и управляли движеніемъ ея съ помощью дышель. Но иногда люди, выбившись изъ силъ и скользя на обледенѣлыхъ кручахъ, падали и выпускали изъ рукъ канаты; тогда грузъ быстро устремлялся внизъ, увлекая за собою людей, находившихся у дышла. Жизнь человѣческая при этомъ висѣла на волоскѣ; всякій неудержавшійся на дышлахъ и попавшій подъ колеса, погибалъ неизбѣжно, что и случилось при спускѣ одного изъ ящичковъ. Толпа, державшаяся за канатъ, упустивъ его, упала, и ящикъ съ громадной высоты покотился внизъ. Стрѣлокъ баталіона Его Величества, находившійся у дышла, не успѣлъ отскочить и повисъ на немъ. Въ начавшейся продолжительной борьбѣ съ опасностью, онъ проявилъ необычайное присутствіе духа, силу и ловкость. Уцѣпившись руками и ногами за дышло, онъ постепенно передвигался къ вагъ во время движенія ящика, мчавшагося съ величайшею быстротою. Ему оставалось вызвать въ себѣ послѣднее усиліе, и онъ былъ бы спасенъ: ящикъ уже приближался къ гладкой площадкѣ, но вотъ одно изъ переднихъ колесъ наскочило на камень, передокъ сильно покачнулся — стрѣлокъ оборвался и упалъ подъ колеса.

Для ускоренія движенія генераль Гурко приказалъ саперамъ

проложить рядомъ съ разработаннымъ уже спускомъ еще другой: этотъ послѣдній пролегалъ по глубокому снѣгу, что, впрочемъ, составляло значительное удобство, такъ какъ люди легче находили опору для ногъ. Работа эта была исполнена 17-го декабря 2-ю ротой, подъ руководствомъ полковника Скалона (1).

Медленно производился спускъ артилерія въ Чурьякское ущелье, одно за другимъ спускались орудія, а между тѣмъ генераль Гурко торопилъ движеніе авангарда, присылая къ генералу Рауху одного гонца за другимъ съ приказаніемъ спѣшить въ Чурьякъ. Генераль Раухъ, наблюдавшій за спускомъ войскъ, наконецъ, опередилъ ихъ, и около полудня 15-го декабря прибылъ со штабомъ въ Чурьякъ, впереди котораго въ это время генераль Гурко производилъ вмѣстѣ съ генеральнаго штаба подполковникомъ Ставровскимъ развѣдку непріятельскаго расположенія, подъ ружейными выстрѣлами турокъ. Вернувшись въ Чурьякъ, начальникъ отряда лично объяснилъ генералу Рауху планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Рѣшено было: преображенцевъ двинуть впередъ для атаки турокъ, находившихся прямо передъ ущельемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно изгибается и дѣлаетъ поворотъ на юго-востокъ; Кавказской казачьей бригадѣ съ батареей и Козловскому полку слѣдовать за Преображенскимъ полкомъ. По битіи турокъ преображенцами, козловцы должны были повернуть по ущелью на право и занять дд. Елешницу и Потошь, а казаки выйти въ долину по шоссе и, наконецъ, заслономъ къ сторонѣ Горнихъ-Комарцевъ была выдвинута одна рота козловцевъ (2).

Итакъ, рѣшено было головныя части авангарда бросить впередъ для захвата выхода изъ Чурьякскаго ущелья въ Софійскую долину; оставалось сдѣлать еще одно усиліе и послѣдніе уступы южнаго склона Балкановъ были бы пройдены нами. Между тѣмъ, остальныя части авангарда и главныхъ силъ тянулись еще черезъ горы, а большая часть главныхъ силъ еще и не начинала подъема; о судьбѣ колоннъ Вельяминова и Дандевиля не имѣлось никакихъ свѣдѣній.

Оставимъ на время авангардъ генерала Рауха и посмотримъ, что дѣлалось у нашихъ противниковъ.

Со времени вступленія Шакира въ командованіе комарційскаго арміей, турки пассивно оставались на своей укрѣпленной позиціи, не предпринимая никакихъ наступательныхъ дѣйствій и ограничиваясь противодѣйствіемъ нашимъ предпріятіямъ, причемъ пытались мѣшать

(1) Ренгартенъ, стр. 131.

(2) Рапортъ ген. Рауха. «Воен. Сбор.», 78—8—210.

своимъ артилерійскимъ огнемъ нашимъ землянымъ работамъ, или отвѣчали на канонаду нашихъ орудій артилерійскимъ огнемъ. Въ организаціи арміи послѣдовала перемѣна: еще Мехмедъ-Али раздѣлилъ ее на три дивизіи: Реджиба, Шакира и Бекера. Въ первыхъ двухъ дивизіяхъ было по 17-ти баталіоновъ, составлявшихъ двѣ бригады по семи баталіоновъ и одинъ резервный полкъ, составъ же дивизіи Бекера неизвѣстенъ. Въ виду ожидавшагося паденія Плевны, Шакиръ былъ того мнѣнія, что всѣ турецкія войска изъ-подъ Арабь-конака, Виддина и отъ сербской границы должны были быть сосредоточены вокругъ Адрианополя, не ожидая перехода въ наступленіе превосходныхъ русскихъ силъ, которыя должны были освободиться, вслѣдствіе паденія Плевны; мнѣніе это Шакиръ сообщилъ Сулейману, но этотъ паша считалъ необходимымъ оборонять всю линію Балкановъ и, кромѣ того, занять еще позицію къ западу отъ Софіи, для задержанія сербской арміи.

Извѣстіе о паденіи Плевны Шакиръ приказалъ сохранить въ тайнѣ, стараясь, сколько возможно, поддержать нравственное настроеніе войскъ. 29-го ноября, послѣ полудня, изъ Гюльдизь-табія на Шандорникѣ слышны были на русской позиціи громкіе и радостные крики и, несмотря на принятые мѣры, черезъ два дня извѣстіе о плѣненіи плевненской арміи распространилось уже по всему отряду Шакира.

По полученіи извѣстія о паденіи Плевны, Шакиръ уже не сомнѣвался въ томъ, что русскіе, получивъ подкрѣпленія, двинутся впередъ, для перехода черезъ горы.

Въ первыхъ числахъ декабря, турки стали замѣчать, что русскіе распространили свой правый флангъ къ Чурьяку, причемъ отъ эскадрона, стоявшаго въ Елешницѣ, было получено донесеніе, что въ Чурьякѣ была замѣчена пѣхота и конница (¹). Свѣдѣніе это было несовсѣмъ вѣрно, такъ какъ въ это время въ Чурьякѣ были только незначительныя части нашей конницы, а именно: $\frac{1}{2}$ эскадрона лейбъ-гвардіи Уланскаго и одинъ эскадронъ Астраханскаго драгунскаго полковъ. Сверхъ того, Шакиръ получилъ свѣдѣніе, что мы возводимъ на высотахъ у Чурьяка значительныя укрѣпленія, что было тоже совершенно невѣрно. Для провѣрки этихъ свѣдѣній Шакиръ разрѣшилъ Бекеру-пашѣ произвести къ сторонѣ Чурьяка развѣдку, которая и состоялась 12-го декабря утромъ.

Въ этотъ день Бекеръ отправился съ однимъ эскадрономъ черезъ

(¹) Бекеръ. «Воен. Сбор.», 80—4—435.

Ташкисенъ къ Елешницѣ, гдѣ стояли четыре арабскихъ эскадрона и, отправивъ ихъ на высоты восточнѣе Потопа, со своимъ эскадронъ двинулся въ эту деревню. Здѣсь онъ взялъ подъ свое начальство двѣ роты изъ расположеннаго тутъ баталіона мустахфизовъ и приказалъ имъ занять горный отрогъ, возвышавшійся верстахъ въ двухъ направо отъ дороги между Потопомъ и Чурьякомъ: арабская конница была направлена еще правѣе по тропинкѣ, спускавшейся къ Чурьяку.

Наша конница, занимавшая въ этотъ день Чурьякъ, а именно, $\frac{1}{2}$ эскадрона лейбъ-гвардіи Уланскаго полка и одинъ эскадронъ астраханскихъ драгунъ, встрѣтили турокъ, развернувшихся въ ущельѣ и завязавшихъ огнестрѣльный бой съ дальняго разстоянія, частью въ пѣшемъ, а частью въ конномъ строю, и отгѣснили ихъ назадъ (*). Изъ наблюдений, сдѣланныхъ во время этой развѣдки, Бекеръ пришелъ къ заключенію, что Чурьякъ занять баталіонъ пѣхоты и казачьимъ полкомъ, и приказалъ баталіону, стоявшему въ Потопѣ, занять и укрѣпить позицію на отрогѣ, на которомъ была расположена турецкая пѣхота во время развѣдки, а арабской конницѣ поручилъ ежедневно посылать развѣзды къ Чурьяку для наблюденія за тѣмъ, будутъ ли прибывать въ эту деревню подкрѣпленія.

Выслушавъ докладъ Бекера о результатахъ произведенной развѣдки, Шакиръ счелъ необходимымъ назначить значительныя силы, чтобы выгѣснить русскихъ изъ Чурьяка и просилъ Сулеймана прислать ему для этого войска изъ Софіи, но получилъ отказъ. 13-го декабря утромъ Шакиръ, Реджибъ и Бекеръ отправились на крайній лѣвый флангъ турецкаго расположенія на позицію, занятую полкомъ Ахмедъ-бея, съ цѣлью изслѣдовать бивакъ русскихъ войскъ, расположившихся у вповъ возведенной батареи, на крайнемъ правомъ флангѣ нашихъ позицій. Присутствіе русскихъ орудій на этой высотѣ заставило турокъ призадуматься надъ тѣмъ, по какой дорогѣ мы могли провезти туда пушки, причемъ, по мнѣнію Бекера, было возможно лишь одно предположеніе, что русскіе разработали тропинку изъ Орханію въ Чурьякъ.

Такимъ образомъ мысль о возможности обхода турецкой позиціи движеніемъ на Чурьякъ появилась у турокъ въ то время, когда этотъ обходъ уже начался. Трудно сказать, которую изъ нашихъ батарей рекогносцировали турки 13-го декабря, но изъ предъидущаго разсказа читатель знаетъ, что 13-го декабря утромъ наши войска

(*) Пузыревскій. «Переходъ » проч.», стр. 86.

только еще начали подъемъ и, слѣдовательно, орудія и войска, обнаруженные турками, были не изъ числа тѣхъ, которыя прошли по разработанной преображенцами дорогѣ на Чурьякъ.

14-го декабря Шакиръ получилъ изъ Лютикова черезъ Софію депешу, что три русскія дивизіи вошли въ орханійскій проходъ изъ Плевны⁽¹⁾. Свѣдѣніе это было совершенно вѣрное — это были: 3-я гвардейская, 5-я и 31-я пѣхотная дивизіи. Получивъ эту депешу, Шакиръ направилъ къ Негашеву для наблюденія за мѣстностью между Ташкисеномъ и Чурьякомъ шесть эскадроновъ.

Такимъ образомъ, несмотря на рядъ свѣдѣній, указывавшихъ, что русскіе получивъ значительныя подкрѣпленія, повидимому, что-то затѣваютъ близъ Чурьяка, Шакиръ не принялъ никакихъ мѣръ для тщательнаго осмотра мѣстности къ сѣверу отъ этой деревни, между тѣмъ какъ посылка въ горы одиночныхъ людей, особенно въ болгарскомъ платьѣ, не представляла никакихъ затрудненій. Вслѣдствіе этого, въ то время, какъ наши войска уже два дня поднимались по дорогѣ на Чурьякъ, а Преображенскій полкъ и гвардейскій саперный баталіонъ уже два дня находились въ Чурьякѣ, турки ничего этого не подозрѣвали и ограничились высылкой конницы, которая въ горахъ собственно и не могла исполнить должнымъ образомъ развѣдку, а тѣмъ болѣе не могла задержать выхода нашихъ войскъ въ софійскую долину.

У.

Движеніе черезъ Балканы главныхъ силъ.

Ночь съ 12-го на 13-е декабря части, входившія въ составъ главныхъ силъ, почти не спали, занимаясь приготовленіями къ переходу. Вслѣдствіе большаго скопленія войскъ въ Орханіэ и въ деревняхъ орханійской котловины, люди были размѣщены по домамъ, сараямъ и другимъ постройкамъ, и потому сборъ людей въ темную ночь и выстраиваніе въ походныя колонны представляли не малыя затрудненія. Фельдфебеля и горнисты всю ночь ходили по улицамъ, собирая людей къ своимъ частямъ и десятки разъ раздавались въ темнотѣ одни и тѣ же знакомые сигналы.

Въ добавокъ къ темнотѣ, густой туманъ застилалъ окрестности, такъ что даже огни были видны только съ самаго близкаго разстоя-

(1) Бекеръ. «Воен. Сбор.», 80—4—438.

лія. Дорога во Врачешъ, на которой строились войска, была до того скользка, что люди, лошади и ослы едва держались на ногахъ; наконецъ, 18—20 градусный морозъ давалъ себя сильно чувствовать (1).

Главныя силы были раздѣлены на два эшелона. Первый, подъ начальствомъ генераль-маіора Курлова, состоялъ изъ лейбъ-гвардіи Волынскаго и С.-Петербургскаго гренадерскаго полковъ, 16-ти орудій 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады, Астраханскаго драгунскаго полка и одной сотни Кавказской казачьей бригады, всего восемь баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій, четыре эскадрона и одна сотня.

Второй эшелонъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Философова, состоялъ изъ Литовскаго и Кексгольмскаго полковъ, 2-го и 3-го баталіоновъ гвардейской стрѣлковой бригады и двухъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады, всего 10 баталіоновъ и восемь полевыхъ орудій.

Первый эшелонъ долженъ былъ собраться 13-го декабря, въ 5^{1/2} часовъ утра во Врачешѣ, оттуда выступить въ 7 часовъ утра и слѣдовать къ биваку Астраханскаго драгунскаго полка, гдѣ къ эшелону долженъ былъ присоединиться этотъ полкъ. На этомъ мѣстѣ эшелону предписано было сдѣлать привалъ и начать подъемъ черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ авангарда свернетъ съ шоссе въ горы.

Второму эшелону приказано было 13-го декабря собраться во Врачешѣ къ 8-ми часамъ утра и выступить изъ этой деревни тогда, когда получится свѣдѣніе, что хвостъ авангарда свернулъ съ софійскаго шоссе на подъемъ. Придя на бивакъ Астраханскаго полка, эшелону собраться на привалъ и начать подъемъ черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ 1-го эшелона свернетъ съ шоссе на право.

Обоимъ эшелонамъ предписано было слѣдовать въ Чурьякъ только съ небольшими остановками, необходимыми для отдыха людей.

14-го декабря приказано было обоимъ эшелонамъ выступить изъ Чурьяка, 1-му—въ 6 часовъ утра, а 2-му—черезъ часъ послѣ наступленія хвоста 1-го эшелона, и слѣдовать 1-му на Рожданіе, или прямо черезъ Потопъ, или черезъ Потопъ и Елешницу, а 2-му идти въ Стольникъ черезъ Потопъ и Елешницу. Кромѣ того, пунктомъ шестымъ диспозиціи отъ 11-го декабря предписано было Астраханскому драгунскому полку по выходѣ въ Софійскую долину слѣдовать немедленно черезъ Іени-ханъ въ Тырново и наблюдать шоссе изъ Софіи въ Ихтиманъ.

(1) Энкель. «Воен. Сбор.», 81—2—417; у Федотова, «Исторія Слб. гренадерскаго полка», стр. 212, показано 16°.

Между тѣмъ какъ войска 1-го эшелона, вполнѣ готовая къ движенію, стояли у того мѣста, гдѣ дорога изъ Врачеша выходитъ на шоссе, мимо ихъ еще проходили части авангарда, Козловскій полкъ, артилерія, и только въ 10-мъ часу утра могла тронуться голова колонны генерала Курлова. Въ это время поднялся туманъ, показалось яркое зимнее солнце и холодъ сразу значительно уменьшился. Колонна вошла въ Арабь-конакское ущелье, но у драгунскаго бивака должна была остановиться, такъ какъ авангардъ генерала Рауха еще не весь втянулся на подъемъ. Въ виду продолжительной остановки войскамъ эшелона генерала Курлова было разрѣшено варить пищу и на этомъ же мѣстѣ колонна осталась ночевать ⁽¹⁾. Эшелонъ генерала Философова остался во Врачешѣ. Къ вечеру 13-го декабря подулъ сильный вѣтеръ съ оттепелью, еще болѣе увеличивавшій гололедицу.

Утромъ 14-го числа еще болѣе чѣмъ половина авангарда не начинала подъема; такимъ образомъ, войска генерала Курлова оставались на мѣстѣ и въ виду того, что ущелье, гдѣ начинается подъемъ въ горы, было болѣе закрыто отъ сквознаго вѣтра, господствовавшаго на драгунскомъ бивакѣ, генераль Каталей перевелъ сюда бивакъ эшелона генерала Курлова, а колонна генерала Философова была изъ Врачеша передвинута къ драгунскому биваку. 15-го декабря хвостъ авангарда все еще толпился часовъ до 3-хъ пополудни въ ущельѣ, оставаясь такимъ образомъ, болѣе двухъ сутокъ на мѣстѣ и только тогда начался подъемъ 1-го эшелона, происходившій при тѣхъ же затруднительныхъ условіяхъ и съ такимъ же распредѣленіемъ пѣхоты и артилеріи, какъ и подъемъ авангарда и потребовавшій такихъ же гигантскихъ усилій отъ всѣхъ участниковъ этого перехода. Къ вечеру 15-го декабря поднялась до перевала голова колонны генерала Курлова и здѣсь войска были остановлены, такъ какъ совершеніе спуска въ темную ночь и во время поднявшейся метели было признано невозможнымъ. Съ разсвѣтомъ 16-го декабря начался спускъ съ перевала, который затруднялся еще тѣмъ, что въ это время еще не были спущены одна батарея и ящики другой батареи изъ авангарда. Работа эта была окончена только 18-го декабря вечеромъ ⁽²⁾, такъ что на спускъ артилеріи авангарда и двухъ эшелоновъ главныхъ силъ, всего 44-хъ орудій, потребовалось почти четверо сутокъ; длина спуска была всего около трехъ верстъ. Такимъ образомъ, вмѣсто 13-го декабря войска собрались на южномъ склонѣ горъ только 18-го вечеромъ.

⁽¹⁾ Федотовъ, стр. 124.

⁽²⁾ Федотовъ, стр. 226.

Послѣ перехода черезъ горы и послѣ всѣхъ перенесенныхъ трудовъ большинство людей не имѣли ни необходимаго отдыха, ни достаточной пищи. Занятые селенія были въ большинствѣ не велики и не могли дать пріюта всѣмъ войскамъ, а потому многимъ людямъ пришлось располагаться бивакомъ на дворахъ. Но кромѣ того, что приходилось оставаться на открытомъ воздухѣ при сильномъ морозѣ, люди еще испытывали величайшія лишения, не имѣя достаточнаго продовольствія. Правда, мясо имѣлось почти вездѣ и у всѣхъ въ изобиліи, но затѣмъ, кромѣ мяса, люди ничего не имѣли: ни хлѣба, ни сухарей, такъ какъ сухарный запасъ, взятый съ собой въ горы, истощился давно. Неся въ теченіе нѣсколькихъ дней огромный трудъ при перетаскиваніи артилеріи черезъ горы, люди во время этого перехода не могли ограничиться фунтовой дачею сухарей, такъ что уже 17-го и 18-го декабря многіе не имѣли сухарей и должны были довольствоваться однимъ мясомъ. Къ этому необходимо добавить, что въ войскахъ ощущался недостатокъ соли, а въ нѣкоторыхъ частяхъ ея и совсѣмъ не было (1).

Генеральнаго штаба подполковникъ Епанчинъ.

(Продолженіе будетъ).

(1) Федотовъ, стр. 227

ПРАВСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ РУКАХЪ СУВОРОВА.

Въ статьѣ нашей «Нравственный элементъ въ рукахъ опытнаго начальника» («Военный Сборникъ» 1888 года, № 12-й) мы сдѣлали первый опытъ изслѣдованія вопросовъ пользованія нравственнымъ элементомъ на войнѣ и для этого выбрали матеріаломъ небольшою эпизодъ—Ахаль-текинскую экспедицію, веденную М. Д. Скобелевымъ. Но детальная разработка подобныхъ, весьма важныхъ и обширныхъ вопросовъ, съ цѣлью дать возможность придти къ болѣе или менѣе правильнымъ выводамъ и къ установленію хотя бы главныхъ основныхъ принциповъ, конечно, не ограничивается изученіемъ одного небольшого эпизода. Подобныя вопросы требуютъ обширныхъ матеріаловъ и серьезной разработки, которая не всегда и подъ силу одному человѣку.

Изыскивая достаточно обширный матеріалъ, конечно, не исключая его солидности, невольно приходится остановиться на дѣятельности Суворова. Его дѣятельность можетъ дать самый богатый матеріалъ, съ одной стороны, потому что онъ былъ великій, гениальный русскій полководецъ, а съ другой стороны—потому, что не всѣ иностранцы признаютъ его за великаго полководца. Въ прошлой статьѣ нашей мы упоминали уже, что военно-историческія изслѣдованія весьма мало разработываютъ проявленія нравственнаго элемента. Обращаясь же къ извѣстной формулѣ Наполеона, что на войнѣ $\frac{3}{4}$ нужно отнести къ нравственному элементу и $\frac{1}{4}$ ко всему остальному, приходится придти къ заключенію, что военная исторія, въ большинствѣ случаевъ, детально разработываетъ и разъясняетъ только четвертую составную часть всѣхъ явленій на войнѣ. Происходитъ это отъ того, какъ мы уже высказали, что нравственная сторона и въ дѣлѣ обученія войскъ, и ихъ воспитанія, и въ дѣлѣ единенія войскъ со своимъ начальникомъ, и въ дѣлѣ воздѣйствія начальника на свои войска, въ большинствѣ случаевъ, остается невидимою, такъ какъ составляетъ не казовую, а внутреннюю сторону дѣятельности и жизни войскъ. Въ другихъ же случаяхъ она проявляется въ видѣ отдѣль-

ныхъ эпизодовъ, имѣвшихъ наибольшее значеніе именно въ данную минуту, а потому опять-таки ускользаетъ отъ безстрастнаго изслѣдователя. Кроме того, иностранцу весьма трудно разбирать нравственные вопросы при изслѣдованіи дѣятельности чужой арміи, такъ какъ эти вопросы имѣютъ настолько тѣсную связь съ національными особенностями армій, что нужно самому весьма близко изучить и знать извѣстную національность, чтобы дѣлать выводы и подмѣчать значеніе всякой мѣры въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія на войска этой національности. Потому-то большинство иностранцевъ и не могли оцѣнить дѣятельности Суворова, такъ какъ у него эти $\frac{3}{4}$ были настолько полны и содержательны, что въ нихъ-то и была вся суть дѣла.

Дѣйствительно, большинство иностранцевъ относили усѣхи нашего великаго полководца или къ слѣпому счастью, или къ столь неразумному упрямству въ достиженіи намѣченной цѣли, при которомъ уже не принимались во вниманіе размѣры кровопролитія. Тѣ же изъ иностранцевъ, которые, какъ, напримѣръ, Дюбокажъ, имѣли возможность хоть сколько нибудь ознакомиться съ бытовою сторопою нашихъ войскъ, вполнѣ увѣровали въ геніальность Суворова и восхищаются его дѣятельностью, оцѣнивая ее по заслугамъ.

Вотъ почему намъ особенно важно детально разобрать специально съ этой точки зрѣнія дѣятельность этого великаго человѣка; къ тому же эта дѣятельность можетъ дать намъ возможность указать на средства пользованія нравственнымъ элементомъ не только въ военное время, но и въ мирное, т. е. въ дѣлѣ обученія и воспитанія войскъ. Это же мы считаемъ еще болѣе важнымъ въ настоящее время.

Прежде, когда войны были сравнительно чаще и когда служба солдата продолжалась не менѣе 25-ти лѣтъ, не трудно было дать людямъ боевое воспитаніе и поддерживать въ части боевыя традиціи. Каждая часть и каждый солдатъ неминуемо попадали на войну и заканчивали тамъ свое военное воспитаніе, а въ мирное время добрая половина людей полка была изъ ветерановъ военного времени. Ныгѣ же, къ сожалѣнію, существуютъ и въ нашей арміи цѣлыя дивизіи, которыя просуществовали уже болѣе четверти вѣка и имъ не улыбнулась еще судьба участіемъ въ кампаніи. Солдатъ, бывшихъ въ бою, совсѣмъ почти не осталось въ рядахъ. Съ другой же стороны, молодому поколѣнію народа въ теченіе 4—5 лѣтняго отбыванія воинской повинности необходимо выдѣрить такую военную закваску, чтобы она не выдохлась въ теченіе 14—13 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ запасный можетъ постоянно ожидать призыва въ ряды моби-

лизованной арміи. Изъ этого уже ясно видно, насколько должны быть продуманы всѣ приемы обученія и воспитанія въ мирное время, чтобы каждый изъ нихъ непремѣнно вносилъ бы что нибудь и въ развитіе боеваго духа въ людяхъ. Тогда только, по мобилизаціи, нравственный элементъ въ войскахъ будетъ настолько силенъ, что имъ можно будетъ пользоваться съ перваго дня открытія кампаніи. Нельзя не придти послѣ этого къ заключенію, что чѣмъ дольше продолжается мирное время, тѣмъ все чаще и чаще нужно говорить и напоминать людямъ и частямъ о войнѣ. При этомъ время, четыре года, въ сравненіи съ требуемыми результатами настолько мало, что необходимо не упускать ни одной минуты, ни одного подходящаго случая для дѣятельности въ этомъ направленіи.

Дѣятельность Суворова представляетъ собою самый богатый, какъ мы уже сказали, матеріаль, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый трудный, какъ по своей обширности, такъ и потому, что Суворовъ былъ дѣйствительно нашимъ народнымъ героемъ, а слѣдовательно въ разсказахъ объ изслѣдованіяхъ жизни и подвиговъ Суворова, попавшихъ въ печать и дошедшихъ до нашего времени, много было, а много и небылицъ. Хотя послѣднія и сложены вѣрно въ суворовскомъ духѣ, но на нихъ все-таки нежелательно было бы основываться, какъ на фактахъ. Поэтому-то для выборки матеріала по интересующему насъ вопросу мы остановились преимущественно на такихъ солидныхъ и правдивыхъ трудахъ о дѣяніяхъ Суворова, которымъ можно безусловно довѣрять, и удержались отъ искушенія просмотрѣть такіе источники, которые, хотя и значительно больше переполнены подходящими эпизодами, но эпизоды эти трудно раздѣлить на дѣйствительно бывшіе и на составляющіе плодъ народной фантазіи, развившейся на почвѣ весьма достойнаго увлеченія своимъ героемъ. Не ручаемся, конечно, что мы выбрали дѣйствительно всѣ, заслуживающіе вниманія и разбора, факты, такъ какъ при массѣ ихъ всегда возможно многое изъ нихъ упустить, даже и не изъ второстепенныхъ.

Прежде чѣмъ приступить къ самому изложенію, мы считаемъ необходимымъ сказать, что сначала мы полагаемъ привести и разобрать эпизоды и мѣры, которыми Суворовъ во время военныхъ дѣйствій добивался нужнаго для него подъема духа своихъ войскъ и подрыва нравственныхъ силъ у противника. Эти объ категоріи мѣръ и средствъ мы приведемъ нераздѣльно, такъ какъ многія изъ нихъ обоюдоострыя, ибо сразу дѣйствуютъ желательнымъ образомъ и на свои войска, и на непріятельскія, но только раздѣлимъ наше изложеніе на три главныхъ группы, сообразно тремъ главнымъ противни-

камъ—поляки, турки, французы, противъ которыхъ довелось дѣйствовать Суворову. Въ каждой же группѣ соберемъ факты въ хронологическомъ порядкѣ.

Изъ этого отдѣла намъ будетъ видно, на какихъ струнахъ и въ какомъ тонѣ игралъ Суворовъ въ военное время; тогда-то мы и перейдемъ къ изслѣдованію—какъ Суворовъ приготовлялъ и настраивалъ эти струны въ мирное время, чтобы получить возможность столь виртуозно ими пользоваться въ военное. Или иначе, разберемъ отношенія Суворова къ подчиненнымъ въ мирное время и обученіе и воспитаніе ихъ съ точки зрѣнія воздѣйствія на подготовку моральныхъ силъ войскъ. Въ заключеніе же постараемся сдѣлать, насколько это намъ удастся, общіе выводы и соображенія.

При этомъ считаемъ нужнымъ оговорить, что при военно-историческомъ изложеніи мы не будемъ описывать дѣйствія полностью и детально, а постараемся лишь въ краткихъ чертахъ возстановить въ памяти читателя данную обстановку и подробно разбирать лишь нужные намъ эпизоды.

I.

Подъемъ духа своихъ войскъ и угнетеніе моральныхъ силъ противника.

1) *Войны съ польскими конфедератами 1768—1772 г. и 1794 г.* Противникъ, съ которымъ приходилось дѣйствовать нашимъ войскамъ въ этихъ войнахъ, представлялъ отдѣльныя конфедератскія шайки, хорошо вооруженныя и въ конномъ строю, въ рукахъ отдѣльныхъ энергичныхъ личностей. Партіи эти безъ всякаго стѣсненія переходили изъ одного мѣста въ другое, встрѣчая всюду полное сочувствіе и содѣйствіе мѣстныхъ жителей, какъ въ продовольствіи, пользованіи и знаніи мѣстности, что было особенно важно въ лѣсистой, болотистой и бездорожномъ польскомъ театрѣ дѣйствій, такъ и въ постоянномъ знаніи всѣхъ передвиженій и данныхъ о противникѣ. Поэтому-то дѣйствія въ этой малой войнѣ русскихъ войскъ должны были отличаться особенною быстротою и скрытностью, такъ какъ только при этомъ получалась возможность неожиданно наступить и захватить партію. Кромѣ того, боевые погромы шаяекъ должны были быть эффектны въ смыслѣ проявленія силы, такъ какъ только это затрудняло конфедератамъ новый сборъ, отвлекало отъ нихъ слабыхъ участниковъ и должно было отвлекать отъ конфедератціи колеблющихся и уменьшать сочувствіе въ населеніи. Выстѣ съ тѣмъ

образъ дѣйствій и поведеніе нашихъ войскъ должно было перетягивать все больше и больше на нашу сторону симпатіи населенія.

Осенью 1768 года, для усиленія русскихъ войскъ въ Польшѣ, въ Смоленскѣ формировался маленькій корпусъ и Суворовъ съ Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ получилъ приказъ прибыть изъ Ладоги подъ Смоленскъ. Ноябрьскія непогоды и соотвѣтственное имъ состояніе тогдашнихъ дорогъ, при множествѣ переправъ черезъ рѣки и полузамерзшія болота, не могли благопріятствовать скорости движенія. Однако, Суворовъ совершаетъ этотъ длинный путь въ 850 верстъ всего въ 30 сутокъ, т. е. болѣе 28-ми верстъ въ сутки кругомъ, причемъ на квартирахъ онъ не оставилъ ни одного больного, а на походѣ у него захворало лишь шесть человекъ и одинъ пропалъ⁽¹⁾. На походѣ онъ всегда былъ съ войсками, раздѣляя вмѣстѣ съ ними всѣ трудности и невзгоды, причемъ, разговаривая все время съ солдатами, своими поговорками и вѣчною бодростью поддерживалъ въ нихъ энергію. По приходѣ на мѣсто, Суворовъ, получивъ въ командованіе бригаду, неутомимо обучалъ ее быстрымъ движеніямъ, тревогамъ, ночнымъ походамъ и дѣйствіямъ, и смѣлымъ атакамъ въ штыки. «потому что, говорилъ онъ, кто отваженъ и смѣло идетъ прямо на непріятеля, тотъ одержалъ уже половину побѣды...»⁽²⁾. Такимъ образомъ Суворовъ настойчиво знакомилъ войска съ предстоящими имъ дѣйствіями.

Весною слѣдующаго года Суворовъ получилъ приказаніе послѣпить изъ Мянска въ Варшаву съ Суздальскимъ полкомъ и двумя эскадронами. Передвиженіе это черезъ край, находившійся въ волненіи, было совершено замѣчательно быстро. Пѣхота въ полномъ вооруженіи съ примкнутыми штыками слѣдовала на подводахъ, половина кавалеристовъ также, по очереди, садилась на подводы. Такимъ образомъ было совершено 560 верстъ въ теченіе 12-ти сутокъ, т. е. болѣе 46-ти верстъ въ сутки кругомъ. Въ ночь прибытія къ Варшавѣ онъ выступаетъ съ небольшимъ отрядомъ на встрѣчу партіи Котлубовскаго, разсѣиваетъ ее и восстанавливаетъ спокойствіе въ Варшавѣ.

Затѣмъ, по полученіи въ Варшавѣ свѣдѣнія о направленіи обоеихъ Пулавскихъ въ Литву, чтобы заставить эту область окончательно присоединиться къ дѣлу конфедераціи, Суворовъ, съ двумя баталіонами, однимъ эскадрономъ, 50-ю казаками и двумя орудіями,

(1) «Генералисимусъ князь Суворовъ». А. Петрушевскій, т. I, стр. 79.

(2) «Суворовъ в паденіи Польши». Смитта, ч. I, стр. 29.

быль направлень въ Брестъ. Придя форсированно къ этому пункту, онъ прочно занялъ его, а самъ ночью съ 400—500 человекъ пѣхоты, 100 человекъ кавалеріи и двумя орудіями выступилъ на поискъ партій. Къ полудню другаго дня онъ отыскалъ у дер. Орѣхово нѣсколько соединенныхъ партій Пулавскихъ и другихъ, въ числѣ до 2,000 человекъ конницы. Пользуясь неожиданностью своего прибытія, Суворовъ съ гренадерами и кавалеріею прорывается черезъ мостъ, отдѣлявшій его отъ позиціи поляковъ. Кавалерія бросается на орудія, которыя поляки поспѣшно убираютъ, боясь ихъ потерять, и нашъ отрядъ выстраивается тыломъ къ лѣсу, имѣя впереди поляну, гдѣ расположены поляки. Сначала наши держатся оборонительно и выдержаннымъ огнемъ отражаютъ всѣ послѣдовательныя атаки многочисленной конницы противника. Когда же неудача этихъ горячихъ атакъ, соединенная съ большими потерями, достаточно понизила боевой азартъ противника, Суворовъ приказываетъ артилеріи зажечь выстрѣлами деревню Орѣхово въ тылу противника, на пути его отступленія. Пользуясь этими двумя впечатлѣніями на противника, Суворовъ бросаетъ свою пѣхоту въ дерзкую штыковую атаку и обращаетъ противника въ бѣгство. Кавалерія наша, въ числѣ менѣе 200 коней, энергично преслѣдуетъ непріятеля, пѣхота же и артилерія открываетъ въ лѣсу самый частый огонь съ цѣлью устрашить поляковъ, заставляя ихъ думать о прибытіи къ намъ новыхъ силъ ⁽¹⁾. Непрѣтатель безостановочно продолжаетъ бѣгство и приходитъ въ полное разстройство.

Въ этомъ эпизодѣ мы видимъ разнообразную подготовку упадка нравственныхъ силъ въ рядахъ противника. Сначала быстрый маршъ и неожиданное появленіе, съ дерзкимъ прорывомъ черезъ мостъ въ расположеніе противника. Затѣмъ, вслѣдствіе неравенства силъ, временное оборонительное положеніе, причѣмъ удачными дѣйствіями онъ убѣждаетъ противника въ своей силѣ и заставляетъ разочароваться въ мечтаніяхъ одержать успѣхъ надъ малымъ нашимъ отрядомъ, подготавливаетъ катастрофу затрудненіемъ пути отступленія и тогда переходитъ къ энергичному наступленію и настойчивому преслѣдованію.

Дальше мы встрѣчаемъ Суворова начальникомъ Люблинскаго раіона, весьма важнаго по свойствамъ мѣстности и по близости къ границамъ. По малости силъ, вообще удѣленныхъ на Польшу, вслѣдствіе открывшейся войны съ Турціею, и въ Люблинскомъ округѣ

(1) А. Петрушевскій, т. I, стр. 83. Смѣтъ, ч. I, стр. 31.

находилось всего около 4,000. При такихъ силахъ войска оказались разбросанными малыми отрядами для занятія укрѣпленныхъ замковъ и вообще важныхъ пунктовъ всего района, имѣя центръ въ Люблинѣ. Конечно, и дѣйствія войскъ ограничивались лишь постоянными малыми пойсками отдѣльными отрядцами противъ бродящихъ партій поляковъ, появлявшихся въ разныхъ пунктахъ района. Благодаря этимъ безпрестаннымъ быстрымъ налетамъ, удавалось сдерживать усиленіе конфедераціи и сохранять край въ своей власти.

Но когда дѣятельность конфедератовъ, благодаря помощи Франціи, значительно оживляется; когда энергичный и даровитый французскій эмисаръ полковникъ Дюмурье, благодаря деньгамъ и инструкторамъ, присланнымъ изъ Франціи, и содѣйствию вліятельныхъ лицъ, успѣваетъ внести въ силы конфедераціи основы организаціи, умножаетъ ихъ и добивается на нѣкоторое время единодушныхъ дѣйствій для исполненія одного общаго, широко задуманнаго, плана. — Суворовъ энергичною и неутомимою дѣятельностью въ 1771 году уничтожаетъ всѣ эти иллюзіи о болѣе правильной постановкѣ военной дѣятельности конфедератовъ.

Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за его дѣйствіями, упомянемъ только, что нечаяннымъ ночнымъ нападеніемъ онъ разбилъ часть Пулавцевъ подъ Роховымъ, и перейдемъ затѣмъ къ разбору окончательнаго удара, нанесеннаго имъ конфедератамъ подъ Ландскроною.

Суворовъ, собравъ около 3,500 чел. съ восемью орудіями, приближался къ Ландскронѣ, гдѣ Дюмурье успѣлъ собрать многія партіи конфедератовъ на крѣпкой позиціи, опиравшейся лѣвымъ флангомъ на городъ и укрѣпленный замокъ Ландскрону, занятый 1,200 чел. съ 30-ю орудіями. Остальную позицію составлялъ командующій гребень, скаты котораго представляютъ затрудненіе для кавалеріи передъ центромъ и лѣвымъ флангомъ и совершенно недоступны по скалистости передъ правымъ флангомъ. Центръ и правый флангъ прикрыты рощами, занятая каждая сотнею французскихъ егерей. Остальные силы Дюмурье состояли изъ конницы конфедератовъ и регулярныхъ гусаръ Шюца. Всего у Дюмурье было около 3,000 человекъ. Суворовъ подходит на противоположный гребень со своимъ авангардомъ и, послѣ обзорннѣя позиціи противника, направляетъ Чугуевскій казачій полкъ въ разсыпную на центральную рощу, поддерживая его эскадрономъ карабинеръ. Дюмурье, боясь, что Суворовъ откажется отъ атаки, запрещаетъ егерямъ и артилеріи открывать по казакамъ огонь, желая встрѣтить противника атакою, когда онъ, раз-

строенный, взберется на гребень. Но расчеты противника были разрушены Суворовымъ. Не успѣли казаки безнаказанно взобраться на гребень, какъ быстро сомкнулись въ лаву и дерзкою, рѣшительною атакою совместно съ карабиперами сбили въ центрѣ и на правомъ флангѣ конфедератовъ Сапѣги и Оржевскаго; затѣмъ той же участи подверглись и гусары Шюца. Пользуясь этимъ и сумятицей въ рядахъ противника, подошла часть русской пѣхоты и остальная кавалерія. Взобравшись на гребень, она хотя и была встрѣчена горячею атакою Мючинскаго, но успѣла ее отбить, такъ что всѣ силы противника обращены были въ бѣгство и только Ваневскій съ лѣваго фланга и Дюмурье со своими егерями сохранили порядокъ при отступленіи. Весь бой продолжался полчаса времени и поляки, потерявъ 500 человекъ убитыми и 200 плѣнными, со многими начальниками въ беспорядкѣ бѣжали съ поля сраженія, горячо преслѣдуемые кавалерією.

Суворовъ самъ про эту замѣчательную кавалерійскую атаку говорилъ послѣдствіи: «произошло отъ хитрыхъ маневровъ французскіе издѣвательствы, которою мы пользовались...» и далѣе «...непріятелю времени давать не должно, пользоваться сколько можно его ошибкой и брать его всегда смѣло съ слабѣйшей стороны, но надлежитъ, чтобы войска предводителя своего разумѣли» (1). Изъ этихъ словъ видно, что Суворовъ воспользовался ошибкою Дюмурье не встрѣчать разсыпной атаки казаковъ, какъ не стоящей, по его мнѣнію, вниманія, и, зная неспособность конфедератовъ къ быстрому маневрированію и ихъ впечатлительность, неожиданно для нихъ и быстро перевелъ это наступленіе въ дерзкую и рѣшительную атаку. Остальное было слѣдствіемъ впечатлѣнія этой атаки. Невозможный, въ глазахъ поляковъ и Дюмурье, способ овладѣнія сильной ландскронской позицією, помощью разсыпной атаки кавалеріи, перешелъ въ возможный подъ всеокрушающими ударами пашекъ преслѣдующихъ. Бѣшенное продолженіе перваго удачнаго удара не дало времени противнику одуматься и примѣниться къ неожиданнымъ обстоятельствамъ, созданнымъ Суворовымъ.

Дюмурье послѣ Ландскроны бросилъ все и уѣхалъ во Францію. Суворовъ же сейчасъ выступилъ форсированнымъ маршемъ къ Замостью и, напавъ врасплохъ на Пулавскаго, разбилъ и его. Не можемъ не упомянуть здѣсь, что Пулавскій, спасая оставшуюся у него часть силъ, успѣваетъ искуснымъ маневромъ обмануть Суво-

(1) А. Петрушевскій. т. I. стр. 104

рова и, обойдя скрытно фланговымъ маршемъ гнавшагося за нимъ Суворова, отступить къ Ченстохову въ тылу нашего отряда по той же дорогѣ. Суворовъ, уважая и у противника военныя доблести, восхитился этимъ маневромъ и послалъ Пулавскому въ знакъ уваженія на память табакерку.

Такимъ образомъ, энергичная и неподражаемая дѣятельность Суворова въ этотъ періодъ сломала возрожденную французами конфедерацию и обезсилила ее снова настолько, что наступило опять затишье. Но достигнуто это было дѣйствительно неподражаемыми рѣшимостью, смѣлостью и неутомимостью. Достаточно сказать, что въ послѣднія 17 сутокъ Суворовъ сдѣлалъ 700 верстъ, что составитъ въ среднемъ болѣе 41-й версты въ сутки, причемъ не проходило 48-ми часовъ безъ боя (1). Недолго Суворовъ оставался послѣ этого въ покоѣ въ Люблинѣ. Конфедератамъ, послѣ ударовъ, нанесенныхъ имъ, оставалась еще одна реальная надежда на присоединеніе къ нимъ литовскаго гетмана графа Огинскаго. Дѣйствительно, Огинскій, имѣя въ Литвѣ собственныя и коронныя войска, давно уже ихъ собиралъ и готовилъ, но все еще не рѣшался окончательно сбросить маску и присоединиться къ Барской конфедерациі.

Русскіе отряды слѣдили за нимъ и, наконецъ, послѣ категорическаго съ нашей стороны запроса, онъ рѣшается открыть свои намѣренія, нападаетъ внезапно на русскій отрядъ Албычева и издаетъ манифестъ о своемъ присоединеніи къ конфедератамъ. Удачное развитіе дѣятельности Огинскаго грозило большими послѣдствіями. Къ нему потянулись уже разныя партіи конфедератовъ. Волненіе въ народѣ могло охватить всю Литву; поляки мечтали уже о перенесеніи оружія въ русскіе предѣлы, почти оголенные отъ войскъ, и вообще значеніе Огинскаго росло съ каждымъ днемъ. Разныя русскіе отряды, расположенные въ Литвѣ, не предпринимали ничего рѣшительнаго противъ него и лишь наблюдали за нимъ издалека. Одинъ Суворовъ, сидя въ Люблинѣ, понялъ опасность положенія и рѣшился идти къ Огинскому для нанесенія ему рѣшительнаго удара. «Спасемъ сначала нашихъ, говоритъ Суворовъ, а потомъ пусть казнь падетъ на мою голову» (2). Съ четырьмя ротами и однимъ эскадрономъ выступилъ онъ на Коцкъ и Бялу. Здѣсь онъ присоединилъ къ себѣ еще двѣ роты, два эскадрона и нѣсколько казаковъ и продолжалъ форсированно двигаться къ Бресту. На четвертыя сутки къ вечеру, сдѣлавъ около

(1) А. Петрушевскій, т. I, стр. 105; Смиттъ, ч. I, стр. 50.

(2) Смиттъ, ч. I, стр. 53.

200 верстъ и имѣя около $\frac{1}{6}$ части людей отсталыми, по скорости движенія (1), Суворовъ прибываетъ въ Слонимъ. Затѣмъ онъ выступаетъ далѣе, но, узнавъ по пути о захожденіи Огинскаго съ силами болѣе 3,000 у Сталовичъ, поворачиваетъ туда и подходитъ къ противнику за два часа до полуночи. Имѣя всего боевой силы въ отрядѣ въ 822 человекъ, Суворовъ въ непроглядно-темную ночь на 12-е сентября 1771 года подошелъ къ Сталовичамъ, направляя отрядъ на огонекъ монастырской башни въ мѣстечкѣ.

Схваченный уланскій пикетъ изъ четырехъ человекъ далъ возможность собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о расположеніи отряда и о нужномъ направленіи движенія. Съ выходомъ на чистое мѣсто отрядъ перестроился въ боевой порядокъ, имѣя въ первой линіи четыре роты, два орудія въ серединѣ съ одною ротою прикрытія, три эскадрона во второй линіи и одну роту Суздальскаго полка (которымъ прежде командовалъ Суворовъ) съ частью кавалеріи въ резервѣ. Въ такомъ порядкѣ отрядъ подошелъ къ болоту, прикрывавшему съ тыла м. Сталовичи. Пѣхота живо бросилась черезъ узкую греблю, длинную въ 200 шаговъ, пролежавшею черезъ болото. У неприятеля поднялась тревога съ страшною суматохою и торопливымъ беспорядочнымъ огнемъ, но уже было поздно—съ потрясающимъ «ура»! пѣхота и кавалерія ворвались въ мѣстечко и работали штыкомъ и саблей, не давая опомниться оторопѣлымъ конфедератамъ. Самъ Огинскій едва успѣлъ вскочить на коня и ускакать къ другой, большей части своего отряда, стоявшей внѣ мѣстечка. Болѣе стойко сопротивлялась лишь личная гвардія Огинскаго въ числѣ 300 человекъ, такъ называемыхъ, лейбъ-янычаръ. Къ утру Сталовичи были очищены, конфедераты бѣжали къ частямъ, стоявшимъ внѣ мѣстечка, гдѣ Огинскій сиѣшно устраивалъ ихъ на позиціи, но конечно, бѣглецы изъ селенія не могли ихъ усилить, а внесли съ собою только ужасъ и смятеніе. Суворовъ живо устроилъ свой отрядъ и повелъ его въ рѣшительную атаку. Побѣда была полная. Всѣ 12 орудій, весь обозъ и казна достались въ руки побѣдителей. Отрядъ Огинскаго окончательно разсѣялся, онъ же самъ бѣжалъ за границу. Такимъ образомъ, однимъ рѣшительнымъ ударомъ были разсѣяны всѣ радужныя надежды поляковъ на Огинскаго и Литву. Не даромъ Суворовъ говаривалъ: «Искусно произведенныя внезапныя нападенія всегда удаются; ночью беззаботный солдатъ, пробуженный вдругъ

(1) Смигъ, ч. I, стр. 53 и «Précis historique sur le marechal Souworow». Duboscage, стр. 62. А. Петрушевскій же свидѣтельствуетъ, что скорость и число отсталыхъ преувеличены.

отъ сна, рѣдко оказываетъ сильное сопротивленіе; чѣмъ неожиданнѣе опасность, тѣмъ большею кажется она ему, и первую мысль внезапно атакованнаго ночью непріятеля есть, не сопротивленіе, по спасеніе себя бѣгствомъ» (1).

Заканчивая выборку эпизодовъ изъ дѣятельности Суворова за этотъ періодъ, намъ остается только привести нѣсколько выдержекъ изъ его инструкціи и указаній постовымъ начальникамъ (т. е. начальникамъ отдѣльныхъ постовъ, каковыми были разбросаны войска для занятія всего района) о способѣ дѣйствій противъ конфедератовъ. Такъ, онъ указываетъ имъ, между прочимъ, при поискахъ рассчитывать суточный маршъ отъ 50—85 верстъ — «не бродить по куріному, а ходить по оленьему» (2); если конфедераты имѣютъ артилерію, то прежде всего ее отнять; тогда они падаютъ духомъ; постовымъ командирамъ не представлять ему, Суворову, извѣстій о конфедератахъ на разсмотрѣніе, а распорядиться самимъ, по зрѣломъ разсмотрѣніи дѣла.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ для обрисовки отношеній Суворова къ прекратившему сопротивленіе противнику и къ мѣстнымъ жителямъ. Въ Несвижѣ, гдѣ онъ послѣ Сталовичъ оставляетъ взятыхъ плѣнныхъ, плѣнные офицеры были приглашены къ нему на обѣдъ. Затѣмъ по дорогѣ къ Пинску онъ встрѣтилъ конфедератскаго офицера съ полковою казною и, давъ ему пропускъ, отпустилъ его вмѣстѣ съ деньгами къ мѣсту назначенія. Вообще же своими мѣрами, вынужденными милосердіемъ, за короткое время пребыванія въ Литвѣ, онъ, по свидѣтельству историковъ, существенно способствовалъ умиротворенію края. Неоднократно приказываетъ онъ содержать плѣнныхъ ласково и человѣколюбиво; кормить ихъ хорошо — «хотя бы то было и сверхъ надлежащей порціи»; постовымъ командирамъ предписываетъ чаще напоминать подчиненнымъ о хорошемъ обращеніи съ отступающими отъ конфедерации — «ибо благопріятіе раскаявшихся возмутителей пользуетъ болѣе нашимъ интересамъ, нежели разлитіе ихъ крови» (3), даже и про нераскаянныхъ говорить — «какъ бунтовщиковъ подлыми не почитайте, но никакого злодѣя уничтожать не должно, а, оружіе низложивши, оказывать всякое благоволеніе». При капитуляціи краковскаго гарнизона Суворовъ отказался взять шпаги у французскихъ офицеровъ, обнялъ и поцѣловалъ начальника ихъ Шуази; затѣмъ пригласилъ офицеровъ

(1) Смигтъ, ч. I, стр. 55.

(2) А. Петрушевскій, т. I, стр. 122.

(3) А. Петрушевскій, т. I, стр. 116 и 123.

къ завтраку, а, отправляя партію плѣнныхъ, предписалъ коивойному начальнику— «содержать ихъ весьма ласково» (1).

Еще болѣе богата поучительными эпизодами была дѣятельность Суворова во вторую польскую кампанію.

Польская революція 1794 года, дѣятельно подготовляемая съ Гродненскаго сейма, неожиданно вспыхнула при роспускѣ части польскихъ войскъ. Прибывшій изъ за границы Костюшко имѣлъ огромный успѣхъ въ первыхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ отрядовъ. Вслѣдъ затѣмъ произошла кровавая рѣзня захваченныхъ врасплохъ русскихъ гарнизоновъ въ Варшавѣ и Гроднѣ, причѣмъ въ первомъ городѣ нашъ гарнизонъ потерялъ до 3,000 человекъ съ 40 орудіями. Обожаемый поляками, даровитый Костюшко дѣятельно организовалъ всеобщее вооруженіе, такъ что удачи прусаковъ, вступившихъ въ край, и войскъ генерала Дерфельдена подъ Краковомъ и Люблиномъ не могли понизить энтузіазмъ поляковъ, а послѣдующія событія еще больше укрѣпили въ нихъ надежду на полную удачу. Общее начальство надъ всѣми двинутыми въ Польшу отрядами было ввѣрено князю Репшину; имъ же должны были вестись главные наступательныя дѣйствія съ сѣверо-востока. На Румянцева возложена была оборона всего пограничнаго пространства отъ Минской губерніи до турецкой границы и содѣйствіе наступательнымъ операціямъ Репнина. Вскорѣ Румянцевъ, по ходу дѣла, счелъ необходимымъ занять значительнымъ отрядомъ съ демонстративною цѣлью городъ Брестъ. Отряду этому затѣмъ указано было, по занятіи Бреста, оборонять линію Буга, содержать связь между отрядами нашими въ Польшѣ и Литвѣ, и устроить провіантскіе магазины для себя и другихъ.

Такимъ образомъ, цѣль дѣйствій этого отряда была второстепенная и демонстративная. Исполненіе этого порученія было возложено Румянцевымъ на Суворова. Къ этому времени слава Суворова, послѣ блестящихъ его подвиговъ въ турецкихъ войнахъ, достигла огромныхъ размѣровъ; солдаты знали и обожали героя Измаила. Вотъ какъ одинъ изъ нихъ говорить объ этомъ: «Многіе изъ воиновъ еще не видали его. — Авось, Богъ дастъ, увидимъ роднаго нашего батюшку! — Такъ надѣялись воины, безгранично любившіе своего полководца. — Явись къ намъ отецъ, и веди, куда хочешь, куда велѣно. И всѣ мы, до послѣдней капли крови твоей; не на животь, а на смерть! — Таково было желаніе, таковы были мысли русскихъ! И

(1) А. Петрушевскій, т. I, стр. 136.

это святая истина. О какъ мы любили его! Да и было за что обожать намъ единственнаго въ цѣломъ мірѣ вождя» (1).

Выступая къ Бресту съ частью силъ и сдѣлавъ распоряженія для присоединенія къ себѣ отрядовъ на маршѣ, Суворовъ разослалъ въ войска, не бывшія еще подъ его командой и не знакомыя съ его обученіемъ и требованіями, свой «катехизисъ» съ приказаніемъ: «...вседневно читать солдатамъ, чтобы они помнили; а штабъ и оберъ-офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и даже капраламъ приказано было знать наизусть. И мы его знали какъ Отче нашъ».

Къ концу августа весь отрядъ Суворова, въ числѣ 12,000—13,000, собрался въ Ковнѣ; тутъ были получены свѣдѣнія объ отступленіи прусскаго короля отъ Варшавы, которую онъ блокировалъ, вслѣдствіе начавшагося возстанія въ его польскихъ провинціяхъ. Въ то же время стало извѣстнымъ о сосредоточеніи поляковъ къ Бресту силою, по слухамъ, до 20,000. Все это заставило Суворова безъ замедленія вести дальнѣйшее наступленіе и, пользуясь быстротой и скрытностью движенія, обрушиться на противника внезапно для большаго впечатлѣнія. Для скрытности движенія не назначался часъ выступленія, а было приказано: «Войскамъ выступить, когда пѣтухъ запоетъ. Идти быстро!.. Голова хвоста не ждеть. Жителей не обижать!». Затѣмъ кричалъ пѣтухомъ «кукареку» самъ Суворовъ, когда по его расчетамъ было время двигаться. Для отсталыхъ при аріергардѣ были подводы. Артельныя повозки двигались впереди главныхъ силъ, подъ прикрытіемъ особаго кавалерійскаго отряда. На походѣ Суворовъ объѣзжалъ части, здороваясь съ ними и разговаривая съ людьми: «Помилуй Богъ Ѳеодоръ (2)! твой богатыри! чудо-богатыри! Но говорятъ: у злодѣевъ-то много силы; а мы ихъ поколотимъ, помилуй Богъ поколотимъ!» (3) Затѣмъ спрашивалъ о старыхъ солдатахъ, узнавалъ бывшихъ съ нимъ въ прежнихъ кампаніяхъ, вспоминалъ съ ними о разныхъ эпизодахъ въ прежнихъ бояхъ, давалъ людямъ прозвища—Огонь, Орель, Соколь и т. д.

Быстро и неожиданно для непріятеля подвигаясь впередъ, Суворовъ нечаянными нападеніями захватилъ передовую кавалерійскую партію у Дивина, разгромилъ авангардъ Сѣраковскаго у Кобрина и разбилъ его главныя силы у Крупчицы. Въ этомъ бою: «Свойственнымъ только ему одному взглядомъ, онъ гдѣ только замѣчалъ малѣйшій застой нашихъ противъ силы непріятельской, мгновенно являлся

(1) «Разказы стараго воина о Суворовѣ», стр. 8.

(2) Командиръ роты Ѳ. В. Харламовъ.

(3) «Разказы стараго воина», стр. 16 и 20.

туть; нѣсколько его словъ, какъ-то: впередъ! коли! руби! бей! не давай опомниться!—вливали въ воиновъ новую силу, удесятерили храбрость, и непріятель горами падалъ на мѣстѣ. Поистинѣ, воины творили чудеса въ его глазахъ, потому что невыразимо любили его всею душою» (1).

Подъ Крупчицей непріятель, потерявъ около 3,000 человекъ, успѣлъ укрыться отъ преслѣдованія густыми лѣсами. Быстрота движенія и скрытность до этихъ боевъ послужили къ тому, что Сѣраковский, по показанію плѣннаго (2), считалъ до Крупчицы своими противниками небольшіе отряды Бугсгевдена и Маркова; Суворова же предполагалъ еще далеко назади. Неожиданное же появленіе Суворова передъ польскими войсками, конечно, имѣло громадное значеніе.

Заботливость о людяхъ Суворова во время этихъ форсированныхъ дѣйствій доходила до того, что въ концѣ боя подъ Крупчицею, видя признаки склоненія побѣды на нашу сторону, онъ спѣшно посылаетъ за артельными повозками, такъ что черезъ часъ послѣ боя началась уже варка пищи. Немного отдохнувъ послѣ боя, тутъ же, подъ деревомъ, на раскинутомъ плащѣ, Суворовъ поѣхалъ въ лагерь, гдѣ, подѣзжая къ каждому полку, благодарилъ всѣхъ до послѣдняго солдата за молодецкую быстроту и храбрость и—говорилъ рѣчь въ каждомъ полку, рѣчь краткую, огненную, которая проникала въ душу война и дѣлала всякаго непобѣдимымъ богатыремъ. Въ заключеніе сказалъ: «экзерциція! субардинація! ученье свѣтъ, а не ученье тьма. Дѣло мастера боится. Вы богатыри! вы витязи, вы русскіе! Какую топь перелетѣли! какія крѣпкія батареи вы взяли! Благодареніе Богу... ура!» (3).

Въ тотъ же день, вечеромъ, Суворовъ объѣхалъ раненыхъ нашихъ и поляковъ, и плѣнныхъ; затѣмъ пробовалъ пищу въ котлахъ и, выѣхавъ передъ фронтъ выстроившихся войскъ, скомандовалъ «къ зорѣ» и, обнаживъ голову, самъ громко прочелъ молитву. Ночью, какъ рассказывали караульные, Суворовъ выходилъ часто изъ палатки, разговаривалъ съ ними и, обращаясь къ спящему лагерю, говорилъ имъ: «тише, тише говорите! пусть снятъ витязи!» (4). И дѣйствительно, нужно было отдохнуть витязямъ, такъ какъ предстояло еще докончить пораженіе Сѣраковского у Бреста, гдѣ у него оста-

(1) «Разказы стараго война», стр. 27.

(2) А. Петрушевскій, т. II, стр. 56.

(3) «Разказы стараго война», стр. 29—30.

(4) «Разказы стараго война», стр. 32.

валось болѣе 10,000, а Суворовъ могъ привести туда не болѣе 8,000—9,000.

Направляясь къ Бресту, Суворовъ подошелъ къ вечеру на шесть верстъ и остановилъ отрядъ скрытно за лѣсистымъ холмомъ; отсюда онъ тронулся въ 1 часъ ночи въ обходъ позиціи поляковъ по бродамъ черезъ Муховець и Бугъ. Когда поляки обнаружили наступленіе русскихъ и ихъ направленіе, они принуждены были перемѣнить позицію подъ прямымъ угломъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала онъ заставилъ поляковъ измѣнить свои распоряженія, подчиняясь дѣйствіямъ противника. Перестроеніе было совершено въ порядкѣ и, повидимому, поляки собирались съ твердостью встрѣтить наступленіе. Они уже открыли артилерійскій огонь. Но вскорѣ Сѣраковскій, вѣроятно, недовольный новою позиціею, началъ отступать на слѣдующую. Этимъ то невыгоднымъ для непріятеля впечатлѣніемъ сейчасъ же воспользовался Суворовъ и, не дожидаясь пѣхоты, бросилъ всю свою кавалерію на колонны противника; въ бою успѣли принять участіе только нѣсколько передовыхъ егерскихъ баталіоновъ. Поляки защищались отчаянно, но надломленныя моральныя силы ихъ не дали возможности устоять противъ рѣшительныхъ и воодушевленныхъ атакъ войскъ Суворова. Въ бою и при преслѣдованіи на протяженіи 15-ти верстъ за Брестъ корпусъ Сѣраковскаго былъ окончательно уничтоженъ. Вся артилерія, въ числѣ 28-ми орудій, и знамена остались въ рукахъ побѣдителей. Изъ всего корпуса спаслось бѣгствомъ и прибыло въ Варшаву отъ 500—1,000 человекъ. Возвратившись съ преслѣдованія съ кавалеріею, Суворовъ засталъ главную часть своей пѣхоты за работами по уборкѣ поля сраженія. Имъ онъ еще раньше послалъ приказаніе — «помогать раненымъ полякамъ» (1). Онъ живо обскакалъ всѣ части и благодарилъ ихъ за побѣду.

Черезъ день къ свѣжей могилѣ погребенныхъ собрались офицеры и представители отъ каждой роты и эскадрона. Въ присутствіи Суворова была отслужена панихида, послѣ которой онъ сказалъ краткое слово въ память убитенныхъ.

Впечатлѣніе ряда побѣдъ Суворова въ Польшѣ было громадное, такъ блестяще начатое дѣло революціи получило неизлечимый ударъ уничтоженіемъ цѣлаго корпуса Сѣраковскаго и вліяніемъ на польскія войска суворовскихъ побѣдъ. Польскіе солдаты убѣдились во-очію, что имѣютъ дѣло съ тѣмъ же самымъ Суворовымъ, а то

(1) А. Петрушевскій, т. II, стр. 67.

ихъ старались увѣрить начальники, что назначенный въ Польшу Суворовъ есть только однофамилецъ знаменитаго побѣдителя турокъ, до того боялись они впечатлѣнія одного имени Суворова (1).

Костюшко, прыскававъ въ Гродно, наскоро осмотрѣлъ войска и сейчасъ же уѣхалъ въ Варшаву, не переговоривъ обстоятельно съ начальниками войскъ, такъ онъ былъ угнетенъ ужасною вѣстью о Брестскомъ погромѣ.

Послѣ этихъ побѣдъ наступило вынужденное бездѣйствіе въ брестскомъ лагерѣ въ ожиданіи подгрѣпленій для дальнѣйшихъ дѣйствій. У Суворова за необходимыми командировками оставалось не болѣе 5,000—6,000.

Устроивъ лагерь со всевозможною тщательностью и довольствомъ для людей, Суворовъ дѣятельно занималъ ихъ ученьями по два раза въ день, подготавливая къ предстоящимъ дѣйствіямъ. Ученья производились на кароткѣ съ требованіемъ наибольшей быстроты въ движеніяхъ и перестроеніяхъ. Часто производились ночные штурмы устроенныхъ для того земляныхъ укрѣпленій. Суворовъ присутствовалъ или самъ производилъ ученья и послѣ нихъ поучалъ людей выдержками и разъясненіями изъ своего катехизиса, а также разборомъ бывшаго маневра. У вечерней зори самъ читалъ «Отче нашъ». Бывалъ на всенощныхъ и обѣдняхъ въ походной церкви одного изъ полковъ. Часто посѣщалъ госпитали, пробовалъ пищу въ нихъ и въ ротахъ, причемъ беспощадно взysкивалъ за злоупотребленія. Такъ текла жизнь въ Брестѣ; Суворовъ уже начиналъ отчаяваться въ возможности закончить кампанію за наступленіемъ поздняго времени. Но вотъ приходитъ радостная вѣсть о побѣдѣ Ферзена надъ Костюшкой при Мацеіовичахъ 28-го сентября. Поляки разбиты на голову и самъ Костюшко, раненый, захваченъ въ плѣнъ.

Суворовъ сейчасъ же оцѣнилъ нравственное значеніе этого погрома для поляковъ и рѣшилъ немедленно имъ воспользоваться и двинуться для покушенія на Прагу и Варшаву. Онъ сейчасъ же послалъ приказанія, косвенно подчиненнымъ ему, Ферзену и Дерфельдену, гнать передъ собой польскіе отряды и слѣшить къ Прагѣ на соединеніе съ нимъ. Послѣ этого онъ собралъ военный совѣтъ для внушенія своего плана подчиненнымъ начальникамъ, которые и сдѣлали постановленіе согласно его предположеній.

Оставивъ въ Брестѣ около 2,000, онъ съ 8,000 двинулся къ Прагѣ. На походѣ во время движенія онъ опять-таки не разъ подѣ-

(1) А. Петрушевскій, т. II, стр. 71.

ѣзжаетъ къ войскамъ, подготовляя ихъ разговорами къ предстоящимъ дѣйствіямъ. Причемъ онъ нескрывалъ отъ войскъ силы непріятеля, а убѣждалъ ихъ, что Прага даромъ въ руки не дастся, говоря: «Намъ давнымъ давно туда пора, помилуй Богъ, пора; поляки копаются, какъ кроты въ землѣ»; солдаты же отвѣчали: «...что другаго Измаила не выстроить, а и тому не поздоровилось» (1). Соединившись 14-го октября съ 11,000 Ферзена въ Стапиславовѣ, онъ сдѣлалъ смотръ этому корпусу. Оказалось, что нѣкоторые полки не служили еще подъ его начальствомъ, такъ что онъ сейчасъ же приказалъ раздать полкамъ Ферзена свой военный катехизисъ.

Нельзя не упомянуть, что только здѣсь войскамъ подвезли зимнее платье; до тѣхъ поръ у людей были съ собой только кители и плащи. Суворовъ самъ мерзъ все время въ холщевомъ кителѣ и переодѣлся въ сукно только когда люди одѣли мундлыры. Въ Стапиславовѣ Суворовъ узналъ, что польскіе отряды, отступавшіе къ Варшавѣ, должны находиться верстахъ въ 20-ти отъ него—въ Окуневѣ и Кобылкѣ. Онъ немедленно направляетъ Ферзена на Окуневъ, а самъ, усиливъ свою кавалерію, двигается ночью же на Кобылку. Въ серединѣ ночи кавалерійскій авангардъ, не болѣе 1,500 коней, даетъ знать Суворову о присутствіи у Кобылки 3—4-тысячнаго отряда поляковъ, состоящаго изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, и получаетъ приказаніе продолжать движеніе. Кавалерія втянулась въ густой лѣсъ, затѣмъ должна была пробираться по трудной болотистой мѣстности и, наконецъ, къ шести часамъ утра, 15-го октября, вышла на открытое мѣсто въ полторы версты діаметромъ, окруженное столь же частымъ лѣсомъ, на которомъ и выстроились поляки. Съ фланговъ позиція ихъ обстрѣливалась скрытыми въ чащи лѣса егерями съ артилерією. Наша кавалерія, несмотря на это, бросается на кавалерію противника, расположенную на флангахъ. Прибывшій на мѣсто Суворовъ посылаетъ спѣшно за остальною кавалерією и, по мѣрѣ ея прибытія, продолжаетъ настойчивыя и дерзкія атаки на отрядъ противника. Наконецъ, непріятель переходитъ къ отступленію. Суворовъ настойчиво его преслѣдуетъ, причемъ кавалерія пользуется каждой прогалиной въ лѣсу, чтобы атаковать. Нѣхота наша не могла поспѣть по трудности лѣсной и болотистой дороги, испорченной къ тому же проходомъ всей кавалеріи; только два егерскихъ баталіона поспѣли къ мѣсту побоища. Дѣло доходитъ до того, что одинъ егерскій баталіонъ съ четырьмя эскадронами Мариупольскаго легко-кон-

(1) А. Петрушевскій, т. II, стр. 87.

наго полка и двумя эскадронами глуховскихъ карабинеръ выходить на путь отступленія поляковъ къ Варшавѣ, но на такой мѣстности, гдѣ дѣйствіе въ конномъ строю совершенно невозможно. Тогда эскадроны спѣшиваются и вмѣстѣ съ егерями рѣшительно атакуютъ ободеннаго непріятели. Результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій, продолжавшихся не болѣе пяти часовъ, является полный разгромъ противника съ потерюю всѣхъ девяти орудій, знамени, обоза и 1,073 человекъ плѣнными. Лишь самая незначительная часть отряда успѣла спастись въ Прагу.

Въ этомъ бою мы видимъ такое употребленіе кавалеріи, про которое самъ Суворовъ впоследствии какъ-то сказалъ: «Если бы ты былъ при Кобылкѣ, ты бы увидѣлъ то, чего и я никогда не видалъ» (1). Но способъ дѣйствій подъ Кобылкою объясняется бывшею тогда обстановкой. Суворовъ въ 20-ти верстахъ отъ Праги кавалеріею своею нагналъ отступавшій туда отрядъ поляковъ. Если бы онъ ждалъ прибытія пѣхоты, то далъ бы возможность этимъ войскамъ присоединиться къ гарнизону Праги, которую онъ собирался брать штурмомъ, чѣмъ не только бы усилился ея гарнизонъ на 3,000—4,000, но въ составѣ этого гарнизона оказались бы части, которыя съ гордостью говорили бы, что передъ ними былъ самъ Суворовъ со своими войсками и не рѣшился ихъ атаковать. Теперь же гарнизонъ Праги получалъ бѣглецовъ изъ-подъ Кобылки, что могло только ослабить его силы въ нравственномъ отношеніи. Бѣглецы эти могли разсказать только товарищамъ, что даже кавалерія Суворова разметываетъ въ непроходимомъ лѣсу ихъ войска, составленные изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, а при случаѣ спѣшивается и съ одгѣми саблями такъ же жестоко атакуетъ врага, какъ пѣхота со штыками.

Такъ былъ влечь ядъ, разрушающій моральныя силы противника, въ гарнизонъ Праги. Потому-то Кобылку мы и относимъ къ нравственной подготовкѣ послѣдующаго штурма Праги. Конечно, такой способъ подготовки подъ силу далеко не всякому; нужно прежде сдѣлаться Суворовымъ въ арміи и завладѣть сердцемъ своихъ войскъ, какъ онъ имъ владѣлъ, и тогда только можно рѣшаться на подобные способы дѣйствій. Горе тому начальнику, который рѣшился бы скопировать одну лишь наружную форму дѣйствій, не думая о внутреннемъ ихъ содержаніи.

Послѣ эпизода у Кобылки войска тотчасъ же начали готовить все необходимосъ—какъ туры, фашины и т. д. для, давно задум-

(1) А. Петрушевскій, т. II, стр. 97.

маннаго Суворовымъ, штурма Праги. Войска Дерфельдена еще не прибыли; съ приходомъ же ихъ у Суворова собиралось 24,000—25,000, въ числѣ которыхъ было около $\frac{1}{3}$ кавалеріи и всего 86 полевыхъ орудій. Съ этими-то силами онъ рѣшилъ взять открытою силою Прагу, предмѣстье Варшавы, сильно укрѣпленное и имѣвшее, по слухамъ, до 30,000 защитниковъ при сотнѣ орудій.

Дѣйствительно, Прагу, по проекту Костюшки, поляки укрѣпляли цѣлое лѣто, причеиъ дѣло это было значительно подогрѣто патриотизмомъ, такъ что для участія въ работахъ по возведенію укрѣпленій съѣзжалось все населеніе Варшавы безъ различія классовъ. Конечно, это увлеченіе современемъ значительно охладилось, но все-таки ко дню прибытія Суворова Прага была обнесена землянымъ валомъ, а въ верстѣ впереди былъ насыпанъ значительный ретраншанментъ, примыкавшій къ Вислѣ выше и ниже Праги; длина его доходила до $6\frac{1}{2}$ верстъ. Мѣстами впереди ретраншамента были сдѣланы отдѣльныя укрѣпленія и онъ былъ усиленъ еще передовыми преградами, въ особенности волчьими ямами въ нѣсколько рядовъ. Самою сильною частью его былъ исходящій уголъ, гдѣ были два сильные кавальера, въ томъ числѣ одинъ каменный. Мостъ черезъ Вислу въ Варшаву прикрытъ былъ небольшимъ укрѣпленіемъ. Узкая полоса между южною оконечностью ретраншамента и рѣкою прикрывалась тремя батареями. Вооруженіе состояло изъ 100 слишкомъ орудій, большею частью крупнаго калибра. Сѣверный флангъ ретраншамента обстрѣливался съ батареей на острову. Главнымъ недостаткомъ была обширность постройки, несоотвѣтствовавшая количеству силъ, которыхъ было ко дню штурма нѣсколько болѣе 20,000. Войска были расположены лагеремъ между валомъ и ретраншанментомъ.

Войска эти хотя и были регулярныя, но, конечно, значительно уступали по своему составу времени начала революціи, когда они были дѣйствительно въ хорошемъ состояніи. Постоянныя пораженія въ послѣдній періодъ кампаніи, конечно, отразились на ихъ моральныхъ силахъ, не говоря уже о выбитіи изъ строя многихъ старыхъ солдатъ. Нельзя это было не замѣтить по увеличивающемуся числу дезертировъ и по меньшему упорству въ бояхъ. Но все-таки, несмотря на эти признаки дезорганизаціи, войско было храброе и воодушевленное любовью къ родинѣ.

Начальствованіе надъ войсками тоже было не прежнее. Пѣбленіе въ высшей степени талантливаго народнаго героя Костюшки нанесло непоправимый ударъ революціи. Главнокомандующимъ былъ избранъ

Вавржецкій, человекъ не сильнаго характера и къ тому же считавшій дѣло проиграннымъ, а потому исполнявшій только возложенную на него обязанность, безъ всякой увѣренности въ успѣхъ. Хотя остальные командующіе генералы и держались противоположнаго мнѣнія, но общая рука надъ ними была, какъ мы видимъ, слабая.

Отъ Суворова, конечно, не скрылись всѣ мелкіе признаки состоянія противника, потому-то онъ и шелъ такъ увѣренно на штурмъ; къ тому же на правильную осаду не было ни времени (конецъ октября), ни средствъ, на то потребныхъ; блокада же Праги вмѣстѣ съ Варшавою, хотя и обѣщала успѣхъ, по малымъ запасамъ продовольствія въ городъ, но была не по силамъ, имѣвшихся въ распоряженіи Суворова, войскъ.

18-го октября Суворовъ произвелъ первую рекогносцировку крѣпости. 19-го прибыли войска Дерфельдена. Суворовъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ внушилъ всѣмъ начальникамъ свою безповоротную рѣшимость штурмовать оплотъ поляковъ, такъ что постановленіе этого совѣта состоялось по сущности слѣдующее: «идти къ Прагѣ и брать ее приступомъ, несмотря ни на какія укрѣпленія» (1).

Къ 22-му числу всѣ приготовленія къ штурму были окончены и войска съ распущенными знаменами, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, какъ на праздникъ, выступили подъ Прагу и стали лагеремъ вѣ орудійнаго выстрѣла съ укрѣпленій. Въ теченіе ночи были построены, скрытно отъ непріятеля, батареи на 22, 16 и 48 орудій. Батареи эти совершенно неожиданно для противника открыли на другое утро огонь по укрѣпленіямъ. По донесенію самого Суворова, батареи эти должны были заставить думать противника о началіи осады, съ цѣлью скрыть рѣшенный штурмъ. Но главною особенностью штурма была его быстрота; онъ былъ назначенъ въ ночь съ 23-го на 24-е число, всего черезъ сутки по прибытіи войскъ подъ Прагу.

Для ночнаго штурма была отдана подробная диспозиція, по которой войска были раздѣлены на семь колоннъ, изъ которыхъ двѣ назначались для прорыва съ фланговъ ретраншамета и дальнѣйшаго наступленія къ мосту въ Варшаву, для отрѣзанія войскамъ Праги пути отступленія черезъ Вислу. Двѣ первыя колонны, которыя должны были въ числѣ первыхъ начать атаку, были подчинены генералу Ласси и полковнику Лобанову-Ростовскому — участникамъ подобнаго же штурма Измаила. Кромѣ того, въ полковыхъ приказахъ были отданы наставленія Суворова людямъ, указывающія подробно внутрен-

(1) А. Петрушевскій, т. II, стр. 100.

ный распорядокъ въ колоннахъ при штурмѣ; заканчивалось это наставленіе напоминачіемъ объ отношеніи къ жителямъ и слѣдующими словами: «... Кого убьютъ—Царство Небесное; живымъ—слава! слава! слава!» (1). Приказъ этотъ былъ прочтенъ въ каждой ротѣ по три раза, чтобы люди хорошенько его запомнили. Съ наступленіемъ ночи люди одѣли чистое бѣлье и, поставивъ у костровъ ротные образа, молились объ укрѣпленіи силъ на предстоящее дѣло и о ниспосланіи побѣды (2). Въ 3 часа ночи колонны тронулись, а въ 5, еще до разсвѣта, взвилась сигнальная ракета для начатія штурма. Штурмъ удался блистательно. Суворовъ, слѣдя за штурмомъ и видя по ходу его необыкновенное возбужденіе и ожесточеніе войскъ, прибылъ къ мосту, занятому нашими войсками, съ приказаніемъ никого не пропускать въ Варшаву и приказаль его сжечь. Ожесточеніе людей въ Прагѣ, достигшее крайнихъ предѣловъ, нужно объяснить не упорствомъ непріятеля, котораго онъ не выказалъ, а отместкою за веселую рѣзню въ Варшавѣ. Не даромъ люди еще передъ штурмомъ говорили: «за кровь нашихъ, измѣннически пролитую въ Варшавѣ на Страстной недѣлѣ!.. Пора васъ убаюкать!» (3).

На берегъ Вислы была проведена вся артилерія, которая и бомбардировала Варшаву въ теченіе всего дня. Канонада эта, равно какъ пожаръ и истребленіе польской арміи въ Прагѣ, на глазахъ устрешенной Варшавы, сдѣлали свое дѣло—черезъ сутки явилось къ Суворову изъ города посольство съ предложеніемъ капитуляціи.

Погромъ арміи въ Прагѣ былъ полный: 9,000—10,000 легло на мѣстѣ боя, 11,000—13,000 сдалось въ плѣнъ, орудій захвачено 104. Но результатомъ впечатлѣнія пражскаго побоища, кромѣ занятія Варшавы, было главное—полное прекращеніе войны и обезоруженіе остатковъ польскихъ войскъ. Не даромъ Суворовъ говорилъ: «Un combat meurtrier en epargne plusieurs autres qui le serait davantage» (4).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что штурмъ Праги, долженствовавшій по плану Суворова закончить всю кампанію и окончательно принудить противника къ повиновенію, былъ тщательно имъ подготовленъ: способомъ веденія всѣхъ предшествующихъ операцій; удачнымъ выборомъ времени, когда моральныя силы противника являлись на самомъ низкомъ уровнѣ, и способомъ производства самаго

(1) «Разказы стараго воина», стр. 16.

(2) «Разказы стараго воина», стр. 47.

(3) «Разказы стараго воина», стр. 47.

(4) Duboscage, стр. 111. «Одно кровопролитное сраженіе исключаетъ многія другія, которыя въ сумѣ повели бы къ большимъ потерямъ».

Т. ССІІІ—Отд. I.

штурма—быстротою и въ ночное время, чѣмъ обезпечивалась къ тому же его неожиданность для противника. Другою же данною во всей этой операціи было состояніе и настроеніе своихъ войскъ въ рукахъ обожаемаго ими начальника. Только принявъ все это во вниманіе, станетъ понятно, какъ удалось Суворову, по его обѣщанію, покончить съ польскою войной въ теченіе 40 дней, не считая вынужденной стоянки въ Брестѣ.

Но не о сокрушеніи только врага думаль Суворовъ, столько же мы видимъ съ его стороны заботы и для умиротворенія края. Всѣ добровольно сдавшіеся плѣнные были, по его приказанію, отпущены на свободу съ выдачею паспортовъ. Сейчасъ же послѣ штурма Праги Суворовъ крайне привѣтливо обошелся съ плѣнными генералами и пригласилъ даже всѣхъ штабъ-офицеровъ къ себѣ на обѣдъ (всѣхъ офицеровъ было взято до 450). Во время штурма онъ спасъ Варшаву отъ такого погрома, каковому подверглась волей-неволей Прага. При въѣздѣ въ Варшаву онъ по братски обнимался съ членами магистрата и громко благодарилъ Бога, что Варшава досталась ему не такую цѣною, какъ Прага. Разница между этими ласками и участіемъ населенія Праги много обезпечивала дальнѣйшее спокойствіе жителей. Затѣмъ въ Варшавѣ король обратился къ нему съ просьбою объ освобожденіи изъ плѣна одного офицера и на это Суворовъ, по собственному почину, предложилъ ему выбрать и вернуть, изъ числа отпавленныхъ въ Россію плѣнныхъ, цѣлыхъ 500 человекъ. Вообще, при полной энергіи, всѣ его дѣйствія, служившія къ умиротворенію края послѣ войны, отличались такой мягкостью, что возбудили даже противъ него неудовольствіе въ Петербургѣ, но, конечно, сдѣлали главное для водворенія скорого спокойствія въ Польшѣ. И населеніе края, а въ особенности столицы, по достоинству оцѣнило это великодушіе побѣдителя, поднесло ему въ Екатерининъ день 1794 года табакерку отъ города и присвоило ему названіе: «своего избавителя» за сожженіе моста черезъ Вислу въ день пражскаго штурма.

Заканчивая выборки изъ дѣйствій Суворова въ польскія войны, приведемъ еще небольшое предписаніе его одному изъ старшихъ генераловъ, медленностью дѣйствій котораго онъ былъ недоволенъ: «... рекомендую вашему превосходительству полную рѣшимость, вы генераль; я издали, и вамъ ничего приказать не могу. Иначе стыдно бы было, вы локальный. Блюдайте быстроту, импульсію, холодное оружіе; вѣрять счетъ мятежниковъ» (1).

(1) А. Петрушевскій, т. II, стр. 145.

2) *Войны съ турками 1769—1774 и. и 1787—1791 годовъ.*

Въ первый разъ Суворовъ принималъ участіе въ войнахъ съ турками въ кампанію 1773 года, когда уже, предъидущими кампаніями, Румянцевъ окончательно снялъ съ турокъ ореолъ непобѣдимости и вообще военная слава турокъ была для русскихъ войскъ, по крайней мѣрѣ, въ полномъ упадкѣ. Хотя турецкій солдатъ остался столь же храбрымъ и выносливымъ, но духъ войска уже былъ не тотъ; водили его въ бой уже не даровитые искатели военной славы—султаны, а ихъ великіе визири; войска отличались многочисленностью, но уже не имѣли той дисциплины и устройства, которыми славились прежде. Несмѣтныя толпы турокъ атаковали противника со страшнымъ азартомъ и стремительною силою, повторяя эти атаки одну за другой все новыми и новыми частями, но въ атакахъ этихъ не было настойчивости, и отраженные части переходили въ столь же быстрое отступленіе, такъ что нанесеніе ихъ арміямъ дѣйствительнаго вреда возможно было лишь при неотступномъ и энергичномъ преслѣдованіи. Въ оборонительномъ бою за укрѣпленіями турки выказывали пепомѣрное упорство, причемъ ихъ пѣхота и артилерія отличались довольно мѣткою стрѣльбой.

До начала открытія главныхъ дѣйствій въ кампанію 1773 года было предписано произвести нѣсколько мелкихъ поисковъ на правую сторону Дуная. Главный изъ нихъ отъ Ольтеницы на Туртукай выпалъ на долю Суворова, который въ этомъ мѣстѣ командовалъ отрядомъ изъ дивизіи Салтыкова. Начальныя распоряженія по скрытному сбору судовъ къ р. Аржпсѣ были начаты еще до прибытія Суворова; съ его прибытіемъ приготовленія продолжались и къ 9-му мая все было окончено. 9-го мая на разсвѣтѣ турки сами произвели изъ за Дуная кавалерійскій поискъ къ Ольтеницѣ и хотя и были отражены съ успѣхомъ, но открыли присутствіе собраннаго нашего отряда, такъ что на внезапность нашего поиска надежда была потеряна. Поискъ сводился къ переправѣ чрезъ Дунай (ширина около 1,000 шаговъ) на судахъ отряда изъ 500 пѣхотинцевъ, 150 карабинеръ и 60 казаковъ, бывшихъ въ распоряженіи Суворова, и тѣхъ атакъ этими силами отряда турокъ въ четыре тысячи человекъ, расположеннаго на нагорномъ берегу Дуная въ трехъ укрѣпленныхъ лагеряхъ съ батареями. Прибавимъ еще, что войска были незнакомы Суворову и шли съ нимъ въ дѣло въ первый разъ. Послѣ успѣшнаго отбитія поиска противника Суворовъ назначаетъ свой отвѣтныи поискъ въ ту же ночь, съ 9-го на 10-е мая. Войска въ сумерки были двинуты къ мѣсту переправы, причемъ для скрытія ихъ малочисленно-

сти были высланы вперед войсковыя фуры ⁽¹⁾, поднявшія громадную пыль. Въ диспозиціи указывался подробно порядокъ переправы и дѣйствій на другой сторонѣ. Заканчивается диспозиція словами: «да поможетъ Богъ!» пѣхота была раздѣлена на двѣ колонны и резервъ, составленный изъ отборныхъ стрѣлковъ Астраханскаго пѣхотнаго полка ⁽²⁾.

Переправа началась, когда стемнѣло. Суворовъ былъ при головной колоннѣ и распоряжался ея дѣйствіями. Энергичною атакою были взяты всѣ три лагеря; турки обращены въ бѣгство съ потерей 12 орудій, шести знаменъ, рѣчной флотиліи и всѣхъ запасовъ и добра. Туртукай былъ сожженъ. По возвращеніи Суворова назадъ на лѣвый берегъ, отрядъ былъ собранъ въ общее каре для служенія благодарственнаго молебствія за одержанную побѣду.

Тѣми же приемами руководился Суворовъ и при второмъ поискѣ на Туртукай, причемъ турки силою тоже болѣе 4-хъ тысячъ занимали два лагеря, сильно укрѣпленные батареями и земляными валами. Съ нашей стороны участвовали въ бою на другой сторонѣ Дуная около 2,500 челов., причемъ пѣхоты было не болѣе 1,720 штыковъ, такъ что Суворовъ вооружилъ пѣхотными ружьями часть карабинеръ и взялъ ихъ съ собою въ пѣшемъ строю; остальные были: карабинеры, казаки и арнауцы. Поискъ былъ произведенъ въ ночь съ 16-го на 17-е юня. Орудіямъ, обстрѣливавшимъ непріятельскій берегъ во время переправы, было приказано по началіи боя на томъ берегу стрѣлять холостыми снарядами ⁽³⁾. Диспозиціею указывалась мужественная и быстрая атака, равно и весь порядокъ боя. Въ авангардъ былъ назначенъ храбрый и испытанный уже въ прежнихъ бояхъ майоръ Ребакъ, самъ же Суворовъ былъ при главныхъ силахъ съ начальниками менѣе надежными. Побѣда опять была полная, хотя и послѣ болѣе упорнаго сопротивленія противника. Нами захвачено 14 пушекъ и 35 разныхъ судовъ, кромѣ всѣхъ запасовъ.

Въ августѣ того же года, Суворову, за смертью Вейсмана, было ввѣрено важный пунктъ Гирсово, на правомъ берегу Дуная, обезпечивавшій переправу черезъ рѣку нашей главной арміи. Суворову были воспрещены, предположенныя имъ совмѣстно съ другими отрядами, наступательныя дѣйствія къ Карасу противъ турецкихъ силъ. Потому-то вскорѣ ему пришлось съ 3,000-мъ своимъ отрядомъ

⁽¹⁾ «Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами съ 1769—1774 гг.», А. Петрова, т. IV, 1773 г., стр. 32.

⁽²⁾ А. Петровъ, т. IV, стр. 31.

⁽³⁾ А. Петровъ, т. IV, стр. 149.

защищать Гирсово противъ наступающаго 10,000-го корпуса турокъ, состоявшаго изъ войскъ, вновь обученныхъ иностранными офицерами.

3-го сентября, съ утра, турки показали противъ Гирсова. Суворовъ занялъ войсками построенныя укрѣпленія и одну пѣхотную бригаду съ кавалеріею расположилъ скрытно. Приказано было войскамъ не открывать огня по наступающему до самаго близкаго разстоянія. Впередъ же посланы казаки съ приказаніемъ, сначала упорно задерживать наступленіе противника, а затѣмъ быстрымъ бѣгствомъ заманить турокъ къ самымъ укрѣпленіямъ. Турки сначала были удивлены молчаніемъ нашихъ батарей, предполагали даже, что нѣкоторыя изъ нихъ не заняты и, увлекаясь все болѣе и болѣе безнаказаннымъ движеніемъ впередъ, развернули, наконецъ, всѣ свои силы передъ нашими редутами и шанцемъ. Отъ нашихъ войскъ не укрылось необычное зрѣлище правильнаго построенія и движенія въ порядкѣ турокъ въ три линіи на европейскій ладъ.

Суворовъ нарочито указываетъ своимъ войскамъ на это неожиданное явленіе, говоря: «Смотрите, бусурмане хотятъ сражаться въ порядкѣ, — дорого же они заплатятъ за это» (1).

Наконецъ, правый флангъ турокъ приблизился къ нашему шанцу, въ которомъ былъ Суворовъ, на полукартечный выстрѣлъ и рьяно бросился въ атаку; тогда-то они были обсыпаны картечью и самымъ частымъ огнемъ; въ то же время скрытая бригада пѣхоты и кавалерія обрушились на оба фланга турокъ неожиданною атакою. Недолго держался противникъ, увлеченный легкостью начала дѣла и пораженный неожиданнымъ губительнымъ огнемъ и штыковою атакою, и скорѣе обратился въ поспѣшное бѣгство, преслѣдуемый на протяженіи 30-ти верстъ гусарами и казаками въ теченіе всей ночи. Въ нашихъ рукахъ остались почти всѣ орудія и весь обозъ.

Во время второй турецкой войны дѣйствія въ 1787 году открылись побѣдою Суворова подъ Кинбурномъ, который представлялъ изъ себя важный пунктъ, прикрывавшій доступъ на Крымскій полуостровъ. Турки имѣли противъ Кинбурна въ крѣпости Очаковѣ 12-ти-тысячный гарнизонъ изъ отборныхъ янычаръ и сильный флотъ.

Усилившіяся попытки турокъ къ Кинбурну заставили Суворова въ концѣ сентября самаго прибыть въ крѣпостцу для приготовленія ея къ отраженію турокъ и принятія личнаго начальствованія надъ небольшими собранными тамъ силами, которыми командовалъ гене-

(1) Смятть, ч. I, стр. 93.

раль Рекъ. Еще раньше, Суворовъ писалъ ему: «Ваше превосходительство знаете, что мы дрались часто съ варварами (т. е. турками) одинъ противъ десяти, что вы сами изволили испытать мужествомъ вашимъ при Козлуджи (¹)... Приучите вашу пѣхоту къ быстротѣ и сильному удару, не теряя огня по пустому. Знайте, пастьшій часъ (²)».

30-го сентября турецкій флотъ подошелъ съ десантомъ отъ Очакова къ Кинбурну и съ разсвѣтомъ 1-го октября началъ высадку отряда въ 5,300 человекъ самыхъ отборныхъ янычаръ, подъ руководствомъ французскихъ инженеровъ и подъ прикрытiемъ огня изъ 600 орудiй флота. Высадка производилась на узкую песчанную косу, западнѣ крѣпости, которая вся была подъ огнемъ орудiй флота. Суворовъ такъ же, какъ подъ Гирсовымъ, не приказалъ отвѣчать на огонь турокъ. Къ 9-ти часамъ утра высадка всего отряда окончилась безпрепятственно и турки стали подаваться къ крѣпости, строя поперегъ косы ложементы изъ мѣшковъ съ пескомъ. Суворовъ оставилъ ихъ въ покоѣ и, сдѣлавъ распоряженiя о немедленномъ движенiи къ крѣпости нѣкоторыхъ частей, стоявшихъ въ отдаленiи въ другихъ пунктахъ, отправился съ офицерами къ обѣднѣ въ церковь, по случаю праздника Покрова Богородицы. Затѣмъ, онъ сдѣлавъ распоряженiя по распредѣленiю войскъ для атаки турокъ внѣ крѣпости, причемъ, главныя войска поручилъ храброму сподвижнику прежнихъ своихъ побѣдъ и «старому герою», какъ самъ его называлъ, генералу Реку (³).

Непрiятель между тѣмъ успѣлъ уже насыпать около 15-ти послѣдовательныхъ ложементовъ и, приготовивъ лѣстницы, собирался штурмовать самую крѣпость, но около 1 часа пополудни неожиданно послѣдовалъ залпъ изъ всѣхъ крѣпостныхъ орудiй и въ то же время пѣхота Река и кавалерiя обрушилась стремительною атакою на передовыя непрiятельскiя части и упорнымъ рукопашнымъ боемъ овладѣла послѣдовательно 10-ю непрiятельскими ложементами. Сильная рана генерала Река и многихъ его помощниковъ, равно какъ и убiйственный огонь съ флота поселили нѣкоторое разстройство въ рядахъ атакующихъ и заставили ихъ перейти къ отступленiю съ потерей подбитыхъ непрiателемъ орудiй. Видя неустойку, Суворовъ явился въ переднихъ рядахъ и съ крикомъ «впередъ» бросился къ

(¹) Известное сраженiе съ турками въ 1774 году, гдѣ Суворовъ съ 8,000 разбилъ 40,000 турокъ.

(²) А. Петровъ, «Вторая турецкая война», т. I, стр. 94.

(³) А. Петровъ, «Вторая война», т. I, стр. 97.

непріятелю; увлеченныя его примѣромъ, съ крикомъ «братцы, генераль остался впереди» (1), войска рванулись снова впередъ. Ожесточенный бой снова сталъ улыбаться намъ успѣхомъ, но вскорѣ самъ Суворовъ былъ раненъ картечью въ бокъ и войска еще разъ оставили взятые ими ложементы. Къ счастью, рана была не столь сильная, чтобы сломить упорство и энергію Суворова и заставить его считать дѣло проиграннымъ. «Богъ далъ мнѣ крѣпость, я не сомнѣвался» (2), писалъ онъ самъ про этотъ моментъ боя. Суворовъ, оставаясь въ строю и поддерживая увѣренность въ людяхъ, послалъ приказаніе прислать все возможное изъ крѣпости и отъ вагенбурга. Вскорѣ прибыли оттуда три роты; къ тому же времени поспѣлъ слабый баталіонъ, пришедшій по первоначальнымъ распоряженіямъ изъ за 14-ти верстъ, и, стоявшая въ 30-ти верстахъ отъ Кинбурна, легкоконная бригада. Эти 500 человѣкъ свѣжей пѣхоты дали возможность Суворову въ третій разъ рѣшительно атаковать турокъ и полный успѣхъ послѣ отчаяннаго сопротивленія турокъ, вслѣдствіе нарочнаго отбытія отъ берега ихъ судовъ, не замедлилъ увѣичать настойчивость кинбурнскаго героя. Изъ 5,300 человѣкъ, высаженныхъ на косу, лишь около 700 человѣкъ были ночью взяты на суда; все остальное легло на косѣ или погибло въ морѣ. Кромѣ того, были взяты всѣ орудія, бывшія на сушѣ, и 14 знаменъ. Съ нашей стороны изъ 3,000, бывшихъ въ бою, около 1/3 вышло изъ строя. Суворовъ при третьей атакѣ былъ еще разъ раненъ пулею въ ногу.

Впечатленіе кинбурнскаго погрома было громадное, такъ какъ тамъ была истреблена почти половина отборнаго очаковскаго гарнизона, про котораго даже Суворовъ доносилъ: «Какіе молодцы, свѣтлѣйшій князь! съ такими я еще не дрался. Если бы мы не ударили на адъ (?), клянусь Богомъ, онъ бы насъ здѣсь поглотилъ» (3). Въ Константинополь ожидали совсѣмъ другаго результата отъ внезапнаго открытія военныхъ дѣйствій при тогдашней неготовности къ войнѣ Россіи. И вмѣсто этихъ надеждъ туркамъ пришлось опасаться за участь самаго Очакова, такъ что многіе жители этого города бѣжали въ Бендеры.

2-го октября Суворовъ построилъ свои войска на косѣ, лицомъ къ Очакову, и, отслуживъ торжественный молебенъ, произвелъ побѣдные залпы. На другой сторонѣ лимана очаковскіе турки безмолв-

(1) А. Петровъ, «Вторая война», т. I, стр. 97.

(2) А. Петрушевскій, т. I, стр. 310.

(3) А. Петровъ, «Вторая война», т. I, стр. 102.

но смотрѣли на это побѣдное торжество. Въ память этой побѣды въ Кинбурнѣ была построена церковь Покрова Богородицы.

Еще рельефнѣе выказались приемы пользованія нравственнымъ элементомъ въ кампанію 1789 года, когда Суворовъ командовалъ отрядомъ на крайнемъ правомъ флангѣ молдавской арміи князя Репнина. Онъ былъ расположенъ у Бырлада и поддерживалъ связь съ лѣвофланговымъ отрядомъ австрійской арміи, подъ начальствомъ принца Кобургскаго. Турки, имѣя главныя силы на нижнемъ Дунаѣ, рассчитывали нанести рѣшительный ударъ молдавской арміи до прибытія медленно двигавшейся арміи Потемкина. Во исполненіе этого плана былъ направленъ отъ Браилова къ Фокшанамъ 30,000-ный корпусъ Османа-паши, долженствовавшій разбить сначала 18,000-ный корпусъ Кобурга, а затѣмъ дѣйствовать со стороны р. Серета.

Получивъ извѣстіе о движеніи турокъ, принцъ Кобургскій просилъ Репнина о поддержкѣ, и Суворову приказано было идти на помощь австрійцамъ. Суворовъ немедленно выступилъ 16-го іюля съ отрядомъ изъ 7,000 человекъ и черезъ 36 часовъ времени, пройдя 70—80 верстъ, неожиданно присоединился къ австрійцамъ, которые ожидали его не ранѣе какъ черезъ 3—4 дня. Зная, что только скорымъ движеніемъ и неожиданнымъ стремительнымъ нападеніемъ на противника возможно будетъ рассчитывать на побѣду, Суворовъ употребилъ оригинальный, но вѣрный приемъ, чтобы заставить медлительныхъ австрійцевъ принять его быстрый планъ. Онъ задумалъ поставить, способнаго къ подчиненію, принца Кобургскаго передъ совершившимся фактомъ принятаго безповоротно рѣшенія. Цѣлый день, когда войска отдыхали и готовились къ предстоящимъ дѣйствіямъ, Суворовъ подъ разными предлогами отклонялъ личное свиданіе съ Кобургомъ и лишь вечеромъ послалъ ему слѣдующую записку: «Войска достаточно отдохнули, и мы завтра въ 3 часа утра выступимъ двумя колоннами: австрійцы въ правой, русскіе—въ лѣвой; пойдемъ прямо на непріятеля, не задерживаясь долго разыскиваніемъ въ кустахъ по сторонамъ, для того, чтобы успѣть во-время подойти къ р. Путнѣ, рано перейти черезъ нее и атаковать непріятеля. Говорятъ, что невѣрныхъ только 50,000, а другіе и того менѣе,— жаль, что они не всѣ вмѣстѣ, разомъ бы ихъ разбили. Но какъ этого нѣтъ, то начнемъ съ этихъ и съ Божіею помощію разгонимъ ихъ».

Эта послѣдняя фраза о силѣ турокъ была, очевидно, рассчитана на вселеніе той увѣренности въ успѣхѣ, которая была у самаго Суворова.

Необходимо еще прибавить, что Кобургъ былъ по службѣ старше

Суворова, но расчетъ послѣдняго былъ вѣренъ и австрійцы послѣдовали непрекословно за нимъ. При послѣдующей дружеской бесѣдѣ, уже послѣ одержанной побѣды, Суворовъ далъ слѣдующее объясненіе на вопросъ объ отклоненіи свиданія:

«Свиданія не нужны, сказалъ онъ, я былъ увѣренъ, что мой другъ принцъ Кобургскій не согласится дѣйствовать, согласно съ моими мыслями. Мой планъ атаки былъ составленъ не по правиламъ тактики. Мы провели бы цѣлый день въ дипломатическихъ и тактическихъ преніяхъ, въ которыхъ я былъ бы побѣжденъ, но непріятель рѣшилъ бы нашъ споръ и побилъ бы тактиковъ. А вмѣсто того— ура! съ нами Богъ!».

Теперь оставалось только скрыть до столкновенія отъ непріятеля неожиданное для всѣхъ прибытіе Суворова съ русскими войсками на помощь къ австрійцамъ. Съ этою цѣлью къ нашей колоннѣ былъ приданъ авангардъ изъ австрійскихъ легкихъ войскъ, который ей предшествовалъ. Затѣмъ, во время всего движенія до противника, наши войска располагались въ низменныхъ и закрытыхъ мѣстахъ. Самое движеніе было начато въ 3 часа пополудни, 19-го іюля. Во время самаго боя войска наши вели наступленіе въ безмолвіи и лишь съ близкаго разстоянія открывали картечный огонь, а пѣхота, послѣ нѣсколькихъ ближнихъ залповъ, съ крикомъ «съ нами Богъ!»⁽¹⁾, бросилась въ штыки. Результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ было полное пораженіе турокъ подъ Фокшанами. Оставивъ на мѣстѣ боя до 1,500 убитыми, 12 пушекъ, 16 знаменъ и весь лагерь, они въ полномъ разстройствѣ бѣжали къ Бухаресту и Браилову, горячо преслѣдуемые войсками союзниковъ.

Въ томъ же году осенью Суворову пришлось снова спасти Кобурга отъ грозившей ему опасности, и одержать блистательнѣйшую побѣду при Рымникѣ. Турецкій визирь, съ огромными полчищами двинулся въ началѣ сентября отъ Браилова къ Фокшанамъ, намѣреваясь разбить слабый 18,000-ный корпусъ австрійцевъ. Кобургскій немедленно далъ знать Суворову, который подвинулся изъ Бырлада къ Пуцени и тамъ ожидалъ сутки для окончательнаго выясненія направленія движенія турокъ. 8-го сентября ночью онъ спѣшно выступилъ къ австрійцамъ и, несмотря на всѣ случайныя и стихійныя препятствія въ пути, утромъ 10-го числа присоединился къ нимъ на р. Мелькѣ. Сейчасъ же онъ послалъ принцу записку: «Я пришелъ, и чтобы показать это туркамъ, думаю атаковать ихъ черезъ нѣсколь-

(1) Смятъ, ч. I, стр. 249, 253, 255.

ко часовъ». Но эта записка не сразу подѣйствовала на принца, передъ которымъ съ 7-го числа стояла армія визиря, силою отъ 90,000—115,000. Долго пришлось Суворову убѣждать Кобургскаго смѣло атаковать турокъ въ ихъ укрѣпленной позиціи, такъ что подъ конецъ онъ принужденъ былъ даже задѣть военную честь принца слѣдующими словами: «Численное превосходство непріятеля—его укрѣпленная позиція—поэтому-то именно мы и должны атаковать его, чтобы не дать ему времени укрѣпиться еще сильнѣе. Впрочемъ, прибавилъ онъ, чтобы прекратить всякій дальнѣйшій споръ, дѣлайте, что хотите, а я одинъ съ моими русскими войсками намѣренъ атаковать турокъ, и также одинъ надѣюсь разбить ихъ» (1).

Такимъ образомъ двѣ неожиданности для турокъ уже были рѣшены. Первое изъ нихъ было прибытіе 7,000 русскихъ героевъ съ Суворовымъ во главѣ, тогда какъ визирь, по послѣднимъ свѣдѣніямъ отъ шпионовъ, предполагалъ его въ Пущени. Затѣмъ этотъ же визирь, гордый прошлогоднимъ пораженіемъ австрійцевъ при Слатинѣ, настолько навѣрняка разсчитывалъ съ успѣхомъ атаковать и раздавить австрійцевъ, что заранѣе заготовилъ множество цѣпей для заковыванія плѣнныхъ (2) и вмѣсто того самъ былъ на другой день атакованъ. Для дальнѣйшаго скрытія этихъ неожиданностей, войска выступили съ мѣста по закатѣ солнца и, благодаря темной ночи и принятиемъ мѣрамъ къ полнѣйшей тишинѣ движенія, со свѣтомъ неожиданно явился передъ позиціями противника. Ожесточенный и неравный бой завязался между 100,000-ной арміею визиря и 25,000-ными силами союзниковъ. Стойко отражали австрійцы, построены въ небольшія каре, по указанію Суворова, бѣшенныя атаки несмѣтныхъ массъ турецкой конницы, пока Суворовъ со своею колонною атаковалъ съ музыкою, барабанами и распущенными знаменами передовые непріятельскіе лагери, пробиваясь къ ихъ главной позиціи у Крингу-Мейлорскаго лѣса. Наконецъ, далеко за полдень, охладивъ надежду на успѣхъ у турецкой кавалеріи, оба корпуса соединились передъ главной турецкой позиціею, представлявшей изъ себя неоконченный и весьма слабой профили ретраншаментъ, за которымъ былъ очень рѣдкій лѣсъ. Позицію эту занимали 40,000 пѣхоты—янычаръ, еще не участвовавшихъ въ бою, при 88-ми орудіяхъ большаго калибра. Союзники, сомкнувшись флангами, построились передъ этой позиціею и повели на нее наступленіе кареями, съ интервалами, во второй же линіи была кавалерія. Въ такомъ порядкѣ союзники подошли

(1) Смятъ, ч. I, стр. 264 и 265.

(2) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 73.

на 300—400 сажень къ ретраншаменту подь сильнѣйшимъ артилерійскимъ огнемъ турокъ. Но въ это время вдругъ вся кавалерія союзниковъ выскочила въ интервалы между кареями и хлынула на ретраншаментъ. Пораженные столь невиданнымъ способомъ дѣйствій противъ укрѣпленія, янычары допустили кавалерію вскочить во внутрь ретраншамента и только тамъ уже, на узкомъ пространствѣ между нимъ и лѣсомъ, вступили въ ожесточенный рукопашный бой. Но тѣмъ временемъ пѣхота, не тревожимая огнемъ непріятели, быстро прибѣжала на выручку своей кавалеріи и штыковою работою довершила поражение, обративъ непріятели въ безпорядочное и полное бѣгство. Побѣда была блистательная и полная, одними убитыми турки потеряли до 15,000, изъ всей арміи у визиря собралось въ Мачинѣ лишь до 15,000, остальные разбѣжались. Было взято 100 знаменъ, шесть мортиръ, семь осадныхъ и 67 полевыхъ орудій⁽¹⁾. Въ тотъ же и на другой день было ведено энергичное преслѣдованіе, такъ что всѣ богатые лагеря турокъ, съ запасами и обозомъ стали добычею побѣдителей. На другой день послѣ боя Суворовъ построилъ въ каре всѣ свои войска на полѣ битвы и приказалъ отслужить торжественное молебствіе. Людямъ было приказано имѣть при себѣ лавровыя вѣтки, которыми они и увѣнчали себя, послѣ воодушевленной благодарности рѣчи Суворова⁽²⁾.

Въ этихъ двухъ эпизодахъ мы видимъ примѣненіе скрытности и крайней быстроты и рѣшительности дѣйствій, благодаря чему у противника вырывается изъ рукъ инициатива дѣйствій, измѣняется кореннымъ образомъ обстановка и разбиваются всѣ, лелеянные противникомъ, мечты и предположенія о легкости предстоящаго захвата непріятели. Послѣ чего предпринимается столь стремительная атака, которая не даетъ времени туркамъ сообразиться въ новыхъ обстоятельствахъ и принять мѣры противодѣйствія. Во время же самыхъ атакъ принимаются всѣ мѣры для возбужденія своихъ войскъ, а для поражения и безъ того смущеннаго противника принимаются иногда невиданные имъ способы дѣйствій.

Столь же широкое развитіе нравственныхъ мѣръ мы видимъ въ дѣйствіяхъ Суворова подь Измаиломъ, гдѣ ему представился случай свершить еще болѣе блистательный подвигъ.

Въ концѣ ноября 1790 года войска наши, стоявшія подь Измаиломъ, главнѣйшимъ оплотомъ турокъ, уже приняли мѣры къ отступленію отъ крѣпости для расположенія на зимнія квартиры, согласно

(1) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 72.

(2) Смятть, ч. I, стр. 278.

постановленію собраннаго военнаго совѣта: «...крѣпость Измаиль представляетъ чрезвычайно сильную оборону, занята многочисленнымъ гарнизономъ и защищается энергическимъ папшею, то взять такую крѣпость штурмомъ представляетъ «чрезвычайныя затрудненія» (1). Предпринять же осаду за позднимъ временемъ и недостаткомъ средствъ тоже сочтено было невозможнымъ. Но по высшимъ военнымъ и политическимъ соображеніямъ, Потемкину необходимо было покончить какъ нибудь съ Измаиломъ и онъ выбралъ для этого самое вѣрное средство—поручилъ это дѣло Суворову. Но дѣло оказывалось дѣйствительно выходящее изъ ряда по своей трудности. Измаиль представлялъ изъ себя первоклассную крѣпость, укрѣпленія которой были въ послѣднее время улучшены французскими инженерами; имѣлъ все, что нужно было для упорной и долгой обороны; былъ снабженъ всемъ необходимымъ на цѣлыхъ 1½ мѣсяца. Защищался же онъ 30,000-нымъ гарнизономъ отборныхъ турецкихъ войскъ, не считая, всегда готовыхъ къ оборонѣ, жителей. Хотя часть этого гарнизона и была изъ числа отпущенныхъ по капитуляціямъ гарнизоновъ Хотина, Бендеръ, Аккермана и Киліи, но это могло усилить только ихъ стойкость въ сопротивленіи, такъ какъ разгнѣванный султанъ: «...подъ угрозю самыхъ тяжкихъ наказаній, воспретилъ имъ всякія капитуляціи; въ противномъ случаѣ фирманомъ повелѣно было каждому изъ гарнизона Измаила, найденнаго гдѣ бы ни было въ живыхъ, казнить смертью» (2). Къ тому же гарнизонъ этотъ былъ подъ начальствомъ испытаннаго и храбраго стараго воина Айдосъ-Мехмедъ-паши. Русскія же войска уже дважды отходили отъ стѣнъ Измаила, не взявъ его. Теперь войска эти были численностью въ 31,000 (3), въ числѣ которыхъ половина состояла изъ казаковъ, вооруженныхъ пиками. Осадныхъ орудій не было, во всемъ былъ недостатокъ. Начальники этихъ войскъ только что сдѣлали упомянутое постановленіе на общемъ совѣтѣ. Но это были русскія войска, а Суворовъ зналъ, какими мѣрами возможно поднять ихъ нравственныя силы до крайнихъ предѣловъ и достигъ съ ними даже невозможнаго.

И, дѣйствительно, одна вѣсть о назначеніи Суворова подъ Измаиль, по свидѣтельству историковъ, вселила въ войска новую надежду и неудержимую радость. Съ прибытіемъ же его къ крѣпости «общая радость распространилась между войсками: только онъ, олицетворенная рѣшимость, могъ тѣмъ или другимъ способомъ рѣшить

(1) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 171.

(2) Смѣтъ, ч. I, стр. 329—330.

(3) По другимъ—20,000. А. Петровъ.

дѣло; залпъ всѣхъ батарей привѣтствуетъ его прибытіе; на всѣхъ лицахъ видна надежда на счастливый успѣхъ. Все тотчасъ же принимаетъ другой видъ: дѣятельность Суворова, его усердіе, его увѣренность, его презрѣніе къ смерти, переходитъ въ души солдатъ; подъ его предводительствомъ ничто не кажется имъ слишкомъ смѣлымъ или слишкомъ труднымъ. И онъ умѣетъ каждого ободрить должнымъ образомъ, и всѣ возлагаютъ на него свои надежды. «Видите-ли эту крѣпость», говоритъ онъ солдатамъ, указывая на Измаиль, — «стѣны ея высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ пужно взять ее. Матушка Царица приказала и мы должны ея слушаться». — «Съ тобою навѣрное возьмемъ ее!», съ радостными кликами отвѣчали ему солдаты, и отъ перваго до послѣдняго каждый горѣлъ желаніемъ доказать ему это» (1).

Въ этихъ словахъ мы видимъ, что Суворовъ далеко не скрываетъ отъ людей трудности предстоящаго подвига и силу крѣпости противника и противопоставляетъ этому лишь несокрушимую силу долга службы въ исполненіи желанія Верховнаго вождя арміи.

Отправляясь подъ Измаиль, онъ выбираетъ изъ войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ въ Галацѣ, для слѣдованія съ нимъ, «своихъ храбрыхъ фанаторійскихъ гренадеръ» и 150 охотниковъ изъ Апшеронскаго полка.

5-го декабря войска снова обложили Измаиль и дѣятельно принялись изготавлять лѣстницы и фашины. По почамъ войска (ночью — чтобы не видѣли турки, да и штурмъ предполагался ночной) обучались, весьма часто лично Суворовымъ, штурмовать нарочно построенный для этого валъ со рвомъ, причемъ должны были колоть штыкомъ фашины, изображавшія турокъ.

Для устрашенія турокъ и съ демонстративною цѣлью, въ ночь на 7-е декабря были выстроены четыре батареи, вооруженныя 40 полевыми орудіями; на утро батареи открыли огонь по крѣпости. Въ тотъ же день былъ посланъ въ Измаиль парламентаръ съ увѣщательнымъ письмомъ Потемкина и Суворова; къ этому письму Суворовъ прибавлялъ еще собственноручно слѣдующую краткую и внушительную записку:

«Сераскиру, старшинамъ и всему обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. 24 часа на размышленіе—воля. Первый мой выстрѣлъ—уже неволя; штурмъ—смерть. Это оставляю вамъ на разсмотрѣніе».

На это сераскиръ прислалъ длинное письмо, сводившееся соб-

(1) Смѣтъ, ч. I, стр. 329.

ственно къ отказу, хотя онъ и просилъ назначенія срока и перемирія для сношенія съ властями. Но это все было лишь съ цѣлью затянуть дѣло. Суворовъ приказалъ прочесть этотъ отвѣтъ во всѣхъ ротахъ и собрать на совѣтъ военноподполковниковъ, тѣхъ самыхъ, которые дѣлали предыдущее постановленіе, но которыхъ теперь нужно было увѣрить въ успѣхъ предполагаемаго штурма.

Вотъ въ какихъ словахъ рассказываетъ про этотъ совѣтъ одинъ изъ военныхъ историковъ:

«Въ краткихъ, но внушительныхъ словахъ представляетъ Суворовъ слѣдующее: «Дважды стояли русскіе передъ Измаиломъ и дважды отступали отъ него; теперь, въ третій разъ, имъ ничего болѣе не остается, какъ взять крѣпость или умереть. Правда, трудности большія; крѣпость сильная, гарнизонъ ея—армія; но русской силѣ и русскому оружію ничто не должно противостоять; и они, русскіе, тоже сильны, исполнены рѣшимости и главное — до сихъ поръ не отступали ни передъ какимъ затрудненіемъ. Турки, въ своемъ высокомеріи, воображаютъ себѣ, что могутъ пренебрегать ими за своими стѣнами. Поэтому—то именно и слѣдуетъ показать имъ, что русскій воинъ сумѣетъ всюду настичь ихъ». Затѣмъ онъ указалъ на нравственное вліяніе: «Отступленіе произвело бы сильный упадокъ духа въ войскахъ, отозвалось бы во всей Европѣ и придадо бы еще болѣе высокомерія туркамъ и ихъ друзьямъ. Если же Измаилъ будетъ покоренъ, то кто впредь будетъ противиться русскимъ?» Наконецъ, съ одушевленнымъ выраженіемъ лица, онъ объявилъ свою рѣшимость—или водрузить русскія знамена на стѣнахъ Измаила, или пасть подъ его развалинами.

Рѣчь его воспламенила всѣ умы, и когда стали собирать голоса, то бригадиръ Платовъ, какъ младшій въ совѣтъ, первый громкимъ голосомъ воскликнулъ: «на штурмъ!». Всѣ съ воодушевленіемъ присоединились къ его мнѣнію. Суворовъ бросился къ нему на шею, и затѣмъ перецѣловалъ всѣхъ по очереди. «Сегодня, сказалъ онъ, Богу молиться, завтра—учиться, послѣ завтра — побѣда или славная смерть!». — «Побѣда или славная смерть!» повторили всѣ съ пламенными взорами, и штурмъ Измаила былъ рѣшенъ» (1).

Послѣ всего сказаннаго постановленіе совѣта вылилось въ слѣдующую форму:

«Приближаясь къ Измаилу, по диспозиціи приступить къ штурму неотлагательно, дабы не дать неприятелю время еще болѣе укрѣ-

(1) Смѣтъ, ч. I, стр. 332.

питься, и по сему уже нѣтъ надобности относиться къ его свѣтлости главнокомандующему; сераскиру въ его требованіи отказать. Обращеніе осады въ блокаду исполнять не должно. Отступленіе предосудительно побѣдоноснымъ Ея Императорскаго Величества войскамъ» (1).

Штурмъ былъ назначенъ въ ночь на 11-е число съ цѣлью скрыть отъ противника малочисленность атакующаго. Оставалось теперь только возбудить до крайнихъ предѣловъ духъ своихъ войскъ. 10-го числа съ утра болѣе 500 орудій съ сухопутной стороны, съ острова и судовъ открыли горячую канонаду по крѣпости. Крѣпость отвѣчала болѣе чѣмъ изъ 250 орудій. Бомбардировка продолжалась непрерывно цѣлый день и окончилась лишь за 2½ часа до начала штурма. Но и затѣмъ приказано было продолжать стрѣльбу: «пустыми выстрѣлами вплоть до разсвѣта» (2). Никто въ эту ночь въ ожиданіи штурма не спалъ. Въ диспозиціи и прибавленіи къ ней было указано: «Хотя всю ту ночь употребить на вичушеніе мужества и твердыхъ мѣрь къ успѣхамъ, но на сказанную линію не иначе приступить и тихо, какъ до опредѣленнаго времени, примѣрно прежде четверти часа, соразмѣря излишнее положеніе равнообразно въ разстояніи частей войскъ, и чтобы людей не удручить медленіями къ пріобрѣтенію славы...» (3). Самъ Суворовъ всю ночь, до начала штурма, ходилъ отъ одного костра къ другому для личныхъ разговоровъ съ людьми: «Какой полкъ?» спрашивалъ онъ и, получивъ отвѣтъ, хвалилъ каждую часть особенно, припоминалъ минувшіе дни, когда онъ вмѣстѣ съ ними сражался въ Польшѣ, Турціи, подъ Кинбурномъ и въ Крыму. «Славные люди, — храбрые солдаты», восклицалъ онъ, — «тогда они дѣлали чудеса, а сегодня превзойдутъ самихъ себя». И всѣхъ воспламеняли эти слова, и всѣ жаждали показать себя достойными этой похвалы» (4).

Такими разговорами Суворову удалось довести людей до высшей степени боеваго азарта и немудрено, что онъ запретилъ выводить людей къ штурму раньше чѣмъ за четверть часа до назначеннаго времени, зная, что ничто такъ не понижаетъ духа войскъ, какъ томительное и безцѣльное ожиданіе.

Кромѣ того, имъ былъ отданъ слѣдующій приказъ по войскамъ: «Храбрые воины! Приведите себѣ въ сей день на память всѣ наши

(1) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 177.

(2) Н. Орловъ. «Штурмъ Измаила», стр. 141.

(3) Смиттъ, ч. I, стр. 360.

(4) Смиттъ, ч. I, стр. 338.

побѣды и докажете, что ничто не можетъ противиться силѣ оружія російскаго. Намъ предлежитъ не сраженіе, которое бы въ волѣ нашей состояло отложить, но непремѣнное взятіе мѣста знаменитаго, которое рѣшить судьбу кампаніи, и которое почитаютъ гордые турки неприступнымъ. Два раза осаждала Измаилъ русская армія и два раза отступала; намъ остается въ третій разъ или побѣдить, или умереть со славою» (1).

Своихъ фанаторійцевъ и апшеронскихъ охотниковъ онъ назначилъ на одну изъ самыхъ трудныхъ частей крѣпостнаго вала — каменный редутъ Табію. Штурмъ долженъ былъ начаться по сигналу ракетами и по свѣреннымъ часамъ начальниковъ, но чтобы ракеты не выдали начала штурма, за нѣсколько дней передъ нимъ приказано было: «ракетами пріучать бусурманъ, пуская онѣя въ каждую ночь во всѣхъ частяхъ передъ разсвѣтомъ» (2).

Къ 5^{1/2} часамъ ночи при полной темнотѣ и въ густомъ туманѣ всѣ колонны двинулись на крѣпостную ограду. Наблюдая все время внимательно за ходомъ штурма по направленію и тону боевыхъ криковъ, Суворовъ замѣтилъ замедленіе въ движеніи атаки впередъ 6-й колонны Кутузова и: «... немедленно посылаетъ онъ къ Кутузову офицера съ ободряющею вѣстью, что «онъ назначилъ его комендантомъ Измаила и уже послалъ въ Петербургъ извѣстіе о покореніи крѣпости. Кутузовъ, какъ вновь одушевленный, призываетъ на помощь свой резервъ и съ кликомъ: «съ нами Богъ!» снова наступаетъ противъ непріятеля, опрокидываетъ его, беретъ бастіонъ, затѣмъ еще другой и черезъ средній валъ соединяется съ 5-ю колонною».

Не можемъ не упомянуть еще объ одномъ эпизодѣ во время штурма, какъ характеризующемъ нашихъ полковыхъ священниковъ и ихъ значеніе въ боевой семьѣ. На 4-ю и 5-ю колонны, составленныя изъ казаковъ съ пиками, была произведена рѣшительная вылазка турками. Казаки подались назадъ и изнемогали въ неравномъ по вооруженію бою; Суворовъ прислалъ имъ немедленную помощь изъ пѣхоты и кавалеріи. Одинъ изъ баталіоновъ Полоцкаго полка, двинувшись въ штыки на непріятеля, теряетъ своего командира, солдаты колеблются и приходятъ въ разстройство: «... это видитъ полковой священникъ, воспламеняется мужествомъ, высоко поднимаетъ крестъ съ изображеніемъ Искупителя, общается имъ вѣрную побѣду и, указывая путь къ ней, бросается на сабли турокъ. Воспламенен-

(1) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 179

(2) Н. Орловъ, «Штурмъ Измаила», стр. 56.

ному этимъ мужествомъ солдату уже ничто не можетъ противиться: неудержимо стремятся они впередъ и все падаетъ подъ ихъ штыками».

Послѣ отбитой вылазки казаки снова пошли на штурмъ вала, имѣя въ головѣ своего командира Платова, который съ лѣстницею въ рукахъ кинулся впередъ съ крикомъ: «Съ нами Богъ и Екатерина! товарищи, братья-русскіе, — за мной!» (1). Къ разсвѣту весь валъ былъ въ нашихъ рукахъ и войска, устроившись, начали еще болѣе трудное дѣло — уничтоженіе всѣхъ защитниковъ внутри города, такъ какъ ожесточенные турки отдавали каждый клочекъ земли только цѣною смерти. Ожесточеніе было ужасное и страшное кровопролитіе продолжалось до 4-хъ часовъ пополудни, когда, наконецъ, всѣ сопротивлявшіеся были истреблены и Измаилъ покоренъ. Изъ всѣхъ его защитниковъ было убито 30,860 человекъ и взято въ плѣнъ 9,000, уйдти изъ Измаила успѣлъ случайно одинъ раненый. Въ крѣпости взято было 265 орудій, 3,000 пудовъ пороха, 20,000 ядеръ и множество другихъ боевыхъ запасовъ, до 400 знаменъ и небольшая флотилія. Съ нашей стороны потери простирались до 1,800 убитыми и 2,400 ранеными (2).

На другой день было торжественное молебствіе, которое служилъ герой-священникъ Полоцкаго полка. Салютомъ изъ взятыхъ орудій и благодарными рѣчами Суворова къ своимъ богатырямъ закончилось это торжество.

Такъ пала послѣдняя твердыня турокъ на Дунаѣ, путь къ Балканамъ былъ открытъ и надолго имя Суворова и его богатырей сдѣлалось главнымъ страшилищемъ для турокъ. Насколько велико было восхищеніе и изумленіе всего русскаго народа, настолько же велика была паника въ средѣ турецкихъ войскъ: они разбѣгались изъ Мачина и Бабадага. Браиловъ со своимъ 12,000-нымъ гарнизономъ просилъ своего пашу не медлить сдачею.

Сергій Гершельманъ.

(Продолженіе будетъ).

(1) Святгъ, ч. I, стр. 341 и 342.

(2) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 187 и 188.

Т. ССІІІ.—Отд. I.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ЧАСТНЫХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ НА ВОЙНѢ.

(Статья пятая) (1).

VI.

Предупрежденіе приказаній.—Преслѣдованіе общихъ, главныхъ цѣлей.—Самостоятельная постановка новыхъ, частныхъ цѣлей.

Послѣдствіемъ правильной оцѣнки обстановки и сообразныхъ съ нею рациональныхъ рѣшеній и дѣйствій со стороны частныхъ начальниковъ бывало часто замѣчаемое у нѣмцевъ (въ послѣднія ихъ войны) «предупрежденіе приказаній».

Подобное «предупрежденіе» имѣетъ подчасъ значеніе самое рѣшительное. Припомнимъ сказанное прежде, что въ настоящую эпоху приходится управлять весьма большими массами войскъ, расчлененными на крупныя тактическія единицы, раскинутыми на весьма значительныхъ пространствахъ. Такимъ образомъ, сборъ свѣдѣній, передача приказаній, равно какъ исполненіе по нимъ требуютъ противъ прежняго времени гораздо больше, а между тѣмъ, самое время осталось неизмѣннымъ; такъ что всѣ послѣдовательныя распоряженія, которыя при меньшихъ арміяхъ были еще возможны и исполнимы въ теченіе одного дня, никакъ не умѣщаются теперь въ эту неизмѣнную единицу времени.

Понятно, что главное начальство войскъ, дѣйствующихъ въ общей ближайшей связи между собою, должно бы, передъ отдачею приказаній на каждый слѣдующій день, выждать не только свѣдѣній отъ всѣхъ начальниковъ подвѣдомственныхъ частей войскъ (напримѣръ, корпусовъ), но и тѣхъ, которыя собраны передовою конницею, находящеюся впереди общаго фронта. Однако, далеко не всѣ эти свѣденія постѣваютъ въ-время. Такъ, напримѣръ, въ періодъ наступленія

(1) См. «Военный Сборникъ» 1891 г., № 12-й.

нѣмецкихъ силъ на армію маршала Макъ-Магона, законченнаго Седанскимъ погромомъ послѣдней, прусская главная королевская квартира получила только на другой день многія немаловажныя донесенія своей передовой кавалеріи.

Этотъ недостаточный размѣръ единицы времени еще рѣзче выказывается въ дни боеваго кризиса. Немногіе свѣтлые часы сутокъ, которые прежде были достаточны для первоначальнаго направленія и цѣлесообразнаго маневра тогдашнихъ (хотя бы Фридриховской эпохи) армій, оказались рѣшительно недостаточны, когда дѣло пошло о дневномъ маневрѣ армій, несравненно болѣе многочисленныхъ, какими были арміи эпохи войнъ первой французской республики и Наполеоновскихъ. Управление этими арміями въ дни боеваго кризиса сдѣлалось возможнымъ только вслѣдствіе расчлененія прежняго непрерывнаго боеваго строя, посредствомъ перехода отъ тактики линейной къ такъ называемой перпендикулярной. Затѣмъ съ болѣшимъ еще увеличеніемъ армій осталось только точно также расчленивъ и самый починъ въ командованіи, бывший прежде всецѣло въ рукахъ главнаго начальника. Починомъ этимъ въ частности (но въ частности все болѣе и болѣе крупныхъ) главный начальникъ неминуемо долженъ подѣлиться теперь со своими подчиненными. Причина та, что «вся» обстановка, на сколько она слагается изъ суммы частныхъ обстановокъ, выясняется главному начальнику, зачастую, слишкомъ поздно. Если затѣмъ допустить даже, что останется еще достаточное время для соображеній главнаго начальника, для изготовленія, разсылки и получки новыхъ его приказаній, то все-таки можетъ не хватить времени для исполненія. Это относится, конечно, и къ днямъ маневреннымъ, но преимущественно къ днямъ боевыхъ столкновеній, въ особенности въ сраженіяхъ встрѣчныхъ, случайныхъ или вообще неожиданныхъ. Лучше всего объясняется это примѣрами.

Подъ Вертомъ 6-го августа 1870 года командиръ 3-й нѣмецкой арміи, кронпринцъ прусскій, прибывшій къ Верту послѣ полудня, увидѣлъ, что три его передовые корпуса: въ центрѣ 5-й, Кирхбаха, правофланговый, 2-й баварскій, Хартмана и лѣвофланговый 11-й, генерала Бозе, ввязались уже въ серьезное дѣло. Кронпринцъ убѣдился окончательно, что нѣтъ уже возможности прервать сраженіе, возгорѣвшееся помимо его желанія и предвидѣнія. Рѣшившись довести дѣло до конца, кронпринцъ отдалъ, между прочимъ, слѣдующія приказанія, касавшіяся обоихъ заднихъ его корпусовъ:

«1-му баварскому корпусу, Танна, поспѣвать между 5-мъ и 2-мъ баварскими корпусами».

«Виртембергцамъ, корпуса Вердера, идти за 11-мъ корпусомъ, на Гунштеть, за ручей Зауэръ. Баденцамъ пока дойти до Зурбурга».

Но въ то время, когда кронпринцъ, около часа дня, отдавалъ эти приказанія съ высотъ восточнѣе Верта, распоряженія его были уже предупреждены частными начальниками. Авангардъ корпуса Танна уже выстроился правѣ войскъ Кирхбаха, сѣвернѣе Верта и четыре баварскія батареи усилили собою длинную его артиллерійскую линію. Остальныя части этого корпуса находились въ полномъ движеніи, поспѣвая на поле сраженія. Самъ Таннъ лично объяснялся съ Кирхбахомъ относительно дальнѣйшихъ взаимныхъ дѣйствій. Все это исполнено было уже въ тотъ моментъ, въ который кронпринцъ только отдавалъ свои приказанія. Что касается Вердера, то онъ, получивъ извѣщеніе Бозе о возгорѣвшемся сраженіи, еще въ одиннадцатомъ часу утра, немедленно двинулъ на поддержку ему двѣ пѣшія и одну конную виртембергскія бригады, изъ коихъ головная пѣшая бригада появилась у Гунштета уже около двухъ часовъ пополудни, откуда двинулась за р. Зауэръ. Извѣстно, что баварцы и виртембергцы вѣдѣ время еще успѣли поддержать войска Кирхбаха и Бозе, которыя съ этими свѣжими поддержками сломили, наконецъ, храброе сопротивленіе французовъ и окончили кровавое дѣло полною побѣдою. На сколько нѣмцы въ данномъ случаѣ обязаны побѣдою именно «предупрежденію приказаній», видно изъ слѣдующаго.

Принимая въ расчетъ срокъ отдачи приказаній кронпринца, часть дня, время, необходимое для ихъ пересылки, получки, дальнѣйшихъ по нимъ распоряженій частныхъ начальниковъ, наконецъ, для самаго исполненія войсками, при данныхъ разстояніяхъ не трудно разсчитать, что вызываемыя кронпринцемъ поддержки могли прибыть на мѣсто никакъ не раньше 6—7 часовъ пополудни, если не позже. А между тѣмъ, критическіе моменты боя, рѣшившіе его окончательный исходъ, разыгрались уже около 3—4 часовъ пополудни.

Если бы нѣмецкіе начальники въ Вертскомъ бою заранѣе не предупредили приказаній кронпринца, дошедшихъ до нихъ значительно позже, то задача, предпринятая Кирхбахомъ и Бозе, легко могла для нихъ оказаться непосильною и они могли быть окончательно отбиты до прибытія подкрѣпленій отъ корпусовъ Танна и Вердера (виртембергцы), такъ какъ 2-й баварскій корпусъ, Хартмана, пока, не въ силахъ былъ помочь Кирхбаху и Бозе (1).

(1) Одна дивизія 2-го баварскаго корпуса была совершенно разбита еще утромъ, а другая, пока, стерегла дорогу на Вичъ, у котораго находились войска французскаго корпуса, Фалля.

же возстановить дѣло или вѣрнѣе наново, сначала разыграть его и рѣшить въ пользу нѣмцевъ собственно подходившими подкрѣпленіями, была очень гадательна. По меньшей же мѣрѣ французы, отбивъ Кирхбаха и Бозе, могли бы отойти спокойно и безъ дальнѣйшихъ потерь, а не такъ окончательно разбитые, какъ то случилось въ дѣйствительности, благодаря предупрежденію приказаній кронпринца со стороны Вердера и Танна.

Подобное же рѣшающее значеніе имѣло предупрежденіе приказаній командира арміи со стороны командировъ нѣмецкихъ корпусовъ, прусскаго гвардейскаго и саксонскаго въ сраженіи при Гравелотъ-Сентъ-Прива 18-го августа 1870 года. Случилось это при слѣдующей обстановкѣ.

Утромъ поименованнаго дня нѣмцамъ, стоявшимъ лицомъ на сѣверъ, не было еще извѣстно, что вся французская армія маршала Базена стоитъ на сильной оборонительной позиціи тыломъ къ Мецу и что она, имѣя фронтъ на западъ, должна была очутиться на флангѣ нѣмцевъ при предпринятомъ движеніи послѣднихъ на сѣверъ. Напротивъ того, нѣмецкіе начальники (въ особенности командиръ 2-й ихъ арміи, принцъ Фридрихъ-Карль) предполагали, что французы находятся въ полномъ отступленіи на западъ. Имѣя въ виду настичь противника, нѣмцы рѣшили, пока до полнаго выясненія обстановки, двинуться въ сѣверномъ направленіи. Дѣйствительная обстановка раскрывалась передъ нѣмецкими начальниками не вдругъ, а только постепенно. Когда прежде всего замѣчена была лѣвая половина фронта французовъ, то нѣмцы предположили, что ими все уже раскрыто. Рѣшено было охватить воображаемый правый флангъ противника движеніемъ на Аманвилье, бывши въ дѣйствительности въ центрѣ позиціи маршала Базена. Сообразно этой, далеко еще не точной оцѣнкѣ дѣйствительной обстановки, командиръ 2-й нѣмецкой арміи отдалъ въ двѣнадцатомъ часу дня приказанія: гвардейскому корпусу двинуться черезъ Верневиль или Абонвиль и оттуда произвести серьезное наступленіе противъ непріятельскаго праваго фланга (предполагавшагося у Аманвилье). Одновременно приказано саксонскому корпусу идти на Сентъ-Мари съ цѣлью отрѣзать противнику путь на Брией.

Но между тѣмъ командиры обоихъ поименованныхъ корпусовъ, гвардейскаго и саксонскаго, стараясь выяснитъ себѣ обстановку (въ сѣверо-восточномъ направленіи), каждый на свою руку, успѣли въ томъ, естественно, гораздо скорѣе своего начальника, командира арміи и затѣмъ немедленно приняли соотвѣтственные рѣшенія, а именно:

Въ тотъ самый почти моментъ, когда командиръ арміи, принцъ Фридрихъ-Карль еще только отдавалъ гвардейскому корпусу приведенное выше приказаніе, основанное на ошибочномъ предположеніи, что правый флангъ французовъ не доходитъ до Аманвилье, командиръ послѣдняго, принцъ Виртембергскій, доноситъ уже о томъ, что французская пѣхота находится въ Сентъ-Маріа-о-Шень и что много французскихъ войскъ въ Сень-Прива-ля-Монтань, т. е. еще лѣвѣе Аманвилье. Почему гвардія двинется немедленно (согласно прежнему приказанію, отданному командиромъ арміи въ 10 часовъ утра), но пойдетъ она не на Верневиль, а на Абонвиль, т. е. лѣвѣе.

Съ своей стороны кронпринцъ саксонскій узналъ уже, что нѣтъ французовъ въ сѣверномъ направленіи (гдѣ ихъ первоначально предполагалъ принцъ Фридрихъ-Карль), но что они замѣчены въ сторонѣ сѣверо-восточной. Кронпринцъ саксонскій рѣшилъ взять это направленіе, двигаясь въ общемъ на Сентъ-Маріа-о-Шень и разослалъ соответственныя приказанія, въ то время, когда командиръ арміи только отправлялъ свое помянутое выше приказанія, совершенно совпадавшія съ рѣшеніями командира саксонскаго корпуса (1).

Для того, чтобы оцѣнить всю важность рѣшеній и дѣйствій кронпринца саксонскаго, не лишне припомнить, что, несмотря на громадное превосходство наличныхъ силъ, нѣмцы до вечера отражаемы были французами по всей линіи и что войска лѣвофланговаго ихъ, прусскаго гвардейскаго корпуса, послѣ преждевременной неудачной атаки на Сень-Прива, понесъ громадныя потери, залегли по склонамъ французской позиціи вблизи поименованнаго пункта, въ положеніи самомъ неудобномъ и опасномъ. Стоило только французамъ произвести тутъ серьезную контръ-атаку, чтобы окончательно отбросить нѣмцевъ отъ своей позиціи и одержать надъ ними въ тотъ день крупный успѣхъ.

Извѣстно, что саксонцы не только, предупреждая приказаніе командира арміи, заранѣе направились на Сентъ-Маріа, но что они совершенно самостоятельно предприняли отсюда охватывающее движеніе на Ронкуръ и завершили его совмѣстно съ прусскою гвардіей удачною, на сей разъ, атакою на Сень-Прива, рѣшившей побѣду въ пользу нѣмцевъ скоро послѣ заката солнца, около 8-ми часовъ ве-

(1) При тождественности рѣшеній мотивы, вызвавшіе ихъ, были хотя и однородны, но не вполнѣ совпадали между собою. Принцъ Фридрихъ-Карль имѣлъ въ виду окончательно отрезать замѣченныхъ у Меца французовъ, а кронпринцъ саксонскій собственно, прежде всего, необходимость наступленія на непріятеля, оказавшагося тамъ, гдѣ принцъ Фридрихъ-Карль, пока, его не ожидалъ.

чера. Нелишне замѣтить, что исполнимое еще въ ту пору дня, т. е. относительно засвѣтло, сдѣлалось бы по многимъ причинамъ немислимо какими нибудь двумя часами позже. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на то, что многочисленная нѣмецкая артиллерія, на долю коей падаетъ значительная часть заслуги въ окончательномъ успѣхѣ Гравелотскаго боя, волею неволею должна бы прекратить свой адскій огонь на Сень-Прива, а съ другой стороны, прусская гвардія едва ли могла удержаться долѣе въ своемъ трудномъ положеніи и, вѣроятно, воспользовалась бы темнотою, представлявшею ей возможность безопаснаго отступленія. Понятно, что если бы кронпринцъ саксонскій не «предупредилъ приказаній», то маневръ его легко могъ значительно замедлиться какъ отъ обычныхъ проволочекъ, такъ и отъ столь частыхъ на войнѣ случайностей; а засимъ за темнотою маневръ сдѣлался бы уже неисполнимымъ.

Такимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что нѣмцы при данной обстановкѣ, при которой разыгрались сраженія при Вертѣ и Гравелотъ-Сень-Прива, обязаны двумя крупными побѣдами, именно, «предупрежденію приказаній со стороны частныхъ начальниковъ».

Понятно, что «предупрежденіе приказаній» при правильной командной системѣ заявляетъ о себѣ не только въ дни боевыхъ столкновеній, но и при промежуточныхъ между ними подготовительныхъ операціяхъ. Періодъ времени, предшествовавшій сраженію при Гравелотѣ, представляетъ тому нѣсколько поучительныхъ примѣровъ.

Помянутыя уже прежде распоряженія нѣмецкихъ начальниковъ, а именно, направленіе Фохтсъ-Рецомъ 19-й пѣхотной дивизіи 13-го августа для занятія переправъ на р. Мозелѣ и предварительный сборъ гвардейскаго прусскаго корпуса ближе къ сѣверу 16-го августа, въ день боя при Марсъ-ля-Турѣ «предупреждали собою послѣдующія приказанія командира арміи. Точно также предупредилъ приказанія главной королевской квартиры принцъ Георгъ саксонскій, отправившійся къ Марсъ-ля-Туру ночью съ 16-го на 17-е августа по извѣщенію Фохтсъ-Реца, что тамъ необходимы свѣжія поддержки.

Подобныхъ примѣровъ можно бы набрать въ дѣйствіяхъ нѣмцевъ гораздо больше; «предупрежденіе приказаній», основанное на толковой оцѣнкѣ обстановки, смѣломъ сообразномъ ей самостоятельномъ рѣшеніи и исполненіи, составляетъ въ нѣмецкой арміи явленіе, можно сказать заурядное.

Нужно ли еще указывать, какой громаднй перевѣсъ даетъ такой арміи «предупрежденіе приказаній» въ борьбѣ съ иной, въ которой всякъ привыкъ ожидать толчка извнѣ, въ формѣ «приказаній свыше»,

между тѣмъ какъ въ лучшемъ случаѣ, т. е. если приказанія дѣйствительно получатся, зачастую для исполненія ихъ все-таки не хватить уже времени. Такъ было у Шпихерна, гдѣ три французскія дивизіи, выжидавшія на все приказаній, прибыли на поле сраженія уже въ темнотѣ, между тѣмъ какъ онѣ имѣли полную возможность поспѣть въ-время по собственному, конечно, почину, и тѣмъ замѣнить испытанное пораженіе въ полную для французовъ побѣду.

Насколько могутъ запаздывать приказанія, а съ ними и войска ихъ выжидающія, показываетъ еще примѣръ 9-го прусскаго корпуса, генерала Манштейна, въ день сраженія при Марсъ-ля-Турѣ.

Диспозиціею по 2-й пѣмецкой арміи на 16-е августа приказано было 9-му корпусу совершить небольшой переходъ отъ Бюши до Силенья, не доходя верстъ 15 до Навэангъ на р. Мозель. Дойти до этой рѣки и переправиться черезъ нее приказано было корпусу на слѣдующій день 17-го августа. Такимъ образомъ направляемья тою диспозиціею въ тылъ Мецу части 2-й арміи (корпуса Альвенслебена и Фохтсъ-Реда) должны были очутиться одни безъ поддержекъ не только въ теченіе 16-го августа, но отчасти и 17-го числа. Главная королевская квартира, видимо, усомнилась въ цѣлесообразности этого распоряженія начальства 2-й арміи. На этомъ основаніи генераль Мольтке еще въ 7^{1/2} часовъ утра 16-го августа послалъ офицера генеральнаго штаба съ открытымъ приказаніемъ, въ коемъ значилось, чтобы 9-й корпусъ, по возможности, переправился черезъ Мозель еще въ тотъ же день (16-го августа) или, по крайней мѣрѣ, дошелъ вплоть до этой рѣки. Несмотря на то, что разстояніе отъ главной королевской квартиры, Орни до Бюши (штабъ 9-го корпуса въ ночь съ 15-го на 16-е августа) было не болѣе верстъ 15, а оттуда до Силенья всего 7—8, тѣмъ не менѣе помянутое приказаніе дошло собственно до генерала Манштейна только въ 3 часа пополудни. Запоздалыя за тѣмъ распоряженія Манштейна дали изнемогавшему въ неравномъ бою 3-му корпусу, Альвенслебена, всего четыре баталіона поддержки, да и тѣ попали въ бой почти ночью и ничего существеннаго сдѣлать не могли. А между тѣмъ части 9-го корпуса могли оказать товарищамъ своимъ помощь гораздо болѣе существенную и своевременную, если бы подчиненные Манштейну начальники дивизій рѣшились дѣйствовать сообразно обстановкѣ, не ожидая приказаній, но они стѣснены были положительнымъ воспрещеніемъ своего командира корпуса «не предпринимать 16-го августа никакихъ передвиженій, сверхъ приказанныхъ».

Къ этому «воспрещенію» мы возвратимся еще ниже, пока же

достаточно указать на то, что приведенный примѣръ констатируетъ еще разъ, что «непредупрежденное» приказаніе въ сущности вовсе не было исполнено.

«Предупрежденіе приказаній» старшаго со стороны младшихъ начальниковъ беретъ свое начало прежде всего, конечно, въ одинаковомъ знаніи дѣла вообще (какъ старшимъ, такъ и младшими), въ одинаковой затѣмъ оцѣнкѣ данной, конкретной обстановки и, наконецъ (а это самое главное), въ преслѣдованіи одной и той же цѣли.

Преслѣдованіе одной и той же главной цѣли, какъ со стороны старшаго начальника, такъ и его подчиненныхъ, есть самое основное условіе успѣха; къ нему сводится вся суть дѣла; только на немъ зиждется единство дѣйствій вездѣ и всегда, когда данныя и полученные приказанія оказываются недостаточны или же не отвѣчаютъ раскрывшейся обстановкѣ. Поэтому указаніе подчиненнымъ цѣлей (какъ главной, такъ и частныхъ) составляетъ первую обязанность старшаго начальника, предпринимающаго какую либо операцію. Упущенія въ этомъ отношеніи, неминуемы, неблагоприятно отзываются на исходѣ операцій. Въ подтвержденіе этого привожу дѣйствія отряда князя Шаховскаго передъ Гроховскимъ сраженіемъ въ Польскую кампанію 1831 года.

Извѣстно, что подошедшій къ Прагѣ съ главными своими силами фельдмаршалъ Дибичъ имѣлъ въ виду 14-го февраля атаковать, ставшую на позиціи впереди Праги, польскую армію съ фронта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, направить въ тылъ ея подошедшій отъ Ковно отрядъ князя Шаховскаго, въ то время успѣвшаго переправиться съ праваго на лѣвый берегъ Буго-Нарова у Зегрже и приближавшагося фланговымъ маршемъ мимо Праги для «присоединенія» къ главнымъ силамъ Дибича, согласно полученнымъ прежде приказаніямъ.

Рѣшивъ, въ отмѣну прежняго приказанія («присоединиться къ главнымъ силамъ») дать Шаховскому новое назначеніе, дѣйствительно болѣе согласное съ раскрывшейся, между тѣмъ, обстановкою, фельдмаршалъ, однако, не сообщилъ своему подчиненному «цѣли» новыхъ своихъ приказаній. Въ приказаніяхъ этихъ значилось просто, чтобы Шаховской «все 12-го февраля оставался у Непорента», безъ указанія мотивовъ. Приказаніе это дошло до Шаховскаго въ то время, когда онъ уже выступилъ изъ Непорента; не зная предположеній фельдмаршала и заботясь главнымъ образомъ объ обезпеченіи себѣ пути къ главнымъ силамъ, князь Шаховской счелъ нуж-

нымъ завладѣть деревнею Бялоленкою, у которой ввязался въ дѣло съ польскимъ отрядомъ Янковскаго. Сраженіе у Бялоленки возобновилось и на другой день утромъ, и подало поводъ опасавшемуся за Шаховскаго Дибичу безотлагательно атаковать польскую армію на ея позиціи у Грохова уже 13-го февраля, а не 14-го, какъ онъ предполагалъ прежде. Хотя побѣда въ этомъ, недостаточно подготовленномъ, сраженіи все-таки досталась Дибичу, но она, конечно, была бы гораздо полнѣе и рѣшительнѣе, если бы Шаховской, лучше ориентированный указаніями фельдмаршала, могъ дѣйствовать въ смыслѣ намѣренной послѣдняго, т. е. атаковать противника съ тыла. По этому поводу авторъ сочиненія «Польско-Русская война 1831 года» говорить слѣдующее:

«...Отдѣляя Шаховскаго и давая ему особую задачу, Дибичъ не познакомилъ его съ ролью въ этой операціи: онъ не сообщилъ Шаховскому цѣли его остановки и уклоненія, до времени, отъ боя. Еще 12-го числа утромъ не было поздно дать подобные директивы. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ былъ рѣзко нарушенъ, по отношенію отдѣльно оперировавшему корпусному командиру, еще Суворовскій завѣтъ: «всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ».

Гроховское сраженіе, сказать мимоходомъ, въ порожденіи своемъ, дальнѣйшемъ развитіи и окончательномъ исходѣ представляетъ собою поразительную аналогію съ перепетіями гораздо болѣе позднѣйшаго боя у Верта, въ кампанію 1870 года.

Какъ тутъ, такъ и тамъ общее сраженіе разыгралось раньше, нежели оба главнокомандовавшіе (фельдмаршалъ Дибичъ и кронпринцъ прусскій) считали это для себя удобнымъ. Оба они, правда, остались побѣдителями, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ это имъ было желательно и вполне возможно; причина тутъ и тамъ вполне тождественна: сраженія при Вертѣ и Гроховѣ не разыгрались по заранѣ обдуманымъ планамъ и, слѣдовательно, безъ должной подготовки.

Поводомъ къ обоимъ этимъ, по мысли начальниковъ атакующихъ сторонъ, преждевременнымъ сраженіямъ послужили бои частные: Шаховскаго у Бялоленки и Ботмера (командира 2-й баварской дивизіи) противъ Фрѣшвейлера. Причины были однородны, а именно: погрѣшности противъ рациональнаго способа сношеній и отдачи приказаній частнымъ начальникамъ. Дибичъ, какъ сказано выше, не пояснилъ Шаховскому мотива переданнаго послѣднему приказанія, оставаться 12-го февраля у Непорента, а съ другой стороны, Ботмеръ получилъ приказаніе по буквѣ дѣйствительно сбивчивое («атаковать по направленію на Фрѣшвейлеръ, коль скоро послышится ка-

нонада у Верта»). Оба, впрочемъ, подчиненные начальники тоже далеко безупречны. Если бы Ботмеръ поглубже вникъ въ смыслъ даннаго ему приказанія, а не держался бы одной лишь его наружной формы, то онъ неминуемо пришелъ бы къ заключенію, что, по смыслу приказанія, канонада у Верта, по которой онъ долженъ былъ начать наступленіе, «подразумѣвалась точно и исключительно происходящею отъ наступленія французовъ». Что касается князя Шаховскаго, то онъ, получивъ хотя и запоздалое приказаніе оставаться у Непорента, долженъ былъ понять, что онъ нуженъ фельдмаршалу въ той именно окрестности, а потому нечего было ему двигаться на присоединеніе къ Дибичу въ день Гроховскаго боя, а разъ онъ все-таки предпринялъ это, ни на что самостоятельно не рѣшившись, то слѣдовало ему двигаться возможно быстрѣе для того, чтобы поскорѣе попасть въ сферу непосредственныхъ распоряженій фельдмаршала; чего онъ, однако, не исполнилъ.

Наконецъ, въ видѣ послѣдняго еще сходства, позволю себѣ добавить, что въ обоихъ случаяхъ основною причиною преждевременныхъ, т. е. вовсе неподготовленныхъ сраженій со стороны атакующаго, была одна и та же основная ошибка, стремленіе, такъ сказать, къ академически безупречной подготовкѣ сраженія, на что, конечно, требовалось время.

Событія доказали въ обоихъ случаяхъ, что всѣ средства для успѣшнаго розыгранія наступательнаго боя были уже подъ рукою; медлить, слѣдовательно, было нечего. На войнѣ надо ловить минуту и умѣть распорядиться въ предѣлахъ данной обстановки, не стараясь искусственно создать еще болѣе выгодную. Фортуна капризна и легко ускользаетъ на своемъ крылатомъ колесѣ. То, что возможно сегодня, можетъ быть неисполнимо завтра.

Академическія стремленія Дибича и кронпринца передали много шансовъ въ пользу ихъ противниковъ; побѣды ихъ оказались далеко не такъ полны, какъ это было возможно, и послѣдствія не соответствовали понесеннымъ жертвамъ. А между тѣмъ было бы совершенно иное, если бы оба поименованные начальники, «не мудрствуя лукаво» и не мѣшкая, распорядились наличными своими средствами для общей связной атаки, коль скоро пришли въ прикосновеніе съ противникомъ.

Никогда не слѣдуетъ забывать, что на войнѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо стремленіе къ далеко не всегда достижимому «лучшему» часто упускаетъ вполне возможное «хорошее».

Возвращаюсь къ разбираемому тутъ частному вопросу.

Главная обязанность старшаго начальника, какъ уже сказано, состоятъ въ указаніи подчиненнымъ своимъ общей цѣли и въ распредѣленіи между ними ролей, т. е. указанія каждому частной для него цѣли. Изысканіе затѣмъ способовъ исполненія предоставляется частнымъ начальникамъ; иными словами, указывается: «что» надо дѣлать, не вмѣшиваясь въ то, «какъ» оно будетъ исполняемо. Въ настоящее время немислимы уже распоряженія въ родѣ тѣхъ, коими престарѣлый тогда уже фельдмаршалъ Каменскій счелъ нужнымъ обременить своихъ подчиненныхъ, въ январѣ 1807 года, передъ Пултускимъ сраженіемъ. Извѣстно, что фельдмаршалъ приказалъ командирамъ дивизій: чтобы «на случай, если дивизія будетъ атакована, строиться ей по-бригадно въ три линіи, такъ чтобы 1-й баталіонъ былъ въ первой линіи, 2-й—во второй линіи, а 3-й баталіонъ—въ третьей». Не лишне добавить, что въ то же время общія распоряженія фельдмаршала, вздумавшаго быть точнымъ въ мелочахъ, отличались, по выраженію историка, «запутанностью безпримѣрною».

Сфера самостоятельной дѣятельности частнаго начальника можетъ быть болѣе или менѣе обширна, начиная съ простаго исполненія приказанія, исполненія самостоятельнаго только по отношенію подробностей до исполнѣнія самостоятельной постановки себѣ «новой цѣли», коль скоро достиженіе указанной старшимъ начальникомъ оказалось излишнимъ или невозможнымъ. Понятно, что эта новая частная цѣль должна соответствовать намѣреніямъ старшаго начальника, т. е. общей главной цѣли, имъ себѣ поставленной. Все это не было бы трудно и сложно, если бы старшій начальникъ всегда «могъ» указать подчиненнымъ главную свою цѣль и если бы подчиненнымъ иной разъ не приходилось угадывать ее.

Поясню все это нѣсколькими примѣрами.

Въ день вторженія 3-й нѣмецкой арміи въ предѣлы Нижняго-Эльзаса, 4-го августа 1870 года, диспозиціей кронпринца прусскаго прямо указана была цѣль операціи того дня, а именно: «овладѣніе линіей рѣки Ляутера», каждой колоннѣ дано соответственное направленіе и приказано «непріятеля, гдѣ онъ встрѣтится, отбросить». Сверхъ того, подтверждено изустно, «чтобы отдѣльныя колонны войскъ поддерживали одна другую».

При такой точной постановкѣ цѣли, достижимой притомъ въ ближайшее время, т. е. въ тотъ же день 4-го августа роль исполнителей не была трудна. Гораздо болѣе трудною, но вмѣстѣ съ тѣмъ отлично исполненной оказалась роль саксонскаго корпуса въ день битвы при Гравелотъ—С.-Прива 18-го августа 1870 года.

Въ своемъ мѣстѣ при разборѣ вопроса «о предупрежденіи приказаній» сказано было, что кронпринцъ саксонскій, «предупреждая приказаніе принца Фридриха-Карла, самостоятельно двинулся въ направленіи, соотвѣтствующемъ разъяснившейся обстановкѣ. Кронпринцъ направился на С.-Мори и оттуда затѣмъ для охвата праваго фланга арміи Базена. Исполняя это, кронпринцъ могъ имѣть въ виду только общее предварительное на тотъ день приказаніе, въ которомъ было сказано: «Сегодня 2-я армія продолжаетъ наступленіе. Задача ея по прежнему отгѣснить непріятели отъ его пути отступленія на Верденъ—Шалонъ и разбить его тамъ, гдѣ онъ будетъ отысканъ».

Не трудно понять, что «главная цѣль» поставлена тутъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ сказать въ схематическомъ видѣ; но за то она очерчена вполне ясно и опредѣлительно, такъ что относительно истинныхъ видовъ и намѣреній старшаго начальника не могло быть малѣйшаго сомнѣнія. Совершенно схожее видимъ (въ приведенномъ уже прежде) общемъ приказаніи по нѣмецкимъ арміямъ, предшествовавшемъ Седанской битвѣ.

Но бывають нерѣдко случаи, когда, по причинѣ несозрѣвшей еще обстановки, старшій начальникъ не можетъ высказать своихъ завѣтныхъ мыслей и отдаленныхъ намѣреній. А между тѣмъ случается, что обстановка, скорѣе чѣмъ ожидалось, развилась въ смыслѣ благопріятномъ намѣреніямъ старшаго начальника. Но время не ждетъ; необходимо, не мѣшкая, пользоваться выгодно сложившимися обстоятельствами, пора дѣйствовать! а дѣйствовать можно только «разгадавъ» намѣренія старшаго.

Типичнымъ этому примѣромъ могутъ служить соображенія прусскихъ генераловъ Гольца и Мантейфеля 14-го августа 1870 года, предшествовавшія атакѣ ихъ на отходившихъ французовъ, о чемъ уже рассказано выше, въ видѣ примѣра вѣрной оцѣнки «общей обстановки». Остается тутъ только подчеркнуть, что эта вѣрная оцѣнка общей обстановки привела прусскихъ начальниковъ къ вполне вѣрной разгадкѣ истинныхъ видовъ и намѣреній своего главнокомандовавшаго.

Сказано было уже прежде, что частные начальники должны всегда имѣть въ виду содѣйствовать общей или главной цѣли, поставленной себѣ старшимъ начальникомъ. Понятно, что при этомъ частному начальнику не разъ придется, во имя общихъ высшихъ цѣлей, отказаться отъ преслѣдованія той, которая ему прямо указана. Ближай-

шія причины для подобнаго рѣшенія могутъ быть довольно разнообразны. Итакъ, указанная частная цѣль можетъ оказаться просто недостижимой, или же достиженіе ея излишнимъ. Далѣе могутъ представиться цѣли гораздо болѣе важныя. Наконецъ, частный начальникъ просто можетъ очутиться безъ всякихъ приказаній и онъ обязанъ поставить себѣ цѣль совершенно самостоятельно. Поясню это примѣрами.

Извѣстно, что колонны войскъ корпуса маршала Базена, посланная послѣднимъ въ теченіе 6-го августа 1870 года на поддержку Фроссара, бывшему въ то время въ бою на Шпихернскихъ высотахъ, пришли слишкомъ поздно, къ ночи, въ то время, когда Фроссаръ отступалъ вправо къ Сааргемюнде. Такимъ образомъ, задача, возложенная на начальниковъ этихъ колоннъ, оказалась «недостижимой». Требовалось поставить себѣ «новую» цѣль, или задачу, сообразную «общей обстановкѣ». Этою новою цѣлью могло быть только прикрытіе кратчайшаго пути, ведущаго отъ Саарбрюкена къ Мецу, столь преждевременно брошеннаго Фроссаромъ. Выше уже, по поводу другихъ частныхъ вопросовъ, указано, насколько французскіе начальники исполнили или, вѣрнѣе, не исполнили задачи, поставленной имъ обстоятельствами.

А вотъ примѣръ обстановки, при которой достиженіе указанной частной цѣли сдѣлалось излишнимъ.

Отрядъ Линкера отъ 10-го прусскаго корпуса, генерала Фохтс-Рецца, получилъ приказаніе на 16-е августа 1870 года (день сраженія при Марсѣ-ла-Турѣ) идти отъ р. Мозеля къ Шамбле съ тѣмъ, чтобы съ отрядомъ Лемана служить поддержкою 5-й кавалерійской дивизіи, долженствовавшей произвести развѣдку къ сторонѣ Меца. Но въ то время, когда отрядъ, двигаясь къ Шамбле, достигъ Горза, послышалась сильная канонада справа, сдѣлалось очевиднымъ, что слѣдовавшій правѣе 10-го корпуса, 3-й корпусъ Альвенслебена наткнулся на непріятеля. При такомъ положеніи дѣлъ, когда противникъ былъ уже открытъ, не было никакой надобности идти въ поддержку кавалеріи, направленной именно для развѣдки съ цѣлью раскрытія французовъ. Дѣйствительно, Линкеръ, оставивъ направленіе на Шамбле, поставилъ себѣ «новую задачу». Онъ, направившись отъ Горза на выстрѣлы, доставилъ сражавшейся на правомъ флангѣ корпуса Альвенслебена дивизіи Штюльпнагеля первую крайне нужную поддержку.

Слѣдующіе случаи показываютъ примѣры обстановокъ, при коихъ указанныя менѣе важныя цѣли принесены въ жертву цѣлямъ общимъ.

Корпусу генерала Вердера отъ арміи кронпринца прусскаго приказано было диспозиціею на 6-е августа 1870 года «идти къ Ремесвейлеру—фронтъ на югъ; аванпосты выдвинуть къ Гагенаускому лѣсу»; между тѣмъ какъ всѣ остальные наличные четыре корпуса арміи становились фронтомъ на западъ. Въ то время нѣмецке начальство не было достаточно ориентировано относительно расположенія и возможныхъ намѣреній французовъ, а потому корпусу Вердера, видимо, предназначалась роль прикрывать армію отъ покушений со стороны Гагенау. Но когда началось сраженіе у Верта и командиръ 11-го корпуса, генералъ Бозе, извѣстивъ Вердера о томъ, «что у Гунштета слышна канонада и что онъ идетъ на выстрѣлы», то Вердеръ, справедливо считая вопросъ о прикрытіи со стороны Гагенау менѣе важнымъ и достижимымъ съ меньшими силами, поставилъ себѣ «новую цѣль», а именно поддержку Бозе, и немедленно послалъ полковнику своего корпуса въ распоряженіе послѣдняго.

Въ день Седанскаго боя 5-й и 11-й прусскіе корпуса послѣ переправы ихъ черезъ р. Мезу получили первоначально направленіе на сѣверъ, на пути Седанъ—Мезіеръ, въ видахъ атаковать французовъ во флангъ во время предполагаемаго ихъ отступательнаго движенія отъ Седана. Когда же выяснилось, что французы не отступаютъ и что слѣдовательно вся ихъ армія пока находится еще въ окрестностяхъ Седана, то поименованнымъ корпусамъ послано было новое приказаніе: «11-му корпусу идти черезъ Манжъ, отсюда принять участіе въ бою, а 5-му—слѣдовать за 11-мъ и выстроиться за послѣднимъ, выдаваясь уступомъ влѣво». На основаніи этого распоряженія обоимъ корпусамъ приходилось перемѣнить сѣверное направленіе на восточное, причемъ указанное 5-му корпусу, очевидно, предназначало ему роль пока болѣе пассивную, въ видѣ резерва 11-го корпуса и обезпеченія фланга послѣдняго. Для дальнѣйшихъ затѣмъ дѣйствій 5-го корпуса потребовались бы новыя приказанія со стороны командира арміи, оставшагося далеко позади, на той сторонѣ рѣки Мезы. При такой обстановкѣ приказанія никакъ не могли поступать своевременно, да притомъ Кирхбахъ былъ не изъ тѣхъ, которые любятъ выжидать приказаній. Оцѣнивъ надлежаще обстановку, Кирхбахъ рѣшилъ второстепенную задачу (поддержки 11-го корпуса и прикрытія его фланга) замѣнить «новою», просто наступленіемъ на противника съ цѣлью полнаго его охвата, причемъ онъ очутился не уступомъ «позади», а уступомъ «впередѣ» 11-го корпуса. Извѣстно, что гранаты батарей Кирхбаха скоро скрестились съ гранатами прусской гвардіи. Желѣзное кольцо вокругъ арміи французовъ сомкнулось.

Не лишне указать еще мимоходомъ, что наступленіемъ своимъ Кирхбахъ лучше всего прикрывалъ флангъ 11-го корпуса и оказалъ послѣднему самую существенную поддержку. Въ этомъ случаѣ какъ и почти во всѣхъ иныхъ, активныя дѣйствія, достигая высшихъ цѣлей, большихъ успѣховъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяютъ и цѣлямъ пассивнымъ. Нужно-ли еще указывать на то, что если бы Кирхбахъ, по собственному почину, ничуть не медля, не замѣнилъ второстепенной задачи, такъ сказать, перворазрядную, если бы онъ не сомкнулъ въ-время кольцо вокругъ арміи Макъ-Магона, то значительная часть французовъ могла ускользнуть въ свободный для нихъ промежутокъ между заходившими флангами нѣмцевъ и чѣмъ сильнѣе былъ напоръ въ другихъ пунктахъ, тѣмъ болѣе французовъ было бы просто вынуждено спастись въ указанномъ направленіи ⁽¹⁾.

Дѣйствія полковника Шенинга въ день боя при Марсъ-ля-Турѣ, 16-го августа 1870 года, тоже представляютъ собою примѣръ выбора болѣе важной цѣли съ пренебреженіемъ данной себѣ частной второстепенной задачи.

Извѣстно, что командиръ 16-й пѣхотной прусской дивизіи, генераль Борнековъ, дойдя до рѣки Мозеля, маршевой цѣли на 16-е августа, рѣшилъ перейти рѣку съ наличною бригадой и идти въ разыгравшійся между тѣмъ бой на подмогу корпусу Альвенслебена. Командиръ слѣдовавшей за Борнековымъ 18-й дивизіи (отъ 9-го корпуса Манштейна), генераль Врангель, не рѣшился послѣдовать примѣру Борнекова, будучи стѣсненъ положительнымъ воспрещеніемъ своего командира корпуса («не дѣлать въ тотъ день никакихъ передвиженій, сверхъ предписанныхъ»). Тѣмъ не менѣе, Врангель, въ видахъ облегченія Борнекова, передалъ въ его распоряженіе 11-й пѣхотный полкъ, полковника Шенинга. Насколько можно понять, полкъ этотъ назначался собственно только «для занятія переправы», черезъ которую пришелъ Борнековъ. Шенингъ, въ свою очередь, въ виду все болѣе и болѣе усиливавшагося боя, разсудилъ, что лучше ему прикрыть переправу движеніемъ впередъ, къ сторонѣ боя, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, принять въ немъ участіе.

Нельзя не признать, что рѣшеніе это было вполне рациональное. Прикрытіе переправы было тутъ для Шенинга дѣломъ совершенно второстепеннымъ; онъ могъ быть тамъ замѣненъ любымъ изъ остальныхъ полковъ дивизіи Врангеля. Между тѣмъ, Шенингъ, появясь на

(1) Извѣстно, что въ-время еще ускользнувшіе французы успѣли пробраться даже черезъ Бельгію, не будучи обезоружены.

полѣ сраженія со свѣжею частью войскъ, оказывалъ своимъ незамѣняемую услугу. О дѣйствіяхъ Шеннига будетъ еще упомянуто по поводу другихъ вопросовъ.

Частныя цѣли, указанныя войскамъ на всякій данный день, далеко не всегда имѣютъ въ виду непосредственную возможность столкновения съ противникомъ. Часто цѣлью указывается просто достиженіе извѣстнаго почлежнаго пункта. Случается это, когда непріятель еще далеко или же когда вообще боевое столкновение не предвидится; впрочемъ, подобные разсчеты не разъ оказываются ошибочными. Такъ, напримѣръ, въ диспозиціи по 2-й нѣмецкой арміи на 16-е августа 1870 года (день Марсъ-ля-Тура) вступительными словами диспозиціи указывалась цѣль и мотивы:

«Непріятель отступать къ р. Мезъ; 2-я армія безъ замедленія послѣдуетъ за непріятелемъ къ р. Мезъ».

Подобнымъ же образомъ, въ ту же кампанію, въ диспозиціи по 3-й нѣмецкой арміи на 6-е августа (бой у Верта) значилось только:

«Армія остается сосредоточеной вокругъ Зульца, но перемѣняетъ фронтъ».

Затѣмъ въ обѣихъ поименованныхъ диспозиціяхъ слѣдуетъ просто указаніе корпусамъ различныхъ маршевыхъ на данный день цѣлей, т. е. въ сущности—почлежныхъ пунктовъ. Однако, въ обоихъ этихъ случаяхъ, когда, съ виду, предпринимались чуть ли не мирныя передвиженія, загорѣлись общія сраженія.

Понятно, что въ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ частныя начальники, не видя предъ собою иныхъ важныхъ, специальныхъ цѣлей, имѣютъ руки достаточно развязанныя. Имъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, не придется даже задаваться вопросами: «идти или не идти на выручку своихъ»? Подобный вопросъ можетъ считаться предрѣшеннымъ; останется только взвѣсить условія лучшаго исполненія. Этими и руководствовались нѣмецкіе начальники: Таннгъ и другіе при Вёртѣ, Дерингъ и Гебенъ при Шнихернѣ, Врангель и другіе въ день сраженія предъ Мецомъ 14-го августа 1870 года, Фохтсъ-Рецъ, Кроацъ, Леманъ, Линкеръ и Борнековъ въ день Марсъ-ля-Тура.

Но если Таннгъ, который въ день сраженія при Вёртѣ имѣлъ себѣ указанную цѣль просто маршевую, сразу рѣшился идти впередъ на выручку своимъ со всѣми своими силами, то Вердеръ въ то же время, какъ уже изложено прежде, долженствовавшій прикрывать армію отъ покушеній со стороны Гагенау, не могъ при данной обстановкѣ дѣйствовать подобно Таннгу. Дѣйствительно, Вердеръ, по первому извѣ-

стію о сраженіи послалъ на подмогу генералу Бозе только половину своихъ войскъ. Подобнымъ же образомъ на противоположномъ флангѣ арміи командиръ 2-го баварскаго корпуса, генераль Хартманъ, довольно долго въ тотъ день держалъ значительныя силы на пути въ Бичъ, отъ котораго ожидалось наступленіе французскаго корпуса Фальи. Въ этомъ родѣ распорядился и командиръ саксонской конной дивизіи въ день боя при Гравелотѣ.

Саксонская отдѣльная конная дивизія провела ночь съ 17-го на 18-е августа у Парфандрупта (на сѣверной изъ двухъ шоссеиныхъ дорогъ, соединявшихъ Мецъ съ Верденомъ). Когда же въ теченіе 18-го числа загорѣлось сраженіе, то командиръ дивизіи, графъ Липпе, направился къ сторонѣ боя только съ тремя полками, оставивъ одинъ у Пюисъ для наблюденія за дорогами въ Этенъ и Брией.

Приведенные примѣры показываютъ, что даже при самыхъ рѣшительныхъ наступательныхъ операціяхъ, когда все дѣло, казалось бы, состоитъ въ томъ только, чтобы настичь и разбить противника, приходится тѣмъ не менѣе считаться съ частными задачами и съ общою обстановкой, умѣряя, иной разъ, стремленіе на выручку своимъ. Гораздо чаще встрѣчается это въ операціяхъ оборонительныхъ.

Наступающему всегда принадлежитъ почти дѣла и если общая цѣль поставлена ясно и опредѣлительно, то исполненіе не является для частныхъ начальниковъ слишкомъ сложнымъ. Единство дѣйствій разныхъ колоннъ войскъ обеспечивается тутъ именно стремленіемъ къ одной общей цѣли; стремленіе это при должной связи войскъ между собою, въ извѣстной мѣрѣ, замѣняетъ даже связь командную, т. е. ту связь, которая должна бы быть обеспечиваема дополнительными приказаніями старшаго начальника, если бы только послѣдніе могли поспѣвать въ-время.

Напротивъ того, при операціяхъ оборонительныхъ, съ неминуемымъ воздѣйствіемъ почина противника, вопросы становятся болѣе сложными и для рѣшенія трудными. Пояснимъ это дѣйствіями французовъ въ день сраженія при Бомонѣ, 30-го августа 1870 года.

Армія маршала Макъ-Магона, долженствовавшая идти на выручку Базену, къ Мецу, была настигнута превосходными силами пѣхоты, во время своего фланговаго передвиженія; уклоняясь затѣмъ отъ столкновенія съ противникомъ, французы намѣревались 30-го августа отойти за р. Мезу. Корпусъ Лебрена успѣлъ переправиться за эту рѣку у Музона еще наканунѣ. Къ этой же переправѣ приказано было двинуться и корпусу Фальи, почевавшему у Бомона.

Корпусъ Дюкро переправлялся у Ремильи (западнѣе Музона), а за нимъ вытягивался корпусъ Дуэ.

Около полудня корпусъ Фальи, отдохавшій еще у Бомона, безъ всякихъ мѣръ охраненія, былъ внезапно атакованъ частями 4-го прусскаго корпуса, Альвенслебена ⁽¹⁾; Лебрень поддержалъ товарища огнемъ съ того берега и непосредственно переведенными черезъ Мезу войсками. Съ своей стороны авангардъ отходившаго къ Ремильи корпуса Дуэ совершенно внезапно и въ началѣ вполнѣ успѣшно атаковалъ во флангъ передовыя войска баварскаго корпуса Танна, педшаго лѣвѣе Альвенслебена. Однако, Макъ-Магонъ, не желая увеличивать размѣровъ загорѣвшагося сраженія, ограничилъ отправку подкрѣпленій со стороны Лебрена и приказалъ Дуэ «спѣшить къ переправѣ у Ремильи, не вдаваясь въ бой, разыгравшійся у Бомона». Въ общемъ результатъ маршалъ избѣжалъ нежеланнаго общаго боя, а опрокинутый у Бомона корпусъ Фальи тѣмъ не менѣе, хотя и не безъ потерь, успѣлъ все-таки сравнительно благополучно укрыться за р. Мезу. Понятно, что если бы командиры французскихъ корпусовъ остались въ то время безъ общихъ приказаній со стороны своего главнокомандовавшаго, то они тѣмъ не менѣе должны бы дѣйствовать въ томъ же духѣ; задача далеко не легкая. Трудность ея состояла въ томъ именно, что приходилось имѣть въ виду не одну цѣль, а двѣ; потому что съ одной стороны предстояло выручить опрокинутого товарища, имѣвшаго рѣку въ тылу, а съ другой—не упустить и не замедлить собственную переправу за р. Мезу, главную задачу операцій французовъ въ день 30-го августа.

Очевидно, что одновременное преслѣдованіе двухъ разныхъ, можно сказать, прямо противоположныхъ цѣлей, со стороны каждаго изъ разрозненныхъ начальниковъ, едва-ли можетъ привести къ дѣйствіямъ, достаточно согласнымъ и стройнымъ; тутъ непремѣнно требуется одно общее управленіе старшаго начальника, который и обязанъ находится тутъ же, на мѣстѣ. Если взглянуть на дѣло у Бомона съ этой точки зрѣнія, то нельзя не признать, что маршалъ Макъ-Магонъ исполнялъ тутъ свои обязанности гораздо лучше, нежели командиры нѣмецкихъ армій у Вѣрта и въ день сраженія предъ Мецомъ 14-го августа, не говоря уже о боѣ при Шпихернѣ, въ коемъ общее нѣмецкое начальство блистало только своимъ полнымъ отсутствіемъ.

(1) Въ прусской арміи въ то время командовали корпусами два Альвенслебена одинъ—3-й, а другой—4-й.

Сказано было, что роль частныхъ начальниковъ наступающей стороны гораздо легче, т. е. проще роли стороны обороняющейся, такъ какъ первымъ по большей части слѣдуетъ просто спѣшить туда, гдѣ бой. Однако, нельзя не признать, что на войнѣ не разъ возгораются сраженія, вообще, стратегически неосмысленныя, или же еще неподготовленныя, а слѣдовательно, слишкомъ рискованныя. Усиливать число вводимыхъ въ нихъ войскъ не значить ли увеличивать рискъ и жертвы безъ шансовъ на соотвѣтственныя выгоды даже въ случаѣ удачи?

Идти, или же не идти въ бой? Вотъ серьезный вопросъ, надъ коимъ придется не разъ призадуматься. Однако, онъ упрощается вслѣдствіе слѣдующихъ соображеній.

Дѣйствія начальника, спѣшащаго въ бой, состоятъ собственно изъ двухъ періодовъ: періода подхода и затѣмъ—непосредственного участія въ бою. Но первое не обязываетъ непременно ко второму. А потому каждый частный начальникъ, не имѣющій въ виду иной важной задачи, или особыхъ уваженій, хорошо сдѣластъ, если подойдетъ къ полю сраженія.

Время подхода можно употребить для должной оріентировки и сношеній, а за тѣмъ уже принять окончательное рѣшеніе, въ случаѣ если не получены будутъ за это время какія либо точныя приказанія. Этимъ частный начальникъ исполнитъ все, что отъ него требуется.

Старшій же начальникъ обязанъ не допускать дѣло до нежелательныхъ столкновеній, а разъ они возможны, то не оставлять войскъ безъ общей въ сраженіи команды.

Генераль-лейтенантъ К. Войде.

(Продолженіе будетъ).

Артиллеристъ и его вооруженіе.

При проектѣ вооруженія солдата прежде всего должны преслѣдоваться цѣлесообразность и удобство. Типъ вооруженія солдата долженъ опредѣляться основнымъ тактическимъ свойствомъ того рода оружія, для чинавъ котораго оно предназначается, и тѣми требованіями, какія могутъ быть предъявлены этому вооруженію въ минуту опасности.

Въ нижеслѣдующемъ я постараюсь разсмотрѣть подробно неудобства вооруженія артиллериста пашкою при выполненіи имъ главнѣйшей его службы—службы при орудіяхъ, и постараюсь указать, насколько велико противорѣчіе между вооруженіемъ артиллериста и основнымъ тактическимъ свойствомъ артиллеріи, лучше сказать, между пашкой и тѣмъ пассивнымъ мужествомъ, какое каждый изъ артиллеристовъ долженъ развивать въ себѣ до самозабвенія.

Тактика повѣйшаго времени возлагаетъ на артиллерію очень много серьезныхъ обязанностей, между которыми первое мѣсто занимаетъ быстрота огня и передвиженія, и притомъ при условіи полного хладнокровія, *неторопливая быстрота*, да проститъ читатель подобное сопоставленіе противоположныхъ понятій вотъ идеаль дѣйствія современной батареи.

Естественно, что къ выполненію этого идеала въ батарее должно быть приспособлено все отъ крупнаго до мелочей, и все мѣшающее этому, все стѣняющее артиллериста въ его дѣйствіяхъ и тѣмъ замедляющее стрѣльбу, должно быть или устранено совсѣмъ, или измѣнено.

Какъ бы хорошо батарея обучена ни была, но полного отсутствія торопливости и нѣкоторой доли суеты не избѣжать никогда—къ этому только надлежитъ стремиться.

Какъ бы хорошо батарея обучена ни была, достигнуть полнаго однообразія движеній и дѣйствій—невозможно, а потому запаздываніе отдѣльныхъ орудій при надѣваніи на передки всегда будетъ существовать, и разъ непосредственно послѣ этого батарея будетъ движута впередъ, нумерамъ нѣкоторыхъ орудій придется вскакивать на орудія на-ходу, нерѣдко на рыси, и вотъ тутъ-то и скажется первое неудобство, заключающееся для артилериста въ его пашкѣ.

Здѣсь кстати упомянуть о томъ, что въ настоящее время въ артилеріи почти повсемѣстно вывелась изъ употребленія имѣющаяся въ уставѣ предупредительная команда: «на орудія садись». Разъ командуется движеніе батареи, нумера должны садиться сами. Это упрощеніе устава произошло совершенно естественно, въ силу того, что изданіе уставовъ не слѣдуетъ непосредственно за развитіемъ тактическихъ требованій, а запаздываетъ и потому лишь узаконяетъ то, что на дѣлѣ уже давно практикуется; такъ и здѣсь. Гг. В. Ирманъ и К. Дворжицкій (см. «Военный Сборникъ» № 10-й, 1890 г. и № 5-й, 1891 г.) доказываютъ необходимость преобразованія нашей пѣшей артилеріи въ ѣздящую. Но не произошло ли у насъ уже на дѣлѣ это преобразование? Мнѣ кажется, что осталось только старое названіе «пѣшая», а артилерія наша по духу тактики настоящаго времени и не можетъ быть иной, чѣмъ она въ дѣйствительности есть теперь, т. е. ѣздящей.

Развитіе населенности и культуры и сопряженная съ этимъ изрѣзанность полей, необходимая быстрота и крайнее спокойствіе при стрѣльбѣ, плюсъ серьезная и горячая работа при подносѣ большаго числа снарядовъ—все это заставляетъ беречь силы и спокойствіе людей и не заставлятъ ихъ бѣгать за орудіемъ, а отсюда, какъ слѣдствіе, и явилось само собой исключеніе ненужной команды: «на орудія садись»; безъ этой же команды случаи вскакиванія нумеровъ на орудія, даже на рыси, участились, а вмѣстѣ съ тѣмъ рельефнѣе выступило и неудобство пашки.

Въ теченіе моей краткосрочной 11-ти-лѣтней службы, на моихъ глазахъ произошло четыре несчастныхъ случая, прямая причина которыхъ—пашка попала въ колесо. Для нумеровъ, садящихся со стороны подручныхъ лошадей (№ 4-й), опасность выступаетъ еще рельефнѣе, ибо колесо какъ разъ приходится со стороны болтающейся пашки. При горячихъ ученьяхъ и быстрыхъ передвиженіяхъ немало должны думать объ этой пашкѣ и №№ 1-й и 2-й, хотя ихъ положеніе въ этомъ отношеніи все-таки лучше, нежели нумеровъ,

идящихъ на передкѣ. Въ конной артиллеріи неудобство это тоже сказывается довольно ощутительно.

Теперь посмотримъ на артиллериста во время стрѣльбы батареи: много выпадаетъ здѣсь на его долю работы горячей, точной и срочной.

Но всмотритесь внимательнѣе хотя бы въ одно только ближайшее къ вамъ орудіе, и сочтите, сколько разъ, во время стрѣльбы, каждый изъ номеровъ поправитъ и откинетъ назадъ свою шашку, сочтите, и вы поразитесь полученнымъ вами числомъ. Число это почти будетъ равно числу движеній, сдѣланныхъ прислугой орудія. (Безусловно всѣ дѣйствія, сопряженные съ наклоненнымъ положеніемъ корпуса, предшествуются откидываніемъ шашки назадъ; напримѣръ, № 3-й при работѣ правиломъ, № 4-й и № 1-й при накатываніи и т. д.). Посмотрите на этихъ двухъ артиллеристовъ, спѣшно несущихъ къ батарее ящикъ со снарядами и зарядную суму; посмотрите, какъ стараются они избѣжать назойливыхъ движеній шашки, съ каждымъ шагомъ попадающей имъ между ногъ и тѣмъ затрудняющей и замедляющей ихъ движеніе. Всмотритесь внимательнѣе, особенно среди горячаго дѣла, и вы невольно подмѣтите много нетерпѣливыхъ движеній артиллеристовъ, направленныхъ противъ болтающейся шашки, мѣшающей имъ въ самыя важныя минуты, а прибавьте къ этому еще хотя бы одинъ несчастный случай, гдѣ причиной является шашка—и оправданіе нелюбови къ пей готово.

Солдатъ долженъ любить свое оружіе, долженъ вѣрить въ него, долженъ умѣть пользоваться имъ. Это—аксіома. Между тѣмъ у артиллериста нѣтъ ни перваго, ни втораго и не можетъ быть третьяго. Не можетъ любить солдатъ то оружіе, которое мѣшаетъ ему и стѣсняетъ его, не можетъ вѣрить въ него по своему инстинктивному чутью въ полную бесполезность своей шашки противъ наскачпываго на батарею непріятели и не умѣетъ пользоваться ею по той простой причинѣ, что его не обучаютъ дѣйствіямъ шашкой, а однимъ лишь приемамъ. Все это, повторяю, солдатъ прекрасно понимаетъ и тѣмъ труднѣе кажется ему это бремя.

Кромѣ всего этого, свойства шашки противорѣчатъ духу артиллеріи; шашка—оружіе активной ляхости, шашка хороша въ соединеніи съ кавалерійскимъ шюкомъ, когда на ея долю достается пораженіе разстроеннаго и смятаго непріятели, шашка хороша въ рукахъ опытнаго рубаки—но та же шашка неумѣстна въ рукахъ артиллериста, призваннаго поражать непріятели, но не сражаться съ нимъ, умѣющаго умирать на мѣстѣ около орудія и обязаннаго не бросать его, хотя бы и для самозащиты.

Разъ допустить мысль, что артиллерійскій солдатъ можетъ сражаться съ непріятелемъ инымъ оружіемъ, кромѣ орудійныхъ выстрѣловъ, это значить внести въ духъ артилеріи такую ноту, которая нежелательна.

Артиллеристъ долженъ знать одно: служба его при орудіи—защита его кругомъ въ войскахъ: иной службы нѣтъ для него—нѣтъ для него и иной защиты. Вѣра въ поддержку и выручку должна быть краеугольнымъ камнемъ мужества артилеріи. Прямой выводъ отсюда тотъ, что артиллеристу, разъ онъ находится при орудіи, не нужно никакого оружія самообороны, а тѣмъ болѣе оружія, стѣсняющаго его свободу дѣйствій.

Но на это, конечно, должно послѣдовать возраженіе въ томъ смыслѣ, что и артиллеристъ можетъ встрѣтиться съ непріятелемъ внѣ своей прямой специальности—около орудія,—а исполняя какое-либо порученіе, и при этомъ оказаться безоружнымъ. Но врядъ ли спастись его въ такомъ случаѣ и его шанка...

Я вовсе не имѣю въ виду доказывать необходимость полного разоруженія артиллериста, я хотѣлъ бы только указать на необходимость его перевооруженія. Оставить его безъ оружія нельзя уже потому, что оружіе способствуетъ поднятію спокойствія человѣка, отдаляя отъ него заботу о личной безопасности. Оружіе при артиллеристѣ—это необходимая дань человѣческой слабости, лучше сказать—дань нервамъ. Разъ это такъ,—вся забота должна быть сведена къ тому, чтобы оружіе это было наименѣе стѣснительно и обременительно.

Самымъ подходящимъ оружіемъ для артиллериста, по моему мнѣнію, будетъ револьверъ и вотъ почему:

1) Находясь на поясѣ и занимая небольшой объемъ, онъ не будетъ такъ назойливо мѣшать нумерамъ при дѣйствіи изъ орудій.

2) Ежегодная стрѣльба изъ револьвера даетъ право сказать, что артиллеристъ обученъ дѣйствію изъ него, тогда какъ дѣйствія пашкой имъ совсѣмъ не практикуются.

3) Револьверъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ пассивному мужеству артиллериста. До послѣдней минуты онъ можетъ быть занятъ своимъ орудіемъ и, лишь только выпустивъ послѣдній снарядъ, артиллеристъ можетъ выхватить револьверъ и тутъ же, не отходя ни шагу отъ орудія, выпустить въ непріятеля нѣсколько пуль.

Что касается службы мирнаго времени, то и тутъ револьверъ оказывается болѣе цѣлесообразнымъ, какъ, напримѣръ, при отправленіи караульной службы. Но если находятъ какую либо причину противъ вооруженія артиллериста однимъ лишь револьверомъ, то

отчего же не замѣнить шашку холоднымъ же оружіемъ, по приспособленнымъ къ артилерійской службѣ. Приспособленіе это должно выразиться, во-первыхъ, въ томъ, что оружіе должно быть короткое и, во-вторыхъ, способъ носки непремѣнно на поясной портупей, а не черезъ плечо, ибо послѣдній способъ допускаетъ свободное движеніе портупей и потому при наклоненіи корпуса шашка передвигается впередъ и мѣшаетъ работѣ.

Не далеко искать типъ подобнаго оружія: кортикъ моряковъ или кинжалъ вполне удовлетворилъ бы вышеизложеннымъ требованіямъ, какъ въ смыслѣ удобства, такъ и въ смыслѣ усиленія инстинкта самосохраненія.

К. Л.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ПРИМѢНЕНІИ ВЕЛОСИПЕДОВЪ ВЪ КРѢПОСТНЫХЪ ЧАСТЯХЪ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ мною совершены слѣдующія дальнія путешествія на велосипедѣ, а именно: въ 1889 году — изъ крѣпости Ковно въ Парижъ, 2,500 верстъ (Swift № 2-й); въ 1890 году — въ Западную Сибирь, г. Тобольскъ, 3,500 верстъ (изъ коихъ 1,900 верстъ сибирскаго тракта (Swift № 1-й), и, наконецъ, въ 1891 году — изъ Алжира (Сѣверная Африка) въ г. Петербургъ, 5,000 верстъ (Swift № 1-й съ дутыми резиновыми шинами).

Итакъ, въ общей сложности я проѣхалъ 11,000 верстъ по самымъ разнообразнымъ дорогамъ, даже вовсе не по дорогамъ, а по сибирскимъ степямъ и пустынь Алжира, при всякой погодѣ, начиная отъ холодныхъ вѣтровъ со снѣгомъ (въ сентябрѣ) на Уральскихъ горахъ и кончая тропическою жарой съ вѣтромъ Сирокко (въ началѣ апрѣля) въ преддверіи Сахары.

Эти поѣздки дали мнѣ возможность коротко познакомиться со всѣми преимуществами и недостатками новаго снаряда и вывести заключеніе о пригодности его въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ.

Въ настоящей замѣткѣ я позволю высказать свои предположенія о службѣ велосипедовъ въ крѣпостяхъ.

Предварительно скажу нѣсколько словъ объ условіяхъ устройства и употребленія велосипеда, а затѣмъ — о степени его пригодности въ современной крѣпостной службѣ. Велосипедъ для военныхъ цѣлей долженъ удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: быть легкимъ на ходу, прочнымъ, несложнымъ, возможно нетяжеловѣснымъ и доступной стоимости. До сихъ поръ первымъ четыремъ требованіямъ отвѣчаютъ велосипеды англійскихъ заводовъ: Rudge и Coventry Machinists. Впрочемъ, при своей дороговизнѣ (200 р.), и этихъ образцовъ велосипеды для военной службы требуютъ нѣкоторыхъ измѣненій.

Продолжительные опыты доказали, что самокаты могутъ двигаться

по всѣмъ твердымъ поверхностямъ, какъ-то: нивамъ, лугамъ, пастбищамъ, хотя и слегка тонкимъ, но покрытымъ травой; ѣзда возможна даже и въ лѣсахъ, главнымъ образомъ—въ лиственныхъ, такъ какъ въ хвойныхъ почва въ большей части случаевъ глубоко песчаная, что затрудняетъ движеніе на самокатѣ со сплошными резинами (съ дутыми это препятствіе въ нѣкоторой степени одолевается). Жидкая грязь, даже въ нѣсколько вершковъ, дождевыя лужи, но на твердомъ основаніи, не задерживаютъ велосипеда, конечно, уменьшая его быстроту.

Мягкая мелкая пыль глубиною до двухъ вершковъ тоже на твердой почвѣ не представляетъ большаго затрудненія для ѣзды. Густая, въ особенности прилипчивая глинистая грязь останавливаетъ всякое движеніе велосипеда, набиваясь въ вилы колесъ; равнымъ образомъ и сыпучій песокъ безъ твердаго основанія невозможенъ для ѣзды. Для устраненія перваго препятствія мною предложены скребки, устроенные на концахъ предохранительныхъ кожуховъ колесъ. Противный вѣтеръ въ сильной степени замедляетъ ѣзду, хотя при нѣкоторой снаровкѣ вредное дѣйствіе его значительно ослабляется. Снаровка эта достигается только частыми и продолжительными упражненіями на велосипедѣ. Уклонъ путей слѣдованія для велосипеда можно допустить равнымъ 10°; при каменистой почвѣ — 12°, разумѣется на незначительномъ разстояніи (20—25 саж.). При уклонѣ въ 5° движеніе возможно даже на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Дорожныя канавы и вообще подобнаго вида углубленія мѣстности, конечно, обыкновенныхъ размѣровъ, не могутъ остановить ѣзду на велосипедѣ. Для переѣзда черезъ таковыя слѣдуетъ опускаться наискось въ канаву или яму, но съ такимъ расчетомъ, чтобы общій путь, совершаемый велосипедомъ по обѣимъ отлогостямъ углубленія, равнялся приблизительно четыремъ—шести глубинамъ этой неровности, причемъ, опускаясь, всегда необходимо усилить скорость, чтобы воспользоваться этою скоростью, да еще ускореніемъ (въслѣдствіе движенія по наклону), для поднятія велосипеда на противоположный край препятствія. По сиѣгу, даже въ нѣсколько вершковъ, при морозѣ не свыше 5°, возможна ѣзда съ полнымъ успѣхомъ лишь на велосипедахъ съ дутыми резинами; со сплошными—почти немислима.

Здѣсь я вовсе не намѣренъ распространяться о правилахъ первоначальнаго обученія велосипедной ѣздѣ по той простой причинѣ, что въ настоящее время у насъ имѣется нѣсколько весьма удачныхъ и толково составленныхъ по сему предмету руководствъ (гг. Потемкина, Мартоса, замѣтки Ж. Блока и «Велосипедъ» Сакса, изд. Березовска-

го). Поэтому скажу только, что при дальнейшем обученіи вѣдѣ слѣдуетъ, прежде всего, обратить должное вниманіе на пригонку нѣкоторыхъ частей самоката.

Эти правила пригонки выражаются въ слѣдующемъ: передняя оконечность сѣдла должна чуть переходить за отвѣсную плоскость, проходящую черезъ среднюю ось, на которую надѣты шатуны. При такомъ положеніи значительно облегчается работа, ибо тогда дѣйствуетъ на подножки (недалеки) не одна сила ногъ, но и грузъ самого сѣдока.

Высота сѣдла опредѣляется слѣдующимъ условіемъ: выемка ступни вытянутой ноги должна упираться въ подножку. Это правило основано на опытѣ моихъ дальнихъ путешествій. Послѣ сѣдла и руль должны быть на одной высотѣ, что способствуетъ наиболѣе естественному положенію частей тѣла. Передняя часть сѣдла должна быть выше задней на одинъ дюймъ; подобная пригонка препятствуетъ наваливанію верхней части тѣла на руки при спускѣ съ горъ.

При болѣе или менѣе продолжительныхъ поѣздкахъ, т. е. когда приходится сидѣть по нѣсколько часовъ сряду въ сѣдлѣ, прежде всего ощущается боль въ верхней части нижнихъ конечностей, именно: отъ паха до колѣна. Во время моихъ путешествій эта боль подчасъ становилась невыносимой, такъ что приходилось зачастую почти каждыя десять (минутъ) верстъ соскакивать съ велосипеда и нѣкоторое время идти пѣшкомъ. Прибѣгаль я къ разнымъ средствамъ, но всѣ они положительно оказались бесполезными; только путемъ опыта убѣдился я, что этотъ, первой важности, недостатокъ находится въ прямой зависимости отъ ширины той части сѣдла, которая находится между ногъ — чѣмъ она шире, тѣмъ болѣе распираетъ въ шагу, что, понятно, вызываетъ быстрое утомленіе ногъ; изъ этого явствуетъ, что, чѣмъ сѣдло болѣе обшито, тѣмъ сказанная часть его становится уже, слѣдовательно тогда и само сѣдло дѣлается удобнѣе.

Но, имѣя въ виду, что для достиженія подобнаго удобства потребуются нѣкоторый промежутокъ времени, въ теченіе котораго придется испытывать немалыя страданія (да кромѣ того сѣдла бываютъ всевозможныхъ образцовъ), я предложилъ бы заказывать, либо выбирать слѣдующія сѣдла: а) имѣющія у передней оконечности винтъ съ гайкой, посредствомъ которой натягивается кожа и тѣмъ суживается сѣдло; б) сдѣланныя изъ мягкой и не толстой кожи, и, наконецъ, в) подшитыя живцомъ изъ болѣе толстой кожи.

Для сохраненія цѣли, этой существенной части велосипеда, не-

обходимо, чтобы она была слегка свободной; излишнее натягиваніе цѣпи ведетъ къ быстрой разработкѣ ея и затрудняетъ движеніе.

Весьма важно при обученіи велосипедной ѣздѣ обращать особенное вниманіе на развитіе въ сѣдокъ смѣлости. Последнее можетъ быть достигнуто съ большимъ успѣхомъ ѣздою безъ руля, т. е. безъ помощи рукъ. Для производства названнаго упражненія слѣдуетъ, сильно разогнавъ велосипедъ, слегка отдѣлить руки отъ руля и выпрямить верхнюю часть тѣла, не прекращая притомъ усиленной работы ногъ.

При ѣздѣ отнюдь не слѣдуетъ переутомлять себя и при болѣе или менѣе сильномъ изнеможеніи — слѣзая съ велосипеда и двигаться пѣшкомъ.

Обыкновенно, въ началѣ обученія ѣздѣ у сѣдока захватываетъ дыханіе; для уравниванія сего послѣдняго слѣдуетъ, какъ показали опыты, дышать возможно больше посомъ.

Искусной, быстрой и смѣлой ѣзды можно достигнуть лишь послѣ двухлѣтнихъ постоянныхъ упражненій.

Теперь перейду къ возможной службѣ велосипедовъ въ крѣпостяхъ. Крѣпости современнаго вида, т. е. укрѣпленные лагеря, имѣютъ для сообщенія между укрѣпленіями и батареями по нѣсколько десятковъ верстъ прекраснаго шоссе, по которому можно производить ѣзду на велосипедѣ почти круглый годъ и во всякую погоду, лишь за исключеніемъ глубокаго снѣга.

Въ мирное время въ нѣкоторыхъ безотлагательныхъ случаяхъ, въ особенности, когда телефонъ по разнымъ причинамъ не дѣйствуетъ, ощущается недостатокъ въ средствахъ сообщенія; тогда-то велосипедистъ и можетъ принести пользу, дозволяя передавать приказанія со скоростью 15-ти и болѣе верстъ въ часъ.

Съ объявленіемъ мобилизаціи, когда предстоитъ въ короткій срокъ произвести огромное количество всевозможныхъ работъ по подготовкѣ къ оборонѣ крѣпости, всѣ перевозочныя средства, равно какъ и телефоны, будутъ заняты денно и нощно; эти послѣдніе, не говоря уже о могущей случиться технической ихъ порчѣ, могутъ прекратить свое дѣйствіе вслѣдствіе метеорологическихъ причинъ, между тѣмъ какъ въ этотъ промежутокъ времени иной разъ ничтожное замедленіе въ передачѣ приказанія или донесенія можетъ имѣть серьезныя послѣдствія. Вотъ тогда велосипедисты приложатъ все свое искусство и силу и будутъ развозить съ большою быстротою, доходящею до 20-ти и болѣе верстъ въ часъ (два раза скорѣе неутомленнаго всад-

ника), всѣ приказанія словесныя и письменныя, планы, инструкціи сообщенія, доклады и даже тяжести, не больше пуда.

Велосипедомъ можно пользоваться днемъ и ночью, стало быть, мѣнная сѣдоковъ, на одномъ и томъ же велосипедѣ въ сутки не трудно совершить до 200 верстъ.

Наконецъ, во время самой осады, хотя еще этотъ новый снарядъ не обладаетъ боевымъ прошлымъ, не трудно допустить, что въ рядахъ нашихъ войскъ всегда найдутся смѣльчаки-велосипедисты, которые, запасшись зрительными и съемочными снарядами, вынесутся передъ линію укрѣпленій и, представляя собою, сравнительно со всадникомъ, незначительную цѣль, весьма успѣшно могутъ произвести свои наблюденія надъ непріятельскимъ расположеніемъ.

Нечего повторять, что въ этотъ періодъ времени вѣстовая служба велосипедистовъ будетъ нести болѣе усиленно, чѣмъ во время мобилизаціи, въ особенности принимая въ соображеніе, что въ пасмурные дни гелиографы не дѣйствуютъ, а телефоны могутъ быть разрушены непріятельскими снарядами.

Вооруженіемъ для велосипедиста можетъ служить шашка и револьверъ. Я съ успѣхомъ пригонялъ шашку, прикрѣплялъ ее особымъ способомъ къ рулю и передней вилкѣ; подобная пригонка даетъ возможность свободно обнажить шашку на полномъ ходу. Что касается револьвера, то опытный велосипедистъ не затрудняется стрѣлять изъ него и попадать въ намѣченный имъ предметъ при самой быстрой ѣздѣ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ замѣтить, что, такъ называемые, безопасные велосипеды (о которыхъ и идетъ рѣчь) существуютъ всего только четыре года, стало быть, велосипедное дѣло еще въ зародышѣ; между тѣмъ, самокаты распространяются съ изумительною быстротою—я не говорю о Западной Европѣ, даже и Алжирѣ, гдѣ (не только въ городахъ, но и въ нѣкоторыхъ колоніяхъ) встрѣчали меня велосипедисты, но и у насъ въ Западной Сибири, въ городѣ Екатеринбургѣ, я нашелъ цѣлое общество велосипедистовъ. Подобное распространеніе самокатовъ краснорѣчиво говоритъ въ пользу несомнѣнной примѣнимости ихъ въ жизни. Какъ всякое удачное и практическое изобрѣтеніе, велосипедъ не останется безъ дальнѣйшаго совершенствованія, и можно поручиться, что въ скоромъ времени устранится главный его недостатокъ, именно: невозможность ѣзды, хотя и медленной, по песку и густой грязи. Вѣроятное устраненіе сего можетъ имѣть мѣсто лишь при уширеніи обода колесъ; но, принимая въ соображеніе, что всѣ велосипеды не должны превышать полтора пуда, въ противномъ случаѣ трудно взбираться на немъ въ

гору, сказанное уширеніе тогда только станетъ возможнымъ, когда велосипеды будутъ изготовляться изъ метала болѣе легкаго, но въ то же время по прочности не уступающаго мягкой стали, изъ которой они нынѣ дѣлаются. Имѣется и еще недостатокъ, впрочемъ, второстепенной важности, это—необходимость цѣпи, которая приходятъ въ негодность отъ 3,000 до 4,000-верстной ѣзды. Кромѣ того, отъ дѣйствія цѣпи на одну сторону велосипеда, по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, рама скашивается, что заставляетъ заднее колесо двигаться не въ одной плоскости съ переднимъ; впрочемъ, это перекашивание происходитъ въ велосипедахъ не всѣхъ образцовъ, напримѣръ, на послѣднемъ велосипедѣ (Swift № 1-й съ дутыми резинами) по нынѣ я совершилъ въ общей сложности около 6.000 верстъ по мѣстностямъ, начиная отъ Алжира до Петербурга, изрѣзанными отрогами горъ Джуджурійскихъ, Пиринейскихъ, Альпійскихъ и Карпатскихъ, между тѣмъ рама нисколько не вышла изъ своего первоначальнаго положенія.

Во время моего путешествія на югъ Франціи, въ городѣ Ниммѣ, французскій инженеръ Рустаиъ показывалъ мнѣ велосипедъ своего изобрѣтенія безъ цѣпи, гдѣ таковая замѣнена двумя шестернями съ каждой стороны передняго колеса, но такъ какъ на этомъ снарядѣ приходится дѣйствовать погами не впередъ, а назадъ, то, мнѣ кажется, эта попытка еще не вполне удачна, хотя при дальнѣйшемъ развитіи этой идеи будетъ скорѣе, по всей вѣроятности, достигнуто желаемое.

Вообще, надо думать, что устраненіе существующихъ въ велосипедѣ недостатковъ — вопросъ времени и во всякомъ случаѣ самаго близкаго. Разъ они будутъ удалены, снарядъ этотъ станетъ однимъ изъ остроумнѣйшихъ средствъ пользованія ~~судами~~ ^{судами} челоуѣка для быстраго передвиженія при всевозможныхъ условіяхъ, а въ военномъ отношеніи велосипедистъ не ограничится исключительно вѣстовою службою, но съ полнымъ успѣхомъ завоюетъ себѣ мѣсто въ качествѣ дѣятельнаго развѣдчика по освѣщенію мѣстности, если и не превосходя, то во всякомъ случаѣ и не уступая любому всаднику, однакоже съ тѣмъ преимуществомъ, что движеніе велосипеда совершается безъ малѣйшаго шума и самъ велосипедистъ, какъ цѣль,— по размѣрамъ значительно меньше послѣдняго, вслѣдствіе чего раскрыть присутствіе подобнаго новаго развѣдчика для непріятеля становится болѣе затруднительнымъ.

Баронъ В. Келлескраусъ.

ЗАМѢТКА

О ЖЕЛАЕМЫХЪ ИЗМѢНЕНІЯХЪ ВЪ ПОЛОЖЕНІИ О РОТНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Положеніе о ротномъ хозяйствѣ, объявленное въ приказѣ по военному вѣдомству 1878 г. за № 198, по общему основному характеру правилъ, въ немъ изложенныхъ, удовлетворяетъ требованію правильнаго веденія хозяйства въ ротахъ и не требуетъ кореннаго измѣненія началъ, лежащихъ въ основаніи сего Положенія. Но, имѣя въ виду нѣкоторыя требованія вновь изданныхъ законоположеній и тѣ практическіе приемы, выработанные путемъ опыта, которые не могли быть предусмотрѣны при изданіи упомянутаго Положенія, а также для согласованія онаго съ Положеніемъ объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ, приложеннымъ къ приказу по военному вѣдомству 1887 г. за № 17, было бы желательно и полезно подвергнуть измѣненію въ частности нѣкоторыя статьи названнаго Положенія, а именно:

1) *О жалованьи нижнихъ чиновъ*; 2) *обмундированіе и снаряженіе*. Съ изданіемъ приказа по военному вѣдомству 1884 г. за № 308 жалованье нижнимъ чинамъ выдается чрезъ каждые два мѣсяца, согласно чего и слѣдуетъ измѣнить содержаніе статей 20 и 21 Положенія о ротномъ хозяйствѣ.

Въ зависимости отъ измѣненія системы довольствія войскъ мундирными и амуничными вещами (приказъ по военному вѣдомству 1890 г. № 8) слѣдуетъ измѣнить ст. 32, 33 и 34 Положенія, установивъ такой же порядокъ выдачи отъ полка въ роты мундирно-амуничныхъ вещей, какому подчиненъ полкъ по снабженію сими вещами отъ интендантства, т. е. каждая рота должна получать отъ полка ежегодно: вещи годичнаго срока полностью на весь штатный составъ роты, вещи двухлѣтняго срока на половину штатнаго состава, вещи четырехлѣтняго срока на $\frac{1}{4}$ часть штатнаго состава и т. д. въ пропорціи, опредѣленной ст. 11 и 15 Положенія о вещевомъ довольствіи изд. 1890 года.

Отчетность ротъ по вещевому довольствію ограничить одною описью ротнаго имущества по формѣ № 14-й, приложенной къ Положенію объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ изд. 1887 г. Примѣчаніе къ ст. 33 Положенія о ротномъ хозяйствѣ слѣдуетъ вообще отмѣнить, какъ утратившее значеніе съ изданіемъ приказовъ по военному вѣдомству 1880 года № 67 и 1881 года № 113.

3) *По провіантскому и приварочному довольствію.* Практика указала возможность готовить пищу въ одномъ котлѣ на двѣ и даже на три роты; такой способъ варки пищи вполне желателенъ, такъ какъ, помимо сбереженія топлива и кухонной посуды, онъ даетъ возможность готовить пищу болѣе лучшаго качества, нежели при варкѣ по-ротно.

Способъ этотъ, между прочимъ, предусмотрѣнъ ст. 79 Положенія о ротномъ хозяйствѣ, которою роты и руководствуются, но съ частнымъ отступленіемъ отъ пункта 3-го этой статьи, которое заключается въ слѣдующемъ: очередная довольствующая рота, наканунѣ перваго числа мѣсяца, получаетъ отъ всѣхъ ротъ, довольствующихся въ общемъ котлѣ, атестаты о приварочномъ довольствіи, а въ нѣкоторыхъ полкахъ и провіантскомъ довольствіи, и затѣмъ по истеченіи мѣсяца отсчитывается предъ полкомъ въ приварочныхъ деньгахъ, провіантѣ и дровахъ непосредственно за всѣ роты по своимъ отчетнымъ листамъ; роты же недовольствующія исключаютъ своихъ людей съ довольствія по отчетнымъ листамъ и никакого отчета по продовольствію въ полкъ не представляютъ, за исключеніемъ отчетности о расходахъ изъ артельныхъ суммъ на ротное хозяйство. Если при совокупномъ довольствіи нѣсколькихъ ротъ остается экономія отъ приготовления пищи, припека хлѣба и отъ дровъ, то таковая распределяется по-ровну между всѣми ротами, довольствующимися изъ одного котла.

Такой порядокъ, какъ указала практика, весьма удобенъ, а потому желательно, чтобы онъ былъ введенъ въ Положеніе о ротномъ хозяйствѣ взамѣнъ пункта 3 ст. 79.

4) *О приварочныхъ деньгахъ.* Статьею 58 существующаго Положенія о ротномъ хозяйствѣ опредѣлено выдавать въ роты приварочныя деньги въ видѣ аванса; деньги эти, согласно ст. 130 Положенія записываются на приходъ въ артельныя суммы и, не составляя въ дѣйствительности этихъ суммъ, значатся подъ рубрикою зачетныхъ приварочныхъ денегъ. На практикѣ это оказывается неудобнымъ и несогласнымъ съ отчетностію полка объ авансахъ, отпускаемыхъ ему интендантствомъ на приварочное довольствіе. Порядокъ этотъ желательно было бы измѣнить въ слѣдующемъ смыслѣ: приварочныя деньги выдавать въ роты заимобразно въ примѣрномъ количествѣ не свыше мѣсячной потребности, объявляя расчеты на эту выдачу въ приказѣ по полку; по полученіи сихъ денегъ роты, не записывая ихъ на приходъ въ артельныя суммы, вносятъ въ свой отчетный листъ, выдаваемый отъ полка, по которому онѣ и отсчитываются по истеченіи мѣсяца предъ полкомъ, а затѣмъ полкъ, повѣривъ отчетные листы

ротъ, сносить причитающуюся за отчетный мѣсяць сумму по своимъ отчетнымъ листамъ, выдаваемымъ отъ интендантства и выписываетъ въ расходъ по денежному журналу. Если бы отъ утвержденного приварочнаго оклада осталась экономія, то таковая показывается ротою по отчетному листу и вмѣстѣ съ нимъ представляется въ полкъ для причисленія къ артельной суммѣ и, по объявленія о семъ въ приказѣ, записывается на приходъ въ артельныя суммы по ротной книгѣ; деньги, могущія остаться не израсходованными, переносятся въ отчетный листъ на слѣдующій мѣсяць.

5) *Артельныя суммы.* Что же касается расходовъ на хозяйственныя надобности ротъ, то выдачу на этотъ предметъ денегъ полагалось бы удобнымъ подчинить порядку, указанному въ ст. 37 и 38 Положенія объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ, съ тою только разницею, что счета въ израсходованіи этихъ денегъ должны представляться въ полкъ за весь отчетный мѣсяць.

По повѣркѣ расходовъ, показанныхъ въ сихъ счетахъ, таковыя объявляются въ приказѣ по полку, согласно котораго и выписываются ротами въ расходъ по ротнымъ книгамъ.

6) *Ротныя денежные книги.* Веденіе ротныхъ денежныхъ книгъ желательно бы было подвергнуть слѣдующему измѣненію: а) для учета собственно артельныхъ суммъ и образныхъ установить особую книгу по формѣ № 3-й, приложенной къ существующему Положенію о ротномъ хозяйствѣ, такъ какъ эти суммы не состоятъ въ дѣйствительности въ ротахъ, а хранятся въ полковомъ денежномъ ящикѣ и всѣ деньги, подлежащія поступленію въ таковыя, представляются въ полкъ и только по объявленіи въ приказѣ о причисленіи ихъ къ артельнымъ суммамъ записываются на приходъ по ротной книгѣ (ст. 82 существующаго Положенія). И потому фактически на рукахъ у ротнаго командира изъ числа артельныхъ суммъ имѣется только авансъ, выдаваемый отъ полка на текущіе расходы по ротному хозяйству, въ которомъ онъ ежемѣсячно отсчитывается предъ полкомъ въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 5 сей записки, слѣдовательно, веденіе въ ротѣ отчетности о состояніи артельныхъ суммъ имѣетъ только значеніе документальнаго учета таковыхъ, въ отношеніи же контроля наличнаго состоянія ихъ оно не имѣетъ значенія, такъ какъ фактическую повѣрку этихъ суммъ можно произвести только въ полковомъ хозяйственномъ управленіи, и б) для всѣхъ прочихъ суммъ, фактически поступающихъ въ роты (такъ называемыхъ раздаточныхъ), установить особую общую приходорасходную книгу по формѣ денежнаго журнала, опредѣленнаго ст. 26 Положенія объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, указан-

ными въ прилагаемой при семь формѣ (приложеніе № 1-й). Засимъ всѣ четыре отдѣла ротной книги, установленной существующимъ Положеніемъ о ротномъ хозяйствѣ (форма № 3-й, приложеніе къ ст. 128), полагалось бы полезнымъ отмѣнить.

7) *Ротная кладовая вѣдомость*. Въ виду соображеній, приведенныхъ въ статьяхъ 4, 5 и 6 сей замѣтки, ротная кладовая вѣдомость (форма № 9-й приложеніе къ существующему Положенію о ротномъ хозяйствѣ) представляется совершенно излишнею, тѣмъ болѣе, что эта вѣдомость ведется въ полковомъ хозяйственномъ управленіи (форма № 7-й приложеніе къ Положенію объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ). Ротный же командиръ имѣеть свѣдѣніе о состояніи ротныхъ суммъ изъ книги, которая по учету этихъ суммъ ведется въ ротѣ; по этому вѣдомость эту полагалъ бы отмѣнить.

8) *Нормы расходовъ изъ артельныхъ суммъ*. Въ отношеніи нормы расходовъ изъ артельныхъ суммъ на ротныя хозяйственныя надобности полагалось бы полезнымъ установить, въ общемъ, тотъ же порядокъ, какой опредѣленъ статьями 56, 57 и 58 Положенія объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ, для расходовъ на полковыя хозяйственныя надобности, съ нѣкоторыми измѣненіями въ частности, а именно: вмѣсто журнала хозяйственныхъ оборотовъ можетъ служить книга о ротныхъ суммахъ, указанная въ ст. 6 сей замѣтки; расходъ по этой книгѣ можетъ быть подраздѣленъ на отдѣлы по формѣ № 3-й приложенія къ существующему Положенію о ротномъ хозяйствѣ (отдѣлъ артельной суммы), причемъ сгруппировать указанные въ статьѣ 83 предметы расходовъ такъ, чтобы число самыхъ отдѣловъ было возможно меньше.

Смѣты расходовъ составляются ротнымъ командиромъ и, по повѣркѣ завѣдующимъ хозяйствомъ, утверждаются командиромъ полка; этою смѣтою и долженъ руководствоваться ротный командиръ по веденію ротнаго хозяйства, причемъ не возбраняется ему, въ случаѣ надобности, дѣлать передержку по однимъ отдѣламъ на счетъ остатковъ отъ другихъ отдѣловъ, но съ тѣмъ, чтобы въ годовомъ выводѣ общій итогъ расходовъ не превышалъ утвержденный по смѣтѣ, всѣ же чрезвычайные сверхсмѣтные расходы производятся съ особаго разрѣшенія командира полка, какъ, напримѣръ: добавокъ къ приварочному окладу въ случаяхъ недостаточности такового и т. п.

Подобный порядокъ устранить тѣ недоразумѣнія и пререканія между полковымъ хозяйственнымъ управленіемъ и ротами, какія возникаютъ иногда нынѣ по вопросамъ о непринятіи полкомъ какого либо расхода, произведеннаго ротнымъ командиромъ на ротныя нужды

и, кромѣ того, предоставить ротному командиру по веденію хозяйства въ ротѣ бѣльшую самостоятельность, которая ему, какъ непосредственному хозяину въ ротѣ и отвѣтчику за благоустройство ея, необходима.

9) *Солдатская записная книжка.* Солдатская записная книжка, установленная существующимъ Положеніемъ (форма № 8-й), очень полезна, но по своему объему слишкомъ велика и нѣкоторые отдѣлы ея (въ особенности для армейскаго пѣхотнаго солдата) совершенно лишни, почему желательнo ввести въ ней слѣдующія измѣненія: отдѣлъ о прохожденіи службы оставить безъ измѣненія, отдѣлъ о вещевомъ довольствіи, какъ-то: годовыхъ и мундирныхъ вещахъ, снаряженіи и вооруженіи вовсе отмѣнить, такъ какъ, за утерю права собственности солдата на мундирную одежду, запись ея въ книжку не имѣетъ значенія? Что же касается вооруженія и снаряженія, то этимъ вещамъ ведется въ каждомъ взводѣ, командиромъ его, вещевая вѣдомость (приложеніе 2-е къ Уставу о внутренней службѣ). Время выдачи амуниционныхъ денегъ должно служить доказательствомъ выдачи и годовыхъ вещей. Жалованье, амуниціи деньги и письма соединить въ одинъ общій отдѣлъ и притомъ не подраздѣлять его на года, такъ какъ это затрудняетъ розыскиваніе времени выдачи солдату какихъ либо денегъ. Желаемая форма сего отдѣла при семъ прилагается (приложеніе № 2-й).

Отдѣлъ собственныхъ денегъ оставить безъ измѣненія. Единовременныя денежныя пособія, награды, деньги, жалуемыя за смотры, дѣтское пособіе и порціонныя деньги вписывать въ запасный листокъ, форму котораго желательнo измѣнить по прилагаемой при семъ формѣ (приложеніе № 3-й). Въ этотъ же запасный листокъ слѣдовало бы вносить и заработчія деньги.

Остальные отдѣлы записной книжки полагалось бы полезнымъ отмѣнить, отчего самый отдѣлъ этой книжки уменьшится, веденіе ея упростится, а дѣланіе справокъ и повѣрка по ней необходимыхъ свѣдѣній облегчится.

10) *Журналъ исходящихъ бумагъ.* Для сокращенія переписки полагалось бы полезнымъ журналъ исходящихъ бумагъ отмѣнить, краткое же содержаніе бумагъ вписывать въ разсыльную книгу, которую имѣть одну общую для простой и денежной корреспонденціи.

11) *Книжка каптенармуса.* Эту книжку желательнo измѣнить по прилагаемой формѣ (приложеніе № 4-й).

12) *Книжка ротнаго артельщика и листъ о припасахъ.* Въ этой книжкѣ слѣдовало бы добавить приходъ и расходъ продук-

товъ, какъ ведется въ книжкѣ каптенармуса приходъ и расходъ хлѣба, а листъ о припасахъ отмѣнить, такъ какъ количество продуктовъ, положенныхъ въ котель, можно видѣть изъ раскладки, записываемой на доскѣ.

13) *Статьи существующаго Положенія, кои подлежатъ отмѣненію или измѣненію.* Ст. 6. Исключить изъ числа обязанностей каптенармуса веденіе отчетности по расходованію приварочныхъ денегъ, такъ какъ таковыя расходуются артельщикомъ.

Ст. 9. Назначеніе времени смѣны артельщиковъ могло бы быть предоставлено командиру полка.

Ст. 21. Присутствіе командировъ ротъ въ хозяйственной части полка при повѣркѣ списковъ на жалованье и вещей на практикѣ оказывается излишнимъ и непроизводительно отнимаетъ у нихъ время. Ошибки въ спискахъ могутъ быть указаны при выдачѣ денегъ или вещей.

Ст. 32. Необходимо установить, чтобы и мундирная одежда второго срока хранилась въ цейхгаузахъ.

Ст. 38. Въ этой статьѣ, вѣроятно, вкралась опечатка: въ выраженіи «подковой каптенармусъ принимаетъ и свидѣтельствуетъ» слово каптенармусъ, какъ надо полагать, слѣдуетъ замѣнить словомъ «казначей-квартирмейстеръ».

Ст. 49. Нѣтъ надобности посылать оружіе въ мастерскую при запискѣ, такъ какъ для этого имѣется книга для починки оружія (Положеніе объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ форма № 11-й).

Ст. 52. Полагалось бы возможнымъ разрѣшить ротамъ хранить у себя въ ротныхъ цейхгаузахъ остающіеся послѣ стрѣльбы патроны, если ихъ не болѣе одного ящика, а не отвозить и сдавать обратно въ пороховой погребъ, что иногда бываетъ крайне затруднительно, вслѣдствіе дальности разстоянія.

Ст. 90. Пункты 3 и 4 этой статьи, согласно разъясненію главнаго штаба, должны быть отмѣнены.

Ст. 126 отмѣнить, какъ несогласную съ ст. 29, редакцію которой оставить безъ измѣненія.

Ст. 136. Веденіе ротной табели отмѣнить; вмѣсто ея ведется опись установленная Положеніемъ объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ ст. 52.

Ст. 138 слѣдуетъ согласовать съ ст. 49, 50, 51 и 52 Положенія объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ.

№№ статей по порядку.	Мѣсяцъ и число.	П Р И Х О Д Ъ.	Сумма.		№№ соответствующихъ расходныхъ статей.
			Р.	К.	
		Транспортъ.			
1		Къ 1-му января 1891 года оставалось не розданными: Жалованье за сентябрь и октябрь 1890 г. Рядовому Ивану Сидяину » Михаилу Клишину	—	45	} Ст. 3.
		Зарабочіе: Рядовому Ильѣ Нестерову Ему же денежное письмо	1	80	
	Января.	Поступило: 2 Денежн. письма (прик. № 2). Унтеръ-офицеру Ивану Глотову Рядовымъ: Ильѣ Юдину » Яну Пурко	2	—	} Ст. 1.
3	3	8 Жалованье за ноябрь и декабрь 1890 г. (прик. № 7).	1	—	
		Осталось не розданными. Рядовому Дмитрію Панову 45 коп. » Ивану Попову 45 коп.	62	45	Ст. 5—61 р. 55 к.
4	14	Наградные фельдфебелю Волкову (приказъ № 12). и т. д.	—	—	Ст. 7—45 коп.
		Итого въ теченіе января: Поступило Выдано Загѣмъ къ 1-му февраля состоитъ	79	15	
			78	70	
			—	45	
		Командиръ роты			
		Командиръ баталіона			
		(Послѣ каждой приходной статьи должна быть подпись командира роты).			

Приложение № 1.

№№ статей по порядку.	Мѣсяцъ и число.	РАСХОДЪ.	Сумма.		№№ соответствующихъ расходныхъ статей.
			Р.	К.	
		Транспортъ.			
	Января.				
1	4	Выданы денежные письма	5	—	Ст. 2.
2	5	Представлено въ полкъ при разносной книгѣ ст. № 1 денежное письмо на рядоваго Яна Нурко	1	—	Ст. 2.
3	7	Выдано жалованье за сентябрь и октябрь 1890 года	—	90	Ст. 1.
4	8	Представлено въ полкъ (ст. 2. разносной книги) денежное письмо и заработанъ деньги на умершаго рядоваго Илью Нестерова	4	80	Ст. 1.
5	10	Выдано по списку на наличное число жалованье за ноябрь и декабрь 1890 г.	61	55	Ст. 3.
6	15	Выданы наградныя фельдфеб. Волкову.	5	—	Ст. 4.
7	26	Выдано въ жалованье рядовому Панову.	—	45	Ст. 3.
		Итого въ теченіе января выдано . .	78	70	
		Командиръ роты			
		(Каждая статья расхода свидѣтельствуется подписью ротнаго командира).			

Жалованье, амуничные деньги и письма съ деньгами.								
Время выдачи.			Жалованье.		Амуничные деньги.		Письма съ деньгами.	
Годъ.	Число.	М ѣ с я ц ъ .	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1890		Марта	—	—	1	25	—	—
	6	Марта (за январь и февраль) . .	—	45	—	—	—	—
	20	Марта	—	—	—	—	5	—
		и т. д. ЦѢЛЫЙ ГОДЪ.						
1891	2	Марта (за январь и февраль) . .	—	67½	—	—	—	—
		и т. д. ЦѢЛЫЙ ГОДЪ.						

ФОРМА. КНИЖКА

Мѣсяць и число.	П Р И Х О Д Ъ .	Четверги.	Четве- рки.	Гарниз.
Января. 1	Получено отъ полка	7	5	3
15	Получено	5	—	—
	Итого въ приходѣ . .	12	5	3
	Въ теченіе января израсходовано муки.	8	6	5
	Къ 1-му февраля остается муки . .	3	6	6

Приложение № 3.

З а п а с н ы й л и с т о к ъ .					
Время выдачи.			Наименованіе денегъ.	Сумма.	
Годъ.	Число.	Мѣсяцъ.		Руб.	К.
1890	10	Января.	За спасеніе погибавшихъ	5	—
	15	Августа.	За смотръ въ присутствіи Государя Императора и т. д. всѣ деньги, выдаваемые въ теченіе года.	1	—
1891	4	Февраля.	Приварочныя за январь и т. д.	1	40
	10	Ноября.	Зарабочія деньги	1	80

Приложение № 4.

КАПТЕНАРМУСА.

Мѣсяцъ и число.	РАСХОДЪ.	Четверти.	Четвертин.	Гарницы.	Выпечено хлѣба.	
					Пуды.	Фунт.
Января.						
2	Перепечено въ хлѣбъ	3	—	—	30	15
3	Перепечено въ хлѣбъ	2	4	—	25	16
4	Перепечено въ хлѣбъ и т. д.	2	5	—	27	3
—	Выдано на квасъ	—	4	—	—	—
—	Выдано на сыровецъ и т. д.	—	1	5	—	—
	Итого	8	6	5	82	34

Мѣсяць и число.	П Р И Х О Д Ъ Х Л Ъ Б А.	Количество.	
		Пуды.	Фунты.
Января. 2	Испечено хлѣба.	30	15
3	Испечено хлѣба.	25	16
4	Испечено хлѣба.	27	3
	Итого въ приходѣ . .	82	34
	Выдано людямъ	78	15
	Къ 1-му февраля въ остаткѣ . .	4	19

Мѣсяць и число.	П Р И Х О Д Ъ.	Дровъ трехъ-полѣвной мѣры.		
		Сажень.	Аршинъ.	Вершк.
Января. 1	Получено отъ полковаго квартер- мистра по асигновкѣ за № 65 на пицевареніе	1	2	—
	Итого въ приходѣ . .	1	2	—
	Къ 1-му февраля осталось въ экономіи	—	1	—

Мѣсяць и число.	РАСХОДЪ ХЛѢБА.	Количество.	
		Пуды.	Фунты.
Января. 1	Выдано въ 1-й взводъ	10	5
	» во 2-й взводъ	8	10
	и т. д.		
	Итого въ расходѣ.	78	15

Мѣсяць и число.	РАСХОДЪ.	Дровъ трехъ-польной мѣры.		
		Сажень.	Аршинъ.	Вершокъ.
Въ январѣ.	Израсходовано на пицевареніе.	1	1	—
	Итого.	1	1	—

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОБУЧЕНИИ ОХОТНИЧЬИХЪ КОМАНДЪ ВЪ ПѢХОТѢ.

Успѣшная подготовка охотничьихъ командъ въ пѣхотѣ все еще до нѣкоторой степени замедляется проявленіемъ разнообразія взглядовъ войсковыхъ начальниковъ на дѣло и средства подготовки охотничьихъ командъ. Разнообразіе это не происходитъ отъ различія условий, въ которыхъ находятся команды по своему квартирному расположенію, но чаще происходитъ отъ того, что для означенныхъ командъ въ пѣхотѣ не имѣется официально утвержденной инструкціи, подобно установленной для кавалеріи приказомъ по военному вѣдомству 1891 г. № 242; отсюда является неравномерность въ ходѣ занятій, часто представляемыхъ усмотрѣнію младшихъ офицеровъ (1).

Такъ какъ и въ пѣхотѣ единство направленія занятій въ охотничьихъ командахъ можетъ принести пользу дѣлу, то приводимъ ниже одно изъ возможныхъ рѣшеній настоящаго вопроса, примѣнительно къ основаніямъ, принятымъ въ Инструкціи, приложенной къ приказу по военному вѣдомству 1891 г. № 242.

I.

Общая положенія.

1) Дабы имѣть въ каждомъ полку опредѣленное число офицеровъ и нижнихъ чиновъ, заблаговременно подготовленныхъ соответствующими упражненіями къ успѣшному исполненію въ военное время порученій, соединенныхъ съ особою опасностію и требующихъ личной находчивости и выносливости, устанавливаются особыя занятія (полевая и казарменная) съ охотниками. Для удобства подготовки разрѣшается собирать охотниковъ въ зимнее время въ особую команду.

2) Къ боевой охотничьей службѣ должны быть подготовлены въ

(1) Въ развитіе приказа по военному вѣдомству 1886 г. № 260, даны нынѣ циркуляромъ главнаго штаба отъ 7-го ноября 1891 г. № 202, особыя указанія относительно численности охотничьихъ командъ, ихъ организаціи, караульной службы и занятій (см. Воен. Сбор. 1891 г. № 12).

Ред.

каждомъ полку пять оберъ-офицеровъ, пять унтеръ-офицеровъ и 64 рядовыхъ. Изъ числа офицеровъ одинъ исполняетъ обязанность начальника полковой охотничьей команды, съ правами командира роты, а остальные четверо завѣдываютъ взводами охотниковъ, каждый изъ людей своего баталіона.

Означенные рядовые носятъ названіе *охотниковъ* и когда не выдѣлены изъ ротъ, то занимаютъ въ строю мѣста въ общемъ разчетѣ своей роты.

3) Назначеніе людей въ охотники, вмѣсто выбывшихъ въ запасъ, или оказавшихся неспособными, или по другимъ причинамъ, дѣлается немедленно, причемъ въ охотники должны быть избираемы нижніе чины изъ числа отбывшихъ не менѣе одного лагернаго сбора.

Въ охотничью команду избираются люди изъ энргичныхъ, сильныхъ, ловкихъ, искусныхъ въ стрѣльбѣ, съ хорошимъ зрѣніемъ и слухомъ, вообще изъ наиболѣе способныхъ къ достиженію указанной выше цѣли.

О нижнихъ чинахъ, назначенныхъ въ охотники, объявляется въ приказѣ по полку.

Примѣчаніе 1. Незнаніе грамоты не составляетъ препятствія для выбора людей въ команду, если человекъ отвѣчаетъ остальнымъ требуемымъ качествамъ.

Примѣчаніе 2. При выборѣ охотниковъ имѣть въ виду уравнительное распредѣленіе ихъ по ротамъ и срокамъ службы.

4) Офицеры и нижніе чины охотничьихъ командъ не освобождаются отъ общихъ учебныхъ занятій, установленныхъ въ полку, и по сему производство специальныхъ занятій назначается въ дни, для сего опредѣленные, распоряженіемъ командира полка, согласованномъ съ требованіями сей Инструкціи.

Спеціальныя занятія съ охотниками ведутся въ теченіе всего періода времени съ 1-го октября по 1-е іюля, т. е. до начала общихъ сборовъ, и раздѣляются на *подготовленные*—съ 1-го октября по 1-е мая и *полевые*—съ 1-го мая по 1-е іюля.

5) Главнымъ предметомъ занятій охотниковъ служатъ: развѣдываніе и охранительная служба при разнообразныхъ условіяхъ; совершеніе усиленныхъ переходовъ съ упражненіями въ изученіи мѣстности и развѣдыванія какъ днемъ, такъ и ночью; усвоеніе партизанскихъ приемовъ и пользованіе подручнымъ матеріаломъ для устройства переправъ черезъ небольшія рѣки.

Примѣчаніе 1. Для надлежащаго физическаго развитія людей и полного усовершенствованія въ умѣннн владѣть оружіемъ, занятія

гимнастикою, фехтованіемъ штыкомъ и стрѣльбою должны продолжаться во все время службы охотниковъ; но такъ какъ они поступаютъ въ команду съ законченнымъ въ ротахъ строевымъ образованіемъ, то упомянутыя здѣсь занятія разнообразятся въ примѣненіи, главнымъ образомъ, къ цѣлямъ боевой охотничьей службы.

Примѣчаніе 2. Въ общемъ составѣ команды часть охотниковъ должна быть ознакомлена съ употребленіемъ самокатовъ и сигналированіемъ.

Примѣчаніе 3. Всѣ занятія словесныя, не относяціяся непосредственно къ дѣлу охотниковъ, должны быть исключены изъ программы ихъ занятій.

6) Ниже указывается продолжительность времени, а равно и число упражненій для каждаго изъ поименованныхъ отдѣловъ занятій, но, въ виду разнообразія условій, въ которыхъ находятся различные полки, это распределеніе времени должно служить лишь примѣрнымъ указаніемъ той послѣдовательности, въ какой слѣдуетъ вести занятія, и того, какъ должно распределять время соответственно опредѣляемой этою Инструкціею относительной важности различныхъ отдѣловъ обученія охотниковъ.

7) Имѣя въ виду все вышесказанное, въ каждомъ полку должны быть составлены *программы* въ той степени подробности, чтобы, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, всѣ указанные отдѣлы были пройдены на подготовительныхъ занятіяхъ до 1-го мая; а въ полѣ—производя эти занятія обязательно какъ въ зимній періодъ, такъ и весною до 1-го іюля.

8) Въ означенныхъ программахъ должно быть опредѣлено:

а) Число еженедѣльныхъ подготовительныхъ (въ казармахъ и въ ближайшемъ полевомъ районѣ) занятій съ охотниками.

б) Число полевыхъ занятій специально для изученія передовой службы, съ указаніемъ распределенія этого числа по мѣсяцамъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, безъ ущерба, однако, для прохожденія охотниками прочихъ отдѣловъ солдатскаго образованія.

в) Наболѣе благоприятное время для производства какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ полевыхъ занятій съ охотниками.

г) Мѣсто, гдѣ и когда предположено произвести охоту.

д) Порядокъ и мѣсто предполагаемаго обученія плаванію и переправамъ черезъ рѣки.

9) Программы эти ежегодно осенью, передъ началомъ зимнихъ занятій, представляются на утвержденіе начальника дивизіи.

10) Веденіе занятій съ охотниками должно быть поручено опыт-

ному и знающему офицеру подъ ближайшимъ руководствомъ командира полка, на отвѣтственности коего всецѣло и лежитъ успѣхъ этихъ занятій.

11) Контроль и *наблюдение* за занятіями охотниковъ возлагается на командировъ бригадъ. Ближайшее завѣдываніе занятіями охотниковъ, когда они выдѣляются для участія въ общей охотѣ, дальней рекогносцировкѣ и т. п., можетъ быть возложенъ на одного изъ штабъ-офицеровъ полка по назначенію командира полка.

Примѣчаніе. Сношеніе о допускѣ командъ для охоты, а равно всѣ другія необходимыя сношенія съ мѣстными властями производятся командиромъ полка.

12) Для отчетности по занятіямъ съ охотниками въ каждой командѣ начальникъ ея ведетъ:

Журналъ команды, въ коемъ означается: а) списочный составъ команды; б) опись имущества; в) количество убитаго звѣря и птицы; г) вѣдомость прихода и расхода денегъ и д) когда и какія именно занятія производились, и кто изъ людей, и почему не былъ на оныхъ. Чертежныя и письменныя работы охотниковъ составляютъ особое приложеніе къ журналу команды.

Означенная книга, за скрѣпою командира полка, подлежитъ представленію на инспекторскихъ смотрахъ.

13) Ежегодно командиры полковъ, а равно командиры бригадъ, передъ началомъ лѣтнихъ занятій, обязаны произвести охотничьимъ командамъ полковъ своей бригады повѣрочныя испытанія въ полѣ и о результатѣ донести начальнику дивизіи.

Тѣ отдѣлы занятій, какъ, напр., устройство переправъ и др., практическое изученіе которыхъ возможно только въ періодъ лѣтнихъ занятій, должны быть повѣрены вносѣдствіи, немедленно послѣ ихъ прохожденія.

14) Для поощренія наиболѣе достойныхъ охотниковъ и развитія между ними полезнаго соревнованія, нижнимъ чинамъ производятся состязанія на призы и денежныя награды по опредѣленію начальника дивизіи.

Испытанія въ знаніи охотниками своего дѣла должны производиться въ полкахъ по окончаніи лѣтнихъ сборовъ комиссіями по назначенію командира полка.

15) Дабы занятія (подготовительныя и полевая) по усвоенію охотниками тѣхъ служебныхъ требованій, для выполненія коихъ они назначены, могли идти успѣшно, обязательно имѣть въ каждой командѣ опредѣленныя вспомогательныя средства и принадлежности, частью

служащія пособіемъ къ наглядному обученію всему тому, что трудно преподавать нижнимъ чинамъ изустными объясненіями, частью необходимыхъ для практическихъ упражненій охотниковъ и вообще для приобщенія къ дѣлу свѣдѣній, приобретаемыхъ охотниками на подготовительныхъ занятіяхъ, а равно для производства охоты и устройства переправъ изъ подручнаго матеріала.

16) Всѣ расходы на приобретение или устройство необходимыхъ для обученія охотниковъ пособій, согласно приказа по воен. вѣд. 1886 г. № 260, производятся изъ полковыхъ суммъ, въ размѣрахъ, опредѣленныхъ начальникомъ дивизіи.

Изъ тѣхъ же суммъ должны выдаваться оберъ-офицерамъ походы за участіе въ продолжительныхъ (свыше сутокъ) дальнихъ передвиженіяхъ въ составѣ команды. Нижніе чины, во время дальнихъ передвиженій, должны получать усиленное довольствіе въ размѣрахъ, опредѣленныхъ начальникомъ дивизіи, на счетъ полковыхъ хозяйственныхъ суммъ.

17) Всѣ передвиженія охотничьихъ командъ къ пунктамъ охоты должны быть совершаемы походнымъ порядкомъ. Пользованіе для этой цѣли предѣльными билетами, въ 50 верстномъ районѣ отъ штаба полка, воспрещается, такъ какъ усиленные переходы командъ охотниковъ входятъ въ программу ихъ занятій.

18) Взиманіе подводъ за установленныя контрмарки для перевозки имущества охотниковъ разрѣшается въ исключительныхъ случаяхъ, по представленіямъ командировъ полковъ. Въ прочихъ случаяхъ офицерскій багажъ и все необходимое въ походѣ должно быть на себѣ и на подводѣ, изъ числа повозокъ полковаго обоза, запряженной наличными подъемными лошадьми.

Горячую пищу люди готовятъ себѣ въ котелкахъ. Начальнику команды разрѣшается слѣдовать верхомъ.

II.

Подготовительныя занятія.

19) Подготовительныя занятія ведутся въ теченіе всего зимняго періода, т. е. съ 1-го октября по 1-е мая, и служатъ: а) для передачи охотникамъ въ доступной формѣ и въ соответственномъ размѣрѣ, *преимущественно показомъ*, необходимыхъ пріемовъ и спаровокъ при отправленіи ихъ специальной передовой службы, и б) для доставленія

имъ первоначальной практики на *дѣйствительной мѣстности* въ окрестностяхъ расположенія полка, въ примѣненіи къ дѣлу усвоенныхъ ими познаній.

Примѣчаніе. Для успѣшной подготовки охотниковъ подготовительныя занятія отнюдь не должны быть обращены въ занятія исключительно казарменныя, но обязательно все, что возможно, исполнить показомъ на дѣйствительной мѣстности въ полѣ.

20) При занятіяхъ охотниковъ *въ первый годъ* нахождения ихъ въ этой командѣ, подготовительными занятіями пользуются для всѣхъ вышеуказанныхъ цѣлей; *на второй же и послѣдующіе годы* своего обученія охотники, во время подготовительныхъ занятій, почти исключительно только изучаютъ въ полѣ 50-ти верстный окрестный районъ, съ нанесеніемъ онаго на карты и составленіемъ описанія участка (см. приложенія къ этому §. Такою практикою изученія мѣстныхъ условій на дѣлѣ имѣется въ виду обезпечить подготовку въ охотничьихъ командахъ надежныхъ охранителей, ловкихъ развѣдчиковъ и проводниковъ, когда въ томъ окажется надобность.

Примѣчаніе. Особенно важно заставить охотниковъ полюбить свое дѣло, а потому постоянное методическое повтореніе изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ же свѣдѣній не только не содѣйствовало бы достиженію такой цѣли, но могло бы скорѣе убить въ охотникахъ всякій интересъ къ ихъ специальнымъ занятіямъ.

21) Прежде всего охотники должны быть ознакомлены въ необходимой подробности съ общимъ духомъ служебной дѣятельности охотничьихъ командъ въ военное время, а также съ обязательными для нихъ руководящими свѣдѣніями изъ устава полевой службы, съ составленіемъ и доставкою донесеній и съ охранительной службой на мѣстѣ и въ движеніи.

Имѣя въ виду, что охотникамъ, при выполненіи возложенныхъ на нихъ порученій, приходится удаляться отъ своего отряда часто на значительныя разстоянія и при томъ еще въ странѣ незнакомой, необходимо также ознакомить охотниковъ: а) со способами опознаванія (ориентированія) на незнакомой мѣстности, устраняя туманныя и непонятныя для солдата подробности и знакомя съ картой практически, на сколько все необходимо для опознаванія относительнаго положенія населенныхъ мѣстъ и естественныхъ рубежей данной мѣстности, вообще на сколько все это необходимо для ориентированія въ полѣ. (Въ приложеніи приведенъ перечень свѣдѣній, знаніе коихъ необходимо для охотника).

22) Полезно также, чтобы въ составѣ охотничьихъ командъ были

такіе, кои могли бы намѣтить схематически направленіе той дороги, по которой имъ придется идти, а также относительное положеніе тѣхъ предметовъ, по которымъ удобнѣе всего опознаваться на мѣстности, но не слѣдуетъ дѣлать изъ этого особый предметъ обученія черченію.

23) Затѣмъ, кромѣ умѣнья воспользоваться картою, охотники должны вполнѣ усвоить себѣ подробныя правила производства развѣдокъ мѣстности и противника въ бою, на походѣ и на бивакѣ.

Для доставленія при этихъ развѣдкахъ толковыхъ свѣдѣній, они должны понимать боевое значеніе того, что видятъ и слышатъ, а потому при полевыхъ упражненіяхъ должно быть обращено вниманіе охотниковъ на военное значеніе различныхъ мѣстныхъ предметовъ; всѣ эти свѣдѣнія должны быть ограничены тѣми предѣлами существенно нужнаго, въ которыхъ они непосредственно могутъ пригодиться охотнику изъ нижнихъ чиновъ для успѣшной развѣдки.

Указанія на живомъ дѣлѣ на то, какъ каждый охотникъ можетъ воспользоваться въ дѣйствительности пріобрѣтенными имъ познаніями, должно служить связующимъ звеномъ между различными отдѣлами программы разныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ охотникамъ.

24) Означенныя подготовительныя (казарменныя и полевая) занятія съ охотниками слѣдуетъ производить въ теченіе всего зимняго періода до *двухъ разъ въ недѣлю*, увеличивая это число по мѣрѣ надобности и въ зависимости отъ распредѣленія службы и занятій въ полку.

Продолжительность каждаго подготовительнаго занятія съ охотниками должна быть около двухъ часовъ и болѣе, въ зависимости отъ поставленной ближайшей цѣли (задачи) даннаго занятія.

III.

Спеціальныя полевая (зимнія и лѣтнія) занятія.

25) Какъ бы основательно не велись казарменныя занятія съ охотниками, подготовку ихъ къ исполненію предстоящихъ имъ въ военное время назначеній нельзя признать достаточною, если только попутно съ казарменнымъ подготовительнымъ обученіемъ не будутъ производиться соотвѣтствующія упражненія въ полѣ.

26) Спеціальныя полевая занятія съ охотниками ведутся: зимнія — съ 1-го октября по 1-е мая, а лѣтнія — съ 1-го мая по 1-е июля и слагаются изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

а) Занятія непосредственно по изученію развѣдывательной, охранительной и вообще передовой службы днемъ и ночью.

б) Совершеніе усиленныхъ переходовъ въ связи съ упражненіями въ изученіи мѣстности и въ развѣдываніи, какъ днемъ, такъ и ночью, а иногда и съ производствомъ охоты.

в) Упражненія въ переправѣ пѣхоты и артиллеріи съ обозомъ черезъ небольшія рѣки.

Въ приложеніи показано примѣрное распредѣленіе полевыхъ занятій съ охотниками въ періодъ съ 1-го октября по 1-е юля по 6-е августа.

27) Занятія по усвоенію практикой передовой службы имѣютъ свою цѣлью:

1) Пробудить въ людяхъ вниманіе ко всему окружающему, развить въ нихъ способность запоминать мѣстность и описывать ее сначала вообще, а затѣмъ, исключительно въ военномъ отношеніи.

2) Практиковать всѣхъ охотниковъ въ глазомѣрномъ опредѣленіи разстояній, дабы такимъ образомъ подготовить ихъ къ вѣрному опредѣленію длины непріятельскихъ колоннъ, размѣровъ бивака или позицій противника, или вообще рекогносцируемыхъ мѣстныхъ предметовъ.

3) Показать простѣйшіе способы опознаванія по солнцу, по звѣздамъ и по мѣстнымъ предметамъ.

4) Выработать у охотниковъ умѣнье искусно пользоваться мѣстностью для скрытнаго движенія въ указанномъ направленіи, безъ потери въ то же время возможности самимъ наблюдать незамѣтно за всѣмъ происходящимъ вокругъ себя и особенно по сторонамъ пути слѣдованія, что имѣетъ особенное значеніе для охотничьихъ патрулей, высылаемыхъ для охраненія походнаго движенія отряда.

5) Развить у людей способность правильно составлять и передавать несложныя донесенія и приказанія и доставлять ихъ.

6) Доставить охотникамъ практику въ выполненіи обязанностей разныхъ патрулей — сторожевыхъ, развѣдочныхъ и для связи при различныхъ условіяхъ, а также ознакомить этихъ людей на дѣлѣ съ обязанностями старшихъ на отдѣльныхъ постахъ, сторожевыхъ заставахъ и въ секретахъ.

7) Показать охотникамъ въ полѣ приемы производства развѣдокъ мѣстныхъ предметовъ и противника — въ походѣ, на отдыхѣ и въ бою, на сколько послѣднее возможно до наступленія маневровъ или общихъ сборовъ.

28) Такъ какъ сторожевая служба представляетъ только частный

случай службы гарнизонной и вполне сходна съ ней по основаніямъ, а стало быть, уже практически знакома охотникамъ, то главное вниманіе и усилія должно сосредоточить на упражненіяхъ *въ развѣдывательной* службѣ, всецѣло зависящей отъ личныхъ свойствъ и развитія охотниковъ, отъ ихъ наблюдательности, находчивости, неутомимости и проч.

Въ виду всего этого, полевое обученіе развѣдывательной службѣ должно производиться въ теченіе какъ лѣтнихъ, такъ и зимнихъ занятій.

29) Общее число полевыхъ занятій съ охотниками въ теченіе зимняго періода занятій—съ 1-го октября по 1-е мая, должно быть отъ 20—30. Распредѣленіе этого числа полевыхъ занятій въ ближнемъ и дальнемъ окрестномъ районѣ по недѣлямъ измѣняется въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и возлагается на ближайшую обязанность и отвѣтственность командира полка.

Наибольшее время удѣлять приученію охотничьей команды къ переходамъ и усвоенію въ ней приемовъ малой войны и изученію мѣстныхъ предметовъ, имѣющихъ вліяніе на движеніе и дѣйствія войскъ, достигая при этомъ того, чтобы командамъ была извѣстна окружающая мѣстность (приблизительно въ 50-ти-верстномъ районѣ) и чтобы ею были извѣданы средства этого района, пригодныя для военныхъ цѣлей.

Упражненія въ ночныхъ дѣйствіяхъ въ полѣ съ охотниками слѣдуетъ производить съ наступленіемъ темноты и оканчивать ихъ съ разсвѣтомъ.

30) Съ началомъ періода лѣтнихъ занятій, т. е. съ 1-го мая, охотники проходятъ курсъ стрѣльбы и участвуютъ во всѣхъ занятіяхъ ротъ и баталіоновъ, но дабы доставить подходящую практику какъ младшимъ строевымъ начальникамъ въ пользованіи охотниками на дѣлѣ, а самимъ охотникамъ—въ исполненіи свойственныхъ имъ обязанностей, командиры ротъ—въ періодъ ротныхъ, баталіонные—баталіонныхъ занятій возлагаютъ на охотниковъ обучаемыхъ ими частей всѣ обязанности, по своему усмотрѣнію, присущія охотникамъ, какъ глазамъ части; для утвержденія же ихъ въ сознательномъ отношеніи къ сторожевой и охранительной службѣ проводятъ охотниковъ черезъ всѣ наряды по этой службѣ на мѣстѣ и въ движеніи, не дѣлая при этомъ ничего только примѣрно, а соблюдая все дѣйствительно требуемое сторожевою службою; это дастъ возможность выяснить на дѣлѣ способности охотниковъ и кто изъ нихъ на что болѣе пригоденъ.

31) По окончаніи курса стрѣльбы въ ротахъ, охотники должны выполнять особыя дополнительные полевыя упражненія: а) въ тонкой стрѣльбѣ на вскидку по выскакивающимъ и подвижнымъ цѣлямъ, а также ночную стрѣльбу; б) въ исполненіи въ составѣ цѣлой команды отдѣльныхъ предпріятій, которыя приходится исполнять охотничьимъ командамъ во время военныхъ дѣйствій, и в) устройство подручными средствами переправы строевыхъ частей пѣхоты и артиллеріи съ обозомъ.

32) Воспитательное значеніе охоты заключается въ томъ, что она способна развить качества, желательныя для охотниковъ: быструю ориентировку въ данной обстановкѣ, умѣлое пользованіе мѣстными закрытіями, ловкость рукъ и глаза въ обращеніи съ ружьемъ; кромѣ того, охотою воспитывается у охотниковъ выносливость, неутомимость и неустранимость, а также развивается зрѣніе и слухъ. Командамъ должно быть указано, въ какихъ казенныхъ лѣсахъ допускается производить охоту. Всего удобнѣе посвятить полевой охотѣ время вольныхъ работъ и зимой на звѣря.

При занятіяхъ охотою имѣть въ виду ея полезное воспитательное значеніе, но также и то, что для подготовки охотниковъ, не меньшую пользу приносятъ и прочія полевыя упражненія въ особенности вся совокупность приѣмовъ въ подготовкѣ охотниковъ для ихъ специальной службы, а потому занятія охотою отнюдь не должны сокращать установленнаго числа полевыхъ упражненій.

33) Совершеніе усиленныхъ переходовъ, въ связи съ упражненіями въ изученіи мѣстности и въ развѣдываніи, какъ днемъ, такъ и ночью, а иногда съ производствомъ охоты, имѣеть цѣлью дать охотникамъ возможность примѣнить къ дѣлу усвоенныя ими на подготовительныхъ занятіяхъ приемы и снаровки, наиболѣе обезпечивающіе успѣхъ передовой службы и усиленныхъ маршей.

Такими переходами необходимо пользоваться для доставленія охотникамъ упражненій на разнообразной и незнакомой имъ мѣстности, при условіяхъ, наиболѣе подходящихъ къ обстановкѣ военного времени. Для подобныхъ упражненій командиры полковъ выбираютъ всегда различныя направленія, ради доставленія охотникамъ практики въ полевой службѣ на мѣстности, для нихъ совершенно незнакомой.

34) Для лучшей поучительности дальнихъ передвиженій, какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ, такія упражненія производятся преимущественно одновременно всею командой и подъ руководствомъ опытныхъ офицеровъ по назначенію командира полка. Составленіе мар-

штурговъ и вообще всѣ исполнительныя распоряженія по такимъ упражненіямъ возлагаются на обязанность командировъ полковъ.

35) Обученіе устройству переправъ подручными средствами, а также изъ разныхъ принадлежностей войсковаго снаряженія производятся съ 1-го мая и продолжаются: переправа пѣхоты и обозовъ по 1-е июля, а артилерія по 6-е августа, составляя необходимое дополненіе къ вышеозначеннымъ полевымъ упражненіямъ. На услуги понтонныхъ баталіоновъ слѣдуетъ рассчитывать лишь при переправахъ черезъ большія, широкія рѣки, а менѣе значительныя водныя вмѣстилища, войска, при содѣйствіи своихъ охотничьихъ и саперныхъ командъ, должны умѣть преодолевать своими средствами. Въ силу сего, охотники должны знать не только снаряжки, способствующія переправѣ впасть одиночныхъ людей съ ихъ боевымъ снаряженіемъ, но должны умѣть вязать лодки, плоты и понтоны изъ подручныхъ средствъ и разныхъ предметовъ войсковаго снаряженія, дабы, въ случаѣ надобности, сумѣть справиться съ задерживающею переправой и одолѣть ее не только сами, но переправивъ строевыя части пѣхоты *съ ея артилеріей и обозомъ*, такъ какъ положеніе переправившейся пѣхоты одной, безъ содѣйствія артилеріи, не можетъ быть признано достаточно устойчивымъ.

При устройствѣ подобныхъ переправъ охотники должны умѣть также установить связь между обоими берегами сигнализироваіемъ.

36) Обычай командировать охотниковъ для исполненія разныхъ порученій, напримѣръ, при рекогносцировкахъ, производимыхъ офицерами; для тушенія лѣсныхъ и другихъ пожаровъ; въ качествѣ прикрытія при дальнихъ учебныхъ проѣздкахъ обоза; для оказанія помощи при разливахъ рѣкъ и проч. приносить извѣстную пользу тѣмъ, что расширяетъ развитіе охотниковъ; но эти командировки должны быть допускаемы лишь тогда, если симъ не нарушается прохожденіе полеваго обученія и участіе на маневрахъ, дабы не лишитъ охотниковъ практики въ исполненіи главнаго своего назначенія — въ производствѣ развѣдокъ противника и мѣстности.

37) При всѣхъ полевыхъ упражненіяхъ слѣдуетъ пользоваться каждымъ подходящимъ случаемъ, чтобы обращать вниманіе охотниковъ на встрѣчающіеся по пути мѣстные предметы, объясняя вліяніе оныхъ на движеніе и дѣйствіе войскъ и развивая въ нихъ умѣнье оцѣнивать боевыя положенія съ объясненіемъ, какъ и чѣмъ можно воспользоваться въ свою боевую пользу. Необходимо также знакомить охотниковъ съ тѣмъ, какъ двигаются, дѣйствуютъ и отдыхаютъ войска другихъ родовъ оружія.

38) При всѣхъ упражненіяхъ охотниковъ постоянно слѣдить, чтобы не только не были ослаблены строевыя и дисциплинарныя требованія, но, напротивъ, чтобы какъ подготовительныя, такъ равно и спеціальныя полевыя занятія охотниковъ служили имъ поддержкою и приводили къ сугубому утвержденію въ нихъ охотниковъ.

39) На всѣхъ полевыхъ занятіяхъ обучающій долженъ быть верховъ, а всѣмъ офицерамъ имѣть свистки, для привлеченія вниманія, когда, по ходу занятія, это окажется необходимымъ.

40) При обученіи охотниковъ и отправленіи ими службы, весьма существенное значеніе имѣетъ личный примѣръ старшихъ и особенно начальствующихъ въ командѣ офицеровъ; неуклонное отправленіе ими своихъ обязанностей и ревностное исполненіе долга службы естественно установитъ то, что они, кромѣ дисциплинарной власти, будутъ тою мощною внутреннею и нравственною силою, которая сольетъ охотниковъ въ тѣсно сплоченную команду, бодрую и сильную духомъ и надежно подготовленную для удалаго, точнаго и разумнаго исполненія тѣхъ важныхъ обязанностей, какія предстоятъ охотникамъ во время войны.

Перечень свѣдѣній, знаніе коихъ необходимо охотникамъ.

Въ періодъ подготовительныхъ занятій охотникамъ должна быть сообщена сущность дѣла по нижеслѣдующимъ отдѣламъ:

I. *Назначеніе охотниковъ.* Зачѣмъ нужно развѣдывать о непріятелѣ и о мѣстности? Для чего назначаются чины команды въ военное время? Какія требуются отъ нихъ нравственныя и физическія качества, а равно полевая и строевая подготовка?

II. *Краткія свѣдѣнія по топографіи.* Практическіе приемы опознаванія (оріентированія) на мѣстности—по компасу, по солнцу, по звѣздамъ и по мѣстнымъ предметамъ: опознаваніе (оріентированіе) на мѣстности при помощи карты или схематической карточки.

III. *Сущность развѣдывательной службы, изучаемой на дѣлѣ.* Дѣленіе патрулей на сторожевыя, летучіе (развѣдочныя) и для связи (Уставъ полевой службы § 301). Отличительныя черты ихъ (§ 302). Общія обязанности старшаго всякаго патруля передъ выступленіемъ (§ 304). *Сторожевыя патрули* (§ 320). Патрули для охраненія походныхъ движеній (§§ 82—92) и во время отдыха (§ 167). Осмотръ мѣстныхъ предметовъ (§ 315). Патрули для охраненія фланговъ во время боя (§ 302). *Летучіе (развѣдочныя) патрули*: слѣ-

дованіе и отдыхъ (§§ 305—310), встрѣчи съ непріятелемъ (§ 311), жителями (§ 312). *Патрули для связи* (§ 321). Донесенія (§§ 324—330). Военныя примѣты (приложеніе IV къ Уставу полевой службы).

IV. *Развѣдка путей и различныхъ мѣстныхъ предметовъ, изучаемыхъ на дѣлѣ.* Свѣдѣнія, собираемыя при рекогносцировкахъ: селеній, высотъ, лѣса, моста, плотины, гати, брода, озера или пруда, оврага, рѣки или ручья, дороги. Приемы выполненія этихъ развѣдокъ.

V. *Развѣдка противника на позиціи, изучаемая на дѣлѣ.* Какую позицію труднѣе взять? Общее понятіе о расположеніи войскъ на позиціи, о занятіи различныхъ мѣстныхъ предметовъ и объ усиленіи окопами. Приемы развѣдки позиціи противника.

VI. *Развѣдка противника въ движеніи.* Порядокъ походнаго движенія; охраненіе на походѣ. Приемы развѣдки и наблюденія за противникомъ въ движеніи.

VII. *Сторожевая служба, изучаемая на дѣлѣ.* Охраненіе цѣпью постовъ. Пароль, отзывъ и пропускъ (§§ 172—176). Охраненіе отдѣльными заставами. Секреты (§§ 266—272). Мѣры, принимаемыя отдѣльною заставой для своего охраненія и въ случаѣ нападенія противника.

VIII. *Снаровки при ночныхъ дѣйствіяхъ:* сторожевыя мѣры, связь, движеніе и бой ночью. Нечаянныя нападенія.

Примѣрное распредѣленіе полевыхъ занятій съ охотниками въ періодъ съ 1-го октября по 6-е августа (къ § 26).

	Съ 1-го октя- бря по 1-е мая.	Съ 1-го мая по 1-е іюля.	Съ 25-го іюля по 6-е августа.
I. Занятія непосредственно по изуче- нію передовой службы:			
а) Занятія развѣдывательною службой въ ближнемъ районѣ расквартированія	20 ⁽¹⁾	—	—
б) Занятія сторожевою службой	—	2 ⁽²⁾	—
в) Упражненія въ выполненіи боевыхъ задачъ, возлагаемыхъ на охотниковъ въ составѣ отдѣльной команды	—	—	4 ⁽³⁾
II. Охота на птицу и звѣря	10 ⁽⁴⁾	—	—
III. Совершеніе значительныхъ пере- ходовъ, въ связи съ упражненіями въ изу- ченіи мѣстности и въ развѣдываніи какъ днемъ, такъ и ночью	12 ⁽⁵⁾	—	—

IV. Упражненія въ плаваніи и устрой-
ствѣ переправъ подручными средствами и
изъ предметовъ войсковаго снаряженія

для переправы: а) пѣхоты и обозовъ . . . — 10⁽⁶⁾ —
б) артилеріи — — 4⁽⁶⁾

V. Дополнительные упражненія въ свободное время (?).

Примѣчанія: 1) Сюда относятся упражненія въ изученіи отдѣль-
ныхъ мѣстныхъ предметовъ, развѣдка противника на позиціи и въ
движеніи при разнообразныхъ условіяхъ; на примѣръ: развѣдка мѣст-
ности, по которой предстоитъ двигаться какъ въ походномъ, такъ и
въ боевомъ порядкѣ; изученіе мѣстности, которую предстоитъ занять;
изученіе подступовъ къ укрѣпленію или позиціи; осмотръ закрытій,
удобныхъ для засадъ и нечаянныхъ нападений; одиночныя ночныя
порученія; провозжаніе командъ по заранѣе изслѣдованной дорогѣ,
поддержаніе связи и проч. Въ общемъ числѣ три упражненія (въ
составѣ всей команды) ночныхъ (одно—глубокою осенью, другое—
зимой, третье—при разливѣ, или рашнею весной), начинающіяся съ
вечера и оканчивающіяся къ разсвѣту. Всѣ упражненія эти соеди-
няются съ передвиженіемъ по мѣстности и путямъ, мало доступнымъ
для войскъ, и доставкою донесеній при обстановкѣ, сопряженной съ
опасностью и требующей при исполненіи особой сметки, пронырли-
вости, выносливости и осторожности.

2) На этихъ занятіяхъ охотники, какъ не связанные какою-либо
опредѣленною формою сторожеваго порядка, упражняются: въ при-
мѣненія къ данной обстановкѣ особыхъ формъ охраненія на мѣстѣ и
въ движеніи (Уставъ полевой службы §§ 288—296); въ службѣ въ
секретахъ и доставкѣ донесеній.

3) Сюда относятся упражненія въ захватѣ моста, запасовъ, или
станціи, укрѣпленія и проч., а также выполненіе боевыхъ задачъ при
условіи двигаться врознь, съ тѣмъ, чтобы собраться въ назначенное
мѣсто; содѣйствіе кавалеріи при ея набѣгахъ, ночныя дѣйствія и т. п.

4) Охота преимущественно въ періодъ вольныхъ работъ, а зи-
мой, когда и гдѣ возможно,—на медвѣдя. Если охота происходитъ
съ участіемъ въ ней приглашенныхъ частныхъ лицъ, то принимать
мѣры, чтобы не утрачивалась при этомъ главная цѣль военной охоты,
а именно, военно-воспитательная ея цѣль. Упражнять въ прохожде-
ній лѣсныхъ и пересѣченныхъ участковъ мѣстности цѣпью, не теряя
связи.

5) Марши эти распредѣляются уравнительно по временамъ года

и производится въ 50-ти-верстномъ районѣ, съ изученіемъ, попутно незнакомой и разнообразной мѣстности и средствъ, пригодныхъ для военныхъ цѣлей. Слѣдуетъ также усваивать походныя снаровки, быстро принимать сторожевыя мѣры, выскивая и время для отдыха; охотники должны быть приучены проявлять себя умѣло и находчиво при всѣхъ обстановкахъ походной службы.

6) Упражненія въ переправѣ артилеріи производятся по прибытіи ея къ пѣхотѣ для совмѣстныхъ полевыхъ запятій. Въ общемъ числѣ этихъ упражненій не менѣе двухъ должно быть посвящено выполненію на практикѣ переправы отряда изъ нѣсколькихъ ротъ пѣхоты съ артилерією и ея обозомъ черезъ рѣки не менѣе 50 сажень шириной.

7) Въ свободное время охотники упражняются въ стрѣльбѣ, атлетическихъ гимнастическихъ упражненіяхъ, фехтованіи штыкомъ, при обстановкѣ, соответствующей цѣлямъ боевой охотничьей службы: а) *стрѣльба* производится по выскакивающимъ и подвижнымъ цѣлямъ, а также ночная; б) *гимнастика*—ползаніе, перепоска, подсаживаніе, одолѣніе препятствій, штурмъ зданія или насыпи, взбираніе на стѣны по канатамъ, бѣгъ на самокатахъ и т. п.; г) *фехтованіе*—бой по чучеламъ за окопами, вольный взаимный бой. Офицерамъ рубка шанками хвороста и караваевъ свѣжаго хлѣба. Кромѣ того, полезно ознакомить охотниковъ практически съ подачею помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

Приложеніе къ § 20.

По смыслу приказа по военному вѣдомству 1886 г., № 260-й, охотники соответствующими упражненіями должны быть подготовлены къ исполненію въ военное время отдѣльныхъ порученій, соединенныхъ съ особою опасностью и требующихъ личной находчивости.

Цѣль эта достигается образованіемъ въ полкахъ смысленныхъ, ловкихъ и смѣлыхъ развѣдчиковъ, причемъ охота есть только одно изъ средствъ для достиженія этой цѣли; главная же забота начальствующихъ лицъ—приучить людей легко переносить усиленные переходы, усвоить партизанскіе приемы и заставить ихъ полюбить свое дѣло.

Для доставленія такой практики слѣдуетъ назначать участки каждому полку въ районѣ расположенія командъ, по радіусу 50

версть въ окружности, съ тѣмъ, чтобы охотники изучили эти участки, нанесли ихъ на карты и составили описаніе участка. Описанію подлежать:

1) Опѣнка позицій и мѣстныхъ предметовъ, пригодныхъ для обороны.

2) Опреѣленіе вліянія разлива рѣкъ на оборону избранныхъ позицій и на свободу сообщеній, и

3) Замѣтить величину захвата мѣстности разливомъ.

Затѣмъ команды должны собрать статистическія свѣдѣнія:

а) Какія находятся въ участкѣ рѣки, луга и болота.

б) Сколько существуетъ въ участкѣ мостовъ, паромовъ, плотовъ и лодокъ.

в) Измѣрять глубину и ширину рѣкъ на имѣющихся переправахъ, и извѣдать свойство дна, береговъ и существующіе броды.

г) Узнать, сколько существуетъ плотинъ, ведущихъ къ переправамъ и сколько ихъ пролегають по болотамъ, съ приблизительнымъ определеніемъ ихъ профилей.

д) Проходимость лѣсовъ и твердость грунта по пролегающимъ дорогамъ, и

е) Составить отчетную карту каждой данной мѣстности, приложивъ къ ней объяснительную легенду.

Приложеніе къ § 30.

Въ періодъ ротныхъ и баталіонныхъ занятій на охотниковъ возлагаются, по усмотрѣнію командировъ ротъ и баталіоновъ, всѣ обязанности, присущія охотникамъ, какъ глазамъ части. О всѣхъ исполненныхъ порученіяхъ въ теченіе дня каждый охотникъ вечеромъ докладываетъ офицеру, завѣдывающему охотниками въ своемъ баталіонѣ; послѣдній всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ изслѣдованію и описанію мѣстныхъ предметовъ (овраговъ, дорогъ, рѣчекъ, плотинъ, лѣсовъ, деревьевъ и проч.), заноситъ въ журналъ, а что можно и на трехверстную карту, прилагая къ ней объяснительныя примѣчанія, когда достоверность свѣдѣнія, сообщеннаго охотникомъ, проверена лично офицеромъ.

Формы журнала не устанавливается; требуется только отмѣтить: когда, что и кто сообщил и кѣмъ проверены фактически доставленные свѣдѣнія.

Въ этотъ же періодъ времени упражнять охотниковъ въ наблюденіи издали за происходящимъ у противника, съ представителемъ

донесеній о видѣнномъ. У охотниковъ долженъ быть развитъ не только навыкъ и знаніе, какъ наблюдать, но они должны также понимать значеніе наблюдаемаго. Для доставленія практическихъ упражненій въ развѣдкѣ войскъ противника высылать очередные патрули за 3—4 версты отъ лагеря или учебнаго поля, въ предположеніи, что имъ удалось прокрасться черезъ сторожевые посты и угнѣздиться въ положеніи, удобномъ для наблюденія за непріятелемъ; съ этого расстоянія, т. е. 3—4 версты, обозрѣвать въ бинокль происходящее на учебномъ полѣ, составлять донесенія о всемъ замѣчаемомъ; эти донесенія, по возвращеніи въ лагерь, сдавать офицеру, завѣдывающему охотниками въ баталіонѣ.

Начальнику полковой охотничьей команды еженедѣльно дѣлать сводъ доставленныхъ охотниками свѣдѣній и, по занесеніи въ журналъ занятій команды, докладывать командиру полка.

На полковыхъ ученьяхъ, маневрахъ и во время подвижныхъ сборовъ охотники должны дѣйствовать въ составѣ особыхъ командъ.

МОСКОВСКАЯ ПУШКАРСКАЯ ШКОЛА.

(Изъ исторіи перваго военнаго училища Россіи времени Петра Великаго).

Вопросъ объ учрежденіи школъ и училищъ — не новъ въ Россіи и для отдаленнѣйшихъ дней ея исторіи. Еще въ 1025 году Ярославъ, по сообщенію лѣтописца, завелъ въ Новгородѣ училище и «собра отъ старость и отъ пресвитеровъ дѣтей 300, повелѣ учить книгамъ»⁽¹⁾; въ 1589 году основана школа въ Кіевѣ, послужившая основаніемъ знаменитой въ свое время Кіевской академіи; въ царствованіе Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемся съ Законоспасской духовной академіей, вполсѣдствіи славяно-греко-латинской и многими другими. Но, при ближайшемъ изслѣдованіи, мы видимъ, однако, что цѣлью ихъ учрежденія служили исключительно требованія духовнаго просвѣщенія, воспитывавшаго ученыхъ и краснорѣчивыхъ для своего времени проповѣдниковъ-богослововъ; для просвѣщенія же всей массы русскаго общества и народа не имѣлось никакихъ обще-образовательныхъ средствъ, и мракъ невѣжества непроницаемою пеленою окутывалъ умственное развитіе нашихъ предковъ всѣхъ классовъ и состояній.

Такъ было до конца XVII вѣка, когда на Россійскій престоль вступилъ Петръ Великій. Имъ первымъ были поняты истинныя задачи просвѣщенія и широкое значеніе его въ народной культурѣ, гдѣ въ свѣточахъ знаній и науки нуждается не одна богословская дѣятельность, но и дѣятельность гражданская. Эту мысль Петръ не замедлилъ высказать, бесѣдуя въ октябрѣ 1698 года съ патриархомъ Адрианомъ. Указывая на неудовлетворительное состояніе уже существовавшихъ духовныхъ училищъ, онъ упомянулъ, между прочимъ, о необходимости учрежденія и такой школы, изъ которой бы «во всякія potreбы люди благоразумно учася происходили, въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовать, знати строеніе

(1) Лебедевъ. «Историческій взглядъ на учрежденіе училищъ и т. д.», стр. 7.

и докторское врачевское искусство» (1). Пользу же такого образованія Петръ видѣлъ на возвращавшихся «изъ-за морей» своихъ питомцахъ: и армія, и гражданское управленіе приобрѣли въ нихъ полезныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей, немало облегчавшихъ Петру его преобразовательную работу.

Первымъ заговорилъ въ духѣ Царя думный дьякъ Андрей Андреевичъ Виниусъ (2). Въ томъ же 1698 году, по его предложенію, положенъ былъ первый опытъ основанія училища свѣтскихъ наукъ, учрежденіемъ въ артилеріи при Пушкарскомъ Приказѣ особой школы «цыфри и землемѣрія», а также и словесныхъ наукъ: грамоты и письма. Къ сожалѣнію, сохранилось очень мало извѣстій о подробностяхъ внутренняго устройства этого перваго общеобразовательнаго училища (3), но несомнѣнно, что такое съ перваго же дня учрежденія было уложено въ рамки общей всѣмъ школамъ системы. Пушкарской школѣ, съ набранными въ нее для науки первоначально только девятью учениками, было отведено на Пушечномъ Дворѣ особое помѣщеніе и для преподаванія приставленъ былъ особый «мастеръ» Ивашка Зерцаловъ; ученикамъ положено было опредѣленное содержаніе и Зерцалову оставалось только доносить въ Приказъ время отъ времени, что ученики «то-де ученіе принимаютъ вшитно» (4). Около того же времени была основана другая школа въ Иноземскомъ Приказѣ въ вѣдѣніи извѣстнаго Адама Вейде, но объ этой школѣ сохранилось свѣдѣній не болѣе, чѣмъ о Пушкарской. Отмѣтимъ, между прочимъ, то любопытное указаніе, что учениковъ школы Иноземскаго Приказа, по окончаніи ими курса, предполагалось выпускать на службу прямо «начальными» чинами, чиномъ прапорщика, обстоятельство, какъ извѣстно, долго не практиковавшееся впоследствии. Едва-ли, впрочемъ, школа существовала болѣе одного года; вслѣдъ за 1699 годомъ, мы не встрѣчаемъ уже о ней никакихъ извѣстій. Съ 1699 года рѣшительно обрываются всѣ свѣдѣнія о Пушкарской школѣ, но если припомнить, что Пушечный Дворъ и его строенія, въ томъ числѣ, конечно, и школа, выгорѣли въ страшномъ московскомъ пожарѣ 26-го и 27-го іюля того же года, то являет-

(1) Устряловъ. «Исторія Петра Великаго», т. III, стр. 511.

(2) Извѣстный впоследствии «надзиратель артилеріи».

(3) Все, что намъ удалось найти, хранится въ богатомъ архивѣ морскаго министерства въ серіи «Дѣлъ Приказа Военскаго морскаго флота», въ «Записной книгѣ» документовъ и переписки по дѣламъ Пушкарскаго Приказа въ Москвѣ.

(4) Архивъ морскаго министерства. Дѣла Приказа Военскаго морскаго флота св. 5, лл. 169, 174, 233, 237, 284.

ся возможное предположеніе, что курсы «цыфѣри и землемѣрія», за лишеніемъ своего помѣщенія, были временно закрыты. Это предположеніе становится еще болѣе вѣроятнымъ, если сопоставить обстоятельство устройства новаго Пушечнаго Двора съ непосредственно послѣдовавшимъ вслѣдъ затѣмъ распоряженіемъ о постройкѣ на немъ новой школы (1). Открытая именнымъ царскимъ указомъ 10-го января 1701 года, Пушкарская школа съ этого времени снова продолжаетъ начатый ею слѣдъ въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, количество которыхъ на этотъ разъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы представить вполне истинную картину дальнѣйшаго развитія первой военной, вмѣстѣ съ тѣмъ и первой свѣтской школы въ Россіи.

Дорого было начало. Въ томъ же 1701 году 14-го января положено было основаніе извѣстной Сухаревской школѣ математико-навигаторскихъ наукъ (2); въ 1712 году учреждена въ Москвѣ инженерная школа, породившая собою образованіе такой же въ 1719 году въ Петербургѣ; здѣсь же за два года раньше уже дѣйствуетъ школа артилерійская, соединившаяся затѣмъ съ инженерной; въ 1715 году мы видимъ въ Петербургѣ морскую академію; съ 1714 года существуютъ по провинціямъ цыфирныя школы; съ 1721 года обзаводятся школами 56 гарнизоновъ и проч. Въ царствованіе же Петра Великаго учреждены нѣсколько частныхъ училищъ и пансіоновъ.

Такое быстрое развитіе, въ теченіе всего лишь 20-ти съ небольшимъ лѣтъ, сѣти вполне новыхъ для Россіи свѣтскихъ училищъ, невольно порождаетъ интересъ къ возможно широкому и полному освѣщенію ихъ исторіи; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ этотъ весьма любопытный вопросъ въ области исторіи просвѣщенія Россіи остается мало, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ неизслѣдованнымъ.

10-го января 1701 года именнымъ великаго государя указомъ «велѣно на новомъ Пушечномъ Дворѣ построить деревянныя школы и въ тѣхъ школахъ учить пушкарскихъ и иныхъ постороннихъ чиновъ людей дѣтей ихъ словесной и письменной грамотѣ и цыфирю и иной инженерной наукамъ. И будучи имъ въ тѣхъ школахъ учиться выписаннымъ наукамъ съ прилежаніемъ, а выучась

(1) Архивъ старыхъ дѣлъ С.-Петербургскаго артилерійскаго историческаго музея. Дѣла шт. г. ф., св. 3, л. 967.

(2) Этимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, рѣшительно опровергается изданная установившееся мнѣніе, что Сухаревская школа была первою по времени свѣтскою школою въ Россіи.

безъ указу съ Москвы не съѣхать, такъ же въ иной чинъ, кромѣ артилеріи, не отлучаться. И кормить и поить ихъ въ вышеписанныхъ же школахъ, а на кормъ положено имъ по 2 деньги человѣку на день и изъ тѣхъ денегъ—изъ половины, покупая хлѣбъ и харчъ, въ постные дни рыбу, а въ скоромные—мясо и варить кашу или шти; а по другой деньгѣ—на обуви и на кафтанишки и на рубашенки. И учащимъ и переимчивымъ будетъ государево особое жалованье и дача, смотря по ученію» (1). Таково интересное содержаніе царскаго указа, возстановлявшаго существованіе перваго въ Россіи военнаго училища. Тотчасъ же, по полученіи его, распоряженіемъ артилерійской администраціи, были прибиты на лодныхъ мѣстахъ и «по воротамъ» листы съ объявленіемъ государева приказа всенародно, о вызовѣ къ смотру въ Приказъ Артилеріи всѣхъ недорослей, подъ опасеніемъ «потерянія чести и живота»; а вслѣдъ затѣмъ приказные дьяки и подьячіе приступили къ составленію списковъ являвшихся. Дѣти дворянскіе, подьяческіе, пушкарскіе, посадскіе, солдатскіе, слугъ монастырскихъ, конюшеннаго чина, иноземческіе, вольныхъ людей—чередовались въ непрерывномъ перечнѣ фамилій, съ отмѣтками противъ послѣднихъ поклонутыхъ недорослями прежнихъ занятій, между которыми встрѣчались нерѣдко весьма оригинальныя. Напримѣръ: шитье женскихъ шляпъ, торговля грешневыми и лукомъ, изготовленіе оловянныхъ цѣпочекъ, извозный промыселъ и т. п. (2); а противъ нѣкоторыхъ, преимущественно изъ простаго званія, и просто прописывалось, что «до школы-де кормилися они Христовымъ именемъ». Въ числѣ записанныхъ въ школу явился даже японецъ Денбей, или «татаринъ японскаго государства», какъ тогда называли его, зачисленный въ науку прихотью Виніуса (3).

Но, насколько различенъ оказывался сословный цензъ, настолько же разнообразнымъ былъ и цензъ возрастной. Семи, восьмилѣтнія дѣти ставились въ общій расчетъ съ 20-ти и даже 25-ти-лѣтними парнями; ожидали только открытія школьнаго курса, чтобы посадить ихъ рядомъ за одинъ и тотъ же букварь.

1-го августа начался пріемъ въ школу, причемъ набранныхъ для науки недорослей оказалось до 300 человѣкъ. Лишнимъ было бы говорить, что на первыхъ порахъ школа явилась мало подготовленною къ пріему учениковъ; если уже имѣлось свободное помѣщеніе для школьныхъ занятій, предоставленное къ тому обширнымъ строеніемъ

(1) Дѣла шт. г. ф., св. 3, л. 967.

(2) Дѣла сборныя, св. 3264, л. 527—531.

(3) Дѣла шт. г. ф., св. 15, л. 317, 1146.

Пупечнаго Двора, то возникалъ болѣе важный вопросъ объ организаціи необходимыхъ къ правильному веденію ихъ средствъ: въ установленіи курсовой программы, въ назначеніи опытныхъ преподавателей и въ устройствѣ въ каждомъ дѣлѣ ближайшей администраціи. Здѣсь-то и сказалась неподготовка. Несмотря на предписаніе указа обучать новоприверстанныхъ школьничковъ даже инженерной наукѣ, школа съ первыхъ дней успѣла привлечь къ преподаванію лишь учителей словесной и письменной грамоты, какъ самыхъ несложныхъ; для обученія учениковъ цыфры пришлось назначить ихъ же собрата, ученика; годъ спустя, открытый курсъ инженерныхъ наукъ, за неимѣніемъ другой возможности, былъ порученъ одному изъ служившихъ въ Москвѣ иноземцевъ. Подобное неустройство школьной организаціи естественно продуктировало и отсутствіе какой либо педагогической программы. Что же касается вопроса объ управленіи школою, то здѣсь еще менѣе можно было искать порядка. Распоряженія Випуса по школьнымъ дѣламъ, заваленнаго массою хлопотъ по многосложной обязанности «надзирателя артилеріи», самымъ беспорядочнымъ образомъ перемѣшивались съ распоряженіями лицъ, подчасъ лишь случайно приходившихъ въ столкновение со школою. Прибавимъ также, что на содержаніе и хозяйство школы не было еще положено никакихъ опредѣленныхъ средствъ и всѣ расходы, какъ по раздачѣ «корма», такъ и учебные, приходилось покрывать лишь какими нибудь случайными суммами приказа, вродѣ «экономической суммы отъ колокольнаго пріема», «бурмистровыхъ остатковъ» и т. п., не говоря уже о томъ, насколько неаккуратно уплачивались всѣ школьные счета.

Все вышеуказанное, безъ сомнѣнія, должно было отразиться на внутренней жизни школы. Питомцы ея, собранные лишь съ однимъ мало опредѣленнымъ приказомъ учиться, оставались вполнѣ неустроенными даже въ главнѣйшихъ своихъ отношеніяхъ къ школѣ. Въ школу ученики должны были приходиться только для занятій, остальное же время каждый проводилъ, что какъ хотѣлъ, живя совершенно самостоятельно по частнымъ квартирамъ широкой Москвы. Случалось, что и въ школу ученики не заглядывали долгое время, перенося по требованію учителя своя занятія въ его квартиру; еще хуже, подчасъ вовсе не являлись по нѣсколько недѣль къ наукѣ. Контроля надъ школою почти не существовало. Были, на-примѣръ, такіе случаи, что школьничекъ самовольно бросалъ науку, записывался въ ту или другую службу, переходилъ въ другую

школу (1) и объ этомъ узнавали только черезъ нѣсколько лѣтъ. Учениками распоряжались, кто какъ хотѣлъ. Понадобились Виніусу токари и паяльщики, онъ приказываетъ для того выбрать нѣсколько человѣкъ изъ школьниковъ; случился въ Москвѣ полковникъ Яганъ Гошке и по его распоряженію 13 учениковъ уходятъ въ армію писарями, барабанщиками, пушкарями и т. п. Поссорился, напримѣръ, смотритель Пушечнаго Двора Кудрявцевъ съ школьнымъ учителемъ и школа три недѣли сидитъ безъ занятій, такъ какъ Кудрявцевъ не выдаетъ ученикамъ бумаги, чернилъ и другихъ, хранящихся у него, учебныхъ припасовъ, и даже школу, «гдѣ худыя мѣста есть, починивать не велитъ» (2). Полуученики, полумастеровые-школьники то сидѣли за учительскою указкою надъ букваремъ, то шли партією въ 6—10 человѣкъ на три—четыре недѣли въ какойнибудь Никольскій простѣнокъ красить станки пушечные и мортирные, или же надписывать пороховыя бочки; пятерыхъ мы встрѣчаемъ даже въ обходѣ съ Рождественскимъ славленіемъ у царевича Алексѣя Петровича (3).

Въ 1703 г. Виніусъ впалъ въ немилость царя и былъ отставленъ отъ дѣлъ. Стало еще хуже. Генераль-фельдцейхмейстеръ царевичъ Александръ Арчиловичъ уже третій годъ пребывалъ въ плѣну у шведовъ; исправлявшій его обязанности генераль-маіоръ Я. В. Брюсъ находился въ походѣ и былъ занятъ боевыми операціями: въ Москвѣ въ Приказѣ Артилеріи дѣлами распоряжались, временно приставленный для того Брюсомъ, князь Ф. Ю. Рамодановскій и дяки. То имъ, то князю Федору Юрьевичу Брюсу не оставлялъ время отъ времени посылать приказы къ вершенію тѣхъ или другихъ дѣлъ, но, находясь вдали отъ нихъ, онъ не могъ не упускать многого, а тѣмъ болѣе въ отношеніи слабо интересовавшей его школы (4). Между тѣмъ, здѣсь происходило не мало любопытнаго.

Въ 1704 г. въ школу цыфирной науки былъ опредѣленъ учителемъ ученикъ Сухаревской школы Спиридонъ Печюринъ. Неизвѣстно, принесло ли какую нибудь пользу ученикамъ это назначеніе, но, спустя немного времени, Печюринъ запьянствовалъ и сталъ небрежно относиться къ своей преподавательской дѣятельности. Это обстоя-

(1) Въ существовавшую въ то время Сухаревскую математико-навигаторскихъ наукъ. Дѣла шт., г. ф., св. 5, л. 162. см. ученикъ Никита Марковъ.

(2) Ibid, св. 6, л. 492.

(3) Награжденныхъ за это отъ пославшаго ихъ Приказа Артилеріи—двумя рублями. Ibid, св. 1, л. 8.

(4) «Надежало бы тебѣ, писалъ Брюсъ дяку Павлову по одному изъ школьныхъ дѣлъ, самому надъ школою присматривать, чтобы мнѣ такихъ бездѣльныхъ доукъ не было». Дѣла шт. г. ф., св. 6, л. 493.

тельство не замедлило дойти до свѣдѣнія Приказа и дьякъ послѣдняго, Никита Павловъ, поспѣшилъ принять соотвѣтствующія мѣры, однако, какъ оказалось, безъ всякой пользы. Печюринъ пьянствовалъ и манкировалъ занятіями въ школѣ по прежнему. Потерявъ терпѣніе, Павловъ рѣшился, наконецъ, донести Брюсу, и въ маѣ 1706 г. писалъ ему, что «оный-де Печюринъ учинился во пьянствѣ и за то ему было поученье—бить батоги, но по се число онъ, Спиридонъ, отъ пьянства не лишился и въ школу приходитъ изрѣдка и въ ученья тѣхъ учениковъ есть не малая остановка, и о томъ, какъ воля милости твоей» (1). Едва ли Павлову приходило на мысль употребить тѣ средства, которыя предпринялъ въ данномъ случаѣ Брюсъ; интересуясь, главнымъ образомъ, правильностью хода ученическихъ занятій, а затѣмъ уже нравственностью ихъ руководителя, Брюсъ, недолго думая, приказалъ Печюрина, арестовавъ при школѣ, сковать и въ такомъ видѣ держать за обученіемъ учениковъ непрестанно. Три недѣли длилось подобное любопытное преподавательство скованнаго учителя, пока, наконецъ, Брюсъ, прослышавъ со стороны о какихъ-то новыхъ неистовствахъ Печюрина, не приказалъ совершенно выгнать изъ школы этого «бездѣльника, котораго бѣ не довелось и на дворъ пускать» (2).

Кажется, только послѣ такого вопіющаго эпизода, Брюсъ живѣе заинтересовался, подчиненною его управленію, школою; по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ спустя, онъ потребовалъ отъ приказа точныхъ о ней свѣдѣній: «какого году и по какому указу школьные учителя и ученики въ артилерію взяты и что имъ расходу изъ котораго Приказа велѣно имать», вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалъ выслать къ нему немедленно подробные ученическіе списки. Снова школьниковъ и ихъ учителей собрали въ Приказъ и здѣсь, «пересмотря всѣхъ на лицо», дьяки приступили къ составленію, по учительскимъ и по ихъ, учениковымъ, словеснымъ сказкамъ, требуемой росписи, помѣчая въ ней: кто въ какой наукѣ и сколь лѣтны, а также и убыль состава ихъ (3). Школъ, или правильнѣе курсовъ, было показано въ росписи—три: школа «верхняя», она же инженерная, и двѣ школы «нижнихъ»—«цыфирная» и «словесная» съ классами «писцовъ», «псалтырщиковъ» и «часословщиковъ»; учителей значилось—четверо, учениковъ же наличное число къ 1706 году оказалось, изъ 300 набранныхъ отъ дня открытія школы, всего лишь 129 человекъ, остальные

(1) Дѣла шт. г. ф. св. 6, л. 383.

(2) Дѣла шт. г. ф. св. 6, л. 516.

(3) Ibid., св. 5, лл. 162—176.

записаны въ убыли. Въ рубрикахъ послѣдней отмѣчены самыя разнообразнѣйшія требованія по зачисленію учениковъ на службы; здѣсь были и пушкари, и гобоисты, и барабанщики, токари, паяльщики, писаря, солдаты, а пять человѣкъ явились даже взятыми для науки въ Аптекарскій Приказъ; одинъ ученикъ, Иванъ Алексѣевъ, показанъ посланнымъ для обученія въ Берлинъ. Всего отбывшихъ изъ школы было 110 человѣкъ, 11 учениковъ были записаны умершими; не хватало, такимъ образомъ, до полной цифры 300 еще 50 человѣкъ, т. е. цѣлой шестой части всего состава, оказавшейся помѣченной тутъ же подъ рубрикою: «бѣжали и безвѣстно пропали» (1).

Какъ не былъ Брюсъ занятъ вопросами походнаго времени, но подобное состояніе школьныхъ дѣлъ неволью оторвало его на время отъ первыхъ и онъ началъ хлопотать о поднятій благосостоянія школы; но мы говоримъ—на время, такъ какъ наступилъ 1707 г., этотъ необыкновенно любопытный годъ вообще въ исторіи русской администраціи, когда артилерія и центральный органъ управленія ею, Приказъ—очутились разомъ въ рукахъ трехъ, вполнѣ самостоятельно хозяйничавшихъ ими, лицъ. Князь М. П. Гагаринъ и бомбардиръ—поручикъ Преображенскаго полка В. Д. Корчминъ, временно назначенные государемъ къ распоряженію артилерійскими дѣлами въ Москвѣ лишь настолько, насколько то имѣло отношеніе къ возложенной на нихъ перестройкѣ ея оборонительныхъ укрѣпленій, поняли свои полномочія слишкомъ широко. Отобравъ отъ правившаго дѣла въ Приказѣ князя Рамодановскаго всякое правона какія либо распоряженія въ немъ, они успѣли и самого законнаго хозяина артилеріи, Брюса, благо онъ находился вдали отъ Москвы, ставить подчасъ въ положеніе едва ли не просителя. Дьяки Приказа были совершенно сбиты съ толку, неумѣвая, кого и въ какой степени слушать изъ-за хозяйничавшихъ въ немъ распорядителей, въ жалобахъ же Брюсу на Гагарина и Корчмина они не находили удовлетворенія; тотъ былъ смущенъ происходившимъ троевластіемъ не менѣе ихъ. Къ сожалѣнію, болѣе подробное изложеніе этого характернаго эпизода могло бы насъ далеко отвлечь отъ прямой задачи, почему обратимся непосредственно къ вопросу о значеніи возникшей неурядицы для школьной жизни.

(1) Побѣги учениковъ въ то время являлись какъ бы неизбежнымъ зломъ, съ которымъ при полномъ неустройствѣ школьныхъ дѣлъ, въ особенности по части финансовой, Приказу трудно было бороться. Уже въ 1706 г., напримѣръ, на содержаніе учениковъ въ Приказѣ не освобождалось никакихъ суммъ и дьякъ Павловъ въ октябрѣ рѣшительно заявлялъ Брюсу, что школьникамъ не на что закупать даже съѣстныхъ припасовъ, «а если ихъ не кормить, государь, пишетъ онъ, то они разбредутся всѣ врознь». Дѣла шт. г. ф. св. 4, л. 695.

Пока князь Гагаринъ воевалъ съ упорно боровшимся противъ него Рамодановскимъ, Корчминъ, очертя голову, хозяйничалъ и распоряжался, не оставивъ своимъ самоуправствомъ и школь. Ничего не слушая, Корчминъ согналъ ихъ съ Пушечнаго Двора къ Суздальскому подворью, отобралъ отъ преподаванія учителей Грана и Шпарейтера, пазначивъ ихъ къ разнымъ порученіямъ и, какъ бы оправдываясь, что ученикамъ приходилось, благодаря этому, сидѣть безъ науки, сталъ и ихъ забирать изъ школь ко всевозможнымъ дѣламъ: «къ себѣ на дворъ», какъ доносили о томъ дьякъ Павловъ Брюсу (1). Вскорѣ и князь Гагаринъ вмѣшался въ школьныя дѣла, избравъ жертвою своихъ распоряженій, между прочимъ, уже знакомаго намъ, япоща Денбей. Сочтя, вѣроятно, что для такого исключительнаго ученика совершенно достаточно однаго знанія читать и писать по русски, Гагаринъ запретилъ ему ходить для дальнѣйшаго обученія въ школу, а вслѣдъ затѣмъ, окрестивъ Денбея въ «Гаврилу», зачислилъ его въ штатъ своей домашней прислуги (2).

Подобная неурядица естественно должна была породить злоупотребленія и со стороны подчиненныхъ лицъ, однимъ изъ которыхъ не замедлилъ явиться ученикъ «цыфирной» школы Алексѣй Луцкій. Находясь возлѣ Корчмина, въ числѣ школьниковъ, «взятыхъ на дворъ», Луцкій задумалъ воспользоваться близостью съ столь смѣло распоряжавшимся въ его мирѣ человѣкомъ и, выслуживъ къ себѣ милость Корчмина, успѣлъ попасть въ таковую же и у князя Гагарина. Разсчетъ на первыхъ порахъ оказался вѣрнымъ. Въ всякихъ правилахъ, нарушивъ самыя основныя положенія, не спросивъ даже разрѣшенія Брюса, Гагаринъ и Корчминъ пожаловали Луцкаго въ прапорщики Московскаго гарнизона. Приказу осталось только донести Брюсу и то два года спустя, когда Луцкій уже успѣлъ дослужиться до капитанскаго чина, что оный «артилерійскихъ наукъ» ученикъ по приказу князя Матвѣя Петровича Гагарина опредѣленъ въ гарнизонъ въ капитаны, который отъ насъ взявъ по учиненному окладу 10 рублевъ и отсталъ (3).

Брюсъ ничего не отвѣтилъ на донесеніе, и проступокъ Луцкаго такъ бы и остался безнаказаннымъ, если бы о немъ не вспомнили черезъ 11 лѣтъ. Въ 1717 году Луцкаго потребовали въ числѣ прочихъ на смотръ въ военную канцелярію, гдѣ затребованная отъ него сказка о службѣ не замедлила разоблачить истину и строгій гене-

(1) Дѣла шт. г. ф. св. 8, лл. 743, 778, 794.

(2) Ibid., св. 15, лл. 317, 1146.

(3) Дѣла шт. г. ф. св. 12, л. 734.

раль-пленипотенціаръ Яковъ Федоровичъ Долгорукій распорядился любопытнымъ и едва ли къмъ ожидаемымъ судомъ надъ Луцкимъ, «приказавъ» ему изъ капитановъ по прежнему быть въ цыфирныхъ ученикахъ ⁽¹⁾. Однако, отъ точнаго выполненія этого безпримѣрнаго рѣшенія, Луцкаго спасли его годы; ему, послѣ почти 11-ти-лѣтней службы въ офицерскихъ чинахъ, было уже 33 года, садиться за школьную скамью было бы поздно и мы видимъ Луцкаго снова на службѣ, но въ артилеріи, и въ самомъ низшемъ званіи, канонира.

Къ счастью, Корчмину не долго удалось самовольствовать въ артилеріи; уже въ концѣ того же 1707 года находимъ его извинительное посланіе къ Брюсу, съ обѣщаніями принять прощеніе какъ отъ папы изъ Рима. Остался распорядителемъ въ Москвѣ, такимъ образомъ, одинъ князь Гагаринъ и дѣла пошли лучше. Гагаринъ явился для школь даже полезнѣе своего предшественника князя Рамодановскаго, успѣвъ, по крайней мѣрѣ, поднять ихъ финансовое благосостояніе. Изъ Сибирскаго Приказа, вѣдомаго также имъ, была вскорѣ отпущена не малая для того времени сумма въ 500 слишкомъ рублей на хозяйство школь, получившаго въ нихъ значительную поддержку: крайне ограниченнаго приказнаго отпуска, какъ мы видѣли, не всегда хватало даже на раздачу «корма» ученикамъ, а между тѣмъ указомъ о заведеніи школь предписывалось шить имъ и обмундированіе, правда—не хитрое, но все же требовавшее денежныхъ затратъ. Только въ тѣ далекія отъ насъ дни возможно было за сумму менѣе полутора рублей, полагававшихся каждому школьнику, справиться такой многочисленный гардеробъ:

Шуба овчинная.	21	алтынъ	4	деньги
Кафтанъ сѣрый	11	»	4	»
Штаны сермяжные.	3	алтына	2	»
Шапка	1	алтынъ	4	»
Черыки съ чулками	5	»	—	»
Пять паръ лаптей	—	»	10	»

и все это на сумму въ 1 руб. 11 алтынъ и 4 деньги ⁽²⁾. Школьный кашеваръ и хлѣбникъ Степанъ Епифановъ также получилъ возможность акуратно выполнять другое предписаніе указа: «покупая хлѣбъ и харчъ, въ постные дни рыбу, а въ скоромные мясо, варить кашу или шти». Ученики были обуты, одѣты и накормлены; школа сѣла

⁽¹⁾ Ibid., св. 27, л. 73. Подробная исторія «Разжалованнаго капитана» напечатана нами въ «Русской Старинѣ», № 10-й, 1891 г.

⁽²⁾ Деньга=1/2 копейки, алтынъ=3 копейки.

за науку и если послѣдняя по прежнему оставалась безъ особенныхъ успѣховъ, то ученики являлись въ этомъ менѣ всего виноватыми; вся вина ложилась на самихъ руководителей, ихъ занятій и, главнымъ образомъ, на ближайшую администрацію, неумѣвшую согласовать своихъ распоряженій по управленію школами. Не скупясь на закупку для школъ всевозможныхъ учебныхъ припасовъ, начиная съ бумаги, чернилъ, купоросу, крыль гусиныхъ, глинянныхъ «ставочковъ» и кончая различныхъ названій книгами, администрація, какъ бы способствуя тѣмъ успѣху школьныхъ занятій, въ то же время явно парализировала ихъ развитіе. Частыя рассылки учениковъ въ разныя командировки, до чего особенно охочи были дѣяки приказа, то въ провозатыхъ за рекрутами или припасами, то съ письмами въ походъ—не могли не вредить правильности обученія, отрывая иногда ученика отъ школы на годъ, а случалось и на болѣе продолжительное время. Брюсъ сильно протестовалъ противъ подобныхъ рассылокъ учениковъ, рѣшительно напоминая всѣмъ, что «оныя школьники тому незаобычайные люди и оставлены учиться, а не за припасами ѣздить» (1), но нерѣдко и самъ грѣшилъ въ собственныхъ распоряженіяхъ по школѣ. Еще въ 1706 году, почему-то ему вздумалось возложить на учителя словесной науки прелюбопытную обязанность преподавателя нѣсколькимъ ученикамъ, выбраннымъ изъ школы въ гобойсты, науки «нотнаго пѣнія». Напрасно учитель отговаривался и заявлялъ, что «онъ нотнаго пѣнія знаетъ пѣть только русское, да кievское, а партеснаго (2) пѣнія онъ не знаетъ» (3), приказъ Брюса отмѣненъ не былъ, принося, конечно, не малый ущербъ прямымъ занятіямъ этого учителя съ учениками словесной школы.

Но все это блѣднѣетъ въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, какимъ отражалось на внутренней жизни школъ обстоятельство, отдававшее учениковъ того или другаго курса во всецѣлое распоряженіе ихъ учителя. Приказъ, а тѣмъ болѣе Брюсъ, пребывавшій по прежнему далеко отъ Москвы, какъ бы забывали въ своихъ распоряженіяхъ по школѣ объ этомъ существенно важномъ вопросѣ, ошибочно полагая, что достаточно новоопредѣляемаго ученика отослать при указѣ къ одному изъ выбранныхъ ими учителей, чтобы считать дальнѣйшія заботы о немъ поконченными. Ученикъ отданъ учителю, слѣдовательно—посажень за науку и устроень; таковою была ихъ логика, но

(1) Дѣла шт. г. ф., св. 23, л. 94.

(2) Многоголоснаго; см. у Даля.

(3) Дѣла шт. г. ф., св. 6, лл. 415, 499.

насколько она оказывалась пагубною для дѣла, это вскорѣ же показалъ случай. Уже знакомая намъ «верхняя школа» съ 1704 года перешла въ завѣдываніе учителя-иностранца Питера Грана, чловѣка суроваго и, какъ оказалось, крайне недобросовѣстнаго въ отношеніи отдапныхъ ему въ науку учениковъ. Неизвѣстно, какъ распоряжался онъ ими первое время, но въ декабрѣ 1708 года ученики не выдержали, явились въ полномъ составѣ въ Приказъ Артилеріи и съ «слезною жалобою» донесли, что «онѣй-де инженеръ, тому пынѣ другой годъ, наукѣ училъ малое число и за дѣтьми его ѣздили въ деньщикахъ и всякую домовную работу работали и огороды копали, отчего они себѣ ученія мало приняли». Завязалась рутинная переписка (1); Приказъ донесъ о жалобѣ учениковъ Брюсу; тотъ велѣлъ допросить Грана и, конечно, иностранецъ нашелся отвѣтить, что ученики «въ томъ били челомъ напрасно и тѣмъ-де его покленали», а между тѣмъ (о чемъ снова ученики донесли Приказу) купилъ ремней и, навязавъ изъ нихъ кнутъ, жестоко билъ имъ жаловавшихся. Ученики, не находя ни въ комъ защиты, разбѣжались и перестали ходить въ школу, непрестанно вмѣстѣ съ тѣмъ «докучая» Приказу испросить по ихъ жалобамъ рѣшенія отъ Брюса. Но прошель мѣсяць, проходить полгода, ученики не занимаются, а рѣшенія—нѣтъ; самъ Гранъ уже трусилъ и, желая выгородить себя, постѣшиль подать въ Приказъ, «извѣтъ» о причинахъ подобнаго незаконнаго прекращенія курса въ его школѣ. Приказу приходилось въ четвертый разъ напоминать Брюсу и, наконецъ, только въ исходѣ 1709 года, т. е. почти годъ спустя послѣ оставленія учениками школы, послѣдовала резолюція Брюса, готовая, впрочемъ, еще болѣе усложнить дѣло. Строго распекая всѣхъ, начиная съ дьяковъ Приказа и до учениковъ, за то, что извѣщаютъ они на Грана, будто бы, напрасно, а ученики — для того, «чтобъ не учиться и гулять», Брюсъ предписывалъ немедленно сыскать и отправить учениковъ въ школу, не оставивъ даже пригрозить имъ, что всѣхъ, въ случаѣ неповиновенія, зачислить въ армію пушкарями; «вамъ же, писалъ Брюсъ дьякамъ, надобно было смотрѣть и ихъ за то бить». Не трудно предположить, насколько такой судъ мало помогаль дѣлу, и только сама судьба упростила его рѣшеніе, передавъ неудовлетворенныхъ учениковъ въ другія руки: въ началѣ слѣдующаго года Гранъ умеръ и учителемъ «верхней» школы былъ назначенъ сержантъ Иванъ Рыбниковъ.

(1) Дѣла шт. г. ф., св. 10, л. 953; св. 11, л. 1037; св. 12, лл. 697, 707, 710, 845, 846, 862, 866.

Но удивительно, что, лишая такимъ образомъ учениковъ права хлопотать самимъ о себѣ, артилерійская администрація въ то же время допускала, напримѣръ, участіе мнѣнія учениковъ при выборѣ и назначеніи учителей. Еще въ 1706 году, въ дѣлѣ объ «изгнаніи» изъ школы за пьянство знакомаго намъ Спиридона Печурина и замѣня его «инженеровымъ сыномъ» (1), мы встрѣчаемъ ходатайство о назначеніи послѣдняго и со стороны самихъ школьниковъ. Только опросивъ ихъ мнѣніе, дьякъ Павловъ могъ доносить Брюсу, что ученики говорятъ, что «онѣй инженеровъ сынъ къ наукѣ имъ лучше Спиридона и по русски говорить умѣеть» (2).

Любопытно, что подобная аттестация—умѣнье школьнаго учителя говорить съ учениками по русски—имѣла въ тѣ дни громадное значеніе. Если всегда можно было найти съ такою способностью преподавателя какихъ нибудь «складовъ», часослова или письменной науки, предметовъ легко доступныхъ эрудиціи учителя, знакомаго хотя бы только съ одною грамотою, то въ пояскахъ преподавателей такихъ, мало еще знакомыхъ русскимъ того времени, сложныхъ наукъ, какъ: артилерія, фортификація, тригонометрія и вообще математика, приходилось не разъ поступаться указаннымъ обстоятельствомъ. Конечно, и среди русскихъ людей могли бы встрѣтиться лица, свѣдущія въ этихъ наукахъ, такъ, напримѣръ, молодежь, отправляемая Петромъ изъ года въ годъ «за моря», но въ большинствѣ случаевъ это была родовитая знать, которая предпочитала для себя болѣе выгоднымъ пристраиваться, по возвращеніи, къ службѣ болѣе видной, нежели учительство въ Пушкарской школѣ. На курсъ преподаванія ариометики, со всѣми ея «тройными и пятерными возвратительными правилами», еще являлись желающіе изъ русскихъ, однако нельзя не подивиться той оригинальности, что желаніе это изъявляли такіа, напримѣръ, лица, какъ «пѣвчій комнаты благовѣрной царицы Прасковія Θεодоровны», Игнатій Побѣгаловъ, или «подъячій Ближней Канцеляріи», Петръ Мартовъ. Но и ими не приходилось брезговать, и Побѣгаловъ, бросивъ свое пѣніе, а Мартовъ — подъяческій стулъ, преисправно обрѣтались при обученіи школьниковъ ариометической наукѣ; правда, Мартовъ, не забывъ старыхъ привычекъ, больше кляузничалъ и строчилъ доносы. Такимъ образомъ, кандидатами въ учителя «инженерныхъ» наукъ, какъ тогда вообще назывались всѣ науки высшаго курса, оставались исключительно иностранцы.

(1) Вѣроятно, сынъ Питера Грана.

(2) Дѣла шт. г. ф., св. 6, л. 416.

Извѣстный князь Ариката Решинъ писалъ однажды Брюсу, что-де «немногихъ видимъ изъ иноземцевъ такихъ, отъ которыхъ учиться, больше у насъ смотреть; токмо такъ мы не умѣемъ грошей собирать» (1), но едва-ли это не напраслина; иностранцы были безусловно образованнѣе русскихъ своего времени, что уже видно потому, насколько дальновидный Преобразователь спѣшилъ снабжать ихъ инструкторскими обязанностями, поручая имъ самыя сложныя отрасли дѣятельности. Тѣмъ же явились иностранцы и для школъ, но явились съ большою бѣдою, именно—отсутствіемъ знанія русской рѣчи. Правда, нашли выходъ изъ столь затруднительнаго положенія, какъ объясненія учителя съ учениками на двухъ совершенно непонятныхъ другъ другу языкахъ, учителямъ дали переводчика (2); но что это было за преподаваніе, когда учитель, приказывая своему толмачу перевести ученикамъ то или другое сложное правило, не ручался, что толмачъ перевелъ его ученикамъ въ точности, не перепутавъ, а главное не исказивъ смысла. Повѣрка знаній учениковъ шла тѣмъ же путемъ и благо было школѣ, если толмачемъ оказывался человѣкъ добросовѣстный и хотя сколько нибудь знакомый съ переводимою имъ наукою. Еще въ болѣе худшихъ условіяхъ находились школьники, отдаваемые въ науку какихъ-либо «художествъ», какъ, напримѣръ, науку инструментальнаго дѣла. Англичанинъ Яганъ Бредли, мастеръ и преподаватель послѣдняго, подавая челобитье о помѣщеніи своей школы въ «Нѣмецкой слободѣ» (3), такъ, между прочимъ, мотивировалъ причины своего ходатайства: «по русски-де онъ говорить не умѣетъ, а переводчика по англійскому взять негдѣ, а въ слободѣ, приходя къ нему по знакомству, иноземцы обѣщались ему переводить» (4). Но можно-ли было ручаться за то, насколько часто будутъ стучаться иноземцы въ двери гостепріимнаго англичанина; сколько же дней въ такомъ случаѣ ученикамъ пришлось бы сидѣть безъ науки.

Какъ бы то ни было—наука двигалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ подходилъ къ концу и 1709 годъ, когда Брюсъ почувствовалъ себя, наконецъ, свободнѣе, чтобы внимательно заглянуть въ дѣла, отданной его управленію, артилеріи; тутъ онъ вспомнилъ и о школахъ. Первымъ дѣломъ Брюса по отношенію къ нимъ было заявленіе своего

(1) Дѣла шт. г. ф., св. 8, л. 238.

(2) Что мы видимъ, напримѣръ, въ дѣлѣ о назначеніи толмача къ учителю артилерійской школы, шведу Шелонковскому. Ibid. св. 15, лл. 310, 1143, 1145.

(3) Въ Москвѣ.

(4) Дѣла шт. г. ф., св. 15, л. 310.

рѣшительнаго требованія, чтобы всѣ распоряженія по школьнымъ вопросамъ происходили исключительно только отъ него одного, о чемъ онъ и писалъ въ июлѣ къ дьякамъ Приказа Артилеріи. Отправляя къ нимъ недоросля Щепотева для зачисленія въ школу, Брюсъ строго наказывалъ: «оного недоросля ни въ которые Приказы, ни къ какимъ дѣламъ безъ письма моего не отпускать» (1); тоже подтверждать онъ вскорѣ при новой высылкѣ двухъ стольничьихъ дѣтей: Бобрещева-Пушкина и Зыбина. Наконецъ, въ декабрѣ, пріѣзжаетъ самъ въ Москву и наряду съ другими дѣлами осматриваетъ школы. Къ сожалѣнію, архивъ не даетъ прямыхъ указаній на то, чѣмъ выразилось это личное знакомство Брюса со школами, если не считать факта пожалованія личнымъ его приказомъ двухъ лучшихъ учениковъ въ бомбардиры; однако, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что, непосредственно за пріѣздомъ Брюса въ Москву, школьная жизнь замѣтно оживилась. Никогда раньше денежные вѣдомости Приказа не были такъ обильны расходами по содержанію школъ, какъ въ слѣдующемъ 1710 году. Цѣлыми партіями закупались учебные припасы, а вмѣстѣ съ ними и припасы къ ремонту школьныхъ «избъ»; акуратно значились выдачи учителямъ и ученикамъ кормовыхъ денегъ, не забытъ былъ и кашеваръ, исправно получившій свое годовое 6-ти-рублевое жалованье. Но самую важную мѣрой изъ предпринятыхъ въ этомъ году, явилось желаніе дать существованію школъ вполне прочныя и опредѣленныя основанія, дать школамъ штаты, что и было достигнуто послѣ двухлѣтней разработки этого существенно важнаго вопроса. По подтвержденной табели 1710—1712 годовъ (2), составъ учениковъ московской артилерійской школы былъ положенъ численностью въ 82 человекъ, распределенныхъ по курсамъ: словесной и письменной наукъ, ариметики, геометріи, тригонометріи, артилеріи и черченія; относительно же преподавателей строго опредѣленнаго состава положено не было, кромѣ обязательныхъ трехъ учителей; на томъ или другомъ курсѣ встрѣчались еще добавочные.

По пути многихъ дальнѣйшихъ преобразованій Брюсъ приступилъ, между прочимъ, къ постепенному выполненію одного изъ самыхъ горячихъ его желаній въ отношеніи артилерійскихъ школъ, именно, привлеченія въ нихъ недорослей изъ родовитыхъ дворянскихъ семей. До тѣхъ поръ къ опредѣленію въ артилерійскія школы

(1) Ibid. св. 12, л. 821.

(2) Дѣла сборныя, св. 175, л. 90.

поступали дѣти преимущественно низшаго служилого сословія: если же и попадались наряду съ ними дѣти дворянскія, то въ значительномъ меньшинствѣ и притомъ бѣдныхъ классовъ; вся же родовитая знать получала образованіе частью за границею, частью въ школахъ морскаго вѣдомства. Вотъ оттуда-то Брюсъ и задумалъ перетащить въ свои школы хотя нѣсколько учениковъ; предписавъ на первыхъ порахъ, вновь назначенному къ управленію Приказомъ Артилеріи, оберъ-комисару Зыбину: «какъ ни на есть добиваться, чтобъ изъ дворянскихъ дѣтей для науки въ нашу школу записывались» (1), Брюсъ вслѣдъ затѣмъ повелъ дѣятельныя хлопоты у Государя и адмирала Апраксина о переводѣ въ артилерійскую школу учениковъ изъ математико-навигаторской. Старанія Брюса увѣнчались успѣхомъ; уже въ мартѣ 1711 года были переведены въ артилерійскую школу шесть учениковъ, отправляя которыхъ къ Зыбину, Брюсъ старательно наказывалъ: «тѣхъ школьничковъ велѣтъ учить хорошенько и присматривать вамъ за ними самимъ» (2); среди переведенныхъ оказался даже одинъ князь—Степанъ Засѣкинъ. Въ 1714 году была прислана изъ адмиралтейства новая партія въ 20 человекъ, и съ этихъ поръ Брюсъ, хотя и принялъ къ себѣ въ школу ученикомъ подъячаго Луку Вострая-Сабля (sic), который «напередъ сего сидѣлъ въ Ратушѣ, а нынѣ нигдѣ не сидитъ», какъ значилось въ его челобитьи (3), но въ будущихъ кандидатахъ артилерійской школы онъ разсчитывалъ имѣть, главнымъ образомъ, учениковъ морской школы и протеръ свой искательства въ этомъ отношеніи даже къ возникшей въ то время морской академіи. Въ январѣ 1716 года переводъ изъ послѣдней 20-ти учениковъ прошелъ благополучно, никто не протестовалъ и Брюсъ, отбирая черезъ дьяковъ отъ недорослей изустныя и письменныя сказки, могъ свободно помѣчать въ вѣдомости: «что за кѣмъ изъ нихъ помѣстій и дворовъ»; всѣ оказывались хорошей фамиліи, дѣтьми владѣльцевъ крупныхъ помѣстій. Уже къ 25-му февраля имъ было предписано явиться, для опредѣленія въ артилерійскую школу, въ Москву, съ тѣмъ, что «буде кто изъ нихъ на вышеписанное число въ Москвѣ въ Приказъ Артилеріи не явится и за то учинитъ имъ смертну казнь и помѣстье и вотчины ихъ взять на великаго государя безповоротно» (4). Недоросли стали на смотръ въ Приказѣ исправно; оберъ-комисаръ Зыбинъ принялся росписывать

(1) Дѣла шт. г. ф., св. 17, л. 421.

(2) Дѣла шт. г. ф., св. 17, л. 418.

(3) Ibid., св. 21, л. 150.

(4) Дѣла сборныя, св. 3264, л. 7 (см. дѣла школьныя).

ихъ по наукамъ, а въ апрѣлѣ уже шла новая партія учениковъ академіи, все шляхтичи и царедворцы: князя Волконскіе, князь Мещерскій, Римскій-Корсаковъ, Еропкингъ, братья Колычевы и друг. Однако, на этотъ разъ, Брюса едва не постигла полная неудача, отчасти по его же винѣ, такъ какъ при выборѣ изъ академіи учениковъ онъ не испросилъ предварительно согласія адмирала Апраксина. Тотъ, оскорбившись подобнымъ самовольнымъ вмѣшательствомъ Брюса, потребовалъ учениковъ изъ артилерійской школы обратно, предписавъ замѣнить ихъ недорослями «подлаго шляхетства». «Прошу униженно, спѣшилъ извиниться и сгладить свою неосторожность Брюсъ, дабы вмѣсто оныхъ изволили приказать прислать изъ нарочитаго шляхетства, а изъ подлаго чина мнѣ принять невозможно, того ради, что въ подлагъ рѣдко амбиція бываетъ». Удовлетворенный Апраксинъ болѣе не настаивалъ: «Почтенное ваше письмо, отвѣчалъ онъ Брюсу, принялъ и по оному служить вамъ готовъ... ежели изволите, прикажу отдать изъ нарочитаго шляхетства изъ петербургскихъ школъ, токмо не изъ такихъ фамилій, какъ отданы были прежніе».

Мы нарочно привели эту переписку ⁽¹⁾, чтобы показать, насколько дѣйствительно настойчивымъ было стремленіе Брюса поднять значеніе своихъ школъ въ средствахъ образованія арміи. Не въ однихъ пушкаряхъ, бомбардирахъ и сержантахъ, какими чинами выходили до сихъ поръ въ службу питомцы артилерійской школы, нуждалось войско, ему нужны были также дѣятели и въ офицерскихъ чинахъ; этого-то и добивался энергичный генераль-фельдцейхмейстеръ, привлекая къ прохожденію курсовъ, управляемой имъ, школы сословіе, болѣе способное подъ офицерскій мундиръ артилериста и инженера.

Но не мало заботъ причинили Брюсу излюбленные имъ «нарочитые» недоросли. Школьный порядокъ, установившійся обычаемъ многихъ лѣтъ по отношенію, хорошо укладывавшейся подъ всякія требованія, невзыскательной среды пушкарскихъ дѣтей и безпомѣстныхъ дворянъ, оказывался уже не подходящимъ для школьниковъ, окруженныхъ толпою слугъ, цѣлыми конюшнями собственныхъ лошадей, и при всемъ томъ обладавшихъ, такъ интересовавшею Брюса, «амбиціей». Здѣсь нужны были иные педагогическіе приемы, иная администрація; прежней справиться съ ними оказывалось труднымъ; школамъ пришлось дать другое управленіе, чѣмъ учительская расправа надъ учениками, и къ завѣдыванію ими Брю-

(1) Дѣла шт. г. ф., св. 70, лл. 31, 33 (1717 г.).

сомъ, въ томъ же 1717 году, былъ приставленъ опытный руководитель, капитанъ Андрей Брунцъ (1). Эта мѣра оказывалась кстати, такъ какъ баричи-недоросли возбуждали жалобы даже своею частною жизнью. Вотъ что, напримѣръ, читаемъ мы въ одномъ изъ донесеній Брюсу того же Брунца, поданномъ имъ незадолго до своего назначенія въ школу: «Поставлено изъ Приказу Артилеріи, писать онѣ, въ Пушкарскую слободу на квартиры изъ дворянскихъ дѣтей школьничковъ 21 человекъ, и стоять они съ женами и слугами и держать у себя лошадей по четыре, отъ которыхъ не токмо тѣснота есть, но и разореніе чинится; отчего многіе хозяева въ иныя слободы вышли» (2).

Любопытное замѣчаніе Брунца о женахъ школьничковъ было въ тѣ времена явленіемъ слишкомъ обыкновеннымъ и не однихъ дворянскихъ недорослей, по возвращеніи изъ школы, встрѣчала семья, была она и у прочихъ учениковъ; случалось даже, что въ школьныя вѣдомости попадали одновременно и ученикъ-отецъ и ученикъ-сынъ, вмѣстѣ тянувшихъ за учителемъ на распѣвъ обычное «шебашъ», выкрикиваемое по окончаніи урока (3). «Всемиловѣйшій Государь, — бьютъ челомъ, напримѣръ, школьники, — просимъ Вашего Величества, веди, Государь, намъ, рабомъ твоимъ, для отправленія въ Санктъ-Петербургъ, матерямъ нашимъ и женамъ и дѣтямъ, чтобъ оставтъ хотя на первый часъ, чѣмъ пропитатися, одеждою и обувью намъ искупиться и харчомъ подняться, выдать твое, великаго Государя, жалованье и кормовыя деньги» (4). Или, принявъ высланныхъ Зыбинымъ двухъ учениковъ, для отправленія къ наукѣ пушечнаго литья въ Гданскъ, Брюсъ сѣтуетъ ему, что одинъ изъ присланныхъ школьничковъ оказался женатымъ, «чего вамъ дѣлать не надлежитъ и возможно было прислать холостого» (5). Словомъ, женатые ученики составляли явленіе, вполне признанное школьными традиціями, да и нельзя было его не признавать пока. Мы уже видѣли, что въ школу забирались ученики часто подъ 20 и болѣе лѣтъ; многіе изъ нихъ уже успѣвали обзавестись семьею до поступленія въ науку, остальныхъ же побуждала къ тому многолѣтняя волокита послѣдней. Опре-

(1) Дѣла шт. г. ф., св. 27, лл. 151, 189, 190.

(2) Ibid., св. 25, л. 124.

(3) Дѣла сборныя, св. 3264, лл. 354—360. См. вѣдомость школьныхъ учениковъ; «инженерный ученикъ» Петръ Васильевъ, «инженерной науки ученической сынъ» Данила Васильевъ.

(4) Дѣла арсен., св. 6, л. 554.

(5) Дѣла шт. г. ф., св. 27, л. 291.

дѣленности срока курсоваго обученія въ тѣ далекіе отъ насъ дни не существовало, каждый проходилъ ту или другую науку какъ и насколько позволяли то его способности, успѣшность занятій была единственнымъ мѣриломъ продолжительности пребыванія учениковъ въ школѣ. Послѣднее оказывалось иногда настолько затянувшимся, что бывали случаи, когда ученикъ, сходя со школьной скамьи, ею же и заканчивалъ свою общественную дѣятельность въ званіи «отставнаго школьнаго ученика». Необыкновенно курьезна въ этомъ отношеніи исторія съ ученикомъ Яковомъ Назаровымъ. Вступивъ въ школу еще въ 1703 году, онъ успѣлъ выбраться до окончанія всей школьной премудрости только къ 1722 году, т. е. по прошествіи почти двадцати лѣтъ, когда уже припелъ въ полную негодность къ опредѣленію на службу. Растерялъ-ли онъ свои силы подъ гнетомъ, такъ трудно постигнутой имъ, науки, или то сдѣлали его 40 лѣтъ, какими предсталъ онъ на смотръ по выходѣ изъ школы, но комисія, принимавшая учениковъ въ службу, увидѣвъ его, могла только заявить, что оный Яковъ Назаровъ «въ службѣ быть не годенъ, понеже глухъ и глазами худо видитъ» (1). Впрочемъ, Назаровъ успѣлъ, хотя и за 20-ти-лѣтнее пребываніе въ школѣ, пройти весь цыклъ наукъ, положенныхъ програмою, а бывали и тому примѣры, что ученикъ просиживалъ почти по стольку же лѣтъ и ничего не знали кромѣ азбуки. Ученикъ Данила Васильевъ, папримѣръ, постигъ всю нехитрость послѣдней только на девятый годъ своего пребыванія въ школѣ, заслуживъ при этомъ, пожалуй, вполне законно, хроническую аттестацию: «къ наукѣ весьма тупъ» (2).

Однако, не одни способности учениковъ вліяли на успѣшный ходъ школьныхъ занятій, не малую роль въ этомъ отношеніи игралъ самый методъ преподаванія. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь же подробно разъяснить этотъ весьма интересный вопросъ, имѣвшій столь важное значеніе для школьной жизни того времени; укажемъ лишь, что пріемъ преподаванія ученикамъ научныхъ свѣдѣній былъ даже въ самыхъ простыхъ случаяхъ крайне сложнымъ, заставляя ученика задалбливать, вмѣстѣ съ объясненіями того или другаго положенія, цѣлую громаду совершенно бесполезнаго хлама, въ формѣ стиховъ, витіеватыхъ разсужденій и тому подобнаго» (3). Свѣтскія школы перваго времени не могли въ этомъ отношеніи отдѣлать-

(1) Дѣла сборныя, св. 174. л. 1.

(2) Дѣла полковныя, св. 3303. «Репорты о артилерійскихъ ученикахъ».

(3) Для заучиванія этого баласта подагалось даже спеціальное время, отводимое необходимости «твердить».

ся отъ вліянія школъ духовныхъ, славившихся еще долго спустя своимъ схоластическимъ методомъ преподаванія. Благодаря указанному обстоятельству, не будемъ удивляться слѣдующему случаю съ ученикомъ словесной школы Петромъ Свистовымъ. Заучивъ въ шесть лѣтъ азбуку, Свистовъ перешелъ къ изученію часослова, но, за «тверженіемъ» послѣдняго наизусть, успѣлъ совершенно забыть первую, и вотъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, читаемъ, что онъ «за его во ученіи непонятностью, снова началъ учить азбуку»; надъ нею Свистову пришлось просидѣть еще четыре года. Такимъ образомъ, на изученіе одной азбуки ушло въ общей сложности 10 лѣтъ, не считая уже трехъ, потерянныхъ за часословомъ (1).

Возвращаясь къ вопросу о бракахъ учениковъ, мы должны, однако, отмѣтить, что это обстоятельство сильно не нравилось Брюсу; жена для школьника, а тѣмъ болѣе дѣти, въ его глазахъ представлялось явленіемъ ненормальнымъ, невольно отвлекавшимъ женатыхъ учениковъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей къ школь. По мнѣнію Брюса, должно было, чтобы ученикъ «ни о чемъ иномъ поначеніе имѣлъ, но болѣе прилежалъ бы къ ученію своему» и генераль-фельдцейхмейстеръ успѣшилъ положить предѣлъ развитію браковъ между школьниками. Въ октябрѣ 1717 года состоялось его частное распоряженіе: «школьниковъ артилерійскихъ до жепидьбы безъ вѣдома моего никого не допускать» (2), а въ 1723 году было опубликовано, что «по 77 артикулу школьникамъ во всѣхъ наукахъ, какъ артилерійскихъ, такъ и инженерныхъ, безъ указа Главной Артилеріи отнюдь не жениться, подъ штрафомъ бытія трехъ лѣтъ въ каторжной работѣ» (3).

Но, отнимая у учениковъ право на вступленіе въ бракъ, до окончанія ими школьнаго курса, приходилось естественно озаботиться о лучшемъ урегулированіи послѣдняго, чтобы указанною волокитою не отнимать у нихъ лучшихъ лѣтъ жизни. Попытка включить съ этою цѣлью въ какія-либо опредѣленные рамки продолжительность прохожденія той или друкой науки составила бы тщетныя хлопоты; оставалось только возможнымъ предпринять что-либо по отношенію возраста учениковъ, ограничивъ, на примѣръ, приемъ въ школу предѣломъ не выше извѣстнаго количества лѣтъ. Это и было достигнуто распоряженіемъ Брюса объ опредѣленіи въ школу недорослей только до 15-ти-лѣтняго возраста; выше этихъ лѣтъ предписывалось зачислять прямо въ службу.

(1) Дѣла полковныя, св. 3303. «Репорты о артилерійскихъ ученикахъ».

(2) Дѣла шт. г. ф., св. 27, л. 291.

(3) Дѣла генер. повѣтъя, св. 649, л. 496.

Пока Брюсъ хлопоталъ объ этомъ существенно важномъ вопросѣ, снабжая то Приказъ Артилеріи, то Брунца инструкціей за инструкціей, прежнія какъ бы забывались. Прекратившіяся было съ запрещеніемъ фельдцейхмейстера разсылки учениковъ по командировкамъ, спустя нѣсколько лѣтъ, возобновились снова. Такъ, въ декабрѣ 1716 года, мы встрѣчаемъ челобитіе школьнаго ученика Ярышкина, гдѣ, ходатайствуя о выдачѣ жалованья, онъ пишетъ, что посылають-де его изъ Приказа Артилеріи въ Смоленскъ «для разбивки пушекъ и привозу ихъ къ Москвѣ»; другой школьникъ Василій Селецкой въ томъ же году ѣдетъ «въ провожатыхъ за рекруты» въ походную армію; мѣсяць спустя командируютъ еще ученика въ Сѣвскъ съ табунномъ лошадей, о чемъ, наконецъ, узнаетъ Брюсъ. «Дивуюсь я, гнѣвается снова на Приказъ фельдцейхмейстеръ, для чего вы оныхъ школьниковъ съ Москвы посылаете... и вамъ впредь ихъ безъ письма моего никуда не посылать» (1). Оберъ-комисарь Зыбинъ послѣшилъ съ оправданіями, донося, что «новопокупныя табунныя лошади посланы въ Сѣвскъ съ школьниками того ради, что въ Москвѣ офицеровъ и утеръ-офицеровъ никого нѣтъ, кромѣ одного капитана, да поручика» (2); Брюсъ тѣмъ не менѣе не отмѣнилъ своего распоряженія, запретивъ даже отпускать учениковъ по ихъ личнымъ надобностямъ.

Вопросъ объ отпускахъ школьниковъ до сихъ поръ былъ очень простъ; являлась школьнику надобность «отбыть на срокъ для своихъ необходимыхъ нуждъ отъ школы», его по челобитію увольняли, отобравъ, впрочемъ, «добрыя поруки по немъ въ статье на урочное число» и реверсъ съ угрозою потерянія живота и даже смертной казни, въ случаѣ неявки. Случалось, что отпущенный иногда просрочивалъ свою явку, но и это обстоятельство улаживалось возможно проще; ученика разыскивали черезъ мѣстныхъ воеводъ, выписывали въ Москву въ школу и здѣсь, вмѣсто всякихъ отнятій живота и пр., наказавъ «по школьному обычаю», т. е. побивъ виновнаго при собраніи всѣхъ его товарищей «батогами» или «длинными дозами», по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, сажали на школьную скамью, а въ случаѣ будущихъ нуждъ не отказывали новому челобитію объ отпускѣ. Увольнялись въ отпускъ иногда разомъ по нѣсколько человекъ; въ ученическихъ же спискахъ, подаваемыхъ отъ школы Брюсу, противъ фамилій отпущенныхъ, прописывалась лишь

(1) Два шт. г. ф., св. 25, л. 136.

(2) Ibid., св. 27, л. 12.

короткая отмѣтка: «въ деревнѣ». Но случилось, что въ одномъ изъ такихъ списковъ, подавшемъ въ июнѣ 1717 года, помянутая помѣтка, какъ нарочно, пришлась противъ фамилій, такъ много интересовавшихъ Брюса, дворянскихъ дѣтей; эта случайность и прекратила собою право учениковъ на отпуска. Немедленно же послѣдовало распоряженіе: «школьниковъ артилерійскихъ съ Москвы въ деревни отнюдь не отпускать, а ради запасовъ оныя въ деревни свои могутъ людей своихъ посылать и писать» (1), и напрасно уже Брунцъ, пересылая Брюсу челобитья артилерійскихъ школьниковъ объ отпускѣ, доносилъ, что «указываютъ-де они противъ другихъ школъ, а именно: на инженерную, на математическую и на латынскую школы и ожидаютъ они отъ вашего превосходительства повелительнаго указа» (2); разрѣшенія не послѣдовало, вмѣстѣ же съ отпусками дворянскихъ дѣтей, были запрещены отпуска и всѣмъ прочимъ ученикамъ.

Послѣднее распоряженіе Брюса едва ли не было и послѣднею заботою его въ интересахъ благоустройства московской артилерійской школы. Съ одной стороны, отвлекаемый возложенною на него миссіею веденія переговоровъ съ Швеціею по заключеніи мира, съ другой, занимаясь устройствомъ, вновь учреждаемой подъ его президентствомъ, Бергъ-Коллегиі, но, главнымъ образомъ, отдавшись всецѣло мысли организовать на болѣе широкихъ началахъ другую артилерійскую школу въ Петербургѣ, гдѣ постоянно находился онъ самъ, Брюсъ сильно охладѣлъ къ судьбѣ московскихъ учениковъ. Уже не было въ его отвѣтахъ на донесенія Приказа по школьнымъ вопросамъ того вниманія и привычной дьякамъ настойчивости. Стоило, напримѣръ, Зыбину прежде, въ 1714 году, донести Брюсу, что школьные ученики просятъ о жалованьи и «ежели имъ того жалованья не выдать, то мною, что всѣ разбредутся», какъ Брюсъ приказывалъ, немедля же, его выдать; несмотря даже и на то, что по Государеву повелѣнію было запрещено въ этомъ году давать кому-либо жалованье, кромѣ служилыхъ чиновъ (3). Теперь же, напрасно Приказъ Артилеріи подъярьдъ три раза доносилъ, что «ученики нынѣ намъ о жалованьи бьютъ челомъ слезно, непрестанно и неотступно и приносятъ всѣ жалобу, что весьма одолжали, а паче школьники словесной школы, понеже есть самыя бѣдныя, а иные многіе есть большыя

(1) Дѣла шт. г. ф. св. 27, л. 32.

(2) Ibid., л. 190.

(3) Дѣла шт. г. ф. св. 21, лл. 20, 28.

и приходять иные и просятъ слезно, что пить и есть имъ нечего» (1); до Брюса, быть можетъ, ни одно изъ этихъ доношеній и не доходило, такъ какъ переписка съ Москвою велась уже отъ его имени черезъ Петербургскую Артилерійскую Канцелярію. Хорошо еще, если находились такіе школьники, какъ Никифоръ Павловъ, который не постѣснился самъ «прибрѣсти» въ Петербургъ для подачи челобитья о жалованьи, рѣшительно предупреждая въ немъ, «дабы ему въ наукѣ голодомъ и холодомъ не умереть» (2). Прежде, когда Брюса интересовала школа, онъ писалъ майору Преображенскаго полка Андрею Ушакову (3): «Увѣдомленъ я отъ артилеріи капитана Брунца, что выбраны къ вашему благородію на Потѣшный Дворъ артилерійскихъ школьниковъ девять человекъ, за которыми помѣстья и вотчинъ нѣтъ и отцы ихъ служивали въ солдатѣхъ и въ подьячихъ и до школы кормилися они Христовымъ именемъ, и я вашего благородія прошу, чтобы изволили меня увѣдомить, по какому указу оныхъ изволите брать и въ какой образъ. И надлежало бы вашему благородію о томъ дать мнѣ знать и аще за ними какіе интересы его царскаго величества касаются, то бы я могъ приказать вамъ ихъ отдать» (4). Теперь же, не спрашивая даже Брюса, списавшись только съ Артилерійской Канцелярією, Приказъ командируетъ съ продолжительнымъ порученіемъ одного школьнаго ученика изъ тѣхъ же дворянскихъ дѣтей, Алексѣя Кисарова.

Впрочемъ, вскорѣ самъ Брюсъ открыто заявилъ о своемъ охлажденіи къ московской школѣ, отобравъ ея управителя Брунца и его двухъ преемниковъ, въ теченіе лишь одного года, капитановъ Кохона и Витвера въ Петербургъ. Такимъ образомъ, московская артилерійская школа снова оказалась безъ ближайшаго руководителя, снова ученики ея были отданы въ безконтрольное распоряженіе учителей и стѣспеннаго въ своихъ полномочіяхъ Приказа. Значеніе ея упало, уступивъ таковое школѣ петербургской, куда вскорѣ же были переведены Брюсомъ и всѣ дворянскія дѣти; учениками въ Москвѣ остались исключительно дѣти пушкарскихъ, низшихъ чиновъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, повело и къ измѣненію программы школьнаго курса. Послѣдній для московской школы ограничивался только «словесными» науками и небольшимъ объемомъ математики; спеціальное и

(1) Ibid. св. 31, л. 127; св. 70, лл. 301, 314 (1719 г.).

(2) Дѣла арсенал. св. 11, л. 185.

(3) Известному впоследствии начальнику розыскной тайной канцеляріи.

(4) Дѣла шт. г. ф. св. 27, л. 250.

высшее артилерійское образованіе Брюсь рассчитывалъ давать ученикамъ въ Петербургѣ, гдѣ уже въ 1720 году дѣйствуетъ правильно организованная школа съ соединенными курсами артилерійскихъ и инженерныхъ наукъ. Это—Петербургская Артилерійская и Инженерная школа, отданная подъ дирекцію генераль-маіора Де-Кулона.

Здѣсь мы и закончимъ настоящую статью, такъ какъ московская школа въ своей дальнѣйшей жизни потеряла свою самостоятельность.

Димитрій Струковъ.

ПО ВОПРОСУ О СТРѢЛЬБѢ СЪ КОНЯ (¹).

I.

Боевая стрѣльба съ коня.

Вопросъ о стрѣльбѣ съ коня не новъ. Онъ возбуждался въ нашихъ военныхъ сферахъ неоднократно, о немъ часто вели сужденія люди, заинтересованные успѣхами конницы, въ немъ принимала участіе военная литература, но затѣмъ, когда на очередь выдвигались вопросы бѣльшей важности, вопросъ о стрѣльбѣ конницы съ коня сходилъ съ очереди, а потомъ мало-по-малу совсѣмъ забывался.

Высочайше утвержденный 16-го апрѣля сего года образецъ новой патечной магазинной винтовки уменьшеннаго калибра и патрона къ ней, съ одной стороны, и окончешное перевооруженіе въ западныхъ государствахъ съ другой, не могутъ не оказать вліянія на тактику войскъ вообще и на тактику кавалеріи въ частности. По мнѣнію многихъ кавалеристовъ, вопросъ о стрѣльбѣ съ коня нельзя оставить въ настоящее время безъ разрѣшенія, въ виду того, что полевая служба кавалеріи въ будущихъ войнахъ, при повторительной винтовкѣ съ большимъ количествомъ патроновъ, неминуемо разовьетъ самостоятельныя дѣйствія кавалеріи впереди арміи. Обязанность эта, всегда лежавшая, въ большей долѣ, на *казачьихъ* частяхъ, несомнѣнно еще болѣе разовьется и приобрѣтетъ значеніе въ будущемъ.

По нашимъ строевымъ уставамъ, стрѣльба съ коня существуетъ только для одиночныхъ наѣздниковъ и для сторожевыхъ на аванпостахъ; стрѣльба же съ коня изъ развернутаго строя передней шеренги, а также и изъ лавы залпами, приобрѣтающая при скорострѣльномъ оружій особую важность, не введена въ курсъ обученія конницы. Тѣмъ не менѣе, этотъ пріемъ, какъ кавказскій обычай, практикуется иногда

(¹) Переносъ на страницы «Военнаго Сборника» статьи по вопросу о стрѣльбѣ кавалеріи съ коня, мы имѣемъ въ виду дать читателямъ матеріалъ для болѣе подробнаго ознакомленія съ разносторонними мнѣніями по этому дѣлу. *Ред.*

у кавказскихъ казаковъ, а также и у кавказскихъ драгунъ. Такъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, во время ученій, у драгунъ, по старой памяти, не обходится безъ того, чтобы какой либо лихой эскадронъ не продѣлалъ приема залповой стрѣльбы съ коня и вслѣдъ затѣмъ стремительной атаки.

Чтобы оправдать основаніе, почему кавказскіе драгуны продолжаютъ удерживать обычай стрѣльбы съ коня во всѣхъ положеніяхъ, постараемся въ сжатой формѣ разсказать кое-что изъ казачьяго боевого опыта продолжительной кавказской войны.

Боевые качества кавказскихъ линейныхъ казаковъ въ 20-хъ и особенно 40-хъ и 60-хъ годахъ достигли своего полнаго развитія. Горцы, упорно отстаивавшіе свою независимость, свое бытовое существованіе, практическими упражненіями въ ежедневной борьбѣ достигли также въ этотъ періодъ изумительной ловкости и боевой опытности. Если наши войска стройностію и порядкомъ сокрушали непреодолимые препятствія, то и горцы въ свою очередь изумляли насъ своею находчивостію и особенно своими лихими налетами, всегда сопровождавшимися завѣтнымъ выстрѣломъ изъ однозарядной винтовки. Такія взаимныя упражненія между казаками и горцами, практическая стрѣльба съ коня и моментальное спѣшиваніе для обороны изъ подъ закрытія сбатованными лошадьми сдѣлали попеременно винтовку и пашку въ рукахъ казака и горца легкою забавою, не требующею напряженій и не причиняющую никакихъ замѣшательствъ, встрѣчаемыхъ у людей, мало занимающихся практическими на конѣ приѣмами съ оружіемъ. Между горцами и казаками бывали жестокія схватки въ рукопашную и, не смотря на то, что тогда оружіе заряжалось съ дула, лихому налету предшествовалъ всегда послѣдній ружейный выстрѣлъ въ противника, иногда даже въ упоръ; затѣмъ, очутившаяся за плечами винтовка моментально замѣнялась въ рукахъ острой пашкой, которая довершала остальное. На случай обороны или преслѣдованія оставался завѣтный патронъ тоже въ однозарядномъ кремневомъ пистолетѣ, который выпускался въ крайнемъ случаѣ либо для обороны, либо достигалъ уходящаго непріятеля, отбивающаго ударъ пашки. Въ такихъ спѣшкахъ не всегда были одни изрубленные пашками: при повѣркѣ убитыхъ и раненыхъ много насчитывалось съ обѣихъ сторонъ павшихъ отъ пуля.

Этимъ мы не исключаемъ возможности въ иныхъ случаяхъ опрокинуть непріятеля неожиданнымъ налетомъ и съ однѣми пашками. Конечно, нельзя не преклоняться предъ существующимъ еще традиціоннымъ мнѣніемъ лихихъ кавалеристовъ: истреблять противника

быстрымъ налетомъ, хотя бы съ потерюю половины части, идущей въ бой; но на такія жертвы можно рѣшиться въ крайности, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если бы предвидѣлось, что эти жертвы могутъ въ такой мѣрѣ парализовать противника, что онъ надолго не въ состояніи будетъ вступать съ нами въ бой. Но и столь рѣшительныя мѣры не всегда бываютъ удачны. Подъ Вёртомъ, когда маршалъ Макъ-Магонъ пустилъ въ атаку всю свою кавалерію сабельниковъ, думая сломить пруссаковъ лихимъ налетомъ, французская конница до того была истреблена огнемъ противника изъ игольчатыхъ тогда ружей, что затѣмъ уже во всю кампанію не принимала въ ней виднаго участія. Мы знали потомъ по извѣстіямъ съ театра войны, что нѣмецкіе уланы шествовали впереди арміи, какъ на маневрахъ; читали, что ихъ небольшіе развѣзды показались у Вердюна, далеко впереди арміи, и затѣмъ узнали и то, что четыре улана заняли г. Нанси.

Съ другой стороны говорятъ: все же лихой наѣздникъ съ саблею лучше плохаго конника, хотя бы стрѣлка съ винтовкою. Но такихъ сравненій дѣлать нельзя. Пріятно видѣть во фронтѣ лихаго наѣздника съ саблею, еще пріятнѣе имѣть весь фронтъ изъ такихъ лихихъ сабельниковъ состоящей; но, спрашивается, отъ чего же этимъ ловкимъ сабельникамъ не быть при томъ и хорошими съ коня стрѣлками. Существуетъ мнѣніе, что стрѣлкомъ долженъ быть только пѣхотинецъ и что нельзя сдѣлать изъ хорошаго наѣздника-сабельника хорошаго пѣхотинца, и обратно. Такое мнѣніе невѣрно: наши драгуны хорошіе стрѣлки-пѣхотинцы, и въ то же время лихіе конники-стрѣлки.

Что касается нашихъ липейныхъ казаковъ, получающихъ зачатки боеваго дѣла дома, то, за малыми исключеніями, лучшіе стрѣлки въ пѣшемъ строю—лучшіе и наѣзники на конѣ. Офицеры знаютъ ихъ еще малолѣтками въ станицѣ и при разсчетѣ сотни или эскадрона такъ уже и принято, что хорошій стрѣлокъ никогда не попадетъ въ коноводы: онъ всегда либо пѣшій стрѣлокъ, либо конный наѣздникъ. Слѣдовательно, если бы въ подражаніе этому исконному кавказскому казачьему обычаю, существующему также у кавказскихъ драгунъ, мы стали бы лучшихъ конниковъ обучать мѣткой стрѣльбѣ съ коня прежде въ одиночку, а потомъ залпами изъ фронта, развѣ они стали бы отъ этого обученія хуже владѣть саблею? Смѣло скажемъ нѣтъ. Это доставитъ имъ возможность достигать еще большаго совершенства владѣнія холоднымъ оружіемъ; такой кавалеристъ, при внезапной встрѣчѣ съ непріятелямъ не засуетится, не растеряется, онъ тотчасъ сообразитъ, какимъ оружіемъ лучше угостить назойливаго

противника, и неспособенъ испугаться никакого врага. Вотъ изъ такихъ-то прежде всего въ одиночку обученныхъ людей и желательно составлять строевыя конныя части; вотъ съ такими-то людьми съ увѣренностью можно идти на самые отважные подвиги.

Безчисленныя встрѣчи съ нашими горцами, ловкими конниками и единственными преемниками когда-то столь грозныхъ и опустошительныхъ для всей Европы азіатскихъ полчищъ, наводятъ насъ на слѣдующія размышленія. Представимъ себѣ въ будущемъ, при скорострѣльномъ оружій, встрѣчу при равныхъ условіяхъ двухъ полковъ конницы. Изъ нихъ одинъ лихой полкъ, владѣющій хорошо на конѣ саблями и даже пиками, а другой безъ пикъ, но хорошо обученный стрѣльбѣ съ коня. Первое, чѣмъ должна начаться, по нашему мнѣнію, борьба, между ними—это убійственный односторонній огонь залпами изъ фронта и мѣткій огонь изъ цѣпи одиночныхъ наѣздниковъ, по возможности тѣсно охватывающихъ фланги. Какъ бы проворно полкъ пиконосцевъ-сабельниковъ ни выходилъ изъ дефіле, или какъ бы ни стремился приблизиться къ стрѣляющему полку другими путями⁽¹⁾, большая движущаяся масса копницы сабельниковъ или пиконосцевъ представляетъ такую огромную мишень, которая не можетъ не терять отъ учащеннаго огня стрѣлковъ-конниковъ, увѣренно осыпающихъ противника мѣткимъ свинцовымъ дождемъ. Конники-стрѣлки не побоятся смѣлаго приближенія мѣтко обстрѣливаемого ими противника, ясно сознавая, что противникъ не успѣетъ дойти до нихъ цѣликомъ и что многіе будутъ перестрѣляны ранѣе столкновения, а съ остальными расправа будетъ уже легче.

Допустимъ другой случай (при этомъ мы беремъ казачій полкъ при встрѣчѣ съ полкомъ западной кавалеріи), что нашъ полкъ не успѣлъ достаточно ослабить противника огнемъ; но вѣдь тогда ему нѣтъ и надобности принимать атаки, не вѣрно рассчитанной. Онъ всегда⁽²⁾ успѣетъ отойти на столько, что съ успѣхомъ можетъ продолжать начатое имъ дѣло обстрѣливанія. Что станетъ дѣлать пиконосный полкъ? Противникъ атаки не принимаетъ, а догнать себя не даетъ^(?) и продолжаетъ стрѣлять; между тѣмъ, ряды пиконосцевъ-сабельниковъ рѣдѣютъ, въ особенности, если предприимчивый противникъ-стрѣлокъ, воспользовавшись пересѣченной мѣстностью, рассыплетъ по флангамъ густыя цѣпи и разовеетъ одиночный огонь въ подспорье стрѣльбѣ изъ фронта. Положеніе пиконоснаго полка мо-

⁽¹⁾ Вся Европа воздѣлана, изрыта и изрѣзана всевозможными прегражденіями, поэтому нельзя рассчитывать на гладкое поле, а скорѣй надо считаться съ большими препятствіями.

жетъ сдѣлаться критическимъ; въ лучшемъ случаѣ полкъ сабельниковъ спѣшивается и въ свою очередь осыпаетъ противника огнемъ; но тогда онъ бездѣйствуетъ, не выполнивъ своей задачи, ибо стрѣлковый полкъ не пропускаетъ его впередъ и слѣдовательно лишается возможности достигнуть предположенной цѣли; между тѣмъ, время потеряно, и обстоятельства легко могутъ измѣниться въ пользу стрѣлковъ-конниковъ; сабельники же съ несомнѣнно большою потерю принуждены будутъ отступить.

Такие результаты встрѣчи двухъ противоположно обученныхъ полковъ не суть теоретическія гаданія; по крайней мѣрѣ, для насъ они составляютъ вопросъ практически давно разрѣшенный и не оставляющій сомнѣнія въ его подтвержденіи при первомъ случаѣ. Допустимъ, что атака конниками-стрѣлками принята даже при недостаточно хорошо обстрѣленномъ непріятель-сабельникѣ, но что же изъ этого? Гдѣ же указаніе, что съ шашками въ рукахъ стрѣлкі-наѣзники будутъ слабѣе; напротивъ, повторяемъ здѣсь, что лучший стрѣлокъ есть и лучший наѣзникъ—и онъ всегда успѣетъ встрѣтить атаку атакою съ шашкою въ рукѣ и съ закинутою за плечо винтовкою, дѣйствовавшею губительно до послѣдняго момента. У сабельниковъ несомнѣнно будетъ недочетъ во фронтѣ еще ранѣе встрѣчи, а между тѣмъ нетронутые огнемъ стрѣлки-конники съ большою увѣренностью ринутся на встрѣчу и вотъ въ этотъ-то именно моментъ они и покажутъ, что и ихъ шашки не хуже сабель противника.

Согласимся даже съ возможностью, что полкъ сабельниковъ успѣшно атаковалъ полкъ стрѣлковъ-конниковъ и начинаетъ схватку. Преслѣдованіе всегда сопряжено со строемъ разсыпнымъ и вотъ тутъ-то и произойдетъ единоборство. Сильные лишь въ сомкнутомъ строѣ пиконосцы, рѣшившіеся на единоборство, неминуемо передаютъ добровольно всѣ выгоды боя опять на сторону стрѣлковъ-наѣзниковъ и въ этомъ случаѣ, вслѣдъ за пріостановкою атаки пиконосцевъ, пораженіе ихъ вновь стрѣлками наѣзниками очевидно.

Если бы, не ограничиваясь примѣрами кавказской войны, нужно было указать на европейскую кавалерію, то и тамъ лучшая венгерская кавалерія, при встрѣчѣ въ 1849 году съ нашими линейными казаками, подвергалась той же участи. Лихой налетъ, залпъ и рубка не разъ изумляли венгерцевъ. У насъ на Кавказѣ еще до сихъ поръ живы старіки, участники этой кампаніи, которые рассказываютъ, что венгры даже жаловались тогда на варварскіе удары отточенными шашками отъ плеча до пояса. Но если въ рукахъ наѣзника-стрѣлка винтовка и при однозарядномъ выстрѣлѣ была ему подмогою передъ

самою схваткою холоднымъ оружіемъ, то что же можно сказать о скорострѣльной, особенно повторительной, винтовкѣ въ рукахъ такого лихаго конника-стрѣлка.

Вотъ рядъ положеній, въ которыхъ мы вѣримъ, убѣжденные въ правотѣ нашихъ воззрѣній опытомъ минувшаго, даже съ оружіемъ однозаряднымъ. Но наши убѣжденія окрѣпнуть еще болѣе, если мы будемъ имѣть въ нашихъ рукахъ людей, вполнѣ обученныхъ правильной стрѣльбѣ съ коня при оружіи скорострѣльномъ. Такіе конники-стрѣлки всегда будутъ имѣть перевѣсъ надъ пиконосцами-сабельниками, будучи и сами сабельниками и въ то же время увѣренными стрѣлками, въ одиночку ли, въ сомкнутомъ ли строѣ, или даже и пѣшими. Такая часть, предоставленная самой себѣ, не побойтся удалиться на всякое разумное разстояніе отъ своей арміи, для того, чтобы не давать покоя противнику ни днемъ, ни ночью, и такая лихая конница стрѣлковъ всегда будетъ грозою для противника, утомляя его ежеминутнымъ ожиданіемъ губительнаго налета.

Положимъ, что отважные конники-стрѣлки рискуютъ и сами попасть въ западню; но для такой части, имѣющей хорошую боевую снайку, все же гораздо легче отбиваться отъ врага, даже и пѣшими, особенно за закрытіемъ своими лошадьми. Изъ массы примѣровъ извѣстно, что когда конная единица вѣрится въ себя, то и спѣшенная всегда успѣваетъ отбиваться отъ превосходнаго численностію непріятели. Вѣдь удержалась же одна сотня гребенцовъ въ Акбулатъ-юртѣ въ 1846 году съ Суловымъ отъ скопища въ 1,500 человекъ въ продолженіи 4-хъ часовъ; правда, что отъ сотни мало осталось въ живыхъ и боролись почти одни раненые, но побѣда все же осталась за храбрыми, увѣренными въ самихъ себѣ защитниками: къ нимъ на пальбу успѣло подойти подкрѣпленіе и выручило лихую сотню. Въ 1863 году, во время возстанія въ Польшѣ, развѣ дешево продали себя линейные казаки, сколько помнимъ, въ числѣ около 25-ти человекъ съ ротмистромъ Граббе, защищаясь сперва въ сараѣ, а затѣмъ на католическомъ кладбищѣ, куда принуждены были перейти изъ зажженнаго повстанцами сарая; тутъ они были взяты въ плѣнъ тогда, когда ихъ оставалось уже трое или четверо—всѣ раненые. Урядникъ Евтушенко въ 1863 году, на правомъ флангѣ, съ командою въ 75 человекъ, когда всѣ офицеры были перебиты, развѣ не просидѣлъ въ горной пещерѣ безъ воды и пищи пять дней, храбро отбиваясь отъ окружавшаго скопища горцевъ? Въ Баязетѣ также дѣло не обошлось безъ участія казаковъ, гдѣ они, на ряду съ другими войсками, самостоятельно отстояли порученный ихъ исключи-

тельной защитѣ фасы. Но вѣдь эти пѣшіе бойцы—тѣ же самые смѣлые конники-стрѣлки, которые не разъ своею удалею на конѣ дивили врага и радовали свое начальство.

Но умеруть старые бойцы, умереть съ ними и старое преданіе владѣть на конѣ съ одинаковымъ совершенствомъ и пашкою, и винтовкою. Жаль будетъ, когда не сохранится, въ назиданіе потомству, этотъ полезный въ бою пріемъ, столько разъ пролагавшій путь къ славнымъ побѣдамъ нашимъ кавказскимъ конникамъ, безразлично и казакамъ, и драгунамъ.

Въ заключеніе остается сказать, что теперь, когда наша регулярная кавалерія владѣетъ скорострѣльными ружьями дальнихъ дистанцій, и затѣмъ вскорѣ получить винтовки повторительной системы, усвоеніе практическихъ пріемовъ мѣткой стрѣльбы съ коня какъ нельзя болѣе своевременно. Оно внушитъ нашей конницѣ еще большую вѣру въ себя, въ свои боевыя качества, при всякомъ положеніи, даже въ то время, когда она предоставлена самой себѣ. При содѣйствіи же ей еще лихихъ конниковъ-горцевъ Кавказа и Закаспійскихъ текинцевъ, наши набѣги превзойдутъ всякія соображенія противника и могутъ сдѣлаться для него губительными еще далеко впереди нашей арміи.

Задачу громить всюду врага и быть непроницаемой для него завѣсою, скрывающею наши движенія, способна разрѣшать только та конница, которая, какъ наша, при стойкости пѣшкомъ и при лихости на конѣ, будетъ обладать достоинствомъ мѣтко обстрѣливать противника во всѣхъ положеніяхъ.

Будущее столкновеніе на войнѣ намъ представляется теперь уже не тѣмъ, какъ оно было въ минувшемъ. Теперь арміи сойдутся съ сознаниемъ народной гордости «быть или не быть тому или другому народу на своемъ мѣстѣ». И все, что выйдетъ въ поле въ защиту родины, будучи самостоятельно вооруженнымъ, не станетъ терять дорогое время ни на ожиданіе поддержекъ, ни на отдаленное руководство начальства—и во многомъ станетъ стремиться дѣйствовать по своей инициативѣ, по своей сообразительности, что для противника гораздо опаснѣе.

При томъ боевомъ духѣ, который передается въ казачествѣ отъ отца ветерана къ сыну, казаки, снабженные блестящимъ вооруженіемъ, составятъ несокрушимую боевую подвижную силу, со которой не совладать врагу...

Извѣстно, что при хорошемъ оружіи и при рѣшительномъ, умѣломъ руководствѣ, казакъ въ бою дерзокъ, и это достоинство теперь

легко развить въ немъ еще болѣе, когда онъ убѣдится, что при повторительномъ оружіи по своей увертливости онъ неуязвимъ. Въ этомъ положеніи и частные налеты казака даже въ ночномъ бою сдѣлаются убійственными для кавалеріи противника.

Итакъ, обученіе стрѣльбѣ съ коня изъ лавы и передней шеренги, при повторительномъ оружіи, считаемъ вполне полезнымъ, если не для всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, для насъ, линейныхъ *казаковъ*, не снабженныхъ пикомъ.

И. Сафоновъ.

II.

Къ вопросу о стрѣльбѣ съ коня.

Въ виду полемики, возникшей на страницахъ «Русскаго Инвалида» по вопросу о стрѣльбѣ съ коня, считаю нелишнимъ привести здѣсь страничку изъ вышедшей въ 1889 году книги «Воспоминанія о Русско-Турецкой войнѣ 1877—1878 гг. и о Скобелевѣ» — ординарца его П. Дукмасова. Страничка эта можетъ служить иллюстраціей къ разбираемому вопросу и притомъ иллюстраціею, взятою прямо изъ жизни.

Въ дѣлѣ подѣ Ески-Загрою, въ 20-хъ числахъ іюля мѣсяца 1877 года хорунжій Дукмасовъ получилъ приказаніе двинуться со взводомъ Донскаго казачьяго № 26-го полка на правый флангъ нашего расположенія, противъ котораго показались черкесы.

«Я немедленно двинулся къ мѣсту назначенія, пишетъ г. Дукмасовъ, съ трудомъ пробираясь чрезъ виноградники и поперечныя углубленныя дороги; по пути намъ то и дѣло встрѣчались толпы бѣгущихъ болгаръ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, испуганно кричавшихъ: «турци, турци»! При поворотѣ одной углубленной дороги я вдругъ замѣтилъ довольно близко къ сторонѣ непріятеля густое облако пыли, быстро приближавшееся къ намъ.

«Присмотрѣвшись внимательно, я увидѣлъ около полусотни черкесовъ, рысью подвигавшихся къ Филипопольскому шоссе.

«Такъ какъ мѣстность не позволяла намъ дѣйствовать въ конномъ строю, т. е. броситься въ атаку, а спѣшиться между тѣмъ не было времени, то я и рѣшилъ встрѣтить врага огнемъ съ коня. Повернувъ взводъ во фронтъ и подпустивъ черкесовъ шаговъ на пол-

тораста, я скомандоваль уже «взводъ...», какъ вдругъ услышалъ торопливое замѣчаніе нѣкоторыхъ казаковъ: «ваше благородіе, да это наши казаки-кавказцы!.. Дѣйствительно, костюмъ у скакавшихъ всадниковъ былъ настолько похожъ на форму кавказскихъ казаковъ, что я самъ вначалѣ заколебался, и только отсутствіе погонъ убѣдило меня, что мы имѣли предъ собой подданныхъ не Русскаго Царя, а турецкаго султана. Они были уже совсѣмъ близко, и я ясно различаль эти смуглыя, воинственныя фізіономіи, блестящіе черные глаза и дикое выраженіе лицъ...

«Стрѣлять!.. крикнуль я энергично, это непріятель... Взводъ—пли!

«Раздался дружный залпъ, и два черкеса слетѣли съ коней, а остальные, огорошенные неожиданными выстрѣлами, бросились въ сторону и наскочили на залпы нашей сотни.

«Отбросивъ такимъ образомъ со своимъ миниатюрнымъ взводомъ втрое сильнѣйшаго врага, я продолжалъ движеніе къ правому флангу и скоро доѣхаль до Филиппольскаго шоссе; здѣсь, возлѣ самаго города, я выбралъ небольшую площадку, впереди которой, шагахъ въ ста всего, начинались виноградники. Мы находились, такимъ образомъ, между нашей сотней и ротой болгарскаго ополченія, занимавшей часть мѣстности вправо отъ Филиппольскаго шоссе до самыхъ горъ.

«Не успѣль я осмотрѣться и сообразить, какимъ образомъ мнѣ удобнѣе дѣйствовать при нападеніи противника, какъ неожиданно въ виноградникахъ показалась конная цѣль черкесовъ, а по дорогѣ двигался цѣлый непріятельскій эскадронъ, во главѣ котораго рѣзко выдѣлялся красивый синій значокъ. Мунута была критическая, и, будь врагъ поэнергичнѣе, посмѣлѣе, мы были бы смяты, уничтожены. *Броситься нашей горсти въ атаку было бы безуміемъ и я рѣшился снова дѣйствовать огнемъ.* «Цѣлься лучше, братцы!» обратился я къ казакамъ. «Взводъ—пли!..» Нѣсколько всадниковъ слетѣли съ коней, остальные въ нерѣшительности остановились. Казаки поспѣшно зарядили берданки. «Взводъ—пли!..» закричалъ я снова, рѣшивъ послѣ втораго залпа броситься съ мѣста маршъ-маршемъ въ пики... Но въ эту тяжелую для насъ минуту, черкесы вдругъ повертели коней и понеслись обратно... Я пустиль имъ въ догонку еще третій залпъ, а затѣмъ бросился съ казаками въ разсыпную (лавою) преслѣдовать бѣглецовъ... Но пересѣченная мѣстность виноградника и канавы не позволяли намъ развернуть вполнѣ быстроту нашихъ коней, и черкесы, привычныя къ такимъ мѣстамъ, скоро далеко ускакали.

«Собравъ людей, я возвратился на прежнее мѣсто, на площадку. Результатомъ нашихъ первыхъ двухъ залповъ оказалось шесть убитыхъ и два раненыхъ черкеса».

Вотъ два критическихъ момента въ боевой жизни кавалерійской части. Изъ обихъ часть вышла съ честью, благодаря находчивости своего командира, благодаря его умѣнью пользоваться качествами своего оружія и его умѣнью выбрать не то средство, которое указываетъ уставъ, тактика, а то, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ всей обстановкѣ данной минуты.

Мѣстность—въ первомъ случаѣ, и крайняя малочисленность нашего отряда—во второмъ, не позволили встрѣтить атаку черкесовъ атакой же и огонь съ коня достигъ тѣхъ же результатовъ, какихъ достигла бы атака въ конномъ строю части, превосходящей своею численностью взводъ хорунжаго Дукмасова.

Могутъ возразить, что это единичные факты; но вѣдь изъ такихъ малыхъ единичныхъ фактовъ слагается вся боевая обстановка, бой, война... Притомъ же эти факты разнообразятся, дробятся до безконечности...

На находчивость въ критическіе моменты каждаго твердо полагаться нельзя, а потому уставы, тактика даютъ руководящія основанія и указываютъ нѣкоторые приемы. Военная исторія относить къ числу послѣднихъ и огонь съ коня, какъ одно изъ средствъ одержать верхъ надъ врагомъ. И смѣю думать, что результаты будутъ различны, прибѣгнетъ ли къ этому средству часть, подготовленная къ нему, обученная, или же незнакомая съ нимъ. А прибѣгать къ этому (перекоренованному) средству будутъ всегда, и это показываетъ намъ вся исторія разбираемаго вопроса. Такова уже человѣческая натура: что удалось одному, то повторить и другой, и третій, въ надеждѣ на тотъ же успѣхъ. Такъ не лучше ли прибѣгнуть къ огню съ коня умѣло, со снаровкой, спокойно, не суетясь, на привычныхъ къ тому лошадяхъ, какъ это сдѣлаетъ обученная кавалерійская часть. Могутъ возразить, что и необученный взводъ хорунжаго Дукмасова сдѣлалъ свое дѣло. Но мнѣ кажется, что дѣло не только въ томъ, чтобы отбить врага, но чтобы и нанести ему возможно болѣе вредъ. Если необученный взводъ ссадилъ десятокъ черкесовъ, то обученный ссадилъ бы еще болѣе. Мы видимъ эту разницу даже въ результатахъ перваго и втораго моментовъ.

Кавалерійская часть, обученная стрѣльбѣ съ коня, будетъ имѣть лишь лишнее преимущество предъ конницею, необученною этому. При правильномъ же веденіи воспитанія и обученія кавалериста,

огонь съ коня никакъ не можетъ послужить къ упадку кавалерійскаго духа, къ уменьшенію стремленія найти врага пашкой, а не пулей, встрѣтить его ударъ—ударомъ. Вѣдь тотъ, положимъ, фактъ, что конница наша будетъ обучена стрѣльбѣ изъ коннаго строя, не обязываетъ же начальника ея пользоваться огнемъ съ коня тамъ, гдѣ онъ это находитъ неумѣстнымъ? Оponentы г. Сухотина видятъ деморализацію въ необходимости «убрать офицеровъ предъ коннымъ строемъ для какой-то стрѣльбы». Почему же не убрать, почему же имъ, наконецъ, не пристроиться на время стрѣльбы къ флангамъ эскадрона? Вѣдь уходятъ же въ пѣхотѣ за фронтъ при стрѣльбѣ тѣ самые офицеры, что потомъ поведутъ ту же роту въ штыки? Въ чемъ же разница?

Боятся упадка духа отваги, энергіи, рѣшимости въ конницѣ, обученной стрѣльбѣ съ коня, еще разъ повторяю, нечего, и этому порукой служить вся настоящая полемика. Вся оппозиція противъ предложенія г. Сухотина показываетъ, что если конница наша и введетъ обученіе стрѣльбѣ съ коня, то приметъ этотъ огонь, какъ средство нанести пораженіе врагу лишь тогда, когда этого невозможно сдѣлать пашкой.

Такъ было и раньше съ вопросомъ о спѣшиваніи кавалеріи и вооруженія ея штыкомъ. Такъ же много писали и говорили о грозившемъ будто бы упадкѣ кавалерійскаго духа, но вѣдь, слава Богу, ни откуда не слышно объ увлеченіи кавалерійскихъ начальниковъ спѣшиваніемъ, босмъ въ пѣшемъ строю. И это потому, что пашка по прежнему остается главнымъ оружіемъ кавалериста, ударъ въ конномъ строю—главнымъ средствомъ пораженія врага. Къ винтовкѣ, къ спѣшиванію кавалерійскіе начальники прибѣгаютъ лишь тамъ, гдѣ это необходимо.

Случаи употребленія огня изъ коннаго строя будутъ исключительно при дѣйствіи противъ конницы же: 1) на мѣстности, затруднительной для дѣйствія въ конномъ строю (не прибѣгать къ спѣшиванію, въ данномъ случаѣ, полезно въ томъ отношеніи, что, оставаясь на коняхъ, увеличится число винтовокъ, увеличится продолжительность огня и уничтожится опасеніе за коноводовъ); 2) при крайней малочисленности отряда, и 3) противъ противника, уклоняющагося отъ открытаго боя.

Стрѣльба съ коня неумѣстна тамъ, гдѣ можно и должно развить наибольшую силу удара напоромъ коней.

А.

III.

Изъ бесѣдъ о конницѣ. — Боевая стрѣльба съ коня.

(Отвѣтъ на статью г. Н. въ № 255-й «Русскаго Инвалида»)

Г. Н. намъ отвѣчаетъ (№ 255-й «Русскаго Инвалида») упрекомъ въ томъ, въ чемъ мы обвинили современное ученіе о конницѣ, полное смѣшенія понятій и, между прочимъ, смѣшенія понятія о свойствахъ конницы съ понятіемъ объ эксплуатаціи свойства ея въ разныхъ обстановкахъ войны и боя. Надо много предвзятости, чтобы усмотрѣть въ рядѣ нашихъ бесѣдъ сказанное смѣшеніе понятій: не мы ли старались доказать и выяснить, что стрѣльба съ коня не противорѣчитъ основному и *единственному*, а не одному изъ нѣсколькихъ, какъ завѣряетъ г. Н. на стр. 3, основному свойству конницы, т. е. движенію. Указаніями на джигитовку, на актъ преслѣдованія, когда основное свойство эксплуатируется во всю, на такъ называемую легкую конницу всѣхъ типовъ, у которой основное свойство эксплуатировалось въ наивысшихъ предѣлахъ на естественно возникшія конницы... мы полагаемъ достаточно разъяснили капитальное положеніе, что основное свойство конницы и стрѣльба съ коня взаимно не исключаются.

Въ заключительной бесѣдѣ мы выяснили вопросъ о томъ, въ какихъ обстановкахъ войны и боя стрѣльба съ коня цѣлесообразна и законна, что намъ дало право на выводъ о необходимости обученія боевой стрѣльбѣ съ коня всей конницы, — объ обязанности программы обученія конницы обратить серьезное вниманіе на этотъ отдѣлъ.

Казалось бы нашему оппоненту слѣдовало доказать неправоту послѣднихъ соображеній и заключеній, но г. Н. продолжаетъ опровергать главнымъ образомъ эксплуатацію стрѣльбы съ коня во время атаки. Но мы сами разъяснили, что актъ атаки (правильно понимаемой) и стрѣльба взаимно исключаются въ силу природы этого акта, но мы же указывали, что производство атаки только одинъ изъ слу-

чаевъ, и притомъ сравнительно рѣдкихъ, изъ цѣлой серіи разнообразныхъ случаевъ эксплуатаціи основнаго свойства конницы въ обстановкахъ войны и боя, въ коихъ, повторяемъ, конница найдетъ возможность очень часто и очень умѣстно примѣнить къ дѣлу стрельбу съ коня. Если бы мы имѣли въ виду *конницу, исключительно предназначенную для шока*, каковою въ прежнія времена была такъ называемая тяжелая конница, въ родѣ кирасирь Фридриха, то были бы понятны возраженія противъ введенія въ такой конницѣ стрельбы съ коня (не потому, что это было бы вредно для духа этой конницы, а потому, что это было бы излишне и безцѣльно); но мы говорили о драгунской конницѣ современнаго типа, обязанной быть готовой разрѣшать всѣ задачи, представляющіяся войной и боемъ. И вотъ такой конницѣ не придти на помощь техникѣ, благо современное оружіе даетъ возможность преодолеть затрудненіе по заряджанію, по производству выстрѣла и, наконецъ, довести до нѣкоторой удовлетворительной степени дѣйствительность самой стрельбы, было бы величайшимъ промахомъ, не меньшимъ того, какъ когда-то, благодаря разнымъ теченіямъ, тормозилось дѣло перевооруженія армій, и не меньшимъ того, какъ если бы въ настоящее время, въ виду возможныхъ случаевъ злоупотребленія скорострѣльнымъ и дальнострѣльнымъ оружіемъ, пѣхоту оставляли бы съ ружьемъ Крюпка.

Опонентъ нашъ продолжаетъ утверждать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ примѣнить стрельбу съ коня, лучше прибѣгать къ спѣшанному огню, и все потому, что онъ вѣритъ въ большую дѣйствительность стрельбы стрѣлковъ стоящихъ, по сравненію съ стрельбою стрѣлковъ, сидящихъ на конѣ (вертающееся сидѣніе!)

Немало было сказано нами въ разъясненіе вопроса о томъ, что боевая стрельба съ коня много выгоднѣе спѣшенной стрельбы, но, неизвѣстно почему, это не убѣдило г. Н... Очевидно, опонентъ, завѣряя о болѣе дѣйствительности спѣшенныхъ драгунъ, имѣетъ въ виду мирное время и собственно учебную дѣйствительность; но пусть онъ приметъ въ соображеніе военное время и стрельбу въ обстановкѣ дѣйствія драгунъ, и тогда очень легко придти къ заключенію, что *боевая дѣйствительность стрельбы съ коня имѣетъ много шансовъ стать выше стрельбы спѣшенныхъ*: въ первомъ случаѣ драгуны начнутъ гораздо раньше стрельбу и прервутъ ее гораздо позже, — въ этомъ случаѣ только и мыслима стрельба на близкихъ дистанціяхъ и въ упоръ: спѣшенные никогда не допустятъ противника до дистанціи въ сотню шаговъ, а тѣмъ менѣе до

стрѣльбы въ упоръ (конечно, если въ основѣ задачи драгунъ не лежить долгъ лечь костями до одинаго); всѣ эти условія вмѣстѣ даютъ возможность коннымъ стрѣлкамъ въ одну единицу времени выпустить гораздо больше пуль, чѣмъ то могутъ сдѣлать спѣшенные. Но этого мало; боевая дѣйствительность стрѣльбы съ коня можетъ стать выше стрѣльбы спѣшенныхъ еще и потому, что сами стрѣлки будутъ несравненно спокойнѣе, хладнокровнѣе, а слѣдовательно и производство стрѣльбы будетъ находиться въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, болѣе доброкачественна, чѣмъ у спѣшенныхъ...

Конечно, мы предлагаемъ методическое обученіе стрѣльбѣ и методическую эксплуатацію ея; но это потому, что убѣждены въ томъ, что если оставить это дѣло на произволь судьбы, то можно рисковать, что въ военное время ея примѣненіе, подъ давленіемъ всеповѣлѣвающей обстановки, будетъ имѣть мѣсто, но только не тогда и не тамъ, когда и гдѣ слѣдуетъ. Мы настаиваемъ на обученіи и на эксплуатаціи залповой стрѣльбы потому, что въ такой стрѣльбѣ мы усматриваемъ способъ дисциплинировать примѣненіе этого средства пораженія противника... Не далеко то время, когда и пѣхота должна придти къ тому, что одиночный огонь, огонь въ разсыпномъ строѣ, долженъ будетъ стать рѣдко-исключительною формою примѣненія стрѣльбы; залповый огонь группъ — отъ десятка человекъ до ротъ, — вотъ главная и преимущественная форма огня при современномъ оружій и при условіи веденія боя массъ; тѣмъ болѣе это вѣрно въ отношеніи конницы, стрѣляющей съ коня.

Не можемъ воздержаться отъ категорическаго протеста противъ приписываемой намъ г. N. рекомендаціи производства атаки съ послѣдовательными подъѣздами и приостановками для стрѣльбы. Ничего подобнаго мы не говорили, а разъясняли вопросъ въ томъ смыслѣ, что возможны обстановки боя (внѣ наличности условія внезапности, условія необходимости моментальной выручки товарищей и друг.), въ коихъ въ періодъ наступленія пододвиженія къ противнику, до наступленія момента атаки, производство стрѣльбы съ коня можетъ быть умѣстнымъ. Разъ же послѣдовалъ кличъ «шашки вонъ», когда, по мнѣнію начальника, назрѣлъ моментъ атаки, — никакихъ кадрильныхъ подходовъ-подъѣздовъ не должно быть.

Не убѣдился г. N. и доводами нашими, что ходячая фраза — стрѣльба съ коня, яко бы подрываетъ моральный духъ конницы — не болѣе какъ предразсудокъ. Правда, г. N. и не привелъ ни одного доказательства въ пользу того, что стрѣльба подрываетъ духъ конницы, и только повторяетъ эту фразу. Полагаемъ, что онъ никогда

и не докажетъ этого фактами, а если и можетъ доказать это, такъ только ссылками на мнѣнія авторитетовъ. Но что такое мнѣнія авторитетовъ? И для г. Н. авторитеты только авторитеты, которыми они и могутъ оставаться, а надобно мыслить своими мозгами— «думать собственной головой». Вотъ почему въ своей работѣ мы избѣгали опираться на мнѣнія авторитетовъ, но за то мы обосновались на дѣлахъ авторитетовъ, и притомъ на такихъ, которыхъ не свернешь съ пьедестала ни софизмомъ, въ родѣ того, что «условія никогда въ совокупности не повторяются», ни заподозриваемъ въ сомнительности происхожденія правъ на авторитетъ, ни въ рутинерствѣ и т. д. Противъ фактовъ, въ родѣ того, что естественно возникшія конницы, идеальныя по высотѣ истаго кавалерійскаго духа, стрѣляли съ коня, что Фридриховская конница, идеальная изъ регулярныхъ кавалерій, и въ особенности его отборная гусарская и драгунская конница обучалась стрѣлбѣ съ коня, что Петръ Великій, воспретившій стрѣлбу съ коня во время атаки, считалъ нужнымъ обучать стрѣлбѣ съ коня для другихъ случаевъ войны и боя,— противъ такихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что высокій моральный духъ и стрѣлба съ коня могутъ уживаться рядомъ въ одной конницѣ, если все прочее воспитаніе и вся организація конницы покоится на раціональныхъ началахъ, можно бороться только одними фактами, которые бы доказывали противоположное. Но таковыхъ фактовъ опоненты стрѣлбы съ коня не найдутъ и не приведутъ. И такъ: факты—за стрѣлбу съ коня, техника оружія—за стрѣлбу съ коня, существо дѣла — вѣроятная работа конницы въ будущей войнѣ—за стрѣлбу съ коня! Что же противъ стрѣлбы? Привычные взгляды ученія, создавагося, благодаря неправильному освѣщенію фактовъ прошлаго, благодаря обычной ошибкѣ человѣческаго ума относить причины явленій одной природы къ явленіямъ другой природы, благодаря водворившимся въ обиходъ мнѣніямъ нѣкоторыхъ изъ до сего времени признававшихся авторитетовъ. Можетъ-ли быть послѣ этого вопросъ для практики—кого же слушать? Чѣмъ скорѣе и чѣмъ методичнѣе отвѣтитъ програма обученія боевой стрѣлбѣ съ коня и практикованія ея на запросъ жизни, живаго дѣла, тѣмъ подготовка конницы только выиграетъ,—тѣмъ болѣе обогатится наша конница средствомъ для занятія подобающаго мѣста въ семьѣ боевыхъ родовъ оружія.

Когда же примѣнять къ дѣлу это средство изъ ряда другихъ имѣющихся въ распоряженіи конницы — укажетъ здравый смыслъ

начальниковъ, обученіемъ, воспитаніемъ, всею организаціею правильно подготовляемыхъ и методически веденныхъ. Замалчиваніемъ, пренебреженіемъ, ложнымъ освѣщеніемъ вопроса только готовится злоупотребленіе боевой стрѣльбы съ коня въ военное время, разъ конница снабжена берданкой, и тѣмъ болѣе магазинкой (1).

Н. Сухотинъ.

IV.

О массовой стрѣльбѣ съ коня.

Вопросъ о залповой стрѣльбѣ кавалеріи съ коня, поднятый нынѣ г. Сухотинымъ—вопросъ не новый и порѣшенный еще въ прошломъ столѣтіи, именно Фридрихомъ II. Вотъ что читаемъ въ сочиненіи г. Н. Сухотина—«Фридрихъ II»: признавъ «только съ саблею наголо вскокъ (2) въ непріятельскую массу» единственнымъ способомъ атаки, король нѣсколько разъ наставляетъ: ни подъ какимъ видомъ не употреблять въ дѣло огнестрѣльнаго оружія, и только когда 1-я и 2-я линіи непріятеля опрокинуты, то «для вящаго разстройства врага» кавалеристы могли начать пальбу въ догонку по убѣгающему непріятелю (3).

Такимъ образомъ, Фридрихъ II отмѣнилъ огонь изъ строя кавалеріи до атаки. Ранѣе его кавалерія Карла XII не стрѣляла предъ атакою. А всѣмъ хорошо извѣстно, что кавалерія этихъ двухъ полководцевъ-королей стяжала себѣ небывалую славу.

Въ томъ же сочиненіи (3), при описаніи первой стычки между прусскою и австрійскою кавалеріями подъ Прагою, говорится слѣдующее: «Пройдя сначала на рысяхъ, потомъ галопомъ, прусская кон-

(1) На наше замѣчаніе, что заявленіе г. Н. о взглядѣ Густава-Адольфа расходуется съ тѣмъ, что говорится объ этомъ въ переводномъ трудѣ г. Пузыревскаго («Исторія пѣхоты», Рюстова), нылъ опонентъ, заявивъ, что, по его мнѣнію, никакого противорѣчія нѣтъ, говорить, что будто-бы Густавъ-Адольфъ принималъ «стрѣльбу на всемъ скаку изъ пистолетовъ съ немедленнымъ ударомъ въ шашки (?). У того же переводчика сочиненія Рюстова, на стр. 47 (II часть, «Воен. библ.») читатели найдутъ, что атака велась по другому: «люди передней шеренги или двухъ переднихъ шеренговъ должны были сдѣлать по выстрѣлу по приближеніи къ непріятелю на разстояніе пистолетнаго выстрѣла», затѣмъ тотчасъ обнажили сабли и бросались на противника. Конечно, такой способъ атаки болѣе понятенъ, чѣмъ залповая стрѣльба на скаку (?) изъ пистолетовъ и притомъ въ сожмнутомъ строѣ.

(2) Стр. 27 и 28

(3) Стр. 124.

лица съ разстоянія 80—100 шаговъ ринулась карьеромъ; австрійцы даютъ по ней безвредный залпъ изъ карабиновъ и мигомъ смяты» (1).

Послѣ Фридриха II, рядомъ боевыхъ опытовъ, кавалерія всѣхъ армій пришла къ единодушному рѣшенію: не прибѣгать къ стрѣльбѣ съ коня, и исключеніе допускалось для фланкеровъ (нашихъ развѣдчиковъ) (2). Въ наше время техника быстрыми шагами доходитъ до малокалибернаго (4—6 лин.) ружья и скорозаряжаемаго; кавалерія противныхъ сторонъ встрѣчается на поляхъ сраженій въ 1866 и 1870—1871 гг. Ни послѣ одной кампаніи не раздалось голоса за введеніе залповаго огня съ коня, какъ средства усиливающаго боевую дѣятельность кавалеріи. Настаетъ, наконецъ, и кампанія 1877—1878 гг.; послѣ этой войны появились въ нашей военной литературѣ отдѣльныя мнѣнія за обученіе кавалеріи стрѣльбѣ съ коня, но, конечно, оди но ч но й. Черезъ четыре года, послѣ окончанія войны, г. Сухотинъ въ рядѣ статей своихъ (3) вложилъ не мало труда, чтобы, исходя изъ основнаго своего положенія—бессилія кавалеріи на поляхъ современныхъ сраженій, разобрать многія капитальныя стороны кавалеріи, какъ рода оружія, но о стрѣльбѣ съ коня, какъ о средствѣ, усиливающемъ боевыя качества этого рода оружія, авторъ не проронилъ ни слова. Что же заставило г. Сухотина нынѣ вывести на свѣтъ Божій это средство для боя, давно порѣшенное лучшими организаторами кавалеріи? «Техническія свойства, говоритъ авторъ, самого оружія неизмѣримо улучшились по сравненію съ оружіемъ того времени и въ особенности (?) въ отношеніи дальности. Эксплуатація стрѣльбы съ коня въ *отношеніи дальности* находится въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ стрѣльба пѣшаго человѣка».

Позволительно, однако, спросить: развѣ техническія свойства ружья только *теперь* улучшились? Нѣтъ, прошло почти 20 лѣтъ, какъ пѣхота вооружена превосходнымъ ружьемъ; уменьшеніе калибра до 7—8 милим. и введеніе малодымнаго пороха, хотя это еще фак-

(1) На этомъ примѣрѣ стоитъ остановиться: какъ ни плохо было ручное огнестрѣльное оружіе временъ Фридриха II, но смѣло можно сказать, что результатъ попаданія изъ стараго оружія на 80—100 шаговъ по такой цѣли, какую представляетъ кавалерійскій строй, былъ выше, чѣмъ при стрѣльбѣ изъ нынѣшняго оружія на тѣ дальнія дистанціи, съ которыхъ г. Сухотинъ совѣтуетъ кавалеріи начать огонь.

(2) Интересно, что только по отношенію къ стрѣльбѣ изъ сомкнутаго строя и замѣчается во всѣхъ кавалеріяхъ единодушіе. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, касающихся организаціи, вооруженія, обученія и т. д., кавалерія каждой арміи отличается своими особенностями.

(3) «Вѣстны о конницѣ». «Военный Сборникъ», 1882 г.

торы будущаго, не улучшать на столько ружья, насколько улучшили его: *переходъ къ каръзамъ, уменьшеніе калибра* (съ 6-ти линій до 4-хъ) и, наконецъ, *ускореніе заряжанія*. Такимъ образомъ, за послѣдніе годы техника не сдѣлала такого рѣзкаго шага впередъ, чтобы заставить искать новыхъ боевыхъ средствъ для кавалеріи.

Едва ли не единственный выводъ отсюда: *усовершенствованія техники не дадутъ нынѣ (въ 1891 году) никакого основанія для мотивировки стрѣльбы съ коня, а потому предложеніе г. Сухотина должно быть причислено къ разряду не обоснованныхъ...*

Тутъ же авторъ заключаетъ, что «если только опыты массовой стрѣльбы съ коня дадутъ неопровержимыя данныя въ пользу такой стрѣльбы, то не расчесть отказываться отъ нея». Къ сожалѣнію, авторъ не выяснилъ въ точной формѣ: какіе опыты нужны для того, чтобы убѣдить въ пользѣ стрѣльбы съ коня. А это весьма важно и вотъ почему. Изъ послѣдующихъ разсужденій г. Сухотина можно, кажется, заключить, что авторъ находитъ полезнымъ стрѣлять кавалеріи по кавалеріи же; и такъ какъ послѣдняя двигается, то и нужно было бы поставить вопросъ объ опытахъ стрѣльбы съ коня по *цѣлямъ подвижнымъ*. Дѣло тогда бы значительно упростилось и главное рѣшеніе получилось бы безъ всякихъ опытовъ. Дѣйствительно: нынѣ повсемѣстно пѣхота обучается стрѣльбѣ насколько возможно хорошо; въ нѣкоторыхъ арміяхъ, къ числу обязательныхъ упражненій, относится стрѣльба по быстро выскакивающимъ цѣлямъ (съ отмѣренныхъ дистанцій); между тѣмъ, во всѣхъ арміяхъ особенно напирается на то, чтобы привить пѣхотѣ при мирныхъ упражненіяхъ крѣпкимъ правиломъ: *при отраженіи кавалерійскихъ атакъ стрѣлятъ только на ближнія дистанціи*. Неужели такія правила вездѣ существуютъ только въ силу того, что во всѣхъ арміяхъ мало «отзывчивости на запросъ живаго дѣла, мало довѣрія къ своему солдату и т. д.»?? Нѣтъ, этотъ вопросъ рѣшается гораздо проще: *на основаніи свойствъ ружейнаго огня, стрѣльба пѣхоты по быстро двигающейся цѣли—есть пустая трата патроновъ, ведущая только къ деморализаціи стрѣляющихъ*. Всѣмъ извѣстно, что на большихъ, напримѣръ, дистанціяхъ, при крутости траекторіи ружейныхъ пуль даже лучшихъ современныхъ образцовъ, цѣли достаточно продвинутыя нѣсколько десятковъ шаговъ, чтобы выйти изъ сферы лучшей половины выстрѣловъ⁽¹⁾, а утроивъ это разстояніе

(1) При тщательно нацѣленномъ огнѣ и точномъ знаніи дистанцій, т. е. при такихъ условіяхъ, которыя возможны только въ мирное время.

(что для двигающейся рысью кавалеріи—задача легко разрѣшимая), цѣль выйдетъ совершенно изъ сферы разсѣянія пуль. Вотъ гдѣ причина тому, что ружейный огонь недѣйствителенъ противъ двигающихся цѣлей, а вовсе не въ отсутствіи тѣхъ почтенныхъ чувствъ, на которыя указывасть г. Сухотинъ.

Все это не болѣе какъ элементарныя истины. Принявъ ихъ въ расчетъ, логически сдѣлать одинъ выводъ: *если пѣхота поражать огнемъ подвижныя цѣли не можетъ, то и кавалерія (и на конь—тѣмъ болѣе), хотя бы обученная стрѣлять съ коня не хуже пѣхоты* (1)—*тоже поражать подвижныя цѣли не въ состояніи.*

Тогда естественно отпадаетъ нужда въ какихъ бы то ни было опытахъ стрѣльбы и въ подыскиваніи тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда, при помощи всякихъ *обуславливающихъ исключеній*, можно, при извѣстномъ напряженіи фантазіи, нарисовать себѣ картинки, гдѣ массовая стрѣльба конницы съ коня могла бы пригодиться.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть перечисленные въ послѣдней статьѣ г. Сухотина случаи умѣстнаго употребленія огня (2), нужно нѣсколько остановиться на его приѣмѣ историческихъ доказательствъ. «Карль XII, Петръ Великій и впослѣдствіи дѣятели эпохи Семилѣтней войны изъѣли изъ обихода конницы употребленіе огне-стрѣльнаго оружія при производствѣ атакъ», такъ начинается г. Сухотинъ свои изслѣдованія: «*Одиночная и залповая стрѣльба съ коня*». Черезъ нѣсколько строкъ мы въ этой же статьѣ читаемъ: «если создатели регулярной конницы (3) и по преимуществу конницы шока, когда-то (200 (?) лѣтъ тому назадъ) возражали противъ стрѣльбы съ коня при атакахъ, то это скорѣе въ силу совершенной бесплодности такого огня въ то время и притомъ примѣнимаго только на такой дистанціи, каковую противникъ можетъ преодолѣть нѣсколькими прыжками коней».

Другими словами: по мнѣнію автора, Карль XII, Петръ Великій и Фридрихъ II запретили стрѣлять передъ атакою, и такъ какъ они сдѣлали это въ силу бесплодности тогдашняго огня, то поступили *цѣлесообразно*.

(1) Что, очевидно, невозможно.

(2) Мы съ умысломъ не останавливаемся на томъ вопросѣ, который авторомъ считается какъ бы уже доказаннымъ: насколько огонь (*средство обороны*) противорѣчить основнымъ свойствамъ кавалеріи (рода оружія нападающаго)? На нашъ взглядъ, тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній, какъ это доказываютъ: правильное пониманіе основныхъ свойствъ кавалеріи и исторія кавалеріи за послѣднія полтора столѣтія.

(3) Оставляемъ на отвѣтственности автора то, что онъ Карла XII и дѣятелей Семилѣтней войны причислялъ къ создателямъ регулярной конницы.

Но въ № 242-мъ «Русскаго Инвалида» авторъ говоритъ: «не въ противорѣчїи съ логикою дѣла и съ исторической идеєю развитїя конницы проходить жизнь конницъ Густава-Адольфа, Петра Великаго, Фридриха, только при поверхностномъ взглядѣ на дѣла являющихся какъ бы живымъ отрицанїемъ всякой мысли о стрѣльбѣ съ коня...»

«Протесты противъ стрѣльбы съ коня завершились въ лучшихъ конницахъ Карла, Петра Великаго и Фридриха II исключенїемъ стрѣльбы при производствѣ атаки...»

Весь вопросъ, поднятый Сухотинымъ, сводится собственно къ тому: *можно ли стрѣлять кавалерїи изъ сомкнутого строя массовымъ огнемъ, залпами, передъ атакою?* Здѣсь центръ тяжести; о стрѣльбѣ же *одиночной, въ разсыпномъ строѣ*, авторъ собственно въ первой статьѣ не говорилъ и опоненты принципиально этимъ также не занимались.

Поверхностность взгляда авторомъ не доказана, ибо изъ приведенныхъ цитатъ легко усмотрѣть, что онъ совершенно раздѣляетъ мнѣніе, что въ конницахъ Карла XII, Петра и Фридриха было запрещено стрѣлять передъ атакою.

Но авторъ вслѣдъ за симъ начинаетъ говорить о томъ, что *огонь одиночный и обученїе стрѣльбѣ съ коня практиковались* въ этихъ конницахъ: «на совершенное исключенїе боевой стрѣльбы, какъ средства пораженїя и какъ отдѣла обученїя конницы, ни Петръ Великій, ни Фридрихъ не пошли». Противъ кого и чеѣ спорить авторъ? По крайней мѣрѣ, объ одиночной стрѣльбѣ ц рѣчи не было: огонь при преслѣдованїи, стрѣльба фланкеровъ, другими словами, огонь *одиночный* и не какъ средство подготовленїя атаки, остался въ кавалерїи и до нашихъ временъ.

Дальнѣйшія историческія изслѣдованїя заслуживаютъ особеннаго вниманїя. Изъ сочиненїя г. Маркова авторъ приводитъ выдержку (1): «палашъ обнажался тогда, когда выстрѣлъ выпущенъ и другаго средства не остается, какъ вступить въ рукопашную».

Г. Сухотинъ далѣе объясняетъ, что Меншиковъ могъ дать такой приказъ только съ вѣдома Петра. Но тогда всѣ разсужденїя автора, приписывавшія Петру изытанїе «изъ обихода конницы употребленїе огнестрѣльнаго оружія при производствѣ атаки», совершенно противорѣчатъ только что сказанному. Если авторъ придаетъ такое значенїе приказу Меншикова, то онъ не имѣлъ основанїя заключать, что Петръ Великій изыталъ изъ обихода стрѣльбу передъ атакою.

(1) Изъ приказа Меншикова 1720 года.

Относясь иронически къ «генералитетскому разсужденію» 1736 года: «А чтобы драгунамъ, сидя на лошадяхъ, пальбу чинить противъ непріятеля, когда онъ еще наступательно дѣйствуетъ... за благо не признается», авторъ уже прямо выводитъ, «что до сего года членіе пальбы съ коня было дѣломъ обычнымъ у нашихъ драгунъ, еще жившихъ уставомъ время Петра Великаго».

Выводъ изъ этихъ сужденій кажется здѣсь одинъ: кавалерія Петра Великаго, въ противорѣчіи къ сказанному ранѣе самимъ авторомъ, стрѣляла передъ атакою и генералитетское разсужденіе упредило на нѣсколько лѣтъ Фридриха II, а потому заслуживаетъ ироніи столько же, какъ и мѣропріятія самого Фридриха II.

Одно изъ двухъ: или Фридрихъ II былъ правъ, когда «по бесплодности стрѣльбы» запретилъ своей конницѣ стрѣлять передъ атакою, и тогда былъ правъ и Минихъ, а приказъ Меншикова 1720 г. былъ нецѣлесообразенъ и именно потому, что кавалерія Карла XII не знала огня передъ атакою; или же Фридрихъ и Минихъ сдѣлали ошибку, а русская конница время Петра, стрѣлявшая передъ атакою, поступала цѣлесообразно.

Во всякомъ же случаѣ приведенное сужденіе г. Сухотина относительно приказа Меншикова ставить его въ необъяснимое противорѣчіе съ прежде имъ высказаннымъ; чтеніе этой статьи производитъ также впечатлѣніе, какъ будто авторъ въ ней полемизируетъ съ самимъ собою.

Не вдаваясь въ подробности разбора статьи, помѣщенной въ № 243-мъ «Русскаго Инвалида», въ которой г. Сухотинъ, какъ онъ самъ объясняетъ, обсуждаетъ «вопросъ съ научной стороны», мы позволимъ себѣ остановиться на слѣдующемъ положеніи автора. Надо замѣтить, что онъ неоднократно упрекаетъ придерживающихся общепринятыхъ положеній тактики въ простомъ *смѣшеніи понятій* и рекомендуетъ «взять на себя трудъ разобраться въ значеніи словъ и фразъ, завоевавшихъ видъ аксіомъ». Рядомъ разсужденій авторъ приходитъ къ выводу, что въ кавалерійской атакѣ *переходъ къ контръ-атакѣ именно въ тотъ моментъ* (когда наступающая непріятельская кавалерія подойдетъ на дистанцію 300—500 шаговъ) *и будетъ осуществленіемъ идеи инициативы и почина атаки*. Признаемся, мы именно въ этихъ словахъ видимъ смѣшеніе понятій: до сихъ поръ всѣ думали, что та сторона, которая по своей волѣ ищетъ атаки, первая наступаетъ и идетъ въ атаку—*проявляетъ починъ*, а другая, дѣлая одно изъ двухъ: или отступаетъ, или принимаетъ атаку, т. е. *производитъ контръ-атаку*—держится вы-

жидательнаго образа дѣйствій и уступаетъ инициативу противнику. Вѣдь, если держаться взгляда г. Сухотина, то выходить, что *сторона, первая начавшая атаку, не имѣетъ почина въ атакѣ*, и что Фридрихъ II не понималъ, что такое *починъ въ атакѣ* и виновенъ въ смѣшеніи понятій.

Но, конечно, Фридрихъ II въ этомъ обвиненъ быть не можетъ, что, впрочемъ, слѣдуетъ весьма ясно и изъ словъ самого г. Сухотина, сказанныхъ, правда, въ другомъ мѣстѣ ⁽¹⁾: «Для производства атаки королемъ указывались слѣдующія основанія: прежде всего *починъ въ атакѣ*, подъ опасеніемъ позорнаго наказанія. Офицерамъ было поставлено безусловнымъ требованіемъ, *чтобы они всегда атаквали противника первыми и никогда бы не допускали непріятеля атаковать себя*».

На основаніи сказаннаго, мы не можемъ раздѣлять перваго пункта сводки, сдѣланной г. Сухотинымъ въ заключеніи его статьи:

«Логика и исторія въ полномъ согласіи свидѣтельствуютъ, что боевая стрѣльба съ коня нисколько не противорѣчитъ основному свойству конницы». Совершенно напротивъ, мы убѣждены, что *логики* и знаніе дѣла подсказали Карлу XII и Фридриху II запретить боевую стрѣльбу изъ сомкнутаго строя передъ атакою; а исторія свидѣтельствуетъ, что лучшія регулярныя кавалеріи—именно этихъ королей, отбросившія огонь передъ атакою, какъ негодное средство, достигли небывалыхъ боевыхъ успѣховъ.

Такое противорѣчіе въ словахъ автора можетъ быть объяснено тѣмъ совершенно новымъ значеніемъ, которымъ онъ нынѣ характеризуетъ *инициативу* (починъ въ атакѣ); оказывается, что подъ это слово онъ подводитъ, между прочимъ: *стройность, сомкнутость, свѣжесть силъ коня*... Къ сожалѣнію, тѣ австрійскіе эскадроны, которые подъ Прагою подпустили къ себѣ прусаковъ на 80—100 шаговъ, всѣми этими сторонами превосходили непріятеля... По новому опредѣленію г. Сухотина, на ихъ сторонѣ была инициатива, хотя они и были «мигомъ смяты», а прусаки *почина въ атакѣ* не проявили...

Переходимъ теперь къ послѣдней статьѣ г. Сухотина, въ которой авторъ пытается рѣшить вопросъ: *«когда, идѣ, въ какихъ условіяхъ обстановки войны и боя конница можетъ воспользоваться искусствомъ стрѣлять»* ⁽²⁾.

(1) См. соч. «Фридрихъ II», стр. 27.

(2) Отмѣтимъ, что авторъ умалчиваетъ о томъ, какъ *стрѣлять*? Напоминаемъ, что весь споръ шель только о стрѣльбѣ *массовой, залповой изъ сомкнутаго строя*.

Если читатель припомнить, то этотъ вопросъ былъ уже авторомъ рѣшенъ еще въ первой его статьѣ, въ которой онъ говоритъ: «Въ особенности примѣненіе залповой стрѣльбы съ коня будетъ умѣстно: а) для слабѣйшаго; б) противъ уклоняющагося отъ открытаго боя; в) въ пересѣченной и болотистой, отчасти въ лѣсистой мѣстности, и г) въ мѣстности, изобилующей высокими живыми изгородами и заборами».

Въ своей послѣдней статьѣ авторъ придалъ этому совершенно другую редакцію: «конница можетъ съ пользою обратиться къ стрѣльбѣ съ коня: 1) *когда выжидательный* (а не рѣшительный) образъ дѣйствій является долгомъ и обязанностью конницы; 2) *когда слѣдовало бы обратиться къ спѣшному порядку, и есть малѣйшая вѣроятность опасаться за коноводовъ и за процедуру посадки спѣшенныхъ драгунъ на коня, и 3) когда не стоитъ и не слѣдуетъ терять время на спѣшивание...*»

Начнемъ съ перваго пункта. Выжидательный способъ дѣйствій кавалеріи предписывается, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сравнительной слабостью силъ. Въ такихъ условіяхъ кавалеріа естественно прибѣгать къ испытаннымъ уже боевымъ средствамъ: искусное маневрированіе (въ удобныя минуты даже частныя атаки), заманиваніе въ пересѣченныя мѣста, гдѣ при удобномъ случаѣ можно и спѣшиться, и, наконецъ, въ критическія минуты—или уходить, или же обречь себя на гибель, хотя бы до атаки, во чтобы ни стало, а для казаковъ—и спѣшиваніе съ батованіемъ коней. Другихъ средствъ пѣтъ и никогда не будетъ, ибо, повторяемъ, *ружейный огонь не можетъ быть дѣйствительнымъ средствомъ пораженія съ коня по подвижной цѣли.*

Слѣдовательно, кавалеріа, которая вздумала бы, по совѣту автора, подпустить къ себѣ на 300—500 шаговъ атакующаго, выпуская на вѣтеръ залпы, конечно, была бы имъ настигнута, и притомъ имѣя въ рукахъ винтовки—результатъ понятный.

Второй пунктъ такъ обусловилъ спѣшиваніе, что, строго говоря, къ послѣднему кавалеріа не должна почти вовсе прибѣгать. Дѣйствительно, мы себѣ только съ трудомъ можемъ представить какойнибудь одиночный случай, при которомъ не было бы *«малѣйшей вѣроятности опасаться за коноводовъ»*. Но этотъ пунктъ въ корнѣ невѣренъ еще и по другимъ причинамъ: если *нужно*, на примѣръ, *овладѣть какимъ нибудь мѣстнымъ предметомъ*, то хотя бы была самая серьезная опасность за коноводовъ, или за процедуру посадки на коня, порядочной кавалеріа и въ голову не придетъ заняться *«работою винтовки съ коня»*.

Такъ какъ 3-й пунктъ составляетъ простую перифразу первого, то мы оставляемъ его въ сторонѣ.

Обращаетъ на себя вниманіе заключеніе автора: «и все это (т. е. стрѣльба съ коня при различныхъ условіяхъ) можетъ имѣть примѣненіе, безразлично, на какой мѣстности будутъ разрѣшаться задачи конницею»; но вслѣдъ за симъ г. Сухотинъ живо *представляетъ себѣ открытыя степи Юга*, на которыхъ нужно слабѣйшей сторонѣ «отхлынуть (?) верстъ на 20 отъ противника и въ тоже время всячески задерживать его». Смѣемъ увѣрить, что такая задача на непересѣченной мѣстности для кавалеріи никогда и не была неразрѣшима, развѣ противникъ будетъ уже совсѣмъ плохой, въ родѣ конной толпы хивинцевъ или бухарцевъ. Съ другой стороны, «степи Юга» (нашего), хотя вообще открытыя, но имѣютъ балки и овраги, иногда и очень серьезныхъ размѣровъ; пользуясь ими, кавалерія можетъ прибѣгать къ спѣшиванію и тѣмъ дѣйствительно задерживать наступающаго. Впрочемъ, присутствіе балокъ и овраговъ въ нашихъ степяхъ констатируется самимъ авторомъ и онъ рисуетъ, какъ, напримѣръ, «аріергардъ, занявъ свой гребень балки, обдавалъ бы пулями противника, пока онъ зигзагами спускался въ балку».

По мнѣнію автора, тотъ же эпизодъ даетъ ему случай подыскать умѣстность стрѣльбы съ коня для наступающаго и болѣе сильнаго: «наступающій подходитъ къ балкѣ, а на томъ берегу стоятъ эскадроны, готовые ринуться въ атаку на эскадроны, переходящіе по скату балки»; авторъ спрашиваетъ: «не цѣлесообразно ли будетъ нѣсколькимъ эскадронамъ наступающаго пріостановиться на берегу балки и открыть огонь съ коня?» Мы можемъ только отвѣтить: стрѣлять съ коня въ такомъ случаѣ совсѣмъ нецѣлесообразно, а для открытія огня нужно спѣшить эти нѣсколько эскадроновъ. Смѣемъ думать, что одного спѣшиванія было бы достаточно для достиженія цѣли въ томъ случаѣ, который описалъ авторомъ. На самомъ же дѣлѣ, умѣлый противникъ самъ бы встрѣтилъ наступающаго огнемъ спѣшенныхъ стрѣлковъ, и тогда послѣднему пришлось бы: или прибѣгнуть къ обходу, или къ спѣшиванію, т. е. во всякомъ случаѣ не выполнять совѣта автора.

Примѣръ третьяго эпизода не можетъ совсѣмъ остановить нашего вниманія, такъ какъ тамъ приводится случай перестрѣлки *конныхъ людей со стѣпанными*—случай, о которомъ можно говорить только игнорируя элементарныя свойства ружейнаго огня.

Оставимъ въ сторонѣ и прочіе эпизоды. Всѣ они въ общемъ представляютъ только сплошную попытку отыскать случаи, оправдывающіе стрѣльбу съ коня—попытку въ основаніи неудачную, такъ какъ

для такихъ (подобранныхъ) случаевъ вся кавалерія теперь имѣетъ достаточное средство для борьбы со врагомъ—*это огонь въ стѣшенномъ порядкѣ.*

Сводя вкратцѣ сущность нашихъ возраженій, мы думаемъ, что даже, оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько стрѣльба изъ сомкнутаго строя кавалеріи передъ атакою совмѣстна съ психическими началами представителя холоднаго оружія, г. Сухотину нужно доказать: 1) что Карлъ XII и Фридрихъ II ⁽¹⁾ поступили неправильно, запретивъ огонь передъ атакою; 2) что Фридрихъ II (а за нимъ рѣшительно всѣ) неправильно понималъ, что такое инициатива; 3) что пылѣйшій ружейный огонь на тѣ дальнія дистанціи, съ которыхъ онъ рекомендуетъ кавалерію открывать огонь, дѣйствительно, чѣмъ огонь изъ ружей времени Фридриха II на дистанціи 80—100 шаговъ, и 4) что существующее ученіе о неэффективности ружейнаго огня противъ атакующей конницы, даже въ рукахъ пѣхоты, есть результатъ не знанія свойствъ ружейнаго огня, а—малой отзывчивости къ живому дѣлу, недостаточнаго патріотизма и т. д.

Взявъ въ расчетъ свидѣтельства исторіи и логику дѣла, не слѣдовало бы кавалеріи гоняться за такими средствами, которыя, говоря инстинкту самосохраненія, могутъ надломить въ ней вѣру *въ атаку холоднымъ оружіемъ и въ спасительность почина*, и притомъ такого, какъ понималъ Фридрихъ II, а не своеобразно объясненнаго г. Сухотинымъ.

П. Г. Л.

У.

Въ заключеніе о стрѣльбѣ съ коня.

Въ заключеніе полемики о поднятомъ вопросѣ позволимъ себѣ указать на характеръ ссылокъ и цитатъ, приводимыхъ г. Сухотинымъ въ подборѣ доказательствъ за стрѣльбу съ коня.

Такъ, напр., ссылаясь на г. Маркова, авторъ говоритъ («Русскій Инвалидъ» № 242), что кн. Меншиковъ издалъ приказъ или уставъ для конницы, въ коемъ перечень дѣлаго ряда командъ относится до

(1) О Петрѣ Великомъ мы не говоримъ, такъ какъ по автору выходитъ, что онъ и **отвѣтилъ** стрѣльбу съ коня передъ атакою (статья 1-я) и **училъ** (черезъ Меншикова) конницу стрѣлять передъ атакою (№ 242-й «Русскій Инвалидъ»).

веденія огнестрѣльнаго боя съ коня, причѣмъ «палашъ обнажается тогда, когда выстрѣль выпущенъ и другаго средства не остается, какъ вступить въ рукопашную». Выводъ, стало быть, можно сдѣлать такой, что дѣйствовали холоднымъ оружіемъ только потому, что нельзя было тогда уже болѣе стрѣлять.

Дѣйствительно, у г. Маркова есть приведенная фраза на стр. 188, но разборъ ея начинается на 190 страницѣ; тамъ ставится вопросъ: какъ же согласовать требованіе Петра «атаковать со всевозможной силой» и существованіе въ уставѣ стрѣльбы съ коня? На этотъ вопросъ г. Марковъ отвѣчаетъ: «Вѣроятно, не для наступательныхъ дѣйствій. Намъ извѣстно уже, что въ сраженіи при Клишовѣ саксонская кавалерія обскакала правый флангъ шведовъ и, вмѣсто того, чтобы продолжать атаку, остановилась для залпа и за это была разбита на голову шведами, которые воспользовались этою остановкою и ударили на нихъ. Остается предположить, что стрѣльба употреблялась при оборонительныхъ дѣйствіяхъ противъ сильнѣйшаго, но нерѣшительнаго противника, постепенно отступая и наводя его, какъ требовалось, на свою пѣхоту....» и т. д.

На страницѣ же 191 говорится вполне точно и опредѣленно: «Хотя наша кавалерія уступала иностраннымъ въ боевомъ устройствѣ, но въ дѣйствіи она часто вознаграждала этотъ недостатокъ, благодаря повелѣнію Царя, который, вопреки общепринятаго тогда правила, запретилъ ей употреблять стрѣльбу передъ атакой».

Такъ гласить одинъ, симпатичный автору предложенія, источникъ.

Обратимся теперь къ другому. У г. Масловскаго читаемъ (вып. I, стр. 70): «Въ инструкціи Брюссю 1706 г. Петромъ I прямо указано: конницѣ отнюдь изъ ружей не стрѣлять прежде того, пока, съ помощью Бога, непріятеля въ конфузію не приведутъ, по съ единными шпагами наступать на непріятеля (Голиковъ изд. 2, ч. II, 252).»

Описывая образъ дѣйствій кавалеріи Петра, г. Масловскій (стр. 174) говоритъ: «конница рѣзко видоизмѣняетъ старинный способъ дѣйствія: вмѣсто стрѣльбы съ коня и безпорядочнаго слѣшиванія, главнымъ способомъ дѣйствія становится ударъ холоднымъ оружіемъ (дѣло на р. Сестрѣ, Шереметьевскіе пабѣги, Полтава)».

Наконецъ, на стр. 236, характеризуя дѣйствія русской кавалеріи время Елизаветы, онъ говоритъ: «Цѣль дѣйствія конницы въ бою, по взглядамъ нашихъ тактиковъ того времени, можно опредѣлить слѣдующимъ указаніемъ устава: «всякое дѣйствіе и сила кавалеріи, которое съ авантажемъ и съ побѣдою непріятельскою чинимо бываетъ, состоятъ въ храбрости людей, въ добромъ употребленіи палашей, въ

крѣпкомъ смыканіи и въ жестокомъ ударѣ черезъ сильную скачку». Огонь съ коня былъ принятъ только изъ пистолетовъ «въ самонужнѣйшихъ обстоятельствахъ, когда имѣемъ дѣло съ легкимъ непріателемъ» и только одною шеренгою. Такимъ образомъ, наши кавалеристы времени Елизаветы, говорить г. Масловскій, не только возстановили требованія Петра I, но пошли дальше.

Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что теперь предлагается идти назадъ, на «конфузію», ибо Петръ Великій и его послѣдователи не допускали стрѣльбы съ коня передъ атакою, но разрѣшали ее послѣ столкновенія, въ періодъ преслѣдованія и въ бою одиночномъ. Такимъ образомъ, цитируемое авторомъ «бесѣдъ» мнѣніе генералитета 1736 г. является не отступленіемъ отъ взглядовъ Петра, а лишь повтореніемъ ихъ—только въ плохой редакціи.

Значить, стрѣльба съ коня передъ атакою была изъята у насъ не благодаря Миниху и нѣмцамъ, а благодаря Великому Петру, и уже если вспоминать о Минихѣ и нѣмцахъ, то въ такой формѣ, что даже Минихъ и нѣмцы не рѣшились нарушить завѣтовъ Петра, и когда имъ было предложено «къмъ-то» ввести стрѣльбу съ коня передъ атакой, то они такое предложеніе «за благо не признали».

Обратимся къ другимъ источникамъ, изъ которыхъ авторъ «Бесѣдъ» пытается извлечь нѣчто въ пользу своего предложенія.

Къ взгляду М. И. Драгомирова, что «пока всадникъ на конѣ, онъ можетъ дѣйствовать только холоднымъ оружіемъ....» и т. д., необходимо привести авторитетный взглядъ его на то, что съ введеніемъ метательнаго оружія въ полевую войну всегда оставалось и останется истиною, что желаніе поражать непріятеля издали есть въ тоже время нежеланіе сходить съ нимъ на дистанцію меча, пики, штыка. Недаромъ М. И. Драгомировъ замѣчаетъ послѣ того, что становится понятнымъ, почему появленіе въ полевой войнѣ метательнаго оружія совпадаетъ съ нравственнымъ упадкомъ древнихъ армій. Замѣчаніе это нельзя не имѣть въ виду при попыткѣ навязать конницѣ «работу, сдѣлавшимъ громадныя шаги», огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Въ Бозѣ почивающій генералъ-инспекторъ кавалеріи въ высокой степени раздѣлялъ взглядъ этотъ и строго проводилъ его въ воспитаніе нашей конницы, преслѣдуя излишнее усердіе въ стрѣльбѣ даже спѣшенными частями. Принципы: «попаданіе издали—нежеланіе сходить на штыкъ» сознаетъ, очевидно, и авторъ предложенія, устраняя его неудобства, однако, исключительно только словами: «мощный духъ, долгъ, рациональное натаскиваніе» и т. п.

Не на фланкеровъ Суворовскихъ слѣдовало бы обратить внима-

нѣ, а на его взгляды по существу; и пѣхоть говорить онъ: «ступай, ступай, атакуй въ пытки. Ура! Здѣсь безъ пальбы». «Штыкомъ можетъ одинъ человекъ заколотъ троихъ, гдѣ четырехъ, а сотня пуль летитъ на воздухъ». Въ этихъ немногихъ словахъ о холодномъ оружїи глубокой смыслъ и для конницы.

Взявъ «Прикладную тактику» Г. А. Леера, и тамъ найдемъ совершенно опредѣленный взглядъ на это дѣло: «Огонь, въ ряду прочихъ условїй, требуетъ, главнымъ образомъ внутренняго и внѣшняго спокойнаго состоянїя отъ стрѣляющаго. Последнее — неподвижность — вполне противорѣчитъ основнымъ свойствамъ кавалерїи. Вотъ почему огонь съ коня *не имѣетъ смысла*, и хотя кавалерїя долгое время и употребляла его въ бою, но лучшіе тактики (Тюрень, Карль XII, Петръ Великій и Фридрихъ) всегда возставали противъ него».

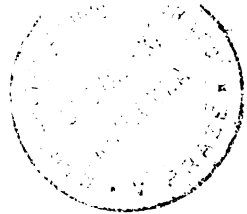
Не мѣшаетъ указать еще на одно обстоятельство, по поводу реформированїя въ 1833 году нашихъ конно-егерскихъ полковъ. Это единственный родъ нашей конницы, который отличался до того отрицательно, что послѣ польской войны былъ упраздненъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, это и единственный родъ конницы, стрѣлявшей съ коня въ 1831 г. и не подъ однимъ только Сточкомъ. Интересующимся результатами такого нежелательнаго для конницы образа дѣйствїй рекомендуемъ ознакомиться съ дѣломъ генерала Щуцкаго 7-го (19-го) мая у Ободнаго, гдѣ Еловницкіе и Запольскій, даже съ волонтерами, разбили нашихъ конно-егерей и взяли два конныхъ орудїя, потому что егеря, вмѣсто того чтобы бросаться на инсургентовъ, открыли огонь съ коней, рѣшая, быть можетъ, одну изъ задачъ по «эксплоатаціи боевой стрѣльбы съ коня, полезной и выгодной во многихъ обстановкахъ боя».

Наконецъ, характеренъ отзывъ одного изъ боевыхъ, способныхъ и самостоятельныхъ по убѣжденїемъ кавказцевъ, на которыхъ дѣлаются частыя ссылки:

«Не вѣрьте тому, чтобы кавказскіе драгуны, прїдя на европейскій театръ, стали стрѣлять съ коня изъ строя. Это несправедливый наговоръ, не вытекающій изъ боеваго опыта нашихъ полковъ. Таково здѣсь общее убѣжденіе людей боевыхъ...»

В. Сухомлиновъ.

I.

О Ч Е Р К Ъ

ДѢЙСТВІЙ ЗАПАДНАГО ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА ГУРКО.

Часть II.

Декабрь 1877 года.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.

(Статья шестая) (1).

VI.

Атака негашевской позиціи авангардомъ генерала Рауха и занятіе софійскаго шоссе.

15-го декабря, вскорѣ послѣ полудня, генераль Гурко, какъ уже изложено выше, вернувшись въ Чурьякъ съ развѣдки, которую онъ производилъ съ генеральнаго штаба подполковникомъ Ставровскимъ, лично объяснилъ генералу Рауху планъ предстоявшихъ дѣйствій: рѣшено было преображенцевъ двинуть впередъ для атаки турокъ, находившихся прямо передъ ущельемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно изгибается и дѣлаетъ поворотъ на юго-востокъ; за Преображенскимъ полкомъ направить Кавказскую казачью бригаду съ 8-й донской батареей и Козловскій полкъ.

По сбитіи турокъ, козловцы должны были свернуть по ущелью направо и занять дд. Елешницу и Потопъ, а казаки выйти въ

(1) См. «Военный Сборникъ» 1892 г., № 1-й.
Т. ССІІІ.—Отд. I.

долину на шоссе; наконецъ, заслономъ къ сторонѣ Горн.-Комарцевъ была выдвинута одна рота Козловскаго полка.

Необходимо напомнить, что въ это время о дѣйствіяхъ другихъ колоннъ не имѣлось еще никакихъ свѣдѣній, слѣдовательно авангардъ генерала Рауха, выходя изъ горъ въ долину, рисковалъ привлечь на себя удары турокъ; но съ другой стороны необходимо было захватить тѣ высоты, которыя могли составить послѣднюю позицію турокъ по пути нашего авангарда и главныхъ силъ при переходѣ черезъ Балканы.

Въ 2 часа пополудни, Преображенскій полкъ былъ поднятъ съ квартиръ и вытянулся изъ деревни по правому берегу ручья, имѣя младшіе баталіоны впередъ; пройдя около полторы версты, полкъ перешелъ ручей по льду и началъ подниматься по крутой снѣговой тропѣ. Генеральнаго штаба подполковникъ Ставровскій, хорошо изучившій мѣстность во время развѣдокъ, велъ преображенцевъ. Лишь только баталіоны поднялись на довольно открытую вершину, бывшую почти на одной высотѣ съ непріятельскою, какъ были замѣчены съ турецкаго пикета, внимательно слѣдившаго за движеніемъ полка и открывшаго по преображенцамъ ружейный огонь. Длинной вереницей растянулись преображенцы и медленно карабкались они на крутой подъемъ. Отъ постоянного пребыванія на открытомъ воздухѣ, въ холодное время года, почти всѣ люди страдали катаромъ дыхательныхъ путей, вслѣдствіе чего во время подъема общій кашель въ полку былъ неумолкаемъ; казалось весь полкъ непрерывно кашлялъ. Турецкій пикетъ постоянно усилялся; видно было, какъ люди поскакали по всѣмъ направленіямъ и вскорѣ вся высота покрылась копичей (1).

Между тѣмъ, полку трудно было быстро развернуться для атаки турецкой позиціи, такъ какъ, двгаясь по узкой тропѣ и глубокому снѣгу, полкъ сильно растянулся и людямъ пришлось идти гуськомъ, постоянно скользя, обрываясь и падая.

Между тѣмъ, подполковникъ Ставровскій передалъ командиру 4-го баталіона, полковнику графу Граббе, весьма вѣрно составленное кроки мѣстности и предложилъ для наступленія шире развести роты, чтобы, такимъ образомъ, раздѣливъ дѣйствіе непріятельскаго огня, дать другимъ баталіонамъ возможность подтянуться, не привлекая на себя вниманіе противника.

Вслѣдствіе этого предложенія, 4-й баталіонъ былъ разведенъ на

(1) Пузыревскій, «Переходъ», 84.

полные интервалы и принялъ на себя за тысячу шаговъ бѣглый огонь непріятели. Впрочемъ, 4-й баталіонъ скоро спустился въ мертвое пространство лоцины, такъ что непріятель, видя, что его огонь не причиняетъ урона въ нашихъ рядахъ, сталъ его переводить на 3-й баталіонъ, который тѣмъ временемъ вплотную подошелъ въ образовавшійся между ротами 4-го баталіона интервалъ.

Тогда командующій полкомъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій, подскакавъ къ 3-му баталіону, приказалъ развести его по-ротню, такъ что въ интервалъ между 15-ю и 16-ю ротами вошли 10-я и 11-я роты и наступали совмѣстно съ четвертымъ баталіономъ.

Роты эти заняли гребень высотъ параллельный тому, на которомъ былъ расположенъ противникъ; между этими высотами пролегла весьма глубокая лоцина, слѣдовательно для дальнѣйшаго наступленія полезно было оставить на гребнѣ часть людей для поддержки атакующихъ огнемъ. Вслѣдствіе этого, по распоряженію графа Граббе, оставлены были отъ 4-го баталіона по взводу отъ каждой роты, а остальные быстро двинулись впередъ, причемъ противникъ встрѣтилъ ихъ весьма оживленнымъ, но мало дѣйствительнымъ огнемъ, отъ котораго преображенцы потеряли только двухъ нижнихъ чиновъ. Вскорѣ перемѣшавшіяся цѣпи 15-й, 10-й 11-й и 16-й ротъ взобрались на непріятельскую позицію, съ которой противникъ стремительно бѣжалъ. Какъ кажется, турецкій отрядъ состоялъ изъ снѣженной конницы и пѣхоты.

Съ высоты, занятой головными ротами Преображенскаго полка, открылась чудная картина софійской долины, хотя и не цвѣтущей зеленью, какъ о томъ мечтали мы во время перехода черезъ горы, но прелестной своей снѣговой далью, покрытой десятками деревень и перерѣзанной рѣзкой чертой шоссе.

Подъ ногами разстиалась деревня Негашево, изъ которой на глазахъ нашихъ быстро уходилъ непріятель; глубоко внизу видѣлась щетинистая полоса штыковъ—то былъ Козловскій полкъ, направленный ущельемъ на деревню Потопъ⁽¹⁾.

Какъ только турки были сбиты, генераль Раухъ прислалъ приказаніе Козловскому полку двинуться на Потопъ, а казакамъ на шоссе, по которому тянулся значительный обозъ, состоявшій изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна шла отъ Софіи къ Арабъ-конаку, а другая обратно: при обозѣ было видно и прикрытіе, незначительное по числу.

(1) «Исторія Преображенскаго полка», т. III, 521.

Генераль Черевингъ, около 4-хъ часовъ дня, двинулъ свои сотни справа по одному, по узкой горной тропѣ, позади позиціи Преображенскаго полка и вышелъ около 5-ти часовъ изъ-за ея лѣваго фланга въ долину, гдѣ казаки начали собираться у своихъ огромныхъ знаменъ. Какъ только 2-я и 4-я сотни Владикавказскаго полка вышли изъ ущелья, генераль Черевингъ тотчасъ развернулъ ихъ и приказалъ ударить на прикрытіе ближайшаго обоза. Казаки съ мѣста пошли ходко, по глубокой снѣгъ, въ которомъ лошади увязали по колѣно, очень затрудняя движеніе, строй постепенно терялъ правильность, шеренги переѣшались и казаки длинной лавой по-скакали на обозъ.

Тамъ началась суматоха, прикрытіе разбѣжалось, подводы остановились, а подводчики-болгары спокойно ожидали скакавшихъ казаковъ. Последніе пронеслись по обозу, порубили часть прикрытія, не успѣвшаго бѣжать, повернули обозъ къ позиціи и двинулись передъ его голову (1). Между тѣмъ, со стороны Софіи показалось вдругъ нѣсколько эскадроновъ черкесовъ; выстроившись въ одну линію, они понеслись на обозъ и, отхвативши половину его, повернули повозки; но въ это время въ долину изъ ущелья вышли и кубанскія сотни, которыя, замѣтивъ нападеніе черкесовъ, повернули и пошли на нихъ; последніе не приняли удара, бросили обозъ и ускакали за деревню Тапкисенъ.

Между тѣмъ, для поддержки казаковъ была выдвинута 6-я рота Преображенскаго полка, которая быстро спустилась на самое шоссе и поздно вечеромъ вернулась на бивакъ, доставивъ большое количество галетъ и муки изъ захваченнаго транспорта.

Въ тотъ же день Козловскій полкъ дошелъ безъ сопротивленія до д. Потопъ и выдвинулъ одинъ баталіонъ въ Елешницу (2). Такъ окончилась атака негашево-слепнищской позиціи, результатомъ которой было: 1) свободный выходъ въ Софійскую долину; 2) обезпеченіе обхода лѣваго фланга непріятели главными силами, еще пере-

(1) Во время этой схватки дрался съ оружіемъ въ рукахъ и какой-то турокъ, бывший тутъ со своей семьей. Онъ палъ подъ шапкой казака, а жена его съ 4-хъ лѣтнимъ ребенкомъ была взята въ плѣнъ. Плачь и просьбы отпустить ее на волю тронули казачью душу и женщина получила свободу, но умышленно, или по забывчивости, она оставила дѣвочку въ повозкѣ. Тогда ребенокъ былъ принятъ на сѣдло казакомъ 4-й сотни и, закутанный бережно въ бурку, доставленъ въ Орханіэ, гдѣ сданъ уполноченному «Краснаго креста» Петлину. 25-го декабря ребенка крестили и назвали Маріей, а затѣмъ отправляли въ Петербургъ къ Цесаревнѣ (Туркманъ, «Воен. Сбор.», 82—7—30).

(2) Репортъ генерала Рауха. «Воен. Сбор.», 78—8—211.

валивавшими черезъ Балканы, и 3) захватъ пути сообщенія турокъ съ Софіей съ прекращеніемъ телеграфнаго сообщенія съ этимъ городомъ.

Расположеніе авангарда генерала Рауха на негашевской позиціи въ ночь на 15-е декабря не было особенно безопаснымъ, такъ какъ онъ значительно выдвинулся въ долину безъ связи съ другими колоннами и безъ возможности получить скорую поддержку со стороны главныхъ силъ, медленно тянувшихся черезъ горы.

Вслѣдствіе этого для скрытія слабости своихъ силъ генераль Раухъ приказалъ развести какъ можно больше костровъ ⁽¹⁾, что въ виду холодной и морозной ночи было исполнено людьми съ особенной охотой. На ночь Преображенскій полкъ расположился на перевалѣ, почти весь въ одну линію, имѣя на правомъ флангѣ 10-ю роту, лѣвѣе ея—4-й, 1-й и 2-й баталіоны, а остальные три роты 3-го баталіона стали за 10-й ротой.

Какъ мы видѣли раньше, турки не придавали особеннаго значенія появленію нашихъ войскъ въ Чурьякѣ, а того, что деревня эта занята Преображенскимъ полкомъ и гвардейскимъ сапернымъ баталіономъ, они и не подозрѣвали до дѣла 15-го декабря. Только въ этотъ день послѣ полудня, Шакиръ получилъ громовое извѣстіе о переходѣ значительныхъ русскихъ силъ черезъ чурьякскій перевалъ и о томъ, что телеграфное сообщеніе съ Софіей было прервано. Извѣстіе это сильно взволновало Шакира, такъ какъ, если бы русскимъ удалось занять высоты Ташкисена, съ которыхъ можно было обстрѣливать комарційскую котловину, то положеніе турецкой арміи стало бы въ высшей степени затруднительнымъ. Взойдя на высоту близъ лагеря своей главной квартиры, откуда открывался видъ на всю окрестность, Шакиръ увидѣлъ массы русской конницы, спускавшейся по всѣмъ склонамъ Балкановъ. Турецкая конница, наблюдавшая за чурьякскимъ проходомъ и подкрѣпленія, высланныя къ ней въ этотъ день утромъ, были вовлечены въ серьезное дѣло и въ состояніи были лишь замедлить движеніе значительныхъ силъ, перешедшихъ въ наступленіе; пальба казалось приближалась къ Ташкисену ⁽²⁾.

Такое было впечатлѣніе, вынесенное Шакиромъ и окружавшими его офицерами изъ наблюденій за перестрѣлкой у Негашева; какъ мы видѣли выше, наши силы казались туркамъ значительно преувеличенными.

⁽¹⁾ Пузыревскій. «Переходъ», 88.

⁽²⁾ Бекеръ. «Воен. Сбор.», 80—4—438.

Желая обезпечить себя со стороны Негашева, Шакиръ приказалъ Бекеру занять позицію у Ташкисена, для чего въ распоряженіе его назначилъ четыре баталіона съ двумя полевыми орудіями и двумя горными.

Было уже почти темно, когда отрядъ Бекера выступилъ изъ Арабъ-конака къ Ташкисену; встрѣчавшіеся по дорогѣ офицеры и нижніе чины, шедшіе изъ Ташкисена, распространяли самыя тревожныя извѣстія, увѣряя, что русскіе уже заняли Ташкисень и убѣждали Бекера не идти туда. Тѣмъ не менѣе отрядъ Бекера продолжалъ движеніе къ Ташкисену и съ перевала, не доходя этой деревни, турки увидали бивачные огни русскихъ на отрогахъ горъ къ сѣверу отъ софійскаго шоссе.

Бекеръ разсчиталъ по этимъ огнямъ, что русскіе занимаютъ негашевскую позицію въ числѣ не менѣе 20,000 человекъ. Но, какъ мы уже знаемъ, на позиціи этой былъ только Преображенскій полкъ въ числѣ около 2,500 человекъ, которые, какъ читатель помнитъ, по приказанію генерала Рауха, съ цѣлью замаскировать свои силы, развели множество костровъ. Какъ видно, мѣра эта вполнѣ достигла цѣли, удесятеривъ въ глазахъ турокъ численность нашего отряда. Занявъ позицію у Ташкисена, отрядъ Бекера началъ на ней укрѣпляться. Такимъ образомъ, Шакиру удалось хотя временно обезпечить себя отъ ожидавшагося наступленія русскихъ на Ташкисень.

Какъ мы видѣли раньше, Шакиръ не считалъ возможнымъ оборонять линіи Балкановъ послѣ паденія Плевны и предлагалъ сосредоточить всѣ свободныя турецкія войска въ южной Турціи, напримѣръ, въ укрѣпленномъ лагерѣ у Адрианополя. Предложеніе это не было одобрено Сулейманомъ-пашею и Шакиру предписано было оставаться на мѣстѣ.

Между тѣмъ, неожиданное появленіе нашихъ войскъ въ окрестностяхъ Негашева и перерывъ сообщеній съ Софіей произвели сильное впечатлѣніе на турокъ и вызвали значительную суматоху.

16-го декабря Сулейманъ-паша находился въ Дербентъ-Капуджикъ (между Софіей и Татаръ-Базарджикомъ). Отсюда на запросъ константинопольскаго военнаго совѣта, онъ отвѣчалъ, что ему не удалось отправить гонца въ лагерь Шакира, а потому онъ послалъ ему депешу въ Базарджикъ, откуда она будетъ отправлена въ Златицу съ нарочнымъ, такъ какъ златицкая линія тоже прервана; начальникъ же златицкаго отряда отправить депешу Шакиру. Желая имѣть свѣдѣнія о положеніи отряда Шакира во что бы то ни стало, правительство предписало Сулейману отправить къ Шакиру нѣ-

сколько нарочныхъ изъ разныхъ пунктовъ, чтобы хотя одинъ изъ нихъ могъ прибыть по назначенію. За доставленіе свѣдѣній о Шакирѣ обѣщаны были разныя награды и большія суммы денегъ (1). Съ другой стороны, нарочному изъ отряда Шакира удалось 16-го декабря прибыть въ Софію съ шифрованной депешей на имя Сулеймана, а другую депешу Шакиръ отправилъ 17-го декабря съ запятіемъ на Ихтиманъ съ извѣстіемъ, что русскіе прервали сообщеніе между Софіей и Ташкисеномъ и укрѣпили свои позиціи; Шакиру же не удалось получить до 17-го декабря ни одного изъ приказаній Сулеймана. Получивъ извѣстіе о появленіи русскихъ въ значительныхъ силахъ у Негашева, турецкое правительство съ большой тревогой отнеслось къ этому событію; посылались приказанія по телеграфу Сулейману, заведены были переговоры съ софійскимъ мутесарифомъ и приняты были мѣры для ускоренія перевозки войскъ изъ Варны въ Константинополь. Сулейману было предложено выдѣлать еще часть изъ восточной арміи, но предложеніе это было имъ отклонено. Съ тревогой спрашиваетъ правительство, приняты ли мѣры къ тому, чтобы не попались въ руки непріятеля значительные запасы продовольствія и другихъ предметовъ, собранные въ Софіи. вмѣстѣ съ этимъ Сулейману сообщается, что большая часть неудачъ произошла отъ разброски войскъ и вслѣдствіе этого было передано непремѣнное желаніе султана располагать войска, по возможности, сосредоточенно. Но развѣ могло быть исполнено такое желаніе при условіи обязательной обороны всей линіи Балкановъ.

Впечатлѣніе, произведенное запятіемъ войсками нашего авангарда негашевской позиціи, было въ особенности сильно въ Софіи. Населеніе этого города, окруженнаго цѣлымъ рядомъ весьма сильныхъ укрѣпленій, занятаго отрядомъ около 30-ти таборовъ съ двумя батареями и обильно снабженнаго всѣмъ необходимымъ, пришло въ величайшее смятеніе. Сулейманъ приказалъ населенію выйти изъ города и такое распоряженіе, конечно, только увеличило смуту; всюду готовились повозки для выѣзда. Консулы обратились къ городскимъ властямъ съ запросомъ, что они намѣрены дѣлать; но имъ сказали, что отвѣтъ будетъ данъ только на письменный запросъ. Рядомъ съ приказаніемъ о выселеніи жителей изъ города, городскія власти приняли мѣры къ сформированію изъ нихъ ополченія; но, принимая во вниманіе тревогу, овладѣвшую турками, можно полагать, что едва-ли было сдѣлано въ этомъ отношеніи что-либо суще-

(1) «Сборникъ турец. докум.», 122—124.

ственное. Для полученія свѣдѣній о Шакирѣ было отправлено изъ Софіи нѣсколько нарочныхъ, въ томъ числѣ и орханійскій каймакамъ Саадединъ-эфенди, который доносилъ, что русскіе находятся въ значительныхъ силахъ въ окрестностяхъ Ташкисена и что пока происходятъ небольшія дѣла. Несмотря, однакоже, на тревожныя извѣстія, полученныя Сулейманомъ, онъ все-таки полагалъ еще возможнымъ продолжать оборону Балканскаго хребта. «Я не хочу выпускать изъ рукъ Камарли (т. е. арабъ-конакской позиціи), о чемъ я много писалъ Шакиру-пашѣ», телеграфировалъ онъ султану 16-го декабря (1). Въ тоже время онъ приказалъ лютиковскому отряду отступить въ Софію. Между тѣмъ, Шакиръ, находясь на мѣстѣ и лучше оцѣнивъ обстановку, убѣдился, что русскіе въ значительныхъ силахъ обошли его позицію со стороны Чурьяка и вслѣдствіе этого принялъ рѣшеніе отступить отъ Арабъ-конака въ направленіи къ Адрианополю.

Впрочемъ, имѣя въ виду неоднократныя приказанія Сулеймана оставаться на мѣстѣ, Шакиръ рѣшилъ сдѣлать окончательныя распоряженія объ отступленіи только въ томъ случаѣ, если въ теченіе 16-го декабря не будетъ получено никакихъ приказаній отъ Сулеймана. Между тѣмъ, Сулейманъ, наконецъ, призналъ необходимымъ очистить арабъ-конакскую позицію и 18-го декабря послалъ Шакиру приказаніе отступать на другой день, 19-го декабря, послѣ полудня или вечеромъ, на Мирково и Петричево. Приказаніе это было передано по телеграфу въ Ихтиманъ, а оттуда должно было быть отвезено Шакиру въ нѣсколькихъ экземплярахъ, причемъ посланнымъ было обѣщано 2,000 піастровъ, если они представятъ удостовѣреніе о прибытіи къ Шакиру. Приказы эти, однакоже, не были по назначенію. Такимъ образомъ, такъ какъ телеграфное сообщеніе съ Сулейманомъ было прервано, какъ черезъ Софію, такъ и черезъ Златицу, то Шакиру необходимо было распоряжаться самостоятельно; принявъ рѣшеніе объ отступленіи отъ Арабъ-конака, Шакиръ рѣшилъ его исполнить подъ прикрытіемъ отряда, занявшаго ташкисенскую позицію.

Между тѣмъ, какъ турки принимали всѣ перечисленныя мѣры и укрѣплялись на ташкисенской позиціи, части нашего авангарда, утромъ 16-го декабря, передвинулись версты на двѣ впередъ и стали фронтомъ къ Ташкисену слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ—лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ съ 1-ю и 3-ю батареями

(1) «Сборникъ турец. докум.», 123.

лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, а на лѣвомъ — лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ и 4-й стрѣлковый баталіонъ съ полутора сотнями казаковъ. Отъ этихъ частей были выставлены на позицію дежурныя части, прочія же войска авангарда стали въ Негашевѣ. Кавказская казачья бригада заняла Стольникъ и къ ней присоединилась и 8-я донская батарея, а четыре орудія 3-й артилерійской бригады еще оставались на перевалѣ. Наконецъ, 1-й стрѣлковый баталіонъ и два баталіона Козловскаго полка, подъ начальствомъ полковника Васмунда, заняли «Черный верхъ», а одинъ баталіонъ козловцевъ оставался въ дер. Елешницѣ (¹). Вечеромъ, 16-го декабря, термометръ упалъ до 15° и началась сильная, снѣжная метель. Въ ожиданіи прибытія остальныхъ частей, авангардъ долженъ былъ оставаться на занятыхъ имъ мѣстахъ, не предпринимая никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, за исключеніемъ высылки 7^{1/2} сотенъ Кавказской казачьей бригады къ Стольнику, для обезпеченія нашего праваго фланга и для дѣйствій на шоссе. Конница эта дошла до Бугорова, захватила много повозокъ съ различными запасами и разсѣяла въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшіе отряды пѣхоты и кавалеріи, прикрывавшіе движеніе обозовъ (²). Всѣ эти дѣйствія облегчались для кавказскихъ казаковъ тѣмъ, что турки принимали ихъ за черкесовъ и нерѣдко подпускали вплотную безъ выстрѣла. Многіе турецкіе солдаты, схваченные казаками, не хотѣли вѣрить имъ, что они русскіе и даже тогда, когда видѣли на груди нѣкоторыхъ казаковъ Георгіевскіе кресты.

Въ это время, какъ помнитъ читатель, главныя силы еще перемалывали черезъ горы; 16-го декабря въ Чурьякъ прибылъ 1-й эшелонъ, 17-го онъ перешелъ въ Потопъ, и только вечеромъ 18-го декабря сосредоточился въ Чурьякъ 2-й эшелонъ. Всѣ эти войска хотя и были расквартированы по деревнямъ, но вслѣдствіе недостаточности помѣщеній, пришлось на каждую часть отвести самое ограниченное число построекъ, такъ, напримѣръ, на баталіонъ 3—4 двора. Вслѣдствіе этого, всѣмъ мѣста подъ крышей далеко не хватало и большинство должно было располагаться на снѣгу подъ открытымъ небомъ (³).

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ другихъ отрядахъ.

(¹) Рапортъ ген. Рауха. «Воен. Сбор.», 78—8—211.

(²) «Воспоминаніе офицера ген. штаба», Пузыревскій, 171—176.

(³) Луганинъ. «Сбор. воен. разск.», т. IV, 132.

VII.

Дѣйствія этропольской колонны генерала Дандевиля. Подъемъ на Бабу-гору.

Согласно диспозиціи на 13-е декабря, колонну эту составляли: 11-й Псковскій полкъ, 12-й Великолудскій полкъ (14 ротъ), 124-й Воронежскій, 4-я батарея 31-й артиллерійской бригады, 16-й конной батареей—два орудія, 19-й донской батареей—четыре орудія, Екатеринославскій драгунскій полкъ, сотня 26-го Донскаго полка и сотня 21-го Донскаго полка; всего 9 баталіоновъ, 8 полевыхъ орудій, 6 эскадроновъ и сотенъ и 6 конныхъ орудій, силою нѣсколько болѣе 5,000 человекъ (1).

Колонна эта должна была выступить изъ Этрополя 13-го декабря, въ 6 часовъ утра, и слѣдовать по дорогѣ на Буново черезъ Бабу-гору; послѣ подъема колонны на переваль, было предписано состоящей при ней конницѣ спуститься въ Буново, выслать немедленно сильные разѣзды въ Дольніе-Комарцы и по дорогѣ въ Златицу и разрушить телеграфъ, находящійся какъ на этой дорогѣ, такъ и на дорогѣ изъ Дольнихъ-Комарцевъ въ Петричево; что же касается пѣхоты съ пѣшею и конною артиллеріей, то имъ предписано было дѣйствовать съ утра 14-го декабря во флангъ и тылъ турецкой позиціи у Шандорника. Главное назначеніе колонны—демонстраціями противъ праваго фланга турокъ привлечь ихъ вниманіе въ эту сторону и тѣмъ облегчить дѣйствія главной колонны, направленной на Чурьякъ. Въ случаѣ же отступленія турецкихъ войскъ на Петричево, энергическимъ преслѣдованіемъ, по возможности, разстроить отступающія войска.

11-го декабря генераль Дандевиль, давъ начальство надъ войсками, занявшими позицію противъ Шандорника, его высочеству принцу Ольденбургскому, прибылъ въ Этрополь и дѣятельно сталъ готовить свои войска къ предстоявшему движенію.

Приняты были мѣры къ исправленію одежды и обуви, а также къ починкѣ шанцеваго инструмента; запасено было сухарей по 20-е число и возможно болѣе количество мяса и спирта и, наконецъ, артиллерія было приказано устроить сани и припасти канаты для подъема орудій. Мѣстные жители, хорошо знавшіе Бабу-гору, почти единогласно утверждали, что переходъ черезъ нее въ зимнее время

(1) Рапортъ ген. Дандевиля. «Воен. Сбор.», 78—6—232.

есть предпріятіе невозможное. Вслѣдствіе этого, желая возможно лучше обезпечить успѣхъ предстоявшихъ дѣйствій и не имѣя въ своемъ распоряженіи санеръ, генераль Дандевилъ рѣшилъ собрать болгаръ для разработки пути и подъема орудій на горы. Съ этою цѣлью въ Этрополѣ была издана слѣдующая прокламація на болгарскомъ языкѣ: «Болгары! Намъ предстоитъ сдѣлать послѣдній напоръ на турокъ и перейти Балканы, гдѣ они держаться не могутъ. Вы должны помочь намъ везти орудія, нести тяжести, заряды, сухари черезъ горы. Заплачено будетъ всѣмъ, но главная ваша награда будетъ избавленіе отъ турокъ навсегда. Вамъ теперь трудно, но русскимъ труднѣе, они терпятъ для вашей пользы, а вы—для своей. Пройдетъ тяжелое время и будете благодарить Бога!»

Прокламація эта, переведенная на болгарскій языкъ состоявшимъ при генералѣ Дандевилѣ болгаринномъ Цареградскимъ, была имъ прочтена въ этропольской церкви, причемъ онъ произнесъ горячую, прочувствованную рѣчь собравшемуся народу. Затѣмъ онъ поѣхалъ по окрестнымъ деревнямъ и къ 14-му декабря успѣлъ собрать 720 болгаръ съ лопатами и частью съ кирками; 12 паръ воловъ съ санями и 40 съ вьючными сѣдлами.

За каждую пару воловъ за одинъ конецъ подъема тяжестей генераль Гурко разрѣшилъ выдавать по золотому, рабочимъ былъ купленъ хлѣбъ на два дня и ихъ обѣщали смѣнять другими по 300 челоуѣкъ въ день.

Наконецъ, нельзя не указать на то обстоятельство, что многіе раненные и больные изъ находившихся въ этропольскихъ лазаретахъ, услыхавъ, что войскамъ предстоитъ переходъ черезъ Балканы, по-выписались въ строй.

Въ 3 часа ночи на 13-е число ⁽¹⁾ генераль Дандевилъ получилъ диспозицію для перехода черезъ Балканы. Согласно этой диспозиціи, колонна должна была выступить изъ Этрополя въ 6 часовъ утра, 13-го декабря, но, въ виду поздняго полученія диспозиціи и имѣвшихся свѣдѣній, что дорога, ведущая на переваль, была совершенно занесена снѣгомъ, генераль Дандевилъ рѣшилъ 13-го декабря двинуть только авангардъ съ рабочими для расчистки пути.

Въ составъ авангарда, подъ начальствомъ генераль-маіора Краснова, были назначены: три эскадрона екатеринославскихъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ, 12-й Великолуцкій полкъ ⁽²⁾ и четыре орудія

⁽¹⁾ Рапортъ ген. Дандевила. «Воен. Сбор.», 78—6—232.

⁽²⁾ Безъ 3-й стр. роты, которая была въ златицкомъ отрядѣ.

19-й донской батарее. При авангардѣ назначенъ былъ состоятъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Протопоповъ; участіе этого офицера было въ особенности полезно потому, что имъ произведена была развѣдка перевала на Бабу-гору 23-го ноября, когда онъ выходилъ съ развѣдомъ въ тѣмъ позиціи на Шандорникѣ. Вслѣдствіе поздняго полученія диспозиціи, войска авангарда выступили изъ Этрополя не въ 6 часовъ утра, а въ часъ пополудни. причеиъ движеніе было произведено въ слѣдующеиъ порядкѣ: двѣ сотни казаковъ, за ними три эскадрона драгунъ, рабочіе болгары, 12-й Великолуцкій полкъ и, наконецъ, четыре орудія 19-й донской батарее, при которыхъ также двигались болгары для помощи въ трудныхъ мѣстахъ. Движеніе конницы впереди авангарда принесло большую пользу, такъ какъ лошади протанывали дорогу и тѣмъ облегчили работу болгарамъ, а затѣмъ пѣхота утоптала снѣгъ настолько, что до начала подъема въ горы артилерія прошла безъ особыхъ затрудненій. Для расчистки дороги болгары были построены длинною колонною: впереди съ лопатами и кирками, потомъ съ дубинами — для разбивки комьевъ, затѣмъ съ метлами — для сметанія снѣга и, наконецъ, уже безъ всякихъ инструментовъ — для утаптыванія полотна дороги ногами.

Верстахъ въ семи отъ Этрополя начинался подъемъ на первый уступъ сѣвернаго отрога Бабы-горы. Въ этомъ мѣстѣ дорога, на протяженіи около полуверсты, глубоко врѣзана въ отлогость крутаго ската. Здѣсь снѣгъ наваленъ на цѣлую сажень глубины и это мѣсто представляло наибольшія трудности — лошади до такой степени тоннули въ рыхломъ наносѣ, что приходилось спѣшивать людей и вытаскивать коней изъ сугробовъ. Подъемъ артилеріи на горы производился въ отрядѣ генерала Дандевила нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ: орудія снимали съ лафетовъ и ихъ тащили по снѣгу за привязанные къ нимъ канаты съ поперечными толстыми палками, за каждую изъ которыхъ брались по два человекъ и, такимъ образомъ, человекъ 50 тащили одно орудіе. Такимъ порядкомъ орудія двигались довольно легко, но съ передками и ящиками было гораздо больше возни: въ узкихъ мѣстахъ и на поворотахъ приходилось вынимать заряды и снаряды и нести ихъ на рукахъ; нерѣдко, гдѣ дорога лѣпилась узкимъ карнизомъ по крутымъ скатамъ, надо было катить лафеты, передки и ящики на одномъ колесѣ, удерживая другое на вѣсу. И вновь, какъ и при подъемахъ орудій осенью, главная тяжесть этой работы пала на пѣхоту, которой, впрочемъ, на этотъ разъ помогали болгары; волю были почти бесполезны, а сани болгарскія,

широкія и длинныя, пришлось бросить (1). Проработавъ до наступленія глубокой темноты, войска, несмотря на величайшія усилія, могли поднять на первый уступъ только два орудія, а другія два остались на ночь внизу. Что же касается казаковъ и драгунъ, то они были на переваль къ 6-ти часамъ вечера, 13-го декабря, разсыпали по близости разъѣзды, нашли сѣна, забрали до сотни барановъ, гулявшихъ передъ Буновымъ и обмѣнялись ружейными выстрѣлами съ турецкими всадниками, выхавшими оттуда. Къ ночи части авангарда заняли слѣдующее расположеніе: впереди по лѣвую сторону дороги—двѣ сотни казаковъ, за ними по обѣимъ сторонамъ—драгуны, за драгунами тоже по обѣимъ сторонамъ—расположился Великолуцкій полкъ. На самый переваль для охраненія отряда былъ выставленъ одинъ постъ изъ 10-ти казаковъ; этого было вполне достаточно, чтобы обезпечить войска отъ нечаяннаго нападенія, такъ какъ по сторонамъ была мѣстность крайне трудно доступная, а именно, справа—глубокой оврагъ съ крутымъ, лѣсистымъ скатомъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ, а слѣва—выселись обледенѣлыя кручи Бабы-горы. Часовыхъ отъ частей приказано было выставлять у опушки лѣса, откуда видна была вся снѣжная равнина обширнаго перевала Бабы-горы. Къ вечеру температура понизилась, морозъ достигъ 8° и войска предались всевозможному отдыху на указанныхъ мѣстахъ. Глубокой мракъ покрывалъ горы, но ярко горѣли большіе огни въ турецкомъ лагерѣ на Шандорникѣ и въ особенности въ лѣсу близъ него.

Такимъ образомъ авангарду этропольскаго отряда удалось занять переваль безъ всякихъ потерь, такъ какъ турки даже не наблюдали за нимъ.

На другой день, 14-го декабря, въ 7 часовъ утра, выступили изъ Этрополя остальныя части отряда, кромѣ 4-й батареи 31-й артиллерійской бригады, которая опоздала и пришла въ Этрополь позднѣе. При этихъ войскахъ находилось 720 болгаръ.

Подъемъ орудій на переваль по зимнему пути представлялъ значительныя затрудненія, хотя и былъ легче подъема по голымъ скаламъ и кручамъ осенью. Но за то зимою прибавилась работа по расчисткѣ дороги отъ снѣга, лежавшаго громадными сугробами по всему пути и въ особенности въ лощинахъ и оврагахъ; притомъ крутизна подъема была почти по всему протяженію весьма значительная и

(1) «Сборникъ военныхъ разск.», т. III, 306. «Воспом. о Бабѣ горѣ». Д.

только у начала подъема была площадка, а версты за три до перевала дорога шла въ одномъ мѣстѣ горизонтально.

Къ вечеру главныя силы колонны достигли перевала вмѣстѣ съ двумя орудіями 19-й донской батареи (1); орудія, разобранныя по частямъ, доставлены были болгарами, притащившими ихъ волокомъ по снѣгу. Въ 12 часовъ дня генераль Красновъ съ генеральнаго штаба штабсъ-капитаномъ Протопоповымъ пробился сквозь снѣжные заносы на перевалъ, осмотрѣли его и отыскиали дорогу на Буново. Съ перевала замѣнены были турецкіе посты на высотахъ близъ Миркова и Бунова, а также и на хребтѣ Стриглѣ; на холмахъ впереди Бунова замѣнены были кучки людей, рывшихъ землю. Для раскрытія силъ непріятеля генераль Красновъ отправилъ два эскадрона екатеринославскихъ драгунъ и двѣ сотни казаковъ на Буново. Вслѣдъ за конницей на перевалъ вышли двѣ сотни болгаръ, начавшіе раскапывать гребень перевала, особенно сильно занесенный снѣгомъ. Дорогу въ этомъ мѣстѣ приходилось вести по открытой площади перевала, на которомъ снѣгъ переметался вѣтромъ съ одного мѣста на другое, и такъ какъ снѣгъ былъ очень рыхлый и притомъ лежалъ весьма толстымъ слоемъ, а именно мѣстами, въ лощинахъ, глубиною до четырехъ футовъ, то необходимо было срыть снѣгъ до земли (2).

Появленіе нашихъ войскъ на недоступныхъ высотахъ Бабы-горы, въ тылу Шандорника, было вполне неожиданно для турокъ: въ лагерѣ на Шандорникѣ поднялась суматоха, заиграли рожки, слышались крики, команды, сотни турецкихъ солдатъ потянулись изъ лагеря и лѣса на укрѣпленія... Между тѣмъ внизу, въ буновскомъ ущельи у мельницы, непріятельскіе посты открыли огонь по нашей конницѣ, двигавшейся по тропинкѣ въ одинъ конь; продолжать движеніе при этихъ условіяхъ конница не сочла возможнымъ и, произведя подъ непріятельскимъ огнемъ фуражировку сѣна, она отошла на перевалъ.

Въ 6 часовъ вечера стужа на перевалѣ замѣтно стала усиливаться и потому генераль Данцевиль отвелъ оттуда войска и болгаръ. Бивакъ отряда находился недалеко отъ опушки лѣса, на крутомъ скатѣ Бабы-горы. Въ виду пересѣченности мѣстности, ночью отрядъ охранялся только однимъ часовымъ, выставленнымъ у перевала на опушкѣ лѣса, отъ пикета, стоявшаго въ лѣсу. Послѣ яркаго

(1) Рапортъ ген. Данцевля. «Воен. Сбор.», 78—6—234.

(2) «Воспом. о Бабь-горѣ», «Сборникъ воен. разск.», 308.

и короткаго луча, которымъ блеснуло солнце изъ-подъ тучъ передъ самымъ закатомъ, быстрыя сумерки спадали на Бабу-гору; между тѣмъ войска разбили свои палатки надъ снѣжными ямами, вырытыми до земли и люди начали устраиваться на ночь. У драгунъ и артилерія было тихо, они были заняты конями и сборкою орудій, но въ пѣхотѣ, несмотря на утомительную работу въ теченіи дня, оживленіе шло черезъ край. Веселый говоръ между тысячами огней, разведенныхъ подъ котелками; яркое освѣщеніе оживленныхъ или задумчивыхъ солдатскихъ фигуръ: лѣсное эхо, сливавшее всѣ звуки въ какой-то общій гулъ, все это обыденное и привычное—получало здѣсь, въ величавой обстановкѣ балканской природы, особенный отблескъ.

Вечеромъ генераль Дандевилъ получилъ записку изъ отряднаго штаба съ извѣщеніемъ, что движеніе главной колонны на Чурьякъ сильно замедлилось, а почью была получена записка отъ генерала Бриденера о томъ, что атаку на позицію турокъ пришлось отложить на 16-е декабря, вслѣдствіе затрудненій при подъемѣ на горы. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ частями отряда, оказалось, что въ пѣхотѣ заболѣло въ теченіи дня 93 человекъ, сухарей оставалось на четыре дня, чаю и сахару на три дня и водки на три дня, но послѣднія имѣлась не вездѣ.

Утромъ 15-го декабря, въ 10 часовъ, генераль Дандевилъ выѣхалъ на переваль и нашелъ его и дорогу на Буново совершенно занесенными снѣгомъ, вслѣдствіе чего болгарамъ приказано было вновь начать расчистку. Замѣчено было, что на Шандорникѣ силы непріятеля, повидимому, уменьшились, но за то на высотахъ, близъ Миркова и Бунова, турки появились въ значительныхъ силахъ и поспѣшно возводили укрѣпленія. Для развѣдки противника генераль Дандевилъ приказалъ конницѣ его отряда двинуться на Мирково, а для поддержанія ея и обезпеченія пути ея отступленія были вытаснены на отрогъ Бабы-горы два орудія, подъ прикрытіемъ баталіона Великолуцкаго полка. Въ этотъ день болгарамъ удалось расчистить дорогу на Буново вплоть до горы Сухое-корыто, гдѣ предполагалось поставить артилерію для дѣйствія въ тылъ позиціи турокъ на Шандорникѣ. Между тѣмъ наша артилерія открыла огонь по укрѣпленіямъ турокъ на высотѣ близъ Бунова, турки же открыли ружейный огонь по нашей конницѣ, которая, вслѣдствіе этого, не могла проникнуть въ с. Мирково и вернулась на бивакъ безъ всякихъ результатовъ ⁽¹⁾. Морозъ въ этотъ день былъ окло 8—9 гра-

(1) Пузыревскій. «Переходъ», 75.

дусовъ, а къ вечеру начался сильный и жестокий вѣтеръ. Турки продолжали укрѣпляться на высотахъ у Бунова, а у Шандоринка, на скатѣ горы ниже редута, къ сторонѣ Бабы-горы, тоже успѣшно насыпали брустверъ.

Между тѣмъ вечерѣло; болгары, успѣвшіе разработать только половину дороги къ спуску въ Буново и расчищавшіе дорогу для двухъ орудій къ горѣ Сухое-корыто, были измучены работой и отпущены на бивакъ. Воронежскій полкъ подтянулся къ биваку и тѣсная дорога была вся заставлена лафетами, ящиками и передками. Тѣмъ временемъ наступила ночь, стужа усилилась и множество ярко пылавшихъ костровъ освѣщали бивакъ отряда. Ночью казакъ привезъ начальнику отряда записку, которую ему передала одна женщина во время фуражировки у Бунова (¹). Въ запискѣ, написанной по болгарски на клочкѣ бумаги и подписанной Георгіемъ Пулевскимъ, сообщалось, что въ Буновѣ около 1,000 пѣшихъ и конныхъ турокъ, пришедшихъ изъ Златицы. Свѣдѣніе это было весьма правдоподобно, какъ можно видѣть теперь изъ турецкихъ документовъ: въ половинѣ ноября у турокъ подъ Златицей было пять баталіоновъ съ небольшимъ числомъ орудій и конницы, а впоследствии въ отрядѣ Искендера-пашы состояло уже 10 баталіоновъ. Кромѣ того, въ запискѣ была просьба не стрѣлять по буновскимъ укрѣпленіямъ, такъ какъ они строились болгарами, которыхъ силою вынуждали къ тому турки. Въ 3 часа ночи прибылъ ординарецъ отъ начальника штаба 9-го корпуса генераль-маіора Липинскаго съ запиской, отправленной въ 4 часа пополудни. Въ запискѣ этой сообщалось, что «въ Чурьякѣ собраны преображенцы, козловцы, донская батарея и Кавказская казачья бригада; предполагается сегодня же, 15-го декабря, спустить въ долину Софіи Кавказскую бригаду съ двумя орудіями, а козловцамъ атаковать Потопъ, гдѣ двѣ роты турецкой пѣхоты. Для удержанія турокъ на арабъ-копакской позиціи приказано было 16-го декабря съ разсвѣтомъ начать артилерійскую пальбу на всѣхъ позиціяхъ, стрѣлять рѣдко, по 20-ти выстрѣловъ въ день на орудіе» (²).

На 16-е декабря генераль Дандевилъ рѣшилъ продолжать разработку дороги на Буново, вывести по этой дорогѣ на переваль Псковскій полкъ съ двумя орудіями и эскадрономъ драгунъ и выбрать позицію противъ редута Гюльдиъзъ-таби; одинъ баталіонъ Воронежскаго полка съ двумя орудіями и эскадрономъ драгунъ выста-

(¹) Рапортъ ген. Дандевиля. «Воен. Сбор.», 78—6—235.

(²) «Воспом. о Бабъ-горѣ», «Сбор. воен. раз.», III, 330.

вить на позицію противъ укрѣпленій у Бунова и войска эти оставить ночевать на перевалѣ, чтобы на слѣдующій день спускаться къ Бунову. 16-го декабря дорога, расчищенная наканунѣ, вновь оказалась занесенною снѣгомъ и войскамъ пришлось опять исполнять ту же работу. Болгары, усердно работавшіе первые два дня, вслѣдствіе сильной стужи въ горахъ, особенно ночью, наполовину разбѣжались. Въ 10 часовъ утра для дѣйствія въ тылъ Шандорника генераль Дандевилъ выдвинулъ два конныхъ орудія и Псковскій полкъ, а для дѣйствія противъ буновскихъ укрѣпленій, баталіонъ Воронежскаго полка и тоже два орудія; къ каждому отряду было придано по эскадрону драгунъ и по нѣсколько казаковъ, сверхъ того, былъ посланъ казачій разъѣздъ изъ семи человекъ въ Мирково ⁽¹⁾, а для поддержки ихъ былъ назначенъ взводъ казаковъ подъ начальствомъ офицера.

Медленно подвигались впередъ войска, расчищая дорогу; къ 3-мъ часамъ пополудни достигли указанныхъ мѣстъ, развернулись и открыли артилерійскій огонь по Шандорнику и по буновскимъ укрѣпленіямъ. Турки отвѣчали артилерійскимъ огнемъ съ Шандорника и, какъ можно было замѣтить, сильно тамъ засуетились и продолжали возводить укрѣпленіе, начатое наканунѣ. При помощи биноклей, видно было, что со всѣхъ нашихъ позицій производится рѣдкій артилерійскій огонь, но вскорѣ туманъ началъ застилать горы и огонь пришлось прекратить.

Приказавъ командиру Псковскаго полка полковнику Зубатову принять начальство надъ обѣими отрядами, оставленными ночевать на перевалѣ, генераль Дандевилъ въ началѣ 5-го часа вернулся на бивакъ остальной части отряда. Здѣсь прибытіе начальника отряда ожидалъ Цареградскій съ двумя сотнями болгаръ, высланныхъ изъ Этрополя комендантомъ, узнавшимъ, что большая часть болгаръ бѣжала съ Бабы-горы. Рабочіе почти не имѣли никакого инструмента, а хлѣбомъ были снабжены на одинъ день. Между тѣмъ вѣтеръ со стороны Миркова усиливался, мелъ передъ собою снѣгъ и надвигалъ тучи. Войска, какъ на бивакѣ главныхъ силъ, такъ и на позиціяхъ, развели костры и начали устраиваться на ночь. За 16-е декабря заболѣвшихъ въ отрядѣ было—92 человекъ, боевая сила птыковъ и сабель—5,146 (кромѣ казаковъ и артилеріи).

Вечеромъ генераль Дандевилъ сообщилъ запиской принцу Ольденбургскому о дѣйствіяхъ войскъ въ его отрядѣ за 16-е декабря,

(1) Разъѣздъ этотъ вернулся въ Этрополь 18-го декабря.
Т. ССНІ.—Отд. I.

причемъ извѣщаль его, что «съ наступленіемъ темноты, поднялась такая метель, что всѣ наши работы по расчиствѣ дороги на позицію замечены, завтра придется расчищать снова. При благоприятной погодѣ Буново можно бы занять, но, по неизвѣстности общаго хода дѣлъ, занимать войска демонстраціями по брюхо въ снѣгу—безполезно. Буново занято отрядомъ около 1,000 человекъ, больше кавалеріи, чѣмъ пѣхоты» (1).

Вечеромъ была получена начальникомъ отряда записка отъ полковника Зубатова, что послѣ отъѣзда генерала Дандевила оба артилерійскіе взвода опять открывали огонь, но отвѣта не получили, что пѣшій патруль, посланный до сумерекъ къ Шандорнику, слышалъ тамъ сигналы и видѣлъ движеніе конницы въ редутъ, а патруль, посланный къ Бунову, открывалъ огонь по туркамъ, которые стрѣляли по нашимъ фуражирамъ.

Въ 8 часовъ вечера получена другая записка отъ полковника Зубатова о томъ, что пальба прекращена по случаю поднявшейся метели. Вслѣдъ затѣмъ къ начальнику колонны прибылъ казачій офицеръ, которому приказано было оказать помощь разъѣзду, высланному въ Мирково и доложилъ, что, вслѣдствіе множества снѣга, казаки принуждены были идти пѣшкомъ и оставили лошадей при пикетѣ, затѣмъ *поднялась буря* и никакихъ извѣстій о разъѣздѣ не получено.

Убѣдившись изъ этихъ донесеній, что метель разыгралась на перевалѣ не на шутку, генералъ Дандевилъ, посовѣтовавшись съ Красновымъ, послалъ полковнику Зубатову записку съ приказаніемъ, немедленно вернуться съ вѣренными ему частями на бивакъ главныхъ силъ. Съ запиской этой были отправлены два драгуна, изъ числа сопровождавшихъ генерала Дандевила днемъ на перевалъ; Между тѣмъ и внизу на бивакъ главныхъ силъ метель усиливалась. вѣтеръ шумно гудѣлъ въ лѣсу и снѣгъ валилъ огромными хлопьями. Но все же тутъ метель не имѣла особенно угрожающаго характера и на бивакъ все уже спало, приютившись въ палаткахъ и шалашахъ.

Ночью прибылъ изъ златицкаго отряда лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка штабсъ-капитанъ Энгельке, посланный полковникомъ Любовицкимъ узнать, что дѣлается въ отрядѣ генерала Дандевила. Энгельке сообщилъ, между прочимъ, что метель сильно разыгралась. Къ этому времени и на бивакъ главныхъ силъ раздавалось зловѣщее гудѣніе, вьюга усилилась, вѣтеръ началъ срывать палатки.

(1) Записка ген. Дандевила. «Воен. Сбор.», 79—12—367.

Между тѣмъ два драгуна, посланные съ запиской къ полковнику Зубатову, въѣхавъ на переваль, скоро потеряли другъ друга изъ вида и одинъ изъ нихъ, попавъ въ какой-то оврагъ, вылезъ изъ него одинъ, оставивъ тамъ увязшую лошадь и едва добрелъ пѣшкомъ до палатки «Краснаго креста» и затѣмъ явился къ начальнику колонны, принесъ назадъ записку, адресованную полковнику Зубатову. Тогда генераль Дандевилъ приказалъ эту записку послать съ нѣсколькими казаками изъ его конвоя.

Между тѣмъ вѣтеръ завывалъ страшными порывами, снѣгъ валилъ по прежнему и буря все болѣе и болѣе свирѣпѣла. Такъ продолжалось всю ночь и въ 8 часовъ утра, 17-го декабря, генераль Дандевилъ, не получая никакихъ извѣстій изъ отряда полковника Зубатова, послалъ ему записку съ приказаніемъ отводить всѣхъ съ перевала на бивакъ главныхъ силъ, оставить тамъ орудія, но взять съ собою замки.

На бивакѣ главныхъ силъ, закрытомъ съ одной стороны крутою вершиною Бабы-горы, вѣтеръ вривался только со стороны ущелья, но страшными порывами крутя тучи снѣга и сокрушая все на своемъ пути; вершины деревьевъ, между громадными стволами которыхъ помѣщались войска на бивакѣ, быстро метались во всѣ стороны и огромныя вѣтви отчаянно бились другъ о друга, покрывая бивакъ кучами обломанныхъ прутьевъ.

Ущелье ниже бивака представляло видъ совершеннаго хаоса. Все это море лѣса волновалось и пригибалось къ землѣ подъ напоромъ пронесившейся вдоль ущелья бури; мѣстами вѣтеръ кружился вихремъ и поднималъ съ лѣсныхъ полянъ столбы и тучи крутящагося снѣга, унося вверхъ сучья и обломки вѣтвей...

Бивакъ главныхъ силъ съ 4,000 человекъ казался ничтожнымъ пятнышкомъ въ этой громадной картинѣ. Костры, задуваемые вѣтромъ и заваливаемые снѣгомъ, дымили, не давая тепла и потухали; тогда стали разводить маленькіе костры въ шалашахъ и палаткахъ, въ которые люди входили черезъ отверстія, вырытыя въ сугробахъ, завалившихъ кругомъ всю мѣстность. Солдаты, влѣзая туда навстрѣчу дыму, попеременно грѣлись у костра и выходили оттуда совсѣмъ черные. Веселость и тутъ ихъ не оставляла и при видѣ закоптившаго товарища, вылѣзавшаго изъ шалаша, раздавались дружные взрывы хохота.

Съ утра генераль Дандевилъ распорядился разгрести снѣгъ, засыпавшій расчищенную наканунѣ дорогу; часа черезъ полтора дорогу расчистили до опушки лѣса и повели дальше.

Между тѣмъ начальникъ колонны выѣхалъ со штабомъ къ опушкѣ, причѣмъ снѣгъ былъ лошадямъ по колѣно, такъ какъ дорогу быстро заметало. Во всѣ стороны была видна только снѣжная, крутящаяся стихія, ни одного очертанія и въ 20-ти шагахъ нельзя было увидѣть предмета. Ужасъ охватывалъ при мысли о тѣхъ, кто находился въ это время на перевалѣ. Долго всѣ смотрѣли впередъ, прислушиваясь, приглядываясь... Стали стрѣлять изъ револьверовъ—никакого отвѣта. Но вотъ казакъ спускается съ перевала, лошадь по брюхо идетъ въ снѣгу, это было донесеніе отъ полковника Зубатова, отправленное въ 4^{1/2} часа утра (¹). «Во ввѣренномъ мнѣ полку, писалъ полковникъ Зубатовъ, больныхъ 520 человѣкъ, изъ нихъ 170 съ отмороженными пальцами на рукахъ и ногахъ. Число заболѣвающихъ возрастаетъ. По случаю сильной бури, костровъ развести невозможно».

Тотчасъ были отправлены на перевалъ 20 казаковъ, подъ начальствомъ маіора 26-го полка Греченовскаго, передать приказаніе спускаться съ него и провести части съ перевала на бивакъ главныхъ силъ.

Было уже около полудня, но не похоже было на полдень, какъ будто только что свѣтать начало. Снѣгъ, крутившійся въ воздухѣ, былъ такъ густъ, что лучи солнца плохо пробивались черезъ него, вѣтеръ продолжалъ бушевать съ страшной силой и на бивакѣ градусникъ, помѣщаемый за вѣтромъ, показывалъ 12° ниже нуля. Вернувшись на бивакъ, начальникъ колонны получилъ записку отъ командира Екатеринославскаго драгунскаго полка полковника Ребиндера, который спрашивалъ, гдѣ ему добыть фуража, который весь выпелъ и нѣсколько лошадей пало; кромѣ того полковникъ Ребиндеръ просилъ вернуть ввѣренный ему полкъ въ Этрополь. Сѣно генералъ Дандевилъ приказалъ брать изъ Этрополя, а насчетъ возвращенія полка въ этотъ городъ ничего не сказалъ въ своемъ приказаніи. Послѣ полудня ординарецъ генералъ-адъютанта Гурко поручикъ Казнаковъ, привезшій 13-го декабря диспозицію для перехода черезъ горы, отправился къ начальнику отряда съ донесеніемъ о положеніи колонны генерала Дандевила.

Въ 11^{3/4} часа утра полковникъ Зубатовъ писалъ начальнику колонны: «во ввѣренномъ мнѣ полку, въ каждой ротѣ остается не болѣе 20-ти человѣкъ. Всѣ отмороженные отправлены. Костры невоз-

(¹) «Воспом. о Бабь-горѣ», «Сбор. воен. разск.», III, 344.

можно; если до вечера полкъ не будетъ отведенъ къ позиціи, то не останется людей» (1).

Между тѣмъ съ перевала начали подходить части, занимавшія его ночью и такъ сильно пострадавшія. Посмотримъ, что происходило за ночь на самомъ перевалѣ.

Выше мы видѣли, что уже въ 5-мъ часу вечера на перевалѣ начался довольно сильный вѣтеръ, наметавшій снѣгъ со стороны Миркова. Около 6-ти часовъ вдругъ поднялся сильный буранъ. Страшный вихрь въ какіе нибудь полчаса занесъ всѣ сообщенія, и кромѣ крутившагося въ воздухѣ снѣга ничего нельзя было видѣть. Быстро начало темнѣть, между тѣмъ какъ всѣ усилія поддержать огонь костровъ оставались напрасными, они потухали и войска начало постепенно заносить снѣгомъ среди глубокаго мрака ночнаго урагана. Буря усиливалась все болѣе и болѣе, вѣковые балканскіе лѣса стонали отъ страшнаго вихря, раскачиваясь во всѣ стороны и сгибаясь подъ напоромъ вѣтра, какъ тростникъ. Что дѣлалось въ это время на перевалѣ, было по истинѣ ужасно: безъ костровъ, безъ закрытій, при 12—15° мороза и при буранѣ, ужающемъ по силѣ, войска стыли, мучались, но не покидали своей позиціи; половина людей уже потеряла сознание, многіе медленно умирали, полузамерзшіе товарищи старались оказать имъ посильную помощь, но вскорѣ всѣ усилія оказались тщетными въ борьбѣ съ неумолимой, возмущившейся природой. Офицеры, показывая образецъ истинно русскаго мужества, подбадривали людей примѣромъ и словомъ, дѣлая необходимыя распоряженія для сохраненія ихъ. Однимъ словомъ, трудно себѣ представить всѣ тѣ страданія, которыя перенесли войска въ эту ночь и перенесли съ великимъ мужествомъ, достойнымъ глубокаго удивленія. Чтобы дать понятіе о количествѣ наметеннаго снѣга, достаточно сказать, что орудія, бывшія на позиціи, занесло такъ, что ихъ удалось найти только 19-го декабря, когда совершенно окончилась буря; при орудіяхъ погибла и прислуга, занесенная снѣгомъ.

• Утромъ, 19-го декабря, одному изъ посланныхъ генераломъ Дандевилемъ казаковъ удалось доставить на перевалъ приказаніе объ отходѣ на бивакъ главныхъ силъ и около 11-ти часовъ утра длинныя вереницы полузамерзшихъ людей потянулись съ перевала; сотни людей были принесены на рукахъ, казаки везли нѣкоторыхъ на крупахъ лошадей, иныхъ вели за руки, другіе держались за хвосты и

(1) «Восп. о Бабь-горѣ», «Сбор. воен. разск.», III, 347.

гривы лошадей ⁽¹⁾. На встрѣчу возвращавшимся были высланы съ бивака войска и болгары для спасенія погибавшихъ и расчистки дороги.

Хотя вьюга къ утру уменьшилась, но все-таки настолько была сильна, что на разстоянїи нѣсколькихъ шаговъ ничего не было видно, а потому, чтобы не сбиваться съ пути, солдаты черезъ каждые пять шаговъ втыкали въ снѣгъ ружья и только благодаря этому можно было попадать съ бивака на переваль. Между тѣмъ на бивакѣ были приняты всевозможныя мѣры для оказанія помощи пострадавшимъ; въ палаткахъ «Краснаго креста» шла неустанная работа, а оставшіеся на бивакѣ офицеры и солдаты наперерывъ старались помогать пострадавшимъ товарищамъ, чѣмъ только могли. Тѣмъ, которые въ состоянїи были двигаться, приказано было отходить прямо внизъ, такъ какъ это было лучшее средство предохранить ихъ отъ замерзанія, потому что тѣ, которые останавливались, быстро стыли и теряли сознаніе. Людей, отмороженныхъ и потерявшихъ сознаніе, сначала оттирали и затѣмъ уже относили внизъ въ Этрополь. И болгары честно исполняли свой долгъ, наравнѣ съ войсками, стойко перенося постигшее ихъ несчастье. Одинъ изъ нихъ сѣдой, высокій старикъ, ознобивши руки, продолжалъ работать, не обращая на это вниманія, пока, наконецъ, не вынужденъ былъ обратиться къ врачу. «Онъ молча показывалъ свои ободранныя по локоть, безъ кожи, окровавленныя, сильныя, атлетическія руки—показывалъ, какъ будто легкую занозу, въ то время какъ лихорадка трясла его и онъ трепеталъ какъ листъ».

Между тѣмъ, съ позиціи продолжали привозить пострадавшихъ, нѣкоторыхъ въ безсознательномъ состоянїи, между прочимъ, трехъ офицеровъ и полковаго священника; многіе солдаты, менѣе пострадавшіе, не шли къ докторамъ; видя ихъ огромную работу, они перевязывались сами и оттирали отмороженные члены на бивакѣ у офицеровъ и товарищей. Но вотъ стали подходить какимъ-то чудомъ оставшіеся здоровыми псковцы и воронежцы; первые изъ пришедшихъ принесли 10 человекъ замерзшихъ, безъ признаковъ жизни, поднятыхъ на дорогѣ. Здоровые спѣшили на бивакъ, гдѣ съ большимъ трудомъ нагрѣвалась вода для чая и варилась горячая пища, а снѣгъ все валилъ, хотя метель стала утихать и становилось свѣтлѣе. Не находя хорошихъ костровъ, солдаты не могли отогрѣваться

(1) Рапортъ Дандевилля. «Воен. Сбор.», 78—6—237 и Пузыревскій. «Переходъ», 77.

у нихъ какъ слѣдуетъ и, чтобы не замерзнуть, должны были топтаться и прыгать на мѣстѣ.

Видя вѣрныя ему войска въ такомъ положеніи и получивъ донесеніе отъ командовавшаго Великолуцкимъ полкомъ маіора Беатера, что къ полковому врачу явилось 400 человекъ больныхъ, генераль Дандевилъ приказалъ войскамъ отходить въ Этрополь, причемъ для прикрытія отступленія было назначено два баталіона Воронежскаго полка и двѣ сотни казаковъ.

Впередъ, для протапыванія дороги, были посланы драгуны, а за ними длинной вереницей тянулись носилки, сопровождаемыя хромающими и подвязанными людьми; тутъ же плелись и болгары, тоже обвязанные. Но работа врачей еще не кончилась, они остались на горѣ вмѣстѣ съ воронежцами и казаками. До самаго вечера и всю ночь на 18-е продолжали доктора свою работу, причемъ во все время бурн особенное усердіе выказали врачи «Краснаго креста» Головачевъ и Веймарцъ. Къ вечеру, 17-го декабря, войска прибыли въ Этрополь и размѣстились по квартирамъ. Медицинскія средства въ Этрополѣ состояли изъ отдѣленія лазарета 3-й пѣхотной дивизіи на 12 кроватей и изъ скудныхъ полковыхъ средствъ, больныхъ же въ Этрополѣ набралось болѣе 1,000 человекъ.

Тотчасъ же генераль Дандевилъ послалъ подробное донесеніе генераль-адъютанту Гурко о причинахъ отступленія съ Бабы-горы и увѣдомленіе генераль-маіору Броку на златицкій перевалъ о возвращеніи въ Этрополь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказано было Цареградскому собрать къ утру 200—300 болгаръ, чтобы до разсвѣта выслать ихъ на Бабу-гору для отрытія орудій изъ подъ снѣга.

Донесеніе генералу Гурко было отправлено черезъ отрядъ принца Ольденбургскаго съ тѣмъ, чтобы и Его Высочество зналъ объ участи, постигшей колонну генерала Дандевила. Вотъ подлинное содержаніе этого донесенія: «Г. Этрополь, 17-го декабря, 8 часовъ вечера. Доношу вашему превосходительству, что Псковскій полкъ, баталіонъ Воронежскаго полка вмѣстѣ съ четырьмя орудіями 19-й донской батареи по причинѣ сильной метели оставлены были ночевать на перевалѣ. Ночью морозъ сталъ такъ силенъ, что люди начали кочевить, страшный вихрь и сильныя запосы не давали возможности поддерживать огни и болѣе трети людей отморозили оконечности, а нѣкоторые совершенно замерзли. Получивъ извѣстіе объ этомъ, я послалъ приказаніе частямъ отходить въ лагерь, находившійся на сѣверномъ склонѣ Бабы-горы въ лѣсу. На встрѣчу къ этому отряду были высланы рабочіе съ лопатами разчищать дорогу. Работа эта

оказалась тщетною, вьюга заносила все больше и больше. Посланные съ приказаніемъ на позицію не могли доходить до мѣста назначенія и только одному казаку удалось доставить мое приказаніе объ отходѣ войскъ съ позиціи въ лагерь. Положеніе войска въ лагерь было не лучше. Морозъ дошелъ до 12° Р., сильный сѣверный вѣтеръ дѣлалъ холодъ еще болѣе чувствительнымъ, тѣмъ болѣе, что и здѣсь поддерживать костры сдѣлалось невозможнымъ отъ вѣтра и снѣга. Командиры частей доносили мнѣ, что въ ротахъ и эскадронахъ остается самое малое число людей, способныхъ къ службѣ, да и тѣ, по заявленію ихъ, не въ состояніи были долго переносить непогоду. Вслѣдствіе всего этого орудія невозможно было снять съ позиціи и пѣхота двинулась безъ нихъ въ лагерь, откуда я рѣшился послать войска въ Этрополь. Спустить же войска въ Буново или Мирково невозможно по многимъ причинамъ и между ними главною являлась невозможность разработать спускъ съ перевала по неимѣнію къ тому средствъ. Движеніе въ Этрополь устроено было такъ: впереди были посланы драгуны для протоптыванія занесенной дороги, за ними слѣдовали больные, за больными части, бывшія на перевалѣ, въ хвостѣ колонны слѣдовали великолужцы, а за ними воронежцы; послѣднимъ приказано было подбирать больныхъ. Какія потери понесъ отрядъ, до сихъ поръ неизвѣстно; мнѣ донесено, что два офицера пропали безъ вѣсти, вѣроятно замерзли. Объ артилерійской прислугѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, она все время не оставляла орудій, когда же за ней послали, то не могли найти, ни ея, ни орудій. Особенно пострадалъ Псковскій полкъ, которому пришлось двигаться и оставаться на перевалѣ дольше всѣхъ. Несмотря на всѣ невзгоды и страданія, солдаты и офицеры исполняли свой долгъ съ полнымъ самоотверженіемъ, о чемъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства. Не отдай я приказанія отходить—всѣ они замерзли бы, исполняя долгъ службы» (1).

Вечеромъ генераль Дандевилъ получилъ донесеніе, что по недоразумѣнію баталіонъ воронежцевъ, оставленный на перевалѣ для прикрытія больныхъ, пока ихъ не отправятъ въ Этрополь, ушелъ съ перевала въ этотъ городъ; вслѣдствіе этого приказано было одному баталіону того же полка идти до разсвѣта на перевалъ за больными и съ нимъ отправленъ былъ священникъ для погребенія замерзшихъ.

Всего отрядъ генерала Дандевила потерялъ 813 нижнихъ чиновъ и 13 офицеровъ (2).

(1) «Стоянка на Этроп. Балк.». Н. К., «Воен. Сбор.», 79—12—372.

(2) Рапортъ Дандевила. «Воен. Сбор.», 78—6—238.

18-го декабря, въ 11 часовъ утра, генераль Брокъ получилъ, отправленное генераломъ Дандевилемъ наканунѣ, въ 9 часовъ вечера, увѣдомленіе о прибытіи въ Этрополь. Вслѣдствіе этого онъ отправилъ въ Этрополь флигель-адъютанта полковника Любовицкаго съ предложеніемъ двинуть ввѣренный генералу Дандевилю отрядъ на Златицкій переваль съ тѣмъ, чтобы соединенными силами дѣйствовать противъ праваго фланга турокъ. Не получая никакихъ приказаній отъ генерала Гурко, генераль Дандевилъ принялъ это предложеніе и 19-го декабря отрядъ его двинулся на Златицкій переваль, 21-го числа соединился съ отрядомъ генерала Брока и спустился въ Златицкую долину.

VIII.

Переходъ черезъ Умургачъ колонны генераль-лейтенанта Вельяминова.

Колонна эта состояла изъ пяти баталіоновъ 1-й бригады 31-й пѣхотной дивизіи (122-й пѣхотный Тамбовскій полкъ и два баталіона 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка), 1-го баталіона Архангелогородскаго полка, 6-й батареи 31-й артилерійской бригады, 1-й и 2-й бригадъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ 2-й и 5-й гвардейскими конными батареями; всего шесть баталіоновъ, восемь пѣшихъ орудій, 16 эскадроновъ и восемь конныхъ орудій.

Эти войска, согласно диспозиціи, должны были, собравшись 13-го декабря, къ пяти часамъ утра, во Врачеши, выступить: пѣхота со всею артилеріей въ 5¹/₂ часовъ утра, а кавалерія въ 5 часовъ вечера и слѣдовать черезъ гору Умургачъ въ д. Жилияву. Колоннѣ предписано было идти непрерывно, давая людямъ лишь необходимые отдыхи. На ночь располагаться тамъ, гдѣ застанетъ темнота.

На другой день, 14-го декабря, колоннѣ выступить въ 4 часа утра и слѣдовать въ Жилияву. По приходѣ въ Жилияву главное назначеніе колонны—составить заслонъ для главныхъ силъ со стороны Софіи и Кремиковицы; для этого, оставивъ въ Жилиявѣ четыре баталіона, четыре орудія и одинъ эскадронъ, выслать къ Чайнику и Яну по одному баталіону при двухъ орудіяхъ, а всю кавалерію и всю конную артилерію выслать впередъ, возложивъ на нее наблюденіе за Софіей, софійско-филипопольскимъ шоссе и выходомъ изъ горъ у Кремиковицы и Сельева (Сеславцы); а если бы оказалось, что турки удерживаютъ выходъ изъ ущелья у д. Елешницы и тѣмъ за-

трудняютъ дебуширование главной колонны, то слѣдовало отдѣлить часть пѣхоты съ артилеріей и кавалеріей для дѣйствій въ тылъ турецкимъ войскамъ, занимающимъ Елешницу.

Дорога, по которой отряду пришлось двигаться, была изслѣдована 2-го декабря генеральнаго штаба подполковникомъ Пузыревскимъ вмѣстѣ съ хорунжимъ княземъ Церетелевымъ, двумя офицерами и нѣсколькими болгарами въ качествѣ проводниковъ (1). Дорога начиналась у Врачеша и первыя двѣ версты была относительно сносной, затѣмъ она поворачивала вправо и поднималась на горы. Здѣсь она превращалась въ тропинку, усыпанную камнями и разбросанными въ изобиліи гальками. Каждый шагъ впередъ былъ труднѣе и труднѣе, наконецъ пришлось двигаться по карнизу, вьющемуся по крутому скату горы. Подъемъ былъ очень крутъ, а по самому плотну тропинки бѣжали ручеекъ. Вода совершенно размывла тропу, причѣмъ вымытые ею изъ почвы камни лежали, здѣсь же, въ огромномъ количествѣ. Снѣгъ, покрывавшій горы, не позволялъ отчетливо различать дорогу и проводники часто сбивались. Въ двухъ мѣстахъ дорога совершенно преграждалась обрывистыми, остроконечными скалами и въ этихъ мѣстахъ едва, едва могли пробираться одиночные люди. Въ добавокъ къ этому съ первой уже половины подъема путь, заходя въ тылъ непріятельской лютиковской позиціи, открывался туркамъ, а потому невозможно было заблаговременно начать разработку дороги, не обнаруживая себя непріятелю и сверхъ того на этомъ участкѣ трудно было исполнить скрытно и самое движеніе.

Не доходя версты полторы, двѣ до перевала, дорога входила въ густой лѣсъ, самый же переваль былъ открытъ и совершенно обнаженъ отъ древесной растительности, что представляло особенныя затрудненія въ случаѣ метелей и снѣжныхъ бурановъ. По словамъ болгаръ, ни лѣтомъ, ни зимой дороги на Умургачъ не существуетъ, но лѣтомъ пастухами козъ протаптывается тропинка, извѣстная однимъ только мѣстнымъ жителямъ (2). Въ общемъ, подъемъ на Умургачъ можно раздѣлить на два участка: первый, отъ Врачеша длиною около 4 1/2 версты и второй, далѣе до вершины протяженіемъ около восьми версты. Первый участокъ не представлялъ особенныхъ затрудненій, второй же былъ чрезвычайно труднопроходимъ. Этотъ послѣдній участокъ можно раздѣлить на три части; первая, длиною около двухъ версты, гдѣ встрѣчались подъемы до 30°, вторая, дли-

(1) «Восп. оф. ген. штаба», 154.

(2) «Сбор. воен. разск.», III, 494. М. Ч.

ною около трехъ верствъ, гдѣ крутизна скатовъ доходила до 45° и наконецъ, третья, до перевала, гдѣ приходилось много разъ перебираться съ одной высоты на другую, по крутымъ спускамъ и подъемамъ (1). Отъ перевала имѣлось два спуска, одинъ черезъ монастырь Св. Богородицы въ Елешницу и другой на Чурьякъ. Первый путь отличался особенно пересѣченною мѣстностью, а на второмъ направленіи сначала нужно было пройти около 2½ верствъ по совершенно открытому гребню, а затѣмъ спускаться по кручамъ, мѣстами до 40° наклоненія, причѣмъ послѣднія полторы версты спускъ былъ особенно затруднителенъ: въ этомъ мѣстѣ тропинка перебѣгаетъ съ площадки на выступъ, съ выступа на камень; это какая-то гигантская лѣстница съ самыми безобразными ступенями, усѣянными остроконечными каменными глыбами.

Осмотрѣвъ, по указанію проводниковъ, начало спуска, развѣдчики наши пустились въ обратный путь; къ вечеру подполковникъ Пузыревскій прибылъ въ Орханіэ и прямо направился къ генералу Гурко. Выслушавъ подробный докладъ подполковника Пузыревскаго, генералъ Гурко счелъ необходимымъ еще разъ сдѣлать развѣдку этого пути, такъ какъ, несмотря на высказанное Пузыревскимъ мнѣніе, что осмотрѣнный имъ путь представлялъ чрезвычайныя затрудненія для орудій, начальникъ отряда все же предполагалъ по этому пути направить главную обходную колонну. Вслѣдствіе этого, чтобы окончательно увѣриться въ добытыхъ подполковникомъ Пузыревскимъ результатахъ, генералъ Гурко приказалъ генералу Рауху, командиру гвардейскаго сапернаго баталіона, полковнику Скалону, и подполковнику Пузыревскому осмотрѣть дорогу еще разъ 4-го декабря. При этомъ осмотрѣ уже со второй версты подъема генералъ Раухъ предложилъ вернуться назадъ, такъ какъ неудобопроходимость дороги была слишкомъ очевидна. Тогда-то и рѣшено было направить главныя силы на Чурьякъ, а на Умургачъ послать колонну генерала Вельяминава. Для разработки дороги, насколько позволяли время и средства, были назначены 11-го декабря 2-я рота гвардейскихъ саперъ и по одному баталіону Волынскаго и С.-Петербургскаго гренадерскаго полковъ. Послѣ тщательной развѣдки дороги, рѣшено было, по недостатку времени и вслѣдствіе необходимости произвести работу возможно скрытно, такъ какъ дорога шла на виду лютиковскихъ позицій турокъ, ограничиться устройствомъ зимняго пути. Для этой цѣли саперами были устроены треугольныя салазки. На

(1) Рапортъ Вельяминава. «Воен. Сбор.», 78—4—367.

салазки эти были насажены люди для баласта, а къ салазкамъ были привязаны веревки изъ палаточныхъ бичевокъ, за которыя тянули особые люди. За салазками шли рабочіе для утаптыванія дороги и расчистки, гдѣ нужно, лопатами. Наконецъ, сзади шли люди съ топорами и обрубали нависшія надъ дорогою вѣтви. На слѣдующій день, 12-го декабря, та же рота саперъ съ рабочими отъ австрійскаго и прусскаго полковъ поднялась на горы и такимъ же образомъ, какъ наканунѣ, продолжала разработку дороги (1). Вотъ все, что удалось сдѣлать, чтобы облегчить колоннѣ генерала Вельяминова подъемъ въ горы.

Трудности, которыя предстояло преодолѣть этой колоннѣ, были очень велики и многими высказывалось сомнѣніе въ возможности перехода черезъ Умургачъ. Вслѣдствіе этого, начальникъ колонны приказалъ принять мѣры для облегченія движенія орудій и съ этою цѣлью были наняты болгарскія сани на волахъ, числомъ до 24-хъ, на которыя были уложены орудія, снятыя съ лафетовъ.

13-го декабря, рано утромъ, войска, ввѣренныя генералу Вельяминову, начали собираться во Врачешѣ. Холодъ стоялъ нестерпимый и вслѣдствіе морознаго тумана ночь была особенно тихой. До Врачеша, мимо котораго пришлось идти всѣмъ войскамъ, шла изъ Орханіа только одна дорога—софійское шоссе. Поэтому произошла задержка въ движеніи: колонны полковъ и батарей поминутно сталкивались и останавливались, люди же топтались на мѣстѣ, стараясь движеніемъ согрѣться отъ сильной стужи. Вслѣдствіе задержки колоннъ, у Врачеша, на пространствѣ около полторы квадратной версты, столпилось множество войска и хотя старались соблюдать тишину, но части, перекрещивая другъ другу дорогу и продвигаясь впередъ, не могли не производить шума; главною же его причиною былъ поголовный кашель, которымъ страдали почти всѣ чины отряда, какъ отъ постояннаго пребыванія подъ открытымъ небомъ, такъ и отъ употребленія горячей пищи на холодномъ воздухѣ. Насколько медленно было сосредоточеніе войскъ къ Врачешу, видно изъ того, что, напримѣръ, 5-я гвардейская конная батарея двухверстное разстояніе до этой деревни прошла въ 3¹/₂ часа.

Передъ тѣмъ, какъ войти во Врачешъ, колонна генерала Вельяминова встрѣтила новыя затрудненія. Передъ входомъ въ деревню нужно было перейти не широкій, но глубокій ручей; мостикъ же черезъ ручей былъ одинъ и когда войска подошли къ нему, то имъ на

(1) Ренгартенъ. 120—122.

встрѣчу вышла 3-я гвардейская пѣхотная дивизія, которая квартировала во Врачешѣ и выходила изъ этой деревни, направляясь на шоссе и далѣе къ дорогѣ на Чурьякъ. Нужно было выждать, пока дивизія пройдетъ, что отняло еще около двухъ часовъ времени. Наконецъ, колонна выступила изъ Врачеша значительно позже назначеннаго по диспозиціи времени, имѣя впереди Тамбовскій полкъ съ 6-ю батареей 31-й артилерійской бригады и 2-ю гвардейскою конною батареей, а за ними двинулся Пензенскій полкъ съ 5-ю батареей гвардейской конно-артилерійской бригады. Конница, назначенная въ составъ колонны, была пока оставлена позади, во Врачешѣ, кромѣ полуэскадрона 1-го эскадрона лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка, который шель при авангардѣ (1).

На каждое орудіе и ящикъ было назначено по одной ротѣ въ помощь лошадямъ. Для прикрытія движенія съ правой стороны, т. е. со стороны лютиковской позиціи турокъ, къ колоннѣ генерала Вельяминова былъ приданъ одинъ баталіонъ Архангелогородскаго полка. Первые двѣ версты войска шли хотя медленно, но безъ особыхъ затрудненій, но затѣмъ дорога стала суживаться, во многихъ мѣстахъ уже встрѣчались косогоры, крутые повороты и массы камней, загромождавшихъ путь. Косогоры во многихъ мѣстахъ были настолько круты, что люди должны были на лямкахъ оттягивать орудія и ящики въ нагорную сторону, иначе они свалились бы въ пропасть. Дорога вилась такими крутыми изгибами, что почти на каждомъ изъ нихъ приходилось орудія и задніе ходы снимать съ шворня, такъ какъ вся система не могла сдѣлать этого поворота. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно дѣлали такъ: снимали орудіе со шворня и привязывали его отвозомъ дуломъ на всю длину къ передку; орудіе цѣплялось за отвозы крючьями на боевой оси, такъ что оно шло дуломъ къ передку, а люди направляли движеніе пушекъ правилами (2); движенія зарядныхъ ящиковъ были гораздо утомительнѣе, чѣмъ движенія орудій. Наконецъ, пройдя около 4^{1/2} верстъ отъ Врачеша, колонна подошла къ началу подъема и должна была остановиться. Тутъ начинался подъемъ настолько крутой и скользкій, что только пѣшій человекъ могъ съ трудомъ карабкаться на него; отъ дальнѣйшаго движенія артилеріи на лошадяхъ нужно было отказаться, тащить же орудія на колесахъ тоже было невозможно.

Произведя вмѣстѣ съ начальниками частей развѣдку дороги, генералъ Вельяминовъ убѣдился въ чрезвычайной трудности дальнѣй-

(1) «Описаніе похода л.-гв. Драгунскаго полка». 98.

(2) Мартыновъ. 86.

шаго движенія и отправилъ объ этомъ донесеніе генералу Гурко съ штабсъ-ротмистромъ Сухановымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ генераль Вельяминовъ приказалъ принять мѣры для немедленнаго движенія впередъ, насколько это оказывалось возможнымъ. Приказано было орудія разобрать на части и разложить всю артилерію на сани, а задніе ходы зарядныхъ ящиковъ, какъ очень тяжелые, оставить на мѣстѣ. Такъ какъ саней было недостаточно для 12-ти орудій, то пѣшую батарею, съ разрѣшенія генерала Гурко, вернули назадъ во Врачешъ, восемь гвардейскихъ конныхъ орудій взяли съ собою; такимъ образомъ, при колоннѣ осталось восемь орудій, восемь орудійныхъ и восемь ящичныхъ передковъ. Орудія, снятыя съ лафетовъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ боевыхъ колесъ укладывались на одни сани, лафеты съ другимъ колесомъ—на другія, затѣмъ подъ передокъ каждаго орудія подводились третьи сани, а подъ передокъ ящика четвертыя. Къ каждому санямъ привязывались построжки такой длины, чтобы въ каждую изъ нихъ могли впречься не менѣе 30-ти человекъ, а сзади привязывались по двѣ лямки для удерживанія саней при раскатахъ. При расчетѣ людей на каждое орудіе съ ящичнымъ передкомъ приходилось около двухъ ротъ, т. е. на каждыя сани по полуротѣ. Такъ какъ роты были весьма слабаго состава, то для несенія ружей не оставалось запасныхъ людей и они надѣвались на спину; каждый солдатъ для облегченія подъема запасся палкой.

Для улучшенія сколько нибудь пути была выслана впередъ сводно-саперная команда, которой приказано было вырубить во льду ступеньки, безъ чего движеніе войскъ оказывалось совершенно невозможнымъ (1). Все 13-е декабря прошло въ перѣчисленныхъ выше приготовленіяхъ и войска заночевали у подошвы подъема подъ открытымъ небомъ, у разведенныхъ костровъ.

14-го декабря, чуть свѣтъ, всѣ проснулись отъ пробиравшаго пaskвозь мороза и вновь принялись за подготовительныя работы, которыя продолжались до полудня. Вскорѣ послѣ разсвѣта пріѣхалъ ординарецъ генерала Гурко, князь Голицынъ, съ приказаніемъ: «отряду идти впередъ, не взирая ни на что, пѣшую артилерію отправить домой, а конной дозволяется бросить задніе ходы». Только къ часу пополудни работы были окончены и колонна тронулась, имѣя впереди Тамбовскій полкъ со 2-ю гвардейскою конною батареей. Несмотря на чрезвычайное усердіе людей, движеніе производилось очень медленно и къ вечеру, 14-го декабря, четыре орудія и четыре

(1) Рапортъ Вельяминова. «Воен. Сборн.». 78—4—367.

ящичныхъ передка 2-й гвардейской конной батареи были втащены только на первую площадку, находившуюся верстахъ въ двухъ отъ начала подъема, причемъ послѣднія сани съ запасными лафетами этой батареи тронулись въ гору лишь поздно вечеромъ; 5-я же батарея за день передвинулась только на длину колонны. Такимъ образомъ, за два дня войска генерала Вельяминова сдѣлали всего около шести верстѣ. Отъ первой площадки начинался наиболѣе трудный участокъ пути, такъ какъ обледенѣлыя кручи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигали почти 45°.

14-го декабря, въ 2¹/₂ часа пополудни, генераль Вельяминовъ приказалъ выдвинуть на переваль авангардъ изъ 1-го баталіона Архангелогородскаго полка и 1-го баталіона тамбовцевъ съ 10-ю гвардейскими драгунами, подъ командою начальника штаба 31-й пѣхотной дивизіи, полковника Муромцева; но войска эти, двинувшись въ горы, были застигнуты сильною метелью и вернулись назадъ на вторую площадку, потерявъ 13 человѣкъ обмороженными и нѣсколько человѣкъ замерзшими. Такимъ образомъ, положеніе частей колонны въ ночь на 15-е декабря было слѣдующее: авангардъ изъ двухъ баталіоновъ и 10-ти драгунъ на второй площадкѣ, верстахъ въ пяти отъ начала подъема и около 9-ти отъ Врачеша; 2-я гвардейская конная батарея съ тамбовцами на первой площадкѣ, верстахъ въ двухъ отъ начала подъема и, приблизительно, въ шести верстахъ отъ Врачеша, и 5-я гвардейская конная батарея съ пензенцами у начала подъема въ 4¹/₂ верстахъ отъ Врачеша.

Съ разсвѣтомъ, 15-го декабря, части, входившія въ составъ авангарда, получили снова тоже назначеніе и были выдвинуты: баталіонъ Архангелогородскаго полка—заслономъ вправо, къ сторонѣ Яблоницы, а прочія части—на переваль, по направленію къ Елениницѣ. При авангардѣ находился генеральнаго штаба капитанъ Биргеръ, вмѣсто заболѣвшаго полковника Муромцева. 15-го декабря, съ ранняго утра, продолжалось движеніе, причемъ 2-я батарея должна была подняться по тому участку, гдѣ крутизна скатовъ доходила до 45°. Такой подъемъ, повидимому, представлялъ непреодолимые препятствія: люди и лошади безпрестанно скользили по поверхности почти отвѣсныхъ обледенѣлыхъ горъ, но, тѣмъ не менѣе, настойчиво продолжали свое трудное движеніе впередъ, карабкаясь по этимъ скаламъ и притомъ не въ одиночку, не налегкѣ, а подъ бременемъ большой тяжести орудій и ящичковъ, наполненныхъ снарядами. Глядя на эту исполнскую работу малорослаго, молодого армейскаго солдата, оставалось только удивляться его усердію и нельзя было не

убѣдиться, что для русскаго солдата, дѣйствительно, нѣтъ ничего невозможнаго.

Вслѣдствіе значительнаго утомленія людей, къ вечеру, 15-го декабря, послѣ неимовѣрныхъ усилій, удалось поднять на вторую площадку только головныя орудія 5-й батареи съ частью Пензенскаго полка, такъ что эти орудія прошли въ теченіе 15-го декабря около трехъ верстъ, остальные же заночевали на пути.

За это же время Пензенскій полкъ, пройдя двѣ версты, успѣлъ втащить 5-ю батарею на первую площадку, гдѣ въ предъидущую ночь бивакировали тамбовцы. Что касается авангарда, то онъ достигъ вершины Умургача въ 2 часа пополудни и отсюда баталіонъ Архангелогородскаго полка былъ выдвинуть къ юго-западу въ видѣ заслона со стороны Яблоницы, а прочія части слѣдовали по поясъ въ снѣгу на монастырь Св. Богородицы къ Елешницѣ.

Движеніе войскъ въ теченіе 15-го декабря было особенно утомительно по причинѣ стужи, сопровождавшейся сильнымъ вѣтромъ, который съ каждымъ шагомъ подъема становился все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, поднялась метель, и протоптанная авангардомъ дорога мѣстами совсѣмъ пропадала подъ слоємъ наметаннаго вьюгой снѣга. Мѣстами крутизна скатовъ была такъ значительна, что люди иногда не въ состояніи были тащить артилерію, несмотря на то, что въ каждое орудіе впрягалось около 100 человекъ (1). Тогда приходилось звать еще людей, временно оставлявшихъ порученныя имъ сани. Съ наступленіемъ темноты, когда прекратилась работа, войска расположились на отдыхъ тамъ, гдѣ кто находился. Сильная вьюга продолжала свирѣпствовать всю ночь и крайне затрудняла разведеніе костровъ.

Лѣсъ былъ тутъ же и люди разбрелись рубить дрова, проваливаясь въ снѣгъ выше колѣнъ. Шинели на людяхъ отъ лежанія на снѣгу пропитывались сыростью и затѣмъ, промерзая, сидѣли на нихъ коломъ, нисколько не грѣя. Усталые, голодные, продрогшіе до костей, люди нигдѣ не находили пріюта отъ сильнаго вѣтра и снѣжной метели. Въ такихъ условіяхъ костры были бы истинно спасительнымъ средствомъ, но какъ развести огонь на такомъ вѣтрѣ и какъ заставить горѣть мокрые сучья и дрова? Офицеры и дежурные по нѣскольکو разъ въ ночь обходили людей и расталкивали крѣпко спавшихъ, такъ какъ глубокой сонъ въ такой холодъ былъ бы первымъ шагомъ къ замерзанію; около полуночи, чтобы подбодрить людей, приказано

(1) Репортъ Вельяминова. «Воен. Сбор.», 78—4—368.

было всѣмъ заварить чай, а на разсвѣтъ сварили кашицу и выдали по чаркѣ спирту.

16-го декабря еще было очень темно, когда войска начали опять тягу орудій. Утомленные бессонными ночами, борьбою съ природой и трехдневною тяжелою работою, люди тащили артилерію уже не съ тою энергіей, какъ въ первые два дня. Скучная пища, которою они питались за это время, также не могла поддерживать въ нужной степени силы, а къ тому же многіе люди, отчасти по безопасности, а отчасти по неимѣнію другой пищи, израсходовали выданные имъ сухари. Продолжительность и медленность движенія угнетающимъ образомъ дѣйствовала на нравственное настроеніе людей; казалось, конца не предвидится дикимъ трущобамъ, по которымъ тащилась колонна. Послѣ всякаго подъема открывалась новая вершина, всѣмъ казалось, что вотъ эта вершина и есть Умургачъ; но не тутъ-то было: только поднимаешься на нее, смотришь — дальше другая вершина, еще выше.

Было около полудня, когда голова колонны прибыла на Умургачъ; издали эта куполообразная вершина была вся черная отъ нависшихъ тучъ и снѣжной бури, разразившейся на ней. Особенно страшна была послѣдняя сѣдловина передъ переваломъ; на ней свирѣствовалъ такой порывистый ураганъ и такъ много несло снѣга, что она имѣла видъ бушующаго моря съ страшными снѣжными волнами. Вой былъ такой, какъ будто вся природа кругомъ стонала и солдаты прозвали это мѣсто «чертовымъ плацъ-парадомъ». Одному пройти по этой сѣдловинѣ было немыслимо и ее проходили большими гартіями. Люди, тащившіе артилерію, поминутно прилегали, чтобы дать пройти бурану и мгновенно заносились снѣгомъ (1). Генераль Вельяминовъ расположился со штабомъ на вершинѣ этой горы, въ шалашѣ изъ вѣтокъ. Здѣсь получилъ онъ отъ капитана Биргера донесеніе, что части авангарда, направленные въ Елешницу, прибыли туда въ 2 часа пополудни, 16-го декабря, и соединились тамъ съ 3-мъ баталіономъ Козловскаго полка, прибывшимъ изъ Чурьяка, а полуэскадронъ 2-го эскадрона гвардейскихъ драгунъ къ 7-ми часамъ вечера прибылъ въ Жилияву.

Кромѣ того, капитанъ Биргеръ доносилъ, что путь, по которому слѣдовалъ авангардъ и по которому должна была двинуться и вся колонна, направляясь на Жилияву, рѣшительно непроходимъ для артилеріи, вслѣдствіе снѣжныхъ сугробовъ и крайне пересѣченной

(1) Мартыновъ. 90.
Т. ССІІІ.—Отд. I.

мѣстности. Въ виду этого, капитанъ Биргеръ указывалъ на возможность совершить спускъ въ софійскую долину, направляясь съ Умургача прямо на Чурьякъ, куда, безъ особыхъ затрудненій, доходилъ посланный имъ 15-го декабря драгунскій разѣздъ.

Такъ какъ движеніе отъ Умургача на Чурьякъ и далѣе на Елешницу дѣйствительно представляло большія выгоды, давая возможность отряду своевременно выйти въ софійскую долину, съ значительнымъ сокращеніемъ трудовъ войскъ, то генералъ Вельяминовъ рѣшился воспользоваться этимъ путемъ, испросивъ предварительно разрѣшеніе генерала Гурко, уже находившагося въ Чурьякѣ. Генералъ Гурко, признавъ невозможность движенія правой колонны на Жилияну, разрѣшилъ свернуть на Чурьякъ (1); разрѣшеніе это было прислано генералу Вельяминову съ состоявшимъ при отрядѣ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, майоромъ Квитницкимъ, произведшимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и осмотръ этого пути. Какъ только было получено разрѣшеніе генерала Гурко, генералъ Вельяминовъ приказалъ тамбовцамъ со 2-ю гвардейскою конною батареей, собравъ орудія, запретъ лошадей и тотчасъ же спускаться въ Чурьякъ; 5-й же батареѣ и пензенцамъ, прибывшимъ на Умургачъ поздно вечеромъ, пришлось ночевать тутъ же. Затѣмъ генералъ Вельяминовъ послалъ подтвержденіе своему приказанію отъ 15-го декабря, чтобы двѣ бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи немедленно выступили изъ Врачеша и двигались какъ можно скорѣе на Чурьякъ.

Послѣдняя ночь на Балканахъ была еще ужаснѣе, чѣмъ предъидущія. Стоило только присѣсть гдѣнибудь, и вась буквально заматало снѣгомъ. Утомленные до-нельзя люди засыпали какъ мертвые, прямо въ снѣгу, и всю ночь лужно было принимать мѣры, чтобы люди отогрѣвались, — ихъ будили, давали имъ немного спирта, заставляли разгребать снѣгъ, бѣгать на мѣстѣ, даже пѣть и плясать. Между тѣмъ, и продовольственные запасы подходили къ концу; такъ, пензенцы, получившіе на переходъ черезъ горы по 6 фун. сухарей на человѣка, за четыре дня успѣли ихъ сгрызть понемногу, а достать уже было негдѣ; тогда гвардейскіе конно-артиллеристы, лучше снабженные продовольствіемъ, отдали пензенцамъ пресованное мясо, полученное изъ врачешскаго склада, и даже конскіе консервы попли въ пищу людямъ, такъ какъ лошадямъ удалось дать сѣна, добытаго изъ случайно найденнаго въ лѣсу стога. Люди, не смущаясь «конскими пряниками», охотно съѣли ихъ и заболѣвшихъ не было.

(1) Репортъ Гурко. «Воен. Сбор.», 78—4—353.

Таково было положеніе отряда генерала Вельяминова на вершинѣ Умургача, но въ этой ужасной обстановкѣ сильно поддерживало сознание, что наступалъ послѣдній день страшныхъ трудовъ и что завтра во всякомъ случаѣ будетъ лучше и легче.

Путь отъ Умургача до Чурьяка сравнительно съ движеніемъ черезъ Умургачъ былъ настолько удобенъ, что части Тамбовскаго полка съ двумя орудіями 2-й батареи, выступившія съ Умургача 16-го декабря, въ 4 часа дня, къ вечеру того же дня прибыли въ Чурьякъ, причемъ орудія двигались на колесахъ. Остальные два орудія 2-й батареи и другая часть тамбовцевъ достигли Чурьяка къ утру, 17-го декабря. Спускъ орудій, хотя и производился сравнительно быстро, но былъ сопряженъ не только съ трудностями, но и съ опасностями. Въ орудія впряжены были только коренныя лошади, всѣ колеса тормозились и цѣлый взводъ пѣхоты удерживалъ каждое орудіе веревками. Тѣмъ не менѣе, были случаи, что орудіе срывалось, опрокидывалось и стремительно вмѣстѣ съ лошадьми летѣло внизъ, увлекая за собою и людей, старавшихся его удержать.

Переходъ черезъ Балканы гвардейской конницы.

Согласно диспозиціи, полки 1-й и 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи должны были перейти Балканы въ составѣ отряда генерала Вельяминова и послѣ перехода, конницу эту, вмѣстѣ съ конной артилеріей, приказано было выслать впередъ, возложивъ на нее наблюденіе за Софіей, софійско-филиппольскимъ шоссе и выходомъ изъ горъ у Крешиковцы и Сельева (Сеславцы).

Во исполненіе этого приказанія, гвардейская кавалерія собралась 13-го декабря во Врачени, но такъ какъ подъемъ пѣхоты съ артилеріей крайне замедлился, конницѣ этой пришлось пробыть во Врачешѣ все 14-е декабря, и только 15-го декабря, въ 10 часовъ утра, выступили полки 1-й бригады, а лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ двинулся только въ 6 часовъ утра, 16-го декабря (1).

Вслѣдствіе уже описанныхъ неудобствъ пути, гвардейская конница встрѣтила на походѣ большія затрудненія и принуждена была идти въ колоннѣ по одному, ведя коней въ поводу; лошади безпрестанно скользили и падали, такъ какъ острыхъ шиповъ на подковахъ не было. Движеніе продолжалось непрерывно день и ночь, и, насколько оно было затруднительно, видно изъ того, что, выступивъ

(1) «Описаніе похода л.-гв. Драгунскаго полка», 100.

изъ Врачеша въ 10 часовъ утра, 15-го декабря, и двигаясь почти безостановочно, конница прибыла въ Чурьякъ 17-го декабря, въ 3 часа пополудни, сдѣлавъ въ теченіи 53-хъ часовъ около 18-ти верстъ, т. е. шла со скоростью одной версты въ три часа времени.

Длинной вереницей растянулась конница по дикимъ кручамъ Балканъ, съ трудомъ преодолевая встрѣченныя затрудненія. При этомъ не только трудно было движеніе, но и не менѣе тяжелы были остановки на голыхъ откосахъ при сильномъ вѣтрѣ и вьюгѣ, особенно, когда остановки были продолжительны, а воспользоваться ими для отдыха все же было невозможно, такъ какъ, вслѣдствіе ожиданія ежеминутной возможности двигаться впередъ, нельзя было разводить костровъ. 16-го декабря, въ 10 часовъ вечера, голова дивизіи взобралась на вершину Умургача, а хвостъ достигъ этого мѣста только къ 5-ти часамъ утра, 17-го декабря. Спускъ въ чурьякскую долину былъ также очень затруднителенъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ крутизна была настолько велика, что лошади скатывались на крупахъ.

По приходѣ въ Чурьякъ, часть дивизіи осталась въ этой деревнѣ, а драгуны прошли далѣе въ Жилияву, куда прибыли къ 6-ти часамъ вечера, 17-го декабря. Въ этой деревнѣ еще съ 7-ми часовъ вечера, 16-го декабря, находился полурэскадронъ драгунъ, подъ начальствомъ капитана Бураго, который выслалъ утромъ, 17-го декабря, два офицерскихъ разъѣзда, по 12-ти драгунъ каждый, одинъ на Вакарель, а другой къ Враждебнѣ. При помощи этихъ разъѣздовъ, драгуны вошли въ связь съ Кавказской казачьей бригадой и освѣтили мѣстность въ направленіи къ Софіи до д. Бугарова. Потери конницы за время перехода черезъ горы состояли изъ шести лошадей, слетѣвшихъ въ горныя пропасти (1).

Утромъ, 17-го декабря, на Умургачѣ еще оставались пензенцы съ 5-й гвардейской конной батареей; людямъ выдали водки, что было по истинѣ благодѣніемъ; всѣ ожили, подбодрялись и начали готовиться къ спуску въ Чурьякъ. Близился конецъ мученіямъ и это такъ подняло настроеніе людей, что, несмотря на всѣ невзгоды, лихая солдатская пѣсня огласила дикую вершину Умургача. Около полудни, когда прошла конница, начали спускъ и пензенцы съ 5-й батареей. Холодъ и вьюга въ этотъ день казалось достигли своихъ

(1) Рапортъ Веделинова. «Воен. Сборн.», 78—4—371.

предѣловъ и были особенно ощутительны, такъ какъ вѣтеръ билъ прямо въ лицо. За то войска не пошли, а побѣжали съ Умургача и къ 4-мъ часамъ дня батарея спустилась въ освѣщенную солнцемъ мѣстность, гдѣ вѣтеръ былъ значительно слабѣе и войскамъ казалось, что они вступили въ обѣтованную землю; а сзади, за ними высился черный отъ бури Умургачъ. Было уже темно, когда пензенцы достигли Чурьяка, но только къ 3-мъ часамъ ночи, 18-го декабря, всѣ колонны собрались въ этой деревнѣ, гдѣ расположились по всѣмъ имѣвшимся строеніямъ, хотя и очень тѣсно, но все же первый разъ послѣ пятидневныхъ трудовъ подъ крышей.

17-го декабря, въ 12 часовъ дня, Тамбовскій полкъ со 2-й гвардейской конной батареей выступилъ изъ Чурьяка въ Елешницу, гдѣ и расположился на ночлегъ; 18-го декабря онъ перешелъ въ деревню Яну, оставивъ одинъ баталіонъ въ Жилиявѣ и отправивъ двѣ роты въ с. Буново (Чайникъ). Пензенскій полкъ съ двумя орудіями 5-й гвардейской конной батареи выступилъ 18-го декабря, въ 10 час. утра, изъ Чурьяка и прибылъ вечеромъ въ Яну, гдѣ и расположился по квартирамъ, принявъ необходимыя мѣры охраненія къ сторонѣ Софіи.

Послѣ перехода, въ распоряженіе генерала Вельяминова были назначены двѣ сотни Кавказской казачьей бригады, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Черевина. Черевину приказано было наблюдать за мѣстностью между Елешницей, Кремиковицами и шоссе, и дальше къ западу и, если возможно, занять Кремиковицы и вообще напумѣть въ тылу турокъ, занимавшихъ лютиковскую позицію. Приказаніе это было изложено въ запискѣ генерала Нагловскаго отъ 17-го декабря, между тѣмъ какъ турки еще 15-го декабря очистили лютиковскую позицію, что, очевидно, 17-го декабря еще не было извѣстно въ штабѣ отряда (1). 1-я и 2-я бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, расположившіяся въ Жилиявѣ съ двумя орудіями 5-й гвардейской конной батареи и № 8-го казачьей батареей, получили приказаніе дѣйствовать къ югу отъ софійскаго шоссе и противъ позиціи турокъ у Ташкисена. Для связи между Кавказской бригадой и 2-й гвардейской кавалерійской дивизіей были высланы изъ Жилиявы сильныя посты—разъѣзды къ деревнямъ Бугарову и Чурдакли. Такимъ образомъ колонна генерала Вельяминова исполнила возложенную на нее задачу—перейти черезъ Умургачъ и составить заслонъ для главной колонны со сторонъ Софіи и Кремиковицы.

(1) «Воспоминаніе офц. ген. штаба». Пузыревскій, 176.

IX.

Дѣйствія войскъ, остававшихся на позиціяхъ во время перехода черезъ Балканы.

Въ то время, какъ войска, подъ начальствомъ генераловъ Каталя, Рауха, Вельяминова и Дандевила, переходили Балканы, остальные части западнаго отряда оставались на занятыхъ ими позиціяхъ, съ цѣлью зорко слѣдить за непріятелемъ и, въ случаѣ его отступленія, немедленно двинуться впередъ, съ тѣмъ, чтобы занять оставленныя позиціи и тѣснить турокъ по пятамъ.

Въ заслонахъ оставались отряды: 1) графа Шувалова на позиціи, западнѣе софійскаго шоссе, противъ Арабъ-конака (12 баталіоновъ и 24 орудія); 2) Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго (восемь баталіоновъ и 28 орудій) на позиціи восточнѣе шоссе, на Вратешѣ и противъ Шандорника; 3) генералъ-лейтенанта Шильдербъ-Шульднера (девять баталіоновъ, 38 орудій и семь эскадроновъ)—на позиціяхъ у Врачеша и Скривены для наблюденія за непріятелемъ, занимавшимъ лютиковскую позицію. Въ случаѣ, если бы турки очистили эту позицію, то приказано было отдѣлить для занятія ея одинъ полкъ съ батареею, остальные войска двинуть по софійскому шоссе къ позиціи, занятой отрядомъ графа Шувалова.

Общее начальство надъ этими тремя отрядами было возложено на командира 9-го армейскаго корпуса, генералъ-лейтенанта барона Криденера.

Наконецъ, четвертый заслонъ—златицкій отрядъ, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Брока на позиціяхъ противъ Златицы— $5\frac{3}{4}$ баталіона, два орудія и три сотни. Такимъ образомъ всего въ заслонахъ оставалось: $34\frac{3}{4}$ баталіона, 92 орудія и 10 эскадроновъ и сотенъ.

а) *Дѣятельность отряда графа Шувалова.* Отрядъ этотъ составляли три баталіона Московскаго полка (1), Павловскій и Финляндскій полки и три батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады. Эти войска занимали позиціи къ западу отъ софійскаго шоссе, а именно: три баталіона Финляндскаго полка съ восемью орудіями, ближайшую къ противнику высоту противъ редута № 7-го, т. е. такъ

(1) 4-й баталіонъ этого полка былъ въ отрядѣ принца Ольденбургскаго.

пазываемую финляндскую гору; три баталіона Московскаго полка и Павловскій полкъ были расположены на преображенской и павловской горахъ; сверхъ того, одинъ баталіонъ москвитцевъ и одинъ баталіонъ финляндцевъ были расположены на самомъ шоссе до тѣхъ поръ, пока очищеніе турками лютиковской позиціи не дало возможности притянуть оттуда часть войскъ. На шоссе и финляндской горѣ войсками командовалъ генераль-маіоръ Эттеръ.

Служба баталіона финляндцевъ, расположеннаго на шоссе, заключалась въ содержаніи сторожевыхъ постовъ и почты между позиціей и Орханіа.

Дѣятельность войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ графа Шувалова, ограничивалась демонстраціями противъ арабъ-конакской позиціи; почти ежедневно производились перестрѣлки обѣихъ сторонъ, причемъ съ нашей стороны выдвигались небольшіе отряды къ позиціи турокъ для лучшаго наблюденія за неприятелемъ и для отвлеченія его вниманія и силъ отъ обходныхъ колоннъ. Вслѣдствіе этого войска, бывшія въ заслонахъ, несли ежедневную убыль убитыми и ранеными, причемъ особенно пострадалъ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, позиція котораго значительно выдавалась впередъ, а потому сильнѣе другихъ подвергалась дѣйствию неприятельскаго огня.

Сверхъ того, войска претерпѣвали значительныя лишенія отъ недостатка продовольствія и отсутствія теплой одежды, а также подвергались и всѣмъ ужасамъ снѣжныхъ метелей и бурь, свирѣпствовавшихъ въ горахъ почти все время, пока происходилъ переходъ черезъ Балканы.

12-го декабря Финляндскій полкъ праздновалъ свой полковой праздникъ. Къ 10-ти часамъ утра 1-й, 2-й, 3-й баталіоны были построены покоемъ на небольшой и единственной площадкѣ, шаговъ 300 за бивакомъ; такъ какъ священника не было, то полковой горнистъ вслухъ прочиталъ «Отче нашъ». Затѣмъ было выпито по чаркѣ водки за здоровье Государя Императора, за шефа полка, за ближайшее начальство, за полкъ, и люди разошлись по палаткамъ и землянкамъ; 4-й же баталіонъ, бывшій на позиціи, былъ поздравленъ командующимъ полкомъ полковникомъ Шмидтомъ въ ложементахъ. Въ 4 часа дня на гору прибылъ графъ Шуваловъ и поздравилъ полкъ съ праздникомъ, а поздно вечеромъ была получена депеша отъ Государя Императора и главнокомандующаго (1).

(1) Ростовскій. «Исторія л.-гв. Финлян. полка», 334.

Служба стоявшихъ на финляндской горѣ трехъ слабыхъ баталіоновъ была очень тяжелою. Требовалось особенное вниманіе въ наблюденіи за противникомъ и постоянно полная готовность встрѣтить непріятеля. Какъ только погода прояснялась, командующій полкомъ и офицеры старались при помощи биноклей высмотрѣть, что происходитъ у противника. Однако, кромѣ обычныхъ сигналовъ, крика ословъ, ржанія лошадей, громкаго говора людей и дыма костровъ въ непріятельскомъ расположеніи ничего особеннаго замѣчаемо не было и также какъ всегда, впереди ложементовъ виднѣлись турецкіе посты. Такъ какъ 17-го и 18-го декабря на позицію графа Шувалова прибыли изъ подъ Лютикова полки 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, то ими были заняты преображенская и павловская горы, а Московскій и Павловскій полки вслѣдствіе этого могли двинуться впередъ и принять участіе въ ташкисенскомъ бою. Къ 18-му декабря графомъ Шуваловымъ была заложена впереди преображенской горы батарея, которая начала съ успѣхомъ дѣйствовать противъ непріятельскихъ батарей, обстрѣливавшихъ финляндскую гору.

Только съ 3-хъ часовъ пополудни, 19-го декабря, нѣкоторымъ изъ наблюдателей казалось, что они слышатъ необычный шумъ и, какъ будто бы, замѣчалось движеніе обозовъ и व्यюковъ.

Въ такомъ положеніи оставались войска графа Шувалова до ихъ перехода за Балканы.

б) *Дѣятельность отряда Его Высочества принца Ольденбургскаго.* Отрядъ этотъ состоялъ изъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго и 3½ баталіоновъ Егерскаго полковъ, трехъ батарей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады и четырехъ орудій 16-й конной батареи; сверхъ того, подъ командой Его Высочества состоялъ еще и 4-й баталіонъ Московскаго полка, занимавшій позицію у софійскаго шоссе и служившій связью со 2-й гвардейской пѣхотной дивизіей.

Вступивъ 11-го декабря въ командованіе этими войсками, Его Высочество тотчасъ отправился на позицію для ея осмотра. Въ предшествовавшіе дни выпалъ обильный снѣгъ, вслѣдствіе чего вся позиція была буквально завалена имъ, большая часть ложементовъ имѣла видъ снѣжныхъ бугровъ, а сообщенія были почти совершенно прерваны.

При длинѣ позиціи въ шесть верстъ, занятой девятью слабыми баталіонами при 32-хъ незапряженныхъ орудіяхъ, положеніе войскъ въ случаѣ наступленія противника было затруднительное. Немедленно были приняты мѣры для расчистки сообщеній и вмѣстѣ съ тѣмъ Его Высочество въ тотъ же вечеръ писалъ генералу Гурко,

указывая на слабость своего отряда и несоразмѣрную длину позиціи: «въ виду значительной убыли людей, прошу ваше превосходительство, наканунѣ общаго движенія прислать, по крайней мѣрѣ, одинъ полкъ. Только въ этомъ случаѣ позиція будетъ вполнѣ обезпечена» (1).

12-го декабря Его Высочество приказалъ произвести развѣдку мѣстности на лѣвомъ флангѣ ввѣренной ему позиціи; развѣдка эта, произведенная лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка штабсъ-капитаномъ Петровымъ 1-мъ и поручиками Михневичемъ и Стеткевичемъ съ восемью рядовыми того же полка, выяснила, что дорога, шедшая отъ лѣваго фланга позиціи къ Шандорнику, пролегалла большею частью лѣсомъ по глубокому оврагу и оказалась вполнѣ удобною для движенія и даже безъ особенно крутыхъ спусковъ и подъемовъ. Въ тоже время сдѣлалъ развѣдку штабсъ-капитанъ Рихтеръ и нашелъ, что отъ центра нашей позиціи къ укрѣпленію Гюльдизъ-таби, можно было скрытно двинуть пѣхоту въ двухъзводной колоннѣ, не теряя сомкнутости и порядка (2).

Вечеромъ, 12-го декабря, была получена диспозиція для перехода черезъ Балканы, а 13-го декабря Его Высочество получилъ записку отъ генераль-лейтенанта Криденера слѣдующаго содержанія: «на случай движенія турокъ по шоссе и въ виду того, что у бивака Бабаконакъ почти нѣтъ резервовъ, прошу Ваше Высочество приказать баталіону Московскаго полка, находящемуся на вашемъ правомъ флангѣ, спуститься съ горы къ сторонѣ шоссе и дѣйствовать во флангъ наступающему по шоссе противнику. Въ этомъ случаѣ баталіону этому поступить въ распоряженіе генераль-маіора Эттера».

Такимъ образомъ предположеніе принца Ольденбургскаго о возможности наступательныхъ дѣйствій со стороны турокъ подтвердилось и распоряженіемъ выше.

Съ ранняго утра, 13-го декабря, Его Высочеству дали знать, что турки спускаются съ Шандорника; оказалось, что непріятель выслалъ за дровами довольно значительныя команды въ лѣсъ и оврагъ передъ фронтомъ нашей позиціи. Подъ вечеръ съ позиціи Его Высочества было замѣчено движеніе авангарда генерала Рауха на Чурьякъ; казалось, что къ закату голова авангарда достигла перевала, а когда стемнѣло, появились огоньки и опасеніе, чтобы турки не замѣтили движеніе генерала Рауха съ Шандорника.

(1) Н. К. «Стояннка на Балканахъ». «Воен. Сбор.», 79—12—359.

(2) «Исторія д.-гв. Семеновскаго полка». II, 257.

Въ теченіе 14-го декабря, при помощи подзорной трубы, установленной на батарее Оноприенко, ясно была видна длинная вереница войскъ главной обходной колонны, узкой ломанной линіей поднимавшейся по склонамъ горъ. Для отвлеченія вниманія турокъ отъ обходныхъ колоннъ, Его Высочество приказалъ, вечеромъ, 14-го декабря, развести массу костровъ на мѣстахъ, гдѣ войскъ нашихъ не было; костры эти поддерживались и въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ дней. Подъ вечеръ получена была записка графа Шувалова, заключающая извѣстіе отъ генерала Нагловскаго, писавшаго: «вслѣдствіе запозданія колонны, сегодня атаковать Потопъ не оказалось возможнымъ. Надѣмся, что завтра, 15-го декабря, успѣемъ атаковать Потонъ, а 16-го повести атаку на главную позицію».

Рѣшивъ въ случаѣ отступленія турокъ немедленно броситься на нихъ съ тѣмъ, чтобы, задержавъ ихъ, дать обходнымъ колоннамъ время отрѣзать имъ путь отступленія, Его Высочество приказалъ въ Семеновскомъ и Егерскомъ полкахъ сформировать команды охотниковъ, которымъ и быть въ полной готовности по первому сигналу броситься вслѣдъ за турками. Въ Егерскомъ полку была сформирована команда изъ 200 охотниковъ подъ начальствомъ штабъ-капитана Мачихина и при подпоручикѣ Тигерштедтѣ; въ Семеновскомъ полку для той же цѣли назначены были двѣ роты подъ начальствомъ штабъ-капитановъ Рихтера и Кноринга.

Утромъ, 15-го декабря, съ Шандорника турки произвели нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ въ направленіи къ востоку; это дало основаніе полагать, что они открыли огонь противъ колонны генерала Дандевилля. Въ то же время на Шандорникѣ было замѣчено нѣкоторое движеніе среди непріятельскихъ войскъ. Въ этотъ же день до 6 часовъ была слышна со стороны Потопа канонада, а иногда оттуда долетали звуки ружейной стрѣльбы. Рѣшено было на другой день громить турокъ со всѣхъ батарей, а ночью зажечь еще большее число костровъ, чтобы показать, будто бы ночью наши войска получили значительныя подкрѣпленія.

16-го декабря съ утра всѣ батареи открыли оживленный огонь, на который турки отвѣчали такимъ же образомъ, но послѣ полудня нѣкоторыя непріятельскія батареи совершенно прекратили стрѣльбу, остальные же, какъ то: Шандорникъ, Веселый редутъ и Арабъ-конакъ, отвѣчали вяло. Въ этотъ день взводу екатеринославскихъ драгунъ, стоявшему на лѣвомъ флангѣ позиціи, Его Высочествомъ приказано было открыть прямое сообщеніе съ колонной генерала Дандевилля.

Въ теченіе дня получена была отъ генерала Дандевиля записка, въ которой указывалось, что на лѣвомъ флангѣ позиціи принца Ольденбургскаго имѣется дорога въ обходъ Шандорника съ его правой стороны. «Въ лѣсу подь Шандорникомъ, писалъ генераль Дандевиль, стоятъ постоянно два или три табора въ землянкахъ или палатахъ, которые отсюда видны. Близъ опушки, лагерь на косогорѣ за Шандорникомъ. Если ихъ атаковать въ лѣсу, то можно нанести рѣшительный ударъ. Семеновцамъ ближе всего это сдѣлать, а въ лѣсу выстрѣлы съ Шандорника даже не будутъ дѣйствительны. Прошу мое предложеніе сообщить начальнику отряда».

О всемъ случившемся въ теченіе дня было донесено генераль-лейтенанту барону Криденеру, причемъ Его Высочество приказалъ донести, что «съ своей стороны рѣшительно считаетъ невозможнымъ двинуть впередъ Семеновскій полкъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) это было бы противно общему предположенію генерала Гурко, по которому желательно удержать турокъ въ занимаемыхъ ими позиціяхъ возможно долѣе; 2) это еще болѣе удлиннило бы и безъ того уже очень растянутую позицію и окончательно ослабило бы нашъ лѣвый флангъ, и 3) никто въ отрядѣ указаннаго пути не знаетъ, а речкогносцировать его при огромныхъ снѣгахъ—нѣтъ возможности» (1).

Черезъ нѣсколько часовъ отъ начальника штаба 9-го корпуса генераль-маіора Липинскаго была получена записка, въ которой выражалось, что генераль Криденеръ одобряетъ рѣшеніе Его Высочества; вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, что д. Потопъ занята нашими войсками.

Поздно ночью прибыла другая записка отъ генерала Дандевиля, въ которой сообщалось о выдвиженіи Псковскаго полка съ двумя орудіями для обстрѣливанія Шандорника и Воронежскаго полка съ двумя орудіями на позицію противъ укрѣпленій турокъ у Миркова. Сверхъ того, сообщалось, что, повидимому, изъ Шандорника часть войскъ выведена, потому что сегодня (16-го декабря) не видно движенія между лѣсомъ и редутомъ (2).

17-го декабря съ утра свирѣпствовали снѣжный бурянь такой силы, что орудія на позиціи принца Ольденбургскаго были совершенно занесены снѣгомъ. Тѣмъ не менѣе ихъ постоянно старались отрывать и даже было произведено нѣсколько выстрѣловъ, чтобы показать непріятелю, что наши войска и въ такую погоду не бездѣй-

(1) Н. К. «Стоянка на Балканахъ». «Воен. Сбор.», 79—12—366 и 367.

(2) Записка Дандевиля. «Воен. Сбор.», 79—12—367.

ствують. Около 12-ти часовъ дня получена была отъ генерала Липинскаго записка съ извѣщеніемъ, что «Елешница занята двумя баталіонами, Негашево — восемь баталіонами при 12-ти орудіяхъ, гора Горный верхъ занята тремя баталіонами (1); Чурьякъ занятъ четырьмя баталіонами, софійское шоссе занято Кавказской казачьей бригадой и астраханскими драгунами. Остальные баталіоны еще въ движеніи. Вѣроятно, 18-го декабря будемъ въ состояніи спуститься со всѣми войсками въ долину, съ тѣмъ, чтобы 19-го атаковать турецкую позицію». Передавая приказаніе генерала Криденера, чтобы съ утра, 18-го декабря, открыть огонь изъ всѣхъ орудій, генераль Липинскій писалъ: «относительно сербовъ ходитъ слухъ, что наша кавалерія за Берковацемъ вошла въ связь съ передовыми сербскими отрядами. О грекахъ свѣдѣній никакихъ не имѣется».

18-го декабря, съ утра, загрохотали пушки, но вскорѣ огонь былъ прекращенъ, согласно приказанія генерала Криденера, который вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ распоряженія относительно дѣйствій на слѣдующій день, 19-го декабря. Въ тотъ же день на позиціи противъ Шандорника, были приняты мѣры, чтобы убѣдить турокъ въ прибытіи къ отряду Его Высочества сильныхъ подкрѣпленій. Съ этой цѣлью нѣсколько ротъ Семеновскаго полка въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на виду у турокъ двигались отъ праваго фланга позиціи къ лѣвому, возвращаясь на прежнія мѣста лѣсомъ, т. е. незамѣтно для непріятеля; кромѣ того, ночью были зажжены костры на новыхъ мѣстахъ и вообще показывалось большое оживленіе на нашей позиціи. 18-го декабря, около 3-хъ часовъ пополудни, Его Высочество получилъ записку генерала Дандевиля, отправленную 17-го декабря, въ 8 часовъ вечера, изъ Этрополя и заключавшую въ себѣ нѣкоторыя подробности катастрофы, постигшей колонну генерала Дандевиля на Бабъ-горѣ.

Въ виду полученія этого извѣстія Его Высочество нѣсколько измѣнилъ предполагавшійся порядокъ дѣйствій ввѣреннаго ему отряда на 19-е декабря.

в) *Дѣятельность войскъ, оставленныхъ противъ лютиковской позиціи турокъ.* Войска эти, согласно диспозиціи на 13-е декабря, состояли изъ трехъ полковъ 5-й пѣхотной дивизіи, четырехъ батарей 5-й артилерійской бригады, 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и 3-й гвардейской конной батареи, всего: девять

(1) Должно быть «Черный верхъ», занятый тремя баталіонами подъ начальствомъ Васмунда.

баталіоновъ, 32 пѣшихъ орудій, семь эскадроновъ и шесть конныхъ орудій. Они должны были оставаться на позиціяхъ у Врачеша и Скривены и наблюдать за непріятелемъ, занимавшимъ лютиковскую позицію, составляя заслонъ противъ этой послѣдней. Согласно диспозиціи на 13-е декабря, войсками этими долженъ былъ командовать генераль-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ, но за болѣзнь его начальство надъ отрядомъ принялъ генераль-майоръ Похитоновъ.

Въ случаѣ, если бы турки очистили лютиковскую позицію, то было предписано, отдѣливъ для занятія ея одинъ полкъ и одну батарею, остальные два полка со всей конницей и артилеріей двинуть по шоссе къ позиціи, занятой отрядомъ генераль-адъютанта графа Шувалова.

15-го декабря турки очистили лютиковскую позицію и отступили къ Софіи ⁽¹⁾ и такъ какъ къ тому же времени подошла изъ Врацы 2-я бригада 5-й дивизіи, то къ позиціи противъ Арабъ-конака 16-го декабря были выдвинуты 1-й баталіонъ 19-го Костромскаго полка, а 2-й и 3-й баталіоны этого полка были направлены прямой тропинкой изъ Врачеша на Чурьякъ; туда же была направлена и 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи; 17-го и 18-го декабря постепенно были подведены къ арабъ-конакской позиціи полки 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи и заняли Преображенскую и Павловскую горы, смѣнивъ въ этихъ мѣстахъ войска графа Шувалова, которыя на 19-е декабря получили приказаніе дѣйствовать противъ ташкисенской позиціи.

г) *Дѣйствія златицкаго отряда.* На основаніи предписанія генерала Гурко отъ 27-го ноября 1877 г. № 6,003, начальникомъ златицкаго отряда вмѣсто генерала Курнакова былъ назначенъ свиты Его Величества генераль-майоръ Брокъ, который, 28-го ноября, и вступилъ въ командованіе отрядомъ.

Читатели помнятъ, что войска наши овладѣли Златицкимъ переваломъ 16-го ноября и прочно утвердились на немъ, укрѣпивъ занятую позицію на пространствѣ около пяти верстей отъ Челопеченскаго ущелья къ востоку до Клисикіойскаго ущелья, имѣя въ д. Челопечени четыре роты Гренадерскаго полка, одну роту Великолуцкаго полка и пять сотенъ казаковъ (три отъ сводной казачьей бригады и двѣ отъ кавказской казачьей); д. Клисикіой была занята одной ротой. Обладаніе этими деревнями давало отряду ту выгоду, что онъ могъ пользоваться фуражемъ, запасы котораго въ Этрополѣ

(1) «Сбор. тур. догум.», 124.

уже совершенно истощились, а на перевалѣ и по склонамъ горъ его рѣшительно пельза было добыть. Всего въ отрядѣ генерала Брока были четыре баталіона Гренадерскаго полка, 3-я стрѣлковая рота Великолуцкаго полка, два орудія донской № 19-го батареи, пять сотень сводной казачьей бригады и двѣ сотни кубанцевъ, всего 4¹/₄ баталіона, два орудія и семь сотень.

Что касается турокъ, то, повидимому, въ это время они имѣли подъ Златицей пять баталіоновъ съ небольшимъ числомъ орудій и конницы; но впослѣдствіи силы эти увеличились до 10-ти баталіоновъ подъ начальствомъ Искендера-паши (¹).

Дѣйствія отряда генерала Брока заключались почти въ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ турками, которые пытались сбить наши войска съ перевала, чтобы наступленіемъ въ направленіи къ Этрополю угрожать лѣвому флангу и тылу отряда генерала Гурко.

Для лучшаго удержанія позиціи войска возвели цѣлый рядъ инженерныхъ работъ, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя уже были произведены вслѣдъ за занятіемъ перевала. Такъ, напримѣръ, 28-го ноября, для отраженія весьма возможной атаки на перевалъ со стороны Шандорника, были заложены на высотахъ праваго фланга два редута и сдѣлано распоряженіе объ усиленіи разѣздовъ съ этой стороны до Бабы-горы (²). 27-го и 29-го ноября турки произвели демонстративныя наступленія на д. Челопечени, въ первый день пѣхотой, а второй—конницей, но оба раза дѣйствовали весьма нерѣшительно. 28-го ноября, вслѣдствіе сильнаго вѣтра и мороза около 10°, приказано было приступить къ постройкѣ землянокъ. 30-го ноября турки произвели нападеніе на наши войска какъ со стороны Клисикіоя, такъ и со стороны Челопечени. Стрѣлковыя роты Гренадерскаго полка, занимавшія д. Клисикіой и высоты вправо отъ Клисикіойскаго ущелья, заняли свои ложементы и не позволяли туркамъ подойти къ деревнѣ ближе 800 шаговъ; въ то же время огонь нашихъ орудій, расположенныхъ надъ д. Клисикіой, заставилъ непріятельскую артилерію скрыться въ горы позади Златицы. Между тѣмъ, турки послали небольшую часть своей пѣхоты въ обходъ нашего лѣваго фланга. Пѣхота эта забралась на высоты, находящіяся влѣво отъ Клисикіоя и оттуда открыла сильный огонь по нашей артилеріи и по пѣхотѣ; противъ этого обхода была выдвинута одна изъ расположенныхъ влѣво отъ Клисикіойскаго ущелья ротъ, которая и при-

(¹) Бекеръ. «Воен. Сбор.», 80—5—180.

(²) Рапортъ ген. Брока. «Воен. Сбор.», 78—6—240.

нудила турокъ къ отступленію. Однако же, въ пятомъ часу дня вновь турки выслали на тѣ же высоты небольшую часть пѣхоты, которая своимъ огнемъ вынудила нашу роту, занимавшую Кисикію, очистить эту деревню и отойти въ ущелье шаговъ на 400 назадъ; въ это время въ деревню бросились баши-бузуки, но были выбиты огнемъ нашей пѣхоты; уже смеркалось, а потому пришлось отказаться отъ выбитія неприятельскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ надъ д. Кисикію, и это предпріятіе было отложено до слѣдующаго дня. Въ тотъ же день противъ д. Челопечени турки выдвинули около четырехъ таборовъ и около пяти сотенъ конницы съ артилеріей.

До 5-ти часовъ вечера неприятель ограничивался перестрѣлкой, но около 5-ти часовъ къ сторонѣ Миркова двинулся таборъ, который обошелъ нашъ правый флангъ и, взобравшись на высоты, командуя надъ Челопечени, по западную сторону ущелья, началъ осыпать градомъ пуль деревню и наши ложементы. Для противодѣйствія этому обходу была назначена одна рота гренадеръ, которая расположилась по восточную сторону ущелья.

Въ ночь на 1-е декабря генераль Брокъ приказалъ очистить д. Челопечени; но для того, чтобы неприятель не могъ занять этой деревни, были расположены на горѣ, командующей ею, на восточной сторонѣ ущелья, двѣ роты—одна отъ гренадеръ и 3-я стрѣлковая Великолуцкаго полка.

На другой день, 1-го декабря, турки, не замѣчая, вслѣдствіе тумана, что д. Челопечени очищена нами, продолжали ее обстрѣливать артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

Въ этотъ день въ составѣ отряда произошли перемѣны; на позицію прибыло шесть ротъ 10-го пѣхотнаго Новоингерманландскаго полка, численностью около 700 человекъ, и изъ состава отряда были двѣ кубанскія сотни и двѣ сотни сводной казачьей бригады—первыя получили приказаніе присоединиться къ своей бригадѣ, а вторыя должны были отправиться въ Этрополь. Такимъ образомъ, со 2-го декабря отрядъ генерала Брока состоялъ изъ четырехъ баталіоновъ гренадеръ, шести ротъ Новоингерманландскаго полка, 3-й стрѣлковой роты Великолуцкаго полка, трехъ сотенъ сводной казачьей бригады (5-я сотня 21-го полка, одна сотня 24-го полка и 5-я сотня 26-го полка) и двухъ орудій 19-й донской батареи; всего $5\frac{3}{4}$ баталіоновъ, два орудія и три сотни.

Вечеромъ, 2-го декабря, турки пытались занять д. Челопечени, но были вытѣснены оттуда ружейнымъ огнемъ ротъ, расположенныхъ на высотѣ, командующей надъ деревнею. Въ этотъ день на на-

шемъ лѣвомъ флангѣ турки расположили на двухъ высокихъ скалистыхъ горахъ около полутабора и устроили тамъ ложементы изъ камней. Для противодѣйствія этому обходу были назначены двѣ роты Гренадерскаго полка, которыя вырыли ложементы противъ непріятельскихъ. Мѣстность вокругъ этихъ ложементовъ такъ сильно обстрѣливалась непріателемъ, что смѣну стрѣлковъ можно было дѣлать только ночью или въ туманную погоду: посылка людей изъ этихъ ложементовъ за дровами и водой также могла производиться только въ темноту. Въ такомъ положеніи оставались части, занимавшія лѣвый флангъ нашей позиціи до спуска въ долину, т. е. до 21-го декабря.

Въ тотъ же день, 2-го декабря, турки начали обходъ и нашего праваго фланга по другую сторону челопеческаго ущелья по направлению къ горамъ, командующимъ надъ переваломъ. Пользуясь темнотою, непріятель построилъ нѣсколько редутовъ и ложементовъ, изъ которыхъ открылъ огонь противъ трехъ ротъ, расположенныхъ на правомъ флангѣ, причемъ особенно сильно обстрѣливались тѣ двѣ роты, которыя занимали редутъ на горѣ надъ д. Челопечени, причемъ нѣсколько гранатъ упали въ редутъ, а одна разорвалась въ палаткѣ командира 9-й роты Гренадерскаго полка, поручика Томашевича.

3-го, 4-го и 5-го декабря турки продолжали усиливать свои работы противъ нашего праваго фланга, желая, повидному, охватить его. Вслѣдствіе этого, были усилены и наши работы и на обоихъ флангахъ нашей позиціи, на высотахъ, командующихъ переваломъ, было возведено по редуту, которые были заняты ротами Новоингерманландскаго полка. Для наблюденія за тропинкой, шедшей изъ челопеческаго ущелья къ блокаузу въ тылу нашей позиціи, у зданія этого былъ поставленъ сильный казачій пикетъ.

Съ 1-го декабря войска начали сильно терпѣть отъ непогоды и морозовъ. Густой туманъ почти постоянно окутывалъ горы, температура падала до 10° и частыя снѣжныя метели свирѣпствовали въ горахъ. Каждая вьюга заносила снѣгомъ всѣ тропинки и дороги и мѣстность покрывалась такимъ толстымъ слоемъ снѣга, что уже 7-го—8-го декабря опъ покрывалъ землю на полтора аршина. Но, несмотря на эти условія, перестрѣлка съ непріателемъ продолжалась непрерывно. Ясная погода, бывшая 11-го и 12-го декабря, дала возможность хорошо рассмотретьъ расположеніе непріятеля. На высотахъ надъ дд. Мирково и Буново замѣчено было много новыхъ укрѣпленій и на всѣхъ высотахъ къ сѣверу отъ этихъ деревень замѣчены были ча-

совые на такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде ихъ не было видно. Тетевенскій переваль оказался снова занятымъ турками, числомъ около одного табора. Впереди Златицы и по отрогамъ Малыхъ Балкановъ появилось также много новыхъ укрѣпленій, несмотря на то, что уже давно всѣ эти мѣста были покрыты массою редутовъ и ложементовъ (1).

12-го декабря получена была генераломъ Брокомъ диспозиція отъ 11-го декабря для совершенія перехода черезъ Балканы; согласно этой диспозиціи, отряду предписано было оставаться на занимаемой имъ позиціи и зорко слѣдить за непріателемъ, причемъ, въ случаѣ его отступленія, немедленно занять очищенные имъ мѣста и тѣснить непріателя по пятамъ.

13-го декабря приказано было двумъ ротамъ присоединиться къ ротѣ, занимавшей д. Клисикіюй, причемъ роты эти вырыли у деревни рядъ ложементовъ, для обезпеченія выхода изъ клисикіюйскаго ущелья, и, кромѣ того, 14-го декабря въ деревню были высланы двѣ сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Мандрыкина (5-я сотня № 21-го и 5-я сотня № 26-го полковъ), съ приказаніемъ выдвинуть развѣзды въ Златицкую долину и испортить телеграфъ, соединявшій Златицу съ Мирковымъ и Буновомъ.

Съ 13-го декабря открытъ былъ артилерійскій огонь по тѣмъ кварталамъ Златицы, въ которыхъ турки, какъ было замѣчено, располагались на ночлегъ. Для лучшаго обезпеченія нашего лѣваго фланга возведенъ былъ 6-ю ротю гренадеръ на высотѣ къ сѣверовостоку отъ Клисикіюя редутъ и въ немъ построены землянки. Работа эта началась съ разсвѣтомъ, но когда разсвѣло, то турки открыли по нашимъ рабочимъ огонь изъ двухъ орудій, поставленныхъ на опушкѣ Златицы. На огонь этотъ отвѣчала наша артилерія и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны непріятельскія орудія снялись съ позиціи.

15-го декабря турки сдѣлали попытку перейти въ наступленіе противъ нашего отряда. Около 2-хъ часовъ дня, оставивъ часть пѣхоты въ ложементахъ впереди Златицы, они двинули одинъ таборъ съ двумя сотнями конницы по отрогамъ Малыхъ Балкановъ къ Челопечени. Подойдя къ Челопечени, непріатель перестроился въ боевой порядокъ и двинулся черезъ деревню на гору, занятую 3-ю стрѣлковою ротю Великолуцкаго полка. Турецкая пѣхота бойко начала карабкаться въ горы съ громкими криками «аллахъ», но была

(1) Рапортъ ген. Брока. «Воен. Сбор.», 78—6—246.

—Огд. I.

отбита огнемъ нашей пѣхоты съ самаго близкаго разстоянія (1), послѣ этого турки повторили атаку еще съ бѣльшею настойчивостью, но были отбиты вторично.

Вечеромъ, 15-го декабря, около 9-ти часовъ, было получено отъ генерала Дандевилля увѣдомленіе, что онъ взоспелъ на Бабу-гору и что развѣздъ его доходитъ до Бунова. Съ своей стороны увѣдомленіе о томъ, что дѣлается подъ Златицей, было послано въ отрядъ генерала Дандевилля, причемъ сообщеніе между двумя отрядами дѣлалось черезъ г. Этрополь. Для того, чтобы поддержать нашу пѣхоту, расположенную надъ д. Челопечени, генераль Брокъ приказалъ построить батарею надъ этой деревней и перетащить туда одно изъ двухъ орудій, стоявшихъ надъ д. Клисикіой, что и было исполнено 16-го декабря.

Въ тотъ же день, съ 4-хъ часовъ дня до 8-ми часовъ вечера, въ горахъ была сильная снѣжная метель.

Ночью съ 15-го на 16-е декабря казакамъ удалось уничтожить телеграфъ въ Златицкой долинѣ, въ доказательство чего былъ доставленъ генералу Броку кусокъ проволоки, длиною въ нѣсколько сажень. Для полученія свѣдѣній изъ отряда генерала Дандевилля на Бабу-гору былъ отправленъ Гренадерскаго полка штабсъ-капитанъ Энгельке.

Вечеромъ, 16-го декабря, турки два раза атаковали редутъ, возведенный 14-го декабря 6-ю ротой гренадеръ на высотѣ сѣверо-восточнѣе Клисикіоя, но оба раза были отбиты. Въ тотъ же день, около 5-ти часовъ, началась сильнѣйшая снѣжная метель, продолжавшаяся все 17-е декабря и окончившаяся утромъ 18-го числа. Вѣтеръ такъ былъ силенъ, что многія землянки были разрушены и нѣсколько часовыхъ сторожевой цѣпи были снесены вѣтромъ на нижніе уступы горъ, а одинъ изъ часовыхъ прикатился къ турецкимъ сторожевымъ постамъ, но успѣлъ вернуться обратно, хотя по немъ и былъ открытъ огонь (2). Во время этой метели всѣ дороги и тропинки завалило снѣгомъ до такой степени, что по нимъ не только нельзя было проѣхать, но даже и пройти; при этомъ морозъ доходилъ до 15°, и такъ какъ всѣ усилія поддерживать огонь въ кострахъ были тщетны, то мученія людей въ продолженіе этой метели были по истинѣ ужасны; по окончаніи вьюги найдено было семь человекъ совершенно замерзшихъ и, сверхъ того, еще очень многіе пострадали отъ сильной стужи.

(1) «Сборникъ воен. разск.» IV, 340, дневникъ гренадера.

(2) Рашертъ ген. Брока. «Воен. Сбор.», 78—6—251.

18-го декабря, въ 11 часовъ утра, генераль Брокъ получилъ записку генерала Дандевилля, отправленную изъ Этрополя наканунѣ, въ 9 часовъ вечера, въ которой онъ увѣдомлялъ, что отрядъ его сильно пострадалъ отъ непогоды и принужденъ былъ возвратиться въ Этрополь. Вслѣдствіе этого, въ Этрополь отправился флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій для того, чтобы предложить генералу Дандевиллю идти на соединеніе съ Златицкимъ отрядомъ, съ цѣлью совмѣстныхъ дѣйствій. Получивъ согласіе генерала Дандевилля на это предложеніе, генераль Брокъ приказалъ строить шалаши и землянки, чтобы дать какое-либо убѣжище войскамъ генерала Дандевилля, по прибытіи ихъ на позицію.

Утромъ, 18-го декабря, казакамъ удалось поймать въ Златицкой долинѣ трехъ плѣнныхъ, которые показали, что близъ Златицы расположено около 4,000 пѣхоты и 500 человекъ конницы. Къ вечеру, 19-го декабря, прибыли изъ Этрополя Псковскій и Великолуцкій полки, но артилерія сильно отстала, такъ что только четыре орудія успѣли пройти лишь половину дороги до перевала, а остальные были еще болѣе позади.

Такимъ образомъ, къ 19-му декабря, т. е. ко дню Ташкисенскаго боя, отряды генераловъ Дандевилля и Брока соединились почти въ полномъ составѣ и 21-го декабря предполагалось спуститься въ долину. О прочихъ колоннахъ никакихъ извѣстій не имѣлось⁽¹⁾, а потому златицкому отряду пришлось дѣйствовать по собственному почину.

Генеральнаго штаба подполковникъ Епанчинъ.

(Продолженіе будетъ).

(1) Рапортъ ген. Брока. «Воен. Сбор.», 78—6—249.

ПРАВСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ РУКАХЪ СУВОРОВА.

(Статья вторая) (1).

3) *Италянскій и Швейцарскій походы 1799 года.* Весьма богаты необходимыми намъ примѣрами и эпизодами эти два послѣдніе похода Суворова, составляющіе вѣнецъ его славы и лучшую страницу изъ отечественной военной исторіи.

Въ 1799 году императоръ австрійскій, прося у Павла I прислать на театръ военныхъ дѣйствій въ Италію вспомогательный русскій корпусъ, просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ прислать и Суворова, намѣреваясь вѣрить ему общее командованіе надъ соединенными русско-австрійскими силами въ Италіи. Назначеніе это имѣло громадное значеніе. Послѣ всѣхъ славныхъ и блистательныхъ дѣлъ его въ Польшѣ и Турціи, онъ сталъ въ полномъ смыслѣ народнымъ героемъ, одного имени его было достаточно для воодушевленія войскъ. Понятно, почему общій восторгъ проявился въ Петербургѣ при назначеніи его. Народъ увидѣлъ снова своего героя, хотя и 70-ти лѣтъ, но сохранившимъ полную энергію и волю. Суворовъ являлся неоспоримымъ залогомъ новыхъ побѣдъ и новой славы. Многія изъ нашихъ войскъ были имъ еще въ Тульчинѣ подготовлены и обучены съ цѣлью предстоявшей войны съ французами. Но не одними русскими войсками ему приходилось командовать. Такія дѣла, какъ Измаиль и Прага, не прошли незамѣченными и въ Европѣ, хотя тамъ мало кто понималъ настоящія причины этихъ побѣдъ. Австрійскія же войска, его новые подчиненные, конечно, не забыли еще Суворова, доставившаго имъ рѣдкое для нихъ счастье—побѣды подъ Фокшанами и Рымникомъ. Не даромъ еще тогда австрійскія войска присвоили ему прозвище: «генераль-впередъ».

Конечно, Суворовъ не мѣшкалъ сборами и со всегдашнею поспѣшностью поскакалъ по назначенію. Только что онъ вошелъ въ

(1) См. «Военный Сборникъ» 1892 г., № 1-й.

соприкосновеніе съ войсками, какъ дѣятельность его отразилась уже на дѣлѣ. Еще изъ Вѣны Суворовъ перемѣнилъ медленный маршрутъ русскихъ войскъ на свой скорый—форсированный.

Прибывъ на театръ войны, въ Веронѣ, на первомъ своемъ приѣмѣ, Суворовъ подошелъ прежде всего подѣ благословеніе къ архіепископу. Затѣмъ состоялся отдѣльно приѣмъ русскихъ генераловъ; причемъ, при незнакомыхъ ему, по прежней службѣ, фамиліяхъ, онъ только говорилъ: «Помилуй Богъ, не слыхалъ; познакомясь» (1); съ знакомыми же ему онъ вспоминалъ прежніе походы и отличія ихъ. Къ народу италіанскому онъ обратился съ воззваніемъ, призывая ихъ ополчиться за Бога и вѣру и обѣщавъ имъ миръ и спокойствіе подѣ покровительствомъ героевъ, пришедшихъ съ сѣвера. Вѣроломнымъ же грозитъ разстрѣляніемъ.

5-го апрѣля въ главной квартирѣ арміи — Валеджіо, Суворову представлялись австрійскіе генералы, причемъ онъ особенно ласково обошелся съ генераломъ Краемъ, такъ какъ тотъ только что 25-го марта одержалъ надѣ французами побѣду при Маньяно, сказавъ ему: «Вамъ буду я обязанъ успѣхами надѣ непріателемъ; вы открыли мнѣ путь къ побѣдамъ» (2). Тутъ же произвелъ онъ смотръ ближайшимъ австрійскимъ войскамъ и для ободренія ихъ сказалъ на прощанье: «Шагъ хорошъ» — «побѣда!» (3). Но нужно было еще ознакомить австрійскія войска со способомъ предстоящихъ имъ дѣйствій и требованіями Суворова. Потому-то онъ приказываетъ каждый день дѣлать имъ ученія и маневры, приучая къ рѣшительнымъ и смѣлымъ натискамъ холоднымъ оружіемъ. При этомъ онъ не останавливается передъ назначеніемъ для этого русскихъ офицеровъ въ австрійскія войска, чѣмъ, конечно, возбудилъ неудовольствіе ихъ офицеровъ. Но Суворовъ зналъ хорошо, что все равно, только удачныя побѣды надѣ врагомъ дадутъ ему обояніе начальника.

Неимѣніе же подѣ руками знакомыхъ ему и знающихъ его войскъ заставляеть его не двигаться впередъ и ожидать прибытія русскихъ войскъ, подходившихъ къ Валеджіо по-эшелонно.

Положеніе воюющихъ сторонъ на театрѣ войны онъ засталъ, какъ всѣмъ извѣстно, слѣдующимъ. Французская армія, послѣ проиграннаго сраженія при Маньяно, была въ полномъ отступленіи и не пыталась даже остановиться на сильной оборонительной линіи

(1) Д. Милютинъ. «Исторія войны 1799 года», т. I, стр. 255-я.

(2) Д. Милютинъ, т. I, стр. 265-я.

(3) Тамъ же.

р. Минчіо. Но эта австрійская побѣда была почти первая послѣ столькихъ годовъ ужасныхъ поражений и должна быть приписана во многомъ малой способности тогдашняго французскаго главнокомандующаго—генерала Шерера.

Съ прибытія въ Валеджіо перваго эшелона русскихъ войскъ началось наступленіе, причемъ, ожидая задержки непріятеля на одной изъ многочисленныхъ оборонительныхъ линій, Суворовъ двигался не такъ порывисто, какъ обыкновенно. Войска были раздѣлены на двѣ австрійскія колонны и одну русскую, при одномъ общемъ авангардѣ. Передовой отрядъ авангарда состоялъ изъ незнакомыхъ еще противнику, но славныхъ своими прежними подвигами русскихъ войскъ, подъ начальствомъ одного изъ лучшихъ сподвижниковъ Суворова въ прежнихъ кампаніяхъ—князя Петра Багратіона. Всѣмъ же смѣшаннымъ авангардомъ изъ русскихъ и австрійскихъ войскъ командовалъ недавній побѣдитель—Край. Во главѣ всѣхъ трехъ колоннъ главныхъ силъ были поставлены, невиданные еще противникомъ, бородастые сыны Дона. Къ русской колоннѣ назначена была, между прочимъ, и австрійская кавалерія, въ числѣ которой былъ драгунскій полкъ Карачая; съ этимъ именемъ были связаны воспоминанія о Рымникѣ. Такими то мѣрами, доходящими до мелочей, Суворовъ зорко и настойчиво подготовлялъ необходимый ему первый успѣхъ на новомъ театрѣ войны, съ новымъ противникомъ и съ новыми войсками подъ командой. Онъ зналъ, что только при первыхъ успѣхахъ онъ пріобрѣтетъ то нравственное вліяніе и надъ противникомъ, и надъ своими войсками, при которомъ получится возможность наносить дѣйствительные удары и поражения врагу въ предстоящей борьбѣ.

На пути наступленія армія лежалъ значительный укрѣпленный городъ Брешіа, защищаемый гарнизономъ около 1,000 человекъ. Суворовъ приказываетъ взять (10-го апрѣля) этотъ городъ съ цитаделью открытою силою. Быстро подходят къ городу австрійская дивизія и соединенный авангардъ союзной арміи, подъ общимъ начальствомъ Края. Окруженный со всѣхъ сторонъ въ большомъ городѣ съ 40,000-нымъ населеніемъ, французскій гарнизонъ, послѣ непродолжительной канонады, отступаетъ въ цитадель. Жители съ явнымъ доброжелательствомъ встрѣчаютъ союзныя войска. Край плетъ въ цитадель требованіе о сдачѣ, но французы открываютъ огонь и войска наши стали готовиться къ немедленному штурму. Тогда комендантъ сдается со всѣмъ гарнизономъ и 46-ю орудіями. Этотъ первый и столь легкій успѣхъ знакомитъ Суворова съ нравственнымъ уров-

немъ новаго противника и съ настроеніемъ населенія, которое явно доказало сочувствіе союзникамъ. На его войска это дѣло тоже имѣетъ должное вліяніе. Потому-то съ этого дня Суворовъ не ожидаетъ больше прибытія втораго отдѣленія русскихъ войскъ, переходитъ въ рѣшительное преслѣдованіе и двигается форсированными маршами. Причемъ войска, во избѣжаніе зноя, начинаютъ движеніе ночью до разсвѣта, въ серединѣ его имѣютъ 4-хъ-часовой приваль съ варкою, затѣмъ совершаютъ вторую половину пути и дѣлаютъ, такимъ образомъ, суточный переходъ до 30-ти верстъ. Нужно еще замѣтить, что впереди шла кавалерія, а слѣдомъ за нею котлы, такъ что къ приходу войскъ на большой приваль варка уже была готова.

Въ параллель съ этой заботливостью укажемъ, что Суворовъ былъ крайне строгъ съ начальниками, позволявшими себѣ не исполнить предписаннаго перехода или недостаточно быстро гнаться при наступленіи непріятеля. Такъ, однажды, генераль Меласъ, старшій по Суворовѣ въ арміи и командовавшій всѣми австрійскими войсками, со своею колонною попалъ подъ проливной дождь, сбился съ пути и утомилъ войска при отысканіи переправы, такъ что въ австрійскихъ рядахъ явился даже ропоть. Меласъ на разсвѣтѣ остановилъ колонну, не достигнувъ назначеннаго пункта. Суворовъ написалъ ему слѣдующее письмо:

«До свѣдѣнія моего доходятъ жалобы на то, что пѣхота промочила ноги. Виною тому погода. Переходъ былъ сдѣланъ на службѣ могущественному Монарху. За хорошею погодою гоняются женщины, щеголи (*les petits maîtres*), да лѣнивцы. Большой говорунъ, который жалуется на службу, будетъ, какъ эгоистъ, отрѣшенъ отъ должности. Въ военныхъ дѣйствіяхъ слѣдуетъ быстро сообразить и немедленно исполнить, чтобы непріятелю не дать времени опомниться. У кого здоровье плохо, тотъ пусть и остается пазади ⁽¹⁾. Италія должна быть освобождена отъ ига безбожниковъ и французовъ: всякій честный офицеръ долженъ жертвовать собою для этой дѣли. Ни въ какой арміи нельзя терпѣть такихъ, которые умничаютъ. Глазомѣръ, быстрота, стремительность!—на сей разъ довольно» ⁽²⁾.

Послѣ этого случая Суворовъ, какъ говорятъ, приказалъ избѣгать употребленія выраженія—«форсированный маршъ» ⁽³⁾, чтобы не пугать войска и чтобы они считали свое движеніе обыкновеннымъ и не выходящимъ изъ ряда явленіемъ. Въ другой разъ наша дивизи-

(1) Одной изъ причинъ остановки было недомоганье самого Меласа.

(2) Д. Милютинъ, т. I, стр. 274-я—275-я.

(3) А. Петрушевскій, т. III, стр. 50-я.

зія, имѣя во главѣ въ авангардѣ Багратиона, подошла къ занятой непріателемъ переправѣ. Генераль Павало-Швейковскій остановилъ главныя силы и поѣхалъ къ авангарду, завязавшему перестрѣлку, непріатель же тѣмъ временемъ безпрепятственно ушелъ. Суворовъ пишетъ:

«Якову Ивановичу надлежало, со всею колонною приблизясь, не останавливаясь нимало, но поспѣшнѣе туда приступя, вступить мигомъ въ дѣло; вмѣсто того онъ остановился и шелъ туда съ частью. Сіе дневное правило извольте внушить строго всѣмъ начальникамъ» (1).

Это наставленіе войска не замедлили воспринять, благодаря чему казачій полкъ Грекова, съ частью полка Денисова, погнавшись за непріателемъ къ Бергамо, ворвались въ этотъ укрѣпленный городъ съ цитаделью и захватили его съ 130 плѣнными и 19-ю осадными орудіями, знаменемъ и многими военными запасами.

Наканунѣ боевъ на р. Аддѣ во французской арміи произошла перемѣна въ командованіи. Вмѣсто непопулярнаго и слабого генерала Шерера былъ назначенъ Моро, пользовавшійся заслуженною военною репутаціей и общимъ уваженіемъ въ арміи. Эта перемѣна одушевила французскія войска. Суворовъ, узнавъ объ этомъ и предупреждая невыгодное вліяніе сего на свои войска, сказалъ: «и здѣсь я вижу персть Провидѣнія: мало славы было бы разбить шарлатана; лавры, которые похитимъ у Моро, будутъ лучше цвѣсти и зеленѣть» (2).

Послѣ удачныхъ боевъ на р. Аддѣ, 18-го апрѣля, въ Свѣтлое Христово Воскресенье, состоялось торжественное вступленіе въ Миланъ. На встрѣчу Суворову вышелъ изъ города архіепископъ съ крестнымъ ходомъ. Суворовъ, принявъ благословеніе, приложился къ распятію и поцѣловалъ руку архипастыря. На другой день было совершено въ городскомъ соборѣ торжественное молебствіе, войска стояли шпалерами по городу. При входѣ въ соборъ архіепископъ встрѣтилъ Суворова съ крестомъ и сказалъ: «Господь да благословитъ шествіе твое, добродѣтельный мужъ!» «Молитесь, отвѣтилъ Суворовъ на италіанскомъ языкѣ, да поможетъ мнѣ Богъ спасти алтари и престолы!» (3).

Въ тотъ же день, во время торжественнаго обѣда, пріѣхалъ Розенбергъ съ тремя плѣнными французскими генералами, взятыми

(1) Д. Милютинъ, т. I, стр. 276-я.

(2) Д. Милютинъ, т. I, стр. 287-я.

(3) Д. Милютинъ, т. I, стр. 300-я.

при Вердиеро. Суворовъ посадилъ ихъ и обласкалъ, въ особенности талантливаго и извѣстнаго своимъ мужествомъ, Серрюрье, котораго отпустилъ на честное слово во Францію и, возвращая ему шпагу, сказалъ: «кто такъ владѣетъ шпагою, какъ вы, тотъ не можетъ быть лишень ея» (1).

Только двѣ недѣли прошли со времени прибытія Суворова къ арміи въ Италію, а уже вся Ломбардія со столицею Миланомъ была въ его рукахъ. Цисальпійская республика была уничтожена, что и послужило къ полному переходу на сторону союзниковъ населенія, начавшаго народную войну съ французами. Успѣхи эти отозвались во всей Италіи, даже и въ Неаполѣ. При послѣдующихъ дѣйствіяхъ, на другой день по овладѣніи Тортоною, Суворовъ, по пріѣздѣ туда, сейчасъ же отслужилъ въ городскомъ соборѣ молебствіе.

1-го мая генераль Розенбергъ, подъ вліяніемъ пылкаго настоянія Великаго Князя Константина Павловича, переправилъ опрометчиво небольшой отрядъ генерала Чубарова на правую сторону р. По у Бассиньяно. Отрядъ этотъ подвергся атакѣ значительныхъ французскихъ силъ. Суворовъ, имѣя свѣдѣнія о положеніи противника и получая извѣстія о продолжающемся боѣ, неоднократно посылаетъ Розенбергу приказаніе двигаться на присоединеніе къ арміи. Къ послѣдней запискѣ, посланной отъ его имени, онъ лично прибавляетъ: «Не теряя ни минуты, немедленно сіе исполнить, или *подъ военный судъ*». Затѣмъ въ приказѣ по арміи было рассказано дѣло при Бассиньяно и сдѣланы внушительныя наставленія по поводу такого образа дѣйствій. Приказъ этотъ заканчивается указаніемъ должнаго образа дѣйствій и словами: «Иначе военный судъ разбирать будетъ» (2).

17-го мая, въ городѣ Туринѣ, столицѣ Пьемонта, назначено было торжество по случаю занятія его, Александріи, Миланской цитадели и Феррары. Утромъ, Суворовъ выслушалъ на дому молебствіе по православному обряду, а затѣмъ въ торжественномъ шествіи направился въ городской соборъ, гдѣ усердно молился.

Въ концѣ мая прибылъ къ арміи подъ Александрію новый австрійскій корпусъ графа Бельгарда. Суворовъ немедленно отправляетъ къ нему князя Багратіона для обученія вновь прибывшихъ войскъ. Въ предписаніи по этому поводу онъ въ нѣсколькихъ словахъ приводитъ весь смыслъ обученія и боевой подготовки: «... гдѣ вы таин-

(1) Д. Милютинъ, т. I, стр. 301-я.

(2) Д. Милютинъ, т. I, стр. 372-я и 376-я.

ство побіенія непріятелиа холоднымъ ружьемъ Бельгардовымъ войскамъ откроете и ихъ къ сей побѣдительнои атакѣ прилежно направите: для обученія всѣхъ частей довольно двухъ и трехъ разъ, а коли время будетъ, могутъ больше сами учиться, а отъ ретирадъ—отучите...» (1).

Къ началу іюня положеніе союзныхъ войскъ на театрѣ войны становится серьезнымъ, вслѣдствіе приближенія изъ-за Апенинъ новой французской арміи—неаполитанской, генерала Макдональда. Армія эта, въ числѣ 38,500 человекъ, направлялась между Апенинами и рѣкою По къ Тортонѣ, куда предполагалъ выйти отъ Генуи и генералъ Моро, имѣвшій около 16,000 человекъ.

Суворовъ, хотя и располагалъ почти такими же силами, но они были значительно разбросаны, вслѣдствіе ведшихся осадъ цитаделей Александріи и Тортоны и выдвигенія отрядовъ къ Піаченцѣ, Пармѣ и Моденѣ на встрѣчу неаполитанской арміи.

2-го іюня, вечеромъ, Суворовъ рѣшаетъ не допустить соединенія двухъ непріяельскихъ армій и для этого, оставивъ противъ покушеній Моро необходимыя силы (около 14,500 человекъ), съ остальными обрушится самому противъ сильнѣйшаго противника. Въ этотъ же день, до полученія свѣдѣній, русскія войска Розенберга, по неустройству продовольственной части, выступили изъ Александріи къ Асти, и Суворовъ въ догонку имъ послалъ слѣдующее приказаніе:

«Ваше высокопревосходительство Андрей Григорьевичъ! Новѣйшія извѣстія. Французы какъ пчелы и почти изъ всѣхъ мѣстъ роятся къ Мантуѣ... Намъ надлежитъ на нихъ спѣшить. Гдѣ это васъ застанетъ, отдохнувши сколько надлежитъ—поспѣшайте къ намъ въ соединеніе. Мы скоро поднимаемся. Они сильны; съ нами Богъ! *Простите мнѣ, что вы были затруднены по обстоятельствамъ*». Послѣдняя фраза приписана собственноручно Суворовымъ (2).

Дѣлая распоряженія для выступленія и давая наставленія остающимся войскамъ, онъ пишетъ генералу Кейму, осаждавшему Туринскую цитадель:

«Любезный генералъ! Иду къ Піаченцѣ разбить Макдональда. Поспѣшите осадными работами противъ Туринской цитадели, чтобы я не прежде васъ пропѣлъ «Тебе Бога хвалимъ!» (3).

Передъ выступленіемъ, въ приказахъ мы находимъ слѣдующее наставленіе войскамъ:

(1) Д. Милютинъ, т. I, стр. 504-я.

(2) Д. Милютинъ, т. I, стр. 509-я.

(3) Д. Милютинъ, т. I, стр. 518-я.

«1) Непрiятеля поражать холоднымъ ружьемъ, штыками, саблями и пиками. Артилерiя стрѣляетъ по непрiятелю по своему разсмотрѣнiю, почему она и по линiи не росписывается. Кавалерiи и казакамъ стараться непрiятелю во флангъ ворваться.

«2) Въ атакѣ не задерживать. Когда непрiятель сколонъ, срубленъ, то тотчасъ его преслѣдовать, и не давать ему времени ни собираться, ни строиться. Если непрiятель будетъ сдаваться, то его шадить; только приказывать бросать оружіе. При атакѣ кричать, чтобы непрiятель сдавался, о чемъ и русскiя войска извѣстить. Ничего не шадить; не взирать на труды; преслѣдовать непрiятеля денно и ночью до тѣхъ поръ, пока истребленъ не будетъ.

«3) Котлы и прочiе легкіе обозы чтобъ были не въ дальнемъ разстоянiи при сближенiи къ непрiятелю; по разбитiи же его чтобъ можно было каши варить; а, впрочемъ, побѣдители должны быть довольны взятымъ въ ранцахъ хлѣбомъ и въ манеркахъ—водою.

«Кавалерiя должна о фуражѣ сама пецись» (1).

По изготовленiи моста черезъ Бормиду войска Меласа и Розенберга выступили двумя колошнами, 4-го iюня, въ 10 часовъ вечера. Движенiе это должно было быть форсированнымъ, такъ какъ Макдональдъ подходилъ уже къ Пиаченцѣ, а главное—Суворовъ предполагать обрушиться на Макдональда совершенно неожиданно, т. е. когда послѣднiй и не могъ предполагать близости главныхъ силъ союзниковъ. Къ утру, 5-го числа, обѣ колонны соединились на рѣкѣ Скривiи и, сдѣлавъ всего трехчасовой отдыхъ, двинулись дальше одною колонною, такъ что къ вечеру главные силы достигли Кастеджіо, а соединенные авангарды—Страдеины. Итого въ сутки было сдѣлано, несмотря на жару, 45 верстъ. Къ ночи пришло извѣстiе, что Макдональдъ съ главными силами атаковалъ небольшой (около 6,000 человекъ) австрiйскiй отрядъ генерала Отта и отбросилъ его за рѣку Тидоне. Суворовъ до разсвѣта поднялъ войска и выступилъ дальше. Въ ту же ночь былъ отданъ слѣдующій приказъ:

«1) Непрiятельскую армию взять въ полонъ. Вмять твердо въ армию, что ихъ 26,000, изъ коихъ только 7,000 французовъ; прочiе всякiй сбродъ реквизиціонеровъ.

«2) Казаки колоть будутъ; но жестоко бы слушали, когда французы кричатъ будутъ *пардонъ*, или бить *шамадъ*. Казакамъ самимъ въ атакѣ кричать *балезармъ*, *пардонъ*, *жетелезармъ*, и симъ поль-

(1) Д. Милютинъ, т. I, стр. 519-я.

зуюсь, кавалерію жестоко рубить и на батарее быстро пускаться, что особливо внушить.

«3) Казакамъ, коимъ удобно, испортить на рѣкѣ Таро мостъ, и тѣмъ зачать отчаяніе ⁽¹⁾. Съ плѣнными быть милосерду; при ударахъ дѣлать большой крикъ, крѣпко бить въ барабанъ; музыкѣ играть, гдѣ случится, но особливо въ погони, когда кавалерія будетъ колоть и рубить, чтобы слышно было своимъ. Ихъ генераловъ, особливо казаки и прочіе, примѣчаютъ по кучкамъ около ихъ; кричать *pardonnz*, а ежели не сдаются—убивать» ⁽²⁾.

6-го числа, въ 10 часовъ утра, армія, достигнувъ Страделлы, предполагала отдохнуть, но получено было извѣстіе, что Макдональдъ снова атакуетъ на Тидонѣ отрядъ Отта—войска двинулись дальше. Нестерпимая жара, кромѣ спѣшности, дѣлала движеніе крайне тяжелымъ. Суворовъ, какъ всегда на походѣ, подѣзжалъ неожиданно къ колоннѣ и разговаривалъ съ людьми о бывшихъ походахъ и предстоящихъ дѣйствіяхъ; отѣзжая же, ласково говорилъ: «Вы—чудобогатыри! вы—витязи! вы—русскіе! — непріятель отъ васъ дрожить!!» ⁽³⁾. На этотъ разъ онъ, кромѣ того, роздалъ войскамъ 12 французскихъ словъ, написанныхъ русскими буквами и приказалъ всѣмъ солдатамъ наизусть выучить ихъ на походѣ, предупредивъ, что будетъ спрашивать. На походѣ, когда начальники замѣчали упадокъ энергіи и силъ въ людяхъ, сейчасъ же фельдфебеля, унтеръ-офицеры и офицеры принимались читать слова, къ нимъ всѣ подтягивались и затверживали читаемое ⁽⁴⁾. Этимъ, повидимому, желалось развлечь и занять людей, зная, что этимъ отвлекается ихъ вниманіе отъ наблюденія надъ упадкомъ собственныхъ силъ и отъ физической усталости.

По новому свѣдѣнію о боѣ на Тидонѣ Суворовъ беретъ изъ авангарда четыре казачьихъ полка и съ ними поспѣшно двигается къ полю сраженія, остальнымъ войскамъ онъ приказываетъ спѣшить туда же.

Въ самую критическую минуту, когда Макдональдъ съ обоихъ фланговъ обходитъ австрійскія войска, прибываетъ Суворовъ на поле битвы и сейчасъ же бросаетъ на обходящія колонны по два полка казаковъ. Неожиданное появленіе Суворова на полѣ битвы, да еще съ невиданными непріателемъ донцами, съ гикомъ на него

(1) Союзная армія въ то время находилась въ 85-ти верстахъ отъ р. Таро.

(2) Д. Милютинъ, т. I, стр. 523-я.

(3) «Разказы стараго война», стр. 130-я.

(4) «Разказы стараго война», стр. 129-я.

бросающихся, приостановило успѣхи противника. Къ 4-мъ часамъ Великій Князь Константинъ Павловичъ приводитъ пѣхоту русскаго авангарда, которая получила приказаніе немедленно со всѣми прочими войсками перейти въ общее наступленіе. Князь Багратіонъ, видя крайнее утомленіе своихъ войскъ, просилъ немного отложить атаку, ссылаясь на множество отсталыхъ, вслѣдствіе чего въ ротахъ нѣтъ и по 40 человѣкъ. Но Суворовъ ободряетъ его словами: «у Макдональда нѣтъ и по двадцати, атакуй съ Богомъ! Ура!..» (1). Войска, «... взявъ ружья на руку, двинулись съ барабаннымъ боемъ и музыкою; русскіе съ пѣсенниками. Суворовъ разъѣзжалъ по фронту и только повторялъ: «впередъ, впередъ, коли, руби!» (2). Результатомъ боя было отступленіе Макдональда за рѣку Тидоне съ потерю убитыми и ранеными до 1,000 человѣкъ и 1,200 плѣнными.

Итакъ, благодаря тому, что передовыя войска Суворова сдѣлали въ 36 часовъ времени, подъ палящимъ солнцемъ Италіи, неимовѣрный переходъ въ 80 верстъ и безъ всякаго отдыха вступили въ дѣло, продолжавшееся до вечера, ему удалось въ первой встрѣчѣ съ новымъ противникомъ разрушить всѣ его планы и мечты. Несмотря на то, что у союзниковъ въ концѣ боя собралось лишь до 14,000—15,000, а у французовъ—до 19,000 человѣкъ. Макдональдъ шелъ съ увѣренностью легко уничтожить небольшой отрядъ Отта, между тѣмъ какъ самъ былъ разбитъ неожиданно появившимся Суворовымъ, котораго онъ считалъ за нѣсколько дней пути отъ себя. Такимъ образомъ, при первой встрѣчѣ, нравственный духъ противника былъ, очевидно, поколебленъ, такъ что, повидимому, зерно упадка его было заброшено въ ряды французовъ и союзнымъ войскамъ предстояло теперь развить его послѣдующими дѣйствіями, не давая противнику опомниться.

Макдональдъ, имѣя подъ руками только 22,000 человѣкъ и желая обождать присоединенія оставшихся назади еще двухъ дивизій, отступилъ за семь верстъ назадъ на р. Требію, откуда и рассчитывалъ 8-го числа атаковать союзниковъ. Но Суворовъ, конечно, не допустилъ до этого. Къ вечеру 6-го числа къ Тидонѣ подошли и главныя силы союзниковъ. На 7-е число Суворовымъ была отдана диспозиція, въ которой всѣмъ колоннамъ указывался путь до рѣки Нуры, т. е. за 20 верстъ впередъ и за 13 за расположеніемъ противника, и вообще весь тонъ диспозиціи былъ таковъ, какъ будто

(1) Д. Милютинъ, т. I, стр. 527-я.

(2) Тамъ же

дѣло шло не о разбитіи сильнаго противника, а о преслѣдованіи разбитаго уже врага. Наставленіе войскамъ, отданное тогда же, заканчивалось словами:

«Не употреблять команды *стой*: это не на ученьи, а въ сраженіи: атака, руби, коли, ура, барабаны, музыка» (1). Что всѣ эти приказанія и тонъ ихъ былъ рассчитанъ единственно съ цѣлью вселить въ войска полную увѣренность въ будущемъ успѣхѣ, служить доказательствомъ того, что Суворовъ въ то же время принималъ рядъ, искусно замаскированныхъ отъ войскъ, мѣръ нѣ случай неудачи. Къ такимъ мѣрамъ принадлежатъ: въ началѣ еще движенія всѣ обозы, кромѣ самыхъ необходимыхъ, были отправлены на лѣвый берегъ рѣки По черезъ мостъ у Мецано-Корти, прикрытый предмостнымъ укрѣпленіемъ, занятымъ однимъ баталіономъ; затѣмъ приказано было устроить другой мостъ, недалеко отъ Тидоне—у Парпанезе; кромѣ того, еще ранѣе Суворовъ сдѣлалъ распоряженія объ укрѣпленіи, усиленіи и вооруженіи осадными орудіями, изъ взятыхъ туринскихъ арсеналовъ, многихъ пунктовъ и т. д.

Для воодушевленія австрійцевъ на этотъ день боя были отданы пароль и лозунгъ: «Терезія» и «Колинъ», чтобы воскресить въ ихъ памяти славную побѣду, одержанную ими въ этотъ день надъ Фридрихомъ-Великимъ, 42 года тому назадъ. Замѣтимъ еще, что по диспозиціи русскія войска были назначены на важнѣйшій флангъ.

Въ 2 часа пополудни началась ожесточенная битва на лѣвомъ берегу р. Требіи 22,000 союзниковъ съ такими же силами Макдональда, но къ концу боя успѣли подойти къ непріятелю еще двѣ свѣжія дивизіи, такъ что силы французовъ возросли до 33,500 человекъ. Союзники успѣли все-таки отбросить противника на правый берегъ рѣки и на ночь враги стали по обѣ стороны Требіи.

Въ диспозиціи по союзнымъ войскамъ на 8-е число колоннамъ были указаны тѣ же направленія, что и наканунѣ, хотя и предстоялъ бой съ непріятелемъ въ полтора раза сильнѣйшимъ. Въ описаніи этого боя сохранились нѣкоторые характерные и цѣнные эпизоды. Такъ, когда войска Розенберга, дивизія Швейковскаго, были атакованы втрое превосходящими силами дивизій Виктора и Руска, то бой дошелъ до крайняго ожесточенія и войска наши еле выдерживали непомѣрную борьбу подъ лучами палящаго солнца. Дошло до того, что гренадерскій полкъ Розенберга, окруженный непріятелемъ, повернулъ третью шеренгу кругомъ и отчаянно отбивался на два

(1) Д. Милютинъ, т. I, стр. 534-я.

фронта. Наконецъ, Розенбергъ, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, поѣхалъ къ Суворову, полагая необходимымъ отступить. Онъ засталъ фельдмаршала тоже въ изнеможеніи лежащаго у большаго камня, въ одной сорочкѣ. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень, отвѣтилъ ему Суворовъ,—не можете?.. ну, такъ и русскіе не могутъ отступать!..» (1). Въ то же время подѣхалъ и Багратіонъ, который только-что со своею колонною уничтожилъ дивизію Домбровскаго, и докладывалъ, что «войска его также утомлены до крайности; что изъ нихъ уже убыло на половину; ружья худо стрѣляютъ; непріятель все еще силенъ». Суворовъ отвѣтилъ: «Помилуй Богъ!—это не хорошо, князь Петръ!...» (2) и, потребовавъ «коня!», самъ поѣхалъ къ войскамъ.

Подѣхавъ къ одному изъ баталіоновъ Розенберга, онъ увидѣлъ его отступающимъ. Какъ извѣстно, Суворовъ не только никогда не обучалъ войска отступленію, но даже запрещалъ кому бы то ни было произносить слова: назадъ, отступление, ретирада. Онъ подѣзжаетъ къ баталіону и, становясь впереди его, кричить: «заманивайте!.. шибче!.. шибче заманивайте!.. бѣгомъ!..» (3). Когда такимъ образомъ войска отступили на нѣкоторое разстояніе, онъ крикнулъ: «Стой!..» Впередъ, ступай!.. въ штыки!.. ура!» (4). И баталіонъ, какъ бы убѣжденный въ томъ, что онъ дѣйствительно не отступалъ, а производилъ какой-то хитрый маневръ, съ новою отвагою и энергіею ринулся на противника. Одного появленія Суворова передъ, изнуренными боемъ, войсками Багратіона было достаточно, чтобы «... вдругъ все преобразилось; все ожило; все пришло въ движеніе: ружья начали стрѣлять; затрещалъ бѣглый огонь; забили барабаны; откуда взялись силы у людей!..» (5). Но вотъ и въ третьей колоннѣ генерала Меласа бой принялъ столь серьезный оборотъ, что онъ послалъ къ фельдмаршалу своего адъютанта за приказаніемъ, «куда» онъ прикажетъ отступить. Въ «Пиаченцу», отвѣтилъ ему Суворовъ. Пиаченца лежала въ тылу французскихъ войскъ, атаковавшихъ войска Меласа.

Вообще этотъ бой по своему упорству постоянно заставлялъ Суворова появляться въ передовыхъ рядахъ своихъ славныхъ войскъ для воодушевленія ихъ къ новымъ подвигамъ: «Нѣсколько разъ, въ полномъ разгарѣ битвы, приказывалъ онъ баталіонамъ идти въ шты-

(1) Д. Милютинъ, т. I, стр. 543-я.

(2) «Разсказы стараго воина», стр. 135-я.

(3) и (4) «Разсказы стараго воина», стр. 132-я и А. Петрушевскій, т. III, стр. 122-я.

(5) Д. Милютинъ, т. I, стр. 543-я.

ки подъ глазами своими: тогда утомленные солдаты, увидѣвъ передь собою самого Суворова, услышавъ его голосъ, одушевлялись, забывали усталость, совершали подвиги почти невѣроятные» (1).

Къ вечеру бой закончился и обѣ стороны остались опять раздѣленными русломъ р. Требиа. Когда къ Суворову собрались начальники, то онъ поздравилъ ихъ «съ третьею побѣдою», благодарилъ ихъ и поручилъ имъ передать «большое спасибо» всѣмъ офицерамъ и солдатамъ. «Завтра дадимъ еще четвертый урокъ Макдональду», говорилъ онъ (2). Но Макдональдъ не дождался этого урока. Французская армія оказалась въ полномъ разстройствѣ: «тысячи плѣнныхъ остались въ рукахъ союзниковъ; госпитали въ Пиаченцѣ были завалены ранеными; въ числѣ ихъ были два дивизионныхъ генерала (Оливье, Руска) и два бригадныхъ (Сальмъ и Камбре)...» (3). Ночью французы перешли въ полное отступленіе. Союзники на другой день обратились къ преслѣдованію, которое велось чрезвычайно энергично русскою колонною. Нравственная распатанность противника дошла до того, что на рѣкѣ Нурѣ, знаменитая во французской арміи своими боевыми подвигами, 17-я линейная полубригада — бывший Оверньскій полкъ — положила оружіе въ числѣ болѣе 1,000 чловѣкъ, со знаменами, орудіями и обозомъ.

Дѣйствительно, поражение Макдональда было полное: потери, считая и плѣнныхъ, доходили до 16,000—18,000; шесть пушекъ, семь знаменъ и много обоза—осталось въ рукахъ побѣдителей. Слабые остатки 35,000-ной арміи бѣжали снова за Апенины и не могли даже удержаться въ Тосканѣ, а ушли въ Ривіеру Генуезскую на присоединеніе къ войскамъ Моро.

Весьма характернымъ эпизодомъ является осмотръ вновь прибывшаго въ Италію второго вспомогательнаго корпуса русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ребиндера. Корпусъ этотъ расположился у Пиаченцы и сейчасъ же фельдмаршалъ прибылъ туда для его осмотра. Вотъ какъ одинъ изъ служившихъ въ рядахъ этого корпуса рассказываетъ про смотръ. Описавъ въ достаточно яркихъ краскахъ, съ какимъ нетерпѣніемъ и радостью войска ожидали Суворова, онъ повѣствуетъ:

«И вотъ, пыль столбомъ на пути—и вотъ, огъ, отецъ нашъ Александръ Васильевичъ! Онъ прямо и шибко ѣхалъ къ намъ верхомъ на лошади, окруженный многочисленною свитою.

(1) Д. Милютинъ, т. I, стр. 546-л.

(2) Д. Милютинъ, т. I, стр. 547-л.

(3) Д. Милютинъ, т. I, стр. 546-л.

«Если бы не душа—не мать родная, святая дисциплина, удерживавшая въ рядахъ строя ратниковъ—то все войско кинулось бы къ нему на встрѣчу. И вотъ онъ подѣхалъ къ серединѣ корпуса, остановился, взглянулъ своимъ орлинымъ взоромъ,—громко сказалъ: «здравствуйте, чудо-богатыри! Русскіе! Братцы!—старые товарищи! здравствуйте!» (1).

Затѣмъ авторъ говоритъ о произведенномъ примѣрномъ сраженіи, гдѣ единственнымъ маневромъ былъ натискъ и ударъ въ штыки и какъ иностранцы изъ свиты любовались видомъ войска, читая: «...на лицахъ каждаго, будто ясными буквами, написанное—непобѣдимы!...» (2). Послѣ ученья войска густо сомкнулись вокругъ фельдмаршала и онъ сказалъ имъ короткую рѣчь о давнишнихъ ихъ побѣдахъ, о недавнихъ побѣдахъ надъ французами, въ заключение же сказалъ: «побьемъ французовъ-безбожниковъ! Въ Парижѣ возстановимъ по прежнему вѣру въ Бога милостиваго; счистимъ беззаконіе!... Возстановимъ короля! Сослужимъ службу царскую—и намъ честь! и намъ слава!—Братцы! вы богатыри!... непріятель отъ васъ дрожить!—Вы русскіе!...» И крикъ 10,000 ратниковъ: «ради стараться!... Веди насъ, отецъ нашъ!... готовы радостно!... веди, веди, веди!... ура!...» огласило окрестности Пиаченцы» (3). Суворовъ уѣхалъ и вслѣдъ за нимъ начальники частей повели къ нему знакомыхъ ему старыхъ ратниковъ, находившихся въ рядахъ. Вотъ какъ одинъ изъ этихъ гренадеръ передаетъ пріемъ ихъ Суворовымъ: «здравствуйте! чудо-богатыри! здравствуйте, старые товарищи! русскіе витязи! чада Павловы!» и шибко подошелъ ко мнѣ: «А!... М. М.!... здравствуй, Миша!» и поцѣловалъ меня. «Здоровъ ли ты, М. М.?... помнишь ли?... на Кинбурнской косѣ?... ты въ сраженіи два раза спасъ меня отъ смерти... отъ турокъ. Пора намъ съ тобою Миша на покой. Кончимъ эту войну—и ты, Миша, у меня... за столомъ съ тобою!» О! какой же ты лысый, Миша, сказалъ съ улыбкою Александръ Васильевичъ, «какой сталъ старый ты, Михайло, и сунулъ мнѣ въ руку вотъ что. Тутъ Огонь-Огневъ показывалъ въ трюпочкѣ золотомъ четыре червонца, и плакалъ, и смѣялся Огневъ, и дѣловалъ трюпочку, и продолжалъ рассказывать: «насъ было человекъ около полусотни, и почти всѣхъ по именамъ зналъ Александръ Васильевичъ; и всѣ съ нимъ были въ Крыму, на Кубани, на Прутѣ, при Рымникѣ, на Дунаѣ и въ Польшѣ; и со всѣми онъ говорилъ, и

(1) «Разказы стараго война», стр. 143-я—144-я.

(2) «Разказы стараго война», стр. 144-я.

(3) «Разказы стараго война», стр. 145-я.

всякому далъ свое слово ласковое. Послѣ того онъ сказать изволилъ: «прощайте, братцы, покудава! увидимся!... Кланяйтесь отъ меня всѣмъ; всѣмъ чудо-богатырямъ!... Помилуй Богъ!... братцы!... мы русскіе!...» И всѣмъ и всякому по выходѣ отъ него, по его волѣ, дано въ руки по кронъ-талеру» (1).

Во время вынужденнаго бездѣйствія въ Италіи, продолжавшагося болѣе мѣсяца, вслѣдствіе ожиданія сначала взятія Мантуи, а затѣмъ подхода освободившихся изъ-подъ этой крѣпости войскъ, Суворовъ все время занималъ войска маневрами дневными и ночными, причѣмъ обучалъ быстрымъ сквознымъ атакамъ. Между прочими онъ производилъ примѣрные штурмы стѣнъ Александріи, но на такіе участки, чтобы осажденный въ цитадели французскій гарнизонъ могъ видѣть производство штурма. Можетъ это и повліяло на то, что гарнизонъ Александрійской цитадели сдался на капитуляцію послѣ бомбардировки и вѣнчанія гласиса—не дождавшись, назначеннаго на слѣдующую ночь, штурма.

На другой день по занятіи цитадели въ лагерѣ было благодарственное молебствіе, а вечеромъ въ театрѣ въ Александріи было особое представленіе, съ изображеніемъ «торжества побѣдителей» (2). Въ этомъ же лагерѣ съ особенною торжественностью праздновались царскіе и табельные дни. Преимущественно въ царскіе дни Суворовъ объявлялъ войскамъ монаршія милости и награды за бывшія побѣды. Вотъ при какой обстановкѣ это происходило: «Раздача полученныхъ наградъ производилась всегда въ самой церкви, съ большою торжественностью. Обыкновенно послѣ обѣдни, фельдмаршалъ самъ вносилъ въ алтарь на блюдѣ всѣ знаки отличія, окроплялъ ихъ святою водою, потомъ подходилъ къ собраннымъ въ церкви генераламъ и офицерамъ, удостоеннымъ монаршихъ милостей. Каждый изъ нихъ поочередно былъ вызываемъ и становился на колѣни; тогда Суворовъ прикалывалъ ему знакъ и благословлялъ его. Ту же церемонію исполняли и австрійскіе офицеры» (3). Прибавимъ еще, что награды эти были раздаваемы приблизительно всего спустя два мѣсяца послѣ оказаннаго отличія.

По полученіи извѣстія о паденіи крѣпости Мантуи, въ лагерѣ опять было отслужено торжественное молебствіе.

30-го іюля прибыли, наконецъ, къ арміи войска Края изъ-подъ Мантуи. Войскамъ этимъ, въ числѣ до 19,000, было дано всего во-

(1) «Разказы стараго воина», стр. 145-я и 146-я.

(2) Д. Милютинъ, т. I, стр. 586-я.

(3) Д. Милютинъ, т. I, стр. 580-я.

семь дней на совершѣніе перехода отъ Мантуи къ арміи, т. е. 175-ти верстъ ⁽¹⁾ (до 28-ми верстъ на день). По прибытіи ихъ, къ нимъ былъ присланъ князь Багратіонъ для обученія дѣйствию холоднымъ оружіемъ.

Несмотря на дѣятельныя приготовленія Суворова къ движенію за Апенины, въ Ривіеру, на этотъ разъ французы, по увлеченію новаго ихъ главнокомандующаго, молодаго генерала Жубера, сами вышли изъ-за горъ для наступленія на союзниковъ и въ числѣ до 35,000 человекъ, къ разсвѣту, 3-го августа, заняли высоты у гор. Нови. Фельдмаршалъ съ ранняго утра, 3-го числа, ожидая дальнѣйшаго наступленія противника, разбѣжалъ между войсками и подготавливалъ ихъ разговорами къ предстоящему бою. Еще ранѣе, вновь прибывшій русскій корпусъ былъ переведенъ къ Тортонѣ, для прикрытія ея осады. Не рассчитывая, что этимъ новичкамъ въ Италіи придется пріять участіе въ ожидавшемся боѣ, Суворовъ вызвалъ изъ ихъ рядовъ около 500 охотниковъ и, сформировавъ ихъ въ баталіонъ, назначилъ имъ командиромъ Ѳ. В. Харламова, одного изъ самыхъ храбрыхъ сослуживцевъ его по прежнимъ походамъ, и поставилъ ихъ къ корпусу генерала Дерфельдена передъ Нови. Такимъ образомъ частямъ новаго корпуса было оказано лестное вниманіе и послѣ боя въ рядахъ ихъ были бы уже люди, выдавшіе въ бою новаго противника. 3-го числа, въ 5-мъ часу утра, онъ лично навѣстилъ охотниковъ: «Александръ Васильевичъ, смотря на кругъ ратниковъ, сказалъ, «здравствуйте братцы», обратясь къ полковнику Харламову, говорилъ: «Ѳедоръ! твой!... чудо-богатыри!... витязи! Помилуй Богъ! Русскіе, чисто Русскіе!! Братцы!! Вотъ видите ли, врагъ-то гнѣздится на горахъ? Онъ къ намъ спуститься не захочетъ?... такъ мы къ нему!! дружно! другъ другу пособляй; пальбой много не заниматься! пуля дура, а штыкъ молодецъ! бить: скоро,— шибко, проворно! штыки!! напрасно не убивать: грѣхъ!» и крикъ ратниковъ: ради стараться! былъ проводомъ Александру Васильевичу. Этотъ трехъ четырехъ минутный его взглядъ на насъ, и нѣсколько его словъ воспламенили ратниковъ, и анекдоты о быломъ подъ его властью понесли отъ стариковъ» ⁽²⁾.

Приведемъ тутъ же разсказъ того же автора, какъ завершилъ въ тотъ же вечеръ окончательное подготовленіе своихъ ратниковъ къ бою любимецъ Суворова—ихъ начальникъ.

⁽¹⁾ Д. Милютинъ, т. II, стр. 18-л.

⁽²⁾ «Разсказы стараго воина», стр. 159-л.

«Полковникъ Ѳ. В. Харламовъ собралъ вокругъ себя свой охотничій баталіонъ, говорилъ о томъ, какъ должны мы бить французъ; рассказывалъ въ примѣръ о давно прошедшихъ сраженіяхъ съ турками, черкесами, съ татарами и поляками, и въ заключеніе своей рѣчи говорилъ: «слышите ребята! слышите! *съ нами Богъ и кто не-реможетъ насъ? Помолитесь же* Ему усердно, попросимъ у Его милосердія объ отпущеніи содѣянныхъ нами грѣховъ; и кому Богъ подастъ быть живу послѣ дѣла, тотъ помянетъ убитыхъ; слышите, дѣти? Это хорошо, коль сдѣлаемъ!» И онъ упалъ на колѣни, и всѣ ратники то же сдѣлали, и молились Присносущему, прося Его благословить наше дѣло» (1).

На другой день начался безпримѣрный по ожесточенію и настойчивости въ атакахъ штурмъ неприступной нагорной позиціи противника у Нови. Изъ описаній этого знаменитаго боя мы знаемъ, что многія смѣлыя атаки русскихъ войскъ были отбиваемы; французы съ горы пользовались въ полной мѣрѣ своимъ превосходствомъ въ огнѣ, такъ какъ не могли быть обстрѣливаемы снизу, и имѣли еще укрѣпленный стѣнами городъ Нови, но Суворовскія войска не могли помириться съ неудачею и, по высоко-поэтическому сравненію одного изъ историковъ: «какъ будто валы морскіе одинъ за другимъ разбивались о скалы» (2). Суворовъ въ эти минуты все время былъ вмѣстѣ съ войсками, самъ водилъ ихъ въ атаку, ободрялъ ихъ или собиралъ и устраивалъ и затѣмъ снова велъ на штурмъ, причемъ: «онъ ѣхалъ впереди, и за нимъ шибко бѣжали мы. Во время пути говорилъ многое намъ, и между прочимъ это: «братцы! бей штыкомъ—колоти прикладомъ! не задерживайся; шибко иди впередъ! Ухъ махни! головой тряхни! Впередъ, братцы! чудо-богатыри, впередъ!! мы русскіе!!...» (3).

Дѣйствительно и здѣсь наши войска не остановились на полдорогѣ, а добились въ концѣ концовъ своего и ворвались на неприступную позицію и въ городокъ Нови.

Побѣда при Нови, какъ извѣстно, была полная и громадная по своему вліянію. Противникъ убѣдился во очію, что для Суворова съ его русскими богатырями рѣшительно ничего нѣтъ невозможнаго. Черезъ нѣсколько дней послѣ Нови храбрый и твердый комендантъ крѣпости Тортоны, полковникъ Гастъ, несмотря на невозможность веденія противъ крѣпости дѣйствительной осады безъ огромныхъ мин-

(1) «Рассказы стараго война», стр. 160-я.

(2) Д. Милютинъ, т. II, стр. 56-я.

(3) «Рассказы стараго война», стр. 163-я.

ныхъ работъ, вслѣдствіе расположенія цитадели на отдѣльной высокой скалѣ, узнавъ о сраженіи при Нови, заключаетъ конвенцію о сдачѣ крѣпости, не дождавшись подготавлиемаго Суворовымъ штурма. На этотъ штурмъ были назначены войска недавно прибывшаго корпуса Розенберга со своимъ своднымъ баталіономъ охотниковъ. Войска эти, приготовляя всѣ необходимыя принадлежности, дѣятельно учились спускаться во рвы и взбираться на стѣны.

По приходѣ арміи въ лагерь при Асти, было отслужено молебствіе по случаю побѣды при Нови. Въ этомъ лагерѣ 17-го августа мы видимъ опять раздачу наградъ по тому же церемоніалу за сраженіе на Требія (7-го, 8-го и 9-го іюня). Причемъ награда, полученная фельдмаршаломъ, возложена была на него священникомъ и при этомъ прочитанъ Высочайшій рескриптъ. И въ этомъ лагерѣ производились также, какъ прежде, ученія и маневры войскамъ.

Заканчивая выборку эпизодовъ изъ Италіанской кампаніи 1799 г., мы приведемъ еще выдержки изъ нѣкоторыхъ предписаній, данныхъ Суворовымъ своимъ подчиненнымъ начальникамъ по разнымъ случаямъ. Въ предписаніи графу Бельгарду отъ 31-го мая, слѣдовавшему въ то время на присоединеніе къ Александріи изъ Тироля, Суворовъ, торопя его прибытіемъ, описываетъ весьма подробно принятый имъ порядокъ совершенія переходовъ: «Идти имъ тѣмъ же порядкомъ, какой у меня давно уже заведенъ; а именно: кашевары съ мясомъ и котлами во вьюкахъ выступаютъ въ 12 часовъ ночи впередъ на двѣ мили (у меня весь суточный переходъ отъ четырехъ до пяти миль (1)). Кашевары располагаются и варятъ. Войска поднимаются въ 3 часа ночи; идутъ милю; отдыхаютъ одинъ часъ; потомъ опять милю и приходятъ къ своимъ котламъ; кушанье готово—вино тамъ! ни одного усталого! Поѣвъ, отдыхаютъ до 4-хъ часовъ пополудни; потомъ опять поднимаются и идутъ одну милю; съ часъ отдыхаютъ; идутъ опять одну милю, такъ что въ 9 часовъ вечера приходятъ въ лагерь; всѣ вьючныя лошади съ палатками были уже отправлены напередъ въ полдень; палатки поставлены; солдатъ подоспѣлъ и ложится отдыхать до 3-хъ часовъ слѣдующаго утра, а потомъ снова походъ» (2).

Затѣмъ не безынтересны тоже слѣдующія выписки изъ предписаній генералу Гадику, охранявшему съ войсками доступы въ сѣверную Италію изъ Швейцаріи, послѣ удачныхъ нападеній на него

(1) Милья—7 верстъ.

(2) Д. Миллютинъ, т. III (приложеніе), часть IV, № 6-й.

французскихъ войскъ изъ Швейцаріи, и генералу Краю, посланному отъ главной арміи къ Милану для обезпеченія Ломбардіи отъ этихъ покушеній противника:

«1) Генералу Гадику, 22-го августа 1799 года.

«Съ неудовольствіемъ вижу я раздробленіе корпуса вашего, безъ сомнѣнія довольно значительнаго. Не хочу предписывать, какимъ образомъ ваше превосходительство можете примѣнить это правило. Имѣя достаточныя способности военныя и въ особенности свѣдѣнія мѣстныя, вы можете гораздо лучше сами опредѣлить пункты, гдѣ удобнѣе сосредоточить войска. » (1).

«2) Барону Краю, 23-го августа 1799 года.

«Полагаясь совершенно на дальновидность и знанія вашего превосходительства, поручаю вамъ принять нынѣ мѣры, сообразныя съ обстоятельствами и положеніемъ дѣлъ. Затѣмъ должно стараться получать достовѣрныя свѣдѣнія о движеніи противника; узнавать точнѣе о направленіяхъ и силѣ наступающихъ и отступающихъ колоннъ непріятельскихъ и въ особенности объ именахъ ихъ начальниковъ (2)».

Сергѣй Гершельманъ.

(Продолженіе будетъ).

(1) и (2) Д. Милютинъ, т. III (приложеніе), часть V, № 88-й.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ЧАСТНЫХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ НА ВОЙНѢ.

(Окончаніе) (1).

VII.

Исполненіе приказаній по буквѣ или по настоящему ихъ смыслу.—Кажущееся и дѣйствительное послушаніе и своеволие.

Въ своемъ мѣстѣ разъяснено было, что частнымъ начальникамъ, зачастую приходится вмѣсто указанныхъ себѣ цѣлей избирать другія. Не трудно понять, что каждая такая замѣна цѣли неминуемо соединена съ «неисполненіемъ» полученнаго приказанія, по крайней мѣрѣ, по его наружной, буквальной формѣ. Случается это по той причинѣ, что предполагаемая обстановка, послужившая основаніемъ для приказанія, не совпадаетъ съ дѣйствительностью. Понятно, что другая обстановка требуетъ другихъ мѣропріятій.

Такимъ образомъ, «неисполненіе приказанія» касается только наружной, мертвой, такъ сказать, его оболочки, а отнюдь не того живаго дѣла, которое составляетъ цѣль всякаго толковаго приказанія. Нельзя же дойти до несообразности, или, скажу просто, безобразія, на дѣлѣ для того только, чтобы согласовать его съ буквой, а не «съ сущю» полученнаго приказанія. Не могъ же Вердеръ, въ день Верта, оставить безъ поддержки Бозе потому только, что ему (Вердеру) приказано было дойти въ тотъ день до Реймерсвейлера и стать фронтомъ на югъ. Точно также и Дерингъ не могъ 6-го августа 1870 г. ограничиться движеніемъ только къ Дудвейлеру, коль скоро впереди этого пункта, завѣдомо Дерингу, предстояло за Саарбюкеномъ столкновеніе дивизіи Камеке съ значительными силами французовъ.

Если разъ принять и допустить не только возможность, но даже и полную вѣроятность, что зачастую другая (а не та обстановка, ко-

(1) См. «Военный Сборникъ» 1892 г., № 1-й.

торая предполагалась при отдачѣ приказанія) можетъ потребовать отъ исполнителя и другихъ мѣропріятій, то не трудно понять, что требуемое дѣйствительной обстановкой рѣшеніе, со стороны частнаго начальника, можетъ быть будетъ совершенно «противоположно» полученному имъ приказанію и тогда, вмѣсто простаго «неисполненія приказанія», явится уже прямое «ослушаніе», послушаніе опять таки «по буквѣ», а не «по сути дѣла». Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ сраженіи при Цорндорфѣ, въ Семилѣтнюю войну, король Фридрихъ послалъ генералу Зейдлицу приказаніе «атаковать»; но послѣдній, близко слѣдя за ходомъ дѣла, нашель, что преждевременно еще пускать въ ходъ конницу, и бездѣйствовалъ, несмотря на настоятельно повторенныя приказанія. Наконецъ, Зейдлицъ улучилъ дѣйствительно удобную минуту: онъ стремительно атаковалъ русскія войска, разстроенныя въ то время жаркимъ преслѣдованіемъ отбитой прусской пѣхоты. Атака Зейдлица имѣла успѣхъ самый полный и рѣшительный.

Очевидно, что въ данномъ случаѣ король, отдавая свое приказаніе «атаковать», имѣлъ въ виду: не одинъ только процессъ атаки, а непременно атаку успѣшную и ожидаемая отъ нея благопріятныя для прусаковъ послѣдствія. Изъ этого слѣдуетъ, что «ослушаніе» Зейдлица относилось только къ «буквѣ» приказанія, а отнюдь не къ его духу и существу; напротивъ того, дождавшись дѣйствительно удобной минуты, Зейдлицъ вполне удовлетворилъ мысли и волѣ короля, переданной въ формѣ приказанія «атаковать»; промедленіе же исполненіемъ онъ, зная ближе и полнѣе обстановку, взялъ на свою отвѣтственность.

Впрочемъ, даже по общимъ инструкціямъ самаго короля Фридриха, кавалерійскимъ начальникамъ, вообще, предоставлялось полное право инициативы. Замѣчу мимоходомъ, что право инициативы даровано было конницѣ Фридрихомъ, въ эпоху полного господства линейной тактики, согласно коей вся армія, втиснутая, можно сказать, въ ту или другую геометрическую фигуру, точно безжизненная масса, должна была двигаться по одной только волѣ главнокомандующаго. Это доказываетъ, что свѣтлый умъ великаго мастера линейныхъ маневровъ отлично умѣлъ господствовать надъ формою, отнюдь не поддаваясь мертвящему началу современной тактики. Такимъ образомъ, геніальный полководецъ болѣе 100 лѣтъ тому назадъ сталъ несравненно выше многихъ крупныхъ военачальниковъ современной намъ эпохи, которые никакъ не сумѣли освободить свой умъ и понятія изъ путъ системы неразумной централизаціи и не-

разумнаго пассивнаго послушанія; «неразумныхъ» потому, что онѣ не допускаютъ возможности проявленія разумной мысли и воли частныхъ начальниковъ.

Съ другой стороны, не лишне добавить, что не Фридрихъ «выдумалъ» «самостоятельность частныхъ начальниковъ», хотя бы кавалерійскихъ. Самостоятельность, т. е. потребность въ ней,—простекая изъ самой сути дѣла, заявляла о себѣ навѣрно съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ война. Чтобы не заходить далеко, укажемъ на примѣръ самостоятельнаго почина и въ рядахъ противниковъ Фридриха, въ ту же Семилѣтнюю войну, который на этотъ разъ то же принялъ форму «ослушанія по буквѣ».

Начало сраженія при Коллинѣ, въ Богеміи, 18-го іюля 1757 г., было благопріятно для прусаковъ. Лѣвый, наступательный флангъ общаго «косвеннаго» боеваго порядка Фридриховской арміи послѣ упорнаго боя утвердился уже на высотѣ Кречора, угрожая охватомъ правому флангу австрійской арміи, фельдмаршала Дауна; а прусская конница Цитена опрокинула и прогнала австрійскую кавалерію Надасди. Австрійскій главнокомандовавшій послалъ вдоль боевой линіи записку, въ коей значилось «отступление на Сухдоль». Записка эта дошла и до командира саксонскаго коннаго полка, подполковника Бенкендорфа; но въ то время обстановка уже измѣнилась.

Общая прусская боевая линія, подвигавшаяся было фланговымъ движеніемъ влѣво (для охвата праваго фланга австрійцевъ) разорвалась, вслѣдствіе остановки и перехода въ наступленіе прусскаго генерала Манштейна.

Бенкендорфъ замѣтилъ значительный промежутокъ между разрозненными такимъ образомъ частями прусскаго строя. «Пусть отступаетъ кто хочетъ—крикнулъ Бенкендорфъ—но кто молодецъ, тотъ пойдетъ за мной». Съ этими словами Бенкендорфъ устремился на прусаковъ. За нимъ послѣдовали и остальные саксонскіе конные полки, воодушевляемые жакждоу мести за недавно испытанное отъ прусаковъ поражение при Штригау. За саксонцами двинулась и часть конницы Надасди.

Успѣхъ атаки союзной конницы былъ полный. Пѣхота прусаковъ на этой части поля сраженія была смята и частью истреблена; а конница ихъ тщетно старалась возстановить дѣло; самъ король безуспѣшно водилъ свою кавалерію въ атаку. Въ концѣ концовъ Фридрихъ испыталъ при Коллинѣ «первое» тогда еще и весьма тяжелое поражение. Успѣхомъ этимъ австрійцы безспорно обязаны находчивости и рѣшимости полковника Бенкендорфа. Мы видѣли, что

и въ данномъ случаѣ приказаніе (впрочемъ, болѣе предварительное) дано было подъ вліяніемъ одной обстановки, а именно, неблагопріятной; между тѣмъ какъ Бенкендорфъ дѣйствовалъ въ виду совершенно иной обстановки, прямо противоположной; потому-то онъ, вмѣсто того, чтобы готовиться къ отступленію, пошелъ въ рѣшительную атаку. Дѣйствія Бенкендорфа въ этомъ случаѣ были типичными проявленіями самой раціональной «самостоятельности частнаго начальника», въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ и практикуетъ современное намъ военное искусство.

Примѣръ рѣшимости Бенкендорфа подтверждаетъ, что потребность въ самостоятельномъ починѣ частныхъ начальниковъ чувствовалась вездѣ и всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда не было возможности получать своевременныя приказанія. Понятно, что изъ-подъ гнета постоянного опеканія освободилась прежде всего кавалерія «оружіе минуты». Съ увеличеніемъ для армій и разстояній пришло время развязать руки и прочимъ частнымъ начальникамъ.

Возвращаясь къ ближайше разбираемому вопросу, приведу примѣръ нѣкоего «ослушанія по буквѣ» изъ Наполеоновской эпохи.

Въ сраженіи при Фридландѣ 2-го іюня 1807 года, французскій корпусъ маршала Нея, атакующій лѣвую часть фронта русской арміи, былъ истребленъ и отошелъ въ большомъ разстройствѣ. Наполеонъ направилъ туда корпусъ Виктора, но пока тотъ подходилъ, а Ней приводилъ въ порядокъ свои войска, надо было выиграть время. Имѣя эту цѣль въ виду, генераль Сенармонъ, съ согласія Виктора, повелъ впередъ 36 орудій корпуса послѣдняго и снялся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ русскаго фронта, обсыпая его картечью. Положеніе артилеріи Сенармона показалось Наполеону небезопаснымъ, и онъ послалъ къ нему адъютанта съ вопросомъ: «зачѣмъ онъ выдвинулся такъ далеко впередъ»? Очевидно, что вопросъ императора заключалъ въ себѣ замѣчаніе и косвенное приказаніе: принять болѣе безопасное расположеніе. Но Сенармонъ видѣлъ успѣшное дѣйствіе своей артилеріи и не думалъ объ отступленіи.

«Не мѣшайте мнѣ и моимъ канонирамъ—отвѣтилъ Сенармонъ адъютанту—доложите императору, что я отвѣчаю за успѣхъ».

«Артиллеристы народъ упрямый; оставимъ ихъ въ покоѣ» замѣтилъ улыбаясь Наполеонъ, выслушавъ докладъ возвратившагося адъютанта. Императоръ, видимо, хорошо понялъ, что Сенармону лучше извѣстна ближайшая обстановка и освободился уже отъ минутнаго нетерпѣнія.

А вотъ еще подходящіе, къ ближайше разбираемому тутъ вопросу примѣры изъ послѣдней Франко-Германской войны. Въ своемъ мѣстѣ упомянуто было уже о дѣятельности командира 5-го прусскаго корпуса, генерала Кирхбаха, въ бою при Вертѣ, 6-го августа 1870 года, собственно въ видѣ примѣра вѣрной оцѣнки общей обстановки. Эта вѣрная оцѣнка привела къ тому, что Кирхбахъ рѣшилъ продолжать сраженіе и вовлечь въ него и всѣ остальные войска 3-й нѣмецкой арміи, несмотря на только что полученное имъ приказаніе командира арміи кронпринца прусскаго.

«Прекратить дѣло и избѣгать всего того, что могло бы повести къ его возобновленію».

Принимая свое рѣшеніе, прямо противоположное полученному приказанію, Кирхбахъ отлично понялъ, что кронпринцу, находившемуся далеко позади, у Зульца, неизвѣстна дѣйствительная обстановка, что онъ (кронпринцъ), посылая приказаніе «прекратить дѣло», подразумѣвалъ незначительныя стычки между передовыми войсками и никакъ не подозрѣвалъ, что разыгралось уже настоящее сраженіе. При томъ, рѣшивъ продолжать сраженіе, Кирхбахъ остался и въ предѣлахъ общихъ цѣлей, поставленныхъ себѣ кронпринцемъ, котораго задача состояла въ томъ, чтобы настичь и разбить не-вполнѣ еще готоваго противника, хотя, впрочемъ, атаку кронпринцъ пока еще откладывалъ.

Лучшимъ доказательствомъ тому, что Кирхбахъ исполнилъ дѣйствительную мысль своего начальника, служить то обстоятельство, что самъ кронпринцъ отдалъ приказанія, клонящіяся къ самому энергическому продолженію дѣла, какъ только ознакомился съ дѣйствительной обстановкой.

Многіе другіе подходящіе примѣры представляютъ собою перипетіи не разъ уже помянутаго боя, 14-го августа, предъ Мецомъ (у Колеembe-Нуйли).

Когда генераль Гольцъ со своею бригадою перешелъ въ наступленіе на отходившихъ французовъ, то его начальникъ дивизіи, генераль Глюмеръ, немедленно двинулъ за нимъ остальную свою бригаду, но, зная, что командиръ 1-й арміи, генераль Штейнмецъ, противъ наступательнаго сраженія Глюмера, просилъ разрѣшенія командира корпуса, генерала Цастрова, «поддержать Гольца этою бригадою». Генераль Цастровъ, съ своей стороны, двинулъ, на всякій случай, и остальные части своего корпуса, а самъ выѣхалъ впередъ съ цѣлью ознакомиться съ обстановкою и провѣрить, нельзя-ли еще избѣжать сраженія. Однако, Цастровъ убѣдился, что сраженіе уже

разыгралось (вступили въ дѣло и части корпуса Мантейфеля), а потому онъ рѣшилъ продолжать разъ начатое дѣло.

Очевидно, что рѣшеніе Цастрова состоялось подъ вліяніемъ совершенно иной обстановки, нежели была та, которую подразумѣвалъ Штейнмець, заявляя вообще о своемъ желаніи не начинать наступательныхъ боевъ, въ особенности въ виду близости фортвъ Меца, за которыми французы, даже разбитые, легко могли уклониться отъ дальнѣйшихъ ударовъ и такимъ образомъ лишить нѣмцевъ возможности пожать плоды побѣды. Штейнмець желалъ «избѣжать» боя вообще, а между тѣмъ сраженіе «уже загорѣлось». Хорошо-ли это или дурно, было теперь для Цастрова дѣломъ безразличнымъ. Для рѣшеній своихъ онъ долженъ былъ принять въ расчетъ дѣйствительную современную обстановку. Цастровъ убѣдился, что прекратить дѣло уже невозможно и рѣшился продолжать сраженіе. Не иначе, впрочемъ, поступилъ и самъ Штейнмець, ознакомившись ближе съ обстановкой; онъ самъ потребовалъ впередъ и части корпуса Гебена.

Извѣстно, что Гебенъ не исполнилъ поименованнаго запоздавашаго приказанія, потому что обстановка между тѣмъ измѣнилась, а именно: сраженіе прекратилось, французы отошли назадъ и ночь настала. Слѣдовательно, въ войскахъ Гебена пока не было никакой надобности и нечего было утомлять ихъ по напрасну. Распоряженіе Гебена одобрено было Штейнмецомъ, такъ какъ оно вполне соответствовало обстановкѣ и духу приказанія, хотя и имѣло видъ «ослушанія по буквѣ». Точно такъ же Штейнмець одобрилъ и «ослушаніе» Цастрова, который рѣшилъ ночевать со своими войсками на полѣ сраженія, хотя отъ Штейнмеца получилъ приказаніе отойти съ корпусомъ на прежніе биваки. Причина (какъ уже разъ замѣчено прежде) была та, что Штейнмець не считалъ положенія Цастрова безопаснымъ, но послѣдній видѣлъ, что французы уже ушли; притомъ къ Цастрову подошли свѣжія части дивизіи Врангеля, 9-го корпуса. Обстановка слѣдовательно, была, совершенно иная и Цастровъ вполне рационально предохранилъ свои войска отъ напраснаго утомленія и опасностей ночнаго отступленія послѣ жаркаго боя, разстроившаго войска его корпуса.

А вотъ еще одинъ, послѣдній примѣръ изъ той же кампаніи, который, съ одной стороны, показываетъ рациональное «ослушаніе», а съ другой—печальныя послѣдствія отъ исполненія «по буквѣ». Подразумѣваю тутъ дѣятельность или, вѣрнѣе, бездѣйствіе 9-го прусскаго корпуса, генерала Манштейна, въ день боя при Марсъ-ла-Турѣ,

о чемъ вскользь только упомянуто по другому очередному вопросу, приводя примѣръ дѣйствій полковника Шенинга.

Обстоятельства, сопровождавшія дѣятельность, т. е. «слушаніе» полковника Шенинга, равно и причины бездѣятельности прочіихъ войскъ Манштейна во время помянутаго сраженія, заслуживаютъ особаго разбора.

Войска 2-й нѣмецкой арміи, вообще, совершая обходное движеніе Меца послѣ Шпихернскаго сраженія, находились нѣсколько дней въ безпрерывномъ наступленіи, почему для нихъ желателенъ былъ отдыхъ. Въ такомъ положеніи находился и 9-й корпусъ, генерала Манштейна, той же арміи. На 16-е августа корпусу этому назначенъ былъ небольшой только переходъ отъ Бюши до Силеньи (на р. Сейль), не доходя р. Мозеля. Дорожа силами своихъ войскъ и, видимо, опасаясь излишняго «стремленія впередъ» своихъ подчиненныхъ, Манштейнъ объявилъ на тотъ день приказаніе или, вѣрнѣе, воспрещеніе «не дѣлать никакихъ передвиженій, сверхъ предписанныхъ».

Воспрещеніе Манштейна, какъ уже упомянуто было прежде, имѣло для нѣмцевъ весьма неблагопріятныя послѣдствія, лишивъ Альвенслебена весьма желанной и вполне возможной своевременной поддержки войскъ 9-го корпуса. Въ виду воспрещенія Манштейна, начальникъ пѣхотной дивизіи (отъ 9-го корпуса), генераль Врангель, не рѣшился идти на выручку своихъ, за войсками корпуса Гельна (отъ 1-й арміи), ограничившись тѣмъ только, что послалъ полкъ Шенинга для занятія переправы на Мозель, а начальникъ другой 25-й пѣхотной дивизіи, того же корпуса, принцъ Гессенскій, мѣшкалъ съ переправой, хотя до него и дошло непосредственное открытое предписаніе главной королевской квартиры, въ коей выражалось желаніе, чтобы «войска 9-го корпуса не только въ тотъ еще день дошли до р. Мозеля, но, по возможности, немедля черезъ нее переправились».

Тутъ въ обѣихъ дивизіяхъ мы видимъ исполненіе только «по буквѣ», несмотря на измѣнившуюся обстановку. По духу приказанія Манштейна, послѣдній, очевидно, имѣлъ только въ виду дать отдыхъ своимъ войскамъ. Если онъ этимъ прямо не мотивировалъ своего воспрещенія, то онъ, или штабъ его, конечно, допустилъ редакціонный промахъ. Однако, промахъ этотъ, способный дѣйствительно поставить исполнителей въ нѣкоторое затрудненіе, тѣмъ не менѣе никакъ не можетъ оправдать ихъ бездѣятельности.

Очевидно было, что Манштейнъ, отдавая свое приказаніе (вос-

прещение), просто не предвидѣлъ тѣхъ измѣненій въ обстановкѣ, которыя случились въ дѣйствительности, а именно: съ одной стороны, сраженіе, въ коемъ было необходимо поддержать своихъ, а съ другой—особаго приказанія главной королевской квартиры: «9-му корпусу, по возможности, въ тотъ еще день перейти р. Мозель».

Новая обстановка требовала, конечно, и новыхъ рѣшеній. Подчиненнымъ Манштейна оставалось спросить себя:

«Какую задачу, въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ, исполняю я, оставаясь на мѣстѣ (опредѣленномъ ночлежномъ пунктѣ)?»

«Какой вредъ можетъ произойти, если я оставлю это мѣсто?»

«Какая польза, если я двинусь впередъ для поддержки товарищей?»; наконецъ, самое главное:

«Какое именно приказаніе долженъ бы дать мнѣ мой начальникъ, если бы находился тутъ, на мѣстѣ, и зналъ то, что я теперь знаю?»

Кажется, впрочемъ, что такіе (въ особенности послѣдній) или тому подобные вопросы долженъ задать себѣ любой частный начальникъ, очутившись въ обстановкѣ, непредвидѣнной полученными имъ приказаніями. А разъ онъ вѣрно взвѣсилъ и оцѣнилъ новую обстановку, то и отвѣтъ на заданные себѣ вопросы явится, можно сказать, самъ собою. Отвѣтъ, въ свою очередь, долженъ воплотиться въ самое опредѣленное рѣшеніе и энергическое затѣмъ исполненіе, точно такъ же, какъ если бы получено было самое категорическое и настоятельное приказаніе старшаго начальника. Такъ именно поступилъ Шенингъ.

Отряженный отъ дивизіи Врангеля, собственно для занятія переправы, оставляемой Бартковымъ, отправившимся на выручку Альвенслебену, Шенингъ разсудилъ, что (какъ уже сказано въ своемъ мѣстѣ), лучше ему прикрывать переправу движеніемъ впередъ, къ сторонѣ боя. Когда же впоследствии къ нему, съ одной стороны, поступила отъ сражавшихся просьба о поддержкѣ, а съ другой стороны—приказаніе Врангеля вернуться съ полкомъ назадъ, то Шенингъ (какъ гласитъ официальная прусская исторія войны) не колебался ни минуты: куда долгъ идти ему повелѣваетъ». Шенингъ пошелъ въ бой, въ коемъ нашель славную смерть во главѣ своего полка.

Приведеннымъ примѣромъ разумнаго и рациональнаго «ослушанія по буквѣ» можно противопоставить несоотвѣтствующее обстановкѣ, а слѣдовательно вредное «исполненіе по буквѣ же». Въ этомъ отношеніи можно указать на неоднократно уже упоминаемыя дѣйствія французскихъ начальниковъ, посланныхъ маршаломъ Базеномъ на поддержку Фроссару въ бою у Шпихерна.

Извѣстно, что посланные Базеномъ французскіе генералы получили приказаніе поддержать Фроссара (присоединиться къ нему). Однако, ко времени подхода подкрѣпленій Фроссаръ не оказался уже на полѣ сраженія. Онъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своего пути отступленія, отошелъ уже въ сторону къ Сааргемюнду, совершенно оголивъ важный путь Саарбрюкенъ—Мець. Несмотря на эту коренную перемѣну въ обстановкѣ, французскіе генералы, вмѣсто того, чтобы замѣнить Фроссара прикрытіемъ пути Саарбрюкенъ—Мець, они, «по буквѣ» исполняя прежде полученное приказаніе, бросились ночнымъ маршемъ въ сторону, спѣша «присоединиться» къ Фроссару.

Подобнымъ же образомъ, въ тотъ самый день, поступилъ и командиръ 5-го французскаго корпуса, генераль Фальи. Послѣдній еще 4-го числа получилъ приказаніе присоединиться къ маршалу Макъ-Магону, готовившемуся къ встрѣчѣ съ арміею наслѣднаго принца прусскаго. Однако, Фальи, несмотря на подтвержденіе, 5-го числа, «присоединиться скорѣе», медлилъ исполненіемъ. Не поддержавъ Макъ-Магона въ бою, Фальи успѣшилъ присоединиться къ маршалу уже во время отступленія послѣдняго послѣ Вертскаго пораженія. Такимъ образомъ, и Фальи исполнилъ «букву» прежнихъ приказаній, полученныхъ совершенно при иной обстановкѣ. Устремившись на присоединеніе къ Макъ-Магону, Фальи вмѣстѣ съ тѣмъ удалялся отъ Меца, у котораго какъ разъ готовились роковыя схватки ⁽¹⁾.

Къ этому же разряду «исполненія приказаній по буквѣ» въ разрѣзъ дѣйствительной обстановкѣ принадлежитъ и упущеніе прусскаго генерала князя Гогенлоэ, 13-го октября 1806 года, который въ тотъ день, буквально исполняя полученное имъ приказаніе, оставилъ бывшее уже въ полномъ ходу наступленіе свое на французскій корпусъ Ланна. Этимъ Гогенлоэ упустилъ случай нанести своими значительно превосходящими силами полное пораженіе Ланну, вынужденному принять бой, имѣя рѣку Заалу въ своемъ тылу. Впрочемъ, объ этомъ сказано было уже прежде, въ главѣ III настоящаго труда.

Слѣдующій примѣръ взятъ изъ Богемской кампаніи 1866 года.

Корпусъ генерала Бонина образовалъ правофланговую колонну 2-й прусской арміи при вторженіи ея въ Богемію. Ему предписано было на 27-е іюня «завладѣть переправою черезъ р. Аупу, у Траутенау, и, двинувшись дальше, по возможности въ тотъ еще день,

⁽¹⁾ Подробно разобрано въ сочиненіи «Побѣда и пораженія въ войнѣ 1870 г. и проч.», т. I, стр. 137-я—145-я и т. II, стр. 327-я—330-я.

авангардомъ своимъ достигнуть Арнау». Во исполненіе этого приказанія отдана была по корпусу (стоявшему по дивизіямъ, 1-я—у Либау, а 2-я—у Шемберга) диспозиція «двинуться, 27-го числа, рано утромъ, на Траутенау двумя колоннами, пути коихъ совершенно сближались у Паршница (версты двѣ не доходя Траутенау); у Паршница назначенъ былъ общій привалъ обѣихъ колоннъ, подъ прикрытіемъ особаго корпуснаго авангарда, предшествовавшаго правой колоннѣ, который долженъ былъ, двигаясь безостановочно, занять переправу у Траутенау».

Первоначальною общемою цѣлью указано было «возможно скорое сосредоточеніе, перейдя дефиле у Траутенау, съ принятіемъ тамъ мѣръ противъ нападеній непріятеля».

При исполненіи оказалось на дѣлѣ, что правая прусская колонна и слѣдовавшій передъ ней корпусный авангардъ значительно запоздали противъ предположенія, между тѣмъ какъ лѣвая колонна, 2-я дивизія, своевременно прибыла къ Паршницу и остановилась на двухчасовой привалъ. Тутъ отъ разѣздовъ получено донесеніе, что мостъ черезъ р. Аупу, у Траутенау, забарикадированъ и защищается небольшимъ отрядомъ спѣшенныхъ австрійскихъ драгуновъ, въ полъ-эскадрона.

Такимъ образомъ, дѣйствительное положеніе, въ которомъ очутилась прусская дивизія, оказалось совершенно не такимъ, какимъ оно предполагалось диспозиціей. Согласно смыслу послѣдней, 2-я дивизія должна была расположиться у Паршница «подъ прикрытіемъ корпуснаго авангарда, выдвинутаго къ Траутенау».

Очевидно, что коль скоро авангардъ этотъ остался позади, то 2-я дивизія обязана была замѣнить его выдѣлить свой собственный авангардъ, коимъ безотлагательно занять Траутенау. Послѣднее было необходимо тѣмъ болѣе, что диспозиція, какъ «главную цѣль» движенія опредѣляла «возможно скорое сосредоточеніе за дефиле у Траутенау». Такимъ образомъ, скорѣйшее завладѣніе этимъ дефиле лежало въ предѣлахъ главной цѣли, поставленной себѣ командиромъ корпуса, и повелительно требовалось обстановкою, въ которой очутилась 2-я прусская дивизія.

Несмотря на все указанное, 2-я прусская дивизія оставалась спокойно на привалѣ (у Паршница), не выславъ разѣздовъ на ту сторону р. Аупы (которые могли перейти рѣку и мимо Траутенау), прусаки у Паршница ограничились «собственнымъ охраненіемъ», ука-

заннымъ въ диспозиціи на время привала у Паршница (¹). При томъ охраненіе это было, видимо, самое близкое и пассивное.

Послѣдствіемъ всего этого было то, что прусаки вовсе не замѣтили подошедшаго между тѣмъ авангарда австрійскаго корпуса, Габленца, который спокойно расположился на высотахъ того берега рѣки, командующихъ Траутенау. Наконецъ, подошелъ прусскій авангардъ; онъ двинулся на Траутенау по приказанію корпуснаго командира. Австрійскіе драгуны отступили послѣ незначительной перестрѣлки. Занявшіе Траутенау прусаки авангарда, видимо, надѣясь на то, что мѣстность того берега освѣщена уже 2-ю дивизіей, занялись, въ Траутенау, росписаніемъ поставки припасовъ и другими хозяйственными распоряженіями, среди коихъ вдругъ совершенно внезапно подверглись огню австрійцевъ. Эпизодъ этотъ былъ вводомъ въ сраженіе при Траутенау, единственное проигранное прусаками въ Богемскую кампанію 1806 года. Самый же эпизодъ вызванъ бездѣятельностью начальника лѣвой прусской колонны, который ограничился исполненіемъ диспозиціи «по буквѣ», упуская изъ вида измѣнившуюся обстановку и «главную цѣль», поставленную себѣ старшимъ начальникомъ.

Доказано уже выше, что усилія старшаго, такъ и подчиненныхъ ему начальниковъ, должны быть всецѣло направлены къ достиженію одной общей цѣли. Отсюда слѣдуетъ само собою, что частный начальникъ отнюдь не вправѣ ставить себѣ особья «свои» цѣли, хотя бы и былъ вполне убѣжденъ въ основательности своихъ воззрѣній.

Единичный съ виду даже самый рациональный частный порывъ, но не согласованный съ общими предъидущими распоряженіями и дѣйствительными видами старшаго начальника, ни къ чему путному повести не можетъ. Въ лучшемъ случаѣ при крупномъ положеніи частнаго начальника получится развѣ несогласованное двойственное командованіе, а между тѣмъ не даромъ сказано, что «одинъ спосный полководецъ лучше двухъ отличныхъ».

Хотя сказанное, кажется, безусловно вѣрно и неоспоримо, тѣмъ не менѣе исторія представляетъ примѣры тому, что младшіе не только ставили себѣ особья «свои» цѣли, но даже пытались, можно ска-

(¹) Паршницъ, подобно Траутенау, лежитъ на р. Ауфъ; противоположный берегъ совершенно командуетъ равниной Паршница, а потому колонна у послѣдняго пункта хотя и прикрытая (по предположенію) авангардомъ, расположеннымъ у Траутенау, все-таки должна была оберегать свой лѣвый флангъ.

затѣ, насильно увлечь за собою старшаго начальника. Такой примѣръ представляютъ усилія начальника штаба прусской частной арміи, князя Гогенлоэ, а также дѣйствія послѣдняго подъ вліяніемъ перваго, въ начальный періодъ Франко-Прусской войны 1806 года.

Въ день 8-го октября 1806 года, прусскій главнокомандовавшій убѣдился, что императоръ Наполеонъ, со своею превосходною силами арміею, тѣсно сгруппированною, стремится обойти лѣвый флангъ прусаковъ, угрожая ихъ сообщеніямъ. Прусскія силы, въ то время раздѣленныя на двѣ главныя группы (армію главную и армію князя Гогенлоэ) и на нѣсколько отрядовъ, растянуты были по фронту болѣе 120 верстъ, между тѣмъ какъ Наполеонъ, направляясь въ обходъ лѣваго фланга противника, шелъ густою массою менѣе 60-ти верстъ по фронту и въ глубину.

Прусскій главнокомандовавшій, на основаніи данной обстановки, не считая, впрочемъ, опасности столь близкой какъ она была въ дѣйствительности (не предвидя быстроты движенія противника), рѣшилъ, тѣмъ не менѣе, сосредоточить свои силы ближе къ лѣвому флангу, а именно, между рр. Лупою и Заалою, на лѣвой сторонѣ послѣдней. Надлежащія для исполненія сего передвиженія войскъ приказано закончить въ теченіе 10-го октября.

На основаніи помянутыхъ распоряженій прусскаго главнокомандовавшаго, армія князя Гогенлоэ, стоявшая вокругъ Иены, по обѣ стороны р. Заалы, должна была собраться на лѣвомъ берегу этой рѣки и группироваться въ окрестностяхъ Хохштета къ юго-западу отъ Иены. Однако, полковникъ Массенбахъ, «видѣвшій спасеніе отечества» единственно въ перенесеніи операціи съ лѣваго на правый берегъ Заалы, вздумалъ перетянуть туда всѣ войска арміи Гогенлоэ, надѣясь увлечь за ними и остальные прусскія силы (1). Съ этою цѣлью Массенбахъ, съ одной стороны, успѣлъ увѣрить Гогенлоэ въ томъ, что предписанныя на 9-е и 10-е число передвиженія служатъ только подготовкой для переправы всѣхъ прусскихъ силъ на правую сторону р. Заалы, а съ другой—положилъ, будто въ окрестностяхъ Хохдорфа нѣтъ мѣстъ для размѣщенія арміи Гогенлоэ.

Примѣняясь къ докладу Массенбаха, Гогенлоэ, въ виду ожидаемой переправы за р. Заалу, не счелъ нужнымъ напрасно передвигать саксонскія войска съ того именно берега на другой, лѣвый; на томъ же правомъ берегу Заалы оставлены и обозы. Остальные войска Гогенлоэ, бывшія на лѣвомъ берегу Заалы, въ окрестностяхъ

(1) «Стратегическія письма» принца Гогенлоэ.

Тены, рѣшено было оставить 9-го октября на своихъ мѣстахъ, въ томъ вниманіи, что они, если понадобится, успѣютъ достигнуть окрестностей Хохдорфа и въ теченіе 10-го октября. Наконецъ, принцу Людовику прусскому, начальнику авангарда арміи Гогенлоэ, сообщено, что 10-го числа армія перейдетъ за р. Заалу къ Тельницу и предложено ему, сообразуясь съ этимъ, перейти къ Песпеку, впереди Тельница.

Предположенное на 10-е октября передвиженіе арміи Гогенлоэ было по отношенію къ противнику фланговымъ. А потому принцъ Людовикъ, въ видахъ прикрытія этого передвиженія, счелъ необходимымъ въ теченіе 10-го октября держаться у Заальфельда (переправа черезъ р. Заалу).

Принцъ Гогенлоэ и самъ лично желалъ перенести операціи за р. Заалу и только ожидалъ окончательныхъ въ этомъ смыслѣ приказаній главнокомандовавшаго. А потому онъ весьма непріятно былъ пораженъ въ ночь съ 9-го на 10-е число извѣщеніемъ главной квартиры о томъ, что ни въ какомъ случаѣ не предполагается перенести операціи за р. Заалу. Принцъ не могъ не понять, что распоряженія его шли совершенно въ разрѣзъ съ видами и цѣлями главнокомандовавшаго. Исправить дѣло было крайне трудно и прусакамъ пришлось пожать горькіе плоды отъ двойственнаго несогласованнаго командованія, преслѣдовавшаго разныя цѣли.

Принцъ Людовикъ, на сколько можно понять, не могъ быть вовремя предупрежденъ объ измѣнившейся обстановкѣ. Онъ не зналъ, что армія, которую онъ прикрывалъ, оставила предположеніе о фланговомъ передвиженіи къ Тельницу и стягивается прямо за нимъ. Поэтому принцъ, по прежнему, считалъ необходимымъ удержаться у Заальфельда. Тутъ прусскій авангардъ былъ застигнутъ наступившими французами и разбитъ; самъ принцъ Людовикъ палъ въ конной схваткѣ.

Пораженіе авангарда арміи Гогенлоэ само по себѣ не представляло для прусаковъ ничего особо серьезнаго и опаснаго. Однако, неудача эта, при первой встрѣчѣ съ противникомъ, связанная со смертью принца Людовика, произвела на прусаковъ и ихъ начальниковъ удручающее впечатлѣніе. Къ этому невыгодному впечатлѣнію присоединились еще и лишенія, коимъ подверглась прусскія войска, не успѣвшія притянуть обозовъ, оставленныхъ Гогенлоэ на другомъ берегу р. Заалы въ ожиданія сосредоточенія тамъ прусскихъ силъ. Такимъ образомъ, въ немногіе еще дни до рѣшительныхъ встрѣчъ

*

при Іенѣ и Ауэрштетѣ, 14-го октября, прусаки пошатнулись нравственно и физически.

Понятно, что всего этого не было бы, если бы въ арміи князя Гогенлоэ не преслѣдовались «свои» особыя цѣли и не дѣлались распоряженія на свою руку. Если бы князь исполнилъ приказаніе, то провіантскія его телѣги перешли бы, въ свое время, свободно съ праваго берега Заалы на лѣвый и не попали бы въ омутъ двигавшихся войскъ и обозовъ, не допустившихъ провіантскихъ колоннъ къ голодавшимъ войскамъ.

Съ другой стороны, принцъ Людовикъ не имѣлъ бы никакой надобности дать сраженіе у Заальфельда, имѣя въ тылу у себя прямой свободный путь отступленія, на свою армію къ Хохдорфу (Рудольштатъ), предполагая, конечно, то, что Гогенлоэ сосредоточилъ бы ее тамъ согласно полученному приказанію.

Современный намъ извѣстный военный писатель принцъ Гогенлоэ старается выгородить бывшаго командира арміи. Онъ въ своихъ «стратегическихъ письмахъ» говоритъ, что въ общемъ военномъ совѣтѣ (въ главной королевской квартирѣ), предшествовавшемъ распоряженіямъ на 9-е и 10-е октября, принцъ Гогенлоэ стоялъ за перенесеніе операций (наступленій) на правый берегъ р. Заалы. Предложеніе это, правда, не было тогда принято, но и не отвергнуто окончательно; напротивъ того, оно было, такъ сказать, теоретически одобрено, хотя вопросъ объ «исполненіи» остался открытымъ. Такимъ образомъ, рассуждаетъ авторъ «стратегическихъ писемъ», князь Гогенлоэ могъ надѣяться, что предложеніе его въ концѣ концовъ будетъ еще принято къ исполненію. Наконецъ, важно и то, что въ распоряженіяхъ, опредѣлявшихъ передвиженія 9-го и 10-го октября, «цѣль ихъ указана не была». Выгораживая такимъ образомъ командира арміи, авторъ прямо обвиняетъ его начальника штаба, Массенбаха, въ завѣдомомъ преслѣдованіи «своихъ цѣлей», т. е. въ противодѣйствіи видамъ и намѣреніямъ главнокомандовавшаго. Вотъ что говоритъ Гогенлоэ по этому поводу:

«Подлежитъ безусловному порицанію намѣреніе Массенбаха перетянуть всѣ прусскія силы за р. Заалу, вопреки воли главнокомандовавшаго, посредствомъ перехода войскъ Гогенлоэ за эту рѣку. Подчиненный начальникъ, дѣлаясь самостоятельнымъ въ мѣрѣ удаленія отъ главнокомандующаго, на столько можетъ отступать отъ полученныхъ приказаній, на сколько дѣйствительная обстановка разнится отъ предполагаемой главнокомандующимъ. При томъ, видоизмѣненія должны согласоваться съ извѣстными общими видами и

намъ вѣреніями старшаго, иначе произойдутъ напрасныя передвиженія, неувѣренность и сумятица. Младшій не смѣетъ дѣйствовать противъ выраженной воли старшаго, а еще менѣе—вынуждать его измѣнять свои предначертанія».

Другой аналогичный примѣръ представляетъ самовольное, несогласованное съ общей обстановкой и видами главнаго начальника наступленіе генерала Штейнмеца на р. Саару, въ самомъ началѣ Франко-Прусской войны 1870 года.

Нѣмецкій главнокомандовавшій въ кампанію 1870 года вѣрно рассчиталъ, что онъ въ короткое, точно впередъ опредѣленное, время успѣетъ собрать на границѣ Франціи значительно превосходныя силы. Поэтому нѣмецкій главнокомандовавшій, естественно, избѣгалъ всякихъ поводовъ къ частнымъ встрѣчамъ и не желалъ открывать дѣйствій до полнаго подхода и готовности своихъ трехъ армій, изъ коихъ 1-я—генерала Штейнмеца и 2-я—принца Фридриха-Карла должны были дѣйствовать рядомъ и совмѣстно.

Генералъ Штейнмецъ, съ своей стороны, по своему толкуя общее положеніе дѣлъ, полагалъ, что армія его (правофланговая по отношенію къ остальнымъ) должна образовать «наступательное крыло» нѣмецкаго стратегическаго фронта, а потому онъ желалъ быть все время уступомъ впереди 2-й арміи. Въ началѣ сосредоточенія оно такъ и было по естественному ходу дѣлъ. Армія генерала Штейнмеца первоначально состояла изъ двухъ ближайшихъ по расположенію своему корпусовъ прирейнскихъ, которые понятно сосредоточились ранѣе войскъ 2-й арміи, состоявшей изъ сѣверо-германскихъ корпусовъ, и косвенно прикрывали подходъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, для выравниванія общаго фронта обѣихъ армій, пришлось вначалѣ нѣкоторое время задерживать 1-ю армію на мѣстѣ, а потомъ умѣрять ея движеніе впередъ, сообразно успѣху движенія войскъ 2-й арміи.

Штейнмецъ, игравшій столь видную роль при самомъ началѣ Богемской кампаніи 1866 года, съ крайнимъ нетерпѣніемъ переносилъ всѣ задержки, коими главнокомандовавшій согласовалъ движенія обѣихъ армій. Когда же двѣ отдѣльныя кавалерійскія дивизіи отъ 2-й арміи по настоянію генерала Мольтке выдвинуты были довольно далеко передъ фронтъ ея, то Штейнмецъ вообразилъ, что онъ 2-ю армію можетъ быть затерть совершенно во вторую линію. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Штейнмецъ, 5-го августа, вступилъ въ объясненіе съ главною королевскою квартирою, испрашивая себѣ «директивы», въ предѣлахъ коихъ онъ могъ бы дѣйствовать болѣе

самостоятельно. Но вслѣдъ за тѣмъ изъ случайно добытой диспозиціи по сосѣднему 3-му корпусу отъ 2-й арміи Штейнмецъ узналъ, что означенный корпусъ предполагаетъ на слѣдующій день, 6-го августа, выдвинуть авангардъ къ Дудвейлеру, версть семь не доходя города Саарбрюкена, лежавшаго на пограничной рѣкѣ Саарѣ.

Не дождавшись отвѣта главной королевской квартиры, Штейнмецъ рѣшилъ опередить войска 2-й арміи и на другой день, 6-го августа, занять Саарбрюкенъ, такъ сказать, передъ ея носомъ, несмотря на то, что по недавнему до того разъясненію, со стороны главной королевской квартиры, путь Дудвейлеръ — Саарбрюкенъ принадлежалъ «исключительно» 2-й арміи.

Занятіе Саарбрюкена, лежащаго на лѣвомъ, нѣмецкомъ берегу рѣки Саара, по случайному стеченію обстоятельствъ, не привело бы быть можетъ само по себѣ къ столкновенію съ французами, въ теченіе 6-го августа, такъ какъ послѣдніе какъ разъ начали отходить отъ р. Саары; но ближайшій поводъ къ нежеланному для нѣмецкихъ главнокомандовавшихъ сраженію подалъ генераль Камеке, начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи, выдѣлившей авангардъ для занятія Саарбрюкена.

Опередивъ свой авангардъ, генераль Камеке, рано утромъ, 6-го августа, рекогносцировалъ окрестности Саарбрюкена. Ему показалось, что французы отступаютъ и что «только слабыя ихъ силы занимаютъ еще Шпихернскія высоты, вѣроятно прикрывая посадку на желѣзнодорожной станціи Форбахъ». Обо всемъ этомъ Камеке донесъ по начальству, испрашивая разрѣшенія завладѣть помянутыми Шпихернскими высотами. Командиръ корпуса, генераль Цастровъ, отвѣтилъ нѣсколько уклончиво, но, впрочемъ, рационально (не зная навѣрно обстановки), «чтобы Камеке дѣйствовалъ по усмотрѣнію». Этимъ, согласно принципу самостоятельности частныхъ начальниковъ и широко довѣрительной командной системѣ нѣмцевъ, вся отвѣтственность и вмѣстѣ съ тѣмъ, вся заслуга падала на долю Камеке. Штейнмецъ, съ своей стороны, заявилъ, что «надо наказать непріятеля за его оплошность и въ интересѣ 2-й арміи воспрепятствовать ему занять обратно покинутую имъ позицію лѣваго берега р. Саары. Надо даже попытаться помѣшать посадкѣ противника у Форбаха, прикрытую, какъ доносятъ, слабо».

Извѣстно, что вмѣсто ожидаемыхъ слабыхъ силъ, дивизія Камеке наткнулась на цѣлый французскій корпусъ генерала Фроссара, въ составѣ трехъ дивизій пѣхоты, который легко могъ быть поддержанъ четырьмя дивизіями корпуса маршала Базена. Извѣстно и то,

что французскіе начальники (корпуса Базена) не поддержали бывшихъ въ бою товарищей, между тѣмъ какъ къ Камеке поспѣшили на выручку разныя части отъ трехъ корпусовъ, двухъ различныхъ армій. Прусаки, хотя и съ значительными потерями, сильно при томъ разстроенные и перемѣшанные, въ концѣ концовъ все-таки одержали верхъ надъ французами. Однако, успѣхомъ своимъ прусаки, независимо отличной распорядительности частныхъ начальниковъ своихъ, обязаны, главнымъ образомъ, бездѣятельности французскихъ начальниковъ (корпуса Базена), которые упустили случай двойными почти силами нанести полное пораженіе прусакамъ, безъ нужды выскочившимъ было передъ общій свой стратегическій фронтъ. Наконецъ, прусаки даже не пожали плодовъ дорого ими купленной побѣды, такъ какъ не были въ состояніи, не медля, преслѣдовать противника; бывшія въ бою войска ихъ слишкомъ были для этого разстроены, а остальные еще не подошли. Общее наступленіе нѣмцевъ съ линіи р. Саары началось все-таки только 9-го числа, въ срокъ, впередъ еще опредѣленный главнокомандовавшимъ, а именно тогда, когда подравнялись головные корпуса обѣихъ армій.

Такимъ образомъ, самовольныя, на свою руку, дѣйствія командира 1-й нѣмецкой арміи, несогласованныя и частью прямо идущія въ разрѣзъ съ видами и предначертаніями главнокомандовавшаго, съ одной стороны поставили часть прусскихъ войскъ въ крайне невыгодное и опасное положеніе, а съ другой, даже при случайной, можно сказать удачѣ, все-таки не принесли надлежащей пользы. Послѣднее вполнѣ понятно, такъ какъ надлежащую пользу можно извлечь только изъ сраженій, стратегически осмысленныхъ и соотвѣтственно подготовленныхъ.

Генералъ-лейтенантъ К. Войде.

РАВНЕНІЕ КАВАЛЕРІИ.

Въ одной изъ статей своихъ, по вопросу о стрѣльбѣ съ коня ⁽¹⁾, авторъ «бесѣдъ о конницѣ», описывая опыты на Кавказѣ, говоритъ: «На первыхъ же занятіяхъ было указано офицерамъ быть передъ правофланговыми унтеръ-офицерами (кромѣ командира 4-го взвода, которому мѣсто передъ лѣво-фланговымъ унтеръ-офицеромъ); такой порядокъ устраняетъ необходимость ухода за фронтъ офицеровъ: по командѣ «пальба эскадрономъ», офицеры осаживаютъ своихъ лошадей и становятся на мѣсто унтеръ-офицеровъ, а послѣдніе осаживаютъ за фронтъ».

Благодаря такому разрѣшенію вопроса, по мнѣнію автора, «легко устраняются мелочныя затрудненія», къ числу которыхъ онъ относитъ, между прочимъ, и «уходъ офицеровъ за фронтъ»; невозможнымъ онъ считаетъ, повидимому, и вопросъ о мѣстѣ кавалерійскаго офицера въ строю, судя по тому, какъ онъ его разрѣшаетъ въ своей бесѣдѣ.

Въ дѣйствительности, мѣсто кавалерійскаго офицера въ строю имѣетъ большое значеніе, такъ какъ отъ болѣе или менѣе удачнаго выбора его зависитъ сомкнутость, подвижность и гибкость кавалерійскаго строя; вопросъ этотъ (о мѣстѣ начальника и неразрывно связанный съ нимъ—о равеніи и направленіи кавалерійскаго строя) прекрасно разрѣшенъ уставомъ французской кавалеріи ⁽²⁾, съ выдержками изъ котораго по интересующему насъ вопросу мы и имѣемъ въ виду познакомить читателей, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе того же вопроса нашимъ уставомъ, какъ увидимъ ниже, едва ли можетъ быть признано правильнымъ.

(1) «Русскій Инвалидъ». 1891 г., № 237-й.

(2) Позволяемъ себѣ обратить вниманіе интересующихся подготовкой кавалеріи на этотъ выдающійся, по своимъ достоинствамъ, уставъ «Reglement sur les exercices de la cavalerie».

«Мѣсто начальника въ кавалерійскомъ строю очень важно для хорошаго исполненія движенія и выборъ его долженъ быть тщательно обсужденъ», говорить въ своемъ рапортѣ военному министру комисія, пересматривавшая въ 1876 году французскій кавалерійскій уставъ ⁽¹⁾, и мнѣніе это она неотступно кладетъ въ основаніе всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ разсужденій и указаній по разбираемому ею вопросу. Математически вѣрно, продолжаетъ она, что сомкнутости длинной развернутой линіи можно достигнуть параллельностью и одинаковой быстротой движенія лошадей; отсюда правила, преобладавшія въ уставѣ 1829 года. Условія эти дѣйствительно исполнимы, когда линія двигается въ строго опредѣленномъ направленіи, перпендикулярномъ фронту; но если направленіе мѣняется, что неизбежно при дѣйствительной атакѣ претивъ подвижнаго противника, то перемѣна направленія движенія, согласно нашимъ старымъ заблужденіямъ, не можетъ исполняться линіей иначе, какъ послѣдовательно при помощи чувства стремени, съ соблюденіемъ правила, согласно котораго всадники должны уступать давленію со стороны фланга равенія. Давленіе это, первоначально легкое, становится все сильнѣе и сильнѣе, вызывая колебанія и разрывы линіи; еще хуже то обстоятельство, что всякая перемѣна направленія, при существованіи этихъ правилъ, можетъ быть исполнена только послѣдовательно, а потому и медленно. Совершенно ошибочно старались при этомъ примѣнить правила, принятыя для движенія пѣхотнаго фронта, признаваемые тамъ удовлетворяющими своему назначенію: чувству локтя пѣхотинца способствуетъ ровный шагъ, тогда какъ чувство стремени въ кавалеріи, на быстрыхъ аллюрахъ и при неровномъ ходѣ лошадей, скорѣе фикція, чѣмъ дѣйствительность. Задача быстрого и сомкнутаго движенія кавалерійскихъ линій въ желаемомъ и перемѣнномъ направленіи разрѣшается созданіемъ (вмѣсто давленія по фронту со стороны равенія) маяка, видимаго постоянно и одновременно всѣми всадниками; для достиженія этого необходимо *«ведущаго фронта»* поставить на виду, вѣдъ линіи фронта, такъ чтобы его видѣли всѣ люди: вотъ почему командиры взводовъ должны *«вести»* свои части, стоя передъ ихъ фронтомъ».

«Командиры взводовъ направляютъ свое движеніе съ движе-

(1) Рапортъ этотъ, выражающій взглядъ комисіи на подготовку кавалеріи, служить поясненіемъ устава и опредѣляетъ степень требованій, которыми должны быть предьявлены частямъ. Выдающіяся достоинства этого рапорта повлекли за собою дословную перепечатку его въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ, разрѣшенную военнымъ министромъ по ходатайству комисіи 1882 года.

ніемъ командира эскадрона, при посредствѣ командира 2-го взвода; командиры эскадроновъ—съ движеніемъ командира полка, при посредствѣ командира 2-го эскадрона; наконецъ, командиръ полка есть общій и независимый руководитель фронта; ему помогаютъ въ этомъ дивизионеры. При такихъ условіяхъ самыя длинныя линіи могутъ извиваться, какъ угодно, и, конечно, никто не будетъ отрицать, что при атакѣ, ведомой быстрымъ аллюромъ противъ подвижной цѣли, командиръ полка можетъ направлять свою часть чѣмъ либо инымъ, кромѣ движенія своего коня: передача приказаній на фланги и выжиданіе медленнаго исполненія перемѣны фронта здѣсь немислимы. Правила эти безусловно неоспоримы при дѣйствительной атакѣ, а слѣдовательно и при всякомъ движеніи развернутымъ фронтомъ, такъ какъ построеніе это предназначается для боя, а не для движенія; признавая, однако, необходимымъ въ извѣстныхъ случаяхъ (въ особенности во время обученія) не приковывать начальниковъ частей къ строго опредѣленному мѣсту, командирамъ полка и эскадроновъ предоставлена возможность оставлять эти мѣста, когда они то признають необходимымъ».

По вопросу о равенніи комисія выражается такъ: «Равненіе, чуждое всего показнаго, параднаго, чрезвычайно важно въ кавалеріи и при томъ на ходу несравненно болѣе, чѣмъ на мѣстѣ. Новый уставъ отбросилъ привычку выравнивать часть послѣ каждой остановки, исходя изъ того, что равенніе должно быть постоянно, не выжидая на то особой команды, и не должно теряться при движеніи. Такъ какъ выравниваніе на мѣстѣ заключается въ примѣненіи правилъ, данныхъ для движенія развернутаго строя, то и результаты должны быть одинаковы въ обоихъ случаяхъ, и если правила эти удовлетворяютъ требованіямъ несравненно болѣе важнаго и труднаго равеннія въ движеніи, то, естественно, они должны быть приняты и для менѣ важнаго и болѣе легкаго выравниванія на мѣстѣ. На этомъ основаніи на мѣстѣ принято также равенніе на середину, и установлено, что часть при остановкѣ должна выравниваться сама, безъ всякой на то команды».

Давая въ томъ же рапортѣ поясненія къ уставу эскадроннаго ученія, комисія говоритъ: «Относительная независимость частей истекаетъ изъ принципа, согласно которому офицеръ *«ведетъ»* свою часть; такимъ образомъ взводы въ эскадронѣ, а эскадроны въ полку, должны соображаться съ каждымъ движеніемъ своихъ командировъ; послѣдніе, будучи увѣрены, что часть слѣдуетъ за ними, приобрѣтають возможность направлять ихъ къ желаемой точкѣ, въ строю, наиболѣе

соотвѣтствующему мѣстности, не заботясь о соблюденіи какихъ либо правилъ, кромѣ выбора кратчайшаго пути».

Таковыя принципиальныя соображенія комисіи по интересующему насъ вопросу; разсмотрѣнію примѣненія ихъ на практикѣ мы предположимъ краткія свѣдѣнія о мѣстахъ чиновъ въ развернутомъ строю кавалерійскаго французскаго полка, сдѣлавъ это только по отношенію чиновъ, насъ интересующихъ, т. е. «*ведущихъ*» свои части («*guides*»).

Чины эти распределяются слѣдующимъ образомъ:

Впереди полка, на эскадронной дистанціи, передъ эскадронномъ направленіи—*командиръ полка*.

Дивизионеры—противъ середины своихъ дивизионовъ, на высотѣ эскадронныхъ командировъ.

Командиры эскадроновъ на полу-эскадронной дистанціи передъ серединой своихъ эскадроновъ.

Командиры взводовъ—передъ серединой своихъ взводовъ, въ разстояніи 1½ метровъ отъ 1-й шеренги; средину взвода обозначаетъ *ефрейторъ* или *кавалеристъ 1-ю разряда*.

Признавая серьезное значеніе въ строю эскадрона и отводя ему довольно самостоятельное положеніе, французскій уставъ посвящаетъ его подготовкѣ особенное вниманіе⁽¹⁾, исходя изъ того, что взводъ является первымъ звеномъ строя, безъ основательной подготовки котораго не могутъ быть достигнуты серьезные успѣхи обученія и болѣе крупныхъ частей.

Неуклонно слѣдуя приведеннымъ выше принципамъ, уставъ взводнаго ученія требуетъ, чтобы обучающій, приступая къ обученію взвода, назначилъ прежде всего ефрейтора, обозначающаго его средину, а на мѣсто себя, разъ не стоитъ передъ взводомъ, а обучаетъ его, поставилъ унтеръ-офицера, на котораго возлагается «*вести*» взводъ въ то время, какъ обязанность центрального ефрейтора заключается въ неотступномъ слѣдованіи за «*ведущимъ*» взводъ, съ сохраненіемъ указанной дистанціи; для укорененія въ людяхъ привычки слѣдовать за своимъ командиромъ, уставъ указываетъ слѣдующіе приемы:

1) «Упражняють взводъ въ выравниванія за командиромъ въ любомъ положеніи послѣдняго, съ цѣлью показать части, что *положеніе взвода всегда опредѣляется мѣстомъ, занятымъ командиромъ взвода* и направленіемъ его «лошади» (§ 320)-

2) «Чтобы утвердить въ кавалеристахъ привычки всюду и всегда

(1) Уставъ взводнаго ученія 37 страницъ, эскадроннаго — 30 страницъ, полковаго — 42 страницъ (включая сюда и ученія въ пѣшемъ и спѣшенномъ строюхъ).

слѣдовать за командиромъ и быстро возстановлявать фронтъ изъ безпорядка, обучающій двигаетъ взводъ галопомъ и затѣмъ командуетъ: «по одному, кругомъ». По этой командѣ всадники останавливаются и поворачиваются налѣво кругомъ; «*ведущій*» взводъ быстро исполняетъ тотъ же поворотъ, проскакиваетъ черезъ взводъ, чтобы стать впереди его, и двигается въ направленіи, перпендикулярномъ или облическомъ къ прежнему направленію фронта; всадники слѣдуютъ при этомъ за нимъ группами». «Когда «*ведущій*» взводъ сдѣластъ нѣсколько сотъ шаговъ въ новомъ направленіи, обучающій подастъ команду «сборъ», по которой «*ведущій*» взводъ вновь поворачивается кругомъ, проскакиваетъ группы всадниковъ въ обратномъ направленіи и двигается впередъ; по той же командѣ всадники поворачиваются кругомъ и возможно быстро собираются во взводъ за командиромъ, отъ котораго принимаютъ алюръ». Подготовленный такимъ путемъ взводъ долженъ, какъ того требуетъ уставъ, при всѣхъ переѣмахъ направленія «слѣдовать за своимъ командиромъ безъ команды, соображаясь съ его движеніемъ, и только тогда онъ считается обученной частью.

Уставъ эскадроннаго коннаго ученія начинается съ повторенія указанія, что «командиръ эскадрона *ведетъ*» эскадронъ, держась передъ его серединой въ разстояніи $\frac{1}{2}$ эскадрона; ниже, давая детальныя правила фронтальнаго движенія развернутаго эскадрона, уставъ вновь подтверждаетъ это требованіе и дополняетъ его слѣдующими указаніями: «Командиръ втораго взвода соображаетъ свое движеніе такимъ образомъ, чтобы все время центръ эскадрона слѣдовалъ за командиромъ эскадрона на установленной дистанціи; командиры остальныхъ взводовъ равняются по командиру втораго взвода и держатъ интервалъ къ его сторонѣ». Не желая, какъ сказано выше, приковывать безусловно командира эскадрона къ строго опредѣленному мѣсту, уставъ даетъ ему извѣстную свободу, считая, однако, такое отступленіе отъ общаго правила исключеніемъ; «если командиръ эскадрона, говоритъ онъ, желаетъ *на время* оставить свое мѣсто передъ серединой эскадрона, то онъ указываетъ громкимъ голосомъ направленіе командиру 2-го взвода, который тогда и *ведетъ* эскадронъ. Если направленіе это уже извѣстно, то командиръ эскадрона ограничивается знакомъ сабли и становится свободенъ въ своихъ движеніяхъ. При заѣздѣ кругомъ командиръ эскадрона становится передъ новымъ фронтомъ, проскакивая для этого между средними взводами».

Выдержки изъ эскадроннаго устава мы позволимъ себѣ закончить правилами, даваемыми для быстраго развертыванія слѣдующаго въ

походной колоннѣ эскадрона въ любомъ направленіи, за командиромъ эскадрона. «Для этой цѣли, говоритъ § 411, командиръ эскадрона направляется къ точкѣ, у которой хочетъ построить эскадронъ; достигнувъ ее, онъ переходитъ въ шагъ и подаетъ команду «сборъ». По этой командѣ командиры взводовъ, повторивъ ее, рысью (или галопомъ, если scomандовано) направляются на свои мѣста. Взводы слѣдуютъ за ними «вольно», какъ сказано во взводномъ ученіи, и строятся за командирами, входя въ линію».

Переходя къ полковому ученію и преслѣдуя намѣченную въ рапортѣ комисіи «цѣль» уничтожить каскадъ безконечно повторяемыхъ командъ, уставъ даетъ слѣдующія указанія относительно направленія (1). «При построеніи полка развернутымъ фронтомъ, въ линіи колоннъ или въ резервной колоннѣ эскадрономъ направленія считается стоящій правѣ центра, если число эскадроновъ четное, и эскадронъ центра, когда оно нечетное. Если командиръ полка пожелаетъ назначить, *въ видѣ исключенія*, эскадрономъ направленія другой эскадронъ, то онъ *командуетъ*: «направленіе по такому-то эскадрону». Относительно движенія полка развернутымъ фронтомъ уставъ устанавливаетъ слѣдующія правила: «Командиръ полка выбираетъ точку направленія, возможно болѣе удаленную, и указываетъ ее громкимъ голосомъ командиру эскадрона направленія, который направляется прямо на нее. Командиры остальныхъ эскадроновъ двигаются тѣмъ же аллюромъ, въ параллельномъ движеніи командира эскадрона равенія направленія, сохраняютъ интервалы къ его сторонѣ и равняются съ нимъ. Когда командиръ полка самъ *ведетъ* полкъ, то командиръ эскадрона направленія слѣдуетъ строго за нимъ, въ разстояніи полуэскадрона. Если командиръ какого либо эскадрона замѣтитъ, что потерялъ интервалъ, то исподволь исправляетъ направленіе... «нормальный интервалъ между эскадронами 12 метровъ, но онъ можетъ быть, по усмотрѣнію командира полка, измѣненъ въ зависимости отъ обстоятельствъ».

Итакъ, въ основу своихъ указаній по занимающему насъ вопросу, французскій уставъ кладетъ совершенно вѣрное соображеніе, что «выборъ мѣста начальника имѣетъ капитальное значеніе для хорошаго исполненія движеній», выливающееся, при проведеніи его въ жизнь, постановкой начальниковъ, отъ командира полка до коман-

(1) Интересный и безусловно вѣрный, между прочимъ, взглядъ на употребленіе сигналовъ проводитъ уставъ: онъ разрѣшаетъ пользоваться ими только тогда, «когда полкъ маневрируетъ отдѣльно и вдали отъ противника».

дира взвода, передъ средней командуемой имъ части, съ возложеніемъ на нихъ обязанности *«вести»* вѣренныя имъ части. Последнее выражается въ томъ, что командиръ полка, находящійся передъ серединой эскадрона направленія, *«ведетъ»* полкъ при посредствѣ эскадронныхъ командировъ, которые *«ведутъ»* свои части при посредствѣ командировъ взводовъ, *«ведущихъ»*, въ свою очередь, свои взводы при посредствѣ неотступно за ними слѣдующихъ сфрейторовъ, обозначающихъ центръ взводовъ.

Преимущества такого порядка очевидны и заключаются въ слѣдующемъ: 1) части самымъ ходомъ обученія приучаются всюду и всегда слѣдовать за своими командирами, что даетъ въ руки начальниковъ могучій рычагъ—личный примѣръ, лучшее средство управленія въ бою; 2) достигается гибкость, поворотливость частей, не затрудняемая длинными командами: достаточно командиру, *«ведущему»* свою часть, измѣнить направленіе, чтобы за нимъ, безъ всякой на то команды, измѣнилъ его и *«ведомый»* имъ фронтъ; 3) достигается сомкнутость строя, такъ какъ каждый изъ эскадроновъ смыкается къ срединѣ, а не къ флангу, причемъ ведетъ его не флаговый офицеръ (или даже унтеръ-офицеръ), а опытный командиръ эскадрона, вслѣдствіе чего въ строю полка устраняются разрывы и колебанія фронта, неизбѣжныя, какъ увидимъ ниже, при равненіи къ флангу, и 4) въ людяхъ вырабатываются привычка смотрѣть впередъ, а не къ сторонѣ фланга, для подравниванія (ведущаго обыкновенно къ разравниванію и колебанію строя), что даетъ имъ возможность слѣдить за происходящимъ передъ ихъ глазами, участвовать осмысленно въ маневрѣ, видѣть впередилежащую мѣстность и препятствія, лежащія на ихъ пути.

Повидимому, французскій уставъ сковываетъ начальниковъ, указывая командирамъ полка и эскадроновъ строго опредѣленное мѣсто; но неудобство это только кажущееся: выше мы видѣли, что никто не мѣшаетъ самостоятельному начальнику (при дѣйствіяхъ полка—командиру полка, при дѣйствіяхъ эскадрона—командиру эскадрона) оставить, напримѣръ: для рекогносцировки, назначенное ему мѣсто, указавъ, для движенія, точку направленія. Направивъ, такимъ образомъ, вѣренную ему часть, начальникъ быстро выдвигается впередъ, лично рекогносцируетъ мѣстность и противника и ко времени подхода части принимаетъ соотвѣтствующее рѣшеніе: разъ рѣшено атаковать, и часть подошла, онъ становится во главѣ ея, и, пользуясь выработанной въ частяхъ всей мирной жизнью незамѣнимой привычкой, слѣдовать всегда и всюду за командиромъ, *«ведетъ»* ее къ

намѣченной цѣли. При дѣйствіяхъ полка связаны эскадронные командиры, *«ведущіе»* свои эскадроны, и обязанные по этому быть на строго определенныхъ мѣстахъ; но, во-первыхъ, кому же и *«вести»* эскадроны, какъ не командирамъ, а во-вторыхъ, разъ впереди командиръ полка, командирамъ эскадроновъ нѣтъ никакой надобности выѣзжать впередъ и оставлять свои эскадроны, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, они являются только исполнителями приказаній командира полка и самостоятельностью не пользуются.

Обратимся теперь къ указаніямъ на тотъ же предметъ нашего устава.

Инструкція для веденія занятій въ кавалеріи (§§ 86, 92, 93, 100, 101) совершенно вѣрно отбѣняетъ важность для кавалерійской части умѣнья двигаться развернутымъ строемъ всѣми аллюрами, не теряя направленія, не стѣсняясь и не разрываясь. *«Сначала, говоритъ § 92, нужно обучить эскадронъ движеніямъ въ развернутомъ строѣ въ направленіи, перпендикулярномъ первоначальному направленію фронта, разными аллюрами»*. *«Первоначально, гласитъ § 100, слѣдуетъ обучать полкъ стройному и спокойному движенію въ развернутомъ строѣ и линіи взводныхъ колоннъ на полныхъ интервалахъ...»* *«При обученіи (продолжаетъ § 101) обращать вниманіе на слѣдующее: а) при обученіи движенію развернутымъ фронтомъ слѣдуетъ обращать возможно больше вниманія на то, чтобы эскадронъ направленія твердо держалъ указанное ему направленіе, а каждый эскадронъ вѣрно схватывалъ это направленіе, твердо держалъ его и не гнался бы за педантическимъ соблюденіемъ интерваловъ. Также не слѣдуетъ особенно стремиться за соблюденіемъ педантически точнаго равенія по фронту. Держанію всѣми эскадронами вѣрнаго направленія и движенію ихъ равнымъ, спокойнымъ и вѣрнымъ аллюромъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе передъ стремленіемъ добиваться мелочнаго равенія»*.

Осуществленіе этихъ требованій Инструкція встрѣчаетъ, къ сожалѣнію, не малыя затрудненія въ неправильныхъ указаніяхъ о равеніи, даваемыхъ строевыми уставами нашей конницы, кладущихъ въ основаніе этихъ указаній *«математически вѣрное»*, но непримѣнимое на боевомъ полѣ ученіе о сохраненіи сомкнутости строя *«параллельностью и одинаковой быстротой движенія лошадей»*. На мѣстѣ *«въ шеренгахъ коннаго строя, говоритъ § 253 части 1-й, каждый человекъ равняется по товарищу, находящемуся возлѣ него со стороны равенія»*... *«лошади должны быть поставлены перпендикулярно къ линіи фронта и параллельно одна другой, а люди—чув-*

ствовать стремениемъ товарищей своихъ со стороны равненія». «Чтобы шеренга могла съ вѣрностью идти впередъ по прямому направленію, гласить § 272, назначается предварительно, въ которую сторону ей равняться командою: равненіе *направо*, или *нальво*»... «Какимъ бы алюромъ фронтъ не подавался, продолжаетъ § 274, слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы люди вели лошадей въ одинаково ровномъ и отчетливомъ размѣрѣ, опредѣленномъ для каждаго алюра»... «Основаніе равненія на ходу, заключаетъ § 275, служить унтеръ-офицеръ, находящійся на томъ флангѣ, на который назначено равненіе. Вѣрность направленія вполнѣ зависитъ отъ унтеръ-офицера, находящагося на флангѣ равненія»... Наконецъ, § 277 гласить: «При движеніи въ прямомъ направленіи, какъ сомкнутою, такъ и разомкнутою шеренгою, каждый человѣкъ долженъ смотрѣть прямо впередъ, между ушей своей лошади, взглядывать на товарища со стороны равненія, держать плечи ровно и вести лошадь по прямому направленію. Обучающій наблюдаетъ, чтобы люди уравнивали скорость хода лошадей по ходу фланга равненія, слѣдовали каждый по направленію линіи, перпендикулярной къ ихъ груди, а если идутъ разомкнутою шеренгою, то чтобы интервалы между людьми сохранены были въ точности, а при движеніи сомкнутою шеренгою—чтобы люди чувствовали стремениемъ товарища со стороны равненія». «Если люди стѣснились, то раздаваться отъ фланга равненія, а если они разорвались, то смыкаться къ флангу равненія; въ обоихъ случаяхъ плавно подаваясь больше впередъ, нежели въ сторону. Уступать натиску, происходящему отъ фланга равненія, и удерживать оный, когда налегаютъ съ противоположной стороны, должно для того чтобы не сбить съ линіи направленія «унтеръ-офицера, находящагося на флангѣ равненія».

Приведенныя выше указанія устава шереножнаго ученія уставъ взводнаго ученія дополняетъ постановкой бомандира взвода передъ средину взвода, не связывая, однако, органически командира съ командуемой частью, какъ то дѣлаетъ французскій уставъ, а оставляя равненіе къ флангу, съ вытекающей отсюда отвѣтственностью фланговаго унтеръ-офицера за направленіе, равненіе и вѣрность алюра, какъ то установлено § 275. Это ошибочное указаніе красной нитью проходитъ чрезъ всѣ послѣдующія части нашего устава и является главнымъ препятствіемъ къ осуществленію вполнѣ правильныхъ, приведенныхъ нами выше, требованій «Инструкціи». Какъ извѣстно, § 9 части 2-й нашего устава предоставляетъ командиру эскадрона находиться, гдѣ ему угодно, а командировъ фланговыхъ взводовъ ста-

вить въ развернутомъ фронтѣ на фланги и не возлагаетъ на нихъ обязанности «вести» свои части въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ французскій уставъ, дѣлая даже самое мѣсто послѣднихъ передъ флангомъ не постояннымъ, а переменнымъ. § 56 той же части устава, относительно равенія на мѣстѣ, говорится слѣдующее:

«Основною точкою равенія, при равеніи направо, служить командиръ взвода, стоящаго на правомъ флангѣ, а при равеніи налево—командиръ взвода, стоящаго на лѣвомъ флангѣ эскадрона. По командиру взвода выравниваются всѣ офицеры, находящіеся передъ фронтомъ. Первая шеренга беретъ отъ нихъ дистанцію въ одинъ шагъ и при равеніи направо выравнивается на правофланговаго, а при равеніи налево—на лѣвофланговаго унтеръ-офицера въ эскадронѣ»... § 63 дополняетъ эти указанія, относительно равенія на мѣстѣ, слѣдующими правилами, для движенія развернутаго строя:

1) «строй долженъ вѣрно держать данное ему направленіе; линія фронта и направленіе движенія должны быть перпендикулярны; должно быть соблюдено равеніе, какъ по шеренгамъ, такъ и по рядамъ въ затылокъ»; 2) «выполненіе этихъ правилъ должно быть основано, главнымъ образомъ, на соблюденіи всѣми чинами вѣрнаго направленія и вѣрнаго и ровнаго алюра. Мелочнаго равенія по линіи фронта, постояннымъ взглядываніемъ къ флангу равенія, слѣдуетъ избѣгать»; 3) «ближайшая отвѣтственность за держаніе вѣрнаго направленія и соблюденіе вѣрнаго алюра лежитъ: при движеніи впередъ, а также при движеніи назадъ послѣ заѣзда по-взводно кругомъ—на командирѣ взвода фланга равенія; унтеръ-офицеръ фланга равенія долженъ соображать свои движенія съ движеніемъ означеннаго командира. При движеніи назадъ, послѣ поворота отдѣленіями кругомъ, обязанность эта лежитъ на фланговомъ унтеръ-офицерѣ фланга равенія»; 4) «командиры взводовъ и прочіе офицеры, находящіеся передъ фронтомъ, должны равняться и соблюдать правильность направленія по командиру взвода фланга равенія. Тоже должны соблюдать замыкающіе унтеръ-офицеры при движеніи строя послѣ поворота отдѣленіями кругомъ»; 5) «строй долженъ держать надлежащую дистанцію отъ находящихся передъ фронтомъ офицеровъ (или унтеръ-офицеровъ), а всѣ люди въ шеренгахъ должны всегда имѣть легкое чувство стремленія къ сторонѣ фланга равенія»; 6) «въ случаѣ образовавшихся разрывовъ или стѣсненій, происходящихъ отъ неправильности движенія людей или отъ вызваннаго необходимою принятія фланга равенія, слѣдуетъ: при разрывѣ—смыкаться къ флангу равенія, а при стѣсненіи—раздаваться отъ

этого фланга; въ обоихъ случаяхъ такія исправленія слѣдуетъ дѣлать постепенно, плавно и безъ суеты, подаваясь болѣе впередъ, чѣмъ въ стороны».

Приведенныя выше правила грѣшатъ двойственностью: фронту указывается равняться по фланговому унтеръ-офицеру и въ то же время держать надлежащую дистанцію отъ находящихся передъ фронтомъ офицеровъ; «математически» это вполнѣ вѣрно—если офицерская линія хорошо выравнена и имѣетъ вѣрное направленіе фронта, и столь же хорошо выравненъ фронтъ, то двѣ эти линіи должны быть параллельны между собой; но на дѣлѣ получается нѣчто иное: нижніе чины исключительно равняются по фланговому унтеръ-офицеру и очень мало сообразуются съ офицерами, роль которыхъ передъ фронтомъ по нашему уставу довольно безлична⁽¹⁾; закрываніе офицерской линіи или оттягиваніе отъ нее фронта, съ одной стороны, и постановка нерѣдко на мѣста недостающихъ офицеровъ, поредъ взводы, неопытныхъ вице-унтеръ-офицеровъ, вмѣсто взводныхъ, оставляемыхъ на флангахъ, во фронтѣ, съ другой, служатъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія и показываютъ, на сколько приведенныя нами выше указанія устава трудно выполнимы на практикѣ; еще менѣе выполнимы указанія части 3-й, полковаго ученія, по интересующему насъ вопросу. § 56 этого устава говоритъ: «Стройность и порядокъ полка, какъ при расположеніи на мѣстѣ, такъ и въ движеніи и при различныхъ перестроеніяхъ, должны быть основаны: при расположеніи на мѣстѣ—на вѣрномъ соблюденіи всѣми частями полка равной линіи по фронту или равненія, а при движеніи—на держаніи вѣрнаго направленія и на соблюденіи вѣрнаго и равнаго алюра съ сохраненіемъ равненія». § 58 продолжаетъ: «Относительно назначенія равненія и направленія должны быть соблюдаемы слѣдующія правила»: «Въ каждомъ эскадронѣ, какъ при расположеніи на мѣстѣ, такъ и при движеніи, назначается командою только равненіе и соблюдаются въ точности правила, данныя для сего въ Уставѣ эскадроннаго ученія». «Въ нѣсколькихъ эскадронахъ, при расположеніи на мѣстѣ, назначается командою полковаго командира—равненіе, а при движеніи—направленіе, причемъ слѣдуетъ руководствоваться слѣдующими правилами: а) При нахожденіи нѣсколькихъ эскадроновъ въ линіи, на интервалахъ, въ развернутомъ строѣ или въ ли-

(1) Если офицеръ стоитъ не передъ вторымъ, а передъ третьимъ рядомъ своего фланговаго взвода, то у насъ говорятъ, что не взводъ, а офицеръ стоитъ невѣрно, и ему же приказываютъ принять на шагъ въ сторону.

ніи колоннъ, при расположеніи на мѣстѣ слѣдуетъ назначать одинъ изъ эскадроновъ, преимущественно изъ среднихъ, эскадрономъ равенія; въ этомъ эскадронѣ назначается равеніе направо, а въ прочихъ—на флангъ, ближайшій къ эскадрону равенія. При движеніи назначается одинъ изъ эскадроновъ, также преимущественно изъ среднихъ, эскадрономъ направленія; въ этомъ эскадронѣ направляющимъ флангомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и флангомъ равенія, долженъ быть правый флангъ и потому назначается равеніе направо, а въ прочихъ—направляющими флангами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и флангами равенія, должны служить фланги, ближайшіе къ направляющему эскадрону, и на нихъ назначается равеніе».

Глава V, «о движеніи полка развернутымъ строемъ», даетъ слѣдующія указанія: § 64. «Стройность, спокойствіе и быстрота движенія развернутымъ строемъ должны быть основаны, какъ указано въ предъидущей главѣ IV, на держаніи всѣми эскадронами вѣрнаго направленія и соблюденія во всемъ полку вѣрнаго и ровнаго алюра съ сохраненіемъ равенія». § 65. «Общія правила, данныя для сего движенія одного развернутаго эскадрона, въ уставѣ эскадроннаго ученя, должны служить руководствомъ и для движенія цѣлаго полка». § 66. «Непосредственное выполненіе этихъ правилъ лежитъ на эскадронѣ направленія, назначаемомъ, командою полковаго командира, согласно § 58 въ п. а». § 67. «Направляющій эскадронъ при движеніи соблюдаетъ въ точности всѣ правила, данныя для сего въ уставѣ эскадроннаго ученя». «Онъ долженъ имѣть равеніе направо и командиръ взвода этого фланга отвѣчаетъ за вѣрность направленія и за соблюденіе вѣрнаго и ровнаго алюра». «Прочіе эскадроны соотнобразуютъ свои направленія и скорость алюровъ съ направленіемъ и со скоростью алюра направляющаго эскадрона и сохраняютъ интервалы къ сторонамъ этого эскадрона. Ближайшая отвѣтственность за исполненіе этого должна лежать на командирахъ взводовъ фланга равенія, которое назначается на флангъ, ближайшій къ эскадрону направленія». § 68. «Относительно сохраненія интерваловъ между эскадронами должно руководствоваться слѣдующимъ»: «интервалы между эскадронами въ развернутомъ строѣ полка установлены именно для того, чтобы при движеніи волненіе строя и вообще неправильности въ движеніи въ одномъ эскадронѣ не передавались сосѣднимъ. На основаніи этого не слѣдуетъ при каждомъ незначительномъ измѣненіи интервала тотчасъ начинать приниманіе въ сторону. Приниманіе это должно дѣлать только тогда, когда измѣненіе интервала указываетъ на невѣрность направленія. Испра-
*

леніе невѣрностей движенія слѣдуетъ дѣлать плавно и не бросааясь».

§ 69. «Всѣ эскадроны должны соблюдать съ направляющимъ эскадронномъ общую линію фронта или общее равненіе, которое способствуетъ взятію и держанію вѣрнаго направленія. Соблюденіе общей линіи равненія должно лежать на офицерахъ, а потому они должны обращать вниманіе на линію собственнаго ихъ равненія по линіи офицеровъ направляющаго эскадрона».

Оставляя разборъ этихъ правилъ къ концу статьи, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на противорѣчіе между собой §§ 67 и 68. Послѣдній, также какъ и французскій уставъ, также какъ и инструкція, предостерегаетъ, и совершенно правильно, противъ педантичнаго держанія интерваловъ; но выполнимое при равненіи на середину, является невыполнимымъ при принятомъ у насъ равненіи къ флангу. Дѣйствительно, требованіе § 67... «и сохраняютъ интервалы къ сторонѣ этого эскадрона (1). Ближайшая отвѣтственность за исполненіе этого должна лежать на командирахъ взводовъ фланговъ равненія...» совершенно исключаетъ указанія § 68, и влечетъ за собой педантическое соблюденіе интерваловъ къ сторонѣ эскадрона направленія, такъ какъ ничего болѣе, кромѣ этого интервала, фланговый взводный командиръ (а чаще фланговый унтеръ-офицеръ) и соблюдать не можетъ: уклоняется направляющей эскадрона отъ даннаго ему направленія, вслѣдствіе чего интервалъ, напримѣръ, увеличивается и командиръ фланговаго взвода сосѣдняго эскадрона, соблюдая указанія § 67, начинаетъ тоже принимать къ сторонѣ направляющаго эскадрона, возстанавливать интервалъ, въ то время какъ его эскадронъ, слѣдуя въ первоначальномъ направленіи, расходится все болѣе и болѣе съ эскадрономъ направленія, вслѣдствіе чего разрывается, разсыпается; замѣтивъ это, оторвавшіеся люди начинаютъ принимать къ стремени, къ флангу равненія и такая волна проходитъ не только постепенно по всему фронту, до противоположнаго фланга эскадрона, но и передается сосѣднему эскадрону, гдѣ происходитъ повтореніе того же. Въ обратномъ случаѣ, т. е. при уменьшеніи интервала, происходитъ не разрываніе, а стѣсненіе фронта, до выпиранія изъ него цѣлыхъ взводовъ. § 68 Устава имѣль, очевидно, въ виду составить фронтъ полка какъ бы изъ двухъ элементовъ: постоянныхъ—эскадроновъ и переменныхъ—интерваловъ, созданныхъ для обезпеченія неприкосновенности первыхъ; но на практикѣ, при принятомъ у насъ равненіи на флангъ, не согла-

(1) Эскадрона направленія.

сованнымъ съ предъидущимъ требованіемъ, получилось обратное:— постоянные интервалы и переменные, въ погонѣ за сохраненіемъ интерваловъ, фронты эскадроновъ, что влечетъ за собой малую сомкнутость нашего кавалерійскаго строя.

Закончивъ разборъ указаній нашего устава по интересующему насъ вопросу, попробуемъ сгруппировать отличительныя свойства ихъ, подобно тому, какъ это сдѣлано нами выше, по отношенію указаній французскаго устава; итоги, которые получатся при этомъ, нужно признать, къ крайнему сожалѣнію, мало утѣшительными и говорящими не въ пользу нашего устава. 1) Въ строю нашего кавалерійскаго полка, вслѣдствіе принятаго равенія на флангъ, начальники, отъ командира полка до командира взвода, не связаны органически съ командуемыми ими частями, причемъ части ходомъ обученія не приучаются всюду и всегда слѣдовать за своими командирами; обстоятельство это затрудняетъ примѣненіе личнаго примѣра для управленія частями, низводя его на степень частнаго случая, исключенія, а не обычнаго явленія; 2) гибкость и поворотливость частей уменьшается, такъ какъ, при отсутствіи *«ведущихъ»* свои части, всякая эволюція фронта можетъ быть исполнена не иначе, какъ по командѣ, нерѣдко весьма длинной и повторяемой нѣсколькими начальниками; 3) сомкнутость строя, по причинамъ, изложеннымъ выше, достигается съ большимъ трудомъ даже на учебномъ плацу, при строго опредѣленныхъ направленіяхъ движенія; съ переходомъ же частей къ занятіямъ въ полѣ сомкнутость оставляетъ желать многого; 4) въ людяхъ вырабатывается привычка смотрѣть въ сторону, къ флангу равенія, обыкновенно влекущая за собой колебаніе строя: взглянувъ на флангъ и встрѣтивъ грозный взоръ взводнаго унтеръ-офицера, всадникъ инстинктивно и большей частью рѣзко задерживаетъ лошадь, за нимъ то же дѣлаетъ сосѣдъ и т. д. Постоянное взглядываніе на флангъ отвлекаетъ вниманіе людей отъ происходящаго передъ ихъ глазами; лишаетъ ихъ возможности осмысленно участвовать въ маневрѣ, видѣть впереди лежащую мѣстность и препятствія, лежація на ихъ пути, и 5) нашъ уставъ удобнѣе для командировъ полка и эскадроновъ, не приковывая ихъ къ строго опредѣленному мѣсту и не обязывая ихъ вести ввѣренныя имъ части. Первое, какъ мы видѣли выше, неважно, ибо, въ случаѣ дѣйствительной необходимости, начальникъ части всегда можетъ оставить свое мѣсто; второе же не можетъ быть признано правильнымъ и идетъ прямо въ ущербъ дѣлу: вмѣсто того, чтобы *«вести»* эскадронъ (отдѣльно или въ совокушности эскадроновъ) командиру эскадрона, его ведетъ по

нашему уставу нерѣдко молодой и малоопытный офицеръ (и даже фланговый унтеръ-офицеръ). Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что командирамъ эскадроновъ несравненно легче ѣздить на тѣхъ мѣстахъ, «съ которыхъ команда ихъ слышнѣе», чѣмъ занять передъ фронтомъ ответственное мѣсто «*ведущаго*» эскадронъ, но польза дѣла требуетъ обратнаго рѣшенія: кого же и поставить на ответственное мѣсто, какъ не лицо, наиболѣе опытное въ цѣломъ эскадронѣ, въ руки кого-же вручить «*вести*» эскадронъ, помимо его командира?

Итакъ, подробное разсмотрѣніе вопроса о мѣстахъ начальниковъ и равеніи въ кавалерійскомъ строю приводитъ насъ къ тому же заключенію, къ которому пришелъ и авторъ «Бесѣды о конницѣ», разбирая вопросъ о стрѣльбѣ съ коня: переставить командировъ взводовъ необходимо, но перестановку эту, по глубокому нашему убѣжденію, слѣдуетъ сдѣлать не такъ, какъ полагаетъ авторъ, и не во имя приведенныхъ имъ соображеній: мѣсто кавалерійскаго офицера не на флангахъ, для осаживанія назадъ при приближеніи врага, а передъ серединой ввѣренной ему части, для того, чтобы «вести» ее впередъ; мѣсто его на глазахъ у всѣхъ подчиненныхъ, чтобы служить примѣромъ тѣмъ, съ которыми онъ долженъ составлять «едино тѣло и единъ духъ» — идеалъ, къ осуществленію котораго долженъ быть направленъ каждый шагъ мирной подготовки конницы.

А. Ц.

О ВЕДЕНІИ ЗАРЯДНЫХЪ ЯЩИКОВЪ ГРУПЫ БАТАРЕЙ.

(Съ чертежами).

Къ уставу орудійнаго и батарейнаго ученій пѣшей артилеріи, изд. 1884 г., приложена, какъ извѣстно, Инструкція для веденія зарядныхъ ящиковъ. Составленная въ то время, когда тактической боевою единицею артилеріи признавалась еще отдѣльная батарея, а не группа изъ 3-хъ—4-хъ батарей, Инструкція эта въ настоящее время, при стремленіи дать должное развитіе маневрированію батарей въ составѣ группъ, оказывается уже недостаточною для руководства командующихъ ящичными эшелонами. Кромѣ того, вдаваясь въ подробности по нѣкоторымъ второстепеннымъ частностямъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ очень кратка по такимъ существеннымъ вопросамъ, какъ подробная организація порядка питанія батареи на позиціи боевыми припасами и пополненіе убыли въ личномъ и конскомъ составахъ ея средствами ящичныхъ эшелоновъ.

Между тѣмъ, имѣтъ хорошо разработанную Инструкцію для веденія зарядныхъ ящиковъ крайне необходимо потому, что подготовка въ батареяхъ практическимъ путемъ еще въ мирное время лицъ, знакомыхъ со всѣми обязанностями, лежащими въ бою на командующихъ первымъ и вторымъ эшелонами зарядныхъ ящиковъ и умѣющихъ толково вести ихъ, сильно затрудняется отсутствіемъ въ обыкновенное время въ большей части батарей запряженныхъ зарядныхъ ящиковъ.

Требованіе ст. 61-й «Наставленія для обученія полевой артилеріи стрѣльбѣ», чтобы въ каждой бригадѣ ежегодно хотя одна боевая, батарейная практика производилась съ однимъ эшелонѣмъ нагруженныхъ зарядныхъ ящиковъ и другимъ обозначеннымъ, далеко недостаточно въ смыслѣ обученія, также какъ и требованіе «Правильнаго смотровой стрѣльбы полевой артилеріи», чтобы батареи выходили на эти стрѣльбы съ первымъ эшелонѣмъ нагруженныхъ (1) заряд-

(1) Требованіе выводить на стрѣльбу орудійные передки и зарядные ящики вполне нагруженными дѣла обученія батарей питанію боевыми припасами нисколько не способствуетъ, но только усложняетъ его неизбѣжными, побочными сообра-

ныхъ ящичковъ, обозначая второй передками или людьми съ флагами. Недостаточны тѣмъ болѣе, что участвовать въ подобныхъ стрѣльбахъ каждая батарея можетъ только однажды въ нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ число расходуемыхъ даже на смотровыхъ стрѣльбахъ снарядовъ рѣдко превышаетъ 12 на орудіе, чаще оно значительно менѣе, особенно если считать выпускаемые съ одной позиціи, и батарея, вынуждая при занятіи позиціи изъ каждаго орудійнаго передка по два вкладныхъ ящика со снарядами, сразу обезпечиваетъ себя: легкая—80 снарядами, а батарейная—48, почему въ дальнѣйшемъ питаніи ими обыкновенно уже не нуждается (¹).

Не малымъ препятствіемъ къ постановкѣ дѣла веденія ящичныхъ эшелоновъ при маневрированіи въ составѣ группъ на твердую почву служить также неимѣніе устава для совокупныхъ дѣйствій батарей группы. «Проектъ правилъ совокупнаго ученія нѣсколькихъ батарей», изданный въ 1880 году, значительно устарѣлъ и не отвѣчаетъ современнымъ взглядамъ и требованіямъ тактическаго веденія артилеріи въ бою. Вышедшій въ 1889 году «Проектъ правилъ для совокупнаго дѣйствія группы батарей» слишкомъ кратокъ, касается болѣе управления огнемъ группы и не даетъ необходимыхъ строевыхъ формъ и указаній уставнаго характера, безъ которыхъ невозможно прочное соединеніе въ одно стройное цѣлое трехъ, временно сводимыхъ вмѣстѣ, батарей группы, какъ равно спокойное и увѣренное управленіе ими при маневрированіи. Сверхъ того, оба проекта правилъ почти ничего не говорятъ о веденіи вторыхъ эшелоновъ батарей. Такъ, по-

женіями; вслѣдствіе опасенія выпустить съ той или другой позиціи болѣе положеннаго на нее числа снарядовъ и необходимости различать снаряды, подготовленные къ стрѣльбѣ, отъ снарядовъ, уложенныхъ въ коробка только для полноты нагрузки, хорошо помня, гдѣ помѣщены гранаты съ боевыми и холостыми винтами, а гдѣ шрапнели со втулками и—съ трубками.

(¹) Дѣйствительнымъ средствомъ развить въ батареяхъ заблаговременно практическимъ путемъ столь важное для нихъ умѣнье поддерживать, несмотря на потери, возможно долѣе свою способность къ бою, пользуясь ресурсами ящичныхъ эшелоновъ, а также твердо усвоить порядокъ питанія снарядами и прочими боевыми припасами на позиціи, было бы: обязательное производство ежегодно для каждой батареи, въ присутствіи бригаднаго командира, одного или двухъ специальныхъ съ этою цѣлью учений, на которыхъ батарея, выведенная въ полномъ составѣ по военному времени, но безъ обоза, должна была бы проэквестировать небольшой маневръ, продѣлывая, примѣрно, питаніе боевыми припасами не менѣе какъ изъ четырехъ зарядныхъ ящичковъ на каждой изъ двухъ боевыхъ позицій; кромѣ того, пополненіе убыли въ прислугѣ, вывода изъ строя не менѣе 40 номеровъ и всѣхъ взводныхъ командировъ, а также убыли въ вѣдovýchъ и 50—80 лошадей; перемѣну сломанныхъ дышель, разбитыхъ колесъ, прицѣловъ, мушекъ, замѣну правѣлашворни (того и другаго подвижною петлею), замочной задержки, звкольныхъ колесъ, каморныхъ колесъ и т. п.

слѣдній проектъ, изд. 1889 г., ограничивается только слѣдующими словами: «Всѣ распоряженія относительно пополненія израсходованныхъ снарядовъ 2-го эшелона зарядныхъ ящиковъ исходятъ отъ командира группы, который при своей рекогносцировкѣ избираетъ пунктъ для ихъ расположенія». Но выраженіе: «всѣ распоряженія исходятъ отъ командира группы» можетъ повлечь за собою недоразумѣніе и напрасное замедленіе въ пополненіи боевыхъ припасовъ; въ то же время проектъ правилъ не разрѣшаетъ существенной важности вопроса о томъ: должны-ли вторые эшелоны батарей группы быть сведены вмѣстѣ подъ общую команду или могутъ двигаться и дѣйствовать врознь.

Командуя въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ батареею, находящеюся въ составѣ военнаго времени съ восемью запряженными зарядными ящиками и не находя въ существующей Инструкціи и Проектѣ правилъ отвѣтовъ на многіе вопросы, касающіеся питанія батареи на позиціи боевыми припасами и порядка пополненія убыли въ ней, я по необходимости разработалъ самъ подробности того и другаго, а также постарался выяснитъ и обобщитъ всѣ многообразныя обязанности командующихъ ящичными эшелонами въ бою, составивъ для нихъ небольшую инструкцію. Случайно будучи назначенъ въ то же время начальникомъ лагерныхъ сборовъ: въ 1889 году—трехъ батарей, а въ 1890 году—шести батарей⁽¹⁾, я, по обязанности руководящаго практическими занятіями, долженъ былъ озаботиться возможно лучшею постановкою упражненій въ совершенно новомъ еще тогда дѣлѣ маневрированія группами. Принявъ за правило выводить батареи въ строй всегда съ ихъ первыми ящичными эшелонами, а всѣ стрѣльбы, какъ подготовительныя, такъ и боевыя, соединять съ маневрированіемъ въ составѣ группы, сообразно съ какимъ-либо тактическимъ заданіемъ, иногда выдѣляя авангардную батарею; произведя, кромѣ того, много тактическихъ учений группы противъ обозначеннаго противника на разнообразной мѣстности и выводя на всѣ боевыя стрѣльбы батарей, въ 1890 году, вторые эшелоны зарядныхъ ящиковъ, сводимые подъ общую команду одного офицера, въ результатъ получился нѣкоторый опытъ и выяснились наиболѣе пригодныя для группы формы строя и различныя необходимыя правила и положенія, а также лучшіе способы веденія первыхъ и вторыхъ ящичныхъ эшелоновъ группы.

(¹) Всѣ, кромѣ конной батареи, въ восьми-орудійномъ составѣ съ первыми ящичными эшелонами.

Составивъ для себя, на основаніи пріобрѣтеннаго, такимъ образомъ, опыта, небольшую инструкцію для веденія зарядныхъ ящичковъ и провѣривъ ее на практикѣ, позволю себѣ предложить ее вниманію читателей, прося смотрѣть на нее не болѣе какъ на матеріаль, способный, быть можетъ, послужить дѣлу дальнѣйшей выработки таковой инструкціи.

Для бѣльшей ясности дѣлаемыхъ далѣе въ прилагаемой инструкціи указаній на порядокъ расположенія обоихъ ящичныхъ эшелоновъ при различныхъ построеніяхъ группы батарей, считаю полезнымъ перечислить сначала подробно тѣ формы строя группы, которыя, по моему мнѣнію, оказались наиболѣе пригодными и дѣйствительно необходимыми, пользованіе которыми въ то же время исчерпываетъ всѣ наиболѣе важные случаи, встрѣчающіеся при маневрированіи группы на походѣ и въ бою.

Такъ, группа изъ трехъ батарей, которую вездѣ далѣе буду называть *колубригада*, можетъ быть построена:

1) *Въ развернутомъ строѣ*: а) съ полными, б) съ тѣсными и в) съ сомкнутыми между орудіями интервалами (фиг. 1-я, 2-я и 3-я), съ интервалами въ 40, 24 и 12 шаговъ между батареями, или другою величины, сообразуясь съ мѣстностью.

2) *Въ общихъ колоннахъ*: батареейной (фиг. 4-я, а, б и в), располагая батареи одна за другою въ развернутомъ строѣ каждая; взводной— батарея за батареей во взводной колоннѣ каждая (фиг. 5-я) и въ одно орудіе (фиг. 6-я). Колонны батареейная и взводная могутъ быть съ полными, тѣсными и сомкнутыми интервалами между орудій. Общія колонны будутъ называться: *справа* или *слѣва*, когда въ головѣ ихъ находится батарея, бывшая правофланговою или лѣвофланговою въ линіи развернутаго строя, и *изъ середины*, когда въ головѣ колонны будетъ батарея, находившаяся до построенія въ серединѣ линіи, за нею— батарея, бывшая правофланговою, а за этою послѣднею— батарея, находившаяся на лѣвомъ флангѣ линіи, причемъ, для быстроты развертыванія колоннъ изъ середины взводной и въ одно орудіе, головная и находящаяся въ хвостѣ колонны батареи должны быть построены каждая въ колоннѣ справа, а батарея, слѣдующая за головною,— въ колоннѣ слѣва.

3) *Въ линіи колоннъ*: взводныхъ (фиг. 7-я) и въ одно орудіе (фиг. 8-я, а), тѣ и другія съ полными между батареями интервалами, или сомкнутыми (12 шаговъ) (фиг. 8-я, б).

Примѣчаніе. Порядокъ размѣщенія батарей въ развернутой линіи въ общихъ колоннахъ и въ линіи колоннъ опредѣляется обстоя-

тельствами и приказаніемъ, независимо отъ носимыхъ батареями постоянныхъ номеровъ. Но въ какомъ бы относительномъ порядкѣ батареи между собою ни находились, онѣ называются постоянно одними и тѣми же имъ присвоенными номерами.

1. *Строй и расположеніе первыхъ и вторыхъ ящичныхъ эшелоновъ полубригады.* Первые эшелоны всѣхъ батарей полубригады, каждый изъ четырехъ зарядныхъ ящиковъ (1), строятся и слѣдуютъ непосредственно за своими батареями и никогда отъ нихъ не отдѣляются.

Командовать первымъ эшелономъ назначается одинъ изъ младшихъ офицеровъ батареи или фельдфебель (2).

Первые эшелоны располагаются:

Въ развернутомъ строѣ, на полныхъ интервалахъ, — за четырьмя средними орудіями своей батареи, въ разстояніи 100 шаг. отъ линіи дулъ (фиг. 1-я). При движеніи на боевую позицію разстояніе это можетъ увеличиваться. При расположеніи на боевой позиціи эшелоны становятся сообразно съ мѣстностью, вблизи орудійныхъ передковъ, по возможности, укрыто.

При построеніи полубригады на тѣсныхъ или сомкнутыхъ интервалахъ, употребляемыхъ при встрѣчѣ начальника, на подготовительной позиціи или въ резервѣ, эшелоны становятся тоже за серединою своихъ батарей, но въ 6-ти шагахъ отъ линіи дулъ (фиг. 2-я и 3-я).

Въ общихъ колоннахъ полубригады въ одно орудіе и взводной эшелоны находятся за своими батареями въ колоннѣ въ одинъ или два ящика, сообразно съ шириною фронта колонны, на дистанціи 6-ти шаговъ отъ линіи дулъ послѣдняго взвода или орудія и 6-ти шаговъ между взводами ящиковъ въ колоннѣ взводной и на 3 шага ящикъ за ящикомъ въ колоннѣ въ одно орудіе (фиг. 5-я и 6-я). Въ общей батарейной колоннѣ каждый эшелонъ располагается за четырьмя средними орудіями своей батареи въ 6-ти шагахъ отъ линіи дулъ, безразлично, какіе бы интервалы между орудіями ни были (фиг. 4-я, а, б и в).

Въ линіи колоннъ эшелоны находятся и слѣдуютъ за своими батареями на дистанціи 6-ти шаговъ, строясь въ колонну въ два или одинъ ящикъ (фиг. 7-я и 8-я).

(1) При каждомъ зарядномъ ящикѣ, кромѣ трехъ ѣздовыхъ, долженъ быть конный ящичный вожатый и два ящичныхъ номера.

(2) За недостаткомъ офицеровъ, фельдфебель лучше другихъ фейерверкеровъ долженъ исполнить сложныя обязанности командира эшелона и поддержать полный порядокъ въ тылу батареи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ отдѣленія отъ полубригады какой-либо батареи, первый эшелонъ ея слѣдуетъ за нею въ порядкѣ и на дистанціи, указанныхъ выше, сообразно съ формою строя батареи.

Командиръ эшелона, когда батарея въ развернутомъ строѣ находится передъ серединою эшелона въ 10-ти шагахъ, но при встрѣчѣ начальника также въ общей батареинной колоннѣ, — становится на флангъ равненія рядомъ съ вожатымъ. Въ колоннахъ взводной и въ одно орудіе командиръ эшелона находится на флангъ равненія рядомъ съ вожатымъ головнаго ящика. При походномъ же движеніи — тамъ, гдѣ найдетъ болѣе нужнымъ для лучшаго наблюденія за порядкомъ въ эшелонѣ.

2. Вторые эшелоны всѣхъ батарей полубригады, состоящіе каждый изъ 8-ми или 12-ти зарядныхъ ящичковъ ⁽¹⁾, запаснаго лафета, инструментальной повозки, запасныхъ людей, носильщиковъ для раненыхъ и заводныхъ лошадей, сводятся всѣ вмѣстѣ одновременно со сборомъ батарей, переходя въ непосредственное подчиненіе и распоряженіе командующаго полубригадою.

Командовать своднымъ эшелонномъ полубригады назначается непременно офицеръ. Для передачи командъ и приказаній, равно для облегченія офицеру наблюденія и поддержанія порядка, при эшелонѣ каждой батареи долженъ быть конный фейерверкеръ ⁽²⁾ за старшаго и конный рядовой для посылокъ.

Сводный второй эшелонъ строится и двигается не иначе, какъ въ колоннахъ: четырехвзводной — (восемь ящичковъ по фронту) ⁽³⁾ (фиг. 2-я и 4-я), двухвзводной — (четыре ящика по фронту) (фиг. 9-я), взводной — (два ящика по фронту) (фиг. 10-я) и въ одинъ ящикъ (фиг. 11-я). Интервалы между ящиками держатся всегда тѣсные, полные — избѣгаются, а сомкнутые — могутъ употребляться при расположеніи укрыто.

При построеніи своднаго эшелона зарядные ящики, люди, лошади и повозки одной батареи не смѣшиваются съ таковыми же другой. Дистанціи между эшелонами различныхъ батарей держатся въ 10-ти шагахъ, между взводами въ эшелонахъ — въ 6-ти шагахъ.

Запасный лафетъ и инструментальныя повозки въ колоннахъ четырехъ и двухвзводной располагаются на лѣвомъ флангѣ передней

⁽¹⁾ При каждомъ ящикѣ, кромѣ трехъ взводныхъ, долженъ быть пѣший вожатый и два ящичныхъ номера.

⁽²⁾ Всего лучше артилерійскій каптенармусъ.

⁽³⁾ Въ батареинной батареѣ остальные четыре ящика располагаются во второй линіи за средними ящиками на дистанціи шести шаговъ отъ зада ихъ.

линіи ящиковъ своей батареи, ровняясь осями передковъ. Впереди запаснаго лафета и противъ него строятся въ двѣ шеренги запасные люди и носильщики (1), ровняясь переднею шеренгою съ ящичными вожатыми. Впереди инструментальной повозки строятся въ одну шеренгу заводныя лошади по-парно, имѣя ѣздовыхъ на сѣдлахъ (фиг. 4-я и 9-я).

Въ колоннѣ взводной запасный лафетъ и инструментальная повозка составляютъ особый взводъ и располагаются въ затылокъ ящикамъ переднихъ взводовъ. Впереди запаснаго лафета въ 2-хъ шагахъ строятся запасные люди въ двѣ шеренги, а впереди инструментальной повозки—заводныя лошади, тѣ и другія на дистанціи 6-ти шаговъ отъ зада ящиковъ послѣдняго взвода (фиг. 10-я).

Въ колоннѣ въ одинъ ящикъ въ 3-хъ шагахъ отъ послѣдняго ящика идутъ запасные люди въ двѣ шеренги, въ 3-хъ шагахъ отъ нихъ—запасный лафетъ, въ 3-хъ шагахъ за нимъ—заводныя лошади въ одну шеренгу, въ 3-хъ шагахъ за которыми слѣдуетъ инструментальная повозка (съ четырьмя мастеровыми по сторонамъ ея) (фиг. 11-я).

При движеніи эшелона рысью запасные люди и носильщики садятся на задніе ходы всѣхъ зарядныхъ ящиковъ, а вожатые и ящичные нумера—на передки.

На мѣстѣ при построеніи полубригады въ линіи развернутаго фронта или въ общей батареейной колоннѣ при расположеніи въ резервѣ или для встрѣчи начальника, второй эшелонъ становится за серединою полубригады въ четырехъвзводной колоннѣ, на дистанціи 25-ти шаговъ отъ зада ящиковъ перваго эшелона средней, или находящейся въ хвостѣ колонны, батареи (фиг. 2-я и 4-я, а и б).

При расположеніи полубригады въ резервѣ въ линіи колоннъ на сомкнутыхъ интервалахъ, второй эшелонъ становится на 25 шаговъ сзади въ двухъвзводной или во взводной колоннѣ.

При движеніи полубригады въ походныхъ колоннахъ, второй эшелонъ, построясь въ колонну, сообразную съ шириною пути, слѣдуетъ за полубригадою въ разстояніи 50-ти шаговъ отъ ящиковъ послѣдней батареи. Если движеніе отступательное, онъ идетъ на такомъ же разстояніи впереди полубригады.

Примѣчаніе. Если одна изъ батарей полубригады отдѣлена и второй эшелонъ ея находится при ней, то при построеніи батареи

(1) Носильщики могутъ быть сведены въ особую команду, унося съ собою возымыя на запасномъ лафетѣ двое носилокъ.

въ развернутомъ строѣ эшелонъ становится за серединою батареи въ двухвзводной колоннѣ, на дистанціи 10-ти шаговъ отъ зада ящичковъ перваго эшелона. Въ случаѣ батарея построена въ какую-либо колонну, второй эшелонъ строится тоже въ колонну въ 10-ти шагахъ сзади.

Командующій эшелonomъ офицеръ при встрѣчѣ начальника становится на флангѣ равненія рядомъ съ фейерверкеромъ головнаго эшелона. Въ прочее время офицеръ находится тамъ, гдѣ признаеть болѣе нужнымъ, но никогда отъ эшелона не отлучается.

Фейерверкеры и вѣстовые при встрѣчѣ начальника становятся на флангѣ равненія: фейерверкеры—рядомъ съ вожатымъ ⁽¹⁾ головнаго ящика своей батареи, а трое вѣстовыхъ, въ одну шеренгу;—въ 6-ти шагахъ отъ подручной лошади передняго уноса головнаго ящика колонны, ровняясь съ ѣздовымъ. Въ прочее время фейерверкеры слѣдуютъ тамъ, гдѣ будетъ нужнѣе для поддержанія порядка въ своемъ эшелонѣ; вѣстовые же—за командующимъ эшелonomъ, въ 2-хъ шагахъ сзади и настолько же влѣво отъ него, всѣ рядомъ въ одну шеренгу.

3. *Дѣйствія первыхъ эшелоновъ и обязанности командующихъ ими при движеніи въ бой и расположеніи батарей на боевой позиціи.* Двинутая въ бой изъ резервнаго порядка или прямо изъ походной колонны полубригада или отдѣльная батарея ея, прежде выѣзда на боевую позицію обыкновенно приостанавливаются на короткое время производства рекогносцировки на закрытой подготовительной позиціи. Первые эшелоны, слѣдуя непосредственно за своими батареями, въ соответствующей формѣ строя, должны остановиться на подготовительной позиціи такъ, чтобы не выказываться противнику.

Во время остановки въ резервѣ или на подготовительной позиціи командиръ эшелона удостовѣряется осмотромъ гранатъ въ зарядныхъ ящикахъ: замѣнены-ли во всѣхъ ихъ холостые винты боевыми, приказавъ, если нужно, произвести эту замѣну. Затѣмъ онъ напоминаетъ ящичнымъ нумерамъ ихъ обязанности по выдвиженію ящичковъ на позицію къ батареѣ.

Если передъ выѣздомъ на боевую позицію командиръ батареи собереть къ себѣ взводныхъ командировъ, то вмѣстѣ съ ними къ нему

(1) Пѣшій ящичный вожатый на мѣстѣ становится всегда передъ уносомъ. При движеніи шагомъ онъ идетъ съ боку подручной лошади передняго уноса.

подбѣзжаетъ и командиръ перваго эшелона, на случай полученія особыхъ приказаній.

Съ началомъ движенія батареи полубригады на боевую позицію первые эшелоны ихъ, двигаясь нѣкоторое время шагомъ, увеличиваютъ, сообразуясь съ обстоятельствами и мѣстностью, разстояніе между ними и батареями, дабы менѣе терпѣть отъ выстрѣловъ, направленныхъ въ полубригаду, и, чтобы по остановкѣ батарей на позиціи эшелонамъ не понадобилось ворочать кругомъ, но они могли бы прямо подойти къ орудійнымъ передкамъ своей батареи уже послѣ отбѣзда послѣднихъ и остановки за флангами или за серединою батареи.

Въ случаѣ, во время выѣзда батареи на позицію, командиръ эшелона замѣтитъ, что нѣкоторыя орудія остановились, вслѣдствіе убыли лошадей, то обязанъ немедленно отпречь отъ своихъ ящиковъ сколько понадобится переднихъ выносовъ, а въ крайности и среднихъ, отправивъ ихъ подпречь остановившіяся орудія; вообще, долженъ оказать и всякую другую помощь, какая только понадобится, не стѣсняясь задержать движеніе нѣкоторыхъ ящиковъ эшелона.

Приближаясь съ эшелonomъ къ мѣсту расположенія орудійныхъ передковъ своей батареи, слѣдуетъ раздѣлить ящики, направивъ на два орудійныхъ передка каждаго взвода по одному ящику, а по остановкѣ ихъ вблизи передковъ, приказать, находящимся при ящикахъ шестымъ, седьмымъ и ящичнымъ номерамъ, быстро пополнить въ передкахъ вынутые изъ нихъ на позиціи вкладные ящики со снарядами и сумы съ зарядами.

По исполненіи этого, шестые номера остаются при своихъ орудійныхъ передкахъ, а седьмые отправляются на батарею. Впрочемъ, по усмотрѣнію командира батареи, седьмые номера могутъ быть тоже оставлены при передкахъ, съ цѣлью сбереженія ихъ, какъ ближайшаго запаса людей для замѣны убыли въ прислугѣ (1).

4. Пополнивъ передки, командиръ эшелона тотчасъ отправляетъ на позицію къ батареѣ два зарядные ящика съ ихъ вожатыми. Подойдя рысью за фланги батареи, оба ящика поворачиваютъ кругомъ и останавливаются, по возможности, прикрываясь мѣстностью. Находящіеся при нихъ ящичные номера немедленно снимаютъ съ уносной ваги постромки средняго уноса, далѣе напильники и постромки

(1) Въ продолженіе трехъ лагерныхъ сборовъ двѣ батарейныя батареи, по случайному недостатку людей, выводили въ строй и на всѣ стрѣльбы только по пяти номеровъ на орудіе, не замѣчая никакого затрудненія или замедленія въ скорости огня.

коренныхъ лошадей, послѣ чего всѣ ѣздовые съ лошадьми уходятъ къ эшелону (1). Конные же вожатые обоихъ ящичковъ остаются на батарее, наблюдаютъ за подноскою снарядовъ ящичными нумерами и служатъ для передачи къ передкамъ и эшелону различныхъ требованій съ батареи и командъ, равно привозятъ отъ передковъ къ орудіямъ понадобившіеся для послѣднихъ какіе-либо предметы матеріальной части. Кромѣ того, они могутъ быть употреблены для посылки съ донесеніями къ командиру полубригадою или высланы впередъ и въ стороны для наблюденія за безопасностью фланговъ батареи, если они недостаточно прикрыты.

Ящичные нумера прибывшихъ на батарею зарядныхъ ящичковъ, послѣ отпряжки лошадей, немедленно приступаютъ къ подноску къ орудіямъ своихъ полубатарей вкладныхъ ящичковъ и сумъ съ снарядами и зарядами, соображаясь съ тѣмъ, какими снарядами ведется огонь или какіе требуются, подбирая на обратномъ пути опорожненные вкладные ящички и сумы. Когда же всѣ находившіеся въ зарядномъ ящичкѣ снаряды (2), или всѣ снаряды того рода, который требуется въ данное время, будутъ вынуты и разнесены къ орудіямъ, въ первый эшелонъ передается требованіе прислать зарядный ящичекъ; затѣмъ ящичные нумера пополняютъ короба задняго хода и передки опорожненными вкладными ящичками и сумами, по числу, въ нихъ полагаемыхъ, а изъ подножнаго ящичка передка достаютъ и передаютъ пятымъ нумерамъ возимые тамъ вытяжные трубки и боевые винты къ шрапнелямъ.

По требованію съ батареи прислать на замѣну опорожненныхъ зарядныхъ ящичковъ новые, командиръ эшелона тотчасъ посылаетъ таковые. Прибывшіе на смѣну опорожненныхъ полные зарядные ящички останавливаются рядомъ съ первыми; лошади изъ нихъ выпрягаются и немедленно запрягаются въ опорожненные ящички, которые и отвозятся къ эшелону безъ вожатыхъ. Ящичные нумера опорожненныхъ ящичковъ остаются тоже на батарее для помощи въ подноску снарядовъ и для замѣны убылыхъ при орудіяхъ.

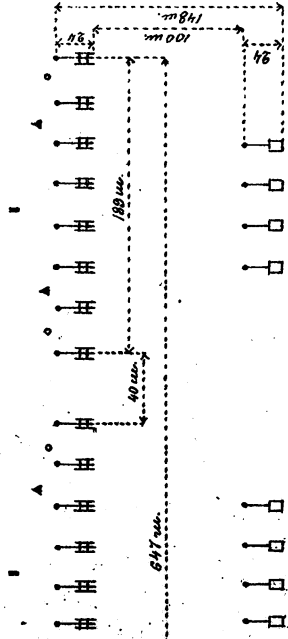
По опорожненіи второй пары зарядныхъ ящичковъ требуется присылка на батарею слѣдующихъ, продолжая такъ до конца боя.

Примѣчаніе. Въ случаѣ занятія оборонительной позиціи, могутъ быть высланы на батарею разомъ всѣ четыре ящичка перваго эшело-

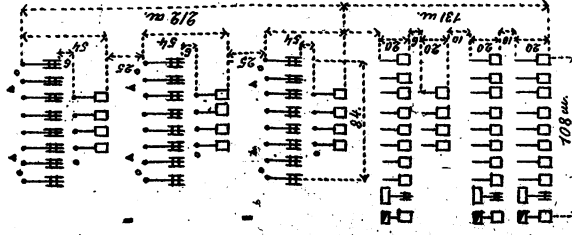
(1) Гдѣ могутъ быть немедленно употреблены на замѣну убылыхъ лошадей въ орудійныхъ передкахъ.

(2) Картечи могутъ быть оставлены.

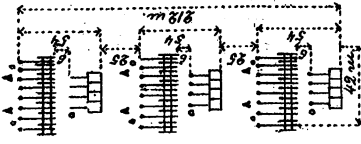
Φω. 1

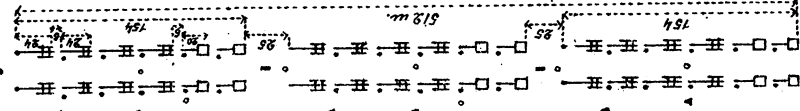
Φω. 4. δ.

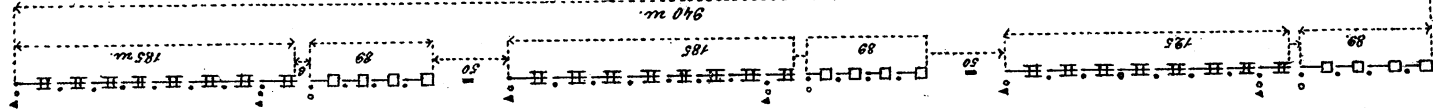
Φω. 4. β.

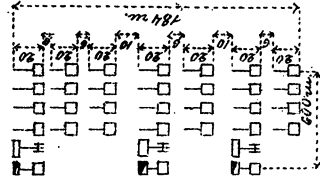
Φω. 5.

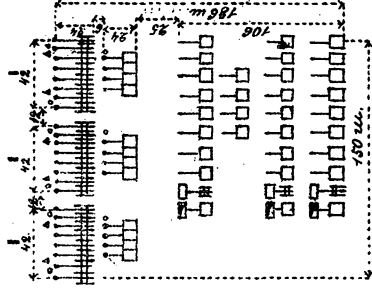
Φω. 6.

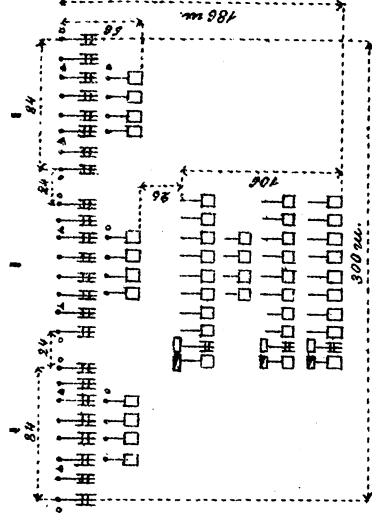
Φω. 9.

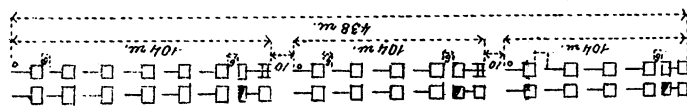
Φω. 3.

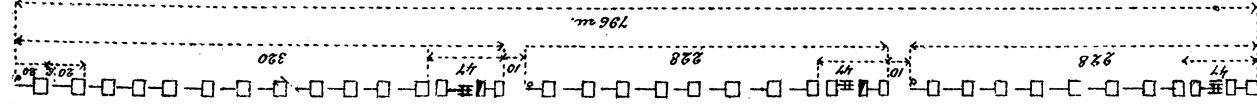
Φω. 2.

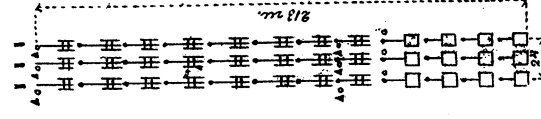
Φω. 10.

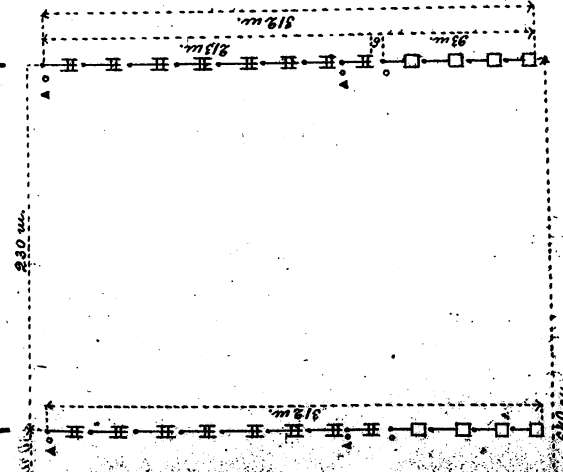
Φω. 11.

Φω. δ. δ.

Φω. δ. α.

Μακρὸς:

на; снаряды и заряды изъ нихъ вынуты, снаряды поставлены па землю, а заряды уложены на брезенты, снятые съ заднихъ ходовъ. Самые же ящики отправлены въ тылъ для пополненія ихъ снарядами. Взамѣнъ же этихъ ящиковъ изъ втораго эшелона немедленно должны быть вытребованы новые четыре ящика.

5) Такъ какъ первый эшелонъ долженъ быть, по возможности, всегда въ составѣ четырехъ полныхъ ящиковъ, то командиръ его, отправивъ на батарею первую пару зарядныхъ ящиковъ, посылаетъ ко второму эшелону пѣшаго вожатаго, съ цѣлью войти съ нимъ въ связь, и просить прислать два зарядные ящика.

Если батарея заняла позицію на возвышенности, подъемъ на которую для нагруженныхъ зарядныхъ ящиковъ затруднителенъ даже съ припряжкою выносовъ, или на ней имъ не найдется мѣсто, командиръ эшелона, подведя ящики къ подошвѣ возвышенности, распорядается подвозкою къ орудіямъ батареи (или только къ орудіямъ одной изъ полубатарей) снарядовъ и зарядовъ вьючнымъ способомъ на сѣдлахъ строевыхъ и выпряженныхъ подсѣдельныхъ лошадей ⁽¹⁾.

По возвращеніи къ эшелону опорожненныхъ на батарее зарядныхъ ящиковъ они осматриваются командиромъ эшелона съ цѣлью удостовѣриться, не осталось ли въ нихъ снарядовъ и вытяжныхъ трубокъ; послѣ чего ящики эти, преимущественно по два разомъ, отправляются ко второму эшелону, вмѣстѣ съ пѣшими вожатами, прибывшими въ первый эшелонъ ранѣе, назначая одного изъ нихъ за старшаго.

Примѣчаніе. Въ случаѣ израсходованія изъ двухъ зарядныхъ ящиковъ однѣхъ только гранатъ или шрапнелей, слѣдуетъ оставшіеся въ одномъ изъ ящиковъ снаряды временно переставить въ другой, дабы совершенно опорожнить первый и затѣмъ уже отправить его ко второму эшелону.

Прибывающіе изъ втораго эшелона въ первый съ зарядными ящиками пѣшіе вожатые должны возвращаться во второй эшелонъ на отправляемыхъ въ послѣдній опорожненныхъ зарядныхъ ящикахъ, служа имъ проводниками. Безъ крайней надобности вожатые эти не употребляются для замѣны убылыхъ номеровъ; ящичные же номера зарядныхъ ящиковъ втораго эшелона, по прибытіи въ первый, поступаютъ въ свое время вмѣстѣ со своими ящиками на ба-

⁽¹⁾ Къ подвозкѣ снарядовъ вьючнымъ способомъ, какъ весьма копотливому, слѣдуетъ прибѣгать вообще только въ крайности.

тарей, гдѣ и могутъ быть употреблены на замѣну убыли въ прислугѣ.

Кромѣ исполненія главной обязанности: поддерживать постоянное снабженіе батареи боевыми припасами, на командира перваго эшелона возлагаются еще слѣдующія: а) Общее начальство надъ орудіейными передками послѣ отъѣзда ихъ отъ батареи. б) Поддержаніе въ тылу батареи полного порядка, не позволяя фейерверкерамъ, ѣздовымъ и нумерамъ оставлять ихъ мѣста (¹). в) Забота, чтобы передки и зарядные ящики были расположены возможно укрыто и менѣе терпѣли отъ выстрѣловъ, переставляя ихъ, если найдетъ нужнымъ, на другое мѣсто, наблюдая, чтобы не потерялась связь съ батареей; для чего, въ случаѣ если передки и ящики расположены такъ, что отъ нихъ батарея не видна за возвышенностью, выставляетъ на послѣднюю коннаго, приказавъ ему передавать къ передкамъ команды и требованія съ батареи. г) Распоряженія о пополненіи убыли въ орудіейныхъ лошадяхъ, перепряжкою лошадей, взятыхъ изъ зарядныхъ ящиковъ, или временною замѣною ихъ уменьшенною запряжкою. д) Замѣняя также убылыхъ орудіейныхъ ѣздовыхъ—ящичными. е) Отправленіе по требованію съ батареи всего, что понадобится изъ предметовъ матеріальной части, равно—шестыхъ, ящичныхъ и запасныхъ нумеровъ на замѣну убыли въ прислугѣ, передавая, если нужно, требованіе во второй эшелонъ. ж) Наблюденіе за уборкою раненыхъ съ батареи,—подачею имъ первой помощи и добросовѣстнымъ исполненіемъ посыльщиками своихъ обязанностей. з) Присмотръ затѣмъ, чтобы амуниція съ убылыхъ лошадей подбиралась на опорожненные зарядные ящики и отправлялась съ ними во второй эшелонъ.

6. Дѣйствія втораго эшелона и обязанности командующаго имъ по вступленіи полубригады въ бой. Передъ движеніемъ полубригады въ боевую линію командующій ею посылаетъ предупредить о томъ командующаго вторымъ (своднымъ) эшелонномъ, сообщая приблизительно о разстояніи до боевой позиціи и долженъ ли эшелонъ остаться на мѣстѣ или идти впередъ, въ какомъ направленіи, и гдѣ остановиться; кромѣ того, указывается вѣроятное мѣсто расположенія летучихъ парковъ корпуса. Въ случаѣ неполученія означенныхъ сообщеній и приказанія, командующій эшелонномъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, слѣдуя за полубригадою и останавливаясь тамъ, гдѣ найдетъ болѣе удобнымъ, руководствуясь требованіями: держаться возможно ближе къ полубригадѣ (на мѣстности

(¹) Обязательными помощниками ему въ этомъ должны служить старшіе въ каждой полубатареѣ орудіейные фейерверкеры, командующіе передками полубатарей при отъѣздахъ.

открытой, не далѣе 400 саж.) и не входя въ боевыя линіи, подѣ стрѣлы располагаться закрыто, не теряя полубригаду изъ вида, поддерживая съ нею постоянную связь, не останавливаясь безъ крайней необходимости на дорогахъ и въ дефиле, во всякомъ случаѣ не загоразивая путь для движенія другихъ войскъ.

По остановкѣ на избранномъ мѣстѣ, притомъ въ колоннѣ, по возможности, съ болѣе широкимъ фронтомъ, посылается вѣстовой къ командующему полубригадою съ донесеніемъ о мѣстѣ расположенія эшелона и на случай полученія приказаній (1). Другой конный вѣстовой посылается найти мѣсто расположенія первыхъ эшелоновъ летучихъ парковъ и изслѣдовать ведущіе къ нимъ пути. (Мѣсто нахождения парковъ обозначается днемъ чернымъ флагомъ, ночью—синимъ фонаремъ). Въ случаѣ остановки втораго эшелона за возвышенностью или въ лощинѣ, въ сторонѣ, для облегченія посланнымъ въ эшелонъ находить его, выставляется на видное мѣсто особый постъ (изъ нестроевыхъ). Если бы эшелону понадобилось перейти на другое мѣсто, то по окончаніи передвиженія объ этомъ доносится командующему полубригадою съ вѣстовымъ; послѣдній смѣняетъ прежде посланнаго вѣстоваго, возвращающагося къ эшелону.

7. Главнѣйшая обязанность командующаго вторымъ эшелономъ: поддерживать безостановочное пополненіе первыхъ эшелоновъ батарей полубригады зарядными ящиками, нагруженными боевыми припасами; пополняя послѣдними присылаемые къ эшелону оно-роженные зарядные ящики изъ отдѣленій летучаго парка. Сверхъ того, второй эшелонъ долженъ служить резервомъ батарей въ отношеніи пополненія убиты въ личномъ и конскомъ составахъ ихъ; не останавливаясь передъ уменьшеніемъ отъ того собственной подвижности или временнымъ разстройствомъ эшелона.

Такимъ образомъ требованія командующимъ первыми эшелонами: о присылкѣ зарядныхъ ящиковъ,—отправленія на батарею запаснаго лафета, людей, заводныхъ лошадей, должны немедленно удовлетворяться, пока въ эшелонѣ имѣются таковыя на лицо изъ числа принадлежащихъ данной батарее. Если же таковыя всѣ израсходованы, то прежде удовлетворенія требованія изъ ресурсовъ другихъ батарей, посылается съ коннымъ донесеніе командующему полубригадою, испрашивая его приказанія. Точно также поступаетъ коман-

(1) Тотчасъ по остановкѣ слѣдуетъ удостовѣриться осмотромъ: замѣнены ли въ трубкахъ всѣхъ гранатъ холостые винты боевыми.

дующій эшелонѣмъ въ случаѣ обращенія за боевыми припасами отъ батареи посторонней группы; донося вмѣстѣ съ тѣмъ о числѣ полныхъ зарядныхъ ящиковъ, имѣющихся въ эшелонѣ на лицо.

На непремѣнную обязанность командующаго эшелонѣмъ возлагается также энергическое поддержаніе строгаго порядка между нижними чинами эшелона, не позволяя имъ отлучаться отъ своихъ мѣстъ, также не допуская останавливаться около эшелона или собираться людямъ постороннихъ частей и повозкамъ.

Отправлять зарядные ящики къ батареямъ или къ парку слѣдуетъ предпочтительно по два разомъ, назначая одного изъ ихъ вожатыхъ за старшаго и отдавая ему нужныя приказанія. При отправкѣ къ батарее людей, или лошадей, таковые посылаютъ командами подъ надзоромъ старшихъ.

На случай могущихъ быть справокъ командующій эшелонѣмъ обязанъ вести карандашемъ краткую памятную записку ⁽¹⁾, запося въ графы ея по порядку время всѣхъ отправленій изъ эшелона къ батарее или къ парку людей, лошадей, зарядныхъ ящиковъ съ обозначеніемъ, какимъ они батареямъ принадлежатъ, подъ чьимъ надзоромъ отправлены, записывая нумеръ зарядныхъ ящиковъ, означая также время возвращенія ихъ изъ парка. Сюда же вписывается и убыль въ конскомъ составѣ эшелона, и число получаемыхъ изъ парка лошадей.

Сверхъ того, съ цѣлью держать командующаго полубригадою постоянно въ извѣстности относительно расхода боевыхъ припасовъ и успѣшности пополненія ихъ изъ парковъ, командующій эшелонѣмъ обязанъ черезъ каждый часъ или $\frac{1}{2}$ часа, смотря по силѣ боя, доносить ему съ коннымъ вѣстовымъ на особой запискѣ ⁽²⁾ карандашемъ: о числѣ имѣющихся въ эшелонѣ, по батарее, полныхъ зарядныхъ ящиковъ, числѣ отправленныхъ къ первому эшелону и къ парку, количествѣ остающихся на лицо запасныхъ людей, заводныхъ лошадей, о числѣ убывшихъ и недостающихъ для запряжки ящиковъ лошадей, для пополненія которыхъ необходимо требованіе въ паркѣ и убыли, происшедшей отъ какихъ бы то ни было причинъ.

8. Прибывающіе изъ перваго эшелона опорожненные зарядные ящики осматриваются и немедленно отправляются къ летучему парку, по возвращеніи отъ котораго поступаютъ временно въ со-

⁽¹⁾ На заранѣе заготовленномъ бланкѣ, примѣрная форма которой приведена въ приложеніи I.

⁽²⁾ Бланки для которой заготавливаются заранѣе; примѣрная форма ихъ приведена въ приложеніи II.

ставъ втораго эшелона, ожидая очереди быть снова посланными въ первый эшелонъ. Раздѣленіе же ящиковъ по эшелонамъ соотвѣтственно носимымъ ими нумерамъ возстановляется только по окончаніи боя и приходѣ на бивакъ.

Передвиженіе зарядныхъ ящиковъ между эшелонами и паркомъ должно производиться на разстояніи менѣе версты рысью, а на большія перемѣннымъ аллюромъ.

Отправляемые изъ втораго эшелона къ летучему парку опорожненные зарядные ящики могутъ быть по недостатку лошадей съ уменьшеною запряжкой, имѣя при себѣ требованіе къ командиру парковой бригады объ отпускѣ недостающихъ лошадей; при этомъ амуниція для послѣднихъ, снятая съ убылыхъ лошадей, везется на ящикахъ.

Прибывъ съ пустыми ящиками въ первый эшелонъ летучаго парка, старшій вожатый является командиру его и докладываетъ, отъ какой части и зачѣмъ прибылъ, передавая если есть письменное требованіе объ отпускѣ лошадей или другихъ предметовъ; приступая затѣмъ тотчасъ же къ приѣмкѣ боевыхъ припасовъ, независимо отъ того, прибылъ ли днемъ или ночью. Принявъ же боевые припасы, по числу положенныхъ возить въ прибывшихъ зарядныхъ ящикахъ, причѣмъ, если возможно, снаряды и заряды для скорости переставляются въ короба, не вынимая ихъ изъ вкладныхъ ящиковъ и сумъ, въ которыхъ они находятся, старшій расписывается въ талонной книжкѣ парка и немедленно отправляется обратно. По прибытіи къ эшелону, старшій является командующему, представляя полученный отъ парка талонъ. Если къ времени возвращенія его сводный второй эшелонъ будетъ уже распущенъ по своимъ батареямъ, то вожатый является своему батарейному командиру, представляя ему талонъ.

Примѣчаніе. Приложенными къ приказу по военному вѣдомству 1888 г. № 18-й «*Правилами о порядкѣ снабженія войскъ огнестрѣльными припасами въ военное время*» установленъ слѣдующій порядокъ пополненія огнестрѣльныхъ припасовъ во время боя.

Ст. 2. Всякая канцелярская переписка, заключающаяся въ выдачѣ свидѣтельствъ на израсходованные въ бою огнестрѣльные припасы, въ составленіи требованій и въ выдачѣ установленныхъ для мирнаго времени квитанцій въ военное время замѣняется соблюденіемъ порядка, изложеннаго въ настоящихъ правилахъ.

Ст. 32. Летучіе парки обязаны отпускать огнестрѣльные припасы днемъ и ночью всѣмъ приѣмщикамъ, прибывающимъ отъ войскъ,

къ какой бы дивизіи и корпусу приемщики не принадлежали, не ожидая на то приказаній и не спрашивая письменныхъ требованій на отпускъ припасовъ.

Ст. 33. Высылка парковыхъ ящиковъ на встрѣчу войсковымъ ящикамъ въ экстренныхъ случаяхъ производится также по требованію командировъ артиллерійскихъ бригадъ.

Ст. 34. Въ случаѣ крайности, начальнику артиллеріи корпуса предоставляется право передавать ящики парковъ въ батареи съ перепряжкой лошадей.

Ст. 35. По прибытіи къ первому эшелону парковъ приемщики обязаны тотчасъ же приступить къ приему, независимо отъ того, прибыли ли они днемъ или ночью.

По приемкѣ припасовъ, приемщики немедленно отправляются обратно къ своимъ частямъ и слѣдуютъ, по возможности, рысью.

Ст. 37. Въ талонныхъ тетрадахъ приемщики обязаны четко расписываться во всѣхъ трехъ талонахъ одного листа, чернилами или карандашемъ, въ количествѣ полученныхъ ими припасовъ, обозначая свой чинъ, фамилію и названіе части, отъ которой присланы. Одинъ талонъ съ отмѣткою и подписью сдатчика о времени начала и окончанія приемки отрѣзывается и выдается приемщику для представленія командиру части.

Ст. 38. Испорченные зарядные ящики и запасные предметы, перемѣняются въ батареяхъ изъ парковъ по требованію батарей, распоряженіемъ командира парковой бригады. Точно также убитыя или раненыя лошади въ батареяхъ пополняются изъ парковъ по требованію батарей распоряженіемъ командира парковой бригады.

Ст. 39. Приемщики отъ батарей расписываются въ талонныхъ листахъ въ принятіи отъ парковъ лошадей, зарядныхъ ящиковъ и прочихъ предметовъ, указанныхъ въ ст. 38.

Въ видахъ безостановочнаго пополненія убыли ящичныхъ лошадей, употребляемыхъ и на замѣну убылыхъ орудіейныхъ, командующій полубригадою высылаетъ командующему вторымъ эшелonomъ, по мѣрѣ надобности, подписанныя имъ требованія (¹) объ отпускѣ для такой-то батареи изъ парка потребнаго числа лошадей, и если нужно, колесъ, зарядныхъ ящиковъ. Командующій эшелonomъ посылаетъ означенныя требованія въ паркъ съ кѣмъ либо изъ вожатыхъ, который, получивъ лошадей, объамунчиваетъ ихъ привезен-

(¹) Бланки подобныхъ требованій заготавливаются заранее и адъютантъ полубригады, выходя въ бой, долженъ имѣть достаточный запасъ ихъ при себѣ.

пою съ собою на ящикахъ амунициею и запрягаетъ въ ящики; возвратившись же, представляетъ талонъ съ роспискою въ пріемъ командующему эшелону.

Въ случаѣ отдѣленія отъ полубригады одной изъ батарей, командующему своднымъ эшелону посылается приказаніе: выдѣлить изъ эшелона принадлежащіе такой-то батарее зарядные ящики и отправить туда-то, что немедленно исполняется, отправляя эшелонъ подъ командою фейерверкера вслѣдъ за батареею, отдавая ему какія потребуются приказанія относительно направленія и пути слѣдованія. Догнавъ батарею на походъ рысью, а въ бою остановившись на должномъ разстояніи сзади батареи, фейерверкеръ посылаетъ съ вѣстовымъ донесеніе командиру батареи о своемъ прибытіи со вторымъ эшелону къ батарее; постуная затѣмъ въ полное распоряженіе батарейнаго командира, руководствуясь при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и исполненіи своихъ обязанностей по снабженію батареи боевыми припасами и пополненія убыли въ ней вышеизложенными въ п. п. 6, 7 и 8 правилами.

9. *Дѣйствія ящичныхъ эшелоновъ при перемѣнѣ батареями позицій впередъ или назадъ.* При наступленіи, по командѣ отбой, командующій первымъ эшелону посылаетъ лошадей для запряжки зарядныхъ ящиковъ, находящихся на батареѣ; а ящичные нумера этихъ послѣднихъ начинаютъ подбирать вынутые изъ нихъ ранѣ вкладные ящики и сумы со снарядами и зарядами и запрягаютъ въ ящики лошадей. Когда же батарея двинется впередъ, остальные ящики перваго эшелона подводятся на бывшее мѣсто позиціи своей батареи, гдѣ шестые и ящичные нумера тотчасъ же подбираютъ и устанавливаютъ въ зарядные ящики своихъ взводовъ оставшіеся на позиціи ⁽¹⁾ вкладные ящики и таковыя же сумы. Окончивъ это, первый эшелонъ двигается за батареею, поступая далѣе, какъ изложено въ §§ 3 и 4 при расположеніи батареи на позиціи.

10. При каждой перемѣнѣ позиціи полубригадою впередъ, командующему вторымъ эшелону посылается приказаніе: оставаться на мѣстѣ, или перейти впередъ туда-то. Съ началомъ преслѣдованія противника, второму эшелону посылается о томъ сообщеніе, съ приказаніемъ держаться къ полубригадѣ возможно ближе. Начиная передвиженіе, командующій вторымъ эшелону оставляетъ на прежнемъ мѣстѣ не менѣ двухъ человекъ для указанія прибывающимъ

(1) Вслѣдствіе невозможности помѣстить ихъ въ наполненные еще ранѣ орудійные передки.

изъ парка заряднымъ ящикамъ направленія, въ которомъ эшелонъ ушелъ и гдѣ приблизительно его найти. Старшему изъ оставленныхъ людей должно быть сообщено: возвращенія сколькихъ именно зарядныхъ ящиковъ изъ парка слѣдуетъ ему ожидать. Исполнивъ передвиженіе, о новомъ мѣстѣ расположенія втораго эшелона доносится командующему полубригадою.

11. *Передъ отступленіемъ* съ позиціи, каждый батареинный командиръ, прежде чѣмъ начать его, вызываетъ къ себѣ командира перваго эшелона и, указавъ ему, въ какомъ направленіи батарея получила приказаніе отходить, предполагаетъ ли останавливаться на позиціи, и гдѣ, или пойдетъ назадъ безостановочно, приказываетъ начать съ эшелономъ немедленно передвиженіе туда-то.

Командующій первымъ эшелономъ, пославъ за лошадьми для запряжки находящихся на батареѣ зарядныхъ ящиковъ, приказываетъ ящичнымъ нумерамъ этихъ ящиковъ подобрать въ нихъ, сколько помѣстится вкладныхъ ящиковъ и сумъ⁽¹⁾, затѣмъ присоединиться къ прочимъ ящикамъ перваго эшелона. По исполненіи же этого, а въ крайнемъ случаѣ и ранѣе, отходить съ эшелономъ назадъ рысью и, опередивъ батарею, примѣрно сажень на 100, переходить въ шагъ, поджидая батарею. Если на пути отступленія находится не очень длинное дефиле, то эшелону обязательно пройти за нею рысью. Дальнѣйшее отступленіе эшелонъ исполняетъ, придерживаясь къ батареѣ; а по остановкѣ послѣдней на позиціи, немедленно подходитъ къ ней, останавливаясь вблизи орудійныхъ передковъ для пополненія вынутыхъ изъ нихъ вкладныхъ ящиковъ и сумъ. Затѣмъ, если орудійные передки отѣхали отъ батареи, немедленно посылаются на фланги батареи два зарядные ящика, лошади изъ которыхъ для большей готовности продолжать отступленіе могутъ уже не выпрягаться. Въ случаѣ орудійные передки поставлены на ближній отѣздъ, два зарядные ящика перваго эшелона останавливаются невдалекѣ, впереди передковъ, для пополненія расходуемыхъ изъ нихъ боевыхъ припасовъ.

12. *Передъ началомъ отступленія* командующій полубригадою обязанъ предупредить о томъ командующаго вторымъ эшелономъ, приказавъ ему отходить въ такомъ-то направленіи, по дорогѣ туда-то,

(1) Не помѣщающіеся въ наполненные орудійные передки вкладные ящики и сумы, по взятіи орудій назадки, подбираются орудійною прислугою, устанавливая ящики по два вдоль передней стѣны передковъ на крышу подножного ящика, а вкладныя сумы съ зарядами беря на руки.

обративъ особенное вниманіе на вѣрное указаніе пути отступленія, прибавляя: предполагается ли отступать съ боемъ или безостановочно, въ походномъ порядкѣ и гдѣ въ послѣднемъ случаѣ эшелону присоединиться къ полубригадѣ.

Получивъ вышеприведенное сообщеніе и приказаніе, командующій своднымъ эшелonomъ тотчасъ же начинаетъ отходить назадъ, двигаясь шагомъ, если нѣтъ особыхъ причинъ идти рысью. Въ случаѣ отступленія, исполняется съ боемъ; второй эшелонъ, зная это, по временамъ на удобной мѣстности долженъ пріостанавливаться, поджидая прибытія изъ первыхъ эшелоновъ опорожненныхъ зарядныхъ ящиковъ. Можно также, не останавливая движенія эшелона, посылать на встрѣчу или оставлять съ приказаніемъ, дожидаться пустыхъ ящиковъ по одному полному ящику на батарею при старшемъ. При отступленія безъ боя, эшелонъ ожидаетъ полубригаду на пути отступленія, присоединяясь къ ней.

Во время отступленія командующій эшелonomъ обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы не потерять связь съ полубригадою и не разойтись съ нею по разнымъ направленіямъ, употребляя для поддержанія связи и освѣдомленія о мѣстѣ нахождения полубригады и ея движеніяхъ своихъ конныхъ вѣстовыхъ.

13. По окончаніи боя, вообще по остановкѣ полубригады на bivакѣ, командующій своднымъ эшелonomъ, получивъ приказаніе о томъ, отпускаетъ эшелонъ по своимъ батареямъ, передавая фейерверкерамъ, находящимся при эшелонѣ отъ каждой батареи, всѣ талонные листы съ росписками на принятые для каждой батареи изъ парка боевые припасы, лошадей или запасные предметы. Означенные листы, по прибытіи фейерверкеровъ къ батареямъ, представляются ими командирамъ батарей.

По отпускѣ своднаго эшелона по батареямъ, офицеръ, командовавшій имъ, является командующему полубригадою, докладывая, что потребуетъ, о дѣйствіяхъ эшелона и объ особенно отличившихся въ бою нижнихъ чинахъ эшелона.

Полковникъ Петроковъ.

Приложение 1-е.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

Командующаго вторымъ эшелонемъ 00 полубригады

артилер. бригады

« » дня 189 г.

Часы	Мин.	Что и куда отправлено или прибыло.	Принадлежащiе батареямъ.			Замѣтки.
			1.	2.	3.	
8	5	На батареи по два зарядныхъ ящика №№	2 и 3 б. Пименовъ.	2 и 3 б. Корниловъ.	2 и 3 б. Поповъ.	
	35	Въ паркъ два зарядные ящика за №№	»	»	1 и 10 б.	
	40	Въ 3-ю батарею зарядн. ящики и три заводныхъ лошади	»	»	Евстигвѣвъ, 5 и 6 б. Емельяновъ.	
	45	Во 2-ю батар. заряд. ящики №№	»	5 и 6 б. Сидоровъ.	3 лошади К. Перфильевъ.	
	47	Въ паркъ два зарядные ящика за №№	»	1 и 10 б. Ивановъ.	»	
	53	Въ 1-ю батар. два заряд. ящ. №№ двѣ заводныхъ лошади.	4 и 6 б. Самсоновъ. 2 лошади. К. Дунинъ.	»	»	
	58	Въ паркъ два зарядные ящика №№	1 и 13 б. Гвѣваковъ.	»	»	
9	15	Изъ парка два зарядныхъ ящика №№ и четыре лошади.	»	»	1 и 10 б. 4 лошади.	
	27	Изъ парка два зарядныхъ ящика №№ и двѣ лошади.	»	1 и 10 б. 2 лошади.	»	
	30	Въ 3-ю батарею два зарядные ящика №№	»	»	5 и 6 б. Струмило.	
	32	Въ паркъ два зарядные ящика №№	»	»	4 и 7 б. Капгаоновъ.	
	37	Въ 1-ю батарею запасн. лафеть.	Запасн. лаф. б. Захаровъ.	»	»	
	41	Въ паркъ два зарядные ящика №№	5 и 9 б. Перакъ.	»	»	
	42	Въ 1-ю батарею два зарядныхъ ящика №№	7 и 8 б. Коптьловъ.	»	»	
	51	Во 2-ю батарею три заводныхъ лошади.	»	3 лошади. б. Стариковъ.	»	
		И т.	д.			

ОФИЦЕРСКИЙ ОБМУНДИРОВАЛЬНЫЙ КАПИТАЛЪ.

Всѣмъ извѣстно, что наружный видъ офицера, такъ или иначе, рекомендуетъ его начальству, постороннему обществу и даже подчиненнымъ нижнимъ чинамъ. Командиръ части обращаетъ на это вниманіе, потому что по представительности его офицеровъ часто судятъ объ остальномъ. Для постороннихъ личностей наружность есть вывѣска, потому что для оцѣнки внутреннихъ достоинствъ нужно близко знать человѣка, тогда какъ наружный видъ на лицо. Наконецъ, на виднаго офицера, одѣтаго всегда чисто и прилично, солдатъ смотритъ совсѣмъ иначе, чѣмъ на одѣтаго неопрятно и равнодушнаго къ своему наружному виду. Изъ всего этого слѣдуетъ, что состоящій на службѣ офицеръ долженъ быть всегда и вездѣ чисто и прилично одѣтъ, и что ему всегда надлежитъ прилагать особую заботу о своемъ туалетѣ.

Забота эта составляетъ первую заботу офицера при выходѣ его въ свѣтъ, предъ его производствомъ въ офицеры, она же составляетъ его наибольшую заботу и при дальнѣйшемъ прохожденіи службы, такъ какъ вызываетъ всегда наиболѣе существенный расходъ.

Дѣйствительно, выпускаемымъ на службу изъ военныхъ или юнкерскихъ училищъ отпускается при выпускѣ самое ограниченное пособіе на обмундировку, которое, при неимѣніи собственныхъ средствъ, позволяетъ только при заказѣ огуломъ при посредствѣ училищнаго начальства обзавестись всѣмъ, неизбѣжно необходимымъ. Нѣсколько смѣнъ бѣлья, мундирная и сюртучная пары, пары двѣ сапогъ, такъ называемыя офицерскія вещи, — вотъ все, чѣмъ можетъ обзавестись вновь произведенный на отпускаемое казенное пособіе. Понятно поэтому, что вскорѣ по прибытіи молодаго офицера въ часть онъ начинаетъ чувствовать, — какъ всѣ мы это сами знаемъ, — недостатокъ въ одной парѣ мундира и особенно сюртука. Уже черезъ полгода послѣ выпуска и мундиръ начинаетъ обнашиваться отъ карауловъ, дежурствъ и ученій, и сюртукъ отъ ежедневнаго упо-

требленія потрется и потеряетъ свою новизну. Особенно же это скажется послѣ первыхъ лагерей. Неловко, конечно, явиться въ поношенномъ мундирѣ по начальству, когда то потребуется, неловко въ немъ же являться на смотры, парады, неловко точно также являться въ потертомъ, заношенномъ сюртукѣ и въ общество. Возникаетъ, слѣдовательно, вновь забота объ обмундированіи.

Неимущему собственныхъ средствъ остается прибѣгнуть къ помощи заемнаго офицерскаго капитала и на взятую ссуду спить себѣ все необходимое. Не забудемъ, однако, что воспользоваться ссудой возможно лишь тому, кто раньше не воспользовался ею въ полной, предоставленной его чину положеніемъ, нормѣ (1), или же тому, кто успѣлъ выплатить четвертую часть взятой имъ полной ссуды. Между тѣмъ по прибытіи офицера въ часть ему необходимо тотчасъ же озаботиться обзаведеніемъ кое-какой обстановкой и необходимой для ежедневнаго обихода принадлежностью (постель, самоваръ, посуда); точно также не тотчасъ же по прибытіи въ часть офицеръ получить жалованье, а жить на что нибудь надобно. Такъ что къ помощи заемнаго офицерскаго капитала молодому офицеру приходится обратиться тотчасъ по прибытіи на службу и еще до тѣхъ поръ, пока у него начала сказываться потребность въ улучшеніи обмундировки.

Въ подобномъ случаѣ за помощью по обмундировкѣ остается обратиться къ услужливымъ портнымъ-кредиторамъ, предупредительно изъявляющимъ согласіе спить все необходимое съ разсрочкой платежа помѣсячно при полученіи содержанія. Само собою разумѣется, что услуга эта обойдется офицеру не даромъ: портной возьметъ хорошій процентъ за разсрочку и матеріаль поставитъ по своему усмотрѣнію, — подешевле.

Такъ случается съ большинствомъ вновь выпущенныхъ офицеровъ, лишенныхъ поддержки со стороны, тоже самое, — если еще не съ большими затрудненіями и хлопотами, — случается и съ прослужившими уже въ части офицерами, не обладающими собственными средствами. Дѣйствительно, большинству и особенно семейнымъ, при долгѣ въ капиталъ, нѣтъ возможности выплатить изъ своего содержанія сразу 40—50 рублей за сюртучную или мундирную пару и имъ по необходимости приходится обратиться къ тому же услужливому портному-кредитору, который сошьетъ съ разсрочкой, по возьметъ за тоже самое рублей на 20 дороже и поставитъ гнилой, дешевый матеріаль.

(1) Въ чинѣ подпоручика норма ссуды 200 рублей.

Такимъ образомъ офицеръ, являющійся по выпускѣ изъ училища въ часть, въ первый же годъ службы своей дѣлается предметомъ эксплуатаціи кредитора-портнаго, его же эксплуатаціи подвержень и старый служака офицеръ. Какъ тотъ, такъ и другой по безденежью.

Единственнымъ исходомъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ изъ такого положенія является учрежденіе въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ особыхъ *обмундировальныхъ капиталовъ*, которые, какъ показали опытъ, приносятъ незамѣнимую услугу офицерскому обществу. Такіе капиталы, сколько намъ извѣстно, существуютъ уже нѣсколько лѣтъ въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ, существуетъ, между прочимъ, такой капиталъ и въ той части, гдѣ мы служимъ, а потому позволимъ себѣ ознакомить читателей съ тѣми основаніями и съ тѣмъ порядкомъ, на которыхъ основался у насъ и существуетъ *офицерскій обмундировальный капиталъ*.

Въ 1887 году, по почину ближайшаго начальства, въ общемъ собраніи офицеровъ * * артилерійской бригады рѣшено было учредить свой *офицерскій обмундировальный капиталъ* и свою *обмундировальную мастерскую*, при помощи которыхъ каждый офицеръ бригады имѣлъ бы возможность во всякое время шить себѣ у законтрактованнаго бригадой особаго портнаго какое угодно платье. Матеріалы рѣшено было выписывать и покупать самимъ изъ лучшихъ магазиновъ и фабрикъ, шить портной обязанъ былъ по извѣстной таксѣ, причемъ уплата за сшитое офицеру и принятое имъ платье должна была производиться изъ обмундировальнаго капитала. Затѣмъ на пополненіе сдѣланнаго офицеромъ въ мастерской заказа рѣшено было производить ежемѣсячный вычетъ по особому расчету, соотвѣтственно общей стоимости заказа. Для завѣдыванія капиталомъ и приобрѣтенными матеріалами тогда же избранъ былъ особый комитетъ изъ председателя—штабъ-офицера и двухъ членовъ—оберъ-офицеровъ. Комитету было поручено сдѣлать необходимыя распоряженія по приобрѣтенію матеріаловъ, по вызову портнаго и заключенію контракта съ нимъ и, наконецъ, предложено выработать проектъ положенія о заведенномъ капиталѣ и мастерской.

Необходимыя первоначальныя средства на обороты по мастерской (500 р.), съ разрѣшенія начальника артилеріи корпуса, были позаимствованы изъ свободныхъ хозяйственныхъ суммъ батареі бригады, съ обязательствомъ пополнить ихъ въ теченіе года.

Для образованія же самаго обмундировальнаго капитала рѣшено было установить общій обязательный вычетъ изъ содержанія каждаго участника въ размѣрѣ двухъ рублей въ мѣсяцъ. Первоначально

постановлено было, чтобы вычетъ этотъ производился до тѣхъ поръ пока у каждаго участника не составитя въ капиталѣ вкладъ въ 50 рублей, что всего составило бы при среднемъ числѣ 40 участниковъ капиталъ въ 2,000 рублей. Впослѣдствіи, съ цѣлью расширенія оборотовъ капитала рѣшено, было, съ общаго всѣхъ согласія, продолжать вычетъ съ тѣмъ, чтобы у каждаго участника образовался вкладъ въ 100 рублей и весь оборотный капиталъ въ 4,000 рублей. Такимъ порядкомъ созданъ въ бригадѣ свой обмундировальный капиталъ и при немъ обмундировальная мастерская.

Въ капиталѣ этомъ въ настоящее время по состоянію къ 1-му января 1892 года, т. е. за время четырехлѣтняго существованія, числится оборотныхъ около 3,800 рублей, за вычетомъ возвращенныхъ по принадлежности въ первый же годъ позайствованныхъ 500 рублей.

Позволимъ себѣ привести для свѣдѣнія интересующихся выработанное въ бригадѣ положеніе объ офицерскомъ обмундировальномъ капиталѣ, состоящей при ней мастерской и объ отчетности по суммамъ капитала и матеріаламъ, — на самомъ дѣлѣ довольно сложной.

Положеніе объ офицерскомъ обмундировальномъ капиталѣ и обмундировальной мастерской * * артилерійской бригады.

§ 1. Съ цѣлью облегченія гг. офицерамъ бригады заказовъ форменной мундирной одежды путемъ помѣсячной разсрочки платы за сдѣланный заказъ, а равно съ цѣлью доставленія возможности каждому офицеру бригады имѣть платѣ по возможно удешевленной цѣнѣ и лучшаго качества, съ общаго согласія гг. офицеровъ бригады учреждается особая *офицерская обмундировальная мастерская*, а для оборотовъ по операціямъ этой мастерской составляется особый *офицерскій обмундировальный капиталъ*.

§ 2. Всѣ состоящіе въ бригадѣ наличные офицеры и врачи *обязательно* участвуютъ въ составленіи капитала и пользуются всѣми правами, предоставленными участникамъ симъ положеніемъ.

§ 3. Для общаго завѣдыванія мастерской и обмундировальнымъ капиталомъ, производства необходимыхъ закупокъ, расплаты съ портнымъ и веденія отчетности по суммамъ капитала и матеріаламъ мастерской закрытой баллотировкой большинствомъ голосовъ избирается особый комитетъ изъ председателя—штабъ-офицера и двухъ членовъ—оберъ-офицеровъ, въ чинѣ не ниже поручика.

§ 4. Комитетъ избирается на одинъ годъ въ концѣ декабря и ни одинъ изъ участниковъ капитала не имѣетъ права отказаться отъ выбора въ комитетъ въ первый разъ. Выбраннымъ вторично предоставляется право отка-

заться отъ выбора, но, черезъ годъ по слачѣ, прежніе члены комитета и имѣютъ право отказываться отъ выбора.

§ 5. На предсѣдателя комитета возлагаются обязанности: а) по храненію и расходованію суммъ капитала; б) по производству необходимыхъ закупокъ матеріаловъ для мастерской, и в) по расплатѣ съ портными и поставщиками за сдѣланные офицерами заказы.

§ 6. Члены комитета пополугодно (начиная со старшаго) ведутъ отчетность по суммамъ и матеріаламъ, завѣдуютъ матеріалами и производятъ выдачу матеріаловъ портнымъ и участникамъ капитала. Въ случаѣ отсутствія очереднаго члена комитета его обязанности исполняетъ другой членъ.

§ 7. Въ концѣ каждаго мѣсяца комитетъ повѣряетъ книги, по каковымъ ведется отчетность по капиталу, что излагаетъ подъ мѣсячными итогами особымъ посвидѣтельствованіемъ. Къ 20-му числу каждаго мѣсяца предсѣдатель представляетъ въ управленіе бригады вычеты членскихъ взносовъ и за сдѣланные заказы съ участниковъ капитала.

§ 8. Для образованія обмундировальнаго капитала съ участниковъ его производится ежемѣсячный вычетъ въ размѣрѣ двухъ рублей до тѣхъ поръ, пока у каждаго не образуется свой вкладъ въ 100 рублей. Образующійся при такихъ вычетахъ по истеченіи четырехъ лѣтъ капиталъ (около 4,000 р.), при среднемъ числѣ 40 участниковъ, считается достаточнымъ для самыхъ широкихъ операций по оборотамъ капитала.

§ 9. Необходимыя для расходовъ деньги хранятся у предсѣдателя, излишнія же—въ отдѣленіи государственнаго банка на текущемъ счету. Брать и вкладывать деньги можетъ только предсѣдатель и лишь за отсутствіемъ его—старшій изъ членовъ.

§ 10. Для веденія отчетности по суммамъ капитала и матеріаламъ должны вестись слѣдующія книги: а) денежный журналъ; б) книга долговъ за гг. офицерами; в) книга членскихъ взносовъ и собственныхъ вкладовъ; г) книга прихода и расхода матеріаловъ, и д) книга выдачи матеріаловъ участникамъ капитала.

§ 11. Матеріалы должны пріобрѣтаться оптомъ распоряженіемъ предсѣдателя комитета прямо изъ фабрикъ или складовъ. Въ мастерской всегда должно находиться столько матеріала, сколько то вызывается необходимостью постройки обмундированія и средствами капитала.

§ 12. Матеріалами изъ мастерской могутъ пользоваться только участники. Передавать матеріалы постороннимъ строго воспрещено.

§ 13. Всѣ матеріалы можно брать дробными частями аршина или вершка по длинѣ во всю ширину, напримѣръ, 1 вершокъ бархата на воротникъ, $\frac{3}{4}$ вершка на петлицы и т. п.

§ 14. Необходимыя офицерскія вещи (погоны, эполеты, портупей, шнуры и т. п.) должны имѣться въ мастерской и пріобрѣтаться у лучшихъ фабрикантовъ и лучшаго качества.

§ 15. Для шитья платья комитетъ заключаетъ контрактъ съ лучшимъ

портнымъ съ залогомъ въ 200 рублей. Копія съ контракта выдается каждому участнику.

§ 16. Въ случаѣ порчи портнымъ выданныхъ матеріаловъ, комитетъ взыскиваетъ съ него за дѣйствительную стоимость матеріала изъ представленнаго портнымъ залога. Дѣйствительность порчи удостоверяется комитетомъ.

§ 17. За произведенную работу деньги уплачиваются изъ капитала предсѣдателемъ по предъявленіи портнымъ росписки заказчика о полученіи заказа.

§ 18. Выдача матеріаловъ изъ мастерской, помѣщающейся при бригадномъ офицерскомъ собраніи, должна производиться два раза въ недѣлю по вторникамъ и пятницамъ, отъ часу дня, къ каковому времени должны поступать заявленія отъ желающихъ сдѣлать заказъ, а также являться портные для снятія мѣрокъ и полученія матеріаловъ отъ заказчиковъ. Взятый матеріалъ росписывается въ книгѣ выдачи матеріаловъ (№ 5), тутъ же росписывается и портной въ принятіи отъ заказчика матеріаловъ.

§ 19. Каждому участнику капитала открывается въ капиталѣ кредитъ на сумму не болѣе 150 рублей.

§ 20. Въ возмѣщеніе расхода за взятый участниками матеріалъ и за уплату портному производится изъ содержанія должника ежемѣсячный вычетъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: а) за заказъ до 150 рублей—15 рублей въ мѣсяцъ; б) за заказъ до 100 рублей—10 рублей въ мѣсяцъ; в) за заказъ до 70 рублей—6 рублей, и г) за заказъ до 50 рублей—4 рубля въ мѣсяцъ. Вычетъ этотъ производитъ казначей при выдачѣ содержанія.

§ 21. На необходимые расходы по операціямъ мастерской (покупка книгъ для отчетности, шкафа для храненія матеріаловъ, на разъѣзды по нуждамъ комитета, пересылку денегъ въ магазины и т. п.) взымается съ каждого заказчика: за заказъ сюртучной или мундирной пары и шинели по 60 копѣекъ, за заказъ лѣтняго или зимняго пальто—60 копѣекъ, за мундиръ или сюртукъ, заказанные отдѣльно—40 копѣекъ, за брюки или тужурку (укороченное пальто)—20 копѣекъ. Изъ послѣднихъ вычетовъ образуется въ капиталѣ особый кассовый фондъ.

§ 22. При производствѣ вычетовъ изъ содержанія удерживаются въ первый же мѣсяцъ и всѣ копѣйки, имѣющіяся въ общей суммѣ заказа. Напримеръ, при заказѣ на 67 р. 65 коп. (въ томъ числѣ за матеріалы 55 руб. 75 к., за заказъ въ пользу мастерской 80 коп. и за работу портному 11 р.) въ первый мѣсяцъ вычитается съ заказчика 6 р. 65 коп., а въ остальные мѣсяцы по 6 рублей.

§ 23. Въ случаѣ выхода изъ состава бригады кого-либо изъ участниковъ, собственный его вкладъ, образующійся изъ 2 руб. ежемѣсячнаго взноса, за вычетомъ долга въ обмундировальный капиталъ, выдается на руки. Если этого вклада не будетъ достаточно на пополненіе долга, берутся собственные деньги участника изъ заемнаго офицерскаго капитала, выдаваемые ему на руки. Если же и этихъ денегъ не хватитъ на пополненіе долга, то дѣлается надлежащее сношеніе съ мѣстомъ новаго служенія должника о вычетахъ изъ его

содержанія. Неполненный долг умершихъ участниковъ пополняется равно-
мѣрной разверткой изъ содержанія всѣхъ участниковъ.

§ 24. Ежегодно къ 1-му января слѣдующаго за отчетнымъ года подво-
дятся общіе годовые итоги по всѣмъ суммамъ и матеріаламъ мастерской и
составляется общая годовая отчетность о приходѣ, расходѣ и наличномъ со-
стояніи суммъ и матеріаловъ мастерской. Для повѣрки этой отчетности и
книгъ мастерской, подписанныхъ предсѣдателемъ и членами комитета, назна-
чается командиромъ бригады особая комісія изъ штабъ-офицера и двухъ
оберъ-офицеровъ (въ чинѣ не ниже поручика), которая доноситъ о результатѣ
повѣрки. Послѣ сего весь отчетъ объявляется для общаго свѣдѣнія всѣхъ
участниковъ, копія съ котораго получается каждымъ участникомъ.

§ 25. Согласно заключеннаго съ портнымъ N контракта, платье гг. офи-
церамъ бригады будетъ шиться по слѣдующей таксѣ:

За шитье мундирной пары (мундиръ и короткіе брюки)	9 р.
» шитье сюртучной пары (сюртукъ и длинные брюки)	8 » 50 к.
» лѣтнее пальто.	6 » 25 »
» зимнее пальто.	7 » — »
Отдѣльно за сюртукъ	6 » — »
Отдѣльно за брюки	2 » — »
За укороченное пальто (тужурку)	4 » — »
» китель	2 » — »

Въ этомъ числѣ заключается плата за работу и за мелкій приборъ (пугови-
цы къ брюкамъ и мундиру, кольца, крючки, подкладку у пояса брюкъ, ма-
терія на карманы), прочіе же матеріалы должны получаться изъ мастерской.

§ 26. По соглашенію съ тѣмъ же портнымъ, ему будетъ выдаваться ма-
теріалъ, сообразно съ ростомъ заказчиковъ, подраздѣляя таковой на три ка-
тегоріи: высокій, средній и низкій. На основаніи сего ему будетъ выдаваться:

		На мундир- ную пару.		На сюртуч- ную пару.		На пальто.		На китель.		
		Арш.	Вершк.	Арш.	Вершк.	Арш.	Вершк.	Арш.	Вершк.	
Кастору, дра- пу или сукна.	Для высокаго роста.	3	12	4	8	4	4	—	—	Высокій ростъ— свыше 2 арш. 7 вершк.
	» средняго »	3	8	4	4	4	2	—	—	
	» низкаго »	3	6	4	—	4	—	—	—	
Черной или сѣрой под- кладки.	Для высокаго роста.	2	—	2	8	7	8	—	—	Средній ростъ— свыше 2 арш. 5 вершк.
	» средняго »	1	12	2	4	7	—	—	—	
	» низкаго »	1	12	2	4	6	12	—	—	
Бѣлой под- кладки.	Для высокаго роста.	2	—	3	4	—	—	—	—	Низкій ростъ— ниже 2 арш. 5 вершк.
	» средняго »	1	12	3	—	—	—	—	—	
	» низкаго »	1	12	3	—	—	—	—	—	
Матеріалу на китель (черто- ва кожа, ро- гожка и т. п.).	Для высокаго роста.	—	—	—	—	—	—	5	4	
	» средняго »	—	—	—	—	—	—	5	—	
	» низкаго »	—	—	—	—	—	—	4	8	

Бархату: 1 верш. на воротникъ, $\frac{3}{4}$ верш. на петлицы; краснаго сукна на воротникъ $1\frac{1}{4}$ вершка

§ 27. Данный одиночный заказ портной не имѣетъ права держать болѣе 10-ти дней; за просрочку этого срока онъ подвергается штрафу въ 3 руб. съ каждаго заказа, который вычитается изъ залога.

Существующая, на основаніи изложенныхъ выше положеній, въ нашей бригадѣ мастерская приноситъ офицерскому обществу громадную пользу. Она даетъ возможность каждому офицеру бригады, какъ только-что выпущенному, такъ и послужившему, быть всегда чисто и прилично одѣтымъ, получать на обмундировку матеріаль самаго лучшаго качества по фабричнымъ цѣнамъ, не стѣсняясь единовременною выплатою за заказъ, а даетъ возможность выплатить расходы за заказъ путемъ помѣсячной разсрочки по частямъ, освободила офицеровъ отъ высшей степени неприятныхъ сдѣлокъ съ портными и, наконецъ, значительно удешевила заказъ платья. Достаточно будетъ упомянуть, что мундирная пара при заказѣ въ своей мастерской обходится отъ 40 до 45 руб. (смотря по росту), сюртучная—отъ 36 до 40 руб., лѣтнее пальто—отъ 37 до 40 руб., зимнее пальто—отъ 55 до 70 руб., — и все изъ матеріала самаго лучшаго качества и высшей стоимости.

Самое затруднительное при учрежденіи подобной мастерской—это необходимость позаймствованія на первоначальные расходы суммы въ 500—600 руб. Но намъ кажется, что въ такомъ позаймствованіи не можетъ представиться особыхъ затрудненій и высшее начальство, при надлежащемъ ходатайствѣ, всегда разрѣшитъ отчислить на подобное учрежденіе заимообразно на годъ такую сумму, тѣмъ болѣе, что въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ всегда имѣются не идущія въ оборотъ хозяйственные суммы. Наконецъ, позаймствование такое, съ надлежащаго разрѣшенія, могло быть свободно сдѣлано и изъ заемнаго офицерскаго капитала.

Выработанное въ бригадѣ Положеніе объ офицерскомъ обмундировальномъ капиталѣ и мастерской во многомъ, конечно, еще не полно, не предусматриваетъ многихъ вопросовъ, возникающихъ на практикѣ, но приводится нами какъ проектъ, который предстоитъ практикѣ пополнить и разработать болѣе систематично и подробно. Наше Положеніе, на примѣръ, не предусматриваетъ вовсе судьбы обмундировальнаго капитала и мастерской съ объявленіемъ мобилизаци, что предстоитъ также разработать будущему.

Н. Г.

ИЗЪ БЕСѢДЪ О КОННИЦѢ.

Въ № 167-мъ «Русскаго Инвалида» за 1891 г. была помѣщена краткая замѣтка о своевременности производства опытовъ боевой стрѣльбы съ коня и о програмѣ этихъ опытовъ. Эта замѣтка, какъ равно и «бесѣда», сообщавшая согласный съ предложеніемъ взглядъ на дѣло боеваго авторитета («Русскій Инвалидъ», № 199-й), вызвали рядъ статей, въ свою очередь, не оставленныхъ безъ отвѣтовъ... и, такимъ образомъ, въ короткое время создалась довольно обширная литература противъ и за—по вопросу о боевой стрѣльбѣ съ коня.

Высказанное опонентами касательно существа дѣла можетъ быть подраздѣлено на двѣ далеко не равныя части: большая часть принадлежитъ опроверженію и отрицанію примѣненія стрѣльбы съ коня во время производства атаки, а также, скажемъ, пародируя слова одного извѣстнаго писателя, — «кабинетной трухѣ» о соотношеніи измышленныхъ яко бы свойствъ конницы съ свойствами стрѣльбы. Такая позиція, занятая опонентами, оказалась весьма выгодною, ибо очень легко было опровергать массою словъ то, что предлагалось только въ нѣсколькихъ строкахъ, въ формѣ условной, какъ одинъ изъ пріемовъ опытовъ (№ 167-й), или о чемъ говорилось въ разъясненіе совсѣмъ другихъ вопросовъ (№ 242-й) о соотношеніи атаки и наступленія, о значеніи перерыва въ движеніи и т. п. Не смотря на неоднократное разъясненіе нами вопроса о томъ, что *мы ничего не имѣемъ противъ стрѣльбы съ коня въ обстановкѣ боя только тогда, когда наличныя условія исключаютъ внезапность или необходимость немедленной выручки, и что, наоборотъ, разъ начальникъ, обозначивъ командою «шашки вонъ» рѣшеніе ударить противника, повель конницу, то всякая остановка преступна и вредна, — опоненты продолжали, такъ сказать, ломиться въ открытую дверь (1).*

(1) По наборъ нашей статьи, мы ознакомилась съ новой попыткой г. П. Г. Л. («Военный Сборникъ», № 1-й, 1892 г.) того же характера. Скажемъ по поводу ея только нѣсколько словъ: а) мы именно намѣчали программу опыта производства массовой стрѣльбы съ коня въ разныхъ обстановкахъ, ибо считаемъ этотъ родъ стрѣльбы труднѣйшимъ и требующимъ положительныхъ данныхъ и, конечно, сравнительныхъ съ тою же стрѣльбой *стѣннымихъ драгунъ*. Намъ особенно интересовала массовая стрѣльба, потому что, какъ мы думаемъ, она должна

Что за причина такого характера статей оппонентовъ. Намъ объясняли, что будто наши статьи по занимающему вопросу производятъ общее впечатлѣніе, что мы, главнымъ образомъ, проповѣдуемъ боевую стрѣльбу съ коня въ условіяхъ производства атаки, что мы чуть ли не предлагаемъ боевой стрѣльбой съ коня замѣнить рубку саблями и шокъ... Общее впечатлѣніе! Это намъ напоминаетъ другой литературный споръ на страницахъ «Военнаго Сборника», въ 1868 году, когда приходилось автору еще хуже—по общему впечатлѣнію быть

явиться преимущественною формою стрѣльбы даже въ пѣхотѣ, тѣмъ болѣе въ конницѣ, въ которой условія веденія стрѣльбы въ современномъ бою и свойства самаго оружія особенно настоятельно указываютъ на необходимость мѣръ для дисциплинированія огня. Опыты доказали возможность доведенія этой стрѣльбы до известной степени совершенства, однаковой съ стрѣльбою *спѣшными драгун.* Нужно ли еще доказывать, что современное состояніе винтовки, а тѣмъ болѣе будущей магазинки—дѣйствительно, значительно измѣнило положеніе вопроса? б) г. П. Г. Л. указываетъ на противорѣчія въ нашихъ статьяхъ. Было бы утомительно доказывать цитатами, что противорѣчія эти только кажущіяся. Просимъ читателей обратить вниманіе на 4-ю страницу № 243-го «Русскаго Инвалида», гдѣ они найдутъ, кажется намъ, достаточное разъясненіе вопроса о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ «починъ» и сравнить съ тѣмъ, что приписываетъ намъ г. П. Г. Л. на стр. 185—186-й. Мы говоримъ, что починъ—это сохраненіе за собою командованія надъ волею противника,—это рѣшеніе идти въ атаку, когда намъ выгодно атаковать, а г. П. Г. Л., все это *главное* упустивши, говоритъ, что мы подъ починомъ разумѣемъ «между прочимъ: стройность, сомкнутость и т. д.» т. е. то, что мы отводимъ подъ рубрику прочихъ шансовъ на успѣхъ. На основаніи этого, г. П. Г. Л. указываетъ намъ, что австрійская конница, подъ Прагой разбитая пруссаками, «всеми этими сторонами превосходила» непріятельскую. Если внимательно прочесть нашъ трудъ (Фридрихъ Великій, стр. 123—124), то тамъ можно найти данныя для того, чтобы сказать обратное: (австрійцы были атакованы неожиданно, около половины конницы была въ нарядѣ, на фуражировкахъ и т. п., и не могла превосходить противника шансами на успѣхъ). Точно, предусматривали мы и другой упрекъ въ противорѣчій: г. П. Г. Л. ссылается на тотъ же нашъ трудъ о Фридрихѣ, гдѣ мы приводимъ извлеченіе изъ приказа короля о томъ, чтобы пруссаки атаковали первыми... и это вѣрно, какъ вѣрно и то, что мы же сказали въ № 273-мъ, на 4-й страницѣ, во 2-мъ столбцѣ... «понятно, что въ условіяхъ веденія боя въ эпоху Фридриха, когда стороны находились въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, обѣ идеи—и *починъ къ атаке* и *упрежденіе въ наступленіи для атаки началомъ движенія какъ бы сливались*; теперь это совсѣмъ не такъ, за исключеніемъ обстановки атаки, обусловленной внезапностью. И въ этой статьѣ г. П. Г. Л. воздерживается отъ доказательства фактами несовѣстности стрѣльбы съ коня съ истымъ кавалерійскимъ духомъ въ одной и той же конницѣ. Оно и понятно почему: фактовъ нѣтъ. А потому продолжается подчеркиваніе одного факта совпаденія—воспрещенія стрѣльбы съ коня во время атаки въ конницѣ Карла и Фридриха, которые и были лучшими въ свое время. Но мы же неоднократно говорили, что не слѣдуетъ смѣшивать оба явленія: что эти конницы были лучшими зависѣло отъ многого другаго, а не отъ того, что онѣ не стрѣляли во время атаки,—что въ конницѣ Фридриха обученіе стрѣльбѣ у гусаръ и драгунъ процвѣтало,—и, наконецъ, что было много другихъ конницъ, гдѣ хотя также была

обвиненнымъ въ цѣломъ рядѣ преступленій ⁽¹⁾, когда автору приходилось ставить вопросъ: «какимъ образомъ можно браться за передачу впечатлѣнія, производимаго рядомъ статей, не прослѣдивъ этого ряда статей...» ⁽²⁾. Такъ и мы теперь, послѣ цѣлаго ряда статей въ разъясненіе капитальнаго недоразумѣнія о характерѣ нашего предложенія, можемъ только сказать одно: — «да прочтите внимательнѣе нашъ рядъ статей, а не запутывайте вопроса сведеніемъ его къ вопросу о производствѣ стрѣльбы во время атаки». Конница такъ разнообразно работаетъ въ военное время, что, помимо всякой мысли о примѣненіи стрѣльбы съ коня въ атакѣ, драгуны найдутъ и встрѣтятъ сотни обстановокъ, когда эта стрѣльба будетъ наилучшимъ средствомъ и способомъ дать максимумъ полезной боевой работы. Вотъ послѣднее-то примѣненіе и составляло, и составляетъ, и будетъ составлять главное содержаніе и центръ тяжести нашего предложенія, а потому, по справедливости и по логикѣ, должно бы составлять главное содержаніе статей опонентовъ.

Въ возникшей полемикѣ, между прочимъ, были выдвинуты доводы и аргументы принципиальнаго характера, по нашему мнѣнію, лишенные обоснованности и научной силы, и во главѣ ихъ идея *не-совершенствуемости конницы*; этотъ доводъ высказанъ г-мъ П. Г. Л. въ № 195-мъ «Русскаго Инвалида» и авторомъ письма, помѣщеннаго въ № 265 той же газеты. Затѣмъ авторъ письма счелъ достаточнымъ дать катехизисъ изъ восьми пунктовъ-аргументовъ принципиальнаго характера...

Обсужденіе этихъ доводовъ составитъ предметъ содержанія ниже слѣдующихъ статей ⁽³⁾.

изъята стрѣльба съ коня изъ обихода во время атаки, но эти конницы не стали оттого лучшими и даже хорошими. Во всякомъ случаѣ, въ новой замѣткѣ г. П. Г. Л. уже не встрѣчается категорическаго отверженія идеи стрѣльбы съ коня... онъ, не желаетъ только залповой, а противъ одиночной ничего не имѣетъ.

⁽¹⁾ См. «Сборникъ статей». М. Драгомирова, т. I, 355—381.

⁽²⁾ Тамъ же, 356.

⁽³⁾ Сказаннаго въ № 270-мъ «Русскаго Инвалида» въ разъясненіе и въ опроверженіе указаній автора письма за нашу неумѣлость владѣть методами изслѣдованій мы считаемъ достаточнымъ. Замѣтимъ только, что авторъ, указывая неудобство метода сравненія въ первой половинѣ четвертаго столбца 4-й страницы, нѣсколько строкъ ниже обращается къ этому методу, когда говоритъ о стрѣлкѣ и о массѣ. Интересующимся дѣломъ позволяемъ посоветывать прочесть это сравненіе, примѣнивъ его не къ всаднику, а къ пѣхотинцу, и тогда обоснованность приѣма выкажется во всей силѣ.

I. Слово за конницу.

А. *Отвѣтъ г. П. Г. Л. «Русскій Инвалидъ», № 195-й, 1891 г.*
 Приступая къ полемикѣ по вопросу о боевой стрѣльбѣ съ коня, г. П. Г. Л. счелъ нужнымъ охарактеризовать въ краткихъ словахъ значеніе кипучей работы на бумагѣ и на дѣлѣ, которой предавались у насъ относительно конницы въ послѣднія 20—25 лѣтъ.

Набросавъ мрачную картину потугъ и работы русской мысли въ области литературы и въ обученіи, добиться чего то лучшаго, г. П. Г. Л. прибавляетъ, что мы долго бродили въ потемкахъ, пока, наконецъ, въ германской конницѣ не поданъ былъ примѣръ возвращенія къ здоровой идеѣ обученія конницы въ массахъ. Въ концѣ статьи авторъ говоритъ: «мы не понимаемъ, почему кавалерія, несмотря на то, что она представительница рода оружія, несовершенствуемаго по своей природѣ, въ нашей (?) литературѣ и при выработкѣ пріемовъ обученія въ мирное время болѣе всего подвергается разнаго рода фантастическимъ предложеніямъ» (1).

Прежде всего, странно встрѣтить въ сужденіяхъ объективнаго критика такіе недосмотры, какъ, напримѣръ, что первый опытъ работы конницы въ массѣ, въ широкихъ, скажемъ, въ грандіозныхъ размѣрахъ, именно имѣлъ мѣсто у насъ, и этотъ опытъ — большой маневръ 1876 г. въ Варшавскомъ округѣ, задуманный и разработанный еще въ 1875 году..., маневръ, на которомъ и стратегическія задачи, и тактическая дѣятельность получили широкое примѣненіе; маневръ, обратившій въ свое время на себя вниманіе всей европейской литературы и всѣхъ мыслящихъ кавалеристовъ. Можно пожалѣть, что война, послѣдовавшая вслѣдъ затѣмъ, остановила разрѣшеніе многихъ вопросовъ, предъявившихся практикой на маневрѣ, а общая неудовлетворенность исходомъ войны и наступившая передышка послѣ нея перервала развитіе идеи объ обученіи массъ, отодвинувъ дѣло до 80-хъ годовъ; но не признавать за русскою мыслью, русскою конницею пальмы первенства въ постановкѣ вопроса о работѣ конницею въ массахъ — нельзя, а тѣмъ болѣе указывать, что нѣмцы намъ напомнили мысль о массѣ, о тактической работѣ конницы въ массахъ. Да и ни въ одной литературѣ вопросы о будущей роли конницы въ войнѣ, о массахъ во всѣхъ смыслахъ,

(1) Крайняя несправедливость по отношенію нѣмецкой и прочихъ литературъ; и тамъ, съ 1870-мъ до нашихъ дней, горячо занимались вопросами о конницѣ.

не разрабатывались въ такихъ широкихъ рамкахъ и съ такою вѣрою въ предстоящій возвратъ конницѣ прежней славы боеваго рода оружія, какъ въ нашей военной литературѣ, начиная со времени появленія труда Пистолькорса.

Нельзя спорить противъ того, что въ лихорадочной работѣ исканія лучшаго могли быть увлеченія и то въ области литературы, но на дѣлѣ нѣтъ (вѣдь нельзя же считать чѣмъ то серьезнымъ, разстроившимъ всю конницу, указанные г. П. Г. Л. нѣсколько опытовъ съ командами и даже съ отдѣльными случайными эскадронами по производству дальнихъ пробѣговъ); ⁽¹⁾ но самые поиски лучшаго—самая работа русской мысли, самостоятельно пытавшейся выбраться изъ пропасти и изъ сѣтей нѣмецкаго педантизма, отрицательное значеніе котораго доказывалось явленіями крымской войны и кампаніи 1877—1878 гг., заслуживаютъ болѣе справедливой и симпатичной оцѣнки, чѣмъ то сдѣлалъ г. П. Г. Л. Авторъ категорически заявилъ свои симпатіи только къ двумъ работникамъ на поприщѣ кавалерійскаго дѣла въ русской литературѣ, къ гг. Драгомирову и Лееру, высказавшихся въ 60-хъ годахъ, по мнѣнію г. П. Г. Л., столь опредѣленно и такъ хорошо, «что лучшаго по отношенію къ кавалеріи не сказано нетолько у насъ, но и за границей».

Не мы будемъ отрицать великія заслуги обоихъ авторовъ-учителей дѣлаго поколѣнія нашихъ военныхъ людей, но согласиться съ критикомъ, что высказанное ими въ 1860—1870-хъ годахъ есть послѣднее слово, на которомъ конница должна застыть—мы не можемъ. Затѣмъ, намъ неизвѣстно труда этихъ лицъ, который бы всѣцѣло посвящался спеціальному обсужденію вопросовъ о конницѣ. Если таковымъ признать ихъ учебники тактики, то уже только потому, что они работали въ эпоху 1860—1870-хъ годовъ, эпоху переходную, авторы не могли, по существу, сказать окончательно опредѣленное и въ особенности въ отношеніи конницы, бытію которой въ составѣ боевыхъ родовъ оружія ставился вопросъ. Велика заслуга авторовъ уже въ томъ, что они разрѣшали этотъ вопросъ

⁽¹⁾ По понятной причинѣ, пока мы воздерживаемся отъ опроверженія въ подробностяхъ упрека, брошеннаго періоду съ 1865 года и до нашихъ дней—за то, что было сдѣлано въ нашей конницѣ на самомъ дѣлѣ; но не можемъ не высказать, что болѣе безпристрастные судьи прошлаго могутъ отмѣтить не мало хорошаго, въ корень измѣнившаго нашу конницу, по сравненію съ временемъ Офенберговскихъ попытокъ, о которомъ г. П. Г. Л. вспоминаетъ съ такимъ сочувствіемъ. При болѣе настойчивости, при болѣе энергіи, быть можетъ, можно бы, и слѣдовало бы сдѣлать еще болѣе, но и сдѣланное нельзя не призывать, а тѣмъ болѣе видѣть въ немъ только мрачную сторону.

въ пользу конницы, несмотря на то, что на практикѣ въ это время шло постепенное искорененіе конницы изъ состава армій, путемъ сокращенія, расформированія и т. д.

Заслуги авторовъ на почвѣ разъясненія значенія моральной природы въ военномъ дѣлѣ, постановки ея на должную высоту, на почвѣ разработки вопроса о воспитаніи, о методахъ изученія военного дѣла... и т. д. такъ извѣстны и велики, что мы не рискуемъ быть причисленными къ числу неблагодарныхъ учениковъ, если скажемъ, что въ специальныхъ вопросахъ о конницѣ едва ли имъ принадлежитъ послѣднее слово: въ капитальныхъ вопросахъ о вооруженіи, о родахъ конницы, объ образѣ ея дѣйствій, о связи между современнымъ прогрессомъ въ техникѣ огнестрѣльнаго оружія и конницею, въ отношеніи эксплуатаціи его или во влияніи его на образъ дѣйствій, въ курсахъ 1860—1870-хъ годовъ мы можемъ найти условныя указанія, иногда ясно носящія слѣдъ нерѣшительности и колебанія (¹).

Что многіе вопросы у насъ теперь разрѣшены на практикѣ категорически опредѣленно, какъ, на примѣръ, обращеніе всей конницы въ единую драгунскую, увеличеніе конницы и числа эскадроновъ въ полку, что рядъ вопросовъ по употребленію конницы, какъ массы въ тактическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ—худо-ли, хорошо-ли—поставлены и подготовлены къ разрѣшенію—заслуга литературы 1870—1890 годовъ; за это время не могутъ быть забыты, рядомъ съ трудами г. Леера и Драгомирова, капитальные труды: Пистолькорса (когда-то пропедшаго не замѣченнымъ, и именно въ 1860-хъ годахъ, до того онъ былъ оригиналенъ и рѣзокъ по опредѣленности постановки вопросовъ о конницѣ), Масловскаго, Маркова; затѣмъ труды князя Голицына, Скобельцына, Невѣровскаго, Грязнова, Гершельмана, Сухомлинова, Крузенштерна, Чистякова; статьи и брошюры: Золотарева, Терентьева, Косича, Горячева, Козлова, Лихтанскаго, Бильдерлинга, Дохтурова, Дукмасова, Каульбарса, Тутолмина, Таубе, Пузыревскаго, Баженова, Байкова, Терехова, Чичагова, Цурикова, Сахарова, Глазова, Усаковского, Васильевскаго, Плеве (²)... и многочисленныхъ псевдонимовъ; вотъ рядъ именъ, потрудившихся въ періодъ разработки вопросовъ о конницѣ, по мнѣнію г. П. Г. Л. бесплоднаго и вреднаго шатанія и броженія

(¹) Стоитъ, на примѣръ, ознакомиться съ постановкой вопроса о родахъ конницы въ учебникѣ г. Драгомирова 1872 г., чтобы судить, какъ туго принималась тогда идея однообразной и единой конницы.

(²) Просимъ прощенія у тѣхъ, кого случайно пропустили.

мысли по вопросамъ конницѣ. Въ одномъ мы согласны съ г. П. Г. Л., это въ томъ, что собственно изъ учебниковъ по тактикѣ конницы дѣйствительно ни одинъ не можетъ быть подведенъ къ учебникамъ гг. Леера и Драгомирова...

Но переходимъ къ капитальному заключительному мнѣнію г. П. Г. Л.

Подлежитъ ли конница усовершенствованію? Странный вопросъ, замѣтитъ мыслящій читатель! Все въ природѣ живущее подвержено измѣненію и въ сторону плюса, т. е. совершенствованія, и въ сторону минуса, т. е. ухудшенія; почему же конницѣ быть въ исключительномъ положеніи?! Застой и неподвижность, рядомъ съ непрерывнымъ измѣненіемъ всего окружающаго, — не есть ли симптомъ атрофіи, а затѣмъ — вымиранія и смерти? замѣтитъ тотъ же мыслящій читатель... и почему конница обречена на такой удѣлъ, въ исключеніе изъ прочаго живущаго, т. е. измѣняющагося?

Конница, родъ оружія, несовершенствуемый по своей природѣ!.. Это ученіе, объявившее собою послѣдніе полвѣка, обоплось конницѣ дорого, и что это такъ, лучшее свидѣтельство въ томъ, что ея существованію, ея бытію, какъ боеваго рода оружія, былъ поставленъ вопросъ, и вопросъ за послѣднія 20 лѣтъ, разрѣшавшійся, повидимому, безповоротно сведеніемъ ея на-нѣтъ, обращеніемъ ея во что то исключительно-полицейское, конвойное, шпионское, почтовое... развѣдывать, выискивать, караулить, обезопасивать, охранять, прислуживать, почтарить — вотъ рядъ глаголовъ, снисходительно оставившихся конницѣ, этому, когда-то рыцарскому, отборному роду оружія для честнаго боя. Только немногіе, не столько убѣжденные, сколько чувствовавшіе инстинктивно, продолжали скромно и робко заявлять, что еще не послѣдняя пѣсенка спѣта конницею, да и эти люди, въ огражденіе себя отъ враждебнаго конницѣ большинства, считали нужнымъ обставить свой взглядъ тысячами оговорокъ, въ родѣ того, что для того, чтобы конница дѣлала боевыя дѣла, необходимы — и отборные начальники, и геніальные вожди, и проч. и проч., — цѣлая комбинація благоприятныхъ условій. Въ концѣ-концовъ выходило, что даже у сохранявшихъ чувство справедливости къ прошлому значенію конницы было все для будущаго такъ обусловлено, такъ обставлено, что конницу хоть выбрось изъ боевыхъ родовъ оружія.

Благодаря вопіющей бездѣятельности конницы 1866 и 1870 гг., рядомъ съ колоссальной работой американской конницы 1860 — 1865 гг. (пресмотрѣнной въ свое время и именно въ 60-хъ годахъ),

литература всѣхъ странъ выдвинула вопросъ о конницѣ. «Друзья» конницы во всѣхъ литературахъ, по силѣ возможности и по мѣрѣ таланта бросились открывать пути къ обновленію ея какъ рода оружія. Казалось бы, что здравой критикѣ оставалось только одно: слѣдя за ходомъ работы по приисканію путей для постановки конницы на высоту современныхъ условій веденія войны и боя, своевременно воздерживать отъ естественныхъ и возможныхъ увлеченій, взвѣшивать тѣ и другія предложенія, конечно подсказываемыя желаніемъ пользы и добра, но, быть можетъ, носящія зародыши еще бѣльшаго вреда..., хотя, казалось бы, чтѣ уже можетъ быть хуже 75-ти-лѣтней боевой бездѣятельности, въ коей пребывала конница, убаюкиваемая столь на руку апатія провозглашенному догмату о несовершенствуюемости; но допускаемъ, что возможно и еще нѣчто худшее... И вотъ дѣло критики предотвратить это худое и худшее.

Но критика, въ лицѣ г. П. Г. Л., въ 1891 г. ⁽¹⁾, провозглашаетъ, что вредны и напрасны всѣ старанія, стремящіяся обновить конницу, ибо прежде всего *конница несовершенствуема*.

Конечно, было бы очень интересно узнать при этомъ, какой періодъ исторіи военнаго искусства считается за «увѣнчаніе зданія» въ дѣлѣ конницы, какъ рода оружія, съ котораго должно считаться полное достиженіе апогея конницею: въ извѣстномъ смыслѣ апогей видятъ въ конницѣ Росбаха и Цорндорфа; но послѣ того была конница Наполеона, во многомъ не похожая на прусскую; была американская—совсѣмъ не похожая на прусскую; была русская временъ 1700—1814 годовъ, хотя и не имѣвшая за собою Росбаха, но все-таки повсюду честно дравшаяся рядомъ съ пѣхотою. Въ которой же изъ этихъ конницъ признается предѣлъ въ поискахъ за идеаломъ?

Здѣсь кстатѣ замѣтить, что въ той же статьѣ г. П. Г. Л. одобрительно отозвался о генералѣ Оффенбергѣ именно «за *улучшенія*», которыя тотъ поставилъ цѣлью своей системы. Если возможны улучшения, то слѣдовательно и усовершенствованія, а если это такъ — то что же означаетъ фраза о несовершенствуюемости конницы? Для насъ она новое свидѣтельство несостоятельности ходячихъ прописныхъ мыслей и взглядовъ о конницѣ. На самомъ дѣлѣ и для конницы есть нѣчто несовершенствуемое, какъ равно и для пѣхоты—это актъ производства атаки, и въ особенности въ его моральной природѣ: необходимость забыть свое «я», отрѣшиться отъ чувства самосохраненія, дойти до совершеннаго пренебреженія своею жизнью

(1) И автора письма въ редакцію «Русскаго Инвалида» № 265-й

и т. п.; несомнѣнно, что вся эта работа духа человѣка—одна и та же и для древнѣйшихъ, и для новѣйшихъ народовъ, и у цивилизованныхъ, и у варваровъ; до извѣстной степени несовершенствуемы физическія свойства коня и человѣка; но все относящееся до организаціи, до подготовки, до техники работы конницы—все это подлежить измѣненію (развитію) въ смыслѣ усовершенствованія.

Не подлежить усовершенствованію или измѣненіямъ сущность дѣла, а не работа примѣненія на практикѣ изслѣдованныхъ и изученныхъ началъ. Проповѣдывать невозможность измѣненій, усовершенствованій—это проповѣдывать застой и его конецъ—смерть!

Но пусть за насъ скажетъ послѣдній учебникъ тактики г. П. Гудимъ-Левковича. Между прочимъ, въ этомъ учебникѣ есть много сравнительныхъ данныхъ по разнымъ статьямъ, касающимся конницы; эти данныя указываютъ, что наша конница, по сравненію съ конницами запада, во многомъ имѣетъ минусъ и отстала. Допустимъ, что авторъ учебника правъ и что онъ признаетъ минусомъ и есть минусъ,—что дальнѣйшею работою этотъ минусъ будетъ обращенъ въ плюсъ, т. е., что наша конница въ томъ или другомъ отношеніи сравнивается, положимъ, съ нѣмецкою..., что же это будетъ, какъ не совершенствованіе нашей конницы? Въ поясненіе укажемъ на таблицу объ алюрахъ (ходы) (62 стр.), изъ которой можно узнать, сколько аршинъ въ минуту проходить, пробѣгаетъ, проскакиваетъ строевой конь разныхъ конницъ. Изъ этой таблицы ясно видно, до чего наша конница отстала отъ сосѣдей даже въ такой статьѣ—какъ алюръ (ходъ), что авторъ еще поясняетъ и въ текстѣ, но затѣмъ, въ очень осторожной формѣ, высказываетъ возможность и выгоду развитія хода шага съ 125 аршинъ въ минуту до 175 аршинъ въ минуту. На самомъ дѣлѣ наша конница давно уже не ходитъ, дѣлая 125 аршинъ въ минуту (150—175 аршинъ въ минуту—вотъ шагъ нашей конницы), и слѣдовательно давно не имѣетъ минуса; но допустимъ, что авторъ правъ и что, благодаря его указанію (замѣтимъ, сдѣланному еще Карцовымъ въ его тактикѣ въ 1854 году), наша конница только теперь начнетъ ходить скоростью хода шага 150—175 аршинъ въ минуту. Развѣ это не будетъ явленіемъ усовершенствованія конницы?

Если свойства природы, если естественныя силы могутъ измѣняться, совершенствоваться, то колыми паче подлежить измѣненіямъ въ сторону плюса и минуса творческая сторона человѣка, сочетающаго въ тысячахъ комбинацій эти силы, приспособляя эти сочетанія къ какой либо одной изъ разнообразныхъ задачъ и цѣлей. Измѣ-

неніямъ подлежать и взгляды на дѣло, выражающіеся въ формѣ ли официальныхъ указаній (приказы, инструкція), въ формѣ ли литературныхъ трудовъ, подготовляющихъ и разрабатывающихъ вопросы, въ формѣ ли учебниковъ, дающихъ матеріаль для назиданія. Вотъ доказательство сказанному:

Возьмемъ три поколѣнія учебниковъ тактики по вопросу о конницѣ,—одинъ 1854 г. (Карцова), другой 1872 г. (г. Драгомирова) и третій 1890 г. (г. П. Гудима-Левковича); посмотримъ на разрѣшеніе авторами основнаго вопроса о свойствѣ и назначеніяхъ конницы. У г. Карцова (изд. 1854 г.) на одной страничкѣ (77) мы находимъ вопросъ исчерпаннымъ: указавъ на отличительное свойство конницы—быстроту движенія, коимъ она превосходитъ всѣ роды оружія, авторъ затѣмъ даетъ три пункта производныхъ отъ этого свойства «качествъ»: 1) сила и стремительность удара; 2) возможность пользоваться всякимъ разстройствомъ у противника, наступать разстроенныя части и атаковать ихъ; 3) пользуясь быстротою, въ случаѣ нужды, конница можетъ легко уходить отъ непріятели; это послѣднее позволяетъ посылать вдаль небольшія части и одиночекъ, не подвергая ихъ опасности быть захваченными. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе назначеній: 1) производство атаки въ бою; 2) сборъ свѣдѣній о противникѣ и преслѣдованіе врага; 3) занятіе такихъ мѣстъ, куда не можетъ поспѣть пѣхота. Такъ, *вся страница, всѣ пункты*, все время имѣютъ *въ виду конницу, какъ боевой родъ оружія* (атака, преслѣдованіе); *служебная роль конницы исчерпывается назначеніемъ развѣдывать.*

Въ курсѣ тактики г. Драгомирова 1872 г., черезъ 18 лѣтъ послѣ появленія труда г. Карцова, тому же вопросу посвящено уже полторы страницы (177, 178), причемъ такъ же, какъ у Карцова, во главѣ стоитъ указаніе на основное свойство, быстроту движенія, которое указываетъ на способность конницы выполнять слѣдующія назначенія: 1) сторожевая служба, предпріятія, требующія быстроты налета на непріятели и быстрога отступленія по достиженіи цѣли; 2) производство ударовъ въ бою на неразстроенныя части; доканываніе разстроенныхъ частей преслѣдованіемъ; прикрытіе отступленія; 3) замѣна пѣхоты, гдѣ она нужна и куда не можетъ въ-время поспѣть. Вотъ и все. Разница во взглядахъ на дѣло за 18 лѣтъ крупная. Начнемъ съ того, что въ 1872 году во главѣ назначеній стоитъ сторожевая служба и партизанская война; затѣмъ только идетъ пунктъ о боевой роли конницы, причемъ введено важное дополненіе объ атакѣ на *неразстроенныя части*, о чемъ въ курсѣ

сѣ Карцова не упоминается вовсе; указана работа по прикрытію отступленія. Все это изложено еще болѣе коротко и опредѣленнѣе, чѣмъ у Карцова; но затѣмъ авторъ нашелъ нужнымъ войти въ подробное разъясненіе нѣкоторыхъ отличительныхъ сторонъ, чего Карцовъ не признавалъ нужнымъ дѣлать.

Черезъ 18 лѣтъ послѣ упомянутого учебника появляется курсъ элементарной тактики г. П. Гудима-Левковича (1890 г.); все, что сказано у предшествующихъ авторовъ на 1—1½ страничкахъ, то составило содержаніе 11-ти страницъ. Прежде всего (стр. 1) говорится о томъ, что изъ двухъ существъ—человѣка и коня, несмотря на все различіе между ними, должно образоваться третье существо — *всадникъ*. Но затѣмъ, уже на всѣхъ прочихъ 11-ти страницахъ ничего не говорится о свойствахъ этого третьяго существа, и дѣло идетъ, по обыкновенію, о «кавалеріи». За этими нѣсколькими строками о всадникѣ начинается рѣчь о томъ, что «употребленіе огнестрѣльнаго оружія съ коня возможно въ такихъ ограниченныхъ размѣрахъ и съ такимъ слабымъ результатомъ, что кавалерія, пока всадникъ на конѣ, можетъ примѣнять въ сущности только одно холодное оружіе, и требованіямъ послѣдняго она удовлетворяетъ вполне» (1) (стр. 1-я). Далѣе говорится, что кавалерія, «будучи въ состояніи развить болшую скорость движенія, можетъ быстро настигать врага, наносить удары, въ случаѣ успѣха, преслѣдовать, при неудачѣ быстро ускакать изъ сферы огня»..., что конница «не можетъ стоять подъ выстрѣлами» (стр. 2-я) (2), въ случаѣ неудачи, она теряетъ всякій порядокъ, разсѣивается, *ищетъ спасенія въ бѣгствѣ* (стр. 2-я)... Въ концѣ идетъ перечисленіе назначеній конницы въ военное время, подъ характерной рубрикой «услуги», которыя она во время войны можетъ оказать арміи: 7 пунктовъ и 12 ихъ подраздѣленій исчерпываютъ разнообразную дѣятельность конницы, но нѣкоторыя изъ назначеній обставляются слѣдующими условіями, при которыхъ конница можетъ успѣшно выполнять ихъ: или «явное превосходство надъ непріятельскою въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ» или «полное преобладаніе надъ непріятельскою кавалеріею», а на стр. 11-й заключеніе: «Всѣ перечисленные задачи кавале-

(1) Признается возможною стрѣльба съ коня, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ; въ предшествующихъ двухъ курсахъ она признается у г. Карцова для одиночныхъ дѣйствій, у г. Драгомярова—для личной защиты.

(2) Чѣмъ считать это? свойствомъ-ли, особенностью-ли? и куда поведетъ практика такого ученія?

рія можетъ успѣшно выполнить лишь тогда, когда она имѣетъ неоспоримый перевѣсъ надъ непріятельскою».

Въ предшествующихъ учебникахъ ни о чемъ подобномъ не говорится: слѣдовательно, 18 и 36 лѣтъ назадъ авторы не признавали нужнымъ включить въ свои учебники такія поясненія и разясненія. Теперь же послѣднія на лицо: не ясно-ли, что, что-то случилось новое?

Подлежитъ измѣненіямъ, какъ видно, еще и многое другое. Такъ, у Карцова ни слова не говорится объ обстановкѣ неудачи и отступленія; способность конницы, при посредствѣ быстроты, «легко уходить отъ непріятели», приурочивается только къ развѣдывательной работѣ... Драгомировъ говоритъ объ обстановкѣ отступленія, приурочивая его къ вопросу о партизанской войнѣ, а затѣмъ отмѣчаетъ, что если въ первое мгновеніе столкновения не пришлось достигнуть цѣли, то конница «даетъ тылъ»... Такъ деликатно относятся и выражаются два поколѣнія учителей къ вопросамъ, для разрѣшенія которыхъ на практикѣ никакіе учебники въ мірѣ ничему не научатъ... Современный же авторъ говоритъ: «въ случаѣ неудачи (конница), она теряетъ всякій порядокъ, разсѣивается, ищетъ спасенія въ бѣгствѣ...» — это ли не новое? Г. Драгомировъ только указываетъ на зависимость дѣйствій конницы отъ условій времени, мѣста и т. д.; современный же авторъ считаетъ нужнымъ это пояснить: «въ большіе морозы», говоритъ онъ, «при гололедицѣ, ночью, въ сильный туманъ — кавалерія можетъ *дѣйствовать въ крайне ограниченномъ размѣрѣ*». Однако, какіе ни будь морозы, какая ни будь темная ночь на любомъ маневрѣ, а тѣмъ болѣе на войнѣ, не задумаются послать конницу на развѣдки или для исполненія какого-либо назначенія, и если при этомъ она встрѣтитъ на пути противника, то должна будетъ проложить себѣ дорогу силою (дѣйствовать), иначе ее осудятъ.. Конечно, ночью дѣйствовать труднѣе, чѣмъ днемъ (и то не безусловно), но это вѣрно для всѣхъ родовъ оружія, а главное, что, обыкновенно, забывается, когда входятъ въ подобныя разясненія: вѣдь въ такихъ обстановкахъ дѣло обставляется болѣе или менѣе одинаковыми затрудненіями для обѣихъ борющихся, т. е. дѣйствующихъ сторонъ; скажемъ, на примѣръ, о гололедицѣ: обѣ конницы будутъ надвигаться другъ на друга чуть ли не шагомъ, и должны будутъ помѣряться грудъ о грудъ, и все таки одна сторона окажется побѣдившею, — и именно та, которая забудетъ или вовсе не будетъ знать ученія о дѣйствіяхъ «въ крайне ограниченномъ размѣрѣ».

Еще несомнѣнно подлежатъ измѣненію взгляды и ученія о тѣхъ якобы свойствахъ конницы, которыя измышляются въ кабинетѣ, причѣмъ свойства ея, какъ рода оружія, смѣшиваются со свойствами явленій и фактовъ другаго рода. И превосходство надъ врагомъ въ числѣ, и превосходство въ боевой доброкачественности, и начальники выдающихся талантовъ, и обстановка внезапности, несомнѣнно все суть громадныя шансы для успѣха работы конницы..., какъ они суть таковыми же шансами и для успѣха работы пѣхоты и вообще арміи; но только шансы! Скажемъ, что это шансы для того, чтобы конница проявила факты высокаго искусства, подвиги искусства. Но надо помнить, что вооруженная сила вообще и въ частности ея часть — конница, какъ боевой родъ оружія, прежде всего призывается исполнить подвигъ долга; для этого же нужно прежде всего воспитаніе всѣхъ и cadaго въ сознаниі, что въ день испытанія *каждый долженъ «лечь костью», хотя бы на лицо не было ни одного изъ вышеупомянутыхъ шансовъ для успѣха, для подвига искусства.*

Разъ эту мысль проникнется вся масса конницы, никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что, при благоприятныхъ условіяхъ обстановки (силъ, мѣста, времени), даже не обладающіе высокими талантами начальники, работая въ исполненіе долга, явятъ и подвигъ искусства... Марсь-ла-Турская атака бригады Бредова не яркій ли примѣръ исключительно выполненія долга при полномъ отсутствіи въ наличности всѣхъ тѣхъ шансовъ, безъ коихъ, по ученію иныхъ, конница хоть не приступай къ работѣ: ничтожная горсть, предводимая болѣе чѣмъ средними людьми, въ открытую, среди бѣла дня, на глазахъ всѣхъ, бросается съ фронта на цѣлый боевой порядокъ непомѣрно превосходнаго въ числѣ противника, состоящаго изъ всѣхъ родовъ оружія, не подготовивъ себѣ ничѣмъ атаку... Такъ было, а теперь во всѣхъ учебникахъ объ этой атакѣ говорится, какъ о выдѣляющемся случаѣ искуснаго употребленія, веденія конницы, и искусной работы ея.

Такъ, указаніями на то, что говорится самимъ же г. П. Г. Л. въ той же статьѣ по поводу зачатковъ реформы генерала Оффенберга, а также сопоставленіемъ различныхъ учебниковъ, мы, полагаемъ, дали достаточный матеріалъ и данныя для того, чтобы читатель призналъ несостоятельность высказаннаго положенія о *несовершенствѣ конницы.*

Б. По поводу письма, помѣщенного въ «Русскомъ Инвалидѣ», № 265-й.

Теперь обратимся къ тому же положенію, высказанному авторомъ письма: «Конница есть родъ войска несовершенствуемый...» Конечно, по существу, это положеніе не болѣе, какъ одно изъ недоразумѣній, съ опроверженіемъ котораго читатели познакомились выше. Но почти одновременно заявленное двумя авторами положеніе (и разъ вѣрное), ставящее точку всякой попыткѣ къ реформированію въ конницѣ, побудило насъ произвести литературное изысканіе для разрѣшенія вопроса, какъ водворилось такое ученіе въ нашей литературѣ?

Откуда пошло ученіе о несовершенствуемости конницы? Рѣшившись найти корень, мы пересмотрѣли немало трудовъ разныхъ авторовъ, но не нашли ни одного, который былъ бы посвященъ изслѣдованію этого вопроса, который далъ бы мотивированное доказательство этого тезиса. Впервые эта мысль высказана въ «Запискахъ тактики» полковника Драгомирова, изд. 1866 года, причемъ положеніе касалось главнымъ образомъ оружія (несовершенствуемость холоднаго оружія). съдопускомъ совершенствуемости чловѣка и лошади въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ (стр. 179-я). Тутъ же впервые встрѣчается и ссылка на маршала Саксонскаго, яко бы высказавшаго, «что нигдѣ такъ усовершенствованія не вредны, какъ въ кавалеріи» (стр. 179-я). Во всякомъ случаѣ, въ 1866 г., авторъ учебника, если и говоритъ о несовершенствуемости конницы, то только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и притомъ въ условной формѣ. Насколько убѣдительно былъ разъясненъ вопросъ, предоставляемъ интересующимся читателямъ провѣрить сказанное тогда; но отмѣчаемъ фактъ: самъ авторъ счелъ необходимымъ, въ подкрѣпленіе своего взгляда, сослаться на маршала Саксонскаго?

Теперь авторъ письма говоритъ о несовершенствуемости конницы въ тонѣ безусловномъ и категорически, не приводя никакихъ доказательствъ (1).

Но могъ-ли авторъ сдѣлать подобную ссылку на авторитетъ

(1) Въ послѣдующихъ строкахъ авторъ говоритъ уже другое: «Дальше не можетъ конница идти того, до чего дошли естественно возникшія конницы». Не ясно ли изъ этого, что конница подлежитъ усовершенствованію: вѣдь конница можетъ въ разное время, въ разной степени подходить къ идеалу естественно возникшихъ конницъ (если и согласиться, что это есть безусловный идеалъ), а разъ это такъ, то значитъ, de facto, она будетъ болѣе или менѣе совершенствоваться.

маршала Саксонскаго? Для отвѣта на этотъ вопросъ обратимся къ подлинному труду писателя XVIII столѣтія:

«La guerre est une science couverte de ténèbres, dans l'obscurité desquelles on ne marche point d'un pas assuré», такъ начинается маршалъ М. Саксонскій свой знаменитый трактатъ по военному искусству «Mes rêveries» (мои мечты, фантазіи), написанный въ тринадцать ночей, когда больнаго автора мучила жестокая лихорадка. Въ предвидѣніи, что болѣзненное состояніе не могло не отразиться вредно на литературномъ трудѣ, авторъ заранѣе проситъ извиненія за возможные ошибки, отрывочность и несовершенство стиля... Какъ отнеслась литературная критика того времени къ творенію, написанному въ такомъ состояніи, намъ неизвѣстно; извѣстно только, что Фридрихъ-Великій, лично знакомый съ авторомъ, признавалъ его «професоромъ всѣхъ генераловъ Европы» — титулъ, остающійся и до нынѣ за «безумнымъ прожекторомъ», по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ его.

Отчего же военное дѣло представлялось маршалу наукою, покрытою мракомъ, во мглѣ котораго нельзя слѣдовать увѣренными шагами? — Да потому, отвѣчаетъ маршалъ, «что основаніемъ военной наукѣ служатъ рутина и предрасудки, естественныя послѣдствія невѣжества (de l'ignorance)». И вотъ, авторъ пытается проникнуть въ эту мглу лучами знанія, размышленія, — освѣтивъ дѣло и очистивъ его отъ рутины и предрасудковъ, пытается дать нѣчто достойное назиданія въ положительномъ смыслѣ. Касаясь сущности военнаго дѣла во всемъ его объемѣ, авторъ предлагаетъ массу нововведеній ⁽¹⁾ и, между прочимъ, особенно много посвящаетъ вопросу о конницѣ: рядъ предложеній (40—58), въ корень измѣняющихъ состояніе той конницы, каковою она была въ эпоху, когда писался трактатъ (въ 1732 году), является плодомъ пожеланій автора для доведенія конницы до идеала (*усовершенствованія!*), каковымъ онъ представлялся автору. Многое сказанное авторомъ довелось осуществить на дѣлѣ черезъ 15—25 лѣтъ прусской конницѣ.

Но многое, многое изъ сказаннаго авторомъ и до настоящаго времени остается въ конницѣ невыполненнымъ и опять по той же причинѣ, т. е. по причинѣ рутины и предрасудковъ, особенно упорно гнѣздящихся въ этомъ родѣ оружія. Нигдѣ и не относительно чего дру-

(1) Какъ ни извинялся авторъ за возможное несовершенство произведенія, но одного онъ не предвидѣлъ, что черезъ 160 лѣтъ онъ будетъ причисленъ къ рутинерамъ: нашлись такіе, которые въ Морницѣ Саксонскомъ, признававшемся въ свое время бѣснующимся и сумасшедшимъ прожекторомъ, отыскали рутинныя мысля.

таго въ военномъ дѣлѣ «старовѣріе» status quo не питается такъ, какъ въ конницѣ, массою благоприятныхъ условій всего склада ея жизни.

Вотъ противъ этого-то старовѣрія и возсталъ Морицъ Саксонскій и, худо-ли, хорошо-ли, далъ трактатъ о желательныхъ перемѣнахъ, нововведеніяхъ въ конницѣ, въ смыслѣ *усовершенствованія* ея. Что же оказывается въ настоящее время? Тотъ же Морицъ Саксонскій является у насъ въ Россіи опорю для тѣхъ, кто желаетъ отвергнуть какое-либо яко бы новшество въ конницѣ. Это авторъ-то «безумныхъ проектовъ», авторъ, котораго весь трактатъ есть *слошной проектъ новшества*, — этотъ-то авторъ и есть опора для сохраненія status quo, и именемъ этого-то автора закрѣпляется мнѣніе о несовершенствуюемости конницы?!

Уже по одному общему характеру всего сочиненія Морица Саксонскаго, по существу самой личности, — никогда онъ не можетъ стать опорю застою и безъ всякаго риска можно смѣло утверждать, что Морицъ Саксонскій никогда не могъ высказать такой убійственной мысли, какъ несовершенствуюемость конницы или что усовершенствованія вредны для конницы, — иначе онъ отрицалъ бы самого себя. На самомъ дѣлѣ онъ и не высказывалъ ничего подобнаго.

Откуда же взялась ссылка на Морица Саксонскаго, водворившаяся въ нашей литературѣ? Вопросъ, долго остававшійся для насъ безъ отвѣта. Обращаясь къ трудамъ того же автора учебника и найдя эту ссылку въ изданіи 1866 г., мы пошли дальше въ изысканіяхъ и, къ удивленію нашему, ни тезиса о несовершенствуюемости конницы, ни этой ссылки не находили въ «лекціяхъ тактики», читанныхъ въ 1863—1864 гг. въ учебномъ пѣхотномъ баталіонѣ. Очевидно стало, что въ періодъ какого-нибудь года 1864—1865 что-то произошло, что побудило автора въ изданіи 1866 г. помѣстить приведенную ссылку, а затѣмъ эта ссылка вошла во всѣ изданія учебника тактики. Что произошло? — такъ намъ и остается неизвѣстнымъ. Прощудировавъ еще и еще разъ «Mes rêveries» Морица Саксонскаго, мы опять пришли къ заключенію, что и нельзя найти у Морица Саксонскаго ничего подобнаго. Откуда же взялась такая цитата, приписываемая великому авторитету въ вопросахъ о конницѣ? Не знаемъ.

Но въ изысканіяхъ мы наткнулись на другого автора, который пустилъ ту же фразу въ ходъ во французской военной литературѣ. На стр. 115-й и 119-й соч. барона d'Azemar'a: «Avenir de la cavalerie», изд. 1861 г., читатели найдутъ двукратное воспроизведеніе авторомъ словъ, будто бы сказанныхъ Морицомъ Саксонскимъ, а именно: «que l'on ne devait jamais toucher à la cavalerie; — qu'il n'était pas croyable

combien les changements nuisaient à cette arme», т. е. никогда не слѣдуетъ касаться конницы, ибо не вѣроятно, на сколько перемены вредны этому роду оружія. Такъ, баронъ д'Аземаръ пустилъ въ свѣтъ ссылку на Морица Саксонскаго, ссылку невѣрную, ложно истолкованную, не имѣющую ничего общаго ни со всѣмъ трудомъ, ни съ частностями труда «безумнаго прожектера». Что мы и постараемся доказать сличеніемъ съ подлинникомъ.

На страницахъ 26-й и 27-й соч. «Mes rêveries» авторъ предлагаетъ проектъ организаціи арміи на подобіе древняго римскаго легіона и съ тѣмъ, чтобы эта армія имѣла три состава—мирный, переходный и военный. Высказывая положеніе, что относительно пѣхоты эта идея можетъ получить полное примѣненіе («лишь бы головы были старыя, а хвосты можно приставлять сколько угодно»...), авторъ замѣчаетъ: «Quant à la cavalerie, il n'y faut jamais toucher; les vieux cavaliers et les vieux (?) chevaux sont les bons, et tout ce qui est recrues n'y vaut absolument rien», т. е. относительно же конницы слѣдуетъ быть осторожнымъ, ибо только старые кавалеристы (опытная конница) и старые кони (сказано рѣзко) хороши,—рекруты же не стоятъ ничего. Такъ, слѣдовательно первая половина вышеприведенной фразы барона д'Аземара (qu'il n'y faut jamais toucher...) относится исключительно вопроса организаціи: авторъ былъ за содержаніе конницы въ мирное время въ составѣ, близкомъ къ военному.

Далѣе, развивая идею о кадрахъ, на 28-й страницѣ, Морицъ Саксонскій, особенно настаивая на необходимости постояннаго состава кадровъ и подраздѣленій, замѣчаетъ: «ce qui fait un grand avantage et le fondement solide de toute votre infanterie; parce qu'en temps de paix, après des pertes (вслѣдствіе дезертирства, убыли) et des réformes, votre manoeuvre reste toujours la même, et est permanente, ce qui est d'une conséquence infinie: car il n'est pas croyable combien les changements nuisent. J'ai vu, après de longues paix, les troupes d'un même maître se ressembler si peu pour la manoeuvre et la disposition intrinseque des corps...»

Приведенная выдержка и подчеркнутыя слова опять относятся исключительно до вопроса организаціи и притомъ служатъ автору въ поясненіе вообще неудобствъ относительно маневрированія, сопряженныхъ съ измѣненіями въ составѣ частей, относя мысль о неудобствахъ вообще къ войскамъ, а не къ одной конницѣ.

Баронъ же д'Аземаръ поступилъ съ подлинникомъ непостижимо: онъ взялъ двѣ фразы Морица Саксонскаго, находящіяся на двухъ

«страницахъ (27-я и 28-я), соединилъ въ одну, придавъ второй изъ нихъ смыслъ, поясненіе—первой, и даже прибавилъ еще три слова отъ себя (à cette arme); мало и этого: вновь сочиненную фразу, яко бы принадлежащую Морицу Саксонскому, онъ выдалъ за тезисъ автора относительно измѣненій и перемѣнъ въ конницѣ вообще тогда, когда на самомъ дѣлѣ обѣ половины сочиненной, вкривъ склеенной фразы относятся исключительно до вопроса организаціи—до вопроса о кадрахъ, о рамкахъ каждой административной и тактической единицы. Такъ пущена была въ обращеніе барономъ д'Аземаромъ ссылка на Морица Саксонскаго о неподвижности конницы, о неизмѣняемости ея—какъ свойствѣ, присущемъ будто бы конницѣ.

Но сочинитель этой ссылки считалъ долгомъ ослабить значеніе тезиса Морица Саксонскаго (на самомъ дѣлѣ собственно тезиса, принадлежащаго сочинителю), и вотъ на той же страницѣ 119-й баронъ д'Аземаръ говоритъ: «Nous demandons à faire une distinction entre l'esprit d'amélioration qui doit être encouragé, et celui de changement auquel on ne doit céder qu'avec la plus grande réserve» Такъ, баронъ д'Аземаръ поясняетъ, какъ слѣдуетъ относиться къ усовершенствованіямъ, которыхъ онъ не отвергаетъ для конницы.

Въ нашей литературѣ, какъ мы показали выше, ссылка на Морица Саксонскаго пущена въ обращеніе еще въ болѣе рѣзкой редакціи, а именно: «Вотъ почему Морицъ Саксонскій говоритъ, что-нигдѣ такъ усовершенствованія не вредны, какъ въ кавалеріи» (1).

Повторяемъ, ничего подобнаго не могъ говорить Морицъ Саксонскій, написавшій цѣлый трактатъ, составляющій сплошной проектъ разныхъ усовершенствованій въ конницѣ.

Повторяемъ, что подобный тезисъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и принятый на вѣру, ставшій аксіомой, грозитъ атрофіей и смертю всему дѣлу о конницѣ.

(1) Записки тактики для военныхъ училищъ. Составилъ полковникъ Драгомировъ. 1866 года, стр. 179-я. Тоже и въ другихъ изданіяхъ того же автора. Это литературное недоразумѣніе, водворившееся въ нашей литературѣ, позволяетъ вспомнить о другомъ, болѣе новаго происхожденія. Въ № 279-мъ «Русскаго Инвалида» г. Потго, ссылаясь на трудъ Масловскаго, въ доказательство своей правоты осужденія русской конницы за время Семилѣтней войны, говоритъ, что онъ у историка нашелъ слѣдующія слова: «Голые факты показываютъ, что ни до, ни во время, ни послѣ Гросъ-Егерндорфа регулярная конница нисколько не помогла остальнымъ нашимъ войскамъ одержать побѣду». На самомъ дѣлѣ, на стр. 294-й труда Масловскаго сказано исключительно относительно Гросъ-Егерндорфскаго боя и притомъ такъ: конница «не помогла» (а не помогла) остальнымъ родамъ оружія (а не вообще войскамъ).

II. Боевая стрѣльба съ коня.

Далѣ авторъ письма вновь пытается убѣдить, что «всякое оружіе представляетъ не болѣе, какъ прибавку къ нимъ (т. е. къ главнымъ факторамъ на войнѣ—человѣку и лошади) *несущественную*». «Такое скромное значеніе оружія», говоритъ авторъ, подтверждается массовыми историческими примѣрами того, какъ арміи, хуже вооруженныя, били арміи, лучше вооруженныя». До настоящаго письма мы исповѣдывали, что главный факторъ войны—человѣкъ, и, какъ полагали, въ этомъ шли вмѣстѣ съ авторомъ, въ числѣ другихъ, не мало потрудившагося на разъясненіе этого капитальнаго вопроса о значеніи человѣка-воина. Для насъ непонятно, почему нынѣ авторъ призналъ нужнымъ поставить лошадь рядомъ съ человѣкомъ, провозгласивъ ее такимъ же главнымъ факторомъ. Мы продолжаемъ оставаться при томъ же убѣжденіи, что главный факторъ одинъ: человѣкъ; что все остальное только прибавка болѣе или менѣе важная, въ зависимости отъ обстановки, то возвышающаяся въ своемъ значеніи, то понижающаяся; къ этому остальному мы причисляемъ и лошадь, и разные виды оружія. Въ ту минуту, когда обстановка указываетъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія, винтовка является *важнѣйшей прибавкой* къ главному фактору—человѣку; все прочее сводится къ нулю—и его холодное оружіе, и его лошадь; когда обстановка указываетъ ударъ холоднымъ оружіемъ, въ эту минуту для главнаго фактора—человѣка холодное оружіе *важнѣйшая прибавка*, а винтовка и конь равны нулю; когда коннику обстановка указываетъ необходимость быстро перемѣститься, то *важнѣйшею прибавкой* является конь; винтовка, штыкъ, сабля—въ эту минуту являются нолями, а главнымъ факторомъ продолжаетъ оставаться все человѣкъ, человѣкъ и всюду человѣкъ!

Только всегда памятуя это соотношеніе всего прибавочнаго къ основному и главному фактору войны—къ человѣку-воину, и можно логически разрѣшать вопросы по военному искусству. Имѣя въ виду сказанное, можно опредѣлить значеніе и обоснованность положенія автора о томъ, что оружіе яко бы представляетъ *несущественную* прибавку къ человѣку. Въ доказательство этой мысли авторъ обращается къ массовымъ историческимъ примѣрамъ, указывающимъ, что хуже вооруженныя арміи бивали арміи, лучше вооруженныя. Но здѣсь авторъ дѣлаетъ ту ошибку, отъ которой онъ неоднократно предостерегалъ другихъ, т. е. «изслѣдуя данное

явленіе», онъ упускаетъ изъ вида «открыть совокупность причинъ, его вызвавшихъ», и останавливается на одной «излюбленной, или бросающейся въ глаза первой» (1).

Такъ, въ 1870 г., нѣмцы, плоше вооруженные (но не худо!), били французовъ, лучше вооруженныхъ,—но это потому, что на сторонѣ нѣмцевъ была совокупность причинъ, обусловившихъ за ними побѣды: сравнительно болѣе высокая боевая доброкачественность, въ широкомъ значеніи этого слова, солдата, офицера, подчиненнаго, начальника, единицы и массы, дали нѣмцу побѣды. То, что они были нѣсколько хуже вооружены, было обстоятельствомъ, понижавшимъ результаты побѣды, доставлявшимъ побѣду съ болѣшимъ расходомъ силъ (потери) и вызывавшимъ болѣе моральное и матеріальное напряженіе для достиженія побѣды.

Нѣмецъ понялъ это и, въ предвидѣніи, что въ будущемъ отсталость въ вооруженіи можетъ и не пройти такъ относительно безнаказанно и что можетъ случиться неустойка массъ въ отвѣтъ на требованіе крайняго напряженія,—вотъ потому-то мы теперь и присутствуемъ при лихорадочной работѣ нѣмцевъ (и вообще Европы) въ дѣлѣ перевооруженія арміи: каждая армія стремится вооружиться возможно совершеннымъ оружіемъ, и нѣмецъ прежде всѣхъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ поступаетъ точно также, какъ относительно своей конницы, придя къ заключенію, что, какъ ни кичились ея работою въ 1870 г., тѣмъ не менѣе ей многого недоставало, чтобы быть способною къ борьбѣ съ конницею, болѣе разумно предводимую и употребляемую.

Нужно-ли входить въ доказательство парадоксальности фразы, что оружіе несущественная прибавка къ человѣку...; пусть читатель сопоставитъ человѣка съ голыми руками или съ мечомъ и древнимъ пилумомъ (метательное оружіе) въ борьбѣ съ человѣкомъ, вооруженнымъ малокалиберною винтовкой, конечно, принимая въ расчетъ, что оба борца въ другихъ отношеніяхъ одинаковы. Нѣтъ: *оружіе существенная прибавка къ человѣку*: оно обращаетъ человѣка въ воина—производное существо, обязанное во многомъ сдѣлаться отличающимся отъ человѣка—гражданина; оно опредѣляло фазисы въ развитіи 2000-лѣтней военной исторіи; оно было и есть важный факторъ, обуславливающий специальности и составъ вооруженной силы; оно значительно усиливаетъ человѣка для того, чтобы онъ могъ дать максимумъ полезной работы въ боевомъ отношеніи. Что оружіе

(1) Въ кавычкахъ слова автора письма въ томъ же № 265-мъ «Русскаго Инвалида».

существенная прибавка въ конницѣ, понимается и тѣми, кого авторъ неоднократно ставитъ въ примѣръ регулярной конницѣ: естественно возникшія конницы относятся съ благоговѣніемъ къ своему оружію—будь то пашка, будь то винтовка. Особенно горячо считается нужнымъ возставать противъ такой фразы у насъ: наша армія въ послѣдній полувѣкъ уже два раза испытала, что значитъ являться на войну съ оружіемъ худшимъ, чѣмъ у врага. Обѣ войны доказали, что и старый долгосрочный солдатъ, и новый солдатъ короткаго срока службы, и воспитанный по приѣмамъ автора, и воспитанный въ програмѣ, ничего общаго не имѣющей съ его педагогіей (и именно такого солдата у насъ была масса, тогда какъ другаго солдата была капля), что новый солдатъ, какъ и солдатъ Крымской войны, умѣлъ умирать, хотя и понималъ инстинктомъ и сознательно, что англискія и турецкія ружья далеко не несущественная прибавка къ англійскому и турецкому солдату, что, благодаря этой, по словамъ автора, «несущественной прибавкѣ», легли тысячи напрасныхъ жертвъ, да калѣками остались еще большія тысячи. Мы, конечно, витая въ области фантазіи, увѣрены, что если бы въ 1853—1855 годахъ и 1877—1878 годахъ, наши арміи, во многихъ отношеніяхъ стоявшія выше по боевой доброкачественности, чѣмъ были арміи противниковъ, еще имѣли бы ихъ ружья и пушки, а враги имѣли бы наши, то побѣды въ Крыму и на Балканахъ превзошли бы многое, что имѣемъ славнаго въ нашей военной исторіи. Не миражи, не діалектическія тонкости объясняютъ современное стремленіе массъ и администраціи имѣть возможно лучшее оружіе, а естественное инстинктивное и сознательное пониманіе дѣла. Правильная и методическая педагогія должна считаться съ этимъ фактомъ отношенія массъ; замалчиваніемъ, а тѣмъ болѣе напускнымъ пренебреженіемъ въ видѣ фразы «о несущественности прибавки» — массъ не переубѣдишь въ важности значенія современнаго прогресса техники оружія. На эту фразу каждый изъ 3-хъ—4-хъ-миліонной военной массы отвѣтитъ: «все, чему меня обучили хорошему, все, что хорошее вложили въ меня воспитаніемъ,—все это я примѣню въ день боя тѣмъ лучше, чѣмъ лучше я буду вооруженъ, и тѣмъ болѣе, если я буду вооруженъ лучше, чѣмъ мой врагъ». Противъ этой логики массы и единицъ, что можетъ значить печатная строка о томъ, что оружіе есть несущественная прибавка къ человѣку?! И масса, и каждый воинъ въ отдѣльности будутъ правы не только потому, что такова логика, подсказываемая чувствомъ самосохраненія, но и потому, что противоположное ему чувство са-

моотверженія получить большій просторъ для самопримѣненія: болѣе покойный, вѣрующій въ себя и въ свое оружіе воинъ дастъ большее количество боевой работы и притомъ лучшаго качества, чѣмъ воинъ, сознающій и на каждомъ шагу убѣждающійся, что врагъ сильнѣе его въ вооруженіи. Боже сохрани, завѣрять и всяческими пугалами настраивать воображеніе преувеличеннымъ изображеніемъ и приписываніемъ исключительнаго чудодѣйственнаго значенія вооруженію; это было бы логической ошибкой, это было бы ложнымъ приѣмомъ воспитанія совершенно также, какъ тѣмъ же слѣдуетъ признать и обратное—умаленіе значенія и пренебреженіе этого значенія. Высоко и господствующе значеніе моральнаго элемента въ нашемъ дѣлѣ,—высоко значеніе этого элемента въ нашей массѣ воинства, цѣликомъ приносящее съ собою изъ нѣдръ народа всю ту совокупность боевой доброкачественности, которая сказывалась въ теченіе тысячелѣтія нашей военной исторіи во всѣхъ уголкахъ Европы и Азіи,—и это всегда, и несмотря на то, что ее воспитывали на разные лады, иногда, повидимому, долженствовавшіе искоренить эту доброкачественность. Мы думаемъ даже, что современная тенденція педагогіи къ воспитанію массъ напрасно усердствуетъ, преимущественно направляя свои усилія на эти массы: она обрабатываетъ то, что само по себѣ отлично, что требуетъ только бережнаго охраненія и лелѣнія; педагогія лучше бы сдѣлала, направивъ свои усилія не на массы, а на другіе элементы, — и тутъ-то на первомъ планѣ явится приѣмъ точнаго освѣщенія факторовъ и принциповъ войны,—а приѣмы замалчиванія и пренебреженія могутъ быть сданы въ архивъ. Къ тому же, мы глубоко убѣждены, что запасъ здраваго смысла въ нашихъ массахъ такъ великъ, что «натаскать» ихъ въ вѣрованіе во что-либо одними словами нельзя: быть можетъ, онѣ и будутъ отвѣчать начальству «точно-такъ» на пунктики о ничтожности значенія оружія, но въ душѣ будутъ думать, что это начальство только шутить.

Конечно, проходитъ время, изглаживаются воспоминанія и впечатлѣнія; мирная обстановка содѣйствуетъ порожденію разныхъ громкихъ фразъ; но мы отлично помнимъ, что въ 1877—1878 годахъ не было угла на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ бы въ бесѣдахъ не высказывалось единогласнаго сожалѣнія о томъ, что у «турки» оружіе оказалось лучше нашего. И тамъ, гдѣ не было мѣста для фразеологіи, а требовалось дѣло, тамъ сердцемъ и мозгами очень хорошо признавалось и понималось, что оружіе составляетъ существенную и главную, и важную прибавку къ человѣку, обратившемуся въ война, въ солдата.

Обращаясь къ другимъ пунктамъ письма, прежде всего мы должны заявить о своемъ полномъ согласіи съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что все изложенное имъ «давно извѣстно»; къ этому мы можемъ прибавить, что все это, давно извѣстное, къ тому же нисколько не относится къ данному случаю, къ предмету спора.

«Стрѣльба задерживаетъ, а иногда и совсѣмъ парализуетъ движеніе...» говоритъ авторъ во 2-мъ пунктѣ. «... Конница есть представитель движенія по преимуществу» и т. д., говоритъ авторъ въ 3-мъ пунктѣ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Если бы дѣло шло о томъ, что конница постоянно двигается, что въ этомъ вѣчномъ движеніи исключительная суть работы конницы въ военное время,—мы бы понимали эти аргументы противъ введенія стрѣльбы съ коня. Но на самомъ дѣлѣ конница выполняетъ работу и не малую—и стоя, оставаясь на мѣстѣ... Причемъ же тутъ аргументъ автора?

«Никакое усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія ничего не можетъ измѣнить въ значеніи холоднаго оружія... и т. д.» говоритъ авторъ въ 4-мъ пунктѣ, и совершенно вѣрно; но кто же и гдѣ говорилъ о перемѣнѣ значенія холоднаго оружія. Въ данномъ спорѣ дѣло шло о томъ, что усовершенствованіе техники огнестрѣльнаго оружія совершенно измѣнило способъ обращенія съ нимъ и употребленіе его съ коня, позволивъ преодолѣть затрудненія въ производствѣ самой операціи стрѣльбы, а также сдѣлавши винтовку-магазинку оружіемъ, которое можно употреблять въ дѣло съ извѣстною степенью вѣроятія цѣльности стрѣльбы. Конечно, все это совсѣмъ не то, о чемъ думаетъ авторъ, высказывая свое положеніе въ пунктѣ 4-мъ.

«Кто знаетъ стрѣльбу настоящую и пр., тотъ знаетъ, что и съ двухъ ногъ попадаетъ мало...» говоритъ авторъ въ 5-мъ пунктѣ. Но что же изъ этого слѣдуетъ?—что при стрѣльбѣ съ коня проценты будутъ менѣе, чѣмъ при стрѣльбѣ пѣшкомъ. Къ тому же это аргументъ противъ стрѣльбы вообще: вѣдь автору извѣстно, что при стрѣльбѣ на дальнія дистанціи пѣхота очень мало попадаетъ и, тѣмъ не менѣе, пѣхоту обучаютъ и такой стрѣльбѣ; небезызвѣстно также, что съ мобилизаціей въ ряды арміи войдетъ $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ состава, которому придется и бой начинать стрѣльбой съ дальнихъ дистанцій, можетъ быть даже изъ ружей, которыя онъ только что получить въ руки..., и эти $\frac{3}{4}$ — $\frac{2}{3}$ состава о необученныхъ,—при всѣхъ шансахъ выбить ноль учебныхъ процентовъ,—на дѣлѣ дадутъ большіе плюсы боевой дѣйствительности ('). По нашему мнѣнію, авторъ въ

(') См. «Русскій Инвалидъ» № 243-й 1891 г.

другомъ мѣстѣ былъ ближе къ истинѣ, утверждая, что обученіе пѣхотинца дальней стрѣльбѣ должно истекать изъ права быть обученнымъ этому дѣлу, хотя бы и нельзя было добиться высокаго процента учебной дѣйствительности.

«Конница всецѣло должна созидаться на самоотверженіи, а огнестрѣльное оружіе есть производная самосохраненія», говоритъ авторъ въ 7-мъ пунктѣ; но какое же это имѣетъ отношеніе къ предмету спора? Если бы конница во время войны только и дѣлала, что призывалась къ подъему самоотверженія до его крайняго проявленія, если бы конница въ теченіе всей войны только и дѣлала, что Муціи Спеволы, мы бы понимали аргументъ автора.

До нѣкоторой степени мы поняли бы аргументъ автора, если бы конница все время войны всегда находилась въ положеніи необходимости атаковать въ конномъ строю во что бы то ни стало. Но вѣдь этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и конница, какъ и пѣхота, призываются къ подвигу самоотверженія въ извѣстныхъ обстановкахъ, въ извѣстныхъ условіяхъ, и притомъ, въ той или другой степени, въ той или другой формѣ, и когда другаго способа дѣйствій, какъ производства стрѣльбы, и не можетъ быть. Ошибка автора въ томъ, что онъ дѣлаетъ категорически противоположеніе тому, на чемъ зиждется конница и огнестрѣльное оружіе. Нельзя спорить противъ того, что огнестрѣльное оружіе отчасти подсказывается самосохраненіемъ; но только—отчасти. На самомъ дѣлѣ, въ боевой обстановкѣ употребленіе огнестрѣльнаго оружія тоже требуетъ отъ человѣка самоотверженія и иногда въ очень высокой степени; ну хоть, напримѣръ, въ положеніи артиллеристовъ, доводящихъ огонь до разстоянія картечи или пистолетнаго выстрѣла,—или, напримѣръ, казаки въ Слѣпцовскомъ и Сѣровскомъ подвигахъ,—или, напримѣръ, лейбъ-драгуны въ Новачинскомъ подвигѣ. Далѣе, развѣ рота пѣхоты, подготовляющая штурмъ позиціи, разстрѣломъ противника не являетъ самоотверженіе иной разъ не меньшее, чѣмъ другая сосѣдняя рота, которая поведена на штурмъ?! Развѣ для спѣшенныхъ драгунъ, оставленныхъ въ арьергардѣ, на оборонительной позиціи, не нужно самоотверженія и производство ими стрѣльбы—развѣ будетъ производною самосохраненія?! Конечно, это вопросъ громадной важности и заслуживалъ бы болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія; но здѣсь не мѣсто. Замѣтимъ только, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ ошибкой, совершенно схожей съ тою, которая, обыкновенно, дѣлается при разъясненіи вопросовъ о нападеніи, объ атакахъ: на всѣ лады выясняется и доказывается, что и то, и другое построено на само-

отверженіи, а объ обороняющемся ни слова; тогда какъ у послѣдняго весь характеръ дѣйствій не менѣе строится на томъ же самоотверженіи: Шенграбенъ, — Севастополь, — Баязеть, — Шипка, — не живыя-ли свидѣтельства сказанному.

«Стрѣльба на вѣтеръ не удручаетъ, а ободряетъ противника», говоритъ авторъ въ 8-мъ пунктѣ. Старые севастопольцы и кавказцы свидѣтельствуютъ даже, что и къ стрѣльбѣ попадающей можно привыкнуть такъ, что на нее не обращаютъ вниманія. Но чтѣ же изъ этого слѣдуетъ? не исключить же стрѣльбу изъ обихода войны? Затѣмъ, обыкновенно, упускается изъ вида, что «удрученіе» непріятеля стрѣльбою находится въ зависимости, и очень большой, отъ состоянія противника, — и стрѣльба на вѣтеръ, одну часть можетъ быть и ободрять, а другую — сосѣдную, будетъ удручать; та же стрѣльба одну часть въ данную минуту ободряетъ, а черезъ нѣскольکو времени можетъ удручить, ибо, по словамъ маршала Саксонскаго «*La valeur des troupes est journalière, q̄ne rien n'est si variable*» (1) А главное, въ дѣлѣ мы почти никогда не можемъ опредѣлить: что же наша стрѣльба, удручающа или ободряюща, и тѣмъ не менѣе стрѣляемъ... Военные знатоки моральной природы войны, продѣлавшіе десятки кампаній, какъ Фридрихъ Великій, отлично знавшій, что стрѣльба его пѣхоты есть стрѣльба на вѣтеръ въ учебно-процентномъ отношеніи, все таки требовалъ эту стрѣльбу, не мудрствуя лукаво о томъ, будетъ ли она удручать или ободрять врага: она ободряла своихъ и дѣятелю даже этого было достаточно.

Въ концѣ письма авторъ счелъ нужнымъ высказать свои убѣжденія о вѣроятныхъ результатахъ отъ введенія стрѣльбы съ коня.

«1) Пониженіе уровня кавалерійскаго образованія, ибо на стрѣльбу съ коня придется убить много времени, отнявъ его отъ существенныхъ отдѣловъ». Это ли возраженіе? Важно рѣшить вопросъ—приобрѣтаетъ ли конница обученіемъ стрѣльбѣ съ коня средство, которымъ она сможетъ воспользоваться въ военное время съ пользою для себя и во вредъ противнику? Если да, то педагогичи и программѣ обученія остается только одно: выработать соотвѣтственную програму обученія *и непременно не въ ущербъ прочимъ отдѣламъ обученія*; и это сдѣлать легко. *Стоитъ только время, удѣляемое на стрѣльбу тѣшкомъ, отдать стрѣльбѣ съ коня, и главное—начальству смотрѣть только стрѣльбу съ коня.*

(1) «Ничто такъ не переменчиво, какъ состояніе—доброкачественность войскъ».

2) Со введеніемъ скорострѣльнаго оружія—неизбѣжно и увеличеніе количества патроновъ и вѣроятности «безтолковой траты патроновъ»; эти два естественныя послѣдствія вѣрны и относительно пѣхоты и *спѣшенной* конницы; но несомнѣнно, что для конницы вопросъ объ увеличеніи числа патроновъ разрѣшается легче: она имѣетъ выюкъ, она имѣетъ легкій обозъ; наконецъ, для выполненія назначеній, обставляющихся вѣроятностью большаго расхода патроновъ, ей легче взять на себя нѣкоторый излишекъ патроновъ. Въ виду такихъ соображеній, доводы автора объ уменьшеніи походной подвижности увеличеніемъ числа патронныхъ ящиковъ въ обозѣ конницы и усиленіе безтолковой траты патроновъ вѣрны и относительно конницы (хотя бы примѣняющей стрѣльбу только въ спѣшанномъ порядкѣ), и пѣхоты; не думаю, однако, что присущее свойству современнаго оружія могло бы хоть на минуту кого нибудь остановить отъ введенія этого оружія въ нашей арміи.

3) «Безполезныя потери отъ огня въ конницѣ» — непонятный доводъ, разъ дѣло идетъ о примѣненіи стрѣльбы съ коня, по преимуществу, противъ конницы, вообще и въ частности, противъ спѣшивающейся.

4) Наконецъ, послѣдній доводъ объ обращеніи конницы «въ четвероногую, неспособную къ атакѣ пѣхоту», можетъ быть принимаемъ въ серьезъ только тѣми, кто забываетъ, что отличныя конницы, отлично умѣвшія атаковать — обучались стрѣльбѣ съ коня, а инныя изъ нихъ и работали стрѣльбою съ коня въ военное время, продолжая оставаться отличными конницами и высоко неся знамя истаго кавалерійскаго духа.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить для насъ симпатичнаго факта въ письмѣ автора: онъ одинъ не отвергъ категорически идею стрѣльбы съ коня, и въ этомъ отношеніи остался вѣренъ когда то проповѣдывавшемуся имъ въ другихъ случаяхъ.

Что авторъ за стрѣльбу съ коня, мы постараемся доказать ⁽¹⁾:

Въ томъ же 4-мъ пунктѣ своего письма, гдѣ сказано о несовершенствѣ конницы, авторъ говоритъ: «дальше не можетъ она (конница) идти того, до чего дошли конницы, естественно возникшія...», а послѣднія дошли «до одиночной стрѣльбы съ коня; но до массовой никогда не доходили, несмотря на совершенство въ ѣздѣ и

(1) Конечно, мы не говоримъ о массовой стрѣльбѣ.

употребленія оружія, какого регулярныя конницы никогда достигнуть не могутъ». Вникнемъ въ смыслъ этой тирады:

Итакъ авторъ признаетъ, что естественно возникшая конница доходила до извѣстной степени совершенства въ одиночной стрѣльбѣ... Не прямой ли выводъ отсюда такой: регулярная конница, слѣдующая образцу, когда-то также указывавшемуся тѣмъ же авторомъ ⁽¹⁾, должна обучаться боевой стрѣльбѣ съ коня, какъ она, слѣдующая тому же образцу, должна обучаться употребленію холоднаго оружія, и, конечно, съ тѣмъ же результатомъ, т. е. никогда не достигая образца въ совершенствѣ и только болѣе или менѣе приближаясь къ нему.

Но, завѣряетъ авторъ, естественно возникшія конницы «до массовой стрѣльбы никогда не доходили», а потому и выводъ: регулярная конница не должна стремиться къ этому, и тѣмъ болѣе, какъ говоритъ авторъ, что регулярная конница никогда не дойдетъ до степени совершенства въ ѣздѣ и въ употребленіи оружія. При чемъ тутъ «совершенство въ ѣздѣ» — намъ непонятно: стрѣляли съ коня конницы, весьма скверно ѣздившія верхомъ, стрѣляли и отлично ѣздившія. Но это только къ слову, а дѣло въ слѣдующемъ:

во-первыхъ, вопреки завѣренія автора, естественно возникшія конницы еще тогда, когда онѣ имѣли метательное оружіе первобытныхъ типовъ, передъ рубкой врага забрасывали его тучами стрѣль. Такъ дѣйствовала скифская, нумидійская и, въ особенности, парфянская конницы. Это и было массовымъ употребленіемъ метательнаго оружія. Были ли «команды», насколько одновременны, ровны и чисты были залпы наѣздниковъ, неизвѣстно; но, по идеѣ, такого рода дѣйствіе кучь наѣздниковъ, окружавшихъ фаланги персовъ и легіоны римлянъ, совершенно сродственно современному массовому залповому огню;

во-вторыхъ, по свидѣтельству очевидцевъ, авторитетныхъ и выдававшихъ виды, и въ новѣйшее время черкесы работали залпами ⁽²⁾; что дѣлали также и наши кавказскіе казаки;

въ-третьихъ, если, быть можетъ, въ прежнее время работа залпами у естественно возникшихъ конницъ была сравнительно болѣе рѣдкимъ явленіемъ, то это можно объяснить тѣмъ, что конницы не обладали берданками и магазинками..., приходилось ограничиваться однимъ залпомъ: дистанція, на которую можно было стрѣлять, была

(1) См. «Учебникъ тактики» того же автора.

(2) См. «Русскій Инвалидъ», № 254-й; «Военный Сборникъ» 1892 г., № 1-й.

такъ мала, а время для производства выстрѣла было такъ велико, что далѣе одного залпа и нельзя было идти;

въ четвертыхъ, признавать законность одиночной стрѣльбы, хотѣ бы въ формѣ указанія на примѣръ естественно возникшихъ конницъ, и въ то же время отрицать массовую стрѣльбу, по нашему мнѣнію, логическая ошибка: *массовая стрѣльба только осуществленіе принципа сосредоточенія силы огня въ данномъ направленіи*; она есть актъ, въ которомъ единичныя усилія каждаго стрѣлка сводятся, совокупляются, соединяются въ одну силу, устремляемую въ одну точку волею одного лица. Будетъ ли таковая стрѣльба въ видѣ пальбы рядами, пальбы отдѣленіями, залпами по-шереножно, по-взводно, поротно, по-дивизионно (эпоха Фридриха), по существу, она все одна и та же: стрѣльба болѣе или менѣе крупными группами, управляемыми волею начальника группы. Кромѣ такого тактическаго значенія массовой стрѣльбы, за нею остается свойство дисциплинированія огня. Это свойство было всегда важнымъ условіемъ, удовлетворить которому стремились во всѣ времена, а тѣмъ болѣе оно выдвигается по своему значенію въ настоящее время, когда техника производства стрѣльбы даетъ такъ много соблазна и такъ много условій, чтобы огонь вырывался изъ рукъ начальниковъ: массы, вводимыя въ бой, на $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ малообученныя, молодая войска, скорострѣльное оружіе со всѣми его свойствами, ведущими къ быстрому расходованію патроновъ, продолжительность огнестрѣльнаго періода, возможность стрѣлять на большія дистанціи и т. д.; вотъ цѣлый рядъ условій, имѣя въ виду которыя, безъ всякой претензіи быть пророкомъ, можно сказать, *что все идетъ къ тому, что если хотѣтъ, чтобы стрѣльба въ бою стала цѣлесообразнымъ и надежнымъ средствомъ, — необходимо ей стать, по преимуществу, стрѣлбою массовою, залповою, болѣе или менѣе крупную, каковою она была по другимъ причинамъ въ эпоху Фридриха*. Такъ вопросъ рѣшается относительно стрѣльбы пѣхоты, тѣмъ болѣе относительно стрѣльбы конницы, которая еще болѣе богата условіями для обращенія стрѣльбы въ стрѣлковую трескотню, осужденную еще Морицомъ Саксонскимъ.

въ пятыхъ, есть данныя, что залповой стрѣльбѣ принадлежатъ преимущества и въ дѣйствительности надъ одиночною стрѣлбою и, думается, что это преимущество удержится за нею тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ выучка въ одиночной стрѣльбѣ будетъ слабѣе, — съ послѣднимъ фактомъ практика вообще должна считаться, какъ съ неизбѣжнымъ въ военное время, когда ряды арміи пополняются запа-

сомъ, когда потери будутъ пополняемы людьми, слабо обученными, — а въ частности, и по отношенію конницы, въ коей одиночная стрѣльба всегда будетъ на сравнительно низкомъ уровнѣ;

въ шестыхъ, — только при примѣненіи залповой стрѣльбы съ коня начальникъ части будетъ въ состояніи удержать за собою роль хозяина въ дѣлѣ, и, когда нужно, когда представится удобная и выгодная минута, мгновенно перейти отъ винтовки къ пашкѣ. Не стоило бы труда намѣтить нѣсколько обстановокъ, въ которыхъ будетъ предпочтительнѣе примѣнить къ дѣлу даже и одиночный огонь съ коня, *непрѣменно изъ сомкнутаго строя* (отборными стрѣлками), *а отнюдь не изъ разсыпнаго строя*, болѣе сродственного одиночному огню, и это будетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда начальнику важно удержаніе части въ своихъ рукахъ... для конницы, можно сказать, что это будетъ почти всегда.

Высказываясь такъ за залповую стрѣльбу и придавая ей такое значеніе, во избѣжаніе опять упрека въ крайности, оговоримъ необходимость обучать одиночной стрѣльбѣ и упражнять въ примѣненіи ея и въ разсыпномъ строѣ. Эта необходимость подсказывается какъ видами болѣе толкового обученія, такъ и случаями войны, когда умѣстно будетъ примѣнить къ дѣлу одиночный огонь въ разсыпномъ строѣ, иногда въ сочетаніи съ залповымъ огнемъ изъ сомкнутаго строя.

Итакъ, залповая стрѣльба не есть что-либо совершенно особенное и чуждое одиночной стрѣльбѣ; она, по существу, является только естественною формою примѣненія огня, какъ боеваго средства въ принципѣ сосредоточенія силъ, и въ то же время она есть форма примѣненія огня, коею достигается дисциплинированіе огня въ широкомъ значеніи этого понятія, и, какъ послѣдствіе — удержаніе части и огня въ рукахъ распорядителя начальника.

Сдѣлаемъ же сводку сказанному относительно нашего обсужденія 4-го пункта письма автора въ сопоставленіи съ тѣмъ, что проповѣдывалось тѣмъ же авторомъ неоднократно въ многочисленныхъ работахъ и въ цѣломъ рядѣ изданій учебниковъ по тактикѣ:

1) Въ 4-мъ пунктѣ авторъ признаетъ, что образцовымъ естественно возникшимъ конницамъ свойственна боевая стрѣльба съ коня и что онѣ доходили въ этомъ дѣлѣ до извѣстной степени совершенства (¹); *нашъ выводъ*: слѣдовательно, авторъ признаетъ вмѣстѣ съ нами, что стрѣльба съ коня и истый кавалерійскій духъ могутъ уживаться вмѣстѣ въ одной и той же конницѣ.

(¹) «Русскій Инвалидъ», № 265-й. «Письмо автора», стр. 4-я.

2) Для регулярной конницы, говоритъ авторъ со словъ боевыхъ кавалеристовъ, въ своихъ учебникахъ, образцомъ одиночнаго образованія должны служить естественно возникшія конницы (1); *нашъ выводъ*: и по мнѣнію автора, выходитъ, что драгунъ слѣдуетъ обучать одиночной стрѣльбѣ съ коня, въ слѣдованіи образцу.

3) Извѣстенъ перифразъ великаго афоризма Морица Саксонскаго: «на войнѣ человекъ дѣлаетъ только то, что привыкъ дѣлать въ мирное время» (2) обратившагося въ пересказѣ автора въ такое положеніе: «учить войска (въ мирное время) только тому, что они должны умѣть дѣлать въ военное» (3). Примѣнять стрѣльбу при преслѣдованіи признавалось полезнымъ даже въ конницѣ Фридриха, для чего предназначалась легкая конница—гусары, обучавшіеся стрѣльбѣ съ коня. Въ настоящее время, когда имѣется одна конница—драгунская, преслѣдованіе будетъ удѣломъ ея такимъ же, какъ и всѣ прочія задачи, когда-то составлявшія назначеніе легкой конницы; при этомъ преслѣдованіи драгуны съ пользою могутъ употребить въ дѣло стрѣльбу съ коня; *нашъ выводъ*: въ духѣ вышепоставленнаго требованія автора объ обученіи тому, что придется дѣлать въ военное время, слѣдуетъ обучать драгунъ боевой стрѣльбѣ съ коня.

Такъ, будучи послѣдовательными и признавая авторомъ проповѣдывающіеся принципы обученія войскъ, мы можемъ утверждать, что авторъ за стрѣльбу съ коня, и если онъ не высказывается категорически, то только потому, что находится подъ вліяніемъ «миража», также создаваемаго у автора, какъ, по его же словамъ, создался взглядъ Морица Саксонскаго относительно пики, т. е. подъ гнетущимъ давленіемъ привычныхъ вѣрованій... (4).

Также смотрѣлъ авторъ на дѣло 25—28 лѣтъ назадъ, когда вступалъ на поприще поученія, но только иначе высказывался. На стр. 155-й «Лекцій тактики», изд. 1864 года, читатели могутъ найти такую цитату: «Кавалеристовъ должно также обучать и стрѣльбѣ въ мишени съ лошади, какъ съ мѣста, такъ и на скаку. Это упражненіе находится въ большомъ небреженіи во всѣхъ регулярныхъ кавалеріяхъ». На страницѣ 149-й того же труда, поговоривъ сначала о томъ, что дѣйствовать мѣтко огнестрѣльнымъ оружіемъ съ коня невозможно и о противорѣчій стой-

(1) «Записки тактики», авторъ изд. 1866 г., стр. 179-я; изд. 1872 г., стр. 154-я «Учебникъ тактики», изд., 1879 г., стр. 144-я.

(2) «Учебникъ тактики» 1879 г., стр. XXVI.

(3) Тѣ же руководства, начиная съ изд. 1866, 1872 и 1879 гг., и т. д.

(4) «Развѣдчикъ», 1891 г. № 74-й, стр. 516-я.

ли на мѣстѣ для стрѣльбы съ существеннымъ элементомъ кавалерійской силы, т. е. съ движеніемъ, авторъ высказывается за допущеніе метательнаго вооруженія въ конницѣ только для личной защиты, для чего, говоритъ авторъ, достаточно имѣть нарѣзные пистолеты. «Исключеніе изъ этого составляютъ драгуны», продолжаетъ авторъ нѣсколько строкъ ниже, «которые должны имѣть, хотя и легкое, но приближающееся къ пѣхотному ружью». Конечно, можно было бы подумать, что, такъ высказываясь, авторъ имѣлъ въ виду спѣшенное дѣйствіе драгунъ. Но на самомъ дѣлѣ нѣтъ: вслѣдъ за только-что указаннымъ исключеніемъ, авторъ продолжаетъ: «заряджаніе съ казенной части особенно было бы удобно въ кавалерійскомъ огнестрѣльномъ оружій, такъ какъ заряджаніе съ дула на лошади весьма затруднительно».

Эта мысль родственна по духу и по формѣ съ тѣмъ, что предлагалъ 160 лѣтъ назадъ Морицъ Саксонскій, требовавшій, чтобы вся драгунская конница была обучена стрѣльбѣ съ коня (*Mes rêveries*, 52); Морицъ Саксонскій даже проектировалъ особое ружье для этого (VI приложение; 46), которое обладало *дальнобійностью, скорострѣльностью, легко заряжалось*, не требовало досылки патрона и прибора, что признавалось крайнею трудностью для конницы.

Въ «Запискахъ тактики», изд. 1866 г., на стр. 168-й, авторъ слово въ слово повторяетъ то же, что отмѣчено нами выше объ исключеніи для драгунъ и о заряжающемся съ казенной части огнестрѣльномъ оружій. Но здѣсь уже мы не находимъ сожалѣнія о малой практикѣ въ стрѣльбѣ съ коня, а за то та же мысль развивается въ видѣ предложенія программы обученія стрѣльбѣ съ коня. На стр. 197-й авторъ подъ рубрикой «дѣйствіе оружійемъ съ лошади» говоритъ: «дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружійемъ слѣдуетъ ограничить холостой стрѣльбой въ бумагу на всѣхъ алюрахъ». На стр. 198-й, замѣтивъ, что въ обученіи *холостой* стрѣльбѣ съ коня должно слѣдовать той же послѣдовательности, какъ въ обученіи дѣйствию холоднымъ оружійемъ, и что вообще въ этомъ нужно слѣдовать образцу естественно возникшихъ конницъ, авторъ въ заключеніе говоритъ: «Конечно, это упражненіе лучше бы дѣлать съ боевыми патронами, но къ этому перейти можно только съ весьма навывшими къ дѣлу всадниками; иначе, при неповоротливости и неловкости, составляющей общее свойство большинства регулярныхъ кавалеристовъ, несчастные случаи были бы слишкомъ часты». Затѣмъ идетъ панегирикъ въ пользу сообщенія упражненія подобнаго рода, — т. е. вольтижированію, дѣйствіямъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружійемъ въ совокупно-

сти, — характера молодечества, личной удали и возбужденія страсти къ такимъ упражненіямъ... Авторъ даже не допускалъ мысли равнодушія къ этому дѣлу «до такой степени цѣлесообразному», польза котораго очевидна для всякаго молодца.

Такъ просто, такъ, скажемъ, справедливо и логично смотрѣлъ на дѣло авторъ $\frac{1}{4}$ вѣка назадъ. Конечно, въ приведенныхъ строкахъ можно замѣтить нѣкоторыя противорѣчія по отношенію авторомъ же выдвинутыхъ принциповъ обученія. Будучи послѣдователенъ, авторъ долженъ былъ бы холостую стрѣльбу признавать только какъ одну изъ ступеней въ програмѣ обученія стрѣльбѣ съ коня, а затѣмъ категорически требовать боевой стрѣльбы, какъ главнаго содержанія этой программы..., но на такой рѣшительный и послѣдовательный шагъ авторъ не пошелъ, въ опасеніи несчастныхъ случаевъ, — аргументъ, противорѣчившій его програмѣ «притупленія инстинкта самосохраненія», взятой изъ опыта естественныхъ конницъ и такихъ учителей, какъ Зейдлицъ. И въ самомъ дѣлѣ: опасеніе за несчастные случаи не оправдывается ни логикой, — думаемъ, — не оправдается и практикой. Въ самомъ дѣлѣ, разъ конница будетъ вѣдена какъ слѣдуетъ въ отношеніи пересѣченной мѣстности, разъ джигитовка (мы замѣняемъ этимъ словомъ слово вольтижированіе, сопряженное съ понятіемъ о циркѣ, о манежѣ) водворится въ конницѣ, разъ она имѣетъ всегда отточенное оружіе, — несчастные случаи въ мирное время выигрываютъ въ шансахъ на вѣроятность; — но не отказываться же отъ всего этого столь рациональнаго, только по этому, и не возвращаться же къ школѣ, построенной на кадрилихъ, на движеніяхъ шагомъ на плацикахъ-пяточкахъ? Что касается до практики, то, насколько позволяеть судить опытъ 1891 года на Кавказѣ, опасенія за несчастные случаи — плодъ воображенія: ни разу ничего не случилось; хотя необходимо признать, что боевая стрѣльба съ коня одно изъ упражненій мирнаго времени, въ извѣстной степени сопряженное съ опасностью; но это очень не бесполезно въ воспитательномъ отношеніи.

Въ послѣдующемъ изданіи того же учебника, «исправленнаго, по порученію автора, капитаномъ Гудимъ-Левковичемъ», въ 1872 г., уже не встрѣчается многого изъ говорившагося прежде, и если что остается по вопросу о стрѣльбѣ съ коня, то только относительно употребленія пистолета или револьвера. Послѣдующія изданія, произведенныя самимъ авторомъ, сохраняютъ, въ отношеніи занимающаго вопроса, редакцію «исправителя», что даетъ основаніе полагать, что авторъ согласился съ сдѣланными поправками.

Но для исторіи вопроса важно опредѣлить, что же послужило

поводомъ къ такому согласію? Съ 1866 по 1872 годъ случились двѣ войны, при самомъ внимательномъ изученіи, не представляющія ровно ничего для отверженія стрѣльбы съ коня у драгунъ; затѣмъ, война Американская съ 1860 по 1865 годъ даже доставила доводы въ пользу этой стрѣльбы изъ револьверовъ въ атаку на пѣхоту. Война 1877—1878 гг., въ лицѣ нѣсколькихъ строевыхъ авторовъ, стоявшихъ близко у дѣла, напротивъ, напомнила о необходимости обученія боевой стрѣльбѣ съ коня; въ 1878 г. даже было введено въ уставъ обученіе боевой стрѣльбѣ съ коня; техническія усовершенствованія самаго оружія, затруднявшаго, по словамъ автора, стрѣльбу съ коня, въ значительной степени устранили эти затрудненія; наконецъ, авторская послѣдовательность въ примѣненіи основныхъ началъ обученія, дошедшая до приѣма «обстрѣливанія» и производства ученя между перестрѣливающимися батареями, — все это вмѣстѣ, казалось бы, только условія и факты, которые должны были бы побудить автора къ болѣе энергическому и категорически рѣзкому проведенію программы обученія боевой стрѣльбѣ съ коня въ конницѣ... Но на самомъ дѣлѣ вышло по другому: учебникъ, исправленный г. П. Гудимъ-Левковичемъ, продолжаетъ воспроизводиться, и въ отношеніи стрѣльбы съ коня авторъ санкціонируетъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ *холостую стрѣльбу* изъ пистолетовъ... совершенно такое же занятіе, какъ осужденная болтушка шапками извѣстная подъ названіемъ «обученія рубкѣ».

Послѣсловіемъ нашего отвѣта автору письма да послужить то, что мы отвѣчаемъ на вопросъ: чего ожидать отъ введенія стрѣльбы съ коня въ программу обученія конницы и какъ предметъ практики на маневрахъ и ученьяхъ:

1) Готовность нашей конницы къ военному времени значительно поднимется, ибо мы тѣмъ самымъ приблизимъ ее къ идеалу всадника, никогда не расстающагося со своимъ конемъ.

2) Спѣшваніе и въ мирное время, а тѣмъ болѣе въ военное время, станетъ рѣдкимъ и исключительнымъ явленіемъ.

3) Всѣ назначенія и задачи, *не сопряженныя съ моментомъ производства атаки*, наша конница будетъ выполнять съ большимъ удобствомъ и съ большими выгодами для дѣла, а, слѣдовательно, съ большими шансами на успѣхъ и на плодотворные результаты. Слабѣйшій получитъ новое средство бороться съ сильнѣйшимъ.

4) Програма обученія отвѣтитъ на вопросъ: къ чему драгунъ и казакъ таскаютъ по цѣлымъ часамъ, днямъ, мѣсяцамъ винтовку за спиной, разбивающей грудь и надрывающей силы.

5) Будеть предотвращено ошибочное примѣненіе (особенно мас-соваго огня) и неискусное веденіе стрѣльбы съ коня,—на самомъ дѣлѣ неизбежное въ силу вещей, хотя бы въ мирное время это дѣло замалчивалось и пренебрегалось.

6) Дается конницѣ оружіе столь совершенное, что она можетъ, *не слѣзая съ коня*, изготовиться къ производству выстрѣла и произвести рядъ выстрѣловъ съ нѣкоторою степенью учебной дѣйствительности—по логикѣ *слѣдуетъ и обучать конницу таковой стрѣльбѣ*, а не заставлять драгунъ и казаковъ слѣзать съ коня для стрѣльбы. Повторяю разъ сказанное, перефразируя слова того же автора относительно обученія пѣхоты стрѣльбѣ на дальнія дистанціи: *быть обученнымъ стрѣльбѣ съ коня истекаетъ изъ понятія права драгуна и казака быть обученнымъ этому дѣлу*.

7) Боевая стрѣльба съ коня станетъ однимъ изъ лучшихъ упражненій для подъема въ нашей конницѣ лихости, ловкости, удали, отваги.

Н. Сухотинъ.

ПО ВОПРОСУ О СТРѢЛЬБѢ СЪ КОНЯ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАЗБОРЪ ВОПРОСА.

I.

Главное оружіе конницы есть конь. Въ этомъ мы глубоко убѣдились, прослѣдя подробно всю военную исторію, гдѣ на каждомъ шагу находили этому подтвержденіе. Конемъ конница должна разстраивать ряды, топтать и разгонять непріятеля. Прочее оружіе, пашка, сабля, пика, есть оружіе дополнительное, вступающее въ свою силу, когда сошлись съ противникомъ на близость ручнаго оружія; когда конь потерялъ силу или мѣстность не позволяетъ скакать; для добиванія сраженнаго врага, для непосредственной защиты всадника и устрашенія непріятеля. Винтовка есть оружіе, даваемое кавалеристу на тотъ случай, когда, по свойствамъ мѣстности или другимъ обстоятельствамъ, онъ употребить въ дѣло коня не можетъ, и, когда, подражая въ дѣйствіяхъ своихъ пѣхотѣ, можетъ огнемъ изъ винтовки достигнуть лучшихъ результатовъ, чѣмъ дѣйствуя на конѣ.

Всѣ лица, высказавшіяся по указанному вопросу, повидимому, хорошо знакомы съ военной исторіей; но для прочихъ лицъ, также заинтересованныхъ возбужденнымъ вопросомъ, мы рѣшили перечислить главнѣйшіе факты исторіи конницы, гдѣ особенно рельефно выказалось, что главнѣйшій способъ дѣйствій этого рода оружія наскокъ и ударъ коня, т. е. стремительная атака. Вмѣстѣ съ этимъ приведемъ и мнѣнія величайшихъ военныхъ авторитетовъ по этому предмету.

Еще въ мифологіи конь считался средствомъ, т. е. оружіемъ для пораженія непріятеля. Генъ ⁽¹⁾ приводитъ мифологическое преданіе, въ которомъ Горъ говоритъ Озирису, что «конь служитъ для того,

(1) Victor Hehn. «Culturpflanzen und Haustiere» стр. 29-я и 30-я.

чтобы разсѣять и потомъ уничтожить бѣгущаго врага». Но первоначально конь употреблялся для врыванія въ ряды непріятеля, т. е. для удара, запряженный въ колесницу, и только впоследствии для этой цѣли стали на него садиться верхомъ. Первая конница, которая стала употреблять коня, какъ оружіе для удара и устрашенія непріятеля налетомъ, получила сразу перевѣсъ надъ конницей, считывавшей на сабли, копыя и стрѣлы, а не на коня, какъ потому, что туча несущейся конницы производитъ сильное нравственное впечатлѣніе, такъ и потому, что силѣ напора коней трудно противостоять.

Аррианъ, описывая сраженіе при Гавгамеллѣ, говоритъ, что Александръ произвелъ стремительную атаку, привелъ въ безпорядокъ лѣвый флангъ Дарія и обратилъ полчища его въ бѣгство. Ясно, что Александръ привелъ въ безпорядокъ непріятеля и обратилъ въ бѣгство не саблями, не копыями и не стрѣлами, потому что непріятель, имѣвшій миллионную армію, встрѣтилъ его такую массою стрѣлъ, дротиковъ и камней, что восемь маленькихъ илюсовъ, съ которыми онъ несся въ атаку, не могли бы въ этомъ состязаться; но персы были ошеломлены бѣшеннымъ скокомъ коней, въ ужасѣ хлынули назадъ, и тогда только пошла работа копій и мечей.

Полибій, описывая сраженіе при Требии, говоритъ: «карфагенская конница съ такою стремительностью ударила на конницу римлянъ, что однимъ ударомъ опрокинула ее и обратила въ бѣгство».

Въ сраженіи при Руспинѣ у Цезаря было только 400 всадниковъ. Будучи совершенно окруженъ превосходными силами Сципиона, онъ рѣшился неожиданнымъ переходомъ въ наступленіе озадачить противника. Устроивъ для этой цѣли пѣхоту, онъ поставилъ въ серединѣ боеваго порядка своихъ всадниковъ и, двинувъ когорты впередъ, самъ повелъ горсть всадниковъ на многочисленную конницу Лабіена. Атакованная во всю скачъ Цезаремъ, конница Лабіена не выдержала и обратилась въ бѣгство; конницѣ послѣдовала пѣхота, и Цезарь одержалъ побѣду.

Въ сраженіи при Яффѣ (во время Крестовыхъ походовъ) Ричардъ Львиное Сердце, бросившись въ атаку съ одиннадцатую рыцарями, пробился черезъ 7,000 мусульманскихъ всадниковъ (1).

Съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія, конница атакующая всегда одерживаетъ успѣхъ надъ конницею стрѣляющей, и поражающимъ образомъ дѣйствуетъ на пѣхоту.

(1) Шаоссеръ, стр. 89-я.

Въ сраженіи при Жамблу ⁽¹⁾ 1,200 человекъ испанскихъ копейщиковъ, подъ предводительствомъ Александра Пармскаго, удачною атакою разбили и разметали 20,000-ную армію нидерландцевъ, предводимую принцемъ Эгмонтомъ ⁽²⁾.

Въ сраженіи при Моокъ 1,000 испанскихъ всадниковъ атаковали и разсѣяли 4,000 человекъ стрѣлявшей нидерландской конницы ⁽³⁾.

Въ сраженіи при Янковицахъ, въ 1645 году ⁽⁴⁾, имперская пѣхота (цѣлый полкъ), сопротивлявшаяся всѣмъ усиліямъ шведовъ, была опрокинута генераломъ Дугласомъ, который построилъ три эскадрона вмѣстѣ (en tiraille) и произвелъ атаку.

Въ сраженіи при Рокруа, въ 1643 году, 8—10 эскадроновъ герцога Ангіенскаго сломили и привели въ совершенный безпорядокъ всю испанскую армію, что, въ концѣ концовъ, завершилось для послѣдней совершеннымъ пораженіемъ.

Въ сраженіи при Марстонъ-Муръ, въ 1644 году, конница роялистовъ, остановившись передъ конницею Кромвеля, ожидала нападенія, чтобы дать залпъ. Кромвель, безъ выстрѣла, бросился въ атаку, смялъ ее, потомъ бросился на пѣхоту, разсѣялъ ее и выигралъ сраженіе.

Въ сраженіи при Лезъ, въ 1691 году ⁽⁵⁾, конница союзниковъ, подкрѣпляемая всею арміею, при видѣ наступающей конницы французовъ, по обыкновенію того времени, встрѣтила ее огнемъ. Люксамбургъ, не тратя времени на бесполезную трескотню съ коня, обрушился на противника стремительною атакою и разсѣялъ конницу союзниковъ.

Въ сраженіи подъ Вѣной, въ 1683 году, Янъ Собѣскій съ польскою конницею атаковалъ и разбилъ втрое сильнѣйшую конницу турокъ.

Карль XII былъ идеальный кавалеристъ, какого только создавалъ свѣтъ. Онъ строжайше запретилъ конницѣ стрѣлять передъ атакою, указалъ ей, что ея оружіе—конь и приказалъ ей производить атаку въ карьеръ. Два полка шведской конницы, подъ командою короля, атаковали при Заницѣ 10,000 саксонцевъ (8,000 пѣхоты и 2,000 конницы), разсѣяли конницу, опрокинули пѣхоту, которая только за темнотою успѣла ускользнуть, и овладѣли всею артилеріею.

(1) «Нидерландскія войны».

(2) Мотлей, томъ II.

(3) Тамъ же, стр. 525-я.

(4) «Тридцатилѣтняя война».

(5) «Война за испанское наслѣдство».

Въ сраженіи при Клишовѣ, въ 1702 году ⁽¹⁾, саксонская конница обскакала правый флангъ шведовъ и, вмѣсто того, чтобы продолжать атаку, остановилась для залпа, и за то была разбита наголову шведами, которые воспользовались этою остановкою и бросились въ атаку.

Петръ Великій приказывалъ конницѣ «со всевозможною силою атаковать» и «огненнаго боя» передъ атакою отнюдь не употреблять.

Въ сраженіи подъ Видавой, въ 1706 году, 3,000 русскихъ драгунъ, подъ командою Ренне, однимъ ударомъ опрокинули 13,000 поляковъ.

Подъ Калишемъ русская конница атаковала и истребила конницу шведовъ и поляковъ, дѣйствуя исключительно атаками.

Маршалъ Саксонскій говоритъ: «въ кавалерійскомъ бою гораздо выгоднѣе вызвать на себя огонь противника, чѣмъ самому терять на это время»; «стрѣльба съ коня—не кавалерійское дѣло, и я могу засвидѣтельствовать только то, что конница, занимавшаяся искусствомъ стрѣлянія, всегда была бита».

Фридрихъ Великій въ своей инструкціи для кавалерійскихъ начальниковъ предписываетъ: «каждый кавалерійскій офицеръ долженъ твердо зарубить себѣ въ памяти, что для пораженія врага нужны только два дѣла: во-первыхъ, атаковать его съ наивысшею быстротою и силой и, во-вторыхъ, охватить его фланги». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно напоминалъ, чтобы конница никогда не позволяла атаковать себя, а, напротивъ, старалась атакою предупреждать противника.

Зейдлицъ сказалъ: *«если конница налетаетъ на непріятеля прежде, чѣмъ тотъ успѣетъ рассмотреть, какія у нее сабли, то, будь у ней въ рукахъ хотя простые хлысты, она навѣрное побѣдитъ его».*

Варнери говоритъ: «вся сила конницы заключается въ стремительности и силѣ удара».

Во всѣхъ сраженіяхъ Фридриха блистательныя побѣды его конницы одержаны были посредствомъ стремительнаго удара. Стрѣлять изъ пистолетовъ разрѣшалось только при преслѣдованіи въ разсыпномъ строю.

Въ сраженіи при Гогенфридбергѣ Байрейтскій драгунскій полкъ своимъ налетомъ разметалъ 21 баталіонъ, взялъ 66 знаменъ, пять пушекъ и 4,000 плѣнныхъ.

(1) «Сѣверная война».

Въ сраженіи при Росбахѣ вся конница союзниковъ была опрокинута однимъ ударомъ Зейдлица; другимъ же подобнымъ ударомъ была опрокинута пѣхота, и сраженіе выиграно одною конницею.

Побѣды при Соорѣ, Кессельсдорфѣ, Католишъ-Геннерсдорфѣ, Прагѣ, Лейтонѣ, Ловозицѣ, Торгау, всѣ прочія побѣды Фридриха и сраженіе при Цорндорфѣ представляютъ неоспоримыя доказательства правильности взгляда и требованій прусскихъ героевъ, что сила конницы заключается въ стремительности налета и силѣ удара.

Знаменитые учителя нашихъ войскъ, Румянцовъ, Суворовъ и Потемкинъ, требовали отъ конницы атаки въ карьеръ, удара и отличнаго дѣйствія холоднымъ оружіемъ. Самъ уставъ тогдашней конницы указывалъ ей на подобный способъ дѣйствій. «Всякое дѣйствіе и сила конницы, которое съ авантажемъ и съ побѣдою неприятельскою чинимо бываетъ, состоитъ въ храбрости людей, въ добромъ употребленіи палашей, въ крѣпкомъ смыканіи и *въ жестокомъ ударѣ чрезъ сильную скачку*».

Суворовъ въ своихъ приказахъ предписываетъ слѣдующее: «конницѣ атаковать только на палашахъ»; «въ погонѣ конницѣ надлежитъ только смѣло врубаться неиспорченнымъ фронтомъ, кромѣ фланкеровъ, кои могутъ стрѣлять изъ пистолетовъ»; «состоящихъ на постахъ казаковъ обучать разнымъ атакамъ».

Въ сраженіи при Рымникѣ русская конница была пущена Суворовымъ въ атаку на рядъ укрѣпленій Крингумейлорскаго лѣса: конница налетѣла и взяла укрѣпленія, разумѣется, не пальбою.

Въ сраженіи при Риволи австрійская пѣхота, тѣсня французовъ, приближалась къ Трамбалорскимъ высотамъ. Французская пѣхота была разстроена, конница малочисленна, и успѣхъ болѣе чѣмъ сомнителенъ. Бонапарте, слѣдившій за боемъ, замѣтилъ, что австрійцы наступали въ безпорядкѣ. Понимая важность минуты, онъ приказалъ Лазалю (Lasalle) съ 200 конныхъ егерей атаковать головную часть австрійской пѣхоты. Лазаль, подведя свои эскадроны съ должною осторожностью, вдругъ отважно ударилъ на непріятеля и, по признанію самихъ австрійцевъ, этимъ блистательнымъ подвигомъ доставилъ побѣду французскому оружію.

Въ сраженіи при Маренго Келлерманъ произвелъ блистательную атаку на колонну Цаха, привелъ ее въ безпорядокъ, затѣмъ опрокинулъ почти всю австрійскую конницу, и, послѣ того, французскія войска, перейдя въ наступленіе, выиграли побѣду, которая была уже проиграна.

Въ сраженіи при Бородинѣ всѣ атаки французскихъ войскъ на батарею Раевского были отбиты; Мюратъ пустиль въ атаку конницу, и батарея была взята.

Въ сраженіи при Кацбахѣ (1813 г.) русская конница атаковала корпусъ Макдональда, взобравшійся на высоты, перемѣшала въ общую кучу французскія войска и сбросила оттуда въ рѣку.

Во второй день сраженія при Кульмѣ корпусъ Вандама былъ окруженъ и упичтоженъ, а кавалерійская дивизія Корбино отчаянною атакою проложила себѣ путь черезъ весь корпусъ прусаковъ.

Въ сраженіи при Соммо-Сиерра всѣ усилія французской пѣхоты разбились о неприступную позицію. Тогда Наполеонъ послалъ конницу, которая, бросившись въ атаку на гору, овладѣла батареей и проложила путь къ побѣдѣ своей пѣхотѣ.

Въ сраженіи при Гроховѣ кирасирскій полкъ Мейендорфа своею атакою прорвалъ всю польскую армію.

Точно такимъ же образомъ Кардиганъ съ англійскою конницею подѣ Балаклавою прорвалъ три линіи русской конницы.

Сраженіе при Дембе-Вельке (1831 г.) было выиграно поляками, благодаря смѣлой атакѣ конницы, которая узкимъ фронтомъ бросилась черезъ мостъ и, прорвавъ позицію, проложила путь для своей пѣхоты.

Въ разгромахъ турокъ при Башъ-Кадыкларѣ и Кюрюкь-Дарѣ наши герои, кавказскіе драгуны, дѣйствовали исключительно атаками.

Въ дѣлѣ на Сулакѣ, въ 1853 году, во время нашихъ кавказскихъ войнъ, съ особенною рѣзкостью выказалось превосходство коня надъ ружьемъ. Нижегородскій драгунскій полкъ стоялъ въ Чирь-Юртѣ. Въ ночь на 31-е августа Каирь-бекъ съ 500 конныхъ горцевъ напалъ на два мирныхъ аула и, отбивъ массу скота, погналъ ихъ по берегу р. Сулака. Жители прибѣжали просить помощи у нижегородцевъ, и полкъ поднялся по тревогѣ. 7-й эскадронъ, князя Чавчавадзе, былъ дежурнымъ. Чтобы настичь горцевъ, двигавшихся за рѣкою, надо было идти на кружную переправу; но князь Чавчавадзе сообразилъ, что такъ не настичь Каирь-бека, и онъ уйдетъ въ горы, а потому рѣшился со своимъ эскадрономъ идти въ бродъ. 7-й эскадронъ, подскокавъ къ Сулаку, бросился въ воду; но съ первыхъ же шаговъ онъ окунулся въ водѣ по поясъ сѣдокамъ. Началась, прежде всего, борьба со стихією: однихъ опрокидывало, другихъ уносило теченіемъ, третьихъ отбивало назадъ къ берегу и казалось, что попытка выйдеть очень неудачною. Однако, рѣшимость и мужество все превозмогли, и всадники по одному стали выходить на бе-

регъ. Князь Чавчавадзе, видя около себя человекъ 20—30, хотѣлъ было броситься на перерѣзъ дороги Каирь-беку въ горы; но Каирь-бекъ, кинувъ награбленную добычу, не далъ себя опередить и отошелъ къ балкѣ Чипчакъ. Князь Чавчавадзе, видя, что нѣтъ возможности перехватить путь горцамъ, остановился въ виду брошенной добычи; остановился и Каирь-бекъ и тутъ, замѣтивъ, что у князя Чавчавадзе только горсть всадниковъ, рѣшился ихъ уничтожить, и пошелъ на Чавчавадзе въ атаку. Зная хорошо, что горцы всегда нерѣшительны, когда часть, хотя бы и слабая, встрѣчаетъ ихъ стройно и стойко, Чавчавадзе выстроилъ людей, но не двигался, а люди, по мѣрѣ переправы, по одному къ нему подѣзжали. Подскакавъ къ драгунамъ на весьма близкое разстояніе, горцы дѣйствительно остановились и не рѣшились врубиться въ живую стѣну. Наконецъ, горцы опомнились: раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, и пошла трескотня. Два драгуна были ранены, раненъ поручикъ князь Амилахвари и, наконецъ, пуля ударила въ шею князя Чавчавадзе. Тогда князь съ шашкою въ рукѣ въ одинъ прыжокъ очутился среди непріятеля, а люди, слѣдуя за нимъ, дали шпоры и ударили на толпу враговъ. Дружный ударъ превосходныхъ драгунскихъ лошадей произвелъ страшное дѣйствіе: передніе ряды черкесскихъ всадниковъ были смяты, множество лошадей опрокинуто, и толпа разомъ отхлынула. Чтобы задержать напоръ, горцы хотѣли было отскакать на нѣкоторое разстояніе и, открывъ огонь, выстрѣлами сдержать драгунъ; но драгуны, насѣдая на нихъ сзади и рубя шашками, не давали имъ этого сдѣлать, пока, наконецъ, горцы, замѣтивъ подходившіе эскадроны, не обратились въ бѣгство (1).

Въ сраженіи при Кустоцѣ (1866 г.) три взвода уланъ Бехтольдстейма, бросившись въ атаку, опрокинули пять баталіоновъ италіанцевъ, разумѣется, наскокомъ лошадей.

Въ сраженіи при Марсь-ла-Турѣ (1870 г.) бригада конницы (восемь эскадроновъ), подъ командою Бредова, своею атакою оставила наступленіе цѣлаго корпуса.

Въ сраженіяхъ при Аравартанѣ и Авліарѣ наша конница произвела блестящія атаки, и этими атаками много способствовала пораженію непріятеля.

Мы перечислили множество сраженій, начиная чуть не съ сотворенія міра, въ которыхъ конница совершила чудеса, разбивая горстью

(1) Дѣло при Сулакѣ описано со словъ самого князя Чавчавадзе. Оно есть въ исторіи Свверскаго драгунскаго полка.

всадниковъ огромныя массы. Въ перечисленныхъ погромахъ и рѣчи быть не могло о стрѣльбѣ съ коня, такъ какъ вездѣ минута для дѣйствія была такъ дорога, что надо было ею пользоваться; ручное холодное оружіе вступало въ дѣло только тогда, когда приходилось противника добывать. Во всѣхъ описанныхъ случаяхъ конница дѣйствовала сообразно своимъ свойствамъ, т. е. стремительностью наскока и силою удара коней, и, неразлучнаго съ этимъ, нравственнаго вліянія на врага. Мы привели также нѣсколько приказовъ, отзывать и замѣчаній великихъ авторитетовъ въ военномъ и кавалерійскомъ дѣлѣ, которые всѣ указываютъ на то, что сила конницы заключается въ быстротѣ и силѣ удара, другими словами, главное оружіе конницы—есть конь, который служитъ для быстрыхъ движеній, для удара и для устрашенія непріятеля.

Какое же значеніе, спрашивается, имѣетъ ручное оружіе, сабля, шашка, пика и пистолеть въ кавалерійскомъ бою? Какъ уже сказано,—только дополнительное; работа шашкою, пикою и пистолетомъ начинается тогда, когда конь свое дѣло почти сдѣлалъ, т. е. когда нашимъ ударомъ не удалось опрокинуть противника, и сошлись на разстояніе длины оружія; когда противникъ опрокинуть, чтобы доказать его и когда противникъ неожиданно напалъ для самозащиты. Какое же оружіе лучше: пика, сабля, шашка, пистолеть или ружье? Когда сошлись на разстояніе ручнаго холоднаго оружія, отвѣтимъ, все равно и зависитъ отъ навыка. Припомнимъ вновь слова Зейдлица: *«если конница налетаетъ на непріятеля прежде, чѣмъ тотъ успѣетъ рассмотреть, какія у нее сабли, то, будь у ней въ рукахъ хоть простые хлысты, она навѣрное побѣдитъ его»*.

Варнери пишетъ, что онъ однажды завелъ рѣчь съ Фридрихомъ относительно разнообразія взглядовъ на ручное оружіе конницы. «Убейте вашего врага, сказалъ Фридрихъ, тѣмъ или другимъ, я никогда не сдѣлаю вамъ на это замѣчанія».

Современный нашъ авторитетъ, генераль Драгомировъ, разбирая вопросъ о холодномъ оружіи, приходитъ къ заключенію о равноправности колющаго и рубящаго оружія; предпочтеніе должно быть тому, къ которому больше привычна народная масса: французы, у которыхъ развито фехтованіе на шпагахъ, предпочитаютъ оружіе колющее, русскіе—саблю, турки—ятаганъ.

Относительно длины оружія генераль Драгомировъ говоритъ слѣдующее:

«1) успѣхъ дѣйствія холоднымъ оружіемъ зависитъ не отъ его

длины, а отъ того, имѣеть-ли боецъ расположеніе сойтись съ противникомъ на дистанцію своего оружія;

«2) залогъ успѣха атаки—въ стремительномъ движеніи впередъ; еще Цезарь сказалъ, что быстрое движеніе горячитъ кровь и отвлекаетъ человѣка отъ мысли объ опасности. И если въ нашемъ дѣлѣ таково значеніе движенія, то, само собою разумѣется, что все, его замедляющее, должно отвергать;

«3) чѣмъ оружіе длиннѣе, тѣмъ управляться съ нимъ труднѣе; длинное оружіе замедляетъ, а иногда и совсѣмъ парализуетъ движеніе, слѣдовательно, въ атакѣ даже пѣшкомъ не полезно, а вредно. Тѣмъ болѣе это вѣрно въ примѣненіи къ конной атакѣ».

Но все это длинно; гораздо короче и рельефнѣе выразилъ сказанныя положенія Фридрихъ Великій въ известной резолюціи на докладъ о томъ, что нужно переимѣнить въ прусской конницѣ клинки, такъ какъ они на два дюйма короче непріятельскихъ: «такъ пусть она подскакиваетъ на два дюйма ближе», порѣшилъ онъ.

Не дурию также замѣтилъ по этому предмету одинъ сѣверо-американецъ (Гольмсъ), что «народъ, укорачивающій свое оружіе, обыкновенно удлиняетъ свои границы».

Если сказанное вѣрно, то можно оцѣнить по достоинству, какъ возрожденіе пикъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ арміяхъ, такъ равно и то, въ какой мѣрѣ стоить обращать на это вниманіе.

II.

Теперь обратимся къ огнестрѣльному оружію. Начнемъ съ исторіи и познакомимся съ тѣми немногими фактами, когда огнестрѣльное оружіе взяло верхъ надъ холоднымъ, и отъ какихъ причинъ это происходило.

Въ сраженіи при Кутра (1587 г.), во время французскихъ религиозныхъ войнъ, атака конницы лѣваго фланга католическихъ войскъ была встрѣчена стоя на мѣстѣ, причемъ все вниманіе было сосредоточено на усиленномъ дѣйствіи огня, какъ пѣхоты, такъ и конницы. Огонь этотъ, однако, не помогъ. Легкая конница католической арміи (албанцы), быстро проскакавъ обстрѣливаемое пространство, безъ труда смяла стрѣляющіе эскадроны; но вмѣсто того, чтобы довершить побѣду, занялась грабежемъ, и дала возможность восторжествовать противнику на другихъ пунктахъ поля сраженія. Тотъ же маневръ, предпринятый жандармами католической арміи для

атаки конницы Генриха Наварскаго, не удался, по причинѣ слишкомъ большаго разстоянія, съ котораго латники двинулись въ атаку (1,000 шаговъ), да еще въ гору. Грузныя лошади едва могли дотащить своихъ тяжелыхъ всадниковъ, которые въ полномъ разстройствѣ попали подъ сосредоточенный огонь артилеріи, конницы и легкой пѣхоты гугенотовъ. Замѣтивъ это обстоятельство, Генрихъ приказалъ своей конницѣ двинуться впередъ, и она, съ разстоянія 50-ти шаговъ атаковала пришедшую въ полнѣйшее изнеможеніе и безпорядокъ конницу Жуайёза. Такимъ образомъ, какъ видно, конница, стоявшая на мѣстѣ и стрѣлявшая, опрокинула конницу атакующую, но не соразмѣрившую своихъ силъ съ разстояніемъ.

Въ сраженіи при Турнгутѣ (1597 г.), во время Нидерландскихъ войнъ, 4,000 пѣхоты и 300 человекъ испанской конницы прикрывали обозъ. Морицъ Оранскій, имѣя 6,000 человекъ пѣхоты и 800 всадниковъ, рѣшился сдѣлать нападеніе. Мѣстность представляла равнину, постепенно суживающуюся къ Герренталоу, т. е. къ сторонѣ движенія испанцевъ.

Принцъ Морицъ отправилъ 200 мушкетеровъ и нѣсколько всадниковъ съ приказаніемъ, замедлить слѣдованіе непріятельскаго аріергарда, а самъ съ конницею, обскакавъ по боковымъ дорогамъ колонны, напалъ на нихъ съ обѣихъ фланговъ. Испанская конница, не дождавшись атаки, побѣжала. Графъ Варрахъ, командовавшій испанскими войсками, былъ убитъ, а войска его хотя защищались мужественно, но, наконецъ, были разстроены и начали сдаваться. Побѣда казалась довершеною, когда вдругъ испанская конница, подъ начальствомъ Баста, тщетно пытавшаяся пробраться черезъ тѣснину и обозы, повернула назадъ и неожиданно ударила на нидерландскую конницу. Ужасъ овладѣлъ послѣднею. Часть ея спаслась за пѣхоту. Но испанская конница проскакала два слишкомъ большіе конца и пришла въ изнеможеніе. Испанцы забыли, что они въ это время сидѣли уже не на андалузскихъ жеребцахъ, а на нидерландскихъ водовозныхъ клячахъ, и что непріятель, кромѣ того, что былъ втрое сильнѣе конницею, имѣлъ 6,000 неразстроенной пѣхоты. Принцъ Морицъ, не потерявшій присутствія духа, поспѣшно собралъ нѣсколько эскадроновъ, бросился съ ними на Басту и опрокинулъ его всадниковъ.

Въ сраженіи при С.-Готардѣ (1664 г.) между австрійскими войсками, подъ начальствомъ Монтекукули, и турецкими, подъ командою великаго визиря Кьюприли, австрійская конница стрѣляла во

время перехода турецкой черезъ рѣку Раабъ и, по переходѣ отдѣльныхъ кучекъ, бросалась на нихъ и истребляла.

Густавъ Адольфъ отмѣнилъ въ шведской конницѣ караколи, т. е. выскакиваніе поочередно шеренгъ впередъ для пальбы съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавъ выстрѣлъ, уйти за фронтъ и очистить мѣсто для того же маневра слѣдующей шеренгѣ. Онъ обучалъ своихъ кирасиръ производству атаки съ мечемъ въ рукѣ, презирая непріятельскій огонь. «Только первой шеренгѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволялось сдѣлать одинъ выстрѣлъ изъ пистолета, а затѣмъ тотчасъ бросаться въ рукопашную» (1). Драгуны, при производствѣ атаки, должны были, подобно кирасирамъ, нападать съ мечемъ въ рукѣ, и при этомъ Густавъ Адольфъ училъ рубить головы непріятельскихъ лошадей (2).

Морицъ Саксонскій, вопреки своимъ же словамъ, что *стрѣльба съ коня не кавалерійское дѣло; что лучше вызвать на себя огонь противника, чѣмъ самому терять на это время, и что конница, занимавшаяся искусствомъ стрѣльня, всегда бывала бита*, въ другомъ мѣстѣ требуетъ, чтобы драгуны умѣли стрѣлять съ коня. Въ виду первыхъ трехъ требованій его, полагаемъ, что послѣднее требованіе, чтобы драгуны умѣли стрѣлять съ коня, изложено имъ съ цѣлью заставить драгунъ употреблять огнестрѣльное оружіе не иначе какъ въ разсыпномъ строю, во время дѣйствія въ наѣздникахъ и при преслѣдованіи. Пистолеть Морицъ Саксонскій считаетъ для конницы бесполезнымъ.

Во времена Фридриха Великаго, какъ намъ извѣстно, строжайшимъ образомъ при атакѣ запрещалось стрѣлять; огнестрѣльное оружіе давалось конницѣ для пѣшаго боя, и только при преслѣдованіи, для большаго разстройства врага, ей разрѣшалось стрѣлять съ коня изъ пистолетовъ.

Суворовъ, приказывая конницѣ атаковать только на палахахъ, разрѣшалъ фланкерамъ стрѣлять изъ пистолетовъ. «Кавалерія», говоритъ Суворовъ (3), «стрѣлять вовсе не годится, а несравненно лучше палашь и копье; развѣ паче чаянія случилось бы дострѣливать въ погонѣ; но и при семъ лучше холодное оружіе, ибо инымъ нечаянно можно разстрѣляться, и для новаго заряжанія таковымъ по себѣ время кратко и драгоцѣнно».

(1) Ноуеръ. «Исторія пѣхоты Рюстова», стр. 44-я.

(2) Hemnitz, I Th., s. 206.

(3) Приказъ отъ 25-го іюня 1770 года.

Примѣръ стрѣльбы съ коня въ сраженіи при Экмюль въ 1809 г. заключается въ слѣдующемъ.

Уже сильно стемнѣло, когда одинъ кирасирскій полкъ австрійцевъ галопомъ ринулся въ атаку; «спокойно выждавъ противника», французскіе кирасиры, находившіеся на фронтѣ атаки, дали залпъ по непріятелю, а сосѣдніе полки бросились въ охватъ фланговъ и отбросили австрійцевъ; вынесшійся на выручку кирасиръ гусарскій полкъ, въ свою очередь, взявъ во флангъ и отброшенъ; дальнѣйшія попытки выручить своихъ, производимыя австрійскими легкими полками, были также отбиты. Послѣ отраженія атакъ отдѣльныхъ полковъ, атакъ, произведенныхъ по частямъ, французская конница ринулась преслѣдовать. Ко всему этому надо замѣтить, что тутъ дѣйствовало 10,000 всадниковъ противъ 2,000 австрійскихъ.

Въ послѣдующихъ войнахъ можно встрѣтить употребленіе огня съ коня на Кавказѣ, черкесами, казаками, восточной регулярной конницей и, какъ исключительный случай, примѣръ дѣла на Бассѣ (1). Но фактъ этотъ въ № 254 «Русскаго Ивалида» (2) не такъ освѣщенъ. По словамъ автора статьи, «изъ столь тяжелой обстановки князь Чавчавадзе со своими драгунами вышелъ, благодаря только удачному примѣненію стрѣльбы съ коня, которая давала ему возможность упорно задерживать насѣдавшаго непріятеля на каждой переправѣ. Стрѣляя такимъ образомъ съ коня, когда было нужно, эскадронъ этотъ, тѣмъ не менѣе, не утратилъ истиннаго кавалерійскаго духа и въ 1853 году, на Сулакѣ, снова покрылъ себя славою» и т. д.

По словамъ самого князя Чавчавадзе, дѣло было совершенно иначе. Эскадронъ его вовсе не стрѣлялъ и упорно стрѣльбой на каждой переправѣ не задерживалъ; но эскадронъ, отходя колошною, представлялъ большую цѣль для выстрѣловъ черкесской цѣпи наѣздниковъ. Чтобы отдалить ихъ отъ эскадрона, князь Чавчавадзе вызвалъ карабинеровъ въ наѣзники и приказалъ имъ, какъ въ то время надлежало по уставу, идти цѣпью между эскадрономъ и черкесами и отстрѣливаться. На вопросъ, отчего вы, князь, не попробовали сдѣлать нѣсколько залповъ всѣмъ фронтомъ или вызвавъ одинъ взводъ, князь Чавчавадзе отвѣтилъ: «Да для того, чтобы цѣпи черкесовъ, стрѣляющей въ лѣсу, не представить большой мишени; между тѣмъ, какъ въ одиночныхъ людей стрѣлять труднѣе, и никто

(1) См. исторію 45-го драгунскаго Северскаго полка, стр. 8-я.

(2) Статья генерала Сухотина.

изъ нихъ не былъ убитъ». Такимъ образомъ, князь Чавчавадзе, превосходно зная характеръ противника, прикрылъ себя только цѣпью наѣздниковъ, которые отдалили непріятеля отъ эскадрона; а непріятель, вмѣсто того, чтобы насѣдать, увязался въ перестрѣлку съ наѣздниками, и эскадронъ безъ потерь и задержекъ отступилъ.

Наконецъ, остается американская конница, которая стрѣляла съ коня, такъ какъ это въ духѣ иррегулярной конницы.

Вотъ болѣе извѣстные историческіе факты, гдѣ есть, какъ казалось бы, какой нибудь намекъ на успѣшное дѣйствіе стрѣляющей конницы; но, вникнувъ ближе, увидимъ, что это только кажется. Въ сраженіи при Кутра жандармы были опрокинуты потому, что, проскакавъ 1,000 шаговъ въ гору, пришли въ состояніе неспособности продолжать атаку на измученныхъ коняхъ и, встрѣченные огнемъ артилеріи и конницы почти въ упоръ, пришли въ полнѣйшій беспорядокъ, которымъ воспользовалась стрѣлявшая конница, и, бросившись впередъ, начала ее бить, даже уже не выстрѣлами, а холоднымъ оружіемъ. Совершенно то же почти случилось съ испанскою конницею при Турнгутѣ. При С.-Готардѣ австрійская конница разстрѣливала турокъ, когда они переходили въ бродъ рѣку Раабъ, т. е. не могли употребить въ дѣло ни коня, ни саблю, другими словами, австрійцы били связаннаго по рукамъ и по ногамъ.

Густавъ Адольфъ позволялъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ первой шеренгѣ сдѣлать выстрѣлъ изъ пистолетовъ передъ атакой. Морицъ Саксонскій, Суворовъ и Фридрихъ разрѣшали огонь въ наѣздникахъ и главнымъ образомъ при преслѣдованіи.

Въ сраженіи при Экмюль кирасирскій полкъ сдѣлалъ залпъ по одному австрійскому кавалерійскому полку, который отчаянною атакою хотѣлъ прикрыть отступление прочей конницы, въ виду громадной массы (10,000) французской конницы. Фактъ этотъ нельзя, однакоже, приводить въ доказательство того, что и отличная конница, какова была наполеоновская, можетъ употреблять огонь съ коня, и что стрѣльба съ коня не есть признакъ конницы, слабой духомъ, ибо, во всякомъ случаѣ австрійская конница опрокинута здѣсь не залпами кирасиръ, а смята 10,000-ною массою, изъ которой нѣкоторые полки, одновременно съ залпами, взяли австрійцевъ въ тиски съ обѣихъ фланговъ. Мы это объясняемъ себѣ ненаходчивостью командира полка, который, вмѣсто того, чтобы одновременно съ фланговыми атаками сосѣднихъ полковъ ударить съ фронта, открылъ огонь. Ударъ въ этомъ случаѣ былъ бы дѣйствительнѣе, и полкъ австрійскій такъ бы легко не ушелъ. Это только служитъ доказательствомъ, что и

отличная конница дѣлаетъ ошибки, когда во главѣ полка или другой части стоять безталантный челоуѣкъ.

Въ паралель къ этому приводимъ случай, произшедшій съ лучшимъ кавалерійскимъ полкомъ русской арміи.

Въ 1847 году штурмъ укрѣпленнаго аула Гергебилъ былъ неудаченъ. Князь Бebutовъ, по случаю свирѣпствовавшей холеры, хотѣлъ, какъ можно скорѣе, отвести войска назадъ; присоединилъ къ себѣ, отдѣльно дѣйствовавшей, отрядъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго и поручилъ ему общее командованіе.

Мѣстность представляла нѣсколько паралельныхъ отроговъ горъ, постепенно понижающихся къ широкой долинѣ, на которую князь Аргутинскій вознамѣрился завлечь горцевъ. Черкесы, ободренные успѣхомъ въ Гергебилѣ, выходятъ изъ аула и, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, начинаютъ пасѣдять, увлекаются и подходятъ къ равнинѣ. Между тѣмъ Аргутинскій, спустивъ отрядъ въ равнину, построилъ пѣхоту противъ горъ, а конницѣ, сдерживавшей превосходныя силы черкесъ, приказано было отойти за пѣхоту. За правымъ флангомъ ея сталъ дивизионъ Нижегородскаго драгунскаго полка, подъ командою маіора Дитмара.

Черкесы, спустившись съ горъ, начинаютъ наступленіе противъ отряда Аргутинскаго, который рѣшился встрѣтить ихъ съ фронта пѣхотою, а конницѣ послалъ приказаніе ударить имъ во флангъ. Получивъ такое приказаніе, маіоръ Дитмаръ вынесся на полныхъ рысяхъ изъ-за пѣхоты, и, очутившись противъ лѣваго фланга горцевъ, громогласно скомандовалъ: «къ пѣшему строю слѣзай!» Дивизионъ спѣшился и открылъ пальбу во флангъ черкесамъ. Черкесы были опрокинуты и ускакали въ горы. Разумѣется, никому и въ голову не придетъ, что они были опрокинуты огнемъ спѣшившагося дивизиона драгунъ. Видя такой приѣмъ, князь Аргутинскій пришелъ въ бѣшенство и, какъ ни былъ воздержанъ, а не могъ не отнестись къ Дитмару самымъ суровымъ образомъ.

Наконецъ, молодецкое дѣло на Бассѣ князя Чавчавадзе опять-таки не служить доказательствомъ успѣшнаго дѣйствія огнестрѣльнаго оружія съ коня, такъ какъ стрѣлялъ не фронтъ, а одиночныя люди наѣздниковъ, между тѣмъ всякій изъ насъ знаетъ, что это могъ быть за огонь изъ тогдашняго ружья. Обстоятельство это служить только доказательствомъ глубокаго пониманія княземъ Чавчавадзе характера горцевъ и быстрой находчивости.

Итакъ, слѣдовательно, массовой огонь съ коня не оправдывается ни единымъ фактомъ исторіи, ни единымъ авторитетомъ великихъ

полководцевъ, тогда какъ почти всѣ они разрѣшаютъ употребленіе огня наѣздниками и при преслѣдованіи; въ томъ числѣ и Баклановъ, который дѣйствительно требовалъ, чтобы казаки ходили въ атаку съ холоднымъ оружіемъ, какъ указывалъ Суворовъ; между тѣмъ какъ самъ, будучи отличнымъ стрѣлкомъ, принималъ участіе въ наѣзднической перестрѣлкѣ на диво своимъ и чужимъ. Но Баклановъ былъ далеко не средній человѣкъ.

III.

Теперь обратимся къ логикѣ. Никто изъ обсуждавшихъ вопросъ о стрѣльбѣ съ коня не отвергаетъ, что главное средство пораженія конницы есть атака, т. е. наскокъ и ударъ лошадей, или вообще работа коня. Слѣдовательно, наше положеніе, что главное оружіе конницы есть конь, вѣрно. Разъ это такъ, то положеніе, что конница, *въ отношеніи своихъ свойствъ*, не подлежитъ усовершенствованію, или если и подлежитъ усовершенствованію, то только въ той мѣрѣ, въ какой можетъ быть усовершенствована лошадь. Лошадь есть твореніе Божіе и сколько бы человѣкъ ни хитрилъ, свойства ея останутся тѣ же самыя—быстрота движенія и сила. На этомъ основаніи конница, отличная во времена Фридриха Великаго, была бы отличною и теперь. Усовершенствованію подлежатъ только творенія человѣка, какъ-то: сѣдла, пушки, ружья, велосипеды, аэростаты и пр. Орудіе составляетъ главное средство артилеріи для пораженія непріятели, ружье главное оружіе пѣхоты. Отъ главнаго оружія, которымъ вооружено войско, зависитъ его свойство и тактика, а такъ какъ пушка и ружье подлежатъ усовершенствованію, то, слѣдовательно и артилерія, и пѣхота съ ихъ тактикою подлежатъ усовершенствованію, что и вполне подтверждается военною исторіею. Когда конница спѣшивается, тогда тактика ея становится въ зависимости отъ ружья, подобно пѣхотѣ.

Законы военного искусства всегда были и есть одни и тѣ же; къ этимъ законамъ человѣкъ примѣнялъ свое оружіе, а отношея къ законамъ примѣнялись къ человѣческому оружію. На этомъ основаніи изученіе военной исторіи крайне необходимо для правильныхъ заключеній, касательно наилучшихъ способовъ дѣйствій того или другаго рода оружія. Военная исторія доказываетъ, что конница, стрѣлявшая съ коня противъ атакующей, была бита, потому что стрѣльба съ коня противна свойствамъ конницы. Въ какой мѣрѣ она противна

свойствамъ, въ какой мѣрѣ стрѣльба съ коня бесполезна, даже вредна, превосходно разобрано въ статьѣ «О стрѣльбѣ съ коня въ кавалеріи», помѣщенной въ № 255-мъ «Русскаго Инвалида». Прибавимъ къ этому еще только то, что результатомъ такого дѣйствія конницы можетъ быть только трата безъ всякой пользы миліоннаго количества патроновъ.

Если слабые результаты опытовъ стрѣльбы съ коня Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка объясняются непривычкою къ этому дѣлу, то нельзя не признать слабыми же и результаты, данные 6-мъ эскадрономъ Сѣверскаго драгунскаго и одной сотней казачьей, которые въ теченіе всего лагернаго сбора были освобождены отъ всякихъ занятій, чтобы только ежедневно упражняться въ стрѣльбѣ съ коня. Такого времени наша регулярная конница удѣлить стрѣльбѣ съ коня не можетъ. Слѣдовательно и на результатъ, данный 6-мъ эскадрономъ, рассчитывать нельзя; а если принять во вниманіе, что при боевой обстановкѣ дѣйствительность стрѣльбы еще уменьшится, то надо ожидать, что процентъ попаданія пуль въ военное время будетъ всегда вертѣться около нуля.

Приведу примѣръ изъ послѣдней войны, въ которомъ мнѣ самому пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ. Въ началѣ января 1878 г. 1-я пѣхотная дивизія, въ которой я былъ начальникомъ штаба, заняла деревню Садину. На другой день послѣ этого прибѣжали болгары изъ Разграда съ просьбою защитить ихъ, такъ какъ турки, имѣя въ виду очистить Разградъ и сосредоточиться въ Шумлѣ, дѣлаютъ съ жителей всевозможные поборы, и между послѣдними прошелъ слухъ, что они будутъ вырѣзаны поголовно. Для удостовѣренія въ этомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и рекогноспировки пути и самого города, если бы онъ былъ оставленъ, начальникъ дивизіи послалъ меня, давъ въ мое командованіе одинъ баталіонъ Невскаго пѣхотнаго полка, два эскадрона рижскихъ драгунъ и два конныхъ орудія.

Отъ Садины до Разграда 20 верстъ. Дорога идетъ сначала по горамъ, а потомъ спускается въ ущелье Кара-Лома, которымъ доходить до самаго Разграда. Почва была мокрая и вязкая, при первомъ же подъемѣ на гору орудія завязли, а надо было назначить роту пѣхоты для помощи и прикрытія, такъ какъ, по просьбѣ болгаръ, я долженъ былъ спѣшить наступленіемъ. Едва мы отошли 2—3 версты отъ Садины, какъ передъ нами появилась турецкая конница (черкесы), которые, рассыпавшись впереди насъ цѣпью, открыли огонь. Чтобы отбросить ихъ, я приказалъ баталіону слѣдовать съ орудіями, а самъ съ дивизиономъ драгунъ пошелъ на турец-

кую конницу. Ихъ было около 500 человекъ, но они не осмѣлились вступить въ бой, а все отходили и отстрѣливались; попробовали было они занять деревушку и мельницу при спускѣ въ долину Кара-Лома, но майоръ Немзадіевъ бросился въ атаку, и черкесы ускакали. Спустившись въ узкую долину Кара-Лома, я приказалъ дивизиону построиться во взводныя колонны, эскадронъ за эскадрономъ, на разомкнутыхъ дистанціяхъ между взводами, во избѣжаніе потерь отъ огня; и въ такомъ порядкѣ двинулся на рысяхъ.

Черкесы шли передъ нами долиною и по высотамъ, непрерывно отстрѣливаясь; за каждымъ мостикомъ, у каждого строенія и тамъ, гдѣ долина расширялась, выстраивали шеренгу и усиливали свою трескотню. Мы шли на прямикъ безъ выстрѣла, выстрѣлы противника только раздражали, и всѣмъ намъ чрезвычайно хотѣлось сойтись на пашки. Такимъ образомъ мы подошли почти къ самому Разграду, напирая на черкесъ по узкому ущелью, на протяженіи почти 20-ти верстъ, и ни одинъ драгунъ даже не былъ раненъ.

Черкесы ушли въ Разградъ, а мы, встрѣченные артиллерійскимъ огнемъ изъ города и съ сосѣднихъ высотъ, остановились впереди дер. Хасанларъ, такъ какъ турецкая пѣхота выступила изъ лагеря и начало смеркаться. Рижскимъ драгунамъ это дѣло отлично памятно.

Вотъ результатъ стрѣльбы 500 человекъ конницы въ теченіи двухъ, трехъ часовъ.

Относительно того, что стрѣльба подрываетъ нравственный духъ конницы, говорили, что русскій кавалеристъ и послѣ залпа способенъ храбро броситься на врага въ атаку. Всѣ мы гордимся доблестями русскаго солдата, но все-таки онъ человекъ, и все человѣческое ему присуще, слѣдовательно, и паника, которая охватываетъ человекъ неожиданно и отъ самыхъ малѣйшихъ причинъ. Всѣ великіе полководцы по этой причинѣ старались всѣми мѣрами устранить все, что только можетъ вредно повліять на нравственное настроеніе войскъ, и всѣ единогласно такую вредную вещь считали стрѣльбу съ коня и строжайшимъ образомъ ее запрещали, въ томъ числѣ и Петръ Великій, и Румянцевъ, и Потемкинъ и Суворовъ, люди, которые превосходно знали русскаго человекъ. Послѣ такихъ авторитетовъ брать на себя рѣшеніе, что съ русскимъ человекъ не случится паники, это болѣе чѣмъ смѣло. Юлій Цезарь, какъ мы привели выше, и Суворовъ даже выжиданіе непріятеля на мѣстѣ считали вреднымъ и старались непремѣнно посылать войска на встрѣчу противнику, особенно конницу. «Еще Цезарь сказалъ», говоритъ генераль Драгомировъ, что быстрое движеніе впередъ горя-

чить кровь и отвлекаетъ человѣка отъ мысли объ опасности. И если въ нашемъ дѣлѣ таково значеніе движенія, то, само собою разумѣется, что все, его замедляющее, должно отвергать».

Оставляя въ сторонѣ расходы и страшную трату патроновъ, предположивъ даже, что удалось обучить всадниковъ стрѣлять съ коня, посмотримъ, въ какихъ случаяхъ защитники стрѣльбы съ коня полагають возможнымъ примѣнить ее въ дѣлѣ: въ степи, за высокимъ заборомъ, въ лѣсу, при преслѣдованіи и при отступленіи. Начнемъ съ того, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, предлагаемые способы дѣйствій, со стороны наступающаго, т. е. дѣйствующаго противъ стрѣляющей конницы, немислимы. Всякій кавалерійскій начальникъ, желающій подавить врага, въ степи ли, или въ лѣсу, пойдетъ напрямки, чтобы съ перваго же раза уменьшить разстояніе и заставить врага или сойтись на шашки, какъ сдѣлалъ князь Чавчавадзе на Сулакѣ, или заставить дать тылъ. Въ послѣднемъ случаѣ стрѣлявшая конница прогнана съ поля сраженія, такъ какъ ей не дадутъ остановиться; въ первомъ же случаѣ—что Богъ дастъ. Если стрѣлявшая конница, сдѣлавъ залпъ, сохранить присутствіе духа, чтобы встрѣтить наступающаго атакою, что болѣе чѣмъ сомнительно, то произойдетъ рукопашка; но дѣло въ томъ, что стрѣлявшая конница можетъ сдѣлать только одинъ залпъ, съ какого бы разстоянія ни двинулся наступающій, и должна будетъ двинуться на встрѣчу.

Господа полковые командиры и господа, командовавшіе и обучающіе кавалерійскіе полки! Вамъ извѣстно, какое возбуждающее вліяніе и на людей и, особенно, на лошадей производитъ сигналъ «предвареніе для атаки». Каждому изъ насъ, при обученіи полка, случилось, послѣ подавія сигнала къ атакѣ, вмѣсто того, чтобы пустить полкъ въ карьеръ, перевести его въ шагъ, такъ какъ, слышавъ сигналъ, лошади начинали волноваться, и строй приходилъ въ безпорядокъ. Успокоить лошадей удавалось послѣ нѣсколькихъ такихъ пріемовъ, но только до слѣдующаго ученья. Если кавалерійская часть будетъ обучена, послѣ производства залпа, бросаться въ атаку, то каждый залпъ будетъ производить на лошадей такое же вліяніе, какъ и «предвареніе для атаки». А потому вслѣдъ за первымъ залпомъ необходимо будетъ вести часть впередъ или назадъ, такъ какъ суетня не позволитъ стрѣлять. Если прибавить къ этому неприятное дѣйствіе на уши лошадей оглушающаго звука залпа, то пенятно станетъ то обстоятельство, что лошади полусотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка во время стрѣльбы выносили изъ фронта.

Итакъ, если допустить возможнымъ одинъ залпъ, то, спрашивается, съ какого разстоянія? Съ дальняго—игра не стоитъ свѣчь, а съ ближняго—это будетъ тотъ залпъ, который такъ строго запрещали Густавъ Адольфъ, Карль XII, Петръ Великій, Румянцевъ, Суворовъ, однимъ словомъ, всѣ авторитеты.

Странно было бы также, чтобы наступающій въ то время, какъ обороняющійся разѣзжаетъ по лѣсу для стрѣльбы на конѣ, началъ спѣшиваться, да еще пѣшкомъ сталъ дѣлать обходныя движенія. Вѣроятно, всякій, у кого есть кавалерійская жилка, и въ лѣсу бы пошелъ напрямикъ, уменьшилъ разстояніе между собою и отстрѣливающимся противникомъ, и насѣлъ бы на него или прогналъ. Сдѣлать это всегда можно, потому что, если противникъ ѣздитъ на лошади, то и намъ можно; если же лѣсъ такъ густъ, что нельзя быть на конѣ, то и стрѣляющій долженъ слѣзть. Если бы и пришлось спѣшиться въ виду какого нибудь оврага, или другого предмета, за который отошла стрѣляющая конница, то два—три залпа изъ пѣшаго строя вырвать изъ коннаго строя, представляющаго огромную мишень, столько жертвъ, что едва ли въ другой разъ непріятель осмѣлится стоять подъ выстрѣлами спѣшенной части. Разумѣется, къ обходамъ прибѣгать не придется.

Стрѣльба конницы изъ-за забора, дѣйствительно, такой частный случай, что невольно приходитъ на умъ, гдѣ же такіе заборы встрѣчаются? Встрѣчаются они—это вѣрно, а все-таки приходится ихъ искать. И для этого случая обучать конницу стрѣлять, тратить время и патроны?

Стрѣльбу при преслѣдованіи разбитаго непріятеля великіе мастера военного дѣла разрешали фланкерамъ изъ пистолетовъ, разрешалъ и Суворовъ. «Въ погонѣ кавалеріи», говоритъ онъ въ своемъ приказѣ (1), «надлежитъ только смѣло врубаться неиспорченнымъ фронтомъ, кромѣ фланкеровъ, кои могутъ стрѣлять изъ пистолетовъ». Разбитый и преслѣдуемый противникъ есть пуганая ворона, которая куста боится, и всякая трескотня, шумъ движенія, какъ сознаніе близости погони, увеличиваетъ нравственное разстройство бѣгущаго до крайности. Послѣ сраженія при Ватерло прусская конница преслѣдовала разбитыя французскія войска, въ должномъ порядкѣ полъ перехода; потомъ, чтобы дать ей отдыхъ, Гнейзенау пересталъ очень напирать, а приказалъ посадить на лошадь пѣхотнаго барабанщика и бить тревогу, какъ только бѣгущая толпа французовъ останавли-

(1) Генералисимусъ Суворовъ, Петрушевскаго, стр. 73-я.

валась. Этотъ барабанщикъ такой страхъ нагонялъ на французовъ, что остатки войскъ ихъ моментально подымались съ привала или остановки, какъ только раздавался зловѣщій бой, и армія французская разбѣжалась.

Остается употребленіе огня съ коня при отступленіи. Но насколько этотъ огонь дѣйствителенъ и полезенъ, достаточно видно изъ приведеннаго выше факта наступленія дивизіона рижскихъ драгунъ отъ Садины къ Разграду, въ которомъ, при стрѣльбѣ черкесовъ на пути въ 20 верстъ и въ теченіи трехъ часовъ времени, ни одинъ драгунъ, ни одна лошадь не были даже ранены; а черкесы были вооружены магазинками.

Что же такое представляютъ изъ себя казаки, которые искони вѣковъ прибѣгали къ огнестрѣльному дѣйствию съ коня? Казаки сослужили службу Россіи, мы всѣ ихъ любимъ, чествуемъ за прежнюю службу, и они представляютъ прекрасный матеріалъ для конницы, какъ по находчивости, расторопности и сметливости людей, такъ и по понятливости ихъ при обученіи. Но не будемъ обманывать себя: казаки въ томъ видѣ, какъ они есть, кромѣ гвардейскихъ полковъ, представляютъ изъ себя дурно вооруженную конницу, исходя изъ того положенія, что оружіе конницы есть конь. Разъ человѣкъ дурно вооруженъ, онъ не пойдетъ охотно на единоборство съ хорошо вооруженнымъ и поневолѣ долженъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и уловкамъ, къ второстепенному оружію и къ стрѣльбѣ. Да и казаки стрѣляютъ опять-таки не массовымъ огнемъ, а одиночнымъ въ цѣпи наѣздниковъ. Огонь этотъ, раздражая противника, заставляетъ его бросаться въ атаку, причѣмъ казаки нерѣдко отступая, завлекали его въ засады. Въ виду этого и сфера дѣйствій казаковъ совсѣмъ иная. Казакъ въ бою противъ регулярной конницы не годится, онъ даже, въ силу своего направленія, менѣе способенъ выдерживать огонь въ бою. Его сфера театр военныхъ дѣйствій, служба развѣдывательная, гдѣ преслѣдуется не бой, а добываніе свѣдѣній. А вооружите казаковъ хорошо, т. е. посадите ихъ на такихъ же коней, какъ сидятъ наши драгуны, изъ нихъ выйдетъ такая же славная боевая конница; разумѣется, не всякій полкъ будетъ въ ровень Нижегородскому драгунскому, такъ какъ для этого нужны традиціи и составъ офицеровъ Нижегородскаго полка. Тогда бы казакъ и въ бою былъ изъ первыхъ, да и, конечно, бросилъ бы бесполезную привычку заниматься трескотней.

Скажемъ нѣсколько словъ о пѣшемъ боѣ конницы. Подобное дѣйствіе конницы въ исключительныхъ случаяхъ вполне рационально

и во всё времена практиковалось. Дѣйствительно, если по свойствамъ мѣстности кавалеристъ не можетъ употребить въ дѣло коня, какъ оружіе; или, захвативъ какой нибудь мѣстный предметъ, необходимо удержать его за собою, то онъ долженъ подражать тому роду оружія, который способенъ дѣйствовать на такой мѣстности, который способенъ стойко удерживать мѣстные предметы. Оружіе пѣхоты есть ружье, а потому кавалеристъ, передавъ коня, долженъ взяться за свою винтовку. Въ сраженіи при Кобылкѣ (1794 г.) польская пѣхота, опрокинутая Суворовымъ, отступила въ чащу лѣса. Суворовъ, нагнавъ ее съ тремя эскадронами Мариупольскаго легкоконнаго, двумя Глуховскаго карабинернаго полковъ и партіей казаковъ, на мѣстности, невозможной для дѣйствій на конѣ, приказалъ имъ спѣшиться. Конница спѣшилась, выхватила сабли, взяла ружья и пошла въ атаку. Весь отрядъ поляковъ съ шестью орудіями положилъ оружіе. Кавказскія войны представляютъ намъ множество примѣровъ превосходныхъ дѣйствій нашихъ драгунъ въ спѣшенномъ строю, въ горныхъ мѣстностяхъ. Были примѣры даже, что наши уланы ходили въ атаку съ пиками въ рукахъ противъ засѣвшаго въ строеніяхъ противника и выбивали его оттуда (1). Въ настоящее время, когда конница вооружена дальнотрѣльнымъ оружіемъ, легкимъ и удобнымъ, представляется еще бѣльшая возможность для дѣйствій конницы въ пересѣченной мѣстности, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ на время замѣнить пѣхоту.

Во всѣхъ случаяхъ, когда конницѣ приходится отстаивать мѣстные предметы, мосты, тѣснины и прочее, что ей по силѣ, она должна дѣйствовать именно въ пѣшемъ строю, какъ сдѣлалъ Суворовъ при Кобылкѣ. Дѣйствія съ коня невозможны. Конница, стрѣляющая съ коня, не обладаетъ стойкостью пѣхоты, такъ какъ плохо стрѣляетъ, не можетъ примѣниться въ той мѣрѣ, какъ пѣхота, къ мѣстности и представляетъ громадную мишень.

Итакъ, главное средство конницы для пораженія врага есть атака; когда сошлись съ противникомъ на длину клинка,—ручное холодное оружіе; въ пѣшемъ строю—ружье. Массовый, а тѣмъ болѣе залповой огонь съ коня не оправдывается ни единымъ историческимъ фактомъ, ни существомъ дѣла. Единственный примѣръ, который желали выискать для доказательства доводовъ въ пользу массовой стрѣльбы съ коня, самимъ героемъ дѣла, княземъ Чавчавадзе, представляется совершенно въ другомъ свѣтѣ.

(1) Майоръ Парадовскій при Байбуртѣ въ 1828 г.

Обходъ спѣшенною конницею противника, сидящаго на коняхъ, болѣе чѣмъ страненъ потому, во-первыхъ, что это есть потеря времени, а во-вторыхъ, зачѣмъ обходить, когда конница на коняхъ представляетъ такую мишень, въ которую можно не попасть только умышленно.

Одиночный огонь наѣздниковъ и въ разсыпномъ строю для преслѣдованія практиковался всегда, авторитеты его донускали, и онъ, гѣмъ не менѣе, имѣлъ такое же значеніе, какъ трескотня барабанщика на дорогѣ отъ Ватерло къ Катръ-Бра.

Вообще огонь съ коня представляетъ не второстепенное, а, если можно такъ выразиться, послѣднестепенное дѣло. Неужели мы будемъ тратить время на такое дѣло, когда у насъ нѣкоторыя дѣла первостепенной важности, какъ развѣдка, требуютъ улучшенія.

М. Марковъ.

ОЧЕРКИ ХИВИНСКАГО ОАЗИСА.

(Статья первая).

Едва ли какая-либо другая страна на земномъ шарѣ, кромѣ развѣ сѣвернаго полюса, возбуждала такой интересъ въ ученое мѣрѣ всей Европы и привлекала къ себѣ такую массу изслѣдователей, какъ бассейнъ Аму-Дарьи, и именно, нижняя часть его, Хивинскій оазисъ, древній, таинственный Хорезмъ.

Однако, густой мракъ, покрывавшій эту страну съ древнѣйшихъ временъ, и недоступность ея для путешественниковъ, настолько затрудняли изслѣдованія, что почти безъ преувеличенія можно сказать, что до Хивинскаго похода свѣдѣнія о ней европейскихъ географовъ только весьма немного превышали свѣдѣнія Геродата, жившаго за 3000 лѣтъ до насъ, и Страбона, писавшаго въ I вѣкѣ по Р. Х. Хивинскій походъ снялъ эту непроницаемую завѣсу съ Хорезма и открылъ его для изслѣдователей всѣхъ странъ, устремившихся туда по проторенному нашимъ солдатамъ пути. Тогда начались, такъ сказать, *мирные походы* на Хиву, результаты которыхъ, одинъ изъ ихъ *гражданскихъ* участниковъ, профессоръ Мушкетовъ, *смѣло* сравниваетъ и ставитъ наравнѣ съ результатами, достигнутыми нашими доблестными войсками.

Однако, какъ ни плодотворны эти результаты, они все же до сихъ поръ не разсѣяли окончательно мрака таинственности, не познакомили читающую публику съ прошлымъ и настоящимъ этой, въ высшей степени интересной, страны и, что главное, не прекратили даже споровъ о возможности поворота Аму-Дарьи въ Каспій.

Для всесторонняго изученія этого вопроса была, какъ извѣстно, въ 1879 г. снаряжена, по Высочайшему повелѣнiю, комисія генерала Глуховскаго, которая, однако, до сихъ поръ не обнародовала результатовъ своихъ работъ, по всей вѣроятности громаднѣхъ и въ качественномъ, и въ количественномъ отношенiи.

Въ 1887 году командующимъ войсками Туркестанскаго округа было возложено на меня составленіе статистическаго описанія Хивинскаго оазиса, для чего я и былъ командированъ два раза на нѣсколько мѣсяцевъ въ низовья Аму-Дарья, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предпринята была инструментальная съемка оазиса, которая и закончена въ минувшемъ 1890 году. Не ожидая окончанія обработки собранныхъ матеріаловъ, я имѣю въ виду изложить самый сжатый географическій очеркъ Хивинскаго оазиса и подѣлиться нѣкоторыми результатами какъ моихъ личныхъ изслѣдованій, такъ и изученія страны по печатнымъ источникамъ ⁽¹⁾.

Западная часть Средней Азіи орошается, какъ извѣстно, двумя рѣками-близнецами: Сыромъ и Аму. Басейны ихъ, раздѣленные въ верхнихъ частяхъ массивными хребтами, въ низовьяхъ совершенно сливаются, такъ что современные русла Аму уже принимаютъ въ себя прежнія русла Сыра. Оставляя въ сторонѣ бассейнъ Сыра, очертимъ въ общихъ чертахъ бассейнъ Аму, принимая за нижнюю часть его то пространство, на которомъ горные массивы не препятствуютъ рѣкѣ измѣнять свое теченіе.

Съ южной стороны бассейнъ этотъ окаймленъ хребтомъ Гиндукушъ и его западными продолженіями: Паропамизомъ, Хоросанскими горами, Копеть-дагомъ, Кюренъ-дагомъ и на самомъ западѣ Малымъ Балханомъ. Съ востока бассейнъ ограниченъ Памиромъ, а съ сѣвера—отрогами Тянь-Шаня: сначала Дарвазскимъ хребтомъ, потомъ Гисарскимъ, Туркестанскимъ и западнымъ продолженіемъ послѣдняго—горами Нуратау, и наконецъ, отдѣльными степными хребтами, идущими въ общемъ направленіи съ востока на западъ. Послѣдніе отроги этихъ хребтовъ Аму-Дарья прорываетъ теперь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ у Келифа, Керки, Ильджика, Дуль-дуль-атлагана, Питняка и Кисняка. Продолженіе послѣдняго изъ этихъ хребтовъ, Султанъ-Уизъ-дага, переходитъ частью и на лѣвый берегъ, близко подходя къ Устюрту въ видѣ весьма пологого водораздѣла. Къ сѣверу отъ него начинается уже бассейнъ Сыра, въ которой, такимъ образомъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ, вторглась Аму-Дарья.

Между Аральскимъ и Каспійскимъ морями бассейнъ Аму ограничивается сначала Устюртомъ, затѣмъ высотами Каплакъ-кыръ, и, наконецъ, горами Большаго Балхана, отдѣленными отъ Малаго низ-

(1) Пособіемъ при чтеніи можетъ служить любая карта Средней Азіи, въ масштабѣ, по возможности, не болѣе 40 верстъ въ дюймѣ.

менной полосой, самая узкая часть которой не превосходить 17-ти верстъ. Въ этомъ проходѣ и пролегаетъ нижняя часть Узбой, который долго считался древнимъ Каспійскимъ русломъ Аму-Дарья.

За исключеніемъ гористой восточной части большая часть бассейна Аму представляетъ собою, такимъ образомъ, обширную низменность, съ легкимъ скатомъ съ востока на западъ, которую называютъ Закаспійскою низменностью, и которая несомнѣнно составляла, геологически недавно, т. е. не ближе, однако, 12,000 лѣтъ назадъ, дно моря, покрывавшаго, еще въ третичную эпоху, почти всю Среднюю Азію и часть Россіи. Глубина этого моря постепенно возрастала къ западу, гдѣ дно его представляло нѣсколько отдѣльных котловинъ. Наибольшая изъ нихъ, конечно, Каспійская, а затѣмъ Аральская; обѣ заняты до сихъ поръ солеными озерами, которыя, по своей величинѣ, считаются морями. Между ними расположено нѣсколько котловинъ меньшихъ размѣровъ, изъ коихъ болѣе или менѣе изслѣдована только Сары-камышская котловина. Самая низшая часть ея занята въ настоящее время соленымъ Сары-камышскимъ озеромъ, уровень котораго около семи сажень *ниже* уровня Каспія, но періодически повышается въ годы большой воды въ Аму-Дарьѣ, когда избытокъ ея стекаетъ въ Сары-камышъ по старому руслу Куны-Дарья или Дарьялыкъ.

Площадь котловины этой простирается отъ 10,000 до 20,000 кв. верстъ, причеиъ она отдѣлена отъ склона къ Каспію водораздѣломъ у колодца Кугунекъ, съ высотой 36-ти сажень надъ уровнемъ Каспія, т. е. почти одинаковою съ современнымъ уровнемъ Аральскаго моря. Отъ послѣдняго, Сары-камышская котловина отдѣляется также водораздѣломъ у Устюрскаго мыса Акъ-Килинъ, высота котораго, вѣроятно, достигаетъ около 45-ти сажень.

Отъ южной оконечности Сары-камышской котловины тянется на юго-западъ знаменитый Узбой, который мѣстами дѣйствительно рѣзко напоминаетъ рѣчное русло, хотя, по его размѣрамъ, онъ могъ вмѣщать рѣку не больше Мургаба, т. е. гораздо меньше даже Сыръ-Дарья. Съ востока, по направленію отъ г. Келифа, тянется къ Сары-камышамъ другая руслообразная впадина съ высокимъ обрывистымъ правымъ берегомъ Унгузъ, или Келифскій Узбой, принимаемый въ послѣднее время за остатокъ первоначальнаго Келифскаго русла Аму-Дарья. Къ восточной окраинѣ Сары-камышской котловины примыкають оконечности старыхъ русель Аму, находящихся въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса: Даудана и Дарьялыкъ, которые здѣсь дѣлятся на много рукавовъ.

За исключеніемъ этой котловины и русель, поверхность Закаспійской низменности представляетъ собою, болѣею частью, ровную песчаную пустыню, покрытую зарослями степныхъ кустарниковъ, которые только мѣстами прерываются полосами сыпучихъ песковъ. Только въ немногихъ мѣстахъ пустыня эта уступаетъ мѣсто оазисамъ, пригоднымъ для осѣдой жизни и съиздавна населеннымъ. Такіе оазисы расположены частью по прежнимъ притокамъ Аму: Мургабу и Теджену, но главнымъ образомъ, по теченію самой Аму и по ея теперешнимъ притокамъ. Однако, и по теченію Аму-Дарьи культурные оазисы не тянутся сплошной полосой, а сосредоточены въ двѣ группы: по верхнему и по нижнему теченію рѣки; средняя же часть ея, вслѣдствіе существовавшихъ до послѣдняго времени неблагоприятныхъ политическихъ условій, совершенно не населена, хотя обширные *тугаи* вполне пригодны и здѣсь для развитія культуры. Верхняя группа оазисовъ составляетъ Бухарское ханство, а нижняя—древній Хорезмъ, или Хивинскій оазисъ, причисляя къ нему, конечно, не только Хивинское ханство, но и орошаемая рѣкою части Аму-Дарьинскаго отдѣла.

Въ этихъ предѣлахъ оазисъ лежитъ приблизительно между 28, 5° и 31, 5° восточной долготы и 41 и 43, 5° сѣверной широты и занимаетъ около 600 кв. геог. миль.

Въ топографическомъ отношеніи поверхность оазиса довольно однообразна. Это повсюду совершенная равнина съ легкимъ скатомъ южной части на западъ и сѣверной на сѣверъ. Равнина эта окружена песчаной пустыней и прорѣзана въ разныхъ направленіяхъ руслами Аму, современнымъ и старыми, а также протоками и каналами, образующими какъ бы двѣ дельты: одну древнюю, обращенную къ Сары-камышской котловинѣ, а другую—современную, которая, начинаясь у Нукуса, обращена къ Аральскому морю.

Изъ горъ на пространствѣ оазиса находится только хребетъ Султанъ-Уизъ-дагъ, который на нѣкоторыхъ картахъ называется Шейхъ-Джели—по имени своей западной оконечности. Хребетъ этотъ состоитъ изъ совершенно голыхъ скалъ, достигаетъ высоты не свыше 3,000 футъ и совершенно лишенъ воды, если не считать нѣсколькихъ солоноватыхъ ключей. Изъ послѣднихъ наибольшую извѣстностью пользуется ключъ у могилы Султанъ-Уизъ-Каранная, по тому значенію, которымъ пользуются въ мусульманскомъ мірѣ могилы этого святаго. Говорю *могилы*, потому что ихъ извѣстно нѣсколько... По преданію, Султанъ-Уизъ-Каранная, другъ Магомета, былъ убитъ въ одномъ сраженіи; семь вождей стали спорить за честь

похоронить его на землѣ своего племени и, чтобы помирить ихъ, Магометъ предложилъ каждому устроить по гробу и предоставить самому покойнику избрать любой. Такъ и сдѣлали, а на утро во всѣхъ семи гробахъ оказались подлинныя тѣла Султанъ-Уиза. Такое обстоятельство упрочило за нимъ репутацію святаго и всѣ семь экземпляровъ его смертныхъ останковъ были увезены въ разные концы мусульманскаго міра. Теперь ихъ, вѣротно, уже не семь, а гораздо больше. Надъ могилою святаго въ Хорезмѣ былъ построенъ мазаръ, а въ началѣ текущаго столѣтія—монастырь, привлекающій большое число богомольцевъ. По имени святаго названъ и весь хребетъ. Однако, ключъ этотъ весьма бѣденъ водою, которая имѣетъ солоноватый вкусъ и считается цѣлебною, хотя въ дѣйствительности кажется просто слабительная.

Вдоль подошвы хребта протекаетъ старое русло Акча-Дарья, которое признается за первоначальное русло Сыръ-Дарья; она поварачивала сюда отъ г. Ходжента, мимо сѣверной подошвы Нуратау и шла между степными хребтами въ русло Акча-Дарья, что совершенно согласуется и съ преданіями туземцевъ.

Отдѣльныя высоты, составляя какъ бы размытые отроги хребта Султанъ-Уизъ, тянутся по оазису въ двухъ направленіяхъ: главная вѣтвь составляетъ правый, нагорный, берегъ Аму-Дарьи до Нукуса, а далѣе въ дельтѣ проявляется нѣсколькими отдѣльными высотами. Другая вѣтвь переходитъ на лѣвый берегъ Аму, въ видѣ высоты Джумурлы, и нѣсколькихъ небольшихъ бугровъ, расположенныхъ по линіи перегиба ската изъ западнаго въ сѣверный по направленію къ Устюртскому мысу Акъ-Килинь.

По своимъ физическимъ свойствамъ, равно какъ по положенію относительно Аму-Дарьи, единственной жизненной артеріи края, оазисъ распадается на три части: лѣвый берегъ, правый берегъ и дельту. Лѣвый—соотвѣтствуетъ древней, Сары-камышской дельтѣ Аму, а правый представляетъ собою наслѣдство, оставленное Аму-Дарьѣ Сыромъ. Такое раздѣленіе не вполне соотвѣтствуетъ политическому дѣленію страны, такъ какъ русская граница проходитъ по берегу Аму и по западному рукаву ея дельты—Талдыку, но граница эта чисто условная и существованіе ея отражается только на степни обремененія населенія палогамъ; во всемъ же остальномъ между обоими берегами, какъ выше, такъ и ниже Нукуса (1), существуетъ самая тѣсная связь, какъ относительно пользованія водами Аму

(1) Нукусъ—недавно упраздненное укрѣпленіе въ вершинѣ дельты.

такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Зачастую, одинъ братъ живетъ на русскомъ берегу, а другой—на хивинскомъ. Братъ Ханкинскаго бека служить волостнымъ старшиною на русскомъ берегу и т. д.

Почва оазиса состоитъ изъ рѣчныхъ и озерныхъ осадковъ, аналогичныхъ по своему составу съ лессомъ, несомымъ въ видѣ ила Аму-Дарьюю. Этотъ, такъ называемый, *вторичный*, наносный лессъ представляетъ собою почву хотя и весьма плодородную, но далеко не такую неистощимую, какъ мощныя залежи лесса *первичнаго*. И если въ Хивѣ получаютъ почти баснословные урожаи, то это главнымъ образомъ слѣдуетъ объяснять высокой степенью культуры и тщательнымъ удобреніемъ и обработываніемъ полей.

Главный недостатокъ почвы въ оазисѣ—это замѣчаемая мѣстами солончатость ея, вслѣдствіе чего, при первоначальной обработкѣ, приходится свозить верхній, богатый солью слой и, послѣдовательнымъ напусканіемъ воды, выщелочить почву, послѣ чего она даетъ прекрасные урожаи, при тщательномъ, однако, удобреніи. Соленосную землю свозятъ на низменныя площадки, служащія для сброса излишней воды изъ арыковъ, причемъ въ такихъ мѣстахъ образуются искусственные солонцы, представляющіе рѣзкій контрастъ съ окружающими ихъ садами и пашнями. Самое замѣчательное, однако, то, что такіе солонцы встрѣчаются только въ наиболѣе культурной, восточной части оазиса, тогда какъ дельта, гдѣ культура гораздо ниже, имѣетъ почву почти вездѣ совершенно несоленую. Обстоятельство, указывающее, что кажущаяся бесплодность солонцовъ не составляетъ препятствія къ развитію культуры.

Какъ, по образу жизни населенія, въ Хивинскомъ оазисѣ можно прослѣдить всѣ степени переходовъ отъ вполне кочевой къ совершенно осѣдой жизни, такъ и культурная поверхность оазиса представляетъ всѣ ступени отъ едва поцарапанной плугомъ пашни кочевника-киргиза или каракалпака, до въ высшей степени интенсивнаго хозяйства сарта или узбека на полѣ, тщательно разработанномъ, выровненномъ, прекрасно удобряемомъ, обсаженномъ деревьями и орошаемомъ *чигиремъ* (водоподъемная машина). Но такъ какъ первыя встрѣчаются только въ глухихъ, мало доступныхъ мѣстахъ дельты, то, въ общемъ, глазу путешественника оазисъ является странною сплошь обработанной и высоко культурной, которую бывалые люди сравниваютъ только съ Ломбардіей, Египтомъ и Китаемъ. Конечно, выраженіе *сплошь обработанной* нельзя понимать буквально: въ промежуткахъ между бассейнами магистральныхъ арыковъ всегда остаются болѣе или менѣе значительные пустыри, отчасти занятые

искусственными солонцами, отчасти болотами или выгонами: въ восточной части такіе пустыри весьма не велики; по мѣрѣ же удаленія отъ г. Хивы къ западу, гдѣ воды меньше, они становятся обширнѣе. Въ дельтѣ къ пустырямъ, служащимъ отличными пастбищами, присоединяются обширные разливы и заросли непролазныхъ камышей выше роста всадника, среди которыхъ пашни разбросаны только отдѣльными, небольшими участками. Впрочемъ, и въ центрѣ дельты есть цѣлый районъ — окрестности города Чимбая, который по степени культуры немногимъ уступаетъ восточной части ханства.

Часто приходится слышать, что Хивѣ, какъ и Бухарѣ, угрожаетъ поглощеніе сыпучими песками пустыни. Чтобы разрѣшить вопросъ, насколько въ дѣйствительности опасны пески, заносить ли они культуру, или, наоборотъ, сами поглощаются ею, надо обратиться къ пескамъ, которые, по своему положенію, представляютъ, повидимому, наибольшую опасность для сосѣднихъ съ ними пашень и наиболѣе похожи на губителей культуры. Такими представляются намъ песчаные языки по правому берегу Аму-Дарьи, далеко вдающіеся въ культурное пространство и притомъ расположенные съ навѣтренной стороны, такъ какъ господствующіе въ этихъ мѣстахъ вѣтры NO. Песчаные языки эти охватываютъ бассейны магистральныхъ каналовъ съ трехъ сторонъ и NO вѣтеръ несетъ на культурныя площади песокъ иногда положительно струей, какъ мнѣ случилось наблюдать это, переѣзжая поперекъ песчаные языки во время сильнаго вѣтра, когда мелкія частицы песка стоятъ въ воздухѣ сухимъ туманомъ, а крупныя стелятся струйками по поверхности. Спрашивается, какъ же могутъ существовать въ сосѣдствѣ съ этими песками обработанныя поля, когда такое движеніе на нихъ песокъ началось не день и не годъ тому назадъ, а разумѣется, съ того самаго времени, когда на границѣ песчаной пустыни появились пашни, орошаемыя арыками изъ Аму-Дарьи, и между тѣмъ всѣ туземцы въ одинъ голосъ говорятъ, что песокъ не губитъ поля, а *удобряетъ* ихъ. Это странное, повидимому, противорѣчіе объясняется очень просто тѣмъ обстоятельствомъ, что песокъ, особенно съ значительной примѣсью лесса (каковъ онъ вездѣ въ пустынѣ), попадая на влажное поле, превращается въ ту же самую почву, на которой разведено это поле, дѣлая только болѣе рыхлымъ тяжелый, глинистый грунтъ. Вотъ почему такъ часто случается видѣть песчаный откосъ въ 45°, примыкающій съ навѣтренной стороны непосредственно къ зеленому полю клевера и не приносящій послѣднему никакого вреда. Напротивъ, въ такихъ случаяхъ и самъ то песчаный откосъ, обращенный къ

влажному полю, зарастает самъ собою колючкой и становится совершенно неподвижнымъ. При сравненіи съемки 1873 г. со съемкой 1888 г. оказывается, что садъ Кельтеминаръ, который 1873 г. находился весьма близко отъ оконечности культуры, въ настоящее время отстоитъ отъ нея уже въ трехъ слишкомъ верстахъ. Эти 1¹/₂—2 версты составляютъ завоеваніе культуры въ теченіе 15-ти лѣтъ. Другой примѣръ, болѣе замѣтный, представляетъ собою пространство между укр. Петро-Александровскомъ и г. Шураханомъ. Въ 1873 г. пески, начинаясь у самаго укрѣпленія, тянулись на протяженіи почти четырехъ верстъ до Шураханскаго Базара. Въ настоящее время полоса эта сдузилась со стороны Шурахана версты на двѣ, а со стороны Петро-Александровска не суживается только потому, что этого не допускаютъ власти: въ пескахъ по арыку Алчинъ расположенъ лагерь войскъ Петро-Александровскаго гарнизона, которому пески служатъ военнымъ полемъ и, въ качествѣ такового, охраняются отъ захвата подъ пашни.

На лѣвомъ берегу замѣчается тоже самое: одинъ изъ ближайшихъ сановниковъ хана, Мирза-Баши-Палванъ, показывалъ мнѣ свой садъ, который былъ разведенъ имъ 20 лѣтъ назадъ въ разстояніи двухъ-трехъ танавовъ (200—300 шаговъ) отъ окраины песчаной пустыни; теперь пески ушли отъ него шаговъ на 900. Такихъ примѣровъ можно привести сколько угодно. Словомъ, какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ берегу, всѣ говорятъ, что пашни отнюдь не сократились съ прихода русскихъ (это, такъ сказать, *эра*, отъ которой теперь ведется въ общежитіи лѣтосчисленіе); что степень углубленія ихъ въ пустыню зависитъ только отъ количества воды въ арыкахъ, и что тамъ, гдѣ вѣтеръ не наноситъ самъ песка на пашню, приходится возить послѣдній, въ видѣ удобренія, иногда за нѣсколько верстъ. И дѣйствительно, мнѣ самому приходилось видѣть, какъ арба подѣзжаетъ къ песчанному бархану, нагружается пескомъ и везетъ его на пашню... Тоже самое, что дѣлаютъ садовники въ Ташкентѣ, покупая песокъ изъ рѣки Чирчикъ...

Маленькіе участки песковъ въ разныхъ мѣстахъ оазиса подвергаются, такимъ образомъ, систематическому растаскиванію на удобреніе. Обнаженные отъ песка площади присоединяются къ сосѣднимъ пашнямъ, и уничтоженіе песковъ идетъ быстро и неуклонно, такъ что во многихъ мѣстахъ лѣваго берега жители сѣтуютъ на то, что приходится слишкомъ далеко ѣздить за пескомъ...

Но почему же на пространствѣ между Султанъ-Уизомъ и Аму

песчаные барханы покрываютъ *такыры* ⁽¹⁾, усѣнные развалинами съ видимыми слѣдами культуры?

Съемки показываютъ, что никакихъ слѣдовъ каналовъ, по которымъ культура эта могла бы получать орошеніе изъ Аму, не имѣется; теперешнихъ каналовъ едва хватаетъ на орошеніе существующихъ полей; оконечности ихъ настолько малы, что они никогда не могли вмѣщать большаго количества воды, а слѣдовательно пространство это орошалось не изъ Аму. Въ такомъ случаѣ оно могло получать воду только изъ Акча-Дарьи, когда по ней протекала Сырь-Дарья. Когда же Сырь оставилъ это русло, культура, которой онъ давалъ жизнь, погибла; населенные пункты были брошены, пашни засохли. Песокъ, несомый НО вѣтромъ, попадая на нихъ, пересталъ смѣшиваться съ почвой и сталъ слагать песчаные барханы, которые сейчасъ же начали наступленіе къ Аму-Дарьѣ.

Историческая справка показываетъ, что въ прошломъ столѣтіи правый берегъ Аму былъ почти совершенно не населенъ; слѣдовательно, орошеніе его началось въ нынѣшнемъ столѣтіи. Располагая массою казенныхъ рабочихъ, хивинскіе ханы и ихъ сановники имѣли возможность быстро провести теперешніе каналы праваго берега (причемъ захватили большую часть земель себѣ), остановили такимъ образомъ пески и постепенно вѣзали оконечности арыковъ далеко въ пустыню.

1873 годъ остановилъ это поступательное движеніе культуры, такъ какъ русская администрація не имѣетъ средствъ къ продолженію иригаціонныхъ работъ. Впрочемъ, едва-ли они и стоять затратъ на правомъ берегу, по всей вѣроятности обреченномъ, какъ увидимъ, на поглощеніе Аму-Дарьею.

Такимъ образомъ, общій выводъ, къ которому я пришелъ, извѣдывъ вдоль и поперекъ Хивинскій оазисъ, это—что пески никогда не засыпали и не могутъ засыпать живую культуру; что если въ иныхъ мѣстахъ мы и видимъ развалины и слѣды полей, занесенные пескомъ, то это значитъ, что культура здѣсь, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, раньше лишилась воды, засохла и погибла, а потомъ уже была занесена пескомъ; что, слѣдовательно, роль песковъ—роль не *убійцы*, а только *могильщика*.

Существованіе среди песковъ живыхъ деревьевъ, яко бы свидѣтелей погребенія песками живой культуры, также ничего не доказываетъ. Деревья растутъ и въ песчаной пустынѣ, а взрослое дерево,

(1) Такыръ—ровная поверхность съ твердымъ глинистымъ грунтомъ.

удѣлѣвшее послѣ оставленія пашни на произволь вѣтра, отлично можетъ существовать многіе годы послѣ того, какъ вокругъ его ствола наростутъ барханы песку, особенно если суевѣрное уваженіе охраняетъ его отъ порубки.

Придя къ такому выводу, я съ понятнымъ удовольствіемъ прочелъ, что академикъ Мидендорфъ вынесъ такой же взглядъ на дѣятельность песковъ въ Ферганѣ.

«Природа не погубитъ сыпучимъ пескомъ культурной почвы Ферганы, говоритъ почтенный академикъ, а въ возможности орошенія онъ видитъ могучее средство для укрощенія сыпучихъ песковъ. Засыпаніе пескомъ, говоритъ далѣе г. Мидендорфъ, результатъ бессмысленнаго хозяйствованія, безразсуднаго искорененія растительности всѣми средствами».

Или, надо добавить, результатъ обезводненія цѣлыхъ культурныхъ площадей. Подобное обезводненіе можетъ быть обусловлено разными причинами, въ числѣ которыхъ главную роль играютъ перемѣщеніе русла и развитіе культуры въ верховьяхъ, въ ущербъ странамъ по нижнему теченію. Однако, въ Хивинскомъ оазисѣ обѣ эти причины не могутъ повліять на уменьшеніе культурной площади, такъ какъ воды въ Аму слишкомъ достаточно для орошенія нѣсколькихъ такихъ оазисовъ, какъ Хивинскій, а покинуть Хорезмъ, перемѣнивъ опять русло, Аму-Дарья также, какъ увидимъ, болѣе не можетъ.

Очертивъ вкратцѣ физическое устройство поверхности оазиса, перехожу къ его жизненной артеріи Аму-Дарьѣ, причемъ сначала разсмотрю ее въ ея современномъ теченіи, а затѣмъ коснусь ея прошлаго.

Аму-Дарья беретъ начало среди вершинъ Памира въ видѣ нѣсколькихъ горныхъ рѣчекъ, изъ соединенія которыхъ образуется рѣка Пянджъ, становящаяся судоходною у развалинъ кр. Фейзабатъ. Уже здѣсь замѣчается повсюду, что правый берегъ ея приглубый, обрывистый, а лѣвый—низменный и пологій. Название Аму-Дарья рѣка получаетъ послѣ слиянія съ р. Вакшемъ, гдѣ она оставляетъ массивные горные хребты и входитъ въ низменность, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ горной рѣки и постепенно превращаясь въ спокойную степную, почти безъ притоковъ, съ широкою и ровною долиною, имѣющею небольшую абсолютную высоту. Должна эта ограничена крутыми, высокими вторыми берегами, то отходящими отъ русла на нѣсколько верстъ, то снова приближающимися къ самой рѣкѣ. Такія расширенія долины, заросшія въ дикомъ состояніи ка-

мышемъ и непроходимой чащей кустарника, сопровождаютъ рѣку по всему среднему теченію и называются *тугай*. Они-то и составляютъ почву, на которой, при благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, развивается богатая культура. На лѣвомъ берегу полоса тугаевъ имѣеть ширину мѣстами до 15-ти верстъ, а на правомъ значительно уже, чаще прерывается пустынею и во многихъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ подмыванія праваго берега, замѣтно уменьшается годъ отъ года.

Вообще подмываніе праваго берега—характерная особенность Аму-Дарьи, и если мѣстами, какъ въ Чарджуѣ, рѣка по временамъ ударяетъ въ лѣвый, то это бываетъ явленіемъ чисто временнымъ, обусловленнымъ случайными причинами (какъ, на примѣръ, конфигураціей отмелей) и легко устранимымъ, что мы и видимъ въ Чарджуѣ, гдѣ рѣка въ послѣдніе два года перенесла-таки свое русло къ правому берегу.

Въ самомъ руслѣ рѣки находится множество отмелей, которыя, то увеличиваясь въ размѣрахъ, превращаются въ острова, то снова смываются рѣкою до основанія; однако, по всему среднему теченію, т. е. до Питнякской луки, главное русло рѣзки отличается отъ боковыхъ протоковъ и фарватеръ почти повсюду идетъ вдоль высокаго праваго берега.

За Питнякской лукой, мѣтко прозванной туземцамъ Тюя-Муюнъ, т. е. *верблюжья шея*, рѣка вступаетъ въ область своего нижняго теченія, характеризуемаго постепеннымъ расширеніемъ долины и отсутствіемъ вторыхъ береговъ, такъ какъ высоты, образующія ихъ, разступаются у вершины луки и теряются въ песчаной пустынѣ. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ беретъ начало и главный каналъ ханства Палванъ-Ата. Здѣсь же одна изъ самыхъ удобныхъ переправъ во всемъ оазисѣ, которою и воспользовались русскія войска въ 1873 году. Удобна она тѣмъ, что рѣка течетъ здѣсь однимъ русломъ, не требуя пересадокъ съ каюка на каюкъ и переправа совершается быстро. Такія же удобныя переправы имѣются еще только ниже Шейхъ-Джели, у г. Кипчака и Нукуса.

Начиная отъ истока Палванъ-Ата, берега становятся плоскими и низменными. Впрочемъ, правильнѣе было бы сказать, что у Аму-Дарьи здѣсь совершенно *нѣтъ береговъ*, въ смыслѣ ясно обозначенной линіи, такъ какъ главная струя повсюду сопровождается множествомъ боковыхъ протоковъ, совершенно незамѣтно переходящихъ въ оросительные каналы. Единственная, ясно обозначенная линія, это линія культуры, которая идетъ почти вездѣ въ разстояніи нѣ-

сколькихъ верстѣ отъ главнаго русла, т. е. тамъ, куда обыкновенные ежегодные разливы уже не хватаютъ. Если ее признать за береговую линію, то ширина рѣки болѣею частью окажется до шести верстѣ, изъ которыхъ на долю главнаго русла приходится отъ одной до двухъ, а остальное пространство занято рукавами, образующими множество острововъ, болѣе или менѣе заливаемыхъ въ половодье.

Скорость теченія на всемъ пространствѣ до Нукуса, при низкомъ уровнѣ, колеблется отъ четырехъ до шести верстѣ въ часъ, а въ половодье достигаетъ семи и даже восьми верстѣ. Глубина на фарватерѣ отъ четырехъ до 25-ти фут., но на перекатахъ, которыхъ отъ Питняка до Нукуса насчитывается свыше 40, фарватеръ болѣею частью очень узкій и крайне непостоянный, такъ какъ онъ измѣняется не только послѣ каждаго половодья, но иногда просто въ нѣсколько часовъ. Да и не только фарватеръ, а и самое очертаніе береговъ иногда въ теченіе одного лѣта измѣняется до неузнаваемости. Мягкость грунта береговъ и дна, сложенныхъ изъ лесса съ болѣею или меньшею примѣсью песку, способствуетъ этому въ высшей степени. Иногда достаточно бываетъ самаго ничтожнаго обстоятельства, чтобы фарватеръ измѣнился въ нѣсколько часовъ.

Случается, что нагруженный каюкъ станетъ на мель, отклонить струю теченія въ другую сторону и вода начинаетъ подмывать отлогій берегъ, перенося къ нему свой фарватеръ. Ударяясь въ берегъ, струя вырываетъ на уровнѣ воды частицы ила, образуетъ подмывъ, и глыба берега сползаетъ или обваливается въ воду. Мокрый илъ таетъ съ быстротою сахара и уносится водою, которая опять начинаетъ подмывать берегъ и опять новыя глыбы падаютъ въ воду одна за другою. Если при этомъ вода нападаетъ на слой съ большимъ содержаніемъ песка, то размываніе идетъ съ поразительною быстротою.

Такъ поглощена была рѣкою въ теченіе 1885 и 1886 годовъ вся площадь лагеря Петро-Александровскаго гарнизона, причемъ пришлось даже поднять по тревогѣ ночью казачій полкъ, чтобы спастъ имущество изъ бараконъ.

Къ веснѣ 1887 года отъ всего лагеря не осталось и слѣдовъ. Главное русло Аму шло теперь на мѣстѣ казачьяго лагеря и уже подходило къ весьма чтимой населеніемъ гробницѣ святаго Сеидь-Магомедъ-Гирея. Съ разрѣшенія начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла, тѣло святаго было перенесено въ городъ Хиву, а черезъ нѣсколько дней половина надгробнаго мазара уже обрушилась въ воду. На слѣдующій годъ подмываніе берега въ этомъ мѣстѣ прекратилось, но за то рѣка стала грызть берегъ нѣсколько выше, противъ самаго

Петро-Александровска, что продолжалось и въ 1889 году. Теперь городъ находится всего въ полутора верстахъ отъ берега и весьма возможно, что черезъ нѣсколько лѣтъ отъ него не останется и слѣдовъ.

Однако, такое разрушительное дѣйствіе рѣки проявляется только на правомъ берегу. На лѣвомъ вода нигдѣ не рветъ берега, а если уровень ея и поднимается, то, выйдя изъ береговъ, какъ изъ переполненной посуды, рѣка затопляетъ нѣкоторое пространство, сносить береговья плотинки и затѣмъ стекаетъ въ одинъ изъ каналовъ или старыхъ руселъ, какъ это было въ 1878 г., когда такъ много шуму надѣлалъ, такъ называемый, «естественный поворотъ» Аму въ Каспій, въ которомъ многіе хотѣли видѣть указаніе самой природы на легкую возможность возстановленія стараго теченія. Но сбыла вода и «поворотъ» кончился самъ собою. Размытыя береговья плотины возстановили и населеніе вернулось на свои затопленныя поля. Въ 1889 г. такой же «поворотъ» случился опять, хотя и въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ. Пространство между гг. Ходжейли и Куня-Ургенчемъ представляло при этомъ сплошной разливъ, по которому приходилось перебираться или въ бродъ, или на лодкѣ.

Совсѣмъ не то на правомъ берегу. Около 1876 г. Дарья впервые стала прорывать правый берегъ между Шабасъ-Вали и Бій-Базаромъ. Прорывъ заградилъ и наводненіе не повторялось до 1887 г., когда загражденіе было снесено, воды Аму достигли подошвы Султанъ-Уиза, залились по руслу Акча-Дарьи вверхъ и внизъ, и стекли обратно въ Аму-Дарью у развалинъ Янтыкъ-Калы. Зимой собрали массу казенныхъ рабочихъ и устроили грандіозную дамбу, до четырехъ верстъ длиною, изъ хвороста и земли съ нѣсколькими отбивными полуплотинами. Разливъ уменьшился за зиму и населеніе опять распахало поля. Но настало лѣто 1888 г. и когда пришла большая вода, то плотина была снесена въ одну ночь и на мѣстѣ ея установилось русло въ версту шириною, по которому масса воды устремилась въ Акча-Дарью. Почти вся Бій-Базарская волость была затоплена; разливъ принялъ видъ озера до 100 кв. верстъ величиною; администрація признала себя безсильной въ борьбѣ съ рѣкою и озеро существуетъ и понынѣ.

Эти два примѣра показываютъ, до какой степени различна дѣятельность рѣки на правомъ берегу и на лѣвомъ. На правомъ она подмываетъ, грызетъ берегъ, а на лѣвомъ только разливается и по спадѣ водъ возвращается въ свое русло.

Такія частныя уклоненія вправо, какъ у Бій-Базара, замѣчае-

мы также и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по среднему теченію рѣки, представляютъ собою результатъ постояннаго стремленія Аму-Дарьи вправо, которое и привело ее къ послѣдовательной перемѣнѣ многихъ русель.

Является вопросъ: гдѣ же предѣль этимъ уклоненіямъ? неужели современемъ Аму можетъ покинуть Хивинскій оазисъ, какъ покинула она, когда-то цвѣтуція, мѣстности къ югу отъ ханства, по старымъ русламъ, ведущимъ къ Сары-Камышу?

Къ счастью, нѣтъ, и въ этомъ отношеніи огромную роль играетъ хребетъ Султанъ-Уизъ-Дагъ.

Правда, вдоль подошвы этого хребта проходитъ сухое русло Сыръ-Дарьи и, слѣдовательно, Султанъ-Уизъ не помѣшалъ этой рѣкѣ покинуть древній Хорезмъ, но съ Аму-Дарьей этого случиться не можетъ. Рядъ степныхъ горъ, расположенныхъ подъ угломъ къ руслу Аму, но параллельно старому руслу Сыра, и имѣющихъ общее направленіе съ востока на западъ, при общемъ паденіи мѣстности въ ту же сторону, не могъ помѣшать Сыру обойти Султанъ-Уизъ-дагъ и другіе степные хребты, но этотъ же рядъ горъ составитъ въ будущемъ непреодолимую преграду для дальнѣйшаго отклоненія средняго теченія Аму, а нижнее теченіе ея не можетъ обогнуть Султанъ-Уизъ, такъ какъ для этого рѣкѣ пришлось бы пойти вспять, вверхъ. Гробница святаго Султанъ-Уизъ-Каранна, весьма чтимая всѣмъ оазисомъ и расположенная въ неодолимомъ для рѣки горномъ краѣ, крѣпко стережетъ измѣнчивую мать-рѣку, такъ балующую своихъ дѣтей всѣми дарами природы, но за то готовую во всякое время покинуть ихъ на произволь песка и вѣтра...

Вода Аму-Дарья имѣетъ грязный, желтовато-бурый цвѣтъ отъ массы частицъ ила, и до такой степени мутна, что даже въ самомъ тонкомъ слоѣ, на блкдечкѣ, совершенно не имѣетъ прозрачности. Количество ила въ половодье доходитъ до 25% вѣса воды.

Количество воды, несомой рѣкою, простирается у Питняка отъ 133,000 до 160,000 куб. футъ въ секунду, а у Нукуса отъ 46,000 до 75,000. Такая огромная разница обуславливается громаднымъ расходомъ воды въ оросительные каналы ханства. Для сравненія можно привести, что Волга, до впаденія Камы, несетъ 68,000 куб. фут. при ординарной водѣ, а Донъ, при низкой водѣ, только 7,200 кубич. фут.

Зимній, низкій уровень воды продолжается съ октября до апрѣля, т. е. полъ года, а наибольшій разливъ начинается обыкновенно между 25-мъ іюня и 15-мъ іюля.

Относительно замерзанія рѣки, къ сожалѣнію, до послѣдняго времени не велось правильныхъ записей, но вообще, можно сказать, что въ Петро-Александровскѣ ледъ стоитъ 3—4 недѣли, а въ Нукусѣ мѣсяца 1½—2. Иногда выдаются годы, когда рѣка не замерзаетъ совсѣмъ или, напротивъ, замерзаетъ на нѣсколько дней даже у Чарджуя.

Изъ всего сказаннаго о свойствахъ рѣки очевидно, что Аму-Дарья безусловно судоходна, но единственный типъ пароходовъ, пригодный для плаванія по ней—это ни въ какомъ случаѣ не буксирные, а небольшіе *грузовые* пароходы американскаго типа, съ низкими бортами, съ помѣщеніемъ подъ палубой только для груза, или даже безпалубные, и, съ посадкой не выше двухъ футъ, поднимающіе около 5,000 пуд. груза. Такіе пароходы въ Америкѣ существуютъ.

Дельта Аму подвергается постояннымъ измѣненіямъ въ такой степени, что не только на памяти одного поколѣнія, но даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, одни протоки усыхаютъ совершенно, а другіе, напротивъ, изъ ничтожныхъ обращаются въ многоводные. Мало того, самый характеръ истоковъ дельты въ море періодически совершенно измѣняется. Карта дельты, составленная въ 1873 г., совершенно не похожа на карту 1849 и 1859 годовъ, и, въ свою очередь, рѣшительно непригодна для нашего времени.

Въ 1849 году дельта начиналась у истока Лаузана, часть водъ котораго шла въ Айбугирскіе разливы у чинка Устюрта и по нимъ достигала моря, что и было причиною появленія на картахъ Айбугирскаго залива. Главнымъ рукавомъ, единственно доступнымъ для входа съ моря, былъ самый западный—Талдыкъ.

Къ 1873 г. Айбугирскіе разливы пересохли; Талдыкъ едва сохранялъ слабое теченіе въ море и былъ уже подпертъ плотиною у г. Кунграда. Аму-Дарья въ то время, можно сказать, не доносила своихъ водъ до Аральскаго моря, такъ какъ остальные протоки дельты впадали въ обширные, заросшіе камышами, разливы и озера; теряли въ нихъ свое названіе и уже избытокъ прозрачныхъ, отстоявшихся водъ этихъ разливовъ стекалъ въ море посредствомъ двухъ новыхъ рѣкъ: Улькунъ-Дарьи и Яны-Су. Доступъ въ Аму-Дарью съ моря почти не былъ возможенъ.

Въ настоящее время Талдыкъ близокъ къ окончательному изсякновенію: вода въ его руслѣ подперта пятью плотинами и теченіе оканчивается въ 30-ти верстахъ отъ моря, въ которое не попадаетъ ни капли талдыкской воды. Главное теченіе идетъ теперь по Ишану, который былъ ничтожнымъ протокомъ въ 1873 г., и затѣмъ по Уль-

кунь-Дарьѣ, причѣмъ мутныя воды Аму этимъ путемъ непосредственно изливаются въ море, только отчасти теряясь въ Кушкана-таускихъ разливахъ. Восточное раздвоеніе Аму-Дарьи: Куваншъ-Джарма и затѣмъ Яны-Су также за послѣднее время усиливается и въ немъ также происходятъ весьма большія измѣненія.

Описаніе хотя бы главнѣйшихъ рукавовъ дельты далеко вывело бы меня изъ рамокъ этого очерка, а потому я скажу только, что теперь средній рукавъ, Улькунь-Дарья, представляетъ собою вполнѣ судоходный путь, по которому въ прошломъ году прошелъ въ море и назадъ *даже* пароходъ Аму-Дарьинской флотиліи, причѣмъ путь этотъ несомнѣнно улучшается годъ отъ года.

Старыхъ русель Аму въ предѣлахъ оазиса два: Дауданъ и Дарьялыкь (¹). Первый начинается верстахъ въ 15-ти отъ Аму-Дарьи и идетъ на западъ: мѣстами въ видѣ опредѣленнаго русла, а мѣстами въ видѣ ряда обширныхъ разливовъ, заполненныхъ сбросомъ избытка воды изъ каналовъ. Разливы эти занимаютъ сплошь верхнюю часть Даудана, а далѣе идетъ болѣе опредѣленное сухое русло. Подходя къ Сары-камышской котловинѣ, Дауданъ выдѣляетъ нѣсколько побочныхъ рукавовъ, какъ бы образуя свою небольшую дельту. Ширина Даудана вполнѣ достаточна для вмѣщенія въ него всей Аму-Дарьи, которая, надо полагать, и текла по нему, судя по преданіямъ, примѣрно до VII вѣка по Р. Х. Начало другаго русла, Дарьялыкь, расположено ближе къ берегу Аму, всего верстахъ въ 6—10, причѣмъ непосредственно изъ Дарьи оно получаетъ небольшое количество воды по арыку, также называемому Дарьялыкь. Русло это сравнительно недавнее (²); по размѣрамъ оно меньше Даудана, но сохраняетъ непрерывный видъ до самой Сары-камышской котловины. Водой оно наполняется изъ протока Лаузана; теченіе въ немъ обыкновенно прекращается не доходя г. Куны-Ургенча, но въ годы большой прибыли воды достигаетъ и до Сары-камыша. Средняя часть Дарьялыкь даетъ начало нѣсколькимъ большимъ каналамъ, изъ коихъ главный Шамратъ; однако, до послѣдняго времени каналы эти были запущены и только съ начала 80-тыхъ годовъ культура на нихъ стала сильно развиваться, вѣроятно, подъ влияніемъ умиротворенія Закаспійской области.

Ирригаціонныя каналы Хивинскаго оазиса представляютъ въ своемъ родѣ замѣчательныя сооруженія. Они служатъ не только для

(¹) Или Куны-Дарья.

(²) Изъ историческаго очерка мы увидимъ, что теченіе по немъ прекратилось не ранѣе XVI вѣка.

орошения, — многие изъ нихъ въ тоже время представляютъ собою прекрасные пути сообщенія въ странѣ, гдѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о сколько нибудь сносной сухопутной дорогѣ. Размѣры главныхъ каналовъ ханства весьма велики: Палванъ-Ата достигаетъ 100 верстъ въ длину при 50—60 шагахъ ширины, а Шаватъ даже 143 версты при ширинѣ, въ верхней части, около 200 шаговъ.

Глубина каналовъ зависитъ, конечно, отъ уровня воды въ рѣкѣ, и въ половодье бываетъ на столько велика, что каюки не могутъ идти на шестахъ. Скорость теченія вообще меньше, чѣмъ въ Аму, и не превосходить двухъ, трехъ верстъ въ часъ.

Грандіозность этихъ каналовъ невольно заставляетъ заподозрить искусственное ихъ происхожденіе. Не говоря уже о той массѣ труда, которую пришлось бы затратить для ихъ созданія народомъ, не обладающимъ никакими механическими приспособленіями, кромѣ заступа и лопаты, и никакими техническими познаніями, кромѣ своей опытности, не говоря уже обо всемъ этомъ — является вопросъ: куда же дѣвалась та масса земли, которая получалась при работахъ? Нѣкоторые каналы дѣйствительно сопровождаются высокими насыпями, обличающими ихъ искусственное происхожденіе, но эти насыпи отсутствуютъ какъ разъ въ верхнихъ и среднихъ, наиболѣе широкихъ, частяхъ главныхъ каналовъ... Надо полагать, что порядочная доля труда по созданію этихъ каналовъ приходится на долю все той же Аму-Дарьи.

Дѣйствительно, старья русла рѣки начинаются въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ современнаго; этотъ промежутокъ, очевидно, образовался изъ наносовъ у лѣваго берега при постепенномъ отступленіи Аму вправо. Отступая, она оставляла сухими боковые протоки, дающіе начало каналамъ, и населенію, для снабженія послѣднихъ водою, приходилось поддерживать теченіе въ этихъ боковыхъ протокахъ, искусственно, и постепенно присоединять ихъ къ русламъ каналовъ, которые, такимъ образомъ, и вытягивали свои головы къ востоку, слѣдуя за уходящей рѣкою. Возможно также, что, для проведенія нѣкоторыхъ каналовъ, воспользовались руслами прежнихъ небольшихъ протоковъ Сары-камышской дельты, какихъ много и въ дельтѣ современной.

При такомъ происхожденіи каналовъ становится понятнымъ ихъ извилистое теченіе, чрезмѣрная мѣстами ширина и прочія свойства, приближающія ихъ къ естественнымъ теченіямъ. Такъ, главный каналъ ханства, Палванъ-Ата, на которомъ стоитъ столица ханства г. Хива, имѣетъ видъ естественнаго протока на протяженіи около

80-ти версть до селенія Зери-Шайтанъ, а далѣе, характеръ его разомъ измѣняется: онъ становится гораздо уже и глубже, идетъ длинными прямыми колѣнами и сопровождается высокими насыпями. Туземцы также приписываютъ этому каналу сверхъестественное происхождение.

По ихъ словамъ, святой Палванъ-Ата, патронъ г. Хивы, былъ *дивана* (юродивый). Однажды, по вдохновенію свыше, онъ сѣлъ на берегу Дарьи верхомъ на свой посохъ и поѣхалъ въ глубь страны. Часть рѣки послѣдовала за святымъ, въ видѣ канала, слѣдя за всѣми изгибами слѣда отъ посоха. Такъ довель Палванъ свой каналъ до земель селенія Зери, жители котораго не пустили его дальше; тогда Палванъ-Ата обозвалъ ихъ чертями (Шайтанъ) и наложилъ на нихъ специальное проклятіе... Впослѣдствіи, чтобы снабдить водою г. Хиву, пришлось отъ Зери продолжать каналъ искусственно, почему эта часть его и сопровождается насыпями. Съ тѣхъ поръ селеніе Зери-Шайтанъ, — названіе, котораго жители очень стыдятся, а проклятіе, состоящее яко бы въ томъ, что дѣвушки этого селенія рождаются безъ признаковъ дѣвственности, какъ говорятъ тяготѣть надъ зеринцами и до сихъ поръ...

Подходя къ г. Хивѣ, каналъ Палванъ дѣлится на нѣсколько меньшихъ и теряетъ свое названіе.

Объ иригаціонномъ значеніи Палванъ-Ата можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: онъ выпускаетъ больше 50-ти магистральныхъ каналовъ, длиною отъ пяти до 30-ти верствъ каждый, и множество мелкихъ арыковъ; съ него пользуется водою (*нетъ воду* по туземному выраженію) населеніе въ количествѣ около 15,000 душъ, работающее въ общей сложности до 38,000 десятинъ пашень и садовъ.

Судоходное значеніе Палвана обуславливается воднымъ сообщеніемъ по немъ г. Хивы съ Аму-Дарьею.

Въ послѣднемъ отношеніи весьма важенъ также каналъ Шахъ-Абатъ (сокращенно—Шавать), связывающій между собою и съ Аму главнѣйшіе экономическіе центры ханства: гг. Ургенчъ, Ташаузъ и Илянлы.

Изъ числа иригаціонныхъ сооружений, несомнѣнно искусственныхъ, можно привести, какъ примѣръ, каналъ Шахъ-Муратъ (сокращенно—Шамратъ), берущій начало изъ средней части Дарьялыка и орошающій туркменскія кочевья. Высокія насыпи сопровождаютъ съ обѣихъ сторонъ его, сравнительно узкое и глубокое, русло. Длина его достигаетъ 80-ти верствъ.

Мосты на каналахъ вообще самаго примитивнаго устройства: нѣсколько огромныхъ козелъ связываются переводинами изъ криваго туранговаго (¹) лѣса; на нихъ настилаются жерди, концы которыхъ торчатъ въ разныя стороны, а сверху все заваливается хворостомъ, землею и дерномъ. О перилахъ и какихъ бы то ни было желѣзныхъ скрѣпленіяхъ не имѣютъ никакого понятія. Такіе мосты иногда раскачиваются при проходѣ арбы, но иные изъ нихъ выдерживали и нашу артилерію.

О способѣ устройства и поддержанія въ порядкѣ каналовъ можно судить по слѣдующему примѣру.

Въ 1887 г., во время пребыванія моего въ г. Хивѣ, около 4-го мая, стали приходить донесенія, что въ низовьяхъ Шавата мало воды и ожидается неурожай. 6-го мая, ханъ командировалъ диванъ-беги Матъ-Мурада, чтобы помочь дѣлу. 12-мая я былъ проѣздомъ на его работахъ: нѣсколько тысячъ рабочихъ, собранныхъ съ окрестнаго населенія по натуральной повинности, трудились надъ устройствомъ новой головы канала, а 16-го мая вода была пущена по новому водоприемнику длиною въ четыре версты и шириною около 10-ти сажень, и урожай былъ спасенъ...

Очевидно, что ни о какихъ планахъ, смѣтахъ, отчужденіяхъ земли и проч. предварительныхъ работахъ при этомъ не могло быть и рѣчи: каналъ прошелъ прямо черезъ поля и сады, полоса которыхъ, шаговъ въ 300 шириною, была потоптана; но очевидно также, что при производствѣ всей этой процедуры, по принятымъ въ Европѣ порядкамъ, населеніе бѣльшей части Шавата осталось бы безъ хлѣба.

На правомъ берегу нѣтъ ни одного большаго канала, хотя иные изъ нихъ также судоходны въ верхнихъ частяхъ.

Въ дельтѣ есть только небольшіе арыки и нѣсколько несомнѣнныхъ протоковъ, приспособленныхъ для иригація, въ которыхъ теченіе поддерживается и регулируется искусственно. Главнѣйшій изъ нихъ, Кегейли, доставляетъ орошеніе четыремъ волостямъ и судоходенъ до г. Чимбая, экономическаго центра и единственнаго базарнаго пункта внутри дельты.

Всѣ каналы на зиму, по окончаніи полевыхъ работъ, закрываются помощью особыхъ приспособленій; такъ какъ, за ненадобностью для полей, некуда было бы дѣвать изъ нихъ воду, а въ февралѣ собираютъ казучей (казенные рабочіе) и приступаютъ къ чисткѣ головъ каналовъ и всего ихъ протяженія. Въ верхнихъ частяхъ, работы эти производятся только мѣстами, но низовья каналовъ чистятся сплошь.

(¹) Туранга—разнолистный тополь.

Вопросъ о старомъ, Каспійскомъ, руслѣ Аму-Дарьи и былъ именно тѣмъ вопросомъ, который привлекалъ на Хорезмъ вниманіе изслѣдователей всѣхъ странъ. Смутныя показанія древнихъ писателей объ отклоненіяхъ русла этой рѣки отъ одного моря къ другому и обратно, при почти полномъ отсутствіи географическихъ познаній о бассейнѣ Аму и при недоступности таинственнаго Хорезма, заставляли ученыхъ теряться въ догадкахъ. На старинныхъ картахъ Аму-Дарья обыкновенно показывалась впадающею въ Каспійское море, а о самомъ существованіи Аральскаго не имѣли никакого понятія, и Петромъ Великимъ впервые было повѣдано міру, что Аму-Дарья впадаетъ не въ Каспій, а въ Араль, и что Каспійскій рукавъ ея, знаменитый Узбой, представляетъ собою сухое русло.

Причиною поворота долго считалось сооруженіе какой-то плотины, которая яко бы заградилъ рѣкѣ старое русло и заставила ее течь на сѣверъ. Отъ Хивинскаго похода ждали разъясненія этого обстоятельства, а иные и осуществленія завѣта, даннаго Петромъ Великимъ князю Бековичу Черкасскому въ 1717 году, «...плотину разорить, воду Аму-Дарьи рѣки наки обратитъ въ старый токъ... понеже злыо нужно». Немедленно послѣ покоренія ханства была снаряжена экспедиція для разысканія этой таинственной плотины, но... никакой плотины не нашлось; оказалось вмѣсто того, что старое русло, найденное въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса, не составляетъ одного цѣлага съ знаменитымъ Узбоемъ, а отдѣлено отъ него обширной котловиной, съ небольшимъ соленымъ озеромъ Сарыкамышемъ. Не найдя плотины, пришлось отказаться отъ предположенія объ искусственномъ поворотѣ Аму и признать, что она измѣнила свое русло естественнымъ путемъ. Когда это стало извѣстно, то было высказано столько предположеній и построено столько гипотезъ для объясненія этого явленія, что скоро, какъ говорится, за деревьями не стало видно лѣса. Всѣ эти гипотезы страдали однимъ главнымъ недостаткомъ: они основались на полномъ незнаніи Аму-Дарьинскаго бассейна и потому, естественно, не могли нечего выяснитъ. Вопросъ сталъ уже терять свой жгучій интересъ, какъ на несчастье случился знаменитый «естественный поворотъ» Аму въ Каспій въ 1878 г. Говорю на несчастье потому, что, не будь его, вопросъ былъ бы разъясненъ географическими изслѣдованіями; но тутъ корреспонденты и газеты раздули этотъ фактъ, и вотъ въ 1879 г. снаряжена была экспедиція генерала Глуховскаго для всесторонняго изслѣдованія и разъясненія вопроса о возможности поворота рѣки въ Каспій. Экспедиція, составленная исключительно изъ инженеровъ и топографовъ,

сразу задалась практическими цѣлями и стала изыскивать направление, по которому могло бы быть насильно возобновлено предполагаемое течение въ Каспій.

Однако, скоро вернулись, отправившіеся было по своему желанію съ экспедиціею, натуралисты, и стали распространять въ печати неблагоприятные слухи о производимыхъ работахъ. Правы они были или нѣтъ—вопросъ не выясненный, но дѣло въ томъ, что экспедиція, закончившаяся въ 1882 году, до сихъ поръ не обнародовала результатовъ своихъ работъ, которые, конечно, дадутъ драгоценные матеріалы для разьясненія аму-дарьинскаго вопроса и физическаго устройства бассейна этой рѣки вообще.

За неимѣніемъ ихъ приходится пока довольствоваться свѣдѣніями лицъ, для которыхъ изученіе старыхъ русель Аму-Дарьи не составляло прямой задачи. Однако, можно уже считать выясненнымъ окончательно:

1) Что уровень Аральскаго моря превышаетъ уровень Каспійскаго на 35 сажень.

2) Что Узбой не составляетъ непосредственнаго продолженія старыхъ русель, существующихъ въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса.

3) Что начало его отдѣлено отъ оконечностей этихъ русель обширною Сарыкамышскою котловиною, площадь которой простирается по инымъ до 10,000, а по другимъ даже до 30,000 квадратныхъ верстъ, а уровень озера Сары-Камыша около семи сажень ниже уровня Каспія.

4) Что котловина эта отдѣлена отъ Каспія водораздѣломъ у колода Кугунекъ съ высотой 36 сажень, т. е. почти одинаковою съ уровнемъ Аральскаго моря, а отъ послѣдняго водораздѣломъ у мыса Акъ-Килинь съ высотой около 45-ти сажень.

5) Что старыя русла Дауданъ и Дарьялыкъ впадаютъ въ котловину въ видѣ дельты на высотѣ также, приблизительно, равной 36-ти саженямъ.

6) Что Узбой, по размѣрамъ своимъ, *никогда не могъ вмѣщать въ своемъ руслѣ всей Аму-Дарьи*, и что если по нему стекалъ нѣкогда изъ Сары-Камыша избытокъ водъ, за расходомъ на испареніе съ озерной площади, то избытокъ этотъ не превышалъ величины рѣки Мургаба, т. е. былъ во много разъ меньше даже Сыръ-Дарьи.

7) Что русло Узбоя прерывается тремя порогами, на которыхъ теченіе падало отвѣсными водопадами, высотой около трехъ сажень, и что, слѣдовательно, русло это никоимъ образомъ *не идетъ*, въ настоящемъ своемъ видѣ, для устройства судоходнаго пути.

8) Что кромѣ старыхъ русель Аму-Дарья въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса есть еще нѣсколько таковыхъ южнѣе. Есть основаніе полагать, что самое южное изъ нихъ проходило, во времена весьма отдаленныя (не ближе 12,000 лѣтъ назадъ), вдоль подошвы горъ, окаймляющихъ съ юга закаспійскую низменность. Но несомнѣнно существовало старое русло всей Аму-Дарья, направлявшееся сначала отъ г. Келифа, а потомъ отъ Чарджуйскаго оазиса прямо къ южному концу Сары-Камышской котловины, можетъ быть наполняя по пути еще другую, подобную же, нѣсколько восточнѣе. Это русло, извѣстное подъ именемъ Унгуза, пролегаетъ вдоль ряда отвѣсныхъ обрывовъ, совершенно подобныхъ нагорному берегу въ среднемъ теченіи Аму. Существовало оно во времена доисторическія и теченіе по немъ *прекратилось, вѣроятно, на зарѣ исторіи.*

9) Что и ниже Чарджуя есть еще русла южнѣе теперешняго, которыя приводятъ къ тѣснинѣ Тюя-Муюнъ (въ вершинѣ Питнякской луки).

10) Что *во времена историческія* Аму-Дарья *не могла* впадать по Узбою въ Каспій, и если по немъ иногда *возобновлялось* теченіе, то развѣ только весьма слабое, въ годы большой воды, когда Сары-Камышская котловина не вмѣщала въ себя всей приносимой въ нее рѣкою воды.

11) Равнымъ образомъ, что Аму-Дарья въ древности *не впадала и въ Аральское море* и никогда *не перебрасывалась* отъ Каспія къ Аралу и обратно. Прекративъ теченіе по Унгузу на зарѣ исторіи, она до XVI столѣтія непрерывно впадала въ Сары-Камышскую котловину, послѣ чего, подъ влияніемъ постояннаго стремленія вправо (которое замѣтно въ ней и теперь), прорвала отроги горъ Султанъ-Уизъ-дагъ и пробила себѣ путь въ Аральскую котловину. Сары-Камышскія устья затѣмъ постепенно пересохли, хотя временами теченіе въ нихъ возобновлялось, какъ это случается и въ наше время въ годы большой прибыли воды.

12) Что паденіе бассейна Аму на западъ *превышаетъ* паденіе на сѣверо-западъ, и теченіе по Унгузу было сильнѣе, чѣмъ теченіе по современному руслу; но стремленіе Аму-Дарья вправо настолько сильно, что она, какъ это ни кажется абсурдно, *не течетъ по линіи наибольшаго паденія*, а постоянно забирается правымъ берегомъ вверхъ по наклонной плоскости, отлагая у лѣваго естественную плотину изъ своихъ осадковъ. Обстоятельство это доказывается желѣзнодорожными нивелировками по линіямъ: Мервь—Бурдалыкъ—Карши и Мервь—Чарджуй—Бухара, такъ какъ мѣстность по этимъ

лишиямъ представляетъ постоянный подъемъ отъ Унгуза въ сторону теперешняго русла и далѣе къ сѣверу, причемъ *высота низкаго уровня воды въ рѣкѣ у Бурдалыка и Чарджуя на 8—5 сажень превышаетъ уровень Келифскихъ старыхъ русель.*

Въ виду такихъ данныхъ, добытыхъ изслѣдователями Аму-Дарьинскаго бассейна, становится очевиднымъ, что объ искусственномъ поворотѣ рѣки къ Каспію не можетъ быть и рѣчи. Преградить плотиною современное русло, очевидно, невозможно; если же открыть рѣкѣ одно изъ ея старыхъ русель, то она не пойдетъ въ него вся по тому же самому, почему она его покинула, прорвавъ себѣ современное. Впрочемъ, если бы и была возможность преградить современное русло, то это было бы связано съ потерей для культуры почти всего Хивинскаго оазиса, на которомъ живетъ слишкомъ многочисленное населеніе, чтобы имъ можно было пожертвовать для установленія судоходнаго пути изъ Каспія въ Среднюю Азію.

Въ настоящее время оказывается, однако, что проектъ *поворота* Аму въ Каспій оставленъ и генераломъ Глуховскимъ. Въ сообщеніи своемъ въ обществѣ для содѣйствія промышленности и торговли, въ 1889 году, генераль Глуховской объявилъ, что комисіей выработаны два проекта, но *не поворота, а устройства судоходнаго пути* изъ Аму въ Каспій:

- 1) Посредствомъ направленія части водъ Аму по Дарьялыку для заполненія Сары-Камышской котловины и далѣе по Узбою въ Каспій, и
- 2) Посредствомъ устройства канала, въ обходъ этой котловины, отъ оконечности стараго русла Дауданъ въ Узбой, на протяженіи 78-ми верстъ, и далѣе по Узбою.

Стоимость перваго проекта исчисляется въ 15.000,000 рублей, причемъ на выполненіе его потребуется отъ 15-ти до 17-ти лѣтъ (а по расчетамъ другихъ лицъ не меньше 40 лѣтъ). Стоимость втораго проекта, считаемаго вообще болѣе удобнымъ, 27.000,000 руб. При обоихъ проектахъ потребуется взять отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{10}$ всего количества воды, несомой Аму-Дарью, что не нарушитъ экономическаго положенія Хивинскаго оазиса.

Не сомнѣваясь нисколько въ цифрахъ и выводахъ комисіи и въ осуществимости проектируемыхъ ею работъ, посмотримъ, что должно случиться, когда новый путь будетъ открытъ, хотя бы по второму проекту, признаваемому выгоднѣйшимъ.

Такъ какъ на устройство его пойдетъ только часть несомой рѣкою воды, и притомъ меньшая часть, то главное русло останется на теперешнемъ мѣстѣ. Новая рѣка не будетъ также обладать и болѣе

шею скоростью, чѣмъ Аму-Дарья, напротивъ, верхняя часть ея, которую составитъ каналъ Шаватъ, будетъ имѣть скорость меньшую, такъ какъ въ Шаватѣ она не велика. Словомъ, рѣка эта будетъ находиться въ такихъ же искусственныхъ условіяхъ существованія, какъ всѣ главные каналы ханства. Также какъ въ каналахъ истокъ ея, находясь въ лѣвомъ берегу, будетъ постоянно заноситься осадками и потребуеть ежегодной чистки, безъ чего существованіе ея прекратится года въ два, три. Какъ и въ капалахъ, русло этой искусственной рѣки потребуеть также ежегодной чистки, на чтѣ въ ханствѣ ежегодно употребляется свыше 20,000 рабочихъ по натуральной повинности. Но каналы для чистки закрываютъ на зиму; неужели же возможно ежегодно закрывать и открывать рѣку, равную по величинѣ Сыръ-Дарьѣ? И кто же будетъ чистить эту рѣку, длиною въ 1,000 верстъ, протекающую бѣльшую частью по совершенно безплодной пустынѣ? Вѣдь нельзя же заставить населеніе оазиса чистить ненужную ему рѣку; да на это не хватило бы и всѣхъ казенныхъ рабочихъ, выставляемыхъ ежегодно ханствомъ. О чисткѣ землечерпательными машинами, конечно, не можетъ быть и рѣчи, потому что это потребовало бы несообразнаго ежегоднаго расхода.

Не будучи знакомъ въ подробностяхъ съ проектомъ генерала Глуховскаго, я не знаю, какъ разрѣшаются въ немъ эти вопросы, но очевидно, что искусственное поддерживаніе судоходности, или хотя бы только существованія, такой огромной рѣки едва-ли не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго. Не пройдетъ нѣсколько лѣтъ и рѣка эта обратится въ такое же старое русло, какимъ стали въ свое время Дауданъ и Дарьялыкъ, а миліоны окажутся погребенными въ пустынѣ...

Впрочемъ, вопросъ объ устройствѣ *искусственнаго судоходнаго пути* въ сущности не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о *поворотѣ* Аму въ Каспій, несчастная мысль о которомъ, очевидно, оставлена. Я говорю «несчастная» потому, что самая идея поворота есть, конечно, не болѣе, какъ плодъ историческаго недоразумѣнія, вызваннаго смутными разсказами и неточными переводами древнихъ писателей объ устройствѣ жителями Хорезма плотинъ на старомъ руслѣ рѣки.

Пока считали, что все дѣло въ плотинѣ—идея поворота имѣла разумное основаніе. При отсутствіи почти всякихъ свѣдѣній объ Аму-Дарьѣ, намъ совершенно понятны державныя слова Петра въ наказѣ князю Бековичу-Черкасскому, но теперь мысль эта, какъ она ни привлекательна, конечно, должна быть сдана въ архивъ.

Очевидно, что если бы не было историческаго недоразумѣнія о таинственной плотинѣ, то и не явилась бы идея о поворотѣ Аму въ Каспій, какъ никому не приходится въ голову *поворачивать* Волгу въ Черное море, что едва-ли не болѣе осуществимо, чѣмъ заставить Аму течь въ Каспій.

Но если невозможно установить водное сообщеніе Аму съ Каспиемъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы не стоило хлопотать объ обводненіи старыхъ русель ея въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса, съ цѣлью увеличенія культурной поверхности, когда въ этомъ будетъ надобность. Руслу эти носятъ на себѣ очевидные слѣды когда-то обширныхъ ирригаціонныхъ системъ, которымъ они давали начало, и окружены огромными пространствами вполне пригодной для культуры почвы. Снабдить ихъ водою, или, вѣрнѣе, усилить притокъ въ нихъ воды, и теперь наполняющей въ видѣ разливовъ значительную часть этихъ русель, очевидно, возможно, а поддержать въ нихъ небольшое теченіе, достаточное для наполненія старыхъ и новыхъ ирригаціонныхъ каналовъ, дѣло легко осуществимое.

Уже одно увеличеніе притока воды въ Дарьялыкъ и расчистка каналовъ Шамрата, Сипаи и Мехтеръ-Яргана (отчасти уже предпринятая въ ханствѣ) дала бы для культуры огромное пространство прекрасной, несолоноватой почвы. Установленіе теченія по Куня-Дарьѣ до Сары-Камыша позволило бы возобновить и другіе каналы, берущіе начало изъ этого стараго русла, что опять-таки значительно увеличило бы производительную поверхность оазиса. Урегулированіе и поддержаніе теченія самыхъ лѣвыхъ протоковъ дельты: Шуманая и Кіятъ-Джаргана, несущихъ воду въ Айбугирскіе разливы, и приспособленіе для ирригаціи Талдыка, увеличить производительную поверхность на сотни тысячъ десятинъ.

Возобновленіе ирригаціонныхъ системъ, берущихъ начало изъ болѣе древняго стараго русла Даудана и Чермень-Яба, увеличить площадь оазиса едва-ли не вдвое, и, хотя потребуетъ, конечно, гораздо болѣе большихъ расходовъ, чѣмъ на перечисленные выше работы, но во всякомъ случаѣ неизмѣримо меньшихъ, чѣмъ на мертворожденные проекты сухоходныхъ путей въ Каспій.

Что касается собственно усиленія притока воды въ Дарьялыкъ, то оно не только полезно въ видахъ развитія Шамрата и другихъ запущенныхъ большихъ каналовъ, но даже необходимо, ради сохраненія, или хотя отсрочки гибели праваго берега Аму. Если бы вмѣсто того, чтобы затыкать гигантскою плотиною прорывъ Аму-Дарья въ Бій-Базарскую волость, подготовили избытку водъ въ разливъ

свободный стокъ въ Дарьялыкъ, Бій-Базарская волость, вѣроятно, не была бы затоплена. Но дѣло въ томъ, что, при существующемъ порядкѣ, наша администрація, управляющая правымъ берегомъ, крайне затруднена въ принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ на лѣвомъ, принадлежащемъ хивинскому хану, а послѣдній нисколько не заинтересованъ спасеніемъ волостей праваго берега: населеніе, потерявшее тамъ свои пашни, скорѣе всего перейдетъ на противоположный, лѣвый, и увеличить число ханскихъ плательщиковъ.

Это разъединеніе власти на обоихъ берегахъ Аму-Дарьи крайне вредно отражается на экономическомъ благосостояніи всѣхъ частей оазиса, но, разумѣется, соединеніе ихъ подъ однимъ управленіемъ — вопросъ только времени.

Но когда это соединеніе будетъ установлено, не слѣдуетъ забывать, что съ Аму-Дарьею шутить нельзя. Она, какъ строптивый, нервный конь, будетъ послушной работницей въ строгихъ, но умѣлыхъ рукахъ, и совершенно отобьется отъ рукъ, перестанетъ работать и разрушить все на своемъ пути при неумѣломъ управленіи ею. Продолжая сравненіе съ конемъ, я скажу, что насильственными мѣрами, какъ и жестокостью со строптивымъ конемъ, съ ней ничего не подѣлаешь: нельзя только затыкать тѣ мѣста, куда нежелательно, чтобы она шла; но если дать ей свободный ходъ, не противный ея природѣ, Аму-Дарью всегда можно сдержать въ должныхъ границахъ и даже, въ значительной степени, управлять ея теченіемъ.

Физическая природа Хивинскаго оазиса открываетъ ему возможность блестящаго процвѣтанія въ будущемъ; пески, окружающіе его со всѣхъ сторонъ, совершенно не страшны этому благодатному уголку; Аму-Дарья несетъ массу воды, съ избыткомъ достаточную для увеличенія его культурной поверхности въ произвольныхъ размѣрахъ; въ остаткахъ древнихъ ирригаціонныхъ сооруженій имѣется почти готовое средство для увеличенія орошенія, а горы Султанъ-Уизъ-дагъ крѣпко стерегутъ Аму-Дарью и не позволяютъ ей покинуть оазисъ.

Для того, чтобы далеко превзойти золотой вѣкъ Хорезма, оазису не хватаетъ: во-первыхъ, населенія, а, во-вторыхъ, соотвѣтствующаго управленія. Но за населеніемъ въ Россіи дѣло не станетъ, а чтобы управлять успѣшно Аму-Дарьею — жизненною артеріей края, необходимо, прежде всего, тщательное изученіе ея свойствъ и затѣмъ соотвѣтствующая постановка власти...

Какъ ни высоко стоятъ европейскіе порядки, въ сравненіи съ мусульманскими, но въ нихъ есть и кое-что неподходящее для Сред-

ней Азіи, а для Хивинскаго оазиса могущее оказаться и гибельнымъ. Возьмемъ, рассказанный выше, случай съ проведеніемъ новой головы для канала Шавата. Существоуй въ Хивѣ право частной собственности на землю, канцелярскіе порядки и производство работъ съ торговь, нельзя было бы, черезъ 12 дней послѣ возникновенія надобности, создать новый каналъ, длиною въ четыре версты, и спасти десятки тысячъ десятинъ отъ неурожая, потоптавъ при этомъ сравнительно ничтожное количество пашень и уничтоживъ 5—6 дворовъ. Пришлось бы составлять проекты, испрашивать Высочайшее разрѣшеніе на отчужденіе земли, назначать торги и т. д. Очевидно, о спасеніи урожая того же года не могло бы быть и рѣчи, а къ слѣдующему году, въ случаѣ небольшого измѣненія въ руслѣ рѣчки, можетъ быть новая голова канала оказалась бы ненужной, или потребовалось бы вести ее въ другомъ мѣстѣ...

Единство въ завѣдываніи пригаціей всего оазиса и огромныя права мѣстной администраціи являются необходимыми условіями существованія оазиса, а если мы, принявъ на себя управленіе ханствомъ, станемъ примѣнять къ нему законы, общіе для всей Россіи, то можемъ оказаться свидѣтелями, какъ правовыи порядокъ погубить культуру страны, просуществовавшей, а временами и процвѣтавшей, 3,000 лѣтъ безъ писаныхъ законовъ.

Генеральнаго штаба капитанъ Стеткевичъ.

(Окончаніе будетъ).

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ ВЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛАХЪ.

(Очерки изъ Отечественной войны 1812 года.—Персидская кампанія 1827 года по запискамъ Н. Н. Муравьева).

(Статья первая).

Въ концѣ 1811 и въ особенности въ началѣ 1812 года, среди русскаго общества стали носиться слухи о политическихъ несогласіяхъ, возникшихъ между Россією и Францією. Всѣ предвидѣли борьбу упорную и продолжительную, а потому и принимали мѣры къ обезпеченію семействъ и сохраненію имущества. Въ особенности это было замѣтно среди русскаго населенія, жившаго на границѣ; поляки же ожидали разрыва съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ.

Несмотря на все это, переходъ непріятеля черезъ нашу границу засталъ многихъ врасплохъ, и съ отступленіемъ войскъ потянулись за ними и семейства русскихъ чиновниковъ, испытывавшихъ множество лишеній. «Почтовые лошади на всѣхъ станціяхъ, пишетъ А. М. Фадѣевъ⁽¹⁾, находившихся на пути ретирады, забирались армією; вольныхъ же ни за какія деньги невозможно было нанять. Я рѣшился, до мѣстечка Жировича, въ 10-ти верстахъ отъ Слонима (гдѣ уніатскій монастырь и знаменитый образъ Божіей Матери), идти пѣшкомъ. Къ счастью еще, что и русская, и непріятельская арміи, слѣдуя по извѣстному направленію, двигались огненною лавою по

(¹) «Воспоминанія Андрея Михайловича Фадѣева», «Русскій Архивъ», 1891 г., № 2-й.

большому тракту, не прикасаясь къ побочнымъ мѣстностямъ далѣе какъ за версту или за двѣ, такъ что жители часто ничего не знали о происходившемъ у нихъ вблизи, въ моментъ событія».

Между тѣмъ армія Наполеона подвигалась впередъ и 7-го (19-го) іюля французская гвардія вступила въ Опшяны. Здѣсь она остановилась бивакомъ, куда мѣстные евреи принесли вина, ликеру, портеру и продавали все это за дорогую цѣну. Христіанское населеніе покидало свои дома и уходило въ сосѣдніе лѣса, только одни евреи не двинулись съ мѣста. «Занятіе города (Сморгони), пишеть очевидецъ и участникъ ⁽¹⁾, не только не разоряло ихъ, какъ прочихъ жителей, но даже дѣлалось рудникомъ наживы, такъ евреи умѣли вымогать деньги, особенно у неопытныхъ солдатъ, которыхъ надували истинно по жидовски».

Чтобы избѣжать утомительныхъ переходовъ во время жары, союзныя войска выступали до свѣту и двигались по сноснымъ дорогамъ, встрѣчая, однако же, затрудненія при спускахъ и подъемахъ. Повсюду встрѣчали только однихъ евреевъ, предлагавшихъ свои услуги и доставлявшихъ продовольствіе для непріятеля. По мѣрѣ приближенія къ русскимъ деревнямъ, затрудненія въ походѣ усиливались: деревья по большимъ дорогамъ были срублены, дома покинуты и, нерѣдко, по вступленіи союзниковъ въ такую деревню вспыхивалъ пожаръ. «Конечно, замѣчаетъ де-ла-Флизь, намъ пріятнѣе было бы воспользоваться гостепріимствомъ обывателей, какъ было въ Германіи, гдѣ, не взирая на войну, съ нами обходились не по непріятельски. На другой день (16-го іюля) намъ предстояло вѣхать въ Витебскъ и мы надѣялись встрѣтить тутъ пріемъ, который принесъ бы нѣкоторое облегченіе нашему измученному войску».

Надежды не осуществились. Войска, не доходя до Витебска, расположились бивакомъ, лошади были привязаны къ коновязямъ и приказано готовить пищу. Четыре большія колонны образовали каре, въ срединѣ котораго были разбиты три палатки для Наполеона и его свиты. Около палатки императора стоялъ караулъ изъ 20-ти челоуѣкъ при офицерѣ; въ нее поминутно входили генералы и ординарцы, разсылаемые потомъ во всѣ стороны. Наполеонъ нѣсколько разъ выходилъ изъ палатки и, опирая на плечо офицера или солдата свою зрительную трубу, разсматривалъ Витебскъ и его окрестности. Значительное скопленіе войскъ въ этомъ пунктѣ наводило всѣхъ

(1) Де-ла-Флизь: «Походъ великой арміи въ Россію въ 1812 году». «Русская Старина», 1891 г., № 9-й.

участниковъ похода на близость боеваго столкновенія. За Витебскомъ виднѣлась обширная возвышенная равнина, на которой виднѣлись русскія войска.

— Завтра они будутъ наши, говорилъ самоувѣренно Наполеонъ.

Въ тотъ же день передъ полками былъ прочитанъ приказъ слѣдующаго содержания: «Солдаты! Насталъ, наконецъ, желанный день. Завтра дадимъ сраженіе, котораго давно ждали. Надобно кончить этотъ походъ однимъ громовымъ ударомъ! Вспомните, солдаты, ваши побѣды при Аустерлицѣ и Фридландѣ. Завтра непріятель узнаетъ что мы не выродились».

Солдаты встрѣтили приказъ съ восторгомъ и многіе были убѣждены, что проводятъ послѣднюю ночь. Далеко до разсвѣта приказано было надѣть парадную форму, но лишь взошло солнце, какъ наступило полное разочарованіе—русская армія исчезла. Наполеонъ былъ взбѣшенъ извѣстіемъ объ отступленіи русскихъ, и излилъ весь свой гнѣвъ на князя Понятовскаго. «Когда вошелъ въ палатку князь Понятовскій, пишетъ тотъ же участникъ, имѣвшій порученіе перейти съ кавалерією Двину, по ту сторону Витебска, чтобы не допустить непріятеля уйти, то караульный офицеръ могъ слышать, что говорилось внутри. Князь пришелъ доложить, что не было никакой возможности перебраться за Двину, такъ какъ нигдѣ не нашель брода, а вода, напротивъ, прибыла послѣ бывшей грозы, и что во всякомъ случаѣ онъ не могъ найти фуража для лошадей. Тутъ, между императоромъ и Понятовскимъ произошла сцена, въ которой первый сильно выговаривалъ князю неисполненіе его приказаній. Но Понятовскій тоже не молчалъ.

— Вы извиняетесь недостаткомъ фуража, князь, сказала Наполеонъ, а я вамъ скажу, что въ Египтѣ я не разъ дѣлалъ походы безъ фуража.

— Не знаю, ваше величество, смѣло отвѣчалъ Понятовскій, чѣмъ вы кормили тамъ лошадей; знаю только, что мои лошади не могутъ обойтись безъ сѣна. Тамъ, гдѣ мнѣ случалось пускать лошадей на подножный кормъ, тамъ я хотя долженъ былъ отставать, но этимъ спасалъ кавалерію. Иначе я поставленъ былъ бы въ то положеніе, въ какомъ вы очутились подъ Сень-Жанъ-д'Аркомъ, гдѣ, за недостаткомъ лошадей, вы не могли подвезти артилерію и принуждены были снять осаду крѣпости.

Произошелъ горячій споръ, послѣ котораго пришлось все-таки покориться обстоятельствамъ и двинуться къ Витебску. Наполеонъ ожидалъ торжественной встрѣчи, но, къ удивленію всѣхъ, въ городѣ

не было ни души; дома и окна заколочены и все населеніе оставило городъ, а ведущій въ Вильно мостъ былъ подожженъ. Даже евреи, и тѣ не предлагали такъ назойливо своихъ услугъ, и на всѣ вопросы о русской арміи отвѣчали уклончиво. «Совершенно новый и страшный видъ представлялъ городъ, заключавшій въ себѣ прежде до 15,000 жителей и вдругъ опустѣвшій. Горсточка оставшихся обывателей пряталась, запершись».

Во все время пребыванія своего въ Витебскѣ Наполеонъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, производилъ ежедневно, и несмотря на дурную погоду, парады, сообщалъ войскамъ о разныхъ стычкахъ и называлъ ихъ крупными побѣдами. Занятіе Динабурга провозглашено, какъ занятіе крѣпости, которую русскіе укрѣпляли четыре года и считали ее неприступною. Вообще Наполеонъ принималъ всѣ мѣры, чтобы поднять духъ утомленныхъ войскъ и требовалъ отъ офицеровъ энергіи въ соблюденіи службы.

— Господа, говорилъ онъ на одномъ изъ парадовъ въ Витебскѣ, служба у васъ идетъ плохо; у васъ слишкомъ много отсталыхъ. Офицеры останавливаются на походѣ и проводятъ время у помѣщиковъ. Биваки ихъ утомляютъ, тогда какъ храбрость не беретъ въ расчетъ дурную погоду; и въ грязи сохраняется честь. Солдаты нарушаютъ дисциплину; подъ предлогомъ исканія припасовъ, не возвращаются къ своимъ корпусамъ и бродятъ въ безпорядкѣ. Надобно прекратить этотъ безпорядокъ, и строго наказывать тѣхъ, которые осмѣлятся уйти, не спросясь. Въ случаѣ встрѣчи съ непріателемъ, полки наши не досчитались бы своихъ людей; наличный составъ войска такой, какимъ онъ могъ бы оказаться послѣ сраженія, тогда какъ мы еще не видали непріятели. Если корпуса маршаловъ Удино и Макдональда одержали побѣду, то потому, что полки ихъ были въ полномъ составѣ, когда они пришли на берега Двины и Дрисы.

Вскорѣ послѣ оставленія Витебска Наполеонъ узналъ, что госпитальная часть его арміи находится въ плохомъ состояніи; что войска ропщутъ на непроходимость дорогъ, недостатокъ продовольствія, на отсутствіе палатокъ и защиты ночью отъ холодныхъ дождей. Путь отъ Витебска былъ еще труднѣе: мосты и деревни повсюду горѣли и изъ кучи непла торчали голыя стѣны и трубы кирпичныхъ домовъ. Орша была въ пламени; вѣтеръ гналъ дымъ въ лицо наступающимъ и они принуждены были свернуть въ сторону и расположиться бивакомъ въ части города, отдаленной отъ пожара. Городъ горѣлъ всю ночь; утромъ солнце взошло сквозь дымъ совершенно красное. «И

насъ дымъ душиль, нишетъ участникъ похода ⁽¹⁾, и такъ пропиталось платье, что можно было подумать, что мы все время провели въ дыму». Пройдя Красное, французская гвардія подошла къ Смоленску почти при концѣ сраженія и генераль де-ла Флизь, сообщая по слухамъ подробности боя, представляетъ намъ извращенные факты этого дѣла; точно также неточны и подробности о сраженіи подъ Полоцкомъ арміи Удино и Сень-Сира съ графомъ Витгенштейномъ.

Дальнѣйшее движеніе дѣйствовало убійственно на великую армію. «Становилось очевиднымъ, говорятъ современникъ, что по мѣрѣ того, какъ будемъ подвигаться, мы встрѣтимъ одни пылающіе города; русскіе придерживаются той системы, чтобы заставить насъ идти по пустынямъ, гдѣ намъ не найти ни жилья, ни пищи, ни даже воды, потому что жители засоряли колодцы нечистотами и падалью. Прежде нескело жечь жилые дома, они жгли запасные магазины, гумна и стоги сѣна; словомъ, не жалѣли ничего». Весь дальнѣйшій походъ происходилъ среди заревоу пожара. Дорогобужъ, Вязьма и окрестныя села горѣли; мосты на дорогахъ и рѣкахъ были сожжены, или разрушены, и возстановленіе ихъ представляло немаловажныя затрудненія. Непритель подвигался медленно и къ концу августа великая армія сосредоточилась вблизи Бородина. Большой оврагъ отдѣлялъ ее отъ русскихъ войскъ и Наполеонъ нѣсколько разъ подымался на возвышеніе, слѣзаль съ лошади и въ зрительную трубу слѣдилъ за расположеніемъ и передвиженіемъ нашихъ войскъ.

Наканунѣ боя войскамъ прочитали слѣдующій приказъ: «Солдаты, близко сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда отъ васъ зависитъ. Она дастъ вамъ полное довольство, хорошія зимнія квартиры, а потомъ вы возвратитесь на родину. Отличитесь и тутъ, какъ отличались подъ Аустерлицемъ, Фридрихландомъ и Смоленскомъ».

Эта прокламація, по словамъ Флиза, не произвела уже обычнаго восторга; «люди слишкомъ много выстрадали нравственно, начиная оу Смоленска. Походъ, сопровождаемый нескончаемыми пожарами, производилъ тяжелое впечатлѣніе даже на бывалыхъ служакахъ, потому что они еще не видывали со стороны непрителя такого образа веденія войны».

Въ 7 часовъ утра 26-го августа началось Бородинское сраженіе. Во все это время Наполеонъ не садился на лошадь, наблюдалъ за боемъ, ходилъ взадъ и впередъ по одному направленію; онъ былъ одѣтъ въ сѣрую шинель и говорилъ мало. Позади его стояла гвар-

(1) Де-ла-Флизь. «Русская Старина», 1891 г., № 9-й, стр. 470.

дія и нѣсколько резервныхъ корпусовъ. Построенные въ боевой порядокъ, они ожидали приказаній. Полковые музыканты играли военные марши, «напоминавшіе побѣдныя поля первыхъ походовъ революціи: *Allons, enfants de la patrie*, когда дрались за свободу. Тутъ же эти звуки не одушевляли воиновъ, а нѣкоторые старшіе офицеры посмѣивались, сравнивая обѣ эпохи».

Бой, какъ извѣстно, окончился тѣмъ, что русскіе удержали свои позиціи, но Наполеонъ призналъ необходимымъ сообщить въ Парижъ о сраженіи подъ Бородинымъ, какъ объ одержанной имъ побѣдѣ. «Бѣдственное отступленіе арміи подъ начальствомъ Баркляя-де-Толли, говорилось въ одной французской газетѣ, заставило русскихъ желать рѣшительнаго сраженія съ неприятелемъ. Кутузовъ, старый воинъ, побившій турокъ, повидимому, достойный главнокомандующій: онъ способенъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ далъ торжественную клятву прикрыть Москву и уничтожить французскую армію; впрочемъ, начальникъ и этой арміи (Наполеонъ) жаждетъ встрѣчи, которая обнаружитъ передъ Европой заслуги обѣихъ сторонъ. Русскіе защищены окопами, которые, согласно съ официальнымъ донесеніемъ (?) Кутузова, будто бы неприступны; кромѣ того, духъ ихъ окрыляютъ предсказанія ихъ священниковъ и видъ чудотворной иконы Пресвятой Дѣвы, которую проносятъ по войскамъ. Кутузовъ пророчитъ побѣду... Богъ сразитъ врага мечемъ архистратига Михаила, и прежде нежели наступитъ новое утро, на поляхъ отечества кровью супостата и его легионовъ будутъ начертаны вѣра и вѣрность русскихъ воиновъ. Въ военныхъ лѣтописяхъ едва ли встрѣчается сраженіе, равное ему по упорству и кровопролитію» (1).

Послѣ Бородинскаго сраженія неприятель сталъ подходить къ Москвѣ и мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что происходило въ это время въ первопрестольной столицѣ.

20-го іюня 1812 года Москва узнала, что французы переправились черезъ Нѣманъ и вступили въ наши предѣлы. На другой день въ городѣ замѣтно было оживленное движеніе: ѣздили другъ къ другу, чтобы сообщить полученныя извѣстія; останавливались на улицахъ, чтобы перемолвиться; рассказывали о праздникѣ въ Закретѣ, гдѣ стало извѣстно Государю о приближеніи французовъ, обѣ ихъ вступленіи въ Вильну, откуда наши едва успѣли выдти (2). По

(1) «Русская Старина» 1891 г., № 10-й, стр. 42 и 43.

(2) «Воспоминанія А. Г. Хомутовой о Москвѣ въ 1812 году». «Русскій Архивъ» 1891 г., № 11-й, стр. 312.

вечерамъ, слѣдую модному обычаю, много народа собиралось на бульваръ; тревожныя толпы въ мрачномъ настроеніи проходили по немъ, прислушиваясь къ рѣчамъ говоруновъ, которые рассказывали то, что успѣли узнать, провѣдать, а иной разъ и выдумать... Въ обществѣ господствовала робкая, но глухая тревога; всѣ разговоры вращались около войны: одерживались побѣды, терпѣлись пораженія, заключались договоры. Но всего болѣе распространено было мнѣніе, что Наполеонъ, послѣ двухъ-трехъ побѣдъ, принудитъ насъ къ миру, отнявъ у насъ нѣсколько областей и возстановивъ Польшу—и это находили вполне справедливымъ, великолѣпнымъ и ничуть не обиднымъ!»

Извѣстія одно за другимъ прибывали въ Москву: то узнавала она о дѣлахъ подъ Новогрудкомъ и Миромъ, окончившихся въ пользу русскаго оружія, то о томъ, что лагерь у Дриссы, на который полагали всѣ большія надежды, оставленъ нами и Наполеонъ быстро приближается, то, наконецъ, что Государь, извѣстивъ Россію манифестомъ о грозящей отечеству опасности, ѣдетъ самъ въ первопрестольную свою столицу. Это послѣднее извѣстіе подняло на ноги почти всю Москву: мчались экипажи и народъ толпами бѣжалъ на встрѣчу царю или въ Кремль. Прошло время, назначенное для пріѣзда, прошелъ день и наступила ночь, а Государя все не было. Стали тревожиться, волноваться, и вдругъ кто-то шопотомъ произнесъ: «Государь погибъ». Въ толпѣ пробѣжалъ трепетъ и она какъ бы смолкла. На Спасской башнѣ пробило 10 часовъ, какъ народъ вдругъ заволовался, чему причиною было прибытіе курьера съ извѣстіемъ, что Государь пріѣдетъ завтра.

«На другой день, 12-го іюля, пишетъ Хомутова, небо покрылось грозными тучами, подобно тому, какъ тяжелая судьба растилалась надъ нашими головами. Кремль опять наполнился людьми, площадь почернѣла отъ народной толпы, мы снова собрались въ малой галерей. Государь появился такой печальный и такой прекрасный. Сколько заботы выражалось во взорѣ его голубыхъ глазъ! Онъ обратился къ собравшимся съ ласковымъ привѣтомъ, точно съ просьбой. Крики « ура! » проводили его въ соборъ. Звонили во всѣ колокола; но въ этомъ благовѣстѣ, въ этихъ крикахъ было что-то мрачное».

Мрачна и уныла была Москва, но 14-го іюля яркое солнце освѣтило златоглавый соборъ, гдѣ Государь усердно и горячо молился. Толпа народа была такъ велика и жара такъ сильна, что многимъ дѣлалось дурно. На слѣдующій день было назначено собраніе дворянства и купечества. Государь проѣхалъ въ собраніе въ коляскѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, « которому брови,

насупленные болѣе обыкновеннаго, придавали грозный видъ. Государь былъ блѣденъ и задумчивъ», по затѣмъ по возвращеніи изъ собранія «былъ свѣтелъ и расклаивался, какъ бы выражая признательность».

Съ отъѣздомъ Императора Александра въ Москвѣ хотя и не прекращались ни гулянья, ни вечера, но уныніе съ каждымъ днемъ усиливалось. Бульвары опустѣли, въ театры перестали ѣздить, собранія въ домахъ были рѣдки и печальны: говорили о предстоящей опасности и необходимости отъѣзда; извѣстій изъ арміи почти не было, въ публикѣ ходили глухіе слухи и стали поговаривать объ измѣнѣ. Люди предусмотрительные собирались въ путь. Пришло извѣстіе о занятіи непріятелемъ Смоленска и отступленіи нашихъ армій къ Дорогобужу. Сколько горя и страха причинило это извѣстіе москвичамъ!

Живо помню, говорить Хомутова (1), тѣхъ взволнованныхъ людей, что появлялись и мелькали въ нашей желтой гостиной: одни раскрасившіеся, съ видомъ отчаянія, другіе блѣдные, трепещущіе... Едва кто нибудь заводилъ рѣчь объ отъѣздѣ, какъ начинали обсуждать, слѣдуетъ ли уѣзжать и куда; боялись всего и подозрѣвали всѣхъ; обвиняли дипломатовъ, генераловъ и, кажется, самаго Государя въ томъ, что они предали Россію или потеряли голову. Москва взволновалась отъ ужаса; думали только о бѣгствѣ и о томъ, чтобы увести свое добро или зарыть его въ землю, либо замуровать въ стѣну. Дома загромодились сундуками, улицы наполнялись обозами, тяжелыми каретами и легкими бричками съ цѣлыми семьями и всѣмъ скарбомъ. Церкви стояли цѣлый день отворешными; только въ нихъ знакомые встрѣчались другъ съ другомъ, пожимали другъ другу руки, плакали и прощались даже съ тѣми, кого едва знали. Общая опасность, общее бѣдствіе легли камнемъ на всѣхъ москвичей».

Многіе собирались въ Кремль, другіе прощались съ московскими святынями. Графъ Растончинъ производилъ арестъ французовъ для отсылки ихъ во внутреннія губерніи. Москва отживала послѣдніе дни и лишь назначеніе Кутузова главнокомандующимъ нѣсколько оживляло отъѣзжавшихъ. Городъ пустѣлъ; оставшееся населеніе участвовало въ крестномъ ходѣ, въ которомъ по всему городу носили икону Иверской Божіей Матери. въ сопровожденіи плачущаго народа и всѣхъ властей.

Непріятель приближался и 2-го сентября вступилъ въ городъ. 3-го числа въ Донскомъ монастырѣ была служба; ворота кругомъ

(1) «Воспоминанія А. Г. Хомутовой о Москвѣ въ 1812 году», «Русскій Архивъ» 1891 г., № 11-й.

были заперты. Ломившіеся въ нихъ французы требовали хлѣба и вина; хлѣбъ имъ подавали въ подворотню и сверху ограды. Въ 8 часовъ вечера того же дня, непріятель зажегъ у воротъ калитку. Всѣ монашествующіе и бывшій въ монастырѣ народъ бросились въ соборъ и заперлись; на монастырскій дворъ вступило болѣе 200 французовъ и къ разсвѣту монастырь былъ наполненъ войсками и повозками. Стали ломать соборную дверь; намѣстникъ надѣлъ епитрахиль и взялъ въ руки крестъ, думая, что всѣ будутъ лишены жизни. Увидя монаховъ, французы сначала приостановились, потомъ разсыпались по собору, хватали свѣчи, срывали лампы, раздѣвали монаховъ и требовали отъ нихъ денегъ. Отказъ вызывалъ побои и истязанія. «Намѣстника больно били, ризничему голову проломилъ, всѣхъ грозили обнаженными саблями изрубить, если не выдадутъ денегъ и сокровищъ. Иеромонаха Иринея изранили по рукамъ и ногамъ саблями и штыками... На другой день найдено уже все разломаннымъ: и церкви, и ризница, и келіи. Въ церквахъ многіе образа раскиданы, иные расколоты. Изъ ризницы, кои не увезены, ризы парчевыя таскали и выжигали среди монастыря. Одежды съ престоловъ сорваны; ризница обращена въ кофейню... Непріятели жили во всѣхъ церквахъ; въ теплой церкви стояли лошади, а въ алтарѣ коровы, къ престолу привязанныя. На престолѣ обѣдали».

Монаховъ заставляли носить воду, топить печи, рыть картофель и приносить разные запасы изъ города. Въ разодранныхъ рубищахъ, изнуренные голодомъ монахи провели нѣсколько мучительныхъ дней. Рѣшаясь покинуть монастырь, они вылѣзали изъ окна верхняго этажа башни и партіями человѣкъ по пяти бѣжали въ Троицко-Сергіевскую лавру.

Около 20-го сентября Наполеонъ посѣтилъ монастырь, осмотрѣлъ войска, подѣхалъ на своей бѣлой лошади къ крыльцу собора, смотрѣлъ на него нѣсколько минутъ и затѣмъ удалился (1). Онъ былъ мраченъ и крайне озабоченъ: ожидаемые имъ переговоры о мирѣ не начинались, посланный имъ генераль Ларистонъ не былъ принятъ Императоромъ Александромъ, войска таяли и наступала глубокая осень, а за нею и зима. Будущее не предвѣщало ничего хорошаго, впереди ожидалась одна лишенія и неудачи.

«О Наполеонѣ говорили, пишетъ де-ла-Флизъ, бывшій въ рядахъ

(1) «Описаніе, что происходило во время нашествія непріятеля въ Донскомъ монастырѣ 1812 года». «Русскій Архивъ». 1891 г., № 10-й.

его арміи, что онъ очень занятъ, что онъ постоянно работаетъ. Но дѣло въ томъ, какъ стало извѣстно, что цѣль его была издать какъ можно болѣе декретовъ изъ столицы русской Имперіи, въ доказательство французамъ, что онъ и на дальнемъ рубежѣ Европы не перестаетъ пещись о своемъ государствѣ, какъ вездѣсущее провидѣніе. Къ сожалѣнію, предметы, избранные имъ для реформъ, касались самыхъ ничтожныхъ частей внутренней администраціи Франціи. Напримѣръ, онъ составилъ правила театральнаго управленія, да различныхъ промысловъ, какъ-то: булочнаго, аптекарскаго и т. п. Этими мелочами онъ хотѣлъ выказать всеобъемлющій геній свой. Между тѣмъ все это, въ сравненіи съ прежнею дѣятельностью Наполеона, дѣлало его неузнаваемымъ».

Онъ видѣлъ, что предполагаемое торжество его по взятіи русской столицы не осуществилось, что Москва не Вѣна и не Берлинъ, гдѣ онъ диктовалъ мирныя условія, и великій полководецъ растерялся. Поступки и распоряженія были нерѣшительны и войска не узнавали своего императора. Въ рядахъ арміи появился ропоть и что всего хуже, явились люди, которые подвергали критическому анализу дѣйствія своего вождя.

«Онъ, говорили они, вступилъ въ страну, не имѣя понятія ни о нравахъ, ни о характерѣ русскихъ. Въ Египтѣ, напримѣръ, онъ оказывалъ столько почтенія магометанству, что можно было ожидать его перехода въ эту вѣру. Въ Италіи, Австріи и Испаніи, вездѣ онъ покровительствовалъ мѣстному духу религіи и казнилъ святотатцевъ. Но въ Москвѣ онъ точно не зналъ, что и русскіе привязаны къ своей вѣрѣ, онъ не обратилъ вниманія на то, какъ глубоко почитали русскіе своихъ святыхъ, какъ дороги для нихъ церкви и важень санъ священника. Едва ли онъ признавалъ ихъ за христіанъ. И что же вышло? Не предупредивъ войска, строгими приказаніями, имѣть должное уваженіе къ церквямъ, иконамъ и духовенству, онъ навлекъ этимъ упущеніемъ ненависть народа на французовъ. Въ глазахъ русскихъ они хуже мусульманъ, потому что обращали церкви въ конюшни. За то уже горе французу, когда онъ попадался въ руки народа, жаждавшаго мести! Такихъ жертвъ было множество. Слѣдовательно, не лучше ли бы было внушить своему войску вѣрныя понятія о русскомъ народѣ и о ихъ вѣрѣ, столь схожей съ нашею».

Къ этому необходимо прибавить, что незнаніе Наполеономъ русскаго народа привело его въ Москву, что онъ разчитывалъ окончить кампанію до зимы и что, наконецъ, онъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что такое русская зима.

Лишь только наступили холода, какъ онъ долженъ былъ сознать, что оставаться въ Москвѣ ему невозможно и, спустя мѣсяць, Наполеонъ принужденъ былъ покинуть первопрестольную столицу Россіи. Мечты, надежды и очарованія рушились и впереди была голая дѣйствительность со всѣми ея ужасами и лишеніями. Небо было покрыто тучами и шелъ мелкій дождь, затруднявшій движеніе; люди роптали и досадовали на обратное движеніе. Великая армія представляла теперь печальное зрѣлище: «не слышать было въ ихъ рядахъ побѣдныхъ пѣсенъ прежнихъ походовъ; шутки и смѣхъ, потрясавшій бывало цѣлую колонну, не нарушали общаго молчанія». По дорогѣ валялись груды труповъ своихъ и непріятельскихъ, напоминашіе о кровопролитныхъ бояхъ Бородина и Смоленска. Если положеніе солдатъ было тяжкое, то еще мучительнѣе было положеніе не военныхъ, какъ, напримѣръ, труппы французскихъ актеровъ, жившихъ въ Москвѣ и бѣжавшихъ оттуда вмѣстѣ съ отступающею арміею Наполеона. «Между ними, говоритъ участникъ, былъ 70-лѣтній старецъ, прожившій 30 лѣтъ въ Москвѣ въ качествѣ наставника; съ нимъ шла и жена его, не столь еще старая, и ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ; старалась усадить его въ проѣзжавшія кареты, вымаливала для него хлѣба. Наконецъ, старика посадили въ телѣгу, а она поплелась за нимъ пѣшкомъ. Даже платья на нихъ не было. Вѣроятно, эта чета не далеко уѣхала...»

Съ каждымъ шагомъ отступленія бѣдствія усиливались. Пѣхота едва плелась; телѣги и лошади вязли въ грязи, сколько отъ трудности вытаскиванія, столько же и отъ истощенія силъ. Кареты и повозки, наполненные ранеными, бросались на произволь, несмотря на просьбы и крики несчастныхъ. Первое время по выходѣ изъ Москвы еще исполнялся приказъ Наполеона, чтобы каждый, у кого была карета, бралъ съ собою одного раненаго, чтобы въ каждой маркитантской телѣжкѣ былъ также одинъ раненый; но это продолжалось недолго и бѣдныхъ раненыхъ стали выбрасывать на дорогу. Наступили морозы; лошади скользили и падали, истомленные продолжительнымъ походомъ и голодомъ люди принуждены были останавливаться на дорогѣ; между ними были мужчины и женщины. Артилерія съ трудомъ подвигалась по кочкамъ и рытвинамъ. Кавалерійскіе корпуса слѣдовали одинъ за другимъ, но въ самомъ жалкомъ положеніи, какъ люди, такъ и лошади. Мундиры на солдатахъ были изорваны, въ лохмотьяхъ; отъ обуви почти не осталось и слѣда; всѣ побросали оружіе, замѣнивъ его палками. Раненые плелись, какъ умѣли, кто на костыляхъ, кто съ перевязанной рукой, или головой; сдѣлавъ нѣ-

сколько шаговъ, они останавливались и садялись на край дороги. Тамъ и сямъ валялись на землѣ сброшенные кирасы, которыхъ солдаты уже не въ силахъ были носить на себѣ. Неудивительно, что многіе предались полному отчаянію и осуждали Наполеона.

— Императоръ не тотъ, говорилъ де-ла-Флизу его дядя, что былъ въ Италіи и Австріи. Не разсудивъ, привелъ насъ въ этотъ ужасный край. Опъ не понялъ, что непріятель, отказавшись подъ Витебскомъ отъ сраженія и отступая съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ, хотѣлъ насъ утомить долгими переходами. Онъ не предвидѣлъ того, что многимъ было понятно, что, направляясь въ Москву, мы и тамъ найдемъ все въ огнѣ, а не обѣщанныя удобныя квартиры и избытокъ. Но я не ожидалъ отъ Наполеона этой ужасной и неисправимой ошибки, держать насъ въ Москвѣ на пылающихъ развалинахъ цѣлыхъ шесть недѣль; потомъ предпринять позднее уже отступление не на Калугу и Кіевъ, а по той же опустошенной дорогѣ, мимо погорѣлыхъ селъ и городовъ. Какъ война въ Испаніи, такъ и настоящая война возбуждена подкупами англичанъ, чего Наполеонъ въ ослѣпленія своемъ не видѣлъ. Здѣсь онъ не соглашался выждать время, необходимое для организаціи Польши и легкомысленно (изъ Польскаго края) удалился. Началь походу въ Москву слишкомъ поздно по времени года; пренебрегъ промедленіемъ, которое требовалось для охраны тыла арміи, особенно въ случаѣ отступления, изъ опасенія отложить завоеваніе столицы до другаго похода. Наполеонъ воображалъ, что покончить съ этою войною также скоро, какъ и съ Прусскою и не понималъ, что русскіе, отступивъ за Москву, тѣмъ далеко не будутъ обезсилены, а напротивъ, когда Наполеонъ кончитъ походы, они начнутъ свой, и надежды Наполеона мирными переговорами загладить неосторожное движеніе въ центръ Россіи не сбудутся.

На этомъ пока останавливаются интересныя записки де-ла-Флиза и мы обратимся къ разсказу Н. П. Муравьева о Персидской кампаніи 1827 года.

Съ отъѣздомъ А. П. Ермолова уѣхали и главнѣйшіе его сподвижники. Вступивъ въ командованіе войсками и краемъ, Паскевичъ могъ теперь распоряжаться совершенно самостоятельно. Изъ прежняго начальства остался только одинъ Муравьевъ, завѣдывавшій штабомъ, и избранный Паскевичемъ дежурный штабъ-офицеръ, по словамъ Муравьева, «человѣкъ чернильный, очень глупый, знающій плохо писать и подлыхъ правилъ» (1). Паскевичъ трудился много, но не зналъ,

(1) Записки Н. П. Муравьева-Карскаго. «Русскій Арх.» 1889 г., № 9-й, стр. 83. Для полноты разсказа мы должны были вернуться къ «Русскому Архиву», изд. 1889 г.

какъ приняться за дѣло, «не умѣлъ ни распорядиться, ни привлечь къ себѣ людей». Приготовленія къ кампаніи подвигались медленно, въ особенности по продовольственной части. Паскевичъ, пишетъ Муравьевъ, «посылалъ адъютантовъ своихъ смотрѣть за движеніемъ отправляемыхъ къ границамъ транспортовъ хлѣба, полагая, что медленность ихъ происходила отъ упущеній начальниковъ или отъ желанія вредить общему дѣлу, и никакъ не принимая въ расчетъ горы, лежащія по пути ихъ транспортовъ, и шедшіе тогда проливные дожди, болѣзнь и падежъ скота. Онъ двигалъ войска эшелонами впередъ и сердился, что транспорты не успѣвали по маршрутамъ за оными. Онъ все перенуталъ и былъ такъ гнѣвенъ, что до него никто почти доступа не имѣлъ; по одно изъ самыхъ смѣшныхъ распоряженій его было учрежденіе вечернихъ комитетовъ, собиравшихся у него ежедневно въ седьмомъ часу пополудни».

Въ составъ этого комитета входили лица, принадлежавшія къ составу штаба и гражданскаго управленія краемъ. Засѣданія продолжались иногда далеко за полночь. Паскевичъ предлагалъ разные вопросы, по обсужденія ихъ не допускалъ, сердился и самъ ничего не рѣшалъ. Интендантъ подавалъ безконечно длинныя записки, въ которыхъ послѣднее слово кончалось обыкновенно вопросительнымъ знакомъ, требовавшимъ разрѣшенія главнокомандующаго, но и онъ его не давалъ.

Между тѣмъ авангардъ подъ начальствомъ генерала Бенкендорфа (1), съ большими затрудненіями перешелъ черезъ горы Безобдаль. Дождливая погода и дурное состояніе дорогъ весною затрудняли его движеніе. Продовольственные транспорты не успѣвали и Бенкендорфъ, несмотря на приказаніе заняться собираніемъ хлѣба въ Эриванской области, не заботился объ этомъ. Двипутыя вслѣдъ затѣмъ главныя силы принуждены были довольствоваться изъ подвижныхъ магазиновъ, назначенныхъ собственно для продовольствія войскъ по переходѣ черезъ границу.

«Для прокормленія войскъ Бенкендорфа, говоритъ Муравьевъ, посылали къ нему черезъ горы транспорты съ хлѣбомъ; онъ, равно безпечный о будущемъ и о всемъ до него касающемся, стѣдаль и хлѣбъ, и быковъ, доставлявшихъ ему оный, и не переставалъ требовать новыхъ средствъ, истребляя совершенно безъ остатка отправленные къ нему транспорты».

Дойдя до границы, Бенкендорфъ имѣлъ удачное дѣло съ персія-

(1) Родной братъ бывшаго начальника III отдѣленія и шефа жандармовъ.

нами, повліявшее на ослабленіе ихъ духа. Паскевичъ торопился къ главнымъ силамъ, собиравшимся у Шулаверъ и 12-го мая выѣхалъ изъ Тифлиса. Доѣхавъ до Куби, онъ нашелъ мостъ снесенный разливомъ рѣки Храма и принужденъ былъ остановиться до его восстановления. 13-го мая онъ прибылъ въ Шулаверы, гдѣ были собраны войска. Главнокомандующій былъ въ дурномъ расположеніи духа, бранилъ всѣхъ и все. «Часто повторявшееся состояніе изступленія, въ которое приходилъ Паскевичъ безъ всякой причины, возродило въ немъ, наконецъ, желчную болѣзнь, съ кою онъ черезъ нѣсколько дней своего пребыванія въ Шулаверахъ и выѣхалъ въ Джелаль-Оглу. Тамъ болѣзнь еще болѣе усилилась, дошла до бреда и Паскевичъ принужденъ былъ остановиться на нѣкоторое время. Начальства онъ никому не сдавалъ, самъ распоряжался всѣмъ, часто измѣнялъ приказанія и ничего не рѣшалъ.

«Начальники полковъ и генералы, пишетъ Муравьевъ, видя начатое уже движеніе, по неопытности своей полагали, можетъ быть, за горою встрѣтитъ непріятеля, боялись опоздать къ бою и просились у Паскевича все впередъ. Нѣсколько разъ онъ давалъ имъ позволеніе, вопреки общаго распоряженія, перейти горы; но я, узнавая о семъ, отговаривалъ его: ибо черезъ сіе кромѣ того, что заняли бы единственную дорогу, по коей двигались транспорты черезъ гору, главное неудобство было бы то, что войска за транспортами должны бы были стоять на южной сторонѣ горы, тогда какъ, пребывая въ Гергергахъ и Джелаль-Оглу, они продовольствовались изъ мѣстныхъ магазейновъ».

Тѣмъ не менѣ полки трогались понемногу и самъ Паскевичъ торопился уѣхать въ передовой отрядъ, такъ какъ Бенкендорфъ увѣрялъ, что если ему дадутъ нѣсколько батарейныхъ орудій и саперовъ, то онъ возьметъ Эривань. Передъ отъѣздомъ Паскевичъ раздѣлилъ свои войска на двѣ дивизіи, начальниками которыхъ были назначены: первой—генераль-маіоръ князь Вадбольскій и второй—генераль-лейтенантъ князь Эристовъ. Командующимъ войсками въ Карабагъ былъ назначенъ только-что прибывшій изъ Россіи съ войсками генераль-маіоръ Панкратьевъ. Соединеніе главныхъ силъ съ отрядомъ Панкратьева было назначено подъ Нахичеванью. «Планъ совершенно ошибочный, пишетъ Муравьевъ, ибо къ чему служило намъ пройти низменными и смертоносными равнинами Шарура вдоль границы нашей, тогда какъ мы могли показаться въ Нахичевани или даже около самаго Тавриза, двигаясь въ своихъ границахъ и избѣжавъ губительный климатъ, въ коемъ войска наши заразились смертью

въ лѣтніе мѣсяцы? Не лучше ли было начать вторженіе наше изъ Карабага, гдѣ мы не лишились бы и конницы нашей, и къ чему служило намъ пройти мимо Эривани?»

По этому плану кампаніи продовольствіе должно было доставляться изъ Астрахани по Каспійскому морю, Куръ до Зардаба, а отсюда сухимъ путемъ черезъ сел. Аджибетъ къ Ахъ-Оглану въ Карабагъ. Перевозка эта погубила множество людей и истощила перевозочныя средства мѣстныхъ жителей.

Всѣ эти неурядицы крайне сердили Паскевича, и Муравьевъ, описавъ въ подробности всю обстановку главнокомандующаго и его характеръ, переходитъ къ описанію дѣйствій нашихъ въ Эриванскомъ ханствѣ. По прибытіи въ Эчміадзинъ, Паскевичъ былъ встрѣченъ Бенкендорфомъ, блокировавшимъ Эривань, куда вскорѣ и отправился главнокомандующій со своимъ штабомъ. Тамъ, по заранѣе посланному имъ приказанію, были уже открыты траншейныя работы, «но безъ всякой цѣли и предположенія, ибо онъ еще совершенно не рѣшился ни на осаду, ни на мѣсто, съ котораго должно было оную начать».

Только по осмотрѣ работъ и по возвращеніи въ Эчміадзинъ стали разсуждать о томъ, должно ли начинать осаду или оставить ее до прибытія осадной артилеріи. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ окончательно, Паскевичъ вторично ѣздилъ къ Эривани, произвелъ новую рекогносцировку и намѣтилъ пунктъ для осады. «По возвращеніи въ Эчміадзинъ, говоритъ Н. Н. Муравьевъ, былъ собранъ военный совѣтъ, на коемъ присутствовали генералы и я. Насъ всѣхъ посадили и начали совѣщаться на счетъ осады крѣпости, съ которой стороны ее предпринять. Кажется рѣшено уже было главнымъ силамъ идти къ Нахичевани, а Красовскаго оставить съ полками 20-й дивизіи подъ Эриванью; хотѣли только указать ему сторону, съ которой начать осаду и потому инженеръ генераль Трузсонъ, который долженъ былъ оставаться, подалъ свое мнѣніе и избралъ для сего самое неприступное мѣсто со стороны рѣки. Его за то Паскевичъ и разбранилъ, но, между тѣмъ, ничего самъ не рѣшилъ и совѣтъ сей почти ничѣмъ не кончился».

Пока производились рекогносцировки и совѣщанія, войска прибывали къ Эчміадзину со своими обозами, находившимися въ самомъ жалкомъ состояніи: арбы ломались, быки дохли отъ безкормицы, а люди наполняли госпиталь, не имѣвшій никакихъ средствъ для содержанія больныхъ. Убийственный климатъ развилъ болѣзни среди офицеровъ и всѣ были утомлены отъ невыносимаго зноя. При такомъ

состояніи арміи Паскевичъ получилъ извѣстіе, что Гассанъ-ханъ, пройдя покатосями Алагёза, подходит съ конницею къ Башъ-Абарани, гдѣ намѣренъ напасть на наши транспорты. Извѣстіе это оказалось вполнѣ ложнымъ, но крайне встревожило Паскевича, который «по неопытности своей, вообразилъ себѣ, что непріятельскій корпусъ атакуеть его съ тыла, не зная, что въ здѣшнихъ войнахъ операціонная линія бываетъ въ лагерѣ и что никогда цѣль вѣрныхъ сообщений съ основаніемъ дѣйствій, по причинѣ конныхъ партій, всегда обскакивающихъ тылъ и фланги. Онъ хотѣлъ и тылъ защитить, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать блистательное дѣло. Во весь походъ онъ не переставалъ бредить о засадахъ и приманкахъ, въ которыя онъ надѣялся завлечь персидскую конницу и смять ее въ преслѣдованіи, черезъ что по пустякамъ мучилъ часто войска».

Изъ Эчміадзина рѣшено было идти къ Нахичевани, а корпусу Красовскаго смѣнить Бенкендорфа при блокадѣ крѣпости Эривани. Войска тронулись, оставивъ на мѣстѣ множество больныхъ. День былъ необыкновенно жаркій, люди утомлялись и пыль, набившись въ глаза, ротъ, носъ и уши, измѣнила совершенно лицо каждаго. Проведя двое сутокъ на Гарничай, войска продолжали движеніе и при приближеніи къ с. Садаракъ, были получены свѣдѣнія, что непріятель показался впереди, что въ самомъ селеніи происходитъ движеніе и шумъ, и что толпа народа вышла изъ селенія и потянулась въ горы. Паскевичъ тотчасъ же послалъ за шестью сзади кавалеріею, но непріятеля не оказалось, и то были мирные жители, покидавшіе селеніе. Войска двинулись далѣе и, сдѣлавъ нѣсколько утомительныхъ переходовъ подъ зноемъ палящаго солнца, подошли къ Нахичевани. Главнокомандующій намѣренъ былъ самъ въѣхать въ городъ и ожидать торжественной встрѣчи со стороны населенія, но ожиданія были напрасны и пришлось вступить въ Нахичевань безъ всякой встрѣчи.

«Я предлагалъ Паскевичу, говоритъ Муравьевъ, учредить немедленно комендантство или полицію въ городѣ, назначивъ для сего чиновника; но онъ не понималъ мѣръ, клопящихся къ порядку, и былъ такъ обрадованъ завоеваніемъ сихъ развалинъ и хорошему для него помѣщенію, что совершенно оставилъ войска на произволь и дня два или три не выходилъ изъ ханскаго дворца, гдѣ онъ проводилъ время съ Бенкендорфомъ, сидя на коврѣ, и въ самыхъ короткихъ, противъ обыкновенія своего, сношеніяхъ со всѣми къ нему приходящими, смѣялся, шутилъ, потчивалъ донскимъ виномъ.

«Въ сіе время мы не имѣли ни разъѣздовъ настоящихъ, ни карауловъ, и онъ едва взглянулъ на Аббасъ-Абадскую крѣпость, ко-

торая изъ оконъ его была видна и находилась отъ него въ 8-ми верстахъ. Никакихъ мѣръ не было взято для осмотра оной, никто къ ней не подъѣзжалъ, и Бенкендорфъ, который, оставивъ свой авангардъ, поселился также во дворцѣ ханскомъ, удостоилъ только взглянуть изъ оконъ въ зрительную трубу на крѣпость, сказавъ: Ah! voilà donc Abbas-Abad, c'est cela Abbas-Abad? N'est-ce pas? Паскевичъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы войска были всѣ расположены у него подъ окнами. Корпусъ и сталъ на равнинѣ безъ соблюденія боеваго порядка, хотя мы и были въ виду непріятеля».

Среди отдыха въ Нахичевани и приготовленія къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ были произведены рекогносцировки Аббасъ-Абада и даже послано предложеніе сдать крѣпость, но персіяне отвѣчали, что они будутъ защищаться. Тогда Паскевичъ сталъ принимать мѣры къ осадѣ крѣпости. Между тѣмъ въ войскахъ усиливались болѣзни, госпитали не въ состояніи были помѣстить поступающихъ и смертность увеличилась. Продовольствіе было въ дурномъ состояніи и войска заготовляли его жатвою полей. Солдаты посылались жать и молоть, что, среди жары, крайне утомляло ихъ; скотъ сталъ также болѣть и войска лишались ежедневно до 80-ти быковъ.

При такихъ условіяхъ Паскевичъ рѣшился приступить къ осадѣ крѣпости и въ первыхъ числахъ іюля лагерь нашъ былъ переведенъ къ Аббасъ-Абаду, отъ котораго войска остановились верстахъ въ трехъ, правымъ флангомъ къ Араксу. Осада велась медленно и не вполне удачно; первая параллель была заложена далеко и стрѣльбою изъ батарейныхъ орудій сбили тоненькую стѣнку, толщиною не болѣе какъ полъ-аршина, которою обведенъ былъ верхъ бруствера, и назвали сіе брешью.

«Въ сію первую ночь работъ, пишетъ Муравьевъ, Паскевичъ самъ поѣхалъ смотрѣть оныя и, видя, что люди работаютъ очень лѣнливо, разсердился и схватилъ за воротъ маіора Бельфорта, который тутъ начальствовалъ. Онъ перетащилъ его черезъ ровъ и наговорилъ ему множество непріятностей; но послѣ того однакоже, узнавъ, что онъ былъ маіоръ, извинился передъ нимъ. Тутъ онъ, пробѣгая мимо рабочихъ, наткнулся ночью на штыкъ и крѣпко укололся, но не жаловался и не показывалъ никогда вида, что у него нога болитъ».

Осадныя работы велись самымъ неудовлетворительнымъ образомъ: траншеи едва закрывали человѣка, ровъ былъ шириною аршина въ полтора, батареи были построены такъ, что впередилежащій бугоръ препятствовалъ стрѣлять по крѣпости. Въ такомъ положеніи Муравьевъ предложилъ главнокомандующему назначить распоряди-

телями работъ: для лѣваго берега рѣки — полковника Бурцова, а для праваго — полковника Бородина. Дѣло приняло совершенно другой видъ и въ работахъ оказался настолько большой успѣхъ, что персіяне стали ожидать скорого штурма.

Вечеромъ, 4-го іюля, было получено извѣстіе, что Аббасъ-Мирза съ большими силами собирался подъ Джаванъ-Булакомъ и намѣренъ атаковать насъ, чтобы освободить крѣпость отъ осады. Паскевичъ, собравъ поспѣшно войска, переправился на правый берегъ Аракса, а въ траншеяхъ остались Бурцовъ и князь Вадбольскій съ небольшою частью войскъ.

«Паскевичъ при выступленіи своемъ изъ лагеря былъ такъ уже смущенъ, что не зналъ, что ему и предпринять съ осадю: то онъ хотѣлъ ее бросить, то хотѣлъ удержать, и все сіе смущеніе произошло отъ нѣсколькихъ тысячъ персидскихъ всадниковъ, показавшихся за Араксомъ верстахъ въ десяти. Наконецъ, онъ уѣхалъ, ничего не приказавъ. Кто вздумалъ, тотъ присоединился изъ траншеи къ полку; кто остался хотѣлъ, тотъ остался».

Отойдя верстъ пятнадцать, замѣтили непріятеля, стоявшаго на противолежащихъ высотахъ съ 10,000 — 12,000 конницы. Паскевичъ, по обыкновенію своему, приказалъ остановиться. «День былъ чрезвычайно жаркій, говоритъ Муравьевъ, воды съ нами не было и люди крайне утомились. Не знаю, съ какою цѣлью Паскевичъ выдержалъ насъ въ семь положеній нѣсколько часовъ; онъ всегда дѣлалъ это предъ непріятелемъ. Иные объясняютъ сіе какъ обдуманнѣйшій поступокъ, имѣющій какія-то непонятныя для меня цѣли; я же приписываю сіе просто къ нерѣшимости его, которую онъ всегда и во всѣхъ случаяхъ показывалъ».

Персіяне выдвинули впередъ четыре орудія и открыли огонь. Орудія эти стояли одиноко и легко могли быть захвачены уланскою бригадою, во главѣ которой стояли генералы Бенкендорфъ, Розентъ и Сакентъ, но они не двинулись съ мѣста. Полковникъ Раевскій съ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ атаковалъ непріятеля, который, спѣшившись, сталъ отстрѣливаться; драгуны тоже спѣшились и завели перестрѣлку. Тогда для поддержанія драгунъ былъ двинутъ влѣво князь Эристовъ съ колонною. Онъ двинулся прямо съ барабаннымъ боемъ, хотя приходилось идти версты три до непріятеля. Конечно, персіяне не приняли боя и стали отступать; наша конница преслѣдовала ихъ верстъ 10 и захватила нѣсколько плѣнныхъ и знаменъ.

«Полагаютъ, пишетъ Н. Н. Муравьевъ, что если бы въ тотъ день

преслѣдовали персіянъ далѣе, то война и кончилась бы тѣмъ; ибо извѣстно, что шахъ, стоявшій съ многочисленнымъ войскомъ близъ Чорса (что верстахъ въ 20-ти позади Аббасъ-Мирзы), видя бѣгство своего сына, поднялся съ лагера въ ужасномъ безпорядкѣ и бѣжалъ со всѣмъ своимъ войскомъ; но, узнавъ, что за нимъ не гонятся, возвратился опять въ Чорсу.

«Къ вечеру войска получили приказаніе возвратиться. Правда, что они были слишкомъ изнурены. Побѣгъ шаха не былъ извѣстенъ. Не знали также, что дѣлалось или что могло случиться при осадномъ лагерѣ и потому нельзя винить Паскевича въ томъ, что онъ далѣе не гнался за персіянами. Мы шли обратно ночью, прошли около 20-ти верстъ безъ воды и безъ дороги, и пришли, наконецъ, къ вагенбургу, гдѣ оставшійся комендантъ главной квартиры, маіоръ Медоксъ, сбилъ все въ одну непроходимую кучу. Палатки, повозки, арбы, лошади, все было смѣшано, и, точно, никакая конница не проскочила бы черезъ сей хаосъ, который едва распутали на другой день, дабы стать лагеремъ порядочно».

Послѣ удачнаго сраженія 5-го іюля подъ Джаванъ-Булакомъ гарнизонъ Аббасъ-Абада окончательно отказывался защищать крѣпость. Начались тайные переговоры съ начальниками гарнизона и, наконецъ, Аббасъ-Абадъ сдался, «Богъ знаетъ, какъ и зачѣмъ, прибавляетъ Муравьевъ, ибо она (крѣпость) могла еще долго держаться и мы истощили бы передъ нею послѣднія силы войскъ нашихъ. Удачу сію никоимъ образомъ нельзя приписать искусству вождя нашего».

Познакомивъ съ особенностями характера Паскевича, характера, извѣстнаго читателямъ «Военнаго Сборника» (1), Н. Н. Муравьевъ переходитъ къ дальнѣйшему описанію военныхъ дѣйствій.

Въ половинѣ іюля пріѣхалъ въ Аббасъ-Абадъ генераль-лейтенантъ Сухтеленъ для занятія должности начальника штаба. «Сухтеленъ, повидимому, былъ человекъ весьма добрый, обходительный, но никогда не служилъ и не разумѣлъ дѣла». Онъ полагалъ, что на его обязанности будутъ лежать только вопросы по передвиженію войскъ и стратегическія соображенія, но не ожидалъ занятій по внутреннему устройству ихъ, по госпитальной части, продовольствію, транспортамъ и вообще по хозяйству войскъ. Онъ желалъ возложить все это на попеченіе Муравьева, но когда тотъ отказался, то принужденъ былъ волей не-волей окупнуться въ бездну мелочныхъ распоряженій.

(1) См. «Военный Сборникъ» 1888 г., №№ 1-й—8-й.

Муравьевъ съ точностью исполнялъ всѣ порученія Сухтелена и достигъ того, что сложилъ съ себя всякую отвѣтственность.

«Я тогда только отдохнулъ, говорить онъ, отъ непрерывныхъ трудовъ своихъ, ибо не находился болѣе въ прямыхъ сношеніяхъ съ Паскевичемъ, который скоро началъ дѣлать Сухтелену самыя оскорбительныя огорченія, оставляя меня уже въ сторонѣ... Паскевичъ всякій вечеръ собиралъ всѣхъ къ себѣ говорить о дѣлахъ. Тутъ проводили, какъ въ Тифлисѣ передъ выступленіемъ его, часть ночи въ совершенномъ бездѣйствіи, перенося только его оскорбленія».

Всѣ эти разговоры вели лишь къ запутанности плана дальнѣйшихъ дѣйствій. Для укрытія отъ губительной жары одни совѣтовали укрыться въ одномъ мѣстѣ, другіе—въ другомъ и, наконецъ, Сухтеленъ совѣтовалъ, до начала осенней кампаніи, отступить въ Карабабу, что и было принято Паскевичемъ, «хотя и съ неудовольствіемъ». Между тѣмъ, въ лагерь прибылъ посланный Аббасъ-Мирзою для переговоровъ, Мирза-Сале. Главнокомандующій, желая скрыть какъ отъ него, такъ и отъ персіянъ, свое отступление, употребилъ такой маневръ. Отправляя Грибоѣдова въ Чорсу, для выясненія персидскихъ предложеній, Паскевичъ приказалъ Бенкендорфу съ кавалеріею проводить Грибоѣдова на нѣкоторое разстояніе за р. Араксъ, а самъ съ пѣхотою отступилъ отъ Аббасъ-Абада къ Нахичевани, какъ будто первый отрядъ могъ скрыть движеніе втораго.

«Изобрѣтеніе сіе было приведено въ исполненіе, пишетъ Н. Н. Муравьевъ, и, разумѣется, безъ малѣйшаго успѣха, ибо, кромѣ того, что отступление наше было уже напередъ извѣстно персіянамъ, они имѣли свѣдѣніе и отъ лазутчиковъ. Подобное движеніе можетъ скрыться сими средствами на полѣ сраженія, въ дыму, и то не болѣе одного часа; но скрыть оное на цѣлыхъ переходахъ, въ открытыхъ мѣстахъ, и скрывать оное нѣсколько дней, есть мысль, которая могла придти только въ голову Паскевича».

Карабаба было небольшое селеніе, расположенное въ ущельи, имѣющемъ около трехъ верстъ ширины. По прибытіи туда войскъ, Сухтеленъ настоялъ, чтобы сдѣлать укрѣпленный лагерь, какъ будто можно было ожидать, чтобы персіяне насъ атаковали. Мѣсто для лагера было выбрано неудобное, какъ по нездоровому климату, такъ и по затруднительной доставкѣ продовольствія. Для прохода транспортовъ пришлось разработывать сначала одну, а потомъ другую дорогу. Болѣзненность и смертность развивались въ войскахъ быстро. Больныхъ отправляли челоѣкъ по 300 и 500 въ Гюрюсы, верстъ 80 отъ

Карабабы, за горами. Воображали, что тамъ былъ госпиталь, а на самомъ дѣлѣ это былъ только указанный пунктъ для своза больныхъ. Отправленіе больныхъ «превышало все, что можно себѣ вообразить: несчастныхъ клали на арбы, безъ всякихъ средствъ и помощи. Отъ неясности отдаваемыхъ приказаній случалось, что они по цѣлымъ суткамъ ждали конвоя или самаго отправленія, а иногда и двое сутокъ, ибо никто не имѣлъ ни до кого доступа съ испрошеніемъ разрѣшенія насчетъ предметовъ, до службы касающихся».

Въ трудный переѣздъ черезъ горы умирало до 80-ти человѣкъ, которыхъ и зарывали на дорогѣ; остальныхъ сваливали въ Гюрюсахъ, гдѣ не было заготовлено въ достаточномъ количествѣ ни пищи, ни платья, ни аптеки, ни медицинскихъ чиновъ. Смертность и безпорядки по госпитальной и продовольственной частямъ смутили Паскевича и онъ не зналъ, за что приняться и на что рѣшиться. Непомѣрные требованія подводъ и провіанта привели въ истощеніе жителей Карабабы и сосѣднихъ провинцій. Довольствоваться средствами края было невозможно: кромѣ множества людей и строевыхъ лошадей, мы потеряли большую половину транспортнаго скота, казенныхъ погонщиковъ и почти всѣхъ вьючныхъ верблюдовъ.

По свидѣтельству Муравьева, четверть хлѣба съ доставкой въ Карабабу обходилась по 20 руб. серебромъ. Паскевичъ подозрѣвалъ всѣхъ «въ недѣятельности и плутовствѣ, тогда какъ плутовство происходило передъ глазами его въ главной квартирѣ отъ комисионеровъ, наживавшихся непомѣрно въ безпорядкахъ, имъ допускаемыхъ, или, вѣрнѣе сказать, даже производимыхъ». Чтобы сколько нибудь подвинуть впередъ вопросъ о продовольствіи, Паскевичъ отправился самъ въ Гюрюсы. Тамъ онъ не нашелъ госпиталя, а нашелъ брошенные развалившіяся казармы 42-го егерскаго баталіона, въ которыя и свозились всѣ больные. Хотя главнокомандующій и принялъ мѣры къ обезпеченію госпиталя всѣмъ необходимымъ, но онъ могъ придти въ нѣкоторое устройство не ранѣе половины августа. Въ Гюрюсахъ Паскевичъ призвалъ къ себѣ магальнаго бека и, разбранивъ его за недѣятельность, началъ самъ торговать хлѣбъ и скотъ, причемъ бывшіе при немъ переводчики порядочно нажились. При такомъ порядкѣ вещей могъ-ли быть успѣхъ?

«Сердясь за медленность, пишетъ Муравьевъ, Паскевичъ не переставалъ писать предписанія Абхазову (управлявшему Карабагомъ) и требовалъ то 5,000, то 6,000, то 500 четвертей хлѣба въ самое короткое время, какъ будто бы о затрудненіяхъ и не было извѣстно. Предписанія сіи одни другимъ противорѣчили, и Абхазовъ рѣшился

уже болѣе не обращать вниманія, а продолжать безъ развлеченія занятія свои о продовольствіи войскъ по прежнимъ распоряженіямъ».

Пробывъ три дня въ Гюрюсахъ, Паскевичъ отправился обратно въ Карабабу и занялся обученіемъ войскъ штурмовать крѣпости, при помощи лѣстницъ, привезенныхъ изъ Тифлиса. Поставивъ въ Карабабскій замокъ гарнизонъ, онъ приказалъ ему отстрѣливаться, а прочія войска, раздѣленные на колонны, открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудій. Черезъ полчаса они двинулись на штурмъ съ барабаннымъ боемъ. Видъ былъ превосходный и смѣльчаки быстро взобрались на стѣны, гдѣ находился и самъ главнокомандующій. Подготовляя такимъ образомъ войска, Паскевичъ намѣренъ былъ съ наступленіемъ сентября идти прямо къ Тавризу, но измѣнившаяся обстановка не позволила ему привести въ исполненіе свое намѣреніе.

Давно уже носился слухъ, что Аббасъ-Мирза, съ большею частью своихъ войскъ, намѣренъ былъ двинуться къ Эривани. Вскорѣ получено было извѣстіе, что остававшійся съ осаднымъ корпусомъ у Эривани генераль Красовскій имѣлъ горячее дѣло съ персіянами. Паскевичъ долгое время былъ въ нерѣшительности: ему не хотѣлось отказать отъ движенія къ Тавризу и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опасался, чтобы персіяне не вторглись въ Грузію со стороны Памбакъ. Дѣйствительно, если бы персидскій принцъ былъ нѣсколько предприимчивѣе, онъ могъ бы со своею конницею въ нѣсколько дней добраться до Тифлиса, не встрѣтивъ нигдѣ препятствія, ибо послѣ сраженія 17-го августа, подъ Ушаганомъ, Красовскій остановился у Эчміадзина, а Аббасъ-Мирза былъ на дорогѣ въ Грузію.

«Онъ долженъ бы былъ, говорить Н. Н. Муравьевъ въ своихъ запискахъ, напасть на транспорты и осадную артиллерію, растянувшіеся въ переходѣ черезъ горы на большое пространство, и если бы находившійся въ прикрытіи сихъ обозовъ Кабардинскій пѣхотный полкъ (вновь пришедшій съ линіи) и въ состояніи былъ его удержать, то, минуя большую дорогу, персидская конница все-таки могла бы безпрепятственно пройти до Тифлиса и, разоривъ всѣ селенія, истребить всѣ шедшія къ намъ тяжести и продовольствіе, лишить насъ и средствъ къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ, а между тѣмъ, разгромить и самый Тифлисъ. Конница сія быстро могла бы промчатся черезъ Елисаветполь и, присоединивъ къ себѣ всѣ татарскія племена, нами недовольныя и ожидающія только возмутителей, чтобы подняться, пройти черезъ Карабагъ и, переправясь у насъ въ тылу, черезъ Араксъ, возвратиться въ Персію съ большою добычею и безъ

всякаго вреда. Но Аббасъ-Мирза не былъ рожденъ для подобнаго подвига, и подвигъ сей не состоялся, хотя объ ономъ и была рѣчь въ совѣтъ его.

«Движеніе Аббасъ-Мирзы отъ Хоя къ Эривани есть одно изъ лучшихъ соображеній, какое могъ сдѣлать начальникъ, на его мѣстѣ находящійся. Будь у него не персидскія войска, онъ истребилъ бы отрядъ Красовскаго, отбилъ бы осадную артилерію, которая тянулась на большомъ пространствѣ по горахъ, захватилъ бы все продовольствіе наше, освободилъ бы Эривань и разгромилъ бы всю Грузію и самый Тифлисъ. Тогда Паскевичъ, остававшійся со своимъ большимъ войскомъ въ непріятельскихъ границахъ, имѣя въ тылу возмущенный край и непріятельскую армію, самъ безъ средствъ продовольствія и даже вѣрнаго сообщенія съ Грузіею (ибо дорога черезъ Салварты была очень неудобна) едва ли въ состояніи былъ бы возвратиться и мы могли потерять совершенно Грузію».

Всѣ эти соображенія заставляли главнокомандующаго двинуться немедленно къ Эривани и въ Карабабѣ былъ оставленъ ничтожный отрядъ генераль-лейтенанта Эристова, начальникомъ штаба которому былъ назначенъ полковникъ Н. П. Муравьевъ. Послѣднему поручено было распечатывать всѣ бумаги, которыя были адресованы на имя главнокомандующаго даже изъ Петербурга, и дѣлать исполненіе по тѣмъ, которыя зависѣли отъ начальника корпуснаго штаба.

Вечеромъ, 27-го августа, войска выступили изъ Карабабы и Муравьевъ, довольный тѣмъ, что разстался, наконецъ, съ Паскевичемъ, сталъ помышлять о занятіи Тавриза. Прежде всего Муравьевъ осмотрѣлъ лагерь и принялъ мѣры къ тому, чтобы стянуть войска и занять выгодную позицію, въ случаѣ нападенія непріятеля. Оставленные въ Карабабѣ войска были малочисленны и состояли изъ двухъ баталіоновъ Тифлискаго полка, въ которыхъ числилось всего 800 человекъ; при отрядѣ состояло до 800 человекъ больныхъ и 5,000 четвертей провіанта, требовавшихъ охраненія. Вскорѣ получено было извѣстіе, что персидская конница, переправившись черезъ Араксъ противъ Шаруля, грабитъ селенія между Нахичеваномъ и Эриванью, и занимается сборомъ продовольствія въ богатыхъ хлѣбомъ деревняхъ Шарульскихъ. Карапапахцы, передавшіеся прежде къ намъ, опять перешли на сторону персіянъ. Носились слухи, что Аббасъ-Мирза, получивъ свѣдѣнія о малочисленности войскъ въ Карабабѣ, намѣренъ былъ атаковать ихъ всѣми своими силами.

Послѣ этихъ извѣстій нельзя было ожидать непріятеля въ Карабабѣ, а необходимо было идти впередъ и смѣлымъ нападеніемъ за-

ставить персіянь отступить. 11-го сентября карабаскій отрядъ выступилъ и, пройдя семь верстъ, остановился на выгодной позиціи, при скрещиваніи двухъ дорогъ, одной—изъ Нахичевани, а другой—изъ Хоя, откуда можно было ожидать Аббасъ-Мирзу. Здѣсь было получено предписаніе главнокомандующаго отъ 8-го сентября, въ которомъ указывались карабаскому отряду цѣли дѣйствій.

«Если бы непріятель съ нынѣшними его силами, писалъ Паскевичъ, не имѣя много пѣхоты, сталъ бы передъ вами дѣлать движенія, то, собравъ всѣ силы ваши и оставивъ только около двухъ ротъ для гарнизона Аббасъ-Абадскаго, если онъ противъ васъ пойдетъ, атакуйте его рѣшительно. Ежели же онъ расположился въ какомъ нибудь крытомъ ущельѣ, или другой какой выгодной позиціи, которую атаковать было бы ненадежно, или если бы онъ силы свои значительно увеличилъ присоединеніемъ къ себѣ другихъ отрядовъ, то довольствуйтесь наблюдать за нимъ, занимая, по усмотрѣнію вашему, позицію на Араксѣ, или при Нахичевани, дабы отвлечь его вниманіе отъ Эривани.

«Угрожайте тавризской дорогѣ переходомъ черезъ Араксъ и во всякомъ случаѣ старайтесь не допускать его сюда направиться, дабы онъ не могъ замедлить здѣсь (у Эривани) осадныхъ работъ; въ случаѣ если бы онъ пошелъ къ Эривани, то послѣдуйте за нимъ до самаго Шаруля, стараясь меня заблаговременно о томъ увѣдомить».

Очевидно, что Паскевичъ хотѣлъ покончить сначала съ Эриванью и, сообразно съ этимъ, давалъ инструкціи карабаскому отряду. Последній, 12-го сентября, передвинулся ближе къ Нахичевани и, не доходя 12-ти верстъ до города, остановился у сел. Кюльтепе. Такимъ образомъ, для парализованія намѣреній Аббасъ-Мирзы наши войска были расположены слѣдующимъ образомъ: центръ позиціи составлялъ Нахичевань, гдѣ стоялъ отрядъ Сакена, обращенный лицомъ къ Хою и Эривани; правѣ Сакена въ Кюльтепе стоялъ карабаскій отрядъ, составлявшій правый флангъ, и на такомъ же разстояніи отъ центра влѣво, на Араксѣ, былъ гарнизонъ Аббасъ-Абада, составлявшій лѣвый флангъ нашего расположенія. Въ случаѣ движенія непріятеля на Нахичевань, онъ могъ быть атакованъ во флангъ, и съ этою цѣлью Муравьевъ принялъ мѣры къ осмотру дорогъ. Между тѣмъ, къ отряду прибыла конница князя Чавчавадзе и баталіонъ пѣхоты. Тогда князь Эристовъ двинулся изъ Кюльтепе къ Нахичевани, гдѣ и соединился съ Сакеномъ. Непріятель медленно подходилъ къ этому пункту и въ половинѣ сентября передовые его посты показались у караульной башни въ семи верстахъ отъ Нахичевани.

Зная по опыту, что персіянь нельзя будетъ настичь, если не допустить ихъ близко, рѣшено было не торопиться движеніемъ впередъ, и встрѣтить непріятели въ боевомъ порядкѣ, состоящемъ изъ двухъ линій пѣхоты въ колѣнахъ, одной линіи кавалеріи за пѣхотою и резерва пѣхоты въ четвертой линіи.

«Симъ боевымъ порядкомъ, пишетъ Муравьевъ, можно было навести на себя непріятели, не заводя пустой перестрѣлки, удержать его стремленіе сильною артилеріею, поставленною въ интервалахъ колоннъ первой линіи и обогнуть его фланги быстрою атакою кавалеріи, коль скоро дѣйствіе артилеріи начинало бы его приводить въ разстройство. Симъ боевымъ порядкомъ, кромѣ вышеназванныхъ выгодъ, обезпечивались еще фланги и тылъ, при коихъ имѣются также орудія. Боевой порядокъ сей можно уподобить густому каре, коего передній фасъ самый сильный и въ срединѣ коего находится вся конница, или сокрыты средства къ преслѣдованію съ достиженіемъ разстроеннаго артилеріею непріятели».

Всѣ силы наши не превышали 5,000 человекъ. Отправивъ по лѣвому берегу Аракса Черноморскую бригаду съ Долгорукимъ, Муравьевъ приказалъ ему отыскать бродъ черезъ Араксъ, переправиться на правый берегъ и дѣйствовать въ тылъ непріятели. Вслѣдъ за тѣмъ отдано было приказаніе выступить и всему отряду къ караульной башнѣ. При первомъ нашемъ появленіи персіяне стали отступать и были преслѣдуемы Сакеномъ до брода Кейгачъ. При этомъ бродѣ, на обоихъ берегахъ Аракса было по бугру на каждомъ, и Аббасъ-Мирза, переправившись черезъ рѣку, занялъ бугоръ на правомъ берегу, поставилъ на него пѣхоту и сталъ окапываться. «Но такъ какъ для работъ сихъ не имѣлъ онъ ни времени, ни (какъ кажется) инструмента, то и успѣлъ онъ только нѣсколько взрыть землю штыками, не сдѣлавъ никакого укрѣпленія. Онъ самъ находился на семь бугрѣ, на коемъ его видѣли на сѣромъ конѣ». Кавалерія его прикрывала четыре орудія, поставленныя въ кустахъ, и дѣйствіемъ которыхъ Аббасъ-Мирза думалъ остановить насъ, дабы имѣть время отправить назадъ къ Хою свои тяжести.

Послѣ канонады, продолжавшейся довольно долгое время, подошла наша пѣхота и персіяне начали тотчасъ же отступать. Переправившись черезъ рѣку, войска были остановлены, такъ какъ наступали уже сумерки и люди очень устали послѣ 25-ти-верстнаго труднаго перехода. Тѣмъ не менѣе рѣшено было дать людямъ отдыхъ и затѣмъ, ночью, пуститься въ погоню за Аббасъ-Мирзою. Отрядъ отдыхалъ около 3—4 часовъ, потомъ выступилъ въ темную

ночь, сбился съ пути и когда стало разсвѣтать, то съ прискорбіемъ увидѣли, что отошли отъ Аракса не болѣе двухъ верстъ. 15-го числа Аббасъ-Мирза былъ уже въ Шахъ-Булагъ и ничего не могъ предпринять, какъ оказалось впоследствии. Отъ сильнаго перехода, большаго числа больныхъ, недостатка продовольствія, а главное, отъ упадка духа войска его разсыпались: множество людей бѣжало по домамъ и въ распоряженіи наслѣдника персидскаго престола остался только одинъ баталіонъ, сформированный изъ бѣглыхъ нашихъ солдатъ. Хотя онъ и получилъ извѣстіе о движеніи русскихъ къ Каразадзину, находившемуся на прямомъ пути къ Хою, но остановить это движеніе или задержать его былъ не въ силахъ.

«Мы, пишетъ Муравьевъ, подвигались цѣлый день по безводнымъ мѣстамъ, гдѣ не было замѣтно никакого произрастанія, и имѣли отъ сильнаго и труднаго перехода сего много усталыхъ. Мы потеряли также нѣкоторое число лошадей, ибо онѣ были очень изнурены бѣжаніемъ прошлаго дня, послѣ котораго простояли ночь безъ корма. Не менѣе того, отрядъ нашъ шель въ большомъ порядкѣ: всякая часть войскъ и всѣ начальники на своихъ мѣстахъ; усталыхъ подбирали и подсаживали на казачьихъ лошадей, такъ что отрядъ нашъ даже не растянулся».

По сторонамъ и вдали отъ отряда замѣчались отдѣльные всадники, слѣдившіе за нашимъ движеніемъ. По временамъ они вступали въ перестрѣлку, но лишь только выслались противъ нихъ казаки, какъ персіане быстро отступали и скрывались. По этому Муравьеву не представлялось никакихъ затрудненій привести свой планъ въ исполненіе, т. е. «двигаться впередъ, угрожая Хою или Хойской дорогѣ съ тѣмъ, чтобы заставить Аббасъ-Мирзу описывать внѣшнюю линію по труднымъ дорогамъ, для предупрежденія насъ въ Хоѣ, посредствомъ чего онъ былъ отброшенъ отъ Эривани и войско его изнурялось и уничтожалось; а въ случаѣ встрѣчи съ нимъ, атаковать его и разбить».

Занявъ Каразадзину, мы перерѣзали сообщенія Аббасъ-Мирзы съ тѣми его войсками, которыя въ теченіе трехъ дней онъ могъ притянуть къ себѣ изъ Дарадизскаго ущелья и тѣмъ значительно усилиться. Персидскій принцъ принужденъ былъ пройти окольными путями въ Курульское ущелье и преслѣдовать его тамъ не было никакой цѣли, а потому и рѣшено было отступить къ Аббасъ-Абаду, куда отрядъ и прибыть 19-го сентября. На слѣдующій день отрядъ перешель къ Нахичевани, чтобы запастись средствами и приготовить къ новой экспедиціи; кавалерія же была отправлена верстъ

20 впередь, на р. Аланджу, гдѣ былъ хорошій подножный кормъ. «Тайное мое намѣреніе было взять Тавризь, пишетъ Муравьевъ; но я гласно не говорилъ о семъ, хотя и видѣлъ всѣхъ начальниковъ готовыми къ сему предпріятію».

Нѣскольکو дней отдыха и пребыванія въ лагерѣ, изобильномъ продовольствіемъ, фуражемъ и водою, оживили людей и лошадей. Всѣ были готовы къ новому походу, бодры, веселы, какъ обыкновенно бываетъ въ лагеряхъ передъ наступленіемъ. Извѣстіе о взятіи Паскевичемъ Сардаръ-Абада еще болѣе ободрило отрядъ и все предвѣщало полный успѣхъ. Приступая затѣмъ къ осадѣ Эривани, Паскевичъ требовалъ, чтобы отрядъ князя Эристова ни въ какомъ случаѣ не дозволилъ Аббазъ-Мирзѣ оказать помощь осажденнымъ. 28-го сентября отрядъ Эристова переправился черезъ Араксъ, нѣскольکو ниже Джульфы, прошелъ черезъ Дарадизское ущелье, Гергеры, и вышелъ на обширную Марандскую равнину, усѣянную деревьями. 3-го октября войска вступили въ г. Марандъ и Муравьевъ тотчасъ же отправилъ въ Тавризь нѣскольکو экземпляровъ прокламаціи, которою обезпечивались лица и собственность жителей. «Казалось, говоритъ онъ, что большая часть жителей расположена была насъ принять. Я дѣйствовалъ и черезъ муждегита, писалъ къ нему, надѣясь на вліяніе, которое сія духовная особа могла имѣть въ народѣ, но не получилъ никакого удовлетворительнаго отвѣта отъ сего человѣка, перѣшительнаго, довольно глупаго и не пользовавшагося, какъ я полагалъ сначала, особенною довѣренностію и уваженіемъ въ народѣ».

Тѣмъ не менѣе наступленіе на Тавризь было рѣшено, несмотря на то, что на нашемъ правомъ флангѣ показался Аббасъ-Мирза со своими войсками и передовые его посты подѣзжали на разстояніе 15—20 верстъ отъ Маранды. Вечеромъ 5-го октября, были получены вѣрныя извѣстія о движеніи Аббасъ-Мирзы на нашъ тылъ по направленію къ Дарадизу. Лежавшая въ тылу нашемъ большая дорога была уже занята передовыми персидскими всадниками. Высланные наши легкіе отряды заставили Аббасъ-Мирзу отказаться отъ своего намѣренія и затѣмъ отрядъ нашъ, оставивъ Марандскій лагерь, двинулся впередъ. Болѣе всего опасались, чтобы Паскевичъ не вернулся назадъ, но распоряженіе объ этомъ послѣдовало тогда, когда Тавризь былъ уже взятъ.

Сдѣлавъ переходъ въ 35 верстъ, отрядъ 10-го октября остановился въ сел. Софіанъ, въ 40 верстахъ отъ Тавриза, старая цитадель котораго была уже видна.

«12-го числа, пишетъ Муравьевъ, мы прошли около 25-ти верстъ

утомительною Тавризскою равниною и пришли къ деревнѣ Сагланъ. По всей дорогѣ жители толпами выходили къ намъ на встрѣчу и, принося въ даръ жертвы, подавали надежду, что завладѣніе Тавриза не подвержено сомнѣнію. Но въ лагерѣ у насъ мнѣнія были различны; иные заговаривали даже, чтобы болѣе не идти впередъ. Князь Эриванскій тутъ показался въ первый разъ твердымъ: онъ громко и смѣло объявилъ, что, пришедши въ Сагланъ, уже не должно болѣе было помышлять о возвращеніи, а взять, во чтобы то ни стало, Тавризъ, и какъ онъ (Эриванскій) ни былъ страненъ и смѣшонъ, но рѣшеніе сіе не подверглось ничему осужденію.

По полученнымъ извѣстіямъ, Аббасъ-Мирза тянулся на выручку Тавриза, и потому необходимо было спѣшить дѣйствіями. Н. Н. Муравьевъ обратился къ муждегиту, но тотъ требовалъ три дня на размышленіе. Тогда рѣшено было быстро двинуться впередъ и овладѣть городомъ. 13-го октября войска остановились въ пяти верстахъ отъ Тавриза, на р. Аджи-чай. Начальникъ гарнизона Алаяръ-ханъ пренятствовалъ старшинамъ города выдти къ намъ на встрѣчу, и, встрѣтивъ въ этомъ сопротивленіе, рѣзалъ уши, носы и выкалывалъ глаза. Несмотря на то, лишь только наши войска показались въ виду города, какъ сарбазы разбѣжались, и Алаяръ-ханъ принужденъ былъ скрыться въ одномъ изъ домовъ городского предмѣстья. Тогда жители цѣлыми толпами вышли на встрѣчу и оказывали величайшую радость при видѣ русскихъ. Войска двинулись въ городъ и остановились лагеремъ между крѣпостью и предмѣстьемъ; цитадель и крѣпость были заняты нашими войсками. Въ крѣпости найдено много орудій, боевыхъ припасовъ, продовольствія и взято нѣсколько плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Алаяръ-ханъ. Дворецъ Аббасъ-Мирзы былъ разграбленъ самими персіянами, литейный дворъ и пороховой заводъ уничтожены нами, а на пушечномъ дворѣ было вылито нами два орудія со стемпелемъ «Тавризъ», которыя и отправлены въ Россію.

14-го октября всѣ войска были собраны на гласисѣ. При огромномъ стеченіи народа, въ присутствіи мулль, всѣхъ сановниковъ и англійскихъ чиновниковъ былъ отслуженъ молебень, по случаю взятія Эривани. Объ этомъ событіи былъ объявленъ особый приказъ Паскевича отъ 1-го октября 1827 года.

«Храбрые товарищи! писалъ онъ. Вы много потрудились за царскую славу, за честь русскаго оружія. Я былъ съ вами днемъ и ночью свидѣтелемъ вашей бодрости неусыпной, мужества непоколебимаго; побѣда вездѣ васъ сопровождала. Въ четыре дня взяли вы Сардаръ-

Абадъ, въ шесть Эривань, ту знаменитую твердыню, которая слыла неприступнымъ оплотомъ Азіи. Цѣлые мѣсяцы ее прежде сего осаждали, и въ народѣ шла молва, что годы нужны для ея покоренія. Вамъ стоило провести нѣсколько ночей безъ сна, вы разгромили стѣны ея, стали на краю рва и навели ужасъ на ея защитниковъ. Эривань пала передъ вами, и нѣтъ намъ болѣе противниковъ въ цѣломъ персидскомъ государствѣ (?). Гдѣ ни пойдете, толпы непріятелей исчезнутъ передъ завоевателями Аббасъ-Абада, Сардаръ-Абада и Эривани. Города отворятъ ворота свои, жители явятся къ вамъ покорными. Вы ихъ всздѣ щадили, и они, угнанные своими утѣснителями, теперь отовсюду собираются подъ великодушную защиту нашу. Россія будетъ вамъ признательна, что поддержали ея величіе и могущество. Сердечно благодаренъ вамъ; поздравляю васъ, храбрые офицеры и солдаты кавказскаго корпуса! Мой долгъ довести Великому Государю истину о подвигахъ и трудныхъ походахъ, о славныхъ дѣлахъ вашихъ. Въ нынѣшнюю кампанію вы овладѣли двумя областями. Восемь знаменъ, 50 пушекъ, два сардаря, 20 хановъ, 6,000 плѣнныхъ сарбазовъ и 10,000 разбѣянныхъ, бросившихъ оружіе, многочисленныя запасы продовольствія и снарядовъ — вотъ добыча, вами завоеванная. Но прежде всего Богу Всевышнему благодарность, Подателю успѣховъ и побѣдъ».

Прославивъ такимъ образомъ свою побѣду подъ Эриванью, Паскевичъ очень холодно отозвался о занятіи Тавриза и приписалъ все Эривани. Онъ доносилъ, что извѣстіе о покореніи Эривани произвело самое удручающее вліяніе на персіянъ, что побѣги въ войскахъ Аббасъ-Мирзы усилились и что потому жители Тавриза рѣшились не защищаться. Все это происходило отъ того, что главнокомандующій желалъ самъ занять Тавризь и былъ недоволенъ преждевременнымъ его занятіемъ. 12-го октября онъ писалъ Эриваню, что находитъ движеніе его съ незначительнымъ отрядомъ преждевременнымъ. «Слѣдуя самъ къ Тавризу, писалъ Паскевичъ князю Эриваню, съ главнымъ отрядомъ и въ сопровожденіи парковъ и транспортовъ, могущихъ единственно обезпечить основательное наступательное дѣйствіе, вашему сіятельству долженствовало довольствоваться твердыми занятіями Дарадизскаго ущелья, обезпечить мое приближеніе и заготовленіемъ запасовъ облегчить маршъ моей колонны. Теперь я опасаюсь, дабы съ вами не случилось, какъ передъ симъ съ генералъ-лейтенантомъ Красовскимъ, и что я вынужденъ буду поправлять дѣла неблагоприятныя, отъ неосторожной отважности происшедшія; ибо ваше сіятельство изъ вида упускаете, что на дальнемъ разстояніи отъ

Аракса до Софіана или Тавриза, имѣя еще непріятеля по обоимъ флангамъ дороги, вы подвергаете себя не только потерять всякое сообщеніе, но и меня нападеніямъ непріятельской кавалеріи на транспорты, слѣдованія которыхъ, число войскъ со мною прибывшихъ, совершенно прикрыть не дозволяетъ. Вслѣдствіе чего, предписываю вашему сіятельству, буде вы еще далѣе не подвинулись, то, оставаясь у Маранды, занять Дарадзинское ущелье надежнымъ отрядомъ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній».

Какъ это предписаніе противорѣчитъ донесенію главнокомандующаго о легкости, съ которою взять Тавризь, мы полагаемъ разъяснять нѣтъ необходимости. Паскевичъ нарочно пугалъ князя Эристова предпріимчивостью непріятеля, чтобы только лишить его возможности занять Тавризь, ранѣе прибытія главныхъ силъ.

Спустя нѣсколько дней, по занятіи города, войска были выведены за городъ въ лагерь и остановились на площадкѣ по Тегеранской дорогѣ. Наступали холода; сталъ ощущаться недостатокъ въ топливѣ и за невозможностью достать его, разрѣшено было рубить садъ, только-что разведенный Аббасъ-Мирзою. вмѣстѣ съ тѣмъ, были приняты мѣры къ учрежденію временнаго правленія въ занятомъ городѣ. Назначенный камендантомъ Тавриза полковникъ Лазаревъ получилъ приказаніе, чтобы: 1) всѣ крѣпостныя ворота были заняты войсками, а резервъ съ орудіями находился на дворѣ дворца Аббасъ-Мирзы; 2) чтобы разставленные по крѣпости часовые видѣли другъ друга; 3) чтобы были назначаемы дневные и ночные пѣшіе патрули и казачья развѣзды; 4) полицейскіе чины и земскіе пачальники были обязаны въ точности исполнять всѣ наши приказанія. Въ городѣ было учреждено ежедневное присутствіе изъ старшинъ, коменданта и полиціимейстера, для рѣшенія вопросовъ, касающихся управленія; дѣла приказано рѣшать какъ можно скорѣе и избѣгать переписки. Сверхъ того, на обязанность Лазарева возложено имѣть свѣдѣнія о состояніи умовъ и объ экономическомъ положеніи города во всѣхъ отношеніяхъ. Для управленія же всею Тавризскою областью былъ назначенъ губернаторомъ генераль Сакенъ.

Между тѣмъ Паскевичъ съ главными силами 17-го октября вступилъ въ Софіанъ и 19-е число назначилъ для торжественнаго шествія своего въ Тавризь. Съ этою цѣлью онъ самъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) чтобы при приближеніи его съ войсками отрядъ Эристова былъ выстроенъ передъ городомъ для встрѣчи въ парадной формѣ; 2) чтобы впереди этихъ войскъ, на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи находилась почетная депутація съ городскими ключами;

3) чтобы для церемониальнаго марша выбрано было такое мѣсто, на которомъ войска могли бы пройти по улицамъ города или, по крайней мѣрѣ, вдоль предмѣстья по направленію къ г. Хою.

«Пріемъ, пишетъ Муравьевъ, который онъ (Паскевичъ) себѣ приготавливалъ, показывалъ желаніе его носить имя побѣдоносца, и кто бы у него могъ оспорить оное, какъ у главнаго начальника, отъ ко-его изливаются всѣ распоряженія, доставляющія успѣхъ? Самое распоряженіе его къ торжественному шествію соображено болѣе по картинамъ торжественныхъ шествій союзныхъ государей въ европейскія столицы. Ему должно было быть извѣстно, что тѣснота улицъ не позволяла въ Тавризѣ полнаго церемониальнаго марша, и не должно было упоминать объ ономъ; а если уже ему такъ хотѣлось подражать римлянамъ при торжественныхъ ихъ шествіяхъ, то послать бы своего нарочнаго чиновника или начальника штаба распорядиться онымъ сообразно. Требованіе, чтобы ключи города были поднесены ему почетною депутаціею жителей было несправедливо: ключи уже предполагались у насъ, и никто, какъ Эристовъ, не долженъ былъ ему подносить оныхъ».

Получивъ всѣ распоряженія о встрѣчѣ, Муравьевъ самъ отправился въ Сагланъ, гдѣ и былъ принятъ Паскевичемъ довольно холодно. Муравьевъ успѣлъ, однакоже, доказать все неудобство почетной депутаціи и тогда рѣшено было, что ключи отъ города будутъ поднесены главнокомандующему самимъ княземъ Эристовымъ, который и сталъ впереди всѣхъ, имѣя сзади себя донскаго урядника съ подносомъ. На послѣднемъ «подъ небольшимъ какимъ-то цвѣтнымъ покрываломъ, лежали безобразныя большіе ключи отъ какого-то амбара».

Около полудня подъѣхалъ Паскевичъ къ Тавризу, принятъ благосклонно ключи отъ князя Эристова, пропустилъ войска церемониальнымъ маршемъ и затѣмъ отправился въ городъ, приказавъ слѣдовать за собою уланскому полку, съ нимъ пришедшему. При вѣздѣ главнокомандующаго въ крѣпость приказано было начать пальбу изъ всѣхъ персидскихъ орудій, стоявшихъ на валу. Лишь только лошадь его вступила на мостъ, какъ изъ ближайшаго къ мосту орудія была произведена выстрѣлъ, почти въ упоръ. Лошадь бросилась въ сторону, Паскевичъ оглянулся назадъ съ безпокойствомъ, но тотчасъ оправился и поѣхалъ въ ворота. За нимъ слѣдовали уланы въ два коня или по одиночкѣ. Проѣзжали черезъ грязныя, узкія и темныя улицы неопрытнаго базара и прибыли, наконецъ, въ лагерь. Пообѣдавъ у князя Эристова, главнокомандующій отправился на отведенную ему квартиру въ крѣпости.

«Сего знака было достаточно, говорить Муравьевъ, и я уже не надѣялся болѣе удержать начальниковъ въ лагерѣ: все понеслось въ городъ и заняло себѣ квартиры. Войска остались одни въ полѣ. Всякій день происходили беспорядки, драки, грабежи, жалобы со стороны жителей, виновные не отыскивались, а потому зло и не останавливалось, а жители, дотолѣ обращавшіеся съ нами съ довѣренностью, стали негодовать на насъ.

«Все перемѣшалось и не было отдано никакого приказанія, не сдѣлано никакого распоряженія для какого нибудь новаго раздѣленія войскъ, въ коемъ бы каждый начальникъ могъ видѣть свое назначеніе. Все смѣшалось, слилось и полковые адъютанты по ночамъ блуждали по извилистымъ улицамъ Тавриза, дабы отыскать какое нибудь лицо, которое соблаговолило бы отдать какое нибудь приказаніе. Войска терпѣли нужду; были безъ фуража, безъ топлива».

Между тѣмъ начались переговоры о мирѣ. Выбирали мѣсто для преній и, наконецъ, назначили Деппъ-Корганъ, куда отправляли почетные караулы и все необходимое. Военныхъ дѣйствій болѣе не предвидѣлось и Муравьевъ просилъ уволить его въ Тифлисъ, на что и получили разрѣшеніе главнокомандующаго.

Въ Тифлисъ Муравьевъ узналъ о заключеніи Туркменчайскаго мира, первыя извѣстія о которомъ были привезены адъютантомъ Паскевича, княземъ Суворовымъ, а болѣе подробныя — Грибоѣдовымъ. Со вступленіемъ послѣдняго въ домъ управляющаго гражданскою частію генерала Сипягина, по сигналу, ракетой данному, открылась стрѣльба изъ орудій Метехскаго замка. Всѣ радовались, что персидская война кончилась благополучно и можно было готовиться къ другой — турецкой.

Н. Д.

(Продолженіе будетъ).

ФЕЛЬДМАРШАЛЬ МОЛЬТКЕ,

КАКЪ ОРГАНИЗАТОРЪ И СТРАТЕГЪ.

(Le Maréchal de Moltke organisateur et stratege. Par. M. le général Lewal).

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Journal des sciences militaires» появилась статья извѣстнаго французскаго военнаго писателя генерала *Леваля*, представляющая характеристику покойнаго фельдмаршала Мольтке. Пришима въ вниманіе всеобщій интересъ, возбуждаемый личностью маститаго германскаго полководца и весьма извѣстное въ военной литературѣ имя генерала Леваля, полагаемъ не безынтереснымъ предложить читателямъ извлеченіе изъ названной его статьи, тѣмъ болѣе, что французскій авторъ хотя и признаетъ покойнаго фельдмаршала ожесточеннымъ врагомъ своей родины, но прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы сохранить, по возможности, полное безпристрастіе въ своихъ заключеніяхъ о его военномъ значеніи.

Смерть фельдмаршала Мольтке произвела болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе въ военныхъ кружкахъ всѣхъ государствъ; его замѣчательная личность занимала высокое мѣсто въ общественномъ мнѣніи, а маститая старость фельдмаршала не возбуждала опасеній въ скорой его кончинѣ, на столько къ нему привыкли всѣ и каждый. Многіе еще воображали, что снова увидятъ его въ качествѣ руководителя войны, осуществляющаго созданные имъ стратегическіе планы. Такова была вѣра въ этого *доктора военныхъ побѣдъ*, что его присутствіе пѣшкомъ, верхомъ или въ экипажѣ возвысило бы духъ каждаго германца.

На самомъ дѣлѣ, такое представленіе было лишь результатомъ небудуманныхъ мечтаній энтузіастовъ; уже издавна престарѣлые годы фельдмаршала отстранили его отъ дѣйствительности и, сохраняя, по-

видимому, свою должность, онъ не исполнялъ ее фактически. По этому его кончина ни въ чемъ не измѣняетъ положенія Германіи: это не сила, прекратившая свою могучую дѣятельность, а просто человѣкъ, переставшій существовать.

Таково дѣйствительное значеніе Мольтке въ послѣдніе годы его жизни, но не то было прежде; онъ оказалъ самое существенное вліяніе на способы подготовки къ войнѣ, его военные успѣхи совершенно измѣнили существовавшую систему европейскаго равновѣсія, а послѣ себя онъ оставляетъ всѣ государства Европы подъ оружіемъ и въ тревожномъ ожиданіи грядущихъ событій. Само собою разумѣется, что личность, произведшая все это, не могла принадлежать обыкновенному человѣку, и, безъ сомнѣнія, исторія отведетъ для Мольтке выдающееся мѣсто, а все-таки не помѣститъ его ни въ разрядъ перво-степенныхъ лицъ, ни въ разрядъ великихъ полководцевъ.

Въ противность тому, что обыкновенно характеризуетъ людей, предназначенныхъ къ великимъ дѣяніямъ, первые шаги Мольтке на жизненномъ поприщѣ не отличались ни малѣйшимъ блескомъ, напротивъ, были безцвѣтны и безызвѣстны. Его дѣтство представляется непрерывнымъ ходомъ мученій и производитъ грустное впечатлѣніе тѣмъ угнетеннымъ состояніемъ, въ которомъ находились и физическія и моральныя его способности. Трудъ, серьезныя занятія и молчаніе могущественно повліяли на образованіе этого сильно закаленного характера. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ онъ привыкъ къ рѣшимости, сопротивленію и борьбѣ и замкнулся въ самомъ себѣ подъ вліяніемъ леденящей обстановки. Веселость, радость жизни остались ему неизвѣстны и привѣтливая улыбка никогда не появляется на его тонкихъ и сжатыхъ устахъ.

По принятому обычаю, одиннадцати лѣтъ отъ роду онъ оставилъ семейство своихъ родителей и съ этой минуты началъ вести суровую жизнь, исключительно посвященную исполненію долга. Будучи сначала помѣщенъ въ качествѣ пансіонера къ старому генералу, семейная жизнь котораго представляла непрерывный рядъ ссоръ и неудовольствій всякаго рода, а затѣмъ, поступивъ въ кадетскую школу въ Копенгагенѣ, Мольтке сразу узналъ жизнь съ такой непритягательной стороны, что онъ — человѣкъ никогда и ни на что не жаловавшийся — выразилъ въ свое время испытанныя впечатлѣнія въ слѣдующихъ поучительныхъ словахъ: «Я былъ подверженъ обращенію весьма суровому, даже черезчуръ суровому, и единственнымъ хорошимъ результатомъ этого обращенія было то, что съ раннихъ лѣтъ я пріучился ко всевозможнымъ лишеніямъ».

Послѣ шести лѣтъ неустаннаго труда, въ 1818 г., Мольтке окончилъ кадетскую школу первымъ.

Одинъ изъ товарищей его дѣтства обрисовываетъ личность будущаго фельдмаршала слѣдующимъ образомъ: «его безпримѣрное прилежаніе и желѣзная воля не отступали ни передъ какой задачей; съ величайшею точностью онъ дѣлалъ все то, что самъ себѣ намѣтилъ и исполнялъ свои обязанности съ горячимъ усердіемъ, съ акуратностью и точностью, почти безпримѣрными».

Получивъ въ 1819 г. офицерское званіе, Мольтке подвергаетъ себя, такъ сказать, внутреннему испытанію и находитъ, что, не смотря на школьные успѣхи, знаніе его и образованіе недостаточны; онъ сознаетъ, что для того, чтобы возвыситься, нужно обладать знаніемъ и что за недостаткомъ такого происхожденія, которое само по себѣ обезпечивало бы успѣхъ въ жизни, необходимо обладать личными достоинствами, выходящими изъ ряда. И вотъ онъ рѣшается подвинуть свои познанія какъ можно дальше, а потому второй періодъ его жизни посвященъ всецѣло самоусовершенствованію; этотъ періодъ продолжался ни много, ни мало, какъ цѣлыхъ 35 лѣтъ.

Не долго оставался Мольтке въ рядахъ датской арміи, которая представляла слишкомъ ограниченное поприще для его тщательно скрываемаго честолюбія, и перешелъ младшимъ лейтенантомъ въ прусскія войска, причемъ тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе, блестяще выдержавъ переходное испытаніе. Но служба въ пѣхотномъ полку, расположенномъ гарнизономъ въ Франкфуртѣ на Одерѣ, не давала возможности будущему фельдмаршалу удовлетворить въ должной степени обуревавшую его жажду умственной дѣятельности и вотъ, въ 1823 г., онъ откомандировывается въ Берлинскую военную академію, въ которой остается слушателемъ въ теченіи четырехъ лѣтъ. Тутъ онъ вновь всецѣло отдается, какъ прежде въ Капенгагенѣ, учебнымъ занятіямъ, воздерживается отъ малѣйшихъ удовольствій, или даже простыхъ развлеченій и не знаетъ ничего иного, кромѣ непрерывнаго упорнаго труда по изученію военнаго дѣла и иностранныхъ языковъ.

По окончаніи академіи, въ 1827 г., Мольтке назначается начальникомъ дивизіонной школы во Франкфуртѣ и заявляетъ себя необыкновенною ясностью и точностью въ дѣлѣ преподаванія; вслѣдъ за тѣмъ онъ удостоивается перевода въ генеральный штабъ, какъ офицеръ выдающихся достоинствъ.

Въ это время, помимо военной службы, Мольтке занимается историческими трудами и выпускаетъ въ свѣтъ два сочиненія, одно, отно-

сящееся до Бельгіи и Голландіи, и другое до Польши; оба произвели впечатлѣніе и обратили вниманіе на молодого писателя. Служебное положеніе Мольтке было весьма хорошо и отъ него одного зависѣло пользоваться имъ, но, по своему характеру, онъ не могъ удовлетвориться монотонной службой, не представлявшей средствъ къ дальнѣйшему обогащенію его познаній. Такъ какъ въ Берлинѣ уже нечему было больше учиться, то Мольтке жаждалъ отправиться въ другія страны и, едва достигнувъ капитанскаго чина, въ 1834 году, получаетъ разрѣшеніе отправиться въ Италію.

Въ 1835 г. онъ переѣзжаетъ въ Турцію, гдѣ сераскиръ и приглашаетъ его остаться, выхлопотавъ у прусскаго правительства разрѣшеніе на продленіе его отпуска до трехъ лѣтъ. Здѣсь капитанъ Мольтке принимаетъ участіе въ работахъ по реорганизаціи турецкой арміи, сопровождаетъ султана Махмуда II въ его поѣздкѣ по Болгаріи и руководитъ работами по укрѣпленію Руцукъ, Силистріи, Варны и Шумлы. Въ 1836 г. онъ присоединяется къ турецкой арміи въ Малой Азіи и, два года спустя, участвуетъ въ кампаніи противъ курдовъ. Годомъ позже онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ войнѣ съ вице-королемъ Египта, Мехмедомъ-Али; въ качествѣ волонтера при турецкой арміи, онъ несетъ дѣйствительную службу наравнѣ съ остальными офицерами; учитъ своихъ товарищей, руководитъ ихъ рекогносцировками, съемочными работами, составленіемъ кроки и помогаетъ въ веденіи военныхъ операцій; здѣсь Мольтке, можно сказать, учится на практикѣ военному дѣлу.

Послѣ пятилѣтняго отсутствія, онъ возвращается въ Берлинъ и снова занимаетъ свое мѣсто въ генеральномъ штабѣ; тутъ онъ продолжаетъ научныя занятія и приводитъ въ порядокъ свои замѣтки и воспоминанія. Въ 1841 онъ издаетъ «Письма о Востокѣ», обратившія на себя всеобщее вниманіе какъ содержаніемъ, такъ и формой изложенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выпускаетъ въ свѣтъ множество картъ, лично имъ составленныхъ въ Константинополѣ, на Босфорѣ и въ Малой Азіи.

Наконецъ, въ 1842 г., Мольтке производится въ майоры, имѣя 42 года отъ рода и 23 года офицерской службы. Въ томъ же году Мольтке вступаетъ въ бракъ, который, впрочемъ, ни малѣйшимъ образомъ не измѣнилъ его привычекъ; по прежнему, служба занимаетъ у него первенствующее мѣсто, по прежнему продолжаетъ онъ размышлять и учиться въ ожиданіи того времени, когда наступитъ и для него очередь наставлять и направлять другихъ; по прежнему точное исполненіе служебныхъ обязанностей не удовлетворяетъ его.

жажды дѣятельности и въ 1845 г. онъ выпускаетъ въ свѣтъ исторію войны Россіи съ Турціей въ 1828—1829 гг. Въ томъ же году онъ назначается состоять при особѣ принца Генриха Прусскаго, съ которымъ отправляется въ Римъ, и затѣмъ издаетъ свои путевыя впечатлѣнія въ двухъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ.

Въ 1848 г. майоръ Мольтке назначается начальникомъ штаба 4-го армейскаго корпуса въ Магдебургѣ; это назначеніе знаменуетъ крайне важную эпоху въ его жизни, ибо командиромъ 4-го корпуса былъ принцъ Вильгельмъ Прусскій, братъ царствовавшего короля и впослѣдствіи германскій императоръ Вильгельмъ I-й. Командиръ корпуса и его начальникъ штаба поняли другъ друга, понравились одинъ другому и прониклись чувствомъ взаимнаго уваженія; въ это-то время возникли между ними отношенія, которыя продолжались всю ихъ жизнь и оказали столь поразительное вліяніе на судьбу Европы.

Въ означенную эпоху Прусія, по своему политическому положенію, не имѣла права рассчитывать на совершеніе великихъ дѣлъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако же, изъ ничтожнаго государства при Фридрихѣ Великомъ она сѣмѣла сдѣлаться довольно значительнымъ королевствомъ, благодаря именно войнѣ и, конечно, только война могла увеличить и усилить ее значеніе. Съ превосходной военной системою, съ арміею, значительной числомъ и качествомъ, можно было рассчитывать на новыя пріобрѣтенія и успѣхи.

И вотъ майоръ Мольтке находитъ въ своемъ начальникѣ твердую опору и поддержку, и видитъ средство къ осуществленію въ будущемъ плановъ относительно обновленія Пруссіи въ военномъ отношеніи. Эти двѣ личности, ставшія искренними друзьями, прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы внушить всѣмъ окружающимъ обуревающимъ ихъ чувства и не упустили ни одной минуты для изученія и подготовки тѣхъ грандіозныхъ идей, которыя составляли искреннѣйшее желаніе ихъ сердца и требовали для своего осуществленія только болѣе благоприятнаго времени.

Качества и характеръ Мольтке были какъ нельзя болѣе приспособлены къ подобному положенію, ибо безустанный трудъ, тщательная обработка плановъ организаціи вооруженныхъ силъ и военныхъ операцій составляли истинное его призваніе. Твердость его характера, его развитіе, умъ и обширныя знанія внушали къ нему искреннее уваженіе всѣмъ окружающимъ и пріобрѣли ему вліяніе надъ принцемъ Вильгельмомъ, который сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его сотрудниковъ, чуть ли не ученикомъ даже. Постоянно мечта о войнѣ и не будучи въ состояніи возбудить ее, корпусный ко-

мандиръ и начальникъ его штаба изобрѣли средство для воспроизведенія военныхъ операцій въ той степени, въ какой это было возможно въ періодъ глубокаго мира, и вотъ въ офицерскомъ собраніи Магдебурга открываются безконечныя занятія *военною игрою*. Въ этомъ печальномъ городѣ, окруженномъ не менѣе печальными окрестностями, каждый день послѣ обѣда собирались участники игры вокругъ огромнаго стола, покрытаго картами въ крупномъ масштабѣ, и до поздней ночи ставили и обсуждали всевозможные вопросы, относящіеся до тактическаго искусства. Проходить семь лѣтъ въ этихъ настойчивыхъ занятіяхъ, направленныхъ къ изученію военнаго дѣла, причѣмъ маюръ Мольтке по прежнему ведетъ жизнь совершеннаго отшельника. Но хотя о немъ говорятъ немного, тѣмъ не менѣе его достоинства и работы становятся извѣстны всѣмъ. Въ концѣ этого срока онъ производится въ полковники, имѣя отъ рода 55 лѣтъ. Въ эту минуту Мольтке все еще не начиналъ активной карьеры и только заканчивалъ свою дѣятельность, такъ сказать, ученика въ дѣлѣ военнаго искусства.

Личныя качества Мольтке, его выдержка и дружба къ принцу Вильгельму побудили этого послѣдняго избрать его для сопровожденія принца Фридриха (впослѣдствіи императора Фридриха III) во время путешествія за-границу. Это путешествіе въ различныя страны было драгоцѣнно для Мольтке, ибо ставило его въ весьма выгодное положеніе для ознакомленія съ государями, ихъ дворами, высшимъ обществомъ и въ особенности съ арміями и ихъ предводителями. Онъ все замѣтилъ, но не все высказывалъ и первоначально выразилъ свои впечатлѣнія въ частныхъ письмахъ, которыя впослѣдствіи были изданы въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Письма о Россіи».

Въ 1856 году онъ отправился съ принцемъ въ Лондонъ, а затѣмъ пробылъ 15 дней въ Парижѣ. Тонкій цѣнитель и наблюдатель, Мольтке имѣлъ полную возможность подмѣтить слабыя стороны Французской имперіи и обнаружить ихъ съ достаточною откровенностью. Довольно благосклонный въ оцѣнкѣ учрежденій имперіи, приводимой въ изданномъ по этому предмету сочиненіи, онъ извиняется, что изъ вѣжливости не можетъ сказать больше, а тѣмъ не менѣе критикуетъ почти все. Въ то самое время, когда весь міръ превозноситъ могущественную имперію, опирающуюся на блестящую и сильную армію, Мольтке замѣчаетъ зародыши ея паденія, которые именуется либерализмомъ, презрѣніе къ милитаризму, безпорядокъ, небрежность и халатность въ томъ, что касается военнаго дѣла. Какъ путемъ личнаго наблюденія, такъ и изъ тщательно составленныхъ до-

несеній агенто́въ, онъ былъ хорошо освѣдомленъ о положеніи почти всѣхъ европейскихъ государствъ, въ особенности же относительно качествъ ихъ вооруженныхъ силъ, приче́мъ все, что онъ узналъ, послужило къ твердому его убѣжденію въ огромномъ превосходствѣ прусскихъ военныхъ учрежденій. Вме́стѣ съ тѣмъ онъ нисколько не заблуждался въ этомъ отношеніи и уже въ то время намѣтилъ средства къ устраненію слабыхъ сторонъ прусской организаціи; нерѣдкія его бесѣды по этому предмету съ принцемъ Вильгельмомъ повели даже къ тому, что оба они пытались провести свои идеи при прусскомъ дворѣ, но безъ всякаго успѣха, ибо то было время отсутствія всякихъ воинственныхъ замысловъ, а въ будущее никто не заглядывалъ. Мольтке не настаивалъ, но продолжалъ работать и ждать.

Наконецъ, настала столь долго жданный часъ. Принцъ Вильгельмъ становится регентомъ Прусіи, а Мольтке производится въ генераль-маіоры и назначается начальникомъ главнаго штаба.

Вме́стѣ съ тѣмъ настала минута для осуществленія тѣхъ реорганизаціонныхъ идей, которыя основывались на отчетливомъ знаніи учрежденій Прусіи, кроющихся въ нихъ недостатковъ и средствъ къ исправленію, и вотъ Мольтке, получившій власть и средства къ дѣйствію, овладѣваетъ старою военною организаціей времени Шарнгорста, передѣлываетъ ее, совершенствуетъ и обращаетъ въ новое орудіе для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Съ давняго времени война будущаго представлялась ему какъ предпріятіе, которое должно быть подчинено строгому и точному расчету. Въ его глазахъ армія была ничѣмъ инымъ, какъ гигантскою мастерскою, въ которой работаютъ искусные рабочіе, вооруженные ружьями и пушками, взамѣнъ разнообразныхъ ремесленныхъ орудій; онъ хорошо зналъ, что современныя арміи не осуществляютъ этого идеала, и исполнѣ понималъ, что то государство, которое раньше другихъ приблизитъ къ нему свои вооруженныя силы, тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ огромныя преимущества. Сдѣлать изъ войны вмѣсто искусства простое мастерство, вотъ та цѣль, которую поставилъ себѣ Мольтке и исполнѣ ея достигъ. Человѣкъ замѣчательно положительный, онъ не задается широкими и неопредѣленными планами, сложными комбинаціями, увлекающими людей съ пылкимъ воображеніемъ; онъ считается съ существующими условіями, ибо знаетъ, что слишкомъ сложный механизмъ не годится; поэтому его методъ отличается крайнею простотою и выражается имъ исполнѣ откровенно въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Главная задача стратегіи заключается въ томъ, чтобы заблаговременно подготовить боевыя средства

и правильно сообразить первоначальное развертываніе арміи. Малѣйшая ошибка въ сосредоточеніи войскъ не можетъ быть исправлена въ теченіи всей кампаніи». Затѣмъ Мольтке нисколько не сомнѣвается въ полной достижимости этой задачи и пишетъ по этому поводу: «Всѣ необходимыя распоряженія могутъ быть взвѣшены и обдуманы за долго до начала войны, а затѣмъ—если войска удовлетворительно подготовлены и хорошо организованы перевозочныя средства, то составленныя предположенія *непрѣменно* ведутъ къ достиженію цѣли».

Эти немногія строки заключаютъ всю его програму, простую по идеѣ и страшно сложную въ подробностяхъ исполненія; мобилизація, образованіе войскъ и ихъ сосредоточеніе, вотъ три вещи, опредѣляющія подготовку къ войнѣ, и отъ превосходства этой подготовки зависитъ успѣхъ войны.

Въ былое время успѣхъ войны зависѣлъ въ значительной мѣрѣ отъ искусныхъ комбинацій и плановъ, отъ блестящихъ идей и таланта полководца; затѣмъ, организація личнаго состава и матеріальной части арміи занимала весьма второстепенное мѣсто. Наполеонъ прибѣгалъ въ этомъ отношеніи къ импровизаціямъ на каждомъ шагѣ и если на-скоро собранныя составныя части армій не были вполне удовлетворительны, то силою своего гения онъ все-таки умѣлъ ими пользоваться съ необычайнымъ искусствомъ и съ наибольшимъ успѣхомъ. Не менѣе того великій полководецъ выражалъ сожалѣніе относительно отсутствія постоянной и прочной организаціи вооруженныхъ силъ и въ своихъ коментаріяхъ намѣтилъ то, чего не могъ осуществить по недостатку досуга, а именно, онъ желалъ имѣть дѣйствующую армію въ 600,000 человекъ, состоящую изъ 40 легіоновъ, по 12,000 каждый, снабженныхъ всею необходимою, матеріальною частью, одинаковаго устройства и съ одинаковыми округами укомплектованія.

Генераль Мольтке достигъ осуществленія этихъ идей Наполеона; онъ желалъ создать такую армію, которая постоянно и при всевозможныхъ случайностяхъ была бы готова къ величайшему напряженію силъ, и достигъ этого путемъ образованія однообразныхъ по силѣ и устройству высшихъ войсковыхъ единицъ, неуклонно поддерживаемыхъ въ штатномъ составѣ, а равно подготовкою обширныхъ резервовъ. Такимъ образомъ достигается съ перваго же шага войны преимущество болѣе готовности, превосходство въ силахъ и почва военныхъ дѣйствій.

Въ значительной степени вдохновляясь идеями Наполеона,

Мольтке заимствовалъ не мало у другаго своего образца, Фридриха Великаго; такъ, онъ настаивалъ на введеніи строжайшей дисциплины, исполненіи мельчайшихъ обрядностей военной службы, точности построений и движеній—въ дѣлѣ военнаго воспитанія и образованія войскъ,—на строгомъ разчетѣ, величайшей предусмотрительности даже въ мелочахъ и устраненіи наибольшей, въ мѣрѣ возможности, доли случайностей—въ дѣлѣ мирной подготовки къ войнѣ. Заимствуя принципы у обоихъ образцовъ, Мольтке совершенствуетъ подробности ихъ приложенія, и въ этомъ отношеніи имъ сдѣлано чрезвычайно много.

Переходъ части войскъ съ мирнаго положенія на военное до крайности упрощенъ и сокращено потребное на то время; мирная система укомплектованія войскъ даетъ имъ возможность постоянно имѣть свой запасъ людей подъ рукой; обученіе запасныхъ въ тѣхъ же частяхъ, которыя комплектуются ими при мобилизаціи, обеспечиваетъ быстрое сколачиваніе войскъ; каждая войсковая единица имѣетъ постоянно при себѣ всю матеріальную часть, необходимую въ военное время; снабженіе войскъ лошадьми и повозками производится съ незначительною затратою времени путемъ реквизиціи; всѣ мобилизаціонныя работы заранѣе опредѣлены и рассчитаны по часамъ, что исключаетъ возможность ошибокъ, промаховъ, неизвѣстности. Всѣ эти мѣры составляютъ первую часть работъ Мольтке.

Затѣмъ перевозка отобилизованныхъ войскъ на угрожаемую границу, то есть сосредоточеніе армій, составляетъ вторую часть работъ, и въ этомъ отношеніи Мольтке пришлось создавать почти все вновь. Конечно, рельсовые пути представляютъ могущественное средство сообщенія по сравненію съ тѣмъ, что было прежде, но лишь при томъ условіи, что обеспечена правильность и точность ихъ управленій. Между прочимъ, Мольтке добивается выкупа всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, ибо разъ желѣзныя дороги становятся одною изъ главнѣйшихъ данныхъ войны, то возникла необходимость подготовить ихъ именно въ цѣляхъ войны, для чего необходимо, прежде всего, устранить вліяніе частныхъ интересовъ. Эта важная мѣра, не принятая своевременно въ другихъ государствахъ, сопровождалась установленіемъ плановъ перевозокъ, направленныхъ къ тому, чтобы желѣзныя дороги давали все, что только дать могутъ въ отношеніи количества и скорости перевозокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исполняли свое дѣло съ величайшею точностью.

Вотъ главныя черты тѣхъ трехъ отдѣловъ подготовки къ войнѣ, которыя или организованы Мольтке, или усовершенствованы имъ въ

такой степени, что можно по справедливости назвать ихъ его созданиемъ, и если принять во вниманіе безчисленныя подробности, которыя понадобилось исполнить для разрѣшенія главныхъ вопросовъ, то становится по истинѣ удивительно, какъ одинъ человекъ могъ ихъ задумать и привести въ исполненіе отъ начала до конца.

Соображая количество исполненной работы, становится понятнымъ, сколько ума, воли и рѣшительности нужно было имѣть для того, чтобы возложить на себя эту гигантскую задачу и, особенно, если принять во вниманіе, что Мольтке не допускалъ ближайшаго сотрудничества, не имѣлъ повѣренныхъ своихъ идей и вынужденъ былъ дѣлать почти все единолично.

Произведенный въ 1859 году въ генераль-лейтенанты, Мольтке предпринялъ изложенную гигантскую работу въ то время, когда обыкновенные люди помышляютъ уже объ отставкѣ; но Мольтке удивительно сохранялся и, не смотря па годы, оказывался во всю свою жизнь болѣе способнымъ къ перенесенію трудовъ, лишений и умственной работы, нежели офицеры, гораздо болѣе его молодые.

Итальянская кампанія 1859 года возбудила щекотливость Пруссіи, или, вѣрнѣе сказать, оживила тѣ честолюбивые планы, которые тщательно скрывались, по готовы были разразиться при первомъ удобномъ случаѣ. Отношенія къ Франціи ухудшились и уже необходимость заставляла принять мѣры къ тому, чтобы выдержать съ нею борьбу, въ случаѣ надобности.

Въ 1861 году регентъ былъ коронованъ королемъ Пруссіи и эта перемѣна, увеличившая его власть, повела за собою усиленіе дѣятельности по военному вѣдомству. Преобразованная армія была на много увеличена и стала крайне опаснымъ орудіемъ. Между тѣмъ, остальные государства держали себя совершенно спокойно, не заботясь объ исправленіи отжившей военной организаціи и объ усиленіи своихъ вооруженныхъ силъ; постоянно возрастающее усиленіе Пруссіи ихъ не беспокоило и не возбуждало сомнѣній въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ эта честолюбивая держава представитъ существенную опасность для спокойствія міра. Это глубокое равнодушіе дало возможность генералу Мольтке мало по малу приводить въ исполненіе свою завѣтную идею, не возбуждая ни въ комъ ни безпокойства, ни зависти; тѣмъ не менѣе въ эту эпоху его работы по подготовкѣ къ войнѣ отличались еще довольно скромнымъ характеромъ.

Проникнутый стремленіемъ образовать войска, превосходныя въ качественномъ отношеніи, Мольтке не желалъ ослаблять эти каче-

ства введеніемъ въ ряды войскъ слишкомъ значительнаго числа резервистовъ; поэтому онъ не рассчитывалъ даже на то, чтобы можно было утроить составъ постоянныхъ войскъ и предпочиталъ придать имъ, въ случаѣ войны, для второстепенныхъ назначеній, хорошо устроенныя ландверныя дивизіи; онъ рассчитывалъ только на развитіе въ военное время арміи въ составѣ отъ 500,000 до 600,000 строевыхъ нижнихъ чиновъ, а вооруженныхъ силъ всѣхъ категорій въ числѣ отъ 1.000,000 до 1.200,000.

Теперь, когда рѣчь идетъ о выставкѣ, въ случаѣ войны, многихъ миліоновъ, эти цифры могутъ показаться весьма скромными; но тутъ дѣло не въ цифрахъ, которыя имѣютъ лишь второстепенное значеніе, а въ системѣ подготовки къ войнѣ, и эта система, составляющая, такъ сказать, изобрѣтеніе Мольтке, останется навсегда замѣчательнымъ явленіемъ. Она оправдала себя на практикѣ, и всѣ государства ее усвоили; со временемъ, быть можетъ, она будетъ измѣнена, но навсегда составитъ предметъ восхищенія.

Чтобы можно было свободно управлять дѣйствіями вновь созданной арміи во всемъ обширномъ ея цѣломъ, чтобы сдѣлать ее послушной, гибкой и вполнѣ подчиненной единой волѣ, необходимо было образовать передаточные органы соотвѣтствующаго достоинства. Генераль Мольтке, поставленный во главѣ генеральнаго штаба, совершенно пересоздалъ его именно въ видахъ достиженія означенной цѣли.

Необходимо принять во вниманіе, что въ дѣйствительности Мольтке былъ гораздо больше, чѣмъ начальникъ главнаго штаба. Благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ и довѣрію короля, онъ пользовался обширною властью въ военномъ вѣдомствѣ и былъ дѣйствительнымъ главнокомандующимъ вооруженныхъ силъ, хотя и не носилъ этого титула. Вполнѣ сохраняя внѣшнія формы скромной почтительности къ особѣ короля, Мольтке тѣмъ не менѣе управлялъ всѣми войсками и военными учрежденіями, примѣняя, такимъ образомъ, на практикѣ свой любимый горделивый девизъ «*Sein, nicht schein*», т. е. *быть, но не казаться*.

Крайне точная и строго рассчитанная система генерала Мольтке требовала столь же точнаго и строгаго примѣненія и не допускала ни малѣйшихъ отклоненій. Онъ ничего не имѣлъ противъ личнаго почина своихъ подчиненныхъ, но лишь по столько, по сколько такой починъ служилъ къ осуществленію его идей въ желаемомъ имъ смыслѣ и направленіи. Малѣйшая ошибка въ исполненіи могла тѣмъ болѣе повредить его комбинаціямъ, чѣмъ точнѣе были эти послѣднія.

Въ этихъ видахъ онъ имѣлъ нужду въ повсемѣстныхъ непосредственныхъ своихъ представителяхъ, которые могли бы руководить исполнителями задуманнаго имъ дѣла, наблюдать за ними и направлять ихъ. Такимъ образомъ, германскій генеральный штабъ сдѣлался съ теченіемъ времени какъ бы отраженіемъ исключительной личности своего начальника, который сообщалъ ему необходимую жизнь, власть и качества; офицеры генеральнаго штаба были воспитанниками Мольтке, его довѣренными агентами, почти уполномоченными; при ихъ посредствѣ армія усвоивала его виды и намѣренія; они распространяли повсюду его умъ и говорили его именемъ. Изъ числа старшихъ начальниковъ, генераловъ, ни одинъ не осмѣливался сопротивляться интимному другу монарха, чуть не замѣстителю послѣдняго въ томъ, что касалось военнаго дѣла; каждый зналъ, что нужно было или подчиниться его требованіямъ, или быть устраненнымъ. Такимъ путемъ сильная и обширная власть генерала Мольтке давала себя знать и чувствовать вездѣ и повсюду почти непосредственно; это имѣло свои хорошія стороны, но не лишено и дурныхъ послѣдствій, ибо сосредоточивало господство надъ войсками въ рукахъ отдѣльной корпораціи. Весь строй держался личностью Мольтке, а слѣдовательно съ его устраненіемъ все должно было измѣниться, если не вовсе исчезнуть. Такъ оно и случилось въ дѣйствительности.

Подъ конецъ своей жизни, окруженный вниманіемъ, уваженіемъ и похвалами, фельдмаршалъ Мольтке все-таки долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что въ эту отрасль его организаторской дѣятельности начинаетъ внѣдряться распаденіе.

Оставляя постъ начальника генеральнаго штаба, онъ рассчитывалъ на то, что передастъ свое любимое дѣтище руководству одного изъ лучшихъ своихъ учениковъ, который будетъ продолжать его дѣло въ томъ же направленіи; между тѣмъ замѣстившій его генераль Вальдерзее не долго продержался и былъ замѣненъ генераломъ Шлиффеномъ; теперь ходятъ слухи, что и этотъ послѣдній будетъ устраненъ и, такимъ образомъ, одно изъ основныхъ условій управленія генеральнымъ штабомъ, какъ бы несмѣняемость его начальника, уже подорвано въ корнѣ. Да и вообще личный составъ генеральнаго штаба уже не пользуется прежнимъ вліяніемъ и значеніемъ; лучшие его представители, наиболѣе видные ученики Мольтке, или уходятъ по своей волѣ, или вынуждены удалиться изъ рядовъ арміи. Престарѣлый фельдмаршалъ былъ свидѣтелемъ этихъ явленій и, вѣроятно, не мало страдалъ.

Во всякомъ случаѣ, въ дни власти Мольтке, такъ называемый, большой генеральный штабъ составлялъ могущественное средство для сбора и изученія военныхъ свѣдѣній; личный составъ этого учрежденія непрерывно слѣдилъ за состояніемъ вооруженныхъ силъ всѣхъ почти государствъ и за числительнымъ ихъ составомъ. Для характеристики точности и прекрасныхъ результатовъ этой системы достаточно будетъ указать на слѣдующій фактъ.

Во время итальянской кампаніи 1859 года генераль Мольтке и офицеры генеральнаго штаба самымъ тщательнымъ образомъ слѣдятъ за всѣми подробностями борьбы и въ результатъ составляютъ ея описаніе, подъ главною редакціей Мольтке, въ которомъ три участвовавшія въ войнѣ арміи подвергаются внимательному критическому разбору, причемъ обнаруживаются какъ сильныя и слабыя стороны способа дѣйствій французской и австрійской армій, такъ и влияніе новѣйшихъ техническихъ усовершенствованій въ военномъ дѣлѣ.

Въ эту войну Прусія заняла положеніе, мало благопріятное для Франціи: по первому извѣстію о первоначальныхъ успѣхахъ французскихъ войскъ были немедленно мобилизованы три прусскихъ корпуса; тотчасъ же послѣ сраженія при Маджентѣ были приведены на военное положеніе еще три корпуса и, наконецъ, Сольферинская побѣда французовъ вызвала мобилизацію всей прусской арміи. Быстрое заключеніе мира между воюющими сторонами сдѣлало всѣ эти воинственныя приготовленія Прусіи безцѣльными, но въ результатъ генераль Мольтке имѣлъ случай испытать установленную имъ систему мобилизаціи и этотъ драгоцѣнный опытъ далъ ему возможность исправить и улучшить систему въ значительной степени.

Уже тогда выяснилось, что Прусія вполне готова къ войнѣ и что военная ея система заслуживаетъ полнаго довѣрія не только по результатамъ ея примѣненія, о которыхъ въ то время еще нельзя было судить, но потому, между прочимъ, что остальные европейскія государства и не думали подражать этой системѣ, не возбуждавшей пока ихъ опасеній.

Франція не могла себѣ представить, что ей можетъ кто нибудь угрожать на другой же день послѣ ея блестящихъ побѣдъ въ Италіи; она возгордилась подъ влияніемъ легкихъ успѣховъ своей арміи и не хотѣла видѣть произведенныхъ ошибокъ; это заблужденіе было гибельно для ея существованія, ибо отвратило отъ работы самоусовершенствованія и побудило заснуть на легко добытыхъ лаврахъ.

Между тѣмъ, Мольтке продолжалъ неустанно работать надъ улуч-

шеніемъ системы подготовки къ войнѣ, основанной на измѣнившихся условіяхъ даннаго времени, черпая въ изученіи военной исторіи правильное пониманіе военнаго дѣла и подмѣчая слабыя стороны будущихъ противниковъ.

Во-первыхъ, читая Библию, онъ убѣдился въ томъ, что Провидѣніе на сторонѣ превосходнаго числомъ, и вотъ Прусія получаетъ армію болѣе сильную, чѣмъ вооруженныя силы вѣроятныхъ противниковъ. Во-вторыхъ, Мольтке нисколько не гонялся за рыцарскимъ образомъ дѣйствій; напротивъ, по его убѣжденію, великодушіе не болѣе, какъ глупость, а самъ онъ, прежде всего, человѣкъ практическій. Поэтому онъ полагалъ необходимымъ вести до поры до времени такую политику, которая усыпила бы подозрѣнія противника, не дала бы ему понять настоящихъ цѣлей и плановъ Прусіи, а между тѣмъ изготовиться безъ шума и броситься на врага неожиданно въ то время, когда послѣдній не готовъ къ оборонѣ. Въ третьихъ, онъ знаетъ, что война та же игра и, что, несмотря на возможность частныхъ неудачъ, хорошій игрокъ всегда выиграетъ игру. Поэтому-то онъ столь тщательно изучаетъ военное искусство и въ особенности усваиваетъ Наполеоновское искусство управленія большими массами войскъ. Въ концѣ концовъ онъ побилъ французовъ ихъ же оружіемъ, которымъ они разучились владѣть.

Хорошо подготовивъ свою собственную игру, Мольтке понималъ также, что весьма важно искусно заглянуть въ карты противника. И вотъ организуется цѣлая система шпіонства, при помощи которой Мольтке зналъ, что дѣлается у другихъ, а эти другіе и не подозрѣвали о томъ, что дѣлаютъ у нихъ его тайные агенты. Въ концѣ концовъ Прусія приобрѣла превосходство во всѣхъ отношеніяхъ и совершенно однообразные результаты кампаній 1864, 1866 и 1870—1871 годовъ служатъ явнымъ тому доказательствомъ.

Все вышеизложенное служить для характеристики Мольтке, какъ организатора, и нѣтъ сомнѣнія, что по этой части онъ выказалъ себя замѣчательнымъ человѣкомъ, достойнымъ стать въ первые ряды.

Но нельзя сказать того же о Мольтке, какъ стратегѣ; тутъ онъ уже не тотъ и не заслуживаетъ права на столь же высокое мѣсто.

Постороннему зрителю вполне понятна организаціонная часть его работы, основанная на твердомъ методѣ и расчетѣ; но вторая часть, гдѣ Мольтке является въ качествѣ стратега, возбуждаетъ изумленіе, ибо, казалось бы, что она не соотвѣтствуетъ способностямъ этого страннаго человѣка и вотъ это-то именно и доказываетъ, въ

какой степени современныя условія измѣнились по сравненію съ эпохой Наполеона.

Интересно замѣтить, что великіе полководцы, какъ Александръ, Аннибалъ, Конде и Наполеонъ, командовали арміями въ весьма молодомъ возрастѣ, между тѣмъ какъ Мольтке вступилъ въ роль стратега лишь въ 64 года отъ роду. До этого же времени онъ ни разу не командовалъ какою бы то ни было войсковою частью, крупной или мелкой, а все время исполнялъ обязанности офицера генеральнаго штаба, и началъ поприще военачальника въ томъ возрастѣ, въ которомъ другіе генералы выходятъ, обыкновенно, въ отставку.

Тѣмъ не менѣе онъ сразу показываетъ себя человѣкомъ, вполне привычнымъ къ командованію войсками и управляетъ твердо и безъ малѣйшихъ колебаній; онъ знаетъ, куда направляется и отдаетъ всѣ приказанія какъ бы изъ собственнаго кабинета. Этотъ упорный, молчаливый и одинокій труженикъ разбивалъ, согласно заранѣе составленному разсчету, блестящихъ генераловъ, преисполненныхъ мужества, увлеченія и преданности долгу, а также прекрасныхъ солдатъ, которые, однако, пренебрегали изученіемъ войны и въ особенности подготовки къ ней. Знаніе побѣдило невѣжество. Въ чемъ же, однако, заключалась система веденія войны, примѣненная Мольтке?

Орудіе войны было хорошо подготовлено, снабжено всѣмъ необходимымъ и совершенно готово къ дѣйствию; опытъ мобилизаціи обнаружилъ хорошія его качества. Ничего подобнаго не существовало внѣ Пруссіи, и въ случаѣ войны каждое государство должно было начать съ импровизаціей; одна Пруссія была совершенно готова быстро броситься на врага и обладала полнымъ знаніемъ того, чтѣ и какъ нужно было сдѣлать.

Несмотря на всѣ эти преимущества, благоразумный Мольтке не бросился сразу въ великія предпріятія и предпочиталъ сначала набить руку на малыхъ дѣлахъ; и вотъ Пруссія предпринимаетъ въ союзѣ съ Австріей Датскую войну 1864 года. Дѣйствія двухъ союзниковъ противъ одной слабой державы, конечно, обезпечивали легкой и вѣрный успѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ давали возможность увидѣть на дѣлѣ австрійскую армію и обнаружить всѣ ея качества и недостатки. Еще въ концѣ 1863 года Мольтке принимаетъ всѣ необходимыя подготовительныя мѣры и составляетъ планъ кампаніи, который совершенно одобряется Австріей. 3-го апрѣля 1864 года генералъ Мольтке назначается начальникомъ штаба союзной арміи, поступившей подъ начальство принца Фридриха-Карла. Разумѣется, союзники восторжествовали и Данія была раздавлена. Съ оконча-

ніемъ кампаніи Мольтке возвращается къ своему посту начальника главнаго штаба и немедленно приступаетъ къ составленію болѣе важнаго плана дѣйствій на случай войны съ Австріей. Театръ предстоявшихъ дѣйствій былъ гораздо обширнѣе и силы требовались гораздо болѣе значительныя, тѣмъ не менѣе Мольтке справляется съ задачей такъ же легко, какъ и въ войну противъ Даніи. Тамъ Прусія была въ союзѣ съ Австріей; на этотъ разъ она заключаетъ союзъ съ Италіей и бросаетъ войска этой державы въ тылъ Австріи, въ то время, когда сама атакуетъ ее съ фронта. Такимъ образомъ, успѣхъ сразу обеспечивается. Далѣе, убѣжденный въ медленности австрийцевъ, въ недостаткѣ у нихъ подвижности и въ перѣшительности австрийскихъ генераловъ въ виду нападенія съ двухъ сторонъ, Мольтке съ увѣренностью разсчитываетъ, что быстрое наступленіе, захватъ противника врасплохъ, дастъ ему побѣду. Въ этихъ видахъ Мольтке воспроизводитъ планъ Фридриха-Великаго въ кампанію 1757 года и наступаетъ въ Богемію по нѣсколькимъ горнымъ дефиле. Всѣ корпуса разъединены при этомъ непроходимыми препятствіями, а пунктъ сосредоточенія войскъ находится на непріятельской территоріи; совершается, такимъ образомъ, двойная ошибка, по мнѣнію доктринеровъ, а въ дѣйствительности комбинація была вполнѣ хороша, потому что отличалась непредвидѣнностью, и совершенно безопасна, ибо малая подвижность австрийцевъ обеспечивала прускамъ своевременное сосредоточеніе ихъ войскъ. Такъ оно и случилось; три прусскія арміи перешли въ Богемію и вошли въ связь между собою въ ту минуту, когда австрийцы только-что сосредоточивались въ Кенигсгрецѣ. Исходъ памятенъ и австрийская армія раздавлена въ битвѣ подъ Садовой.

Блестящіе результаты войны, закрѣпленные Пражскимъ договоромъ, доставили ей огромную популярность. Австрийцы, захваченные врасплохъ, не могли принять всѣхъ необходимыхъ мѣръ противодѣйствія, да, сверхъ того, совершили много ошибокъ во время самаго хода кампаніи, что было естественнымъ послѣдствіемъ ихъ затруднительнаго во всѣхъ отношеніяхъ положенія. Но при оцѣнкѣ кампаніи на это никто не обращалъ вниманія и весь успѣхъ былъ приписанъ исключительно превосходству въ веденіи военныхъ операцій прусскими арміями. На самомъ дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ, и генералъ Мольтке лучше всякаго другаго зналъ, что думать о минувшей кампаніи; будучи по натурѣ человѣкомъ недовѣрчивымъ, онъ опасался чрезмѣрныхъ похвалъ и всего того, что могло скрываться за ними.

«Я исполняю лишь свой долгъ, говорилъ онъ, и ненавижу преувеличенныя похвалы. Слыша ихъ, я не могу отдѣлаться отъ мысли о томъ, что было бы, если бы успѣхъ не увѣнчалъ нашихъ предпріятій. Въмѣсто неумѣстнаго превознесенія раздалась бы несправедливая критика и глупыя осужденія». По этому поводу Мольтке припоминалъ себѣ Кромвеля, который на замѣчаніе объ огромномъ числѣ зрителей, сбѣжавшихся посмотрѣть церемонію объявленія его протекторомъ англійскаго трона, замѣтилъ, что зрителей было бы несравненно больше, если бы его вели на висѣлицу.

Война 1866 года пріобрѣла Прусіи неожиданное могущество, а ея армія внушила безграничную довѣренность къ своимъ силамъ, своему предназначенію и, въ особенности, къ великимъ качествамъ ея истиннаго предводителя, генерала Мольтке. Въ результатъ тотчасъ же возникла мысль о войнѣ съ Франціей. Едва успѣла кончиться война съ Австріей, какъ неутомимый Мольтке проявляетъ вновь напряженную дѣятельность, увеличиваетъ и улучшаетъ побѣдоносную прусскую армію, какъ будто бы врагъ былъ уже на порогѣ Прусіи. Онъ считалъ выгоднымъ воспользоваться увлеченіемъ, вызваннымъ лаврами Садовой, чтобы не откладывать розыгрыша послѣдней великой партіи и въ этихъ видахъ предложилъ напасть на Францію весною 1867 года. Уже редактируя исторію Итальянской войны 1859 года, онъ подмѣтилъ всѣ ошибки французовъ и видѣлъ, что французская армія хотя и одержала побѣду, но успѣла утратить истинныя Наполеоновскія традиціи. Восемь лѣтъ спустя, въ 1867 г., онъ видѣлъ, что французская армія нисколько не улучшилась, скорѣе, напротивъ: отсутствіе организованныхъ резервовъ, недостатокъ серьезнаго военнаго образованія, особенно въ высшихъ командныхъ сферахъ, неполнота матеріальной части, словомъ—никакой подготовки къ войнѣ и къ тому же полнѣйшая безпечность ко всему тому, что дѣлалось въ военномъ отношеніи въ иностранныхъ государствахъ.

Тѣмъ не менѣе, вся совокупность политическихъ обстоятельствъ въ эту эпоху не благопріятствовала безотлагательному открытію военныхъ дѣйствій и нападеніе на Францію было отложено. Однако, генералъ Мольтке былъ убѣжденъ, что скоро наступитъ ожидаемый часъ и подвергъ тщательному пересмотру всѣ подготовительныя работы, исполненныя въ 1867 году. Затѣмъ, вся зима 1868—1869 годовъ ушла у него на составленіе новаго плана войны съ Франціей и весною 1869 года совершенно готовый планъ былъ представленъ прусскому королю. Такимъ образомъ, за цѣлый годъ до объявленія

войны въ Берлинѣ все уже было готово; въ послѣдствіи времени пришлось включить въ планъ нѣкоторыя ничтожныя поправки, основанныя на многочисленныхъ рекогносцировкахъ, произведенныхъ во Франціи какъ самимъ Мольтке, такъ и офицерами генеральнаго штаба, но въ основныхъ чертахъ планъ оставался безъ малѣйшихъ измѣненій.

Идея этого плана была заимствована у Клаузевица: предполагалось вторгнуться во Францію тремя параллельно двигающимися арміями, пройти между Мецомъ и Страсбургомъ, маскируя наступленіе отъ обѣихъ крѣпостей, отбросить всѣ французскія войска къ сѣверу и такимъ образомъ изолировать ихъ отъ остальной части Франціи и отрѣзать сообщенія съ Парижемъ; наконецъ, двинуться къ столицѣ Французской имперіи. Цѣлесообразность этого плана основывалась на болѣе быстрой мобилизаціи прусскихъ войскъ, на ихъ превосходствѣ въ силахъ, на увѣренности застать французовъ врасплохъ, въ минуту ихъ приготовленій къ войнѣ, и вѣроятности встрѣтить у противника крайнюю нерѣшительность въ предположеніяхъ и планахъ дѣйствій, а слѣдовательно на возможности сразу же нанести ему нѣсколько сильныхъ ударовъ, которые приведутъ его въ разстройство. Само собою разумѣется, что всѣ подробности войны не были предвидѣны и расчитаны заблаговременно, но главнѣйшія возможные случайности были приняты во вниманіе и способы противодействия были указаны; точно также опредѣлены были необходимыя матеріальныя средства и даже на случай осады Парижа, если бы то потребовалось, были заранѣе разрѣшены вопросы продовольствія. Словомъ, все было заранѣе подготовлено съ величайшимъ знаніемъ военнаго дѣла, глубокимъ пониманіемъ всѣхъ его подробностей съ точными свѣдѣніями о состояніи французской арміи, ея предводителей и средствъ тѣхъ провинцій, которыя подверглись нашествію. Было бы слишкомъ признавать всю эту работу проявленіемъ генія, но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что подобное обращеніе войны въ простое мастерство и столь глубокая предусмотрительность сильно приближаются къ геніальности.

Когда началась кампанія, то генераль Мольтке дѣйствовалъ навѣрняка; по его собственнымъ словамъ, ему уже ничего не оставалось дѣлать, все было предусмотрено и нужно было только исполнить составленныя предположенія. Событія шли одно за другимъ именно такъ, какъ онъ намѣтилъ, и даже лучше того, благодаря тому, что ошибки французовъ превзошли ожиданія.

Отдавая во всемъ этомъ должную справедливость Мольтке, нельзя, однакоже, не замѣтить, что все его твореніе заключалось въ хорошо составленномъ планѣ; что же касается проявленія вдохновенія во время самой войны, смѣлыхъ начинаній, искусныхъ предпріятій, возникшихъ подъ вліяніемъ минуты, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Одинъ только разъ въ теченіе всей кампаніи Мольтке вынужденъ былъ прибѣгнуть къ импровизаціи, а именно, тогда, когда, подходя къ Витри, прусская главная квартира получила извѣстіе о странномъ движеніи Макъ-Магона, по приказанію французскаго правительства, изъ Реймса къ Мецу. Мольтке былъ захваченъ врасплохъ этимъ безразсуднымъ планомъ и, тѣмъ не менѣе, быстро измѣнилъ направленіе движенія всѣхъ корпусовъ вмѣсто Шалона на Стенэ; это рѣшеніе его по истинѣ превосходно.

Послѣ триумфовъ, одержанныхъ во время войны съ Франціей, Мольтке, нисколько не опьяненный успѣхомъ, вновь принимается за работу съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ будущемъ предстоить еще много сдѣлать. Обладая огромнымъ военнымъ талантомъ, Мольтке лишень былъ политическаго смысла и доказалъ это тѣмъ, что настоялъ на присоединеніи къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи; онъ не принялъ въ расчетъ, что этимъ актомъ устанавливается на долгое время непримиримая вражда между двумя націями, постоянно подновляемая чувствами населенія насильно присоединенныхъ провинцій. Позже Мольтке призналъ эту опасность, заявивши въ парламентѣ, что чрезвычайные результаты войнъ 1864, 1866 и 1870 годовъ вынудятъ Германію въ теченіе, по крайней мѣрѣ, шестидесяти лѣтъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ сдѣланныя завоеванія; онъ указывалъ на то, что эти завоеванія возбудили во всей Европѣ частью глухую, частью открытую ненависть, которая можетъ съ теченіемъ времени подвергнуть Германію опасности войны съ гигантскою коалиціей. И вотъ, чтобы предохранить отъ распада свое созданіе, Мольтке продолжалъ совершенствовать военныя учрежденія Пруссіи, организацію желѣзныхъ дорогъ и оборону границъ. Въ послѣднее время его жизни были вновь составлены планы нападенія на Францію, на Австрію, на Россію, затѣмъ планъ дѣйствій противъ Франціи или Россіи вмѣстѣ или со стороны одной Германіи, или въ предположеніи ея союза съ Австріей и Италіей; весьма вѣроятно, что въ Германіи еще долго будутъ пользоваться этими послѣдними работами покойнаго фельдмаршала.

Въ заключеніе вышеизложенной подробной характеристикѣ

Мольтке, какъ организатора и стратега, авторъ опредѣляетъ его личность слѣдующимъ образомъ.

Будучи абсолютнымъ властолюбцемъ, Мольтке вездѣ и во всемъ признавалъ только силу, малѣйшее сопротивленіе приводило его въ ярость и вело за собой уничтоженіе противника; командиръ 1-й арміи, старый генераль Штейнмецъ, оказалъ существенныя услуги дѣлу въ битвахъ при Борни и Резонвилѣ, но эти битвы не отвѣчали видамъ начальника штаба, Мольтке, и Штейнмецъ былъ удаленъ отъ командованія. Сила была идоломъ Мольтке, а такъ какъ армія и служить воплощеніемъ силы, то она стала предметомъ его поклоненія, а война, которая даетъ возможность приложенія этой силы и утвержденія ея царства, сдѣлалась цѣлью всѣхъ его заботъ, трудовъ и попеченій. Онъ прославлялъ войну какъ лучшее средство къ тому, чтобы воспрепятствовать упадку націй; въ ней онъ видѣлъ наиболѣе высокій идеалъ, которому и посвятилъ душу, тѣло и всю свою долгую жизнь. Этотъ человѣкъ былъ вполнѣ достоинъ того, чтобы на практикѣ осуществить извѣстную формулу: «сила выше права».

Таково общее содержаніе новаго труда генерала Леваля, изложеннаго съ присущимъ ему знаніемъ дѣла, талантомъ и возможнымъ для француза безпристрастіемъ. Необходимо замѣтить, что мы сочли нужнымъ опустить въ нашемъ извлеченіи постоянно встрѣчающіяся указанія на ту страстную, непреоборимую ненависть къ Франціи, которую, будто бы, всю свою жизнь питалъ фельдмаршалъ Мольтке. Можетъ быть французскому автору естественно такъ думать; мы же полагаемъ, что, прежде всего, представленіе о Мольтке, какъ о человѣкѣ крайне холодномъ и безпристрастномъ, никакъ не мирится съ предположеніемъ о страстной ненависти къ кому и чему бы то ни было. Сверхъ того, необходимо имѣть въ виду, что политикой Пруссіи руководилъ вовсе не Мольтке, а Бисмаркъ; Мольтке же являлся только орудіемъ въ исполненіи великихъ политическихъ комбинацій канцлера Германіи; войнѣ съ Франціей по политическимъ соображеніямъ предшествовали войны съ Даніей и Австріей; нельзя, однакоже, думать, что Мольтке ненавидѣлъ и эти государства. Какъ поклонникъ военной силы, Мольтке вообще былъ сторонникомъ сильныхъ мѣръ и въ борьбѣ съ какимъ бы то ни было врагомъ полагалъ необходимымъ доводить дѣло до крайности. Такъ, извѣстно, что въ войну 1866 года онъ настаивалъ на вооруженномъ занятіи Вѣны и

если это не состоялось, то лишь благодаря представленіямъ Бисмарка, который въ политическомъ отношеніи былъ, конечно, дальновиднѣе своего коллеги.

И безъ того уже личность Мольтке, вызывая величайшее къ нему почтеніе, даже изумленіе, отнюдь не возбуждаетъ симпатіи, а потому было бы несправедливо обременять память о немъ еще упреками въ какой-то ужасающей, нечеловѣческой ненависти къ тѣмъ государствамъ, съ которыми ему пришлось по обстоятельствамъ вести войну.

Е. У.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Объ управленіи электротехническою частью инженернаго корпуса. — О правахъ медицинскихъ начальствующихъ лицъ. — Избранное рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 годъ.

ОБЪ УПРАВЛЕНІИ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЮ ЧАСТІЮ ИНЖЕНЕРНАГО КОРПУСА.

Приказъ по военному вѣдомству 20-го ноября 1891 г., № 326-й.

Военный совѣтъ, по представленію главнаго инженернаго управленія, положилъ: 1) взамѣнъ положенія и штата управленія гальваническою частью инженернаго корпуса, объявленныхъ въ приказѣ по военному вѣдомству 1884 г., № 26-й, ввести въ дѣйствіе прилагаемые при семъ новые: Положеніе и штатъ съ наименованіемъ этого учрежденія управленіемъ электротехническою частью инженернаго корпуса; 2) гальваническую учебную роту именовать электротехническою ротою, съ присвоеніемъ ей штата гальванической роты, объявленнаго въ томъ же приказѣ, со всѣми послѣдовавшими къ нему дополненіями, а офицерскій гальваническій классъ—электротехническимъ классомъ.

Положеніе это, а равно проекты Положенія и штата ⁽¹⁾ управленія электротехническою частью инженернаго корпуса Высочайше утверждены 31-го минувшаго октября съ тѣмъ, чтобы вышеизложенныя мѣры приведены были въ исполненіе съ 1-го января 1892 года.

Объявляю объ этомъ по военному вѣдомству для свѣдѣнія и должнаго, до кого касается, исполненія.

Подписалъ: Военный Министръ,
Генераль-Адъютантъ *Ванновскій*.

(1) Штатъ разосланъ по военному вѣдомству.

Положеніе объ управленіи электротехнической частью инженернаго корпуса.**I. Положенія общія.**

1. Управленіе электротехнической частью инженернаго корпуса учреждается съ цѣлью: а) изученія и примѣненія къ военнымъ надобностямъ открытій и изобрѣтеній по электротехникѣ вообще и въ частности по минному и телеграфному дѣлу, электрическому освѣщенію, фотографіи, взрывчатымъ составамъ, воздухоплаванию и военно-голубиной почтѣ; б) направленія въ инженерныхъ войскахъ технической дѣятельности по этимъ специальностямъ и в) снабженія означенныхъ войскъ имуществомъ: миннымъ, телеграфнымъ, электротехническимъ и воздухоплавательнымъ.

2. Въ общій составъ управленія электротехнической частью инженернаго корпуса входятъ: комитетъ, офицерскій электротехническій классъ, электротехническая рота и фотографическій навальонъ.

3. Управленіе электротехнической частью инженернаго корпуса состоитъ въ непосредственномъ подчиненіи главному инженерному управленію и личный составъ его чиновъ опредѣляется штатомъ.

4. Начальникъ этого управленія именуется завѣдывающимъ электротехнической частью инженернаго корпуса.

II. О завѣдывающемъ электротехнической частью инженернаго корпуса.

5. Завѣдывающій электротехнической частью инженернаго корпуса избирается военнымъ министромъ и назначается на должность Высочайшимъ приказомъ.

6. Ему непосредственно подчиняются: а) управленіе электротехнической частью инженернаго корпуса, б) электротехническая рота и в) учебный воздухоплавательный паркъ.

7. Завѣдывающій электротехнической частью инженернаго корпуса исполняетъ слѣдующія обязанности: а) направляетъ учебную и техническую дѣятельность состоящихъ при вѣренномъ ему управленіи частей и слѣдить за правильною постановкою въ инженерныхъ войскахъ обученія и практическихъ занятій по частямъ минной, телеграфной, воздухоплавательной, взрывчатыхъ составовъ и подрывныхъ работъ; б) входитъ съ представленіями къ главному начальнику инженерновъ о полезныхъ пововведеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ техническомъ матеріальномъ имуществѣ инженерныхъ войскъ; в) даетъ заключенія относительно программъ практическихъ занятій инженерныхъ войскъ по изложеннымъ въ п. а) специальностямъ; г) представляетъ главному начальнику инженерновъ проекты инструкцій по веденію этихъ занятій и программы опытовъ, полезныхъ, по его мнѣнію, въ примѣненіи къ

военному дѣлу; д) представлять соображенія о заготовленіи новаго и исправленіи стараго имущества инженерныхъ войскъ по частямъ минной, телеграфной, воздухоплавательной и взрывчатыхъ составовъ, составленныя и разсмотрѣнныя комитетомъ, состоящимъ при ввѣренномъ ему управленіи; е) ежегодно инспектируетъ, на общемъ основаніи, ввѣренное ему управленіе и электротехническую роту и, ж) ежегодно, къ 1-му марта, представляетъ главному начальнику инженерновъ отчеты о дѣятельности ввѣреннаго ему управленія и о состояніи поименованнаго въ п. д) матеріальнаго имущества, содержамаго въ частяхъ инженерныхъ войскъ. Обязанности завѣдывающаго электротехническою частью инженернаго корпуса по отношенію къ воздухоплавательнымъ частямъ изложены въ положеніи о воздухоплавательной части.

8. Въ отношеніи подчиненныхъ ему чиновъ управленія, электротехнической роты и учебнаго воздухоплавательнаго парка, завѣдывающій электротехническою частью пользуется правами начальника дивизіи, а по завѣдыванію въ хозяйственномъ отношеніи имуществомъ, какъ состоящимъ при ввѣренномъ ему управленіи, такъ и употребляемымъ, съ разрѣшенія главнаго начальника инженерновъ, на практическія занятія въ частяхъ инженерныхъ войскъ,—правами начальника инженерновъ округа (ст. 182 кн. II Св. Воен. Пост., изд. 1869 г.).

III. *О помощникѣ завѣдывающаго электротехническою частью инженернаго корпуса.*

9. Помощникъ завѣдывающаго электротехническою частью инженернаго корпуса избирается главнымъ начальникомъ инженерновъ и, съ утвержденія военнаго министра, назначается на должность Высочайшимъ приказомъ.

10. Помощникъ завѣдываетъ офицерскимъ электротехническимъ классомъ, направляетъ по утвержденнымъ программамъ и инструкціямъ теоретическія и практическія занятія означеннаго класса и электротехнической роты, предсѣдательствуетъ въ хозяйственномъ комитетѣ управленія и въ комисіяхъ для повѣрки: имущества, состоящаго при управленіи, и шнуровыхъ книгъ, и исполняетъ отдѣльныя порученія, возлагаемыя на него завѣдывающимъ.

11. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія завѣдывающаго электротехническою частью, помощникъ исправляетъ его должность.

12. Въ отношеніи подчиненныхъ ему чиновъ помощникъ пользуется правами полковаго командира.

IV. *О комитетѣ, состоящемъ при управленіи электротехническою частью инженернаго корпуса.*

13. Комитетъ состоитъ изъ предсѣдателя,—завѣдывающаго электротехническою частью инженернаго корпуса, и членовъ: постоянныхъ и совѣщательныхъ; въ отсутствіи завѣдывающаго, старшій изъ наличныхъ членовъ предсѣдательствуетъ въ комитетѣ.

14. Постоянными членами комитета назначаются: помощникъ завѣдывающаго, одинъ изъ числа членовъ инженернаго комитета главнаго инженернаго управленія и два положенные по штату управленія электротехнической частью, избираемые главнымъ начальникомъ инженеровъ, и, съ утвержденія военнаго министра, назначаемые на должности Высочайшимъ приказомъ, съ зачисленіемъ по инженернымъ войскамъ.

15. Совѣщательные члены комитета, въ числѣ трехъ, назначаются по избранію военнаго министра, изъ чиновъ инженерныхъ войскъ, артилерія и генеральнаго штаба. Содержаніе эти лица получаютъ по прямымъ своимъ должностямъ. Кромѣ того, въ комитетъ могутъ быть приглашаемы постороннія лица, извѣстныя своими специальными свѣдѣніями по вопросамъ, обсуждаемымъ въ комитетѣ.

16. На комитетъ возлагается: а) разсмотрѣніе могущихъ имѣть примѣненіе въ военномъ дѣлѣ изобрѣтеній и усовершенствованій по минному искусству, электротехникѣ, телеграфному дѣлу, фотографіи, взрывчатымъ составамъ, воздухоплаванию и голубиной почтѣ; б) обсужденіе всѣхъ предложеній по изложеннымъ специальностямъ, поступающихъ отъ частныхъ лицъ или ученыхъ обществъ или передаваемыхъ на его разсмотрѣніе изъ главнаго инженернаго управленія; в) испытаніе различныхъ приборовъ и приспособленій по технической части и разработка полезныхъ нововведеній и усовершенствованій въ матеріальномъ имуществѣ инженерныхъ войскъ; г) составленіе руководствъ и инструкцій по различнымъ специальностямъ обученія и практическихъ занятій инженерныхъ войскъ; д) разсмотрѣніе техническихъ отчетовъ и предположеній о практическихъ занятіяхъ означенныхъ войскъ, передаваемыхъ на его заключеніе изъ главнаго инженернаго управленія, и е) организація всѣхъ хозяйственныхъ операцій по заготовленію и снабженію матеріальнымъ имуществомъ какъ управленія электротехнической частью, такъ равно и частей инженерныхъ войскъ и крѣпостей, на суммы, ассигнуемыя для того по распоряженію главнаго инженернаго управленія.

17. Все дѣлопроизводство по комитету раздѣляется на *три* отдѣла, завѣдываніе которыми возлагается на помощника завѣдывающаго электротехнической частью и двухъ постоянныхъ, положенныхъ по штату, членовъ комитета. Отдѣлы эти состояются: *первой* — по минному дѣлу и примѣненію электротехники и взрывчатыхъ составовъ къ военнымъ дѣламъ, *второй* — по телеграфному дѣлу и *третій* — по воздухоплаванию, военно-голубиной почтѣ и фотографіи.

18. Дѣла, подлежащія обсужденію комитета, разсматриваются и разрабатываются предварительно членами, завѣдывающими специальными отдѣлами, и затѣмъ уже вносятся въ комитетъ.

19. Въ специальныхъ отдѣлахъ должны быть всегда въ готовности точныя свѣдѣнія о количествѣ и качествѣ матеріальнаго имущества, имѣющагося въ крѣпостяхъ и частяхъ инженерныхъ войскъ въ обезпеченіе ихъ боевой готовности.

20. Заключенія комитета излагаются въ формѣ журналовъ, подписываемыхъ всѣми лицами, разсматривавшими дѣло.

21. Веденіе журналовъ и завѣдываніе всѣмъ дѣлопроизводствомъ въ сѣбданіяхъ комитета возлагается на правителя дѣлъ, который, въ сужденіяхъ комитета, имѣеть право голоса и принимаетъ участіе въ производствѣ опытовъ.

22. Комитетъ, составляя учрежденіе совѣщательное, приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, къ кругу дѣйствій его относящихся, по распоряженіямъ военнаго министра, по предложеніямъ главнаго начальника инженеровъ или по непосредственному назначенію предсѣдателя комитета; независимо сего предоставляется участвующимъ въ сужденіяхъ комитета представлять на его заключеніе вопросы, возбуждаемые ими самими. Эти послѣдніе вопросы представляются предсѣдателю, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ передать или не передать эти вопросы на обсужденіе комитета. Постановленія комитета по вопросамъ, внесеннымъ на его обсужденіе по распоряженію военнаго министра и главнаго начальника инженеровъ, а равно рѣшенія комитета по вопросамъ, выходящимъ изъ предѣловъ власти завѣдывающаго электротехническою частью, представляются на утвержденіе военнаго министра или главнаго начальника инженеровъ; о рѣшеніяхъ же комитета, утверждаемыхъ завѣдывающимъ электротехническою частью, въ предѣлахъ предоставленной ему власти, онъ доноситъ главному начальнику инженеровъ.

23. Если для рѣшенія какого нибудь вопроса будутъ необходимы опыты, то таковыя производятся: при управленіи электротехническою частью инженернаго корпуса, или же, по сношенію главнаго начальника инженеровъ съ командующими войсками въ округахъ, при частяхъ инженерныхъ войскъ или въ крѣпостяхъ; въ обоихъ случаяхъ для присутствованія при опытахъ, по распоряженію главнаго начальника инженеровъ, могутъ быть командированы члены комитета или другіе офицеры изъ состава управленія электротехническою частью.

24. Для обсужденія и рѣшенія хозяйственныхъ дѣлъ, касающихся собственно управленія электротехнической роты, при управленіи электротехническою частью учреждается особый хозяйственный комитетъ—изъ предсѣдателя—помощника завѣдывающаго электротехническою частью, двухъ постоянныхъ членовъ, положенныхъ по штату, правителя дѣлъ и командира электротехнической роты. Рѣшенія этого комитета утверждаются завѣдывающимъ электротехническою частью по предоставленной ему въ ст. 8-й власти.

У. О прочихъ чинахъ управленія.

25. Всѣ офицеры штатнаго состава управленія избираются завѣдывающимъ электротехническою частью изъ частей инженерныхъ войскъ и, по его представленію, черезъ главнаго начальника инженеровъ, назначаются на должности Высочайшимъ приказомъ, съ зачисленіемъ по инженернымъ войскамъ.

26. Для обработки вопросовъ и предположеній, поступающихъ на разсмотрѣніе комитета, по каждому изъ отдѣловъ положенъ дѣлопроизводитель,

на обязанности коего лежитъ также веденіе всего дѣлопроизводства по отдѣлу, отчетности о количествѣ и качествѣ имѣющагося въ крѣпостяхъ и частяхъ инженерныхъ войскъ имущества по этому отдѣлу и переписка по заготовленію и снабженію крѣпостей и частей означеннымъ имуществомъ.

27. Кромѣ того, по штату управленія положены: дѣлопроизводитель по личному составу—для веденія переписки по дѣламъ личнаго состава и содержанію чиновъ управленія и электротехнической роты и завѣдывающій фотографическимъ павильономъ, на котораго возлагается и завѣдываніе складомъ матеріальнаго имущества, заготавливаемого при управленіи въ потребность частей инженерныхъ войскъ и учреждений.

28. Инженерный чиновникъ назначается для веденія шнуровыхъ книгъ и бухгалтеріи.

29. Вся переписка, неходящая изъ управленія электротехническою частью, ведется отъ имени завѣдывающаго электротехническою частью инженернаго корпуса и скрѣпляется: по частямъ: технической и хозяйственной—членомъ комитета, завѣдывающимъ подлежащимъ отдѣломъ, а по личному составу и содержанію чиновъ—дѣлопроизводителемъ по личному составу.

30. При управленіи электротехническою частью инженернаго корпуса содержатся: а) музей физическихъ, электрическихъ, телеграфныхъ, минныхъ и другихъ приборовъ и принадлежностей, какъ принятыхъ въ инженерныхъ войскахъ, такъ, хотя и вышедшихъ изъ употребленія, но имѣющихъ научный или историческій интересъ, и б) складъ запаса гальваническихъ, телеграфныхъ, минныхъ и пироксилиновыхъ принадлежностей, заготавливаемыхъ при управленіи на суммы, ассигнуемыя по распоряженію главнаго инженернаго управленія, и назначаемыя на освѣщеніе табельнаго матеріальнаго имущества крѣпостей и инженерныхъ войскъ и пополненіе израсходованнаго или пришедшаго въ негодность при практическихъ занятіяхъ.

31. Нижніе чины, въ числѣ, опредѣленномъ штатомъ, назначаются для письменныхъ занятій, присмотра за имуществомъ: офицерскаго электротехническаго класса, фотографическаго павильона, музея, лабораторіи и склада, а также для упаковки и отправки высылаемыхъ изъ управленія предметовъ.

VI. *Объ офицерскомъ электротехническомъ классѣ.*

32. Офицерскій электротехническій классъ имѣютъ цѣлью готовить для частей инженерныхъ войскъ офицеровъ, специально знакомыхъ съ миннымъ и телеграфнымъ дѣломъ, подрывными работами и примѣненіемъ электротехники къ военнымъ надобностямъ. Классъ состоитъ изъ двухъ курсовъ: младшаго и старшаго.

33. Отъ частей инженерныхъ войскъ въ составъ младшаго курса офицерскаго электротехническаго класса, по распоряженію военнаго министра, ежегодно назначается 10 офицеровъ, которые командуются изъ частей съ такимъ расчетомъ времени, чтобы могли прибыть по назначенію къ 15-му сентября.

Примѣчаніе 1-е. Офицеры, окончившіе курсъ въ военныхъ академіяхъ, могутъ быть командиремы въ электротехнической классъ не ранѣе прослуженія ими въ частяхъ обязательнаго срока за обученіе въ академіи.

Примѣчаніе 2-е. Для уравненія въ частяхъ офицеровъ, окончившихъ курсъ электротехническаго класса, число командиремыхъ отъ каждой бригады, по усмотрѣнію военнаго министра, можетъ быть измѣняемо въ предѣлахъ общей нормы.

34. Общій срокъ пребыванія офицеровъ въ электротехническомъ классѣ продолжается *два* года.

Примѣчаніе. Увольненіе офицеровъ электротехническаго класса въ отпускъ допускается только по самымъ уважительнымъ причинамъ и притомъ на срокъ, не свыше 28-ми дней; увольняемые на большой срокъ отчисляются къ своимъ частямъ.

35. Занятія офицеровъ электротехническаго класса заключаются въ слѣдующемъ: а) въ продолженіи зимнихъ мѣсяцевъ они слушаютъ теоретическіе курсы: 1) по физикѣ, 2) по электротехникѣ и электрометріи, 3) по минному искусству, 4) телеграфному дѣлу, 5) химіи, 6) взрывчатымъ составамъ и подрывнымъ работамъ, и 7) фотографіи, сопровождаемые соответственными опытами и рѣшеніями спеціальныхъ задачъ и различныхъ практическихъ вопросовъ. Сверхъ того, они дежурятъ по управленію и ротѣ; б) въ лѣтнее время они упражняются въ практическомъ примѣненіи сообщенныхъ имъ свѣдѣній при занятіяхъ электротехнической роты, а съ 1-го іюня, по назначенію военнаго министра, командируются въ крѣпостныя минныя роты или въ другія части инженерныхъ войскъ для прохожденія съ ними практическихъ занятій.

Примѣчаніе. Программы теоретическаго и пракческаго курса и лѣтнихъ практическихъ занятій представляются на утвержденіе военнаго министра.

36. Для преподаванія и руководства практическими занятіями офицерскаго электротехническаго класса приглашаются лица, занимающіяся преподаваніемъ этихъ предметовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же служащіе въ управленіи электротехническою частью, выказавшіе на практикѣ основательныя свѣдѣнія по соответственнымъ отраслямъ военно-технической спеціальности.

Примѣчаніе. Вознагражденіе означеннымъ лицамъ за преподаваніе определено въ штатѣ управленія по числу семи учебныхъ отдѣловъ: 1) по физикѣ, 2) по электротехникѣ и электрометріи, 3) по минному искусству, 4) по телеграфному дѣлу, 5) по химіи, 6) по взрывчатымъ составамъ и подрывнымъ работамъ, и 7) по фотографіи.

37. По окончаніи теоретическихъ занятій офицеры младшаго и старшаго курсовъ электротехническаго класса подвергаются испытаніямъ (переводнымъ и выпускнымъ) въ знаніи предметовъ пройденныхъ ими курсовъ, въ особой экзаменной комисіи, назначасмой распоряженіемъ главнаго начальника инженеровъ, по представленію завѣдывающаго электротехническою частью.

38. Оцѣнка познаній офицеровъ производится по 12-ти-балльной системѣ.

Оканчивающіе курсъ распредѣляются на три разряда: а) къ первому—относятся получившіе въ среднемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ не менѣе 10-ти, а въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ не менѣе восьми балловъ; б) ко второму—относятся получившіе въ среднемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ не менѣе девяти, а въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ не менѣе шести балловъ, и в) къ третьему разряду относятся офицеры, не удовлетворившіе первому и второму разрядамъ.

39. Экзаменная комісія, по окончаніи испытанія, распредѣляетъ выпускныхъ офицеровъ по разрядамъ, согласно вышеуказаннымъ условіямъ, и препровождаетъ ихъ списки завѣдывающему электротехническою частью, который представляетъ ихъ въ главное инженерное управленіе на утвержденіе военнаго министра.

40. Объ офицерахъ, причисленныхъ по экзамену къ первому и второму разрядамъ, объявляется въ приказѣ по инженерному корпусу, съ занесеніемъ объ этомъ въ послужные списки.

41. Офицеры, окончившіе курсъ по первому и второму разрядамъ, могутъ быть переводимы, по усмотрѣнію начальства, въ военно-телеграфные парки, а получившіе хорошіе отзывы—отъ командировъ минныхъ ротъ за практическія занятія съ подводными минами—и въ минныя роты.

42. По окончаніи практическихъ занятій въ частяхъ войскъ офицеры старшаго курса электротехническаго класса возвращаются къ своимъ частямъ, гдѣ они обязаны завѣдывать гальваническими командами, не меньше одного года, для передачи пріобрѣтенныхъ ими познаній. Въ продолженіи перваго года они не увольняются въ отпускъ на время свыше 28-ми дней, а въ теченіе двухъ лѣтъ не переводятся въ другой родъ службы.

43. Завѣдывающему электрическою частью объ особо отличившихся по успѣхамъ офицерахъ разрѣшается входить съ представленіями о наградахъ «въѣ правилъ», причемъ, однако, награды слѣдующими чинами не допускаются и число представляемыхъ къ наградамъ не должно превышать 25% всего числа окончившихъ курсъ въ данномъ году.

VII. *Объ электротехнической ротѣ.*

44. Электротехническая рота назначается: а) для теоретическаго и практическаго образованія нижнихъ чиновъ по гальванической, телеграфной и минной частямъ, и б) для выполненія работъ при опытахъ и изслѣдованіяхъ, производящихся при управленіи электротехническою частью.

45. Личный составъ роты опредѣляется штатомъ.

46. Командиръ и офицеры роты избираются изъ офицеровъ, прошедшихъ курсъ электротехническаго класса или же бывшихъ въ составѣ управленія электротехническою частью, и первый изъ нихъ назначается на должность, а послѣдніе переводятся въ роту Высочайшими приказами.

47. Командиръ роты, командуя опою на общемъ основаніи, руководить строевыми, учебными и практическими ея занятіями; въ отношеніи подчи-

ненныхъ ему чиновъ роты онъ пользуется правами командира неотдѣльнаго баталіона.

48. Одинъ изъ офицеровъ роты завѣдываетъ хозяйствомъ и письменною частью роты, двое—классами роты и обученіемъ новобранцевъ и одинъ—оружіемъ.

49. Электротехническая рота комплектуется новобранцами на основаніи общихъ постановленій для инженерныхъ войскъ, но исключительно грамотными, знающими слесарное мастерство или машинное дѣло, и притомъ поступающими на службу изъ губерній С.-Петербургской и Новгородской.

50. Нижніе чины электротехнической роты обучаются въ зимніе мѣсяцы въ классахъ по предметамъ ихъ специальности, по программамъ и инструкціямъ, утверждаемымъ главнымъ начальникомъ инженеровъ, а также стрію, гимнастикѣ, фехтованію и стрѣльбѣ; въ лѣтнее время они раздѣляются по специальностямъ на отдѣлы и назначаются на практическія занятія въ мѣста производства работъ, соответствующихъ ихъ специальности.

Примѣчаніе. Электротехническая рота, въ виду ея спеціальнаго назначенія, освобождается отъ несенія караульной службы и безъ особаго приказанія не выводится на общіе парады въ Высочайшемъ присутствіи.

О П Р А В А Х Ъ
МЕДИЦИНСКИХЪ НАЧАЛЬСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ.

~~~~~

Приказъ по военному вѣдомству декабря 5-го 1891 года, № 336.

Высочайше утвержденнымъ, 25-го минувшаго ноября, положеніемъ Военнаго Совѣта постановлено: ст. 240, 246, 249, 325 и 326 кн. I, 229, 230, 234 и 238 кн. II, 66, 86 и 99 кн. XVI Св. В. П. 1869 г. о правахъ медицинскихъ начальствующихъ лицъ и ст. 27 положенія о дивизионномъ врачѣ (прик. по воен. вѣд. 1871 г. № 51) измѣнить и дополнить по прилагаемому проекту.

Объявляю о семъ по военному вѣдомству для свѣдѣнія и надлежащаго руководства.

Подписаль: Военный Министръ,
Генераль-Адъютантъ *Ванновскій.*

Проектъ измѣненія ст. ст. 240, 246, 249, 325 и 326 кн. I, ст. 229, 230, 234 и 238 кн. II, ст. 66, 86 и 99 кн. XVI Св. Воен. Пост. 1869 г. и ст. 27 положенія о дивизионномъ врачѣ (прик. по воен. вѣд. 1871 г. № 51).

Существующее положеніе.

Св. Воен. Пост. 1869 г.

Кн. I.

Ст. 240. По укомплектованію войскъ и госпиталей медицинскими, фармацевтическими и ветеринарными чинами Главное Управленіе заботится, чтобы число чиновъ соответствовало потребностямъ не только мирнаго, но и военнаго времени, и потому, сверхъ средствъ, имѣющихся въ его вѣдѣніи, оно обязано имѣть вѣрныя свѣдѣнія о внутреннихъ способахъ государства для комплектованія войскъ и госпиталей сими чинами въ случаяхъ чрезвычайныхъ.

Проектируемое измѣненіе.

Ст. 240. Безъ измѣненія.

Примѣчаніе. Въ главномъ военно-медицинскомъ управленіи содержатся списки врачамъ, фармацевтамъ и ветеринарамъ, признаваемымъ достойными повышенія по службѣ, а равно списки врачамъ, находившимся, на основаніи установленныхъ правилъ, въ командировкѣ за границу и въ прикомандированіи къ Императорской военно-медицинской академіи для научнаго усовершенствованія.

Ст. 246. Военно-медицинскій ученый комитетъ есть высшее въ военно-медицинскомъ управленіи совѣщательное учрежденіе, для обсужденія и окончательнаго заключенія по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, относящимся къ военно-медицинской части, въ учебно-учебномъ, медико-полицейскомъ и судебно-медицинскомъ отношеніяхъ.

Согласно сему, на обязанность комитета возлагается: 1) научное направленіе практической дѣятельности военно-медицинскаго сословія посредствомъ разъясненія разныхъ научныхъ и практическихъ вопросовъ, относящихся до военно-медицинскаго вѣдомства, изданія сочиненій, назначенія медиковъ, фармацевтовъ и ветеринаровъ, для научныхъ занятій и усовершенствованія въ практикѣ, въ разныхъ мѣста и учрежденія внутри Россіи и за границу, а также посредствомъ иныхъ способовъ, которые признаны будутъ полезными; 2) *наблюденіе за ходомъ образованія въ Императорской военно-медицинской академіи* и обсужденіе мѣръ къ усовершенствованію образованія фельдшеровъ; 3) обсужденіе и изысканіе мѣръ къ улучшенію санитарнаго быта войскъ и къ устройству военно-врачебныхъ заведеній; 4) изданіе, для руководства врачамъ и частнымъ начальникамъ войскъ, наставленій о мѣрахъ къ сохраненію здоровья во вѣрренныхъ имъ частяхъ, особенно на случай развитія эпидемическихъ болѣзней; 6) окончательное разсмотрѣніе и повѣрка судебно-медицинскихъ актовъ, по дѣламъ

Ст. 246. Военно-медицинскій ученый комитетъ есть высшее въ военно-медицинскомъ управленіи совѣщательное учрежденіе для обсужденія и окончательнаго заключенія по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, относящимся къ военно-медицинской части, въ учебно-учебномъ, медико-полицейскомъ и судебно-медицинскомъ отношеніяхъ.

Согласно сему, на обязанность комитета возлагается: 1) научное направленіе практической дѣятельности военно-медицинскаго сословія посредствомъ разъясненія разныхъ научныхъ и практическихъ вопросовъ, относящихся до военно-медицинскаго вѣдомства, изданія сочиненій, назначенія медиковъ, фармацевтовъ и ветеринаровъ для научныхъ занятій и усовершенствованія въ практикѣ въ разныхъ мѣста и учрежденія внутри Россіи и за границу, а также посредствомъ иныхъ способовъ, которые признаны будутъ полезными; 2) обсужденіе мѣръ къ усовершенствованію образованія фельдшеровъ; 3) обсужденіе и изысканіе мѣръ къ улучшенію санитарнаго быта войскъ и къ устройству военно-врачебныхъ заведеній; 4) изданіе для руководства врачамъ и частнымъ начальникамъ войскъ наставленій о мѣрахъ къ сохраненію здоровья во вѣрренныхъ имъ частяхъ, особенно на случай развитія эпидемическихъ болѣзней; 5) окончательное разсмотрѣніе и повѣрка судебно-медицинскихъ актовъ по дѣламъ уголовнымъ въ особенно важныхъ и сомнительныхъ случаяхъ; 6) опредѣленіе въ сомни-

уголовнымъ въ особенно важныхъ и сомнительныхъ случаяхъ; 6) опредѣленіе въ сомнительныхъ случаяхъ, по представленнымъ медицинскимъ свидѣтельствамъ, правъ воинскихъ чиновъ, какъ на пенсіи за сокращенные сроки, по болѣзнямъ, такъ и на покровительство комитета о раненыхъ; 7) разрѣшеніе вопросовъ объ отпускѣ для госпиталей и лазаретовъ врачебныхъ пособій, не положенныхъ по каталогамъ, и изслѣдованіе пробъ химико-фармацевтическихъ препаратовъ и прочихъ медикаментовъ, въ случаѣ сомнѣнія въ ихъ доброкачественности.

Ст. 249. Совѣщательные и почетные члены Комитета избираются *по предложенію предсѣдателя*, самимъ комитетомъ, по балотированію, изъ служащихъ или служившихъ въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями и учеными трудами, или врачебною и административною опытностію, и какъ тѣ, такъ и другіе, утверждаются въ своихъ званіяхъ Высочайшею властію по представленію военнаго министра.

Ст. 325. Главный военно-медицинскій инспекторъ обязанъ: 1) направлять образованіе чиновъ военно-медицинскаго вѣдомства сообразно съ современными требованіями науки; 2) слѣдить за службою военно-медицинскихъ чиновъ и наблюдать, чтобы они соответствовали своему назначенію; 3) заботиться, чтобы *Императорская военно-медицинская академія* и фельдшерскія школы соответствовали цѣли ихъ учрежденія.

Ст. 326. Онъ пользуется правомъ: 1) избирать и представлять къ назначенію и переименованію лицъ на должности V класса въ военныхъ округахъ (кромѣ помощниковъ окружныхъ военно-медицинскихъ инспекторовъ, которые избираются военнымъ министромъ), а также къ увольненію всѣхъ этихъ лицъ отъ службы; 2) назначать по собственному избранію, или

Т. ССІІІ.—Отд. ІІ

тальныхъ случаяхъ, по представленнымъ медицинскимъ свидѣтельствамъ, правъ воинскихъ чиновъ какъ на пенсіи за сокращенные сроки по болѣзнямъ, такъ и на покровительство комитета о раненыхъ; 7) разрѣшеніе вопросовъ объ отпускѣ для госпиталей и лазаретовъ врачебныхъ пособій, не положенныхъ по каталогамъ, и изслѣдованіе пробъ химико-фармацевтическихъ препаратовъ и прочихъ медикаментовъ въ случаѣ сомнѣнія въ ихъ доброкачественности.

Ст. 249. Совѣщательные и почетные члены комитета избираются изъ служащихъ или служившихъ въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями и учеными трудами, или врачебною и административною опытностію: *первыя главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, а вторые самимъ комитетомъ, по балотированію*; какъ тѣ, такъ и другіе, утверждаются въ сихъ званіяхъ Высочайшею властію по представленію военнаго министра.

Ст. 325. Главный военно-медицинскій инспекторъ обязанъ: 1) направлять образованіе чиновъ военно-медицинскаго вѣдомства сообразно съ современными требованіями науки; 2) слѣдить за службою военно-медицинскихъ чиновъ и наблюдать, чтобы они соответствовали своему назначенію; 3) заботиться, чтобы фельдшерскія школы соответствовали цѣли ихъ учрежденія.

Ст. 326. *По завѣдыванію личнымъ составомъ чиновъ военно-медицинскаго вѣдомства* главный военно-медицинскій инспекторъ пользуется слѣдующими правами: 1) избираетъ лицъ на должности V класса и представляетъ военному министру о назначеніи ихъ на эти должности, а лицъ, уже занимающихъ оныя, представляетъ къ переводу изъ одного

по представленію окружныхъ военно-медицинскихъ инспекторовъ, лицъ на должности военно-медицинскаго вѣдомства въ военныхъ округахъ до VI класса включительно; кромѣ медицинскихъ чиновъ вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, которые назначаются по соглашенію съ главнымъ начальникомъ сихъ заведеній; 3) увольнять на тѣхъ же основаніяхъ всѣхъ вышеозначенныхъ чиновъ отъ должностей; 4) тѣмъ же порядкомъ опредѣлять на службу по всему военно-медицинскому вѣдомству акушеровъ, перемѣщать ихъ и увольнять отъ службы; 5) перемѣщать по собственному усмотрѣнію или по представленію окружныхъ военно-медицинскихъ инспекторовъ, на соответственныя мѣста, въ районѣ каждаго округа, а также изъ одного округа въ другой лицъ: III (по чинопроизводству VI класса) и IV разрядовъ медицинскихъ, I и II фармацевтическихъ и I разряда ветеринарныхъ должностей; 6) перемѣщать всѣхъ вообще классовыхъ медицинскихъ и фармацевтическихъ чиновъ военно-учебныхъ заведеній, по соглашенію съ главнымъ начальникомъ сихъ заведеній; 7) осматривать лично или чрезъ довѣренныхъ лицъ, лазареты, госпитали и аптечныя заведенія; 8) утверждать опредѣленія конференціи Императорской военно-медицинской академіи, на основаніи постановленій о сей академіи.

округа въ другой, перемѣщенію и увольненію, кромѣ помощниковъ окружныхъ военно-медицинскихъ инспекторовъ, которые избираются самимъ военнымъ министромъ и, по его представленію, назначаются, переводятся, перемѣщаются и увольняются Высочайшимъ приказомъ; 2) на всѣ низшія должности военно-медицинскаго вѣдомствъ до VI класса включительно назначаетъ *лицъ, а занимающихъ таковыя должности переводитъ, перемѣщаетъ и увольняетъ собственной властью* по своему усмотрѣнію или по представленію окружныхъ военно-медицинскихъ инспекторовъ, излагаемому ими въ ежегодныхъ атестаціонныхъ спискахъ на подвѣдомственныхъ имъ врачей, фармацевтовъ и ветеринаровъ (кромѣ случаевъ, когда это предоставлено закономъ власти окружнаго военно-медицинскаго инспектора); 3) въ тѣхъ же предѣлахъ, т. е. до VI класса включительно, назначаетъ врачей и фармацевтовъ на соответственныя ихъ званія и должности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, по избранію начальниковъ подлежащихъ главныхъ управленій военнаго министерства, въ вѣдѣніи которыхъ сіи заведенія находятся, какое избраніе совершается не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ нимъ названныхъ начальниковъ; а равно тѣмъ же порядкомъ переводитъ, перемѣщаетъ и увольняетъ сихъ чиновъ; 4) опредѣляетъ на службу, увольняетъ отъ оной, переводитъ и перемѣщаетъ повивальныхъ бабокъ, и 5) осматриваетъ лично или чрезъ довѣренныхъ лицъ военно-врачебныя заведенія, а также аптечныя и другія заведенія и учрежденія военно-медицинскаго вѣдомства, находящіяся какъ въ округахъ, такъ и въ его непосредственномъ вѣдѣніи.

Примѣчаніе 1-е. Порядокъ представленія атестаціонныхъ списковъ по военно-медицинскому вѣдомству и ве-

денія въ главномъ военно-медицинскомъ управленіи списковъ лицамъ, признаваемымъ достойными повышенія по службѣ, а равно назначенія лицъ по симъ спискамъ, устанавливается военнымъ министромъ.

Примѣчаніе 2-е. Врачи и повивальныя бабки, служащія по гражданскому управленію Туркестанскаго края, назначаются, перемѣщаются и увольняются отъ должностей главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ по представленіямъ Туркестанскаго окружнаго военно-медицинскаго инспектора, предварительнo одобреннымъ генералъ-губернаторомъ.

Кст. II.

Ст. 229. Онъ перемѣщаетъ собственную властью врачей V и VI, фармацевтовъ III и ветеринаровъ II и III разрядовъ росписанія должностей военно-медицинскаго вѣдомства, а также лекарьскихъ помощниковъ, медицинскихъ и аптечныхъ фельдшеровъ, на соответственныя мѣста въ районѣ округа, а по соглашенію съ подлежащими военно-медицинскими инспекторами и изъ одного округа въ другой, донося о каждомъ перемѣщеніи главному начальнику округа и главному военно-медицинскому управленію и сообщая начальникамъ дивизій и тѣхъ частей войскъ, въ которыя эти чины назначены и изъ которыхъ они переведены; о перемѣщеніи же лицъ, занимающихъ высшія медицинскія, фармацевтическія и ветеринарныя должности, онъ представляетъ на разрѣшеніе главнаго военно-медицинскаго управленія.

Примѣчаніе. Врачи военно-учебныхъ заведеній избираются и назначаются на высшія должности по соглашенію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній съ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, симъ послѣднимъ. Прочіе медицинскіе и фармацевтическіе чины опредѣляются въ военно-учебныя заведенія округа главнымъ военно-медицинскимъ управле-

Ст. 229. Онъ перемѣщаетъ собственную властью, *въ предѣлахъ своего округа*, одного на мѣсто другаго на соответственныя мѣста (но не ваканціи), врачей V и VI медицинскихъ, фармацевтовъ III фармацевтическаго и ветеринаровъ III ветеринарнаго разрядовъ росписанія должностей военно-медицинскаго вѣдомства, а также классныхъ фельдшеровъ, послѣднихъ же и на свободныя ваканціи старшихъ фельдшеровъ, причѣмъ относительно врачей, фармацевтовъ и ветеринаровъ соображается не только съ разрядами содержанія ихъ, должностей, но также съ положеніями объ оныхъ; о перемѣщеніи же лицъ, занимающихъ прочія медицинскія, фармацевтическія и ветеринарныя должности, о переводѣ классныхъ медицинскихъ, фармацевтическихъ и ветеринарныхъ чиповъ изъ одного округа въ другой, а равно о перемѣщеніи и переводѣ повивальныхъ бабокъ, онъ входитъ съ представленіемъ въ главное военно-медицинское управленіе. О перемѣщеніи каждого лица, сдѣланномъ собственною властью, окружной военно-медицинскій инспекторъ доноситъ главному начальнику округа и главному военно-медицинскому управленію и сообщаетъ начальникамъ тѣхъ частей, въ которыя эти

пиемъ, по представленіямъ окружнаго военно-медицинскаго инспектора и по предварительнымъ сношеніямъ съ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній. Представленія эти дѣлаются военно-медицинскимъ инспекторомъ, по сношенію съ подлежащими начальниками упомянутыхъ заведеній.

Ст. 230 (по 3-му прод.). Онъ представляетъ главному военно-медицинскому управленію кандидатовъ, изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ, для замѣщенія открывающихся въ округѣ ваканцій корпусныхъ и дивизионныхъ врачей, главныхъ врачей госпиталей, консультантовъ ихъ, старшихъ ординаторовъ и старшихъ врачей въ полкахъ и другихъ частяхъ войскъ, а также фармацевтическихъ должностей I и II и ветеринарныхъ I разряда, равно врачей для порученій, окружнаго окулиста и дѣлопроизводителей во ввѣренномъ ему управленіи.

Ст. 234. Онъ производитъ, по представленію мѣстнаго военно-медицинскаго начальства, младшихъ медицинскихъ и аптечныхъ фельдшеровъ въ старшіе на открывающіяся въ округахъ, а также въ военно-учебныхъ заведеніяхъ ваканціи, донося о томъ ежемѣсячно для свѣдѣнія главному военно-медицинскому управленію.

лица переимѣнены и изъ которыхъ они убыли.

Примѣчаніе. О переимѣненіи классовыхъ медицинскихъ и фармацевтическихъ чиновъ военно-учебныхъ заведеній окружной военно-медицинскій инспекторъ представляетъ главному военно-медицинскому управленію, по предварительномъ сношеніи съ ближайшими начальниками сихъ заведеній.

Ст. 230. Окружной военно-медицинскій инспекторъ представляетъ въ главное военно-медицинское управленіе, по установленному порядку, ате-стационные списки на подвѣдомственныхъ ему врачей, фармацевтовъ и ветеринаровъ и доноситъ главному военно-медицинскому управленію заблаговременно о всѣхъ особыхъ обстоятельствахъ, которыя необходимо имѣть въ виду при замѣщеніи ими различныхъ должностей.

Ст. 234. По завѣдыванію личнымъ составомъ нижнихъ медицинскихъ чиновъ онъ пользуется слѣдующими правами: 1) утверждаетъ въ фельдшерскомъ званіи и распределяетъ на службу окончившихъ успешно курсъ обученія воспитанниковъ военно-фельдшерскихъ школъ; 2) назначаетъ на фельдшерскія ваканціи окончившихъ курсъ обученія войсковыхъ медицинскихъ и ветеринарныхъ фельдшерскихъ учениковъ; 3) опредѣляетъ вольноопредѣляющихся изъ фельдшеровъ на службу, соответственно ихъ званію, и назначаетъ на свободныя фельдшерскія ваканціи лицъ, отбывающихъ воинскую повинность по жребію и знающихъ фельдшерское искусство; 4) фельдшеровъ, окончившихъ обязательный срокъ дѣйствительной военной службы, опредѣляетъ на сверхсрочную службу и оставляетъ на дальнѣйшемъ въ оной пребываніи, по соглашенію съ командирами тѣхъ частей, въ ко-

торыя они опредѣляются на означенную службу; 5) производить фельдшеровъ изъ младшихъ въ старшіе; 6) перемѣщаетъ ихъ на соответственныя ваканціи въ районѣ округа, а по соглашенію съ подлежащими окружными военно-медицинскими инспекторами переводить изъ одного округа въ другой; 7) увольняетъ фельдшеровъ отъ должностей, въ запасъ и въ отставку, и изъявляетъ согласіе на перечисленіе ихъ въ строй и въ другія вѣдомства, и 8) переименовываетъ въ кандидаты на классную должность фельдшеровъ, окончившихъ курсъ въ военно-фельдшерскихъ школахъ.

Примѣчаніе. Власть окружного военно-медицинскаго инспектора по завѣдыванію личнымъ составомъ фельдшеровъ распространяется на всѣ военно-учебныя заведенія, команды и военныя учрежденія и управленія, расположенныя въ районѣ округа, безъ различія, входятъ или не входятъ они въ составъ оного; въ военно-учебныя заведенія фельдшера назначаются по соглашенію съ ближайшими начальниками сихъ заведеній.

Ст. 238 (по III прод.). Помощникъ окружного военно-медицинскаго инспектора назначается Высочайшимъ приказомъ, по представленію военнаго министра, врачи для порученій и окружной ветеринаръ военнымъ министромъ, по представленію главнаго военно-медицинскаго инспектора, а окружной окулистъ, прочіе врачи, дѣлопроизводители окружного военно-медицинскаго управленія, фармацевты и ветеринары для командировокъ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, причемъ окружной окулистъ избирается изъ врачей, заявившихъ себя познаніями въ окулистикѣ. Помощникъ военно-медицинскаго инспектора и прочіе чины окружного военно-медицинскаго управленія подчиняются непосредственно окружному военно-медицинскому инспектору и исполняютъ всѣ его порученія.

Ст. 238. Помощникъ окружного военно-медицинскаго инспектора назначается Высочайшимъ приказомъ, по представленію военнаго министра, которымъ и избирается, врачи для порученій и окружной ветеринаръ военнымъ министромъ, по представленію главнаго военно-медицинскаго инспектора, а окружной окулистъ, прочіе врачи, дѣлопроизводители окружного военно-медицинскаго управленія, фармацевты и ветеринары для командировокъ — главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, причемъ окружной окулистъ избирается изъ врачей, заявившихъ себя познаніями въ окулистикѣ. Помощникъ военно-медицинскаго инспектора и прочіе чины окружного военно-медицинскаго управленія подчиняются непосредственно окружному военно-медицинскому инспектору и исполняютъ всѣ его порученія.

Кн. XVI.

Ст. 66. Главный врач избирается главным военно-медицинским инспектором и утверждается въ должности Высочайшимъ приказомъ. Относительно общаго госпитальнаго управленія онъ подчиняется начальнику госпиталя, а по медицинской части состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ окружнаго военно-медицинскаго инспектора и *главнаго военно-медицинскаго управленія.*

Ст. 86 (по измѣненіи 1889 года). По управленію личнымъ составомъ госпитальныхъ чиновъ по частямъ медицинской и фармацевтической главный врачъ пользуется слѣдующими правами: 1) избирать и представлять окружному военно-медицинскому инспектору о назначеніи въ должности старшихъ ординаторовъ (ст. 99), предлагая къ представленіямъ объ избранныхъ имъ лицахъ заключенія начальника госпиталя.

Ст. 99. При выборѣ кандидатовъ на должность старшаго ординатора, берутся преимущественно во вниманіе служба врачей въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ и относительная степень врачебнаго ихъ образованія; при равныхъ правахъ даютъ преимущество ученая степень и медицинскія заслуги.

Въ случаѣ открытія ваканціи старшаго ординатора, главный врачъ, избравъ достойнѣйшаго изъ младшихъ ординаторовъ, излагаетъ въ представленіи своемъ (ст. 86 п. 1) причины выбора.

Положеніе о дивизионномъ врачѣ⁽¹⁾.

(Прик. по воен. вѣд. 1871 г. № 51).

Ст. 27. Дивизионный врачъ представляетъ военно-медицинскому инспектору округа кандидатовъ для опредѣленія на имѣющіяся въ дивизіи ва-

Ст. 66. Главный врачъ избирается главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ и утверждается въ должности Высочайшимъ приказомъ. Относительно общаго госпитальнаго управленія онъ подчиняется начальнику госпиталя, а по медицинской части состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ окружнаго военно-медицинскаго инспектора.

Ст. 86. По управленію личнымъ составомъ госпитальныхъ чиновъ по частямъ медицинской и фармацевтической главный врачъ пользуется слѣдующими правами: 1) представляетъ окружному военно-медицинскому инспектору, согласно установленному порядку, атестаціонные списки на подвѣдомственныхъ ему врачей и фармацевтовъ, съ приложеніемъ къ спискамъ атестацій начальника госпиталя о представляемыхъ лицахъ.

Ст. 99. При выборѣ кандидатовъ на должность старшаго ординатора берутся преимущественно во вниманіе служба врачей въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ и относительная степень врачебнаго образованія; при равныхъ правахъ даютъ преимущество ученая степень и медицинскія заслуги.

Ст. 27. Дивизионный врачъ представляетъ по командѣ, чрезъ медицинское начальство, согласно установленному порядку: а) атестаціонные

(1) Положеніемъ о дивизионномъ врачѣ, согласно ст. 60 Положенія объ управленіи корпусомъ (прик. по воен. вѣд., 1874 г. № 234) и ст. 257 кн. III св. воен. пост. 1869 г. по II прод., руководствуются корпусные и областные врачи.

канціи врачей, ветеринаровъ и медицинскихъ, аптечныхъ и ветеринарныхъ фельдшеровъ. Тому же инспектору онъ представляетъ врачей и ветеринаровъ, заслуживающихъ прикомандированія, на казенный или собственный счетъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія къ клиникамъ медико-хирургической академіи и университетовъ и отправленія за границу съ научною цѣлью, а также для посылки врачей въ медико-хирургическую академію для спеціальнаго изученія полевой военной хирургіи.

списки подвѣдомственныхъ ему врачей и ветеринаровъ съ приложеніемъ аттестаций ближайшаго строеваго начальства о представляемыхъ лицахъ, и б) кандидатовъ для замѣненія открывающихся въ частяхъ дивизіи свободныхъ ваканцій медицинскихъ, аптечныхъ и ветеринарныхъ фельдшеровъ. Въ томъ же порядкѣ онъ представляетъ врачей и ветеринаровъ, заслуживающихъ прикомандированія на казенный или собственный счетъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія, къ клиникамъ военно-медицинской академіи и отправленія за границу съ научною цѣлью, а также для посылки врачей въ военно-медицинскую академію для спеціальнаго изученія полевой военной хирургіи.

ИЗБРАННЫЯ РѢШЕНІЯ

ГЛАВНАГО ВОЕННАГО СУДА ЗА 1891 Г.

25-го сентября, 1891 года, № 106-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по касационной жалобѣ подсудимаго старшаго унтеръ-офицера 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка Леонтія *Корныгина* на состоявшійся о немъ и младшемъ унтеръ-офицерѣ того же полка Александрѣ Богородскомъ приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Изъ дѣла видно, что означенный судъ призналъ виновными: подсудимаго Богородскаго: 1) въ томъ, что 1-го января сего года ушелъ безъ разрѣшенія изъ казармы и пробылъ въ отсутствіи одинъ часъ; 2) что въ тотъ же день, придя послѣ вечерней переклички въ казарму, когда взводный его унтеръ-офицеръ подсудимый Корныгинъ запретилъ рядовому Шай-Ахметову исполнить отданное ему имъ, Богородскимъ, приказаніе идти за нимъ въ канцелярію и пособить ему переставить къ печкѣ столъ, нѣсколько разъ ударилъ за это Корныгина по лицу, и 3) въ томъ, что на другой день утромъ, подойдя къ фельдфебелю своей роты Ежову, находившемуся въ ротной канцеляріи, нанесъ ему ударъ по лицу за то, что онъ, по мнѣнію его, Богородскаго, допустилъ дурное обращеніе съ нимъ унтеръ-офицера Корныгина, и подсудимаго Корныгина въ томъ, что 1-го января сего года, послѣ того, какъ унтеръ-офицеръ его взвода подсудимый Богородскій нанесъ ему нѣсколько ударовъ по лицу, желая выместить ему за это, схватилъ его, Богородскаго, за грудь, повалилъ на землю и нанесъ ему ударъ ногою. Примѣнивъ къ дѣяніямъ подсудимаго Богородскаго 1 ч. 191, лит. в. 101 и 103 ст. С. В. П. XXII и обращаясь къ виновности подсудимаго Корныгина, судъ нашель, что, за нанесеніе удара подчиненному унтеръ-офицеру, онъ, на основаніи 186 ст. С. В. П. XXII, подлежитъ или взысканію дисциплинарному, или одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ по 2 и 1 степенямъ, или же отдачѣ въ дисциплинарные баталіоны по 4 и 3 степенямъ. Руководствуясь 149 ст. Улож. о наказ., судъ назначилъ ему среднее изъ этихъ наказаній, именно, отдачу въ дисциплинарные баталіоны по 4 степени въ низшей мѣрѣ. Посему временный военный судъ постановилъ: младшаго унтеръ-офицера, изъ вольноопредѣляющихся, Богородскаго и старшаго унтеръ-офицера Корныгина, по лишенію обоихъ унтеръ-офицерскаго званія и нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, Корныгина и серебрянаго шеврона за сверхсрочную службу, къ отдачѣ въ дисциплинарные баталіоны или роты: Богородскаго на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ, безъ перевода въ разрядъ штрафованныхъ, а Корныгина на одинъ годъ, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ. На этотъ приговоръ подсудимый Корныгинъ принесъ касационную жалобу, въ которой указываетъ, что

онъ не долженъ подлежать наказанію за насильственные дѣйствія противъ унтеръ-офицера Богородскаго, какъ въ виду 101 ст. Улож. о наказ. угол. и исправ., такъ и по силѣ 6 ст. дисциплинар. устава. Сообразивъ эту жалобу съ приговоромъ суда и законами, и выслушавъ заключеніе исправляющаго должность главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находить, что въ признанномъ судомъ дѣяніи подсудимаго унтеръ-офицера Корныгина не заключается признаковъ преступленія, предусматриваемаго 186 ст. С. В. П. XXII, т. е. нанесенія ударовъ или побоевъ подчиненному нижнему чину: установленная же приговоромъ суда виновность этого подсудимаго въ томъ, что онъ, вслѣдствіе нанесенныхъ ему унтеръ-офицеромъ его взвода Богородскимъ нѣсколькихъ ударовъ по лицу, схватилъ Богородскаго и повалилъ на землю, не можетъ влечь за собою наказанія, такъ какъ Корныгинъ, обязанный прекратить дальнѣйшее нанесеніе ему ударовъ подчиненнымъ ему унтеръ-офицеромъ, напавшимъ на него по поводу сдѣланнаго имъ, Корныгинымъ, распоряженія по службѣ, имѣлъ право поступить такъ съ подчиненнымъ нижнимъ чиномъ, дозволившимъ себѣ нанести ему тяжкое оскорбленіе; затѣмъ послѣдующее дѣйствіе Корныгина, что онъ толкнулъ сваленнаго имъ унтеръ-офицера Богородскаго ногою, должно разсматриваться какъ маловажное нарушеніе порядка службы, влекущее за собою дисциплинарное взысканіе. Независимо отъ сего главный военный судъ не могъ не обратить вниманія на то, что временный военный судъ, примѣнивъ къ виновности подсудимаго Корныгина 186 ст. С. В. П. XXII и избравъ изъ положенныхъ въ этой статьѣ трехъ различнаго рода наказаній среднее, каковымъ являлось одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ, въ дѣйствительности, приговорилъ его къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ, т. е. къ строжайшему наказанію. На основаніи изложеннаго главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Темиръ-Ханъ-Шуръ по дѣлу объ унтеръ-офицерахъ Корныгинѣ и Богородскомъ, въ отношеніи подсудимаго Корныгина, измѣнить въ томъ, чтобы его, вмѣсто опредѣленнаго судомъ наказанія по 186 ст. С. В. П. XXII вн. 1869 г. изд. 2, подвергнуть, за маловажное нарушеніе порядка службы, на основаніи 15 ст. уст. дисц., простому аресту на десять сутокъ, безъ всякихъ правдоушней и послѣдствій; въ прочихъ же частяхъ приговоръ суда оставить въ своей силѣ.

3-го октября, № 108-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по частной жалобѣ военнаго слѣдователя Варшавскаго военнаго округа подполковника *Джурничца* на постановленіе распорядительнаго засѣданія варшавскаго военно-окружнаго суда по дѣлу о стражникѣ Александровской бригады пограничной стражи *Тягловъ*. Изъ дѣла видно, что 29-го іюня сего года военный слѣдователь подполковникъ *Джурничъ*, разсмотрѣвъ полученный отзывъ военнаго прокурора варшавскаго военно-окружнаго суда, въ которомъ содержалось требованіе, во-первыхъ, о дополненіи дѣла о стражникѣ *Тягловѣ*, и во-вторыхъ, о привлеченіи по сему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ въ преступленіи, предусматривномъ 380 ст. улож., крестьянъ *Иосифа* и *Войцеха Плескотовъ*, нашель, что требованіе это, по отношенію къ 1-му пункту, подлежитъ исполненію согласно 368 ст. военно-судебнаго устава; что же касается привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ крестьянъ *Плескотовъ*, то слѣдователь не нашель достаточнаго основанія примѣнить ст. 348 воен. суд. устава и не счель возможнымъ просить распоряженія начальства о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ названныхъ крестьянъ по той причинѣ, что предварительнымъ слѣдствіемъ не до-

быто никакихъ данныхъ, изобличающихъ ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 380 улож. о нак. По мнѣнію военного слѣдователя, обязаннаго самостоятельно оцѣнить доказательства для привлеченія крестьянъ Плескотовъ, нужны болѣе осязательные факты, между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ такихъ не существуетъ. Посему и принимая въ соображеніе, что военному прокурору по закону не предоставлено право привлекать кого либо въ качествѣ обвиняемаго, военный слѣдователь постановилъ: во-первыхъ, требованіе о привлеченіи крестьянъ Плескотовъ въ качествѣ обвиняемыхъ, какъ противозаконное, оставить безъ исполненія и, во-вторыхъ, все дополнителныя и повторенныя слѣдственныя по сему дѣлу дѣйствія, во избѣжаніе напрасныхъ издержекъ казны, исполнить въ порядкѣ 380 ст. военно-судебнаго устава. Копію съ этого постановленія военный прокуроръ представилъ временно исправляющему должность предсѣдателя варшавскаго военно-окружнаго суда для разсмотрѣнія въ распорядительномъ засѣданіи, причѣмъ въ рапортѣ своимъ изложилъ, что военный слѣдователь былъ обязанъ подпистыться его требованію на основаніи 368 ст. воен.-суд. устава, такъ какъ по дѣлу изслѣдованіемъ преступленія надлежитъ разумѣть и обнаруженіе всѣхъ тѣхъ лицъ, на которыхъ можетъ пасть отвѣтственность. По этому изслѣдованіе преступленія нельзя считать вполне исчерпаннымъ и завершеннымъ, если не всѣ причастныя къ преступленію лица указаны слѣдствіемъ для привлеченія ихъ къ дѣлу въ установленномъ законномъ порядкѣ, и въ этомъ отношеніи на военно-прокурорскомъ надзорѣ, въ силу 175 и 366 ст. воен.-суд. устава, лежитъ обязанность предупреждать подобную неполноту дѣла, а какъ обнаруженіе доказательствъ виновности лица, еще непривлеченнаго къ слѣдствію и указаніе на это лицо военному начальству въ порядкѣ 348 ст. воен.-суд. уст. составляетъ одинъ изъ предметовъ изслѣдованія преступленія, то предъявляемая въ этомъ направленіи требованія военно-прокурорскаго надзора являются обязательными для слѣдователя, въ силу 368 ст. воен.-суд. уст., хотя бы оныя и расходились съ мнѣніемъ военно-прокурорскаго надзора относительно достаточности поводовъ для привлеченія къ слѣдствію. Варшавскій военно-окружный судъ, въ распорядительномъ засѣданіи 6-го іюля сего года, выслушавъ означенный рапортъ, постановилъ: признавая требованіе военного прокурора дополненіемъ слѣдствія о стражникѣ Тягловѣ, предписать военному слѣдователю исполнить, на основаніи 368 ст. воен.-суд. уст., это требованіе и войти съ представленіемъ къ подлежащему начальству, на основаніи 348 ст. устава. На это постановленіе военный слѣдователь подполковникъ Джуричичъ подаетъ частную жалобу, въ которой объясняетъ, что ст. 348 устава военно-судебнаго помѣщена въ отдѣлѣ о существѣ обязанности и степени власти военныхъ слѣдователей, причѣмъ имъ предоставлено право доводить до свѣдѣнія начальства, если при производствѣ слѣдствія будетъ обнаружено участіе другаго лица, не привлеченнаго къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, но приступать къ изслѣдованію сихъ новыхъ обстоятельствъ разрѣшается не иначе, какъ на общемъ основаніи, т. е. по порученію начальства. Засимъ, если въ законѣ не сказано, что военный прокуроръ можетъ потребовать отъ слѣдователя примѣненія имъ ст. 348 военно-судебнаго устава, то, значитъ, законодатель не считаетъ целесообразнымъ предоставить ему это право. Ссылка военно-окружнаго суда на ст. 368 уст. военно-судебнаго ни на чемъ не основана; равнымъ образомъ и требованіе военного прокурора о привлеченіи, въ порядкѣ 348 ст., въ качествѣ обвиняемыхъ Плескотовъ не заключало въ себѣ доказательства виновности этихъ лицъ. По дополненіи дѣла, согласно указа-

ніямъ военнаго прокурора, послѣдній не лишень былъ возможности, въ силу 375 ст. военно-судебнаго устава, обратиться къ подлежащему военному начальству и тогда, по порученію сего послѣдняго, онъ, военный слѣдователь, былъ бы обязанъ выполнить все требуемое точно и безотлагательно, да кромѣ того не былъ бы поставленъ въ затруднительное положеніе просить военное начальство о привлеченіи въ качествѣ обвиняемыхъ лицъ, для изобличенія которыхъ слѣдствіемъ имъ произведеннымъ не добыто ровно никакихъ данныхъ. Въ виду всего изложеннаго военный слѣдователь проситъ объ отбѣнѣ постановленія суда по дѣлу о рядовомъ Тягловѣ. По поводу этой жалобы варшавскій военно-окружный судъ и военный прокуроръ представили объясненія, причемъ судъ излагаетъ, что, предписывая военному слѣдователю исполнить, на основаніи 368 ст. воен.-суд. устава, требованіе военнаго прокурора и войти съ представленіемъ къ подлежащему начальству, согласно 348 ст. того же уст., судъ мотивировалъ это опредѣленіе тѣмъ, что призналъ требованіе военнаго прокурора дополненіемъ слѣдствія о стражникѣ Тягловѣ, а какъ, въ силу 368 ст. воен.-суд. устава, требованіе дополненія слѣдствія прокуроромъ обязательно для военнаго слѣдователя, то судъ и предписалъ подполковнику Джуричичу исполнить оное. Признаніе же вышеизложеннаго требованія военнаго прокурора дополненіемъ слѣдствія судъ основывалъ на тѣхъ самыхъ доводахъ, которые изложены въ рапортѣ военнаго прокурора. Такимъ образомъ заявленіе слѣдователя, о томъ, что постановленіе суда было не мотивированное, оказывается неправильнымъ. Что же касается заявленія, что требованіе военнаго прокурора о привлеченіи къ дѣлу крестьянъ Плескотовъ было не мотивировано и потому нельзя было обязывать военнаго слѣдователя исполнить оное, то хотя судъ и не имѣлъ въ своемъ разсмотрѣніи этого требованія, но изъ заключенія военнаго прокурора, изложившаго подробно собранныя при предварительномъ слѣдствіи улики противъ Плескотовъ, пришелъ къ убѣжденію, что этихъ уликъ вполне достаточно для привлеченія Плескотовъ въ качествѣ обвиняемыхъ, содѣйствовавшихъ лихоимству стражника Тяглова, а потому и предписалъ военному слѣдователю, хорошо знавшему обстоятельства, служація къ изобличенію Плескотовъ, войти съ предложеніемъ о привлеченіи тѣхъ крестьянъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ. Сообразивъ частную жалобу военнаго слѣдователя подполковника Джуричича съ опредѣленіемъ варшавскаго военно-окружнаго суда, объясненіемъ сего же суда, возраженіемъ военнаго прокурора на жалобу и законами и выслушавъ заключеніе исправляющаго должность главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что, въ силу 368 ст. воен.-суд. устава, военный слѣдователь безусловно обязывается исполнять лишь тѣ законныя требованія военнаго прокурора или его помощника, которыя относятся исключительно къ изслѣдованію самаго факта преступленія и къ собранію доказательствъ виновности подозреваемаго въ преступленіи лица, а равно и лица, привлеченнаго уже къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго. Въ виду сего, требованіе военно-прокурорскаго надзора о составленіи военнымъ слѣдователемъ постановленія объ основаніяхъ для возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ лица, не привлеченнаго къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемаго, не можетъ относиться къ числу такихъ, которое, согласно вышеупомянутой статьи воен.-суд. устава, являлось бы обязательнымъ для военнаго слѣдователя, такъ какъ очевидно, что изслѣдованіе преступленія и собраніе доказательствъ виновности вовсе не находится въ прямой зависимости отъ привлеченія къ дѣлу того или другаго лица въ качествѣ обвиняемаго. Этимъ, между прочимъ, объясняется и наличность въ

воен.-суд. уставѣ 348 и 375 статей, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ правила дальнѣйшаго направленія дѣла при обнаруженіи военнымъ слѣдователемъ, во время производства слѣдствія, новаго преступленія или обстоятельствъ, указывающихъ на участіе въ обслѣдуемомъ уже противозаконномъ дѣяніи лица, не привлеченнаго еще въ качествѣ обвиняемаго. Затѣмъ, 375 ст. обязываетъ военного прокурора доводить до свѣдѣнія военного начальства о тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, когда они будутъ усмотрѣны военно-прокурорскимъ надзоромъ или во время наблюденія за производствомъ слѣдствія, или при рассмотрѣніи представленнаго на заключеніе дѣла. Посему военный слѣдователь подполковникъ Джуричичъ, получивъ предложеніе военного прокурора о привлеченіи къ уголовному преслѣдованію по дѣлу о стражникѣ Тягловѣ, крестьянъ Іосифа и Войцеха Плескотовъ по обвиненію ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 380 ст. улож. о наказ., и не находя, съ своей стороны, достаточныхъ основаній для исполненія такого требованія, имѣлъ полное право оставить это предложеніе безъ исполненія, поставивъ о семъ въ извѣстность военного прокурора. На основаніи изложеннаго, признавая частную жалобу подполковника Джуричича заслуживающею уваженія, главный военный судъ опредѣляетъ: состоявшееся по рапорту военного прокурора варшавскаго военно-окружнаго суда постановленіе распорядительнаго засѣданія сего суда по вопросу о привлеченіи къ уголовному преслѣдованію по дѣлу стражника Тяглова, крестьянъ Плескотовъ, со всѣми послѣдствіями, отмѣнить.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОБОЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВНЫХЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ АРМІЙ ВЪ 1891 ГОДУ.

(Статья первая).

Общее значеніе отчетнаго года для армій: Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Ита-
ліи и Англій.

Прошлогодняя дѣятельность главныхъ западно-европейскихъ армій отличалась, по обыкновенію, упорной энергіей въ преслѣдованіи цѣлей всесторонней подготовки къ войнѣ. Каждая армія стремилась разрѣшить очередныя задачи своего устройства, но такъ какъ всѣ онѣ, кромѣ англійской, развиваются по одному образцу, являются продуктомъ одинаковой военной системы, то дѣятельность ихъ и въ частности имѣла многія общія стороны. Въ организаціонномъ отношеніи усилія повсюду были направлены къ возможному увеличенію численности обученныхъ чиновъ, поступающихъ на сформированіе армій военного времени, и къ обезпеченію надлежащаго пользованія всею этою массою. Въ сферѣ обученія продолжалась, принявшая весьма широкіе размѣры, подготовка къ распоряженію большими войсковыми массами, производились испытанія малодымнаго пороха и новыхъ ружей съ цѣлью выясненія вліянія, оказываемаго этими факторами на тактику, и провѣрялась принятая войсковая организація въ тактическомъ отношеніи. Въ области вооруженія господствовало, но прежнему, стремленіе воспользоваться всѣми усовершенствованіями новѣйшей техники. Всѣ правительства заботились о снабженіи войскъ возможно лучшими предметами снаряженія и принимали мѣры къ обезпеченію продовольствія войскъ въ военное время. Наконецъ, въ каждомъ государствѣ продолжалась перестройка крѣпостей, вызываемая развитіемъ артилерійской техники, расширялась и улучшалась желѣзнодорожная сѣть специально въ военныхъ цѣляхъ. Достигнутые результаты соответствовали напряженности работы и обилію матеріальныхъ средствъ, предоставляемыхъ въ распоряженіе военныхъ министерствъ.

Въ *Германіи*, послѣ коренныхъ организаціонныхъ реформъ 1890 г., обезпечившихъ въ значительной степени утилизацію многочисленныхъ резервовъ, снова было поднятъ въ прошломъ году вопросъ о необходимости увеличить численность обученныхъ чиновъ и на этотъ разъ достигнуть цѣли предполагается посредствомъ сокращенія срока дѣйствительной службы съ трехъ лѣтъ на два года. Агитація началась въ военной печати, но вслѣдъ затѣмъ вопросъ перешелъ изъ области теоретическихъ разсужденій въ сферу практическихъ испытаній. По распоряженію военного министерства, приступлено къ производству опыта двухлѣтней службы. Съ этой цѣлью, въ нѣкоторыхъ пѣхотныхъ частяхъ нижніе чины распределены между баталіонами такъ, что 1-й баталіонъ состоитъ изъ прослужившихъ одинъ годъ, 2-й баталіонъ — изъ прослужившихъ два года, и 3-й баталіонъ — изъ прослужившихъ одинъ и два года. Съ выполненіемъ очереднаго призыва, новобранцы поступаютъ въ соотвѣтствующей пропорціи въ каждый изъ баталіоновъ; 1-й баталіонъ будетъ находиться, такимъ образомъ, въ условіяхъ двухлѣтней дѣйствительной службы. Опытъ доставить данныя для оцѣнки новой мѣры и если онъ будетъ свидѣтельствовать въ пользу реформы, то военное министерство внесетъ ко времени истеченія септената, т. е. къ 1-му апрѣля 1894 г., соотвѣтствующій законопроектъ на разсмотрѣніе рейхстага. Основная цѣль перехода къ новому порядку отбыванія воинской повинности состоитъ въ томъ, чтобы ознакомить съ военной службой всѣхъ годныхъ лицъ каждаго призывнаго возраста. По крайней мѣрѣ, такой выводъ логически вытекаетъ изъ всѣхъ соображеній, приводимыхъ въ пользу двухлѣтней дѣйствительной службы. Достигнуть указанной цѣли Германія не могла при трехлѣтнемъ срокѣ пребыванія подъ знаменами, несмотря на содержаніе многочисленныхъ кадровъ въ мирное время, несмотря на широкую практику преждевременнаго увольненія и не взирая на учрежденіе запаса новобранцевъ. Результатъ этотъ былъ предвидѣнъ нѣкоторыми еще вслѣдъ за изданіемъ закона 1-го мая 1880 г. Въ мѣстной военной печати тогда же доказывалось, что не слѣдовало останавливаться на полумѣрахъ, а было необходимо коренной пересмотръ закона 1874 г. Высказывались требованія новаго усиленія постоянной арміи, зачисленія въ ряды войскъ всѣхъ годныхъ къ военной службѣ, полнаго присоединенія ландвера къ полевой арміи и заблаговременной организаціи ландштурма. Много изъ этой программы выполнено и, напрямѣръ, возростаніе постоянной арміи, возстановленіе ландвера 2-го класса и другія существенныя реформы стали совершившимися фактами, но чрезъ ряды

войскъ все еще не проходить весь очередной возрастъ. Теперь, очевидно, настала очередь и этой мѣры.

Опытъ двухлѣтной службы производится только въ пѣхотныхъ войскахъ; изъ этого надо заключить, что распространять реформу на войска другихъ родовъ оружія военное министерство не предполагаетъ. Сторонники двухлѣтной службы настаиваютъ на введеніе этого срока вездѣ, кромѣ кавалеріи, но пока такое рѣшеніе считается въ руководящихъ сферахъ неосновательнымъ. Сокращеніе общаго курса строеваго обученія нижнихъ чиновъ вызвало необходимость установить новый планъ занятій, причемъ особенно существеннымъ измѣненіямъ подверглись дѣйствующія правила относительно стрѣлковаго обученія. Результаты опыта вполнѣ опредѣлятся лишь въ октябрѣ 1893 года, когда оба возраста опытныхъ баталіоновъ будутъ обучены исключительно при условіяхъ двухлѣтной службы. Выборъ частей для опыта сдѣланъ весьма предусмотрительно и практика должна показать: можно ли обойтись нынѣшнимъ учебнымъ составомъ, или потребуется увеличить число офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Генераль Богуславскій, одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ двухлѣтной службы, полагаетъ, что практическое примѣненіе ея потребуетъ дѣлаго ряда новыхъ организаціонныхъ мѣръ, при которыхъ она только и можетъ принести ожидаемую пользу. Увеличеніе военныхъ расходовъ тѣсно связано, поэтому, съ принятіемъ двухлѣтной службы.

Въ ожиданіи новыхъ серьезныхъ реформъ, германское военное министерство ограничилося въ прошломъ году нѣкоторыми частными мѣропріятіями. Общій составъ постоянной арміи остался безъ измѣненія, именно: 538 баталіоновъ пѣхоты, 465 эскадроновъ кавалеріи, 437 батарей полевой артилеріи, включая три учебныхъ батареи; 31 баталіонъ крѣпостной артилеріи, 20 піонерныхъ баталіоновъ и 21 обозный баталіонъ. Дѣйствительная численность арміи мирнаго времени нѣсколько возросла и достигла 20,440 офицеровъ, 497,462 нижнихъ чиновъ, 1,830 военныхъ врачей, 6,514 чиновъ военно-административныхъ учреждений и заведеній и 116,178 лошадей. Собственно въ прусской арміи новыя мѣропріятія относятся, прежде всего, до увеличенія штатнаго офицерскаго состава различныхъ учреждений: военнаго министерства, артилерійскаго вѣдомства и т. д. Всего прибавлено 23 должности, а три изъ существовавшихъ упразднены, такъ что личный составъ увеличился на 20 офицеровъ. Комендантъ, плац-майоръ и гарнизонный врачъ крѣпости Нисы переведены въ Грауденцъ, который снова получилъ, такимъ образомъ, крѣпостное управ-

леніе, что, повидимому, находится въ связи съ рѣшеніемъ возстановить крѣпостныя сооруженія этого пункта. Составъ округовъ пополненія усиленъ 50-ю офицерами, не состоящими на дѣйствительной службѣ, въ чинахъ капитана и поручика. Въ штатъ обозной инспекціи введенъ адъютантъ въ чинѣ ротмистра. Затѣмъ, численный составъ 14-го и 15-го обозныхъ баталіоновъ увеличенъ въ каждомъ баталіонѣ на 22 человекъ нижнихъ чиновъ и 44 лошади; цѣль этого увеличенія состоитъ въ томъ, чтобы баталіоны эти могли доставлять запряжку для крѣпостной артилеріи во время упражненій. Наконецъ, двѣ трети остающагося отъ некомплекта подпоручиковъ инженерныхъ войскъ жалованія разрѣшено употребить на содержаніе сверхштатныхъ вице-фельдфебелей, которые значатся по штату въ числѣ нижнихъ чиновъ, но будутъ исполнять офицерскія обязанности. Число сверхштатныхъ вице-фельдфебелей устанавливается военнымъ министромъ, а распредѣляются они по баталіонамъ по усмотрѣнію генераль-инспектора инженернаго и піонернаго корпусовъ.

Устройство корпуса офицеровъ продолжаетъ озабочивать германское военное министерство. Покрытіе некомплекта все еще не достигнуто. Разница между штатнымъ и наличнымъ составомъ офицеровъ по прежнему довольно значительна. Въ началѣ прошлаго года въ германской арміи было на лицо: 17,651 офицеръ постоянной службы, 9,225 офицеровъ резерва и 10,889 офицеровъ ландвера, не считая офицеровъ, состоящихъ въ распоряженіи военнаго министерства. Недостаетъ преимущественно субалтернъ-офицеровъ. Необходимость болѣе многочисленнаго укомплектованія для корпуса офицеровъ заставила принять по этому предмету исключительныя мѣры. Въ февралѣ отчетнаго года, въ потсдамскомъ, ганшверскомъ и кассельскомъ военныхъ училищахъ, а въ остальныхъ пяти прусскихъ училищахъ въ августѣ, были открыты сокращенные учебные курсы съ такимъ подраздѣленіемъ времени, чтобы въ первыхъ трехъ училищахъ до марта 1893 г., а во вторыхъ—до сентября 1893 г. состоялось три послѣдовательныхъ курса. Затѣмъ, въ февралѣ прошлаго года послѣдовало открытіе девятаго военнаго училища. Штатъ главнаго кадетскаго корпуса увеличенъ на 40 кадетъ и въ корпусѣ сформированы двѣ новыхъ роты, такъ что общее число ротъ дошло до 10. Штатъ кеслинскаго кадетскаго корпуса то же увеличенъ на 40 кадетъ. Въ Карлсруэ учрежденъ новый кадетскій корпусъ. Далѣе, кандидаты на подпрапорщиковъ, выпущенные изъ кадетскихъ корпусовъ съ отличной атестаціей, допускаются въ военныя училища послѣ двухмѣсячной службы въ войскахъ, а остальные—послѣ трех-

мѣсячной. Сдача экзамена на званіе подпрапорщика разрѣшена во всякое время; высшая экзаменаціонная комісія собирается каждый разъ, когда будетъ подано не менѣе 10-ти прошеній. Наконецъ, учебныя требованія для производства въ подпрапорщики и въ офицеры нѣсколько понижены, именно: отъ поступающихъ въ артилерію и инженерныя войска требуются тѣ же отмѣтки по математикѣ, какъ и отъ офицеровъ другихъ родовъ оружія, а при испытаніяхъ на подпрапорщика отмѣнено представленіе ситуационныхъ плановъ.

До изданія новыхъ правилъ, молодые люди, поступающіе въ войска на правахъ кандидатовъ на офицерское званіе, производились въ подпоручики, въ лучшихъ случаяхъ, на 17-мъ мѣсяцѣ службы, а въ большинствѣ случаевъ—на 20—23 мѣсяцѣ. Кандидатъ долженъ былъ оставаться, по крайней мѣрѣ, пять мѣсяцевъ въ войскахъ, для усвоенія практической службы; затѣмъ, онъ поступалъ въ военное училищѣ, учебный курсъ котораго продолжается девять мѣсяцевъ; по выдержаніи офицерскаго экзамена, онъ снова возвращался въ войска и производился въ офицеры спустя два мѣсяца. Теперь изъ всѣхъ этихъ сроковъ только послѣдній сохранилъ свою прежнюю продолжительность; первый сокращенъ на 2—3 мѣсяца, второй—на два мѣсяца. Въ результатѣ, молодые люди могутъ достигнуть офицерскаго званія на 13-мъ или 14-мъ мѣсяцѣ службы. Безспорно, обстоятельство это весьма выгодно для лицъ, избравшихъ военную карьеру, но какъ отзовется оно на подготовкѣ офицеровъ—это другой вопросъ. Даже и при установленномъ до сихъ поръ девятимѣсячномъ курсѣ преподавателямъ военныхъ училищъ приходилось напрягать всѣ силы, чтобы справиться съ возложенной на нихъ обязанностью. Для сокращенныхъ курсовъ понадобились новыя учебныя программы, менѣе полныя, и, конечно, научное образованіе молодыхъ офицеровъ понизится. Что касается практической подготовки офицеровъ, то хотя начальники частей и обязаны принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы кандидаты на подпрапорщиковъ могли усвоить въ теченіи двухъ, трехъ мѣсяцевъ всѣ нужныя имъ практическія свѣдѣнія, но при самой искусной постановкѣ обученія нельзя сдѣлать въ два мѣсяца того, что при значительномъ напряженіи дѣлалось прежде въ пять мѣсяцевъ.

Временно, недостатокъ субалтернъ-офицеровъ покрывается сверхкомплектномъ вице-фельдфебелей, которыхъ разрѣшено имѣть по 10-ти человекъ въ каждомъ пѣхотномъ полку, по четыре въ стрѣлковомъ баталіонѣ, 75 въ крѣпостной артилеріи и 81 въ инженерныхъ войскахъ; всѣ эти цифры относятся къ прусской арміи.

Матеріальное положеніе нѣкоторыхъ категорій офицеровъ нѣсколько улучшено въ отчетномъ году. Получающимъ фуражныя деньги офицерамъ пѣшихъ войскъ и ѣздящей артилеріи, начиная съ чина подпоручика и до получающихъ содержаніе полковаго командира, а равно и тѣмъ офицерамъ указанныхъ чиновъ, которые были переведены изъ пѣшихъ войскъ и ѣздящей артилеріи и получили особыя назначенія—всѣмъ этимъ офицерамъ назначены денежныя пособія на обзаведеніе верховыми лошадьми. Затѣмъ, срокъ службы казенныхъ лошадей тѣхъ офицеровъ кавалеріи и конной артилеріи, которымъ казенныя лошади полагаются, сокращенъ съ пяти лѣтъ на четыре года. Въ 3-мъ и 8-мъ армейскихъ корпусахъ учреждены, въ видѣ опыта, по одному офицерскому ремонтному депо съ тою цѣлью, чтобы дать возможность получающимъ фуражныя деньги офицерамъ, преимущественно пѣшихъ войскъ, пріобрѣтать здоровыхъ и годныхъ къ службѣ верховыхъ лошадей.

Въ прошломъ году германское военное министерство сдѣлало серьезное усиліе съ цѣлью болѣе надежнаго разрѣшенія унтеръ-офицерскаго вопроса. Въ виду постоянно увеличивающагося недостатка сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, оно настояло на исполненіи нѣсколькихъ важныхъ мѣръ, способныхъ обезпечить организацію низшихъ кадровъ арміи. Въ правительственную програму по этому предмету входило, прежде всего, учрежденіе двухъ новыхъ подготовительныхъ унтеръ-офицерскихъ школъ, въ Юлихѣ и Волау; далѣе, министерство задумало пересмотрѣть дѣйствующихъ законоположеній о пенсіяхъ унтеръ-офицерамъ и, наконецъ, проектировало выдачу премій. По официальнымъ заявленіямъ, основная причина недостаточности унтеръ-офицеровъ заключается въ уменьшеніи числа желающихъ избирать военную карьеру, явившееся, въ свою очередь, слѣдствіемъ большей обезпеченности, достигаемой способными людьми въ другихъ профессіяхъ. Въ Германіи, старшій унтеръ-офицеръ получаетъ не болѣе двухъ марокъ въ день, считая всѣ виды довольствія, и недостаточность такого содержанія по сравненію съ обезпеченностью способныхъ рабочихъ въ другихъ профессіяхъ, заставляетъ многихъ унтеръ-офицеровъ, по окончаніи общаго срока службы, возвращаться въ первобытное состояніе. Если и находятся люди, соглашающіеся поступать на сверхсрочную службу, то они дѣлаютъ съ намѣреніемъ выслужить право на занятіе мѣста въ гражданской службѣ, стало быть все-таки съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ военной карьеры, какъ только будетъ достигнута поставленная ими цѣль. Побудительная причина эта дурно отражается на прохожденіи службы

сверхсрочными; они не отдають ей всѣхъ силъ, какъ того требуютъ современныя условія военнаго дѣла. Въ результатѣ, положеніе оказывается довольно неблагопріятное: унтеръ-офицеровъ недостаетъ, среди сверхсрочныхъ есть малоспособные и вся тяжесть службы падаетъ на немногихъ способныхъ унтеръ-офицеровъ, которые, дѣлая работу за другихъ, не получаютъ, однако, ни одного пфенига болѣе того скуднаго содержанія, которое назначено штатами.

Учрежденіе двухъ новыхъ подготовительныхъ унтеръ-офицерскихъ школъ расширить источникъ пополненія унтеръ-офицерскаго состава. Назначеніе сверхсрочнымъ унтеръ-офицерамъ премій, существенно улучшая матеріальныя выгоды, достигаемыя продолжительнымъ пребываніемъ на военной службѣ, привлечетъ въ ряды войскъ въ болѣе, чѣмъ прежде, размѣръ способныхъ нижнихъ чиновъ. По проекту министерства, размѣръ премій предполагался слѣдующій: послѣ пятилѣтней службы 50 марокъ, послѣ шестилѣтней—100 марокъ, за семилѣтнюю—200 марокъ, за восьмилѣтнюю—350 марокъ, за девятилѣтнюю—550 марокъ, за 10-ти-лѣтнюю—800 марокъ, за 11-ти-лѣтнюю—900 марокъ и за 12-ти-лѣтнюю—1,000 марокъ. Правительству не удалось, однако, убѣдить рейхстагъ въ необходимости узаконить постепенность премій: всѣ промежуточные асигнованія были отклонены и постановлено, что премія въ 1,000 марокъ выдается лишь послѣ 12-ти-лѣтней службы, взаменъ назначаемаго до сихъ поръ единовременнаго пособія въ 165 марокъ. Ежегодный расходъ на этотъ предметъ составитъ 2.400,000 марокъ, слѣдовательно, рассчитывается каждый годъ выдавать преміи 2,400 сверхсрочнымъ унтеръ-офицерамъ, покидающимъ службу послѣ 12-ти лѣтъ. Проектъ объ увеличеніи пенсій не вносился на разсмотрѣніе законодательной власти.

Говоря объ улучшеніи матеріальнаго положенія нижнихъ чиновъ, слѣдуетъ отмѣтить принятую въ прошломъ году мѣру относительно пособія нижнимъ чинамъ. Согласно закону 28-го февраля 1888 года, нуждающіяся семейства нижнихъ чиновъ, взятыхъ на постоянную службу, пользуются казенными пособиями въ установленныхъ закономъ размѣрахъ. Мѣра эта распространена и на семейства чиновъ резерва, ландвера и зеевера, призванныхъ на учебные сборы. Наименьшій размѣръ пособій опредѣленъ слѣдующій: женамъ: въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ — по 20 пфен. въ день; въ остальные мѣсяцы — по 30 пфен. въ день; остальнымъ членамъ семействъ, имѣющимъ право на пособия по закону 1888 года, — по 10 пфен. въ день. Пособія выдаются на недѣльные сроки. Половина

суммы наименьшаго размѣра пособій уплачивается казной, а половина—общинами.

Въ порядкѣ пополненія арміи произошли нѣкоторыя частныя измѣненія. Зачисленіе новобранцевъ, поступающихъ на строевую службу, послѣдовало, въ кавалеріи, въ первыхъ числахъ октября, а въ остальныхъ родахъ оружія—между 2-мъ и 7-мъ числами ноября. Нестроевые чины поступили на службу 1-го октября. Число новобранцевъ, назначенныхъ каждой войсковой части, было опредѣлено слѣдующими цифрами: пѣхотному баталіону: усиленнаго состава—244 чел., средняго состава—228 чел. и низшаго состава—209 чел.; стрѣлковому баталіону: усиленнаго состава—232 чел., средняго состава—216 чел. и низшаго состава—199 чел.; кавалерійскому полку: усиленнаго состава—не менѣе 160 чел., средняго и низшаго состава—не менѣе 150 чел.; конной батарее: усиленнаго состава—не менѣе 35 чел., средняго состава—не менѣе 25 чел.; ѣздящей батарее: усиленнаго состава—не менѣе 38 чел., средняго состава—не менѣе 35 чел. и низшаго состава—не менѣе 30 чел.; крѣпостному артилерійскому баталіону: усиленнаго состава—210 чел., низшаго состава—168 чел.; гвардейскому піонерному баталіону 210 человекъ; каждому изъ остальныхъ піонерныхъ баталіоновъ 172 чел.; баталіону желѣзнодорожнаго полка не менѣе 135 человекъ; обознымъ ротамъ отъ 15 до 38 человекъ. Въ приведенныя цифры не входятъ нестроевые чины, ежегодное число которыхъ въ каждой части составляетъ, по крайней мѣрѣ, треть строевыхъ. Сравненіе изложенныхъ данныхъ съ соответствующими данными, обнародованными въ 1890 году, показываетъ, что въ девяти частяхъ пѣхоты и полевой артилеріи установлено теперь три состава, вмѣсто двухъ, что мѣра эта распространена на стрѣлковые баталіоны и на кавалерійскіе полки, содержавшіеся до сихъ поръ въ одномъ составѣ. Кромѣ того, почти во всѣ части было назначено новобранцевъ болѣе, чѣмъ въ 1890 году. Нововведенія эти являются преимущественно слѣдствіемъ закона 15-го іюля 1890 года, увеличившаго численность германской арміи мирнаго времени и позволившаго усилить составъ значительнаго числа частей различныхъ родовъ оружія, расположенныхъ на восточной и западной границахъ имперіи.

Для учета современнаго состава сухопутныхъ силъ Германіи серьезное значеніе имѣютъ официальные отчеты объ отбываніи воинской повинности. Изъ послѣдняго отчета видно, что въ 1890 году призыву къ отбыванію воинской повинности подлежало 1.476,466 человекъ. На укомплектованіе постоянной арміи и флота поступило

182,836 челов., причеъ 179,511 челов. приходится на долю сухопутныхъ войскъ, а 3,325 человекъ—на долю флота. Вольноопредѣляющихся принято 12,666 человекъ. Въ запасъ новобранцевъ зачислено: сухопутной арміи 85,363 чел., флота 768 челов. Ландштурмъ перваго призыва возросъ на 110,170 челов. Затѣмъ. 521,629 челов. получили отсрочку отъ призыва, 368,297 человекъ хотя и значились въ призывныхъ спискахъ, но отбыли повинность не по призывамъ, 114,581 челов. не явилось, 30,680 челов. освобождены отъ повинности и т. д. Въ общемъ, за покрытіемъ надобности, осталось въ излишгь 5,916 человекъ.

Прошлогодня учебная дѣятельность германской арміи выразилась въ слѣдующихъ главныхъ фактахъ. Корпусные маневры произвели 4-й и 11-й прусскіе армейскіе корпуса и оба баварскіе корпуса. На время маневровъ прусскимъ корпусамъ данъ былъ особый составъ. Каждый изъ корпусовъ былъ усиленъ кавалерійскою дивизіей, а 4-й корпусъ, кромѣ того, и резервною пѣхотною дивизіей, специально сформированной для этой цѣли. Оба корпуса вышли на маневры въ составѣ трехъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи, имѣя въ общемъ, до 55,000 человекъ и около 11,000 лошадей. Баварскіе корпуса маневрировали каждый въ двухдивизионномъ составѣ, такъ какъ третья дивизія 2-го корпуса постоянно расположена въ Пфальцѣ и Эльзасъ-Лотарингіи и поэтому не была привлечена на маневры.

Корпусные маневры прошли обычнымъ, установившимся въ последнее время, порядкомъ. На маневрахъ присутствовалъ императоръ. Въ 11-мъ корпусѣ были отмѣнены слѣдующіе по уставу о полевой службѣ корпусные маневры противъ обозначеннаго противника, а въ 4-мъ корпусѣ вмѣсто этого рода маневровъ состоялись маневры на двѣ стороны. Затѣмъ въ прусскихъ корпусахъ послѣдовали трехдневные двухсторонніе корпусные маневры. Кавалерійскія дивизіи, по окончаніи установленныхъ уставомъ отдѣльныхъ кавалерійскихъ упражненій, вошли въ составъ соответствующихъ корпусовъ на время императорскихъ маневровъ. Собственно корпусные маневры прусскихъ корпусовъ начались производствомъ маршей, затѣмъ два дня разыгрывались бои, послѣ чего корпуса были сведены вмѣстѣ и маневрировали противъ обозначеннаго противника. По той же программѣ выполнили маневры и баварскіе корпуса. Окончивъ дивизионные сборы, корпуса сосредоточились и представились верховному вождю арміи. Затѣмъ одинъ день былъ посвященъ двухстороннимъ корпуснымъ маневрамъ, послѣ чего вся баварская армія, исключая

5-й дивизіи, въ составѣ 50-ти баталіоновъ, 40 эскадроновъ и 42-хъ батарей, была сведена въ одну группу и произвела маневры противъ обозначеннаго противника.

Главный интересъ корпусныхъ маневровъ сосредоточился на участіи въ нихъ резервной дивизіи, такъ какъ въ Пруссіи это былъ первый опытъ привлеченія резервовъ къ большимъ строевымъ упражненіямъ постоянной арміи. Резервная дивизія состояла изъ четырехъ резервныхъ пѣхотныхъ полковъ, кавалерійскаго полка, сформированнаго изъ четырехъ эскадроновъ постоянной арміи, трехъ резервныхъ батарей и резервной піонерной роты. Каждый пѣхотный полкъ имѣлъ три баталіона; въ баталіонѣ находилось по 807 нижнихъ чиновъ и командованіе ими было ввѣрено штабъ-офицерамъ постоянной арміи, занимающимъ должности, такъ называемыхъ, «тринадцатыхъ» капитановъ. Баталіонные адъютанты были тоже взяты изъ числа субалтернъ-офицеровъ постоянной службы. Изъ четырехъ ротъ каждаго баталіона, тремя командовали офицеры не постоянной службы, а одною—капитанъ постоянной службы. Роты, во главѣ которыхъ находились офицеры ландвера, имѣли по одному поручику постоянной службы и по три субалтернъ-офицера ландвера; въ остальныхъ ротахъ всѣ субалтернъ-офицеры были не постоянной службы. Согласно сдѣланному заблаговременно объявленію о призывѣ, люди собрались въ призывные пункты и 7-го сентября баталіоны были сформированы. Люди принадлежали исключительно къ возрастнымъ классамъ 1879—1882 гг., слѣдовательно, состояли въ ландверѣ перваго призыва и въ прошломъ году были привлекаемы къ строевымъ упражненіямъ для ознакомленія съ ружьями новаго образца. Въ день явки на сборные пункты они были снабжены предметами обмундированія, снаряженія и вооруженія по табелямъ военнаго времени. Врачебный и хозяйственный персоналъ доставила постоянная армія. Въ ротахъ находилось по одному фельдфебелю постоянной службы и по 11 военно-отпускныхъ унтеръ-офицеровъ. Въ теченіе четырехъ дней роты и баталіоны резервныхъ полковъ упражнялись въ пунктахъ формироваанія, а затѣмъ были доставлены по желѣзнымъ дорогамъ въ районъ маневровъ, гдѣ и сформированы въ полки.

Кавалерійскій полкъ резервной дивизіи былъ своднымъ полкомъ постоянной арміи и, слѣдовательно, не принадлежалъ къ составу резервовъ. Напротивъ, артилерійское отдѣленіе было сформировано изъ нижнихъ чиновъ ландвера. Подробностей формироваанія резервныхъ артилерійскихъ частей мѣстная военная печать не приводитъ, хотя онѣ представляли бы выдающійся интересъ. Газеты ограничи-

ваются замѣчаніемъ, что, по финансовымъ соображеніямъ, вмѣсто полка было мобилизовано только отдѣленіе, и что лошади были наняты въ Берлинѣ, съ уплатою по 12 марокъ въ день за упряжную и по 9 марокъ—за верховую. Резервная піонерная рота была сформирована изъ нижнихъ чиновъ ландвера, принадлежащихъ къ названному роду оружія. Ротой командовалъ капитанъ постоянной службы и она имѣла четырехъ субалтернъ-офицеровъ: двухъ постоянной службы и двухъ ландвера. Рота была снабжена по образцу инженерныхъ ротъ дѣйствующей арміи.

По поводу формироваія резервной дивизіи, мѣстная военная печать сдѣлала нѣсколько замѣчаній. Указывалось, прежде всего, что мундиры были узки для большинства ландверистовъ старшихъ возрастовъ, и что новая обувь стирала ноги; въ нѣкоторыхъ баталіонахъ число людей со стертими ногами было весьма значительно. Мундиры оказались узки преимущественно ландверистамъ промышленныхъ классовъ; напротивъ, пригонка мундировъ земледѣльческимъ классамъ не вызвала затрудненій. Объясненіе этого факта кроется въ изліпнемъ потребленіи пива промышленными классами, причѣмъ злоупотребленіе спиртными напитками ведетъ не только къ чрезмѣрной полнотѣ, но и къ потерѣ энергіи, что, по словамъ газетъ, ясно обнаружилось во время маневровъ резервной дивизіи.

Военная печать указывала далѣе на нецѣлесообразность обученія резервной дивизіи. Большинство ландвера предназначается для полевыхъ операцій въ военное время; поэтому производство маршей и веденіе боя должны служить главными сторонами обученія этой категоріи военно-обязанныхъ. Между тѣмъ, резервная дивизія занималась съ 8-го по 14-е сентября преимущественно церемоніальнымъ маршемъ. Выработка дисциплины не вызвала необходимости въ этихъ именно занятіяхъ, такъ какъ войска могли быть дисциплинированы посредствомъ упражненій въ маневрированіи и въ веденіи боя. Настоящая причина упражненій въ церемоніальномъ маршѣ заключалась въ томъ, что резервная дивизія должна была участвовать на смотру 4-го корпуса. Для ландверистовъ, говорила по этому поводу берлинская «Deutsche Heeres-Zeitung», смотры не составляютъ важнѣйшаго; церемоніальный маршъ и все связанное съ нимъ отнимаютъ слишкомъ много времени. Газета высказывала пожеланіе, чтобы резервныя дивизіи ежегодно были привлекаемы къ участію въ большихъ маневрахъ, но чтобы служба этихъ дивизій была регулирована иначе, чѣмъ дѣлалось въ призывѣ текущаго года, а главное, чтобы ни въ какомъ случаѣ резервныя дивизіи въ парадахъ не уча-

ствовавали. Хотя германская система подготовки ландвера имѣетъ неоспоримое преимущество надъ австрійской, но газета съ сожалѣніемъ признаетъ, что на маневрахъ текущаго года австрійскій ландверъ какъ въ бою, такъ и при маневрированіи производилъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ германскій. Газета мирится съ тѣмъ, что ландверныя дивизіи уступаютъ дивизіямъ постоянной арміи и въ отношеніи строевой подготовки и относительно дисциплины, но настаиваетъ на необходимости сдѣлать все возможное, чтобы уменьшить это различіе. Съ объявленіемъ войны, не будетъ времени постепенно втянуть ландверистовъ въ работу и тѣмъ заботливѣе слѣдуетъ въ мирное время готовить ихъ къ перенесенію трудностей боевой службы, иначе съ первыхъ дней кампаніи ландверисты переполнятъ лазареты.

Неблагопріятенъ также отзывъ мѣстной военной печати и объ офицерахъ резерва и ландвера, участвовавшихъ на маневрахъ. Безспорно, съ 1871 года многое было сдѣлано для теоретическаго и практическаго обученія офицеровъ этой категоріи, но все-таки рѣдко кому изъ нихъ удалось привить искусство командованія и управленія войсками. Ротные командиры изъ офицеровъ не постоянной службы, въ большинствѣ случаевъ, были неудовлетворительны и всегда можно было тотчасъ же узнать, какой ротой командуетъ офицеръ постоянной службы. Опытъ маневровъ далъ одной изъ мѣстныхъ военныхъ газетъ основаніе высказать по этому предмету слѣдующія пожеланія: 1) назначать въ военное время на должность ротныхъ командировъ въ резервныхъ дивизіяхъ исключительно офицеровъ постоянной службы, а старшимъ ландвернымъ офицерамъ давать другія назначенія; 2) обратить еще большее вниманіе на обученіе офицеровъ ландвера, и 3) озаботиться увеличеніемъ числа офицеровъ постоянной службы съ тѣмъ, чтобы дѣйствующіе полки имѣли возможность отдавать резервамъ большее число офицеровъ. Формулируя эти требованія, газета оговаривается, однако, что новыя правила объ обученіи кандидатовъ на званіе офицеровъ резерва дѣйствуютъ недавно и поэтому не могли оказать вліянія на подготовку старшихъ офицеровъ ландвера, какъ и выяснилось вполнѣ на маневрахъ 4-й резервной дивизіи.

Спеціальныя кавалерійскіе сборы происходили, кромѣ 4-го и 11-го армейскихъ корпусовъ, еще во 2-мъ и 17-мъ корпусахъ, гдѣ было тоже сформировано по одной кавалерійской дивизіи. По окончаніи спеціальныхъ упражненій, дивизіи произвели трехдневные двухсторонніе маневры. Упражненія крѣпостной артилеріи въ во-

оруженіи крѣпостей происходили въ Мецѣ, а большія піонерныя упражненія—у Грауденца.

Въ прошломъ году были объявлены новыя правила относительно обученія новобранцевъ запаса. Назначеніе лицъ этой категоріи, сказано, между прочимъ, въ правилахъ, состоитъ въ томъ, чтобы по возможности скорѣе поступить на укомплектованіе войсковыхъ частей, дѣйствующихъ на театрѣ войны. Поэтому, необходимо, чтобы въ мирное время люди эти усвоили требованія дисциплины, выработали у себя способность къ походнымъ движеніямъ и ознакомились обращенію съ оружіемъ. Такъ какъ они не предназначены на сформированіе самостоятельныхъ войсковыхъ частей, то будутъ отбывать службу въ составѣ обученныхъ войскъ; поэтому при подготовкѣ ихъ слѣдуетъ обращать главное вниманіе на одиночное обученіе. Бой на штыкахъ не нуженъ, равно какъ и всѣ упражненія, производимыя ради смотровыхъ цѣлей; гимнастика нужна имъ вообще по столько, по сколько она требуется для полевой выправки нижнихъ чиновъ. Въ пѣхотныхъ войскахъ слѣдуетъ обращать особое вниманіе на стрѣлковое обученіе, а что касается до остальнаго, то въ первый сборъ слѣдуетъ ограничиться взводными ученьями. Во второй и третій сборы проходитъ ротное ученье и различныя отрасли полевой службы. На гарнизонную службу достаточно назначить по одному занятію въ каждый изъ трехъ сборовъ.

Едва закончилось перевооруженіе германской арміи ружьями уменьшеннаго калибра, какъ уже рѣшено приступить къ перевооруженію полевой артилеріи пушками уменьшеннаго калибра. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшенъ вопросъ о введеніи въ составъ артилеріи полевыхъ мортирныхъ батарей.

Крѣпостныя работы продолжались по извѣстному плану и состояли, преимущественно, въ перестройкѣ укрѣпленій сообразно развитію современной инженерной и артилерійской техники. Затѣмъ, рѣшеніе укрѣпить островъ Гельголандъ вылилось въ опредѣленный проектъ. Въ смѣту морскаго министерства на 1892—1893 финансовый годъ внесены кредитъ въ 1.395,000 марокъ въ качествѣ перваго асигнованія изъ общей суммы въ 8.895,000 марокъ, потребной на постройку фортификаціонныхъ сооружений на островѣ Гельголандѣ. Требованіе это мотивировано слѣдующими соображеніями: Гельголандъ нуждается въ прочной защитѣ отъ непріятельскаго нападенія. Если возложить оборону острова исключительно на военный флотъ, то этимъ будетъ въ значительной степени стѣснена свобода его движеній въ открытомъ морѣ. Постройкой укрѣпленій на

Гельголандѣ можно помѣшать непріятелю обратить островъ въ опорный пунктъ для устройства блокады, или для подготовки нападенія на побережье Нѣмецкаго моря. Гельголандъ, снабженный укрѣпленіями, будетъ служить отличнымъ наблюдательнымъ пунктомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечить непрерывность морскаго сообщенія съ материкомъ. Изъ общей суммы въ 8.895,000 марокъ, исчисленной на укрѣпленіе острова, 5.000,000 марокъ предположено израсходовать собственно на фортификаціонныя сооруженія, 3.800,000 марокъ—на артилерійское вооруженіе, а 95,000 марокъ—на воинскія зданія и т. д.

Въ прошломъ году было приступлено къ расширенію желѣзнодорожной сѣти германскихъ восточныхъ провинцій. Особый кредитъ въ 145.537,500 марокъ позволилъ начать сооруженіе нѣсколькихъ новыхъ линій, ведущихъ къ восточной границѣ, устроить вторые пути на нѣкоторыхъ изъ имѣющихся дорогъ и сдѣлать другія улучшенія въ рельсовой сѣти.

Къ числу новыхъ линій принадлежать: 1) Фордонъ—Шензее; 2) Лисса—Волштейнъ; 3) Мезеричъ—Ландсбергъ; 4) Сорау—Христіанштадтъ, и 5) Лаубанъ—Марклина. Второй путь будетъ уложенъ на слѣдующихъ участкахъ: 1) Бейтенъ—Грошовицъ; 2) Ярочинъ—Островъ и Кемпенъ—Крейцбургъ; 3) Руновъ—Новый-Штетинъ—Койница; 4) Лисса—Познанъ; 5) Кенигсцельтъ—Лигнитъ, и 6) Кенигсвустергаузенъ—Котбусъ. Затѣмъ, рѣшено расширить станцію Гоенторъ въ Данцигѣ, берлинскую станцію штетинской дороги и произвести нѣкоторыя другія работы по улучшенію существующихъ дорогъ. Наконецъ, 53.800,000 марокъ назначено на увеличеніе подвижнаго состава всей германской желѣзнодорожной сѣти. Линія Фордонъ—Шензее является продолженіемъ участка Бромбергъ—Фордонъ, движеніе по которому было открыто 1-го ноября 1885 года. Она соединитъ у Кульмзее и у Шензее двѣ линіи, идущія по правому берегу Вислы, именно, линіи Торнъ—Маріенбургъ и Торнъ—Инстербургъ, съ линіей Бромбергъ—Торнъ, проходящею по лѣвому берегу Вислы. Общая длина новой линіи—56 килом. 600 метр., а стоимость—17.437,000 марокъ, въ томъ числѣ 9.800,000 марокъ на устройство желѣзнодорожнаго и колеснаго моста на Вистлѣ. Все полотно дороги будетъ рассчитано на два пути. Участки Лисса—Волштейнъ и Мезеричъ—Ландсбергъ предназначены заполнить пробѣлъ, существующій въ рельсовой сѣти между Одеромъ и Вартой. Продолженіе этихъ участковъ отъ Мезерича, чрезъ Бенштейнъ, къ Волштейну, установить прямое соединеніе между двумя большими же-

лѣзнодорожными линіями Бреславль—Познань и Берлинъ—Данцигъ. Участокъ Сорау—Христіанштадтъ начнется у Сорау, пересѣчетъ линію Зомерфельдъ—Саганъ у Бернау и спустится по долинь р. Бобра до Христіанштадта. При такомъ направленіи онъ соединитъ съ большими желѣзнодорожными линіями богатая промышленная мѣстности этого раіона. Наконецъ, постройка линіи Лаубанъ—Марк-лиса продолжить линію Берлинъ—Кольфуртъ до богемской границы, а впослѣдствіи войдетъ въ составъ новой линіи между Берлиномъ и Прагой. Устройство вторыхъ путей на перечисленныхъ выше дорогахъ имѣетъ важное военное значеніе. Новая двухколейная линія Грошовиць—Б. Стрѣлецъ непосредственно соединитъ Бреславль съ русской границей, сдѣлавъ ненужнымъ обходъ чрезъ Козель и освободитъ, такимъ образомъ, участокъ Ниса—Козель—Глейвиць. На линіи Ярочинъ—Крейцбургъ средній участокъ (Островъ—Кемпенъ) имѣетъ уже два пути; укладка втораго пути на обоихъ крайнихъ участкахъ превратитъ эту дорогу въ первоклассную маневренную линію, проходящую вдоль границы. Линія эта будетъ дублироваться участкомъ Лисса—Познань, который тоже получитъ второй путь. Новая двухколейная линія Штетинъ—Койница позволитъ быстро доставить войска 2-го корпуса на границу, минуя Данцигъ. Наконецъ, укладка вторыхъ путей на двухъ остальныхъ изъ перечисленныхъ выше участковъ облегчитъ сообщеніе Берлина съ Силезіей.

Военные расходы Германіи въ 1892—1893 финансовомъ году исчислены въ слѣдующемъ размѣрѣ: постоянные расходы: Пруссіи и государствъ, контингенты которыхъ управляются прусскимъ военнымъ министерствомъ—332.092,823 марки; Саксоніи—28.561,200 марокъ и Виртемберга—17.405,469 марокъ; единовременные расходы: Пруссіи—31.217,556 марокъ, Саксоніи—3.811,350 марокъ и Виртемберга—425,256 марокъ; чрезвычайные расходы: Пруссіи—81.010,466, Саксоніи—3.939,020 марокъ и Виртемберга—2.697,700 марокъ. Военные расходы Баваріи, которые должны быть пропорціональны суммѣ, расходующей на другіе союзные контингенты, достигнуть 70.000,000 марокъ. Наконецъ, общая сумма расходовъ на пенсіи для сухопутныхъ войскъ составитъ 64.000,000 марокъ. Общій итогъ военныхъ расходовъ Германіи превыситъ, такимъ образомъ, 635.000,000 марокъ, или 317.500,000 р. сер., по нынѣшнему курсу.

Постоянные расходы Пруссіи возросли на 11.061,919 марокъ. Изъ этой суммы 1.191,712 марокъ приходится на денежное довольствіе войскъ. Въ числѣ различныхъ новыхъ мѣропріятій, вызвавшихъ увеличеніе расходовъ по статьѣ «денежное довольствіе»,

наиболѣе серьезное значеніе имѣетъ переустройство артилерійско-инженерной школы. До сихъ поръ всѣ молодые офицеры полевой артилеріи командировались въ эту школу для прохожденія 9½ мѣсячнаго учебнаго курса. Обученіе въ этой школѣ носитъ, преимущественно, теоретическій характеръ и поэтому она не даетъ офицерамъ основательныхъ практическихъ свѣдѣній по стрѣльбѣ, этой главной отрасли ихъ служебной дѣятельности. Для устраненія этого недостатка предполагается обязать каждаго изъ молодыхъ офицеровъ полевой артилеріи проходить четырехмѣсячный учебный курсъ полевой артилерійской стрѣлковой школы, гдѣ бы они практически изучали стрѣльбу и матеріальную часть полевой артилеріи. вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщеніе младшаго курса артилерійско-инженерной школы признано впредь не нужнымъ. Проектированная мѣра представляетъ еще ту выгоду, что офицеры будутъ отвлекаться отъ строевой службы не 9½ мѣсяцевъ, какъ теперь, а только четыре мѣсяца. Выполненіе реформы поведетъ къ увеличенію личнаго состава полевой артилерійской стрѣлковой школы на шесть офицеровъ, одного чиновника и на 12 казенныхъ лошадей. Ежегодно въ школу будетъ командироваться около 140 молодыхъ офицеровъ.

Кредитъ, отпускаемый на денежное довольствіе запасныхъ, увеличенъ на 795,345 марокъ, вслѣдствіе задумашаго развитія учебныхъ сборовъ. Въ текущемъ году предполагается призвать въ Прусію изъ состава резерва и ландвера 176,999 человекъ на срокъ отъ 12-ти до 56-ти дней. Изъ запаса новобранцевъ будетъ призвано: 12,500 человекъ—на 10 недѣль, 10,500 человекъ—на шесть недѣль и 9,500 человекъ—на четыре недѣли. Производившіеся до сихъ поръ, въ видѣ опыта, тактическія учебныя поѣздки генераловъ и штабъ-офицеровъ кавалеріи и кошней артилеріи признаны весьма полезными и имъ рѣшено придать постоянный характеръ. Равнымъ образомъ, асигнованы средства на содержаніе и дрессировку военныхъ собакъ, такъ какъ производившіеся въ нѣкоторыхъ стрѣлковыхъ баталіонахъ по этому предмету опыты дали благоприятные результаты. Затѣмъ, особый кредитъ въ 93,800 марокъ назначенъ на упражненія въ производствѣ атакъ полевыхъ укрѣпленій въ виду необходимости ввести ихъ въ кругъ постоянныхъ войсковыхъ занятій.

По статьѣ «артилерія и ручное оружіе» потребовано на 1.087,878 марокъ болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Добавочный кредитъ цѣликомъ предназначенъ на заготовку снарядовъ и патроновъ, расходъ которыхъ предвидится болѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Расходы по перевозкѣ войскъ, по выдачѣ прогонныхъ и суточныхъ денегъ увели-

чены на 809,710 марокъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе развитія желѣзнодорожныхъ перевозокъ. Кредитъ на продовольствіе войскъ увеличенъ на 5.320,662 марки. Стоимость заготовки провіанта и фуража исчислена на 4.814,435 марокъ болѣе, чѣмъ по дѣйствующей смѣтѣ, а по приварочному довольствію требуется на 471,825 марокъ болѣе. Заготовительныя цѣны приняты слѣдующія: центнера пшеницы—10,52 марокъ, ржи—9,76 марокъ, овса—7,60 марокъ, сѣна—2,89 марки и соломы—2,53 марки.

Изъ остальныхъ мѣропріятій прусскаго военнаго министерства слѣдуетъ упомянуть объ увеличеніи числа чпновъ интендантскаго вѣдомства на 28 человекъ, о развитіи поѣздокъ офицеровъ генеральнаго штаба, объ увеличеніи расходовъ по всецовому довольствію на 300,000 марокъ и по продовольствію на 663,700 марокъ, вслѣдствіе развитія строевыхъ упражненій запасныхъ, объ упраздненіи укрѣпленій Раштата, объ упрядоченіи ремонтныхъ депо и проч.

Вслѣдствіе единства организаціи различныхъ контингентовъ, образующихъ германскую армію, увеличеніе постоянныхъ военныхъ расходовъ Баваріи, Саксоніи и Виртемберга обусловлено тѣми же мѣропріятіями, которыя проектированы для прусской арміи и распространятся на войска остальныхъ государствъ имперіи.

Единовременные военные расходы предназначены, по обыкновенію, на сооруженіе различныхъ воинскихъ зданій, преимущественно казармъ. Прусская смѣта, кромѣ того, предусматриваетъ заготовку предметовъ полевого снаряженія для кавалеріи, нѣкоторое увеличеніе неприкосновенныхъ запасовъ продовольствія, вызванное измѣненіями въ продовольственномъ обозѣ, заготовку матеріальной части для полевого телеграфа и военно-желѣзнодорожныхъ мостовъ.

Чрезвычайные расходы значительно возрасли по сравненію съ расходами дѣйствующей смѣты. По прусской росписи требуется, между прочимъ, 2.082,139 марокъ на пополненіе крѣпостныхъ продовольственныхъ запасовъ и 4.500,000 марокъ, въ качествѣ перваго асигнованія на заготовленіе переносныхъ полевыхъ палатокъ, такъ какъ признано необходимымъ обратить особое вниманіе на предохраненіе войскъ отъ дождя и холода при расположеніи бивакомъ въ военное время. На изготовленіе новой матеріальной части артилеріи требуется общій кредитъ въ 106.377,400 марокъ, а подлежащая израсходованію въ будущемъ году часть этого кредита составляетъ 40.876,400 марокъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы замѣнить нынѣшнія орудія полевой артилеріи новыми стальными пушками

уменьшеннаго калибра. 13.380,000 марокъ потребовано на изготовленіе ручнаго оружія; весь кредитъ по этой статьѣ составляетъ 20.942,500 марокъ. Сумма въ 2.570,600 марокъ подлежитъ расходованію на заготовку патроновъ, а 3.835,000 марокъ — на артиллерійское вооруженіе крѣпостей, причѣмъ весь кредитъ по этой статьѣ исчисленъ въ 26.291,000 марокъ.

Бюджетная численность арміи опредѣлена въ 20,542 офицера и 486,983 человекъ нижнихъ чиновъ, не считая 1,837 врачей и 2,430 чиновъ разныхъ наименованій: ветеринаровъ, оружейныхъ мастеровъ и т. д.

Въ *Австро-Венгріи* организаціонныя мѣропріятія прошлаго года были направлены, преимущественно, къ утилизаціи многочисленнаго прироста обученныхъ чиновъ, доставленнаго новымъ закономъ о пополненіи арміи. Въ пѣхотѣ усиленъ составъ штабныхъ ротъ и запасныхъ частей. При современной численности сухопутныхъ силъ, обще-имперская армія можетъ сформировать: 102 пѣхотныхъ полка по четыре баталіона, 30 стрѣлковыхъ баталіоновъ, тирольскій стрѣлковый полкъ въ 12 баталіоновъ, девять боснійскихъ баталіоновъ, 60 штабныхъ ротъ и 110 добавочныхъ баталіоновъ, всего 584 полевыхъ баталіона, общей численностью въ 567,000 человекъ; укомплектованіе полевыхъ баталіонамъ будутъ доставлять 102 запасныхъ баталіона пѣхотныхъ полковъ, 30 запасныхъ стрѣлковыхъ ротъ и три запасныхъ баталіона тирольскаго полка, штатный составъ которыхъ доведенъ до 170,000 человекъ. Ландверъ можетъ выставить 186 баталіоновъ, годныхъ для полевыхъ дѣйствій, численностью въ 183,000 человекъ, 34 резервныхъ баталіона, численностью въ 37,000 человекъ, 28 запасныхъ баталіоновъ и 92 запасныхъ роты, численностью въ 75,000 человекъ, и въ составѣ ландвера останется еще до 70,000 человекъ, которые могутъ поступить на сформированіе добавочныхъ ротъ. Добавочныя войсковыя части поступятъ на уравненіе состава нѣкоторыхъ дивизій до принятой нормы въ 14—15 баталіоновъ, на образованіе крѣпостныхъ гарнизоновъ, на укомплектованіе армейскихъ корпусовъ, выдѣлившихъ нѣсколько баталіоновъ для спеціальнаго назначенія, на усиленіе гарнизоновъ Зараскаго отдѣла; наконецъ, на смѣну части войскъ, расположенныхъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Пѣхотѣ обще-имперской арміи и ландвера обезпечена въ настоящее время существенная помощь пѣхоты ландштурма, такъ какъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, по крайней мѣрѣ, венгерскому министерству обороны страны, удалось обезпечить формированіе по одному подвижному баталіону ландштурма въ каждомъ изъ 94 ланд-

штурмныхъ округовъ и образованіе изъ этихъ баталіоновъ полковъ и бригадъ.

Вслѣдствіе сформированія 15-го драгунскаго полка, уже участвовавшаго въ большихъ маневрахъ прошлаго года, общее число кавалерійскихъ полковъ достигло 42. Численность всѣхъ частей, входящихъ въ военное время въ составъ полка, опредѣлена въ 58 офицеровъ, 1,507 нижнихъ чиновъ и 1,498 лошадей, а всей кавалеріи— въ 2,436 офицеровъ, 63,294 челов. нижнихъ чиновъ и 62,916 лошадей, причемъ число строевыхъ чиновъ доходить до 51,786 чело-вѣкъ, на 1,233 челов. болѣе, чѣмъ прежде.

Современный составъ и численность полевой артилеріи по военному времени установлены слѣдующіе: 14 корпусныхъ артилерійскихъ полковъ: въ полку два дивизиона по три батареи въ восемь орудій, всего 84 батареи съ 672 орудіями корпусной артилеріи; третьи дивизионы по три восьми-орудійныхъ батареи, всего 42 батареи съ 336 орудіями, составляющими артилерію ландверныхъ пѣхотныхъ дивизій; 28 отдѣльныхъ дивизионовъ по три восьми-орудійныхъ батареи, всего 84 батареи съ 672 орудіями, составляющими артилерію пѣхотныхъ дивизій обще-имперской арміи; восемь конныхъ дивизионовъ по двѣ шести-орудійныхъ батареи, всего 16 батарей съ 96-ю орудіями; отдѣльный горный дивизионъ въ шесть четырехъ-орудійныхъ батарей, всего шесть батарей съ 24-мя орудіями; четыре узкоколейныхъ батареи по четыре орудія, 16 орудій, и, наконецъ, 24 горныхъ батареи по четыре орудія, 96 орудій. Итого 260 батарей съ 1,912 орудіями. Въ общемъ числѣ орудій 1,696 девяти-сантиметровыхъ (210 полевыхъ батарей и четыре узкоколейныхъ батарей), 96 орудій восьми-сантиметровыхъ (16 конныхъ батарей) и 120 орудій семи-сантиметровыхъ (30 горныхъ батарей). Современный составъ артилеріи, по сравненію съ прежнимъ, возросъ на 112 орудій девяти-сантиметроваго калибра, формирующихъ 14 полевыхъ батарей, и на 120 орудій семи-сантиметроваго калибра, формирующихъ 30 горныхъ батарей.

По новой организаціи крѣпостной артилеріи она должна имѣть слѣдующій составъ: по мирному времени: шесть полковыхъ штабовъ, три штаба отдѣльныхъ баталіоновъ, 15 баталіонныхъ штабовъ, 72 полевыхъ роты и 18 кадровыхъ ротъ, общей численностью въ 408 офицеровъ и 7,722 челов. нижнихъ чиновъ; по военному времени: то же число штабовъ, баталіоновъ и полевыхъ ротъ, а вмѣсто 18-ти кадровыхъ ротъ, 18 запасныхъ ротъ, общей численностью въ 648 офицеровъ и 21.798 челов. нижнихъ чиновъ. Сравненіе новаго со-

става съ прежнимъ показывается, что численность крѣпостной артилеріи возрасла: по штатамъ мирнаго времени на 60 офицеровъ и 1,138 нижнихъ чиновъ, а по штатамъ военнаго времени — на 144 офицера и 4,464 чел. нижнихъ чиновъ.

Весьма существенная реформа была произведена въ прошломъ году въ устройствѣ обозныхъ войскъ. Впредь каждой пѣхотной дивизіи и будетъ придаваться по одному обозному эскадрону, подраздѣленному не на четыре взвода, а на шесть. Эскадронное управленіе (ротмистръ, ветеринарный врачъ, 10 нижнихъ чиновъ, 10 лошадей, три казенныхъ повозки и обывательская подвода) служить по прежнему обознымъ управленіемъ дивизіи. 1-й взводъ эскадрона (субалтернъ-офицеръ, 102 нижнихъ чина и 166 лошадей) запрягаетъ шесть повозокъ дивизионнаго штаба, три повозки бригадныхъ штабовъ, 22 повозки санитарныхъ учреждений дивизій, пять повозокъ санитарной колонны нѣмецкаго рыцарскаго ордена, двѣ повозки полевой почты, провіантскія повозки штабныхъ войскъ и три повозки личнаго обоза высшихъ начальствующихъ лицъ. Обывательскихъ подводъ во взводѣ 24, причеиъ три для личнаго состава (священникъ, аудиторъ и чиновники), а 21 повозка на тотъ случай, когда дурныя дороги не позволяютъ везти весь грузъ на казенныхъ повозкахъ. 2-й, 3-й, 4-й и 5-й взводы, каждый въ составѣ субалтернъ-офицера, 12 нижнихъ чиновъ и восемь лошадей, вещевоу и 81 провіантской обывательскихъ подводъ, составляютъ продовольственные эшелоны дивизионнаго продовольственнаго обоза. Каждый взводъ поднимаетъ однодневный запасъ на 17,700 чел., 22,000 казенныхъ и 1,300 обывательскихъ лошадей дивизионнаго штаба, 15 баталіоновъ, кавалерійскаго и артилерійскаго дивизионовъ, летучаго артилерійскаго парка и санитарныхъ учреждений. Вѣсь суточной дачи продовольствія принять въ 900 граммовъ; дача овса казеннымъ лошадямъ — въ пять килограммовъ, а обывательскимъ — въ три килограмма. Наконецъ, 6-й взводъ образуетъ резервный эшелонъ продовольственной колонны. Штатъ взвода: субалтернъ-офицеръ, 34 нижнихъ чина, 16 казенныхъ лошадей и 152 обывательскихъ подводъ (двѣ вещеваго обоза). 6-й взводъ поднимаетъ трехдневный запасъ консервовъ на пѣхотную дивизію и тоже подраздѣленъ на три эшелона, по суточному запасу въ каждомъ. Вѣсь порціи людскихъ консервовъ принять въ 706 граммовъ, а конскихъ — въ 2,500 граммовъ. Обозный эскадронъ, придаваемый кавалерійской дивизіи, подраздѣляется тоже на шесть взводовъ, но штаты эскадрона нѣсколько иные. Въ 1-мъ взводѣ только пять санитарныхъ повозокъ; вмѣсто того, взводъ запрягаетъ шесть

повозокъ полевого телеграфнаго отдѣленія; обывательскихъ подводъ для личнаго состава четыре; по добавочныхъ обывательскихъ подводъ лишь 12. Каждый изъ четырехъ взводовъ, образующихъ продовольственные эшелоны, имѣетъ 94 обывательскихъ подводъ, а 6-й взводъ — резервный продовольственный эшелонъ — 153 обывательскихъ подводъ.

На тѣхъ же началахъ устроены и продовольственные транспорты. Число транспортовъ осталось прежнее, т. е. 14. Они распределяются по одному между первыми по порядку 14-ю армейскими корпусами. Каждый транспортъ подраздѣленъ на 15 эшелоновъ и каждой изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій армейскаго корпуса назначено по пяти эшелоновъ. Первые четыре изъ этихъ эшелоновъ возятъ по однодневному продовольственному запасу на дивизію, а пятый эшелонъ — трехдневный запасъ консервовъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ транспортѣ первые 12 эшелоновъ возятъ обыкновенные продовольственные запасы, а три эшелона — запасъ консервовъ. Затѣмъ, въ извѣстныхъ эшелонахъ находится по суточному запасу провіанта и фуража и по трехдневному запасу консервовъ для корпусныхъ управленій и для войскъ, не входящихъ въ составъ дивизій.

Если подсчитать общее количество подвижныхъ продовольственныхъ запасовъ, которыми полагается, въ настоящее время, обезпечить австро-венгерскія войска въ военное время, то окажется, что ихъ достанетъ уже не на 15 дней, какъ было установлено до сихъ поръ, а на 19—20 дней. Ранцевый запасъ остался трехдневный; запасъ полковаго обоза — 2—3-хъ-дневный; въ дивизионномъ обозѣ — семидневный, и въ продовольственныхъ транспортахъ — тоже семидневный. Эшелонъ, это единица продовольственнаго обоза, сдѣланъ болѣе подвижнымъ. Однако, организація соединенныхъ продовольственныхъ колоннъ, формируемыхъ изъ полковаго провіантскаго обоза, осталась прежняя, т. е. онѣ поднимаютъ двухдневный запасъ и образуютъ въ каждой дивизіи одинъ эшелонъ, состоящій, въ пѣхотныхъ дивизіяхъ, изъ 75-ти казенныхъ и 72-хъ обывательскихъ подводъ. Отмѣчая эту непослѣдовательность, мѣстная военная печать доказываетъ необходимость подраздѣлять соединенныя колонны тоже на три эшелона: два — съ обыкновенными продовольственными припасами и одинъ — съ консервами.

Обозный конвойный эскадронъ, придаваемый каждому продовольственному транспорту, состоитъ изъ управленія (13 человекъ, девять лошадей и три обывательскихъ повозки) и 15-ти взводовъ. Штаты взводовъ слѣдующіе: 15-го взвода: субалтернъ-офицеръ, 49 нижнихъ чиновъ, 22 лошади, двѣ вещевыхъ и 213 провіантскихъ

обывательскихъ подводъ; 13-го и 14-го взводовъ: субалтернъ-офицеръ, 30 нижнихъ чиновъ, 16 лошадей, двѣ вещевыхъ и 150 провіантскихъ обывательскихъ подводъ; 3-го, 6-го, 9-го и 12-го взводовъ: субалтернъ-офицеръ, 30 нижнихъ чиновъ, 16 лошадей, двѣ вещевыхъ и 122 провіантскихъ обывательскихъ подводъ; 1-го, 2-го, 4-го, 5-го, 7-го, 8-го, 10-го и 11-го взводовъ: субалтернъ-офицеръ, 12 нижнихъ чиновъ, восемь лошадей, вещевая и 81 провіантская обывательская подвода. Послѣдніе изъ перечисленныхъ взводовъ одинаковы по составу со 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ взводами дивизионнаго обоза, а 13-й и 14-й — съ взводами дивизионнаго обоза, везущими консервы, такъ что соотвѣтствующіе взводы могутъ замѣщать другъ друга.

Обозный эскадронъ, придаваемый корпусному управленію, подраздѣляется тоже на шесть взводовъ. Составъ эскадроннаго управленія одинаковый съ управленіями эскадроновъ, придаваемыхъ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ дивизіямъ. 1-й взводъ запрягаетъ 12 повозокъ корпуснаго управленія, передовой мостовой паркъ, полевое телеграфное отдѣленіе, почтовые повозки и т. д.; штатъ взвода: офицеръ, 96 нижнихъ чиновъ, 151 лошадь и, въ случаѣ надобности, 38 обывательскихъ подводъ. 2-й, 3-й, 4-й и 5-й взводы поднимаютъ каждый суточный запасъ продовольствія на все число людей и лошадей корпуснаго управленія и штабныхъ войскъ; штатъ взвода: офицеръ, девять нижнихъ чиновъ, шесть казенныхъ лошадей и 42 обывательскихъ подводъ. Наконецъ, 6-й взводъ (офицеръ, 23 нижнихъ чиновъ и 11 лошадей и 63 обывательскихъ подводъ) везетъ трехдневную потребность консервовъ. Выше было сказано, что слѣдующая по порядку категорія продовольственныхъ запасовъ для корпусныхъ управленій и войскъ, не входящихъ въ составъ дивизій, возится, въ трехдневной пропорціи, 3-мъ, 6-мъ, 9-мъ и 12-мъ взводами каждаго продовольственнаго транспорта.

Управленіямъ армій назначено, по прежнему, по одному эскадрону въ четыре взвода, а штабу главнокомандующаго — эскадронъ въ два взвода. Обозные эскадроны, запрягающіе мостовые парки, горные обозные эскадроны, эскадронъ корпусныхъ артилерійскихъ парковъ, горныхъ дивизионныхъ артилерійскихъ парковъ, обозныя отдѣленія для полевыхъ хлѣбопекаренъ, конскіе госпитали и т. д. — всѣ эти учрежденія сохранили прежнее устройство. Крѣпостныя обозныя учрежденія упразднены. До сихъ поръ по табелямъ продовольственныхъ учреждений базиса не полагалось особаго обоза. Лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ коммуникаціонныхъ линій предусматрѣно было формированіе этапныхъ продовольственныхъ обозовъ. По новому положенію, въ случаѣ мобилизаціи, должно быть сформирова-

но 67 этапныхъ продовольственныхъ транспортовъ, каждый въ составѣ субалтернъ-офицера, ветеринара, 175 нижнихъ чиновъ, 290 лошадей и 66 повозокъ. Транспорты эти перевозятъ продовольствіе отъ конечныхъ желѣзнодорожныхъ станцій или рѣчныхъ пристаней въ постоянныя продовольственныя учрежденія, устраиваемыя вблизи расположенія операціонной арміи. Число повозокъ этапныхъ транспортовъ рассчитано такъ, что они могутъ поднять двухдневный запасъ на дивизію. Въ случаѣ, если казенныхъ повозокъ не достанетъ для этого, разрѣшается формировать этапные транспорты изъ обывательскихъ подводъ.

По отношенію къ устройству корпуса офицеровъ наиболѣе существеннымъ изъ мѣропріятій прошлаго года было переустройство юнкерскихъ училищъ. Военно-учебныя заведенія эти играютъ выдающуюся роль въ дѣлѣ комплектованія корпуса офицеровъ общеимперской арміи, такъ какъ доставляютъ ей ежегодно до 500 офицеровъ. Цѣль реформы состоитъ въ томъ, чтобы поднять въ научномъ отношеніи юнкерскія училища до уровня военныхъ училищъ и, какъ вслѣдствіе этого, такъ и чрезъ измѣненіе условій приема въ юнкерскія училища, установить большую однородность корпуса офицеровъ арміи. Юнкерскія училища получили названіе второй группы военно-воспитательныхъ и учебныхъ заведеній. Приемъ въ училища нижнихъ чиновъ запрещенъ. Условія приема слѣдующія: австрійское или венгерское подданство, физическая годность, безупречное поведение, извѣстный возрастъ, требуемая научная подготовка, обязательство завести и поддерживать въ хорошемъ видѣ нѣкоторые предметы на свой счетъ, своевременный взносъ денегъ за обученіе и на экипировку, и обязательство оставаться удлиненный срокъ на службѣ. Приемный возрастъ отъ 14-ти до 20-ти лѣтъ. Доказательствомъ научной подготовки служатъ школьное свидѣтельство и сдача вступительнаго экзамена, къ которому допускаются только представившіе свидѣтельство о прохожденіи, по крайней мѣрѣ, съ удовлетворительнымъ успѣхомъ извѣстныхъ курсовъ среднихъ учебныхъ заведеній. По окончаніи курса 4-го класса воспитанники выпускаются въ армію, поступая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на дѣйствительную службу. Въ зависимости отъ имѣющихся ваканцій и смотря по аттестаци, они выходятъ въ армію подпрапорщиками или унтеръ-офицерами, причемъ обязаны пробыть на дѣйствительной службѣ, сверхъ общаго срока, еще по одному году за каждый годъ пребыванія въ училищѣ.

На пополненіе австро-венгерскихъ войскъ было призвано въ прошломъ году: для обще-имперской арміи и флота: 60,389 человекъ

изъ населенія Цислейтаніи и 42,711 человекъ изъ населенія Транслейтаніи, всего 103,100 человекъ; для австрійскаго ландвера 10,000 человекъ, а для венгерскаго—12,500 человекъ. Контигентъ запаса новобранцевъ, по обыкновенію, не былъ опредѣленъ точными цифрами, такъ какъ численность его зависитъ отъ общаго числа молодыхъ людей призывнаго возраста, остающихся свободными отъ укомплектованія постоянныхъ войскъ.

Произведенная въ прошломъ году перепись населенія Австро-Венгрии представила интересныя данныя по вопросу о составѣ арміи по національностямъ. Согласно даннымъ переписи, наличная численность австро-венгерскихъ сухопутныхъ войскъ и флота выражалась слѣдующими цифрами: обще-имперская армія 288,000 человекъ, цислейтанскій ландверъ 10,900 чел., транслейтанскій ландверъ 16,900 чел. и флотъ 8,200 чел., всего 324,000 человекъ. По національностямъ, а слѣдовательно и по разговорному языку распределение приведеннаго состава таково: нѣмцевъ 29%, мадьяръ 17%, чеховъ и моравовъ 14%, словаковъ 5%, поляковъ 8%, русинъ 9%, словеновъ 3%, кроатовъ и сербовъ 8%, румынъ 6% и итальянцевъ 1%. Такимъ образомъ, если не считать итальянскаго языка, на которомъ говорятъ сравнительно немногіе изъ военно-служащихъ, то все-таки остается еще девять языковъ, на которыхъ говорятъ въ австро-венгерскихъ войскахъ. Хотя въ Австро-Венгрии принята територіальная система укомплектованія арміи, но, въ виду неправильнаго разселенія національностей по территоріи, лишь въ меньшинствѣ полковъ люди говорятъ однимъ языкомъ. Напротивъ, въ большей части полковъ два, три и даже четыре разговорныхъ языка. Поэтому, необходимость установить обязательный служебный языкъ явилась сама собою; такимъ языкомъ принять для обще-имперской арміи и цислейтанскаго ландвера—нѣмецкій, а для гонведа—венгерскій. Затѣмъ, уставы обязываютъ офицеровъ знать языки, на которыхъ говорятъ люди ихъ полковъ, и при назначеніи офицеровъ въ части принимается, до извѣстной степени, во вниманіе, какіе языки имъ знакомы. Всѣ эти мѣры не достигаютъ, однако, желаемой цѣли. Въ мѣстной военной печати были приведены несомнѣнныя доказательства, что субалтернъ-офицеры недостаточно знакомы съ языками, на которыхъ говорятъ вѣрные имъ нижніе чины. У штабъ-офицеровъ, вслѣдствіе болѣе рѣдкихъ непосредственныхъ сношеній съ нижними чинами, этого рода знанія еще неудовлетворительнѣе. Что касается офицеровъ резерва, то большинство изъ нихъ не можетъ быть даже понято нижними чинами. Преподаваніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ; по-

этому, молодые люди, знающіе этотъ языкъ, въ особенности пѣмцы, имѣютъ болѣе шансовъ достигнуть офицерскаго званія. Равнымъ образомъ, они легче получаютъ дипломъ офицера резерва. Даже, что касается различныхъ степеней унтеръ-офицерскаго званія, то нижніе чины, не говорящіе по нѣмецки, лишь съ большимъ трудомъ достигаютъ ихъ. Такое положеніе дѣла не разъ служило поводомъ къ неудовольствіямъ со стороны лицъ, законные интересы которыхъ оно нарушаетъ. Однако, согласовать противоположныя требованія въ этомъ дѣлѣ представляется невозможнымъ, такъ какъ отмѣнить постановленія объ officialномъ языкѣ для служебныхъ сношеній въ арміи нельзя, не вызвавъ новыхъ и, быть можетъ, болѣе серьезныхъ затрудненій. Какъ бы то ни было, существованіе многихъ языковъ въ арміи Австро-Венгріи принесетъ несомнѣнный вредъ дѣлу обученія и воспитанія войскъ монархіи, затруднить выработку въ частяхъ по мобилизаціи необходимой сплоченности, спайки и вызоветъ неудобства при устройствѣ командной части.

Австро-венгерская армія выполнила въ прошломъ году большіе маневры по слѣдующей программѣ: въ двухъ корпусахъ маневры были корпусные, въ восьми корпусахъ—дивизионные, въ остальныхъ—отрядные; въ трехъ корпусахъ состоялись спеціальныя кавалерійскіе сборы, у Коморна—большіе крѣпостныя маневры, у Линца и Петау—упражненія инженерныхъ войскъ. Двухсторонніе корпусные маневры происходили между 2-мъ и 8-мъ армейскими корпусами.

2-й армейскій корпусъ, управленіе котораго помѣщается въ Вѣнѣ, вышелъ на маневры въ составѣ трехъ пѣхотныхъ дивизій, кавалерійской дивизіи и четырехъ отдѣленій корпусной артилеріи; каждая пѣхотная дивизія имѣла по три батареи и по два эскадрона ландверной кавалеріи; кавалерійская дивизія состояла изъ 22¹/₂ эскадроновъ, конной батареи, двухъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и телеграфнаго отдѣленія. Въ общемъ, 2-й корпусъ имѣлъ 46 баталіоновъ, 28 эскадроновъ и 78 орудій. 8-й армейскій корпусъ, управленіе котораго помѣщается въ Прагѣ, состоялъ въ первые два дня маневровъ только изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій, кавалерійской дивизіи и девяти батарей корпусной артилеріи. На третій день маневровъ въ составъ корпуса вошла 21-я ландверная дивизія, а въ послѣдній день—еще и 3-я пѣхотная дивизія. Каждая изъ пѣхотныхъ дивизій 8-го корпуса имѣла по три батареи и по два эскадрона постоянной арміи. Всего въ 8-мъ армейскомъ корпусѣ, въ послѣдній день маневра, находилось 54 баталіона, 30 эскадроновъ и 84 орудія. Роты были пополнены резервистами до 130 человекъ въ каждой; эскадроны имѣли по 14 рядовъ во взводѣ, а батареи, кромѣ конныхъ, по четыре ору-

дія. Общая численность маневрировавшихъ войскъ доходила до 70,000 человекъ и 10,000 лошадей. Войска получили по 100 зарядовъ на ружье и орудіе и по 20 зарядовъ на карабинъ; кромѣ того, каждая дивизія имѣла запасъ въ 38,000 патроновъ. Ружейные патроны и орудійные заряды были изготовлены изъ малодымнаго пороха. Главное руководство маневрами было ввѣрено генераль-инспектору арміи, эрцъ-герцогу Альбрехту, при которомъ находился начальникъ генеральнаго штаба, многочисленный штабъ и посредники. На маневрахъ присутствовали австрійскій императоръ, германскій императоръ и саксонскій король. Войска походнымъ порядкомъ сосредоточивались въ районъ маневровъ. Для большинства частей сосредоточеніе было комбинировано съ производствомъ дивизионныхъ маневровъ. По общему порядку, длина перехода не превышала 15—20 верстъ, а въ дни маневрированія еще менѣе. Войска располагались на отдыхъ исключительно по квартирамъ и продовольствовались чрезъ своихъ поставщиковъ, имѣя при себѣ повозки для мяса. Съ началомъ собственно корпусныхъ маневровъ продовольствіе войскъ стало производиться изъ магазиновъ, которые были открыты въ Горнѣ, гдѣ, кромѣ запасовъ провіанта и фуража, находились также подвижныя хлѣбопекарни и депо бойнаго скота. Проходя черезъ Горнъ, войска брали съ собой на пять дней мяса въ живомъ скотѣ, такъ что вполне были обеспечены мяснымъ довольствіемъ. Дивизионные маневры были произведены по большей части съ участіемъ войскъ ландвера. Независимо того, обычный составъ корпусовъ всегда бывалъ усиленъ резервистами, которые оставались подъ знаменами отъ 16-ти до 25-ти дней.

Отдѣльные кавалерійскіе маневры производили обѣ дивизіи, участвовавшія въ корпусныхъ маневрахъ, и дивизія, входящая въ составъ 1-го корпуса (штабъ Краковъ). Въ крѣпостныхъ маневрахъ у Коморна участвовало 11 баталіоновъ пѣхоты, три эскадрона кавалеріи, 48 полевыхъ орудій, 20 осадныхъ орудій, четыре баталіона крѣпостной артилеріи, инженерный баталіонъ, четыре піонерныхъ роты и 12 обозныхъ эскадроновъ. Маневры продолжались пять дней и четыре ночи.

Перевооруженіе арміи магазинными ружьями уменьшеннаго калибра и магазинными карабинами, а также передѣлка ружей 11-ти-милим. калибра въ магазинные со стволомъ 8-ми-милим. калибра и заготовленіе малодымнаго пороха, продолжались согласно установленному по этому предмету плану. Кромѣ того, продолжалось снабженіе осадныхъ парковъ новыми стале-бронзовыми орудіями и изготовлялись крѣпостныя орудія.

Крѣпостныя работы происходили въ прошломъ году въ Краковѣ и Перемышлѣ и въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ другихъ границъ имперіи. Крѣпостной кредитъ прошлаго года былъ опредѣленъ въ размѣрѣ 2.000,000 гульденовъ. Въ Галиціи было приступлено къ постройкѣ многочисленныхъ казармъ нормальнаго типа на замѣну барачныхъ помѣщеній, устроенныхъ для войскъ, переведенныхъ въ послѣднее время изъ внутреннихъ областей монархіи въ эту пограничную провинцію.

Въ прошломъ году было рѣшено приступить къ дальнѣйшему развитію стратегической желѣзнодорожной сѣти Австро-Венгріи съ цѣлью увеличить число линій, соединяющихъ Галицію съ Венгріей и ускорить сообщеніе центровъ австро-венгерской монархіи съ ея восточными пограничными областями. Новыхъ дорогъ строится двѣ; одна изъ нихъ соединитъ линію Мармарошъ—Сигеть съ Сучавой, а вторая пройдетъ отъ Сигета чрезъ Станиславовъ къ Тарнополю, для соединенія съ желѣзною дорогою Карла-Людовика. Съ постройкою первой изъ этихъ линій поѣзда будутъ проходить разстояніе отъ Пешта до сѣверо-восточной границы имперіи въ 12 часовъ. Стоимость сооруженія линіи исчислена въ 40.000,000 гульденовъ; она будетъ находиться въ вѣдѣніи казны. Линія Сигеть—Тарнополь образуетъ кратчайшій путь между Венгріей и Галиціей; стоимость линіи опредѣлена въ 25.000,000 гульденовъ. Затѣмъ, на линіи Стрый—Бескиды будетъ проложенъ второй путь.

На маневрахъ прошлаго года желѣзныя дороги, по обыкновенію, имѣли возможность показать, насколько оборудованіе ихъ отвѣчаетъ требованіямъ военнаго времени. Наибольшія требованія были предъявлены тому участку желѣзнодорожной сѣти, который находится въ районѣ бывшихъ корпусныхъ маневровъ. Изъ Горна и ближайшихъ къ нему станцій было отправлено въ теченіе 36 $\frac{1}{2}$ часовъ 74 воинскихъ поѣзда, которые перевезли 2,232 офицеровъ, 56,648 нижнихъ чиновъ, 1,122 лошади и 200 повозокъ. Всѣ линіи, по которымъ происходило усиленное движеніе—одноколейныя, и только на одной имѣется небольшой участокъ въ двѣ колеи. Кромѣ воинскихъ поѣздовъ, было отправлено въ три дня 27 обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздовъ и прибыло 65 поѣздовъ съ необходимымъ подвижнымъ составомъ.

Результаты, достигнутые въ настоящее время по устройству австро-венгерскихъ сухопутныхъ силъ, при всей ихъ значительности, признаются, однако, не вполне удовлетворительными и въ руководящихъ военныхъ сферахъ выработаны, повидимому, планъ дальнѣйшихъ реформъ, сущность которыхъ состоятъ въ слѣдующемъ.

Нынѣшней организаціи пѣхоты австро-венгерской арміи присущи слѣдующіе главные недостатки: малочисленность офицеровъ постоянной службы и сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ и слабая мирная численность нижнихъ чиновъ. Послѣ войны 1866 года число офицеровъ постоянной службы было значительно уменьшено, по экономическимъ соображеніямъ, и, вмѣсто трехъ, въ ротѣ оставлено по два субалтернь-офицера. Между тѣмъ, вѣроятная большая убыль въ военное время и постоянное развитіе резервовъ дѣлаютъ настоятельно необходимымъ существованіе многочисленнаго корпуса офицеровъ постоянной службы. Цѣль эта, по отношенію къ пѣхотѣ, до известной степени, можетъ быть достигнута переустройствомъ управленій округовъ пополненія и увеличеніемъ числа субалтернь-офицеровъ. Въ настоящее время управленія округовъ пополненія служатъ одновременно и управленіями кадровъ запасныхъ баталіоновъ; требуется снять съ нихъ эту обязанность и назначить въ каждый кадръ по одному штабъ-офицеру и по одному капитану. Командиръ округа, при его сложныхъ обязанностяхъ, не можетъ быть и командиромъ запаснаго баталіона, тѣмъ болѣе, что въ будущемъ значеніе этихъ войсковыхъ частей возрастетъ и они не всегда будутъ расквартированы въ главныхъ пунктахъ округовъ. Что касается до числа субалтернь-офицеровъ, то предполагается имѣть въ ротѣ по три младшихъ офицера. Оба изложенныя мѣропріятія поведутъ къ увеличенію мирной численности корпуса офицеровъ на 105 штабъ-офицеровъ, 105 капитановъ и на 1,800 субалтернь-офицеровъ, всего на 2,010 офицеровъ постоянной службы.

Чтобы осуществить численное возрастаніе корпуса офицеровъ, необходимо увеличить штаты воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній и привлечь на постоянную службу сравнительно большее число офицеровъ резерва. На подготовку офицеровъ резерва надо обратить, поэтому, особенно серьезное вниманіе, и командиры частей должны побуждать офицеровъ резерва къ службѣ въ постоянныхъ частяхъ ландвера, кадры котораго тоже придется увеличить. Затѣмъ, офицеровъ резерва слѣдуетъ ежегодно привлекать на 28-ми-дневные учебные сборы. Для привлеченія унтеръ-офицеровъ на сверхсрочную службу необходимо увеличить денежныя преміи унтеръ-офицеровъ на $\frac{1}{4}$ или на $\frac{1}{3}$ часть.

Въ настоящее время, пѣхотныя роты австро-венгерской арміи выходятъ для обычныхъ строевыхъ занятій въ составѣ 50-ти человекъ, причемъ и при такой численности роты происходятъ постоянныя перемѣны состава обучающихся. Вслѣдствіе этого, систематическое и однообразное обученіе нижнихъ чиновъ весьма затрудни-

тельно. Послѣдствія малочисленности ротъ обнаруживаются и на маневрахъ, такъ какъ оберъ-офицеры и унтеръ-офицеры усваиваютъ неправильное представленіе о времени и пространствѣ, необходимыхъ для правильныхъ дѣйствій войсковыхъ частей. Наконецъ, по той же причинѣ нижшимъ начальникамъ не достаетъ въ мирное время необходимой практики и пробѣль этотъ не можетъ быть своевременно пополненъ въ военное время. При мобилизаціи призывъ резервистовъ подъ знамена увеличить численность роты съ 76 на 220 строевыхъ чиновъ и только треть этихъ чиновъ будетъ состоять изъ обученныхъ людей, а двѣ трети, въ томъ числѣ и немало унтеръ-офицеровъ, изъ людей, отвыкшихъ отъ строя. По всѣмъ этимъ соображеніямъ признается желательнымъ увеличить мирную численность ротъ до 100 человекъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо привлекать чиновъ запаса повобранцевъ къ періодическимъ строевымъ упражненіямъ, какъ это требуется уставомъ о воинской повинности.

Составъ австро-венгерской кавалеріи, по сравненію съ другими родами оружія, признается слабымъ, но сколько нибудь значительное увеличеніе кавалеріи невозможно по дороговизнѣ содержанія войскъ этого оружія. Тѣмъ болѣе, поэтому, слѣдуетъ заботиться о боевой годности и мобилизаціонной готовности кавалеріи. Необходимо увеличить число кавалерійскихъ офицеровъ постоянной службы, устроить новыя ремонтныя депо и передавать выѣзжающихъ лошадей въ пользованіе частныхъ лицъ до тѣхъ поръ, пока поля будутъ въ состояніи выступить въ походъ въ полномъ составѣ на готовыхъ лошадяхъ и немедленно формировать годные къ полевой службѣ резервные эскадроны. Эти послѣдніе должны образовать въ военное время дивизионную кавалерію и поэтому слѣдуетъ содержать для нихъ соответствующіе кадры и, мобилизуя эскадроны, привлекать резервную кавалерію къ маневрамъ въ составѣ пѣхотныхъ дивизій. Въ настоящее время, такъ называемые, запасные кадры, обязанные формировать резервные эскадроны, состоятъ каждый изъ двухъ офицеровъ, 21 человекъ нижнихъ чиновъ и семи лошадей.

Въ каждомъ корпусномъ артилерійскомъ полку находится теперь группа въ три батареи, содержащаяся въ уменьшенномъ мирномъ составѣ. Такихъ артилерійскихъ дивизионовъ, какъ они называются по принятой въ Австро-Венгріи терминологіи, 14; они предназначены для снабженія артилеріей ландверныхъ дивизій, и каждая имѣетъ 14 офицеровъ, 136 нижнихъ чиновъ, 66 лошадей и шесть орудій, въ то время какъ нормальный составъ артилерійскаго дивизиона—15 офицеровъ, 322 человекъ нижнихъ чиновъ, 136 лошадей и 12 орудій. Признается необходимымъ довести дивизионы умень-

пеннаго состава до нормальнаго, что поведеть къ усиленію полевой артилеріи на 14 офицеровъ, 2,604 человекъ нижнихъ чиновъ, 980 лошадей и на 84 орудія. Мѣра эта мотивируется тѣмъ соображеніемъ, что, относительно мобилизаціонной готовности, батареи уменьшеннаго состава уступаютъ батареямъ нормальнаго состава и поэтому доставка въ область сосредоточенія тѣхъ дивизій, артилерію которыхъ составляютъ батареи уменьшеннаго состава, будетъ замедлена. Затѣмъ, желательно увеличить число артилерійскихъ офицеровъ постоянной службы и реорганизовать крѣпостную артилерію.

Современная численность пѣхотныхъ войскъ, а слѣдовательно, и составъ мостовыхъ парковъ, признается недостаточной. Устранить недостатокъ въ людяхъ можно путемъ обученія собственно инженерныхъ войскъ пѣхотной службѣ, но матеріальную часть необходимо заготовить въ большемъ противъ существующаго размѣрѣ.

Относительно продовольственнаго и обознаго вѣдомства высказывается мнѣніе, что въ будущую кампанію нельзя рассчитывать на снабженіе массовыхъ армій печенымъ хлѣбомъ и свѣжимъ мясомъ; продукты эти придется замѣнить сухарями и мясными консервами. Если къ нимъ прибавить растительные консервы, то этими продуктами исчерпывается обыкновенная пищевая табель военнаго времени, а все остальное: хлѣбъ, свѣжее мясо, чай, кофе, спиртъ и т. д. можно будетъ доставлять только случайно и тѣмъ или другимъ частямъ, но не всей арміи. Тѣмъ настоятельнѣе необходимость заблаговременно обезпечить непрерывность снабженія войскъ продуктами обыкновенной пищевой табели. Нынѣшніе консервы, принятые въ австро-венгерской арміи, признаются неудовлетворительными; они недостаточно питательны, скоро пріѣдаются и изготовленіе ихъ требуетъ много времени; замѣна нынѣшнихъ консервовъ болѣе подходящими къ условіямъ военнаго времени признается весьма желательной. Необходимо также замѣнить тяжелыя провіантскія повозки болѣе легкими и болѣе подходящими къ топографическому характеру вѣроятныхъ театровъ войны. На помощь колеснымъ перевозочнымъ средствамъ должны придти въ широкомъ размѣрѣ полевыя переносныя желѣзныя дороги, для чего слѣдуетъ заблаговременно заготовить необходимую матеріальную часть и дать этимъ перевозочнымъ средствамъ необходимую организацію.

Выполненіе нѣкоторыхъ изъ мѣропріятій новаго плана военныхъ реформъ предусмтрѣно утвержденной росписью обще-имперскихъ военныхъ расходовъ въ текущемъ году.

На военныя надобности въ будущемъ году испрашено 121.720,490 гульденовъ, на 4.430,206 гульд. болѣе, чѣмъ по прошлагодной смѣтѣ.

Собственные доходы военнаго вѣдомства исчислены въ 2.673,508 гульденовъ. Расходы подраздѣляются на обыкновенные, въ количествѣ 107.093,247 гульденовъ, и на чрезвычайные, исчисленные въ суммѣ 14.627,243 гульдена.

Обыкновенные расходы возросли на 4.253,402 гульдена. Воздорожаніе цѣнъ на зерновой хлѣбъ и другіе продовольственные продукты заставило увеличить соотвѣтствующія статьи смѣты на 1.848,000 гульденовъ. Расходы по квартирному довольствію войскъ увеличились на 1.593,864 гульдена, вслѣдствіе повышенія окладовъ квартирныхъ денегъ. Укомплектованіе 14-ти артилерійскихъ дивизионовъ, содержащихся въ уменьшенномъ составѣ, до нормальнаго состава, т. е. запряжка въ 42-хъ батареяхъ по два добавочныхъ орудія, обуславливаетъ новый постоянный расходъ въ 755,678 гульденовъ и единовременный въ 940,000 гульденовъ, причемъ расходы эти разложены на два года. Составъ обозныхъ войскъ увеличенъ на извѣстное число нижнихъ чиновъ, что вызвало новый расходъ въ 47,335 гульденовъ. Расходы по обученію запасныхъ нижнихъ чиновъ увеличились на 60.918 гульденовъ, вслѣдствіе того, что число призывныхъ чиновъ запаса новобранцевъ возросло на 11,000 человекъ; равнымъ образомъ, предполагается призвать на восьмипедѣльные сборы на 700 офицеровъ резерва болѣе, чѣмъ въ прошломъ году, всего 3,500 офицеровъ, и расходы по этой статьѣ возросли на 63,000 гульдена. Развитіе упражненій въ боевой стрѣльбѣ повело къ новому расходу въ 200,000 гульденовъ, а замѣна чернаго пороха молодымъ увеличить издержки по этой статьѣ на 509,586 гульденовъ.

Общая сумма чрезвычайныхъ расходовъ въ 14.627,243 гульдена превышаетъ чрезвычайный кредитъ прошлаго года всего на 176,804 гульдена. На изготовленіе ружей и карабиновъ Манлихера назначено 2.000,000 гульденовъ, составляющихъ второе асигнованіе изъ того кредита въ 9.772,300 гульденовъ, который отпущенъ на этотъ предметъ. На фабрикацію молодымнаго пороха асигновано 2.500,000 гульденовъ. Усиленіе крѣпостей Галиціи вызвало второй кредитъ въ 1,000,000 гульденовъ; въ связи съ этимъ асигнованіемъ находится сумма въ 500,000 гульденовъ, назначаемая на развитіе вооруженія укрѣпленныхъ пунктовъ посредствомъ замѣны старыхъ орудій новыми; въ прошломъ году на этотъ предметъ было отпущено 1,000,000 гульденовъ. Въ 1890 г. военному министерству былъ отпущенъ кредитъ въ размѣрѣ 1.848,000 гульденовъ на изготовленіе запаса матеріальной части артилеріи и на замѣну легкихъ батарей во всѣхъ корпусныхъ артилерійскихъ полкахъ тяжелыми батареями; изъ этой суммы было израсходовано 889,534 гульдена, а

остающіеся 959,066 гульденовъ подлежатъ израсходованію въ текущемъ году. Матеріальной части для полевыхъ желѣзныхъ дорогъ уже заготовлено на 800,000 гульденовъ; на продолженіе заготовокъ испрошено 400,000 гульденовъ. Значительныя суммы назначены военнымъ министерствомъ на заготовку продовольственныхъ запасовъ, именно, сухарей и мясныхъ консервовъ. Признано необходимымъ освѣжить первую партію этихъ запасовъ, изготовленныхъ въ 1887 г. на средства особаго кредита, выдавъ ее на продовольствіе войскъ, и заготовить новую партію. Освѣженіе обойдется въ 858,000 гульденовъ. Кромѣ того, продовольственные запасы будутъ увеличены на 1.705,000 гульденовъ, причемъ изъ этой суммы потребовано на текущій годъ 142,000 гульденовъ. Наконецъ, военное министерство испросило 130,000 гульденовъ для начала массовыхъ заготовокъ добавочныхъ консервовъ, включенныхъ въ составъ продовольственнаго обоза по новому положенію.

На содержаніе добавочнаго контингента въ 26-ти пѣхотныхъ полкахъ назначено 672,200 гульденовъ; въ прошломъ году добавочный контингентъ содержался въ 27-ми полкахъ. Увеличеніе офицерскаго состава выразилось двумя мѣрами: асигнованіемъ 921,558 гульденовъ на содержаніе офицеровъ, взамѣнъ находящихся въ постоянной командировкѣ, и 265,300 гульденовъ—на содержаніе 225 сверхштатныхъ поручиковъ. Точно также, находящіеся въ постоянной командировкѣ нижніе чины будутъ замѣнены въ своихъ частяхъ, на что требуется 291,900 гульденовъ. Добавочное содержаніе войскъ, находящихся въ южной Далмаціи, исчислено въ 90,000 гульденовъ. Наконецъ, по смѣтѣ прошлаго года разрѣшенъ добавочный кредитъ въ 1.532,968 гульденовъ на покрытіе сверхсмѣтныхъ расходовъ по квартирному довольствію.

Бюджетная численность общеимперской арміи установлена слѣдующая: офицеровъ—13,126; нижнихъ чиновъ: строевыхъ: подпрапорщиковъ—2,207, унтеръ-офицеровъ—24,812; рядовыхъ—197,335; нестроевыхъ: унтеръ-офицеровъ—8,643, рядовыхъ—11,395 и казенной прислуги—14,691. Общая численность арміи, включая военное духовенство, врачей, аудиторовъ, счетоводовъ и другихъ гражданскихъ чиновъ, составляетъ 276,867 человекъ. Воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній—2,310. Казенныхъ лошадей—51,775.

Въ слѣдующей статьѣ будетъ указано общее значеніе отчетнаго года для армій: Франціи, Италіи и Англии.

В. Недзвѣцкій.

(Окончаніе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ

ЖУРНАЛА

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ВМѢСТѢ СЪ ГАЗЕТОЮ

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВЪ 1892 ГОДУ.

Съ Высочайшаго соизволенія, въ 1892 году „**Русскій Инвалидъ**“, издаваемый подъ одною общею редакціею съ „**Военнымъ Сборникомъ**“, **будеть выходить**, по прежнему, **ежедневно**, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, а „**Военный Сборникъ**“ — ежемѣсячно, книжками до 20 листовъ каждая.

Оба изданія, „**Русскій Инвалидъ**“ и „**Военный Сборникъ**“, служа другъ другу необходимымъ дополненіемъ, будутъ: *ежедневная* газета — сообщать главныя официальныя извѣстія и слѣдить за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, а также за явленіями, имѣющими соотношеніе къ военному дѣлу; *ежемѣсячный* журналъ — посвятить свои страницы всесторонней разработкѣ собственно военнаго дѣла въ болѣе обширномъ значеніи этой отрасли знаній.

Высочайше утвержденныя программы обонхъ изданій останутся прежнія.

ПРОГРАМА «ВОЕННОГО СБОРНИКА».

I. Отдѣлъ военныхъ наукъ и литературный: а) тактика; б) военная исторія; в) военная администрація; г) военная статистика и географія; д) фортификація и артилерія и е) литературныя статьи.

По **тантимѣ** будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, касающіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событіями послѣднихъ войнъ.

По **военной исторіи** будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ войнъ и сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ прилагаемы, если понадобится, соответствующіе карты и планы.

По **военной администраціи**—все относящееся до управления и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ.

По **военной статистикѣ и географіи**—обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

По **фортификаціи и артилеріи** будутъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъ по отношенію ихъ къ дѣйствию войскъ, по возможности безъ техническихъ подробностей, для обсужденія которыхъ существуютъ у насъ спеціальныя журналы.

Литературныя статьи: а) рассказы изъ военного быта; б) записки военныхъ людей (мемуары); в) путешествія, имѣющія военный интересъ; г) жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей.

II. Современное обозрѣніе. Отдѣлъ этотъ будетъ состоять изъ:

1) **Библиографія**, въ которой помѣщаются: библиографическіе разборы русскихъ и иностранныхъ періодическихъ военныхъ изданій; извлеченія изъ иностранныхъ военныхъ журналовъ; разборы военныхъ книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, а также сочиненій, имѣющихъ по своему содержанію прямую связь съ военнымъ дѣломъ. 2) **Русское военное обозрѣніе**—предположенія и главнѣйшія постановленія правительства по военной части; свѣдѣнія о нашей арміи въ ея служебной и боевой дѣятельности. Рѣшенія главнаго военного суда. 3) **Иностранное военное обозрѣніе**—свѣдѣнія о ходѣ военного дѣла въ иностранныхъ государствахъ и о военныхъ дѣйствіяхъ иностранныхъ армій.

ПРОГРАМА «РУССКАГО ИНВАЛИДА».

I. Правительственныя извѣстія. Сюда войдутъ: Высочайшіе приказы, повелѣнія и манифесты; приказы по военному вѣдомству, главнокомандующихъ и командующихъ войсками, циркуляры главнаго штаба и другихъ главныхъ управленій; извлеченія изъ главнѣйшихъ распоряженій по другимъ министерствамъ и управленіямъ, имѣющихъ соотношеніе съ военною частью, и проч.

II. Объяснительныя статьи по военнымъ вопросамъ. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи, имѣющія цѣлью разъяснять главныя правительственныя постановленія по военной части.

III. Военныя статьи и корреспонденціи. Сюда войдутъ: извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ русской и иностранныхъ армій; свѣдѣнія о занятіяхъ и о бытѣ войскъ; свѣдѣнія о разнаго рода улучшеніяхъ и нововведеніяхъ въ устройствѣ русской и иностранныхъ армій; краткія извлеченія изъ отчетовъ военныхъ управленій и войсковыхъ начальниковъ; статьи по различнымъ военнымъ вопросамъ, представляющія текущій интересъ и требующія безотлагательнаго сообщенія читателямъ для вызова ихъ мнѣній.

IV. Телеграммы и извѣстія о замѣчательныхъ происшествіяхъ, отечественныхъ и заграничныхъ.

При телеграмахъ будутъ помѣщаемы необходимыя объясненія; извѣстія же будутъ преимущественно помѣщаться такія, которыя могутъ интересовать военное сословіе.

V. Библиографическіе отзывы о книгахъ и статьяхъ, заслуживающихъ вниманія въ смыслѣ обще-военнаго образованія.

VI. Назонныя и частныя объявленія.

Вполнѣ сознавая всю важность задачи, возложенной на журналъ „**Военный Сборникъ**“ и соединенную съ нимъ газету „**Русскій Инвалидъ**“, главная редакція этихъ изданій, принимая всѣ зависящія отъ нея мѣры для возможно лучшаго выполненія Высочайше утвержденныхъ программъ, въ то же время надѣется на дружное содѣйствіе членовъ военнаго общества, безъ котораго усилія редакціи не вполнѣ достигли бы своей цѣли.

Желающіе помѣщать свои статьи въ „**Военномъ Сборникѣ**“ и въ „**Русскомъ Инвалидѣ**“ благоволятъ доставлять ихъ въ редакцію журнала. Въ случаѣ одобренія статьи, онѣ будутъ напечатаны при первой возможности. Въ случаѣ же неодобренія — возвращаются автору, *по его личному востребованію, или доверенному отъ него лицу, безъ всякихъ объясненій.*

При этомъ редакція проситъ: въ статьяхъ переводныхъ или составленныхъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ обозначать источники; подъ статьями *четко* подписывать свои имена и адреса; причемъ, по желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики и останутся извѣстны только редакціи; статьи-же и письма *неподписанныя* редакція печатать не можетъ.

Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ „**Военномъ Сборникѣ**“, опредѣлено: за переводы отъ 12 до 20 руб. съ печатнаго листа; за извлеченія и компиляціи до 30 руб., а за оригинальныя статьи до 50 руб. и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, болѣе. Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ „**Русскомъ Инвалидѣ**“, будетъ основываться на вышеприведенномъ разсчетѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на „Военный Сборник“ и „Русскій Инвалидъ“ на 1892 годъ принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи означенныхъ изданій: на Надеждинской, домъ Трута, № 48.

Военно-служащіе и войсковыя части, подписывающіеся на „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, т. е. на оба изданія вмѣстѣ, платятъ съ доставкою и пересылкою тринадцать рублей.

Отдѣльная подписка на журналъ и газету для всѣхъ безъ различія назначается:

За годовой экземпляръ журнала „Военный Сборникъ“ девять рублей, съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ. Заграничная подписка двѣнадцать рублей. На мѣсячные сроки подписка на журналъ «Военный Сборникъ» не принимается.

За годовой экземпляръ газеты „Русскій Инвалидъ“ девять рублей, съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ.

Подписная цѣна на газету „Русскій Инвалидъ“ на сроки:

ВЪ РОССІИ:				ЗА ГРАНИЦЕЙ:			
На годъ . . .	9 р.	—	к.	На годъ . . .	15 р.	—	к.
„ 11 мѣсяцевъ	8	»	50	„ 11 мѣсяцевъ	14	»	—
„ 10 „	8	»	—	„ 10 „	13	»	—
„ 9 „	7	»	50	„ 9 „	12	»	—
„ 8 „	7	»	—	„ 8 „	11	»	—
„ 7 „	6	»	50	„ 7 „	10	»	—
„ 6 „	6	»	—	„ 6 „	9	»	—
„ 5 „	5	»	—	„ 5 „	8	»	—
„ 4 „	4	»	—	„ 4 „	7	»	—
„ 3 „	3	»	50	„ 3 „	6	»	—
„ 2 „	3	»	—	„ 2 „	4	»	—
„ 1 „	1	»	50	„ 1 „	8	»	—

Съ доставкою въ Петербургъ и съ пересылкою въногороднымъ.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОРЪ ЖУРНАЛА „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“ И ВОЕННОЙ ГАЗЕТЫ „РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“

Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ ЛАВРЕНТЬЕВЪ.

Помощникъ Главнаго Редактора, Генераль-Маіоръ ЛАЧИНОВЪ.

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ ВЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛАХЪ.

(Статья вторая) (1).

Зимній походъ въ Хиву въ 1839 году. — Салтинскій походъ въ 1847 году на Кавказъ. — Защита Севастополя по запискамъ князя В. И. Васильчикова.

Послѣ неудачнаго похода въ Хиву князя Бековича-Черкаскаго въ 1717 году, сношенія наши съ Хивою совершенно прекратились и хивинцы грабили наши караваны, отправлявшіеся въ Бухару, захватывали плѣнныхъ и обращали ихъ въ неволю. Такъ прошло цѣлое столѣтіе, когда, въ 1819 году, императоръ Александръ I обратилъ свое вниманіе на развитіе нашей торговли въ Средней Азіи. Онъ поручилъ тогдашнему оренбургскому генераль-губернатору Эссену отправить въ Хиву чиновника исключительно для переговоровъ по торговымъ дѣламъ. На это Эссенъ отвѣчалъ, что еще въ прошломъ году, по поводу разграбленія нашихъ каравановъ, былъ имъ отправленъ въ Хиву поручикъ Абдуль-Насырь-Субкангуловъ, но едва успѣлъ избѣжать казни. Только магометанская религія, въ доказательство которой онъ долженъ былъ обречь себѣ голову, спасла его отъ смерти. Выпроваживая его изъ Хивы, ханъ приказалъ сказать, чтобы Субкангуловъ извѣстилъ въ Россіи, что всякій свободный чужестранецъ, по хивинскимъ законамъ, подвергается у нихъ смерти или рабству.

«Послѣ таковыхъ безуспѣшныхъ сношеній съ хивинскимъ правительствомъ, доносили Эссенъ, я въ необходимости нахожусь заклю-

---

(1) См. «Военный Сборникъ» 1892 г., № 1-я.

чить, что въ исполненіе Высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, въ новые переговоры и объясненія съ онымъ войти удобно не иначе, какъ въ видахъ силы и справедливой твердости, поддерживавъ достоинство Имперіи, внушивъ уваженіе къ предмету тѣхъ объясненій и обезпечивъ безопасность получающаго сіе порученіе».

Миролюбивая политика Александра I не допускала употребленія силы, и сношенія наши съ Хивою прекратились до начала тридцатыхъ годовъ, когда былъ назначенъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками свиты Его Величества генераль-маіоръ Василій Алексѣевичъ Перовскій. Познакомившись съ краемъ, новый губернаторъ не могъ не обратить вниманія на то, что кочующіе тотчасъ же за р. Ураломъ и вблизи Оренбурга поданные наши киргизы хватаютъ русскихъ въ плѣнъ и отправляютъ ихъ въ Хиву въ неволю, получая за это деньги. По собраннымъ свѣдѣніямъ, число плѣнныхъ русскихъ въ одной Хивѣ было болѣе 500 человекъ. Такое положеніе дѣлъ не могло быть терпимо и Перовскій считалъ необходимымъ предпринять походъ въ Хиву.

«Въ Петербургѣ, говоритъ авторъ (1), на первыхъ порахъ, ходатайство генерала Перовскаго не встрѣтило сочувствія ни въ военныхъ сферахъ, ни въ придворныхъ: указывали на трудность похода по безводнымъ пескамъ и пустынямъ; вспоминали трагическую судьбу отряда кн. Бековича-Черкаскаго, хотя и преодолѣвшаго походъ и дошедшаго до самой Хивы, но затѣмъ всетаки погибшаго; выставляли на видъ и большія денежные затраты, необходимыя на снаряженіе экспедиціи, затраты, которыя не окупятся малыми, сравнительно, выгодами, въ случаѣ даже успѣха».

Тогда Перовскій отправился самъ въ Петербургъ и хотя встрѣтилъ оппозицію въ лицѣ военнаго министра графа Чернышева, но по своимъ придворнымъ связямъ успѣлъ подвинуть это дѣло значительно впередъ.

— «Государь», сказалъ онъ, я принимаю эту экспедицію на свой страхъ и на свою личную отвѣтственность».

— «Когда такъ, то съ Богомъ», отвѣчалъ Императоръ Николай.

Для обсужденія подробностей экспедиціи былъ составленъ комитетъ изъ вице-канцлера, военнаго министра и Перовскаго. 12-го марта 1839 года комитетъ постановилъ предпринять экспедицію въ Хиву, но сохранять въ тайнѣ истинную цѣль, а дѣйствовать подъ предло-

(1) «Зимній походъ въ Хиву въ 1839 году». И. Н. Захарьинъ. «Русскій Архивъ», 1891 г., № 4.

гомъ послышки ученой экспедиціи къ Аральскому морю. При удачѣ похода и при занятіи Хивы смѣстить бывшаго хана, поставить во главѣ управленія человѣка, намъ преданнаго, освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и дать широкое развитіе нашей торговлѣ. Перовскому на время экспедиціи присвоена власть командира отдѣльнаго корпуса въ военное время и на расходы экспедиціи асигновано 1.698,000 рублей и 12,000 червонцевъ.

Возвратившись въ Оренбургъ, генераль Перовскій сталъ готовиться къ походу. Прежде всего являлся вопросъ, когда предпринять экспедицію, зимою или лѣтомъ? Большинство мѣстныхъ генераловъ и въ особенности начальникъ Башкирскаго войска, генераль-маіоръ Цюлковскій, стояли за походъ зимою. Они говорили, что зимній походъ избавлялъ ихъ отъ невыносимой жары, доходившей иногда въ тѣхъ мѣстахъ до 58° по Р., и доставлялъ возможность громадному каравану верблюдовъ идти по безводнымъ пустынямъ и сыпучимъ пескамъ, такъ какъ воду можно было добывать, оттаивая снѣгъ. Противниками зимняго похода были начальникъ штаба корпуса баронъ Рокасовскій и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Никифоровъ. Они говорили, что если зима будетъ снѣжная и суровая, то весь отрядъ погибнетъ, ибо въ степи нельзя будетъ дастать топлива для варки пищи, верблюды не будутъ имѣть корма и падутъ. Путь въ Хиву не былъ изслѣдованъ и свѣдѣнія о немъ получались только отъ выбѣжавшихъ нашихъ плѣнныхъ.

«Имѣлись, правда, говоритъ авторъ, и нѣкоторыя свѣдѣнія на этотъ счетъ, составленныя полковникомъ генеральнаго штаба *Θ. Θ. фонъ-Бергомъ* (впослѣдствіи графъ и генераль фельдмаршалъ), бывшимъ начальникомъ маленькой экспедиціи, снаряженной въ зиму 1825—1826 гт., для изслѣдованія пути изъ Оренбурга къ Аральскому морю. По этимъ свѣдѣніямъ, въ Хиву было два пути: первый путь былъ по восточную сторону Аральскаго моря, а второй на Куна-Ургенчъ, на западную; первымъ путемъ до Хивы было 1,400 верстъ, а вторымъ 1,320 верстъ. Этотъ послѣдній путь рекомендовался изслѣдователемъ, какъ лучший и болѣе удобный, и на немъ, въ случаѣ похода въ Хиву, были намѣчены тѣмъ же Бергомъ два пункта для постройки укрѣпленій: первый при впаденіи въ р. Эмбу рѣчки Атъ-Джаксы (или Аты-Якши) и второй у Акъ-Булака—оба, какъ оказалось впослѣдствіи, крайне неудобные: первый—по отсутствію вблизи корма, а второй—по своей нездоровой водѣ. И вотъ эти то роковыя свѣдѣнія, составленныя какъ бы нарочно фонъ-Бергомъ, и заставили генерала Перовскаго предпочесть именно второй путь

и позаботиться объ устройствѣ на немъ, въ намѣченныхъ мѣстахъ, двухъ укрѣплений».

Приготовляясь къ походу, Перовскій весною 1839 года отправилъ состоявшаго при немъ для особыхъ порученій полковника Геке, съ небольшимъ отрядомъ, для рекогносцировки пути и топографической съемки мѣстностей. Сверхъ того, на обязанность Геке было возложено построить два укрѣпленія и приготовить въ нихъ запасы топлива и корма верблюдамъ, необходимые для зимняго похода. Построивъ эти укрѣпленія: одно на р. Эмбѣ, въ 500 верстахъ отъ Оренбурга, а другое за 170 верстъ отъ перваго въ урочищѣ Чушкакуль, близъ подъема на Усть-Уртъ, полковникъ Геке доложилъ Перовскому, что считаетъ этотъ путь крайне неудобнымъ для движенія въ Хиву. По словамъ Геке, вся эта мѣстность состояла изъ солончаковой низменности и изъ самой бѣдной почвы, почти безводной. Перовскій не принялъ во вниманіе этого заявленія и всетаки остановился на этомъ направленіи. Онъ отправилъ въ укрѣпленія нѣсколько каравановъ съ продовольствіемъ и фуражемъ, причемъ конвоировавшіе ихъ отряды должны были составить гарнизоны укрѣплений и заняться заготовленіемъ для отряда сѣна. Раздѣливъ отрядъ на нѣсколько колоннъ, предполагалось выступить въ половинѣ ноября, съ тѣмъ, чтобы прибыть въ Эмбенское укрѣпленіе въ первыхъ числахъ декабря, а въ Чушкакульское укрѣпленіе въ половинѣ декабря.

«Оттуда было предположено послать легкой рекогносцировочный отрядъ для выбора болѣе удобнаго подъема на Усть-Уртъ и для изслѣдованія, есть ли снѣгъ на плоскости Усть-Урта; въ случаѣ если бы не оказалось снѣга, рѣшено было ждать его въ Чушкакульскомъ укрѣпленіи; а тѣмъ временемъ къ ближайшему береговому пункту Каспійскаго моря, находящемуся въ ста верстахъ отъ Чушкакуля, должны были подойти десять большихъ парусныхъ судовъ, съ различными запасами и новымъ продовольствіемъ для отряда, которыя имѣли выйти изъ Астрахани осенью же, нѣсколько ранѣе выступленія отряда изъ Оренбурга. Затѣмъ, какъ только снѣгъ на Усть-Уртѣ выпадетъ и явится, такимъ образомъ, возможность добыванія воды, немедленно двинуться въ дальнѣйшій походъ, подняться на Усть-Уртъ и пройти форсированнымъ маршемъ все безводное пространство до Аральскаго моря; а тамъ уже, слѣдуя берегомъ моря, по плоскости Усть-Урта, легко было, по показаніямъ бывшихъ въ Хивѣ плѣнныхъ, найти воду вездѣ. Тѣ же бывшіе плѣнники дали и еще одно весьма важное показаніе, именно, что снѣгъ на Усть-Уртѣ выпадаетъ

не ратѣ конца декабря, или даже въ январѣ, и что случаются зимы, когда снѣгъ не выпадаетъ вовсе».

Собранный отрядъ состоялъ приблизительно изъ 5,000 человѣкъ съ 12,450 верблюдами. Такимъ образомъ на каждого человѣка приходилось почти по 2¹/₂ верблюда, везшихъ на себѣ боевые припасы, гальваническіе и минные снаряды, ракеты, разборные понтоны и проч. Въ составъ отряда вошли: четыре линейныхъ баталіона, полкъ Оренбургскихъ и полкъ Уральскихъ казаковъ, конно-казачья батарея, восемь горныхъ 10-ти фунтовыхъ единороговъ, два батарейныхъ орудія, понтонная рота, сводный дивизионъ Уфимскаго конно-иррегулярнаго полка и огромная свита Перовскаго. Последняя была такъ велика, что подъ кухонные припасы, вина, консервы и прочіе предметы для стола Перовскаго потребовались 140 верблюдовъ.

14-го ноября 1839 года началось выступленіе отрядовъ изъ Оренбурга. Впереди всѣхъ шель авангардъ подъ начальствомъ подполковника Данилевскаго, состоявшій изъ 5 офицеровъ, 357 нижнихъ чиновъ съ 4 орудіями и 1,128 верблюдами. Хотя на первой же дневкѣ въ Илецкѣ было 29 градусовъ мороза, но авангардъ дошелъ до Эмбы благополучно, такъ какъ далѣе снѣгу и морозовъ не было, повсюду находили подножный кормъ для верблюдовъ и лошадей и для всего отряда воду. Движеніе остальныхъ колоннъ встрѣтило большія затрудненія и прежде всего отъ неумѣнья и недостатка ухода за верблюдами.

«Въ каждой колоннѣ, пишетъ И. Н. Захарьинъ (1), было около 2,500 верблюдовъ; въ главной четвертой колоннѣ ихъ было почти 3,000. Передъ выступленіемъ колоннъ и при остановкахъ на ночь, всѣ эти 10,500 верблюдовъ приходилось навьючивать и развьючивать. При каждыхъ 10-ти верблюдахъ былъ нанятъ всего одинъ киргизъ, для котораго требовалось нѣсколько часовъ времени всякій разъ; тогда въ помощь киргизу-повадарю стали назначать по пяти линейныхъ солдатъ, взявшихся за дѣло охотно, но не умѣло. Въ результатъ явилась масса заболѣвшихъ верблюдовъ, у которыхъ спины были протерты вплоть до костей; ихъ стали развьючивать и раздѣлять выюки на остальныхъ, здоровыхъ, обременяя такимъ образомъ этихъ послѣднихъ непосильною ношей...»

Первоначально колонны двигались по двумъ дорогамъ: первая двѣ на Куралинскую линію, а послѣднія двѣ—на крѣпость Илецкую-Защиту. Сойдясь въ степи, у такъ называемаго Караваннаго озера, колонны должны были двигаться по одному пути и въ такомъ

(1) «Русскій Архивъ» 1891 г. № 4-й, стр. 531-я.

разстояніи, чтобы, останавливаясь на ночлегъ не далѣе одной или двухъ верстъ другъ отъ друга, каждая видѣла сосѣднюю и, въ случаѣ тревоги, могли оказать взаимную помощь.

Неумѣніе обходиться съ верблюдами и частыя остановки для перевьючиванія ихъ были причиною, что колонны дѣлали не болѣе 10-ти верстъ въ день. Къ довершенію затрудненій, 24-го ноября выпалъ снѣгъ выше колѣна, а 27-го числа поднялся ужаснѣйшій степной буранъ при 26-ти градусахъ мороза. Озябшія отъ сильной стужи лошади въ ночь на 28-е число сорвались съ коновязей и убились въ степь; находившіеся на постахъ люди оказались съ отмороженными оконечностями и ихъ пришлось ампутировать въ холодныхъ кибиткахъ на морозѣ, державшемся около 25-ти градусовъ. «Съ первыхъ чиселъ декабря, говоритъ авторъ, вновь начались бураны; всю степь завалило снѣгомъ болѣе чѣмъ на аршинъ и его поверхность, отъ морозовъ, покрылась твердою ледяною корой; морозы перешли на 30 градусовъ и стали доходить по утрамъ до 40, при убійственномъ, сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. Люди, измученные непривычною ходьбою по глубокому снѣгу, да еще съ ружьями, ранцами и патронташами на спинѣ, скоро изнемогали и въ сильной испаринѣ садились на верблюдовъ, остывали и даже отмораживали себѣ тутъ же, сидя на верблюдахъ, руки и ноги. Всѣ поняли, что наступаетъ гибель; но никто еще не имѣлъ малодушія высказать это въ слухъ. Прежде всего бѣдствіе постигло несчастныхъ верблюдовъ. Ступая по снѣгу въ аршинъ глубиною и пробивая при этомъ ледяную кору, они рѣзали въ кровь ноги до колѣнъ и выше и, въ концѣ концовъ, падали и уже не могли подняться. Такихъ верблюдовъ бросали на мѣстѣ, на произволь судьбы, умирать въ степи, а вьюкомъ съ упавшаго верблюда распоряжались уже аріергардные казаки: если это былъ овесъ и сухари, то казаки дѣлили добычу по своимъ торбамъ; если это былъ спиртъ, то казаки разливали его въ манерки, а боченокъ разбирали на топливо; если это была мука, то ее разсыпали по снѣгу, а куль муки припрятавали на топливо же, въ которомъ, въ это тяжелое время, былъ такой страшный недостатокъ, что иногда на ночлегахъ, чтобы развести хотя маленькій огонь для вскипяченія чайника воды, приходилось жечь веревки отъ верблюжьихъ тюковъ».

6-е декабря, день тезоименитства Императора Николая, войска встрѣтили въ 250—270 верстахъ отъ Оренбурга, въ урочищѣ Бишъ-Тамакъ (Пять-Устьевъ). При страшномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ морозъ доходилъ до 32¹/₂ градусовъ: дышать полною грудью было

невозможно, топлива не было и вокруг была голая степь, покрытая снѣгомъ на 1 1/2 аршина глубиною. Начальники колоннъ рѣшили заявить Перовскому о гибельномъ положеніи отряда и получили отъ него разрѣшеніе употребить для варки пищи лодки, взятая изъ Оренбурга, дроги, на которыхъ ихъ везли, выдать факелы и канаты, запасные кули, веревки обоза—словомъ все, что могло горѣть и могло считаться излишнимъ для отряда. Всего этого хватило, конечно, лишь на нѣсколько дней, и тогда Перовскій возложилъ на обязанность войскъ самимъ заботиться о топливѣ, предупреждая, что ему выдавать болѣе нечего.

При такихъ условіяхъ двинулись далѣе: солдаты обмораживались и, за невозможностью подать медицинскую помощь, умирали отъ антонова огня; уцѣлѣвшіе, ложились спать на мерзлую землю, прикрывались однѣми кошмами, но шли бодро, пока было топливо и можно было сварить хотя и скудную, но горячую пищу. Когда же прекратился огонь и горячая пища, они упали духомъ, тѣмъ болѣе, что не имѣли никакой возможности согрѣться. При выступленіи изъ Оренбурга имъ выдали полушубки, но особаго вида и устройства. Полушубки эти, по словамъ Захарьина, шились такъ: снимали весною съ барановъ шерсть, нашивали и наклеивали ее на толстый холстъ и, затѣмъ, кроили и шили изъ этой «чебаги» для солдатъ полушубки; овечья шерсть грѣла конечно, но скоро сваливалась въ неровный войлокъ, а верхняя холщевая часть такихъ полушубковъ холодѣла отъ мороза; солдатскія же шинели, сшитыя въ натяжку, по мундирамъ, не влѣзали на полушубки. Сверхъ черныхъ суконныхъ шароваръ, солдатамъ приказано было надѣвать холщевыя, но холстъ также страшно накалялся на сорокаградусномъ морозѣ; вдобавокъ, шаровары эти надо было закидывать въ узкія голенища сапогъ, такъ что не только ступня, но и щиколотка ноги у солдата была ничѣмъ не защищена отъ холода. Однѣ лишь солдатскія шапки были примѣнены къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ. Онѣ были подбиты телячьимъ мѣхомъ, и къ нимъ были придѣланы особыя назатыльники изъ такого же мѣха; но такъ какъ шапки эти были единственною теплою одеждой, практически сшитою, то выходило вотъ что: голова у солдата была постоянно въ теплѣ, а ноги и вся нижняя часть тѣла въ холодѣ, т. е. какъ разъ наоборотъ, какъ бы слѣдовало».

При такомъ положеніи солдаты, остановившись на ночлегѣ, не имѣли полнаго времени для отдыха: одни должны были разставлять войлочныя джуламейки, а другіе—идти рыть корни степныхъ травъ для топлива и варки пищи; корни добывались въ маломъ

количествѣ, но съ большимъ трудомъ, такъ какъ приходилось разгребать снѣгъ и рубить мерзлую землю топорами и мотыгами. Въ отрядахъ оказалось много больныхъ и ихъ отправляли въ такъ называемый походный лазаретъ, т. е. сквозные фургоны на колесахъ, гдѣ они простужались, получали тифъ и умирали. За тифомъ явился скорбутъ, потомъ цинга, а у обмороженныхъ—гангрена.

Казакъ были въ гораздо лучшемъ положеніи: они имѣли настоящіе полушубки и были болѣе обезпечены продовольствіемъ; дивизіонъ же Уфимскаго конно-регулярнаго полка страдалъ точно также, какъ и пѣхота, и въ концѣ похода въ дивизіонѣ не осталось ни одной лошади.

«Страданія и лишенія офицеровъ въ этотъ тяжкій походъ, пишетъ авторъ, мало чѣмъ рознились отъ нижнихъ чиновъ. Правда, каждому изъ нихъ былъ предоставленъ въ распоряженіе отдѣльный верблюдъ, а нѣкоторымъ два, три и болѣе; у многихъ были собственные лошади и экипажи—мѣстные тарантасы, съ полозьями въ запасъ, для зимняго пути; были и разныя другія исключительныя удобства и приспособленія. Но все это было лишь въ началѣ похода... Затѣмъ, для всѣхъ почти офицеровъ отряда наступили тѣ же лишенія: верблюды ихъ пали, равно какъ и лошади, экипажи брошены или сожжены; вскипятить мѣдный чайникъ съ водою было, также, не всегда возможно, какъ и солдатамъ не всегда удавалось похлебать горячей кашицы». Для всѣхъ недоставало самаго главнаго—теплага угла, гдѣ бы можно было обогрѣться, обсушиться и уснуть, раздѣвшись. У самого Перовскаго хотя и была переносная печь, но и въ его кибиткѣ, 6-го декабря, было: на полу 15 градусовъ мороза, а на столѣ, гдѣ онъ писалъ, четыре градуса холода по Реомюру.

Только 19-го декабря отрядъ достигъ до Эмбенскаго укрѣпленія, употребивъ на этотъ переходъ 34 дня; изъ этого числа только 15 дней были безъ сильныхъ бурановъ и 13, когда морозъ былъ ниже 20-ти градусовъ. Снѣгу было такъ много, что всѣ даже самыя глубокіе овраги были занесены имъ до верху, а это представляло громадныя затрудненія для движенія верблюдовъ, колеснаго обоза и артилеріи.

Труды и необычныя лишенія войскъ, конечно, болѣе всего заботили главнаго начальника, принявшаго экспедицію на свою отвѣтственность, и раздѣлявшаго съ ними всю опасность.

«Изъ Оренбурга, пишетъ г. Захарыинъ, генераль-адъютантъ Перовскій выѣхалъ въ походъ при 4-й колоннѣ, верхомъ. Всѣ пола-

гали тогда, что онъ пересядеть вскорѣ же въ свой экипажъ, слѣдовавшій за колонною. Но вышло иначе. Отъ самаго Оренбурга вплоть до Эмбы, на разстояніи 500 верстъ, главноначальствующій ѣхалъ верхомъ, выступая съ колонною одновременно, когда начинало разсвѣтать, и слѣзая съ коня лишь тогда, когда останавливалась и колонна на привалахъ и ночлегахъ. Въ утреннемъ полусвѣтѣ часто видѣли генерала, верхомъ на бѣлой, а иногда на сѣрой лошади, ѣдущаго позади колонны шагомъ, съ опущенною по привычкѣ головою на грудь... Въ 11 часовъ, ежедневно, генераль Перовскій начиналъ объѣзжать всѣ колонны, здороваясь, на походѣ, съ людьми и оглядывая ихъ; въ этихъ объѣздахъ сопровождалъ его лишь оди́нъ казакъ. Линія отряда, состоявшая изъ четырехъ колоннъ, растягивалась, обыкновенно, на восемь и болѣе верстъ; тѣмъ не менѣе, не смотря ни на какую погоду и морозъ, главноначальствующій объѣзжалъ всю эту линію два раза—отъ 4-й колонны до 1-й и обратно. Часто ночью, главноначальствующій самъ повѣрялъ исправность цѣпи и бдительность часовыхъ, особенно съ того времени, когда узнали, что въ степи рекогносцируетъ 2,000-ный конный отрядъ хивинцевъ».

Хивинскій ханъ Ала-Куль, узнавъ о движеніи русскихъ и о построѣннѣ нами двухъ укрѣпленій, собралъ болѣе 2,000 лучшихъ наѣзтниковъ изъ племени туркменъ-юмудовъ и приказалъ имъ быстрымъ налетомъ овладѣть сначала двумя укрѣпленіями, а затѣмъ идти на встрѣчу главному отряду, беспокоить его день и ночь и, если представится случай, то въ темную и бурную ночь броситься на него въ рукопашную. Начальство надъ этимъ отрядомъ принялъ самъ Кушъ-беги (военный министръ), обѣщавшій привести въ Хиву живьемъ гарнизоны укрѣпленій.

18-го декабря онъ напалъ на Чушкакульское укрѣпленіе, но былъ отбитъ самымъ позорнымъ образомъ одними выстрѣлами изъ орудій. Въ это время въ укрѣпленіи находилось всего 130 человекъ здоровыхъ и 164 больныхъ. Хивинцы произвели четыре атаки, но, не будучи въ состояніи преодолѣть храбрость гарнизона, двинулись къ Эмбенскому укрѣпленію, но на Усть-Уртѣ большая часть ихъ погибла отъ сильныхъ морозовъ и бурновъ, такъ что изъ 2,000-наго отряда вернулось въ Хиву не болѣе 700 человекъ.

Достигшій до Эмбенскаго укрѣпленія, нашъ отрядъ расположился въ джуламейкахъ, на равнинѣ. Больныхъ отправили тотчасъ же въ госпиталь, хорошо устроенный въ землянкахъ и они стали понемногу поправляться; солдатъ водили обѣдать въ теплыя кухни и

хлѣбопекарни и кормили ихъ хорошею горячею пищею. Заготовленное въ достаточномъ количествѣ продовольствіе и фуражъ давали возможность накормить людей и лошадей. Всѣ ожили, страдалъ только одинъ Перовскій, сознававшій, что дальнѣйшее движеніе невозможно и что Россія осудить его за такую неудачную экспедицію. Чтобы не возвращаться ни съ чѣмъ въ Оренбургъ, генераль-адъютантъ Перовскій сформировалъ особую колонну, которую и намѣренъ былъ отправить къ Чушкакульскому укрѣпленію, съ тѣмъ, чтобы она, по прибытіи къ укрѣпленію, выслала отъ себя особую рекогносцировочную партію для изслѣдованія болѣе удобнаго подъема на Усть-Уртъ, и затѣмъ ожидала дальнѣйшихъ распоряженій главноначальствовавшаго. Пока шли сборы къ походу, изъ Чушка-куля прибылъ посланный съ извѣстіемъ, что, по причинѣ усиленной сторожевой службы и дурной воды въ озерѣ, появилась такая масса больныхъ дизентеріей, скорбутомъ и цингою, что ихъ помѣщать было негдѣ. Перовскій тотчасъ же послалъ 140 человекъ на саняхъ, запряженныхъ верблюдами, и сотню казаковъ, подъ начальствомъ поручика Ерофеева, съ приказаніемъ забрать всѣхъ больныхъ изъ Чушкакульскаго укрѣпленія и доставить ихъ въ Эмбенское. По дорогѣ отрядъ этотъ выдержалъ нѣсколько весьма упорныхъ атакъ хивинцевъ, собравшихся здѣсь въ числѣ 2,000 человекъ. Хивинцы атаковали и въ конномъ строю, и пѣшіе, атаковали днемъ и ночью, и, будучи каждый разъ отбиваемы, рѣшили, наконецъ, возвратиться въ Хиву.

Между тѣмъ, спустя нѣсколько дней по выступленіи изъ Эмбенскаго укрѣпленія отряда Ерофеева выступила и колонна генераль-маіора Ціолковскаго изъ двухъ линейныхъ баталіоновъ, одного полка казаковъ и 4,000 верблюдовъ. Съ первыхъ же шаговъ, колонна встрѣтила огромныя затрудненія, происходившія, главнымъ образомъ, отъ неправильныхъ распоряженій генерала Ціолковскаго. «Люди, измученные съ вечера разными приготовленіями и походными сборами, не успѣли, какъ слѣдуетъ выспаться, подняли ихъ ночью въ 2 часа, а въ 5, т. е. въ совершенной темнотѣ, колонна выступила уже изъ укрѣпленія». Въ первый день колонна могла пройти только девять верстъ; слѣгъ за Эмбою оказался глубже, а ледяная кора еще толще. Послѣдняя не выдерживала верблюдовъ, они проваливались и падали, а поднять ихъ было уже невозможно. Посланный впередъ для протоптанія дороги, казачій полкъ испортилъ многихъ лошадей, рѣзавшихъ себѣ щиколотки до крови. Многіе казаки принуждены были спѣшиться и совершить дальнѣйшій походъ пѣшкомъ; верблюды па-

дали въ огромномъ числѣ. На восьмой день похода прибыль къ отряду генераль-адъютантъ Перовскій и собственными глазами убѣдился въ ужасныхъ бѣдствіяхъ, испытываемыхъ отрядомъ.

«Какъ только снѣгъ, пишетъ Захарьинъ, и покрывавшая его ледяная кора вполне окрѣпли, несчастные верблюды остались совсѣмъ безъ корма: никакія уже силы не могли докопаться до находящейся подъ снѣгомъ травы; надо было у каждаго верблюда поставить людей съ желѣзными мотыгами и употреблять для этого тѣ ночные часы отдыха, въ которыхъ сами солдаты нуждались не менѣе верблюдовъ; а эти животныя, къ ихъ несчастію, не обладаютъ, подобно лошадямъ, способностью разрывать снѣгъ ногами. Голодь ихъ была такъ великъ, что они во время слѣдованія стали ѣсть тѣ рогожныя попоны, которыми киргизы укрывали ихъ отъ холода взамѣнъ кошениныхъ (войлочныхъ) попонъ, бывшихъ на нихъ при выходѣ изъ Оренбурга и давно изорвавшихся: какъ только задній верблюдъ замѣчалъ на переднемъ рогожу, онъ нагонялъ его и начиналъ рвать зубами и ѣсть рогожу вмѣсто сѣна». Перовскій приказалъ давать на ночь верблюдамъ овесъ, но они его не ѣли; пробовали мѣсить изъ ржаной муки колобки, клали имъ въ ротъ, но верблюды ихъ выплевывали: верблюдъ не можетъ ѣсть ничего холоднаго; а чтобы нагрѣвать воду для такого мѣсива, необходимо было топливо, котораго едва хватало для одной варки пищи въ день нижнимъ чинамъ. Верблюды падали въ громадномъ числѣ и съ каждымъ шагомъ впередъ колонна испытывала все большія затрудненія, въ особенности при подъемѣ на горы Бокыръ (мѣдь) и Али. Здѣсь осталась большая часть верблюдовъ и начали гибнуть солдаты: ихъ пришлось отправлять въ лазареты цѣлыми партіями. Наконецъ, на 15-й день послѣ выступленія, колонна достигла до Чушкакульскаго укрѣпленія, построеннаго изъ глины и занесеннаго снѣгомъ. Въ укрѣпленіи не было удобныхъ землянокъ, а тѣ, которыя и были, всѣ были заняты больными. Прибывшимъ войскамъ пришлось жить въ войлочныхъ джуламейкахъ и не имѣть теплаго жилья. «Крайне нездоровая вода бывшая въ укрѣпленіи, способствовала тому, что когда пришла въ Чушка-куль отдѣльная колонна, то въ ротѣ Ерофеева четвертая часть солдатъ была уже больна дизентеріей, цынгою и тѣмъ же скорбутомъ; а люди гарнизона, заболѣвшіе раньше, лежали, со сведенными ногами, и лишь немногіе изъ нихъ могли кое-какъ ползать по земляному холодному полу полутемныхъ землянокъ, замѣнявшихъ теперѣ лазаретныя палаты. Въ укрѣпленіи было тихо и мертво, какъ въ разрытой могилѣ: чувствовался общій упадокъ духа. Такъ прошло

восемь дней. У генерала Перовскаго къ нравственнымъ и душевнымъ страданіямъ присоединились еще и физическія: у него открылась старая турецкая рана въ груди, и начались, кромѣ того, невыносимыя легочныя спазмы».

Въ такомъ положеніи онъ собралъ къ себѣ въ кибитку генерала Цюлковскаго и всѣхъ наличныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Объявивъ имъ то положеніе, въ которомъ находился отрядъ, Перовскій приказалъ имъ готовиться къ выступленію обратно на Эмбу. Это было 1-го февраля, а на слѣдующій день въ войскахъ былъ прочитанъ слѣдующій приказъ генераль-адъютанта Перовскаго:

«Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостью исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолевая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необыкновенно жестокою зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, завалившихъ путь нашъ и всѣ корма. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятели, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, *люди сыты и бодры; лошади сыты, запасы наши обильны* (?). Одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилены, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны на сей разъ возвратиться къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливы. Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго, при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ».

Солдаты выслушали этотъ приказъ съ большимъ оживленіемъ. Глиняная стѣна укрѣпленія была разрушена, весь лѣсъ, рамы, деревянные косяки, подпорки и прочія деревянные части были вынуты изъ землянокъ на топливо при обратномъ походѣ. Болѣе 1,500 четвертей муки и сухарей было разсыпано по снѣгу, желѣзо брошено въ озеро, всѣ сигнальныя ракеты и фальшвейеры были сожжены, чтобы избавиться отъ излишней тяжести и, наконецъ, съ разсвѣтомъ 3-го февраля войска выступили въ обратный путь.

Движеніе это было сопряжено также съ большими затрудненіями: несмотря на наступившій февраль, морозы держались отъ 26-ти до

29-ти градусовъ по Реомюру, при сильныхъ вѣтрахъ и буранахъ. Почти все время похода въ колоннѣ не разводились огни, ни для варки пищи, ни для обогрѣванія: всѣ безъ исключенія, даже и офицеры, питались сухарями, размоченными въ холодной водѣ. 9-го февраля поднялся такой буранъ, что валилъ пѣшихъ людей на снѣгъ, а лошадямъ и верблюдамъ мѣшало идти; морозъ дошелъ до 27-ми градусовъ и поднялась такая вьюга, что въ степи, среди бѣлаго дня, стало вдругъ такъ темно, какъ въ сумерки; много солдатъ оказалось замерзшихъ и обмороженныхъ. 17-го февраля, отрядъ, наконецъ, достигъ до Эмбенскаго укрѣпленія, гдѣ могъ отдохнуть и обогрѣться. Люди, лошади и верблюды были въ такомъ состояніи, что, для поправки ихъ и дальнѣйшаго движенія, необходимо было, почти полтора мѣсяца и только, 1-го апрѣля, Перовскій могъ выступить съ небольшимъ отрядомъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія; остальные же войска оставлены здѣсь до мая мѣсяца. Въ ночь съ 13-го на 14-е апрѣля, Перовскій пріѣхалъ въ Оренбургъ. Въ половинѣ мая, Эмбенское укрѣпленіе было взорвано и войска выступили обратно въ Оренбургъ.

Обращаясь затѣмъ къ оцѣнкѣ экспедиціи и причинъ ея неудачи, авторъ говорить: «Первымъ погубителемъ этой экспедиціи былъ несомнѣнно генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Ѡ. Бергъ, который далъ совѣтъ лукавый, относительно пути въ Хиву, и даже намѣтилъ два пункта для укрѣпленій; но на указанномъ пути изъ Оренбурга до Эмбы оказались такіе глубокіе овраги, черезъ которые, по нанесенному снѣгу, довелось устраивать понтонные мосты, и только, такимъ образомъ, переправлять черезъ эти овраги артилерію. Изъ двухъ укрѣпленій не годилось, какъ мы говорили уже, ни одно: въ Чушка-кулѣ вода оказалась на столько пагубною для здоровья людей, что, первое время, люди подозрѣвали, не отравлена ли она хивинцами. А на второмъ пути отъ Эмбы къ Акъ-Булаку (или Чушка-кулю) встрѣтились двѣ высокія горы, которыхъ не знали даже названія, и о самомъ существованіи коихъ не подозрѣвали».

Второю причиною неудачи экспедиціи была необыкновенно суровая зима съ сильными морозами и метелями, какихъ не запомнятъ старожилы тамошняго края. Никто не ожидалъ ее и отрядъ выступилъ безъ достаточныхъ приготовленій на всѣ случайности, происходящія отъ зимняго времени. Но, несмотря на неудачу похода, хивинская экспедиція не осталась безъ полезныхъ результатовъ. Опасаясь, чтобы русскіе не двинулись въ Хиву вторично, англичане

уговорили хана возвратить всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, что и было имъ исполнено во второй половинѣ 1840 года.

Отъ описанія Хивинскаго похода перейдемъ къ описанію другого и на другой окраинѣ Россіи — къ описанію Салтинскаго похода въ 1847 году на Кавказѣ (¹).

27-го апрѣля этого года главнокомандующій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ выѣхалъ изъ Тифлиса, пробылъ нѣсколько дней во Владикавказѣ, осмотрѣлъ сунженскую линію и направился къ р. Ассѣ, гдѣ съ сопровождавшимъ его отрядомъ расположился лагеремъ, на шесть дней. Здѣсь была избрана мѣстность подъ населеніе станицы, названной впослѣдствіи Ассинской, и сдѣлано движеніе къ р. Фортанкѣ, гдѣ строилось Ачхоевское укрѣпленіе. Оно возводилось съ цѣлью положить начало систематическому покоренію Чечни. Послѣ осмотра этого укрѣпленія, главнокомандующій отправился далѣе и черезъ крѣпость Грозную, Чирь-Юртъ и Темиръ-ханъ-Шуру прибылъ 25-го мая въ лагерь при Ходжалъ-Махи.

Недавно разоренное Шамилемъ селеніе это представляло груды развалинъ и лишь фруктовые сады и прекрасныя орѣховыя деревья свидѣтельствовали о прежнемъ богатствѣ Ходжалъ-Махи. Въ этихъ садахъ былъ расположенъ теперь сѣверо-дагестанскій отрядъ, предназначенный для предстоящихъ военныхъ дѣйствій. Въ отрядѣ появилась холера, производившая весьма удручающее впечатлѣніе на всѣхъ. На слѣдующій день въ Ходжалъ-Махи прибылъ съ отрядомъ князь Моисей Захарьевичъ Аргутинскій-Долгорукій, уже пріобрѣвшій извѣстность между горцами, страшившимися его имени.

27-го мая была произведена рекогносцировка по направленію къ Гергебилю, овладѣніе которымъ составляло первую часть программы военныхъ дѣйствій этого лѣта и входило въ общій систематическій планъ постепеннаго покоренія Дагестана.

«Насколько въ Чечнѣ, говоритъ баронъ А. Николаи (²), послѣдовательная система выражалась въ рубкѣ лѣсовъ, для открытія путей въ глубь страны и для выдвиганія нашихъ военныхъ линій, вынуждая непокорное населеніе удаляться въ глубь горъ; на столько въ Дагестанѣ имѣлось въ виду отгнать непріятеля, съуживая постепенно раіонъ его владычества и удаляя его отъ мѣстностей, за-

(¹) «Русскій Архивъ» 1891 г., № 6-й.

(²) «Изъ воспоминаній о моей жизни». «Русскій Архивъ» 1891 г., № 6-й, стр. 137-я.

нятыхъ покорнымъ намъ населеніемъ. Такими линіями представлялось теченіе рѣкъ, носящихъ общее названіе Койсу (Казикумухскаго, Аварскаго и Андійскаго), которыя, соединяясь, составляли рѣку Сулакъ. Наболѣе приближенная къ нашимъ мирнымъ поселеніямъ была линія Казикумухскаго Койсу; ограждалась она до 1843 г. между прочимъ Гергебильскимъ укрѣпленіемъ, въ томъ году взятымъ Шамилемъ, который, въ свою очередь, укрѣпивъ эту деревню и разоривъ бывшія по теченію Койсу покорныя намъ селенія, въ близкомъ разстояніи угрожалъ землямъ Мехтулинскаго ханства. И возстановленіе чести нашего оружія, и конечная цѣль покоренія Дагестана требовали взятія Гергебиля и уничтоженія этого враждебнаго аванпоста».

1-го іюня отрядъ, при которомъ находился и главнокомандующій, выступилъ подъ начальствомъ князя Василія Осиповича Бebutова къ Гергебилю. Подойдя къ селенію, войска на возвышеніи разбили лагерь. На слѣдующій день прибылъ отрядъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго и расположился въ садахъ на пространствѣ между ауломъ и рѣкою, съ цѣлью прервать сообщеніе гарнизона съ непріятельскою, наблюдательною партіею, бывшею на противоположномъ берегу рѣки Аймаки. Расположенный амфитеатромъ, Гергебиль былъ окруженъ стѣною съ тремя башнями, изъ коихъ одна, ближайшая къ ущелью, защищала подходъ къ водѣ. На противоположномъ берегу рѣки возвышался узкій кряжъ, на которомъ и были устроены нами двѣ батареи: одна изъ полевыхъ орудій, а другая—изъ мортиръ. Утромъ, 3-го іюня, батареи открыли огонь по аулу на столько успѣшный, что крѣпостная стѣна была разрушена и главнокомандующій призналъ возможнымъ на слѣдующій день предпринять штурмъ. Къ такой поспѣшной развязкѣ князя Воронцова побуждала появившаяся въ отрядѣ холера и желаніе выдти изъ зараженной мѣстности. Штурмъ, однакоже, не удался, и войска наши принуждены были отступить.

8-го іюня войска выступили по направленію къ Ходжалъ-Махи, но потомъ раздѣлились: отрядъ князя Бebutова пошелъ въ Темиръханъ-Шуру, а князя Аргутинскаго, при которомъ находился и главнокомандующій—на Турчи-дагъ. Съ самаго начала подъема на горы холера стала прекращаться, а недѣлю спустя, о ней не было и помина. Тѣмъ не менѣе, князь Воронцовъ находилъ необходимымъ дать войскамъ продолжительный отдыхъ, и только 25-го іюля двинулся съ Турчи-дага по направленію къ аулу Салты. Этотъ послѣдній аулъ былъ сильно укрѣпленъ Шамилемъ и служилъ передовымъ

пунктомъ, изъ котораго непріятель могъ безнаказанно производить набѣги на покорныя намъ племена даргинскаго и акушенскаго обществъ. Въ виду этого, разрушеніе этого притона непріятельскихъ сборищъ было необходимо и для обезпеченія населенія, и для будущихъ наступательныхъ дѣйствій.

«Ауль Салты, пишетъ авторъ, былъ сильно укрѣпленъ и природою, и искусствомъ. Весь передній фасъ былъ защищенъ каменною стѣною, съ тремя башнями. Оба конца стѣны упирались въ крутые овраги, изъ которыхъ доступъ былъ невозможенъ; рѣчка Сала и небольшой ея притокъ, отдѣлявшіе нашу позицію отъ аула, снабжали сей послѣдній водою, для чего былъ устроенъ искусственный прудъ; за ауломъ по направленію къ Салтинскому мосту, тянулись обширные сады. Гарнизонъ былъ составленъ изъ отборныхъ мюридовъ, которые поклялись умереть, но не сдаваться; могли они получать подкрѣпленія и припасы, пока тылъ аула былъ свободенъ. Большая часть нашего отряда заняла возвышенности, по лѣвой отъ насъ сторонѣ аула; другая расположилась на равнинѣ, передъ фронтомъ онаго; правый флангъ сей послѣдней упирался въ довольно крутой оврагъ, за которымъ непріятель занималъ нѣчто въ родѣ передоваго укрѣпленія, прикрывавшаго правую отъ насъ сторону аула, и вмѣстѣ съ тѣмъ и доступъ къ нему подкрѣпленій. Ясно было, что для полного обложенія осажденнаго мѣста придется овладѣть и этимъ укрѣпленнымъ передовымъ постомъ, и садами въ тылу онаго».

Послѣ рекогносцировки аула, рѣшено было приступить къ правильной осадѣ, которая и тянулась съ 27-го іюля до 14-го сентября. Гарнизонъ защищался отчаянно и пришлось примѣнить всѣ средства осады, не исключая и минъ. Осада подвигалась медленно, пока ауль не былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ, но затѣмъ она пошла быстрѣе. Къ 8-му сентября минныя работы настолько подвинулись, что можно было произвести взрывъ, отъ котораго обрушилась средняя башня, открывъ широкій доступъ; одновременно съ этимъ дѣйствіемъ артилеріи была значительно повреждена аульная стѣна по обѣимъ сторонамъ башни. Тогда, 9-го сентября, рѣшено было произвести штурмъ. Послѣ часовой канонады было двинуто двѣ колонны: одна, перваго баталіона Самурскаго полка, направилась налѣво отъ средней башни, а другая—третьяго баталіона Дагестанскаго полка, подъ начальствомъ графа Федора Логиновича Гейдена (нынѣ Финляндскій генераль-губернаторъ) двинулась правѣе башни. Завязавшійся упорный бой, продолжавшійся около двѣнадцати часовъ, окончился удержаніемъ нами позиціи, причемъ около 6-ти часовъ вече-

ра графъ Гейденъ былъ сильно раненъ, въ верхнюю часть ляшки, близь живота на вылетъ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е число мюриды произвели вылазку, но были отбиты и осадныя работы продолжались. Наконецъ, съ раняго утра, 14-го сентября, былъ предпринятъ второй штурмъ. Атакующіе подвигались медленно: «подъ саклями были вырыты погреба, которые, сообщаясь между собою, давали мюридамъ возможность скрываться въ оныхъ и изъ-подъ пола стрѣлять въ подвигавшихся впередъ солдатъ нашихъ, имѣя притомъ свободное отступление; тутъ, кромѣ боя наружнаго, приходилось имѣть дѣло съ непріателемъ невидимымъ. Каждая сакля представляла изъ себя малое укрѣпленіе, которое надо было брать приступомъ».

Послѣ восьмичасоваго боя, атакующіе подвинулись весьма мало впередъ и къ вечеру остановились на занятыхъ позиціяхъ. По всему видно было, что при подобныхъ условіяхъ потребуется не мало времени, чтобы овладѣть ауломъ. Но вечеромъ, часовъ въ 8-мъ, когда все стихло, мюриды, истощенные четырехдневнымъ голодомъ, рѣшились покинуть аулъ и пробиться. Встрѣченные нашими войсками и погибая на штыкахъ, защитники почти всѣ остались на полѣ сраженія и лишь немногимъ удалось спастись.

Аулъ Салты былъ немедленно занятъ и въ немъ найдено два орудія. На слѣдующій день началось разрушеніе его и 21-го сентября аулъ былъ обращенъ въ груды развалинъ. Пространство до Аварскаго Койсу было очищено отъ непріателя, мирные аулы обезпечены отъ нападений горцевъ и, слѣдовательно, цѣль экспедиціи была вполне достигнута.

Въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» прошлаго года (№ 6-й), напечатаны записки бывшаго начальника штаба Севастопольскаго гарнизона князя Виктора Иларіоновича Васильчикова подъ заглавіемъ «Севастополь».

«Дѣла, совершившіяся въ эту грустную для Россіи эпоху, говоритъ онъ, составляютъ уже достояніе исторіи. Современники, подлежащіе вліянію страстей и лицепріятія, несправѣ налагать окончательнаго сужденія о причинахъ и исходахъ случившихся событій: объ этомъ будутъ судить грядущія поколѣнія на основаніи тѣхъ фактовъ, которые перейдутъ къ нимъ отъ современниковъ. Но въ то же время сухіе факты, не оживленные никакой бодрствующею мыслью очевидца, предстанутъ предъ потомствомъ въ томъ же мертвенномъ,

ничего не выражающемъ видѣ, въ какомъ является намъ скелеть давно отжившаго существа, по которому нельзя судить о моральномъ значеніи покойника. Вотъ почему люди, жившіе во время этихъ событій и могущіе имѣть положительно составившееся мнѣніе о пережитыхъ ими временахъ, не могутъ сойти съ житейскаго поприща на семь свѣтѣ, не высказавъ, хотя бы въ легкомъ очеркѣ, мнѣнія своего о причинахъ, породившихъ столь важныя въ жизни народа происшествія».

Развившаяся, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, система безсрочныхъ отпускныхъ, убѣждала Императора Николая въ той мысли, что численность нашихъ войскъ будетъ такая, что Россія будетъ всегда сильнѣе своихъ враговъ и опасаться ей нечего. Несмотря на то, для занятія нами Княжествъ было употреблено ограниченное число войскъ, главнѣйшимъ образомъ потому, что Государь твердо вѣрилъ, что до войны дѣло не дойдетъ и что, при посредствѣ Австріи, дѣло уладится. Отправляя князя Васильчикова, въ іюнѣ 1853 года, къ князю Горчакову, Императоръ поручилъ сказать ему, чтобы онъ не разбрасывался въ Княжествахъ, а постоянно имѣлъ въ виду вѣроятное движеніе своихъ силъ обратно въ Россію. Такая нерѣшимость дѣйствій въ самомъ началѣ имѣла большое вліяніе на послѣдующія событія и внесла деморализующее дѣйствіе: вмѣсто энергіи и быстроты, стали проявляться нерѣшительность и выжиданіе.

«Итакъ, пишетъ Васильчиковъ, принятая нами система дѣйствій была чисто оборонительная; о какомъ либо наступательномъ дѣйствіи не было рѣчи. Вездѣ собраны войска, отъ Дуная до Финляндіи и Кавказа; вездѣ мы ожидаемъ почина со стороны враговъ; вездѣ стоимъ мы ружье у ноги, ждемъ нападенія. Но вмѣсто того, чтобы сгруппировать свои силы, чтобы въ данную минуту явиться на угрожаемомъ пунктѣ съ достаточными для отраженія врага средствами, мы вездѣ разбрасываемъ наши силы и поэтому мы вездѣ слабы».

Слабы мы были и въ Крыму, куда союзники направляли главнѣйшій ударъ. Князь Меншиковъ просилъ о подкрѣпленіяхъ, но ему ихъ не присылали, а онъ самъ не принималъ никакихъ мѣръ къ оборонѣ края съ тѣми силами, которыя были въ его распоряженіи. Онъ не имѣлъ при себѣ правильно организованнаго штаба, а, слѣдовательно, и правильной администраціи. Ненормальность такого положенія вещей усугублялась еще личнымъ характеромъ командовавшаго войсками.

«Основная черта характера князя Меншикова, пишетъ Василь-

чиковъ, состояла въ полнѣйшемъ безотчетномъ недоуверіи ко всѣмъ окружающимъ его личностямъ. Въ каждомъ изъ своихъ подчиненныхъ онъ видѣлъ недоброжелателя, подкапывающагося подъ его авторитетъ, и интригана или лихоимца, изыскивающаго случая къ обогащенію себя на счетъ казны, прикрываясь предписаніемъ или разрѣшеніемъ главнокомандующаго. Подъ вліяніемъ такого безотчетнаго опасенія онъ не предпринималъ своевременно необходимѣйшихъ заготовленій провіанта и не разрѣшалъ инженерамъ нужнѣйшихъ работъ по укрѣпленію Севастополя съ суши, предвидя, что эти офицеры напрасно истратятъ громадныя суммы денегъ. Послѣдствіемъ такого прискорбнаго настроенія было то, что онъ вездѣ хотѣлъ распоряжаться самолично и, лишивши себя всякой помощи со стороны подчиненныхъ, остался безъ помощниковъ, а самъ, конечно, не былъ въ состояніи исполнить все то, что требовалось обстоятельствами».

Ничего не было заготовлено, ничего не соображено и изучено даже и для обороны, когда союзники явились въ Крыму. Позиція на р. Алмѣ не была подготовлена или укрѣплена и самое расположеніе войскъ сдѣлано неудачно. Фланговое движеніе предпринято не въ-время и такъ скрытно, что остававшіеся въ Севастополѣ моряки и сухопутныя команды долгое время не знали, куда дѣвалась армія. Тѣмъ не менѣе, воспользовавшись отсутствіемъ нерѣшительнаго главнокомандующаго, Корниловъ и Тотлебенъ стали дѣятельно трудиться надъ возведеніемъ земляныхъ укрѣпленій, испугавшихъ союзниковъ настолько, что они не рѣшились атаковать ихъ. Впослѣдствіи, чтобы оправдать себя и скрыть свою ошибку, англо-французы стали объяснять причину своей нерѣшительности какою-то вновь выдуманною Тотлебеномъ системою обороны и провозгласили его основателемъ новой школы.

«Никто, пишетъ князь Васильчиковъ, болѣе меня не отдастъ подобающей справедливости несомнѣннымъ достоинствамъ Тотлебена, какъ человѣка военнаго и практическаго инженера; нельзя довольно цѣнить его энергію, личную храбрость, хладнокровіе и сообразительность, и надо преклоняться передъ тѣмъ самоотверженіемъ, съ какимъ онъ всегда предавался исполненію своихъ обязанностей, подъ вліяніемъ глубоко вкоренившагося въ немъ чувства долга. Я не знаю человѣка, болѣе Тотлебена дорожащаго славою русскаго оружія; а его восторженная готовность жертвовать собою во имя этой славы, въ глазахъ моихъ, можетъ сравниться только съ тѣмъ глубокимъ патріотическимъ самозабвеніемъ, какимъ отличалась высокоблагот-

родная душа покойнаго князя Михаила Дмитріевича Горчакова. Тѣмъ не менѣе, я не смотрю на него, какъ на основателя новой школы, но вижу въ немъ инженера, употребившаго всѣ свои усилія къ наилучшему распоряженію имѣющимися подъ рукою средствами и въполнѣ достигшаго предназначенной цѣли».

Главное достоинство Тотлебена заключалось въ умѣнны примѣняться къ мѣстности и воспользоваться всѣми наличными средствами. Располагая громадными запасами черноморскаго флота, онъ основалъ оборону на развитіи артилерійскаго огня до возможныхъ предѣловъ; онъ противопоставлялъ непріятелю всегда превосходное число орудій. По инициативѣ Тотлебена, борьба противниковъ стала въ обратное положеніе: «не осаждающій соображался съ силою огня крѣпости, ему неизвѣстнаго, а осажденный старался противопоставить артилеріи союзниковъ бѣльшее число орудій и, разметавши эти орудія по разнымъ батареямъ небольшого протяженія, сосредоточить огонь ихъ въ одно мѣсто, чтобы въ то же время развлечь огонь непріятеля такъ, чтобы имѣть постоянно надъ нимъ превосходство огня. Этотъ способъ противоборства усиліямъ непріятеля несомнѣнно примѣнялся впервые, и за Тотлебенюмъ остается неоспоримая заслуга въ томъ, что онъ понялъ особенность нашего положенія и умѣлъ воспользоваться такимъ преимуществомъ Севастополя, какое не составляло принадлежности никакой до того подвергавшейся осадѣ крѣпости».

Сверхъ того, для усиленія обороны впереди укрѣпленій, въ наскоро насыпанныхъ или устроенныхъ изъ камней ложементовъ, располагались стрѣлки, преимущественно штуцерные, которые, выслѣживая все, что дѣлалось у осаждающаго, поражали одиночныхъ людей и тѣмъ держали непріятеля въ постоянно напряженномъ состояніи. Эта ружейная оборона причиняла союзникамъ значительныя потери и замедляла ходъ осады. Всѣ эти мѣры, собственно говоря, и заставили союзниковъ обратиться къ правильной осадѣ не существующей въ дѣйствительности крѣпости, и открыть первую паралель въ тысячѣ саженьяхъ отъ проектированной Тотлебенюмъ линіи огня.

«Итакъ, пишетъ князь Васильчиковъ, военныя дѣйствія прекратились, и съ обѣихъ сторонъ взялись за кирку и лопату: и тамъ, и здѣсь, воздвигались бруствера, выкапывались траншеи и строились батареи. Только изрѣдка производились пробныя выстрѣлы изъ вновь поставленныхъ орудій, болѣе для точнаго опредѣленія разстояній, чѣмъ для препятствія непріятельскимъ батареямъ».

Такое состояніе продолжалось до 5-го октября, когда было открыто союзниками первое бомбардированіе Севастополя.

Между тѣмъ, князь Горчаковъ, по собственному почину, рѣшился придти на помощь къ князю Меншикову.

— Что я предвидѣлъ, то и сбылось, говорилъ князь Михаилъ Дмитріевичъ. Князь Меншиковъ рѣшился на сраженіе, несмотря на малочисленность своего отряда, состоящаго изъ неопытныхъ полковъ, никогда въ огнѣ не бывавшихъ.

Понимая опасное положеніе Крыма и арміи, его защищавшей, князь Горчаковъ предписалъ 12-й пѣхотной дивизіи и обѣимъ резервнымъ уланскимъ дивизіямъ, находившимся близъ Одессы и Николаева, слѣдовать форсированными маршами въ Крымъ, подъ общимъ начальствомъ генераль-лейтенанта Липранди. Послѣдній, по прибытіи въ Перекопъ, послалъ своего начальника штаба, князя Васильчикова, къ князю Меншикову за приказаніями.

«Прибывши на Бельбекъ, говоритъ Васильчиковъ, я засталъ князя въ лагерѣ, пьющимъ вечерній чай, въ палаткѣ, сидя на барабанѣ. По врученіи донесенія, привезеннаго мною отъ генерала Липранди, князь спросилъ меня: что такое Липранди? Не успѣлъ я отвѣчать, что генераль Липранди бывалый военный человекъ, знаетъ войска, умѣетъ съ ними обращаться и пользуется ихъ довѣріемъ, и напомнить князю, что онъ еще въ полковничьемъ чинѣ получилъ Георгія 3-й степени, какъ его свѣтлость прервалъ меня словами: «Да, интриганъ-фанариотъ! Я его помню въ то время, когда онъ командовалъ Семеновскимъ полкомъ». Всѣ мои возраженія остались напрасными; привычка всѣхъ подозрѣвать, во всѣхъ видѣть враговъ себѣ, превозмогла, и князь пустился въ порицаніе всего окружающаго его люда. Войска никуда не годятся, не хотятъ драться, кавалерія для дѣла непригодна; генераловъ нѣтъ ни одного. Кирьяковъ! сказалъ князь, сдѣлавши презрительную гримасу; Халецкій! прибавилъ онъ, *un Levachoff tartare*, и сдѣлалъ привычный графу Левашову жестъ лѣвою рукой, при которомъ указательный палецъ оставался вытянутымъ, тогда какъ остальные были согнуты, какъ будто бы держали поводья управляемой графомъ верховой лошади».

На вопросъ князя Васильчикова, какія будутъ приказанія, Меншиковъ отвѣчалъ, что приказанія уже посланы Липранди, а что Васильчиковъ будетъ отправленъ обратно къ князю Горчакову курьеромъ, очевидно, съ цѣлью не оставлять его въ Крыму.

— Такимъ образомъ, говоритъ князь Васильчиковъ, и я посту-

пилъ въ отрядъ интригановъ, которыхъ слѣдовало оберегаться и которыхъ князь имѣлъ обыкновеніе сейчасъ же удалять отъ себя.

« Два дня прошлялся я въ лагерѣ, пишетъ Васильчиковъ, ожидая отпращиванія, и конечно, многого разсмотрѣть не могъ въ это время. Видѣлъ всеобщее уныніе и грусть; видѣлъ, что между войсками и ихъ главнокомандующимъ не было никакого общенія; видѣлъ, какъ начальникъ проѣзжалъ передъ войсками, никогда съ ними не здороваясь; видѣлъ, какъ люди, сурово и молча, посматривали на этого начальника и удивлялся! Видѣлъ, наконецъ, совершенную безтолковщину въ администраціи полковника Вунша, исправлявшаго чуть ли не съ двумя писарями должности и начальника штаба, и интенданта арміи, и удивлялся тому, что умный человѣкъ, какимъ былъ князь Меншиковъ, могъ дойти до такой безсмыслицы. Передъ отъѣздомъ я испросилъ себѣ разрѣшеніе князя, съѣздить въ Севастополь. Подъ вечеръ я удостоился увидать еще разъ адмирала Корнилова, который принялъ меня очень любезно, далъ мнѣ лошадь и самъ провель по главнѣйшимъ частямъ оборонительной линіи. Отраднo было видѣть тотъ контрастъ, который существовалъ между настроеніемъ защитниковъ Севастополя и унылыми обитателями Бельбекскаго лагеря. Здѣсь все кипѣло, все надѣялось, если не побѣдить, то заслужить въ предстоящемъ рѣшительномъ бою одобреніе и признательность Россіи; тамъ все поникло головою и какъ бы страшилось приговора отечества и современниковъ ».

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ о дѣйствіяхъ двухъ противниковъ князь Васильчиковъ не даетъ намъ ничего новаго. Описывая первое бомбардированіе 5-го октября, Балаклавское и Инкерманское сраженія, онъ повторяетъ то, что говорилось уже во многихъ печатныхъ сочиненіяхъ. Въ такомъ видѣ онъ доводитъ свой разсказъ до того времени, когда въ ноябрѣ онъ былъ потребованъ къ князю Меншикову, объявившему, что онъ назначается начальникомъ штаба севастопольскаго гарнизона. При совершенномъ отсутствіи правильно организованнаго управленія, положеніе начальника штаба гарнизона было трудное, и князь Васильчиковъ былъ въ большомъ раздумьѣ, какъ приняться за дѣло. Тѣмъ не менѣе, не считая себя вправѣ отказаться отъ назначенія, онъ переселился въ Севастополь и пріютился въ квартирѣ Тотлебена. « Не много мнѣ нужно было наблюдательности, говоритъ князь Васильчиковъ, чтобы убѣдиться, что въ осажденномъ городѣ дѣйствительнаго начальника не было. Генераль Моллеръ никуда изъ своей квартиры не выходилъ, никому никакого приказанія не отдавалъ и даже не получалъ извѣщенія о важнѣй-

шихъ на оборонительной линіи событіяхъ. Каждый начальникъ отдѣленія дѣйствовалъ самостоятельно, по собственному своему соображенію, и обращался къ начальнику гарнизона только въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо вѣдомство не съ желаемою быстротою и исправностью доставляло на бастіоны слѣдующіе отъ него предметы снабженія».

Во всемъ механизмѣ управленія не было ни цѣлости, ни однообразія: каждый распоряжался по своему и нерѣдко враждовалъ другъ съ другомъ. Князь Васильчиковъ приводитъ въ своемъ разсказѣ два весьма характерныхъ анекдота. Начальникъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи, адмиралъ Истоминогъ, не получая долгое время удовлетворенія на свое требованіе, послалъ сказать, что у него одно орудіе наведено на городъ и что онъ пошлетъ бомбу въ Екатерининскій дворецъ, гдѣ жилъ Моллеръ и управлявшій его штабомъ, полковникъ Поповъ. Когда князь Васильчиковъ являлся тому же Истомину, и объяснилъ, что онъ назначенъ исправлять должность начальника штаба, то Истоминъ шуткою сказалъ: «не правда-съ, у насъ начальники штаба на оборонительную линію не ходятъ!»

Прежде всего, на что пришлось обратить вниманіе князю Васильчикову, было улучшеніе положенія раненыхъ: они помѣщались въ прекрасномъ зданіи собранія, но, за неимѣніемъ тюфяковъ, подушекъ и бѣлья, валялись въ страшной тѣснотѣ на голомъ полу; медиковъ и фельдшеровъ было очень мало, въ перевязочныхъ средствахъ ощущался большой недостатокъ. Въ такомъ положеніи князь Васильчиковъ обратился къ частной благотворительности и жители Севастополя сочувственно отозвались на этотъ призывъ. У каждого матроса Черноморскаго флота была кровать, два тюфяка и двѣ подушки, у купцовъ и мѣщанъ было много холста, тряпья и посуды; на перевязочный пунктъ стали сносить все, чего не жалко было для раненыхъ. Явились кровати съ постелями, бинты и корпія; освобожденные арестанты составили прекрасную больничную прислугу, женщины и дѣвицы приняли на себя обязанности сидѣлокъ и мало по малу все приходило въ порядокъ.

Улучшивъ участь больныхъ и раненыхъ, князь Васильчиковъ принужденъ былъ принять мѣры противъ излишней и бесполезной траты пороха, и въ особенности слѣдить за тѣмъ, чтобы командиры полковъ не держали большого числа людей при своихъ вагенбурггахъ и выводили въ строй, по возможности, большее число рядовъ. Это было необходимо, какъ для защиты укрѣпленій, такъ и для многочисленныхъ работъ по ихъ возведенію.

«Само собою разумѣется, пишетъ князь Васильчиковъ, что усиленныя работы производились на тѣхъ пунктахъ, которымъ угрожала со стороны непріятеля опасность, вслѣдствіе чего самое большое число рабочихъ назначалось на 2-е отдѣленіе оборонительной линіи. Это обстоятельство постоянно возбуждало зависть начальниковъ прочихъ отдѣленій, такъ какъ каждому изъ нихъ хотѣлось обезпечить въ скорѣйшемъ времени вѣрныя его заботливости верки. Такъ, напримѣръ, контръ-адмиралъ Истоминонъ постоянно жаловался на то, что Тотлебенъ будто бы пренебрегаетъ Малаховымъ курганомъ, просилъ, чтобы на возвышенности впереди кургана, на которой впоследствии былъ построенъ Камчатскій люнетъ, было приступлено къ сооруженію передоваго укрѣпленія, и предсказывалъ, что дѣло будетъ рѣшаться не на четвертомъ бастионѣ, а непременно на Корабельной, потому что курганъ составлялъ ключъ всей занимаемой нами позиціи. Истоминонъ былъ правъ; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ нельзя было бросить четвертый бастионъ и обратиться на курганъ, противъ котораго непріятель ничего рѣшительнаго не предпринималъ».

Въ теченіе декабря и января въ Севастополѣ было полное затишье: непріятель старался подвинуться впередъ своими работами, а мы старались тому воспрепятствовать. Но въ началѣ февраля осажденный рѣшился самъ идти впередъ и въ ночь съ 9-го на 10-е февраля было приступлено къ заложению Селенгинскаго и Волинскаго редутовъ. Несмотря на каменистую почву, работы шли довольно успѣшно и производились по особому способу. Составивъ ружья и взявши по туру, солдаты стали въ два ряда по направленію рва предполагаемаго укрѣпленія, т. е. по линіи его будущаго эскарпа и контръ-эскарпа, такъ что люди обѣихъ рядовъ стояли другъ къ другу спинами. Затѣмъ начиналась работа: каждый, поставивъ туръ на указанное мѣсто, рылъ землю у себя подъ ногами и насыпалъ ее сначала въ туръ, а потомъ черезъ оный. Такимъ образомъ, внутренній рядъ туровъ обозначалъ эскарпъ и начало бруствера, а внѣшній — гребень гласиса и контръ-эскарпъ. Работами этими завѣдывалъ инженеръ штабсъ-капитанъ Тидебель, по словамъ князя Васильчикова, «офицеръ, замѣчательный своимъ хладнокровіемъ и распорядительностью». Къ утру укрѣпленіе было насыпано на столько, что представляло достаточное закрытіе для защиты.

Появленіе русскихъ укрѣпленій впереди оборонительной линіи заставило непріятеля возвести противъ нихъ нѣсколько батарей и вмѣстѣ съ тѣмъ, прибывшій изъ Франціи извѣстный инженеръ Ніель,

послѣ осмотра осадныхъ работъ, рѣшилъ перенести главную атаку отъ четвертаго бастіона на Корабельную сторону противъ Малахова кургана. Противъ передовыхъ редутовъ были возведены новыя батареи и огонь ихъ причинялъ намъ ежедневно чувствительныя потери.

«Работа шла медленно; насыпи представляли мало устойчивости, потому что состояли изъ сыпучей земли, не имѣвшей никакого сцѣпленія. Бруствера мало защищали отъ непріятельскихъ снарядовъ; мерлоны постоянно осыпались. Отдаленіе, на которомъ эти редуты находились отъ оборонительной линіи, и балка, отдѣлявшая ихъ отъ мѣста нахождения нашихъ резервовъ, заставляли насъ постоянно держать особое прикрытіе около самыхъ укрѣпленій, чтобы, въ случаѣ натиска со стороны непріятели, поддержать слабые гарнизоны редутовъ. Прикрытіе это располагалось за склономъ горы, на берегу большой бухты, и хотя оно и было прикрыто днемъ отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ непріятели, но подвергалось дѣйствию его навѣснаго огня, который дѣятельно имъ поддерживался».

8-го марта прибылъ въ Севастополь новый главнокомандующій, князь М. Д. Горчаковъ, и былъ встрѣченъ съ радостью гарнизономъ, возлагавшимъ на него большія надежды. Одни ожидали водворенія порядка въ администраціи, другіе думали, что новый главнокомандующій, съ подходящими къ нему силами, изгнать врага съ полуострова. Болѣе же знакомые съ положеніемъ дѣлъ и хладнокровные сознавали, что переходъ въ наступленіе невозможенъ, что присылаемыя подкрѣпленія едва въ состояніи пополнять понесенныя потери и что, безъ свободныхъ отъ обороны силъ, нанести непріятелю рѣшительное пораженіе было невозможно. Это было тѣмъ болѣе очевидно, что съ прибытіемъ Ніеля осадныя работы подвигались весьма быстро и въ особенности противъ Корабельной стороны. Недовольствуясь обыкновенными подступами, Ніель сталъ двигаться къ Камчатскому люнету двойною летучею сапою и осада быстро шла впередъ. Сбиваемыя нами орудія замѣнялись новыми и работа продолжалась съ полною энергіею и настойчивостью. Тотлебенъ видѣлъ, что дня черезъ два непріятели дойдеть до контръ-эскарпа Камчатскаго люнета, и что единственнымъ для насъ спасеніемъ можетъ служить значительная вылазка, съ цѣлью разрушить непріятельскія работы.

Такая вылазка, подъ начальствомъ генерала Хрулева, была произведена въ ночь съ 10-го на 11-е марта. Она была вполне успѣшна, причемъ случилось весьма оригинальное событіе. «Генералъ Хрулевъ, пишетъ князь Васильчиковъ, находившійся на правомъ

флангъ занятыхъ нашими войсками траншей, въ темнотѣ ночной ясно услыхалъ дальній шорохъ наступающей непріятельской колонны, но, конечно, не могъ разобрать ни силы ея, ни настоящаго направленія ея наступленія. Не имѣя подъ рукой никакого болѣе резерва и опасаясь, что колонна эта можетъ смять увлекшихся нашихъ охотниковъ, Хрулевъ приказалъ состоявшему при немъ барабанщику бить наступленіе и одинъ, съ ординарцами, пошелъ на встрѣчу непріятельской колоннѣ. Французы, ожидая натиска съ фланга, сначала остановились, а затѣмъ и отступили». На утро результаты вылазки сдѣлались видимыми: всѣ передніе подступы осаждающаго оказались уничтоженными и ему приходилось все начинать снова. Это значительно замедлило работы осаждающаго и дало намъ возможность продолжать усиливать Камчатскій редуть. Осада затянулась настолько, что непріятель, не рассчитывая скоро овладѣть передовымъ укрѣпленіемъ, рѣшился бомбардировать городъ.

Съ разсвѣтомъ 28-го марта союзники открыли всѣ свои амбразуры и начали бомбардировку. Защитники отвѣчали сравнительно рѣдкимъ огнемъ, потому что должны были соблюдать экономію въ порохѣ и снарядахъ, подвозимыхъ медленно по непроходимымъ дорогамъ. Къ счастью, огонь непріятели не производилъ особенныхъ разрушеній и наши укрѣпленія хорошо выдерживали дѣйствія непріятельской артилеріи. Бомбардированіе продолжалось до 10-го апрѣля, а затѣмъ стало стихать и перешло въ обыкновенную канонаду; осадныя работы подвигались быстро и положеніе гарнизона съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе. 25-го мая непріятель вдругъ открылъ усиленное бомбардированіе и рѣшился атаковать передовые редуты.

«Передъ вечеромъ, говорить Васильчиковъ, отыскивая начальника гарнизона, котораго дома не нашель, я отправился на библиотеку. Тамъ сидѣлъ графъ Сакенъ со своими адъютантами и въ подзорную трубу смотрѣлъ на происходившій артилерійскій бой. Послеъ него я приложилъ глазъ къ трубѣ и увидаль на скатахъ обращенныхъ къ намъ горъ вѣ одномъ мѣстѣ французскаго, а въ другомъ англійскаго главнокомандующихъ, окруженныхъ многочисленными своими штабами. Ясно было, что они вышли для того, чтобы наблюдать за готовившимся движеніемъ ихъ войскъ. Не подлежало сомнѣнію, что въ самомъ непродолжительномъ времени войска эти двинутся на штурмъ передовыхъ укрѣпленій. Указавши это обстоятельство начальнику гарнизона, я просилъ разрѣшенія ударить тревогу.

Не успѣли барабаны наши загремѣть, какъ на Камчаткѣ и Бѣлыхъ редутахъ (какъ ихъ звали французы) загорѣлся батальный огонь».

Послѣдовавшій за тѣмъ штурмъ вызвалъ горячую борьбу изъ за редутовъ, переходившихъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Адмиралъ Нахимовъ едва не попался въ плѣнъ, много офицеровъ было изъ строя, но многочисленность врага одолѣла и редуты остались въ рукахъ непріятеля. Отбивать ихъ не представлялось никакой возможности, и съ этихъ поръ началась многострадальная эпоха Малахова кургана. Съ каждымъ днемъ непріятель подвигался къ нему подступами и возводилъ весьма сильныя батареи; укрѣпленія разрушались, потери были громадныя. Сознавая непрочность нашего положенія, князь Горчаковъ заботился о безвыходности гарнизона, брошеннаго за широкую бухту, черезъ которую не было никакого сообщенія, и главнокомандующій рѣшился построить постоянный мостъ черезъ рейдъ. Постройка его была поручена генераль-лейтенанту Бухмейеру.

Еще въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца князь М. Д. Горчаковъ потребовалъ къ себѣ князя Васильчикова. Онъ засталъ главнокомандующаго сидящимъ передъ письменнымъ столомъ и просматривающимъ какую-то рукопись; на диванѣ въ углу сидѣлъ начальникъ главнаго штаба.

«Князь указавши мнѣ на стулъ, пишетъ Васильчиковъ, сказалъ по французски: «садитесь и прослушайте, что я написалъ. Вѣчно сидѣть въ Севастополѣ намъ не приходится, и жертвовать арміею я не хочу; поэтому при первомъ удобномъ случаѣ нужно будетъ вывести оттуда войска на сѣверную сторону, сообщеніе съ которою въ скоромъ времени, слава Богу, будетъ устроено. Вотъ диспозиція о выводѣ гарнизона изъ города». Кн. Горчаковъ прочиталъ диспозицію, написанную въ общихъ чертахъ, не указывающую ни времени и порядка отступленія, ни путей, по которымъ должны были двигаться войска къ переправамъ. Можно было ожидать, что такая диспозиція вызоветъ только безпорядки, столпленіе войскъ и полную неудачу при отступленіи. Необходима была болѣе подробная диспозиція, согласованная съ обстоятельствами, временемъ и мѣстомъ.

— Ни кто, замѣтилъ кн. Васильчиковъ, кромѣ штаба гарнизона, не можетъ исполнить такой работы, и у меня она уже производится по совѣщанію съ адмираломъ Нахимовымъ, который отъ морскаго вѣдомства назначилъ для того капитана Воеводскаго. Вы же, ваше сіятельство, напрасно трудитесь надъ составленіемъ диспозиціи, которой вы составить не можете; стоитъ только вамъ приказать, и коль

скоро работа, производимая въ моемъ штабѣ, будетъ кончена, я представлю ее на утвержденіе вашего сіятельства.

Князь Горчаковъ согласился и приказалъ составить диспозицію, которая впослѣдствіи и была имъ утверждена. Отступление было, однакоже, отложено на довольно продолжительное время, въ виду инструкцій, полученныхъ изъ Петербурга. Въ столицѣ все еще находили возможнымъ для освобожденія Севастополя отъ осады произвести наступательное движеніе и настаивали на немъ. Главнокомандующій уступилъ требованіямъ и произвелъ наступленіе со стороны р. Черной, наступленіе, стоившее намъ громаднхъ потерь и не принесшее никакой пользы Севастополю. Послѣ сраженія на р. Черной союзники усилили бомбардированіе и поставили гарнизонъ въ положеніе ожидающаго ежеминутно штурма. Люди истомились, шатались, ходили какъ пьяные и стоя засыпали. Опасаясь за дальнѣйшій исходъ обороны, кн. Васильчиковъ просилъ главнокомандующаго смѣнить полки 9-й пѣхотной дивизіи полками 12-й. Бывшій при этомъ начальникъ главнаго штаба, генераль-адъютантъ Коцебу, возразилъ, что это невозможно, что 12-я пѣхотная дивизія есть единственная неразстроенная часть.

— Не понимаю, говорилъ онъ, для чего вы держите резервы такъ близко къ оборонительной линіи.

— Въ ожиданіи штурма, отвѣчалъ удивленный князь Васильчиковъ; отводить резервы на такое разстояніе, чтобы они не могли во-время поспѣть на мѣсто боя, кажется неблагорозумнымъ.

— А вы думаете, что васъ будутъ штурмовать? спросилъ съ улыбкой генераль Коцебу.

Кн. Васильчиковъ отвѣчалъ утвердительно.

— Штурма не будетъ, сказалъ увѣренно Коцебу, а насъ будутъ бомбардировать до окончательнаго уничтоженія гарнизона.

— Если таково мнѣніе вашего превосходительства, замѣтилъ князь Васильчиковъ, то прикажите, и мы отведемъ наши резервы; сами же мы такой отвѣтственности принять на себя не можемъ.

— Вы очень любезны, отвѣчалъ, смѣясь, начальникъ главнаго штаба.

На этомъ разговоръ прекратился; 12-я пѣхотная дивизія не была введена въ составъ гарнизона и защита осталась на измученныхъ войскахъ. Настало 27-е августа. Французы, находившіеся всего въ 60-ти шагахъ отъ Малахова кургана, ворвались въ него и, не встрѣтивъ въ первое время должнаго отпора, успѣли собраться въ значительныхъ силахъ и овладѣть укрѣпленіемъ. Штурмъ на всѣхъ про-

чихъ пунктахъ былъ отбитъ съ большою потерей для союзниковъ. Князь Васильчиковъ принялъ немедленно мѣры, чтобы выбить французовъ изъ Малахова кургана, и сдѣлалъ распоряженіе о передвиженіи главнаго резерва на Корабельную сторону. Но въ это время онъ узналъ, что будто бы 3-й бастионъ занятъ англичанами. Зная важность этого укрѣпленія, Васильчиковъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ бастиону. Къ счастью, онъ прибылъ туда тогда, когда наши войска, отбивъ штурмъ, преслѣдовали отступавшаго врага. Возвратившись на квартиру, кн. Васильчиковъ нашелъ тамъ главнокомандующаго за его письменнымъ столомъ и окруженнаго всѣми чинами управленія арміи.

«Противъ него, пишетъ авторъ, и за тѣмъ же столомъ, возсѣдалъ генераль-квартирмейстеръ Бутурлинъ и что то писалъ подъ диктовку главнокомандующаго. Тутъ же присутствовали: начальникъ главнаго штаба генераль-адъютантъ Коцебу, начальникъ гарнизона графъ Остенъ-Сакенъ, дежурный генераль арміи Ушаковъ, атаманъ графъ Орловъ-Денисовъ, начальникъ артилеріи Сержпуптовскій, генеральнаго штаба полковникъ Меньковъ, адъютанты и ординарцы князя и графа Остенъ-Сакена, наконецъ по нездоровью и разстройству нервъ покинувшіе свои дивизіи, генералы князь Урусовъ и Вранкенъ. При появленіи моемъ, князь обратился ко мнѣ со словами. *«Mon cher, c'est le moment de déguerpir; asseyez vous et écoutez»*... (1). Затѣмъ начатое диктованіе возобновилось. Вслушавшись въ произнесенныя княземъ слова, я вскорѣ убѣдился, что онъ, забывши все, что было предварительно подготовлено, по его же приказанію, въ отношеніи очищенія Севастополя, вновь составляетъ диспозицію о выводѣ войскъ на сѣверную сторону. Такая забывчивость со стороны тревожнаго, заботливаго, нетерпѣливаго и въ минуты опасности положительно энергическаго начальника, какимъ былъ князь Горчаковъ, меня, конечно, не удивила; но хладнокровіе и равнодушіе, съ которымъ прочія присутствующія лица смотрѣли на эту сцену, меня крайне удивили. Нѣкоторые изъ нихъ очень хорошо знали, что диспозиція уже составлена, что она прошла черезъ всѣ инстанціи и утверждена какъ начальникомъ гарнизона, такъ и главнокомандующимъ; но, несмотря на то, они молчали и предоставляли князю диктовать новую диспозицію, въ составленіи которой они, конечно, сами оставались безучастными, какъ бы въ огражденіе себя отъ подобающей имъ доли отвѣтственности, на случай неудачи.

(1) Мой любезный, теперь время убираться; садитесь и слушайте.

Такое равнодушіе возмутило кн. Васильчикова.

— Ваше сіятельство, что изволите дѣлать? спросилъ онъ.

— Я диктую диспозицію объ оставленіи Севастополя, отвѣчалъ князь Горчаковъ совершенно хладнокровно.

— Я уже имѣлъ честь докладывать, что такая диспозиція уже составлена, утверждена начальникомъ гарнизона и вами одобрена. Зачѣмъ же изволите вы теперь вновь трудиться надъ этимъ дѣломъ и терять дорогое время? Вамъ стоитъ только приказать и черезъ часъ диспозиція будетъ готова въ нужномъ числѣ экземпляровъ и въ томъ видѣ, въ какомъ я уже имѣлъ честь представлять ее на ваше благоусмотрѣніе.

— *C'est vrai* (это правда), сказалъ просвѣтлѣвшій кн. Горчаковъ, вставая съ мѣста. *Faites donc, et moi jé m'en vais au Malachoff* (1).

— Графъ, пойдемте, сказалъ главнокомандующій, обращаясь къ начальнику гарнизона, графу Сакену.

— Позвольте, ваше сіятельство, говорилъ кн. Васильчиковъ, останавливая главнокомандующаго, если вы изволите уѣхать съ графомъ Сакеномъ, то не кому будетъ подписать диспозицію.

— Какой вздоръ! Вы можете подписать ее сами, отвѣчалъ князь Горчаковъ, и вышелъ на галерею.

«Я собирался было, говорить князь Васильчиковъ, возразить противъ такого ненормальнаго распоряженія, по которому простой генераль-маіоръ, занимавшій только временную, нештатную въ арміи должность, именемъ главнокомандующаго долженъ былъ распоряжаться чуть-ли не всею вѣрною ему Государемъ арміею и еще въ такую критическую минуту; но я взглянулъ на торжествующія и злорадствующія фізіономіи штабниковъ и промолчалъ.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ князь Васильчиковъ, покорнѣйше прошу ваше сіятельство оставить мнѣ вашихъ ординарцевъ, потому что у меня нѣтъ ни достаточно писарей, чтобы разомъ написать диспозицію въ требуемомъ числѣ экземпляровъ, ни офицеровъ, чтобы доставить диспозицію эту на всѣ пункты оборонительной линіи.

Ординарцы были оставлены и князь Васильчиковъ сталъ диктовать составленную уже диспозицію. Графъ Сакенъ приказалъ отправить въ каждое отдѣленіе по два офицера, для болѣе вѣрнаго доставленія приказанія, и диспозиція еще до захожденія солнца была

(1) И такъ дѣйствуйте, а я отправляюсь на Малаховъ.

доставлена на мѣсто. За предварительно устроенными барикадами были расположены войска, долженствовавшіе составлять арьергардъ отступающихъ. Чтобы облегчить его задачу и затруднить непріятелю доступъ къ барикадамъ, приказано было поддержать и распространить пожаръ, начавшійся отъ непріятельскихъ бомбъ и уничтожившій остатки строеній, лежавшихъ впереди барикадъ. Сверхъ того, поручено было лейтенанту Никонову приготовить къ взорванію всѣ пороховые погреба 1-го и 2-го отдѣленій, и когда послѣднія войска оставить свои верки, то постепенно взрывать погреба то тамъ, то здѣсь, чтобы непріятель опасался приблизиться къ нимъ.

Солнце сѣло, спустилась ночь и отступление началось. Дувшій сильный вѣтеръ развел волненіе въ бухтѣ и, несмотря на множество якорей, мостъ колыхался и грозилъ ежеминутно порваться. Минута была серьезная и опасная. При вступленіи перваго отряда на настилку моста, она погрузилась такъ, что вода доходила до полькольна. Необходимо было принять мѣры предосторожности противъ наплыва людей, торопившихся переправиться на противоположный берегъ. Вызвавшійся добровольно начальникъ курскаго ополченія, генераль-маіоръ Бѣлявцевъ, всю ночь не отходилъ отъ моста, регулируя слѣдованіе подходящихъ къ переправѣ баталіоновъ.

«Но какъ ни казалось, говорить Васильчиковъ, все предусмотрѣннымъ и рассчитаннымъ вѣрно, у самого моста и у Николаевской площади столпилось много разныхъ командъ, желавшихъ теперь какъ можно скорѣе достигнуть мѣста своего назначенія и сильно напиравшихъ на пропускаемая на мостъ генераломъ Бѣлявцевымъ части. Чтобы удержать всю эту массу народа, я поставилъ Углицкій полкъ развернутымъ фронтомъ, полуциркулемъ поперекъ Николаевской площади, тыломъ къ мосту, лицомъ къ непріятелю, съ приказаніемъ никого не пропускать за себя до того времени, пока распоряжающійся переправою того не потребуетъ, и тогда пропускать войска только въ сомкнутыхъ, цѣлыхъ, не очень большихъ частяхъ. Такимъ образомъ, на переправѣ водворился кое-какой порядокъ; но передъ фронтомъ угличанъ образовалось значительное нетерпѣливое скопище; а такъ какъ съ оборонительной линіи войска подходили постоянно и массами, а черезъ мостъ пропускались люди въ сомкнутыхъ только рядахъ, то скопище это скоро усилилось до того, что покрыло всю площадь; убываніе же этого скопища не могло быть замѣтнымъ, несмотря на постоянно производившуюся переправу по мосту».

Запрудившая всю Николаевскую площадь толпа внушала опа-

сеніе на счетъ успѣха предпріятія и возможности совершить переправу къ утру.

— Не уберемъ мы всего гарнизона до утра, замѣтилъ генераль-адъютантъ Коцебу князю Васильчикову; я говорилъ, что это не исполнимо въ одну ночь.

Князь Васильчиковъ старался его успокоить, но, конечно, и самъ беспокоился, не будучи вполнѣ увѣренъ въ томъ, чтобы такая масса войскъ и народа успѣла переправиться. Чтобы ускорить переходъ, онъ приказалъ полевые орудія, которыя будутъ подходить къ мосту, не пропускать на переправу, во-первыхъ, потому, чтобы не задерживать войска, а, во-вторыхъ, чтобы и не обременять моста ихъ тяжестью. Князь Васильчиковъ приказалъ выстраивать орудія на площади, рассчитывая переправить ихъ, когда уляжется зыбь; но каково же было его удивленіе, когда, побывавъ на нѣсколькихъ пунктахъ оборонительной линіи и возвратившись на площадь, не нашель тамъ ни одного орудія. На вопросъ: гдѣ они? исправлявшій должность начальника артилеріи гарнизона, генераль Шейдеманъ, отвѣчалъ, что орудія, по приказанію главнокомандующаго, брошены въ бухту.

— Но кто же предложилъ такую штуку? спросилъ Васильчиковъ съ сердцемъ.— Вѣрно, ваше превосходительство?

Шейдеманъ промолчалъ, и вполсѣдствіи оказалось, что онъ далъ такой совѣтъ князю Горчакову, который, тревожимый со всѣхъ сторонъ разными вопросами, могъ дать разрѣшеніе, не вникнувъ хорошо въ сущность предложенія. Вполсѣдствіи союзники вытащили изъ воды эти орудія и пріобрѣли въ нихъ даровые легкія трофеи.

Между тѣмъ войска продолжали переправляться. Измученный князь Васильчиковъ отправился на квартиру и присѣлъ на свертокъ троса, лежавшій въ его передней, и слегка задремалъ; въ сосѣдней комнатѣ, на кушеткѣ, дремалъ князь М. Д. Горчаковъ. Вдругъ, князь Васильчиковъ почувствовалъ, что кто-то его будить; онъ раскрылъ глаза и увидѣлъ передъ собою генерала Коцебу.

— Всѣ войска никакъ не переправятся, сказалъ онъ; я говорилъ, что очищеніе Севастополя въ одну ночь невозможно.

— Оставьте меня, отвѣчалъ князь Васильчиковъ.— Если вы были убѣждены, что для спасенія арміи нужно было сдѣлать предполагаемое вами распоряженіе, то вы должны были настаивать на принятіи вашего предложенія. Чтѣ же теперь обращаетесь ко мнѣ съ вашими напрасными опасеніями? Развѣ вы находите, что настоящая ночь не довольно тягостна и тревожна!..

— Qu'est-ce qu'il y a? (1) спросил проснувшийся князь Горчаковъ.

— Rien de serieux, mon prince, отвѣчалъ князь Васильчиковъ; c'est le général Kotzebue qui me dit des choses aimables (2).

Къ разсвѣту Николаевская площадь почти опустѣла, войска переправились; оставались лишь немногіе раненные и больные; но въ это время стали появляться жители.

«Какова же сила привязанности человѣка къ родному пепелищу, говорить князь Васильчиковъ. Несмотря на предупрежденіе, приказаніе и самыя энергическія полицейскія мѣропріятія къ перевозкѣ всѣхъ частныхъ лицъ, проживавшихъ еще въ городѣ въ минуту отступленія нашего, неизвѣстно откуда, стали выползать цѣлыя семейства съ бабами, дѣтьми и пожитками, нагруженными на подводы, и просились на мостъ. Гдѣ эти несчастные помѣщались, Богъ знаетъ; въ какихъ ямахъ, погребяхъ и развалинахъ они укрывались отъ непріятельскихъ бомбъ, неизвѣстно; но до послѣдней минуты они не хотѣли покидать груды мусора и обломковъ, составлявшихъ еще ихъ собственность. Я помню, что въ лучшую минуту, когда пароходъ отчаливалъ отъ Графской (пристани), ко мнѣ прибѣжала довольно смазливая женщина, съ ребенкомъ на рукахъ, и слезно просила о спасеніи, такъ какъ на мостъ пускать было запрещено. Пострадавши ея увѣреніемъ, что теперь уже поздно, я, однакоже, помѣстилъ ее на пароходъ.

«Итакъ, дѣло удалось, несмотря на преждевременныя опасенія. Въ Севастополѣ оставались одни полки, ввѣренные генералу Хрущову. Даже лейтенантъ Новиковъ, совершивши послѣдній подвигъ свой, явился ко мнѣ на Николаевскую площадь съ лаконическимъ донесеніемъ: ваше сіятельство, все кончено! Сидя на лошади, я подаль ему руку. Мы обнялись и оба пролили горькую слезу на могилѣ покидаемаго нами Севастополя. Генералу Хрущову, между тѣмъ, было послано приказаніе отступить, и доблестные полки его потянулись къ мосту, привѣтствуемые начальникомъ гарнизона. За ними поѣхалъ и самъ графъ Сакенъ, осѣнивъ себя знаменіемъ креста. Сзади насъ генераль-лейтенантъ Бухмейеръ распоряжался разводкою плотоваго моста.

«Жертвоприношеніе совершилось: tout est perdu hors l'honneur» (3).

(1) Что тутъ такое?

(2) Ничего важнаго, князь; это генераль Коцебу говорить мнѣ любезности.

(3) Все погубло, кромѣ чести!

Говоря о причинахъ нашей неудачи, князь Васильчиковъ совершенно справедливо видитъ ее въ томъ, что мы разбросали наши войска по всей границѣ и отъ того всегда и на всѣхъ пунктахъ были слабѣе противника. Посылая подкрѣпленія, посылали ихъ малыми частями, едва хватавшими на пополненіе происходившей ежедневно громадной убыли; что виновникомъ такихъ распоряженій былъ фельдмаршалъ Паскевичъ, стянувшій къ себѣ большую часть силъ и даже требовавшій первое время, чтобы князь Горчаковъ оставался вблизи австрійской границы и былъ всегда, такъ сказать, у него подъ рукой. Паскевичъ называлъ даже князя Горчакова измѣнникомъ за то, что тотъ по собственному побужденію отправилъ князю Меншикову 16-ю пѣхотную дивизію и тѣмъ спасъ Севастополь на долгое время. Когда князю Паскевичу приказано было двинуть на югъ сначала 2-й, а потомъ гренадерскій корпусъ, то онъ медлил до послѣдней степенн, истомилъ войска маршами и контръ-маршами и прислалъ ихъ въ Крымъ въ изнуренномъ состояніи.

«Жаль, говорить князь Васильчиковъ въ заключеніи своихъ записокъ, что столько усилій, столько доблестей прошло безъ видимой кому бы то ни было пользы! Россія потеряла, конечно, свой черноморскій флотъ, но не лишилась отъ этого возможности снова затѣять восточный вопросъ, спустя 20 лѣтъ, хотя вся Крымская экспедиція начата была союзниками подъ этимъ предлогомъ. Англичане сожгли наши корабли, но вопроса окончательно не разрѣшили. Франція никакой пользы отъ принесенныхъ ею жертвъ не приобрѣла, и въ концѣ концовъ оказывается, что одинъ лишь Наполеонъ III достигъ желаемого результата, т. е. славы отвлеченія вниманія народа отъ внутренняго положенія страны и удовлетворенія личнаго, мелкаго самолюбія...»

Такъ рѣшено было свыше «вѣроятно для того, чтобы мы, русскіе, не зазнались окончательно, взглянули серьезно на внутреннія наши неурядицы и подумали бы о врачеваніи своихъ недуговъ».

Н. Д.

(Продолженіе будетъ).

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1892 годъ.—Описание формы обмундирования чиновъ военно-медицинской академіи.—Избранныя рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 годъ.

ВСЕПОДДААННѢЙШІЙ ДОВЛАДЪ

МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1892 Г.

Имѣю счастье всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству нижеслѣдующіе выводы по государственной росписи на 1892 годъ.

I. Общій обзоръ государственной росписи на 1892 годъ.

Въ роспись на 1892 годъ внесено:

Доходовъ:

Обыкновенныхъ	886.544,325 руб.
Чрезвычайныхъ ресурсовъ:	
Военное вознагражденіе	3.337,139 р.
Вклады въ государственный банкъ на вѣчное время	712,000 »
Спеціальныя капиталы, обращаемыя въ общія средства государственнаго казначейства	441,227 »
	4.490,366 »
	891.034,691 руб.
Изъ свободной наличности государственнаго казначейства, усиленной суммами, поступившими по золотому 3% займу 1891 г.	74.268,375 »
Всего	965.303,066 руб.

Расходовъ:

Обыкновенныхъ	911.668,066 руб.
Чрезвычайныхъ:	
На сооружеііе желѣзныхъ дорогъ и	
портовъ	33.495,000 р.
На расходы по перевооруженію . . .	20.140,000 »
	53.635,000 »
Всего . . .	965.303,066 руб.

II. Государственные доходы.

Государственные доходы на предстоящій 1892 годъ представлены въ росписи по новой классификаціи, выработанной для исправленія недостатковъ прежней классификаціи доходовъ, заключавшихся въ отсутствіи строгой системы и въ несоотвѣтственномъ существу доходовъ распредѣленіи ихъ по отдѣльнымъ статьямъ росписи. По новой классификаціи, удостоившейся Высочайшаго утвержденія въ 14-й день іюня 1891 г., роспись раздѣлена на двѣ части, вмѣсто прежнихъ трехъ: 1) обыкновенные доходы, и 2) чрезвычайные ресурсы; отдѣльное же обозначеніе въ росписи оборотныхъ доходовъ и расходовъ отмѣнено и они показаны въ общей суммѣ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ; равнымъ образомъ многія изъ прежнихъ подраздѣленій обыкновенныхъ доходовъ, представлявшія маловажный интересъ, уничтожены и, наоборотъ, нѣкоторые доходы выдѣлены въ особыя подраздѣленія росписи несуществовавшія прежде.

Для правильнаго сравненія росписи на 1892 годъ съ росписью на 1891 годъ, государственные доходы этого послѣдняго года распредѣлены въ росписи на 1892 годъ также по новой классификаціи; причемъ оказывается, что въ роспись 1892 года внесено обыкновенныхъ доходовъ менѣе, чѣмъ было исчислено по росписи 1891 года, на 14.213,245 р., вслѣдствіе сокращенія доходовъ по 15 параграфамъ росписи на 52.901,098 руб. при увеличеніи по 18 параграфамъ на 38.687,853 руб.

Уменьшеніе по росписи 1892 г. доходовъ на показанную весьма значительную сумму 52.901,098 р. предположено главнѣйше въ виду неурожаа хлѣбовъ, захватившаго болѣе двадцати земледѣльческихъ губерній. Бѣдствіе это, причинивъ огромные убытки населенію пострадавшихъ губерній, вызвало повсемѣстно сильный подъемъ цѣнъ на хлѣбъ, что, въ свою очередь, при отсутствіи соотвѣтственнаго возрастанія заработной платы, должно сказаться неблагоприятнымъ образомъ и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ населеніе, даже при удовлетворительномъ урожаѣ, не обезпечено собственнымъ хлѣбомъ и восполняетъ этотъ недостатокъ промыслами и сторонними заработками. Указанныя неблагоприятныя для платежной способности населенія причины, въ связи съ сокращеніемъ торговыхъ оборотовъ и съ послѣдовавшимъ повышеніемъ цѣнъ

на спиртъ, уже отразились на государственныхъ доходахъ нынѣшняго года, поступленіе которыхъ даетъ значительное пониженіе противъ минувшаго 1890 года. Тѣмъ болѣе необходимо ожидать сокращенія поступленій въ будущемъ году, въ особенности окладныхъ сборовъ, питейнаго дохода и сбора съ торговли и промысловъ; затруднительныя экономическія условія не останутся также безъ вліянія на поступленіе табачнаго и лѣснаго доходовъ, потому что слѣдуетъ ожидать сокращенія въ будущемъ году потребления табака низкихъ сортовъ и сбыта лѣса изъ казенныхъ лѣстныхъ дачъ. Наконецъ, тѣ же экономическія условія и послѣдовавшее запрещеніе вывоза хлѣбовъ за границу, вмѣстѣ съ пониженіемъ вексельнаго курса, несомнѣнно должны оказать неблагоприятное вліяніе на ходъ внѣшней торговли и выразиться въ сокращеніи привоза иностранныхъ товаровъ и въ уменьшеніи таможеннаго дохода.

Въ виду приведенныхъ обстоятельствъ, являющихся послѣдствіемъ одной и той же основной причины — неурожая, по росписи на 1892 г. ожидается уменьшеніе поступленій противъ росписи 1891 г.:

а) По выкупнымъ платежамъ съ крестьянъ: бывшихъ помѣщичьихъ на 10.707,615 р., бывшихъ удѣльныхъ на 769,647 рублей и бывшихъ государственныхъ на 13.289,552 р., а всего на 24.766,814 р., причемъ, такъ какъ въ числѣ плательщиковъ выкупныхъ платежей состоятъ и плательщики государственнаго поземельнаго налога, то недоборъ съ послѣднихъ также предусмотрѣнъ въ упомянутыхъ суммахъ.

б) По питейному доходу на 16.980,000 р. Сокращеніе различныхъ статей питейнаго дохода достигаетъ, собственно говоря, 17.460,000 р., но при этомъ акциза съ водокъ, выдѣлываемыхъ изъ винограда и фруктовъ, и съ дрожжей ожидается болѣе на 480,000 руб., соответственно постоянному возрастанію дѣйствительныхъ поступленій.

в) По лѣстному доходу на 1.742,394 р.

г) По сбору съ торговли и промысловъ на 688,796 р.

д) По табачному доходу на 472,000 р.

е) По таможенному доходу на 29,000 р. Такое, повидимому ничтожное, пониженіе цифры таможеннаго дохода на будущій годъ объясняется тѣмъ, что внесенная въ роспись на 1891 г. сумма таможеннаго дохода сама по себѣ уже была сокращена противъ дѣйствительныхъ поступленій. Поэтому исчисленіе сего дохода по росписи на 1892 г. слѣдуетъ сравнивать не со смѣтнымъ назначеніемъ нынѣшняго года, а съ отчетными данными о поступленіи таможенныхъ пошлинъ за ближайшее время. При постепенномъ возрастаніи съ 1887 г., поступленіе означенныхъ пошлинъ въ 1890 г. опредѣлилось въ 82.690,494 руб. мет. и 1.373,089 р. кред., или, по переложеніи металла въ кредитную валюту по курсу росписи 1892 г. ⁽¹⁾, въ 133.670,799 р. кред. Въ нынѣшнемъ году поступленіе таможеннаго дохода за 10 мѣся-

⁽¹⁾ По росписи на 1892 г. металлическіе доходы и расходы перечислены въ кредитную валюту по одинаковому съ росписью 1891 г. курсу 1 р. 60 к. кред. за 1 р. зол. и 1 р. 12 к. кред. за 1 р. банк. сер.

цевъ въ общемъ не отстало отъ прошлаго года, составивъ около 108.000,000 рублей въ томъ и другомъ году. Хотя въ настоящее время весьма трудно опредѣлить, въ какой суммѣ обозначится уменьшеніе означеннаго дохода въ будущемъ году, тѣмъ болѣе, что по недавнему введенію новаго, Высочайше утвержденнаго 11-го іюня 1891 г., таможеннаго тарифа нѣтъ еще опытныхъ данныхъ, которыя позволяли бы судить о его вліяніи на доходъ, но, принявъ во вниманіе обстоятельства, могущія оказать неблагоприятное вліяніе на таможенный доходъ, департаментъ государственной экономіи призналъ соотвѣственнымъ сумму этого дохода по росписи на 1892 г. назначить въ 110.900,000 р. кред.,—менѣе сравнительно съ дѣйствительнымъ поступленіемъ въ 1890 г. на 22,6 мил. р.

Что касается сокращенія нѣкоторыхъ другихъ доходовъ, то такое предположено:

1) По пошлинамъ гербовымъ, судебнымъ, канцелярскимъ съ записи документовъ на 45,483 р., преимущественно отъ уменьшенія судебныхъ пошлинъ на 165,000 р., по соображенію съ поступленіемъ за послѣднее время, при увеличеніи по той же причинѣ гербоваго сбора на 90,000 р. и канцелярскихъ пошлинъ и сборовъ за составленіе и выдачу разныхъ документовъ на 21,000 р.

2) По пошлинамъ съ паспортовъ на 300,143 руб., въ виду предоставленія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19-го іюля 1891 г., нѣкоторымъ изъ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей льготы по выдачѣ сельскому населенію бесплатныхъ билетовъ для отлучекъ на заработки.

3) По пошлинамъ съ пассажировъ и грузовъ большой скорости, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, на 42,000 руб., вслѣдствіе оказавшагося въ текущемъ году пониженія въ поступленіи этого сбора противъ 1890 года.

4) По монетному доходу на 96,928 руб., отъ уменьшенія наряда на выдѣлку мѣдной монеты.

5) По почтовому доходу на 86,710 руб., въ виду пониженія за послѣдніе два отчетные года—1889 и 1890—поступленія отъ сбора за страхованіе и по соображенію съ поступленіями другихъ составныхъ частей почтоваго дохода.

6) По прибылямъ отъ участія казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ на 62,200 руб., на основаніи имѣющихъся свѣдѣній о сборахъ въ текущемъ году на желѣзныхъ дорогахъ, обязанныхъ вносить въ казну часть своего чистаго дохода, и

7) По обязательнымъ платежамъ обществъ желѣзныхъ дорогъ на 7.588,630 руб., въ томъ числѣ отъ исключенія 3.395,000 руб. за переходомъ въ казну Курско-Харьково-Азовской и Ливаво-Роменской линій и отъ уменьшенія, всего на сумму 5.202,000 руб., поступленій отъ Лозово-Севастопольской, Московско-Брестской, юго-западныхъ и другихъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ, въ виду неурожая 1891 года, ожидается сокращеніе перевозки грузовъ и пониженіе чистаго дохода. Съ другой стороны, поступленій отъ Козлово-Воронеж-

ско-Ростовской и Шуйско-Ивановской желѣзныхъ дорогъ исчислено болѣе на 1.008,000 руб., въ томъ числѣ 233,000 руб. въ виду оставленія за правительствомъ 3% облигацій общества Шуйско-Ивановской дороги на 4.000,000 руб. зол.

Увеличеніе доходовъ, сравнительно съ росписью на 1891 г., ожидается:

1) По налогамъ поземельнымъ, съ недвижимыхъ имуществъ и податямъ на 80,381 руб., главнымъ образомъ вслѣдствіе исчисленія оброчной подати съ осѣдлага населенія степныхъ областей (русскихъ крестьянъ, дунганъ и таранчей) на основаніяхъ, указанныхъ въ Высочайше утвержденномъ 25-го марта 1891 года положеніи объ управленіи семи областями.

2) По сбору съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ на 78,900 р., а именно, ожидается увеличеніе поступленій съ доходовъ: отъ процентныхъ бумагъ, выпущенныхъ частными обществами, отъ желѣзнодорожныхъ акцій, отъ вкладовъ, внесенныхъ въ кредитныя учрежденія, и съ специальныхъ текущихъ счетовъ, въ общей сложности на 435,000 руб. и уменьшеніе сбора съ доходовъ отъ государственныхъ процентныхъ бумагъ на 356,100 руб., соответственно уменьшенію дохода, приносимаго сими бумагами, вслѣдствіе произведенной въ 1891 г. ихъ конверсіи.

3) По сахарному доходу на 1.013,000 р., въ виду увеличенія, на основаніи Высочайше утвержденного 14-го мая 1890 г. мѣтнія государственнаго совѣта, съ періода 1892—1893 г. акциза съ рафинированнаго сахара и патентнаго сбора съ рафинадныхъ заводовъ, съ принятіемъ въ расчетъ количества и качества свекловича урожая 1891 года и возможности увеличенія вывоза сахара за границу съ возвратомъ акциза, причемъ внутреннее потребленіе, по всей вѣроятности, сократится, вслѣдствіе неблагоприятнаго экономическаго положенія многихъ мѣстностей.

4) По нефтяному доходу на . . . . . 498,300 руб.

5) » спичечному доходу на . . . . . 196,000 »

6) » по пошлинамъ съ переходящихъ имуществъ на . . . . . 807,000 »

7) » пошлинамъ съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ на 170,000 »

сообразно съ дѣйствительнымъ поступленіемъ означенныхъ сборовъ въ послѣдніе годы.

8) По пошлинамъ разныхъ наименованій на 360,424 руб., преимущественно отъ возвышенія съ 1-го января 1892 г., согласно одобренному государственнымъ совѣтомъ представленію министра финансовъ, пробирной пошлины съ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій.

9) По горному доходу на 221,955 руб., соразмѣрно количеству металловъ, добытыхъ или выплавленныхъ въ 1890 году.

10) По телеграфному и телефонному доходамъ на 411,700 руб., въ виду значительнаго возрастанія сборовъ за передачу телеграфныхъ денешъ и по эксплуатациіи телефонныхъ сообщеній.

11) По оброчнымъ статьямъ и промысламъ на 541,199 руб., главнымъ образомъ отъ котиковаго промысла — 697,000 руб., вслѣдствіе сдачи этого

промысла въ текущемъ году другою компанію на новыхъ условіяхъ; отъ рыбныхъ и тюленыхъ промысловъ—324,000 руб.; отъ аренды соляныхъ источниковъ—105,000 руб., согласно контрактамъ, и отъ сдачи горнозаводскихъ имуществъ въ губерніяхъ Царства Польскаго въ аренду—65,000 руб., съ уменьшеніемъ болѣе чѣмъ на 600,000 руб. дохода отъ различныхъ другихъ статей, въ виду неурожая и вообще ухудшенія сельско-хозяйственныхъ условій.

12) По казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ на 20.544,775 руб., въ томъ числѣ 19.113,000 руб., вслѣдствіе перехода въ казну Курско-Харьково-Азовской и Либаво-Роменской дорогъ, и 75,000 руб., въ виду ожидаемаго открытія Челябинскаго участка Самаро-Златоустовской желѣзной дороги. Что касается прежнихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, то по однимъ изъ нихъ предвидится увеличеніе сборовъ на сумму 2.653,000 руб., въ томъ числѣ по Закавказской—1.296,000 руб. (¹); по другимъ же валовая выручка определена менѣе противъ текущаго года на 1.296,000 руб., изъ коихъ 722,000 р. приходятся на Сызрано-Вяземскую линію.

13) По казеннымъ заводамъ, техническимъ заведеніямъ и складамъ на 685,656 руб., главнѣйше отъ продажи издѣлій и отъ заказовъ на казенныхъ горныхъ заводахъ, сообразно дѣйствительному поступленію дохода за три года и имѣющимся въ виду нарядамъ казенныхъ вѣдомствъ, съ уменьшеніемъ притомъ исчисления на 228,000 руб. за передачу горнозаводскихъ имуществъ въ губерніяхъ Царства Польскаго въ аренду.

14) По прибылямъ отъ принадлежащихъ казніѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій на 11.359,153 руб., по соображенію съ наличностью казенныхъ капиталовъ; преимущественно же въ виду включенія въ роспись 1892 г. коммерческихъ прибылей государственнаго банка за два года—1890 и 1891, на сумму 13.869,000 руб., вмѣсто ожидаемыхъ по росписи текущаго года прибылей за 1889 г. въ размѣрѣ 4.939,000 руб.

15) По доходу отъ продажи недвижимыхъ имуществъ на 39,580 руб., въ виду ожидаемой въ 1892 году продажи казенныхъ участковъ въ городѣ Варшавѣ.

16) По возврату ссудъ и другихъ расходовъ на 348,899 руб., главнымъ образомъ отъ увеличенія поступленій въ возвратъ расходовъ, относящихся на счетъ постороннихъ источниковъ.

17) По пособіямъ государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ на 659,613 руб., преимущественно изъ земскихъ сборовъ, на содержаніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и судебныхъ, по закону 12-го іюля 1889 года.

18) По разнымъ мелкимъ и случайнымъ доходамъ на 671,318 руб., отъ

(¹) Главнѣйшая причина сего увеличенія заключается въ приобрѣтеніи отъ частныхъ владѣльцевъ принадлежавшихъ имъ вагоновъ-цистернъ и въ уничтоженіи, вслѣдствіе того, дѣлавшейся въ пользу ихъ скидки съ платы за перевозку по Закавказской дорогѣ нефтяныхъ продуктовъ.

увеличенія различныхъ поступленій, являющихся случайно, между прочимъ за проданное ненужное движимое имущество, за пользованіе казеннымъ желѣзнодорожнымъ подвижнымъ составомъ и друг.

III. Государственные расходы.

А. Расходы обыкновенные.

По сравненію съ 1891 г. въ росписи на 1892 г. внесено обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ болѣе на 12.779,045 руб.

Увеличены расходы:

1) По высшимъ государственнымъ учрежденіямъ на 25,111 руб., вслѣдствіе назначенія 51,000 руб. на ремонтъ зданія государственной типографіи, и 17,000 руб. на усиленіе работъ по печатанію законовъ, съ уменьшеніемъ другихъ расходовъ на 43,000 руб., въ томъ числѣ 39,000 руб. по содержанію государственнаго совѣта.

2) По Святѣйшему Синоду на 49,245 руб., отъ увеличенія на 22,000 р. расходовъ по содержанію городского и сельскаго духовенства и отъ другихъ болѣе мелкихъ измѣненій въ кредитахъ.

3) По морскому министерству на 2.991,961 руб., для потребностей судостроенія.

4) По министерству финансовъ на 3.920,508 руб., главнымъ образомъ на пособія обществамъ желѣзныхъ дорогъ по гарантіи чистаго дохода—4.973,000 руб., вслѣдствіе включенія въ роспись полного платежа по акціямъ и облигаціямъ перешедшихъ въ казну Курско-Харьково-Азовской и Ливаво-Роменской желѣзныхъ дорогъ; на ценсіи и пособія—965,000 руб.; на расходы за счетъ постороннихъ источниковъ—500,000 руб.; на операціи по монетной части—176,000 руб. и на фуражъ для пограничной стражи, по случаю возвышенія цѣнъ,—140,000 руб. При этомъ сокращены расходы: на процентное вознагражденіе чиновъ акцизнаго вѣдомства, соотвѣтственно пониженію акцизныхъ сборовъ,—350,000 руб.; на изготовленіе процентныхъ бумагъ—214,000 руб.; на возмѣщеніе благотворительнымъ и т. п. учрежденіямъ 5%-наго налога съ денежныхъ капиталовъ—787,000 руб.; на пособія акціонернымъ обществамъ—265,000 руб.; на выдачу ссудъ и авансовъ по выкупной операціи—204,000 руб.; на обмундированіе и хозяйственные расходы пограничной стражи—156,000 руб.; на возвратъ суммъ, неподлежаще поступившихъ въ казну,—123,000 руб.; на невыполненные расходы по заключеннымъ смѣтамъ—300,000 руб.; кромѣ того, исключено различныхъ единовременныхъ расходовъ до 400,000 руб.

5) По министерству внутреннихъ дѣлъ на 676,113 руб. Наиболѣе значительнымъ представляется увеличеніе расходовъ по приведенію въ дѣйствіе Положенія о земскихъ начальникахъ—903,000 руб., по содержанію почтово-телеграфныхъ учреждений—438,000 руб. и по возмѣщенію специальнымъ ка-

питаламъ 5⁰/₀-наго налога съ доходовъ отъ процентныхъ бумагъ—124,000 р.; вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшены расходы на содержаніе почтовыхъ станцій—260,000 руб., на заготовленіе почтовыхъ марокъ, конвертовъ и т. п.—238,000 руб., на постройки и ремонтъ зданій—108,000 руб. и по распространенію телеграфныхъ линий—100,000 руб.

6) По министерству путей сообщенія на 6.285,461 руб., вслѣдствіе назначенія кредитовъ въ 10.451,000 руб. на эксплуатацію перешедшихъ въ казну Курско-Харьково-Азовской и Ливаво-Роменской желѣзныхъ дорогъ и въ 175,000 руб. на эксплуатацію находящихся въ постройкѣ Джанкой-Осодосійской и Челябинскаго участка Самаро-Златоустовской желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ открытіе движенія ожидается въ будущемъ году; кромѣ того, увеличены ассигнованія временнаго характера на 278,000 руб. Расходы по прежнимъ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, въ общемъ, понижены на 858,000 р.; равнымъ образомъ сдѣланы сокращенія въ кредитахъ на хозяйственно-операционные расходы по водянымъ сообщеніямъ на 1.643,000 руб. и по шоссе-нымъ дорогамъ на 2.224,000 руб.

7) По министерству юстиціи на 472,193 руб., изъ которыхъ около 288,000 руб. составляютъ расходъ на содержаніе судебныхъ установленій, образованныхъ на основаніи закона 12-го іюля 1889 года. Кромѣ того, увеличены кредиты по устройству и содержанію зданій на 111,000 руб. и по выдачѣ пособій кандидатамъ на судебныя должности на 48,000 р., и

8) По государственному коннозаводству на 18,749 руб., вслѣдствіе прибавокъ къ кредитамъ: на фуражъ,—по случаю возвышенія цѣнъ, на полевое хозяйство и друг.

Сверхъ того, особый фондъ на покрытіе издержекъ военнаго вѣдомства, вызываемыхъ возвышеніемъ цѣнъ на провіантъ и фуражъ, увеличенъ на 10.000,000 руб.

Уменьшеніе расходовъ нечислено:

1) По смѣтѣ системы государственнаго кредита на 8.917,353 руб., которые составляютъ разность, происходящую отъ уменьшенія расходовъ по однимъ займамъ на 43 466,000 руб. и увеличенія по другимъ займамъ на 34.549,000 руб. Сокращены расходы: на 42.212,000 руб. вслѣдствіе досрочнаго выкупа и конверсіи займовъ: перваго голландскаго 1798—1815 гг., перваго и втораго 4¹/₂⁰/₀-ныхъ 1850 и 1860 гг., 4¹/₂⁰/₀-ныхъ консолидированныхъ облигацій російскихъ желѣзныхъ дорогъ 5-го выпуска, 5¹/₂⁰/₀-ныхъ свидѣтельствъ государственнаго банка выпуска 1862 года, 5⁰/₀-ныхъ билетовъ государственнаго банка 1-го, 3-го, 4-го и 5-го выпусковъ и 5⁰/₀-наго восточнаго займа 1877 г.; на 2,000 руб. отъ погашенія долга почтовому залоговому капиталу; на 225,000 руб. отъ погашенія части займовъ; на 527,000 руб. по билетамъ государственнаго казначейства, въ виду того, что въ 1892 году подлежатъ оплатѣ меньшее, сравнительно съ 1891 г., количество безкупонныхъ серій, и на 500.000 руб. на оплату купоновъ и тиражныхъ бумагъ прежнихъ сроковъ до 1889 г., въ виду уменьшенія расхода.

Увеличены же расходы: на 34.521,000 руб., вслѣдствіе включенія въ роспись платежей по вновь заключеннымъ займамъ: консолидированнымъ российскимъ 4^о/о-нымъ желѣзнодорожнымъ облигаціямъ 3-й серіи выпуска 1890 г.; российскому 3^о/о-ному золотому займу 1891 г. и 4^о/о-нымъ внутреннимъ займамъ 2-го, 3-го и 4-го выпусковъ, и на 28,000 руб. по 4^о/о-нымъ вѣчнымъ вкладамъ, соразмѣрно увеличенію сихъ вкладовъ.

2) По министерству иностранныхъ дѣлъ на 138,219 руб. отъ исключенія изъ сметы 320,000 руб., предназначавшихся на учрежденіе новыхъ консульствъ, и 35,000 руб. за прекращеніемъ производства асигнованій, причѣмъ въ роспись внесенъ новый расходъ въ 213,000 руб. на уплату за приобретенный въ Вѣнѣ домъ для посольства.

3) По военному министерству на 123,891 руб. отъ уменьшенія расходовъ, не входящихъ въ составъ нормальнаго военного бюджета.

4) По министерству государственныхъ имуществъ на 1.375,387 руб. Почти вся эта сумма составляетъ изъ сокращеній кредитовъ на операционныя дѣйствія казенныхъ горныхъ заводовъ; кредиты эти уменьшены: на 1.726,000 р., сообразно дѣйствительнымъ расходамъ въ послѣднія пять лѣтъ, и на 236,000 р. вслѣдствіе сдачи горнозаводскихъ имуществъ въ губерніяхъ Царства Польскаго въ аренду, съ надбавкою асигнованій: въ 500,000 р. на экстренные заказы и 145,000 руб. на провіантъ для рабочихъ, въ виду возвышенія цѣнъ на провіантъ и истощенія запасовъ; такъ что въ общемъ сокращеніе асигнованій на дѣйствіе горныхъ заводовъ приводится къ 1.317,000 руб. Изъ числа другихъ назначеній по министерству государственныхъ имуществъ сокращены строительные расходы на 90,000 р. и исключены кредиты на покупку морскихъ и рѣчныхъ судовъ—113,000 р.; но за то увеличенъ расходъ на платежи земскихъ и гминныхъ сборовъ на 103,000 р. и включенъ кредитъ въ 75,000 руб. на уплату жителямъ Командорскихъ острововъ за производство котиковаго промысла.

5) По министерству народнаго просвѣщенія на 1.095,810 р. отъ уменьшенія расходовъ строительныхъ на 631,000 р. и по содержанію центральнаго управленія на 58,000 р. и отъ исключенія изъ росписи кредитовъ на устройство техническихъ и ремесленныхъ училищъ—50,000 р., на учебно-вспомогательныя установленія при университетахъ—250,000 р. и на одновременныя издержки—203,000 р., съ увеличеніемъ расходовъ по правиламъ службы въ привилегированныхъ мѣстностяхъ на 85,000 р., и

6) По государственному контролю на 9,636 р. вслѣдствіе сокращенія на 320,000 руб. расхода по приобретенію и устройству зданія для контроля и на 25,000 руб. пособій за службу въ Приморской области, съ увеличеніемъ на 328,000 руб. расходовъ на содержаніе контрольныхъ учреждений, преимущественно по эксплуатаціи перешедшихъ въ казну Куреко-Харьково-Азовской и Либаво-Роменской желѣзныхъ дорогъ.

Расходы по министерству Императорскаго Двора остались безъ измѣненія.

Б. Чрезвычайные расходы.

Въ росписи на 1892 годъ включены чрезвычайные расходы: по желѣзнодорожнымъ и портовымъ сооруженіямъ—33.495,000 рублей и по перевооруженію арміи и флота—20.140,000 р.; всего же вообще 53.635,000 р.

Повергая все вышеизложенное на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе, министръ финансовъ приѣмлетъ долгъ всеподданнѣйше доложить, что обыкновенный бюджетъ на предстоящій 1892 годъ заключенъ съ крупнымъ дефицитомъ, составляющимъ 25.123,741 рубль.

Такой результатъ явился послѣдствіемъ крайне неудовлетворительной жатвы во многихъ поволжскихъ и центральныхъ губерніяхъ Россіи. Бѣдствіе это самымъ серьезнымъ образомъ было принято во вниманіе при опредѣленіи ожидаемыхъ на 1892 г. поступленій. Въ предъидущемъ указаны тѣ соображенія, которыми руководился департаментъ государственной экономіи при опредѣленіи размѣра каждаго вида доходовъ. Не повторяя этихъ соображеній, я позволю себѣ ограничиться здѣсь лишь общимъ обозрѣніемъ доходной смѣты 1892 года.

Государственные доходы на 1892 годъ исчислены въ суммѣ 886,544 міліона, вмѣсто 900,768, исчисленныхъ по росписи 1891 года, и слѣдовательно общее уменьшеніе составляетъ 14 міліоновъ рублей.

На первый взглядъ уменьшеніе сіе представляется слишкомъ малымъ по сравненію съ размѣрами бѣдствія, постигшаго наше отечество въ настоящемъ году.

Но чтобы получить правильное понятіе о значеніи сего уменьшенія, необходимо имѣть въ виду, что на бюджетъ 1892 года оказали большое вліяніе нѣкоторые источники государственныхъ доходовъ, которые не входили въ соображенія по бюджету 1891 года.

Сюда относится прежде всего значительное увеличеніе сборовъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ: сборы сіи были исчислены на 1891 годъ въ размѣрѣ 54,873 мил. руб., а на 1892 годъ исчисляются въ суммѣ 75,417 мил. руб.; т. е. съ превышеніемъ почти на 21 мил. руб. Это превышеніе имѣетъ главною своею причиною переходъ въ собственность казны двухъ весьма значительныхъ линій: Курско-Харьково-Азовской и Либаво-Роменской, общимъ протяженіемъ въ 1,955 верстъ, вслѣдствіе чего, начиная съ 1-го января 1892 г., весь валовой сборъ по этимъ линіямъ первый разъ включается въ государственные доходы,—равно какъ первый же разъ входятъ въ составъ государственныхъ расходовъ все издержки по ихъ эксплуатаціи, а равно полная сумма платежей по ихъ облигаціямъ, и, наконецъ, опредѣлившіеся расходы по ихъ выкупу.

Затѣмъ весьма крупное увеличеніе на 11 слишкомъ міліоновъ рублей исчислено по прибылямъ изъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій; сумма эта имѣетъ свою главною составною частью 9.000,000 руб. прибылей государственнаго банка за 1891 годъ. Относительно сего должно замѣтить, что, начиная съ 1887 года, въ бюджетъ государственныхъ доходовъ вносятся прибыли банка за годъ, предшествующій году состав-

ленія росписи; такимъ образомъ, по бюджету 1891 года причислены къ государственнымъ доходамъ прибыли государственнаго банка только за 1889 годъ, прибыли же за 1890 годъ остаются до сихъ поръ на балансѣ банка, и будутъ перечислены въ государственные доходы только въ 1892 г. Годовая отсрочка перечисленія въ доходы казны прибылей государственнаго банка была допущена въ благопріятные для исполненія росписей годы и черезъ это образовался запасъ, которымъ возможно одновременно воспользоваться, дабы пополнить доходный бюджетъ въ такой годъ, когда ослабѣваютъ поступления изъ другихъ источниковъ;—будущій 1892 годъ несомнѣнно представляетъ собою давно небывалыя неблагопріятныя для поступленій условія, а потому департаментъ государственной экономіи призналъ правильнымъ обратиться къ этому запасенному въ хорошіе годы резерву и зачислить въ государственные доходы 1892 г. прибыль банка не только за 1890, но и за текущій 1891 годъ. Размѣръ прибыли за 1890 годъ выведенъ съ точностію въ 4.869,368 р. по представленному уже отчету банка; прибыль же за 1891 г. опредѣлена по предварительнымъ расчетамъ, которые показываютъ, что она будетъ не менѣе девяти миліоновъ рублей; столь значительное приращеніе дохода отъ банковыхъ операций въ 1891 году получилось, главнѣйшимъ образомъ, отъ произведенной въ семь году по высокимъ цѣнамъ продажи небольшой части золота, купленнаго прежде по гораздо болѣе низкимъ цѣнамъ.

Вслѣдствіе изъясненныхъ двухъ причинъ явилось увеличеніе государственныхъ доходовъ на 32 миліона; сверхъ того, по нѣкоторымъ другимъ менѣе важнымъ статьямъ, мало находящимся въ зависимости отъ урожая, доходы на предстоящій годъ исчислены въ суммѣ, почти на 7 миліоновъ рублей болѣе по сравненію съ текущимъ годомъ; а какъ, согласно вышеизложенному, общая сумма доходовъ на 1892 г. исчисляется на 14 миліоновъ рублей менѣе, чѣмъ предположенная на 1891 годъ, то въ общемъ и цѣломъ департаментомъ государственной экономіи бюджетное вліяніе нынѣшняго неурожая оцѣнено уменьшеніемъ государственныхъ доходовъ, круглымъ числомъ, на 53 миліона рублей по сравненію съ бюджетомъ текущаго года. По сравненію съ дѣйствительнымъ поступленіемъ обыкновенныхъ доходовъ за истекшій 1890 годъ, составившимъ по отчету государственнаго контроля 943.685,770 рублей, поступления, исчисленные на 1892 г., представляютъ уменьшеніе въ 57.141,445 руб. Если же принять въ соображеніе указанные выше 32 миліона, ожидаемые къ поступленію въ 1892 году изъ источниковъ, не входившихъ въ счетъ 1890 года, то окажется, что предположенные по бюджету 1892 г. обыкновенныя поступления меньше дѣйствительныхъ обыкновенныхъ доходовъ 1890 г. на сумму, нѣсколько превышающую 89.000,000 рублей (1).

(1) Если обыкновенныя металлическія поступления 1890 г. перечислить по курсу росписей 1891 и 1892 гг., т. е. считать золотой рубль за 160 коп. кред. вмѣсто 170 коп. (курсъ росписи 1890 г.), то общая сумма обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ за 1890 годъ опредѣлится въ 934,340 м. кред. рублей, и тогда на-

Сіи сопоставленія показываютъ, что при назначеніи цифръ доходовъ на 1892 годъ департаментъ государственной экономіи дѣйствовалъ съ тою же осторожностью, съ какою были назначены размѣры доходовъ на 1891 годъ. Опытъ теперь уже показалъ все значеніе этой осторожности. Несмотря на бѣдствіе, поразившее значительную часть Россіи въ семь году, несмотря на всѣ возможныя смягченія во взысканіяхъ налоговъ, примѣненные вездѣ, гдѣ того требовала дѣйствительная нужда населенія, поступления за 1891 годъ не чрезвычайно отстали отъ поступленій 1890 года.

За первые 10 мѣсяцевъ прошлаго 1890 г. общее поступленіе доходовъ было 718,747 мил. рублей, а за соответствующіе мѣсяцы 1891 года оно составляеть 692,817,— съ присоединеніемъ же прибылей государственнаго банка за 1889 годъ,—которыя по случайнымъ причинамъ перечислены въ доходъ казны только въ декабрѣ сего года,—поступленіе это достигаетъ 697,756 мил. рублей. Въ ноябрѣ по всѣмъ внутреннимъ кассамъ поступило: въ 1890 г. 90,207 мил. рублей, а въ 1891 году 83,640 мил. рублей. Такимъ образомъ, за 11 мѣсяцевъ государственные доходы 1891 года на 27,558 мил. рублей меньше доходовъ 1890 года и, слѣдовательно, если бы за декабрь нынѣшняго года уменьшеніе доходовъ противъ 1890 года ограничилось 6,525 мил. рублей, то доходная смѣта была бы выполнена безъ какого либо недобора.

Вѣроятно, что недоборъ за декабрь превзойдетъ 6,525 мил. рублей, но, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, должно полагать, что онъ составитъ не болѣе 15.000,000—18.000,000, и слѣдовательно дѣйствительное поступленіе доходовъ за 1891 годъ останется позади смѣтнаго предположенія не болѣе какъ на 10.000,000—12.000,000, т. е. неступно на 1½% общей суммы обыкновенныхъ доходовъ.

При соблюденіи такой осторожности въ назначеніи доходовъ на 1892 г., исчисленный по росписи размѣръ ихъ не могъ быть достаточенъ для покрытія всѣхъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что, какъ упомянуто выше, главное увеличеніе доходовъ, приходящееся на казенныя желѣзныя дороги, влечетъ за собою весьма значительное увеличеніе расходовъ по ихъ эксплуатаціи, по срочнымъ платежамъ на облигаціи и по выкупу; поэтому весьма естественнымъ на первый взглядъ казалось бы стремиться къ изысканію новыхъ источниковъ доходовъ для покрытія оказывающагося дефицита; по сіи новые источники, въ какомъ бы видѣ они ни представлялись, по существу всегда приводятся или къ установленію новыхъ, или къ усиленію существующихъ налоговъ; прибѣгать же къ этимъ средствамъ при экономическомъ потрясеніи, причиненномъ недородомъ хлѣбовъ нынѣшняго года, представлялось крайне

значенныя къ поступленію въ 1892 году обыкновенные доходы будутъ меньше дѣйствительныхъ обыкновенныхъ поступленій 1890 года на 48,200 мил. рублей. Съ принятіемъ же во вниманіе вышесупомянутыхъ 32.000,000 рублей, изъ источниковъ, не имѣвшихъ вліянія на доходы 1890 года, окажется, что роспись 1892 года предвидитъ обыкновенные доходы въ меньшемъ противъ 1890 года размѣрѣ на 80.000.000 рублей.

опаснымъ, такъ какъ этотъ недородъ отразился не только на производителяхъ хлѣба въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, но имѣеть самыя разнообразныя экономическія послѣдствія; правда, что при нестротѣ урожая владѣльцы земель, давшихъ обильную жатву, значительно увеличили свое благосостояніе, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на всѣ земледѣльческіе продукты, но, при подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ возможныхъ сочетаній, оказалось весьма труднымъ и даже невозможнымъ установить такіе новые источники доходовъ, которые коснулись бы исключительно или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшею своею долею только той части населенія, благосостояніе которой не пострадало болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ результатовъ нынѣшней жатвы.

Къ тому же, несомнѣнно неблагоприятная, но во всякомъ случаѣ временныя послѣдствія неурожая 1891 года едва ли и приводили къ безусловной необходимости установленія новыхъ налоговъ. Обыкновенные государственные доходы росли въ послѣднее время естественнымъ образомъ въ замѣчательной прогрессіи и составивъ:

въ 1888 г.	898,5	млн. рублей
» 1889 »	927,0	» »
» 1890 »	943,7	» »

они были не только достаточны для покрытія обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, но изъ нихъ могла быть выдѣлена значительная часть для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и другихъ сооруженій, для значительныхъ досрочныхъ уплатъ по государственному долгу, уменьшившихъ бремя платежей по нему процентовъ и погашенія, и, наконецъ, для накопленія весьма значительной наличности государственнаго казначейства, которая, согласно отчету государственнаго контроля, составила къ 1-му января 1891 г. 219,7^{1/2} (1) млн. рублей.

Къ такой, доказанной опытомъ, упругости государственныхъ доходовъ присоединяются еще многіе факты; въ неурожайной части Россіи благосостояніе сельскаго населенія несомнѣнно пошатнулось, и бѣдствіе, испытываемое въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, достигло крайняго напряженія; но въ общемъ и цѣломъ этого сказать нельзя.

Нижегородская ярмарка, конечно, прошла хуже, чѣмъ въ прежніе годы, но разница не столь значительна, какъ того многіе ожидали: товаровъ привезено было на ярмарку въ 1891 г. на 168,211 м. р., а въ 1890 г. на 181,266 м. р.; продано товаровъ на ярмаркѣ 1891 г. на 156,949 м. р., а въ 1890 г. на 174,217 м. р.

Приливъ денегъ въ сберегательныя кассы увеличился въ значительной степени, какъ это видно изъ слѣдующихъ чиселъ: поступления въ сберегательныя кассы превышали востребованія изъ оныхъ:

(1) Эта сумма получается при перечисленіи золотыхъ рублей въ кредитную валюту по курсу 1 р. 60 к. кредитныхъ за 1 руб. золотомъ; если же принять для сего перечисленія курсъ росписи 1890 г. (т. е. 1 р. 70 к. кредитныхъ за 1 руб. золотомъ), то свободная наличность выражается суммою 234,132 млн. руб.

за 11 первыхъ мѣсяцевъ	1891 г. на 48,061 м. р.
» » » »	1890 » » 25,320 » »
» сентябрь, октябрь и ноябрь.	1891 » » 11,354 » »
» » » »	1890 » » 5,381 » »

Такому быстрому возрастанію вкладовъ въ сберегательныя кассы, безъ сомнѣнія, весьма сильно содѣйствовало умноженіе ихъ числа. Сберегательныхъ кассъ всего было:

къ 1-му января 1888 года	596
» » » 1889 »	632
» » » 1890 »	847
» » » 1891 »	1,830
» 1-му октября 1891 »	2,178

Вклады на храненіе въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ увеличились съ 1-го декабря 1890 г. по 1-е декабря 1891 г. на 39,4 мил. руб. и въ акціонерныхъ банкахъ съ 1-го января по 1-го октября 1891 г. на 8,4 мил. руб.; почтовый и телеграфный доходы по 1-го ноября дали въ 1891 г. противъ 1890 г. увеличеніе: первый на 0,633 м. р., а второй на 0,768 м. р. Сборы желѣзныхъ дорогъ дали за первое полугодіе весьма удовлетворительные результаты; частныя дороги принесли 94,346 м. р. валоваго сбора противъ 91,340 м. р. въ 1890 г. Казенныя дороги выручили 35,332 м. р. противъ 32,637 м. р. въ 1890 г.; Закаспійская дорога дала 1,667 м. р. вмѣсто 1,759 м. р. въ прошломъ году. За іюль, августъ и сентябрь послѣдовало также увеличеніе сборовъ противъ 1890 г.: по частнымъ дорогамъ съ 56,803 м. р. до 58,470,—по казеннымъ дорогамъ съ 18,252 мил. руб. до 20,132 м. р. и по Закаспійской дорогѣ съ 0,743 до 0,847 м. р.; наконецъ, и за октябрь доходы частной сѣти возрасли съ 19,237 м. р. до 19,903 м. р. и казенной сѣти съ 6,916 м. р. до 7,689 м. р. Конечно, увеличеніе доходовъ частныхъ и казенныхъ желѣзныхъ дорогъ во второй половинѣ года тѣсно связано съ перевозками хлѣба въ нуждающіяся мѣстности, но во всякомъ случаѣ представляется замѣчательнымъ наблюдаемое возрастаніе доходовъ, несмотря на крайне низкій тарифъ для перевозокъ. Оно какъ бы указываетъ на увеличеніе перевозокъ другихъ товаровъ и въ другихъ направленіяхъ, но окончательное о семъ сужденіе можно имѣть только черезъ нѣкоторое время, послѣ надлежащаго изученія всего статистическаго матеріала движенія по желѣзнымъ дорогамъ за послѣдніе мѣсяцы.

Торговый балансъ за текущій годъ представляется также благопріятнымъ, какъ-то видно изъ слѣдующей таблицы, въ которой всѣ числа выражены въ миліонахъ кредитныхъ рублей:

Періоды.	Отпускъ.		Привозъ.		Балансъ въ нашу пользу.	
	1891 г.	1890 г.	1891 г.	1890 г.	1891 г.	1890 г.
Съ 1-го января по 1-е августа . . .	397,2	372,9	232,8	229,6	164,7	143,3
Съ 1-го августа по 1-е сентября . . .	87,6	70,1	26,4	35,3	61,2	34,8
Съ 1-го сентября по 1-е октября . . .	64,6	72,0	25,8	31,9	38,8	40,1
Съ 1-го октября по 1-е ноября . . .	74,6	73,0	27,8	36,5	46,8	36,5
Съ 1-го ноября по 1-е декабря . . .	58,0	65,4	29,8	40,0	28,2	25,4
Съ 1-го января по 1-е декабря . . .	682,0	653,4	342,3	373,3	339,7	280,1
Съ 1-го сентября по 1-е декабря . . .	197,2	210,4	83,4	108,4	113,8	102,0

Сія таблица показываетъ, между прочимъ, что, несмотря на сократившійся вывозъ, торговый балансъ въ нашу пользу за послѣдніе три мѣсяца, отдѣльно взятые, составляетъ 113,8 м. р., вмѣсто 102,0 м. р. за соответствующій періодъ прошлаго года; даже ноябрь, въ теченіе цѣлой половины котораго мы вовсе не отправляли хлѣба за границу, даетъ въ нынѣшнемъ году балансъ почти на 3.000.000 выгоды для насъ, нежели въ прошломъ году. Конечно, въ этихъ результатахъ нѣкоторое участіе принадлежит лихорадочной дѣятельности по вывозу хлѣбовъ въ ожиданіи его запрещенія, но цифры ввоза показываютъ, что главное вліяніе въ этомъ направленіи имѣетъ уменьшеніе привоза, составившее за 11 мѣсяцевъ 31.000.000 рублей, изъ которыхъ 25.000.000 рублей падаютъ на послѣдніе три мѣсяца. Здѣсь не мѣсто и теперь еще не время входить въ детальное разсмотрѣніе измѣненій, происшедшихъ за послѣднее время въ нашей международной торговлѣ, и оцѣнивать ихъ послѣдствія; но во всякомъ случаѣ пока видѣнъ тотъ результатъ, что по международному обмѣну товаровъ мы даже за ноябрь сего года не задолжали, а напротивъ, балансъ за все время склоняется въ пользу Россіи, и притомъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ прошломъ году.

Все сія обстоятельство, вмѣстѣ взятая, привели департаментъ экономіи къ убѣжденію, что сокращеніе производительности существующаго обложенія, обнаруживающееся въ послѣдніе мѣсяцы 1891 года, и предвидимое на 1892 годъ, есть явленіе временное, долженствующее исчезнуть само собою при наступленіи болѣе благоприятныхъ условій; поэтому нынѣ признано было излишнимъ прибѣгать къ новымъ способамъ обложенія, тѣмъ болѣе, что,—въ чемъ бы сіи способы ни состояли,—новое обложеніе неминуемое должно замедлять естественное исправленіе послѣдствій испытанной въ текущемъ году Россією экономической невзгоды.

По симъ причинамъ слѣдовало искать, если не уничтоженія, то возможнаго сокращенія дефицита по бюджету 1892 г. не въ увеличеніи сборовъ съ населенія, а въ возможномъ уменьшеніи или, по крайней мѣрѣ, въ ограниченіи возрастанія расходовъ.

Самымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ послужили мѣры, которыя были приняты въ 1891 году къ сокращенію расходовъ по системѣ государственнаго кредита, и которыя представляли собою послѣдовательное развитіе

образа дѣйствій, усвоеннаго въ этомъ отношеніи правительствомъ въ послѣдніе годы.

Останавливаясь прежде всего на операціяхъ, произведенныхъ съ металлическими займами, министръ финансовъ дозволяетъ себѣ доложить Вашему Императорскому Величеству, что сіи операціи по существу состояли въ слѣдующемъ:

1) Преобразованы въ 4% долгъ на сумму 80,000,000 р. консолидированныя 4½% облигаціи 1875 г., капиталъ которыхъ, къ началу 1891 г., составлялъ 92.000,038 р. зол. и требовалъ ежегодной уплаты въ 4.390,541 р. зол. При этомъ преобразованіи доплачено нашимъ кредиторамъ наличными деньгами 15.794,782 р. зол.; по новому долгу Россія обязана уплачивать, начиная съ 1892 года, въ теченіе 79 лѣтъ по 3.336,934 р. зол. Если бы прежній долгъ, за вычетомъ изъ него произведенной уплаты наличными и погашенія, соответствующаго 1891 г., разсроченъ былъ на 79 лѣтъ, безъ измѣненія процентовъ, то русской казнѣ пришлось бы платить по разсроченному долгу ежегодно 3.527,416 р.; посему, если вовсе не считать выгодой разсрочку долга и очень значительное уменьшеніе ежегодныхъ уплатъ въ ближайшіе 64 года ⁽¹⁾, то и затѣмъ реальная выгода сдѣланнаго преобразованія приводится къ 190,482 р. ежегодно въ теченіе 79 лѣтъ. Черезъ капитализацію этой выгоды на 1-е января 1892 г. изъ 4½% получается общая сумма выгоды въ 4.102,180 р. зол., а при разсчетѣ изъ 4% она составляетъ 4.547,188 р. зол.

2) Оплачены сполна и списаны со счетовъ государственнаго долга:

а) Голандскій заемъ, составлявшій къ началу 1891 года 7.343,280 р. за часть Россіи и 3.255,000 р. зол. за часть Нидерландскаго королевства, уплату за которое, на основаніи конвенцій 1830 и 1850 гг., производила Россія; по сему долгу въ 1891 году надлежало уплатить на русскую часть 626,324 р. и на голандскую 292,591 р.;

б) первый 4½% заемъ 1850 г., капиталъ коего къ 1-му января 1891 года составлялъ 6.935,500 р.; по сему долгу въ 1891 г. надлежало уплатить 1.008,162 р.;

в) второй 4½% заемъ, капиталъ котораго къ началу 1891 года составлялъ 23.202,400 р.; по сему долгу въ 1891 году надлежало уплатить 1.664,573 р.

Вслѣдствіе совокупности всѣхъ этихъ операцій, расходы казны по платежамъ государственнаго долга сократились на общую сумму 4.645,257 р. зол., но выѣстъ съ тѣмъ досрочно уплачено изъ наличныхъ средствъ государственнаго казначейства 55.900,462 р. Дабы произвести уплату столь значительной суммы золотомъ, не вызывая колебанія нашего вексельнаго курса, необходимо было, конечно, заблаговременно озаботиться образованіемъ достаточнаго металлическаго запаса, принадлежащаго государственному казна-

⁽¹⁾ Съ обремененіемъ, конечно, слѣдующихъ затѣмъ 15 лѣтъ платежами по 3.336,934 р. въ годъ.

чайству. Въ сихъ видахъ было обращено особое вниманіе на возможное увеличеніе сего запаса, который, за отчисленіемъ всѣхъ безъ исключенія металлическихъ платежей за прошлое время, по счету государственнаго казначейства, составлялъ къ 1-му января 1891 года общую сумму въ 139,5 мил. руб. (1), изъ которой и была произведена сказанная досрочная уплата государственнаго долга, уменьшившая на соотвѣтствующую величину свободную наличность государственнаго казначейства. Сія наличность доведена была къ началу 1891 года до небывалой еще величины 220 мил. руб. (2), а потому если бы бѣдствіе 1891 года не приняло столь значительныхъ размѣровъ, то сказанное ея уменьшеніе ни въ чемъ не стѣснило бы операций казначейства, и въ остающейся наличности получились бы необходимыя средства для того, чтобы бюджетъ 1892 года былъ сведенъ, не прибѣгая къ займамъ.

Но крайне неудовлетворительная жатва нынѣшняго 1891 года въ восточныхъ и центральныхъ губерніяхъ Россіи поставила къ государственному казначейству небывалыя требованія, и Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть обратить имѣющуюся свободную наличность казначейства преимущественно на удовлетвореніе нуждъ населенія, вызванныхъ неурожаемъ; при такихъ условіяхъ, для предстоящихъ въ будущемъ году производительныхъ работъ, а равно для возврата государственному казначейству суммъ, израсходованныхъ изъ него на такія же работы въ текущемъ году и въ прежнее время, пришлось обратиться къ кредитной опе-

(1) Независимо отъ золотой наличности государственнаго банка, которая къ 1-му января 1891 года доведена была до 36,5 мил. руб. золотомъ въ кассахъ банка и до 108,0 мил. руб. золотомъ по счетамъ иностранныхъ банкировъ.

(2) Свободная наличность государственнаго казначейства опредѣляется по отчетамъ государственнаго контроля къ началу каждаго года; прежде она исчислялась такимъ образомъ: изъ дѣйствительной наличности, находящейся въ кассахъ на 1-е января, отсчитывалась сумма, необходимая для покрытія расходовъ, обязательныхъ для казначейства по росписямъ предшествующихъ лѣтъ, и къ остатку прибавлялись: а) доходы, поступившіе отъ 1-го января до 1-го мая наступившаго года по окладамъ предъидущаго года (такъ называемые доходы льготнаго срока), и б) всѣ суммы, которыя въ истекшемъ году выданы были авансомъ въ счетъ потребностей слѣдующаго года; въ 1889 году постановлено считать доходами каждаго года только суммы, дѣйствительно поступившія въ кассы по 31-е декабря того года, т. е. отмѣнено самое понятіе доходовъ льготнаго срока; съ 1890 года зачисляются дѣйствительнымъ расходомъ каждаго года суммы, въ томъ году выдаваемыя, хотя бы онѣ и служили для удовлетворенія потребностей слѣдующихъ лѣтъ. Если исправить на сихъ основаніяхъ выведенную по отчетамъ государственнаго контроля свободную наличность казначейства и привести ее въ кредитную валюту съ пересчисленіемъ золота по курсу росписи 1891 года, то она представится слѣдующими цифрами:

къ 1-му января	1857 г.	59,586 м. р.
»	» 1858 г.	102,131 »
»	» 1889 г.	136,000 »
»	» 1890 г.	201,501 »
»	» 1891 г.	219,722 »

раціи. Таковая и была произведена выпускомъ нынѣшнею осенью російскаго 3% золотого займа 1891 г.

Договоромъ о семъ займѣ министру финансовъ предоставлено право принять въ свое распоряженіе еще въ текущемъ году значительную часть выручки этого займа, но за неизбѣжимъ въ томъ надобности и дабы, по возможности, уменьшить расходы по уплатѣ процентовъ на сей заемъ за время его реализаціи, признано было болѣе согласнымъ съ интересами казначейства обратить въ его распоряженіе выручку новаго займа только въ 1892 году, въ которомъ будутъ также закончены и всѣ по этому займу расчеты. При такихъ обстоятельствахъ представляется преждевременнымъ теперь входить въ подробности сдѣланнаго выпуска, но министръ финансовъ считаетъ своею обязанностью нынѣ же упомянуть, что при неблагоприятныхъ условіяхъ, въ которыхъ пришлось заключать этотъ заемъ, реализація трехпроцентныхъ облигацій доставила выручку, немного лишь превосходящую 76 руб. за 100 рублей номинальнаго капитала. Вслѣдствіе сего на дѣйствительно полученныя по сему займу суммы русское казначейство уплачиваетъ почти ровно 4%; имѣя это въ виду и приводя заключеніе 3% займа въ связь съ уплатою 56 мил. рублей по прежнимъ займамъ, можно видѣть, что сумма въ 56 мил. рублей, выплаченная изъ государственнаго казначейства для погашенія займовъ, по которымъ уплачивалось 5% и 4¹/₂%, при помощи послѣдней операціи возвращена казначейству, которое будетъ на эту сумму уплачивать нѣсколько менѣе, нежели 4%.

Обращаясь засимъ къ операціямъ съ займами, заключенными въ кредитной валютѣ, министръ финансовъ приемиетъ долгъ доложить Вашему Императорскому Величеству, что въ этомъ отношеніи достигнуты также нѣкоторые достойные вниманія результаты, полученные посредствомъ преобразованія 5¹/₂ и 5 процентныхъ долговъ въ кредитной валютѣ въ 4% кредитные же займы. Высочайшимъ указомъ 10-го февраля сего года повелѣно было совершить это преобразование для 5¹/₂% ренты, причемъ 4% заемъ отдавался владѣльцамъ ренты по 93 за 100; Высочайшимъ указомъ 5-го марта сего года сказанное преобразование распространено на пятипроцентные банковые билеты перваго, третьяго, четвертаго и пятаго выпусковъ, за исключеніемъ лишь пересроченной въ 1888 г. части билетовъ перваго выпуска, и, наконецъ, Высочайшимъ указомъ 5-го апрѣля сего года преобразованъ былъ первый восточный заемъ. При конверсіяхъ пятипроцентныхъ внутреннихъ займовъ, владѣльцамъ ихъ новый четырехпроцентный заемъ былъ предложенъ по 95 за 100.

На сихъ основаніяхъ были конвертированы: 5¹/₂% ренты номинальнаго капитала въ 65.174,900 р. кредит., 5% банковые билеты на общую сумму 184.198,350 р. и 5% первый восточный заемъ 1877 года на сумму 180.401,550 р., всего 429.774,800 руб. Взамѣнъ этихъ займовъ выпущены четырехпроцентные, погашаемые въ 40 лѣтъ займы: второй въ 70.000,000 р., третій въ 194.000,000 руб. и четвертый въ 190.000,000 р., всего 454.000,000 р.

Владѣльцами конвертируемыхъ займовъ потребовано облигацій новыхъ четырехпроцентныхъ займовъ на сумму 347.075,000 рублей, т. е. болѣе $\frac{3}{4}$ всей суммы 4% займовъ; помѣщеніе остальныхъ 106.925,000 р., по цѣнамъ, не ниже вышеозначенныхъ, закончено государственнымъ банкомъ въ сентябрѣ 1891 г. Операциі эти, сопровождавшіяся увеличеніемъ суммы государственнаго долга на 24.225,200 р., дали сбереженіе по смѣтѣ 1892 г., сравнительно со смѣтою 1891 г., на 7.028,462 рубля (22.884,400 р. вмѣсто 29.912,862 р.); если же сравнивать платежи по новымъ 40-лѣтнимъ 4% займамъ съ суммами, которыя подлежали бы уплатѣ по конвертированнымъ займамъ въ случаѣ простой ихъ пересрочки на 40 лѣтъ, то размѣръ реального годоваго сбереженія опредѣляется въ 2.372,268 р., что, по капитализаціи изъ 4% годовыхъ соотвѣтствуетъ единовременному сбереженію въ 46.953,784 р.

Въ результатъ всѣхъ отдѣльныхъ операций по нашему государственному долгу общая цифра расхода по системѣ государственнаго кредита, со включеніемъ ежегоднаго платежа по новому трехпроцентному займу въ 125 мил. руб. зол., выразилась суммою въ 247.824,688 р., которая почти на девять миліоновъ рублей меньше, чѣмъ цифра, назначенная по бюджету 1891 г., и представляетъ собою уменьшеніе слишкомъ на 28 мил. противъ наибольшаго расхода по системѣ кредита, который достигъ въ 1887 году 276,014 мил. руб. (1).

Обращаясь къ другимъ отдѣламъ расходной смѣты, министръ финансовъ дозволяетъ себѣ представить Вашему Императорскому Величеству, что по министерству Императорскаго Двора смѣта на 1892 г. осталась безъ измѣненія; по высшимъ государственнымъ учрежденіямъ, святѣйшему синоду и министерству иностранныхъ дѣлъ назначенія росписи почти не перемѣнились, составляя въ общей совокупности 18,324 мил. руб. вмѣсто 18,388, назначенныхъ въ прошломъ году.

Смѣта военнаго министерства также почти не измѣнилась и составляетъ 228,907 мил. руб. вмѣсто 229,031 мил. руб., назначенныхъ на 1891 г., но необходимо имѣть въ виду, что сверхъ того особо назначено по росписи 12 мил. руб. на увеличеніе издержекъ по продовольствію войскъ, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на провантъ и фуражъ. На этотъ предметъ по росписи 1891 г. исчислено было только 2 мил. руб.

Смѣта морскаго министерства, которую по плану производимыхъ судостроительныхъ работъ предназначено было увеличить на пять миліоновъ руб., въ дѣйствительности увеличена противъ прошлагодняго назначенія на три миліона рублей (2.332 м.), слѣдовательно съ сокращеніемъ на два миліона противъ первоначальныхъ предположеній. Дальнѣйшее сокращеніе этой смѣты оказалось невозможнымъ, безъ значительныхъ убытковъ для казны, въ случаѣ остановкѣ начатыхъ уже работъ.

(1) Или 280,008 м. р., если считать рубль зол. по курсу росписи 1887 г., вмѣсто принятаго здѣсь курса росписей 1891 и 1892 гг.

По министерству финансов расходы назначены въ 119,000 м. р. вмѣсто 115,000, и слѣдовательно расходная смѣта возрасла почти на 4 миліона. Это увеличеніе расходовъ находится связи съ увеличеніемъ на 0,900 м. р. кредита для выдачи пенсій и съ включеніемъ въ смѣту 4,000 м. р. платежей по акціямъ и облигаціямъ перешедшихъ въ казну дорогъ курско-харьково-азовской и ливано-роменской. За отчисленіемъ сихъ двухъ перерасходовъ, по всѣмъ прочимъ главнымъ подраздѣленіямъ смѣты министерства финансовъ имѣется сокращеніе, составляющее 1,500 м. р.

По министерству государственныхъ имуществъ назначено 24,540 м. р. вмѣсто 25,910 м. р., назначенныхъ по смѣтѣ прошлаго года, съ уменьшеніемъ на 1,370 м. р.

По министерству внутреннихъ дѣлъ назначено 80,370 м. р. вмѣсто 80,307 мил. руб. прошлаго года, съ увеличеніемъ на 0,670 м. р., каковое получилось главнѣйше вслѣдствіе примѣненія закона о земскихъ начальникахъ къ новымъ четыремъ губерніямъ (1); это одно потребовало расхода въ 0,900 мил. руб. и, слѣдовательно, по совокупности прочихъ расходовъ, смѣта министерства внутреннихъ дѣлъ сокращена на 0,227 м. р.

По министерству народнаго просвѣщенія назначено 21,000 м. р. вмѣсто 22,000 м. р., исчисленныхъ на 1891 годъ, съ уменьшеніемъ на 1,000 м. р.

По министерству путей сообщенія назначено 63,000 м. р. вмѣсто 57,000 м. р., исчисленныхъ по росписи 1891 года, съ увеличеніемъ расходовъ на сумму 6,000 м. р.; но какъ эксплуатаціонные расходы дорогъ курско-харьково-азовской и ливано-роменской, впервые появляющіеся въ нынѣшней росписи, составляютъ 10,000 м. р., то въ дѣйствительности по министерству путей сообщенія на 1892 годъ назначено на 4,000 м. р. менѣе, чѣмъ въ 1891 году.

Смѣта министерства юстиціи исчислена въ 24,000 м. р. вмѣсто 24,000 м. р., назначенныхъ на 1891 годъ: причина сего увеличенія, подобно какъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, заключается въ распространеніи закона о земскихъ начальникахъ, что вынуждаетъ новый расходъ въ 0,000 м. р.; за отчисленіемъ его смѣта министерства юстиціи увеличена на 0,000 м. р.

По государственному контролю назначено 4,000 м. р. вмѣсто 4,000 м. р., съ сокращеніемъ на 0,000 м. р.

По государственному коннозаводству назначено 1,000 м. р. вмѣсто исчисленныхъ по росписи 1891 г. 1,000 м. р., съ увеличеніемъ на 0,000 м. р., — главнѣйше вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на фуражъ и нѣкоторыхъ необходимыхъ мелкихъ расходовъ.

Обращаясь къ бюджету чрезвычайныхъ расходовъ, министръ финансовъ дозволяетъ себѣ доложить, что расходы сіи на 1892 г. также сокращены въ мѣрѣ возможности, а именно, назначены въ суммѣ 53.635,000 р. вмѣсто 63.413,500 р., назначенныхъ на 1891 г.; изъ сихъ 53.635,000 р. назначено на перевооруженіе 20.140,000 и на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ

(1) До настоящаго времени законъ сей примѣненъ въ 25 губерніяхъ; въ 1892 г. онъ будетъ примѣненъ уже въ 32 губерніяхъ.

и портовъ 33.495,000 р.; чрезвычайныя поступления, независимыя отъ кредитныхъ операций, составляютъ 4.490,366 р. и затѣмъ недостатокъ по чрезвычайному бюджету выражается общою суммою 49.144,634 р. Вмѣстѣ же съ недостаткомъ по обыкновенному бюджету общій дефицитъ 1892 года приводится къ 74.268,375 р.

Покрыть сей дефицитъ предполагается изъ наличности казначейства, усиленной при помощи реализованныхъ облигацій трехпроцентнаго золотаго займа 1891 года.

Заемъ сей, согласно Высочайшему указу 17-го сентября 1891 г., заключенъ съ цѣлю покрытія «сдѣланныхъ и предстоящихъ расходовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и по исполненію другихъ общепользныхъ работъ, какъ непосредственнымъ распоряженіемъ правительства, такъ и чрезъ частныя желѣзнодорожныя общества». Въ нынѣшнемъ 1891 году такихъ работъ назначено по росписи на 42.913,500 р., по росписи 1892 года ихъ предусматривается на 33.495,000 р. и сверхъ того закончены съ частными желѣзнодорожными обществами счеты, по которымъ они оказываются должны казначейству по ссудамъ на производство работъ до 34.000,000 р. Три эти суммы, взятыя вмѣстѣ (110.408,500 р.), согласно назначенію 3% займа 1891 года, могли бы быть покрыты изъ его выручки, но на сію выручку, вмѣстѣ съ остатками наличности государственнаго казначейства, предполагено нынѣ отнести лишь часть этой суммы, въ размѣрѣ общаго дефицита 1892 года, составляющаго, какъ сказано выше, 74.268,375 р.

Послѣ сего обозрѣнія бюджета на 1891 годъ, пріемлю смѣлость повергнуть на воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества краткій обзоръ важнѣйшихъ мѣропріятій по министерству финансовъ въ 1891 году.

Въ семь году совершена довольно значительная операція конверсіи шестипроцентныхъ ссудъ и шестипроцентныхъ закладныхъ листовъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ въ пятипроцентныя на сумму 75.094,300 р. Еще въ началѣ истекшаго 1890 года цѣны закладныхъ листовъ указывали, что шестипроцентный интересъ по бумагамъ, обеспеченнымъ земельною собственностью въ Россіи, превышаетъ тотъ ростъ, который установился на капиталъ при современныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе сего министерство финансовъ, имѣя въ виду указанную ему Вашимъ Императорскимъ Величествомъ цѣль возможнаго облегченія и упроченія землевладѣнія, привело земельные банки къ соглашенію о прекращеніи дальнѣйшихъ выпусковъ шестипроцентныхъ закладныхъ листовъ, которыхъ засимъ къ началу 1891 г. оставалось въ обращеніи на сумму 263.301,300 р. Дальнѣйшее возвышеніе цѣнъ всѣхъ закладныхъ листовъ показало, что можно съ надеждою на успѣхъ сдѣлать попытку обращенія существующихъ уже шестипроцентныхъ ссудъ въ пятипроцентныя. При этомъ, однако, признано было необходимымъ дѣйствовать съ большою осторожностью, и посему предварительно приступа къ этой операціи составленъ былъ, подъ прямымъ руководствомъ министерства финансовъ, синдикатъ, обеспечивавшій помѣщеніе новыхъ пятипроцентныхъ листовъ, имѣвшихъ

быть выпущенными взаимнѣ шестипроцентныхъ, подлежащихъ изъятію изъ обращенія. Синдикатъ этотъ принялъ на себя сказанное обезпеченіе въ суммѣ 75 миліоновъ рублей на условіяхъ, которыя вполнѣ ограждали всѣ законные интересы, какъ землевладѣльцевъ, такъ и держателей закладныхъ листовъ, а равно и владѣльцевъ вторыхъ и третьихъ закладныхъ на имѣнія, заложенные въ земельныхъ банкахъ. Эти условія приводились къ тому, что, какъ сумма долга по каждому изъ заложенныхъ имѣній, такъ и срокъ окончательнаго погашенія сего долга остались безъ всякаго измѣненія, а всѣ расходы по конверсіи были покрыты тѣмъ, что землевладѣльцы, которыхъ долгъ превращался изъ шестипроцентнаго въ пятипроцентный, начиная съ 1-го іюля 1891 года, приняли на себя обязанность впредь по 1-е января 1893 года производить взносы по расчету шестипроцентнаго долга. Посредствомъ своевременнаго оповѣщенія, эта комбинація предложена была землевладѣльцамъ, которые заявили желаніе на такое преобразование ихъ долга въ суммѣ 151.694,800 руб. Но какъ синдикатъ, по вышесказанному, принималъ на себя помѣщеніе только 75 мил. руб. новыхъ пятипроцентныхъ закладныхъ листовъ, то на этотъ разъ оказалось возможнымъ удовлетворить желанію конверсіи приблизительно лишь на половину заявленной суммы; посредствомъ сей операціи ежегодные платежи процентовъ по заложеннымъ имѣніямъ уменьшились на 601,670 р. въ годъ, количество же шестипроцентныхъ закладныхъ листовъ сократилось, какъ сказано, на 75.094,300 р. Если къ сему присоединить срочное и досрочное погашеніе шестипроцентныхъ листовъ въ 1891 г., то общее ихъ уменьшеніе представится суммою около 113 мил. р. и засимъ къ 1-му января 1892 г. ихъ останется въ обращеніи не свыше 150 миліоновъ рублей.

Въ текущемъ году сдѣлано немаловажное усовершенствованіе въ планѣ росписи государственныхъ доходовъ. До настоящаго времени государственная роспись составлялась по плану, Высочайше утвержденному 22-го мая 1862 г. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе установленія новыхъ видовъ доходовъ и отиѣны нѣкоторыхъ изъ прежде взимавшихся сборовъ, нарушилось соотвѣтствіе дѣлений смѣтъ съ дѣленіями росписи, и измѣнилось распредѣленіе доходовъ въ самой росписи. Это побудило министерство финансовъ, по соглашенію съ государственнымъ контролемъ, составить проектъ новой классификаціи росписи доходовъ; проектъ сей былъ разсмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ и въ 14-й день іюня 1891 г. удостоился Высочайшаго утвержденія. Государственная роспись доходовъ на 1892 г. составлена въ первый разъ по этой новой классификаціи, сообразно съ которою отнынѣ будутъ публикуемы и ежемѣсячныя отчетныя свѣдѣнія о поступленіи государственныхъ доходовъ. Нынѣ министерство финансовъ и государственный контроль заняты пересмотромъ классификаціи расходовъ, въ которой также необходимо сдѣлать болѣе или менѣе значительныя улучшенія.

Съ цѣлю усиленія государственныхъ доходовъ, безъ обремененія населенія, выработанъ проектъ увеличенія пробирной пошлины съ золотыхъ и сереб-

ряныхъ издѣлій; проектъ сей, обещающій доставить государственному казначейству около 300—400 т. р. новаго дохода, уже рассмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ.

Въ истекающемъ году соединенными департаментами законовъ и государственной экономіи въ цѣломъ рядѣ засѣданій рассмотрѣнъ представленный министерствомъ финансовъ въ мартѣ сего года проектъ новаго таможеннаго тарифа. Новый тарифъ, одобренный общимъ собраніемъ государственнаго совѣта, удостоился въ 11-й день іюня Высочайшаго утвержденія и вступилъ въ дѣйствіе съ 1-го іюля. По краткости истекшаго времени и при настоящихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, невозможно представить какія либо фактическія данныя о результатахъ дѣйствія новаго тарифа. Но слѣдуетъ ожидать, что, по минованіи сихъ обстоятельствъ, новліи тарифъ окажетъ существенную помощь дѣлу развитія и укрѣпленія на прочныхъ началахъ русской промышленности, — согласно тѣмъ цѣлямъ, которыя, во исполненіе указаній Вашего Императорскаго Величества, положены были въ основаніе этого тарифа.

При значительномъ развитіи нѣкоторыхъ отраслей отечественной промышленности, въ особенности производствъ бумагопрядильнаго и бумаготкацкаго, представлялось особенно благовременнымъ, въ виду сокращенія сбыта на внутреннихъ рынкахъ, — озаботиться принятіемъ мѣръ, могущихъ содѣйствовать вывозу отечественныхъ произведеній за границу. Съ этою цѣлью министерствомъ финансовъ выработаны, рассмотрѣнныя уже нынѣ въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи, предположенія о поощреніи вывоза хлопчатобумажныхъ издѣлій возвратомъ пошлинъ, уплаченныхъ за употребленные при выдѣлкѣ сихъ издѣлій хлопокъ и красильные метеріалы.

11-го іюня сего года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о примѣненіи въ губерніяхъ Царства Польскаго постановленій закона 1886 года, касающихся найма рабочихъ на фабрики, заводы и мануфактуры, причемъ на болѣе промышленныя губерніи край, Варшавскую и Петроковскую, распространены и содержащаяся въ томъ законѣ особыя правила о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ и о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности. Мѣра эта, имѣя ближайшею цѣлью упорядочить сказанныя отношенія, въ видахъ предупрежденія недоразумѣній между администраціею фабрикъ и рабочими, будетъ содѣйствовать постановкѣ нашей промышленности на западной окраинѣ въ одинаковыя условія съ промышленностью центральнаго раіона.

Въ 1891 году, въ видахъ поощренія отечественнаго производства хлопца, выработаны правила о льготномъ, сравнительно съ другими культурными растеніями, обложеніи плантацій американскаго хлопца въ Туркестанскомъ краѣ государственнымъ поземельнымъ налогомъ; въ связи съ сею мѣрою въ правила о поземельно-податномъ устройствѣ Туркестанскаго края введены нѣко-

торыя усовершенствованія, въ смыслѣ болѣе соразмѣрности уплачиваемыхъ налоговъ со средствами отдѣльныхъ плательщиковъ.

Въ дополненіе къ состоявшемуся въ 1890 г. и вступившему въ дѣйствіе съ 1-го іюля сего года закону о мѣрахъ къ поощренію сельскохозяйственнаго винокуренія, въ 1891 году состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, устанавливающее облегчительныя правила для винокуренія на сельскохозяйственныхъ заводахъ, безъ нормы. Означенными льготами уже воспользовалось нынѣ нѣкоторое число заводовъ, въ виду необходимости употреблять для винокуренія не вполне доброкачественныя припасы.

Тарифныя учрежденія министерства финансовъ, независимо отъ разрѣшенія текущихъ вопросовъ, продолжали по принятому плану пересмотръ и исправленіе тарифовъ на разные грузы, установленныхъ желѣзными дорогами ранѣе изданія закона 8-го марта 1889 г., подчинившаго ихъ дѣятельность въ семь отношеній руководству и контролю правительства. Въ обзорѣваемомъ году пересмотрѣны и замѣнены новыми, исправленными, тарифы на перевозку по всей сѣти желѣзныхъ дорогъ керосина, нефти, крупнаго рогатаго скота, а равно большая часть тарифовъ на каменный уголь и сахаръ; заканчивается пересмотръ тарифовъ на желѣзо, чугуны, руду, соль, ленъ и пеньку. Рядомъ съ исправленіемъ тарифовъ на важнѣйшіе грузы для всей сѣти желѣзныхъ дорогъ продолжался пересмотръ тарифовъ отдѣльныхъ дорогъ и сообщеній. Эта работа исполнена въ семь году для пяти дорогъ и для весьма важныхъ сообщеній Московскаго и Привислянскаго районовъ съ Кавказомъ и юго-востокомъ Имперіи.

Въ текущемъ году министерствомъ финансовъ принято было самое дѣятельное участіе въ вопросѣ о расширеніи нашей желѣзнодорожной сѣти въ восточной части Россіи, съ цѣлью возможнаго содѣйствія экономическому развитію этой обширной и важной части Имперіи, при возможномъ вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіи рисковъ и потерь государственнаго казначейства. Съ этою цѣлью привлечены были къ участію въ семь дѣлъ общества желѣзныхъ дорогъ, имѣющія полную финансовую самостоятельность, какъ московско-рязанское и курско-кѣевское. Въ сѣть перваго изъ сихъ обществъ включено соединеніе Рязани съ Казанью, а въ сѣть втораго — линія, связывающая Курскъ съ Воронежомъ, и, сверхъ того, цѣлая система подъѣздныхъ путей къ курско-кѣевской желѣзной дорогѣ. Условія, на которыхъ состоялось это расширеніе предпріятій двухъ изъ наиболѣе цвѣтущихъ желѣзнодорожныхъ обществъ Россіи, вполне ограждаютъ интересы казны. Разрѣшенныя симъ двумя обществами къ постройкѣ линіи, имѣя важное экономическое значеніе, въ смыслѣ доходности, конечно, не могутъ сравниться съ протяженіями Москва-Рязань и Курскъ-Кіевъ, но онѣ доставятъ симъ послѣднимъ новыя не малозначительныя количества грузовъ, доходъ отъ которыхъ даже въ самомъ началѣ покроетъ въ значительной долѣ расходы по капиталу сооруженія новыхъ линій. Впослѣдствіи же сіи новыя линіи, какъ надо надѣяться, сдѣлаются прибыльными сами по себѣ. Если бы пришлось строить означенныя линіи сред-

ствами казны, то впредь до наступленія сего момента онѣ легли бы бременемъ на государственное казначейство, а усиленнымъ доходомъ отъ грузовъ, ими доставляемыхъ, воспользовались бы общества дорогъ, коихъ продолженія онѣ составляютъ. При такихъ условіяхъ и въ виду значительныхъ рисковъ, сопряженныхъ съ выкупомъ дорогъ, приносящихъ очень высокій процентъ дохода, предпочтеніе было отдано постройкѣ линій, идущихъ на Востокъ отъ Рязани и Курска, чрезъ общества московско-рязанской и курско-кѣвской дорогъ. Кажется, можно безошибочно разсчитывать, что, подобно какъ и за предъидущее время, общества сіи не потребуютъ отъ государства никакихъ приплатъ ни по эксплуатаціи, ни по платежамъ процентовъ и погашенія на строительный капиталъ и даже не потерпятъ, вслѣдствіе эксплуатаціи новыхъ путей, существеннаго ущерба своей доходности.

Въ семь же году начата владикавказскою дорогою постройка вѣтвей отъ сей дороги къ Петровскому порту, на Каспійскомъ морѣ, и къ группѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Последняя изъ двухъ названныхъ вѣтвей, длиною около 60 верстъ, много облегчитъ пользованіе богатыми цѣлебными источниками Пятигорска, Желѣзноводска, Ессентуковъ и Кисловодска; Петровская же вѣтвь, длиною около 250 верстъ, соединитъ непрерывнымъ паровымъ сообщеніемъ Самаркандъ съ рельсовыми путями Европейской Россіи и, тѣмъ же связавъ съ нею наши Среднеазиатскія владѣнія, оживитъ торговые сношенія наши съ Среднею Азією; въ то же время присоединеніе этой линіи къ сѣти общества владикавказской желѣзной дороги окончательно укрѣпитъ его финансовое положеніе, которое значительно и прочно улучшилось въ послѣдніе годы, но, конечно, не достигло еще той степени, на которой находятся два вышеупомянутыя общества—курско-кѣвское и московско-рязанское.

Имѣются въ виду еще и другія предположенія относительно развитія нашей желѣзнодорожной сѣти въ восточной части Россіи, которыя министерство финансовъ старается осуществить, также снимая, по возможности, всѣ риски съ государственнаго казначейства, но какъ не всѣ еще вопросы окончательно выяснены относительно сего послѣдняго расширенія сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, то представляется преждевременнымъ вдаваться по поводу сихъ предположеній въ какія либо подробности.

Одно изъ важнѣйшихъ заботъ, которыя легли на министерство финансовъ въ текущемъ году, было содѣйствіе министерству внутреннихъ дѣлъ въ выпавшей на его долю трудной продовольственной задачѣ, вызванной недородомъ хлѣбовъ въ поволжскихъ и центральныхъ губерніяхъ Россіи. Недоролъ сей обнаружился уже въ маѣ мѣсяцѣ, а свѣдѣнія, доставленныя податными инспекторами въ половинѣ іюня относительно урожая, дозволили довольно точно опредѣлить и размѣръ недорода ржи, который тогда же былъ исчисленъ въ 270 мил. пудовъ. Столь значительное уменьшеніе жатвы, соединенное съ постепеннымъ истощеніемъ запасовъ и усиленнымъ отпускомъ хлѣба за границу, внушало серьезныя опасенія за достаточность ржи для обѣщевенія озимыхъ полей и для продовольствія населенія Имперіи до урожая будущаго

1892 года, что и побудило министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ испросить Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе на обсужденіе, въ особомъ, подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря Сольскаго, совѣщанія соображеній о мѣрахъ, которыя предлежало бы принять по вывозу хлѣба за границу. Заключеніе сего совѣщанія удостоилось Высочайшаго утвержденія 28-го іюля, и Высочайшимъ указомъ, того же числа правительствующему сенату даннымъ, воспрещенъ отпущекъ за границу изъ портовъ Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по западной сухопутной границѣ ржи въ зернѣ, ржаной муки и отрубей всякаго рода, каковое воспрещеніе 1-го сентября распространено и на порты Архангельской губерніи.

Въ соотвѣтствіе съ послѣдовавшимъ запрещеніемъ вывоза ржи, министромъ финансовъ 29-го августа сего года испрошено было Высочайшее соизволеніе на временное прекращеніе безакызнаго отчисленія на вывозимый за границу спиртъ.

Составленныя въ сентябрѣ министерствомъ государственныхъ имуществъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, исчисленія ожидаемаго урожая всѣхъ хлѣбовъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи, сравненныя съ данными, имѣвшимися по этому предмету въ министерствахъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, не только вполне подтвердили заключенія относительно урожая ржи, полученныя по даннымъ, сообщеннымъ податными инспекторами, но и породили сомнѣнія относительно достаточности запасовъ остальныхъ хлѣбовъ въ предѣлахъ Имперіи. При такомъ положеніи дѣла Ваше Императорское Величество 19-го сентября соизволило повелѣть обсудить возникающіе вопросы о вывозѣ всѣхъ вообще хлѣбовъ въ особомъ, подъ предѣлательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Абазы, совѣщанія, и Высочайшими указами 28-го октября и 3-го ноября повелѣно было: *первымъ*—воспрещеніе отпуща ржи, ржаной муки и отрубей распространить на всѣ прочіе, кромѣ пшеницы, зерновые хлѣба и картофель, а равно на приготовляемые изъ запрещенныхъ къ вывозу зерновыхъ хлѣбовъ и картофеля муку, солодъ и крупу, тѣсто и печеный хлѣбъ, и *вторымъ*—воспретить вывозъ за границу пшеницы и приготовляемыхъ изъ нея пищевыхъ продуктовъ.

Въ видахъ предупрежденія провоза черезъ Финляндію хлѣбовъ, постепенно запрещаемыхъ къ вывозу изъ Имперіи и съ цѣлю сохраненія свободнаго ихъ движенія въ Великое Княжество, Ваше Императорское Величество, Особыми Высочайшими объявленіями, соизволило постепенно распространить воспрещеніе вывоза хлѣбовъ и на Финляндскіе порты.

Еще ранѣе запрещенія вывоза, по министерству финансовъ, во исполненіе Высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества указаній, приняты были мѣры къ облегченію передвиженія хлѣбныхъ грузовъ въ нуждающіяся мѣстности. Рядъ этихъ мѣръ начался съ утвержденныхъ министромъ финансовъ 24-го іюня правилъ о перевозкѣ по пониженнымъ тарифамъ хлѣба, заготовляемаго земствами для пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей. Одновременно съ этимъ, въ видахъ отвлеченія внутрь края хлѣба, предназначеннаго

къ вывозу за границу, были понижены тарифы на перевозку хлѣба отъ портовъ и пунктовъ сухопутной границы. За этимъ послѣдовало установленіе постепенно дѣлой системы весьма низкихъ тарифовъ на перевозку въ пострадавшія мѣстности отрубей, картофеля, сѣна и другихъ кормовъ, на перевозку скота, отправляемого для прокормленія въ благополучныя мѣстности, на проѣздъ рабочихъ, отправляющихся на заработки, и проч. По мѣрѣ же воспрещенія вывоза за границу хлѣбовъ предоставленные первоначально только земствамъ пониженные тарифы были распространены на всѣ вообще отправки хлѣба въ нуждающіеся районы.

За сѣмъ, когда на нѣкоторыхъ дорогахъ оказались затрудненія въ перевозкѣ всего хлѣба, предьявляемаго имъ къ отправкѣ, то немедленно опредѣленная тарифами провозная плата, несмотря на ея низкій размѣръ даже для перевозки по кратчайшему направленію, была перенесена, безъ увеличенія, на болѣе длинныя обходныя направленія. Размѣръ пониженій, предоставленный всѣми этими тарифами, настолько значителенъ, что въ настоящее время плата за перевозку хлѣба, подвозимаго въ пострадавшія мѣстности, какъ земствами, такъ и частными отправителями, въ большинствѣ случаевъ, и особенно въ обходныхъ направленіяхъ, едва покрываетъ собственные расходы желѣзныхъ дорогъ по передвиженію этихъ грузовъ. Такія пониженія потребовали отъ желѣзныхъ дорогъ и заинтересованной въ ихъ доходности казны весьма значительныхъ жертвъ. Но въ виду чрезвычайной важности, при настоящихъ обстоятельствахъ, облегченія и удешевленія передвиженія хлѣба, министерство финансовъ не признало возможнымъ остановиться передъ размѣрами сихъ необходимыхъ жертвъ. Частныя желѣзныя дороги съ своей стороны съ готовностью принимали требовавшіяся отъ нихъ пониженія тарифовъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя сомнѣваться, что столь рѣшительныя и своевременныя тарифныя мѣры могли быть приняты только при дѣятельномъ руководствѣ правительства, предоставленномъ ему закономъ 8-го марта 1889 г.

Независимо отъ описанныхъ мѣропріятій, Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть назначить весьма значительныя суммы изъ государственнаго казначейства въ подкрѣпленіе общаго по имперіи продовольственнаго капитала. Капиталъ сей, составлявшій къ 1-му января 1891 года 7.531,500 р., былъ въ самомъ началѣ дѣла совершенно истощенъ, и за сѣмъ средства его были послѣдовательно пополняемы изъ государственнаго казначейства, изъ котораго въ помощь пострадавшему населенію асигновано по настоящее время около 70 мил. руб. Обмѣненіе полей представляло особенную важность и такъ какъ малѣйшая задержка въ удовлетвореніи этой потребности могла имѣть самыя пагубныя послѣдствія, то министръ финансовъ строжайшимъ образомъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы требуемыя министромъ внутреннихъ дѣлъ на этотъ предметъ суммы были асигнуемы указаннымъ имъ земскимъ управамъ безъ всякаго промедленія. Снабженное, такимъ образомъ, во-время денежными средствами, министерство внутреннихъ

дѣлъ, посредствомъ самыхъ энергическихъ дѣйствій по своевременному заготовленію и раздачѣ сѣмянъ, успѣло достигнуть того, что озимыя поля были вездѣ засѣяны во-время и населеніе воспользовалось для посѣва благоприятными условіями.

Неурожай нынѣшняго года потребовалъ со стороны министерства финансовъ многихъ другихъ мѣропріятій, между которыми считаю возможнымъ указать лишь на слѣдующія:

Усиленные обороты по закупкамъ хлѣба для неурожайныхъ губерній, вмѣстѣ съ значительнымъ отпускомъ его за границу, предшествовавшимъ запрещенію вывоза, требовали такого количества денежныхъ знаковъ, что наличность кредитныхъ билетовъ оказывалась недостаточною. Касса государственнаго банка, его конторъ и отдѣленій, заключавшая въ себѣ въ началѣ года 139 мил. р., и 1-го іюля представлявшая еще наличность 105 мил. руб., понизилась къ 15-му августа до 30 мил. р. При такомъ положеніи сей кассы и руководствуясь Высочайшимъ указомъ 28-го іюля 1891 года, министръ финансовъ разрѣшилъ государственному банку произвести временной выпускъ кредитныхъ билетовъ въ 25 мил. р. съ обезпеченіемъ сихъ билетовъ золотомъ рубль за рубль; несмотря на сей выпускъ, касса государственнаго банка продолжала еще сильнѣе уменьшаться, такъ что 20-го августа положены были еще 25 мил. р. золотомъ въ обезпеченіе втораго выпуска въ 25 мил. кред. рублей, и, наконецъ, 6-го сентября на тѣхъ же основаніяхъ сдѣланъ третій выпускъ въ 25 мил. кред. рублей, послѣ чего колебанія кассы стали менѣе сильны, но и въ настоящее время касса сія (къ 16-му декабря) заключаетъ въ себѣ лишь 64³/₄ мил. кредитныхъ рублей.

Для предоставленія возможности городскимъ общественнымъ управленіямъ заготовлять своевременно запасы хлѣба на удовлетвореніе потребностей бѣднѣйшихъ обывателей, министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, разрѣшено было 27 городскимъ думаемъ воспользоваться ссудами изъ мѣстныхъ общественныхъ банковъ, на сумму всего 1.105,000 рублей.

До 20-го декабря 1891 г. разрѣшено было, на основаніи Высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества повелѣній, выдать изъ 6-ти-миліоннаго фонда въ ссуду по случаю неурожая: 558,000 р. земствамъ на удовлетвореніе текущихъ обязательныхъ и необязательныхъ расходовъ и 1.427,820 руб. переселенцамъ, киргизамъ и другимъ сельскимъ обывателямъ, кои не могли воспользоваться ссудами изъ продовольственнаго капитала, какъ неучаствующіе въ его составленіи.

Предъидущее содержитъ въ себѣ краткое и далеко неполное исчисленіе тѣхъ мѣръ, которыя по волѣ и прямымъ указаніямъ Вашего Императорскаго Величества приняты были для смягченія бѣдствія, постигнувшаго неурожайныя мѣстности. Но сімъ не ограничились попеченія Ваши, Государь, объ участи пострадавшаго населенія. Вамъ угодно было возложить на Первороднаго

Сыла Вашего, столь чудесно, на благо Россіи, спасеннаго весною настоящаго года, непосредственное руководство въ собраніи, направленіи и распределеніи средствъ частной благотворительности въ той средѣ, куда не можетъ въ достаточной степени проникнуть помощь, доставляемая государствомъ.

Съ безпредѣльною признательностью взираеть отечество на сіи Царственныя заботы Вашего Императорскаго Величества и возноситъ теплыя молитвы, да сохранитъ Богъ Васъ и Семью Вашу и да благословитъ Онъ труды Ваши къ возстановленію благосостоянія народнаго подъ кровомъ мира, составляющаго предметъ непрестанныхъ попеченій Вашего Императорскаго Величества ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Сводъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1892 годъ будетъ помѣщенъ въ № 3 «Военнаго Сборника».

ОПИСАНИЕ ФОРМЫ ОДЕЖДЫ ЧИНОВЪ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ.

Приказъ по военному вѣдомству 18-го декабря 1891 г., № 356.

Государь Императоръ, въ 10-й день сего декабря мѣсяца, Высочайше повелѣть соизволилъ: чинамъ Императорской военно-медицинской академіи имѣть форму обмундированія и снаряженія согласно прилагаемымъ при семъ описанію и рисункамъ (приложенія 1—6) (1).

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи объявляю по военному вѣдомству для надлежащаго руководства и исполненія.

Подписалъ: Военный Министръ,
Генераль-Адъютантъ *Ванновскій*.

Описание формы обмундированія и снаряженія для чиновъ Императорской военно-медицинской академіи.

I. Академики, начальникъ академіи, военно-медицинскіе и гражданскіе чины учебной части.

Для военно-медицинскихъ чиновъ.

Барашковая шапка у состоящихъ въ чинахъ II—V классовъ.—По образцу, установленному для военныхъ врачей (цирк. главнаго штаба 1885 г. № 143), съ чернымъ суконнымъ донышкомъ. У состоящихъ въ чинахъ II—IV классовъ на донышкѣ нашивается, на крестъ, серебряный общегенеральскій галузъ.

Фуражка (съ козырькомъ).—Темнозеленая, съ чернымъ бархатнымъ околышемъ и алыми суконными выпушками: по верхнему кругу фуражки и по краямъ околыша. Козырекъ черный, кожаный, лакированный. Бокарда, круглая, гражданская, пригоняется: а) на околышъ—у военныхъ врачей, и б) на тульѣ—у остальныхъ военно-медицинскихъ чиновъ.

Мундиръ.—Темнозеленый, однобортный, застегивающійся на 8 пуговиць. Воротникъ (скошенный) и обшлага (прямые, безъ клапановъ)—черные бархат-

(1) Рисунки разосланы по военному вѣдомству.

ные. Выпушка алая: по верхнему краю воротника, по верхнему краю обшлаговъ (съ загибомъ по заднему продольному ихъ шву), по борту мундира и по краю карманныхъ клапановъ. На воротникѣ, обшлагахъ и, для состоящихъ въ чинахъ II—IV классовъ, на карманныхъ клапанахъ—серебряное шитье, съ различіемъ по званіямъ и должностямъ, а именно:

1) На мундиръ *академика* вышивается: а) на воротникѣ, вокругъ, отступя на $\frac{1}{24}$ верш. отъ выпушки, серебряный бортъ, шириною $\frac{1}{8}$ верш., а подъ нимъ, вплоть къ нему, серебряный (канительный) витой кантъ, шириною $\frac{1}{24}$ верш., подъ которымъ дѣлается узорчатое шитье, шириною $\frac{1}{4}$ вер.; подъ этимъ шитьемъ, съ каждой стороны воротника, вышивается по одной петлицѣ, длиною около $3\frac{1}{2}$ верш. и шириною $\frac{3}{16}$ верш., изъ трехъ рядовъ серебряныхъ блестокъ съ вышитыми: окраинами, лавровыми листьями и украшеніями; въ промежуткѣ, между задними концами петлицъ вышивается лавровый листъ, обращенный къ верху; б) на обшлагахъ, вокругъ, и по заднему продольному шву, отступя на $\frac{1}{24}$ вер. отъ выпушки, вышивается бортъ, съ витымъ канительнымъ кантомъ и узорчатымъ шитьемъ, какъ на воротникѣ; подъ этимъ шитьемъ, на лицевой сторонѣ обшлага, вышиваются двѣ петлицы, длиною (вышиною) $\frac{7}{8}$ верш. и шириною $\frac{3}{8}$ вершка, состоящія изъ пяти рядовъ серебряныхъ блестокъ съ вышитыми окраинами и украшеніями; въ промежуткѣ, между петлицами, дѣлается лавровый листъ, обращенный къ низу; разстояніе между серединами петлицъ полагается $1\frac{3}{8}$ вер.; на верхнихъ концахъ петлицъ пригоняются мундирныя пуговицы, и в) на карманныхъ клапанахъ, отступя на $\frac{1}{24}$ верш. отъ выпушки, бортъ съ витымъ кантомъ и узорчатымъ шитьемъ, какъ на воротникѣ, и, кромѣ того, части украшеній петличнаго шитья воротника.

2) На мундиръ *начальника академіи* (если онъ не академикъ) и *ординарнаго профессора*—на воротникѣ, обшлагахъ и, кому полагается, на карманныхъ клапанахъ,—шитье такое же, какъ у Академика, но со слѣдующими отличіями: а) на воротникѣ петлицы дѣлаются длиною около $3\frac{1}{4}$ вер., оставляя свободный промежутокъ около $\frac{7}{8}$ верш. безъ всякой вышивки между задними концами петлицъ; б) на обшлагахъ лавроваго листа между петлицами не полагается, и в) на карманныхъ клапанахъ части украшеній петличнаго шитья воротника не вышиваются.

Примѣчаніе. Начальникъ академіи, состоящій академикомъ, имѣетъ шитье на мундирѣ, для Академика установленное.

3) На мундиръ *экстраординарнаго профессора*—шитье такое же, какъ у Академика, но: а) безъ узорчатаго шитья подъ витымъ кантомъ вокругъ воротника и обшлаговъ; б) безъ лавроваго листа въ промежуткѣ между задними концами петлицъ на воротникѣ, причемъ этотъ промежутокъ долженъ быть въ 1 вершокъ; в) безъ лавроваго листа между петлицами на обшлагѣ, и г) на карманныхъ клапанахъ, у состоящихъ въ чинѣ III—IV классовъ, вышивается только бортъ съ витымъ подъ нимъ кантомъ, безъ остальнаго шитья.

4) На мундиръ *приватъ-доцента, библиотекаря, прозектора и лаборанта*

ранта—шитье какъ у экстраординарнаго профессора со слѣдующими отличіями: а) петлица на воротникѣ имѣеть длину $1\frac{3}{4}$ верш., и б) на обшлагахъ петлицы дѣлаются безъ вышивки боковыхъ узорчатыхъ украшеній.

Примѣчаніе. Приватъ-доценты изъ бывшихъ профессоровъ—имѣють шитье на воротникѣ и обшлагахъ (а равно на карманныхъ клапанахъ при нахожденіи въ чинахъ III—IV классовъ) какъ на мундирѣ ординарнаго или экстраординарнаго профессора, соотвѣтственно бывшей должности.

5) На мундирѣ *асистента* и *помощника бібліотекаря* вышивается: а) на воротникѣ—бортъ, шириною $\frac{1}{8}$ вершка, съ витымъ подъ нимъ кантомъ, и по одной петлицѣ съ каждой стороны воротника; петлицы, длиною 3 вершка и шириною $\frac{1}{2}$ верш., изъ шести рядовъ блестовъ, раздѣленныхъ по срединѣ витымъ канительнымъ кантомъ въ два ряда; окраины петлицъ вышитыя, и б) на обшлагахъ—бортъ съ витымъ кантомъ и петлицы какъ на обшлагахъ у приватъ доцента, бібліотекаря и проч.

и б) На мундирѣ *препаратора* и *консерватора* шитье на воротникѣ и обшлагахъ состоитъ лишь изъ борта, шириною $\frac{1}{8}$ верш., съ витымъ подъ нимъ кантомъ.

Подбой воротника алыі, суконный, а подкладка подъ юбкою мундира изъ черной шерстяной матеріи (кашемира). Пуговицы бѣлыя, посеребренныя, съ орломъ. Контръ-погончики для пристегиванія эполетъ, кому таковыя полагаются,—изъ узкаго серебрянаго галуна.

Эполеты (для врачей).—существующаго нынѣ образца, съ чернымъ суконнымъ полемъ и алымъ суконнымъ подбоемъ (цирк. главнаго штаба 1885 г. № 143).

Примѣчаніе. Имѣющимъ степени ветеринарной медицины и фармаціи и другимъ военно-медицинскимъ чинамъ, неимѣющимъ степеней: лекаря или доктора медицины, эполеты и контръ-погончики для пристегиванія ихъ не полагаются.

Погоны.—Существующаго образца изъ темнозеленаго сукна, съ алою выпушкою и съ нашивкою серебрянаго галуна, по чинамъ. Звѣздочки для означенія чиновъ серебряныя, вышитыя. Ширина погона (съ выпушкою) $1\frac{1}{16}$ вер., а ширина серебрянаго галуна $\frac{5}{8}$ верш. Подбой погоновъ—алыі.

Сюртукъ—темнозеленый, двубортный, закрытый, офицерскаго образца, воротникъ черный, бархатный; выпушка алая: по верхнему краю воротника и обшлаговъ и по краю карманныхъ клапановъ; погоны, пуговицы и подкладка подъ юбкою, какъ на мундирѣ.

Шаровары—темнозеленыя, съ алою выпушкою, длинныя, для носки поверхъ сапоговъ (короткихъ).

Сапоги—короткіе, безъ шпоръ.

Китель—плащъ (пальто)—шинель—башлыкъ—по образцамъ, установленнымъ для офицеровъ пѣхотныхъ войскъ. Клапаны на воротникахъ плаща (пальто) и шинели—черныя, бархатныя, съ алою выпушкою. Погоны на плащѣ (пальто) и кителѣ, а равно пуговицы, гдѣ таковыя полагаются, какъ на мундирѣ.

Шашка — плечевая португеза къ шашкѣ — темлякъ къ шашкѣ — существующихъ офицерскихъ образцовъ, причемъ плечевая португеза — серебряная, галунная.

Примѣчаніе. Предметы эти полагаются только военнымъ врачамъ и военнымъ ветеринарамъ.

Шпага — пѣхотнаго образца съ серебрянымъ темлякомъ, какъ это установлено для гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства (приказъ по воен. вѣд. 1885 г. № 85).

Примѣчаніе. Врачамъ и ветеринарамъ, коимъ присвоена шашка, дозволяется носить шпагу лишь при сюртукѣ и кителѣ.

Для гражданскихъ чиновъ (не военно-медицинскихъ).

Барашковая шапка у состоящихъ въ чинахъ II—IV классовъ. — По образцу, установленному для гражданскихъ чиновъ военнаго вѣдомства (приказъ по военному вѣдомству 1885 г. № 85), съ чернымъ барашковымъ донышкомъ. На донышкѣ нашивки, на крестѣ, галуна у чиновъ II—IV классовъ не полагается.

Фуражка (съ козырькомъ). — Темнозеленая, съ чернымъ бархатнымъ околышемъ и алыми суконными выпушками: по верхнему кругу фуражки и по краямъ околыша. Козырекъ черный, кожаный, лакированный. Кокарда, круглая, гражданская, пригоняется на тульѣ.

Мундиръ. — Такого же образца, какъ у военно-медицинскихъ чиновъ, но съ вышивкою на воротникѣ, по чинамъ, золотыхъ звѣздочекъ, кому таковыя полагаются, какъ у гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства (приказъ по воен. вѣдом. 1885 г. № 85).

Эполеты — не полагаются.

Погоны — не полагаются.

Сюртукъ — такого же образца, какъ для военно-медицинскихъ чиновъ, но безъ погонъ и съ нашивкою, для различія чиновъ, на воротникѣ сюртука галунныхъ клапановъ съ вышитыми позолоченными звѣздочками, какъ для гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства (приказъ по воен. вѣд. 1885 г. № 85).

Шаровары — темнозеленые, съ алою выпушкою, длинныя, для носки поверхъ сапоговъ (короткихъ).

Сапоги — короткіе, безъ шпоръ.

Китель — плащъ (пальто) — шинель — башлыкъ — по образцамъ, установленнымъ для гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства (приказъ по воен. вѣд. 1885 г. № 85). Клапаны на воротникахъ снятаго плаща (пальто) и черной шинели — черные, бархатные, съ алою выпушкою. Галунные клапаны на воротникахъ плаща (пальто), шинели и кителя, а равно пуговицы, гдѣ таковыя полагаются, какъ на сюртукѣ.

Шашка — не полагается.

Шпага—пѣхотнаго образца съ серебрянымъ темлякомъ, какъ это установлено для гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства (приказъ по воен. вѣд. 1885 г. № 85).

II. Военно-медицинскіе и гражданскіе чины административной части.

Для военно-медицинскихъ чиновъ.

Всѣ предметы обмундированія—по формѣ, установленной для военно-медицинскихъ чиновъ (цирк. главнаго штаба 1885 г. № 143).

Для гражданскихъ чиновъ (не военно-медицинскихъ).

Всѣ предметы обмундированія—по формѣ, установленной для гражданскихъ чиновниковъ главныхъ управленій военнаго министерства (приказъ по воен. вѣд. 1885 г. № 85).

Примѣчанія. 1) Штабъ и оберъ-офицерамъ, завѣдывающимъ обучающимися въ академіи, обмундированіе полагается по формѣ штабъ и оберъ-офицеровъ главныхъ управленій военнаго министерства. 2) Нижнимъ чинамъ обмундированіе полагается: а) писарямъ—по формѣ, установленной для писарей главныхъ управленій военнаго министерства, съ шифровкой на погонахъ, желтою масляною краскою, по трафарету, литеръ «В.-М. А.», и б) фельдшеру—по формѣ, установленной для медицинскихъ фельдшеровъ управленій и военныхъ заведеній (приказъ по воен. вѣд. 1881 г. № 313), съ шифровкой на погонахъ, какъ у писарей, и 3) военно-медицинскимъ и гражданскимъ чинамъ дозволяется носить, внѣ службы, партикулярное платье, но безъ принадлежностей форменной одежды (фуражки, шинели и проч.).

ИЗБРАННЫЯ РѢШЕНІЯ

ГЛАВНАГО ВОЕННАГО СУДА ЗА 1891 Г.

10-го октября, № 110-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: внесенное, на основаніи 4-й ст. военно-судебнаго устава, исправляющимъ должность главнаго военнаго прокурора прошеніе арестанта орловскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія бывшаго рядоваго Галея *Хисматъ-Улина* о зачисленіи ему въ срокъ содержанія въ упомянутомъ отдѣленіи времени, проведеннаго въ больницѣ на испытаніи и на излеченіи. Изъ дѣла видно, что бывшій рядовой 65-го пѣхотнаго Московскаго полка *Хисматъ-Улинь*, за кражу во время пожара, по приговору варшавскаго военно-окружнаго суда, состоявшемуся 29-го февраля 1888 года, присужденъ къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе на три года. Во время содержанія въ орловскомъ исправительномъ отдѣленіи *Хисматъ-Улинь* нанесъ ножомъ рану въ шею надзирателю отдѣленія, почему былъ привлеченъ къ слѣдствію по обвиненію въ покушеніи на убійство и, по распоряженію судебного слѣдователя, переданъ 12-го января 1889 года въ орловскую гражданскую тюрьму, а затѣмъ, въ виду обнаружившихся у него признаковъ психическаго разстройства, помѣщенъ 2-го марта 1889 года, по распоряженію орловскаго окружнаго суда, на испытаніе въ больницу орловскихъ богоугодныхъ заведеній, а затѣмъ, опредѣленіемъ того же суда, состоявшимся 8-го іюня 1889 года, *Хисматъ-Улинь* признанъ совершившимъ покушеніе на убійство въ состояніи умоизступленія, вслѣдствіе болѣзни и находящимся при освидѣтельствованіи въ такомъ же доводящемъ до умоизступленія болѣзненнымъ состояніи, почему предварительное слѣдствіе о немъ прекращено. На запросъ орловскаго губернскаго правленія: слѣдуетъ-ли, въ виду опредѣленія орловскаго окружнаго суда, продолжать исполненіе приговора суда надъ *Улиньмъ*, варшавскій военно-окружный судъ, въ распорядительномъ засѣданіи 21-го іюля 1889 г., опредѣлялъ: разъяснить, что личное наказаніе надъ *Улиньмъ*, согласно 1 п. 1112 ст. воен.-суд. уст., должно быть приостановлено до его выздоровленія. Послѣ новаго освидѣтельствованія *Хисматъ-Улина* орловскимъ окружнымъ судомъ 15-го сентября 1890 года, названный арестантъ былъ признанъ здоровымъ, почему вновь былъ препровожденъ въ орловское исправительное арестантское отдѣленіе для отбытія по приговору суда наказанія. Засимъ орловское губернское правленіе просило военнаго прокурора варшавскаго военно-окружнаго суда сообщить, слѣдуетъ-ли время нахождения *Улина* въ больницѣ на испытаніи зачесть въ срокъ опредѣленнаго ему судомъ наказанія. Вслѣдствіе сего варшавскій военно-окружный судъ, въ распорядительномъ засѣданіи 24-го ноября 1890 года, постановилъ: разъяснить, что, въ виду приостановленія приговора, время нахождения подсудимаго въ больницѣ на испытаніи не должно быть зачислено въ срокъ опредѣленнаго ему наказанія. Послѣ сего орловское губернское правленіе вновь просило разъяснить, не слѣдуетъ-ли зачесть въ срокъ наказанія *Улину* время, проведенное имъ въ больницѣ на излеченіи съ 8-го іюля 1889 года по 20-е октября 1890 г., и варшавскій военно-окружный судъ, въ распорядительномъ засѣданіи 12-го января сего года, постановилъ: разъяснить, что все время на-

хоженія подсудимаго Хисмать-Улина въ больницѣ, какъ на испытаніи, такъ и послѣ такового, не должно быть засчитываемо ему въ срокъ заключенія. По вступленіи изложенныхъ выше постановленій суда въ законную силу, арестантъ Хисмать-Улинъ подавъ на Высочайшее имя прошеніе о зачисленіи ему 1 года и 7 мѣсяцевъ, проведенныхъ въ больницѣ, въ срокъ отбытія имъ по приговору суда наказанія. По соображеніи сего прошенія арестанта Хисмать-Улина съ постановленіями распорядительныхъ засѣданій варшавскаго военно-окружнаго суда отъ 21-го іюля 1889 г., 24-го ноября 1890 г. и 12-го января сего года, обстоятельствами дѣла и законами и по выслушаніи заключенія исправляющаго должность главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что, по разъясненію общаго собранія перваго и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената, въ рѣшеніи 1884 г. № 3-й, ст. 959 уст. угол. судопр. (Судебные уставы Императора Александра II), соответствующая 1112 ст. воен.-суд. уст., имѣетъ примѣненіе только къ тѣмъ приговорамъ, которые не обращены еще къ исполненію, и не относится до приговоровъ, исполненіе которыхъ уже началось. Въ виду сего, постановленіе распорядительнаго засѣданія варшавскаго военно-окружнаго суда отъ 21-го іюля 1889 года о приостановленіи исполненіемъ приговора сего суда надъ арестантомъ исправительнаго арестантскаго отдѣленія Хисмать-Улинымъ, въ виду его болѣзни, оказывается несогласнымъ съ точнымъ смысломъ 1112 ст. воен.-суд. уст. Засимъ, изъ разсмотрѣнія законоположеній объ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ гражданскаго вѣдомства, изложенныхъ въ уставѣ о содержащихся подъ стражей, изд. 1886 г., оказывается, что, хотя, согласно 306 ст. сего устава, заболѣвшіе арестанты, въ случаѣ неизмѣнія при исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи больница, могутъ быть отправлены для пользованія въ городскія больницы или въ больницы, при тюрьмахъ, или, наконецъ, военные госпитали или лазареты, однакоже въ законоположеніяхъ этихъ не содержится указаній, чтобы время, проведенное арестантомъ въ больницѣ, госпиталѣ или лазаретѣ, не засчитывалось въ срокъ содержанія въ арестантскомъ отдѣленіи по приговору суда, тогда какъ законъ, если имѣетъ въ виду не зачислять арестанту времени, проведеннаго въ больницѣ, то прямо указываетъ на это, какъ, напримѣръ, 128 (нынѣ отмѣненная) и 229 ст. С. В. П. XVII кн., изд. 1869 г.; слѣдовательно, нѣтъ законнаго основанія исключать время болѣзни арестанта исправительнаго отдѣленія Хисмать-Улина, проведенное въ больницѣ, причемъ онъ содержался, какъ видно изъ отзыва орловскаго губернскаго правленія, въ отдѣленіи умалишенныхъ арестантовъ, — изъ срока отбытія имъ наказанія. Точно также смотритъ на этотъ вопросъ и главное тюремное управленіе, которое, отзывомъ отъ 12-го сентября сего года, увѣдомило главное военно-судное управленіе, что время, проведенное арестантомъ Хисмать-Улинымъ въ больницѣ на излеченіи съ 8-го іюня 1889 г. по 20-е октября 1890 года, слѣдуетъ зачесть въ срокъ заключенія въ исправительномъ отдѣленіи. Такимъ образомъ, постановленіе распорядительнаго засѣданія варшавскаго военно-окружнаго суда отъ 12-го января 1891 года о томъ, чтобы время, проведенное Хисмать-Улинымъ въ больницѣ на излеченіи съ 8-го іюня 1889 г. по 20-е октября 1890 г., не считалось въ срокъ отбытія имъ по приговору суда наказанія, оказывается неправильнымъ. Равнымъ образомъ главный военный судъ не находитъ законнаго основанія не зачислять Хисмать-Улину въ срокъ отбытія наказанія и времени, проведеннаго имъ въ больницѣ на испытаніи, а потому признаетъ неправильнымъ и постановленіе суда отъ 24-го ноября 1890 г. Принимая засимъ во вниманіе,

что означенныя выше постановленія варшавскаго военно-окружнаго суда отъ 21-го іюля 1889 г., 24-го ноября 1890 г. и 12-го января сего года, за неопротестованіемъ и необжалованіемъ ихъ, вошли въ законную силу, между тѣмъ арестантъ Хисмать-Улинь, приговоренный къ содержанію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи на три года, причеиъ срокъ отбытія имъ наказанія считается съ 29-го февраля сего долженъ быть признавъ, въ виду приведенныхъ выше соображеній, уже отбывшимъ назначенный ему по приговору суда срокъ содержанія въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, главный военный судъ, руководствуясь 4 ст. воен.-суд. уст., опредѣляетъ: постановленія варшавскаго военно-окружнаго суда отъ 21-го іюля 1889 г., отъ 24-го ноября 1890 г. и отъ 12-го января сего года отмѣнить и, въ виду того, что приговоръ того же суда объ арестантѣ Хисмать-Улинь во время его болѣзни не приостанавливался исполненіемъ, все время, проведенное симъ арестантомъ на испытаніи и на излеченіи въ больницѣ со 2-го марта 1889 г. по 20-е октября 1890 г., зачислить въ срокъ содержанія его въ семь отдѣленій по приговору суда.

18-го октября, № 111-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по касационной жалобѣ подсудимаго рядоваго 55-го пѣхотнаго Подольскаго полка Ивана *Шановаленко* на приговоръ о немъ временнаго военнаго суда въ городѣ Кишиневѣ. Означенный судъ призналъ подсудимаго Шановаленко виновнымъ: 1) въ томъ, что, 19-го іюня сего года, изъ помѣщавшагося въ палаткѣ запертаго на замокъ сундука рядоваго Боярскаго, тайно похитилъ, съ цѣлью присвоенія, 2 руб., причеиъ, для совершенія этого похищенія, отперъ замокъ у сундука необнаруженнымъ способомъ, и 2) изъ помѣщавшагося въ той же палаткѣ запертаго сундука рядоваго Ремиха, тайно похитилъ, съ цѣлью присвоенія, кусокъ сала, причеиъ, для совершенія этого похищенія, отперъ замокъ на сундукъ необнаруженнымъ способомъ. Находя, что оба дѣянія подсудимаго составляютъ простыя кражи, послѣ двухкратнаго наказанія по суду за двѣ такія же кражи, т. е. преступленія, предусмотрѣнныя 1 ч. 1655 ст. улож. о наказ., судъ избралъ за такую кражу отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія по 4-й степени и по совокупности преступленій, въ силу 3 п. 152 ст. улож., приговорилъ подсудимаго Шановаленко, по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію ему присвоенныхъ, а также воинскаго званія, къ исключенію изъ службы и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на два съ половиною года, съ послѣдствіями, указанными въ ст. 43, 45, 46 и 48 улож. о наказ. и 48 ст. XXII и съ замѣною, на случай надобности, согласно 77 ст. улож. о наказ. На этотъ приговоръ подсудимый Шановаленко принесъ касационную жалобу, въ которой указываетъ на неправильное примѣненіе судомъ 3 п. 152 ст. улож. о наказ. Сообразивъ эту жалобу съ приговоромъ суда и законами и выслушавъ заключеніе помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что, согласно многократнымъ разъясненіямъ сего суда и, между прочимъ, въ рѣшеніи 1891 г. № 18-й, совершеніе ряда, хотя бы и отдѣльныхъ, дѣйствій, но исходящихъ изъ одного общаго намѣренія и принадлежащихъ къ одному роду, составляетъ не совокупность, а одно преступленіе. Посему дѣянія подсудимаго рядоваго Шановаленко, состоящія въ томъ: 1) что изъ помѣщавшагося въ палаткѣ запертаго на замокъ сундука рядоваго Боярскаго онъ тайно похитилъ, со взломомъ замка, съ цѣлью присвоенія, 2 руб., и 2) что, въ то же время и въ томъ же помѣщеніи, изъ запертаго на за-

мокъ сундука рядового Ремиха, тайно похитилъ, съ цѣлью присвоенія, кусокъ сала, причеъ, для совершенія этого похищенія также взломалъ замокъ, не составляющъ, какъ это признано судомъ, двухъ отдѣльныхъ кражъ, а одну лишь кражу. Въслѣдствіе сего, опредѣленіе подсудимому наказанія по правиламъ, изложеннымъ въ 3 п. 152 ст. улож. о наказ., представляется несоотвѣтствующимъ закону. На основаніи изложеннаго, признавая жалобу подсудимаго заслуживающе уваженія, главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ временнаго военного суда въ городѣ Кишиневѣ о рядовомъ Шаповаленко исправить въ томъ, чтобы считать этого нижняго чина осужденнымъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, съ подлежащею, на случай надобности, замѣною и соотвѣтствующими правоулишеніями не на 2 года и 6 мѣсяцевъ, а на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ; во всѣхъ прочихъ частяхъ приговора суда оставить въ своей силѣ.

18-го октября, № 112-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло объ исправленіи приговора полковаго суда 4-го гренадерскаго Несвижскаго полка о рядовомъ того полка Иванѣ *Калитѣ*. Изъ дѣла видно, что полковой судъ, основываясь на данныхъ судебного слѣдствія, которымъ, между прочимъ, выяснилось, что 20-го іюля, по окончаніи маневра, подсудимый Калита, во время привала полка, оставилъ ружье въ козлахъ, самовольно отлучился, съ цѣлью бѣжать, но былъ задержанъ, ружье же его доставлено въ роту, призналъ подсудимаго Калиту виновнымъ: 1) въ кражѣ ночью изъ не залертаго сундука 1 руб. 85 коп., 2) въ самовольной отлучкѣ, 3) въ умышленномъ покинутіи амуниціи и ружья. Назначивъ подсудимому са кражу, самовольную отлучку и покинутіе амуниціи, по совокупности, одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ на 4 мѣсяца, а за умышленное покинутіе ружья, по 165 и 2 ч. 164 ст. С. В. П. XXII, — отдачу въ дисциплинарный баталіонъ по высшей мѣрѣ 1-й степени, судъ постановилъ: подсудимаго рядового Калиту, по лишеніи нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, отдать въ дисциплинарный баталіонъ на три года, съ оставленіемъ въ разрядѣ штрафованныхъ. По утвержденіи сего приговора, военный прокуроръ московскаго военно-окружнаго суда донесъ начальнику 1-й гренадерской дивизіи, что дѣяніе подсудимаго, состоящее въ оставленіи ружья въ козлахъ на привалѣ не заключаетъ въ себѣ признаковъ покинутія оружія, такъ какъ, во время привала на маневрахъ, всѣ нижніе чины должны были составлять ружья въ козлы, что сдѣлалъ и рядовой Калита, ружье котораго оставалось въ козлахъ, было найдено тамъ и доставлено въ роту. Въслѣдствіе сего, военное начальство вошло съ ходатайствомъ объ исправленіи приговора. Сообразивъ представленіе военнаго начальства съ законами и выслушавъ заключеніе помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что подъ упоминаемымъ въ 165 ст. С. В. П. XXII покинутіемъ оружія подразумѣвается умышленное оставленіе такового въ мѣстѣ, не предназначенномъ для его храненія. Между тѣмъ изъ приговора суда по настоящему дѣлу оказывается, что подсудимый Калита, самовольно отлучась изъ лагеря, оставилъ свое ружье, какъ и слѣдовало по принятому правилу, въ козлахъ, откуда оно потомъ и было перенесено въ роту. Въ этомъ дѣяніи, т. е. въ оставленіи подсудимымъ своего ружья въ козлахъ, не только не заключается признаковъ преступленія, преслѣдуемаго 165 ст. XXII, но и вообще какого либо проступка. Такимъ образомъ, въслѣдствіе неправильнаго примѣненія къ подсудимому Калитѣ 165 ст. С. В. П. XXII, онъ ошибочно присужденъ въ дисциплинарный баталіонъ, тогда какъ, по совокупности другихъ совершен-

ныхъ имъ преступленій, подлежалъ лишь одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на 4 мѣсяца. По изложеннымъ основаніямъ, главный военный судъ, принимая во вниманіе, что подсудимый рядовой Калита уже болѣе двухъ мѣсяцевъ содержится въ дисциплинарномъ баталіонѣ, опредѣляетъ: вмѣнить ему это содержаніе въ наказаніе и, по освобожденіи его нынѣ же изъ дисциплинарнаго баталіона, никакому взысканію болѣе не подвергать, приговоръ же о немъ полковаго суда исправить въ томъ, чтобы исключить изъ приговора виновность подсудимаго Калиты въ умышленномъ покинутіи ружья и примѣненныя къ этой виновности 165 ст. и 2 ч. 164 ст. XXII С. В. П. и считать этого подсудимаго осужденнымъ за остальные, перечисленныя въ приговорѣ, преступленія, къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ, съ указанными въ приговорѣ праволишеніями и послѣдствіями.

7-го ноября, № 118-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по касационной жалобѣ подсудимаго артилерійскаго чиновника читинскаго окружнаго артилерійскаго склада надворнаго совѣтника *Попова* на состоявшійся о немъ и чиновникѣ того же склада коллежскомъ асессорѣ Бахмутовѣ приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Читѣ. Изъ дѣла видно, что означенный судъ призналъ подсудимаго надворнаго совѣтника Попова виновнымъ: 1) въ томъ, что, въ бытность начальникомъ отдѣловъ читинскаго окружнаго артилерійскаго склада, въ періодъ времени съ 1883 по 1888 г., отправлялъ къ себѣ на домъ съ нижними чинами изъ пороховаго погреба порохъ въ разное время и въ разномъ количествѣ и торговалъ этимъ порохомъ у себя на дому, причѣмъ не установлено количество присвоеннаго пороха, а равно, чтобы на сумму болѣе 300 рублей; 2) въ томъ, что отправилъ въ разное время къ себѣ на домъ и присвоилъ, изъ числа предметовъ, находившихся у него на храненіи по службѣ, 52 пороховыхъ боченка, 13 ящиковъ, двѣ пары станковъ для снаряженія сферическихкихъ снарядовъ, 4 пуда 8 фунтовъ желѣза, 6 желѣзныхъ поддоновъ изъ подъ картечи, 43 штуки ядеръ, 55 цѣновокъ, 20 роговъ, 1 пудъ 17 фунт. пакли и около одного боченка смолы, каковыя предметы были у него найдены 2-го февраля 1889 года; 3) въ томъ, что отправлялъ къ себѣ на домъ изъ склада съ 1884—1887 г. рогожи и веревки и присвоивалъ ихъ себѣ; 4) что лѣтомъ 1887 г., отбравъ, изъ предназначенныхъ въ лѣтъ, 13 цѣлыхъ ружейныхъ стволовъ и 8 тесаковъ, отправилъ ихъ склада къ себѣ на квартиру и употребилъ на свои надобности; 5) что раздавалъ нижнимъ чинамъ склада принадлежащій складу лѣтъ, въ томъ числѣ: ружейные ударные замки, шашки, тесаки и пистолеты; 6) что выдавалъ нижнимъ чинамъ и сыновьямъ своимъ во временное пользованіе хранившіяся въ складѣ винтовки и къ нимъ патроны; 7) что раздавалъ чиновникамъ и нижнимъ чинамъ казенный свинецъ въ оболочкахъ отъ снарядовъ; 8) что выдавалъ надзирателямъ печать и ключи отъ помѣщеній склада для замыканія и отмыканія ихъ безъ себя, вслѣдствіе чего надзирателемъ Поповымъ были выкрадены изъ склада: винты отъ подъемнаго механизма и три свинки свинца, вѣсомъ около 9 пуд., и сверхъ того выданъ нестроеному Макѣеву казенный ружейный замокъ; 9) въ томъ, что, вопреки инструкціи о храненіи пороха, не наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ночью въ лѣтнее время пороховые погреба замыкались не только на рѣшетчатыхъ, но и на сплошныхъ дверяхъ, каковымъ обстоятельствомъ пользовались нижніе чины склада и полушарка и, начиная съ 1886 г., каждое лѣто систематически воровали порохъ, а въ 1888 г. украли сверхъ того ящикъ патроновъ; 10) что не наблюдалъ за тѣмъ, чтобы всѣ двери досчатаго сарая, въ

которомъ хранился свинець, запирались на замокъ, вслѣдствіе чего нижніе чины систематически воровали свинець и расхитили его въ количествѣ 280 п.; 11) что весной 1888 г., найдя въ пороховъ погребѣ 1 боченокъ и 4 ящика опорожненными и высказавъ тотчасъ же подозрѣніе, что заключавшіяся въ нихъ пороховъ кѣмъ то украденъ, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ, приказавъ вынести изъ погреба опорожненную посуду и никому о происшедшемъ не доложивъ, при чемъ онъ, Поповъ, не могъ не знать, что покража пороха не могла произойти безъ участія часовыхъ; 12) въ томъ, что, замѣтивъ въ 1888 г., при перебивкѣ нуля, что недостаетъ одной свинки свинца, и высказавъ старшему фейерверкеру Данилову подозрѣніе, что она украдена кѣмъ либо изъ нижнихъ чиновъ, присутствовавшихъ при работахъ, приказавъ ему никому о происшедшемъ не докладывать; когда же произведеннымъ слѣдствіемъ была выяснена причина недочета этой свинки, вслѣдствіе похищенія отвѣщенныхъ для отливки ея нуля, то онъ, Поповъ, отозвался, что никакой свинки не терялось; 13) въ томъ, что когда обнаружено было, что изъ склада похищено 3 винтовки, онъ, желая скрыть это преступленіе, предлагалъ тотчасъ же пополнить недочетъ, а найденныя винтовки изломать и затѣмъ, пополнивъ недостатокъ винтовокъ во время повѣрки имущества склада, убѣдилъ чиновъ комисіи не показывать такого обстоятельства въ отчетѣ; 14) въ томъ, что когда во время повѣрки имущества склада былъ обнаруженъ недостатокъ трехъ ключей для отвинчиванія гаекъ, то онъ, не желая оглашать это, приказавъ выковать новые ключи и, пополнивъ такимъ образомъ недостатокъ, убѣдилъ чиновъ комисіи не показывать его въ отчетѣ, при чемъ зналъ, что ключи исчезли вслѣдствіе покражи ихъ; 15) въ томъ, что когда ему была прислана для опознанія найденная у сарая свинка свинца, выкраденная изъ склада и потерянная затѣмъ канониромъ Кирилловымъ, то онъ, желая скрыть совершенное въ предѣлахъ склада преступленіе, заявилъ, что свинка эта складу не принадлежитъ, и 16) въ томъ, что, входя въ составъ комисіи, свидѣтельствовавшей 9-го августа 1888 г. пороховъ, полученный отъ разрядки снарядовъ, скрылъ отъ прочихъ членовъ комисіи 6 пудовъ 12 фунт. пороха и присвоилъ таковой себѣ, вслѣдствіе чего въ свидѣтельство, подписанномъ и имъ, Поповымъ, показано пороха, полученнаго отъ разрядки снарядовъ, на 6 пуд. и 12 фунт. меньше. Обращаясь къ примѣненію законовъ, судъ нашелъ, что дѣянія подсудимаго, изложенныя въ первыхъ семи пунктахъ, предусмотрѣны 232 ст. XII (по новой редакціи, объявленной въ приказѣ по военному вѣдомству 30-го апрѣля 1889 г. № 112) и, въ виду того, что каждая изъ растратъ не превышаетъ 300 рублей, причемъ всѣ эти растраты, какъ совершенныя подсудимымъ за періодъ времени, когда онъ состоялъ въ одной и той же должности начальника отдѣловъ склада, хотя и должны быть разсматриваемы какъ одно дѣяніе, но, за невозможностью точно установить размѣровъ растроченнаго и стоимости его, и какъ каждая изъ этихъ растратъ въ отдѣльности, такъ и всѣ въ совокупности влекутъ за собою наказаніе не свыше лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенія въ тюрьмѣ гражданского вѣдомства отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, то это наказаніе судъ и избралъ въ высшей мѣрѣ; засимъ дѣяніе, изложенное въ 8 п., предусмотрѣно 229 ст. С. В. П. XII; девятое и десятое дѣянія не могутъ разсматриваться лишь какъ небрежное храненіе имущества, такъ какъ въ нихъ усматривается не только небреженіе, но и непринятіе такихъ мѣръ со стороны подсудимаго, которыя вменяются ему закономъ въ обязанности, какъ общими узаконе-

ніями о храненіи казеннаго имущества, такъ и спеціальною инструкціею для храненія пороха, въ коей, между прочимъ, прямо указывается, что сплошныя двери пороховаго погреба обязательно закрываются на ночь и въ дѣтнее время, а потому поименованныя дѣянія ближе подходятъ подъ 142 ст. С. В. П. XXII и. въ виду важности послѣдствій, подвергаютъ виновнаго ответственности по послѣдней части 145 ст. той же книги; дѣянія, изложенныя въ 11, 12, 13, 14 и 15 пунктахъ предусмотрѣны 175 ст. XXII и подвергаютъ ответственности по 124 ст. Улож. и 4 п. 78 ст. XXII. Въ виду этого, подсудимый Поповъ, за дѣяніе, изложенное въ 11 пунктѣ, подлежитъ наказанію по 1653 ст. Улож. о наказ. уголовн. и исправ., съ пониженіемъ, согласно 124 и 121 ст. Улож., на одну степень, т. е. ссылкѣ въ Сибирь на житье по 5 степени, а по возвышеніи сего наказанія, согласно 4 п. 78 ст. XXII, на одну степень, по 4 степени того же рода наказанія, а за дѣянія, изложенныя въ 12, 13, 14 и 15 пунктахъ, подсудимый, согласно 15 и 169 ст. уст. о наказ., налаг. миров. суд., и 4 п. 78 ст. С. В. П. XXII, подлежитъ заключенію въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца; наконецъ, дѣяніе, изложенное въ 16 пунктѣ, не можетъ быть разсматриваемо какъ записаніе на приходъ менѣе дѣйствительно поступившаго, такъ какъ поименованное въ этомъ пунктѣ свидѣтельство не есть приходная книга, а представляетъ документъ, удостоверяющій количество и качество полученнаго отъ разрядки снарядовъ пороха, согласно каковому документу полученный порохъ записывается уже на приходъ, а потому умышленное показаніе въ этомъ документѣ меньшаго количества пороха противъ дѣйствительно полученнаго должно быть разсматриваемо какъ подлогъ. Въ виду же того, что изъ разсматриваемаго пункта видно, что подсудимый Поповъ показалъ въ свидѣтельствѣ № 123-й пороху на 6 пудовъ меньше противъ дѣйствительно полученнаго, вслѣдствіе того, что эти 6 пудовъ присвоилъ себѣ, то очевидно, что такое умышленно неправильное показаніе въ этомъ свидѣтельствѣ было сдѣлано съ цѣлю скрыть совершенное ранѣе присвоеніе, а потому дѣяніе подсудимаго, изложенное въ 16 пунктѣ, подходитъ подъ 232 и 234 ст. XXII и подвергаетъ его ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Но, принимая во вниманіе, болѣе чѣмъ 30-ти лѣтнюю, безпорочную службу подсудимаго, судъ смягчилъ ему наказаніе на одну степень и перешелъ къ 1-й степени 31 ст. Улож. Посему судъ приговорилъ подсудимаго, надворнаго совѣтника Попова, по лишеніи чиновъ, орденовъ и всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, къ ссылкѣ на житье въ Якутскую область, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста ссылки въ теченіе четырехъ лѣтъ съ послѣдствіями по 43, 44, 46 и 47 ст. Улож. о наказ. Настоящій приговоръ, по отношенію къ подсудимому Попову, по вступленіи въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, представить, чрезъ военнаго министра, на Высочайшее усмотрѣніе. На этотъ приговоръ подсудимый надворный совѣтникъ Поповъ принесъ касационную жалобу, въ которой объясняетъ, что приговоръ суда считаетъ неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Изложенныя дѣянія въ первыхъ семи пунктахъ подведены подъ 232 ст. XXII, но для примѣненія ся необходимо, чтобы растрата дѣйствительно существовала; въ данномъ же случаѣ, какъ это видно изъ представленнаго имъ на судѣ свидѣтельства начальника Читинскаго артиллерійскаго склада, все имущество, находившееся у него на храненіи, за исключеніемъ похищеннаго нижними чинами, преданными за то военному суду, оказалось на лицѣ. Дѣянія, изложенныя въ 9 и 10 пунктахъ, составляютъ небрежное храненіе вѣрснаго имущества.

а не превышеніе или бездѣйствіе власти; дѣянія, изложенныя въ 11, 12, 13, 14 и 15 пункт., судъ подвелъ подъ 175 ст. XXII, между тѣмъ изъ приговора видно, что онъ только подозрѣвать и кражѣ и затѣмъ слѣдуетъ предположеніе, что онъ не могъ не знать, что кража произошла при участіи часовыхъ; другими словами, разрѣшеніе этого вопроса основано только на предположеніи, а не на дѣйствительно доказанномъ фактѣ, какъ того требуетъ буквальная редакція 175 ст. Кромѣ того, 175 ст. относится только къ непосредственному начальству, а потому и не можетъ быть отнесена къ нему, такъ какъ начальникъ отдѣловъ артилерійскаго склада не былъ непосредственнымъ начальникомъ нижнихъ чиновъ полупарка, работавшихъ въ складѣ и занимавшихъ посты часовыхъ, почему судъ долженъ былъ въ его випѣ примѣнить не 175, а 73 ст. С. В. П. XXII; наконецъ, послѣднее дѣяніе признано подлогомъ, между тѣмъ документа, составляющіе, по мнѣнію суда, подлогъ, ни во время предварительнаго слѣдствія, ни при разбирательствѣ дѣла въ судѣ не были разсмотрѣны, и такимъ образомъ остались безъ провѣрки. Наконецъ, предсѣдательствующимъ было сдѣлано слѣдующее нарушеніе: послѣ предложенія вопроса свидѣтелямъ изъ нижнихъ чиновъ разсказать все известное ему по дѣлу, и когда свидѣтель отзывался запаматованіемъ, предлагался новый вопросъ въ слѣдующей формѣ: «тебя спрашивали. . . или ты давалъ показаніе при слѣдствіи, такъ разскажи суду, что ты показывалъ при слѣдствіи?» Такая форма вопросовъ могла вести къ тому, что свидѣтель могъ показывать не то, что ему въ дѣйствительности известно было по дѣлу, а лишь то, что онъ говорилъ ранѣе. Въ виду изложеннаго, подсудимый ходатайствуетъ объ отмѣнѣ приговора. Изъ протокола судебного засѣданія видно, что, по просьбѣ исп. обяз. военнаго прокурора, были осмотрѣны вещественныя по дѣлу доказательства—документы—и таковыя предъявлены подсудимому. Въ какой же формѣ предлагались свидѣтелямъ вопросы—изъ протокола не видно. Собразивъ касационную жалобу надворнаго совѣтника Попова съ приговоромъ суда, обстоятельствомъ дѣла, объясненіемъ предсѣдательствовавшаго и законами и выслушавъ заключеніе помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что: 1) на основаніи 902 ст. в.-с. у., разъясненной многократными рѣшеніями главнаго военнаго суда, окончательная оцѣнка достовѣрности и силы доказательствъ, касающихся вины или невинности подсудимыхъ, предоставляется суду, разсматривающему по существу, и не можетъ подлежать повѣркѣ въ касационномъ порядкѣ. Посему жалоба подсудимаго надворнаго совѣтника Попова на то, что судъ призналъ его виновнымъ въ растратѣ ввѣреннаго по службѣ казеннаго имущества вопреки представленнаго имъ, осужденнымъ, документа, подтверждающаго нахожденіе въ цѣлости всего ввѣреннаго ему на храненіе казеннаго имущества, за исключеніемъ лишь похищеннаго нижними чинами, въ силу вышеуказанной 902. а равно и 4 ст. в.-с. у., не заслуживаетъ уваженія. 2) Признанная по 9 и 10 п.п. приговора виновность надворнаго совѣтника Попова въ ненаблюденіи, вопреки инструкціи о храненіи пороха, въ то время, когда былъ начальникомъ отдѣловъ Читинскаго окружнаго артилерійскаго склада, за затворами пороховыхъ погребовъ, а также сараевъ, гдѣ хранился свинець, послѣдствіемъ чего было разхищеніе пороха и свинца, совершено правильно отнесены судомъ подъ понятіе бездѣйствія власти, предусмотрѣннаго 145 ст. С. В. П. XXII, а указаніе въ жалобѣ подсудимаго, что означенная виновность его составляетъ небрежное храненіе ввѣреннаго имущества—представляется неоспорительнымъ. 3) Статья 175 С. В. П. XXII, согласно буквальному ея смыслу,

предусматриваетъ лишь случаи укрывательства начальникомъ преступника въ лицѣ извѣстнаго ему, начальнику, подчиненнаго; недонесеніе же начальникомъ о совершенномъ въ кругѣ его вѣдомства преступленіи или проступкѣ, а равно и оставленіе преступленія или проступка безъ разслѣдованія составляетъ, согласно точному смыслу 142 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. II, бездѣйствіе власти, облагаемое наказаніемъ по 145 и 146 ст. той же кн. Свода. Въ виду сего, виновность подсудимаго надворнаго совѣтника Попова, какъ она установлена въ 11—15 п.п. приговора, неправильно отнесена судомъ подъ дѣйствіе 175 ст., такъ какъ не заключаетъ въ себѣ признаковъ укрывательства подсудимымъ преступленій, совершенныхъ извѣстными ему лицами, а является лишь оставленіемъ безъ разслѣдованія обнаруженныхъ имъ противозаконныхъ дѣяній въ отдѣлѣ, гдѣ онъ состоялъ начальникомъ, и недонесеніемъ объ этомъ подлежащимъ начальникамъ. Хотя такимъ образомъ къ винѣ подсудимаго, изложенной въ 11—15 п.п. фактической части приговора, судомъ неправильно примѣнена 175 ст. XXII, вмѣсто 142 и 145 ст. той же книги, но эта ошибка въ приговорѣ не можетъ служить поводомъ къ отбѣнѣ онаго, такъ какъ, съ одной стороны, и по 145 ст. надворный совѣтникъ Поповъ могъ бы подвергнуться тому же наказанію, которое опредѣлено ему по 175 ст., а съ другой—назначенное ему по 175 ст. наказаніе осталось безъ вліянія на опредѣленіе такового по совокупности совершенныхъ имъ преступленій. Что же касается указанія подсудимаго на примѣнимость къ его дѣянію 73 ст. С. В. П. XXII, то такое является неосновательнымъ по соображеніямъ, изложеннымъ выше, и сверхъ того потому, что означенная статья закона имѣетъ въ виду общіе случаи недонесенія военно-служащимъ о содѣянномъ преступленіи, а не тѣ, когда преступленіе, совершенное въ извѣстной части, остается безъ разслѣдованія начальникомъ этой части, каковымъ въ данномъ случаѣ былъ подсудимый, независимо отъ того, былъ ли онъ начальникомъ тѣхъ лицъ, которыя впоследствии могли оказаться совершившими преступленіе. 4) Равнымъ образомъ неправильно подведена судомъ виновность подсудимаго надворнаго совѣтника Попова, изложенная въ 16 п. приговора, подъ дѣйствіе 234 ст. С. В. П. XXII. На основаніи этой статьи закона, соответствующей 359 ст. Улож. о наказ. уголов. и испр., разъясненной въ рѣшеніяхъ главн. воен. суда 1886 г. № 144, 1888 г. № 162 и друг. и уголовн. касац. департам. правительств. сената 1882 г. № 50, подвергаются, между прочимъ, отвѣтственности тѣ, которые, присвоивъ себѣ или растративъ ввѣренное имъ по службѣ имущество, для сокрытія этого преступленія, составляютъ подложные документы, какъ то: росписки, квитанціи и т. п. акты, служащіе доказательствомъ употребленія по назначенію ввѣреннаго по службѣ имущества. Между тѣмъ подсудимый надворный совѣтникъ Поповъ признавъ виновнымъ не въ составленіи, для сокрытія присвоенія ввѣренныхъ ему по службѣ 6 пуд. 12 фунт. пороха, какого либо подложнаго документа, свидѣтельствующаго объ употребленіи этого имущества по назначенію, а въ томъ, что, входя въ составъ комисіи, свидѣтельствовавшей полученный отъ разрядки патроновъ порохъ, онъ присвоилъ себѣ, изъ общаго числа такового, 6 пуд. 12 фунт., подписалъ свидѣтельство, въ которомъ завѣдомо для него было показано полученнымъ отъ разрядки патроновъ порохомъ на 6 пуд. 12 фунт. менѣе дѣйствительно полученнаго. Такая виновность подсудимаго, согласно вышеуказаннымъ рѣшеніямъ, заключаетъ въ себѣ два самостоятельныхъ преступленія—присвоеніе ввѣреннаго по службѣ казеннаго имущества и подлогъ по службѣ, предусмотрѣнный

362 ст. улож. о наказ., а не 234 ст. С. В. П. XXII. Принимая во вниманіе, что съ примѣненіемъ къ подсудимому Попову 362 ст. улож. и назначеніемъ ему по оной, въ силу 1041 ст. в.-с. у., слабѣйшаго наказанія, онъ, по совокупности преступленій, на основаніи 87 ст. С. В. П. XXII и 3 п. 152 ст. улож., подлежитъ въ окончательномъ выводѣ наказанію по высшей мѣрѣ 3-й степени 31 ст. улож., приговоръ о немъ и по указанному нарушенію подлежитъ лишь соотвѣтствующему измѣненію, а не отміѣн. 5) Указываемая въ жалобѣ форма допроса на судѣ свидѣтелей предсѣдательствовавшимъ, независимо отъ того, что сама по себѣ не составляетъ нарушения установленныхъ обрядовъ судопроизводства, не подтверждается вовсе ни протоколомъ судебного засѣданія, на который замѣчаній не послѣдовало, ни объясненіемъ предсѣдательствовавшего, а потому жалоба въ этомъ отношеніи не заслуживаетъ уваженія. Независимо отъ жалобы, главный военный судъ не могъ не обратить вниманія на слѣдующія нарушенія: 1) признавъ подсудимаго надворнаго совѣтника Попова виновнымъ въ семи случаяхъ растраты ввѣреннаго ему по службѣ казеннаго имущества и не указавъ въ приговорѣ о непополненіи осужденнымъ совершенной имъ растраты и послѣ обнаруженія его преступленія, судъ, однако же, безъ законнаго на то основанія, примѣнилъ къ этой виновности чиновника Попова 3 ч. 232 ст. XXII (по новой редакціи этой статьи закона); 2) по второму пункту фактической части приговора суда надворный совѣтникъ Поповъ признанъ виновнымъ въ присвоеніи ввѣреннаго ему по службѣ казеннаго имущества, при примѣненіи же къ винѣ Попова законовъ о наказаніи это преступленіе поименовано также растратою; 3) опредѣляя подсудимому наказаніе по 124 и 1653 ст. улож. о наказ., судъ, согласно точнаго смысла 121 ст. улож., обязывался смягчить таковое не на одну, а на двѣ степени. Хотя въ означенныя упущенія и не оказываютъ вліянія на опредѣленіе подсудимому надворному совѣтнику Попову окончательнаго наказанія по совокупности совершенныхъ имъ преступленій, тѣмъ не менѣе, они свидѣтельствуютъ о не вполне точномъ составленіи приговора, и 4) признавъ за подсудимымъ одно уменьшающее вину его обстоятельство, болѣе 30-лѣтнюю безпорочную службу, судъ, согласно многократнымъ разъясненіямъ главнаго военного суда, не имѣлъ права смягчать осужденному слѣдсмаго ему наказанія по закону на одну степень. Но и это нарушеніе, за отсутствіемъ протеста, подлежитъ оставленію безъ послѣдствій. По изложеннымъ соображеніямъ, главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ суда о надворномъ совѣтникѣ Поповѣ исправить въ томъ, чтобы его, Попова, взамѣнъ опредѣленнаго ему судомъ наказанія, на основаніи 142, 145, 232 ст. XXII С. В. П. 1869 г. изд. II (по новой редакціи послѣдней статьи, объявленной въ приказѣ по военному вѣдомству 1889 г. № 112) и 362 ст. улож. о наказ. уголов. и исправ., по лишеніи чиновъ, орденовъ, а также всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему и службою приобретенныхъ правъ и преимуществъ и по исключеніи изъ службы, сослать на житье въ Якутскую область, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства, въ продолженіи двухъ лѣтъ и съ прочими послѣдствіями, въ 43, 44, 46 и 47 ст. улож. о наказ. уголовн. и исправ. указанными; во всѣхъ прочихъ частяхъ приговора суда оставить въ своей силѣ; допущенныя же въ приговорѣ нарушенія поставить на видъ предсѣдательствующему по дѣлу военному судѣ полковнику Габріаловичу.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОБОЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВНЫХЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ АРМІЙ ВЪ 1891 ГОДУ.

(Окончаніе) (*).

Общее значеніе отчетнаго года для армій: Германія, Австро-Венгрія, Франція, Италия и Англія.

Представивъ въ первой статьѣ главные результаты прошлогодней военной дѣятельности Германія и Австро-Венгрія, обратимся къ остальнымъ первокласнымъ западно-европейскимъ государствамъ.

Во *Франціи*, въ области военно-организаціонной, главныя заботы центрального военного управленія снова сосредоточивались на разрѣшеніи двухъ вопросовъ первостепенной важности, именно: вопроса объ устройствѣ высшаго командованія въ военное время и вопроса о надлежащей утилизаціи многочисленныхъ резервовъ, созданныхъ закономъ 15-го іюля 1889 г., регулировавшимъ отбываніе воинской повинности. Къ мѣропріятіямъ первой категоріи слѣдуетъ отнести изданіе новаго Положенія объ устройствѣ тѣхъ учреждений, въ которыхъ сосредоточивается исполненіе службы генеральнаго штаба, и разрѣшеніе маневренной практикой вопроса: отвѣчаетъ ли практическимъ требованіямъ новое устройство высшаго командованія? По второму вопросу было издано два новыхъ закона: о стрѣлковыхъ баталіонахъ територіальной арміи и о сводныхъ кавалерійскихъ полкахъ.

Устройство французскаго генеральнаго штаба опредѣлялось до послѣдняго времени слѣдующими основными законоположеніями: закономъ 20-го марта 1880 г., установившимъ общія правила объ

(*). См. «Военный Сборникъ» 1892 г., № 1-й.

исполненіи службы генеральнаго штаба во французской арміи, и Положеніемъ 21-го декабря 1886 г., регулировавшимъ примѣненіе закона 20-го марта. Въ 1890 г. послѣдовало изданіе нѣсколькихъ новыхъ законодательныхъ актовъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ службѣ генеральнаго штаба. Декретъ 6-го мая замѣнилъ «штабъ военнаго министра» — «штабомъ арміи»; декретъ 15-го мая подчинилъ военно-географическій отдѣлъ начальнику штаба арміи и, наконецъ, законъ 24-го іюня внесъ существенныя измѣненія въ законъ 20-го марта 1880 г. Вслѣдствіе всего этого явилась необходимость въ новомъ Положеніи о службѣ въ штабахъ, которое было утверждено 3-го января прошлаго года. Въ результатъ перечисленныхъ мѣропріятій французскій генеральный штабъ получилъ новое устройство, довольно значительно отличающееся отъ прежняго.

Основная идея закона 20-го марта 1880 г. о замѣнѣ отдѣльнаго корпуса генеральнаго штаба особымъ личнымъ составомъ, который, получивъ спеціальную подготовку и находясь въ тѣсной связи съ войсками, исполнялъ бы службу генеральнаго штаба, идея эта осталась руководящимъ принципомъ и въ законѣ 24-го іюня 1890 г. Но онъ отмѣнилъ статью, обусловливавшую постоянную смѣну личнаго состава генеральнаго штаба и увеличилъ мирный штатъ офицеровъ службы генеральнаго штаба съ 300 до 640 челов. Декретъ 6-го мая 1890 г. придалъ штабу арміи значеніе высшаго органа службы генеральнаго штаба и возложилъ на него обязанность доставлять, когда понадобится, главнокомандующему необходимый личный составъ, который руководилъ бы выполненіемъ операцій, разработанныхъ въ мирное время. Новое Положеніе, регулируя вліяніе названныхъ закона и декрета на исполненіе службы генеральнаго штаба, подраздѣлено на три отдѣла: въ первомъ трактуется о службѣ въ штабахъ въ мирное время, во второмъ — о службѣ въ штабахъ въ военное время, а въ третьемъ отдѣлѣ изложены временныя мѣры, потребовавшіяся на періодъ переходнаго положенія, пока новое устройство не станетъ вполнѣ совершившимся фактомъ. Организациія штабной службы въ мирное время состоитъ въ устройствѣ слѣдующихъ учреждений: военной свиты президента республики и частнаго штаба военнаго министра; штаба арміи; штабовъ парижскаго и ліонскаго военныхъ губернаторствъ; корпусныхъ штабовъ, штабовъ дивизій и бригадъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и кавалерійскихъ, крѣпостныхъ штабовъ; штабовъ дивизионныхъ и полковыхъ територіальныхъ округовъ; штабовъ артилерійскихъ и инже-

нерныхъ отдѣловъ; кромѣ того, штабную службу несутъ: офицеры, состоящіе при маршалахъ Франціи, при великомъ канцлерѣ ордена почетнаго легіона, при членахъ высшаго военнаго совѣта, при генераль-инспекторахъ армейскихъ корпусовъ и при генералахъ, получившихъ спеціальныя назначенія; наконецъ, къ органамъ штабной службы принадлежатъ иностранныя военныя мисіи. Положеніе опредѣляетъ составъ этихъ учреждений, прохожденіе службы личнаго состава, его права и обязанности, а равно правила службы. Съ открытіемъ кампаніи формируются: въ арміяхъ: штабъ главной квартиры, штабы армій; корпусные, дивизионные и бригадные штабы; штабы смѣшанныхъ бригадъ или другихъ временныхъ и спеціальныхъ организаціонныхъ единицъ: крыльевъ, центровъ, резервовъ, кавалерійскихъ корпусовъ, осадныхъ корпусовъ и т. д.; штабы желѣзнодорожной и этапной службъ; штабы артилеріи и инженеровъ армій; штабы артилеріи и инженеровъ армейскихъ корпусовъ, а равно перечисленныхъ выше временныхъ и спеціальныхъ организаціонныхъ единицъ и крѣпостные штабы. Внутри страны формируются: штабы територіальныхъ округовъ, штабы складовъ, крѣпостные штабы и штабы мѣстной артилеріи и инженеровъ. Положеніе опредѣляетъ порядокъ формировація этихъ штабовъ, укомплектованіе ихъ личнымъ составомъ и службу въ штабахъ.

Организаціонный вопросъ, разрѣшаемый на большихъ маневрахъ прошлаго года, состоялъ, какъ сказано, въ слѣдующемъ: желательно было узнать, отвѣчаетъ ли практическимъ требованіямъ выработанное недавно во Франціи устройство высшаго командоваія въ военное время? Какъ извѣстно, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ организація этого командоваія служила предметомъ постоянныхъ заботъ французскаго военнаго министерства. Разрѣшая эту задачу, военный министръ постепенно приближался къ достиженію поставленной имъ цѣли, опредѣляя всѣ подробности устройства высшаго военнаго совѣта, члены котораго предназначались къ занятію должностей командующихъ арміями, создавъ должность начальника штаба арміи, реорганизуя генеральный штабъ. Въ 1890 г. высшее командоваіе войсками въ военное время было, въ главныхъ чертахъ, совершенно опредѣлено. Слѣдовало, однако, выяснить, не возникнутъ ли на практикѣ какія нибудь неожиданныя затрудненія. Надо было убѣдиться, всѣ ли колеса сложнаго механизма будутъ дѣйствовать за-одно, безъ толчковъ и слишкомъ сильнаго тренія. вмѣстѣ съ тѣмъ, возникалъ вопросъ, будетъ ли управленіе значительными массами войскъ возможно при употребленіи приемовъ, практикуемыхъ въ

военное время, и окажутся ли различныя учрежденія на высотѣ сильно повышенныхъ требованій. Отвѣтъ на этотъ вопросъ должно было доставить маневрированіе 120,000-ной массы людей, подраздѣленной на двѣ частныя арміи. Основываясь на общемъ ходѣ маневровъ, военный министръ призналъ доказаннымъ, что командованіе арміями и группами армій организовано теперь во Франціи такъ же хорошо, какъ и командованіе дивизіями и корпусами. Съ своей стороны, главнокомандующій заявилъ, что штабъ арміи внушилъ увѣренность въ своей готовности къ дѣятельности при всѣхъ случайностяхъ военнаго времени.

Переходя къ мѣропріятіямъ, касающимся резервовъ, напомнимъ, что, согласно закона 13-го марта 1875 г., измѣненному закономъ 21-го іюня 1890 г., пѣхота французской территоріальной арміи состоитъ изъ полковъ, имѣющихъ различное число баталіоновъ. Полкъ составляетъ, такимъ образомъ, единственную организаціонную единицу въ территоріальной пѣхотѣ, между тѣмъ какъ въ дѣйствующей арміи, кромѣ полковъ, существуютъ еще отдѣльные баталіоны въ качествѣ самостоятельныхъ организаціонныхъ единицъ, именно, стрѣлковые баталіоны. Это различіе въ устройствѣ войскъ названнаго рода оружія ведетъ къ тому, что люди, служившіе въ стрѣлковыхъ частяхъ дѣйствующей арміи и состоявшіе на учетѣ въ этихъ частяхъ во время нахождения въ резервѣ, не могутъ получить того же назначенія при переходѣ въ территоріальную армію, такъ какъ тамъ нѣтъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Лица эти зачисляются въ территоріальные полки и спеціальныя стороны ихъ обученія остаются безъ надлежащей утилизаціи. Желая устранить этотъ организаціонный недостатокъ, ослабляющій до извѣстной степени французскія сухопутныя силы, военный министръ составилъ законопроектъ, которымъ вводятся стрѣлковые баталіоны въ составъ территоріальной арміи. Число баталіоновъ и внутреннее ихъ устройство опредѣляются военнымъ министромъ. Проектъ этотъ, принятый парламентомъ и утвержденный президентомъ, получилъ силу закона.

По закону 21-го іюня 1890 года, войска территоріальной арміи могутъ формировать, въ случаѣ мобилизаціи, высшія организаціонныя единицы, предназначенныя для полевыхъ дѣйствій въ составѣ дѣйствующей арміи, а въ мирное время—они могутъ быть присоединяемы къ войсковымъ частямъ постоянной арміи. Основываясь на этомъ законѣ, военное министерство формировало въ текущемъ году, для учебныхъ сборовъ, сводные трехбаталіонные пѣхотные полки, состоящіе изъ четвертыхъ баталіоновъ дѣйствующихъ пол-

ковъ, содержимыхъ въ кадровомъ составѣ, и изъ баталіоновъ территоріальной арміи, такъ что полки имѣли резервистовъ и людей территоріальной арміи. Теперь рѣшено примѣнить ту же мѣру къ кавалеріи и формировать сводные кавалерійскіе полки въ составѣ двухъ эскадроновъ, образованныхъ изъ резервистовъ, и двухъ эскадроновъ, укомплектованныхъ людьми территоріальной арміи. До сихъ поръ, въ каждомъ изъ полковъ корпусной кавалеріи было предусмотрено формирование двухъ резервныхъ эскадроновъ, такъ чтобы, по окончаніи мобилизаціи, полки эти могли выставять четыре дѣйствующихъ, два резервныхъ и запасный эскадроны, всего семь эскадроновъ. Затѣмъ, въ каждомъ корпусномъ округѣ было положено формировать восемь территоріальныхъ эскадроновъ, именно: четыре драгунскихъ и четыре легко-конныхъ. Эскадроны эти, согласно декрету 8-го апрѣля 1884 года, присоединены въ командномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ къ кавалерійскимъ частямъ соответствующихъ армейскихъ корпусовъ, причемъ на каждые два эскадрона положено содержать эскадроннаго командира, его помощника и унтеръ-офицера.

Желая устранить неизбежное при такой организаціи разбрасываніе силъ кавалеріи резервовъ, военный министръ постановилъ формировать въ каждомъ армейскомъ корпусѣ по одной бригадѣ, составленной изъ своднаго драгунскаго и своднаго легко-коннаго полковъ. На сформированіе этихъ полковъ назначено по два резервныхъ и по два территоріальныхъ эскадрона. Остающіеся затѣмъ въ каждомъ военномъ отдѣлѣ два территоріальныхъ эскадрона не будутъ сведены въ болѣе крупныя организаціонныя единицы, причемъ одинъ даже не получитъ лошадей, за недостаткомъ конскаго состава, а конный эскадронъ составитъ конвой высшихъ штабовъ и управленій. При такомъ устройствѣ, корпусная кавалерія будетъ состоять въ военное время изъ слѣдующихъ частей: 38 дѣйствующихъ четырехъ-эскадронныхъ полковъ; 39 сводныхъ четырехъ-эскадронныхъ полковъ; 38 запасныхъ эскадроновъ; 38 территоріальныхъ эскадроновъ, и 38 пѣшихъ территоріальныхъ эскадроновъ. Всего 418 эскадроновъ, изъ нихъ 38 пѣшихъ, на половину драгунскихъ, на половину гусарскихъ или конно-егерскихъ. Африканская кавалерія въ счетъ не вошла. Что касается до усиленія въ военное время отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій, то предполагается лишь сформировать по шестому эскадрону во всѣхъ полкахъ, кромѣ кирасирскихъ. Образованіе кадровъ кавалеріи резервовъ должно встрѣтить, по замѣчанію мѣстныхъ военныхъ газетъ, серьезныя затрудненія, побо-

ротъ которыя возможно будетъ лишь перечисленіемъ большаго числа кавалерійскихъ офицеровъ въ составъ резерва.

Французская постоянная армія была усилена въ прошломъ году новыми войсковыми частями. Въ пѣхотѣ сформированъ новый полкъ; мѣра эта вызвана необходимою воспользоваться всѣмъ контингентомъ, доставляемымъ марсельскимъ военнымъ отдѣломъ, который до сихъ поръ формировалъ одинъ дѣйствующій полкъ и два территориальныхъ пѣхотныхъ полка; между тѣмъ, по численности своего населенія, онъ могъ формировать по два полка обѣихъ категорій. Теперь французская линейная пѣхота состоитъ изъ 145 полковъ и каждому соотвѣтствуетъ свой территориальный полкъ. Новый полкъ вошелъ въ составъ 58-й пѣхотной бригады, 15-го корпуса, которая окончательно выдѣлила изъ своего состава пѣхотный полкъ, находящійся въ постоянной командировкѣ на островѣ Корсикѣ и фактически имѣетъ два полка. Затѣмъ, законъ 20-го іюля разрѣшилъ сформировать четвертые баталіоны въ 18-ти крѣпостныхъ пѣхотныхъ полкахъ, что повело къ усиленію постоянной арміи новыми 18-ю баталіонами. По финансовымъ соображеніямъ, люди для новыхъ баталіоновъ были взяты изъ состава другихъ пѣхотныхъ частей, но кадры созданы вновь. Далѣе, въ двухъ полкахъ алжирской пѣхоты было сформировано по одному баталіону и по запасной ротѣ, и, наконецъ, два кавалерійскихъ полка. Въ результатъ постоянная армія получила слѣдующій составъ: пѣхота: 145 полевыхъ полковъ по три баталіона, 18 крѣпостныхъ полковъ по четыре баталіона, 30 стрѣлковыхъ баталіоновъ по четыре и по шести ротъ, четыре полка зуавовъ по четыре баталіона и двѣ запасныхъ роты; пять баталіоновъ легкой африканской пѣхоты по шести ротъ; два полка по два баталіона и по двѣ запасныхъ роты, сформированные изъ иностранцевъ, и четыре полка алжирскихъ стрѣлковъ по четыре баталіона; кавалерія: 13 кирасирскихъ, 30 драгунскихъ, 21 конно-стрѣлковыхъ, 13 гусарскихъ и шесть конно-африканскихъ полковъ и четыре полка спагисовъ; артилерія: 19 полевыхъ полковъ по 12-ти ѣздящихъ батарей, 19 полковъ по три конныхъ и по девяти ѣздящихъ батарей; батареи Алжира и Корсики, горныя батареи; 16 крѣпостныхъ артилерійскихъ баталіоновъ по шести батарей; два полка понтонеровъ по 14-ти ротъ, три пиротехническія роты и 10 ротъ арсенальныхъ рабочихъ; инженерныя войска: три полка по пяти баталіоновъ и по обозной ротѣ, полкъ въ четыре баталіона съ обозной ротой; обозныя войска: 20 эскадроновъ и 12 смѣшанныхъ ротъ.

Давно разрабатываемый вопросъ объ организаціи колоніальной

армія былъ разрѣшенъ въ прошломъ году составленіемъ особаго законопроекта, который, впрочемъ, не получилъ еще силы закона. По проекту, колониальныя войска подчиняются военному министру, отдѣлены отъ войскъ сухопутной арміи, образуютъ самостоятельное цѣлое и содержатся на особый бюджетъ. Въ составъ колониальной арміи входятъ: 1) войсковыя части пѣхоты и кавалеріи въ числѣ 40 баталіоновъ метрополи, шесть баталіоновъ иностраннаго легіона, 20 баталіоновъ различныхъ колоній, 14 ѣздящихъ и 18 горныхъ батарей, двухъ крѣпостныхъ баталіоновъ по шести батарей, восьми рабочихъ ротъ, одной пиротехнической и одной роты ѣздовыхъ; 2) генералитетъ колониальной арміи; 3) отдѣльный штабъ колониальной пѣхоты; 4) отдѣльный штабъ колониальной артилеріи, и 5) учрежденія, завѣдующія укомплектованіемъ и мобилизаціей колониальныхъ войскъ.

Изданныя въ прошломъ году официальныя свѣдѣнія о выполненіи призыва къ отбыванію воинской повинности въ 1890 г. представляютъ особый интересъ, такъ какъ къ очередному возрасту въ первый разъ былъ примѣненъ законъ 1889 г. о воинской повинности. Общее число призывныхъ, считая и 5,315 иностранцевъ, вынимавшихъ жребій, составляло 310,275 человекъ. Изъ нихъ 29,620 человекъ были освобождены за негодностью къ военной службѣ, такъ что оставалось 280,655 человекъ. Трехлѣтней службѣ подлежало 140,718 человекъ; освобождены по семейному положенію и по другимъ причинамъ, предусмотрѣннымъ закономъ, 44,316 человекъ; поступило на службу ранѣе призыва 32,741 человекъ; получили отсрочки 39,997 человекъ; признаны годными для службы только въ войскахъ вспомогательнаго назначенія 22,792 человека; признаны недостойными служить въ арміи 91 человекъ; всего 280,655 человекъ. Изъ числа ранѣе получившихъ отсрочки признаны годными 19,951 человекъ. Зачислено на службу: во флотъ 11,400 человекъ, въ сухопутную армію: на три года 122,656 человекъ, на два года 10,315 человекъ, на одинъ годъ 60,502 человека, всего 193,478 человекъ. Въ общей численности призывнаго класса было: безграмотныхъ 26,051 человекъ, умѣвшихъ читать 6,638 человекъ, умѣвшихъ читать и писать 60,879 человекъ; получившихъ не полное первоначальное образованіе 197,245 человекъ, получившихъ полное первоначальное образованіе 3,908 человекъ; имѣющихъ дипломъ бакалавра 5,310 человекъ. Относительно 10,214 человекъ степень образованія не была проверена.

Въ прошломъ году, въ первый разъ получилъ фактическое при-

мѣненіе законъ о военномъ налогѣ. Въ изданномъ по этому предмету Положеніи сказано, что уплатѣ ежегоднаго военнаго налога подлежатъ всѣ военно-обязанные, которые, вслѣдствіе изыятія отъ службы, отсрочекъ отъ призыва, зачисленія въ войска вспомогательнаго назначенія, или во вторую часть контингента, освобожденій, а равно и по другимъ причинамъ не проходятъ службу въ дѣйствующей арміи. Военный налогъ состоитъ изъ двухъ частей: постоянный, въ размѣрѣ шести франковъ, и переменный, пропорціональный общимъ налогамъ, уплачиваемымъ заинтересованнымъ лицомъ. Отъ уплаты военнаго налога освобождаются: 1) уволенные въ продолжительный отпускъ для поправленія здоровья и уволенные въ отставку вслѣдствіе ранъ или болѣзней, полученныхъ на службѣ, и 2) плательщики податей, завѣдомо бѣдные. Трехлѣтнее пребываніе подъ знаменами, а равно перечисленіе въ резервъ територіальной арміи, окончательно освобождаетъ отъ уплаты военнаго налога. Положеніе о взиманіи военнаго налога трактуеть, прежде всего, о раскладкѣ военнаго налога, регулируя этотъ вопросъ сообразно подробностямъ общаго закона. Затѣмъ оно опредѣляетъ порядокъ составленія списковъ лицъ, подлежащихъ уплатѣ военнаго налога, указываетъ, какія для этого свѣдѣнія должны доставлять военныя, морскія и гражданскія власти, входитъ въ подробности сбора налога и опредѣляетъ порядокъ обжалованія на распоряженія, относящіяся до взиманія военнаго налога. Въ виду специально-финансоваго значенія этого документа, нѣтъ надобности приводить его изложенія; достаточно сказать, что и относительно военнаго налога во Франціи принять тотъ же способъ взиманія, который практикуется и по отношенію къ другимъ видамъ налоговъ.

По бюджету на текущій годъ штатная численность арміи установлена въ слѣдующихъ цифрахъ: 28,107 офицеровъ и гражданскихъ чиновъ, 42,795 унтеръ-офицеровъ, 84,759 ефрейторовъ и кадровыхъ нижнихъ чиновъ, 414,942 рядовыхъ; всего 570,603 человекъ и 138,990 лошадей. Дѣйствительная численность арміи, служащая основаніемъ для бюджетныхъ вычисленій, опредѣлена въ 524,984 человекъ. Недостающіе 45,619 человекъ приходится на находящихся въ отпуску безъ жалованья, въ госпиталяхъ, подѣдомъ и слѣдствіемъ и т. д. На самомъ дѣлѣ средній списочный составъ окажется менѣе бюджетнаго. Несомнѣнно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что министерство предусмотрѣло широкое пользованіе системой кратковременныхъ отпусковъ, ради финансовыхъ соображеній.

Изъ данныхъ росписа, между прочимъ, усматривается, что въ

текущемъ году новый законъ о службѣ генеральнаго штаба получить окончательное примѣненіе. Закономъ этимъ, какъ извѣстно, увеличенъ значительно штатный личный составъ, назначенный для исполненія службы генеральнаго штаба; новые штаты заполнялись постепенно, начиная съ 1890 года, и послѣдняя треть добавочныхъ должностей должна быть замѣщена въ текущемъ году. Штабной службой будетъ занято 1,134 офицера и чиновника; изъ нихъ 832 состоятъ въ постоянной командировкѣ, а 302—во временной. Что касается генералитета, то его бюджетный составъ опредѣленъ слѣдующими цифрами: два маршала, 97 дивизионныхъ генераловъ, изъ которыхъ семь оставлены на дѣйствительной службѣ по достиженіи предѣльнаго возраста, и 189 бригадныхъ генераловъ. По сравненію съ штатнымъ составомъ будетъ недоставать трехъ дивизионныхъ и 11-ти бригадныхъ генераловъ. Въ случаѣ мобилизациа, на дѣйствительную службу поступятъ 49 дивизионныхъ и 75 бригадныхъ, всего 124 генерала, числящихся въ кадрѣ резерва, и, кромѣ того, извѣстное число отставныхъ генераловъ, обязанныхъ въ теченіе пяти лѣтъ состоять въ распоряженіи военнаго министерства. Численность пѣхотныхъ войскъ, въ которыхъ не будетъ некомплекта, опредѣлена въ 11,971 офицера, 22,618 унтеръ-офицеровъ, 45,595 ефрейторовъ и кадровыхъ рядовыхъ и 258,524 рядовыхъ; всего 326,737 человекъ. Изъ общаго числа унтеръ-офицеровъ 11,716 человекъ, слѣдовательно, немного болѣе половины—сверхсрочные. На учебные сборы будетъ призвано: 4,375 офицеровъ и 225,107 нижнихъ чиновъ резерва и 6,922 офицера и 110,522 нижнихъ чина территоріальной арміи.

Новыхъ кавалерійскихъ полковъ въ текущемъ году формировать не предполагается, но рѣшено принять всѣ мѣры, чтобы два гусарскихъ или два кирасирскихъ полка могли быть сформированы въ началѣ 1893 года. Общая численность кавалеріи—3,804 офицера и 71,985 нижнихъ чиновъ. Число сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ изъ общаго числа 4,580 опредѣлено въ 2,716 человекъ. Изъ состава резерва будетъ призвано на учебные сборы 305 оберъ-офицеровъ, 100 ветеринарныхъ помощниковъ и 12,987 нижнихъ чиновъ, а изъ состава территоріальной арміи: 648 оберъ-офицеровъ, 50 ветеринаровъ и ихъ помощниковъ и 6,995 нижнихъ чиновъ. Численность артилеріи: 3,719 офицеровъ и 75,815 нижнихъ чиновъ. Изъ числа 7,191 унтеръ-офицера 3,331 сверхсрочные. На учебные сборы будетъ призвано: изъ состава резерва: 255 офицеровъ и 53,939 нижнихъ чиновъ; изъ состава территоріальной арміи: 1,040 офицеровъ и 27,723 нижнихъ чиновъ. Штатная численность инженерныхъ

войскъ: 434 офицера и 11,659 нижнихъ чиновъ. Изъ числа 1,076 унтеръ-офицеровъ 398 сверхсрочныхъ. На учебные сборы рѣшено призвать: 137 офицеровъ и 7,076 нижнихъ чиновъ изъ состава резерва и 212 офицеровъ и 3,806 нижнихъ чиновъ изъ состава территориальной арміи. Наконецъ, общая численность обозныхъ войскъ установлена въ 412 офицеровъ и 8,507 нижнихъ чиновъ. На учебные сборы подлежатъ призыву: изъ состава резерва: 160 офицеровъ и 18,550 нижнихъ чиновъ; изъ состава территориальной арміи: 271 офицеръ и 8,608 нижнихъ чиновъ.

Для устройства корпуса офицеровъ извѣстное значеніе имѣетъ новый законъ о чиновпроизводствѣ, которымъ, въ отмѣну дѣйствовавшихъ доселѣ правилъ, постановлено, что впредь въ войскахъ пѣхоты, кавалеріи и обозныхъ двѣ трети капитанскихъ ваканцій будутъ замѣщаемы производствомъ по старшинству. Затѣмъ, подпоручики названныхъ родовъ оружія будутъ производимы въ поручики по прослуженіи двухъ лѣтъ въ чинѣ. Различныя должности, замѣщаемыя согласно закону о кадрахъ подпоручиками, впредь могутъ быть замѣщаемы какъ подпоручиками, такъ и поручиками. Благодаря закону 18-го марта 1889 года, унтеръ-офицерскій вопросъ можно считать вполне разрѣшеннымъ во французской арміи. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ концѣ прошлаго года число сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ превышало 24,000 человекъ, т. е. ту цифру, достиженіе которой министерство ставило цѣлью своихъ усилій. Явилась даже возможность привлекать на сверхсрочную службу унтеръ-офицеровъ безъ выдачи премій, ограничивая ихъ преимущества единовременнымъ пособіемъ, усиленнымъ жалованьемъ и т. д.

Главнымъ проявленіемъ прошлогодней учебной дѣятельности французскихъ войскъ служили, по обыкновенію, большіе маневры. Къ участію въ общихъ маневрахъ были привлечены, какъ сказано, большія войсковыя массы, именно: 5-й, 6-й, 7-й и 8-й армейскіе корпуса, 1-я и 5-я кавалерійскія дивизіи и добавочныя части въ числѣ 16-ти баталіоновъ стрѣлковъ и морской пѣхоты. Войска эти сформировали двѣ маневренныхъ арміи: западную и восточную. Общее руководство маневрами было возложено на генерала Сосье. Каждая армія имѣла по два армейскихъ корпуса и по одной кавалерійской дивизіи, всего по 56 баталіоновъ пѣхоты, 40 эскадроновъ и 46 батарей. Призывомъ резервистовъ роты были пополнены до 180 человекъ, эскадронамъ приказано было выступить на маневры, имѣя по 125 строевыхъ нижнихъ чиновъ, а батареи запрягли по шести орудій. Боевая численность каждой арміи опредѣ-

лилась, такимъ образомъ, въ 40,320 ружей, 5,000 сабель и 276 орудій, а включая чиновъ полевой артилеріи, инженерныхъ войскъ, обоза и другихъ войскъ вспомогательнаго назначенія, въ каждой арміи на продовольствіи находилось, въ круглыхъ цифрахъ, до 60,000 человекъ, а въ обѣихъ арміяхъ — до 120,000 человекъ и 15,000 лошадей.

Спеціальная цѣль маневровъ отразилась и на общемъ ихъ ходѣ. Маневры были подраздѣлены на три періода; первый обнималъ операціи одного армейскаго корпуса противъ другаго, второй — операціи частныхъ армій и третій — операціи группы частныхъ армій противъ обозначеннаго противника. Театромъ маневровъ была мѣстность между рр. Сеной и Марной. Ко 2-му сентября войска окончили сосредоточеніе и слѣдующіе два дня были посвящены корпуснымъ маневрамъ; кавалерійскія дивизіи въ этихъ маневрахъ не участвовали. Вечеромъ, 4-го сентября, сошедшіяся стороны сформировали частныя арміи, къ которымъ присоединились и кавалерійскія дивизіи. Общее заданіе для маневровъ армій состояло въ слѣдующемъ: непріятельская армія перешла французскую границу и вторглась въ Шампанью; она направляется къ Парижу по долинѣ Марны. Достигнувъ Витри-ле-Франсэ, непріятельская армія получаетъ свѣдѣніе, что французская армія сосредоточилась у Лангра, и что она выдѣлила два корпуса — восточную маневренную армію — съ цѣлью угрожать лѣвому флангу вторгнувшейся арміи. Эта послѣдняя, съ своей стороны, отдѣлила два армейскихъ корпуса — западную маневренную армію — чтобы прикрыться съ юга. 5-го сентября арміи произвели маршъ и вошли въ соприкосновеніе; кавалерія имѣла авангардный бой. 6-го сентября — отдыхъ; 7-го сентября — бой у Коломбей, вызвавшій отступленіе западной арміи; 8-го сентября — переправа западной арміи черезъ р. Объ и наступленіе восточной арміи; 9-го сентября — бой на лѣвомъ берегу Оба и дальнѣйшее отступленіе западной арміи. 10-го сентября, изъ состава обѣихъ армій были выдѣлены 12 баталіоновъ, 20 эскадроновъ и 12 батарей, чтобы служить обозначеннымъ противникомъ. Затѣмъ, обѣ арміи были сведены подъ начальствомъ генерала Сосье, и на слѣдующій день начались маневры группы армій. По своему заданію, операціи соединенныхъ армій явились продолженіемъ операцій предшествующаго періода маневровъ. По прежнему предполагалось, что французская армія угрожаетъ флангу непріятельской арміи, двигающейся къ Парижу, черезъ Витри-ле-Франсэ. 11-го сентября арміи совершили маршъ изъ долины Оба въ долину Сены. 12-го, войдя въ соприкос-

новеніе съ непріятелемъ, арміи перемѣнили фронтъ и одинъ изъ корпусовъ имѣлъ стычку съ противникомъ. Въ ночь на 13-е произошелъ ночной бой. Отдохнувъ, войска разыграли двухдневное сраженіе въ окрестностяхъ Витри. 17-го сентября произошелъ общій парадъ.

Тактическая сторона маневровъ послужила предметомъ тщательнаго регулированія въ особыхъ инструкціяхъ, изданныхъ главнокомандующимъ. Продовольственная часть была устроена весьма заботливо; войска имѣли въ широкомъ размѣрѣ подвижные и неподвижные запасы провіанта, фуража и приварочныхъ продуктовъ, полевая хлѣбопекарня, гурты бойнаго скота. Организация санитарной части на маневрахъ состояла въ устройствѣ полевыхъ лазаретовъ, по одному на корпусъ, и по одному полевому госпиталю на два армейскихъ корпуса. Кромѣ того, войска имѣли положенныя имъ войсковыя лечебныя заведенія. Военный телеграфъ получалъ на маневрахъ широкое примѣненіе. Въ теченіе всѣхъ 15-ти дней квартира главнокомандующаго была соединена телеграфомъ съ управленіями армій, а эти послѣднія — съ корпусными управленіями. При расположеніи войскъ на квартирахъ, главнокомандующій пользовался, когда было возможно, для сношеній съ командующими арміями, также и телефономъ. Всѣ эти сообщенія были устраиваемы военно-телеграфными отдѣленіями. Наконецъ, въ извѣстные дни оптической телеграфъ дублировалъ электрической и тоже служилъ средствомъ сообщенія между главнокомандующимъ и командующими арміями.

Маневрировавшія войска были снабжены полевыми казначействами и почтовыми учрежденіями. Въ теченіе 15-ти дней казначейства уплатили 3.890,000 франковъ, причемъ 3.440,000 франковъ составляли жалованье войскъ и другіе виды денежнаго довольствія войскъ, а 450,000 франковъ были уплачены по почтовымъ переводамъ, число которыхъ достигало 43,000. Наконецъ, остается сказать, что во время маневровъ были испытаны новыя лагерныя палатки, новый головной уборъ для кавалеріи, пѣхотныя шинели, небольшіе ящики для подвоза патроновъ на линію огня, новые образцы полевыхъ хлѣбопекаренъ, особыя повозки для военнаго телеграфа и телефона и т. д.

Спеціальныя кавалерійскіе сборы происходили, по обыкновенію, въ Шалонскомъ лагерѣ, гдѣ въ продолженіе 12-ти дней были собраны 2-я и 6-я кавалерійскія дивизіи, имѣвшія каждая по шести полковъ и по три конныхъ батареи. Дивизіи сосредоточивались въ лагерь походнымъ порядкомъ. Въ исполненіе заранѣе составленной

программы сборовъ, два дня были посвящены полковымъ маневрамъ, два дня—бригаднымъ и три дня—дивизионнымъ. Затѣмъ, дивизіи были выведены изъ лагернаго раіона и упражнялись въ производствѣ рекогносцировокъ, въ маневрированіи и въ разыгрываніи кавалерійскихъ боевъ. Въ спеціальныхъ артилерійскихъ сборахъ, происходившихъ тоже въ Шалонскомъ лагерѣ, участвовали полки 7-й и 19-й артилерійскихъ бригадъ, равно какъ конныя батареи 2-й и 3-й кавалерійскихъ дивизій, такъ что маневрировавшія части изображали артилерію армейскаго корпуса при полномъ составѣ орудій въ батареяхъ, съ шестью зарядными ящиками на батарею и съ тремя отдѣленіями летучаго парка. Маневры состояли въ производствѣ маршей, въ выборѣ и занятіи артилерійскихъ позицій, въ регулированіи огня и въ опредѣленіи способа подвоза снарядовъ на позиціи. Сборы продолжались 10 дней.

Относительно снабженія войскъ въ прошломъ году были приняты нѣкоторыя мѣры, имѣющія болѣе или менѣе серьезное значеніе. Къ числу ихъ относится, прежде всего, возстановленіе полковыхъ мастерскихъ. Согласно закона 24-го іюля 1873 года, установленнаго общую организацію французской арміи, и по закону 13-го марта 1875 года о составѣ кадровъ, нестроевыя роты, состоявшія до того времени въ каждомъ полку, были упразднены и изготовленіе всѣхъ предметовъ обмундированія и снаряженія было предоставлено частной промышленности. Въ полкахъ осталось лишь небольшое число мастеровыхъ, которые должны были нести строевую службу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнять нѣкоторыя работы по исправленію и починкѣ вещей. Такой способъ заготовленія не замедлил, однако, оказаться на практикѣ весьма неудовлетворительнымъ. Войска постоянно жаловались какъ на дурное качество матеріаловъ, такъ и на плохое изготовленіе вещей. Жалобы эти, справедливость которыхъ была неоспоримо доказана, заставили высшее военное управленіе возстановить систему изготовленія вещей въ полковыхъ мастерскихъ. Съ 1-го февраля прошлаго года во всѣхъ полкахъ началось изготовленіе предметовъ обмундированія и обуви въ полковыхъ мастерскихъ, но не въ полномъ потребномъ количествѣ, такъ какъ заключенные съ частными промышленниками контракты истекаютъ только 31-го декабря 1893 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимыя рабочіе и мастеровые будутъ нанимаемы частями со стороны, такъ что число нестроевыхъ въ полкахъ останется прежнее. Трехлѣтній опытъ долженъ выяснить, будутъ-ли въ состояніи полковыя мастерскія, пользуясь наемными рабочими, удовлетворить требованіямъ веще-

ваго довольствія войскъ постоянной арміи и многочисленныхъ резервовъ.

Приведенныя выше, при изложеніи данныхъ о прошлогодней учебной дѣятельности французскихъ войскъ, свѣдѣнія показываютъ, что проектированіе новыхъ предметовъ обмундированія и снаряженія войскъ, испытаніе этихъ предметовъ какъ при условіяхъ обыкновенной, гарнизонной службы, такъ и маневрахъ, т. е. при условіяхъ походной службы и, наконецъ, заготовка принятыхъ предметовъ продолжаются обычнымъ порядкомъ. Продовольственные запасы военного времени доводились до 30-ти-дневной пропорціи и были приняты мѣры къ обезпеченію продовольствіемъ, въ военное время, гражданскаго населенія крѣпостей. Предѣльный срокъ, на который рѣшено заблаговременно заготовить этого рода запасы, установленъ двухмѣсячный. Заготавливается только хлѣбъ, на половину въ зернѣ, на половину въ мукѣ. Къ участию въ расходахъ привлечены также и тѣ изъ городовъ и общинъ, численность населенія которыхъ доходитъ до 40,000 человекъ и болѣе; они уплачиваютъ половину всей необходимой суммы, а другая половина вносится государствомъ. Общая численность населенія крѣпостныхъ раіоновъ определена въ 4.992,594 человекъ; единовременные расходы на образованіе запаса исчислены въ размѣрѣ 43.097,210 франковъ, а расходы по храненію, освѣженію и т. д. въ размѣрѣ 4.187,407 франковъ.

Перевооруженіе французской арміи ружьями уменьшеннаго калибра и заготовка малодымнаго пороха близятся къ концу. Въ прошломъ году было асигновано на изготовленіе ручнаго огнестрѣльнаго и холоднаго оружія 24.460,000 франковъ, на снаряды и патроны—4.970,000 франк., на пороховые магазины—6.365,000 франк., на матеріальную часть полевой артилеріи — 15.200,000 франк. и 5.500,000 франк. на артилерійское снабженіе крѣпостей.

Перестройка крѣпостной системы продолжалась согласно установленному плану. На крѣпостныя работы было асигновано въ прошломъ году 18.500,000 франковъ.

Военные расходы Франціи въ прошломъ году составили 675.729,040 франковъ, причемъ въ эту сумму включены и чрезвычайные расходы въ количествѣ свыше 108.000,000 франковъ. Сравнительно съ первоначальными требованіями военнаго министерства расходы были уменьшены почти на 43.000,000 франковъ. Затѣмъ въ теченіе года былъ разрѣшенъ добавочный кредитъ въ размѣрѣ 13.344,909 франк., обусловленный увеличеніемъ цѣнъ на сѣстные

припасы и возрастаніемъ расходовъ по содержанію сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ.

Въ проектѣ росписи на текущій годъ по смѣтѣ обыкновенныхъ издержекъ военный министръ требовалъ 585.118,197 франк., на 17.449,157 франк. болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Возрастаніе расходовъ вызвано преимущественно увеличеніемъ мирной численности арміи. Согласно бюджету, въ прошломъ году подъ знаменами должно было находиться: въ дѣйствующей арміи: 27,050 офицеровъ и 510,051 нижнихъ чиновъ, въ жандармеріи: 733 офицера и 25,027 нижнихъ чиновъ и 137,945 лошадей. Въ основу смѣтныхъ исчислений на текущій годъ положены слѣдующія цифры: 27,374 офицера и 517,269 нижнихъ чиновъ дѣйствующей арміи; 733 офицера и 25,027 нижнихъ чиновъ жандармеріи и 138,990 лошадей. Слѣдовательно, мирная численность арміи должна возрасти на 324 офицера, 7,418 нижнихъ чиновъ и 1,015 лошадей. Относительно офицеровъ министръ объяснялъ, что число ихъ увеличилось вслѣдствіе выполнения законовъ, вотированныхъ ранѣе, а равно замѣщеніемъ тѣхъ ваканцій, которыя умышленно были оставлены свободными при составленіи смѣты прошлаго года. Упомянутые выше законы слѣдующіе: законъ 14-го іюля 1890 года, увеличившій кадръ генераловъ резерва; законъ 24-го іюня 1890 года объ исполненіи службы генеральнаго штаба, увеличившій штатное число офицеровъ, исполняющихъ службу генеральнаго штаба, и законъ 24-го декабря 1888 года относительно реорганизациі стрѣлковыхъ баталіоновъ, постановившій, что извѣстное число баталіоновъ должно быть переформировано изъ четырехротнаго въ шести-ротный составъ. Что касается нижнихъ чиновъ, то увеличеніе численности ихъ на 7,418 человекъ произошло отъ замѣщенія некомплекта, происшедшаго вслѣдствіе сокращеній въ бюджетѣ прошлаго года. Кромѣ того, нѣсколько увеличилась численность дисциплинарныхъ частей. Примѣненіе закона о производствѣ въ поручики, послѣ двухлѣтней службы въ чинѣ, подпоручиковъ пѣхоты, кавалеріи и обозныхъ войскъ, вызвало новый расходъ въ 496.830 франковъ. Изъ новыхъ кредитовъ можно указать еще на 550,000 франковъ, потребованныхъ для производства конской переписи. До сихъ поръ операція эта производилась черезъ годъ и обходилась въ 700,000 франковъ. Военный министръ нашегь, что конская перепись, по своему серьезному значенію, должна производиться ежегодно. Смѣта чрезвычайныхъ расходовъ составлена въ суммѣ 85.402,500 франковъ. на 22.657,500 франковъ менѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Чрезвычайные расходы, по преж-

нему, предназначены на изготовленіе новаго вооруженія, на постройку фортовъ, казармъ и т. д.

Въ общемъ, въ росписи на 1892 годъ военные расходы опредѣлены въ 670.520,697 франковъ, на 5.200,343 франка менѣе, чѣмъ въ росписи на прошлый годъ.

Въ *Италии* коренной военно-организаціонной мѣрой прошлаго года было изданіе закона, измѣнившаго принятыя до сихъ поръ сроки службы, съ цѣлью увеличенія общей численности обученныхъ чиновъ, входящихъ въ составъ сухопутныхъ силъ королевства. По закону 1888 г., общій срокъ военной службы былъ 19-лѣтній; законъ 28-го іюня прошлаго года продолжилъ срокъ службы обученныхъ чиновъ шести старшихъ возрастовъ: двухъ на три года, двухъ на два года и двухъ на одинъ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ военному министру разрѣшено перечислять, до 1898 г., изъ подвижной милиціи въ территориальную милицію лишь въ концѣ 15-го года службы, а не 12-го, какъ было принято до сихъ поръ. Наконецъ, численность первой категоріи контингента, обязанной трехлѣтней службой подъ знаменами, увеличена съ 82,000 человекъ на 95,000 человекъ, но съ условіемъ, чтобы 39,000 человекъ были увольняемы въ запасъ по прослуженіи двухъ лѣтъ подъ знаменами.

Генераль Пеллу мотивировалъ необходимость новаго закона недостаткомъ обученныхъ чиновъ для выполненія существующаго мобилизаціоннаго росписанія италянскихъ сухопутныхъ силъ. Хотя въ *Италии* считается по спискамъ 2.800,000 военно-обязанныхъ, но все-таки, по словамъ военнаго министра, она не могла бы, какъ предполагается, мобилизовать дѣйствующую армію въ 450,000 человекъ, подвижную милицію въ 220,000 человекъ и территориальную милицію въ 420,000 человекъ, по неимѣнію потребнаго числа вполнѣ обученныхъ нижнихъ чиновъ. Военно-обязанныхъ, пробывшихъ годъ подъ знаменами, или совсѣмъ не бывшихъ на дѣйствительной службѣ, въ избыткѣ, а солдатъ недостаетъ. Постоянная армія, располагая девятью возрастами, еще можетъ выйти въ поле, имѣя по 225—235 человекъ въ ротѣ, но въ подвижной милиціи недочетъ будетъ весьма значителенъ и новый законъ имѣетъ спеціальную цѣль пополнить этотъ недочетъ, не разстраивая, вмѣстѣ съ тѣмъ, формированіе частей территориальной милиціи. Простѣйшимъ средствомъ достигнуть этой цѣли было бы удлиненіе общаго срока службы на два или на три года. Благодаря этой мѣрѣ, къ участию въ формированіи подвижной и территориальной милиціи могло быть привлечено большее число возрастовъ, чѣмъ до сихъ поръ. Но такой способъ разрѣшенія

вопроса вызвалъ бы необходимость возвращать на службу лицъ, уже отбывшихъ полный срокъ повинности, что тяжело отозвалось бы на интересахъ населенія. Кромѣ того, въ составъ арміи поступило бы значительное число лицъ, относительно старыхъ, въ большинствѣ женатыхъ, содержащихъ семейства своимъ трудомъ и, къ тому же, обладающихъ весьма сомнительными военными качествами. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, военное министерство предпочло продолжить срокъ службы лишь для нѣкоторыхъ возрастовъ и, покрывъ этимъ путемъ недочетъ, приняло, одновременно съ этимъ, особыя мѣры къ тому, чтобы предупредить въ будущемъ необходимость исключительныхъ мѣропріятій для устраненія недостатка въ обученныхъ чинахъ.

Въ Италіи численность контингента устанавливается ежегодно въ законодательномъ порядкѣ и обстоятельство это позволяетъ, увеличивая число новобранцевъ, медленно, но методически увеличивать также и численность обученныхъ чиновъ. Ежегодный приростъ новобранцевъ на 13,000 человекъ даетъ, по прошествіи, на примѣръ, 20-ти лѣтъ, добавочныхъ 260,000 человекъ, не считая убыли, прошедшихъ черезъ ряды постоянной арміи. Этого добавочнаго запаса достанетъ для укомплектованія, по военному составу, какъ дѣйствующей арміи, такъ и обѣихъ милицій. Но увеличеніе контингента повело бы къ значительному возрастанію расходовъ, если эту мѣру не комбинировать съ преждевременнымъ увольненіемъ въ запасъ соответствующаго числа нижнихъ чиновъ, находящихся подъ знаменами. Соображенія эти объясняютъ изданіе закона о контингентѣ въ 95,000 человекъ съ условіемъ, чтобы въ первый годъ примѣненія закона было преждевременно уволено 13,000 человекъ, во второй годъ—26,000 человекъ, а въ третій годъ—39,000 человекъ. Такъ какъ пройдетъ извѣстное время, пока законъ не окажетъ полного дѣйствія, а недочетъ надо пополнить немедленно, то до 1898 года служба въ подвижной милиціи продолжена на три года.

При обсужденіи въ парламентѣ изложеннаго закона было принято нѣсколько существенныхъ вопросовъ, между прочимъ, вопросъ о сокращеніи дѣйствительной службы до двухъ лѣтъ. Въ палатѣ депутатовъ нашлось не мало сторонниковъ отмѣны подраздѣленія контингента на три части и установленія общаго для всѣхъ двухлѣтняго срока дѣйствительной службы. «Несомнѣнно, говорилъ одинъ изъ депутатовъ, что нынѣшняя система трехлѣтней службы съ подраздѣленіемъ контингента на три категоріи, причѣмъ люди двухъ категорій или недостаточно, или совсѣмъ не обучены, представляетъ серьезныя неудобства по отношенію къ односторонности состава по-

стояннѣй арміи, комплектуемой отчасти людьми второй категоріи контингента. Что касается до подвижной и территоріальной милиціи, то число обученныхъ чиновъ, поступающихъ въ ихъ составъ, крайне незначительно и поэтому боевое значеніе этихъ категорій сухопутныхъ силъ совершенно ничтожно. Списочный составъ сухопутныхъ силъ, конечно, сократится при установленіи одной единственной категоріи контингента, такъ какъ въ спискахъ не будетъ болѣе значиться безполезныхъ чиновъ, но за то всѣ, внесенные въ списки, будутъ одинаково обучены и почти равноцѣнны въ боевомъ отношеніи. Слѣдуетъ, поэтому, отказаться отъ призрака 3.000,000-ной арміи и стремиться, прежде всего, къ созданію однородной арміи, призывая ежегодно подъ знамена на два года всѣхъ годныхъ къ военной службѣ лицъ. При такой системѣ девять возрастовъ дѣйствующей арміи доставятъ 743,000 челов., пять возрастовъ подвижной милиціи—330,000 челов. и пять возрастовъ территоріальной милиціи—221,000 челов. и всѣ эти 1.294,000 человѣкъ будутъ одинаково обучены и позволятъ сформировать настоящія боевыя единицы, располагающія соотвѣтственнымъ числомъ запасныхъ частей.

Другіе ораторы указывали, что принятіе двухлѣтней дѣйствительной службы и отмѣна подраздѣленія контингента поведетъ къ сокращенію расходовъ по призыву по учебнымъ сборамъ и по нѣкоторымъ статьямъ военной смѣты. Наконецъ, самъ военный министръ заявилъ, что, въ принципѣ, онъ принадлежитъ къ числу сторонниковъ двухлѣтней дѣйствительной службы; по его мнѣнію, переходъ къ этому сроку неизбеженъ, «но, — сказалъ генераль Пеллу, — страна еще не подготовлена къ этой реформѣ; надо выждать время и дать идеѣ распространиться среди населенія». Въ виду такого отношенія къ вопросу правительства и законодательной власти, есть основаніе думать, что разъ производимый въ настоящее время въ широкихъ размѣрахъ опытъ двухлѣтней службы дастъ хорошіе результаты въ учебномъ отношеніи, общій переходъ къ двухлѣтнему сроку пребыванія подъ знаменами не замедлитъ стать въ Италіи совершившимся фактомъ.

Кромѣ изложенной основной организаціонной мѣры былъ принятъ рядъ другихъ, преимущественно по бюджетнымъ соображеніямъ. Въ принятой системѣ мобилизаціи произведены нѣкоторыя измѣненія и хотя подробности реформы не объявлены, но, по заявленію военнаго министра, вопросъ шель о томъ, чтобы упростить нынѣшніе мобилизаціонные порядки и, въ связи съ этимъ, пересмотрѣть весь мобилизаціонный планъ. Затѣмъ идутъ мѣры, касающіяся де-

нежнаго довольствія офицеровъ. Принимая во вниманіе топографическія свойства вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, на которыхъ можетъ оперировать италіанская армія, военный министръ счелъ, что верховыя лошади не только не необходимы для ротныхъ командировъ пѣшихъ войскъ, но даже обременительны; кромѣ того, для ухода за ними приходится выводить изъ строя до 1,500 нижнихъ чиновъ. Поэтому было рѣшено отмѣнить выдачу ротнымъ командирамъ фуражныхъ денегъ и особыхъ пособій на пріобрѣтеніе лошадей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ. Далѣе, уменьшены денежные отпуска генераламъ и преподавателямъ военно-учебныхъ заведеній. Слѣдующая категорія мѣропріятій касается сокращенія нѣкоторыхъ штатовъ. Такъ, главныя управленія округовъ пополненія упразднены и обязанности ихъ переданы управленіямъ дивизионныхъ округовъ, Штаты офицеровъ и гражданскихъ чиновъ сокращены на 702 чело-вѣка, причемъ сокращеніе распространилось на штаты всѣхъ родовъ оружія, кромѣ кавалеріи, а также и на штаты генеральнаго штаба (12 офицеровъ). Рѣшено уволить въ отставку всѣхъ получающихъ пенсіи и состоящихъ въ распоряженіи военнаго министерства офицеровъ, пользованіе которыми при мобилизаціи представляется сомнительнымъ по состоянію ихъ здоровья. Для офицеровъ этихъ установленъ предѣльный возрастъ. Число артилерійскихъ, техническихъ, военно-судныхъ и военно-исправительныхъ учрежденій сокращено, а равно число неплатныхъ и полуплатныхъ ваканцій въ милитаризованныхъ коллегіяхъ. Наконецъ, учебныя батареи и учебная крѣпостная артилерійская рота упразднены.

Войска африканскихъ колоній Италіи получили новую организацію. Согласно королевскому повелѣнію отъ 11-го іюня прошлаго года, въ составъ экспедиціоннаго корпуса входятъ:

- 1) главное управленіе: въ составѣ генерала, 18-ти офицеровъ, 38-ми нижнихъ чиновъ и 24-хъ лошадей; 2) мѣстныя артилерійскія и инженерныя управленія: восемь офицеровъ, 20 нижнихъ чиновъ и 10 лошадей; 3) хозяйственная и санитарная части: 29 офицеровъ, 65 нижнихъ чиновъ и восемь лошадей; 4) судебная часть: два офицера и восемь нижнихъ чиновъ; 5) жандармская рота: четыре офицера, 125 нижнихъ чиновъ и 46 лошадей; 6) стрѣлковый баталіонъ (италіанскій): 27 офицеровъ, 916 нижнихъ чиновъ и 52 лошади; 7) четыре пѣхотныхъ баталіона (туземныхъ): 192 офицера, 3,272 чело-вѣка нижнихъ чиновъ и 248 лошадей. Изъ числа офицеровъ 60 италіанцевъ, а изъ числа нижнихъ чиновъ—28; 8) два эскадрона кавалеріи (туземные): 10 офицеровъ, 306 нижнихъ чиновъ, 331 ло-

падь. Всѣ офицеры италіянцы, а изъ нижнихъ чиновъ—52; 9) двѣ батареи горной артилеріи: шесть офицеровъ, 266 нижнихъ чиновъ, 196 вьючныхъ животныхъ и 12 орудій. Всѣ офицеры италіянцы, а изъ нижнихъ чиновъ—36; 10) рота крѣпостной артилеріи съ командой рабочихъ: шесть офицеровъ, 250 нижнихъ чиновъ и шесть лошадей; 11) піонерная рота: пять офицеровъ, 200 нижнихъ чиновъ и пять лошадей; 12) желѣзнодорожная и воздухоплавательная рота: пять офицеровъ, 200 нижнихъ чиновъ и пять лошадей; 13) продовольственная и санитарная рота: шесть офицеровъ, 240 нижнихъ чиновъ и восемь лошадей; 14) обозная рота: четыре офицера, 157 нижнихъ чиновъ и 140 вьючныхъ животныхъ; 15) центральный складъ въ Неаполѣ и отдѣленіе въ Массовѣ: 23 офицера, 61 чело-вѣкъ нижнихъ чиновъ и три лошади; общая численность: 12 генераловъ и штабъ-офицеровъ, 314 оберъ-офицеровъ, 33 гражданскихъ чиновника, 6,122 чело-вѣка нижнихъ чиновъ, 1,075 лошадей и вьючныхъ животныхъ и 12 орудій. Продолжительность пребыванія въ Африкѣ опредѣлена для офицеровъ отъ 18-ти мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ, а для нижнихъ чиновъ—отъ одного до двухъ лѣтъ. За службу въ африканскихъ войскахъ офицерамъ полагается усиленное содержаніе въ видѣ суточныхъ денегъ, окладъ которыхъ измѣняется отъ 3-хъ франковъ до 7-ми франк. 80-ти сант., въ зависимости отъ чиновъ и отъ состоянія на службѣ въ италіанскихъ, или въ туземныхъ частяхъ. Кромѣ того, офицерамъ полагается единовременное пособіе отъ 300 до 1,000 франковъ. Жалованье нижнимъ чинамъ установлено отъ 1 фр. 40 сант. до 4-хъ франк. 85-ти сант. въ день; добавочныя къ жалованью опредѣлены въ размѣрѣ 30-ти сант. и 50-ти сант. въ день.

Отмѣненные нѣсколько лѣтъ тому назадъ экзамены для капитановъ пѣхоты и ротмистровъ кавалеріи, представленныхъ къ производству за отличіе, снова возстановлены. Всѣхъ экзаменовъ—пять; програмы ихъ составлены съ такимъ расчетомъ, чтобы экзаменующіеся могли выказать какъ свое общее военное образованіе, такъ и спеціальную подготовку къ исполненію предстоящихъ имъ обязанностей. Выдержавшіе съ успѣхомъ испытаніе, производятся въ первый штабъ-офицерскій чинъ вслѣдъ затѣмъ, какъ будутъ значиться въ числѣ первыхъ шести офицеровъ по спискамъ старшинства со-отвѣтствующихъ родовъ оружія. Въ артилеріи и инженерныхъ войскахъ чинопроизводство по прежнему будетъ происходить только по старшинству.

Согласно новымъ правиламъ о вступленіи въ бракъ нижнихъ чи-

новъ, разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ дается военнымъ министромъ, которому предоставлено, впрочемъ, передавать свое полномочіе командующимъ войсками въ округахъ. Ходатайства рядовыхъ и ефрейторовъ должны быть удовлетворяемы лишь въ исключительныхъ случаяхъ; отъ унтеръ-офицеровъ, пробывшихъ восемь лѣтъ на службѣ, требуется годовой доходъ не менѣе 300 франковъ, получаемый съ государственныхъ процентныхъ бумагъ, находящихся на храненіи въ полкахъ; унтеръ-офицеры, прослужившіе 12 лѣтъ и получающіе ежегодное добавочное содержаніе въ 365 франковъ, освобождены отъ упомянутаго выше обязательства.

Кооперативное движеніе, сильно распространившееся въ настоящее время въ Италіи, вызвало, между прочимъ, основаніе страхового общества для унтеръ-офицеровъ. Членами общества могутъ быть только унтеръ-офицеры запаса и отставные, но ни въ какомъ случаѣ не состоящіе на дѣйствительной службѣ. Въ сферу дѣятельности общества входятъ: 1) выдача вспомоствованій въ случаѣ болѣзни и на погребеніе; 2) выдача пенсій въ случаѣ неспособности къ труду; 3) выдача пособій нуждающимся вдовамъ и сиротамъ; 4) выдача долгосрочныхъ ссудъ изъ 8% годовыхъ; къ этого рода операціямъ общество приступитъ, когда специально назначенный для того фондъ достигнетъ 5,000 франковъ; 5) посредничество при опредѣленіи на мѣста и вполнѣдствіи, если позволять средства, страхованіе получаемаго содержанія. Желаящій поступитъ въ члены общества долженъ представить увольнительный билетъ, атестатъ въ хорошемъ поведеніи, свидѣтельство о состояніи здоровья, выдаваемое врачомъ общества, и письменное обязательство въ подчиненіи уставу общества. Вступительный взносъ для лицъ моложе 40 лѣтъ назначенъ въ четыре франка, для лицъ въ возрастѣ отъ 40 до 50-ти лѣтъ — въ пять франковъ; лица старше 50-ти лѣтъ въ члены не принимаются. Ежемѣсячный взносъ назначенъ въ 1½ франка. Доходы общества идутъ на образованіе двухъ отдѣльныхъ капиталовъ, причемъ одинъ поступаетъ для выдачи вспомоствованій въ случаѣ болѣзни и на погребеніе, а второй — на расходы по остальнымъ отраслямъ дѣятельности общества. Распредѣленіе доходовъ принято такое: 10% прямо отчисляется во второй изъ названныхъ капиталовъ; двѣ-трети остающейся суммы идетъ въ первый капиталъ, а одна треть — во второй. Каждый членъ, дѣлавшій взносы въ теченіе шести мѣсяцевъ, имѣетъ право на бесплатную медицинскую помощь и на даровые медикаменты, а съ третьяго по 40-й день болѣзни — на ежедневное пособіе въ размѣрѣ двухъ франковъ. Кромѣ того, выдаются еще от-

дѣльныя пособія, размѣръ которыхъ зависитъ отъ состоянія капита-
ловъ общества.

Въ прошломъ году, въ лѣтнихъ сборахъ участвовало больш-
шинство войскъ италіанской постоянной арміи. Въ каждомъ корпус-
номъ округѣ было устроено по два учебныхъ лагеря, всего 24 лагеря,
въ которыхъ были сосредоточены для упражненій войска всѣхъ ро-
довъ оружія. Въ сборѣ участвовало не менѣе бригады пѣхоты, эскад-
рона кавалеріи и одной, двухъ батарей артилеріи; въ нѣкоторыхъ
сборахъ пѣхотная бригада усиливалась стрѣлковымъ полкомъ, кавалерія
доводилась до состава четырехъ эскадроновъ, а также привле-
кались къ участию инженерныя войска. Продолжительность сборовъ
была опредѣлена въ 25 дней. Въ районѣ 5-го корпуса состоялся спе-
ціальнѣй кавалерійскій сборъ, продолжительностью въ 30 дней; въ
немъ участвовали двѣ бригады по два полка и двѣ конныхъ батареи.
Кромѣ того, въ трехъ корпусахъ произошли обширныя упражненія
кавалеріи въ развѣдывательной службѣ. Въ нихъ были назначены
участвовать: въ 1-мъ корпусѣ—два полка, въ 8-мъ корпусѣ—тоже
два полка и въ 10-мъ корпусѣ—четыре полка и двѣ батареи. Поле-
вые артилерійскіе полки проходили на различныхъ полигонахъ и
стрѣльбищахъ установленный курсъ стрѣльбы. Изъ состава запаса
призывалось на учебныя сборы до 60,000 человекъ, на срокъ отъ
18-ти до 45-ти дней.

Военныя расходы на 1891—1892 финансовый годъ разрѣ-
шены въ слѣдующемъ размѣрѣ: обыкновенныя расходы—243.200,000
франковъ, чрезвычайныя расходы—16.500,000 франковъ и добавоч-
ный чрезвычайный кредитъ на перевооруженіе артилеріи и пѣхоты—
8.600,000 франковъ, всего 268.000,000 франковъ. Въ теченіе по-
слѣднихъ лѣтъ, именно, съ 1-го января 1880 г. по 1-е іюля 1890 г.,
въ Италіи было израсходовано на военныя надобности 2,891.000,000
франковъ, причемъ 2,308.000,000 франковъ приходится на обыкно-
венныя издержки, а 583.000,000 франковъ—на чрезвычайныя.

Въ *Англии* прошлогоднія организаціонныя мѣропріятія имѣютъ
второстепенное значеніе, но необходимость коренныхъ реформъ въ
устройствѣ сухопутныхъ силъ королевства становится съ каждымъ
годомъ настоятельнѣе. Въ военной печати все чаще высказываются
мнѣнія въ пользу введенія всеобщей воинской повинности. Дѣло въ
томъ, что военная служба становится все менѣе симпатичной мас-
самъ. Общественныя классы, доставлявшіе арміи лучшій контин-
гентъ, теряютъ прежнее предпочтеніе къ военной профессіи. Чувство
независимости весьма развилось у англичанъ; они только тогда охот-

но принимаются за тяжелую работу, когда знаютъ, что свободны оставить ее по желанію. Монотонность службы мирнаго времени, ограниченіе личной свободы, слабая надежда достигнуть чего нибудь на службѣ—все это отвлекаетъ молодыхъ англичанъ отъ поступленія въ армію. Казарменная жизнь не пользуется хорошей репутаціей въ нравственномъ отношеніи; служба въ колоніяхъ грозитъ полнымъ разстройствомъ здоровья; сотни примѣровъ доказываютъ, что покинувшіе ряды арміи нижніе чины истрачиваютъ ранѣе свои сбереженія, чѣмъ находятъ работу, и что бывшихъ солдатъ берутъ на работу въ особенности неохотно, если они состоятъ еще въ резервѣ. Наконецъ, очень многіе солдаты покидаютъ службу совершенно негодными къ труду, а назначаемыхъ имъ пенсій недостаточно для ихъ пропитанія. Все это дѣлаетъ службу въ арміи непопулярной. Если сохранить вербовку и брать въ войска только годныхъ людей, то необходимо тратить на содержаніе арміи требуемой численности такія суммы, которыхъ не въ состояніи тратить даже богатая Англія. Единственный выходъ изъ этого положенія представляетъ введеніе всеобщей воинской повинности.

Послѣдній officialный отчетъ о пополненіи арміи то же признаетъ неудовлетворительность нынѣшнихъ условій комплектованія постоянныхъ войскъ и хотя не высказывается еще за общеобязательную повинность, но ставитъ, тѣмъ не менѣе, серьезныя требованія.

Въ 1890 году въ армію было зачислено 31,407 рекрутъ, причемъ 1,714 человекъ поступили на 12-ти-лѣтнюю дѣйствительную службу, а остальные 29,693 человекъ частью на семилѣтнюю, частью на трехлѣтнюю службу подъ знаменами, съ обязательствомъ пробыть затѣмъ пять или девять лѣтъ въ составѣ резерва. Контингентъ 1890 г. на 2,006 человекъ болѣе контингента 1889 г. и на 6,254 человекъ болѣе контингента 1886 г.; по численности онъ равняется контингенту 1887 г. и менѣе на 8,002 человекъ контингента 1886 г. Поступившіе въ 1890 году новобранцы не покрыли, однако, происшедшей въ войскахъ убыли; на примѣръ, въ пѣхотѣ въ началѣ года состояло 129,555 человекъ, а въ концѣ года было на 348 человекъ менѣе, несмотря на то, что въ пѣхотныя части поступило 19,296 рекрутъ. Значительная часть рекрутъ поступаетъ изъ состава нижнихъ чиновъ милиціи, что отзывалось неблагоприятно на численности и устройствѣ этой категоріи вооруженныхъ силъ страны. Число милиціонеровъ уменьшилось въ прошломъ году на 1,865 человекъ. Въ общемъ, докладъ признаетъ современныя условія пополненія англійской постоянной арміи неудовлетворительными и высказываетъ слѣ-

дующія требованія: 1) чтобы армія комплектовалась нормальнымъ путемъ, безъ пополненія милиціей; 2) чтобы чины резерва были призываемы на періодическія строевыя упражненія, и 3) чтобы милиція была доведена до обусловливаемой ея назначеніемъ военной годности. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что военный министръ призналъ необходимымъ подвергнуть специальному изслѣдованію вопросъ о цѣлесообразности сокращенія сроковъ службы подъ знаменами и въ резервѣ, и объ увеличеніи денежнаго довольствія войскъ.

О прошлогодней численности англійскихъ сухопутныхъ силъ и о распредѣленіи постоянной арміи имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Численность сухопутныхъ силъ:

Постоянная армія	208,300 чел.
Резервъ постоянной арміи	55,200 »
Милиція	128,000 »
Юменри	12,000 »
Волонтеры	229,000 »
Всего	632,500 чел.

Распредѣленіе постоянной арміи:

Въ Англіи	80,000 чел.
» Шотландіи	5,000 »
» Ирландіи	25,000 »
» Колоніяхъ	28,000 »
» Индіи	70,000 »
Итого	208,000 чел.

Внося въ прошломъ году бюджетъ на разсмотрѣніе парламента, военный министръ сообщилъ, что разрѣшеніе трехъ главныхъ задачъ, поставленныхъ высшимъ военнымъ управленіемъ три года тому назадъ, близится къ окончанію. Улучшеніе гаваней и угольныхъ станцій королевства стало совершившимся фактомъ къ концу отчетнаго года. Снабженіе крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ орудіями большаго калибра быстро подвигается. Наконецъ, постройка новыхъ и улучшеніе существующихъ казармъ идетъ согласно составленному плану. По заявленію лорда Стенгопа, высшее военное управленіе не перестаетъ обращать серьезное вниманіе на упорядоченіе мобилизаціи вооруженныхъ силъ королевства, причемъ имѣетъ въ виду не столько увеличеніе численности войскъ, предназначенныхъ для военныхъ дѣйствій за предѣлами Англіи, сколько упроченіе обороны страны противъ непріятельскаго вторженія.

Съ 1-го августа прошлаго года англійской крѣпостной артилеріи дано новое устройство. Основною организаціонною единицею принята вмѣсто батареи—рота; на сформированіе каждой роты поступило по двѣ прежнихъ батареи и численный составъ ротъ опредѣленъ въ 200 человекъ. Слѣдующею высшею организаціонною единицею оставленъ дивизионъ; всѣхъ дивизионовъ три: восточный, южный и западный, слѣдовательно, они носятъ названіе тѣхъ военныхъ округовъ, въ которыхъ расположены. Каждая рота дѣлится на двѣ полуроты и устройство полуротъ соображено съ такимъ расчетомъ, чтобы они могли быть самостоятельны и можно было командировать ихъ на образованіе гарнизоновъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Число ротъ въ дивизионѣ и расквартированіе ихъ обуславливаются состояніемъ вооруженія различныхъ крѣпостей. Роты, приписанныя къ заграничнымъ станціямъ, посылаютъ нужныя этимъ станціямъ артилерійскія команды. Береговая бригада расформирована и личный составъ ея распределенъ между частями дивизионовъ. Наконецъ, въ каждомъ округѣ образованъ крѣпостной артилерійскій штабъ. Послѣдствіемъ новой организаціи крѣпостной артилеріи является полное ея отдѣленіе отъ полевой.

Въ прошломъ году было приступлено къ реорганизаціи туземныхъ войскъ Индіи. Въ каждой изъ трехъ группъ, на которыя подраздѣляются туземныя войска англо-индійскихъ сухопутныхъ силъ, т. е. въ арміяхъ бенгальской, мадрасской и бомбейской, предприняты обширныя переформированія пѣхотныхъ полковъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы ослабить въ составѣ арміи малоспособный къ военной службѣ, не обладающій желаемыми боевыми качествами, индусскій элементъ и, напротивъ, привлечь въ возможно большемъ количествѣ подъ знамена людей воинственныхъ племенъ, исповѣдующихъ, по большей части, магометанскую религію и заселяющихъ области сѣверо-западной границы Индустана. Производившееся переформированіе должно поднять общую боевую годность англо-индійской арміи и, въ частности, усилить военное положеніе на сѣверо-западной границѣ.

Прошлогодняя учебная дѣятельность англійскихъ войскъ не представляла, по обыкновенію, ничего выдающагося. Ольдершотскій лагерь сохранилъ значеніе главнаго учебнаго центра, гдѣ готовятся войска, предназначенныя для смѣны гарнизоновъ Индіи и различныхъ колоній.

Прошлогоднія крѣпостныя работы производились преимущественно на англійскомъ побережьи. Окончены укрѣпленія у Порт-

смута, перестроены и усилены батареи и казематы у Плимута, Порт-ланда и Дувра, а равно форты Латонъ и Борсталь и береговья батареи у Девенпорта. Наконецъ, мѣстная военная печать сообщила о постройкѣ нѣсколькихъ новыхъ фортификаціонныхъ сооружений въ устьяхъ Темзы и Медузѣ. У Borton's Point устроенъ фортъ, который получить на вооруженіе четыре 29-ти-тонныхъ орудія, заряжающихся съ казны. У форта Grain, на островѣ того же названія, воздвигнута батарея, вооруженная четырьмя пушками по 25 тоннъ. Батарея эта обстрѣливаетъ проходы, ведущіе съ моря въ портъ Ширнесъ и въ Темзу.

Согласно утвержденной парламентомъ смѣтѣ военныхъ расходовъ, военному министру открыты слѣдующіе кредиты на 1891—1892 финансовый годъ: 109.264,375 метал. руб. на обыкновенные военные расходы; 2.500,000 метал. руб. на крѣпостныя сооружения; 937,500 метал. руб. на вооруженіе укрѣпленій; два послѣднихъ кредита вызваны исполненіемъ мѣропріятій, предусмотрѣнныхъ биллемъ о національной оборонѣ 1888 г., и такъ какъ они погашаются посредствомъ займа, то къ нимъ слѣдуетъ добавить процентъ, уплачиваемый на всю сумму займа, въ количествѣ 393,700 метал. руб.; наконецъ, на постройку казармъ, согласно закону прошлаго года, назначено 3.125,000 метал. руб. Общій расходъ на сухопутныя силы составляетъ, такимъ образомъ, 116.220,575 метал. руб. Въ этотъ итогъ не вошли расходы на содержаніе англійскихъ войскъ въ Индіи, уплачиваемые изъ средствъ индійскаго государственнаго казначейства.

В. Недзвѣцкій.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢСТИ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

№ 1-й (Январь).

I.

	СТРАН.
I. Очеркъ дѣйствій западнаго отряда генераль-адъютанта Гурко. (Часть II). Декабрь 1877 года. Переходъ черезъ Балканы. (<i>Статья пятая</i>). <i>Генеральнаго штаба подполковникъ Епанчинъ</i>	5
II. Нравственный элементъ въ рукахъ Суворова. (<i>Статья первая</i>). <i>Сергѣй Гершельманъ</i>	45
III. Самостоятельность частныхъ начальниковъ на войнѣ. (<i>Статья пятая</i>). <i>Генераль-лейтенантъ К. Войде</i>	82
IV. Артиллерія и его вооруженіе. <i>К. Л.</i>	101
V. Нѣсколько словъ о примѣненіи велосипедовъ въ крѣпостныхъ частяхъ. <i>Баронъ В. Келлескраусъ</i>	106
VI. Замѣтка о желаемыхъ измѣненіяхъ въ положеніи о ротномъ хозяйствѣ.	112
VII. Еще къ вопросу объ обученіи охотничьихъ командахъ въ пѣхотѣ.	124
VIII. Московская Пушкиарская школа. <i>Димитрій Струковъ</i>	141
IX. По вопросу о стрѣльбѣ съ коня:	
1) Боевая стрѣльба съ коня. <i>И. Сафоновъ</i>	165
2) Къ вопросу о стрѣльбѣ съ коня. <i>А.</i>	172
3) Изъ бесѣды о конницѣ.—Боевая стрѣльба съ коня. <i>Н. Сухотинъ</i>	176
4) О массовой стрѣльбѣ съ коня. <i>П. Г. Д.</i>	180
5) Въ заключеніе о стрѣльбѣ съ коня. <i>В. Сухомлиновъ</i>	190

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ историческихъ статей въ русскихъ журналахъ. (Очерки изъ Отечественной войны 1812 года.—Персидская кампанія 1827 года по запискамъ Н. Н. Муравьева). (<i>Статья первая</i>). <i>Н. Д. Фельдмаршалъ Мольтке</i> , какъ организаторъ и стратегъ. (<i>Le Maréchal de Moltke, organisateur et stratège. Par. M. le général Leval</i>). <i>Е. У.</i>	1
II. РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Обь управленіи электротехнической частью инженернаго корпуса	54
О правахъ медицинскихъ начальствующихъ лицъ	63
Избранныя рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 годъ, №№ 106-й и 108-й.	72
III. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Обзоръ дѣятельности главныхъ западно-европейскихъ армій въ 1891 году. Общее значеніе отчетнаго года для армій Германіи, Австро-Венгрии, Франціи, Италіи и Англій. (<i>Статья первая</i>). <i>В. Недзвѣцкій</i>	77

ПРИЛОЖЕНІЕ:

«Систематическій указатель «Русскаго Инвалида» за 1869—1890 гг.». (Отдѣльная книжка).

№ 2-й (Февраль).

I.

	Стран.
I. Очеркъ дѣйствій западнаго отряда генераль-адъютанта Гурко. (Часть II). Декабрь 1877 года. Переходъ черезъ Бялканы. (Статья шестая). <i>Генеральнаго штаба подполковникъ Епанчинъ</i>	193
II. Нравственный элементъ въ рукахъ Суворова. (Статья вторая).	244
III. Самостоятельность частныхъ начальниковъ на войнѣ. (Окончаніе). <i>Генераль-лейтенантъ К. Войде</i>	263
IV. Равненіе кавалеріи. <i>А. Ц.</i>	280
V. О веденіи зарядныхъ ящиковъ группы батарей. (Съ чертежами). <i>Полковникъ Петроковъ</i>	295
VI. Офицерскій обмундировальный капиталъ. <i>Н. Г.</i>	316
VII. Изъ бесѣдъ о конницѣ. <i>Н. Сухотинъ</i>	314
VIII. По вопросу о стрѣльбѣ съ коня. Историческій разборъ вопроса. <i>М. Марковъ</i>	358
IX. Очерки Хивинскаго оазиса. (Статья первая). <i>Генеральнаго штаба капитанъ Стеткевичъ</i>	380

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ историческихъ статей въ русскихъ журналахъ. Зимній походъ въ Хиву въ 1839 году.—Салтинскій походъ въ 1847 году на Кавказъ.—Защита Севастополя по запискамъ князя В. И. Васильчикова. (Статья вторая). <i>Н. Д.</i>	109
II. РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1892 годъ.	143
Описаніе формы одежды чиновъ военно-медицинской академіи	172
Избранныя рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 годъ, №№ 110-й, 111-й, 112-й и 118-й.	177
III. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Обзоръ дѣятельности главныхъ западно-европейскихъ армій въ 1891 году. Общее значеніе отчетнаго года для армій: Германія, Австро-Венгрія, Франція, Италия и Англія. (Окончаніе). <i>В. Недзвѣцкій</i>	187

ВОЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

132980/2

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

1892

ФЕВРАЛЬ

№ 2

31
31
31
31
31

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

I.

Стран.

I. Очеркъ дѣйствій западнаго отряда генераль-адъютанта Гурко. (Часть II). Декабрь 1877 года. Переходъ черезъ Балканы. (Статья шестая). Генеральнаго штаба подполковникъ ЕПАНЧИНЪ.	193
II. Нравственный элементъ въ рукахъ Суворова. (Статья вторая). СЕРГѢЙ ГЕРШЕЛЬМАНЪ.	244
III. Самостоятельность частныхъ начальниковъ на войнѣ. (Окончаніе). Генераль-лейтенантъ К. ВОЙДЕ.	263
IV. Равненіе кавалеріи. А. Ц.	280
V. О веденіи зарядныхъ ящиковъ группы батарей. (Съ чертежами). Полковникъ ПЕТРОВЪ.	295
VI. Офицерскій обмундировальный капиталъ. Н. Г.	316
VII. Изъ бесѣды о конницѣ Н. СУХОТИНЪ.	324
VIII. По вопросу о стрѣльбѣ съ коня. Историческій разборъ вопроса. М. МАРКОВЪ.	358
IX. Очерки Хивинскаго оазиса. (Статья первая). Генеральнаго штаба капитанъ СТЕПНЕВИЧЪ.	380

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Обзоръ историческихъ статей въ русскихъ журналахъ. Зимній походъ въ Хиву въ 1839 году.—Саптинскій походъ въ 1847 году на Кавказъ.—Защита Севастополя по запискамъ князя В. И. Васильчикова. (Статья вторая). Н. Д.	109
II. РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1892 годъ.	143
Описаніе формы одежды чиновъ военно-медицинской академіи.	172
Избранныя рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 годъ, №№ 110-й, 111-й, 112-й и 118-й.	177
III. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Обзоръ дѣятельности главныхъ западно-европейскихъ армій въ 1891 году. Общее значеніе отчетнаго года для армій: Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Итали и Англіи. (Окончаніе). В. НЕДЗВѢЦКІЙ.	187

ВЪ КОНТОРЪ РЕДАКЦІИ <ВОЕННАГО СБОРНИКА>

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ЖУРНАЛЪ «ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ»,

ОСТАВШІЙСЯ ВЪ КРАЙНЕ ОГРАНИЧЕННОМЪ ЧИСЛѢ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ ТОЛЬКО ЗА СЛѢДУЮЩІЕ ГОДЫ:

1862, 1864, 1865, 1866. 1867. 1868. 1869, 1880, 1882, 1883, 1884,
1885, 1886 и 1887 гг.

ЦѢна годоваго изданія шесть руб.

За 1888, 1889, и 1890 года цѣна годоваго изданія **семь рублей.**

За пересылку слѣдуетъ высылать по почтовому положенію,
за 12 фунтовъ.

Географическіе и статистическіе очерки ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО съ раскрашеною картою, Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Черты изъ жизни и царствованіе Императора Николая I. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Русская армія въ вѣкъ Императрицы Екатерины II. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к.

Требованія книгъ, не означенныхъ выше, не могутъ быть удовлетворяемы, равно какъ и другія порученія, не относящіяся прямо до редакціи.

При большемъ числѣ статей, присылаемыхъ въ редакцію „**Военнаго Сборника**“, возвращеніе авторамъ статей, не предназначенныхъ къ напечатанію, съ объявленіемъ причинъ, почему онѣ не могли быть помѣщены въ этомъ журналѣ, весьма неудобно по многимъ причинамъ. Вслѣдствіе этого, редакція „**Сборника**“ проситъ авторовъ обратить вниманіе на слѣдующія слова объявленія объ изданіи журнала на 1892 годъ.

«Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ редакцію «Сборника». Въ случаѣ одобренія, статьи будутъ напечатаны въ «Сборникѣ» при первой возможности. Въ случаѣ же неодобренія—возвращаются автору, по его личному востребованію или довѣренному отъ него лицу, безъ всякихъ объясненій.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на „Военный Сборник“ и „Русскій Инвалидъ“ на 1892 годъ принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи означенныхъ изданій: на Надеждинской, домъ Трута, № 48.

Военно-служащіе и войсковыя части, подписывающіеся на „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, т. е. на оба изданія вмѣстѣ, платятъ съ доставкою и пересылкою тринадцать рублей.

Отдѣльная подписка на журналъ и газету для всѣхъ безъ различія назначается:

За годовой экземпляръ журнала „Военный Сборникъ“ девять рублей, съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ. Заграничная подписка двѣнадцать рублей. На мѣсячные сроки подписка на журналъ «Военный Сборникъ» не принимается.

За годовой экземпляръ газеты „Русскій Инвалидъ“ девять рублей, съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ.

Подписная цѣна на газету „Русскій Инвалидъ“ на сроки:

ВЪ РОССИИ:			ЗА ГРАНИЦЕЙ:		
На годъ . . .	9 р.	— к.	На годъ . . .	15 р.	— к.
» 11 мѣсяцевъ	8	50	» 11 мѣсяцевъ	14	—
» 10	8	—	» 10	13	—
» 9	7	50	» 9	12	—
» 8	7	—	» 8	11	—
» 7	6	50	» 7	10	—
» 6	6	—	» 6	9	—
» 5	5	—	» 5	8	—
» 4	4	—	» 4	7	—
» 3	3	50	» 3	6	—
» 2	3	—	» 2	4	—
» 1	1	50	» 1	3	—

Съ доставкою въ Петербургъ и съ пересылкою погороднымъ.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОРЪ ЖУРНАЛА „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“ И ВОЕННОЙ ГАЗЕТЫ „РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“

Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ ЛАВРЕНТЬЕВЪ.

Помощникъ Главнаго Редактора, Генераль-Маіоръ ЛАЧИНОВЪ.

ВЪ КОНТОРЪ РЕДАКЦІИ <ВОЕННАГО СБОРНИКА>

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ЖУРНАЛЬ «ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ»,

ОСТАВШИЙСЯ ВЪ КРАЙНЕ ОГРАНИЧЕННОМЪ ЧИСЛѢ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ ТОЛЬКО ЗА
СЛѢДУЮЩІЕ ГОДЫ:

1862, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1880, 1882, 1883, 1884,
1885, 1886 и 1887 гг.

Цѣна годоваго изданія шесть руб.

За 1888, 1889, и 1890 года цѣна годоваго изданія **семь рублей.**

За пересылку слѣдуетъ высылать по почтовому положенію,
за 12 фунтовъ.

Географическіе и статистическіе очерки ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО съ раскрашеною картою. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Черты изъ жизни и царствованіе Императора Николая I. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Русская армія въ вѣкъ Императрицы Екатерины II. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к.

Требованія книгъ, не означенныхъ выше, не могутъ быть удовлетворяемы, равно какъ и другія порученія, не относящіяся прямо до редакціи.

При большемъ числѣ статей, присылаемыхъ въ редакцію „**Военнаго Сборника**“, возвращеніе авторамъ статей, не предназначенныхъ къ напечатанію, съ объявленіемъ причинъ, почему онѣ не могли быть помѣщены въ этомъ журналѣ, весьма неудобно по многимъ причинамъ. Вслѣдствіе этого, редакція „**Сборника**“ проситъ авторовъ обратить вниманіе на слѣдующія слова объявленія объ изданіи журнала на 1892 годъ.

«Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ редакцію «Сборника». Въ случаѣ одобренія, статьи будутъ напечатаны въ «Сборникѣ» при первой возможности. Въ случаѣ же неодобренія—возвращаются автору, по его личному востребованію или довѣренному отъ него лицу, безъ всякихъ объясненій.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на „Военный Сборник“ и „Русскій Инвалидъ“ на 1892 годъ принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи означенныхъ изданій: на Надеждинской, домъ Трута, № 48.

Военно-служащіе и войсковыя части, подписывающіеся на „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, т. е. на оба изданія вмѣстѣ, платятъ съ доставкой и пересылкою тринадцать рублей.

Отдѣльная подписка на журналъ и газету для всѣхъ безъ различія назначается:

За годовой экземпляръ журнала „Военный Сборникъ“ девять рублей, съ пересылкою и доставкой въ Петербургъ на домъ. Заграничная подписка двѣнадцать рублей. На мѣсячные сроки подписка на журналъ «Военный Сборникъ» не принимается.

За годовой экземпляръ газеты „Русскій Инвалидъ“ девять рублей, съ пересылкою и доставкой въ Петербургъ на домъ.

Подписная цѣна на газету „Русскій Инвалидъ“ на сроки:

ВЪ РОССІИ:			ЗА ГРАНИЦЕЙ:		
На годъ . . .	9 р.	— к.	На годъ . . .	15 р.	— к.
» 11 мѣсяцевъ	8	50	» 11 мѣсяцевъ	14	—
» 10	8	—	» 10	13	—
» 9	7	50	» 9	12	—
» 8	7	—	» 8	11	—
» 7	6	50	» 7	10	—
» 6	6	—	» 6	9	—
» 5	5	—	» 5	8	—
» 4	4	—	» 4	7	—
» 3	3	50	» 3	6	—
» 2	3	—	» 2	4	—
» 1	1	50	» 1	3	—

Съ доставкой въ Петербургъ и съ пересылкою въ иногородныя.

Главный редакторъ журнала „Военный Сборникъ“ и военной газеты „Русскій Инвалидъ“

Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ ЛАВРЕНТЬЕВЪ.

Помощникъ Главнаго Редактора, Генераль-Маіоръ ЛАЧИНОВЪ.

